СБОРНИКЪ

МАТЕРІАЛОВЪ и СТАТЕЙ

ПО ИСТОРІИ

ПРИБАЛТІЙСКАГО КРАЯ.

Томъ III.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

Матеріалы и статьи по древней исторіи Прибалтійскаго края.

	страницы.
Отъ издателя	I—VIII
I. Реформація въ Ливоніи, ст. Брахмана	15—121
II. Ливонская хроника, Бальтазара Рюссова . . .	125—352
III. Ливонская лѣтопись, Франца Ніенштедта . .	355—400
IV. Документы къ исторіи присоединенія Ливоніи къ Польшѣ	401—432

II.

Матеріалы и статьи по исторіи Прибалтійскаго края въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

I. Рескрипты и указы Петра Великаго къ лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ за 1717—1724 г.	435—464
II. Къ исторіи православія въ Ливоніи: дерптское событіе 8 января 1472 г.; записки священника Полякова	465—564
III. Воспоминанія барона В. И. Левенштерна . . .	565—638

Рига.

Типографія А. І. Липинскаго, Зюндерская ул., д. Попова.

1880.

СОДЕРЖАНІЕ

первыхъ двухъ томовъ „Сборника матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края.“

Томъ I-й. Прибалтійскій край и его населеніе до прибытія нѣмцевъ. — Содержаніе эстонской народной поэмы „Сынъ Калева“ — О латышскихъ народныхъ пѣсняхъ. — Хроника Генриха Латышскаго. — Письма императора Петра I къ князю Репнину за 1710. — Рескрипты и указы Петра I къ лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ. — Рижскій бургомистръ Брокгаузенъ. — Рескрипты и указы Екатерины II о рижскомъ и ревельскомъ намѣстничествѣ. — Записки Нейендаля. — Записки Бульмеринга. — Полузабытыя имена.

ЦѢНА **2** р., съ пересылкою **2** р. **50** к.

Томъ II. Добленъ. — Орденъ меченосцевъ. — Ливонская контора въ Полоцкѣ. — Ливонская хроника Вартберга. — Ливонская хроника Рюссова. — Дневникъ Гельмса. — Осада Ревеля въ 1710. — Выселеніе жителей Дерпта въ 1708 г. — Отзывъ рижскаго коменданта въ рижскій магистратъ въ 1710 г. — Донесенія рижскихъ депутатовъ по случаю Ништатскаго мира. — Депутація Риги при погребеніи Петра Великаго. — Къ исторіи крестьянскаго сословія. — Путешествіе по Ливоніи императрицы Екатерины II. — Свиданіе преосвящ. Иннокентія съ оберъ-пасторомъ Эссеномъ.

ЦѢНА **3** р., съ пересылкою **3** р. **50** к.

ТОМЪ III-й. ЦѢНА **3** р., съ пересылкою **3** р. **50** к.

ПРИБАЛТІЙСКІЙ СБОРНИКЪ.

СБОРНИКЪ

МАТЕРІАЛОВЪ И СТАТЕЙ

ПО ИСТОРІИ

ПРИБАЛТІЙСКАГО КРАЯ.

Томъ III.

РИГА, 1880.

Печатано въ типографіи А. І. Липинскаго на Зюндерской улицѣ,
въ домѣ Попова, № 1.

Дозволено цензурою. Рига, 29-го января 1880 г.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Представляя благосклонному вниманію лицъ, интересующихся исторіею Ливоніи, третій томъ «Прибалтійскаго Сборника», составленный по плану, принятому для первыхъ двухъ томовъ, издатель книги не можетъ уже сказать, чтобы періодическая печать наша въ прошломъ году обошла совершеннымъ умолчаніемъ предпріятіе, задуманное на началахъ на столько широкихъ, на сколько то возможно при нынѣшнемъ положеніи провинціальной печати.

«Голосъ», «Современныя Извѣстія», «Русская Старина» въ своихъ отзывахъ о второмъ томѣ вообще одобрили планъ изданія, но наиболѣе обширный отзывъ о книгѣ появился въ 1314 № «Новаго Времени» за 1879 г Отзывъ этотъ, озаглавленный «Прибалтійская Старина» и написанный г-мъ П-вымъ, такъ указываетъ значеніе книги для настоящаго времени

«При внимательномъ наблюденіи текущихъ явленій русской жизни нельзя не замѣтить, что вопросы о положеніи прибалтійской окраины и ея настоящихъ и будущихъ отношеніяхъ къ государству силою вещей получаютъ первенствующее значеніе. То вниманіе, которымъ эти вопросы начинаютъ пользоваться со стороны русскаго общества, нельзя конечно не привѣтствовать, хотя, съ другой стороны нельзя и

не пожалѣть о томъ, что въ прошломъ сдѣлано нами въ этомъ отношеніи не мало упущеній, послѣдствія которыхъ, еще Богъ-вѣсть, удастся ли намъ загладить. Относительно ближайшаго времени, — послѣднихъ трехъ-четырехъ лѣтъ, — то равнодушіе, съ которымъ относились мы къ этому важному дѣлу, еще можетъ имѣть оправданіе въ томъ всепоглащающемъ интересѣ, который сосредоточивался для насъ на юго-востокѣ Европы, хотя къ этому же времени относятся и явленія, въ высшей степени важныя въ жизни прибалтійской окраины, — мы говоримъ о началѣ реформъ въ этомъ краѣ, положенномъ введеніемъ въ городахъ края русскаго городоваго положенія и обсужденіе, въ законодательномъ порядкѣ, проектовъ реформъ земской и судебной.

Теперь, когда со стороны приверженцевъ прибалтійской старины раздаются голоса о «заповѣдныхъ правахъ» и «автономныхъ своеобразностяхъ», когда настойчиво проводится мысль о какихъ то особенныхъ условіяхъ существованія прибалтійскаго края, теперь именно, намъ кажется, настаетъ время тщательно пересмотрѣть основанія вѣковыхъ отношеній этого края къ государству и разобраться въ претензіяхъ осуществимыхъ и неосуществимыхъ. Что этотъ пересмотръ и этотъ разборъ должны произойти и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше — кажется не можетъ быть сомнѣнія, какъ не можетъ быть сомнѣнія и въ ихъ результатахъ. Очень многое изъ того, что выставляется теперь какъ несомнѣнный фактъ, какъ основное право, окажется, можетъ быть, призрачнымъ, многое изъ того, чѣмъ въ наши дни защищаются особенности края и его отношеній къ Россіи — произвольнымъ, невѣрнымъ, неоправдываемымъ предшествующею исторіею края. Только серьезная историческая провѣрка прибалтійскихъ претензій, безъ которой немыслимо правильное рѣшеніе вопросовъ будущаго, можетъ безобидно для обѣихъ сторонъ разрѣшить возникающія недоразумѣнія. Что этихъ недоразумѣній накопилось уже достаточно, доказываютъ ближайшіе къ намъ факты. Чѣмъ инымъ, какъ не такими историческими недоразумѣніями объяснить, напримѣръ, хотя настоящее положеніе дѣла преподаванія русскаго языка въ школахъ прибалтійскаго края, или гоненіе противъ него въ городскихъ думахъ и т. д., съ которымъ намъ, какъ извѣстно, приходится встрѣчаться.

Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что эта историческая, самая надежная въ этомъ случаѣ почва уже давно опущена нами и многое

изъ того, что выдается теперь за наслѣдіе старины, есть относительное новшество. Но тѣмъ больше причинъ озаботиться, на сколько возможно, поправить дѣло.

Выше мы назвали книгу, могущую сослужить добрую службу для русскаго дѣла въ прибалтійской окраинѣ. Первый томъ «Прибалтійскаго Сборника» вышелъ еще въ 1877 году и, какъ справедливо сѣтуетъ его составитель въ предисловіи къ недавно вышедшему второму тому, не обратилъ въ свое время вниманія столичной печати. Это обстоятельство объясняется, конечно, отчасти тѣмъ, что въ то время вниманіе прессы было отвлечено другими вопросами, а отчасти и тѣмъ, что выходъ перваго тома еще мало давалъ матеріала для оцѣнки достоинствъ этого счастливо задуманнаго предпріятія. Тѣмъ больше причинъ теперь, когда съ выходомъ втораго тома, представляющаго вмѣстѣ съ первымъ богатое собраніе важныхъ историческихъ памятниковъ и цѣнныхъ историческихъ документовъ, ясно опредѣлилось достоинство и цѣли этого труда, обратить на него вниманіе общества. Намъ приходилось уже и придется еще не разъ, касаясь вопросовъ о дѣлахъ прибалтійскихъ, пользоваться этими памятниками и документами. Необходимо замѣтить при этомъ, что содержаніе «Сборника» таково, что удобно можетъ доставить поучительное и пріятное чтеніе для обыкновеннаго, интересующагося историческими вопросами читателя, а не для однихъ только ученыхъ изслѣдователей старины.

«Прибалтійскій край, говоритъ составитель «Сборника» въ предисловіи къ первому тому, въ исторіи сѣверныхъ державъ игралъ роль далеко не маловажную. тутъ, на этомъ клочкѣ земли, міръ германскій — нѣмцы, датчане, шведы — столкнулся съ міромъ славянскимъ — поляками и русскими; тутъ, на этомъ клочкѣ разыгралась драма, прологомъ къ которой послужило появленіе нѣмецкаго монаха и рыцаря и эпилогъ котораго былъ заключенъ русскимъ императоромъ Петромъ I. Но знаемъ ли мы всѣ подробности этой драмы, обусловившей нынѣшнее положеніе края? Знаемъ, конечно; но знаемъ очень отрывочно и поверхностно. Способствовать устраненію такого полузнанія и имѣетъ назначеніемъ этотъ «Сборникъ» Цѣль его — быть полезнымъ всякому, кто желаетъ поближе ознакомиться съ прошлымъ прибалтійскаго края, съ прошлымъ, преисполненнымъ тревогъ, смутъ, кровавыхъ войнъ, переворотовъ, кончившихся лишь съ того времени, когда край сталъ

быть тѣмъ, чѣмъ судили ему быть его географическія условія, т. е. нераздѣльною частью Россійской имперіи». Нечего и говорить, что изданіе, преслѣдующее такія цѣли, съ какой бы точки зрѣнія его ни разсматривать, заслуживаетъ вниманія и благодарности къ его составителю, особенно если принять во вниманіе, что предпринятое единолично, по частной иниціативѣ, потребуетъ вѣроятно и матеріальныхъ жертвъ. Каждый изъ вышедшихъ томовъ распадается на два отдѣла, изъ коихъ первый заключаетъ статьи и документы по древней исторіи края, обнимающей собою три періода временъ Ливоніи самостоятельной, временъ польскихъ и временъ шведскихъ, а второй — статьи и матеріалы по исторіи края въ XVШ и XIX вѣкахъ. Первый отдѣлъ перваго тома начинается статьею «Прибалтійскій край и его населеніе до прибытія нѣмцевъ», взятою изъ хорошо извѣстнаго нѣмецкаго сочиненія Рихтера, затѣмъ вмѣсто отдѣльныхъ образчиковъ народной поэзіи эстовъ и латышей, приведенныхъ въ исторіи прибалтійскаго края Рихтера, составитель «Сборника» помѣстилъ изложеніе эстонской поэмы «Калевала», составленное Линденбергомъ и извлеченіе изъ русской книги г Спрогиса «Памятники латышскаго народнаго творчества» Далѣе слѣдуетъ наиболѣе обширный и капитальный вкладъ издателя въ русскую историческую литературу — переводъ ливонской хроники Гейнриха Латыша. Хроника эта, какъ извѣстно, составляетъ превосходный источникъ не только для одной Ливоніи, но и вообще для всей сѣверо-восточной исторіи, особенно для исторіи Полоцка, Новгорода и Пскова. Дополненіемъ хроники Гейнриха Латыша и ея продолженіемъ служатъ «Ливонская лѣтопись» Рюссова и «Ливонская лѣтопись» Германа Вартберга, вошедшія въ составъ новой половины второго тома. Здѣсь же, т. е. во второмъ томѣ, помѣщены интересныя монографіи «Добленъ — очеркъ древняго быта семигаловъ» пастора Билленштейна, «Орденъ меченосцевъ» Бунге и «Нѣмецкая контора въ Полоцкѣ» Гильдебрандта. Лѣтопись Вартберга важна какъ источникъ для исторіи войнъ ордена съ литовцами и русскими, а лѣтопись Рюссова — для исторіи событій, повлекшихъ за собою прекращеніе существованія ливонскаго ордена, переходъ Эстляндіи подъ власть шведовъ, затѣмъ Лифляндіи подъ власть поляковъ и образованіе самостоятельнаго Курляндскаго герцогства подъ ленною зависимостью Польши. Та и другая лѣтопись снабжены переводчикомъ весьма обстоятельными примѣчаніями и дополненіями на основаніи русскихъ источниковъ. Что касается матеріаловъ по новѣйшей исторіи прибал-

тійскаго края — XVШ и XIX вѣковъ, то и въ этомъ отношеніи какъ первый, такъ особенно второй томъ представляютъ массу интересныхъ вещей. Сюда должно отнести, конечно, письма и указы Петра Великаго, рескрипты и указы Екатерины II къ генералъ-губернатору Броуну, мемуары и записки Нейендаля, Бульмеринга (исторія городской реформы въ Ригѣ при императрицѣ Екатеринѣ II), біографіи нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей (Броунъ, Сиверсъ и Арсеньевъ и т. д.) въ первомъ томѣ. Изъ статей второго тома къ этой же категоріи относятся «Дневникъ Гельмса объ осадѣ Риги въ 1709 и 1710 гг.», «Осада и сдача Ревеля въ 1710 г.», статья Грефенгагена, «Выселеніе жителей изъ Дерпта въ 1708 г.» по запискамъ пастора Гротіана и т. д. Въ этомъ же томѣ открытъ особый отдѣлъ матеріаловъ по исторіи крестьянскаго сословія въ прибалтійскомъ краѣ, началомъ котораго служитъ статья объ Арсеньевѣ и Сиверсѣ въ первомъ томѣ. Одно уже это бѣглое перечисленіе статей, составляющихъ содержаніе «Прибалтійскаго Сборника», можетъ достаточно подкрѣпить высказанное выше мнѣніе о несомнѣнной заслугѣ издателя, предпринявшаго этотъ полезный трудъ. Безпристрастность выбора матеріаловъ, ограничиваемая въ то же время извѣстною осторожностію, отсутствіе всякихъ предвзятыхъ теорій въ истолкованіи событій придаютъ «Сборнику» еще большую цѣнность.

Само собою разумѣется, что вышедшими уже томами далеко не исчерпывается ни древняя, ни, въ особенности, новая исторія прибалтійскаго края и отъ имѣющаго выйдти третьяго тома «Сборника» слѣдуетъ ожидать еще многаго. Но и вышедшихъ уже документовъ и памятниковъ достаточно для того, чтобы на основаніи вѣковыхъ отношеній края къ Россіи, во всѣхъ фазахъ ея историческаго существованія, — отношеній къ Полоцку, Пскову, Новгороду, западнорусскимъ княжествамъ, Московскому государству и, наконецъ, къ Россійской имперіи поставить на надлежащую почву вопросъ о такъ называемыхъ теперь «автономныхъ своеобразностяхъ», «заповѣдныхъ правахъ» и т. п.

Прошлая исторія края даетъ прецеденты рѣшенія многихъ вопросовъ, возникающихъ въ послѣднее время и во многихъ случаяхъ для настоящаго времени полезно было бы поучиться изъ прошлаго. Вспомнимъ, напримѣръ, введеніе въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ учрежденія о губерніяхъ 1775 г и примѣненіе общерусскаго городоваго положенія при Екатеринѣ II. Не будь отмѣнены (указомъ 28 ноября

1796 г при императорѣ Павлѣ) эти капитальныя мѣры къ слитію Остзейскаго края съ остальной Россіей, мы, конечно, имѣли бы здѣсь дѣло далеко не съ тѣмъ, съ чѣмъ по необходимости намъ приходится считаться теперь. Напримѣръ, въ одномъ изъ рескриптовъ Екатерины II на имя рижскаго и ревельскаго генералъ-губернатора Броуна, по поводу ревизіи этихъ губерній графомъ Воронцовымъ и княземъ Долгоруковымъ, на первый планъ именно поставляется наблюденіе «чтобъ въ училищахъ тамошнихъ преподаваемъ былъ россійскій языкъ, яко необходимо нужный и безъ котораго знаніе и употребленіе въ должности весьма неудобно». Однако, въ послѣдующія времена и наблюдатели и наблюдаемые нашли возможнымъ это неудобство благополучно обойдти и знаніе этого «необходимо нужнаго» языка при «употребленіи въ должности» не считалось уже обязательнымъ.

Просматривая теперь эти историческіе памятники и документы, освѣщающіе прошлыя судьбы прибалтійскаго побережья, нельзя не замѣтить той постоянной исторической тенденціи, которая доходитъ до нашихъ дней, — тенденціи защиты верховнымъ правительствомъ края туземнаго населенія отъ эксплоататорскихъ наклонностей прочно усѣвшихся здѣсь нѣмецкихъ колонистовъ. Эти древнія русскія области, на которыя распространялось вліяніе уже первыхъ русскихъ князей (Ярославомъ I, по свидѣтельству Нестора, построенъ Юрьевъ (Дерптъ) и до XIII вѣка въ значительной своей части входящія въ составъ Полоцкаго княжества, лишь временно выходили изъ состава русской земли и ливонскія войны царя Іоанна Грознаго, отыскивавшаго въ Ливоніи своихъ неисправныхъ данниковъ, служатъ лучшимъ доказательствомъ постоянной живучести историческихъ преданій, ставшихъ снова дѣйствительностью при Петрѣ. Всегда небольшая, сравнительно, горсть нѣмецкаго населенія изстари смотрѣла на себя какъ на временныхъ колонистовъ и между имъ и туземцами-аборигенами никогда не установлялось другой связи, кромѣ отношеній побѣдителей и побѣжденныхъ. «Нѣмцы и не нѣмцы», «нѣмецкое и не нѣмецкое» — вотъ дѣленіе, которое изстари единственно знала прибалтійская окраина. Первому — всѣ привиллегіи и богатое кормленіе отъ доходовъ и даней, а второму — безправіе и постоянный трудъ на пользу господствующаго класса. Понятно, что лишь только въ странѣ получало силу другое правительство, чуждое эгоистическимъ стремленіямъ колонистовъ, оно всегда становилось на сторону послѣдняго, т. е. туземнаго населенія,

съ своей стороны инстинктивно всегда держащагося вдали отъ возникающей время отъ времени борьбы нѣмецкихъ колонистовъ за сохраненіе своихъ правъ на хозяйничанье въ краѣ.

Во времена шведскаго владычества, подчиненія польскому государству и, наконецъ, соединенія съ Россійской имперіей — одинаково ветрѣчаемся съ рядомъ мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію значенія туземнаго населенія, ограниченію произвола господствующаго класса и каждый разъ видимъ, что симпатіи перваго неизмѣнно сохраняются на сторонѣ правительства и если встрѣчались препятствія его предначертаніямъ, активныя или пассивныя, то они всегда исходили отъ послѣдняго. Правда, сообразно съ духомъ времени, усилія шведскаго, польскаго и даже русскаго правительствъ въ прежнія времена не заходили далѣе обезпеченія туземнымъ массамъ «сноснаго» существованія, правда и то, что понятіе о такомъ «сносномъ» существованіи по временамъ расширялось или съуживалось, а съ этимъ разнообразился и характеръ мѣропріятій, но легко усмотрѣть, что задачи настоящаго времени вполнѣ отождествляются съ прошедшимъ. Русское правительство, съ самаго начала окончательнаго присоединенія ливонскихъ областей къ Россіи, обезпечило за собою свободу дѣйствія въ этомъ направленіи и успѣло сдѣлать, конечно, во много разъ болѣе того, что сдѣлано было въ кратковременные сравнительно періоды польскаго и шведскаго правительства въ краѣ. Но и въ будущемъ предстоитъ сдѣлать не мало.

То же постоянство, какъ и въ характерѣ дѣйствій высшей правительственной власти, замѣчается и въ политикѣ и пріемахъ остзейскаго рыцарства и бюргерства. Какъ въ дѣйствіяхъ правительства обнаруживается постоянная тенденція къ согласованію мѣстныхъ привиллегій съ общегосударственными интересами и требованіями времени, такъ въ дѣйствіяхъ рыцарства и бюргерства неизмѣнно проглядываетъ стремленіе охранить выгодные для него порядки при помощи ли покорности и уступчивостію въ мелочахъ, чтобы обезпечить за собою существенное или при помощи косвенныхъ представленій и ходатайствъ. Послѣдніе годы XVIII вѣка и первые текущаго (эпохи административныхъ реформъ Екатерины и крестьянской реформы въ Лифляндіи при Александрѣ I) представляютъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи массу любопытныхъ и поучительныхъ эпизодовъ. Время съ своими требованіями измѣнило кругомъ многое, но здѣсь въ прибалтійскомъ краѣ,

болѣе чѣмъ гдѣ либо сохранились традиціи прошлаго, въ чемъ, конечно, нельзя видѣть ничего удивительнаго, такъ какъ успѣхъ оправдываетъ все. Вотъ почему надлежащая историческая постановка вопроса о будущемъ прибалтійскаго края, его отношеніяхъ къ Россіи, одна только можетъ дать вѣрный путь къ его рѣшенію. Что время коренного рѣшенія приспѣло, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Туземныя народности прибалтійскаго края съ упованіемъ смотрятъ на Россію, вѣря въ ея историческія традиціи.»

Прибавлять что либо къ сказанному совершенно уже излишне. Составителю книги остается только приложить всякое стараніе, чтобы продолженіе его труда было достойно вниманія русской публики.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Матеріалы и статьи по древней исторіи Прибалтійскаго края.

Реформація въ Ливоніи.

Статья доктора Вильгельма Брахмана,

(Изъ 5 тома Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's, издаваемыхъ обществомъ исторіи и древностей Прибалтійскихъ губерній, 1850 г.).

ГЛАВА I.

Начало реформаціи въ Ригѣ. Городъ, орденъ и архіепископъ.

Между учебными заведеніями, которыя въ началѣ XVI-го столѣтія могли быть довольными своими хорошими учителями и многочисленностью учениковъ, школа въ Трептовѣ въ Помераніи занимала немаловажное мѣсто. (1)

Въ школѣ этой дѣйствовали два человѣка, оба одинаково одушевленные стремленіемъ къ просвѣщенію и истинному образованію, оба впослѣдствіи явившіеся замѣтными дѣятелями въ великомъ дѣлѣ

---

(1) Городокъ Трептовъ находился въ Помераніи между Кольбергомъ и Каминомъ. Въ эту школу поступали учениками дѣти многихъ ливонскихъ горожанъ, преимущественно рижскихъ.

Здѣсь неизлишне вспомнить, что писалъ Рюссовъ въ 49 гл. своей лѣтописи (см. Приб. Сб. II, 331): „Въ Ливоніи не было ни одной хорошей школы, которая давала-бы простыхъ священниковъ, знающихъ мѣстный не нѣмецкій языкъ. Нѣкоторые посылали своихъ дѣтей въ высшія школы и княжескіе дворы далеко въ Германію и открыто говорили, что никому не совѣтуютъ держать своихъ сыновей долго въ Ливоніи, такъ какъ дома они ничему не учатся, и если бы даже и выучились, то дитя, воспитанное дома, похоже на быка, хотя бы и было очень способно. Многіе дворяне говорили также, что сколько бы у нихъ ни было сыновей, они ни одного не оставятъ при себѣ, но пошлютъ ихъ къ королевскимъ, курфирстскимъ и княжескимъ дворамъ; такіе дворы составляютъ благородныя воспитательныя школы, гдѣ гофмейстеръ и маршалы назначены, чтобы смотрѣть за придворными людьми: тамъ молодые люди могутъ поучиться дисциплинѣ и почтительности. Здѣсь же въ Ливоніи они научаются только пьянству, роскоши и др. порокамъ.“

Не излишне также вспомнить, что германскіе императоры Фридрихъ III и Максиміліанъ I и имперскіе князья, въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій, много заботились объ учрежденіи и поддержаніи школъ и университетовъ въ Германіи и вмѣняли себѣ въ особенную честь покровительствовать наукамъ и просвѣщенію, точно также какъ ихъ измельчавшіе и развратившіеся потомки въ XVIII столѣтіи много заботились объ устройствѣ при своихъ дворахъ конскихъ скачекъ и баловъ и гордились своими операми, балетами и метресами.

реформаціи, одинъ изъ нихъ, другъ Лютера, содѣйствовалъ распространенію и поддержанію лютеранскаго ученія въ Саксоніи, другой основалъ лютеранскую церковь въ Ливоніи. То были Іоаннъ Бугенхагенъ и Андрей Кнопъ или Кнэпкенъ. Они были учителями въ Трептовѣ, въ то время когда Лютеръ издалъ свою книжку о вавилонскомъ плѣненіи, которая читалась съ жадностью и усердно распространялась друзьями просвѣщенія въ Германіи. (2)

Книжка эта скоро попала въ Трептовъ въ руки одного тамошняго духовнаго лица, Отто Слутова, который тотчасъ же сообщилъ ее своимъ друзьямъ и прежде всего Іоанну Бугенхагену. Что и Андрей Кнэпкенъ чрезъ Бугенхагена узналъ о содержаніи книжки, то это было естественно при дружескихъ отношеніяхъ, существовавшихъ

---

(2) Необходимо вспомнить какого рода была эта книжка. Августинскій монахъ Мартинъ Лютеръ въ 1508 г. былъ приглашенъ профессоромъ богословія въ Виттенбергскій университетъ, основанный въ 1502 г. курфирстомъ Фридрихомъ. Лекціи новаго профессора, въ которыхъ проводилась мысль, что богословамъ слѣдуетъ изучать преимущественно библію, а не ученіе латинской церкви, такъ какъ Основатель христіанства и его первые ученики проповѣдывали совсѣмъ не то, что посредствомъ соборовъ, папъ и схоластиковъ сдѣлалось ученіемъ церкви, быстро пріобрѣли себѣ многочисленныхъ слушателей изъ всѣхъ концовъ Германіи, въ которой люди мыслящіе давно уже негодовали на чрезвычайныя злоупотребленія папъ и латинскаго духовенства. Лютеръ, однако, долго не выходилъ изъ послушанія папѣ и выступилъ на путь проповѣди коренной церковной реформы лишь тогда, когда само латинское духовенство вынудило его къ тому.

Извѣстно, что папа Юлій II началъ постройку въ Римѣ громаднаго собора св. Петра (соборъ можетъ вмѣстить въ себѣ до 50,000 человѣкъ), неимѣющаго и по нынѣ себѣ подобнаго во всемъ мірѣ. Его преемникъ папа Левъ X продолжалъ работы по постройкѣ, и покровительствуя искуствамъ, велъ баснословно роскошный образъ жизни. Папскіе доходы хоть и были велики, но ихъ рѣшительно не доставало на расходы, потому-то на увеличеніе доходовъ папской казны Левъ X и обратилъ особенное вниманіе. Хорошій, едва-ли не лучшій источникъ дохода папской казны составляла въ тѣ времена продажа такъ называемыхъ индульгенцій, письменныхъ отпущеній грѣховъ какъ содѣянныхъ, такъ и имѣющихъ содѣяться. Продажу этихъ индульгенцій папа сдавалъ за круглую сумму въ оптовую аренду, а арендаторы уже отъ себя разсылали коммисаровъ по городамъ и деревнямъ для розничной продажи. Примасъ германской имперіи, архіепископъ маинцскій Альбрехтъ снялъ такой подрядъ и коммисаромъ по индульгенціямъ сдѣлалъ доминиканскаго монаха Тецеля, который въ свою очередь взялъ себѣ другаго монаха въ качествѣ помощника, подкомисара. Безъ малѣйшаго стѣсненія или зазрѣнія совѣсти, оба эти продавца начали разъѣзжать по городамъ и деревнямъ Германіи, предлагая купить индульгенціи въ силу латинскаго ученія, что мученики и святые церкви оказали уже столь много заслугъ предъ Господомъ Богомъ, что изъ таковыхъ заслугъ образовался излишекъ, который глава видимой церкви (папа) можетъ или продать или подарить всякому вѣрующему, имѣющему мало заслугъ или обремѣненному тяжкими грѣхами.

Тецель, составивъ таксу на свой товаръ и разъѣзжая по Германіи, въ 1517 г. прибылъ въ Ютербокъ и Цербстъ, по близости Витенберга. Лютеръ, не могъ оставаться хладнокровнымъ зрителемъ подобнаго торга и не замедлилъ прибить къ дверямъ замковой церкви въ Витенбергѣ 95 положеній (тезисовъ) противъ индульгенцій (отпустительныхъ грамотъ, Ablass-Zettel), намѣреваясь защищать ихъ публично.

Съ этихъ-то 95 тезисовъ, распространившихся съ чрезвычайною быстротою не только по всей Германіи, но и всюду въ Европѣ, и начинается исторія реформаціи. Здѣсь, конечно, не мѣсто распространяться о событіяхъ, послѣдовавшихъ за обнародованіемъ 95 тезисовъ, достаточно сказать, что Лютеръ окончательно порвалъ всякія связи съ латинствомъ не этими тезисами, а двумя сочиненіями своими, изъ которыхъ первое вышло въ іюнѣ 1520 г. подъ заглавіемъ: „Vom christlichen Adel deutscher Nation“, а второе въ августѣ того же 1520 г. „о вавилонскомъ плѣненіи церкви“ Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи говорится о необходимости учрежденія, вмѣсто римской, новой церкви, основанной на ученіи библіи. Оба эти сочиненія точно также быстро распространились въ Западной Европѣ, а послѣдняя легла въ основаніе ученія лютеранъ.

между ними. Оба они обратили вниманіе на ученіе Лютера, изучили его ближе и примкнули къ нему всей душой. Того, что такъ благодѣтельно на нихъ дѣйствовало, что имъ доставляло такъ много утѣшенія и успокоенія, того они не могли и не хотѣли, при своемъ честномъ образѣ мыслей, скрыть отъ своихъ учениковъ, изъ которыхъ многіе вслѣдствіе этого и были привлечены на сторону просвѣтленныхъ религіозныхъ воззрѣній. Но юношеское одушевленіе скоро перелило черезъ край и негодованіе на злоупотребленія въ католической церкви выразилось въ фактическихъ оскорбленіяхъ католическихъ духовныхъ лицъ въ Трептовѣ. Когда эти послѣднія совершали съ колокольчиками свои обычныя процессіи по улицамъ города, то въ нихъ бросали грязью, а ночью изъ церкви святаго Духа вытащили статуи и иконы и побросали ихъ въ близь лежавшій колодезь. (3)

Какъ только объ этомъ узналъ Эрасмъ Мантейфель, епископъ каминскій, то тотчасъ принялъ мѣры какъ противъ повторенія такого безчинства, такъ и противъ распространенія лютерова ученія. Бугенхагенъ и Кнэпкенъ, чтобы избѣгнуть преслѣдованія епископа, бѣжали изъ Трептова.

При всей свой учености и ревностномъ стремленіи къ истинѣ, Кнэпкенъ былъ скроменъ и тихаго нрава; это былъ человѣкъ, одаренный свѣтлымъ умомъ и проникнутый искренней вѣрой. Привѣтливостью обращенія онъ пріобрѣлъ всеобщую любовь къ себѣ своихъ учениковъ, между которыми находились и сыновья рижскихъ гражданъ, потому что, какъ разсказываетъ Арндтъ (въ своей хроникѣ, II, стр. 184), многіе изъ рижанъ, видя распущенность своего духовенства, не хотѣли довѣрять воспитаніе юношества монахамъ, посылая своихъ дѣтей учиться въ Трептовскую, въ то время знаменитую школу И вотъ, когда Кнэпкенъ бѣжалъ изъ Трептова, то его ученики и Меланхтонъ (ближайшій сподвижникъ Лютера) совѣтовали ему ѣхать въ Ригу, гдѣ его братъ Яковъ Кнэпкенъ былъ соборнымъ каноникомъ (домгеромъ). (4)

Въ 1521 году Кнэпкенъ прибылъ въ Ригу, и такъ какъ въ этомъ городѣ лютерово ученіе не имѣло еще столько приверженцовъ, чтобы онъ могъ его распространять гласно, то онъ старался дѣйствовать въ тихомолку Скоро онъ нашелъ случай давать частные уроки въ Ригѣ, причемъ не преминулъ знакомить юношество съ чистымъ ученіемъ Евангелія, и между прочимъ объяснялъ посланіе апостола Павла къ римлянамъ (посланіе это съ объясненіями Кнэпкена было напечатано въ 1524 г въ Виттенбергѣ). Дѣйствія Кнэпкена имѣли счастливый успѣхъ, число его слушателей и друзей видимо росло и

(3) См. Давида Хитреуса Newe Sachsen-Chronica IX и Туана hist. super. seculi oper I. XXI.

(4) См. Бергмана Geschichte der Rigischen Stadkirchen, стр. 24 и Таубенгейма Programm zur dritten Secular-Jubelfeier der Augsburgischen Confession. Рига, 1830, стр. 8.

люди съ большимъ вліяніемъ, какъ бургомистръ Конрадъ Дуркопъ и городской секретарь М. Іоаннъ Ломиллеръ, стали его покровителями. (5)

По употреблявшемуся въ то время способу улаживать научные споры открытыми диспутами спорящихъ сторонъ, и въ Ригѣ устроенъ былъ диспутъ между Кнэпкеномъ и монахами насчетъ отдѣльныхъ вѣроисповѣдныхъ пунктовъ. Диспутъ произошелъ на хорахъ Петров-

---

(5) Никогда бы Кнэпкенъ не получилъ въ Ригѣ частныхъ уроковъ и не снискалъ бы себѣ покровителей въ средѣ правящаго городомъ сословія (магистрата), если бы почва для церковной реформы не была подготовлена въ Ливоніи задолго ранѣе пріѣзда его въ Ригу. Стоитъ вспомнить только отношенія, существовавшія между властителями Ливоніи, епископами и орденомъ, между вассалами и епископами, между Ригою и другими городами и епископами, чтобы съ совершенною точностію объяснить себѣ почему ученіе Лютера распространилось въ ливонскихъ Stadt'ахъ и Land'ѣ, т. е. между нѣмецкими колонистами съ необыкновенною быстротою.

Мы уже видѣли, что именно побудило епископа Альберта основать въ Ливоніи духовно-рыцарскій орденъ, и видѣли также, что орденъ, почувствовавъ свою силу, не замедлилъ вступить въ борьбу со своимъ господиномъ, архіепископомъ. Въ Ливоніи въ маломъ видѣ отразилась такая же борьба между свѣтскою и духовною властями, какая была въ Германіи между папою и императоромъ. Орденъ осилилъ, и въ началѣ XVI стол. при магистрѣ своемъ Плетенбергѣ пріобрѣлъ рѣшительный перевѣсъ надъ духовною властію. Но борьба, тянувшаяся цѣлыя столѣтія, обусловила и вражду между орденомъ и духовенствомъ. Вражда же способствовала тому, что чуть лишь въ Германіи Лютеръ заговорилъ о вавилонскомъ плѣненіи латинской церкви и совершенной необходимости коренной церковной реформы, какъ орденскіе чины и самъ магистръ Плетенбергъ явились доброжелателями новаго ученія. Вассалы, какъ епископскіе такъ и орденскіе, съ теченіемъ времени пріобрѣвшіе значительныя корпораціонныя права, не имѣли ни малѣйшихъ расчетовъ поддерживать духовенство, напротивъ имѣли всѣ причины и поводы слѣдовать за тѣми, въ чьихъ рукахъ было преобладаніе и сила, слѣд. за орденомъ и его магистромъ.

Городъ Рига никогда не былъ усерднымъ слугою своего архіепископа, напротивъ нерѣдко поднималъ противъ него оружіе, не желая подчиняться власти духовенства. Рижане не были усердными католиками и явились немедленно же на сторонѣ церковной реформы, когда вопросъ объ этой реформѣ сталъ на очередь въ Германіи.

Что касается до массы населенія Ливоніи, латышей и эстонцевъ, то для нихъ вопросъ о церковной реформѣ былъ совершенно безразличенъ. Они считались католиками, но въ сущности были тѣми же язычниками, какими были ихъ предки до прихода колонистовъ. Изъ лѣтописи Генриха Латышскаго мы уже видѣли, какъ происходило крещеніе ливонскихъ туземцевъ: окропятъ святою водою, обложатъ данью, зачислятъ въ паписты и кончено.

Зачисленные въ католики, ливонскіе туземцы католиками все-таки не были. Да и трудно было сдѣлаться католиками: священниковъ, знавшихъ мѣстные языки, не было; богослуженіе происходило на языкѣ латинскомъ, не понятномъ не только ливонскимъ туземцамъ, но и огромному большинству самихъ колонистовъ; церковная проповѣдь совершалась на языкѣ нѣмецкомъ, туземцамъ также непонятномъ. Перевода библіи на туземные языки не было, да и на нѣмецкій-то языкъ библію перевелъ только Лютеръ (при чемъ допустилъ нѣкоторыя сознательныя и нѣкоторыя безсознательныя уклоненія); школъ также не было, чему же удивляться, если ливонскіе туземцы къ XVI столѣтію были больше язычниками, чѣмъ христіанами. Ихъ первоначально зачислили въ католичество, а потомъ перечислили въ лютеранство,—ни мало не спрашивая желаютъ-ли они такого перечисленія. Да и спрашивать было, конечно, не для чего и не зачѣмъ, потому что латинство-ли, лютеранство-ли для ливонскаго туземца были одинаково чужды и непонятны.

Не подлежитъ сомнѣнію, что успѣху лютеранства въ Ливоніи много способствовало само духовенство. Высшіе члены его, люди наѣзжіе изъ Германіи, только и думали, что о наживѣ, а нисшіе члены отличались совершеннымъ невѣжествомъ. Колонисты просто отвернулись отъ нихъ, когда въ Ливоніи проникло новое ученіе, а туземцы и прежде никогда не чувствовали ни малѣйшей солидарности со своимъ духовенствомъ.

Есть извѣстіе (см. Бергмана выше указанныя статьи), что ранѣе Кнэпкена, именно въ 1511—16 г., въ Ливоніи училъ и имѣлъ многихъ приверженцевъ ученый гусситъ Николай Руссъ. Его ученіе, конечно, подготовило успѣхъ Кнэпкена.

ской церкви подъ предсѣдательствомъ и защитой бургомистра Конрада Дуркопа; Кнэпкенъ рѣшительно разбилъ своихъ противниковъ ссылками на Евангеліе. (6)

Для предотвращенія всякаго смятенія и для защиты Кнэпкена отъ всякихъ насилій со стороны католической партіи, во время диспута передъ церковью сторожили преданные лютеранскому ученію граждане.

Рижскій архіепископъ Каспаръ Линде и дерптскій и ревельскій епископъ Іоаннъ Бланкенфельдъ думали противодѣйствовать такому распространенію ереси тѣмъ, что на ландтагѣ, происходившемъ въ Вольмарѣ въ 1522 г. (7), объявили сочиненія Лютера еретическими, соблазнительными, порочными и предали ихъ проклятію. Но время было уже не такое, чтобы можно было внѣшнею пышностью фразъ устрашить кого-бы то ни было. Напротивъ ихъ объявленіе повело только къ тому, что старая закваска сдѣлалась ненавистнѣе противъ прежняго и умы ободрились въ ихъ стремленіи къ чистому ученію. Поведеніе епископовъ на сказанномъ ландтагѣ имѣло слѣдствіемъ лишь ближайшее соединеніе противъ ихъ нападковъ всего земскаго рыцарства (8) и городовъ Риги, Ревеля и Дерпта; такое сближеніе было вызвано особенно усиліями Ломиллера. Ломиллеръ, состоявшій канцлеромъ архіепископа Каспара, до назначенія въ 1520 году секретаремъ города Риги (9), былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ, чтобы поддержать и укрѣпить дѣло Евангелія, потому что хорошо зналъ ливонское духовенство, его пронырства, и зналъ, чѣмъ и какъ можно было противодѣйствовать духовнымъ властителямъ. Сближеніемъ рыцарства и городовъ, Ломиллеръ нанесъ архіепископу и епископу чувствительный ударъ. они прибыли на ландтагъ съ большою пышностью, но уѣхали во свояси унылые и совершенно въ тихомолку (10).

Кнэпкенъ не долго пробылъ единственнымъ учителемъ Евангелія въ Ригѣ; скоро онъ нашелъ въ Сильвестрѣ Тегельмейерѣ или Тегетмейерѣ сильнаго себѣ помощника. Тегельмейеръ съ

---

(6) См. Арндта II, стр. 184 и сочиненіе Бергмана о третьемъ столѣтнемъ юбилеѣ реформаціи, стр. 36.

(7) Таубенгеймъ въ своей программѣ къ третьему столѣтнему юбилею аугсбургскаго исповѣданія относитъ этотъ ландтагъ къ 1522 г., основываясь на томъ, что Ломиллеръ въ письмѣ къ епископу Симландскому отъ 1525 г. говоритъ о ландтагѣ какъ о происходившемъ за три года предъ тѣмъ. Имѣются свѣдѣнія, что ландтагъ происходилъ въ іюнѣ 1522 г.

(8) Извѣстно, (см. вступленіе къ 2-му тому Прибал. Сб. стр. XIX и XX), что во времена самостоятельнаго существованія Ливоніи все ливонское населеніе дѣлилось на 2 группы: туземцы и нѣмецкіе колонисты (пришельцы). Колонисты дѣлились на 4 корпораціи: духовенство, орденъ, вассалы и горожане. Всѣ лица, получившія лены, именовались вассалами епископскими или орденскими, смотря потому отъ кого они получили эти лены. Всѣ вассалы данной области составляли рыцарство и людство или просто рыцарство, называвшееся земскимъ въ отличіе отъ рыцарства орденскаго.

Сблизилось съ городами не орденское, а земское рыцарство, т. е. вассалы.

(9) См. Таубенгеймову программу, стр. 5.

(10) См. письмо Ломиллера о вольмарскомъ ландтагѣ 1522 г. къ епископу Самландскому въ архивѣ лифляндскаго дворянства.

1520 года состоялъ капелланомъ при соборѣ въ Ростокѣ и прибылъ въ 1522 г незадолго до Михайлова дня въ Ригу, чтобы здѣсь получить наслѣдство ([11]). Быстрое распространеніе евангелическаго ученія въ Ригѣ и живое участіе, съ которымъ рижане относились къ этому ученію, привели его, вѣроятно, къ убѣжденію, что передъ нимъ открылось широкое поле дѣятельности, и побудили его остаться на болѣе продолжительное время въ Ригѣ. Кнэпкенъ и Тегельмейеръ были люди совершенно различные характеромъ. Въ то время какъ Кнэпкенъ дѣйствовалъ и говорилъ кротко и скромно, Тегельмейеръ хотѣлъ взять горячностью и настойчивостію; его рѣчь была высокопарна и простому человѣку не понятна. И Кнэпкенъ проповѣдывалъ противъ отпустительныхъ грамотъ и папской власти, но онъ не столько заботился объ уничтоженіи внѣшнихъ обрядовъ, столько о томъ, что «идолъ долженъ быть удаленъ прежде изъ сердца человѣка, а потомъ уже изъ церкви» ([12]). Тегельмейеръ напротивъ проповѣдывалъ съ огненною необузданностію о евангельской свободѣ, о суетности идоловъ, ненадобности поклоненія иконамъ; его сильное возбужденіе передавалось слушателямъ, побуждая ихъ проявлять свое усердіе къ новому ученію на иконахъ и могильныхъ памятникахъ ([13]). Этой враждѣ Тегельмейера къ церковной внѣшности вѣроятно много способствовали движенія, которыя происходили въ Германіи въ началѣ этого года, преимущественно подъ руководствомъ Карлштадта, и обнаруживались въ низверженіи иконъ и другихъ насильственныхъ дѣйствіяхъ, а такая «огненная голова», какъ Тегельмейеръ, вѣроятно съ трудомъ могъ противиться охотѣ къ быстрымъ и стремительнымъ шагамъ.

Рижскій магистратъ все еще надѣялся избѣгнуть открытаго разрыва съ католическою церковью, еслибы только были уничтожены самыя выдающіяся злоупотребленія въ церковной жизни, но архіепископъ Каспаръ Линде ничего и слышать нехотѣлъ о реформахъ. Тогда магистратъ рѣшился вытти изъ колебанія. Онъ вошелъ въ соглашеніе со старшинами обѣихъ гильдій и избралъ Кнэпкена архидіакономъ при церкви св. Петра. 23-го октября 1522 г. Кнэпкенъ произнесъ свою вступительную проповѣдь и тѣмъ положилъ первый камень къ основанію евангелической церкви въ Ливоніи ([14]). Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, въ первый день Рождественскаго поста (адвента), Тегельмейеръ въ первый разъ проповѣдывалъ въ церкви св. Іакова на текстъ евангелія отъ Луки XIX, 6 ([15]). Въ это время Ломиллеръ воспользовался случаемъ, который представился ему путешествіемъ одного молодаго человѣка изъ Риги въ Виттенбергъ, чтобы увѣдомить

([11]) См. Арндта II, стр. 185, примѣч.
([12]) См. Кельха Лив. Ист. стр. 168.
([13]) См. Гадебуша Liefl. Jahrbücher, т. I, отд. 2, стр. 296 и Хитреуса I. X.
([14]) См. соч. Бергмана о третьемъ столѣтнемъ юбилеѣ реформаціи, стр. 36.
([15]) См. Гадебуша I, 2, стр. 295.

Лютера объ успѣхахъ евангелическаго ученія въ Ливоніи. «Какъ ничтожнѣйшій и безполезнѣйшій изъ всѣхъ слугъ Христа, которые есть, были и будутъ, и какъ почтительнѣйшій ученикъ твоей мудрости», пишетъ Ломиллеръ, «я, который почти всю свою жизнь провелъ и растратилъ на писаніе писемъ, я не могъ удержаться, чтобы и тебѣ не написать, не сомнѣваясь, что сообщу величайшему вѣстнику Евангелія въ высшей степени пріятное извѣстіе, объявивъ въ этомъ письмѣ, что и наша Ливонія, послѣдняя страна на сѣверѣ Европы, бывшая прежде христіанскому міру почти неизвѣстною, приняла слово вѣры и чистое ученіе. Сверхъ того Рига тѣмъ болѣе обязана благодарностью Христу, что у насъ есть два усердные и вмѣстѣ съ тѣмъ непреодолимые возвѣстители божественнаго слова и твоей мудрости, изъ коихъ одинъ, Андрей Модестинъ (Кнэпкенъ) родомъ изъ мархійскаго города Кистрина, а другой Сильвестръ Тегетмейеръ изъ вендскаго города Гамбурга, оба мужественные, ученые, всецѣло преданные Христу и для распространенія Евангелія избранные мужи» Въ заключеніе Ломиллеръ проситъ, чтобы Лютеръ, если ему ничто не помѣшаетъ, обратился къ ливонцамъ съ посланіемъ, или по крайней мѣрѣ привѣтствовалъ бы ихъ хотя бы мимоходомъ въ своихъ сочиненіяхъ и не отказалъ бы имъ въ своемъ утѣшеніи ([16]). О безпорядкахъ, сопровождавшихъ введеніе реформаціи въ Ригѣ, Ломиллеръ ничего не упоминаетъ.

Всякая новизна, дѣйствующая рѣшающимъ образомъ на церковную или государственную жизнь, влечетъ за собою бурныя сцены, исходящія большею частью отъ людей, которые или слишкомъ несвѣдущи, чтобы понять великую идею, а схватываютъ только внѣшній видъ ея, или которые думаютъ, что со старымъ духомъ должна быть насильственно уничтожаема и старая форма, не разсудивъ, что внѣшняя форма сама собою должна рушиться, какъ только изчезнетъ оживлявшій ее духъ. Такъ было и въ Ригѣ, гдѣ огненныя рѣчи Тегельмейера воспламеняли къ подобнымъ сценамъ. Церкви лишались своихъ украшеній, иконы срывались и публично сжигались, всеобщее возбужденіе увеличивалось со дня на день ([17]).

([16]) См. Таубенгеймову программу стр. 7 и 8.

([17]) Единичные случаи такого рода встрѣчались и позднѣе. Такъ напр. въ мартѣ 1524 г. „черноголовые“ собрались въ своемъ домѣ; вдругъ произошло смятеніе и толпа молодыхъ братьевъ подъ предводительствомъ одной горячей головы вторглась въ церковь св. Петра и тамъ разрушили все, что принадлежало къ алтарю черноголовыхъ. См. Напьерскаго обзоръ древней исторіи Риги въ Mon. Liv. antè. IV, стр. CXXVI.

Феллинскій католическій священникъ Діонисій Фабриціи въ своей сокращенной ливонской исторіи говоритъ, что рижское населеніе, воспламѣненное проповѣдями Тегельмейера, въ 1522 г. бросилось на рижскія церкви. Иконы и священныя изображенія были сорваны со своихъ мѣстъ, снесены на Кубскую гору и здѣсь были сожжены.

Кубская гора находилась у крѣпостнаго рва бывшей Рижской крѣпости, упраздненной въ 1857 г., противъ Якубскаго равелина. Гора эта, при перестройкѣ крѣпостныхъ верковъ по проекту инженеръ-генерала Бауера, была срыта въ 1780 г.

По словамъ Фабриція въ тоже время въ Ригѣ были сожжены православныя церкви. Извѣстіе это невѣрно. Въ Ригѣ съ давнихъ временъ существовала церковь св.

Рижскому магистрату при всеобщемъ волненіи, вѣроятно, было трудно обуздать эти дикія неистовства, не было вѣроятно и охоты обуздывать при своемъ благопріятномъ настроеніи къ евангелическому ученію, но съ другой стороны онъ все же чувствовалъ свою зависимость отъ архіепископа, какъ одного изъ властителей города, и долженъ былъ опасаться, чтобы подобные безпорядки не повели къ несвоевременному разрыву съ нимъ. Потому-то магистратъ неоднократно посылалъ пословъ къ архіепископу и просилъ его, ради славы Господа при настоящей бѣдѣ, назначить наконецъ чистыхъ и благочестивыхъ учителей и проповѣдниковъ въ городскія церкви, дабы въ противномъ случаѣ община сама не попробовала бы устранить зло. Духовнымъ лицамъ при дворѣ архіепископа, проводившимъ свои дни въ роскоши и обиліи, понятія о чистотѣ и благочестіи уже давно стали чужды; послы города были встрѣчены смѣхомъ и издѣвательствами и должны были воротиться ни съ чѣмъ.

Самъ архіепископъ былъ человѣкъ кроткаго нрава, жившій до сихъ поръ съ городомъ Ригой въ добромъ согласіи; въ настоящее время онъ задумалъ привести городъ къ порядку не силой, а путемъ тайной жалобы. Съ этой цѣлью онъ послалъ въ 1523 году въ Германію трехъ монаховъ въ имперское управленіе, которое въ отсутствіе императора Карла вѣдало имперскими дѣлами. Монахи должны были испросить строгій указъ противъ города съ угрозою опалы. Рижане провѣдали о посылкѣ монаховъ, но не придавали важности архіепископской жалобѣ. «Прежде чѣмъ императоръ прійдетъ въ Ливонію», говорили они, «его рейтары порядкомъ устанутъ и утомятся; если императоръ прійдетъ съ большимъ войскомъ, то натерпится бѣды отъ голода, если же прійдетъ съ малымъ числомъ солдатъ, то мы легко побьемъ ихъ» Вслѣдствіе этого рижане не побоялись продолжать дальнѣйшія церковныя реформы, они уговаривали соборныхъ священниковъ, монаховъ и монахинь или оставить свое ложное ученіе или совершать свое богослуженіе для себя однихъ и при закрытыхъ дверяхъ; а кто не хочетъ согласиться на это, тому, говорили они, ничто не мѣшаетъ оставить городъ.

Монахи исполнили свое посольство въ Германіи, и находясь на возвратномъ пути, хвалились, что везутъ съ собой указъ, по которому въ Ригѣ должно быть все возстановлено по старому и еретики должны быть изгнаны изъ города, въ противномъ случаѣ городъ будетъ объявленъ въ опалѣ, лишится всякаго своего добра и имуществъ и въ

Николая (на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ домъ Рессурсы на площади предъ ратушею). Полоцкіе епископы присылали сюда священниковъ. Что эта церковь не была сожжена, доказательствомъ служитъ то, что въ актахъ Западной Россіи, томъ II, стр. 403 подъ 1544 годомъ упоминается о церкви св Николая въ Ригѣ, какъ о существовавшей въ то время. Она не была даже и ограблена. Въ ней, по видимому, совершалось богослуженіе лишь лѣтомъ, когда въ Ригу пріѣзжали православные купцы изъ мѣстностей Двинскаго бассейна, торговавшіе къ рижскому порту.

то же время должники города освободятся отъ своихъ платежей. Для рижанъ, давно уже худо поговаривавшихъ о монахахъ, это уже было черезъ-чуръ. частью для того, чтобы узнать истинный результатъ посольства, частью же для того, чтобы отмстить архіепископу за его скрытное поведеніе, они подкараулили монаховъ, когда тѣ приставали къ берегу Одинъ изъ нихъ благополучно высадился у Динаминда, но два другіе были взяты съ корабля и посажены въ тюрьму Имя одного монаха намъ сохранила исторія, это былъ извѣстный баснописецъ Бурхардъ Вальдисъ; въ тюрьмѣ онъ перешелъ къ евангелическому ученію и тогда получилъ свободу; другой же долженъ былъ болѣе года оставаться въ заточеніи ([18]).

Арестованіе монаховъ произвело въ католическомъ духовенствѣ большой шумъ и вѣроятно побудило къ угрозамъ и насмѣшкамъ, которыя только увеличивали ожесточеніе лютеранской партіи. Когда однажды бюргерство собралось въ домѣ Черноголовыхъ, рижскій замковый командоръ (комендантъ замка) Германъ Гойте прислалъ собранію бичь и велѣлъ сказать, что если бюргеры хотятъ пользоваться спокойствіемъ и миромъ, то этимъ бичемъ должны выгнать изъ города поповъ, монаховъ и монахинь. Католическое духовенство, провѣдавъ про это, начало опасаться чтобы рижане и въ самомъ дѣлѣ не изгнали ихъ, потому рѣшились предупредить насиліе добровольнымъ переселеніемъ, и вотъ въ страстную пятницу 1523 года священники и монахи, угрожая жителямъ, потянулись изъ города съ крестами и развѣвающимися хоругвями. Но когда улегся первый страхъ, они все таки предпочли жить спокойно въ городѣ, чѣмъ кое какъ перебиваться внѣ его, потому одинъ за другимъ потихоньку и перебрались обратно въ городъ ([19]).

Выходъ изъ города монаховъ и священниковъ легко могъ подать архіепископу поводъ къ новой жалобѣ. Чтобы обезпечить себя отъ жалобы, магистратъ, съ точностію узнавшій отъ арестованныхъ монаховъ истинную цѣль ихъ посольства и результатъ его, составилъ противъ архіепископской жалобы защитительную рѣчь, въ которой изложилъ краткое исповѣданіе вѣры и указалъ причину выхода изъ города монаховъ. Эту рѣчь, по отпечатаніи, магистратъ послалъ въ Германію, въ имперское управленіе ([20]).

Въ то время какъ въ Ригѣ обѣ религіозныя партіи становились все въ болѣе и болѣе враждебныя отношенія другъ къ другу, Ломиллеръ старался тѣснѣе сблизить союзъ своихъ ливонскихъ братьевъ по вѣрѣ съ таковыми же въ Германіи и особенно съ основателемъ новаго ученія, дабы приверженцы Лютера въ Ливоніи не стояли одинокими,

---

([18]) О происшествіи этомъ см. ливонскую исторію Гіерна стр. 193 и 194 въ Mon Liv. ant. томъ I и у Хитреуса I. X.

([19]) См. Гіерна ст. 194 въ Mon. Liv. ant. I и Гадебуша I, 2, стр. 297 и 298.

([20]) См. хронику Кельха стр. 171; Хитреуса I. X и Гадебуша I. 2, стр. 298 и 299.

но вступили бы въ органическую связь съ цѣлымъ. Съ этой цѣлью Ломиллеръ еще разъ написалъ Лютеру Въ этомъ письмѣ онъ говорилъ, что вотъ уже второй годъ ждетъ, не получая утѣшенія, отвѣта или какого нибудь извѣстія, изъ котораго можно было бы узнать о составившемся у Лютера мнѣніи на счетъ ливонцевъ. «Я откровенно сознаюсь», продолжаетъ онъ, «что мое письмо было такъ некрасиво и дурно написано, что не заслуживало отвѣта такаго великаго ученаго, какъ ты. Но съ другой стороны меня ободряетъ и утѣшаетъ то, что мы узнаемъ изъ Христова ученія, а также и изъ твоего, что у Христа дѣло не въ наружности человѣка, и слѣдовательно должно смотрѣть не на плавность рѣчи, но на образъ мыслей и вѣру, и что Господь никого отъ себя не отгоняетъ, кто къ нему приходитъ съ вѣрою» Съ этимъ письмомъ (которое не вполнѣ сохранилось) онъ послалъ свое первое письмо и еще одинъ богословскій опытъ ([21]). Но Лютеръ не оставилъ безъ вниманія первое письмо, а уже въ августѣ того года написалъ посланіе къ городамъ Ригѣ, Ревелю и Дерпту, которое должно быть получено было только послѣ отправленія втораго письма Ломиллера. «Я узналъ письменно и устно, любезные господа и братья», пишетъ Лютеръ, «какъ Богъ Отецъ нашего Господа и Спасителя Іисуса Христа и у васъ началъ совершать свои чудеса и озарилъ ваши сердца своимъ многомилостивымъ свѣтомъ истины а къ тому васъ такъ высоко благословилъ, что вы съ веселымъ сердцемъ пріемлете этотъ свѣтъ, какъ истинное слово Божіе... потому, мои любезнѣйшіе, будьте благодарны божьей милости, познайте время вашего просвѣтленія, покажите, что вы не напрасно приняли милость Божію. И вопервыхъ, смотрите за тѣмъ, чтобы вы не сдѣлались галатами, которые начали такъ прекрасно, стали такими чистыми, искренними, истинными христіанами, но скоро совратились искушеніями и обращены были на ложный путь. потому что вы вотъ слышали и учились, что кто вѣруетъ, что Іисусъ Христосъ своею кровью, безъ нашихъ заслугъ, по волѣ и милосердію Бога Отца, сталъ спасителемъ и пастыремъ нашихъ душъ, то эта самая вѣра безъ нашихъ дѣлъ вполнѣ насъ соединяетъ и такъ предаетъ Христу, какъ кто вѣритъ. .. Это основаніе христіанской жизни. Затѣмъ вы слышали, что такой человѣкъ впредь ничѣмъ другимъ не обязанъ какъ любить своего ближняго, какъ говоритъ Павелъ къ Римлянамъ 13 гл., 8 и Іисусъ Христосъ Іоанна 13 гл., 34 Заповѣдь новую даю вамъ да любите другъ друга. Это есть также и знакъ, по которому узнаются истинные христіане, какъ говоритъ Христосъ. О семъ разумѣютъ всѣ, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою. Это другое положеніе христіанской жизни. Такъ учите и поступайте, мои любезные, и

([21]) Оба письма находятся въ архивѣ лифляндскаго дворянства и напечатаны въ Таубенгеймовой программѣ на стр. 6, 7 и 10.

пусть не колеблетъ васъ иной вѣтръ ученія, отколѣ бы онъ ни дулъ, изъ Рима или изъ Іерусалима» ([22])

Въ слѣдующемъ году Лютеръ посвятилъ христіанамъ въ Ригѣ и Ливоніи свое изложеніе 127-го псалма. ([23]) Его мнѣнія о Ливоніи, выраженныя въ письмахъ къ Спалатину, показываютъ, какъ живо его интересовало распространеніе евангелія въ этой странѣ.

Между тѣмъ высшее католическое духовенство хорошо поняло, какъ важно для него привлечь на свою сторону тевтонскій орденъ, потому что тутъ дѣло шло не о чемъ либо малозначительномъ, но обо всей власти, даже о всемъ существованіи рижскаго архіепископства. По словамъ Мельхіора Фукса, Рига была «невѣста, изъ за которой плясали», потому и городу, въ видахъ своего интереса, естественно было обратиться къ тому изъ своихъ обоихъ владыкъ, орденскому магистру или архіепископу, кто былъ наиболѣе благосклонно расположенъ къ нему Отлученіе отъ церкви потеряло свою силу и не производило уже своего прежняго дѣйствія; германская имперія находилась въ слишкомъ большомъ отдаленіи, чтобы опала ея могла оказать какое либо давленіе; военная сила была единственнымъ средствомъ, которое могъ бы употребить архіепископъ для подчиненія себѣ города. Но откуда было взять войско? Земское рыцарство (вассалы) могло предоставить архіепископу лишь ничтожныя силы, для найма жолнѣровъ (söldner) недоставало самаго необходимаго — денегъ; рука, посредствомъ которой архіепископъ могъ бы еще побѣдить своихъ враговъ, городъ Рига отказывалъ въ своихъ услугахъ владыкѣ. Архіепископу такимъ образомъ было особенно важно привлечь на свою сторону орденъ, чтобы въ немъ найти защиту себѣ.

Вольтеръ фонъ Плеттенбергъ, величайшій магистръ, котораго когда либо имѣлъ ливонскій орденъ, былъ расположенъ къ реформаціи, но орденъ все-таки былъ католическое учрежденіе; съ переходомъ къ евангелическому ученію, съ отказомъ отъ своихъ духовныхъ цѣлей, онъ выходилъ уже изъ своего жизненнаго круга. Вотъ почему превращеніе прусскаго великаго магистра, а впослѣдствіи ливонскаго орденскаго магистра въ свѣтскихъ князей, было не актомъ произвола, а политическою необходимостію. Плеттенбергъ былъ уже въ лѣтахъ, его юношеская подвижность, а съ нею желаніе реформъ исчезли, онъ уже мало вмѣшивался въ событія, но лишь наблюдалъ за ними, извлекая изъ нихъ возможно большую пользу для ордена и для своего значенія. Онъ уже склонялся на сторону архіепископа, какъ Ломиллеръ спросилъ его «не можетъ ли его милость дозволить,

---

([22]) См. Вальхово изданіе сочиненій Лютера, т X, стр. 2064.

([23]) Der hundert und sieben und zwentzigst psalm ausgelegt an die Christen zu Rigen pun Liffland. Martinus Luther. Wittemberg. MDXXIIII, 3¼ листа въ 4-ку. Экземпляръ этой рѣдкой брошюры находится въ библіотекѣ общества исторіи и древностей Прибалтійскаго края.

чтобы ему жареные рябчики сами летѣли въ ротъ?» Плеттенбергъ понялъ подобный намекъ и нѣкоторое время держалъ себя нейтрально. (24)

Когда архіепископъ Каспаръ сталъ со дня на день слабѣть тѣломъ и духомъ, и духовенство увидѣло, какъ мало онъ можетъ сдѣлать для защиты и сохраненія католичества, то начало настойчиво просить архіепископа избрать себѣ коадъютора. Архіепископъ согласился и выборъ палъ на Іоанна Бланкенфельда, епископа дерптскаго и ревельскаго.

Бланкенфельдъ родился въ 1471 г въ Берлинѣ, гдѣ его отецъ, Томасъ Бланкенфельдъ, занималъ мѣсто бургомистра. Сначала онъ посвятилъ себя изученію правовѣдѣнія и былъ даже нѣкоторое время профессоромъ правъ въ университетѣ во Франкфуртѣ на Одерѣ, но впослѣдствіи обратился къ духовному званію и сдѣлался капелланомъ великаго магистра. Его умъ и краснорѣчіе вскорѣ показали въ немъ человѣка, лучше всѣхъ способнаго соблюсти выгоды ордена у папы и его назначили орденскимъ прокураторомъ (повѣреннымъ въ дѣлахъ) въ Римѣ. Стараясь сохранить пользы ордена, онъ не забывалъ своихъ собственныхъ выгодъ, и его домогательства вакантнаго мѣста епископа ревельскаго увѣнчались въ 1515 г полнымъ успѣхомъ (25). Въ 1516 г онъ уже присутствовалъ епископомъ на ландтагѣ въ Вольмарѣ, но уже въ іюлѣ того же года предпринялъ въ качествѣ депутата тевтонскаго ордена путешествіе въ Римъ. Человѣку, столь искусному въ дипломатическихъ переговорахъ, не трудно было подниматься все выше и выше. Въ 1518 г онъ, будучи епископомъ ревельскимъ, получилъ епископство дерптское. Духовенство рижскаго архіепископства думало, что нашло въ немъ достойнаго блюстителя своихъ интересовъ. Его честолюбіе казалось имъ порукой, что онъ ничего не позволитъ отнять отъ своего значенія, а его хитрость, думали они, поможетъ ему найти средства и пути достойнымъ образомъ постоять за себя. 28-го ноября онъ былъ утвержденъ папой Климентомъ VII коадъюторомъ.

Бланкенфельдъ съ давняго времени былъ въ сношеніяхъ съ Ломиллеромъ, ежегодно посылалъ онъ Ломиллеру нѣсколько ластовъ хлѣба для его домашняго обихода, за что тотъ помогалъ ему въ его дѣлахъ. И теперь Бланкенфельдъ увѣдомилъ его о своемъ выборѣ прежде чѣмъ кто либо въ Ригѣ зналъ что нибудь объ этомъ и поручилъ ему настроить умы въ его пользу Ломиллеръ своимъ вліяніемъ достигъ того, что магистратъ согласился на выборъ и написалъ о томъ письменный рецессъ; земское рыцарство также склонялось къ присягѣ, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы архіепископъ, коадъюторъ и соборный капитулъ города дозволили свободное проповѣдываніе и

(24) См. письмо Ломиллера къ епископу Самландскому Георгу фонъ Поленцу въ архивѣ лифляндскаго дворянства.

(25) См. Гіерна стр. 195 въ Monum. Liv. ant. I и у Дав. Хитреуса I, XI.

исповѣданіе евангелическаго ученія и утвердили старыя привиллегіи и вольности. Объ этихъ пунктахъ городъ требовалъ грамоты за печатью, но Бланкенфельдъ съумѣлъ затянуть дѣло, надѣясь, что между тѣмъ дѣло евангеликовъ папскими буллами и императорскими указами «будетъ потушено и убито» ([26]) Смерть архіепископа должна была рѣшить дѣло. Архіепископъ умеръ 29-го іюня 1524 г въ архіепископскомъ замкѣ въ Роннебургѣ. Въ вечеръ Киліана тѣло его было погребено на хорахъ собора въ Ригѣ подъ мѣднымъ памятникомъ. ([27])

Бланкенфельдъ занялъ архіепископскую каѳедру, сохранивъ за собой епископство дерптское. Теперь онъ полагалъ возможнымъ удовлетворить рижскихъ бюргеровъ общимъ подтвержденіемъ ихъ привиллегій и отправилъ своихъ пословъ въ Ригу съ общею подтвердительною грамотою, чтобы тамъ же принять и присягу себѣ отъ города. Но такъ какъ въ грамотѣ ничего не упоминалось о дѣлахъ религіозныхъ и новый архіепископъ къ тому еще требовалъ уступки обратно католическому духовенству двухъ городскихъ церквей, потому городъ отказался присягать и послы должны были безуспѣшно воротиться къ архіепископу Чего не могъ достигнуть Бланкенфельдъ переговорами, то надѣялся взять силой. Но онъ чувствовалъ, что его могущество слишкомъ незначительно, чтобы смирить Ригу, зато свое негодованіе онъ излилъ на мелкіе города Ливоніи. Въ Кокенгузенѣ и Лемзалѣ, по примѣру Риги, евангелическое ученіе нашло себѣ много друзей и приверженцевъ и слабость умершаго архіепископа допустила даже то, что оно проповѣдывалось публично съ церковныхъ каѳедръ. Вотъ эти то два города должны были претерпѣть гоненіе новаго архіепископа. Кокенгузенъ былъ послѣ Риги главною резиденціею архіепископа и послѣдніе архіепископы жили обыкновенно здѣсь. Когда и Бланкенфельдъ хотѣлъ здѣсь поселиться, то обѣщалъ передъ своимъ въѣздомъ евангелическимъ бюргерамъ свободное исповѣданіе религіи; но какъ только онъ въѣхалъ въ городъ и принялъ его въ свое владѣніе, то уже не считалъ себя болѣе связаннымъ обѣщаніемъ. Проповѣдники Бернгардъ Бриггеманъ и Павелъ Блосхагенъ, которые особенно усердно ратовали противъ католическихъ злоупотребленій, были выгнаны, таже судьба постигла Гизеберта Шесслера, ректора тамошней школы. Они были удалены изъ архіепископства и католическое богослуженіе опять введено во всей строгости. Лемзаль постигла таже участь городокъ этотъ лишился своего благочестиваго и ученаго городскаго проповѣдника, имя котораго, къ сожалѣнію, не сохранилось. Послѣ этихъ насильственныхъ дѣйствій Бланкенфельдъ принудилъ и земское рыцарство къ уступчивости и принялъ отъ него присягу

([26]) См. письмо Ломмлера къ епископу Самландскому.
([27]) См. у Гіерна стр. 195 и у Арндта II, стр. 188.

Эти поступки архіепископа ожесточили рижанъ и отдалили отъ него Ломиллера. «Чуть лишь я узналъ про это,» пишетъ Ломиллеръ епископу Самландскому, «у меня прошла охота имѣть сношенія съ Бланкенфельдомъ и я дѣлалъ ему наперекоръ какъ только умѣлъ, такъ что городъ Рига наконецъ окончательно и единодушно постановилъ ни упомянутаго Бланкенфельда, и никакого другаго епископа и архіепископа впредь не принимать на вѣчныя будущія времена.» Новое посольство Бланкенфельда къ городу, черезъ которое онъ уговаривалъ рижанъ принести присягу, было отослано съ замѣчаніемъ, что ни о какой присягѣ не можетъ быть рѣчи, пока не будетъ письменно обезпечена свобода религіозныхъ исповѣданій. ([28]) Но чтобы лучше защищаться противъ нападковъ архіепископа, городъ ходатайствовалъ у орденскаго магистра черезъ посольство о защитѣ и помощи, предлагая магистру одному единую верховную власть надъ городомъ. Плеттенбергъ, который все еще не хотѣлъ открытой вражды съ архіепископомъ, сначала отказывался отъ предложенія, но когда ему представили, что иноземные князья могутъ взять Ригу подъ свое покровительство, тогда Плеттенбергъ рѣшился не пропускать удобнаго случая и, тайно обѣщая городу взять его подъ свою защиту, гласно игралъ роль посредника и даже, по просьбѣ архіепископа, послалъ къ городу посольство съ требованіемъ принять новаго архіепископа и устранить тѣмъ несогласія и раздоръ въ странѣ. Но рижане знали, что имъ слѣдуетъ думать о подобномъ посольствѣ и рѣшительно отослали его назадъ. Чтобы прекратить наконецъ такое неопредѣленное состояніе, города Ливоніи, преимущественно Дерптъ, начали настойчиво представлять орденскому магистру, чтобы онъ, для рѣшенія всѣхъ споровъ, созвалъ ландтагъ. Плеттенбергъ не безъ охоты согласился на такія предложенія: обѣ партіи могли бы на ландтагѣ кончить борьбу за свое дѣло, а онъ, магистръ, могъ бы въ концѣ склониться на ту сторону, которая покажется ему имѣющей перевѣсъ и представляющей наибольшую выгоду для ордена. Ландтагъ былъ назначенъ на 2 іюля, а мѣстомъ сбора указанъ Вольмаръ. Когда приблизилось время съѣзда, Ломиллеръ, чтобы привлечь орденъ на сторону евангелической партіи, написалъ письмо къ ландмаршалу ордена Іогану Платеру, называвшемуся фонъ демъ Брэле, съ тѣмъ чтобы содержаніе письма этого было передано каждому орденскому сановнику на самомъ ландтагѣ. «Утверждать будто возвѣщеніе евангелія производитъ возмущеніе и раздоръ, говоритъ Ломиллеръ въ этомъ своемъ письмѣ, есть всеобщее заблужденіе и обыкновенная рѣчь тѣхъ, кто не озаренъ неизмѣннымъ святымъ словомъ Божіимъ. Какъ апостолы никому никакого зла не сдѣлали и все таки были распяты врагами Евангелія, то и тутъ не евангелики возбудили смуты и раздоры, а паписты и особенно епископы, злыя

([28]) См. Хитреуса I, XI и у Гіерна стр. 195.

дѣла которыхъ открываются черезъ Евангеліе. Для того то я (Ломиллеръ) составилъ особое разсужденіе, чтобы папа, епископы и духовное сословіе не владѣли ни людьми, ни землями, не имѣли надзора за ними и не управляли бы ими, и приложилъ это разсужденіе къ этому письму, да видятъ магистръ, ландмаршалъ и сановники ордена какъ имъ слѣдуетъ держать себя въ отношеніи епископовъ и духовныхъ» Главное содержаніе этого разсужденія слѣдующее Мѣсто священнаго писанія, на которое духовныя лица больше всего ссылаются, гласитъ въ посланіи апост. Павла къ Римлянамъ, гл. 13 «Всякая душа властемъ предержащимъ да повинуется. Нѣсть бо власть аще не отъ Бога. Сущія же власти отъ Бога учинены суть.» Но которое истинное начальство и истинная власть? Власть, о которой Павелъ говоритъ въ приведенномъ мѣстѣ, есть свѣтская, а свѣтское лицо должно и свѣтскимъ мечемъ владѣть. Духовный мечь есть слово Божіе и только такой мечь подлежитъ духовенству Къ употребленію свѣтскаго меча принадлежитъ золото и серебро, а ихъ имѣть воспрещаетъ Христосъ своимъ ученикамъ (Мат. X, 9), говоря имъ Не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ.

Самъ Христосъ былъ противъ того, чтобы обѣ власти смѣшивались одна съ другой и подалъ даже (Матѳея 17) примѣръ своимъ ученикамъ, какъ они должны повиноваться начальству; съ этимъ должны были бы сообразоваться духовные. Епископы, по словамъ посланія апостола Павла къ Тимоѳею I «обязаны служить, а не господствовать» Потому папа и епископы, хвалящіеся властью и духовною и свѣтскою, суть не отъ Бога, но тщеславныя, безбожныя, лицемѣрныя личины. Духовныя лица ссылаются на Аарона и священничество въ ветхомъ завѣтѣ, но это отмѣнено Христомъ, который самъ себя принесъ въ жертву и черезъ то сталъ вѣчнымъ первосвященникомъ. Папа и епископы имянуютъ себя намѣстниками и послѣдователями апостоловъ, но вмѣсто того, чтобы идти во весь міръ и проповѣдывать, они предпочитаютъ спокойно сидѣть на римскомъ престолѣ и архіепископскихъ и епископскихъ каѳедрахъ и владѣютъ землями и людьми. Они не проповѣдуютъ и не служатъ литургій, а предоставляютъ это своимъ несвѣдущимъ подчиненнымъ, тѣмъ они не исполняютъ своей должности, которая состоитъ въ защитѣ и паствѣ душъ. Высокомѣрно они поднялись надъ свѣтской властью и подчинили себѣ королей и князей; а свѣтскіе между тѣмъ спали, въ то время какъ они должны бы были, какъ установленная самимъ Богомъ власть, предотвратить зло и наказать это вредное богохульное лживое племя. Епископы не нужны для свѣтскаго управленія, потому что достопочтенный магистръ вмѣстѣ со своими достойными чинами можетъ хорошо управлять Ливоніей, защищать и ограждать ее и безъ этихъ лживыхъ и самозванныхъ князей. Епископы Ливоніи утверждаютъ, что они истинные владѣльцы страны, что они встарину призвали въ

эту землю орденъ, но они въ Ливоніи не обладали ни на волосъ земли по божьему и по справедливости. Что достохвальный тевтонскій орденъ пришелъ въ эту страну, то это случилось безъ сомнѣнія по Божьему предопредѣленію и повелѣнію, а никакъ не по волѣ епископовъ, потому долгъ достопочтеннаго магистра взять на себя дѣло, какъ одной, Богомъ установленной власти въ этой странѣ. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то воспротивится Божіей волѣ и призванію. Но какъ магистръ можетъ быть чувствуетъ въ себѣ мало духу и силы поступить быстро, то всего лучше и дѣйствительнѣе было бы позволить во всѣхъ мѣстахъ этой страны свободно и безпрепятственно проповѣдывать истинное слово Божіе, тогда не замедлили бы явиться плоды, и безбожникъ былъ бы уничтоженъ, безъ приложенія руки и меча, однимъ божественнымъ словомъ. Если же епископы захотѣли бы отмстить за свои убытки кулакомъ, то магистръ обязанъ защищать своихъ подчиненныхъ и тѣхъ, кто у него будетъ искать защиты, и наблюдать пользы страны.

Это разсужденіе и многія другія статьи, въ которыхъ были изложены причины, почему городъ намѣренъ отрѣшить на вѣчныя времена архіепископа и его преемниковъ отъ верховнаго владычества, получили вмѣстѣ съ устными инструкціями подобнаго же содержанія депутаты, отряженные отъ города на ландтагъ. Ломиллеръ напоминалъ часто объ этомъ дѣлѣ орденскому магистру, представляя ему весь убытокъ, который можетъ понести орденъ, если не воспользуется представляющимся ему удобнымъ случаемъ. Съ рижскими депутатами на ландтагъ поѣхалъ и Тегельмейеръ. Онъ прибылъ въ Вольмаръ въ одно время съ Вальтеромъ фонъ Плеттенбергомъ, гдѣ и началъ свои проповѣди съ позволенія, даннаго магистромъ. Но магистръ скоро испугался за свое позволеніе, особенно когда услышалъ о крестьянскомъ возстаніи въ Гарріенѣ и Вирландѣ. Онъ велѣлъ сказать Тегельмейеру, чтобы тотъ не производилъ смуты, такъ какъ уже крестьяне возстаютъ противъ своихъ господъ. Въ слѣдующее воскресенье Тегельмейеръ хотѣлъ служить литургію на нѣмецкомъ языкѣ, тогда Плеттенбергъ послалъ къ нему орденскаго разсыльнаго сказать, чтобы онъ воздержался отъ обѣдни, что онъ можетъ свободно проповѣдывать, это еще можетъ терпѣть его милость, магистръ, но литургіи на нѣмецкомъ языкѣ дозволить не можетъ. Плеттенбергъ приступалъ къ дѣлу осторожно одно допускалъ, другое отвергалъ, дабы не возбуждать злобы въ духовенствѣ. Въ суботу въ Вольмаръ пріѣхали съ большой пышностью архіепископъ Іоаннъ Бланкенфельдъ и ревельскій епископъ Георгъ фонъ Тизенгаузенъ. Ревельскій епископъ передъ тѣмъ просилъ письменно магистра арестовать Тегельмейера, но Плеттенбергъ былъ на столько уменъ, чтобы не сдѣлать этого при всеобщемъ возбужденіи. Въ воскресенье епископы вмѣстѣ отправились въ церковь,

а послѣ обѣдни въ гильдію, гдѣ и состоялось первое собраніе ландтага. ([29])

На этотъ ландтагъ прибылъ въ Вольмаръ также братъ герцога прусскаго, маркграфъ Вильгельмъ Бранденбургскій, съ намѣреніемъ искать для себя коадъюторство рижскаго архіепископства; но религіозныя распри помѣшали ему добиться желаемаго и сдѣлали тщетными его домогательства.

Городамъ худо пришлось на этомъ ландтагѣ ихъ партія осталась безъ поддержки, и даже орденскій магистръ ихъ покинулъ. Орденъ, епископы и земское рыцарство, по совѣщаніи, рѣшились заключить союзъ между собою и спросили городскихъ депутатовъ согласны-ли они вступить въ союзъ. Депутаты просили дозволенія разсмотрѣть отдѣльные пункты союза; это имъ было дозволено и статьи союзнаго договора были имъ сообщены. О свободномъ исповѣданіи религіи въ статьяхъ этихъ не было и рѣчи, напротивъ постановлялось принять соотвѣтственныя мѣры, чтобы совершенно подавить евангелическое ученіе въ Ливоніи. Депутаты городовъ Риги, Ревеля и Дерпта съ негодованіемъ отвергли подобный союзъ, заявивъ, что они скорѣе лишатся жизни и имущества, чѣмъ согласятся на договоръ. Думая, что этимъ своимъ отказомъ уже все сдѣлано, они распрощались съ орденскимъ магистромъ съ намѣреніемъ на слѣдующей день раннимъ утромъ разъѣхаться по домамъ.

Чтобы окончательно переговорить о своихъ дѣлахъ и «выпить на прощанье», они собрались на постояломъ дворѣ, гдѣ проживали рижскіе депутаты. Сюда къ нимъ пришелъ молодой человѣкъ изъ канцеляріи магистра и принесъ имъ копію ландтагскаго постановленія (рецесса) говоря, что всѣ другіе сословія взяли себѣ по копіи, то онъ думаетъ заслужить себѣ пфенигъ на выпивку, если одну копію предложитъ и городскимъ депутатамъ. Депутаты взяли рецессъ и дали его на пересмотръ Ломиллеру и секретарю города Дерпта. Оказалось, что ландтагское постановленіе (о союзѣ) всѣ сословія, за исключеніемъ городовъ, одобрили и приложили свои печати. Главные пункты были: Рыцарство обязуется вѣрно вспомоществовать орденскому магистру и епископамъ, а также помогать каждому изъ принадлежащихъ къ нимъ сохранять и защищать свои права. Должно подвергнуть разслѣдованію все то, что города присвоили себѣ до настоящаго времени. Сословія не дозволятъ никакихъ возмущеній и никакихъ нововведеній до всеобщаго собора, до тѣхъ же поръ каждый долженъ оставаться при своихъ правахъ; если кто присвоитъ себѣ что либо незаконно, то посредниками будутъ сословія. Важные споры могутъ безъ ущерба для другихъ компетентныхъ судовъ рѣшаться въ сословномъ судѣ, имѣющемъ состоять изъ двухъ прелатовъ, двухъ орденскихъ чиновъ,

([29]) См. Арндта II. стр. 189 и 190.

изъ двѣнадцати добрыхъ мужей, по два изъ архіепископства рижскаго и епископствъ дерптскаго, эзельскаго, курляндскаго, по два изъ Гарріена и Вирланда, изъ двухъ орденскихъ присяжныхъ съ одного и двухъ съ другаго берега Двины, всего изъ 20 судей. Приговоры этого суда должны имѣть силу во всей странѣ; архіепископъ и орденскій магистръ будутъ наблюдать за исполненіемъ приговоровъ. Женскіе и мужскіе монастыри и соборныя церкви должны оставаться при своихъ прежнихъ привиллегіяхъ, свободахъ и при своемъ богослуженіи; ушедшихъ изъ монастыря монахинь никто не долженъ принимать, но слѣдуетъ передавать ихъ настоятельницѣ. Клейноды, драгоцѣнныя вещи и документы, взятые городами на сохраненіе изъ соборовъ, монастырей и часовень, должны быть хранимы впредь до судебнаго рѣшенія. ([30])

Это была такая коварная штука, которой депутаты никакъ не ожидали. Они тотчасъ послали отъ каждаго города члена магистрата и секретаря къ орденскому магистру, чтобы протестовать противъ заключеннаго договора, потому что депутаты отъ магистратовъ трехъ городовъ никогда не одобрили бы заключеннаго и закрѣпленнаго печатями союза, а также никогда не намѣрены согласиться и одобрить его, потому что такой договоръ былъ бы имъ въ тягость для души, тѣла и имущества. Магистръ отвѣчалъ. Земля должна дѣйствовать единодушно, отчего же вамъ не согласиться съ прочими сословіями? Съ этимъ отвѣтомъ депутаты должны были отправиться обратно. Орденскіе чины объясняли все дѣло «чистой выдумкой» ради епископовъ, говоря, что земля окружена опасностями, и что все постановленіе никакъ не мѣтитъ на города. Ломиллеръ сказалъ. кажется, что это не «выдумка», такъ какъ при документѣ привѣшено много печатей. Большія надежды, которыя онъ питалъ на этотъ ландтагъ, были уничтожены. «У меня были честныя намѣренія», пишетъ онъ самландскому епископу, «Богъ разсудилъ иначе; не надо мнѣ такъ много ломать голову изъ за нѣкоторыхъ людей».

Во время ландтага Тегельмейеръ продолжалъ свои проповѣди и объяснялъ пророка Исаію, къ большой досадѣ католической партіи, которая конечно ничего не могла подѣлать противъ позволенія орденскаго магистра, но все же хотѣла отмстить Тегельмейеру за его еретическія рѣчи. Когда однажды Тегельмейеръ пришелъ въ церковь для проповѣди, онъ нашелъ уже каѳедру занятою однимъ доминиканскимъ монахомъ, котораго привезли съ собой въ Вольмаръ гофлейты гарріенскіе и вирландскіе. «Братъ, сойди», сказалъ ему Тегельмейеръ, «прежде я скажу проповѣдь, а потомъ ты» Монахъ оставилъ каѳедру Но только что Тегельмейеръ началъ свою проповѣдь, какъ въ церковь

([30]) Объ этомъ ландтагѣ см. письмо Ломмиллера къ епископу Самландскому. Ландтагское постановленіе напечатано въ приложеніи къ Таубенгеймовой программѣ.

ворвались названные гофлейты и стащили его съ каѳедры. Одинъ показывалъ ему ножъ, другой кулакъ. «Ты измѣнникъ, ты обманщикъ», накинулись они на него, «ты хочешь лишить насъ земли и людей, твое лукавство должно теперь прекратиться»! Они его убили бы, еслибы не подоспѣлъ Маркъ Гане, добрый евангеликъ, находившійся въ службѣ при дворѣ орденскаго магистра. Онъ незадолго передъ тѣмъ принесъ Тегельмейеру позволеніе магистра проповѣдывать, и именемъ магистра возстановилъ спокойствіе. Орденскіе служивые, прослышавъ о нападеніи на Тегельмейера, хотѣли уже ударить тревогу, но когда Тегельмейеръ пошелъ на кладбище св. Антонія и народъ собрался вокругъ него на большемъ полѣ, то и они пошли туда же, чтобы услышать его проповѣдь. На слѣдующій день Тегельмейеръ хотѣлъ опять проповѣдывать тамъ-же, но орденскій магистръ послалъ къ нему просить, чтобы онъ на день или два оставилъ свою проповѣдь. (31) Архіепископъ и епископы не могли ничего подѣлать съ Тегельмейеромъ, стоявшимъ подъ защитой магистра, и должны были терпѣть, что онъ «нападалъ на нихъ божественнымъ словомъ самымъ смѣлымъ образомъ» Архіепископъ пробовалъ защитить противъ доводовъ рижанъ право своей свѣтской власти ссылками на священное писаніе и другими аргументами, но когда Ломиллеръ хотѣлъ возражать, онъ грубо отказался слушать его, не позволилъ ему говорить, но зато и не могъ убѣдить противниковъ въ справедливости своихъ доводовъ.

Такими поступками противъ евангеликовъ католическая партія навлекла на себя еще большую ненависть и возбудила своихъ противниковъ къ болѣе твердому стоянію за вѣру; даже нападеніе на Тегельмейера не осталось безъ послѣдствій. Служивые орденскіе и даже епископскіе увидѣли, что имъ должно дѣйствовать за одно для защиты евангелическаго ученія. Они рѣшили покончить со своимъ прежнимъ богослуженіемъ, держать настоящихъ евангелическихъ проповѣдниковъ и попросили орденскаго магистра о его согласіи на то. Магистръ дозволилъ проповѣдь евангелія всему своему ордену Чтобы не оставить неиспробованнымъ ни одного средства для воспрепятствованія распространенія евангелическаго ученія въ Ригѣ, архіепископъ хотѣлъ самъ поговорить съ Тегельмейеромъ и попытаться нельзя ли его снова обратить къ католической церкви. До отъѣзда изъ Вольмара, онъ послалъ къ Тегельмейеру пригласить его къ бесѣдѣ въ Вольмарѣ или въ Роннебургѣ, въ послѣднемъ случаѣ Вильгельмъ Титкенъ проводилъ бы Тегельмейера съ четырьмя лошадьми въ Роннебургъ. На это приглашеніе Тегельмейеръ отвѣтилъ, что пріѣдетъ къ архіепископу въ Трейденъ, если онъ пригласитъ его собственноручнымъ письмомъ. Состоялась ли бесѣда — достовѣрно неизвѣстно.

(31) См. Арндта прим. II, стр. 189 и 190.

Около этаго же времени рижскіе граждане получили письма изъ Любека, въ которыхъ имъ сообщали, что архіепископъ писалъ любекскому совѣту (магистрату) о побужденіи рижанъ, какъ членовъ ганзейскаго союза, къ признанію архіепископа своимъ верховнымъ главою. Вскорѣ послѣ того архіепископъ прислалъ въ Ригу свое посольство, которое передало городу посланіе отъ собравшихся въ Люнебургѣ на ганзейскій съѣздъ городовъ Любека, Гамбурга и Люнебурга. Мы сидимъ теперь, писали города, съ тяжелымъ сердцемъ на ганзейскомъ съѣздѣ, потому что насъ огорчаютъ какъ несогласіе и очевидная вражда, въ которой мы живемъ со своими родственниками, такъ и извѣстія о ложныхъ и мятежныхъ учителяхъ, которые вызвали во всѣхъ мѣстахъ и особенно въ Германіи смятенія и опустошенія, что можетъ свидѣтельствовать добрый имперскій и вольный городъ Мюльгаузенъ, лишившійся своихъ стѣнъ и башень. Потому то намъ жаль, что городъ Рига находится въ несогласіи со своимъ архіепископомъ, и мы совѣтуемъ рижанамъ покончить раздоръ, прежде чѣмъ архіепископъ приметъ свои мѣры, которыя могутъ имъ причинить досаду и вредъ. ([32])

«Такія безбожныя писанія годны для безбожниковъ», говоритъ Ломиллеръ, «потому то другіе ганзейскіе города, большею частью преданные евангелическому ученію, и не захотѣли вмѣшиваться въ это дѣло. Но безъ сомнѣнія на это письмо послѣдуетъ такой же приличный отвѣтъ, какой былъ данъ за годъ передъ тѣмъ на письмо любекцевъ, въ которомъ они для спасенія нашихъ душъ напоминали намъ объ искушеніи Христа діаволомъ въ пустынѣ»

Чрезъ тоже посольство, которое передало письмо ганзейскихъ городовъ, архіепископъ предложилъ городу подтвержденіе привиллегій и свободное проповѣданіе божественнаго слова, согласно ветхому и новому завѣту, съ условіемъ что бы писаніе излагалось приличнымъ образомъ, а проповѣдь не возбуждала раздоровъ между католиками и лютеранами. Такимъ условіемъ городъ не могъ быть доволенъ и потому отклонилъ предложеніе.

Рига очутилась теперь въ незавидномъ положеніи архіепископъ и земское рыцарство были рѣшительно противъ рижанъ, орденскій магистръ, на котораго рижане возлагали свои надежды, хотя и не совершенно отвернулся отъ нихъ, но изъ осторожности ничего не дѣлалъ въ пользу города. Городу приходилось искать себѣ новаго защитника. Взоры направились на евангелическаго князя, на маркграфа Альбрехта бранденбургскаго, герцога прусскаго. Весной этаго года Альбрехтъ сложилъ съ себя званіе великаго магистра тевтонскаго ордена и былъ пожалованъ королемъ польскимъ леномъ — герцогствомъ прусскимъ. Сословія Пруссіи охотно присягнули Аль-

([32]) Въ Мюльгаузенѣ въ это время дѣйствовалъ Ѳома Мюнцеръ и его приверженцы

брехту, такъ какъ въ Краковѣ онъ подтвердилъ всѣ ихъ привиллегіи и вольности; евангелики же радостно привѣтствовали въ немъ своего лютеранскаго наслѣдственнаго князя. Опасенія попасть подъ непосредственное владычество Польши теперь разсѣялись и лютеранство стало въ Пруссіи на твердой почвѣ. Въ первомъ состоявшемся собраніи прусскихъ сословій, самландскій епископъ, человѣкъ свѣтлаго ума, давно уже приверженный къ евангелическому ученію, отрекся отъ свѣтской власти, предоставилъ ее князю страны и оставилъ за собой только служеніе евангелію. ([33]) Въ началѣ 1525 года Альбрехтъ Бранденбургскій, будучи еще великимъ магистромъ, возобновилъ привиллегіи ливонскаго ордена и даровалъ ему право, вмѣсто того, чтобы предлагать на должность орденскаго магистра двухъ орденскихъ членовъ, изъ которыхъ потомъ одинъ утверждался великимъ магистромъ, избирать теперь изъ своей среды магистра, выборъ котораго нуждался лишь въ одобреніи великаго магистра. Отмѣнялась обязанность ордена въ Ливоніи высылать великому магистру военную помощь и оказывать другую поддержку, исключая случая, когда великій магистръ, по совѣщаніи съ магистрами въ Германіи и Ливоніи, предпринималъ войну Ливонскому орденскому магистру представлялось право самому просить о регаліяхъ у императора и имперіи, если великій магистръ упустилъ о томъ просить въ первое полугодіе послѣ утвержденія выбора орденскаго магистра. ([34])

Такими преимуществами тевтонскій орденъ въ Ливоніи пріобрѣталъ довольно независимое положеніе отъ великаго магистра, но теперь, когда великій магистръ сдѣлался свѣтскимъ княземъ, возникалъ вопросъ сохранятъ ли впредь свою силу эти привиллегіи и какое положеніе вообще займетъ теперь ливонскій орденъ. Вслѣдствіе этаго Вольтеръ фонъ Плеттенбергъ въ началѣ лѣта послалъ Кандаускаго фохта, Гейнриха фонъ Галена и секретаря Германа Бекелера къ великому магистру, спросить, какъ будетъ съ ливонскими орденскими дѣлами, если великій магистръ дѣйствительно, чему онъ, Плеттенбергъ, не хочетъ вѣрить, сложитъ съ себя орденское одѣяніе. Прусскій герцогъ отъ 19-го и 27-го іюня писалъ ливонскому магистру, что отправляетъ въ Ливонію посольство, которое подробно увѣдомитъ его, магистра, о ходѣ событій и нынѣшнемъ положеніи вещей, вмѣстѣ съ тѣмъ герцогъ увѣрялъ, что намѣренъ и впредь сохранить дружескія отношенія, существовавшія до сихъ поръ между Ливоніей и Пруссіей. Я слышалъ, писалъ герцогъ Альбрехтъ, что ливонскія сословія вскорѣ соберутся на ландтагѣ, потому желательно, чтобы сословія не расходились впредь до прибытія посольства,

([33]) См. Ранке Geschichte der Deutschen im Zeitalter der Reformation, II, стр. 491—93.

([34]) См. договоръ тевтонскаго ордена съ великимъ магистромъ въ архивѣ Лифляндскаго дворянства.

которое выѣдетъ изъ Кенигсберга 3-го или 4-го іюля, и передасть ландтагу свое порученіе. Главная цѣль посольства, къ которой, быть можетъ, примыкали и другія побочныя цѣли, была убѣдить ливонскія сословія въ совершенной необходимости, въ которую былъ поставленъ великій магистръ, при пустыхъ обѣщаніяхъ помощи князей и желаніемъ своихъ подданныхъ мира, принять орденскую землю какъ свѣтское герцогство отъ Польши въ ленное владѣніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ ливонскимъ сословіямъ давалось знать, что герцогъ въ отношеніи Ливоніи «хочетъ заявить и показать себя дружественно и доброжелательно христіанскимъ другомъ и братомъ, не жалѣя притомъ ни жизни, ни добра»

Послы, между которыми Фридрихъ фонъ Гейдекъ былъ значительнѣйшимъ, прибыли въ Вольмаръ, когда ландтагъ готовился уже къ закрытію. Они спѣшили исполнить свое порученіе у Плеттенберга, чтобы онъ еще во время могъ изложить сословіямъ заявленіе герцога Альбрехта; но изъ опасенія, какъ полагаетъ Ломиллеръ, чтобы магистръ не сталъ слишкомъ долго медлить съ этимъ дѣломъ, а также и для того, чтобы внушить въ рижскихъ депутатахъ къ себѣ и герцогу Альберту полное довѣріе, Фридрихъ фонъ Гейдекъ сообщилъ четыремъ бургомистрамъ и ратсгерамъ Риги главную цѣль посольства. Онъ хотя и не имѣлъ на то приказанія отъ герцога, но думалъ, «что это не возбудитъ неудовольствія въ его княжеской милости». Рижскіе депутаты захотѣли отплатить за такое довѣріе довѣріемъ же и разсказали, какъ сначала Плеттенбергъ взялъ ихъ подъ свою защиту, но теперь на ландтагѣ совершенно покинулъ; при этомъ они съ благодарностью вспоминали, что герцогъ Альбрехтъ, когда еще былъ великимъ магистромъ и не исповѣдывалъ евангелическаго ученія, предлагалъ ([35]), черезъ тильзитскаго попечителя Эбергарда фонъ Фрейберга, себя защитникомъ города Риги. Гейдекъ хвалилъ рижскихъ депутатовъ за неразглашеніе этаго дѣла и за сочувствіе къ предложенію князя. Онъ заявилъ, что въ настоящее время рижане, когда герцогъ сдѣлался уже ихъ единовѣрцемъ, еще болѣе могутъ расчитывать на него и что онъ охотно готовъ передать герцогу ихъ слова ([36]). За тѣмъ они разстались, такъ какъ Фридрихъ фонъ Гейдекъ долженъ былъ слѣдовать за магистромъ въ Венденъ, а депутаты возвратиться въ Ригу

Ломиллеръ горячо схватился за планъ ввѣрить городъ Ригу защитѣ герцога прусскаго и старался всѣми способами споспѣшествовать этому плану, но Плеттенбергъ провѣдалъ о планѣ и, не желая допустить, чтобы дѣло дошло до крайности, опять завелъ переговоры съ городомъ. Переговоры имѣли благопріятный исходъ. городъ,

([35]) По всей вѣроятности въ 1520 г.
([36]) См. письмо Ломиллера къ Гейдеку въ Corp. hist. dipl. Liv. II, XVI, ном. 2049.

исключивъ архіепископа, призналъ своимъ единственнымъ верховнымъ главой орденскаго магистра. Такъ какъ по смерти архіепископа Каспара, говорится въ договорѣ отъ 21-го сентября 1525 г., городъ Рига черезъ многократныя посольства просилъ орденскаго магистра о защитѣ, въ тоже время доводя до него свое твердое намѣреніе никогда не приносить присяги ни одному архіепископу, и оставался при этомъ непоколебимъ цѣлый годъ ради чистаго божественнаго слова, а также заявилъ объ этомъ публично на ландтагѣ всѣмъ сословіямъ, то орденскій магистръ рѣшается взять городъ подъ свою особенную защиту и покровительство и охранять его отъ всякаго нападенія. Этимъ ни сколько не нарушается кирхгольмскій договоръ, потому что въ немъ ничего не сказано о томъ, что, если городъ исключитъ одного властителя, то другой властитель обязанъ оставить пребывающихъ ему вѣрными и заступиться за исключеннаго. Когда орденскій магистръ приблизился къ городу, то былъ торжественно встрѣченъ горожанами и проведенъ въ ратушу Здѣсь магистру представили, что кирхгольмскій договоръ, по которому городъ обязанъ былъ присягать двумъ властителямъ (ордену и архіепископу), за прекращеніемъ главенства архіепископа, должно уничтожить и тогда рижане присягнутъ магистру, какъ своему единственному уже властителю. Магистръ вслѣдствіе этаго уничтожилъ кирхгольмскій договоръ и принялъ отъ рижскихъ бюргеровъ присягу себѣ. Затѣмъ Плеттенбергъ съ своей стороны обѣщалъ дозволить проповѣдывать евангеліе чисто и ясно въ городѣ и на его рынкахъ, а также обѣщалъ дозволить тѣ нововведенія и устройства, которыя уже совершились согласно евангелію или которыя еще требуются. Независимо этаго онъ подтвердилъ за городомъ его привиллегіи, права и обычаи, и покончилъ споръ изъ за границъ между орденомъ и городомъ, обезпечивъ за городомъ его старую границу ([37])

Католическіе священники и соборные каноники, проживавшіе еще въ городѣ, встревожились, узнавъ о договорѣ, въ конецъ разрушавшемъ ихъ духовное управленіе въ городѣ. Чтобы обезпечить себя противъ еще большихъ напастей, они всевозможными способами старались показать рижанамъ свое доброжелательство и дружеское расположеніе, предлагали даже, что сами укрѣпятъ ту часть города, гдѣ находятся дома соборныхъ канониковъ. Скоро, однако, обнаружилось, насколько искренни были подобныя заявленія. Втихомолку католическіе духовные вывезли все свое имущество изъ города и хотѣли вооружить большими орудіями валы башни, принадлежавшей имъ, городской стороны. Магистратъ замѣтилъ ихъ коварство и конфисковалъ всѣ ихъ дома, мельницы, поля и мызы, которые и раздѣлилъ между бюргерами. Городская сторона, гдѣ находились церковные дома,

([37]) Договоръ между магистромъ и городомъ Ригою напечатанъ въ 4-мъ томѣ Mon. Liv. ant. подъ № 152.

была укрѣплена бюргерами. Магистратъ дозволилъ соборнымъ каноникамъ мирно проживать въ городѣ и имѣть пристанище въ бюргерскихъ постоялыхъ дворахъ ([38]). Этимъ самымъ магистратъ лучше всего показалъ, что имъ руководитъ не личная злоба, но искренняя приверженность къ евангелическому ученію.

Если бросить взглядъ на событія этихъ трехъ истекшихъ годовъ, то въ нихъ увидимъ тотъ самый старинный споръ, который тянется черезъ всю исторію самостоятельной Ливоніи. Орденъ, архіепископъ и Рига, вотъ три партіи, отношенія которыхъ другъ къ другу при всякомъ возобновленіи спора измѣнялись, опредѣлялись точнѣе и смотря по обстоятельствамъ времени складывались благопріятно или для орденскаго магистра, или архіепископа, между тѣмъ какъ Рига обыкновенно должна была подчиняться договорамъ обоихъ властителей, вынося изъ спора привиллегіи и вольности въ награду за вѣрную приверженность къ одному изъ двухъ владыкъ. Реформація существенно измѣнила отношенія Риги къ ея владыкамъ. Судьба Ливоніи явилась въ рукахъ орденскаго магистра, онъ объявилъ себя на сторонѣ города и архіепископъ чрезъ то потерялъ какъ свѣтскую, такъ и духовную власть надъ Ригой. Значеніе рижскаго архіепископства совершенно упало. Рига же, обезпеченная защитой ордена, могла теперь свободнѣе дѣйствовать на укрѣпленіе у себя евангелическаго ученія.

([38]) Сравни Хитреуса I, XI, Гіерна стр. 195 и 196 въ 1-мъ томѣ Mon. Liv. ant. и лѣтопись Грефенталя въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. стр. 51 и 52.

ГЛАВА II.

Начало реформаціи въ Ревелѣ и Дерптѣ. Послѣднее время жизни архіепископа Бланкенфельда. Ломиллеръ и предложенія въ Любекѣ. Событія въ Ливоніи до перемирія въ Даленѣ.

При оживленныхъ сношеніяхъ, существовавшихъ между Ригою и Ревелемъ, какъ ганзейскими городами, извѣстіе о новомъ религіозномъ ученіи должно было скоро достигнуть и Ревеля; религіозныя волненія, обнаружившіяся въ Ригѣ, нашли себѣ отголосокъ и въ Ревелѣ. И здѣсь негодованіе черни на католическое духовенство выразилось въ ниспроверженіи иконъ и могильныхъ памятниковъ ([39]).

Для реформаціи Ревель занималъ болѣе благопріятное положеніе, чѣмъ Рига. Съ 1284 г городъ обладалъ правомъ епископальнаго суда (jus episcopale), а съ тѣмъ вмѣстѣ имѣлъ право надзора за церквами и священниками и право рѣшенія въ духовныхъ дѣлахъ ([40]). Слѣдовательно Ревель не нуждался въ согласіи своего епископа, при назначеніи въ свои церкви евангелическихъ проповѣдниковъ; для этого было достаточно магистратскаго постановленія. Но именно эта свобода и могла замедлить введеніе реформаціи въ Ревелѣ здѣсь не чувствовалось такъ тяжело гнетущее господство духовенства, какъ въ Ригѣ, и никакое сопротивленіе не вызывало евангелическихъ единовѣрцевъ къ сильнѣйшимъ, рѣшительнѣйшимъ дѣйствіямъ.

Въ 1523 г мы находимъ Іоанна Ланге и Іоанна Массіена проповѣдниками въ Николаевской церкви, Захарія Газе въ Олайской церкви и Генриха Бекгольда при церкви св. Духа ([41]); всѣ четверо были люди, склонявшіеся къ евангелическому ученію, и хотя они его не исповѣдывали гласно, все же въ ихъ проповѣдяхъ высказывались просвѣтленные религіозные взгляды, съ которыми соглашались многіе жители Ревеля.

Событія въ Ригѣ заставили Плеттенберга опасаться за спокойствіе въ Ливоніи. Потому, услышавъ о симпатіи, которое нашло себѣ

([39]) См. у Гіерна въ 1-мъ томѣ въ Mon. Liv. ant. стр. 193.
([40]) См. программу Рейна, приложеніе № 6.
([41]) См. Гіерна въ 1 томѣ Mon. Liv. ant. стр. 193 и программу Рейна стр. 14.

новое ученіе въ Ревелѣ, онъ въ началѣ 1524 г написалъ ревельскому магистрату письмо, въ которомъ приказывалъ запретить городскимъ проповѣдникамъ проповѣдывать противъ католической религіи. Магистратъ далъ прочитать это письмо тремъ гильдіямъ и всѣмъ сословіямъ, на которое послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ «ревельцы охотно готовы, согласно своему долгу, повиноваться приказанію орденскаго магистра и только сожалѣютъ, что несправедливо очернены передъ орденскимъ магистромъ. Ихъ проповѣдники, вѣрные своему призванію, возвѣщали гласно съ каѳедръ только истинное слово Божіе, уклониться отъ этого они не могутъ и хотятъ отвѣтить передъ Богомъ и людьми за то, что проповѣдывали» Орденскій магистръ удовольствовался такимъ отвѣтомъ. въ душѣ онъ не былъ нерасположенъ къ евангелическому ученію и щадилъ гдѣ только могъ евангеликовъ, дѣйствуя противъ нихъ лишь тогда, когда онъ молчаніемъ могъ повредить своему значенію у противной партіи. Къ сожалѣнію у Ревеля были сосѣди, которые не слишкомъ то были расположены къ городу и охотно хватались за удобный случай причинить ему какой нибудь вредъ. Къ тому же Гарріенское и Вирландское рыцарство (вассалы) было строго католическое, нестолько, вѣроятно, изъ убѣжденія, сколько потому, что богато одѣленная преимуществами и привиллегіями корпорація эта боялась новаго ученія какъ ученія свободы, которое легко могло вызвать крестьянъ къ сопротивленію господамъ. Потому-то это рыцарство не замедлило увѣдомить орденскаго магистра о насильственныхъ дѣйствіяхъ, сопровождавшихъ, какъ вообще всякое измѣненіе въ государствѣ или религіи, распространеніе реформаціи въ Ревелѣ. Вслѣдствіе этаго орденскій магистръ увидѣлъ себя вынужденнымъ вновь обратиться въ августѣ этаго года съ письмомъ къ городу Ревелю. Отъ депутатовъ гарріенскаго и вирландскаго рыцарства, говоритъ Плеттенбергъ въ своемъ письмѣ, я узналъ, что съ черными братьями ордена проповѣдниковъ въ Ревелѣ поступили насильственно. Ревельскіе бюргеры ограбили у нихъ клейноды, подаренные гарріенскимъ и вирландскимъ рыцарствомъ, принудили ихъ прекратить католическое богослуженіе въ монастырѣ и дозволили проповѣдывать въ монастырѣ проповѣдникамъ съ евангелическимъ образомъ мыслей. Въ погребѣ подъ хорами сдѣланъ оружейный складъ и въ немъ такъ много стрѣляли, что своды тряслись въ то время, какъ на верху монаховъ сѣкли и били и искушали къ уклоненію отъ вѣры. «Далѣе мы увѣдомлены означенными депутатами», продолжаетъ Плеттенбергъ, «что рѣчи вашихъ проповѣдниковъ выманили нѣсколькихъ дѣвицъ изъ монастыря и тѣ бѣжали, а потомъ вышли замужъ, на позоръ ихъ родственникамъ, друзьямъ, всему дворянству и рыцарству Потому упомянутые депутаты усердно просили насъ принять въ этомъ дѣлѣ цѣлесообразныя мѣры, чтобы положить конецъ такому соблазну и наказать злодѣевъ, такъ какъ ихъ поведеніе противно общественному и божескому порядку

и изъ него могутъ произойти и другія ссоры» За тѣмъ Плеттенбергъ требовалъ отъ ревельцевъ, чтобы они не только возвратили чернымъ братьямъ ихъ имущество, предоставивъ спокойно владѣть имъ, но и чтобы не мѣшали совершенію ихъ богослуженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ ревельцы должны выдать бѣжавшихъ монахинь ихъ настоятельницѣ для преданія суду по правиламъ ордена и чтобы тѣ, которые брали монахинь къ себѣ, были также наказаны.

Эта жалоба и доносъ рыцарства орденскому магистру настолько же ожесточилъ ревельцевъ, сколько ожесточила рижанъ жалоба архіепископа германскому имперскому управленію, и подстрекнула ихъ къ рѣшительнымъ шагамъ. Когда упомянутое письмо сдѣлалось извѣстнымъ въ городѣ, то всѣ горожане выражали увѣренность, что гарріенское и вирландское рыцарство жаловалось по побужденію и наущенію чорныхъ монаховъ. Народъ ворвался въ ихъ монастырь, выбросилъ иконы, разрушилъ алтари, разбилъ и ограбилъ шкафы и денежные ящики. Подобную же судьбу испытали церкви св. Духа и св. Олая ([42]).

При такомъ всеобщемъ возбужденіи въ пользу реформаціи, Іоаннъ Ланге и Іоаннъ Массіенъ рѣшились открыто выступить лютеранами и произнесли 14-го сентября 1524, на Воздвиженіе, первыя евангелическія проповѣди. Ихъ примѣру скоро послѣдовали Захарій Газе и Генрихъ Бекгольдъ. Съ этаго времени лютеранское ученіе было вполнѣ введено въ городѣ.

Въ четвергъ послѣ Воздвиженія, чернь, все еще волновавшаяся, пыталась разграбить и Николаевскую церковь. Тогдашній церковный старшина Генрихъ Бушъ, опасаясь грабежа, спряталъ церковныя вещи въ ризницѣ и велѣлъ замочныя скважины залить оловомъ. Такимъ только способомъ ему удалось сохранить церкви ея имущества.

Но ожесточеніе противъ доминиканцевъ не скоро улеглось. Когда магистратъ провѣдалъ, что бумаги, привиллегіи, печати и утварь, ввѣренныя монахамъ, были этими послѣдними вывезены изъ монастыря, то собрался 16-го января 1525 г на совѣщаніе съ эльтерманами гильдій и всей общиной и постановилъ доминиканцевъ за ихъ невѣрность изгнать изъ монастыря. Съ этою цѣлью въ монастырь отправилась депутація изъ трехъ эльтермановъ и нѣсколькихъ бюргеровъ. Депутаты призвали къ себѣ пріора, субпріора и весь монастырскій конвентъ и заявили имъ, что монахи, не смотря на кроткія увѣщанія, подстрекаемые субпріоромъ докторомъ Томасомъ, оказывали прежде и оказываютъ теперь строптивое сопротивленіе магистрату и всей общинѣ; потому ревельская община требуетъ выдачи монастырскихъ ключей. Монахи не посмѣли противиться и съ негодованіемъ бросили ключи на столъ. Депутаты обыскали монастырь,

([42]) См. программу Рейна стр. 12 и 13.

но почти ничего не нашли въ немъ и удостовѣрились въ справедливости обвиненія, что монахи вывезли куда-то монастырское имущество. Вслѣдствіе этаго депутаты приказали монахамъ немедленно же покинуть монастырь; но если кто изъ нихъ хочетъ перейти къ евангелическому ученію, то можетъ остаться въ городѣ и пользоваться городскими вольностями. Монахи единогласно заявили, что они лучше очистятъ монастырь, чѣмъ оставятъ свой орденъ. Затѣмъ ихъ спросили, куда они дѣвали монастырское имущество. Монахи отказались указать мѣсто, тогда пріора, субпріора и прокуратора заперли въ тюрьму Это средство подѣйствовало заключенные сказали правду и другіе монахи послѣдовали ихъ примѣру Арестованныхъ выпустили; весь конвентъ очистилъ монастырь и отправился на островъ Борнгольмъ ([43]).

Когда реформація стала въ Ревелѣ на твердую почву и городъ, подобно Ригѣ, отрекся отъ своего епископа, Плеттенбергъ принялъ присягу въ вѣрности одному ему и подтвердилъ Ревелю его вольности.

Всеобщее возбужденіе умовъ не ограничилось однимъ городомъ, но распространилось и на сельское населеніе въ окрестностяхъ Ревеля. Крестьяне въ Гарріенѣ и Вирландѣ возстали въ 1525 г противъ дворянства, требуя права самимъ избирать своихъ проповѣдниковъ, которые были бы обязаны проповѣдывать чистое евангеліе, и снова ихъ отставлять, если они прійдутся не по ихъ нраву Крестьяне хотѣли устроить между собою добровольные взносы для содержанія проповѣдниковъ, а излишекъ употреблять въ пользу вдовъ и сиротъ. При этомъ они требовали отмѣны крѣпостнаго состоянія, требовали себѣ права занимать общественныя должности, требовали себѣ гражданскаго равенства, и это все на основаніи Библіи ([44]).

Такимъ образомъ и здѣсь проявились, хотя и въ маломъ размѣрѣ, тѣже дѣйствія реформаціи, которыя въ гораздо большемъ объемѣ обнаружились въ германской крестьянской войнѣ и показали ясно, что всякое духовное освобожденіе не ограничивается кругомъ, въ которомъ оно возникло, но могущественно проникаетъ и въ другія отношенія. Впрочемъ, крестьянскія движенія въ Эстоніи, повидимому, были непродолжительны: они скоро улеглись и стихли, по крайней мѣрѣ о нихъ не имѣется никакихъ свѣдѣній.

Точно также и въ Викѣ и на островѣ Эзелѣ лютеранское ученіе пріобрѣло много приверженцевъ какъ между крестьянами, такъ и между дворянствомъ. Эзельскій епископъ, Іоаннъ Кивель, былъ слишкомъ разумный человѣкъ, чтобы противодѣйствовать новому, оживляющему духу времени; привиллегіею, данною въ Гапсалѣ 15-го декабря 1524 года эзельскому рыцарству, онъ даже показалъ свое расположеніе къ новому ученію. Первая статья этой привиллегіи касается религіозныхъ

([43]) См. программу Рейна, стр. 13.
([44]) См. программу Рейна, стр. 21.

дѣлъ. Кивель говоритъ въ ней, что онъ охотно допускаетъ, чтобы благодатное слово Божіе проповѣдывалось согласно съ ветхимъ и новымъ завѣтомъ, не измѣненное человѣческими постановленіями, ясно и истинно, какъ учили Христосъ и его апостолы, потому онъ желаетъ, чтобы въ кирхшпили назначались хорошіе проповѣдники, которые учили бы своихъ пасомыхъ, бѣдныхъ крестьянъ, христіанской вѣрѣ и святому евангелію, не отягощая ихъ ненужными налогами. Рыцарство должно представлять на должность проповѣдниковъ благочестивыхъ и ученыхъ людей, которые, послѣ испытанія епископомъ, получатъ утвержденіе отъ него и отъ капитула и останутся въ пасторатахъ такъ долго, пока будутъ полезны. Епископъ желаетъ также дать, сообща съ капитуломъ и рыцарствомъ, законъ о томъ, какъ должны держать себя проповѣдники и о томъ, чтобы крестьяне не были слишкомъ обижаемы. Эта привиллегія 30-го октября 1527 г была утверждена именемъ императора въ Шпейерѣ, и признана преемниками Кивеля по епископству Георгомъ фонъ Тизенгаузеномъ и Рейнгольдомъ фонъ Буксгевденомъ ([45]).

Съ первымъ началомъ реформаціи въ Дерптѣ связана личность, игравшая не только въ Ливоніи, но и въ Германіи и въ другихъ странахъ значительную, хотя и не достохвальную роль. Эта личность былъ Мельхіоръ Гофманъ, родомъ изъ Швабіи. ремесломъ скорнякъ. Отъ природы способный и острый, одаренный хорошей памятью, живымъ умомъ и сильнымъ, пламеннымъ воображеніемъ, Гофманъ могъ бы, при основательномъ ученіи и при обращеніи съ честными, разсудительными людьми, сдѣлаться одной изъ главныхъ опоръ реформаціи; но къ несчастію онъ почти одновременно съ ученіемъ Лютера узналъ и воззрѣнія Ѳомы Мюнцера и Бальтазара Губмейера, которые дали всему его религіозному воззрѣнію ложное направленіе и сдѣлали изъ него, вмѣсто дѣльнаго законоучителя, религіознаго мечтателя. Одушевленный своими идеями, онъ полагалъ себя призваннымъ и другихъ направлять на путь истины: потому онъ изъѣздилъ, то въ сопровожденіи своихъ единомышленниковъ, то одинъ, Германію, Швабію и Ливонію и старался вездѣ распространять свои ученія. «Онъ началъ свое предпріятіе, говоритъ Кронъ въ исторіи этого человѣка ([46]), «какъ ревнитель, продолжалъ его какъ мечтатель, а кончилъ вмѣстѣ съ жизнію какъ обманутый глупецъ» Въ сообществѣ съ Мельхіоромъ Ринкомъ и Книппердоллингомъ, Гофманъ предпринялъ лѣтомъ 1524 г поѣздку въ Стокгольмъ и произвелъ тамъ, ободренный отсутствіемъ короля Густава, мятежъ, усмирить который могло только поспѣшное возвращеніе короля.

([45]) Ср. Арндта II, стр. 185.

([46]) См. Крона въ исторіи перекрещенцевъ статью „Melchior Hofmann und die Secte der Hofmannianer,“ Leipzig 1758, стр. 5.

Гофманъ и его товарищи были высланы изъ государства и имъ грозили смертью, если они еще когда либо вернутся въ Швецію (47).

Послѣ этой неудачной попытки приготовить для своихъ ученій твердую почву въ Швеціи, Гофманъ отправился къ концу осени 1524 года въ Ливонію и избралъ Дерптъ своимъ временнымъ мѣстожительствомъ. Принятіе евангелическаго ученія въ Ригѣ и Ревелѣ и враждебное настроеніе къ архіепископу Бланкенфельду, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и епископомъ дерптскимъ, предрасположили уже умы въ пользу реформаціи; тѣмъ скорѣйшій доступъ и искреннее одобреніе нашелъ здѣсь Гофманъ, что онъ усердно говорилъ противъ папства и свои ученія выдавалъ народу за евангельскія истины. Епископская партія старалась какъ можно скорѣе удалить изъ города такого проповѣдника, но противъ ея ожиданія именно это стараніе и споспѣшествовало реформаціи.

Вскорѣ послѣ Рождества 1524 г. епископскій фохтъ въ Дерптѣ хотѣлъ арестовать Мельхіора Гофмана, но встрѣтилъ сопротивленіе въ его приверженцахъ. Дѣло дошло до кровопролитія: четыре бюргера поплатились жизнью, фохтъ, однако, долженъ былъ удалиться въ замокъ. Тогда бюргеры яростно бросились на церкви, разбили всѣ шкафы, въ которыхъ хранились клейноды и ризы, расхитили послѣднія, посрывали иконы и сожгли ихъ. Съ помощью ревельскихъ жолнѣровъ, находившихся въ Дерптѣ, они заняли затѣмъ архіепископскій замокъ и долгое время держали его въ своей власти (48).

Это событіе ясно показало, на сколько враждебно настроена большая часть жителей Дерпта къ папству, и такъ какъ магистратъ также склонялся къ евангелическому ученію, потому дерптцы рѣшились произвести церковную реформу совершенно серьезно и въ полномъ порядкѣ. Гофманъ все таки казался магистрату не совсѣмъ подходящимъ человѣкомъ для этой цѣли, потому былъ посланъ городской секретарь Іоакимъ Зассенъ къ Сильвестру Тегельмейеру убѣдить послѣдняго предпринять поѣздку въ Дерптъ. Тегельмейеръ послѣдовалъ приглашенію и прибылъ въ Дерптъ вечеромъ наканунѣ Срѣтенія Господня (1-го февраля) 1525 г. На другой же день онъ два раза проповѣдывалъ и за тѣмъ въ продолженіе четырехъ недѣль проповѣдывалъ каждый день и объяснялъ пророка Малахію на латинскомъ языкѣ. Онъ оставилъ Дерптъ во вторникъ на первой недѣлѣ поста (28-го февраля). Такимъ образомъ Сильвестръ Тегельмейеръ собственно положилъ основаніе лютеранской церкви въ Дерптѣ, которая съ тѣхъ поръ, не смотря на всѣ затрудненія и опасности, и утвердилась здѣсь.

Мельхіоръ Гофманъ между тѣмъ удалился изъ Дерпта. Произошло ли то по приказанію магистрата, или онъ самъ не считалъ

(47) См. Крона исторію перекрещенцевъ стр. 28 — 35.

(48) См. Крона исторію перекрещенцевъ стр. 38 — 40, Арндта II, стр. 189 и 190 и Гадебуша I, 2; стр. 304 и 305.

себя въ безопасности въ Дерптѣ послѣ разгрома церквей — неизвѣстно. Прежде всего онъ отправился въ Ригу, гдѣ, какъ онъ выражается въ одномъ своемъ позднѣйшемъ письмѣ къ дерптцамъ, про него распустили «замѣчательно несообразную ложь» Здѣсь онъ повидимому имѣлъ переговоры съ обоими рижскими реформаторами касательно евангелическаго ученія, потому что отсюда писалъ, какъ видно изъ того же позднѣйшаго письма, къ дерптцамъ. «оба свидѣтеля (Андрей Кнэпкенъ и Сильвестръ Тегельмейеръ) подтвердятъ, что Евангеліе не иначе должно преподаваться христіанскими учителями и не иначе основываться на Писаніи», какъ онъ имъ возвѣщалъ ([49]).

Какъ въ Ливоніи онъ старался оправдать передъ дерптцами свое ученіе свидѣтельствомъ обоихъ рижскихъ проповѣдниковъ, такъ онъ вскорѣ и въ Виттенбергѣ съумѣлъ расположить въ свою пользу Лютера и Бугенхагена. Вообще Гофманъ обладалъ даромъ искусно втираться къ значительнымъ людямъ и выражаться предъ ними такъ осторожно, что на первое время никто не открывалъ въ немъ волка подъ овечьей шкурой. Вѣроятно этому способствовало и то, что онъ въ то время еще колебался въ своихъ ученіяхъ, которыя только позднѣе пріобрѣли опредѣленную форму

Въ срединѣ іюня 1525 г мы находимъ Гофмана въ Виттенбергѣ. Здѣсь онъ разсказываетъ Лютеру и Бугенхагену о несогласіяхъ ливонскихъ проповѣдниковъ въ ученіи и обрядахъ ([50]) и побуждаетъ тѣмъ названныхъ лицъ обратиться съ письмомъ ко всѣмъ любезнымъ христіанамъ въ Ливоніи съ ихъ пасторами и проповѣдниками. Письмо Лютера писано отъ 17-го іюня. Онъ предостерегаетъ ливонцевъ отъ раздоровъ въ дѣлѣ обрядовъ и призываетъ проповѣдниковъ къ единодушію, способствовать которому могло бы то, чтобы всякій не превозносилъ себя болѣе другихъ и садился, какъ Христосъ учитъ въ Евангеліи, ниже всѣхъ гостей на свадьбѣ. Хотя, продолжаетъ онъ, внѣшніе обряды въ богослуженіи для блаженства ничего не значатъ, все же не по христіански, начинать по поводу ихъ раздоры и тѣмъ сбивать съ толку бѣдный народъ. Всѣ обряды позволительны на основаніи вѣры, но не на основаніи любви. Народъ нужно учить, что обряды не Божіи заповѣди, но служатъ лишь къ сохраненію единодушія. Далѣе Лютеръ говоритъ проповѣдникамъ, что они служители народа, долженствующіе существовать для исправленія людей. Въ заключеніе проситъ народъ не удивляться возникновенію раздоровъ,

---

([49]) См. Крона исторію перекрещенцевъ стр. 40 — 41.

([50]) Что сообщенія Гофмана были именно такого рода, доказывается письмомъ Лютера, въ которомъ сказано: „отъ вѣрнаго свидѣтеля я узналъ, какіе споры и несогласія возникли между вами“. Кронъ въ своей исторіи перекрещенцевъ (стр. 46) полагаетъ, что Гофманъ привезъ Лютеру письмо Кнэпкена и что Лютеръ подъ именемъ свидѣтеля разумѣлъ не Гофмана, а Кнэпкена.

ибо на всѣхъ Божіихъ нивахъ растутъ плевелы между хорошими сѣменами. Богъ хочетъ ихъ тѣмъ испытать, сильны ли они въ вѣрѣ ([51]).

Бугенхагенъ написалъ свое письмо нѣсколькими днями позднѣе, 22-го іюня, и адресовалъ его своимъ «господамъ и любезнымъ братьямъ, проповѣдникамъ въ Ливоніи». Онъ совѣтуетъ имъ смиреніе и порицаетъ проповѣдниковъ, которые такъ «напыщены, будто слово Божіе для нихъ однихъ сошло, или изошло отъ нихъ однихъ». Если мы нашею проповѣдью хотимъ чего нибудь другаго», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «кромѣ славы Божіей и блаженства людей, то мы уже согрѣшили, хотя бы проглотили все Писаніе и говорили языкомъ всѣхъ ангеловъ». Книгу Лютера о купцахъ и ростовщичествѣ онъ рекомендуетъ всѣмъ купцамъ и ремесленникамъ. Обычное въ Ливоніи обжорство и пьянство онъ горячо обличаетъ. Лютеръ, какъ и Бугенхагенъ, были тогда еще такъ довольны воззрѣніями Гофмана, что позволили ему приложить къ своимъ письмамъ и его, имѣвшее заглавіемъ «Іисусъ. Христіанской общинѣ Дерпта въ Ливоніи Мельхіоръ Гофманъ желаетъ благословенія и мира, укрѣпленія вѣры Богомъ Отцомъ и Господомъ Іисусомъ Христомъ. Аминь» Въ этомъ письмѣ нельзя найти ничего ложнаго, противорѣчащаго лютеранскому ученію, только уже и здѣсь видно его большое пристрастіе къ аллегорическимъ толкованіямъ одиночныхъ мѣстъ Писанія и особенно Откровенія Іоанна, которое привело его впослѣдствіе къ столь многимъ заблужденіямъ. «Не унывайте и бодрствуйте», взываетъ онъ къ дерптцамъ, «чтобы діаволъ не застигъ васъ снова, которому вы были проданы такое долгое время, чтобы ваша сила была и оставалась при древѣ жизни, которое есть Іисусъ, нашъ Спаситель, сказавшій: азъ есмь лоза, вы же рождіе. Кто не облекся во Христа, не угоденъ Богу Чтобы истинно понять облеченіе, нужно вѣрить, что Онъ одинъ ваше оправданіе, черезъ котораго вы оправданы и будете оправданы по Божескому милосердію, а не по заслугамъ» Далѣе онъ увѣщеваетъ дерптцевъ молиться за тѣхъ, которые еще не просвѣтлены вѣрою, стремиться къ миру и согласію, держаться твердо яснаго текста Писанія и не позволять увлекать себя ложными толкованіями и наконецъ беречься отъ духа раздора, возникшаго между ними. Въ заключеніе онъ пишетъ, что его мысли направлены къ тому, чтобы возвратиться къ нимъ ([52]).

([51]) Содержаніе этаго и слѣдующаго письма заимствовано у Гадебуша I, 2; стр. 313 — 315.

([52]) Письмо это отъ 22-го іюня 1525 г. напечатано у Крона въ его исторіи перекрещенцевъ на стр. 51 — 57. Всѣ три упомянутыя письма были изданы въ 1525 г. въ Витенбергѣ подъ заглавіемъ: Eyne Christliche vormanung von eusserlichen Gottesdienste unde eyntracht an die yn Liefflandt, durch D. Martinum Luther und andere. См. Гадебуша I, 2, стр. 313.

Въ то время, когда Гофманъ былъ въ Виттенбергѣ, между Лютеромъ и Карлштадтомъ завязался споръ о таинствахъ, и Гофманъ, при своемъ расположеніи, которое онъ уже прежде показывалъ къ воззрѣніямъ Карлштадта, повидимому и теперь сталъ на его сторону Если сравнить его письмо къ дерптцамъ отъ этаго года съ его разъясненіемъ 12 главы Даніила, то является мысль, что религіозныя идеи Гофмана приняли круто другое направленіе именно въ то время, которое протекло между написаніемъ письма и разъясненіемъ. Впрочемъ, какъ произошла перемѣна въ его воззрѣніяхъ и гдѣ вообще онъ находился во второй половинѣ 1525 г и въ началѣ слѣдующаго, объ этомъ можно только дѣлать предположенія. За вѣрное можно только принять, что Гофманъ около Пасхи 1526 г былъ снова въ Ливоніи. Здѣсь онъ, какъ и прежде, избралъ своимъ мѣстопребываніемъ Дерптъ, занимался тутъ скорняжными работами и такимъ образомъ снискивалъ себѣ пропитаніе, никого не обременяя. Но при этомъ онъ не упускалъ и проповѣдывать, излагая свои воззрѣнія на предопредѣленіе, исповѣдь, отреченіе отъ церкви, причастіе, иконы, учительскую должность, день страшнаго суда и пр. Въ день праздника Тѣла Господня (31-го мая) онъ проповѣдывалъ съ такой горячностью, что только по незначительному числу его слушателей возстаніе не произошло въ этотъ день. Въ слѣдующее воскресенье число его слушателей было уже такъ велико, что его повели въ Маріинскую церковь и поставили тамъ на каѳедру Священники и пѣвцы были изъ церкви выгнаны, алтари и статуи низвержены, иконы сожжены на рынкѣ. Затѣмъ толпа, бросившись въ Іоанновскую церковь, произвела и тамъ подобныя же безчинства. Таже судьба постигла Доминиканскій и Миноритскій монастыри, изъ которыхъ монахи должны были выбраться, не смѣя ничего взять съ собой, кромѣ своихъ молитвенниковъ. Женскій монастырь Францисканскаго ордена былъ занятъ и монахини оттуда изгнаны; нѣкоторыя изъ нихъ нашли скоро случай выйти замужъ. Тѣмъ монахамъ, которые сняли монашескую одежду и приняли лютеранское ученіе, даровано было бюргерское право. Доходами названныхъ монастырей завладѣлъ городъ, а чтобы сами монастыри впредь не могли служить мѣстомъ религіозныхъ сборищъ, дерптцы превратили Доминиканскій монастырь въ цейгхаузъ, а во Францисканскомъ монастырѣ стали обжигать известь. Страсть къ разрушенію не ограничилась однѣми католическими церквами. Чернь разрушила и православную церковь, которая была воздвигнута для русскихъ купцовъ въ Дерптѣ. Дерптцы впослѣдствіи должны были горько раскаяться за это, ибо разрушеніе православной церкви въ Дерптѣ послужило царю Іоанну Васильевичу поводомъ къ войнѣ, которая впослѣдствіи такъ долго опустошала Ливонію.

Дерптскій соборъ былъ пока пощаженъ толпой Гофмана, но злоба Гофмана на канониковъ, которые называли его въ своихъ про-

повѣдяхъ соблазнителемъ и лжецомъ и подсмѣивались надъ его свѣтскою премудростью и его ремесломъ, не оставила ихъ долго въ покоѣ. Собравши вокругъ себя двѣсти своихъ приверженцовъ, онъ пошелъ съ ними на соборъ, чтобы выгнать оттуда канониковъ. Но при входѣ въ церковь стоялъ уже замковый фохтъ съ тринадцатью драбантами. Онъ такъ стремительно ударилъ въ нападавшихъ, что Гофманъ со своей толпой поспѣшно обратился въ бѣгство. Уже папская партія торжествовала свою побѣду, какъ въ городѣ раздался набатъ, все взялось за оружіе, начался новый штурмъ. Соборъ былъ наконецъ взятъ и потерпѣлъ судьбу другихъ церквей. Дома канониковъ были разграблены. Магистратъ сгладилъ дѣло настолько, что каноникамъ было дозволено совершать по прежнему богослуженіе въ соборѣ, а бюргерамъ напротивъ было запрещено подъ угрозой штрафа въ 10 марокъ слушать въ соборѣ обѣдню или проповѣдь.

Ожесточенные паписты, конечно, не могли оставить Гофмана безъ преслѣдованій, такъ что онъ, какъ писалъ впослѣдствіи дерптцамъ, ни днемъ ни ночью не былъ спокоенъ за свою жизнь. Послѣ разсказаннаго мятежа онъ скоро покинулъ Ливонію, и на этотъ разъ навсегда, наказавъ своимъ приверженцамъ въ Дерптѣ оставаться ему вѣрными пока онъ имъ не напишетъ. Изъ Виттенберга онъ прислалъ дертпцамъ разъясненіе XII главы Даніила, которое онъ напечаталъ въ концѣ 1526 года. Съ этаго времени Гофманъ исчезаетъ изъ Ливонской исторіи, оставивъ по себѣ образъ возмутителя, который, самъ не убѣжденный, могъ только сбивать съ толку и ослѣплять другихъ ([53]).

Само собою разумѣется, что съ принятіемъ лютеранскаго ученія Дерптъ отказался отъ духовнаго управленія своего епископа; магистратъ отмѣнилъ духовную юрисдикцію и сталъ управлять церковными дѣлами города. Епископу остались только ограниченныя права свѣтскаго князя и его отношенія къ городу были болѣе отношеніями покровителя, чѣмъ собственно властителя.

Такимъ образомъ города Рига и Дерптъ переходомъ къ лютеранскому ученію существенно ослабили силу Бланкенфельда; къ тому же орденскій магистръ считалъ необходимымъ для сохраненія своего значенія охранять Ригу и съ нею свободу лютеранскаго исповѣданія противъ архіепископа. Бланкенфельдъ очутился въ весьма незавидномъ положеніи земское рыцарство (вассалы) и собственный умъ явились единственными силами, оставшимися въ его распоряженіи; но и земское рыцарство не было вполнѣ надежно. довольно было одного подозрѣнія, чтобы оно отстранилось отъ архіепископа. Бланкенфельдъ незадолго передъ тѣмъ писалъ епископу виленскому

([53]) О второмъ пребываніи Гофмана въ Ливоніи смотри Бреденбаха hist. belli Livonici стр. 17 — 23; Крона Geschichte der Wiedertäufer, стр. 60 — 70 и Гадебуша I, 2, стр. 313 — 320.

о ливонскихъ дѣлахъ, принималъ русское посольство въ Нейгаузенѣ и почтилъ его подарками. Этого было достаточно, чтобы обвинить архіепископа въ связяхъ съ русскими и литовцами и въ замыслахъ противъ ордена. Архіепископъ въ свою защиту противъ такого обвиненія говорилъ, что въ письмѣ къ епископу виленскому онъ жаловался только на насилія рижанъ и дерптцевъ противъ соборнаго капитула и церквей и просилъ у епископа лишь совѣта въ этихъ дѣлахъ, въ письмѣ нѣтъ ничего враждебнаго къ ливонскимъ землямъ и ордену Меня, говорилъ архіепископъ, обвиняютъ въ томъ, что я заключилъ союзъ съ русскимъ великимъ княземъ и желаю сдать ему нѣсколько замковъ, если онъ подчинитъ епископство и городъ Дерптъ духовной власти; но какая выгода архіепископу произошла бы изъ этого? Еслибы русскій пришелъ съ большой силой, а большой силы онъ не можетъ выставить, то вѣдь всякій можетъ разсудить, что вышло бы изъ этого; если же великій князь пошлетъ мало людей, то это немного поможетъ, тѣмъ болѣе, что русскій не особенно годенъ для осады городовъ и замковъ. Я хотя и принималъ русское посольство въ Нейгаузенѣ, которое прибыло съ предложеніями помощи, но я отказался отъ помощи и далъ понять послу, что Ливонія не нуждается ни въ чьей помощи, что магистръ и сословія окажутъ мнѣ справедливость. Русское посольство получило подарки, но было одарено для блага ливонскихъ земель, дабы великій князь былъ хорошимъ сосѣдомъ ихъ ([54]).

Но эти оправданія мало помогли: сношенія съ русскими все-таки бросали худую тѣнь на архіепископа. Плеттенбергъ хорошо зналъ, что, съ тѣхъ поръ какъ онъ взялъ подъ свою защиту Ригу, архіепископъ расположенъ къ нему враждебно, потому онъ охотно принялъ къ свѣдѣнію взводимыя на архіепископа обвиненія и старался на всякій случай обезпечить себя, убѣждая земское рыцарство Риги и Дерпта принять соотвѣтственныя мѣры въ отношеніи архіепископа. Рыцарство, давно уже недовольное архіепископомъ за его насильственные поступки при вступленіи въ управленіе и за его властолюбіе, не заставило себя долго просить оно заняло архіепископскіе замки и укрѣпленія, а въ пятницу передъ Рождествомъ взяло въ плѣнъ самого архіепископа въ его замкѣ Роннебургѣ ([55]).

Чтобы отразить набѣгъ русскихъ, еслибы онъ дѣйствительно случился, ливонскій орденъ выписалъ помощь изъ заграницы; нѣсколько сотенъ рейтаровъ должны были пройти черезъ Пруссію въ Ливонію. Вмѣстѣ съ тѣмъ орденскій магистръ просилъ герцога Прус-

([54]) См. Бергмана Magazin für Russlands Geschichte томъ II, ч. 2, стр. 27.
([55]) См. инструкцію ливонскому послу Генриху Галену въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. и сравни лѣтопись Гребенталя стр. 52.

скаго черезъ кандаускаго фохта Генриха Галена дозволить этому вспомогательному войску свободный проходъ черезъ Пруссію, а вслучаѣ же нужды дозволить вербовать на счетъ орденскаго магистра силезскихъ чеховъ. Но герцогъ Альбрехтъ въ настоящее время долженъ былъ самъ остерегаться онъ провѣдалъ о совѣщаніяхъ, которыя будто бы велись противъ него въ Германіи съ вѣдома ливонскаго орденскаго магистра. Вслѣдствіе этого герцогъ не желалъ дозволить свободнаго прохода рейтарамъ впредь до соглашенія съ орденскимъ магистромъ касательно этихъ дѣлъ. Напомнивъ орденскому магистру о важныхъ услугахъ, которыя оказалъ ордену архіепископъ Бланкенфельдъ (будучи повѣреннымъ въ Римѣ), герцогъ совѣтовалъ относиться къ архіепископу поснисходительнѣе. Плеттенбергъ на это отвѣчалъ, что ни онъ, ни его сановники ничего не знаютъ о планахъ противъ герцога, что они передаютъ герцогу черезъ кандаускаго фохта истинную причину вооруженій въ Ливоніи и потому еще разъ просятъ герцога быть увѣреннымъ въ ихъ дружескомъ расположеніи и не задерживать долѣе ихъ войско въ походѣ въ Ливонію. Это объясненіе не помогло: нанятое войско должно было оставаться въ Пруссіи, солдаты проѣли тамъ свои деньги, пораспродали своихъ лошадей и только одиночные дворяне пробрались водою въ Ливонію и вступили въ службу ордена. Такой поступокъ со стороны Пруссіи сдѣланъ былъ частью изъ опасеній передъ вооруженіями въ Ливоніи, частью изъ уваженія къ Польшѣ, король которой принималъ живѣйшее участіе въ судьбѣ архіепископа и старался по возможности препятствовать всякой насильственной противъ него мѣрѣ.

Въ то самое время какъ между герцогомъ Прусскимъ и орденскимъ магистромъ велись эти переговоры, въ Ливоніи шла рѣчь о важномъ планѣ, который, еслибы былъ вполнѣ приведенъ въ исполненіе, существенно измѣнилъ бы судьбу ливонцевъ. Чтобы обсудить этотъ планъ, въ посту 1526 г собрались депутаты отъ рижскаго, дерптскаго и эзельскаго рыцарствъ и рыцарства Гарріена и Вирланда съ депутатами магистратовъ трехъ городовъ Риги, Дерпта и Ревеля сначала въ Руэнѣ, а потомъ въ Вольмарѣ. Дерптскіе депутаты прежде всего высказали свои опасенія: въ настоящее время они обладаютъ въ Дерптѣ замкомъ, но еслибы орденскій магистръ сдѣлался единственнымъ ихъ господиномъ, то конечно взялъ бы въ свое владѣніе дерптскій замокъ и такимъ образомъ безусловно владѣлъ бы городомъ, такъ какъ замокъ лежитъ внутри города и не отдѣленъ отъ него стѣнами. Къ тому же орденскій магистръ могъ бы завладѣть рыболовствомъ, которое обыкновенно приносило городу много прибыли, и лишить тѣмъ городъ значительной выгоды. Рига и Ревель обѣщали Дерпту по возможности устранить подобныя опасенія. Всѣ три города находили однако, что имъ совершенно необходимо подчиниться власти

одного господина и одного управленія. По обсужденіи и рѣшеніи нѣкоторыхъ дѣлъ, относящіхся къ торговлѣ, рѣчь зашла о жалобахъ на архіепископа. Робертъ Сталь фонъ Гольштейнъ, депутатъ рыцарства гарріенскаго и вирландскаго, особенно заботившагося о расширеніи могущества орденскаго магистра, заявилъ собранію извѣстія, полученныя орденскимъ магистромъ о сношеніяхъ архіепископа съ великимъ княземъ московскимъ; дерптскіе же депутаты представили свидѣтельства за печатями и другія бумаги, которыя должны были подтвердить обвиненія противъ архіепископа. Было рѣшено сперва узнать мнѣніе земскихъ рыцарствъ Риги и Дерпта, остаются ли они при своемъ отвѣтѣ, данномъ ими въ Лемзалѣ депутатамъ рыцарства вирландскаго и гарріенскаго, и потомъ уже, если это будетъ сочтено полезнымъ, изслѣдовать обвиненія противъ архіепископа. Эзельское рыцарство, спрошенное о своемъ мнѣніи, обѣщало оставаться при своемъ прежнемъ рѣшеніи, не отдѣляясь отъ Гарріена и Вирланда и орденскаго магистра. Дерптское рыцарство отвѣчало, что хотя виновность или невинность архіепископа и не доказаны, но такъ какъ архіепископъ пользуется дурною репутаціею, то они готовы отказаться отъ присяги и повиновенія ему; теперь же, пока не изслѣдуется все дѣло, они не будутъ помогать архіепископу ни совѣтомъ, ни дѣломъ, но столь же мало пристанутъ и къ другой партіи. Самымъ послѣднимъ было спрошено рижское рыцарство. Его первое раздраженіе противъ архіепископа улеглось и оно стало сомнѣваться, улучшится ли положеніе рыцарства, если вмѣсто архіепископа они сдѣлаютъ своимъ господиномъ орденскаго магистра. Потому оно, рижское земское рыцарство, предпочло сблизиться съ архіепископомъ, находившимся у него въ плѣну и добыло отъ архіепископа удостовѣреніе, что онъ ни ихъ самихъ, ни ихъ преемниковъ не привлечетъ къ отвѣтственности за свой плѣнъ и за предпринятыя противъ него дѣйствія, если послѣ переговоровъ, имѣющихъ производиться въ посту, опять по старому пріобрѣтетъ свободу и управленіе; съ своей стороны земское рыцарство обѣщало признать его снова господиномъ своей страны и быть ему вѣрнымъ ([56]). Послѣ такого соглашенія съ архіепископомъ, рижское рыцарство естественно высказалось не за орденскаго магистра. Такъ какъ ихъ господинъ, гласилъ потому ихъ отвѣтъ, съ юности оказывался честнымъ и правдивымъ человѣкомъ передъ папой, императоромъ, князьями и передъ всякимъ, то они не видятъ причины, почему имъ покидать его. Тогда поднялся Робертъ Шталь и напомнилъ имъ переговоры земскихъ рыцарствъ въ Перновѣ и Лемзалѣ, гдѣ представлены были самые тяжелые пункты обвиненія. Пусть рижское рыцарство теперь объяснится, хотятъ ли они судить своего господина по существовавшимъ въ странѣ правамъ безъ всякой дальнѣйшей

([56]) См. документы объ этомъ въ Neuen nord. Miss. VII и VIII, стр. 278.

аппеляціи, для чего эти страны слишкомъ отдаленны, или нѣтъ, и кто долженъ оцѣнить понесенные страною убытки. Отъ аппеляціи, отвѣчали депутаты рижскаго земскаго рыцарства, архіепископъ отказался и далъ имъ полномочіе отъ его имени обо всемъ переговорить, войти въ соглашеніе и покончить все; потому они и надѣются на дружеское соглашеніе. Но города и рыцарство Гарріена и Вирланда слышать не хотѣли о дружескомъ соглашеніи съ архіепископомъ. не для того, говорили они, мы собрались вмѣстѣ. Депутаты Гарріена и Вирланда зашли во враждѣ къ духовенству такъ далеко, что заговорили о казни епископа, что однако отвергли города. Тогда орденскій магистръ потребовалъ отъ каждаго сословія мнѣнія о томъ, какъ поступить съ архіепископомъ. Когда мнѣнія были поданы, на съѣздъ прибыло посольство отъ архіепископа, состоявшее изъ рижскихъ земскихъ рыцарей, которые привезли архіепископское полномочіе войти рыцарству во всякое соглашеніе, не противное архіепископской чести, землямъ, помѣстьямъ и управленію. Посольству были сообщены главныя условія дружескаго соглашенія, именно возмѣщеніе понесенныхъ убытковъ и занятіе пограничныхъ архіепископскихъ замковъ орденскимъ магистромъ для защиты страны. Архіепископъ хотѣлъ пріѣхать самъ въ Вольмаръ и самъ защищаться, но съ полъ-дороги возвратился назадъ. Вслѣдствіе этого сословія не захотѣли долѣе проживать въ Вольмарѣ и ждать напрасно архіепископа, они распрощались съ орденскимъ магистромъ и во вторникъ послѣ вербнаго воскресенья (27-го марта) разъѣхались обратно по домамъ.

На съѣздѣ, въ качествѣ свидѣтелей, были выслушаны сначала маріенбургскій переводчикъ, который будучи по повелѣнію орденскаго магистра въ Москвѣ, слышалъ отъ стара и млада, что архіепископъ вошелъ въ сдѣлку съ великимъ княземъ. Затѣмъ переводчикъ орденскаго магистра разсказывалъ про одного литовскаго боярина, который былъ болѣе двадцати лѣтъ въ плѣну въ Россіи; къ нему и къ другимъ, взятымъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ нимъ, будто бы однажды пришли русскіе со словами. Мы приносимъ вамъ хорошія вѣсти, государь великій князь, нашъ милостивый господинъ, возвратилъ вамъ свободу и хочетъ, чтобы вы вмѣстѣ съ нимъ молились Богу, потому что привалило большое счастіе со стороны Ливоніи, которая при помощи архіепископа ливонскаго подчинится ему, великому князю. Нѣсколько дней спустя были выслушаны дерптскій епископскій фохтъ Петръ Штоппельбергъ и Лаврентій Фелькерзамъ, присутствовавшіе при пріемѣ архіепископомъ въ Нейгаузенѣ русскаго посольства. Петръ Штоппельбергъ заявилъ, что онъ просилъ архіепископа для избѣжанія подозрѣній сообщить открыто служивымъ и тѣмъ, которые были съ архіепископомъ въ Нейгаузенѣ, предложенія русскаго посольства; на что ему архіепископъ отвѣтилъ «Ахъ, любезнѣйшій, мы никакъ не думали, чтобы въ такой широкой груди находилось такое трусливое сердце» Лаврентій

Фелькерзамъ сослался на свои показанія, которыя онъ собственноручно написалъ въ тюрьмѣ ([57])

Архіепископъ впродолженіи этого времени содержался все еще въ строгомъ заточеніи и даже послы отъ герцога прусскаго, которые хотѣли объявить архіепископу о дружественномъ къ нему расположеніи своего князя и переговорить съ нимъ объ одномъ денежномъ долгѣ, не были къ нему допущены и должны были вести переговоры о своемъ дѣлѣ письменно. Также и всѣ ходатайства короля польскаго и герцога прусскаго за архіепископа остались безъ успѣха. Съ трудомъ, наконецъ, дозволили, чтобы орденскій канцлеръ отправился къ архіепископу и выслушалъ его предложенія.

На пятницу передъ Ивановымъ днемъ былъ назначенъ ландтагъ въ Вольмарѣ. Сюда прибылъ архіепископъ и въ рѣчи изложилъ свои оправданія. Окончательнымъ рѣшеніемъ этого ландтага было подчиненіе архіепископа и епископовъ Ливоніи вмѣстѣ съ ихъ капитулами и рыцарствами орденскому магистру Въ состоявшихся 15-го іюня 1526 г въ Вольмарѣ реверсаліяхъ, архіепископъ и епископы обязуются оказывать ордену помощь во всякой войнѣ противъ враговъ страны; не стѣсняясь раньше заключенными союзами внутри или внѣ страны, всякій споръ въ странѣ долженъ быть улаженъ законнымъ рѣшеніемъ, а не открытой силой. Архіепископъ ничего не будетъ предпринимать противъ города Риги безъ вѣдома и совѣта орденскаго магистра. Никто, къ какому бы онъ ни принадлежалъ сословію, не смѣетъ призывать на помощь иностранныхъ государей или земель или вести съ ними переговоры въ ущербъ странѣ. Къ этому прелаты, капитулы и рыцарства обѣщаютъ ордену, если онъ того пожелаетъ, помогать ему вѣрно своимъ совѣтомъ по своему крайнему разумѣнію и все, что орденъ довѣритъ имъ, сохранять въ тайнѣ и не выдавать во вредъ странѣ. За то орденъ обѣщаетъ имъ защиту и покровительство. Архіепископъ и епископы будутъ стараться получить утвержденіе этихъ статей отъ папы и императора, но если статьи и не будутъ утверждены, то не смотря на это, онѣ все-таки останутся въ силѣ, безъ вреда для привиллегій и вольностей каждаго сословія ([58]).

Здѣсь невольно является вопросъ почему Плеттенбергъ не воспользовался настоящими обстоятельствами, чтобы сдѣлаться единственнымъ властителемъ Ливоніи? Какъ магистръ духовно-католическаго ордена, онъ не могъ уничтожить верховныхъ пастырей церкви, мечомъ которой долженъ быть орденъ, а если верховные пастыри существовали бы и впредь со своими правами, то магистръ не могъ сдѣлаться ничѣмъ другимъ, какъ только тѣмъ, во что возвелъ его

([57]) О переговорахъ въ Руенѣ и Вольмарѣ см. Бунге Archiv für die Geschichte Liv-, Ehst- u. Kurlands, II, стр. 93 — 130.

([58]) Реверсаліи напечатаны въ лѣтописи Грефенталя стр. 52 (Mon. Liv. ant. т. V).

только что упомянутый документъ, т. е. покровителемъ всей Ливоніи. Магистръ могъ бы перейти къ лютеранскому ученію и объявить себя независимымъ княземъ Ливоніи, но какъ самостоятельному князю ему трудно было бы удержаться противъ враждебныхъ сосѣднихъ государствъ, Россіи и Польши. Къ тому же въ то время не было примѣра, чтобы какой нибудь имперскій князь возвысился до степени независимаго владѣтеля страны, не пройдя промежуточной ступени къ независимости, періода леннаго отношенія къ большему государству Еслибы Плеттенбергъ вошелъ въ ленныя отношенія, напримѣръ, къ Польшѣ, то онъ перемѣнилъ бы свое положеніе на несравненно болѣе независимое. Но католическая партія въ Ливоніи вовсе не была такъ незначительна, чтобы терпѣливо допустить лютеранскаго господина до власти надъ собою, да и Плеттенбергъ самъ, хотя конечно въ душѣ и былъ расположенъ къ лютеранскому ученію, все же внѣшнимъ образомъ строго держался католической церкви, какъ онъ и выразился въ одномъ своемъ отвѣтѣ посламъ короля польскаго: «что въ этомъ лютеранскомъ возмущеніи онъ вмѣстѣ со своимъ орденомъ явится покорнымъ папскому святѣйшеству и императорскому величеству» Это быть можетъ были однѣ изъ причинъ, которыя удерживали Плеттенберга протянуть свою руку за независимой княжеской короной. Онъ удовольствовался властью, которой до него не достигалъ ни одинъ орденскій магистръ. Старинный споръ между орденомъ и духовенствомъ повидимому достигъ своего окончанія свѣтская власть одержала побѣду надъ духовной.

Властолюбивый Бланкенфельдъ на вольмарскомъ ландтагѣ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ. его гордость не позволила ему оставаться при подобныхъ обстоятельствахъ въ Ливоніи. Потому, онъ, какъ только получилъ свободу, тотчасъ же удалился изъ Ливоніи, оставивъ протестъ противъ вольмарскихъ реверсалій ([59]). По пути въ Римъ онъ заѣхалъ въ Польшу, короля которой онъ вѣроятно уже раньше увѣдомилъ о своей поѣздкѣ, потому что послѣдній просилъ его въ письмѣ оправдать передъ папой превращеніе орденской земли Пруссіи въ свѣтское герцогство, представить его святѣйшеству всѣ опустошенія, которыя претерпѣваютъ Венгрія со стороны турокъ и Польша со стороны татаръ, а также извѣстить его о лютеранской болѣе и болѣе разростающейся заразѣ, надъ искорененіемъ которой трудится король. Въ Римѣ Бланкенфельдъ искалъ у папы Климента VII помощи противъ ордена, но у Климента было довольно хлопотъ и съ итальянскими дѣлами, потому Бланкенфельдъ незадолго до взятія приступомъ Рима Карломъ Бурбонскимъ, (6-го мая 1527 г.) выѣхалъ изъ этого города въ Испанію, чтобы черезъ императора Карла V исходатайствовать себѣ снова всѣ архіепископскія права; но въ 4-хъ

([59]) См. Арндта II, ст. 195, и Гадебуша I, 2, стр. 327.

миляхъ отъ Паленціи заболѣлъ диссентеріей и умеръ тамъ 9-го сентября 1527 г. ([60]).

Бланкенфельдъ совѣтовалъ рижскимъ соборнымъ каноникамъ избрать послѣ его смерти рижскимъ архіепископомъ герцога Георга Брауншвейгскаго и Люнебургскаго, домгера епископствъ Кельнскаго и Страсбургскаго, а епископомъ дерптскимъ императорскаго младшаго канцлера Бальтазара Мерклина, урожденца Вальдкирхскаго въ Швабіи. Такимъ выборомъ, надѣялся онъ, поднимется снова значеніе архіепископа и епископовъ въ Ливоніи, такъ какъ герцогъ Георгъ могъ быть увѣренъ въ помощи своего брата герцога Генриха Брауншвейгскаго, а Бальтазаръ Мерклинъ могъ много сдѣлать черезъ свои знакомства при императорскомъ дворѣ ([61]).

Императоръ, услышавъ о смерти архіепископа, очень жалѣлъ, что не поговорилъ съ такимъ достойнымъ представителемъ католической церкви; онъ велѣлъ принести себѣ бумаги архіепископа и узналъ изъ нихъ о предложенномъ выборѣ ([62]). Императоръ былъ вовсе не прочь видѣть обезпеченною власть католической церкви въ столь отдаленныхъ странахъ римской имперіи, княжеской особой, имѣвшей достаточно средствъ для удержанія власти; потому онъ и рекомендовалъ капитуламъ этотъ выборъ и достигъ того, что рижскій капитулъ согласился предложить герцога Георга Брауншвейгскаго къ выбору въ архіепископы. Но въ Ливоніи были многіе, которые на этотъ выборъ въ раздумьѣ покачивали головами, считали его противнымъ законамъ и обычаямъ страны и опасались новыхъ потрясеній въ странѣ. Имъ потому было пріятно узнать, что и Плеттенбергъ недоволенъ такимъ предложеніемъ и дѣлаетъ все возможное, чтобы воспрепятствовать выбору герцога. Дѣйствительно, Плеттенбергъ совѣтовалъ рижскому капитулу выбрать архіепископомъ вмѣсто чужаго князя кого нибудь изъ своей среды и обѣщалъ имъ въ этомъ случаѣ довести городъ Ригу до того, что рижане возвратятъ духовенству отобранныя владѣнія внутри и внѣ города; съ герцогомъ же Брауншвейгскимъ новоизбранный архіепископъ можетъ войти въ полюбовную сдѣлку ([63]). Конечно въ интересахъ Плеттенберга было, чтобы архіепископское мѣсто занималъ человѣкъ, власть котораго имѣла бы точку опоры только въ Ливоніи и который потому легче бы подчинился верховной власти орденскаго магистра, чѣмъ иностранный князь. Обѣщанія Плеттенберга не преминули произвести свое дѣйствіе, и капитулъ канониковъ, вскорѣ послѣ того избралъ новымъ архіепископомъ (въ мартѣ 1528 г.) изъ своей среды рижскаго соборнаго пробста Ѳому Шэнинга, сына рижскаго бургомистра Іоанна Шэнинга. Теперь все зависѣло отъ того

([60]) См. Лѣтопись Грефенталя стр. 56 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv.

([61]) См. Хитреуса I, XI, у Гіерна стр. 196 въ Mon. Liv. I и лѣтопись Грефенталя стр. 56 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. Сравни о томъ у Гадебуша I, 2, стр. 334.

([62]) См. у Арндта II. стр. 195.

([63]) См. лѣтопись Грефенталя, стр. 57.

чтобы Шэнингъ вошелъ въ соглашеніе съ герцогомъ Брауншвейгскимъ. Для этой цѣли Шэнингъ получилъ въ Лемзалѣ отъ соборнаго капитула и рижскаго земскаго рыцарства полномочіе защищать дѣло рижскаго архіепископства на имѣющемъ быть въ мартѣ 1528 года имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ и войти въ соглашеніе съ герцогомъ; вслучаѣ если герцогъ не пожелаетъ отказаться отъ своихъ притязаній, то Шэнингъ долженъ выхлопотать у него подтвержденіе привиллегій и вольностей архіепископства и уступить ему самое архіепископство. Съ Шэнингомъ отправились въ Германію Георгъ Крюденеръ, трейденскій фохтъ, и каноники Гартвигъ фонъ Тизенгаузенъ и Матѳей Унферфартъ ([64]).

Имперскій сеймъ въ Регенсбургѣ былъ посѣщенъ въ прошломъ году такъ малочисленно, что незначительное число собравшихся воздержалось отъ всякаго рѣшенія. Въ этомъ году съ сеймомъ дѣло пошло еще хуже: сначала онъ былъ отложенъ съ марта на май, а потомъ открытіе его было окончательно запрещено императорскимъ эдиктомъ ([65]). За несбывшуюся надежду на регенсбургскій сеймъ Шэнингъ хотѣлъ вознаградить себя въ Кельнѣ, гдѣ его переговоры съ герцогомъ Георгомъ Брауншвейгскимъ имѣли дѣйствительно такой счастливый исходъ, что онъ скоро увидѣлъ себя единственнымъ обладателемъ правъ на рижское архіепископство ([66]). Вѣроятно герцогъ Георгъ удовольствовался суммой денегъ, дать ему которую охотно согласились рижскіе каноники, въ надеждѣ найти въ возвращеніи Плеттенбергомъ ихъ имуществъ достаточное для себя вознагражденіе.

Осенью этого года мы видимъ Шэнинга усердно дѣйствующимъ за интересы архіепископскаго земскаго рыцарства онъ выхлопоталъ у императорскаго намѣстника, пфальцграфа Фридриха, подтвержденіе права на союзное наслѣдованіе (Samende Hand) ([67]).

Затѣмъ Шэнингъ отправился въ Любекъ, откуда онъ напомнилъ письменно орденскому магистру о его обѣщаніи помочь достигнуть спокойнаго обладанія архіепископствомъ. Но Плеттенбергъ заставилъ напрасно ждать отвѣта; изъ того письма Шэнинга и вообще

([64]) Копія съ полномочія находится въ Corp. hist. dipl. Liv. I, VIII, № 896. Сравни о томъ въ Mon. Liv. ant. I, стр. 195.

([65]) См. Ранке deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation, т. 3, стр. 148.

([66]) См. Гіерна стр. 197 въ 1-мъ и Грефенталя стр. 57 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

([67]) Копія съ этого подтвержденія находится въ Corp. hist. dipl. Liv. I, VIII, подъ № 898. Въ этомъ документѣ Шэнингъ названъ сперва „избраннымъ на рижское архіепископство“, а потомъ „нынѣшнимъ архіепископомъ“. Изъ этого можно заключить, что уже въ это время состоялось соглашеніе съ герцогомъ Георгомъ Брауншвейгскимъ.

Для объясненія словъ Samende Hand необходимо вспомнить, что инвеститура, т. е. жалованная грамота отъ епископа или орденскаго магистра, составляли необходимую принадлежность леннаго владѣнія.

Инвеститура имѣла два вида: ленъ жаловался или одному лицу, или нѣсколькимъ лицамъ въ совокупности. Этотъ второй видъ лена и называется инвеституроюна союзное наслѣдованіе — Samende Hand, investitura simul-tanea, потому что пожалованный нѣсколькимъ лицамъ ленъ оставался въ общемъ ихъ владѣніи и, по прекращеніи мужскаго пола одного изъ состоящихъ въ союзѣ, участокъ его переходилъ къ прочимъ владѣльцамъ.

изъ всего поведенія послѣдняго онъ вѣроятно увидѣлъ, что Шэнингъ не будетъ безгласнымъ орудіемъ ордена, какое онъ надѣялся вначалѣ найти въ немъ; потому ему было желательно, чтобы прибытіе Шэнинга замедлилось переговорами. Шэнингъ и самъ не хотѣлъ являться въ Ливонію, прежде чѣмъ не опредѣлятся его отношенія какъ къ ордену, такъ и къ архіепископству Когда же его депутаты и въ Ригѣ не могли достигнуть соглашенія, вѣроятно по недостатку нужнаго полномочія, то онъ обратился въ имперскій судъ и старался получить отъ послѣдняго указъ противъ орденскаго магистра и города Риги ([68]).

Тутъ снова выступилъ на сцену Ломиллеръ, старавшійся отвратить бѣду и примирить споривщія стороны. Съ трудомъ ему удалось получить согласіе Плеттенберга на заключеніе заграницей договора съ архіепископомъ ([69]). Городъ Рига избралъ его своимъ депутатомъ и уполномочилъ вести переговоры съ архіепископомъ на основаніяхъ письменно изложеннаго соглашенія, которое городъ еще прежде хотѣлъ заключить въ Ливоніи съ депутатами архіепископа, но которое тогда не состоялось, а также согласно съ данной письменной инструкціей. Въ сомнительныхъ случаяхъ онъ долженъ обращаться къ магистрату города и спрашивать его разрѣшенія. Если ему не придется заключить договора, то онъ долженъ открыто засвидѣтельствовать почтительную готовность города къ дружелюбному соглашенію и продолжать дѣйствовать по праву и справедливости ([70]). Чтобы дать Ломиллеру и средства къ такой поѣздкѣ, его содержаніе было на половину увеличено и въ то же время предоставлены ему въ пожизненное его и его жены пользованіе два новые дома въ Ригѣ у церкви св. Петра ([71]).

Снабженный рекомендательнымъ письмомъ магистрата, Ломиллеръ прежде всего отправился къ герцогу Альбрехту прусскому, «какъ къ истинному христіанскому князю и подвижнику божественного слова», чтобъ черезъ его предстательство найти у прочихъ евангелическихъ князей Германіи защиту и помощь въ своемъ дѣлѣ съ архіепископомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣялся черезъ это предстательство у евангелическихъ князей и сословій получить приличный пріемъ, чтобы не явиться «выполэшимъ какъ собака изъ печки» ([72]). Герцогъ далъ ему 15-го іюня 1529 г въ Фишгаузенѣ желаемое рекомендательное письмо, въ которомъ проситъ евангелическихъ курфирстовъ, князей и города Германіи принять дѣятельное участіе въ

([68]) См. лѣтопись Грефенталя, стр. 57, въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.
([69]) См. письмо Ломиллера къ герцогу Альбрехту въ Mon. Liv. ant. стр. 214.
([70]) См. довѣренность магистрата въ Corp. hist. dipl. Liv I, VIII, № 899.
([71]) См. Таубенгеймову программу стр. 20.
([72]) См. письмо Ломиллера къ герцогу Альбрехту въ Corp. hist. dipl. Liv. II, XVI, № 2114.

Ригѣ, претерпѣвающей за принятіе божественнаго ученія и уничтоженіе старыхъ обрядовъ и злоупотребленій много непріятностей какъ въ имперскомъ управленіи, такъ и въ имперскомъ высшемъ судѣ, состоящихъ и безъ того большею частью изъ противниковъ евангелія, а также при случаѣ рекомендовать этотъ городъ и другимъ князьямъ и лицамъ ([73]). Получивъ такое письмо отъ герцога, Ломиллеръ поѣхалъ прямо въ Любекъ. Здѣсь онъ вошелъ въ переговоры съ уполномоченными новаго архіепископа, къ которымъ магистратъ любекскій, живо интересовавшійся этимъ дѣломъ, присоединилъ еще своихъ двухъ бюргеровъ. Лихорадка, которою Ломиллеръ здѣсь, какъ и позднѣе въ Виттенбергѣ, былъ боленъ, вѣроятно замедлила переговоры, но все таки договоръ состоялся 30-го іюля 1529 г въ Любекѣ. Содержаніе его вкратцѣ слѣдующее: договоръ заключается на шесть лѣтъ; относительно свободы проповѣдыванія евангелія и верховнаго главенства архіепископа надъ городомъ дѣло остается впродолженіи шести лѣтъ въ его нынѣшнемъ положеніи, однако этотъ договоръ не долженъ препятствовать веденію въ этотъ промежутокъ времени дружелюбныхъ переговоровъ въ странѣ касательно этихъ пунктовъ. Въ случаѣ возникновенія споровъ между архіепископомъ и городомъ, рыцарство рижскаго архіепископства будетъ посредникомъ; но еслибы рыцарство не согласилось, то обѣ стороны, архіепископъ и городъ, должны назначить въ посредники неподозрительныхъ и безпристрастныхъ людей а еслибы и изъ этого ничего не вышло, то тогда каждая сторона пусть открыто остается при своемъ правѣ. Городъ обязанъ возвратить отнятыя у архіепископа и капитула имѣнія и имущества. О башняхъ, стѣнахъ и воротахъ, принадлежащихъ архіепископству, долженъ заботиться рижскій магистратъ и поддерживать ихъ. На своемъ дворѣ въ Ригѣ архіепископъ не долженъ устраивать большихъ собраній изъ лицъ своего сословія; людей, нужныхъ для его удовольствія или хозяйства, онъ можетъ держать, но только не въ слишкомъ большомъ числѣ. Соборные проповѣдники, два церковные служителя, школьный учитель со своими помощниками и другіе проповѣдники должны быть снабжены подходящими квартирами. Новыя постройки, которыя захотятъ предпринять капитулъ или архіепископъ, должны производиться такъ, чтобы отъ этого городъ не потерпѣлъ вреда. Взятые на храненіе церковные клейноды остаются подъ надзоромъ магистрата, причемъ одинъ ключъ отъ нихъ находится у архіепископа, другой у магистрата. Впродолженіе этого перемирія не должны имѣть мѣста никакія насильственныя требованія, напротивъ каждая сторона должна помогать другой словомъ и дѣломъ и въ случаѣ если одна

([73]) Рекомендательное письмо помѣщено въ Corp. hist. dipl. Liv. II, XVI, подъ № 2075.

сторона будетъ имѣть непріятности, то другая должна не увеличивать ихъ, а стараться устранить ([74]).

Послѣднему пункту этой сдѣлки о помощи, которую должна оказывать одна сторона другой при непріятностяхъ, можно было конечно придавать различныя значенія и онъ могъ сдѣлаться вреднымъ для города. Въ данной Ломиллеру инструкціи не упоминалось о такомъ пунктѣ, а это, конечно, составляло достаточную причину, чтобы отвергнуть весь договоръ, но Ломиллеръ полагалъ, что такимъ договоромъ главная цѣль перемирія — поддержаніе евангелія все таки достигается, и потому согласился принять договоръ тѣмъ болѣе, что остальные пункты его отнюдь не были неблагопріятны для города ([75]).

Чтобы обезпечить себя отъ упрековъ, Ломиллеръ отправился въ Виттенбергъ и предложилъ все дѣло на обсужденіе Лютеру, Меланхтону, Бугенхагену и доктору правъ Іерониму Шурпфу Всѣ они одобрили образъ дѣйствій Ломиллера, а Лютеръ и Шурпфъ даже совѣтовали рижскому магистрату принять это перемиріе. Шурпфъ въ своемъ письмѣ отъ 25 августа 1529 прямо порицаетъ рижскій магистратъ за то, что послѣдній отказалъ въ своемъ повиновеніи архіепископу архіепископы вѣдь получали городъ Ригу въ ленное владѣніе отъ императора и долго господствовали надъ городомъ какъ помѣщики, подчиненнымъ не подобаетъ судить свое начальство, или отказываться отъ него, но, если рижане недовольны своимъ начальствомъ, то должны куда слѣдуетъ принести жалобу И церковныя имущества городъ присвоилъ себѣ противозаконно, такъ какъ каждый долженъ быть огражденъ въ своей собственности. Въ противозаконныхъ поступкахъ нельзя прикрываться евангеліемъ, потому что это противно слову Божію. Заключенный недавно въ Любекѣ договоръ съ архіепископомъ, продолжаетъ Шурпфъ, я прилежно прочиталъ и взвѣсилъ: еслибы Ломиллеръ не принялъ перемирія въ такомъ видѣ, то отъ этого былъ бы ущербъ для города. Вообще же Ломиллеръ достигъ болѣе, чѣмъ ожидали разумные и безпристрастные люди, потому пусть городъ приметъ договоръ, пусть не противится къ своему ущербу Это мой чистосердечный совѣтъ ([76])

Лютеръ обходитъ юридическія отношенія и коротко пишетъ рижскому магистрату, что считаетъ перемиріе на 6 лѣтъ выгоднымъ и удивляется удачѣ Ломиллера въ этомъ дѣлѣ.

Еслибы Ломиллеръ раньше спросилъ совѣта, его, Лютера, то договоръ вышелъ бы гораздо стѣснительнѣе и слабѣе. Въ эти шесть

([74]) Копія съ этого договора помѣщена въ Corp. hist. dipl. Liv I, VIII, подъ № 900 и перепечатана въ видѣ прибавленія къ Таубенгеймовой программѣ.

([75]) См. выше помянутое письмо Ломиллера къ герцогу Прусскому.

([76]) Письмо это помѣщено въ Corp. hist. dipl. Liv. II, XVI, № 2078.

лѣтъ много воды утечетъ; дастъ Богъ день, дастъ Богъ и разумъ; трудно въ настоящее время, что либо подѣлать съ епископомъ, потому что у императора и имперіи и безъ того много хлопотъ ([77]).

Написавъ курфирсту Іоанну Фридриху Саксонскому и ландграфу Филиппу Гессенскому, съ приложеніемъ рекомендательныхъ писемъ отъ герцога Прусскаго, и выздоровѣвъ отъ лихорадки, которою онъ, какъ было упомянуто выше, заболѣлъ во второй разъ въ Виттенбергѣ, Ломиллеръ отправился черезъ Кенигсбергъ и Мемель обратно въ Ригу, гдѣ надѣялся быть встрѣченнымъ съ благодарностью и радостью. Но тутъ онъ скоро увидѣлъ, что горько ошибся его обвинили въ измѣнѣ, посягали, какъ онъ самъ говоритъ, на его жизнь, имущество и честь, третировали его какъ самаго злѣйшаго злодѣя, и только одиночные безпристрастные члены магистрата спасли его отъ серьезной опасности. Іоаннъ Брисманъ, находившійся, въ то время въ Ригѣ и о дѣятельности котораго будетъ упомянуто послѣ, говорилъ открыто въ ратушѣ передъ магистратомъ и старшинами общины въ пользу принятія перемирія и въ пользу Ломиллера. Депутаты отъ города отправились съ договоромъ и данною Ломиллеру инструкціею къ ландмаршалу ордена, а потомъ къ орденскому магистру и представили имъ на видъ, насколько Ломиллеръ нарушилъ инструкцію и тѣмъ измѣнилъ городу ([78]). Рижане думали, что послѣдній пунктъ договора противенъ присягѣ, которую городъ принесъ во времена Бланкенфедьда орденскому магистру; другіе полагали, что пунктомъ этимъ хотятъ довести ихъ снова до кирхгольмскаго договора ([79]). Но кромѣ любекскаго договора было еще другое обстоятельство, которымъ воспользовались для обвиненія Ломмиллера и которое еще сильнѣе возбудило противъ него умы. Для объясненія этого обстоятельства необходимо прежде прослѣдить шаги, которые сдѣлалъ архіепископъ Ѳома въ Германіи для своей пользы и пользы рижскаго архіепископства.

Подобно тому какъ орденскій магистръ боялся, чтобы архіепископъ Ѳома не отнялъ отъ него достигнутаго имъ единодержавія въ Ливоніи, такъ и архіепископъ не могъ не сознавать, что ему невозможно долго сопротивляться орденскому магистру только со своей энергіей и средствами, которыя находились въ его распоряженіи. Потому то онъ и задумалъ выполнить планъ, который составилъ Бланкенфельдъ передъ своей смертью, именно, задумалъ выбрать себѣ преемника и надежнаго помощника кого либо изъ владѣтельныхъ особъ въ Германіи. Собственно говоря, осуществить этотъ планъ

([77]) Письмо это отъ 31-го авг. 1529 г. помѣщено въ Corp. hist. dipl. Liv. II, XVI, № 2079 и перепечатано въ Таубенгеймовой программѣ, стр. 23.

([78]) См. письмо Ломиллера къ герцогу Альбрехту въ Corp. hist. dipl. Liv. II, XVI, подъ № 2114.

([79]) См. письмо Брисмана къ епископу курляндскому въ томъ-же сборникѣ подъ № 2092.

для архіепископа не было трудно, потому что у тогдашнихъ владѣтельныхъ особъ давно уже вошло въ обычай обезпечивать младшихъ братьевъ или другихъ своихъ родственниковъ, доставляя имъ доходныя духовныя должности. Выборъ Шэнинга колебался между двумя князьями: княземъ Геннебургскимъ, фульдскимъ коадъюторомъ, и маркграфомъ Фридрихомъ Бранденбургскимъ. Это колебаніе объясняется положеніемъ герцога Альбрехта. Съ одной стороны архіепископу Ѳомѣ желательно бы было имѣть въ братѣ своего коадъютора сосѣда и близкую помощь; съ другой стороны являлось сомнѣніе, будетъ ли герцогъ, какъ евангелическій князь, дѣйствительно поддерживать католическое дѣло въ Ливоніи и не преданъ ли его братъ въ душѣ лютеранскому ученію и черезъ то неспособенъ поддержать значеніе католической церкви. Правда, это сомнѣніе частью успокоивалось мыслью, что герцогъ Альбрехтъ находился подъ вліяніемъ короля польскаго, который все еще считалъ себя покровителемъ рижскаго архіепископства.

Въ началѣ августа архіепископъ Ѳома все еще ни на что не рѣшился; онъ написалъ въ первые дни этого мѣсяца въ Любекѣ три письма, изъ коихъ первыя два, адресованныя императору и папѣ, касались князя геннебургскаго и утвержденіе его въ должности коадъютора, въ третьемъ же письмѣ архіепископъ рекомендовалъ своего совѣтника Вольфганга Лосса герцогу Альбрехту, чтобы вести съ послѣднимъ переговоры касательно замѣщенія должности консерватора архіепископства рижскаго и коадъюторства маркграфа Фридриха Бранденбургскаго ([80]). Первыя два письма не дошли до мѣста своего назначенія, но послѣднее очень скоро нашло себѣ примѣненіе, потому что Вольфгангъ Лоссъ еще въ августѣ былъ отправленъ съ письмомъ къ герцогу прусскому Архіепископъ Ѳома полагалъ, что легче всего привлечь герцога на свою сторону, если ему объяснить, что у нихъ обоихъ въ сущности одни и тѣже интересы. Потому онъ ему сообщилъ, что Плеттенбергъ, основываясь на вольмарскомъ договорѣ 1526 г., по которому архіепископъ, епископы и земское рыцарство должны были давать ему помощь во всякой могущей случиться войнѣ, потребовалъ отъ рижскаго земскаго рыцарства обѣщанія помощи, въ случаѣ если улаженіе споровъ о границѣ между Польшей и Ливоніей, которое должно произойти будущей зимой, не обойдется миролюбиво. Къ тому же одна статья этого договора запрещаетъ всякому ливонскому сословію когда либо требовать помощи иностранныхъ князей при ливонскихъ спорахъ, а это очевидно показываетъ презрѣніе къ иностраннымъ князьямъ и можетъ только послужить тому, чтобы поставить архіепископа совершенно подъ власть ордена. Но ни онъ, архіепископъ, ни его рыцарство не намѣрены исполнять этихъ пунктовъ. Если теперь изъ нарушенія этихъ пунктовъ можетъ произойти

([80]) См. документы №№ 4 и 5 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

опасность для архіепископства, то пусть герцогъ, какъ консерваторъ архіепископства, усердно поддерживаетъ его противъ орденскаго магистра. Зато архіепископъ выкажетъ свою благодарность герцогу тѣмъ, что приметъ его брата Фридриха, соборнаго пробста въ Вюрцбургѣ, себѣ коадъюторомъ ([81]). На предложенія архіепископа герцогъ Альбрехтъ отвѣчалъ, что его братъ Фридрихъ, желающій имѣть хорошіе дни, уже живетъ на епископскую ногу, привыкъ къ своему германскому отечеству», и наврядъ ли приметъ выборъ; потому герцогъ предлагаетъ въ коадъюторы своего брата Вильгельма и въ случаѣ если архіепископъ на это согласится, онъ, герцогъ, возьметъ на себя консерваторство архіепископства и будетъ помогать словомъ и дѣломъ архіепископу; если же архіепископъ не захочетъ признать его брата Вильгельма коадъюторомъ, то онъ, герцогъ, при тѣхъ же условіяхъ предлагаетъ въ коадъюторы своего двоюроднаго брата, князя Геннебергскаго, фульдскаго коадъютора ([82]).

Архіепископъ Ѳома не замедлилъ согласиться на желанія герцога Альбрехта; выбралъ маркграфа Вильгельма коадъюторомъ и обѣщалъ предоставить ему замки Роннебургъ, Пебалгъ, Смильтенъ, Зербенъ, Лемзаль, Вайнзель и Залисъ съ ихъ округами ([83]).

За тѣмъ Ѳома Шэнингъ отправился чрезъ Оливу въ Кенигсбергъ, гдѣ и велъ дальнѣйшіе переговоры съ герцогомъ Альбрехтомъ. Здѣсь 15-го сентября 1529 г , онъ заключилъ съ герцогомъ оборонительный союзъ, по которому герцогъ обязывался защищать рижское архіепископство отъ всѣхъ враговъ и по просьбѣ архіепископа подавать ему помощь, а также предостерегать отъ враждебныхъ покушеній на архіепископство, но изъ этихъ условій исключаются короли польскій и датскій, съ которыми герцогъ находился въ близкомъ родствѣ и потому не хотѣлъ ссориться. Архіепископъ съ своей стороны обѣщалъ герцогу помощь и совѣтъ при военной опасности. Жалованье и военныя издержки должна уплачивать нуждающаяся въ помощи сторона. Въ случаѣ, если обѣ стороны въ одно и тоже время будутъ находиться въ войнѣ, такъ что не будутъ въ состояніи помогать другъ другу, то это обстоятельство не лишаетъ договоръ его силы, но только та часть, которая раньше освободится отъ своихъ враговъ, должна идти на помощь къ другой съ находящимся еще подъ ружьемъ войскомъ. Если же маркграфу Вильгельму болѣзнь или другая какая напасть ломѣшаетъ принять коадъюторство и прибыть въ архіепископство, то

([81]) См. инструкцію архіепископа Вольфгангу Лоссу въ Corp. hist dipl. Liv. II, XVI, № 2077, перепечатанную въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. на стр. 138.

([82]) См. отвѣтъ герцога Альбрехта на предложенія Вольфганга Лосса въ Corp. hist dipl. Liv. II, XVI, подъ № 2076. Отвѣтъ этотъ напечатанъ въ 5-мъ т. Mon. Liv. ant.

([83]) См. Mon. Liv. ant. томъ 5, стр. 143.

этотъ договоръ, какъ для архіепископа, такъ и для герцога, долженъ быть необязательнымъ во всѣхъ его частяхъ ([84]).

Затѣмъ архіепископъ избралъ и грамотою за печатью формально назначилъ своимъ коадъюторомъ маркграфа Вильгельма, подтвердивъ за нимъ владѣніе вышеупомянутыми семью замками съ ихъ округами, съ тѣмъ, однако, условіемъ, что онъ, архіепископъ, вслучаѣ нужды можетъ занять эти замки, какъ и маркграфъ архіепископскіе. Коадъюторъ обязанъ являться къ архіепископскому двору по всякому требованію архіепископа, при чемъ архіепископъ будетъ содержать на свой счетъ его и его свиту во все время пребыванія при дворѣ. Если архіепископъ найдетъ необходимымъ предоставить своему коадъютору управленіе архіепископствомъ, оставивъ за собою для своего содержанія нѣсколько замковъ, то маркграфъ Вильгельмъ не будетъ противиться тому Во власти архіепископа будетъ увеличить или неувеличивать первоначально назначенное содержаніе маркграфа ([85]).

Изъ Кенигсберга архіепископъ Ѳома поѣхалъ въ Мемель, откуда онъ послалъ герцогу Альбрехту двѣ избирательныя грамоты о маркграфѣ Вильгельмѣ и князѣ Геннебергскомъ; одну изъ нихъ герцогъ долженъ былъ по своему усмотрѣнію отослать къ папѣ и императору ([86]). Затѣмъ архіепископъ выѣхалъ изъ Германіи въ Ливонію, но слѣды его дѣятельности оттого еще не исчезли въ Германіи и ясно проявились въ императорскихъ указахъ, которые состоялись въ Шпейерѣ 15-го января на имя магистра и ордена въ Ливоніи и епископовъ Эзельскаго, Ревельскаго, Дерптскаго и Курляндскаго.

Жалоба архіепископа на городъ Ригу и магистра, поданная въ имперскій камерный судъ, о которой мы уже упоминали, нашла себѣ благопріятную почву при обстоятельствахъ того времени. Постановленія имперскаго сейма, происходившаго въ Шпейерѣ весной 1529 г имѣли для евангелическаго дѣла въ высшей степени неблагопріятный результатъ тѣ, которые отвергли латинскую обѣдню, должны были опять ее допустить, епископская юрисдикція должна была опять войти въ силу Евангелическія сословія воспротивились тому и протестовали ([87]). При такомъ нерасположенномъ къ евангеликамъ настроеніи, имперское управленіе охотно обратило вниманіе на жалобу рижскаго архіепископа и изъявило готовность издать опальный указъ. Архіепископъ, надѣясь на благопріятный исходъ любекскихъ переговоровъ, не настаивалъ на указѣ, но теперь увидѣвъ, что Рига отвергла шестилѣтнее перемиріе, онъ снова поднялъ это дѣло черезъ своего

([84]) См. документы къ исторіи маркграфа Вильгельма въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. подъ № 8.

([85]) См. въ томъ же томѣ Mon. Liv. ant., документъ № 9.

([86]) См. письмо архіепископа въ томъ же томѣ Mon. Liv. ant. подъ № 11.

([87]) См. Ранке deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation, томъ 3-й, стр. 150 — 166.

секретаря Антона Моргенштерна, посланнаго въ Шпейеръ. Здѣсь немедленно же изготовили указъ, который Моргенштернъ и передалъ разсыльному имперскаго камернаго суда Іогану Муйдеру, для врученія подлиннаго архіепископу, а копіи герцогу Альбрехту Но узнавъ, что орденъ устроилъ заставы по дорогамъ въ Ливоніи, Моргенштернъ на всякій случай велѣлъ написать дубликатъ указа и послалъ ихъ въ Любекъ къ одному довѣренному другу архіепископа, чтобы тотъ уложилъ ихъ въ боченокъ и отослалъ въ Ригу къ какому нибудь надежному приверженцу архіепископа, дабы такимъ путемъ указы дошли навѣрное въ руки архіепископа.. Указъ запрещалъ орденскому магистру препятствовать принятію шестилѣтняго перемирія и всякія враждебныя дѣйствія противъ архіепископа, напротивъ обязывалъ его къ защитѣ и покровительству послѣдняго; епископамъ Эзельскому, Дерптскому, Ревельскому и Курляндскому предписывалось, въ случаѣ если архіепископъ будетъ тѣснимъ орденскимъ магистромъ, оказывать первому помощь и заступничество ([88]).

Но помирить архіепископа и магистра было трудной задачей при тогдашнемъ положеніи дѣлъ для этого было необходимо, чтобы одинъ изъ нихъ оказалъ большую уступчивость, чтобы или архіепископъ отказался отъ возвращенія своихъ прежнихъ правъ, или орденскій магистръ отъ достигнутаго верховнаго главенства. Но магистръ повидимому отнюдь не былъ склоненъ къ уступкамъ. Рига также и слышать не хотѣла объ уступкахъ и постоянно отказывалась отъ принятія любекскаго договора. Письма изъ Пруссіи, которыми друзьямъ архіепископа сообщался ходъ переговоровъ съ герцогомъ Альбрехтомъ касательно коадъюторства, были вскрыты посторонними лицами и содержаніе ихъ разглашено ([89]). Полученныя такимъ путемъ извѣстія повергли рижанъ въ немалое безпокойство отъ коадъюторства иностраннаго князя, они ничего не предвидѣли, кромѣ еще большаго притѣсненія евангеликовъ. Опасенія тяжелыхъ приближающихся временъ сдѣлали ихъ подозрительными и они не довѣряли даже людямъ, усердіе которыхъ было доказано уже на дѣлѣ. Продолжительное отсутствіе Ломиллера, происшедшее вслѣдствіе постигшей его болѣзни въ Виттенбергѣ, они сопоставили съ переговорами о коадъюторствѣ. Послѣдняя статья любекскаго договора, повидимому, подтверждала ихъ мнѣніе и потому они встрѣтили человѣка, оказавшаго, какъ было упомянуто выше, такую большую заслугу въ поддержаніи евангелическаго ученія въ Ливоніи, подозрѣніемъ въ невѣрности и измѣнѣ. Это было печальное время для Ломиллера. «Ни одинъ живой человѣкъ въ городѣ и уѣздѣ», писалъ онъ впослѣдствіи герцогу прусскому, «не говорилъ со мною, я видѣлъ своими глазами, что былъ покинутъ и

([88]) См. документы въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. подъ № 17.

([89]) См. письмо Брисмана къ епископу Самландскому въ Corp. hist. dipl. Liv. II, XVI, подъ № 2092.

отвергнутъ Богомъ и людьми, и если бы Господь не былъ моей помощью, то моя душа едва не осталась ли бы въ аду; отецъ и мать и всѣ мои ближніе отступились отъ меня, но Господь, который помогаетъ въ нуждѣ въ надлежащее время, принялъ во мнѣ участіе» (90). Дѣйствительно изъ Данцига прибылъ гонецъ съ письмами отъ тамошняго магистрата къ орденскому магистру и рижскому магистрату, гонецъ привезъ также письма курфирста Саксонскаго и ландграфа Гессенскаго въ отвѣтъ на рекомендаціи герцога Альбрехта и ходатайства Ломиллера въ пользу города Риги. Ломиллеръ не замедлилъ вручить эти отвѣты орденскому ландмаршалу для дальнѣйшей передачи, извѣстивъ его еще устно о своихъ переговорахъ съ герцогомъ. На третій день послѣ того Ломиллеръ получилъ отъ ландмаршала письма обратно съ извѣщеніемъ, что магистръ читалъ письма, не нашелъ въ нихъ ничего дурнаго, а потому будетъ вѣрить Ломиллеру Тутъ только обстоятельства перемѣнились для Ломиллера. орденскіе сановники и рыцари начали опять съ нимъ говорить, его извиненія были выслушаны и невинность его была признана. На собраніи сословій въ Венденѣ 1-го января 1530 г., Плеттенбергъ публично объявилъ Ломиллера свободнымъ отъ подозрѣнія, приказалъ ордену и городу Ригѣ прекратить всѣ поношенія и оскорбленія Ломиллера и составилъ о томъ формальный актъ (91).

Тогда и у магистрата и у рижской общины открылись глаза; они начали стараться снова привлечь Ломиллера на свою сторону въ особенности потому, что въ тѣ важныя времена они нуждались въ дѣльномъ, проницательномъ человѣкѣ. Магистратъ послалъ къ нему изъ своей среды нѣсколькихъ членовъ, которыхъ Ломиллеръ зналъ какъ расположенныхъ къ себѣ людей; они должны были уговорить Ломиллера посвятить опять свои услуги городу Ломиллеръ былъ слишкомъ благороденъ, чтобы отказать имъ въ этомъ. онъ радовался раскаянію своихъ враговъ, въ особенности когда магистратъ составилъ формальное оправданіе ему и занесъ этотъ документъ въ городскую памятную книгу (92).

Между тѣмъ къ концу 1529 года архіепископъ обратился къ королю польскому, прося его о защитѣ архіепископства, покровителемъ котораго онъ былъ, и спрашивая совѣта какъ лучше всего ввести коадъютора маркграфа Вильгельма въ Ливонію и привести городъ Ригу обратно къ повиновенію (93). Архіепископъ Ѳома отослалъ это

---

(90) См. тамъ же письмо подъ № 2114 и сравни Таубенгеймову программу стр. 25 и 26.

(91) См. оправдательную сентенцію въ Corp. hist. dipl. Liv. II, XVI, № 2089 и Таубенгеймову программу стр. 27.

(92) См. въ Corp. hist. dipl. Liv. II, XVI, № 2091 и Таубенгеймову программу стр. 27 и 28.

(93) См. документы къ исторіи маркграфа Вильгельма въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. подъ № 13.

письмо герцогу прусскому для дальнѣйшей отправки къ королю польскому Герцогъ отвѣчалъ на архіепископское письмо; отвѣтъ этотъ вмѣстѣ со многими другими письмами былъ переданъ одному канонику для доставленія архіепископу По небрежности, всѣ эти письма попали въ руки магистра, который изъ нихъ и узналъ о всѣхъ переговорахъ и намѣреніяхъ архіепископа. Затѣмъ орденъ созвалъ земское архіепископское рыцарство въ Венденъ и угрозами вынудилъ у него обѣщаніе не принимать коадъютора и рѣшительно высказаться противъ него ([94]).

На это собраніе архіепископъ послалъ посольство, съ увѣдомленіемъ, что онъ, архіепископъ, слѣдуя совѣту императорскаго величества, избралъ маркграфа Вильгельма своимъ коадъюторомъ, что выборъ этотъ, одобренный капитуломъ и земскимъ рыцарствомъ, долженъ служить только къ поддержанію церковныхъ правъ, но не ко вреду какого нибудь сословія. Сообразуясь съ этимъ, архіепископъ ни съ кѣмъ не велъ переговоровъ и не поручалъ никому вести ихъ, дабы не произошло какого ущерба для страны. Архіепископъ надѣется, что магистръ защититъ и поддержитъ архіепископскія права, «въ особенности въ силу содержанія послѣдняго, состоявшагося въ Шпейерѣ сеймоваго опредѣленія»; если же архіепископъ не найдетъ защиты и поддержки у магистра, то да не перетолкуется въ дурную сторону, если онъ, архіепископъ, обратится къ императору, къ германской имперіи и къ коадъютору Архіепископъ желалъ заявить это ордену на ландтагѣ въ Вольмарѣ, но такъ какъ ландтагъ не состоялся по причинѣ свирѣпствовавшей болѣзни, то заявленіе это дѣлаетъ теперь. Въ заключеніе, архіепископъ проситъ орденскаго магистра пропустить свободно и безпрепятственно черезъ орденскія владѣнія посольство, которое онъ намѣренъ отправить къ коадъютору ([95]).

Магистръ на это далъ очень уклончивый отвѣтъ; онъ упрекалъ архіепископа въ нарушеніи вольмарскаго договора (1526 года) и отказывалъ въ свободномъ пропускѣ посольства ([96]).

Когда архіепископъ Ѳома услышалъ о результатѣ собранія въ Венденѣ, а также и о томъ, что его намѣренія обнаружились изъ перехваченныхъ писемъ герцога, то со своими совѣтниками Георгомъ Крюденеромъ, Георгомъ фонъ Унгерномъ и Вольфгангомъ Лоссомъ поспѣшилъ перебраться въ свой крѣпкій замокъ Кокенгузенъ. Орденскіе сановники и гарнизонъ города Риги хотѣли немедленно итти на Кокенгузенъ, занять замокъ и подчинить своей власти измѣнниковъ. Орденскій магистръ, однако, не допустилъ насильственныхъ дѣйствій,

---

([94]) См. документы къ исторіи маркграфа Вильгельма въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. подъ № 17, 3.

([95]) См. инструкцію между документами къ исторіи маркграфа Вильгельма подъ № 12, 1 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

([96]) См. тамъ же документы № 12, 2.

зная по опыту вредъ ихъ, а, быть можетъ, имѣя въ виду ходатайства короля польскаго за архіепископа и коадъютора ([97]). Тѣмъ не менѣе онъ рѣшился созвать къ собранію на воскресенье передъ заговѣньемъ прелатовъ, орденскихъ чиновъ и земское рыцарство ([98]).

Заботой орденскаго магистра было теперь прервать переговоры архіепископа съ герцогомъ прусскимъ и не допустить депутатовъ обѣихъ сторонъ достигнуть до мѣста ихъ назначенія. Съ этою цѣлію магистръ велѣлъ разставить заставы по дорогамъ и предписалъ ордену соблюдать величайшую бдительность. Самландскій фохтъ Меннике фонъ Ширштедтъ, прибывшій въ Ливонію по порученію герцога Альбрехта, былъ задержанъ въ Гольдингенѣ орденскими людьми и нѣкоторое время находился почти въ заточеніи. Только съ трудомъ и, вѣроятно, умолчавъ о своемъ посольствѣ къ архіепископу, онъ могъ достигнуть Вендена. Здѣсь онъ хотя и былъ принятъ хорошо магистромъ и даже послѣдній подарилъ ему серебряный кубокъ, но къ нему относились съ подозрѣніемъ, такъ какъ распространилось опасеніе, что посредствомъ коадъютора хотятъ подчинить Ливонію коронѣ польской. Ширштедта стерегли такъ строго, что на этотъ разъ онъ никакъ не могъ попасть къ архіепископу ([99]).

Чтобы разсѣять опасенія, возникшія по поводу назначенія коадъютора, земское рыцарство рижскаго архіепископства обратилось къ рыцарствамъ другихъ епископствъ, съ письмомъ, въ которомъ излагались обстоятельства, при которыхъ послѣдовалъ выборъ Шэнинга, и его дѣятельность въ Германіи въ пользу архіепископства. Вмѣстѣ съ тѣмъ рыцарствамъ заявлялось, что коадъюторъ желаетъ оставить какъ рижское земское рыцарство такъ и всѣхъ властителей и жителей страны при ихъ вольностяхъ и обычаяхъ. Поэтому слухъ, будто выборъ коадъютора послужитъ къ гибели Ливоніи или что союзы съ королемъ польскимъ и герцогомъ прусскимъ должны отчуждить Ливонію отъ германскаго государства, неосновательнъ. Рижское земское рыцарство нѣмецкаго происхожденія находится уже триста лѣтъ подъ покровительствомъ священной римской имперіи и скорѣе умретъ, чѣмъ позволитъ отвратить себя отъ нѣмецкой націи и священной римской имперіи. Къ тому же архіепископъ нѣмецъ, коадъюторъ изъ нѣмецкаго курфирстскаго рода, оба и не думаютъ ничего предпринимать въ ущербъ странѣ ([100]). Письмо это, вѣроятно, имѣло не малое дѣйствіе на приближавшійся ландтагъ въ Вольмарѣ, расположивъ къ коадъютору другія рыцарства, хотя умы были еще слишкомъ возбуждены, чтобы буря могла скоро улечься.

([97]) См. тамъ же документы подъ № 2, 2.
([98]) См. тамъ же документы № 17, 3.
([99]) См. тамъ же № 17, 2 и 3.
([100]) См. письмо рижскаго земскаго рыцарства между документами къ исторіи маркграфа Вильгельма подъ № 16. Письмо это не имѣетъ даты, но по всей вѣроятности было написано и вскорѣ послѣ съѣзда въ Венденѣ.

Къ концу февраля орденскій магистръ созвалъ въ Вольмарѣ ландтагъ, куда и архіепископъ послалъ своихъ пословъ. Послѣ обыкновеннаго привѣтствія, послы доложили ландтагу, что его княжеской милости, архіепископу, никогда и въ голову не приходило предпринимать что либо вредное для ордена или жителей Ливоніи; потому что онъ съ юности преданъ достохвальному ордену и сословіямъ ливонскихъ земель. Архіепископъ первоначально не думалъ избирать своимъ коадъюторомъ иностраннаго князя, но при выборѣ слѣдовалъ совѣту императорскаго величества и сословій германской имперіи. Совѣтъ архіепископскаго капитула и рыцарства въ Роннебургѣ ([101]) одобрилъ выборъ, съ условіемъ, чтобы ко всѣмъ правамъ и вольностямъ ливонскихъ сословій до прибытія коадъютора, была приложена печать, чтобы они были подтверждены присягою и утверждены его папскимъ святѣйшествомъ и римскимъ величествомъ. Такъ какъ императоръ, подъ защитой котораго состоитъ архіепископъ, отъ Ливоніи слишкомъ удаленъ, потому архіепископъ обратился къ назначенному императоромъ консерватору архіепископства, а также получилъ отъ герцога прусскаго обѣщаніе помощи въ случаѣ нужды. Не смотря на все это, архіепископъ согласенъ на дружественное соглашеніе и потому поручилъ епископамъ дерптскому и эзельскому взять на себя защиту его дѣла, но съ условіемъ не принимать никакого рѣшенія, которое шло бы въ разрѣзъ съ любекскимъ перемиріемъ. Дружественный образъ мыслей архіепископа, говорили послы, можно изъ того видѣть, что онъ, владѣя императорскими указами противъ магистра и ордена, до сихъ поръ не сдѣлалъ изъ нихъ никакого употребленія.

Какого либо опредѣленнаго рѣшенія, кажется, на этомъ ландтагѣ не состоялось, потому что эти же самые вопросы мы видимъ непорѣшенными и на слѣдующемъ ландтагѣ ([102]).

Въ сущности выборъ маркграфа Вильгельма коадъюторомъ иначе нельзя назвать какъ счастливымъ выборомъ, если принять въ расчетъ не столько личность маркграфа, сколько его значительное родство. Если послѣдствія этого выбора не соотвѣтствовали возлагавшимся на него ожиданіямъ, то большая часть вины въ томъ заключалась въ самомъ поведеніи маркграфа. Мы уже упоминали о ходатайствахъ короля польскаго и герцога Альбрехта за коадъютора, здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще о хлопотахъ короля датскаго, дочь котораго была супругой герцога прусскаго. Къ концу февраля этого года король написалъ къ городу Висьмару и другимъ ганзейскимъ городамъ письмо, въ которомъ просилъ ихъ ни въ какомъ случаѣ не оказывать помощи

([101]) Объ этомъ совѣтѣ см. вступленіе ко 2-му тому Прибал. Сб. стр. XIV

([102]) Сколько времени продолжался этотъ ландтагъ съ точностію неизвѣстно. Напьерскій думаетъ, едва ли, впрочемъ, справедливо, будто ландтагъ этотъ продолжался съ 19-го по 30-е іюня.

орденскому магистру, о которомъ слышно, будто онъ вербуетъ солдатъ внѣ Ливоніи, чтобы идти войною противъ архіепископа. Города Данцигъ, Стральзундъ, Анкламъ, Кольбергъ, Грейфсвальдъ обѣщали исполнить королевское желаніе (103). Послѣ того король написалъ къ орденскому магистру, совѣтуя ему не имѣть враждебныхъ замысловъ противъ архіепископа. Плеттенбургъ отвѣчалъ, что послѣ этого какъ архіепископъ причинилъ ордену столько вреда у германскаго императора и имперіи и у другихъ королей и князей, орденъ имѣетъ много причинъ отплатить архіепископу тѣмъ же; однако отнюдь не имѣетъ такихъ намѣреній, а напротивъ старается съ епископами эзельскимъ, дерптскимъ и курляндскимъ привести споры къ дружественному концу (104).

Герцогъ Альбрехтъ избралъ искуснаго посредника въ лицѣ Меннике фонъ Ширштедта, — который всячески старался примирять несогласныхъ и приготовить маркграфу Вильгельму благопріятный пріемъ. Рижскому земскому рыцарству онъ изображалъ маркграфа человѣкомъ ласковымъ, любезнымъ и тѣмъ расположилъ рыцарство въ его пользу

Городу Ригѣ онъ предложилъ посредничество герцога въ ихъ спорахъ съ архіепископомъ, которое и было принято съ благодарностью, какъ весьма желательное городу (105).

Архіепископъ незадолго передъ тѣмъ потребовалъ, чтобы городъ исполнилъ впродолженіе трехъ недѣль императорскій указъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ себя готовымъ къ полюбовной сдѣлкѣ, въ случаѣ если городъ впродолженіе опредѣленнаго срока возвратитъ архіепископу и капитулу захваченныя имѣнія и драгоцѣнности. И Плеттенбергъ былъ настроенъ Менникомъ фонъ Ширштедтомъ къ уступчивости и рѣшенію созвать ландтагъ, на которомъ должны были рѣшиться всѣ спорныя дѣла. Плеттенбергъ уже много разъ послѣ послѣдняго ландтага въ Вольмарѣ созывалъ сословія, но такъ какъ архіепископъ постоянно уклонялся отъ переговоровъ, то наконецъ орденскій магистръ согласился на желаніе архіепископа уладить на предстоящемъ ландтагѣ спорные пункты съ епископами эзельскимъ и дерптскимъ съ оговоркой, что, если дѣла не уладятся мирнымъ путемъ, то это не зачтется въ вину орденскому магистру (106).

Къ концу іюня ландтагъ наконецъ собрался въ Вольмарѣ. Рыцарство Гарріена и Вирланда уже прежде уговорилось въ Валкѣ съ земскими рыцарствами Дерпта и Эзеля и тамъ рѣшили, что они

---

(103) См. письмо датскаго короля къ ганзейскимъ городамъ въ Corp. hist. dipl. Liv. II, XVI, подъ № 2093.

(104) См. тамъ же № 2094.

(105) См. документы въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. подъ №№ 15, 19 и 20.

(106) См. Mon. Liv. ant. томъ 5-й, стр. 179.

не имѣютъ никакого права отказывать въ пропускѣ коадъютора въ Ливонію, но необходимо, чтобы коадъюторъ до своего прибытія письменно подтвердилъ права и присягнулъ сохранять ихъ, въ случаѣ же если коадъюторъ, не смотря на клятву, все таки станетъ вредить имъ, то ему слѣдуетъ оказывать рѣшительное сопротивленіе. Когда рѣшеніе было передано депутатамъ города Ревеля, то ихъ мнѣніе было, что сначала нужно узнать совѣтъ орденскаго магистра въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ оно вѣдь больше всего его касается. Также и депутаты Риги, тотчасъ же по своемъ прибытіи объявили, что городъ по императорскому указу уже предоставилъ архіепископу его права и хочетъ по поводу непремѣнно требуемой присяги вести съ архіепископомъ переговоры въ промежуткѣ времени до дня св. Іакова, и что орденскій магистръ одобряетъ подобное намѣреніе. Ломиллеръ, который былъ постоянно нуженъ при такихъ переговорахъ, находился конечно въ числѣ рижскихъ депутатовъ и старался, по своимъ дружескимъ отношеніямъ къ герцогу прусскому, дѣйствовать въ пользу маркграфа. Епископъ дерптскій былъ лично на ландтагѣ, епископъ же эзельскій поручилъ защиту своего дѣла М. Михаилу Брулову

Главнымъ предметомъ обсужденій на ландтагѣ былъ вольмарскій рецессъ 1526 г.; разбирали вопросъ. не уничтожить ли этотъ документъ, не отнять ли у орденскаго магистра верховное главенство надъ Ливоніей и возвратить архіепископу его прежнія права? Сословія думали, что лучше всего не уничтожать рецесса до тѣхъ поръ, пока не будетъ составленъ другой. Епископы Дерпта и Эзеля требовали пересмотрѣть рецессъ и по нему составить новый. Это предложеніе было одобрено. Далѣе оба епископа просили орденскаго магистра прекратить всѣ спорныя дѣла, возникшія между нимъ и архіепископомъ, чтобы тѣмъ скорѣе можно было достичь полюбовнаго соглашенія; но сословія не согласились на это, а требовали представленія спорныхъ дѣлъ, чтобы изъ нихъ выяснить, кто собственно виновенъ въ раздорахъ. Впродолженіе ландтага епископъ дерптскій много разъ приглашалъ рижанъ передать ему ихъ дѣла съ архіепископомъ, чтобы такимъ образомъ все уладить мирнымъ путемъ. Рижскіе депутаты сначала задумались, потомъ отвѣтили: архіепископъ назначилъ срокъ до дня св. Іакова, въ который рижане должны были помириться съ архіепископомъ, и къ тому они готовы, но чтобы здѣсь на ландтагѣ вести переговоры объ этомъ дѣлѣ, то для этого они не имѣютъ полномочія ([107]). Наконецъ, послѣ долгихъ преній, былъ составленъ новый договоръ, прочитанъ въ общемъ собраніи сословій и принятъ послами архіепископа и орденскимъ магистромъ.

([107]) Такой отвѣтъ былъ данъ по совѣту Ломиллера, какъ онъ самъ писалъ о томъ герцогу прусскому. См. документы къ исторіи маркграфа Вильгельма подъ № 36.

Этимъ новымъ договоромъ уничтожался вольмарскій рецессъ; орденскій магистръ признаетъ за архіепископомъ совмѣстное главенство надъ городомъ Ригой по прежнему Такимъ образомъ удовольствіе единовластительства, продолжавшагося четыре года, исчезло у магистра какъ сонъ. Старость ищетъ примиренія и спокойствія, Плеттенбергъ надѣялся, что нашелъ теперь и то и другое.

Затѣмъ было прочитано постановленіе касательно коадъютора. Онъ не ранѣе могъ вступить въ должность, какъ получивъ утвержденіе отъ папы и регаліи отъ императора и притомъ подтвердивъ письменно за своею печатью права и обычаи каждаго сословія. Капитулу онъ долженъ оставить права выбора, долженъ обязаться не давать при себѣ никакихъ мѣстъ никакому графу или господину, до своего прибытія принять посвященіе въ духовное званіе, не допускать у себя княжеской роскоши, но жить подобно другимъ ливонскимъ прелатамъ, наконецъ не входить ни въ какіе союзы съ иностранными князьями ко вреду Ливоніи. Всѣ эти пункты коадъюторъ долженъ еще до своего прибытія утвердить письменно, закрѣпить своею печатью, представить на утвержденіе императору и папѣ, а также стараться получить отъ короля Фердинанда и другихъ князей и владѣтелей и отъ города Любека поручительство за эти статьи. Двѣнадцать знатнѣйшихъ лицъ изъ архіепископства должны также приложить свои печати и поручиться въ исполненіи коадъюторомъ названныхъ условій ([108]).

Орденскій магистръ и архіепископъ помирились; Рига, увидѣвшая себя одинокою на полѣ битвы, сочла за лучшее также помириться съ архіепископомъ. Это совѣтовали главнымъ образомъ Ломиллеръ и Брисманъ. Потому рижскіе депутаты отправились къ архіепископу въ Кокенгузенъ и сошлись съ нимъ на томъ, что ему будутъ возвращены всѣ движимыя и недвижимыя имущества, отнятыя у архіепископства. Дальнѣйшее рѣшеніе о духовной юрисдикціи архіепископа и вознагражденіи за понесенные убытки были отложены до слѣдующаго собранія, которое назначитъ архіепископъ, безъ нарушенія, однако, императорскаго указа ([109]).

Въ началѣ августа начались снова переговоры въ Даленѣ. По старому обычаю, въ случаяхъ, когда архіепископъ былъ въ раздорѣ съ городомъ Ригой, земское рыцарство вызывалось быть посредникомъ для улаженія спора; оно это и теперь сдѣлало съ согласія рижанъ. Болѣе недѣли велись переговоры, а спорные пункты все еще не были рѣшены. Тогда архіепископъ видя, что совѣщанія объ

([108]) См. у Грефенталя стр. 59 и у Гіерна стр. 197. Грефенталь ошибочно называетъ Даленъ мѣстомъ, гдѣ происходилъ ландтагъ.

([109]) См. у Грефенталя стр. 64 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. и у Гіерна стр. 197 въ 1-мъ томѣ того же изданія.

извѣстныхъ статьяхъ могутъ еще долго тянуться безплодно и что неспокойное положеніе страны не дозволяетъ такихъ продолжительныхъ переговоровъ, которые все таки не вели ни къ какой цѣли, рѣшилъ заключить съ рижанами перемиріе на два года, впродолженіе которыхъ быть можетъ нерѣшенныя статьи какъ нибудь и уладятся полюбовно. Подобному рѣшенію вѣроятно не мало способствовали Ломиллеръ и Брисманъ, которые также находились въ Даленѣ, а также ходатайства герцога прусскаго. Перемиріе не должно было нарушить императорскій указъ, напротивъ, обѣ стороны хотѣли просить въ имперскомъ камеральномъ судѣ о продленіи указа. Главнымъ пунктомъ перемирія было то, что городъ Рига обязывается дозволить архіепископу и каноникамъ капитула спокойно и мирно владѣть своимъ имуществомъ и имѣніями внутри и внѣ города, однако духовные не могутъ изъ этого дѣлать употребленія, которое принесло бы ущербъ торговлѣ или правамъ города. 10-го августа 1530 г перемиріе было принято въ Даленѣ обѣими сторонами и снабжено печатями ([110]).

Въ 1525 и 1526 годахъ обстоятельства въ Лпвоніи приняли новый видъ. евангелическое ученіе, имѣвшее своимъ главнымъ очагомъ Ригу, пріобрѣло вмѣстѣ съ верховнымъ главенствомъ одного орденскаго магистра надъ городомъ сильную опору въ орденѣ; вольмарскимъ договоромъ 1526 г свѣтское господство надъ Ливоніей одержало побѣду надъ духовнымъ, казалось, для Ливоніи наступитъ новая эра. Теперь же все снова вошло въ старую колею. Но сильный духъ, носящій въ себѣ живые зародыши, не позволяетъ себя уничтожить; подавленный на нѣкоторое время, онъ все таки снова прорывается съ непреодолимой силой. Орденъ, посреди молодой жизни, которая вокругъ него распускалась, стоялъ какъ отжившее учрежденіе, не способное къ возрожденію; реформація тѣмъ не менѣе во все вдохнула свѣжій духъ и изъ старой негодной оболочки засіяло новое время.

([110]) Даленскій договоръ напечатанъ въ Таубенгеймовой программѣ приложеніемъ подъ № 4.

ГЛАВА III.

Споры въ Ливоніи по поводу выбора маркграфа Вильгельма Бранденбургскаго архіепископскимъ коадъюторомъ. Корыстные его планы. Споръ о присягѣ между архіепископомъ и городомъ Ригою. Упроченіе евангелическаго ученія въ Ливоніи.

Орденскій магистръ вошелъ въ соглашеніе съ архіепископомъ на счетъ обоюдныхъ правъ, городъ Рига заключилъ перемиріе на два года, съ архіепископомъ слѣдовательно дѣло было покончено, но дѣло коадъютора еще колебалось, все еще не улаживалось. Хотя орденскій магистръ и отвѣчалъ на письмо короля датскаго, совѣтовавшаго не враждовать противъ коадъютора, что ни онъ, ни орденъ ничего не предпримутъ противъ коадъютора, хотя на ландтагѣ въ Вольмарѣ магистръ вмѣстѣ съ другими сословіями и рѣшился послать къ маркграфу Вильгельму посольство, но все таки онъ втихомолку надѣялся затянуть прибытіе коадъютора, можетъ быть и совсѣмъ помѣшать ему ([111]). Маркграфъ Вильгельмъ уже прибылъ въ Мемель, чтобы оттуда отправиться въ рижское архіепископство, герцогъ Альбрехтъ уже просилъ орденскаго фохта въ Гробинѣ, Эрнста фонъ Мюнхгаузена, встрѣтить и принять приличнымъ образомъ своего брата, но фохтъ обратился къ герцогу съ письменной просьбой задержать въѣздъ маркграфа подъ тѣмъ предлогомъ, что ему, фохту, необходимо увѣдомить магистра о предстоящемъ прибытіи коадъютора. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того и орденскій магистръ написалъ герцогу о своей готовности все устроить въ орденскихъ палатахъ для встрѣчи коадъютора, но, пусть, однако, герцогъ отложитъ путешествіе до тѣхъ поръ, пока къ нему не пребудетъ посольство, отправить которое, какъ онъ уже сообщалъ герцогу, было рѣшено на ландтагѣ въ Вольмарѣ ([112]).

Такимъ образомъ орденскому магистру удалось замедлить прибытіе коадъютора; дѣло шло теперь о томъ, нельзя ли изыскать средства и пути, чтобы коадъюторъ вовсе не пріѣзжалъ. Счастье,

---

([111]) См. документы къ исторіи архіепископа Вильгельма въ 5-мъ томѣ Mon. Liv ant. подъ №№ 22 и 29.

([112]) См. тамъ же документы подъ №№ 24, 25, 27.

казалось, благопріятствовало магистру. Въ послѣднихъ числахъ августа, архіепископъ Ѳома отправился въ Венденъ къ орденскому магистру, какъ говорили, по повторенному приглашенію его. Какъ только онъ приблизился къ Вендену, къ нему на встрѣчу выѣхали ландмаршалъ и гофрихтеръ со ста рейтарами и проводили его на постоялый дворъ, куда явился орденскій магистръ и любезнѣйшимъ образомъ пригласилъ его въ замокъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда архіепископа, прибылъ въ Венденъ епископъ дерптскій, котораго орденскій магистръ пригласилъ къ себѣ безъ вѣдома архіепископа. Эти трое господъ хотя и совѣщались между собой, конечно, въ совершенной тайнѣ, но въ дворцахъ знатныхъ людей и у стѣнъ часто бываютъ уши и что они слышатъ, то часто разсказываютъ всей странѣ. Такъ и тутъ, какими то путями вывѣдали окончательный результатъ разговора. Провѣдали, что епископъ дерптскій предлагалъ свои услуги ѣхать заграницу на счетъ ордена, и тамъ выхлопотать у императора полезное прелатамъ и ордену Въ особенности же онъ хотѣлъ затруднить коадъютору полученіе регалій, въ случаѣ если онъ ихъ еще не получилъ.

Былъ ли этотъ планъ одобренъ другими, былъ ли онъ дѣйствительно приведенъ въ исполненіе, не знаемъ, но, однакоже, видимъ другую попытку достичь главной цѣли плана. Именно М. Гейнеманъ Роде былъ выбранъ архіепископомъ, чтобы представить герцогу Альбрехту и его брату извиненія архіепископа, капитула и рижскаго земскаго рыцарства по поводу замедлившейся отправки посольства къ коадъютору. Роде долженъ былъ стараться ускорить подтвержденіе статей земскаго рыцарства, врученныхъ Меннике фонъ Ширштедту для передачи маркграфу Вильгельму, въ случаѣ если оно еще не послѣдовало, и прежде всего долженъ былъ освѣдомиться о папскомъ утвержденіи и императорскихъ регаліяхъ коадъютора и пересмотрѣть эти документы. О смыслѣ регалій Роде долженъ былъ немедленно же донести въ Ливонію, а за тѣмъ просить коадъютора выслать архіепископу до своей поѣздки утвержденіе и регаліи, чтобы архіепископъ и сословія, какъ говорится въ инструкціи, тѣмъ съ большей радостью могли привѣтствовать коадъютора ([113]). Но именно это особенное разсмотрѣніе утвержденія и регалій и было въ тѣсной связи съ совѣщаніями трехъ господъ въ Венденѣ. Роде долженъ былъ освѣдомиться о регаліяхъ, чтобы можно было, если онѣ еще не получены, воспрепятствовать ихъ полученію; если же регаліи были уже получены, то онъ долженъ былъ тщательно пересмотрѣть ихъ, не заключаютъ ли онѣ въ себѣ чего нибудь неполезнаго прелатамъ и орденскому магистру, дабы можно было во время исходатайствовать у императора отмѣны

([113]) См. инструкцію, данную Роде, въ числѣ документовъ къ исторіи архіепископа Вильгельма подъ № 31.

этого неполезнаго. Однако то, что должно было оставаться тайной, дошло также до ушей Іоанна Брисмана, который немедленно же далъ знать обо всемъ своему «много благосклонному, возлюбленному куму въ Кенигсбергѣ» (какъ онъ назвалъ изъ предосторожности герцога на адресѣ письма) ([114]).

Поведеніе архіепископа кажется тутъ съ перваго взгляда загадочнымъ. Онъ, который въ своемъ донесеніи о выборѣ коадъютора, переданномъ въ Аугсбургѣ императору, съ такимъ жаромъ говорилъ противъ ордена, который черезъ своего секретаря Антона Моргенштерна ходатайствовалъ у императора за маркграфа Вильгельма, теперь начинаетъ дѣйствовать въ союзѣ съ орденомъ противъ коадъютора. Но ненадобно забывать, что онъ дѣйствовалъ противъ ордена во время, предшествовавшее ландтагу въ Вольмарѣ. Теперь обстоятельства перемѣнились онъ примирился съ орденскимъ магистромъ, на него можетъ быть и нашло нѣкоторое раздумье касательно коадъютора. Архіепископъ достигъ почти всего, чего хотѣлъ, достигъ, конечно, не безъ помощи брата своего коадъютора, но большаго онъ и не могъ бы достигнуть, если бы маркграфъ Вильгельмъ находился подлѣ него коадъюторомъ. Архіепископъ могъ опасаться быть затемненнымъ блескомъ и значеніемъ своего коадъютора, наконецъ и то могло приходить на мысль, что маркграфу не столько было важно поддержаніе католической церкви, какъ обладаніе землями ([115]).

Но всѣ замыслы противъ коадъютора неожиданно рухнули. Вслѣдствіе ли письма Брисмана или по какимъ другимъ причинамъ, только Гейнеманъ Роде, ѣдучи въ Кенигсбергъ (въ концѣ сентября) встрѣтился противъ всѣхъ ожиданій, въ Кандау съ коадъюторомъ. Роде не смутился, однако, неожиданностію передалъ коадъютору свое порученіе и вручилъ вѣрительныя грамоты, которыя, однако, коадъюторъ не захотѣлъ распечатать, такъ какъ онѣ были адресованы не къ нему одному, но и къ герцогу Альбрехту ([116]). Гейнеманъ Роде затѣмъ продолжалъ свою поѣздку въ Кенигсбергъ, маркграфъ же Вильгельмъ поѣхалъ далѣе въ Фоннебургъ. Сюда онъ прибылъ 3-го октября 1530 г., былъ любезно встрѣченъ архіепископомъ и его многочисленнымъ рыцарствомъ и затѣмъ проведенъ въ замокъ. Здѣсь епископъ привѣтствовалъ коадъютора, отдалъ въ его распоряженіе прекрасное помѣщеніе и старался оказать ему дружескія услуги. На слѣдующій день коадъюторъ со знатнѣйшими изъ земскаго рыцарства отправился въ замковую церковь, гдѣ было пропѣто «Te Deum laudamus» и отслужена обѣдня святыя Троицы. Послѣ окончанія богослуженія,

([114]) См. письмо Брисмана въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. подъ № 30.

([115]) Опасеніе, что маркграфъ Вильгельмъ можетъ уклониться отъ католической церкви, было высказано однимъ кардиналомъ въ Римѣ при обсужденіи вопроса объ утвержденіи коадъютора. См. Mon. Liv. ant., въ 5-мъ томѣ, стр. 211.

([116]) См. Mon. Liv. ant. V, стр. 207.

земское рыцарство представило коадъютору тѣ статьи, которыя онъ долженъ былъ утвердить своею подписью. Такъ какъ и архіепископъ обязался все исполнить, что обѣщалъ коадъютору, то послѣдній и не задумался подтвердить эти статьи ([117]). 5-го октября были выставлены обоюдныя письменныя обязательства капитула и земскаго рыцарства съ одной и коадъютора съ другой стороны ([118]); на слѣдующій день архіепископское земское рыцарство присягнуло архіепископу и коадъютору, подарило послѣднему семь жеребцовъ и потомъ разъѣхалось по домамъ. Но орденскій магистръ и другіе ливонскіе епископы ни сами, ни черезъ своихъ депутатовъ не привѣтствовали коадъютора, хотя епископъ дерптскій находился на мызѣ, лежавшей въ 13-ти миляхъ отъ Роннебурга, и потому очень скоро могъ узнать о прибытіи коадъютора. Орденскій магистръ даже созвалъ всѣ чины въ Венденъ и держалъ съ ними совѣщаніе, о чемъ осталось неизвѣстнымъ.

Обстоятельства, при которыхъ коадъюторъ вступилъ въ должность, были потому не изъ особенно благопріятныхъ, но маркграфъ Вильгельмъ, опираясь на помощь своего брата герцога, повидимому мало смущался этимъ; ему было только жаль, что онъ слишкомъ поздно пріѣхалъ, чтобы хлопотать для себя о только что упраздненныхъ мѣстахъ епископовъ эзельскаго и ревельскаго ([119]).

Съ тѣхъ поръ какъ маркграфъ Альбрехтъ снялъ съ себя орденское одѣяніе, орденъ въ Ливоніи стоялъ одинокимъ; тѣсная связь съ Германіей, поддерживаемая прежде Пруссіей, стала слабѣе; отъ существовавшаго тевтонскаго ордена, главное пребываніе котораго было въ Мергентеймѣ, по отдаленности, можно было ожидать мало помощи; ордену въ Ливоніи приходилось такимъ образомъ расчитывать единственно на свою собственную силу Вольмарскимъ рецессомъ 1526 года онъ пріобрѣлъ величіе и значеніе, которыхъ еще никогда не имѣлъ. Но блескъ не долго продолжался, вольмарскій рецессъ былъ уничтоженъ, черезъ новаго коадъютора архіепископство пріобрѣло могущественныя связи; ордену не только нельзя уже было надѣяться на увеличеніе своей власти, но слѣдовало о томъ же подумать, какъ бы поддержать еще на нѣкоторое время жилое зданіе орденскаго института ([120]). Потому то онъ и держался въ отношеніи коадъютора такъ сдержанно, осторожно, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже враждебно. Когда коадъюторъ, чтобы переговорить съ самимъ магистромъ, въ

([117]) См. письмо маркграфа Вильгельма къ его брату, герцогу прусскому въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. подъ № 35.

([118]) Обязательства капитула и земскаго рыцарства напечатаны у Гупеля, въ его „Neuen nord. Misc. St. VII и VIII, стр. 296.

([119]) См. упомянутое уже выше письмо маркграфа Вильгельма къ брату въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. подъ № 35.

([120]) Съ этою цѣлію орденъ исходатайствовалъ у императора Карла V, 5-го августа 1530 г. въ Аугсбургѣ дипломъ, подтверждающій орденскія права и преимущества. См. Арндта II, стр. 196.

концѣ ноября 1530 г поѣхалъ въ Венденъ, то послѣдній хотя и послалъ къ нему навстрѣчу юнкеровъ и слугъ привѣтствовать коадъютора, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ извиненія, что, по болѣзни, онъ не можетъ принять посѣщенія. Какъ только здоровье поправится, онъ не упуститъ свидѣться съ коадъюторомъ и заключить съ нимъ доброе знакомство ([121]). Орденъ въ особенности боялся переговоровъ съ иностранными князьями и потому не снималъ заставъ съ большихъ сельскихъ дорогъ ([122]). Въ концѣ декабря орденскій магистръ снарядилъ посольство къ собравшемуся въ Лемзалѣ рижскому земскому рыцарству и велѣлъ его спросить, согласилось-ли оно на иностранные союзы архіепископа и заключены ли таковые союзы съ полномочія рыцарства; если это такъ, то орденскій магистръ, при вредѣ, который при этомъ можетъ произойти для ордена, не будетъ держать стороны сословій архіепископства ([123]). На это рыцарство отвѣтило, что оно не соглашалось ни на какіе союзы съ иностранными князьями во вредъ ордену; если же для магистра этого объясненія недостаточно, то пусть онъ ищетъ своего права предъ папой, императоромъ и имперіею; если орденскій магистръ захочетъ дѣйствовать враждебно противъ архіепископства, то рыцарство будетъ защищать архіепископа и коадъютора въ ихъ правахъ ([124]). Это была послѣдняя гнѣвная выходка ордена, и орденскій магистръ, повидимому, мало по малу покорился неизбѣжности.

Въ началѣ 1531 года коадъюторъ отправился въ Ригу; здѣсь онъ былъ принятъ приличествующимъ образомъ ([125]), и завелъ съ городомъ переговоры касательно уплаты архіепископу денегъ въ возмѣщеніе убытковъ за наложенное на долгое время городомъ запрещеніе на архіепископскія имущества. На этотъ счетъ коадъюторъ незадолго передъ тѣмъ получилъ инструкціи отъ архіепископа. Но городъ опять задумался надъ предложеніями и дѣла не пришли ни къ какому опредѣленному рѣшенію ([126]). На предложенія, сдѣланныя викаріемъ городу, большая часть капитула была согласна, но не архіепископъ, который высказался объ этомъ очень рѣзко ([127]). Тогда опять долженъ былъ вступиться герцогъ Альбрехтъ и устранить несогласія своимъ дружескимъ увѣщаніемъ ([128]).

Какую собственно цѣль имѣлъ въ виду въ Ливоніи коадъюторъ, обнаружилось очень скоро. Знакомый съ лютеранскимъ ученіемъ и въ

([121]) См. документы въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. подъ №№ 17, 10.
([122]) См. тамъ же, стр. 231.
([123]) См. тамъ же, документъ № 38.
([124]) См. тамъ же, № 39.
([125]) О приличествовавшемъ пріемѣ въ городѣ позаботился герцогъ. См. письмо рижскаго магистрата къ герцогу Альбрехту въ Corp. hist. dipl. Liv. II, XVI, № 2124.
([126]) См. письмо коадъютора къ герцогу Альбрехту въ Mon. Liv. ant. V, документъ № 45.
([127]) См. письмо герцога къ Ломиллеру въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. № 42.
([128]) См. письмо архіепископа къ герцогу тамъ же подъ № 48.

душѣ расположенный къ нему, коадъюторъ, находясь въ сношеніяхъ съ людьми, бывшими лютеранами, каковы Брисманъ, Ломиллеръ и др., не очень то былъ расположенъ поддерживать католическую церковь. Значеніе и обладаніе землями были конечною цѣлію его стремленій; онъ, быть можетъ, не былъ даже чуждъ желанію со временемъ превратить свою духовную власть въ свѣтскую. Коадъюторъ не могъ расчитывать на полученіе епископства эзельскаго, съ тѣмъ большимъ стараніемъ онъ началъ стремиться къ полученію другихъ должностей. Соборное пробство рижской церкви, чрезъ повышеніе Ѳомы Шэнинга въ архіепископы, оставалось вакантнымъ; Георгъ фонъ Унгернъ утверждалъ, что архіепископъ уступилъ должность соборнаго пробста его сыну, свое мнимое право на пробство передалъ коадъютору, который и началъ хлопотать предъ папою о представленіи ему пробства, по мимо выбора капитула. Тогда архіепископъ объявилъ, что онъ рижское соборное пробство никогда не уступалъ сыну Георга фонъ Унгерна, да и не могъ уступить, такъ какъ должность пробста должна быть замѣщена по выбору соборнаго капитула, у котораго онъ, архіепископъ, только хотѣлъ просить за Унгерна. Вмѣстѣ съ тѣмъ архіепископъ совѣтовалъ коадъютору впредь не вмѣшиваться въ дѣла, возбуждающія только неудовольствіе и волненіе въ странѣ. Маркграфъ Вильгельмъ не смутился подобнымъ заявленіемъ, напротивъ сталъ утверждать, что соборное пробство находится въ распоряженіи не капитула, а папскаго престола, и офиціально протестовалъ противъ того, когда капитулъ, побуждаемый архіепископомъ, избралъ въ соборные пробсты Гейнемана Роде ([129]). Этотъ споръ о соборномъ пробствѣ еще долго продолжался ([130]).

Почти въ это же время викарій домогался пробства въ дерптскомъ епископствѣ ([131]). Уже эти двѣ попытки увеличить доходы бросили на коадъютора неблагопріятный свѣтъ, но еще болѣе повредили его репутаціи старанія добыть для себя епископство эзельское. Эти старанія имѣли слѣдствіемъ долгій споръ, уладить который прилагали усилія не только сословія Ливоніи, но и иностранные князья, императоръ и папа. Мы изложимъ этотъ споръ вкратцѣ.

Послѣ смерти Георга фонъ Тизенгаузена соборный капитулъ избралъ 18-го октября 1530 г соборнаго декана Рейнгольда фонъ Буксгевдена епископомъ эзельскимъ ([132]). Пока не пришло утвержденіе изъ Рима, избранный епископъ не могъ рѣшать ничего важнаго въ епископскихъ дѣлахъ безъ согласія правленія, состоявшаго изъ двухъ духовныхъ и двухъ свѣтскихъ членовъ (экономы епископ-

([129]) См. протестъ въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant., документъ № 56.
([130]) См. письмо рижскаго земскаго рыцарства къ герцогу Альберту въ томъ же томѣ, № 79.
([131]) См. тамъ же, № 52.
([132]) См. тамъ же, № 132.

ства); но Буксгевденъ мало обращалъ на это вниманія, самовластно управлялъ епископствомъ, и упустилъ въ положенное время просить въ Римѣ о своемъ утвержденіи въ должности ([133]). Это было достаточною причиною для маркграфа Вильгельма, чтобы начать домогаться епископства для себя. Еще прежде онъ получилъ отъ папы эзельское деканство и многіе приходы въ эзельскомъ епископствѣ, и теперь папа, казалось, былъ не прочь обѣщать ему, вслѣдствіе упущенія Буксгевдена, епископство ([134]), но одно папское обѣщаніе мало принесло бы пользы маркграфу, еслибы онъ не былъ поддержанъ врагами Буксгевдена. Именно, Буксгевденъ распоряжался въ епископствѣ не только безъ совѣта экономовъ, но и нарушалъ привиллегіи дворянства и притѣснялъ оцѣнкой крестьянъ. Въ особенности же онъ не поладилъ съ рыцарствомъ въ Викѣ, которое также принадлежало къ эзельскому епископству Викское рыцарство часто приглашало его переѣхать на континентъ для улаженія споровъ, но онъ и не являлся, и не давалъ на ихъ жалобы никакого отвѣта, такъ что рыцарство его спросило, за кого же онъ его принимаетъ, не удостоивая даже отвѣта; еслибы они стали передъ самимъ императоромъ, то и императоръ отвѣтилъ бы имъ, считая ихъ за хорошихъ и достойныхъ людей. Ко многимъ такимъ насильственнымъ поступкамъ Буксгевдена побуждала одна женщина, Урсула, которую онъ держалъ у себя и изгнанія которой изъ епископства требовало рыцарство, «потому что чрезъ такихъ злыхъ бабъ», говорило оно, «короли и князья лишались земли и людей» Когда же Буксгевденъ не удалялъ отъ себя Урсулы и когда два земскіе рыцаря (вассалы) Валентинъ Вульгеринъ и Асмусъ Гейнценъ, не найдя у него справедливости, написали ему письмо съ отказомъ въ повиновеніи, тогда викское рыцарство рѣшило избрать епископомъ маркграфа Вильгельма, о которомъ оно знало, что онъ добивается эзельскаго епископства въ Римѣ. Главнѣйшимъ образомъ содѣйствовали тому подстрекательства Георга фонъ Унгерна, барона въ Пюркелѣ, который уже за то ненавидѣлъ епископа Рейнгольда, что желалъ бы видѣть на его мѣстѣ своего сына, эзельскаго соборнаго пробста. Рыцарство успѣло добиться согласія на свое рѣшеніе и части соборнаго капитула ([135]). Маркграфъ Вильгельмъ принялъ съ радостью выборъ и отправился въ Гапсаль, гдѣ въ праздникъ Введенія во храмъ (21-го ноября) былъ торжественно встрѣченъ; здѣсь рыцарство принесло ему присягу

Такимъ образомъ другъ противъ друга стали двѣ партіи, изъ которыхъ одна владѣла островами, другая частью епископства, лежавшей на континентѣ. Буксгевденъ безпощадно началъ преслѣдовать

([133]) См. тамъ же, № 58.
([134]) См. тамъ же, № 57.
([135]) Объ этомъ и о нижеслѣдующемъ см. документы съ № 59 по 92 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

приверженцевъ маркграфа, многихъ велѣлъ хватать ночью и везти въ Аренсбургъ, лишалъ церкви ихъ драгоцѣнностей, а крестьянъ скота, маркграфъ же занялъ въ Викѣ епископскіе замки и имѣнія и искалъ содѣйствія сосѣднихъ государей. На ландтагѣ въ Вольмарѣ (въ концѣ января 1533 г.) сословія начали совѣщаться, какъ бы уладить споръ и рѣшили, наконецъ, послать къ обѣимъ партіямъ посольство, побудить ихъ къ прекращенію непріязненныхъ дѣйствій на опредѣленное время, впродолженіе котораго быть можетъ удастся придти къ миролюбивому соглашенію. Хотя маркграфъ и согласился на перемиріе со своимъ противникомъ до Пасхи, но переговоры о соглашеніи, которые вели орденскій магистръ и прелаты Ливоніи, такъ мало повели къ какому нибудь рѣшенію, что пришлось просить герцога Альбрехта о посредничествѣ. Но и тутъ ничего путнаго не вышло.

Чтобы водворить миръ, папа Климентъ VII предложилъ епископу Рейнгольду отказаться отъ епископскаго сана и удовольствоваться приличнымъ содержаніемъ; но Рейнгольдъ Буксгевденъ не пожелалъ слѣдовать этому совѣту. Попытки водворить миръ не удались, и потому, по истеченіи срока перемирія, непріязненныя дѣйствія снова начались. Къ содѣйствію коадъютору были, кромѣ папы, привлечены и другія иноземныя государства. Герцогъ Альбрехтъ обратился за помощью своему брату къ государственнымъ сословіямъ Даніи ([136]), которыя вслѣдствіе этого въ особенномъ письмѣ старались отговорить города Дерптъ и Ревель отъ покровительства епископу Рейнгольду и ободряли городъ Ригу и сословія рижскаго архіепископства къ дальнѣйшему содѣйствію маркграфу Вильгельму. Съ своей стороны маркграфъ послалъ депутатовъ въ Германію, чтобы сдѣлать что нибудь для своего дѣла въ имперскомъ камерномъ судѣ, однако безъ желаннаго успѣха ([137]). Между тѣмъ въ октябрѣ 1533 г. въ Леалѣ состоялся съѣздъ депутатовъ орденскаго магистра и прелатовъ. Депутаты явились посредниками въ дѣлахъ обѣихъ партій, но кромѣ убѣдительнаго напоминанія обѣимъ партіямъ прекратить непріязненныя дѣйствія, ничего не сдѣлали ([138]). 31-го января 1534 г. начался общій ландтагъ въ Феллинѣ, его результатъ былъ для маркграфа неблагопріятенъ, потому что сословія рѣшили дѣло такимъ образомъ, что маркграфъ долженъ очистить занятыя имѣнія и возмѣстить противной сторонѣ претерпѣнные убытки. Противъ этого протестовали депутаты маркграфа, а самъ маркграфъ передалъ дѣло на усмотрѣніе императора и папы, которымъ однимъ будто бы принадлежитъ приговоръ надъ нимъ. Сословія, вѣроятно, ожидали подобнаго сопро-

([136]) См. лѣтопись Грефенталя, стр. 71 и 72.

([137]) См. у Грефенталя стр. 88 — 91 и документъ въ № 115 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

([138]) См. у Грефенталя, стр. 84 — 86.

тивленія со стороны коадъютора, потому что въ предвидѣніи приближающихся опасностей заключили между собою союзъ въ Феллинѣ, давъ другъ другу обѣщаніе взаимной помощи противъ всякаго туземнаго и иноземнаго насилія.

Изъ Феллина прелаты и орденскій магистръ послали посольство къ королю польскому просить его склонить своего племянника, маркграфа Вильгельма, къ миру, что король и обѣщалъ.

При феллинскомъ рѣшеніи сословія остались и на собраніи въ Лемзалѣ, гдѣ протестовали противъ всякаго вреда, который можетъ произойти отъ сопротивленія коадъютора слѣдовать рѣшенію сословій.

Несмотря на папскіе и императорскіе указы (139), Рейнгольдъ фонъ Буксгевденъ съ большимъ отрядомъ войска высадился на Викъ и занялъ большую его часть. Тогда къ маркграфу пришли многіе изъ рыцарства и просили освободить ихъ отъ данной ему присяги и оставить Викъ, а то они не спокойны за свою жизнь и свое имущество. У маркграфа Вильгельма не было подъ рукою средствъ защитить ихъ, онъ долженъ былъ уступить, освободилъ ихъ отъ присяги и оставилъ Викъ, однако съ предоставленіемъ себѣ права на епископство. Съ этимъ оставленіемъ Вика споръ фактически былъ оконченъ, но переговоры продолжались еще до самаго 1536 года. Наконецъ коадъюторъ, ничего не добившись въ имперскомъ камерномъ судѣ, рѣшился подчиниться третейскому приговору архіепископа рижскаго, епископа дерптскаго и ливонскаго магистра. По этому приговору епископъ Рейнгольдъ снова вводился въ свои права и владѣнія, а викское дворянство, какъ виновникъ смуты, должно было возмѣстить убытки обѣимъ сторонамъ (140).

Какъ споръ объ эзельскомъ епископствѣ, такъ и другіе случаи ясно показали, что маркграфъ больше заботился о пріобрѣтеніи владѣній, чѣмъ о церкви. Въ изложеніи послѣдующихъ событій мы увидимъ, насколько будущій архіепископъ былъ расположенъ къ лютеранскому ученію.

Въ Германіи страхъ передъ турками побудилъ императора быть снисходительнѣе къ протестантамъ и склонилъ его снова завязать съ ними переговоры (141). Подобное настроеніе обнаружилось и въ Ливоніи. На ландтагѣ въ Вольмарѣ 25-го февраля 1532 года сословія согласились, чтобы всякій, высокаго или низкаго званія, поступалъ въ дѣлахъ вѣры такъ, какъ можетъ отдать отчетъ передъ Богомъ, Императорскимъ Величествомъ и всѣмъ христіанствомъ; пусть всякій безпрепятственно остается при своихъ обычаяхъ, привычкахъ и богослуженіи

(139) Императорскій указъ, состоявшійся 21-го февраля 1534 г. въ Шпейерѣ и воспрещавшій подъ угрозою штрафа продолженіе непріязненныхъ дѣйствій, помѣщенъ въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. подъ № 120.

(140) См. документъ № 148 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

(141) См. Ранке Geschichte der Deutschen im Zeitalter der Reformation, III, стр. 420 — 21 и 428 — 429.

и избѣгаетъ клеветы и богохульства ([142]). На этомъ же ландтагѣ разсуждали о коадъюторствѣ маркграфа и снова возобновили большую часть пунктовъ вольмарскаго рецесса 1530 г. Коадъюторъ отказывался подтвердить возобновленіе вольмарскаго рецесса, утверждая, что рецессъ этотъ не соотвѣтствуетъ папскимъ и императорскимъ правамъ ([144]). Кажется, коадъюторъ находилъ въ особенности неудобнымъ для себя тотъ пунктъ рецесса, которымъ воспрещались переговоры и союзы съ иностранными государями въ ущербъ Ливоніи. Черезъ годъ коадъюторъ велѣлъ, однакоже, написать грамоту, въ которой обѣщалъ оставить всѣ сословія при ихъ привиллегіяхъ и вольностяхъ и охранять въ странѣ миръ ([145]). Событія въ Германіи не остались безъ вліянія и на Ригу. Въ началѣ 1532 г. городъ заключилъ какъ съ отдѣльными личностями, такъ и съ корпораціями союзы для поддержанія евангелическаго исповѣданія; такъ, напримѣръ, съ рижскимъ земскимъ рыцарствомъ, съ командоромъ виндавскимъ, Вильгельмомъ фонъ деръ Баленомъ и со многими курляндскими дворянами ([146]). Подобный союзъ съ рыцарствомъ эзельскаго епископства городъ заключилъ еще въ 1529 г. ([147]). Спокойствіе впродолженіе двухъ лѣтъ, доставленное городу даленскимъ перемиріемъ, такъ усилило рижанъ, что они могли обѣщать королю Фридриху датскому два вооруженныя корабля съ провіантомъ и войскомъ для отраженія и помощи противъ изгнаннаго короля Христіерна ([148]).

Благодѣянія мира прекратились хотя и на короткое время, когда въ августѣ 1532 года окончился срокъ даленскаго перемирія. Переговоры должны были опять начаться съ того, на чемъ остановились два года тому назадъ; отношеніе Риги къ архіепископу не измѣнились, но на этотъ разъ городъ могъ уже съ несравненно большимъ мужествомъ начать снова споръ. Болѣе благопріятное положеніе протестантовъ въ Германіи и союзы относительно религіи, заключенные Ригою въ началѣ этого года, давали теперь совсѣмъ другой видъ поведенію города въ отношеніи къ архіепископу.

Архіепископъ хотя и вошелъ въ союзъ съ орденскимъ магистромъ, прелатами и рыцарствомъ въ Вольмарѣ, чтобы сохранить въ силѣ кирхгольмскій договоръ ([149]); но такъ какъ этотъ союзъ хотѣлъ также водворенія мира въ дѣлахъ вѣры и религіозной свободы, то архіепископъ не могъ надѣяться на большую помощь со стороны сословій. Когда коадъюторъ занялъ въ Ливоніи болѣе твердое поло-

([142]) См. въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. документъ № 62.
([143]) См. тамъ же № 61.
([144]) См. тамъ же документъ № 64.
([145]) См. тамъ же документъ № 65.
([146]) См. Арндта II, стр. 201 и документъ № 157 въ Mon. Liv. ant. IV.
([147]) См. Corp. hist. dipl. Liv. I, VIII, № 905.
([148]) См. Corp. hist. dipl. Liv. II, XVII, № 2140.
([149]) См. документъ № 64 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

женіе и архіепископъ, какъ мы видѣли, противился его стараніямъ увеличить свое значеніе, для герцога Альбрехта прусскаго явилось важнымъ дѣломъ расположить посредствомъ дружескихъ услугъ въ свою пользу и въ пользу своего брата городъ Ригу

Въ февралѣ 1531 г въ Брюсселѣ императоръ издалъ указъ городу Ригѣ, въ которомъ предписывалъ рижанамъ признавать архіепископа своимъ верховнымъ владыкой ([150]). Въ то время еще дѣйствовало даленское перемиріе, потому на императорскій указъ въ Ригѣ мало обращали вниманія, но теперь, въ августѣ 1532 г, архіепископъ призвалъ въ Кокенгузенъ рижскихъ депутатовъ и потребовалъ отъ нихъ исполненія указа. Депутаты отвѣчали, что они исполнятъ указъ, принесутъ архіепископу присягу какъ свѣтскому владыкѣ; но отъ духовной юрисдикціи архіепископъ долженъ отказаться за себя и за своихъ преемниковъ и дать въ томъ ручательство. Согласиться на эти условія архіепископъ счелъ недобросовѣстнымъ. Переговоры въ Кокенгузенѣ и затѣмъ въ Сесвегенѣ не привели ни къ какому результату Тогда въ октябрѣ обѣ стороны собрались въ Даленѣ. Рижскіе депутаты повторили свои прежнія заявленія и прибавили, что до нихъ дошло «черезъ всеобщій говоръ и слухи», что императоръ и сословія римской имперіи составили и заключили въ дѣлахъ вѣры перемиріе, по которому дѣла должны оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ теперь находятся, до всеобщаго собора ([151]), а также что всѣ процессы по религіознымъ спорамъ, возбужденные въ имперскомъ камерномъ судѣ, прекращаются. Рижане, какъ «принадлежащіе къ священной римской имперіи», хотятъ знать, относится ли это къ нимъ или нѣтъ. Архіепископъ отвѣчалъ: отказываться ему отъ духовной юрисдикціи въ Ригѣ, значило бы дѣйствовать во вредъ и гибель своей собственной личности, своихъ преемниковъ, достойнѣйшаго капитула и почтеннаго рыцарства, самаго города и всего архіепископства; поэтому онъ еще разъ предлагаетъ, подъ страхомъ наказанія, принести присягу согласно съ императорскими регаліями и приказомъ. Если рижане присягнутъ, то онъ, архіепископъ, какъ это дѣлали его предшественники, подтвердитъ за городомъ привиллегіи, если же городъ откажется присягать, то онъ представитъ дѣло императору и камерному суду О заключенномъ въ Германіи перемиріи онъ, архіепископъ, почти ничего не знаетъ, но если перемиріе и дѣйствительно заключено, то съ точки зрѣнія права оно не можетъ касаться дѣлъ между нимъ и городомъ. Въ Библіи, говорилъ архіепископъ далѣе, не сдѣлано различія между духовной и свѣтской властью; они сами (рижане) выразились, что хотятъ воздать Богу и императору то, что имъ приличествуетъ, такъ пусть же и посту-

([150]) См. лѣтопись Грефенталя въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant., стр. 59 и 60.
([151]) Рижане ссылались на Нюрнбергскій религіозный миръ.

паютъ по императорскому указу Но изъ особой милости соглашаюсь заключить съ рижанами перемиріе на годъ по день св. Вита и даю время до Рождества обдумать статьи этого перемирія. Предложенное перемиріе въ общемъ мало отличалось отъ прежняго даленскаго; одна статья его гласила, что если впродолженіе перемирія водворится единодушный порядокъ въ отношеніяхъ Императорскаго Величества и сословій священной римской имперіи съ евангеликами, то этотъ порядокъ будетъ соблюдаться архіепископомъ, капитуломъ и городомъ Ригою. Рижскіе депутаты хотѣли предложенное перемиріе представить магистрату города, утверждая, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ они не могли согласиться съ архіепископомъ, потому архіепископъ велѣлъ объявить свой протестъ, въ которомъ старался придать вѣсъ своимъ притязаніямъ; рижане издали возраженіе на этотъ протестъ. Предложеннаго перемирія городъ не принялъ, такъ какъ нѣкоторые пункты его были противны свободѣ исповѣданій. Такимъ образомъ переговоры были прерваны и дѣло было снова передано въ камерный имперскій судъ. Тогда рижане обратились къ герцогу Альбрехту, извѣстили его о положеніи дѣлъ и просили ради Евангелія ходатайствовать за Ригу передъ лютеранскими князьями. Архіепископъ же на основаніи вольмарскаго соглашенія, призвалъ къ себѣ на помощь противъ города орденскаго магистра. Рижане, узнавъ про это, протестовали, заняли всѣ дома, принадлежавшіе капитулу, епископскій дворъ, всю часть города, гдѣ жили соборные каноники, и заняли всѣ духовныя помѣстья, которыя не задолго передъ тѣмъ были возвращены архіепископу и капитулу, укрѣпили городъ и сообщили письменно архіепископу объ этихъ своихъ поступкахъ и о побудительныхъ къ нимъ причинахъ ([152]). Архіепископъ тогда ясно увидѣлъ, что силой ничего не подѣлаетъ городу и надѣялся только на благопріятное для себя рѣшеніе въ имперскомъ камерномъ судѣ. Городъ со своей стороны поручилъ защищать себя передъ камернымъ судомъ Іогану Гельфманну, ссылаясь на нюрнбергскій миръ. Въ условіяхъ этого мира хотя и обѣщалось прекращеніе процессовъ въ религіозныхъ дѣлахъ, но камерный судъ мало обращалъ на это вниманія; чтобы не противорѣчить императорскому указу, судъ объяснилъ, что процессы не религіозныя дѣла. Протестанты не хотѣли позволить такъ легко отнять отъ нихъ плоды нюрнбергскаго мира и защищались противъ дѣйствій камернаго суда. Черезъ это возникли долгія пререканія, устраненныя лишь въ 1534 году ([153]). Пререканія эти оказались выгодными для рижанъ въ томъ отношеніи, что никакого рѣшенія камернаго суда противъ Риги не состоялось.

([152]) См. о томъ у Хитреуса, кн. XIII; Гіерна стр. 198; Гадебуша 1, 2, стр. 342; Арндта II, стр. 201 и магазинъ Бергмана II, 2, стр. 34.

([153]) См. Ранке Geschichte der Deutschen im Zeitalter der Reformation, т. 3-й, стр. 494 — 99.

Тотчасъ послѣ переговоровъ въ Даленѣ рижане просили герцога Альбрехта о ходатайствѣ за нихъ предъ лютеранскими князьями, теперь они предложили ему заключить религіозный союзъ, на который герцогъ и согласился для защиты и споспѣшествованія лютеранскому исповѣданію. Еще весной 1531 г магистратъ города Риги обратился къ шмалькальденскому союзу и просилъ его о помощи и защитѣ противъ враждебныхъ замысловъ архіепископа. Тогда кажется на эту просьбу мало обратили вниманія; но теперь чрезъ союзъ съ герцогомъ прусскимъ, Рига стала ближе къ лютеранскимъ князьямъ Германіи и могла скорѣе надѣяться быть принятой въ названный союзъ.

Въ послѣдующіе годы вниманіе всѣхъ ливонскихъ сословій было преимущественно обращено на споръ маркграфа Вильгельма относительно эзельскаго епископства. Но и въ это время, когда мысли были направлены въ другую сторону, случилось много важнаго для реформаціи въ Ливоніи. Маркграфу при упомянутомъ спорѣ было важно уничтожить подозрѣнія, которыя къ нему имѣли изъ за его княжескаго происхожденія, изъ за его сношеній съ чужеземными странами, было важно расположить къ себѣ умы. Въ этихъ видахъ, а, быть можетъ, и изъ расположенія къ евангелическому исповѣданію, онъ рѣшился заключить съ ливонскими сословіями союзъ на защиту чистаго ученія святаго божественнаго слова ветхаго и новаго завѣта. Союзъ этотъ, заключенный въ Венденѣ 1-го апрѣля 1533 г состоялъ въ слѣдующемъ. святое божественное слово по библейскому писанію древняго и новаго завѣта проповѣдуется свободно и безпрепятственно, никто не будетъ терпѣть обидъ за свое исповѣданіе. Всякое начальство должно за тѣмъ наблюдать, чтобы избирались такіе проповѣдники, которые бы возвѣщали слово Божіе истинно и ясно и воздерживались отъ всякаго злословія и ругательствъ; если же они все таки будутъ дѣлать послѣднее, и не исправятся послѣ троекратнаго увѣщанія, то ихъ слѣдуетъ надлежащимъ образомъ штрафовать или и совсѣмъ отставлять отъ мѣстъ. Сословія обязуются помогать другъ другу совѣтомъ и дѣломъ. Если изъ трехъ договаривающихся сторонъ (коадъюторъ со своими сословіями, магистръ со своими сословіями и городъ Рига) двѣ будутъ не согласны между собою, то третья сторона должна стараться привести обѣ другія къ дружественному и миролюбивому соглашенію. Ни одна изъ сторонъ не смѣетъ принуждать другую къ чему нибудь силой, а также ни одна не смѣетъ дозволить убѣдить себя начать какую нибудь войну безъ вѣдома, желанія и совѣта двухъ другихъ. Если договаривающіяся стороны подвергнутся нападенію какихъ нибудь сосѣдей, то имъ стоять за-одно. Въ ливонскихъ земляхъ не должно принимать никакихъ князей и владѣтелей безъ единодушнаго согласія всѣхъ трехъ сторонъ. Никто не смѣетъ заключать съ иноземными князьями и сословіями союзовъ, въ противность заключаемому христіанскому союзу договаривающихся сторонъ и всякое

сословіе должно быть оставленнымъ при своемъ управленіи, власти, свободныхъ выборахъ, правахъ, привиллегіяхъ и подсудности. Эзельскія дѣла и рижскіе споры предоставляются миролюбивому обсужденію. Далѣе маркграфъ Вильгельмъ обѣщаетъ сдержать все то, что онъ подтвердилъ за господами и сословіями при своемъ вступленіи въ епископство. Наконецъ всѣ три стороны торжественно обѣщаютъ быстро и надлежащимъ образомъ помогать другъ другу въ обереженіи своихъ правъ. Земскія дороги должны быть свободны для всякаго. Всякій долженъ обращать вниманіе на то что говоритъ; никто не смѣетъ преслѣдовать другого и ругать; кто будетъ поступать противъ этого, будетъ наказанъ своимъ начальствомъ.

Папскія и императорскія права должны остаться неприкосновенными; Богу и властямъ должно воздаваться должное имъ. Этотъ договоръ подписали маркграфъ Вильгельмъ, Вольтеръ фонъ Плеттенбергъ, Германъ фонъ Брюггеней, ландмаршалъ ордена, капитулъ эзельскій, земское рыцарство архіепископское и эзельское и городъ Рига ([154]). Между именами свидѣтелей этого союза находимъ имя Іоанна Ломиллера, оказавшаго столь много услугъ дѣлу реформаціи въ Ливоніи. Онъ подписался городскимъ синдикомъ. Въ должности городскаго секретаря онъ завѣдывалъ дѣлами синдиката, въ дѣйствительные синдики онъ былъ избранъ 2-го декабря 1532 г., при чемъ содержаніе его значительно было увеличено. Для жительства городъ назначилъ ему домикъ, въ коемъ нѣкогда жилъ Брисманъ. Жалованье и квартира должны были за его долгую и вѣрную службу оставаться за нимъ, еслибы даже онъ по своимъ преклоннымъ лѣтамъ не могъ исполнять своей должности ([155]). Такъ городъ старался загладить несправедливость, которую онъ ему оказалъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ изъ ложнаго подозрѣнія.

Венденскимъ союзомъ дѣло реформаціи въ Ливоніи значительно подвинулось впередъ; а если рядомъ съ этимъ союзомъ сопоставить соглашеніе архіепископа съ сословіями, происшедшее въ Вольмарѣ, то можно бы было сказать, что дѣло реформаціи въ Ливоніи заключилось и кончилось. Но вольмарское соглашеніе похоже было больше на перемиріе въ религіозныхъ дѣлахъ, чѣмъ на окончательный миръ, и встрѣчающееся въ немъ выраженіе «midler wile» можетъ служить тому доказательствомъ ([156]). Уже возобновленное подтвержденіе кирхгольмскаго договора ясно доказываетъ, что архіепископъ Ѳома Шэнингъ былъ слишкомъ добрымъ католикомъ, чтобы согласиться на большія уступки.

Хотя архіепископъ все болѣе и болѣе отступалъ на задній планъ передъ коадъюторомъ, но все же ему еще принадлежали архі-

([154]) Договоръ этотъ напечатанъ въ 4-мъ томѣ Mon. Liv. ant. подъ № 159.
([155]) См. Таубенгеймову программу стр. 31.
([156]) См. Mon. Liv. ant. томъ 5-й, стр. 270.

епископскія права, и безъ него, какъ одного изъ главныхъ властителей Ливоніи, немыслимо было довершеніе дѣла реформаціи. Вопросъ былъ только въ томъ, какое положеніе займетъ архіепископъ относительно реформаціи на будущее время и на какихъ основаніяхъ прекратятся споры между Ригой и архіепископомъ относительно духовной юрисдикціи. Архіепископъ хорошо сознавалъ, что Рига гораздо болѣе склонялась присягнуть маркграфу, чѣмъ ему; было ясно также, что его значеніе много умалилось по сравненію съ коадъюторомъ княжескаго званія. Поэтому онъ 3-го іюля 1533 г. согласился заключить съ депутатами коадъютора договоръ, по которому коадъюторъ долженъ стараться побудить городъ Ригу присягнуть архіепископу, а если этого достигнуть не удастся, то по крайней мѣрѣ долженъ того достигнуть, чтобы городъ присягнулъ ему, коадъютору, на имя, однако, архіепископа и возвратилъ захваченныя духовныя имущества. Если коадъюторъ исполнитъ эти условія, то архіепископъ уступитъ ему свѣтское управленіе архіепископствомъ и четыре уѣзда. Трейденъ, Маріензее, Шваненбургъ и Луббанъ; если же не исполнитъ, то все останется по старому ([157]).

Эти предложенія были очень заманчивы, но маркграфъ въ то время былъ слишкомъ занятъ эзельскимъ дѣломъ, къ тому же и то принялъ во вниманіе, что безъ значительныхъ уступокъ ему не добиться присяги. Вотъ почему вопросъ о присягѣ оставался нѣсколько лѣтъ безъ всякаго существеннаго движенія до самаго того времени, когда маркграфъ Вильгельмъ сдѣлался самъ архіепископомъ.

Какъ можно было быть увѣреннымъ въ благосклонномъ расположеніи къ лютеранскому ученію будущаго архіепископа, такъ точно всѣ были увѣрены въ расположеніи къ этому ученію и будущаго орденскаго магистра; поэтому дѣло реформаціи не затормозилось, когда въ воскресенье 28-го февраля 1535 г кончилъ свою жизнь Вольтеръ фонъ Плеттенбергъ.

Онъ умеръ при богослуженіи передъ алтаремъ церкви св. Іоанна въ Венденѣ, будучи уже преклонныхъ лѣтъ старикомъ. Благородный человѣкъ, превосходный полководецъ, онъ особенно былъ великъ тѣмъ, что уразумѣлъ требованія своего времени. Потому онъ и не противился успѣхамъ реформаціи въ Ливоніи, а напротивъ споспѣшествовалъ имъ умною умѣренностію. Его жизнь можно назвать счастливой, потому что онъ довелъ орденъ до высоты, не бывалой ни при одномъ изъ его предшественниковъ. Преемникомъ его въ должности орденскаго магистра былъ Германъ фонъ Брюггеней, по прозванію Газенкампъ, который уже съ 1533 г былъ коадъюторомъ орденскаго магистра. Образъ его мыслей относительно реформаціи былъ уже извѣстенъ изъ

([157]) См. документъ № 93 въ Mon. Liv. ant. въ 5-мъ томѣ.

Венденскаго союза, состоявшагося 1-го апрѣля 1533 г. Онъ подобно своему предшественнику, подтвердилъ 23-го іюля 1535 г за городомъ Ригою свободу вѣроисповѣданій и ея привиллегіи ([158]).

Около этого времени Рига лишила сама себя твердаго столпа лютеранскаго ученія въ Ливоніи, своимъ слишкомъ сильнымъ и вѣроятно, ложнымъ подозрѣніемъ, направленнымъ противъ лица, которое она уже разъ глубоко оскорбила. А именно, городъ неоднократно былъ предостерегаемъ противъ нападенія; онъ сталъ подозрѣвать Ломиллера въ сношеніяхъ съ его врагами, что было ему замѣчено довольно яснымъ образомъ. Ломиллеръ бѣжалъ изъ Риги къ маркграфу Вильгельму, который, хотя и напрасно, вступился за него передъ городомъ. Отъ маркграфа Ломиллеръ отправился въ Пруссію къ герцогу Альбрехту, который, какъ мы видѣли, уже давно былъ расположенъ къ нему Городъ же, созналъ ли онъ скоро свою несправедливость къ Ломиллеру, или потеря послѣдняго была для него слишкомъ чувствительна, только вошелъ съ нимъ въ Кенигсбергѣ 19-го сентября 1537 г. въ соглашеніе, по которому Ломиллеръ обязывался, при своемъ постѣ герцогскаго совѣтника, оставить за собой и синдикатъ города Риги и быть адвокатомъ ея въ переговорахъ по городскимъ дѣламъ ([159]). Съ этихъ поръ Ломиллеръ выступаетъ изъ круга ливонской исторіи, въ которой онъ занималъ важное мѣсто.

29-го сентября 1537 г архіепископъ, коадъюторъ и прочіе епископы Ливоніи сошлись въ Венденѣ съ магистромъ и орденомъ и заключили союзъ, противъ всѣхъ иноземныхъ и внутреннихъ враговъ, положивъ въ основаніе этого союза феллинское соглашеніе 1534 г Но теперь къ договору прибавили много новыхъ статей, касавшихся религіи и духовнаго сословія. Первѣе всего всякая власть, говорится въ этихъ статьяхъ, должна наблюдать въ своихъ земляхъ, помѣстьяхъ и владѣніяхъ за оказаніемъ чести и служеніемъ Всевышнему, за спасеніемъ и утѣшеніемъ душъ; содержать церкви, кладбища и капеллы въ хорошемъ состояніи; заботиться, чтобы были дѣльные пасторы и проповѣдники, которые бы возвѣщали всѣмъ людямъ и особенно бѣднымъ простымъ крестьянамъ истинный и прямой путь къ блаженству и истинную вѣру, особенно въ предсмертные часы, безъ всякой требовательности и подаяній. Власти, церковные старшины и уѣздные судьи должны смотрѣть за тѣмъ, чтобы всякой церкви, священникамъ и ихъ викаріямъ уплачивались ихъ ренты, проценты и все, что имъ принадлежитъ по праву; со своей стороны священники и пасторы воздаютъ прихожанамъ, нѣмцамъ и не-нѣмцамъ, все что имъ принадлежитъ съиздавна и на законномъ основаніи. Богохульство, нече-

---

([158]) См. у Арндта, II, стр. 205.

([159]) См. Таубенгеймову программу о Ломиллерѣ стр. 33 и документъ № 142 въ Mon. Liv. aut. V.

стіе, колдовство и суевѣріе должны наказывать и искоренять. Кромѣ того было установлено, что всякое свѣтское и духовное сословіе, сохраняя кирхгольмскій договоръ, останется по старымъ обычаямъ страны при своихъ достоинствахъ и званіи, при свободномъ выборѣ, постулаціи, статутахъ и привиллегіяхъ. Всякому духовному лицу высокаго или низкаго званія и всякому члену тевтонскаго ордена запрещается передавать духовныя имущества въ свѣтскія руки; всякій долженъ «неизмѣнно» оставаться по старинѣ въ своемъ духовномъ званіи и всѣ сословія должны защищать и оберегать права духовнаго сословія и права церквей ([160]).

Этотъ союзъ былъ дѣломъ католическихъ прелатовъ и ливонскаго ордена въ Ливоніи, потому и не можетъ быть сомнѣній въ томъ, какая вѣра и какой путь къ блаженству былъ названъ въ договорныхъ статьяхъ истиннымъ. Но слѣдуетъ ли этотъ союзъ считать оппозиціей противъ евангеликовъ, опасною для лютеранскаго ученія въ Ливоніи? Оппозиціею онъ не былъ, иначе намъ пришлось бы упрекнуть въ колебаніяхъ изъ стороны въ сторону такихъ людей, какъ маркграфъ Вильгельмъ, Германъ фонъ Брюггеней, Гейнрихъ фонъ Галенъ и Меннике фонъ Ширштедтъ, потому что и они подписали между прочими за четыре года тому назадъ венденскій договоръ на поддержаніе чистаго ученія ветхаго и новаго завѣта.

Если внимательно разсмотрѣть приведенные пункты теперешняго союза, то рѣшительно не найдемъ въ нихъ ничего, что было бы похоже на вражду къ евангелическому ученію, видимъ только желаніе возбудить дѣятельность и усердіе къ поддержанію католической церкви. Маркграфъ Вильгельмъ, Германъ фонъ Брюггеней и другіе должны были подписать подобный договоръ, если хотѣли, чтобы ихъ считали католиками, они и могли это сдѣлать безъ всякаго колебанія, такъ какъ венденскій союзъ черезъ это неподвергался никакой опасности. Эта попытка внутренняго укрѣпленія католическихъ церковныхъ дѣлъ, боязнь отчужденія духовныхъ имуществъ, лишенія духовнымъ сословіемъ извѣстныхъ правъ — ясное доказательство успѣха, достигнутаго лютеранскимъ ученіемъ въ Ливоніи.

Если евангеликамъ въ Ливоніи нечего было бояться вольмарскаго союза, то все таки постоянство, съ какимъ сословія держались кирхгольмскаго договора, должно было побуждать городъ Ригу къ осторожности. Если не было повода предполагать, что архіепископъ начнетъ новые споры съ городомъ, то все таки съ вступленіемъ въ управленіе будущаго архіепископа споръ о присягѣ долженъ былъ непремѣнно снова возникнуть; по этому городъ старался заблаговременно принять мѣры предосторожности. Рижане надѣялись найти за-

([160]) См. № 161 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

щиту у шмалькальденскаго союза и ихъ взоры давно уже были устремлены на него. Въ 1538 г. Рига стала серьезно хлопотать о томъ, чтобы быть принятой въ союзъ. Слѣдствіемъ этихъ стараній было то, что протестанты на собраніи во Франкфуртѣ весной 1539 г. предложили, чтобы «въ постоянный, истинный и неоспоримый» миръ, котораго надѣялись достигнуть теперь протестанты, были включены и города Ревель и Рига. Если подобный религіозный миръ и не состоялся, то все таки нюрнбергскій миръ, простиравшійся до сихъ поръ только на тѣхъ, которые до него присоединились къ протестантамъ, теперь былъ распространенъ на всѣхъ, которые послѣ него до теперешняго времени стали протестантами ([161]). Прекращеніе нерѣшенныхъ процессовъ въ дѣлахъ вѣры въ высшемъ имперскомъ судѣ было возобновлено на 18 мѣсяцевъ и относилось ко всѣмъ, которые во время этого франкфуртскаго перемирія приняли аугсбургское вѣроисповѣданіе. Этимъ самымъ прекращался все еще нерѣшенный процессъ между архіепископомъ и городомъ Ригою по поводу присяги. Формальную грамоту о принятіи въ шмалькальденскій союзъ составилъ для города Риги курфирстъ Іоаннъ Фридрихъ Саксонскій 6-го ноября 1541 г въ Торгау, послѣ того какъ городъ объявилъ себя готовымъ исполнять все, что на него налагалось уставомъ союза, а также заплатилъ въ Любекѣ 1,400 гульденовъ, которые долженъ былъ внести въ кассу союза ([162]).

Если городъ и не могъ надѣяться на военную помощь со стороны союза въ рѣшительную минуту, то ему уже и то было важно, чтобы союзъ защищалъ его дѣло въ высшемъ имперскомъ судѣ, а въ этой защитѣ онъ именно и нуждался при настоящихъ обстоятельствахъ.

10-го августа 1539 г умеръ въ своемъ замкѣ въ Кокенгузенѣ архіепископъ. Послѣдніе годы онъ провелъ въ бездѣятельномъ уединеніи, потому вступленіемъ на архіепископскую каѳедру маркграфа Вильгельма внесена была новая жизнь въ ливонскія дѣла. Единодушно передалъ ему капитулъ канониковъ управленіе архіепископствомъ. Извѣщая объ этомъ герцога Альбрехта, капитулъ прибавилъ скромную, но многозначительную просьбу, чтобы герцогъ сдѣлалъ новому архіепископу увѣщаніе, дабы послѣдній довелъ себя и капитулъ до прежнихъ почестей и могущества ([163]).

Послѣ того какъ новый архіепископъ былъ признанъ капитуломъ, снова возникъ вопросъ о присягѣ города Риги.. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Ѳомы Шэнинга, епископъ дерптскій Іоаннъ задумалъ прекратить споры между Ригою и архіепископомъ и пригла-

([161]) См. Ранке Geschichte der Deutschen im Zeitalter der Reformation, IV, стр. 129 — 30.

([162]) См. № 163 въ 4-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

([163]) См. № 168 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

силъ депутатовъ городовъ Ревеля и Дерпта собраться вмѣстѣ (164). Но повидимому его намѣреніе кончилось ничѣмъ. историческіе документы не сообщаютъ даже состоялся ли съѣздъ депутатовъ. Рижане были готовы возобновить присягу

Послѣ смерти Шэнинга, они предложили магистру занять гавань, на что и получили согласіе. Затѣмъ они заняли три мужскіе и одинъ женскій монастыри и дали тѣмъ понять новому архіепископу, что ему не такъ то легко будетъ принудить городъ къ уступчивости (165). Тогда въ 1540 г маркграфъ Вильгельмъ послалъ большое посольство и велѣлъ ему сообщить городу императорскія регаліи, которыми каждый подданный архіепископства обязывался, подъ страхомъ немилости императора и имперіи и денежнаго штрафа въ 60 марокъ золотомъ, признавать новаго архіепископа въ его достоинствѣ и правахъ (166). Архіепископъ надѣялся склонить городъ къ присягѣ обѣщаніями, потому объявилъ, что предоставитъ рижанамъ духовную юрисдикцію, но за это городъ долженъ принести присягу архіепископу какъ свѣтскому главѣ, и возвратить архіепископскія имѣнія (167). Посольство было принято въ Ригѣ магистратомъ, эльтерманами и старшинами съ достодолжнымъ почтеніемъ, но оно не подвинуло дѣла впередъ. Наконецъ, послѣ того какъ архіепископъ снова и неоднократно поднималъ дѣло о присягѣ, обѣ стороны сошлись на томъ, чтобы собраться 7-го марта 1540 г. въ Икскулѣ; маркграфъ Вильгельмъ обѣщалъ лично присутствовать въ собраніи. Здѣсь въ Икскулѣ споръ между архіепископомъ и городомъ, быть можетъ и уладился бы, еслибы капитулъ не настаивалъ на возвращеніи своихъ имуществъ и еслибы рѣшительно не противился отдѣлить свое дѣло отъ дѣла архіепископа. Объ это упорство разбивалась всякая попытка къ соглашенію (168). Вскорѣ по вступленіи маркграфа Вильгельма въ управленіе рижскимъ архіепископствомъ, король польскій Сигизмундъ писалъ рижанамъ, чтобы они не отказывали въ присягѣ его племяннику, и обратился къ орденскому магистру съ просьбой, чтобы послѣдній раздѣлилъ съ архіепископомъ главенство надъ городомъ Ригою (169). Теперь король Фердинандъ написалъ къ орденскому магистру, приглашая его снова примирить городъ Ригу съ архіепископомъ (170). Не смотря на это, городъ не хотѣлъ уступать, прежде чѣмъ не будетъ обезпечена свобода вѣроисповѣданія. Рижане еще

(164) См. №№ 254 и 255 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

(165) Сравни Арндта II, стр. 208; Бергмана Magazin II, 3, стр. 5 и Напьерскаго обзоръ древней исторіи Риги стр. CVIII въ 4-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

(166) См. регаліи въ лѣтописи Грефенталя, томъ 5-ый Mon. Liv. ant., стр. 101 — 104.

(167) См. Хитреуса кн. XV и Гіерна въ 1-мъ томѣ Mon Liv. ant. стр. 200—201.

(168) См. Книгу эльтермановъ большой гильдіи въ 4-мъ томѣ Mon. Liv. ant. стр. 3 — 5.

(169) См. Догеля Cod. dipl. Polon. V, стр. 190.

(170) См. № 171 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

болѣе укрѣпились въ своей оппозиціи противъ архіепископа извѣстіями, сообщенными имъ прокураторомъ Гельфманомъ о рейхстагѣ въ Регенсбургѣ (1541 г.). Особенно важно для Риги было то извѣстіе, что на этомъ рейхстагѣ признанъ и распространенъ нюрнбергскій миръ, такъ что и тѣ процессы и акты, о которыхъ не было достовѣрно извѣстно, касается ли ихъ нюрнбергскій миръ или нѣтъ, теперь должны были прекратиться. Если прежде было опредѣлено, что ни одно католическое духовное лицо не должно лишаться своихъ доходовъ, то теперь это имѣло силу для всѣхъ протестантскихъ духовныхъ. Что касается лютеранскаго ученія, то переговоры о немъ были отложены до всеобщаго собора ([171]). Если для города эти извѣстія были ободряющаго свойства, то ему было очень кстати и недовѣріе, которое все еще питали нѣкоторыя сословія къ теперешнему архіепископу ([172]). Именно изъ за этого неблагопріятнаго для себя настроенія маркграфъ Вильгельмъ и долженъ былъ желать какъ можно скорѣе помириться съ городомъ. Вслѣдствіе этого, онъ назначилъ въ концѣ августа 1542 г новое собраніе съ рижскими депутатами въ Лемзалѣ.

Когда это было объявлено бюргерамъ, то они черезъ своихъ старшинъ предложили магистрату, чтобы никакихъ переговоровъ не велось съ архіепископомъ безъ вѣдома и желанія орденскаго магистра, какъ верховнаго главы города. Магистратъ отвѣчалъ. объ этомъ уже спрашивали магистра, но не могли добиться отъ него другаго отвѣта, какъ только то, чтобы городъ по древнему обычаю присягнулъ архіепископу; но это для города было бы «тягостно», потому магистратъ предлагаетъ передать магистру результатъ переговоровъ, по окончаніи ихъ. Бюргеры согласились на такое предложеніе, тогда и магистратъ избралъ частью изъ своей среды, а частью изъ бюргерства депутатовъ, кои должны были вести переговоры съ архіепископомъ въ Лемзалѣ ([173]).

19-го августа депутаты прибыли въ Лемзаль, 21-го архіепископъ пригласилъ ихъ чрезъ своего секретаря въ свой замокъ. Началъ говорить бургомистръ Дуркопъ и послѣ почтительнаго привѣтствія доложилъ архіепископу, что магистратъ и городъ Рига послали ихъ съ вѣрительной грамотой къ его княжеской свѣтлости, и что они намѣрены не щадить никакихъ трудовъ, чтобы водворить спокойствіе и единодушіе. Архіепископъ отвѣчалъ, что никакой вѣрительной грамоты не нужно, потому что онъ и такъ довѣряетъ господамъ посламъ. Затѣмъ онъ велѣлъ прочитать ихъ инструкцію, увидѣлъ изъ нея требованія рижанъ и обѣщалъ подумать объ оныхъ. На

([171]) См. Ранке Geschichte der Deutschen im Zeitalter der Reformation, IV, стр. 221 — 224.

([172]) См. у Арндта II, стр. 209.

([173]) См. Книгу эльтермановъ большой гильдіи, стр. 25, въ 4-мъ томѣ Mon Liv ant.

слѣдующій день рижскіе депутаты снова пришли въ замокъ. Имъ было заявлено, что архіепископъ не подозрѣвалъ, чтобы городъ снова выставилъ такъ много затруднительныхъ статей; однако онъ все же будетъ продолжать вести съ ними дѣло дальше. Семь дней длились переговоры, наконецъ пришли къ заключенію. Архіепископъ обѣщалъ оставить притязанія на духовную юрисдикцію до «единодушнаго признанія или всеобщаго, свободнаго христіанскаго собора или народнаго собранія» За это городъ долженъ присягнуть ему какъ свѣтскому верховному главѣ совмѣстно съ орденскимъ магистромъ. За городомъ остается свободно и безпрепятственно чистое святое ученіе евангелія по священному библейскому писанію древняго и новаго завѣта, а также всѣ измѣненія и нововведенія, происшедшія вслѣдствіе новаго ученія; равнымъ образомъ должны быть сохранены всѣ церкви и храмы Господни со всѣмъ, что относится къ религіознымъ дѣламъ впредь до разбора ихъ христіанскимъ всеобщимъ соборомъ или народнымъ собраніемъ. Городу будутъ прощены всѣ несправедливости и убытки, которые онъ причинилъ архіепископу и его предшественникамъ, и о нихъ не будетъ болѣе рѣчи. Что касается до духовныхъ имуществъ, то послѣ присяги архіепископу, при первомъ удобномъ случаѣ, будетъ сдѣлана попытка дружественнаго соглашенія капитула съ городомъ; если споръ не уладится, то дѣло останется до рѣшенія собора или народнаго собранія. Церковныя облаченія и клейноды, взятые на сохраненіе магистратомъ, онъ удерживаетъ до собора. Архіепископъ обѣщаетъ подтвердить городу его вольности и привиллегіи. Городъ до присяги требуетъ императорской декларації, которая бы освобождала отъ принесенной клятвы орденскому магистру какъ верховному главѣ, и освобождала отъ клятвы со стороны орденскаго магистра. На это архіепископъ отвѣтилъ, что у него уже есть такая декларація и что онъ склонитъ магистра къ освобожденію отъ присяги, о чемъ и объявитъ всенародно ([174]).

Когда дѣла уладились такимъ образомъ, хотѣли приступить къ скрѣпленію соглашенія печатями; но тутъ капитулъ объявилъ, что у него не взято съ собой печати, потому онъ можетъ приложить свою печать къ соглашенію только въ болѣе удобное время. Рижане объявили тоже самое и предложили, чтобы архіепископъ сперва выхлопоталъ на имѣющемъ состояться скоро въ Венденѣ съѣздѣ господъ (Herrentag) освобожденіе отъ присяги, тогда вѣдь можно будетъ назначить подходящее мѣсто для приложенія печатей. Съ этимъ депутаты и пустились въ обратный путь.

Вскорѣ послѣ того въ сентябрѣ состоялся съѣздъ въ Венденѣ. Здѣсь орденскій магистръ Германъ фонъ Брюггеней, между прочимъ,

([174]) См. о переговорахъ въ Лемзалѣ № 257, въ 5-мъ томѣ Mon Liv ant.

предложилъ, чтобы приходы и церкви были снабжены учеными, богобоязненными мужами, проповѣдниками и священнослужителями, которые возвѣщали бы народу святое, чистое и божественное слово и преподавали бы ему святыя таинства [175].

Архіепископъ полагалъ, что послѣ лемзальскаго соглашенія Рига присягнетъ ему, потому онъ послалъ своихъ депутатовъ на съѣздъ въ Венденъ хлопотать у орденскаго магистра освобожденіе отъ клятвы. Но орденскій магистръ, былъ ли недоволенъ тѣмъ, что городъ безъ его вѣдома велъ переговоры съ архіепископомъ, или хотѣлъ самъ оставаться единственнымъ верховнымъ главою надъ городомъ, но далъ архіепископскимъ посламъ слѣдующій отвѣтъ. на ландтагѣ онъ принималъ присягу, только на ландтагѣ дастъ разрѣшеніе отъ нея. Такимъ образомъ присяга была снова отложена на неопредѣленное время.

Не успѣли рижскіе депутаты возвратиться изъ Лемзаля, какъ магистратъ получилъ письмо отъ орденскаго магистра, въ коемъ послѣдній изъявлялъ желаніе узнать статьи лемзальскаго соглашенія; пусть магистратъ пришлетъ въ Венденъ эльтермановъ обѣихъ гильдій, которые присутствовали при заключеніи соглашенія. Но магистратъ счелъ за лучшее не посылать ни обоихъ эльтермановъ, ни договорныхъ статей, а поручилъ другимъ пятерымъ человѣкамъ отправиться въ Венденъ на съѣздъ. На вопросъ орденскаго магистра гдѣ договоръ, они отвѣчали: остался въ магистратѣ. «Это нашему милостивому господину и всѣмъ достопочтеннымъ и почтеннымъ чинамъ и совѣтникамъ очень не понравилось», говоритъ эльтерманъ Гейнрихъ Гаке въ своихъ запискахъ, «и не принесло ничего хорошаго и для добраго города». Орденскій магистръ велѣлъ депутатамъ передать рижанамъ, что бы они, по дѣлу архіепископа, ничего не предпринимали до слѣдующаго ландтага [176]. Сообразно съ этимъ рижане самымъ рѣшительнымъ образомъ отказались исполнить требованіе архіепископа и присягнуть ему, не дожидаясь ландтага.

Въ интересахъ города слѣдовало бы расположить въ свою пользу кого либо одного изъ двухъ властителей орденскаго магистра или архіепископа, но онъ не сдѣлалъ этого отказалъ архіепископу въ его просьбѣ, да и возстановилъ противъ себя орденскаго магистра письмомъ противъ ордена, которое стало извѣстно въ городѣ и авторами коего были Конрадъ Дуркопъ и Іоаннъ Гизелеръ. Когда орденскій магистръ потребовалъ наказанія ихъ, они бѣжали изъ города [177]. Черезъ такое неблагоразумное поведеніе городъ ухудшилъ свое положеніе и имѣлъ причину ожидать съ нѣкоторымъ безпокойствомъ ландтага, который долженъ былъ привести къ разрѣшенію спора.

---

[175] См. № 258 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.
[176] См. Книгу эльтермановъ большой гильдіи въ 4-мъ т. Mon. Liv. ant. стр. 26.
[177] См. туже Книгу эльтермановъ стр. 27 — 30.

Въ февралѣ 1543 г ландтагъ собрался въ Вольмарѣ. Между статьями, о коихъ велись здѣсь переговоры, была одна относительно религіи, почти одинаковаго содержанія съ предложеніемъ, которое сдѣлалъ магистръ на прошломъ съѣздѣ въ Венденѣ своимъ чинаиъ и сословіямъ. При этомъ три города: Рига, Дерптъ и Ревель выразились, что имъ ничего не могло быть пріятнѣе, какъ еслибы вѣчное Слово Божіе проповѣдывалось чисто и истинно не только въ этой странѣ, но и вездѣ, и каждымъ принималось съ усердіемъ и вѣрно соблюдалось. Они бы хотѣли, чтобы все, что противно божественному слову, какъ. колдовство, волшебство и другія безбожныя злоупотребленія, было искоренено. Старшины городскихъ общинъ усердно трудятся и не жалѣютъ денегъ, чтобы пріобрѣсти для своихъ общинъ ученыхъ проповѣдниковъ, дѣльныхъ священнослужителей и школьныхъ учителей; желательно, чтобы и другія сословія заботились о томъ въ своихъ владѣніяхъ. Когда было поднято дѣло о спорѣ между архіепископомъ и городомъ, рижскіе депутаты согласились на лемзальское соглашеніе, отклониться отъ котораго имъ было вѣроятно трудно, и тѣмъ разстроили переговоры ([178]).

Архіепископу надоѣли, наконецъ, эти продолжительные переговоры, и онъ хотѣлъ, чего не могъ сдѣлать добромъ, того добиться силой. Поэтому онъ привлекъ къ совѣщаніямъ объ этомъ дѣлѣ другихъ ливонскихъ епископовъ; тѣ рѣшили, что если ничего нельзя сдѣлать дружескими переговорами, то вся страна должна стать за одного человѣка и ввести архіепископа въ его права. Но орденскій магистръ, стараясь предупредить войну, явился посредникомъ ([179]). По его совѣту, архіепископъ и епископы составили съ нимъ и съ другими сословіями договоръ, которымъ положили начать въ предстоящій день св. Іоанна или св. Іакова еще разъ переговоры въ Ригѣ депутатами по этому дѣлу; если и тогда нельзя будетъ помириться, то искать справедливости далѣе въ подлежащихъ мѣстахъ. Но все должно производиться законнымъ путемъ и никакая война не должна вводить раздоровъ въ странѣ.

Орденскій магистръ былъ готовъ раздѣлить верховное главенство надъ Ригой съ архіепископомъ, которому городъ тогда долженъ присягнуть не только какъ свѣтскому владыкѣ, но и какъ архіепископу Въ отношеніи духовныхъ имуществъ остались при лемзальскомъ рѣшеніи ([180]).

Такимъ образомъ сословія возвратились къ прежней точкѣ зрѣнія. Состоялся ли дѣйствительно предполагавшійся съѣздъ въ Ригѣ — неизвѣстно.

([178]) См. заявленіе трехъ главныхъ ливонскихъ городовъ орденскому магистру въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. № 260.

([179]) См. Книгу эльтермановъ стр. 31 въ 4-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

([180]) См. Гупеля neue nord. Misc. VII и VIII стр. 322 — 329.

Въ слѣдующемъ 1544 г. архіепископъ пытался добиться въ Германіи того, къ чему онъ тщетно стремился въ Ливоніи. 14-го іюня въ своемъ замкѣ Лемзалѣ онъ составилъ для доктора правъ Іоанна Вустена, своего секретаря, и Марка Грефенталя полномочіе и отправилъ ихъ депутатами къ императору и имперіи, стараться о сохраненіи архіепископскихъ правъ и привиллегій (191). Но онъ избралъ плохое время для этого посольства. Сеймъ въ Шпейерѣ, открытый 20-го февраля 1544 г., принялъ для протестантовъ самый благопріятный оборотъ. Въ опредѣленіи сейма не было и рѣчи о возстановленіи епископской юрисдикціи; протестантамъ предоставлено было уже право употребить духовныя имущества на церкви и школы; а также были признаны ихъ договоры касательно духовныхъ имуществъ (182). Естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ старанія архіепископа должны были оказаться безплодными.

Къ этому же году относится, вѣроятно, и отвѣтъ, данный рижанами посольству архіепископа и магистра по дѣлу о присягѣ. Если архіепископы и епископы, гласитъ этотъ отвѣтъ, желаютъ владѣть въ священной римской имперіи замками, городами, землями и людьми, то они должны получить ихъ у имперіи въ ленное владѣніе и сообразно съ этимъ также подчиниться имперіи. Въ силу императорскихъ регалій подданные обязаны повиноваться архіепископамъ какъ свѣтскимъ государямъ, но не какъ духовнымъ лицамъ, потому что духовныя лица не могутъ быть подчинены императорскому величеству и имперіи. Вслѣдствіе этого отнюдь нельзя принуждать подданныхъ въ силу императорскихъ регалій присягать архіепископу какъ духовному лицу На этомъ основаніи рижане требуютъ, чтобы ихъ оставили при лемзальскомъ соглашеніи. Въ силу послѣдняго постановленія сейма въ Шпейерѣ, городъ желаетъ употребить доходы съ духовныхъ имѣній до всеобщаго собора на поддержаніе святаго евангелическаго слова и богослуженія (185).

Всѣ эти напрасныя попытки всетаки не обезкураживали архіепископа. Маркграфъ Вильгельмъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ выдающихся и энергическихъ натуръ, дѣятельность коихъ опредѣляетъ и рѣшаетъ ходъ событій, но принадлежалъ къ тѣмъ упорнымъ и настойчивымъ людямъ, которые не скоро отстаютъ отъ исполненія разъ задуманнаго. Это мы видѣли въ эзельскомъ спорѣ, то же самое видимъ и въ рижскомъ дѣлѣ его о присягѣ. Маркграфъ Вильгельмъ ничего не добился на ландтагахъ, у императора и имперіи, но ему оставалась еще надежда на польское вліяніе, потому онъ и обратился

(181) См. въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. хронику Грефенталя стр. 109.

(182) См. Ранке Gesichchte der Deutschen im Zeitalter der Reformation, IV, стр. 304 и 305.

(183) Сеймовое постановленіе, на которое ссылались рижане, не могло быть другое, какъ постановленіе 1541 г., потому и отвѣты рижанъ отнесены къ этому году. См. № 259 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

къ своему королевскому дядѣ. Король польскій старался склонить рижанъ къ уступчивости, но на свое письмо получилъ въ отвѣтъ, что Рига желаетъ остаться при лемзальскомъ договорѣ. (184) Когда и королевское заступничество не помогло, маркграфъ рѣшился на послѣднее средство, рѣшился подѣйствовать на городъ черезъ ея союзниковъ.

А именно, архіепископъ просилъ письменно и устно курфирста Саксонскаго и ландграфа Гессенскаго взять на себя посредничество въ этомъ спорѣ и уладить дѣло. Оба эти князя были не прочь съиграть роль посредниковъ и сдѣлали городу предложеніе переговорить объ этомъ въ Любекѣ, вызываясь приложить свои усилія прекратить споръ. Но городъ опять сослался на лемзальское соглашеніе, заявивъ, что не можетъ уклониться отъ него (185).

Здѣсь возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ случилось, что герцогъ Альбрехтъ не вмѣшивался въ послѣдніе годы въ ливонскія дѣла? Отчего этотъ князь, который прежде смотрѣлъ на дѣло своего брата какъ на свое собственное, не старался своимъ вліяніемъ дать ходъ дѣлу о присягѣ? Герцогу Альбрехту въ это время было не до брата онъ боялся за свою собственную безопасность и безопасность своей страны. До него дошли слухи, будто ливонскій орденъ въ союзѣ съ тевтонскимъ магистромъ намѣренъ присоединить Пруссію снова къ тевтонскому ордену Поэтому онъ держалъ на ливонскихъ границахъ и въ самой Ливоніи лазутчиковъ, которые должны были доносить ему о всякихъ подозрительныхъ признакахъ и военныхъ приготовленіяхъ (186). Его опасенія не разсѣевались, а напротивъ того продолжались долгое время. Сохранилось донесеніе отъ 1551 г двухъ тайно посланныхъ въ Ливонію лазутчиковъ о ливонскихъ дѣлахъ (187). Такимъ образомъ, озабоченный собственной безопасностью герцогъ Альбрехтъ предоставилъ своему брату идти своей дорогой, какъ знаетъ.

Казалось, что дѣло о присягѣ Риги архіепископу, послѣ столь многочисленныхъ напрасныхъ попытокъ къ его улаженію, теперь на долгое время замолкнетъ; вышло, однако, не такъ. никому и въ голову не могло притти, что спорное дѣло такъ близко къ своему разрѣшенію.

18-го іюля 1546 г открылся ландтагъ въ Вольмарѣ, 28-го іюля состоялся договоръ, который подписали съ одной стороны архіепископъ Вильгельмъ, епископы дерптскій Іостъ, курляндскій и эзельскій Іоаннъ, ревельскій Арнольдъ, съ другой — магистръ Германъ фонъ Брюггеней, коадъюторъ магистра Іоаннъ фонъ-деръ-Рекке, ланд-

(184) См. Книгу эльтермановъ большой гильдіи стр. 20 — 21.
(185) См. Книгу эльтермановъ стр. 21, 22 и 23.
(186) См. Гадебуша I, 2, стр. 363 и слѣд.
(187) См. № 178 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

маршалъ Генрихъ фонъ Галенъ и ревельскій командоръ Реймаръ фонъ Шаренбергъ. По этому договору всѣ императорскіе рескрипты, изданные во вредъ какому либо изъ ливонскихъ сословій, теряютъ свою силу; всѣ сословія должны оставаться при своихъ привиллегіяхъ и вольностяхъ. Выборъ архіепископа и магистра долженъ происходить по древнему обычаю и по существующимъ привиллегіямъ. Архіепископы, епископы съ ихъ капитулами, магистръ и орденъ не могутъ мѣнять своего званія; безъ единодушнаго добровольнаго согласія всѣхъ сословій ни одинъ иностранный князь не можетъ быть избранъ архіепископомъ, епископомъ, магистромъ или коадъюторомъ. Ни одно сословіе не можетъ добиваться чего либо силой, но всегда должно слѣдовать законнымъ путемъ. Если же кто либо захочетъ вести войну съ иностраннымъ или туземнымъ княземъ, то сперва долженъ изложить поводы войны предъ сословіями и узнать ихъ мнѣніе о томъ. Къ этимъ статьямъ присоединилось и рѣшеніе о рижскомъ спорѣ относительно присяги. Городъ Рига оставляется при лемзальскомъ соглашеніи, отъ котораго не хочетъ отказаться, но однако «безъ коварныхъ замысловъ на властительство рыцарскаго ордена и насколько имѣетъ на то законное право»

Городъ долженъ, въ силу императорскихъ регалій, присягнуть архіепископу, какъ утвержденному архіепископу-вассалу Магистръ освободитъ городъ, при его присягѣ обѣимъ своимъ верховнымъ главамъ, отъ данной ему, магистру, одному клятвы. Еслибы городъ когда либо въ будущемъ сталъ предлагать верховное главенство исключительно одному изъ нихъ обоихъ, одному архіепископу или одному магистру, то ни тотъ, ни другой не должны принимать предложенія, но обязаны заявить о томъ сословіямъ, которыя тогда и вступятся за права обиженной стороны. Послѣ присяги начнутся переговоры объ имѣніяхъ духовенства, дабы капитулъ по возможности возвратилъ себѣ свое обратно ([188]).

На этотъ ландтагъ были, конечно, призваны и рижскіе депутаты, но ихъ совѣта мало спрашивали и они возвратились въ городъ, не зная ничего болѣе, какъ только то, что орденскій магистръ и архіепископъ заключили договоръ. Все дальнѣйшее относительно Риги оба верховныхъ владыки хотѣли сообщить городу чрезъ особое посольство. Оно дѣйствительно прибыло съ опредѣленной инструкціей, которая мало удовлетворила рижанъ. Городъ не хотѣлъ и слышать о какомъ либо другомъ договорѣ, кромѣ лемзальскаго ([189]).

Городъ, однакоже, явился въ плохомъ положеніи. Оба властителя страны были противъ него, вооруженія шмалькальденскаго союза къ войнѣ въ Германіи дѣлали невозможной помощь съ этой стороны.

([188]) См. Гупеля Neue nord. Misc. VII и VIII, стр. 330 — 340.
([189]) См. Книгу эльтермановъ большой гильдіи, стр. 33.

Рига потому должна была думать сама о себѣ. Несмотря на вольмарскій договоръ, которымъ запрещались всякія насильственныя дѣйствія, архіепископъ въ октябрѣ стянулъ къ Икскулю 300 рейтаровъ, а епископъ курляндскій придвинулъ къ Больдераа сильный отрядъ войска; коадъюторъ орденскаго магистра сосредоточилъ 220 рейтаровъ въ Венденѣ (190). При такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, городъ послалъ къ архіепископу и орденскому магистру депутатовъ, чтобы завязать переговоры; у архіепископа депутатовъ безъ церемоніи прогнали; архіепископъ даже назначилъ день, въ который хотѣлъ устроить свой въѣздъ въ Ригу Но орденскій магистръ все-таки выслушалъ депутатовъ и обѣщалъ имъ ходатайствовать за нихъ передъ архіепископомъ. Вскорѣ послѣ этого онъ посовѣтовалъ городу послать своихъ депутатовъ въ Нейермюленъ, обѣщая быть тамъ со своимъ коадъюторомъ Іоганомъ фонъ-деръ-Рекке и многими чинами и постараться уладить дѣло. Такъ и случилось. Въ воскресенье послѣ дня св. Люціи орденскій магистръ и его коадъюторъ помирили городъ съ архіепископомъ. Рижане обязались присягнуть архіепископу, въ силу императорскихъ регалій, какъ вассальному князю священной римской имперіи. Послѣ присяги начнутся переговоры съ капитуломъ; если нельзя будетъ миролюбивымъ образомъ обдѣлать дѣло, то пусть оно идетъ законнымъ порядкомъ, какъ равно и лемзальскій договоръ, отъ котораго рижане не хотѣли отказываться, пусть подвергнется опредѣленію на основаніи законовъ. Обѣ стороны между тѣмъ не должны предпринимать никакихъ насильственныхъ другъ противъ друга дѣйствій. Архіепископъ оставляетъ городъ — это самый важный пунктъ договора — при единственномъ спасительномъ словѣ Божіемъ, святомъ служеніи Ему и обрядахъ, какъ нынѣ проповѣдуется и соблюдается въ Ригѣ согласно съ содержаніемъ библейскаго Писанія ветхаго и новаго завѣта; равно городъ остается при своихъ привиллегіяхъ и вольностяхъ. Зато городъ со своей стороны обязывается немедленно принести присягу архіепископу, магистру и коадъютору Эта присяга не должна быть вредна и опасна правамъ и власти магистра и его преемниковъ; за то и магистръ съ коадъюторомъ издадутъ послѣ присяги всенародный эдиктъ въ томъ, что присяга не затронула чести города Риги (191).

Впродолженіе переговоровъ въ Нейермюленѣ, въ окрестностяхъ Риги бродили вооруженные люди архіепископа и причиняли рижанамъ не мало вреда. Что Рига при этомъ договорѣ легко отдѣлалась, надобно, вѣроятно, приписать стараніямъ орденскаго магистра и коадъютора.

27-го января 1547 г архіепископъ, въ сопровожденіи свиты изъ прелатовъ, земскихъ рыцарей, гауптмановъ и амтмановъ, въ числѣ

(190) См. № 264 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.
(191) О переговорахъ въ Нейермюленѣ см. Книгу эльтермановъ стр. 34 и 37.

около 600 человѣкъ совершилъ въѣздъ въ Ригу На слѣдующій день въ Ригу прибыли орденскій магистръ и коадъюторъ, въ сопровожденіи 1500 рейтаровъ. Передъ въѣздомъ, коадъюторъ орденскаго магистра, Іоганъ фонъ-деръ-Рекке, подтвердилъ 27-го января, въ Нейермюленѣ, городскія привиллегіи и свободу вѣроисповѣданія ([192]). Рижскіе бюргеры, частью верхомъ, частью пѣшкомъ, встрѣтили своихъ верховныхъ властителей съ большимъ почтеніемъ. Для увеличенія торжественности, они выставили много вооруженныхъ людей, такъ что архіепископъ и магистръ удивились, замѣтивъ въ Ригѣ значительное число военныхъ силъ. Выстрѣлами съ башенъ и стѣнъ и даже на улицахъ привѣтствовали рижане въѣзжавшихъ. Такого торжества Рига давно уже не видѣла, потому что съ самаго появленія въ Ригѣ реформаціи маркграфъ Вильгельмъ былъ первымъ архіепископомъ, совершившимъ торжественный въѣздъ въ Ригу

Въ понедѣльникъ послѣ Срѣтенія Господня архіепископъ и коадъюторъ орденскаго магистра — магистръ остался въ своемъ замкѣ, чувствуя себя нездоровымъ и боясь большаго холода — отправились въ ратушу; тамъ была принесена присяга архіепископу и коадъютору и клятва въ вѣрности обоимъ имъ и магистру Затѣмъ были начаты переговоры съ капитуломъ относительно духовныхъ имуществъ; переговоры эти ни къ чему не повели, такъ какъ капитулъ потребовалъ въ возмѣщеніе убытковъ 90,000 талеровъ; все осталось какъ было прежде ([193]). Въ понедѣльникъ послѣ Срѣтенія архіепископъ подтвердилъ состоявшееся въ Нейермюленѣ соглашеніе и выдалъ городу грамоту въ томъ, что онъ оставляетъ за рижанами свободу вѣроисповѣданія и ихъ привиллегіи и вольности ([194]).

Мы могли бы справедливо удивляться тому, что и въ нейермюленскомъ соглашеніи, и въ потвержденіи онаго евангелическое ученіе названо «единственно спасительнымъ словомъ Божіимъ», еслибы не знали, что архіепископъ и магистръ въ душѣ были добрыми лютеранами ([195]); архіепископъ былъ такъ преданъ евангелическому ученію, что не могъ даже на короткое время обойтись безъ своего лемзальскаго пастора М. Симона Ванрадта «изъ за проповѣди любезнаго евангелія» ([196]).

Не религія была причиною продолжительности спора о присягѣ; архіепископъ заботился не о вѣрѣ, но главнѣйшимъ образомъ объ увеличеніи своей свѣтской власти и имѣній. Какъ бы то ни было, но Рига, наконецъ, достигла цѣли, которую имѣла въ виду постоянно

([192]) См. № 3527 въ Corp. hist. dipl. Liv.
([193]) См. Книгу эльтермановъ стр 37.
([194]) См. № 176 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.
([195]) Сравни Script rerum Liv. II, стр. 663.
([196]) См. въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant. стр. 661 — 663. Секретарь архіепископа, Маркъ Грефенталь, въ своей лѣтописи на стр. 108 пишетъ: онъ (архіепископъ) былъ единомысленъ съ Ригою относительно чистой религіи по аугсбургскому исповѣданію.

при благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ евангелическое ученіе было обезпечено въ ея стѣнахъ. Хотя рижане и должны были теперь повиноваться двумъ владыкамъ, но это бремя было незначительно въ виду пріобрѣтенія свободы вѣроисповѣданія.

Въ то время какъ реформація въ Ливоніи утверждалась на болѣе и болѣе прочныхъ основаніяхъ, дѣло протестантовъ въ Германіи приняло очень неблагопріятный для нихъ оборотъ. Битва при Мюльбергѣ уничтожила шмалькальденскій союзъ, курфирстъ Іоганъ Фридрихъ саксонскій былъ взятъ въ плѣнъ, Аугсбургъ, Ульмъ, Франкфуртъ, Страсбургъ, Эслингенъ и другіе города, принадлежавшіе къ союзу, должны были покориться и платить контрибуцію. И Рига, какъ членъ союза, была объявлена императоромъ Карломъ мятежнымъ городомъ. Подъ страхомъ опалы, императоръ приказалъ прислать къ суду въ Аугсбургъ трехъ членовъ магистрата, бургомистра и двухъ ратсгеровъ, для защиты города противъ обвиненія. Срокъ явкѣ назначенъ былъ въ 60 дней. Этотъ вызовъ къ суду былъ присланъ орденскому магистру, который долженъ былъ сообщить его городу Городъ просилъ орденскаго магистра ходатайствовать черезъ подателя вызова о продолженіи 60 дневнаго срока, но магистръ не хотѣлъ вмѣшиваться въ дѣло и совѣтовалъ городу исполнить императорскій приказъ. Тоже самое совѣтовали и Дерптъ съ Ревелемъ. Тогда рижане рѣшились послать въ Германію своего синдика съ инструкціей и полномочіемъ. Инструкція содержала въ себѣ приказъ, чтобы синдикъ извинилъ городъ тѣмъ, что Рига не вступила въ союзъ, и не оказывала помощи въ войнѣ князьямъ, а только «прибѣгла подъ защиту императорскаго перемирія». Если бы императоръ не удовольствовался такимъ объясненіемъ и все таки требовалъ бы контрибуціи, то посланный не могъ безъ предварительнаго согласія города обѣщать болѣе двухъ-трехъ тысячъ талеровъ. Синдикъ также не долженъ былъ входить ни въ какіе переговоры относительно дѣла между архіепископомъ и городомъ, такъ какъ по этому дѣлу архіепископъ къ суду вызываемъ не былъ. Въ началѣ 1549 г. посолъ выѣхалъ изъ Риги ([197]).

Въ этомъ случаѣ добрый городъ Рига поступилъ въ высшей степени неблагородно. Городъ надѣялся на поддержку шмалькальденскаго союза, союзъ и старался, насколько это возможно было при такомъ далекомъ разстояніи, дѣйствовать въ пользу города и за это Рига теперь отрекалась отъ участія въ союзѣ, да еще извиняла себя, будто и хорошимъ дѣломъ, тѣмъ, что не помогала въ войнѣ князьямъ. Каковъ былъ дальнѣйшій ходъ дѣла въ Германіи, — мы не можемъ сообщить о томъ свѣдѣній, такъ какъ наши источники умалчиваютъ объ этомъ.

([197]) См. Книгу эльтермановъ стр. 46 — 48.

Когда дѣла протестантовъ въ Германіи приняли такой плохой оборотъ, архіепископъ счелъ возможнымъ дѣйствовать въ отношеніи Риги иначе. Въ противность вольмарскому договору 1546 г., которымъ воспрещалось издавать какіе либо императорскіе рескрипты противъ ливонскихъ сословій, архіепископъ со своимъ капитуломъ обжаловалъ черезъ каноника Іеронима фонъ Куммерштадта городъ Ригу передъ имперскимъ камернымъ судомъ. Онъ обвинялъ рижанъ въ томъ, что они отказывались присягать какъ бывшему, такъ и нынѣшнему архіепископу, что заняли архіепископскій дворъ, похитили церковныя драгоцѣнности и облаченія, присвоили себѣ церкви, монастыри и соборы, выгнали изъ города канониковъ, священниковъ и монаховъ, превратили церкви въ жилые дома и конюшни и, наконецъ, повытаскивали изъ могилъ трупы, а могилы превратили въ погреба. «Нашъ милостивый государь архіепископъ», прибавляетъ эльтерманъ Бальтазаръ Гавецовъ въ своихъ запискахъ, «объявилъ намъ при присягѣ, что онъ будетъ для насъ не только милостивымъ господиномъ, но и отцомъ; но если милость такова, то мнѣ не надо его немилости»

Жалоба архіепископа имѣла слѣдствіемъ то, что весной 1549 г. Рига была вызвана въ камерный судъ ([198]); но какъ процессъ велся въ Германіи очень медленно, то императоръ назначилъ коммисію изъ магистра Іогана фонъ-деръ-Рекке, епископа дерптскаго Іоста и епископа курляндскаго и эзельскаго Іоанна для разбора спорнаго дѣла между архіепископомъ и городомъ Ригою. Коммисія собралась въ Вольмарѣ въ началѣ 1551 года; къ Срѣтенію городъ былъ вызванъ коммисіей на судъ. Дѣло шло здѣсь главнѣйшимъ образомъ о соборныхъ домахъ и имѣніяхъ, которые все еще были въ рукахъ города. Архіепископъ и капитулъ сначала очень много требовали и хотѣли въ возмѣщеніе убытковъ 100,000 гульденовъ, городъ не хотѣлъ давать имъ этой суммы, а оттого произошли безконечные торги и споры.

Ливонскіе епископы и орденъ приняли составленный на сеймѣ въ Аугсбургѣ 1548 г. интеримъ, но города не приняли, а Ревель даже послалъ въ Германію подробное разсужденіе противъ интерима ([199]). Влѣдствіе этого члены коммисіи предложили рижанамъ дать обязательство, что они согласятся принять интеримъ, если ливонскіе властители захотятъ ввести перемѣну въ обрядахъ и богослуженіи. Къ этому они требовали, чтобы рижскій магистратъ ввелъ въ какой нибудь высокоторжественный день во время богослуженія въ соборъ

([198]) См. Книгу эльтермановъ стр. 48 и 49.

([199]) См. программу Рейна стр. 25. Аугсбургскій интеримъ, предоставлявшій протестантамъ весьма ограниченныя права, былъ изданъ императоромъ Карломъ V 15-го мая 1548 г.

капитулъ канониковъ и дозволилъ имъ пропѣть «самымъ великолѣпнымъ образомъ» Te Deum laudamus. На это рижскіе депутаты отвѣтили, что то былъ бы чудесный Tedeum въ городѣ много чужаго народа, взбунтуйся этотъ народъ, его не усмиришь, тогда и магистратъ и капитулъ должны опасаться за свою жизнь; но если каноники хотятъ войти одни, то пусть себѣ это дѣлаютъ. Желая уладить какъ нибудь дѣло, члены коммисіи предложили, чтобы канониковъ именемъ магистрата ввелъ гольдингенскій командоръ Кристофъ фонъ-деръ-Лейе, съ другими господами, тогда капитулъ, пожалуй, передастъ городу соборное зданіе впредь до рѣшенія религіозныхъ дѣлъ на общемъ соборѣ. На это предложеніе депутаты не могли дать никакого отвѣта, но передали все дѣло на разсмотрѣніе магистрату и городской общинѣ.

Вскорѣ послѣ этого гольдингенскій командоръ прибылъ въ Ригу и заявилъ народу о сказанныхъ предложеніяхъ и требованіяхъ коммисіи. Рижане и слышать не хотѣли объ исполненіи ихъ. Командоръ, не мало удивленный такимъ сопротивленіемъ, немедленно же оставилъ городъ.

«Это буйная толпа», говорилъ онъ потомъ, «пусть самъ чертъ ведетъ съ нею переговоры, а я не буду провожать капитулъ въ соборъ, чего добраго снесутъ еще голову, на это ихъ хватитъ»

Переговоры прекратились на нѣкоторое время, впродолженіе коего послѣ смерти Іогана фонъ-деръ-Рекке былъ избранъ орденскимъ магистромъ ландмаршалъ Генрихъ фонъ Галенъ. Онъ подтвердилъ городу его вольности и права, а городъ за то принесъ ему присягу

Въ день св. Люціи 1551 г въ Ригу явились новые подкомиссары для улаженія спора. Начали опять торговаться насчетъ суммы вознагражденія, пока, наконецъ, не остановились на 18,000 рижск. марокъ, кои городъ обязался уплатить капитулу въ три года, по 6,000 марокъ ежегодно. За то архіепископъ и капитулъ предоставляли городу соборное зданіе до всеобщаго, свободнаго, христіанскаго собора, равно и дома, въ которыхъ жили проповѣдники, школьные учителя и церковные служители и которые хотя и принадлежатъ къ собору, но не капитульскіе, а викарные дома. Церковные клейноды, драгоцѣнности и облаченія хранятся до всеобщаго собора у города и для этого были сдѣланы три ключа, по одному для архіепископа, капитула и города. Городъ съ своей стороны уступалъ капитулу принадлежавшіе каноникамъ дома, недвижимыя имущества и имѣнія внутри и внѣ города, но за пользованіе оными впродолженіе многихъ лѣтъ городъ ничего не платитъ. Это и были главнѣйшіе пункты договора, заключеннаго въ Ригѣ 16-го декабря 1551 г между архі-

епископомъ, капитуломъ и городомъ ([200]). Относительно интерима, на которомъ настаивали члены коммисіи въ Вольмарѣ, подкомиссары уступили и не хотѣли уже ни въ чемъ стѣснять свободу вѣроисповѣданія города.

Такимъ образомъ былъ устраненъ, наконецъ, спорный пунктъ между архіепископомъ, капитуломъ и городомъ. Венденскій договоръ 1-го апрѣля 1533 г доставилъ евангелическому ученію прочное положеніе во всей Ливоніи, а договоры въ Нейермюленѣ въ 1846 г. и теперь въ Ригѣ сдѣлали тоже самое для этого города. Евангелическое ученіе гораздо скорѣе развернулось бы въ пышный цвѣтъ, еслибы миръ страны не былъ скоро нарушенъ войной съ Россіей и если бы эта война не воспрепятствовала жителямъ предаваться спокойному религіозному созерцанію. Что церковная жизнь въ средѣ сословій, и во всей странѣ была очень дѣятельною, объ этомъ свидѣтельствуютъ не только опредѣленія ландтаговъ и религіозные союзы, но въ особенности два состоявшіеся въ описываемое время земскіе съѣзды. Эти земскіе съѣзды были собраніемъ сословій, созывавшихся не властителями страны, но обыкновенно представителемъ вассаловъ.

На такихъ съѣздахъ обсуждались дѣла, имѣвшія важное значеніе для сословій, и на нихъ совѣщались, какъ помочь тому или другому злу Здѣсь, свободные отъ стѣсненія, которое обыкновенно налагало присутствіе властителей страны, сословія могли конечно и гораздо болѣе высказывать свой образъ мыслей. Потому нельзя упустить изъ виду того — это также служитъ доказательствомъ горячаго усердія сословій въ дѣлахъ религіи, — что въ обоихъ названныхъ земскихъ съѣздахъ существенную роль играли религіозныя дѣла. На земскомъ съѣздѣ въ Перновѣ, въ іюлѣ 1552 г., сословія рѣшили заботиться о томъ, что бы въ церкви и божіи храмы назначались богобоязливые, благочестивые священники и служители, которые отучили бы бѣдныхъ мужиковъ отъ грубыхъ заблужденій, колдовства и прочаго богохульства и проповѣдывали бы единственно спасительное слово Божіе ([201]) Тоже самое говорили сословія рижскаго архіепископства на общемъ земскомъ съѣздѣ, состоявшемся вѣроятно въ 1555 году ([202]).

Послѣднимъ камнемъ въ зданіи реформаціи въ Ливоніи можемъ принять рѣшеніе ландтага въ Вольмарѣ 17-го января 1554 г Оно было подписано архіепископомъ Вильгельмомъ, епископами: дерптскимъ

([200]) См. № 169 въ 4-мъ и № 178 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant., и сравни Книгу эльтермановъ стр. 54 — 61.

([201]) См. Гупеля Neue nord. Misc. VII и VIII.

([202]) См: № 266 въ 5-мъ томѣ Mon. Liv. ant.

Германомъ, эзельскимъ и курляндскимъ Іоанномъ, ревельскимъ Фридрихомъ, и орденскимъ магистромъ Гейнрихомъ фонъ Галеномъ; и гласило, что всякій безпрепятственно и свободно исповѣдуетъ свою вѣру до всеобщаго христіанскаго собора, что ни одинъ пасторъ и церковнослужитель не можетъ быть опредѣленъ на должность проповѣдника и пастыря душъ, если не имѣетъ хорошаго свидѣтельства о своемъ ученіи, поведеніи и христіанскомъ посвященіи. Этимъ самымъ властители Ливоніи даровали всѣмъ ливонскимъ землямъ свободу религіи; протестантство было уравнено въ правахъ съ католичествомъ; реформація въ Ливоніи достигла своей цѣли.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Держи, что имѣешь,

дабы кто не восхитилъ вѣнца твоего.

(Апокалипсисъ 3, 11).

Любезнымъ Эстамъ къ утвержденію въ правой вѣрѣ.

Перновъ, 1846 года, въ типографіи Борма.

Примѣчаніе составителя. Изъ предшествовавшей статьи видно, какимъ образомъ и когда произошла церковная реформа въ Ливоніи, видно и то, на сколько приверженцы церковной реформы заботились, чтобы имѣтъ искусныхъ и дѣльныхъ пасторовъ для проповѣди «чистаго евангелія». Какого же рода вѣроученіе новые пасторы обязаны были преподавать въ преобразованныхъ церквахъ?

Богословскіе вопросы совсѣмъ не входятъ въ программу этого изданія, потому издатель этой книги могъ бы вовсе и не приводить подробностей о катехизисѣ евангеликовъ, тѣмъ не менѣе онъ призналъ не безполезнымъ отвѣтить на вопросъ о вѣроученіи протестантовъ словами брошюры, заглавіе которой приведено выше.

Прежде всего о происхожденіи этой брошюры. Туземныя племена, населявшія Ливонію, были обращены въ католичество силою. Какъ происходило это обращеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ покореніе латышскихъ и эстонскихъ племенъ нѣмецкими пришельцами; превосходно разсказано Генрихомъ Латышскимъ въ его лѣтописи (см. томъ I Приб. Сб.).

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что нѣмецкіе пришельцы застали многихъ туземцевъ уже православными, не повсемѣстно, правда, но уже во многихъ мѣстахъ. Такъ въ Юрьевѣ, основанномъ въ 1030 г., были двѣ православныя церкви; въ 1209 г. многіе эсты въ Оденпэ приняли православіе. Судя по отвѣтамъ Нифонта, архіепископа новгородскаго и псковскаго (съ 1130 по 1156 г.), на вопросы нѣкоего Кирика, имѣемъ право заключить, что обращеніе въ православіе эстонцевъ (чуди) происходило гораздо ранѣе 1130 г. При Нифонтѣ соблюдалось уже правило начинать оглашеніе чудина (т. е. эстонца) за 40 дней до крещенія. По Двинѣ задолго до нѣмецкихъ пришельцевъ существовали уже чисто русскія поселенія въ Кокенойсѣ и Герсикѣ; православіе исповѣдывали жители мѣстностей около нынѣшняго Буртнекскаго озера (древнее Астіерве) въ Вольмарскомъ уѣздѣ, въ Антынѣ (Венденскаго уѣзда), въ Трикатіи и Толовѣ въ Валкскомъ уѣздѣ.

Съ паденіемъ Кукенойса въ 1207 г., Герсике въ 1208 г., съ переходомъ изъ православія въ католичество латышскихъ князей Талибальда изъ Толовы и дѣтей его въ 1213 г., съ паденіемъ Юрьева въ 1224 г., православіе почти вовсе исчезаетъ въ Ливоніи, всѣ туземцы сдѣлались католиками, плохими, правда, но все же католиками. Но и трудно было ливонскимъ туземцамъ сдѣлаться усердными католиками: католическіе нѣмецкіе пришельцы ни мало не заботились о наученіи христіанству покоренныя ими племена, школъ тогда не было, священниковъ, знавшихъ мѣстные языки, не было, переводовъ библіи не было. Такъ откуда же было туземцамъ и узнавать истины христіанства?

Но вотъ начинается церковная реформа и въ Ливоніи. Туземцы остаются совершенно равнодушными къ кризису. Правда, есть извѣстіе (см. выше стр. 42) о крестьянскомъ движеніи, проявившемся въ 1525 г. подъ Ревелемъ и имѣвшее религіозный характеръ, но это извѣстіе есть единичное: движеніе въ Эстоніи быстро улеглось и тогда рѣшительно не имѣло никакого распространенія. Латыши и эстонцы за католичество не стояли, да и къ протестанству относились безучастно, какъ къ чему то совершенно чуждому для себя, ибо своей, народной вѣры у нихъ не стало съ той самой поры, какъ погибло древнее ихъ язычество. Та вѣра точно была ихъ своя, и оттого они бились за нее съ упорствомъ сильнымъ и остатки ее берегли долго, очень долго. Вспомнимъ только, что въ концѣ XVII вѣка шведскій генералъ-губернаторъ издавалъ строгіе приказы объ упраздненіи, разрушеніи и истребленіи всякихъ суевѣрій и стараго идолопоклонства между крестьянами, но приказы не помогали, потому что около 1835 г. одинъ лифляндскій пасторъ узналъ о существованіи языческаго жертвенника и разрушилъ его. Да и въ наши дни празднованіе лифляндскими крестьянами ежегодно въ ночь на 24 іюня Лиго-Яна не есть ли остатокъ язычества?

Никогда ливонскіе туземцы не были усердными католиками, но и до самыхъ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія не были усердными приверженцами протестантства, сущность котораго оставалась недоступною людямъ безграмотнымъ, темнымъ, для которыхъ пора историческаго развитія въ тѣ времена еще не наступила. Сознательное сочувствіе къ протестантству можетъ зародиться лишь на умственной почвѣ особеннымъ образомъ подготовленной, а кто и когда заботился о такой почвѣ для ливонскихъ туземцевъ? Рѣшительно никто до самаго начала сороковыхъ годовъ, когда Ливонія дѣйствительно стала покрываться сѣтью народныхъ училищъ, когда сами пасторы уразумѣли, что учительство народа есть ихъ первѣйшая обязанность.

Къ началу сороковыхъ годовъ крестьяне были уже лично свободными во всей Ливоніи; въ распредѣленіи крестьянскаго населенія на приходы преобладало начало крупной собственности. Приходовъ, вслѣдствіе ихъ огромности, было не особенно много, мѣста же пасторовъ занимали люди, плохо знавшіе мѣстные языки и потому съ трудомъ могшіе объясняться со своими прихожанами. Тѣснаго сближенія прихожанъ съ духовенствомъ послѣдовать отъ этого и не могло. Вотъ причина, почему для ежедневныхъ сношеній между прихожанами и ихъ духовнымъ начальствомъ образовался цѣлый классъ посредниковъ, такъ называемыхъ форминдеровъ (низшаго разряда церковныхъ служителей, причетниковъ). Форминдеры передавали прихожанамъ приказанія духовнаго ихъ начальства и даже совершали требы, особенно такія, которыя были хлопотливы и пользы не приносили.

Хозяйственное положеніе сельскаго духовенства было разработано до малѣйшихъ подробностей и съ такою точностію, которая явно свидѣтельствовала, что именно эта сторона отношеній пастырей къ пасомымъ составляла

предметъ особенныхъ заботъ духовенства. Образовалась цѣлая система обязательныхъ сборовъ и повинностей, а съ этою системою явились и воззрѣнія пастырей на своихъ пасомыхъ, какъ на свою оброчную статью. Оброчная статья доставляла обильныя средства для занятій болѣе привлекательныхъ, чѣмъ духовное воспитаніе крестьянъ, между пастырями и пасомыми была непроходимая черта. Земская полиція наблюдала (см. 541 и 543 ст. крестьянскаго положенія 1819 г.), чтобы крестьяне не отступали въ своихъ религіозныхъ мнѣніяхъ отъ догматовъ аугсбургскаго исповѣданія.

Полное небреженіе о духовномъ просвѣщеніи туземцевъ, начиная съ упраздненія нѣмецкихъ туземцевъ почти до второй половины текущаго столѣтія, произвело то, что латыши и эстонцы не имѣли почти никакого понятія о догматическомъ ученіи своего вѣроисповѣданія, не находили также въ обрядахъ своей церкви ничего такаго, къ чему могли привязаться хотя бы силою привычки, и вслѣдствіе этого они очень легко, не смотря на земскую полицію, приставали массами къ проповѣдникамъ ученій, уклоняющихся отъ лютеранства, гернгутерамъ, напримѣръ, и баптистамъ.

Бѣдственное положеніе крестьянъ, происшедшее вслѣдствіе системы добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и лично освобожденными отъ крѣпостной зависимости крестьянами по крестьянскому положенію 1819 г., а также весьма неправильныя отношенія крестьянъ къ своимъ кирхенгеррамъ (der Kirchenherr т. е. церковный баринъ, до сихъ поръ у крестьянъ есть названіе пастора, въ отличіе отъ другаго барина — помѣщика), вызвали въ 1841—45 годахъ сильное крестьянское движеніе, выразившееся сперва въ стремленіи выселиться изъ своей родины въ другія мѣста Россіи, по преимуществу къ Ейску, куда, по распоряженію бывшаго ново-россійскаго генералъ-губернатора графа (впослѣдствіи князя) Воронцова, принимались переселенцы, а вслѣдъ затѣмъ въ стремленіяхъ перейти въ православіе, преданіе о которомъ какъ о «старой, строгой вѣрѣ» никогда не исчезало между ливонскими туземцами.

Стремленіе къ переходу въ православіе приняло самые обширные размѣры въ 1845 г., когда самый вліятельный членъ рижскихъ гернгутеровъ Давидъ Баллодъ (впослѣдствіе православный священникъ) принялъ православіе съ нѣкоторыми изъ другихъ гернгутеровъ. Слухъ о присоединеніи Баллода распространился съ чрезвычайною быстротою по губерніи и съ 1845 г. начались присоединенія цѣлыми массами. Это то движеніе цѣлыми массами и образумило протестантское духовенство, ясно увидѣвшее, что жить кирхенгерромъ, высокомѣрно относясь къ меньшей братіи, невозможно, иначе аугсбургское исповѣданіе останется въ однихъ ливонскихъ городахъ. Съ этого времени и начинаются старанія удержать колеблющихся проповѣдью, поученіемъ; съ этою же цѣлію начали появляться и отдѣльныя книги религіознаго содержанія, написанныя на мѣстныхъ языкахъ съ объясненіями сущности и правоты евангелическаго ученія.

Къ числу такихъ сочиненій принадлежитъ и изданная въ 1846 г. на эстонскомъ языкѣ въ Перновѣ брошюра подъ заглавіемъ «Держи что имѣешь». Въ брошюрѣ этой изложена вся сущность евангелическаго ученія самымъ доступнымъ для простаго народа языкомъ. Брошюра эта составляетъ своего рода любопытный историческій документъ, потому издатель и рѣшился помѣстить ее какъ бы дополненіемъ къ статьѣ Брахмана и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтомъ на вопросъ, какого рода вѣроученіе обязаны были проповѣдывать прихожанамъ пасторы въ церквахъ, преобразованныхъ въ Ливоніи по мыслямъ Лютера.

Переводъ на русскій языкъ этой брошюры принадлежитъ извѣстному знатоку эстонскаго языка протоіерею Алексѣю Вельдемановскому, нынѣ настоятелю рижской Благовѣщенской церкви.

Любезные эсты!

То изрѣченіе, коимъ озаглавлена эта книжица, есть слово Божіе, исполненное силы, любви и истины. Слова сіи: держи что имѣешь, дабы кто не восхитилъ вѣнца твоего, повелѣлъ написать Самъ Іисусъ, Спаситель нашъ, явясь по вознесеніи своемъ на небо апостолу Іоанну къ одному благочестивому христіанскому обществу, которое онъ желалъ сохранить отъ годины искушенія, которая придетъ на всю вселенную, чтобы испытать живущихъ на землѣ (Апок. 3, 10).

Такая година искушенія нынѣ постигла въ особенности васъ, любезные эсты; а потому эти увѣщательныя и обязательныя слова — держи что имѣешь — относятся и къ вамъ. Поистинѣ такой годины искушенія и испытанія, въ которую очень многіе оставляютъ столь же древнюю, какъ и само слово Божіе, и столь чистую, какъ ученіе Іисуса и его апостоловъ, свою вѣру, — такія годины не зрѣли ни вы, ни ваши родители, ни дѣды. Посему вслушайся и замѣть, возлюбленный народъ, что вѣщаетъ тебѣ съ неба Іисусъ. держи что имѣешь, дабы кто не восхитилъ вѣнца твоего. Тебя упрашиваютъ всѣ слуги Іисуса, тебя любящіе и желающіе тебѣ добраго, твои учители, начальники и старѣйшины держи что имѣешь! Теперь всѣ проповѣди въ церквахъ и слово Божіе въ домахъ вразумляютъ тебя держи что имѣешь! Всѣ эстонскія сочиненія, которыя ты доселѣ читалъ, всѣ твои прекрасныя пѣснопѣнія и пріятные напѣвы, кои ты доселѣ воспѣвалъ, взываютъ къ тебѣ. держи что имѣешь! Всѣ твои богослуженія, всѣ священныя зданія — церкви, молитвенные домы, школы, мѣста твоего рожденія и кладбища — всѣ они увѣщеваютъ тебя держи насъ! Въ звукахъ всѣхъ церковныхъ колоколовъ по твоей странѣ раздаются слова Господа: народъ вѣрный, держи что имѣешь, дабы кто невосхитилъ вѣнца твоего! Чего ты крѣпко и неизмѣнно не удержишь, то пропадетъ для тебя на вѣки. Отъ чего ты по безпечности и легкомысленно разъ откажешься и что промѣняешь, того ты уже во всю жизнь никакимъ стараніемъ и плачемъ не воротишь, — но это еще тяжкимъ бременемъ падетъ на твою совѣсть въ часъ смертный. Поэтому послушайся слова Господня и держи что имѣешь.

Но съумѣетъ ли кто удержать, незная, что именно нужно держать? Сбережетъ ли кто сокровище, самъ незная, что у него есть сокровище? Кусокъ дерева ты скоро отъ себя отбрасываешь, а золото—нѣтъ. Мѣдь

ты скоро мѣняешь на олово, если оно блеститъ какъ серебро, и ты считаешь его серебромъ. Но когда бы твоя мѣдь была дѣйствительнымъ золотомъ, уже ли ты промѣнялъ бы его на олово или даже на серебро? Конечно нѣтъ.

Несмысленныя дѣти портятъ и бросаютъ золотую вещь, а разумный человѣкъ тщательно бережетъ ее. У тебя, христіанинъ, есть сокровище, есть вѣнецъ, драгоцѣннѣйшій и красивѣйшій всякаго чистаго золота и серебра; и если ты доселѣ еще его не зналъ и несчиталъ таковымъ, то ты по крайней мѣрѣ теперь, въ настоящее время, въ годину нашедшаго на тебя искушенія, долженъ выслушать, узнать и удостовѣриться, что величайшее твое сокровище здѣсь на землѣ, и твой драгоцѣннѣйшій вѣнецъ на тебѣ составляютъ для тебя ясное и чистое слово Божіе, богослуженіе, и твоя правая вѣра, могущая содѣлать тебя на вѣки блаженнымъ. Объ этомъ-то сокровищѣ и вѣнцѣ говоритъ тебѣ Іисусъ, съ небесъ взывая къ тебѣ держи, что имѣешь, дабы кто не восхитилъ вѣнца твоего! Тоже самое подтверждаетъ Іисусъ, когда говоритъ (Матѳ. 24, 4 и 5) берегитесь, чтобы кто не прельстилъ васъ! ибо многіе придутъ подъ именемъ Моимъ и многихъ прельстятъ. — Такъ какъ година искушенія, хотящая придти на вселенную, приходитъ нынѣ и на васъ, любезные читатели, то (Ефс. 6, 11 — 17) будьте сильны въ Господѣ и въ его крѣпкой силѣ; надѣньте на себѣ всѣ Божіе воинскіе доспѣхи, чтобы вамъ можно было стать противъ козней діавольскихъ. Ибо брань у насъ не противъ крови и плоти, не противъ начальствъ и власти, не противъ правителей міра сего, но противъ духовныхъ золъ въ вещахъ небесныхъ. Поэтому возьмите въ руки всѣ божественные доспѣхи, дабы вы могли противустать въ этотъ злой день и могли устоять.... Лучше всего возьмите въ руки щитъ вѣры, которымъ сможете потушить пламенѣющія стрѣлы лукаваго діавола; возьмите и шлемъ спасенія, и мечь духовный, который есть слово Божіе.

Такъ снарядившись стойте, бодрствуйте и молитесь, чтобы вамъ не пасть въ искушеніе, а избавиться отъ лукаваго. Имѣйте отверзтыми духовные очи и ушеса! Не спите больше съ сердечною безчувственностью, но вникайте во времени, потому что дни эти лукавы (Ефес. 5, 16), слушайте и распознавайте, что духъ говорилъ церквамъ. Теперешнее вѣщаніе и дѣло духа—разъяснить церквамъ нашей евангелической вѣры то, что 1) мы имѣемъ правое вѣроученіе, какъ его проповѣдали святые апостолы, и какъ его отецъ нашей вѣры Лютеръ въ чистотѣ извлекъ изъ священнаго писанія; 2) у насъ существуетъ чистое Богопочтеніе, и святыя таинства у насъ совершаются въ точности по священному писанію, и 3) эту вѣру и Богопочтеніе у насъ существующія, мы обязаны твердо содержать, дабы никто не отнялъ у насъ вѣнца нашего.

О твердомъ содержаніи вѣры вы уже слышали, что вамъ говоритъ Іисусъ въ Апокалипсисѣ; теперь же слѣдуетъ кратко разъяснить вамъ. въ чемъ состоитъ наша правая вѣра, когда и какимъ образомъ она составлена и чѣмъ различается наша вѣра отъ другихъ вѣроученій.

Первенствующая христіанская церковь, основанная въ Іерусалимѣ въ день сошествія св. Духа, была полна любви и истины. Святые апостолы были учителями, а св. Духъ наставникомъ во всякой истинѣ. Члены церкви постоянно пребывали во ученіи апостоловъ, въ общеніи и въ преломленіи хлѣба и въ молитвахъ. Они каждый день единодушно пребывали въ храмѣ и принимали пищу съ очень веселымъ и вполнѣ простымъ сердцемъ и хвалили Бога, и у нихъ была любовь между всѣмъ народомъ; Господь же ежедневно прилагалъ къ этой церкви спасаемыхъ. (Дѣян. 2, 42 — 47).

Въ этой первоначальной любви и истинѣ церковь пребывала до толѣ, пока святые апостолы были живы и руководили ими. Хотя и въ это уже время появились нѣкоторыя заблужденія, сбивчивости и лжеученія, о коихъ пишетъ Павелъ къ Коринѳянамъ и къ Галатамъ; но дѣйственное слово апостоловъ и владычество Духа святаго скоро исправляли всякую погрѣшность и заблуждающихся возвращали на путь правый.

По смерти апостоловъ мы находили христіанскія церкви больше и больше умножающимися въ Іудеѣ, Азіи, Египтѣ, Греціи и Римѣ, хотя мірскіе повелители, ограждая язычество, притѣсняли ихъ и даже за вѣру умерщвляли многихъ. Но, доколѣ продолжалось такое гоненіе, христіанскія церкви возрастали и твердо содержали свою вѣру согласно съ ученіемъ апостоловъ. Когда же по мѣстамъ возникали лжеученія, тогда епископы и учители изъ всѣхъ странъ сходились вмѣстѣ, держали совѣтъ о правотѣ ученія и отвергали всѣ лжеученія и чуждые богослужебные обряды, и утверждали свои церкви въ той правой вѣрѣ, которая у нихъ существовала со временъ апостольскихъ и которая ясно изложена и вѣрно сохранена въ нашемъ катихизисѣ во второмъ отдѣленіи — въ наставленіяхъ первомъ, второмъ и третьемъ. о святой христіанской вѣрѣ. Когда же христіанство одержало верхъ надъ языческимъ суевѣріемъ и чуждымъ Богопочтеніемъ и когда даже самые цари и царицы обратились въ христіанство (что случилось спустя 300 лѣтъ послѣ Христа), тогда появились по истеченіи 350 лѣтъ послѣ рождества Христова монахи и монахини, — это одинокіе мущины и дѣвицы, которые не хотятъ жить въ средѣ людей и родственниковъ и не вступаютъ въ бракъ, а живутъ отдѣльно: мущины съ мущинами, а женщины съ женщинами, и думаютъ чрезъ это сдѣлаться гораздо

святѣе, чѣмъ тѣ, кои пребываютъ въ бракѣ и исполняютъ свои обязанности.

400 лѣтъ спустя послѣ Христа появилось почитаніе (tenistus служеніе) мучениковъ, святыхъ людей и дѣвы Маріи. Мучениками называются тѣ, которые за свою вѣру потерпѣли смерть. Стали ходить къ ихъ могиламъ, привѣтствовать ихъ и молиться; стали въ память ихъ строить храмы — и ихъ одежды и мощи стали производить исцѣленія и другія чудеса.

О Дѣвѣ Маріи стали проповѣдывать, что она зачата и родилась безгрѣшною, вполнѣ святою, матерью Бога съ божественною славою и могуществомъ — и что она за тѣхъ молится и оказываетъ помощь, кто обращается къ ней за тѣло.

650 лѣтъ спустя послѣ Христа стали почитать иконы и изображенія Дѣвы Маріи и святыхъ, и поклоняться имъ, точно какъ тѣмъ самимъ (лицамъ).

Въ 720 году возникла между церквами восточною и западною великая распря изъ за поклоненія иконамъ, — и одинъ благочестивый греческій царь въ 730 году воспретилъ это поклоненіе. Однакоже поклоняться имъ не запретили.

По прошествіи 1000 лѣтъ послѣ Христа, римскіе епископы сдѣлались лишь въ этотъ періодъ времени верховными владыками христіанской церкви и народа, именовали себя намѣстниками Христа на землѣ, назвались. папами, то есть верховными отцами, и принудили весь народъ слушать ихъ слова и содержать ихъ, какъ самое слово Божіе.

Въ 1074 году римскій архіепископъ или папа воспретилъ священникамъ бракъ, чтобы ни одинъ священникъ не смѣлъ брать супругу Но прочтите, что, въ противность сему, говоритъ святый апостолъ Павелъ 1 Тим. 4, 1—5.

Въ 1100 году воспрещено преподавать причастіе народу изъ чаши; только священники могли пить изъ чаши, когда они приносили Христа въ жертву Богу; но причащающійся народъ получалъ только освященный хлѣбъ. Это новое жертвоприношеніе, противорѣчащее священному писанію, (Евр. 8 и 9) называется Миссою.

Въ 1229 году воспрещено народу читать библейскія книги, дабы онъ не могъ изъ священнаго писанія усмотрѣть—какъ далеко удалилось и уклонилось его вѣроученіе и распоряженія папы отъ чистаго слова Божія, хотя Іисусъ и его апостолы заповѣдуютъ намъ со всѣмъ тщаніемъ читать священное писаніе. Чтоже папа и его сонмъ трактуютъ объ этой заповѣди? По ихъ ученію человѣкъ спасается добрыми дѣлами; грѣхи заглаживаются добрыми дѣлами; залишнія у святыхъ людей добрыя дѣла идутъ въ пользу тѣмъ, кто призываетъ въ помощь святыхъ и поклоняется имъ; сверхъ сего римскій епископъ можетъ за чистыя деньги, за золото и серебро

отпускать и прощать грѣхи. Въ 1500 году послѣ Христа продавались и покупались грѣхо-отпустительныя грамоты или записки даже на тѣ грѣхи, которые человѣкъ еще только намѣревался совершить въ будущемъ.

Такъ то съ теченіемъ времени христіанскія церкви на землѣ утратили чрезъ суетныя человѣческія учрежденія и лжемудрованія образъ и видъ своего Спасителя, Его цѣль и намѣренія, Его духъ и благодать, его слово и учрежденія! И въ такомъ-то извращеніи были и твои, возлюбленный народъ, вѣра и богопочтеніе, въ продолженіи трехъ сотъ лѣтъ (отъ 1230 — 1530 г.) — и присемъ народъ ничего незналъ о своей вѣрѣ, кромѣ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ и поклоненія иконамъ; потому что богослуженіе совершалось только на совершенно чуждомъ для насъ и нашего народа латинскомъ языкѣ. Библіи не было, катихизиса и псаломниковъ (книгъ пѣснопѣнія) тоже; не было ни обученія дѣтей и чтенія, ни всего того хорошаго, что теперь у тебя есть! Откуда же все это ты имѣешь нынѣ? Кто истребилъ старое суевѣріе и суетное богопочтеніе? Кто возжегъ предъ народомъ ясный свѣтильникъ слова Господня? Кто доставилъ намъ наше правовѣріе?

Это совершилъ Богъ за триста лѣтъ предъ симъ чрезъ вѣрнаго раба своего, учителя нашей вѣры Мартина Лютера, которую онъ извлекъ (ülliswöttis) изъ священнаго писанія. По этому мы и всѣ христіанскія церкви, принявшія его вѣру, въ Германіи, Даніи, Пруссіи, Швеціи и въ нашей странѣ называемся лютеранами или также общиною евангелической вѣры; а потому каждый годъ и празднуемъ праздникъ возстановленія правой вѣры.

Но не думай любезный другъ, что легко было возстановить правую вѣру по евангелію! И прежде Лютера многіе благочестивые мужи чувствуя, что вѣра христіанъ сдѣлалась ложною и Богопочтеніе извратилось, рѣшались и даже пытались сдѣлать это. Но темницы и оковы, мечь и огонь, тяжкія муки и страшная смерть были имъ наградой за ихъ добрыя намѣренія и предпріятія. Ибо римскій первосвященникъ или папа не допускалъ этого, а каждый разъ возбуждалъ царей и царицъ умерщвлять тѣхъ мужей, которые захотятъ учить по священному писанію, а не по волѣ папы. Такъ скончался за сто лѣтъ до Лютера благочестивый учитель Гуссъ. Его за правовѣріе и ученіе сожгли живаго въ городѣ Констансѣ, гдѣ былъ собранъ верховный церковный и имперскій сеймъ. Но богемскіе друзья Гусса, просвѣщенные его ученіемъ, открыли войну за его смерть и за его добрую вѣру; и хотя ихъ много было истреблено, однакожъ, осталось одно небольшое общество, изъ коего образовалось въ Германіи братство (wendade kaggubus). Свѣтъ этого небольшаго братства не распространился далеко, тьма воцарилась и по прежнему покрыла всю землю и народы.

Тогда Богъ воздвигъ въ германскомъ городѣ Виттенбергѣ Лютера, — и оттуда возсіялъ свѣтъ надъ многими странами и народами, который доселѣ намъ свѣтитъ и будетъ свѣтить, пока вы будете его держаться.

Самъ Лютеръ былъ уже наставникомъ и священникомъ, а Библіи вовсе невидалъ. Однажды онъ между множествомъ книгъ нашелъ ее на латинскомъ языкѣ, прикованную цѣпями къ стѣнѣ, дабы никто немогъ ее оттуда брать для чтенія. Здѣсь то Лютеръ читалъ Библію день и ночь, какъ скоро оставалось у него для сего время, отъ чистаго слова Божія у него отверзлись духовныя очи, — и онъ обрѣлъ для своего сердца тотъ миръ и радость, кои исходятъ отъ правой вѣры во евангеліе и которыхъ онъ дотолѣ различными способами вездѣ искалъ и не находилъ. Такимъ образомъ самъ Лютеръ первоначально былъ просвѣщенъ и въ правую единственную вѣру посвященъ и къ ней привлеченъ, — а потомъ уже для нея содѣлался великимъ божественнымъ органомъ.

19-го октября 1517 года Лютеръ началъ свое духовное дѣланіе. Онъ прибилъ къ дверямъ Виттенбергской церкви 95 вѣроисповѣдныхъ положеній для того, чтобы всякій прочелъ ихъ. Эти положенія направлены были противъ того, что въ тѣ дни очень много отпускалось грѣховъ за деньги, и противъ всѣхъ другихъ суевѣрій и лжеученій. 95 положеній произвели во всей странѣ великій страхъ, смущеніе и тревогу, — и римскій папа предалъ проклятію какъ эти положенія, такъ и самаго Лютера, и настаивалъ предъ императорами, чтобы этого смѣльчака схватить и уничтожить. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ 95 тезисовъ возникло торжество и жизнь; потому что у многихъ королей и князей, у многихъ владѣльцевъ странъ и городовъ, у многихъ университетскихъ и церковныхъ наставниковъ и даже у народа открылись глаза и сердца, и они перешли на сторону Лютера и его праваго ученія.

Германскій императоръ Карлъ назначилъ въ 1521 году верховный имперскій сеймъ въ городѣ Вормсѣ и вызвалъ къ себѣ Лютера; враги Лютера присутствовали тамъ же и имѣли намѣреніе погубить его такъ же, какъ за сто лѣтъ предъ тѣмъ погубили благочестиваго Гусса, но Лютеръ далъ ясный отчетъ о своей вѣрѣ и ученіи, что оно все у него основывается на священномъ писаніи. И когда сеймъ все-таки хотѣлъ, чтобы Лютеръ отказался отъ всѣхъ своихъ мнѣній, то онъ наконецъ съ дерзновеніемъ вѣры отвѣтилъ императору, князьямъ и епископамъ. „Здѣсь я передъ вами иначе дѣйствовать не могу Да поможетъ мнѣ Богъ! Аминь“

И Богъ ему помогъ. Обладатель той страны, благочестивый и мудрый курфирстъ Фридрихъ, возвратясь съ сейма, укрылъ Лютера отъ враговъ его и тайно помѣстилъ на жительство въ Вартбургскомъ главномъ замкѣ. Здѣсь-то Лютеръ перевелъ съ латинскаго и грече-

скаго языковъ на нѣмецкій сперва книги Новаго Завѣта, а потомъ и книги Ветхаго Завѣта и выпустилъ ихъ въ печать, и такимъ образомъ даровалъ народу слово Божіе сполна, чтобы всѣ люди сами могли знать о царствіи Божіемъ и распознавать — что есть свѣтъ и что — тьма. Съ этого времени во всѣхъ странахъ, принявшихъ Лютерово ученіе, стали переводить Библію на мѣстные народные языки. Вслѣдствіе этой-то реформы вѣры и нашъ народъ имѣетъ у себя слово Божіе. Это есть великое благо и милость! О народъ! держи, что у тебя есть! Твоя Библія говоритъ тебѣ о твоихъ обязанностяхъ, — и кто въ нее вникнетъ и останется при томъ, тотъ и теперь блаженъ будетъ въ дѣйствованіи (Іак. 1, 25.)

Когда въ Германіи обнаружилось, что нельзя уже подавить Лютера и его ученіе насиліемъ, какъ это прежде случалось съ истиною; то Лютеръ снова выступилъ изъ своего убѣжища, сталъ публично проповѣдывать, учредилъ чинъ нашего Богослуженія, отвергъ разные суевѣрные обряды, сочинилъ пѣснопѣнія и напѣвы, торжественно и всенародно воспѣваемые и существующіе доселѣ въ нашемъ драгоцѣнномъ псаломникѣ (Sauli ramatus).

Любезные эстонцы! вашъ псаломникъ составляетъ великое богатство и драгоцѣнное сокровище; поэтому держите что у васъ есть! Научайте и вразумляйте другъ друга этими псалмами, хвалебными и духовными пѣснями! Пріятно воспѣвайте Господу въ сердцахъ вашихъ (Колос. 3, 16).

Точно такое же имѣетъ значеніе въ нашихъ церквахъ и катихизисъ, въ которомъ кратко изложены предметы нашего вѣроученія. Сей катихизисъ сочиненъ Лютеромъ для наученія дѣтей и народа, и по уставу церкви обязателенъ для всѣхъ учащихся. И этотъ достолюбезный катихизисъ составляетъ также духовное сокровище, потому что изъ него и слабое дитя и самый неразвитый человѣкъ могутъ ясно уразумѣть — какимъ образомъ можно спастись и кто спасаетъ. Поэтому держи, что у тебя есть, дабы кто не восхитилъ вѣнца твоего!

Германскій и римскій императоръ Карлъ V еще разъ созвалъ верховный государственный сеймъ въ городѣ Аугсбургѣ, на коемъ князья, владѣльцы странъ и городовъ и профессоры, принявшіе лютерову вѣру, должны были дать окончательное рѣшеніе о своей вѣрѣ. Этотъ сеймъ собрался въ 1530 году, — и 25-го іюня, въ присутствіи императора, всѣхъ князей и епископовъ, прочитаны были тѣ знаменитые вѣроисповѣдные пункты, которые поясняютъ ученіе Лютера священнымъ писаніемъ и на коихъ основываются и утверждаются всѣ общины лютеранскаго вѣроисповѣданія. Это такъ называемое аугсбургское исповѣданіе вѣры и въ на-

шей странѣ служитъ основаніемъ всему ученію и Богопочтенію; его утвердилъ также для насъ и Милостивый Монархъ нашъ и въ новомъ церковномъ уставѣ повелѣлъ во всѣхъ нашихъ церквахъ, школахъ, сочиненіяхъ и во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ руководствоваться аугсбургскимъ исповѣданіемъ вѣры.

Но такъ какъ любезные эсты мало знаютъ о знаменитомъ нашемъ аугсбургскомъ исповѣданіи вѣры, (хотя это уже двукратно печатано было на эстонскомъ языкѣ, и все таки не у всѣхъ оное есть), то я хочу теперь кратко вамъ поименовать, что именно содержится въ каждой главѣ этого исповѣданія.

Главные вѣроисповѣдные пункты, назначенные къ изученію и исповѣданію для лютеранскихъ церквей.

Въ 1-мъ пунктѣ: о Богѣ исповѣдуется, что въ тріединомъ Богѣ три лица Отецъ, Сынъ и святый Духъ, — и сіи три едино суть; и осуждаетъ всѣ противныя сему пункту еретическія ученія.

Во 2-мъ пунктѣ: о наслѣдственномъ (первородномъ) грѣхѣ, излагается, что, вслѣдствіе паденія Адама, всѣ люди рождаются со грѣхомъ безъ благоговѣнія и любви къ Богу, и со злыми наклонностями, и что эта наслѣдственная порча есть дѣйствительный грѣхъ и уготовляетъ вѣчную погибель тѣмъ, которые не возраждаются крещеніемъ и Духомъ Святымъ.

Въ 3-мъ пунктѣ: о Сынѣ Божіемъ исповѣдуется тоже самое, что сказано въ катихизисѣ, во второй главѣ, втораго наставленія: объ искупленіи Іисусомъ Христомъ, который есть истинный Богъ и истинный человѣкъ.

Въ 4-мъ пунктѣ: объ оправданіи говорится, что люди не могутъ оправдаться предъ Богомъ собственными силами, ни своими заслугами, ни дѣлами, но они оправдываются ради Іисуса Христа чрезъ вѣру, когда они вѣруютъ, что они пріемлются изъ милости и грѣхи имъ прощаются ради Христа, загладившаго грѣхи наши своею смертію. Эту вѣру Богъ вмѣняетъ намъ въ правду предъ Собою (Рим. 3 и 4).

Въ 5-мъ пунктѣ: о пастырскомъ служеніи говорится какъ о такой должности, которая проповѣдуетъ слово Божіе и Евангеліе и преподаетъ таинства. Чрезъ слово Божіе и таинства сообщается Духъ святый, дарующій вѣру

Этотъ пунктъ осуждаетъ анабаптистовъ и другихъ, признающихъ, что человѣкъ получаетъ Духа святаго безъ слушанія и чтенія слова Божія чрезъ собственное къ тому приготовленіе и дѣла.

Въ 6-мъ пунктѣ: о новомъ повиновеніи (neŭ jouraful match) *) говорится, что вѣра должна приносить плоды добрыхъ дѣлъ, какъ Богъ о семъ заповѣдалъ; но прощенія грѣховъ и правды предъ Богомъ никто не можетъ достигнуть дѣлами, а только вѣрою во Іисуса Христа. (Лук. 17, Рим. 3, 4).

Въ 7-мъ пунктѣ: о церкви говорится, что единая святая церковь или общество святыхъ, въ коемъ слово Божіе проповѣдуется въ чистотѣ и таинства преподаются правильно, всегда пребудетъ.

Въ 8-мъ пунктѣ. о томъ, что есть святая церковь? дается отвѣтъ она есть правильная скинія, общеніе святыхъ или собраніе и сонмъ вѣрующихъ. И слово Божіе и таинства, вслѣдствіе назначенія Христова, бываютъ дѣйствительны, хотя бы они совершались недостойными людьми.

Въ 9-мъ пунктѣ: о крещеній говорится, что оно для спасенія необходимо, и что нужно крестить даже и младенцовъ, которые чрезъ крещеніе вступаютъ въ любовь Божію; этимъ пунктомъ также осуждаются анабаптисты.

Въ 10-мъ пунктѣ: о св. причащеніи, говорится, что въ евхаристіи истинно присутствуютъ и преподаются тѣло и кровь Христовы; симъ же пунктомъ осуждаются инаково учащіе.

Въ 11-мъ пунктѣ: объ исповѣди, говорится, что въ церквахъ должна быть исповѣдь и одиночная и общая, а равно и возвѣщеніе милости.

Въ 12-мъ пунктѣ: о покаяніи (обращеніи отъ грѣховъ) говорится, что при покаяніи необходимы два условія сердечное сокрушеніе, или чувство страха по причинѣ грѣховности и вѣра, происходящая отъ евангелія, обнадеживающая, что грѣхи, ради Христа, отпускаются. Въ слѣдъ за симъ должны явиться добрыя дѣла, потому что они составляютъ плодъ обращенія отъ грѣха.

Этотъ пунктъ также осуждаетъ анабаптистовъ, которые считаютъ это ложнымъ, равно и тѣхъ, кои учатъ, что грѣхи удовлетворяются добрыми дѣлами.

Въ 13-мъ пунктѣ: объ употребленіи таинствъ говорится, что при принятіи таинствъ нужна вѣра, надѣющаяся, что грѣхи прощаются. Сей же пунктъ осуждаетъ тѣхъ, кои учатъ, что таинства могутъ оправдывать, коль скоро совершено будетъ внѣшнее дѣло.

Въ 14-мъ пунктѣ: объ учительствѣ говорится, что въ церкви не иной кто долженъ публично учить или препо-

*) Этотъ терминъ выражается у богослововъ на латинскомъ языкѣ такъ: De nova obedientia sev bonis operibus renatorum. Примѣч. переводчика.

давать таинства, какъ только законно и правильно въ эту должность призванный.

Въ 15-мъ пунктѣ: о церковной обрядности говорится, что тѣ обряды, кои не погрѣшительны и относятся къ успокоенію (ѩѳѣцѣѕ) христіанскаго общества, слѣдуетъ содержать, — и вмѣстѣ съ тѣмъ вразумляется, что нужно беречься отъ такихъ обрядовъ и учрежденій, кои установлены людьми съ цѣлію заслуживать чрезъ нихъ милость Божію и удовлетворять за грѣхи. Такіе обряды негодны и противны евангелію и вѣроученію наприм., всѣ клятвенные обѣты (объ устраняемости отъ брака) и всѣ человѣческія постановленія о постной пищѣ и различеніи дней и проч.

Въ 16-мъ пунктѣ: о политическомъ управленіи говорится, что политическія учрежденія предъ очами Божіими составляютъ доброе дѣло и что позволено принимать на себя власть, творить судъ по царскимъ и другимъ законамъ, воевать за правду и быть воиномъ, торговать, по закону присягать, жениться и выходить замужъ и т. д. Этотъ же пунктъ осуждаетъ анабаптистовъ, воспрещающихъ христіанину дѣлать и употреблять все вышепоказанное. Христіане должны повиноваться своимъ начальникамъ, если только они не приказываютъ дѣлать что нибудь грѣшное. Въ семъ послѣднемъ случаѣ христіане должны повиноваться больше слову Божію, чѣмъ слову человѣческому (Дѣян. 5.)

Въ 17-мъ пунктѣ: о второмъ Христовомъ пришествіи говорится, что Христосъ въ послѣдній день міра придетъ судить, и что онъ воскреситъ всѣхъ умершихъ и дастъ вѣрующимъ вѣчную жизнь и блаженство, а нечестивыхъ людей и діаволовъ осудитъ на вѣки.

Въ 18-мъ пунктѣ: о свободномъ произволеніи говорится, что у человѣка безъ духа святаго нѣтъ силы угодить Богу и творить духовныя дѣла правды, — ни вѣровать въ Іисуса Христа, ни приближаться къ нему посредствомъ своихъ силъ и ума; ибо плотскій человѣкъ не разумѣетъ, яже суть Божія. Но у него есть та свобода, что онъ можетъ хотѣть или не хотѣть на землѣ воздѣлать поле, ѣсть и пить, посѣтить друга, надѣть одежду, взять жену, выучиться хорошему мастерству, поклоняться идоламъ, убить человѣка.

Въ 19-мъ пунктѣ о томъ: откуда произошелъ грѣхъ? говорится, что грѣхъ произошелъ отъ діавола и отъ собственной развращенной человѣческой воли, какъ говорилъ Христосъ. (Іоан. 8, 44) когда говоритъ онъ ложь, тогда говоритъ онъ отъ себя.

20-й пунктъ. о вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ. Этотъ важный догматъ о вѣрѣ, долженствующій быть въ церкви главнѣй-

шимъ, съисдавна такъ заброшенъ, что объ немъ прежде ни слова не было слышно въ догматикѣ. Наши противники не о чемъ иномъ трактовали, какъ о ребяческихъ бездѣлкахъ, какъ то о различныхъ безполезныхъ праздникахъ, постахъ, о монашествѣ, о бродяжничествѣ къ святымъ мѣстамъ, о почитаніи святыхъ, о священныхъ амулетахъ, о безбрачной жизни и о другомъ подобномъ. Наше вѣрованіе и ученіе состоитъ въ томъ, что наши дѣла не въ силахъ умилостивить Бога, ни заслужить отъ Него милость, прощеніе грѣховъ и оправданіе, но что все это достигается чрезъ вѣру при увѣренности, что мы пріемлемся въ любовь ради Христа, который сдѣлался единственнымъ ходатаемъ и примирителемъ между нами и Богомъ. Смотр. Іоан. 16, 6 и Ефс, 2, 8 вы спасены даромъ чрезъ вѣру, — и это зависитъ не отъ васъ, и не отъ дѣлъ и проч.

Сверхъ сего наша вѣра поучаетъ, что хотя нужно творить добрыя дѣла, однакожъ, не съ тѣмъ, чтобы чрезъ нихъ заслуживать себѣ милость, а нужно творить ихъ потому, что на то есть воля Божія. Чрезъ вѣру мы получаемъ святаго духа, обновленіе сердца и ума и способность творить добрыя дѣла. Но «безъ Меня не можете дѣлать ничего», говоритъ Христосъ (Іоан. 15, 5).

Въ 21-мъ пунктѣ: о почитаніи святыхъ говорится, что памятовать святыхъ мужей нужно для того, чтобы мы, на пути своего призванія, могли подражать ихъ вѣрѣ и добродѣтелямъ. Но священное писаніе не научаетъ призывать святыхъ и прибѣгать къ нимъ за помощью, но выставляетъ намъ Посредникомъ, Спасителемъ, Первосвященникомъ и Ходатаемъ только Христа. Его слѣдуетъ призывать въ помощь, — и Онъ обѣщался слушать наши молитвы. (Іоан. 2).

Таковы суть главнѣйшіе пункты лютерова вѣроученія, — и на нихъ основана наша церковь. Кромѣ сихъ въ аугсбургскомъ исповѣданіи есть еще семь пунктовъ, въ коихъ перечисляются безполезные обряды, безъ вѣрнаго основанія непримѣтно вкравшіеся въ церковь, которые теперь у насъ измѣнены. Но если ты, любезный народъ, удержишь въ памяти и вышеизложенные 21 пунктъ и примешь ихъ къ сердцу; то для тебя довольно уже будетъ извѣстно: что есть у тебя и что ты долженъ держать, дабы кто не восхитилъ вѣнца твоего.

Не легко снискано это для тебя духовное сокровище и вѣнецъ, посему и ты не долженъ легкомысленно истрачивать его. Противники нашей вѣры цѣлыхъ сто лѣтъ нападали на это исповѣданіе и вели самую ожесточенную борьбу съ послѣдователями лютеранства, и прежде, чѣмъ замѣтили, что эту вѣру, называемую ими новою, нельзя уже

истребить, и прежде, чѣмъ оставили ее въ покоѣ, они многихъ благочестивыхъ и вѣрныхъ мужей предали смерти за ихъ правовѣріе. Лютеранство есть древняя, всегдашняя христіанская вѣра; оно во многихъ странахъ и долгое время только таилось подъ суетными человѣческими учрежденіями, и Лютеромъ лишь возобновлено и уяснено.

Любезный народъ! Такъ какъ это же самое правовѣрное ученіе содѣлалось, по милосердію Божію, и твоимъ достояніемъ и милостивый монархъ нашъ въ новомъ церковномъ уложеніи подтвердилъ эту вѣру и онъ насильно никого не принуждаетъ къ переходу въ другую чуждую вѣру; то — держи, что есть у тебя, — и что можетъ спасти душу твою! «Вы уже не чужіе и не пришельцы, но сограждане святыхъ и домашніе Богу, утвержденные на основаніи апостоловъ и пророковъ, гдѣ самъ Іисусъ Христосъ — краеугольнымъ камнемъ, на которомъ выстроили все зданіе и растетъ бо святый Божій храмъ, на которомъ и вы устроитесь въ жилище Божіе духомъ» (Ефс. 2, 19—22).

По этому не рѣшайтесь, изъ за земныхъ выгодъ или надеждъ или несбыточныхъ обѣщаній, утратить свой небесный вѣнецъ и наслѣдіе, — не покидайте своей правой вѣры, не оставляйте своей церкви и не отрекайтесь отъ своего Іисуса. Но умоляй Его непрестанно, христіанинъ, чтобы твоя древняя правая вѣра содѣлалась въ тебѣ новою и живою, чтобы она всегда оставалась при тебѣ и, подобно огненному и облачному столпу днемъ и ночью осѣняла твоихъ дѣтей и народъ твой (Исход. 13). Побѣждающаго сдѣлаю столпомъ въ храмѣ Бога моего, — и онъ оттуда уже невыйдетъ вонъ, и напишу на немъ имя Бога (Апокал. 3, 12). О страна, страна, страна! послушай слова Іеговы: удержи, что есть у тебя, дабы кто не восхитилъ вѣнца твоего! (Іерем. 22, 29. Апокал. 3, 11).

Молебная пѣснь объ утвержденіи вѣры.

По напѣву: Намъ помощь пріиде отъ Господа.

1.

Іисусе Христе! единый Помощниче! помоги силою Духа Твоего удержаться моей вѣрѣ. Іисусе! поддержи мой драгоцѣнный вѣнецъ, когда лукавый врагъ станетъ сильно искушать и обкрадывать меня!

2.

Моя сила ослабѣетъ, умъ обрѣдѣетъ и моя вѣра изнеможетъ, если Ты, Боже, не окажешь мнѣ помощи. Но если Ты меня просвѣтишь и вѣру утвердишь, о! тогда и я смогу навѣрное удержать свое правовѣріе.

3.

Вотъ нынѣ діаволъ напущенъ на бѣдный народъ мой. Конечно сему виною — мы сами, потому что мы или совсѣмъ презирали зовъ любви твоей или только вполовину слушали его и спали крѣпчайшимъ сномъ; теперь за то грозитъ намъ кара.

4.

Ты хочешь погасить для насъ свѣтъ слова Твоего и сдвинуть съ мѣста у насъ драгоцѣнный свѣтильникъ Твой (Апок. 2, 5); и наше вѣрованіе, проповѣданіе и пѣснопѣніе, богослуженіе и чистое ученіе — все это хочетъ удалиться отъ насъ!

5.

По сему умоляемъ Тебя, Господи окажи намъ новую милость! Мы теперь оплакиваемъ свое неразуміе и страшимся Твоей грозы. О, непосѣки насъ, но пожди еще мало; можетъ быть наше сердце исправится и принесетъ Тебѣ добрый плодъ!

6.

Твоя церковь, подклоняясь подъ (посылаемый) крестъ Твой, Іисусе, все еще ищетъ въ священныхъ ранахъ Твоихъ помощи, Іисусе! Очисть насъ честною Твоею кровію и утверди въ насъ вѣру Духомъ Твоимъ Святымъ, — тогда мы останемся Твоими. Аминь.

ЛИВОНСКАЯ ХРОНИКА

въ которой разсказывается,

какъ была впервые открыта Ливонія и обращена въ христіанство; кто были первые правители этой страны, начиная отъ перваго магистра тевтонскаго ордена до послѣдняго, и о подвигахъ каждаго изъ нихъ;

о

НЕОБЫЧАЙНЫХЪ И ЧУДЕСНЫХЪ

СОБЫТІЯХЪ,

совершавшихся въ странѣ во время перемѣны ливонскихъ властей и послѣ того времени до 1583 года.

Полезное и пріятное для чтенія.

Описано кратко и достовѣрно

ревельцемъ

БАЛЬТАЗАРОМЪ РЮССОВЫМЪ.

Вторично со всѣмъ стараніемъ пересмотрѣно, исправлено, улучшено и увеличено многими разсказами самимъ авторомъ.

1584.

Печатано въ Бартѣ, въ княжеской типографіи, Андреемъ Зейтнеромъ.

Отъ переводчика.

Вторая часть лѣтописи Рюссова заканчивается описаніемъ распаденія ливонскаго ордена, когда четыре сѣверныя державы: Россія, Польша, Швеція и Данія сошлись другъ съ другомъ въ Ливоніи; русскіе для того, чтобы пробиться къ гаванямъ на Балтійскомъ морѣ; поляки, чтобы не допустить усилиться московскому государству на счетъ Ливоніи; шведы для того, чтобы быть подальше отъ сосѣдства съ опасною Москвою; датчане для того, чтобы удержать за собою то, что такъ легко и такъ неожиданно досталось имъ.

Къ 1561 г. бывшее Дерптское епископство съ Феллиномъ и Нарвою, съ частью Іервена и Вирланда находилось во власти Іоанна; Швеція пріобрѣла Гарріенъ, Ревель и половину Вирланда, герцогъ Магнусъ Голштинскій владѣлъ Эстоніею, Эзелемъ и Пильтеномъ; бывшій орденскій магистръ Кетлеръ получилъ Курляндію и Семигалію и наконецъ король Сигизмундъ овладѣлъ южною Ливоніею съ городомъ Ригою.

Каждая изъ этихъ державъ имѣли свои причины и свои важные поводы утвердиться въ Ливоніи, такъ какъ эта небольшая сравнительно земля имѣла весьма важное значеніе въ торговомъ и политическомъ отношеніяхъ. Балтійское море съиздавна служило путемъ, соединявшимъ восточную Европу съ западною. Къ ливонскимъ гаванямъ съиздавна являлись купцы изъ Германіи, Польши, Литвы и Россіи съ произведеніями своихъ странъ: лѣсомъ, котораго много требовалось на постройки кораблей, разнаго рода хлѣбами, овсомъ, пряжею, коноплею, мѣхами. Въ замѣнъ этихъ товаровъ Швеція съиздавна присылала сюда желѣзо и сталь; изъ Англіи, Нидерландовъ, Франціи и Испаніи прибывали къ ливонскимъ пристанямъ корабли съ сукномъ, холстомъ, металлическими издѣліями и всякаго рода продуктами южныхъ странъ.

Извѣстно, что сильное торговое движеніе по Балтійскому морю вызвало къ жизни въ половинѣ XIII столѣтія извѣстный ганзейскій союзъ, имѣвшій цѣлію защиту и охрану балтійской торговли. Въ союзъ этотъ, заключавшій въ себѣ многіе города, начиная отъ Брюгге и Антверпена до Новгорода, не замедлили вступить ливонскіе и прусскіе города. Общимъ сборнымъ пунктомъ всего союза былъ первоначально городъ Висби на островѣ Готландѣ.

Первое мѣсто въ ганзейскомъ союзѣ занималъ Любекъ, основанный знаменитымъ гвельфомъ Генрихомъ Львомъ. Значеніе и важность этого города въ особенности увеличились послѣ побѣды, одержанной надъ Вольдемаромъ III, когда Зундскій проливъ явился во власти любчанъ. Съ этого

времени „dominium maris Baltici“ и явилось въ рукахъ любчанъ. Но къ концу XIV столѣтія замѣчается уже перемѣна въ балтійскихъ отношеніяхъ. Сѣверныя государства и сѣверные города начинаютъ тяготиться перевѣсомъ Любека, — начинаютъ раздаваться требованія о liberum mare. Голландцы первые начали стремиться сбросить съ себя тягостное посредничество Любека въ торговлѣ съ восточными странами. Стремленія ихъ поддерживаютъ бургундскіе герцоги Филиппъ Добрый и Карлъ Смѣлый; Рига, Ревель и Дерптъ начинаютъ тоже требовать свободнаго перехода чрезъ Зундъ. Любекъ долго не уступалъ, долго боролся, но въ 1535 г. вынужденъ былъ заключить крайне невыгодный для себя миръ со своими непріятелями. Съ этого времени начинается упадокъ Любека и упадокъ всего ганзейскаго союза.

Знаменитый нѣкогда союзъ начинаетъ терять свое значеніе: турки, овладѣвъ Византійскою имперіею, двинулись на западъ и отрѣзали старинные торговые пути; Колумбъ и Васко-де-Гама открыли новые морскіе пути въ Америку и Восточную Индію и тѣмъ самымъ способствовали тому, что главное торговое движеніе съ береговъ Средиземнаго моря переходитъ на прибрежья Океана, — а такой переходъ не замедлилъ повліять самымъ рѣшительнымъ образомъ на балтійскія отношенія.

Правда, что съ паденіемъ Византіи и съ открытіемъ Америки и морскаго пути въ Восточную Индію русская торговля начинаетъ принимать исключительно западное направленіе, правда и то, что литовская торговля, принявшая было большое развитіе по черноморскимъ прибрежьямъ, вслѣдствіе сказанныхъ двухъ событій, направляется тоже къ Балтійскому морю, порты котораго начинаютъ наполняться товарами Индіи и Америки, тѣмъ не менѣе торговые обороты Балтійскихъ портовъ, сравнительно со средне-вѣковыми оборотами, начинаютъ падать, — за то выступаетъ вопросъ другаго рода, уже чисто политическій: кому владѣть наслѣдствомъ Любека и ганзы, кто возьметъ въ свои руки „dominium maris Baltici“? А такое dominium (господство) является уже не торговымъ, а политическимъ и притомъ первостепенной государственной важности вопросомъ какъ для Россіи и Польши, такъ и для Швеціи и Даніи.

Важнѣйшія рѣки земель Рѣчи Посполитой польской (Висла, Нѣманъ) впадаютъ въ Балтійское море, — слѣд. польскіе государственные люди не могли не обращать вниманія на Балтійскія прибрежья, отлично сознавая, что торговое и политическое развитіе Польши зависитъ отъ овладѣнія именно этимъ побережьемъ. Мысль о такомъ овладѣніи не покидала польскихъ королей съ давнихъ временъ. Пржемыславъ — покидаетъ Краковъ, чтобы завоевать Поморье, Локетекъ ведетъ упорную войну съ крестоносцами изъ за Поморья и, умирая, завѣщаетъ сыну возвратить Польшѣ берега моря Балтійскаго, измѣною захваченные крыжаками. — Поляки ропщутъ на Казиміра за неисполненіе отцовской воли, королямъ Людовику и Ягайлѣ ставятъ условіемъ возвращеніе отпавшихъ земель, а Казиміръ Ягайловичъ ведетъ долголѣтнюю войну и во второмъ Торнскомъ мирномъ договорѣ выговариваетъ себѣ и портъ свободный и власть надъ моремъ. Оба Сигизмунда не покидаютъ старой политики, — обращая больше вниманія на то, чтобы „dominium maris Baltici“ какъ нибудь да не попало въ руки сосѣдей, къ явному вреду Польшѣ.

Но вотъ ливонскій орденъ пошатнулся, паденіе Ливоніи неизбѣжно. Какъ упустить случай овладѣть этою страною? Ни въ одной части нашего государства, говорили тогдашніе поляки, нѣтъ такого количества городовъ, крѣпостей и замковъ какъ въ Пруссіи; но Ливонія богатствомъ крѣпкихъ мѣстъ превосходитъ Пруссію, или, покрайней уже мѣрѣ, равняется ей. Государство же Польское особенно нуждается въ укрѣпленныхъ мѣстахъ,

потому что съ сѣвера и востока окружено дикими варварскими народами. Ливонія знаменита своимъ приморскимъ положеніемъ, обиліемъ гаваней; если эта страна будетъ принадлежать королю, то ему будетъ принадлежать и владычество надъ моремъ (dominium maris Baltici). О пользѣ имѣть гавань въ государствѣ засвидѣтельствуютъ всѣ знатныя фамиліи въ Польшѣ: необыкновенно увеличилось благосостояніе частныхъ людей съ тѣхъ поръ, какъ королевство получило во владѣніе прусскія гавани, и теперь народъ нашъ не многимъ европейскимъ народамъ уступитъ въ роскоши относительно одежды и украшеній, въ обиліи золота и серебра; обогатится и казна королевская взиманіемъ податей торговыхъ. Кромѣ этого, увеличится могущество, силы королевства чрезъ присоединеніе такой обширной страны! Какъ легко будетъ тогда управляться съ Москвою, какъ легко будетъ сдерживать непріятеля, если у короля будетъ столько крѣпостей!»

Поляки разсуждали вѣрно, но не менѣе вѣрно разсуждали и въ московскомъ государствѣ о своихъ собственныхъ государственныхъ нуждахъ и потребностяхъ. Безъ своихъ гаваней на Балтійскомъ морѣ нечего было и думать московскому государству о дѣятельной торговлѣ съ западною Европою, нечего было и думать объ усвоеніи плодовъ европейской гражданственности, а безъ такого усвоенія было не мыслимо обезопасить государство отъ магометанскихъ хищниковъ, не мыслимо и возвратить государству ея старинныя вотчины... Вотъ причина, почему Іоаннъ Грозный, какъ скоро успокоилъ свои восточныя границы взятіемъ Казани, обратилъ свое вниманіе на западъ, къ Ливоніи; вотъ причина, почему Петръ Великій съ такимъ уваженіемъ отзывался о политикѣ Іоанна Грознаго и его усиліяхъ пробиться къ Балтійскому морю. Политика эта и усилія внушались здравымъ пониманіемъ интересовъ московскаго государства.

Но допустить московскаго государя до овладѣнія Балтійскимъ моремъ для Польши значило-бы подписать свое собственное паденіе, потому что овладѣй московскій государь Ливоніею, то развѣ онъ оставитъ въ покоѣ свою коренную отчину: Русь, а вмѣстѣ съ Русью и всю Литву? Не даромъ московскій государь пишетъ себя государемъ всея Руси, не скрывая, что ни за что не заключитъ вѣчнаго мира съ Польшею. «За королемъ наша вотчина извѣчная, Кіевъ, Волынская земля, Полоцкъ, Витебскъ и многіе другіе города русскіе; а Гомель отецъ его взялъ у насъ во время нашего малолѣтства: такъ пригоже-ли съ королемъ теперь вѣчный миръ заключить?» говорилъ Іоаннъ, когда въ январѣ 1549 г. пріѣхали въ Москву литовскіе великіе послы: Станиславъ Кишка, воевода витебскій, и Янъ Камаевскій, маршалокъ. Если теперь заключить миръ вѣчный, то впередъ уже чрезъ крестное цѣлованіе своихъ вотчинъ искать нельзя, потому что крестнаго цѣлованія тогда нарушить не мочу». И приговорилъ Государь съ боярами вѣчнаго мира съ королемъ не заключать для того, чтобы можно было доставать своихъ старинныхъ вотчинъ, а взять съ королемъ перемирье на время, чтобы дать людямъ поотдохнуть и съ иными недругами управиться (См. Соловьева VI, стр 156).

Поляки очень хорошо знали, что миру съ Москвою не бывать, ибо кому нибудь одному надобно быть государемъ всея Руси, но если миру не бывать, то какъ допустить, чтобы московскій государь усилился овладѣніемъ Ливоніи, если эта страна, знаменитая своими гаванями, городами и крѣпостями, перейдетъ къ опасному сосѣду. Или надобно вести войну, говорили поляки, противъ Москвы съ постоянствомъ, всѣми силами, или заключить честный и выгодный миръ; но условія мира никогда не будутъ ни честными,

ни выгодными, если Москва добудетъ Ливонію. Мы должны непремѣнно выгнать москвитянъ изъ Ливоніи, а выгнавъ, съ какой-же стати не взять Ливоніи себѣ, какъ награду за побѣду?

Для Швеціи обладаніе Ливоніею имѣло также важное значеніе. Шведское государство было не богато хлѣбомъ, оно получало хлѣбъ изъ Ливоніи. Перейди Ливонія въ шведскія руки, вся торговля востока съ западомъ явилась бы въ шведскихъ же рукахъ, а превосходныя ливонскія гавани дали бы возможность увеличить шведскій военный флотъ, безъ котораго dominium maris Baltici было недостижимо. Съ присоединеніемъ Ливоніи Швеція выигрывала еще и то, что опасное сосѣдство Москвы отдалилось бы. Шведы очень хорошо понимали выгоды владѣнія Ливоніею и потому всячески противодѣйствовали — политикѣ Сигизмунда I и Сигизмунда Августа, чтобы Польша не присоединила Ливоніи къ своимъ прусскимъ владѣніямъ и такимъ образомъ не овладѣла бы Балтійскимъ побережьемъ отъ Гданска до Нарвы. Потому-то Швеція и признала необходимымъ предупредить Польшу и утвердиться въ Ливоніи.

Можно было предвидѣть, что Данія ни въ какомъ случаѣ не согласится на то, чтобы Ливонія досталась шведамъ. Если это государство, не разъ уже протягивавшее руку за «dominium maris Baltici», видѣло свое выгодное положеніе въ подавленіи ганзы, то, конечно, не могло дозволить своему опасному сопернику занять край, составлявшій основу морскаго господства.

Вопросъ о Ливоніи, поставленный на такія точки зрѣнія могъ, конечно, рѣшиться только оружіемъ. Іоаннъ Грозный рѣшился во что бы то ни стало пробиться къ Балтійскому морю; поляки рѣшились не только не допустить москвитянъ до этого, но и совершенно вытѣснить изъ Ливоніи, рѣшились также изгнать шведовъ, могущество которыхъ было опасно для Польши. Шведы съ своей стороны рѣшились не только отстоять Ревель, но и вытѣснить изъ Ливоніи русскихъ и поляковъ.

Все предвѣщало долгую и упорную войну. Она не замедлила. Описанію этой войны, въ особенности событій въ Эстоніи и посвящена 3-я часть лѣтописи Рюссова, содержаніе которой слѣдующее:

ЛИВОНСКОЙ ХРОНИКИ РЮССОВА

ЧАСТЬ III-Я

отъ сдачи Ревеля шведамъ въ 1561 г. до большаго похода Іоанна Грознаго въ Ливонію въ 1577 году.

СОДЕРЖАНІЕ. Какъ городъ Ревель сдался шведамъ. Кто сдѣлался врагомъ короля Эрика изъ за Ливоніи. Переговоры поляковъ съ Ригою. Моровое повѣтріе въ Ревелѣ. Падисъ сдается шведамъ. Какъ король Эрикъ раздражилъ любчанъ. Перновъ и Витенштейнъ сдаются шведамъ. Посѣщеніе Ревеля герцогомъ финляндскимъ Іоанномъ и герцогомъ мекленбургскимъ Христофоромъ. Полякъ теряетъ Полоцкъ. Войны шведовъ, плѣнъ герцога Іоанна. Плѣнъ герцога Христофора. Какъ сдались шведамъ Каркусъ и Гапсаль. Какъ поляки вторглись въ Эстонію. Какъ русскіе мирно прошли чрезъ Эстонію. Судьба Леаля, сраженіе у Пернова. Взятіе любекскихъ кораблей. Графъ фонъ Арцъ. Лоде покоряется шведамъ. О святомъ четвергѣ эстовъ. Маркграфъ Христоферъ Баденскій въ Ревелѣ. Какъ гофлейты внезапно напали на Перновъ. Война перновскихъ гофлейтовъ со шведами; смѣлые подвиги Гинрика Дикера; смерть Каспара Ольденбокема. Гофлейты Ненависть къ Ревелю. Несчастіе нѣмцевъ въ Дерптѣ и Витенштейнѣ. Счастіе противъ гофлейтовъ. Шведы предъ Перновомъ и на Эзелѣ; поляки въ Викѣ. Чума въ Ревелѣ. Шведы берутъ Лемзаль, ихъ пораженіе у Рунафера. Ходкѣвичъ предъ Ригою. Убійства, совершенныя королемъ Эрикомъ. Судоходство зимою. Шведы пріобрѣтаютъ Зоненбургъ. Низложеніе короля Эрика. Дальнѣйшая война между шведами, перновцами и русскими. Новый губернаторъ въ Ревелѣ. Причины низложенія Эрика. Какъ Іоаннъ Дуве и Элертъ Крузе переговаривали съ ревельцами. Предложенія Дуве и Крузе. Отвѣтъ ревельскихъ пословъ. Заключеніе первыхъ переговоровъ. Послѣдніе переговоры. Датскіе и любекскіе военные корабли обстрѣливаютъ Ревель. Коронованіе Іоанна III; плѣненіе Эрика. Какъ Клаусъ Курсель напалъ на ревельскій замокъ. Клаусъ Курсель въ союзѣ съ герцогомъ Магнусомъ. Письмо дерптцевъ въ Ревель. Іоаннъ Грозный. Герцогъ Магнусъ дѣлается ливонскимъ королемъ. Какъ шведы снова овладѣли ревельскимъ замкомъ. Леаль покоряется шведами. Данцигскіе корсары; набѣги русскихъ и нѣмцевъ до Ревеля. Краткое описаніе первой московитской осады города Ревеля, въ коей герцогъ Магнусъ былъ главнымъ военачальникомъ. Открытое письмо герцога Магнуса къ ревельцамъ. Какъ русскіе покорили Смоленскъ. Король Магнусъ и русскіе. Дальнѣйшій ходъ осады Ревеля русскими. Снятіе осады Ревеля и Витенштейна. Послѣднія попытки противъ Ревеля. Что вынесъ Гарріенъ. Несчастный походъ крестьянъ на русскихъ. Татаринъ сжигаетъ Москву. Императорскій посолъ въ Ливоніи. Дальнѣйшая война съ гофлейтами. Чума въ Ревелѣ. Неудачное возстаніе Розена въ Дерптѣ. Магнусъ возвращается на Эзель. Тщетныя надежды ливонцевъ. Дальнѣйшая исторія Дуве и Крузе. Русскія вербовки. Какъ Магнусъ снова передается русскимъ. Новыя предпріятія шведовъ. Какъ Витенштейнъ попалъ въ руки русскихъ. Русскіе берутъ Ніенгофъ, шведы отступаютъ. Русскіе берутъ Каркусъ; побѣда шведовъ у Лоде. Бракосочетаніе Магнуса. Суровая зима. Хозяйничаніе шотландцевъ. Шведскіе гофлейты. Шотландцы кальвинисты. Набѣгъ шведовъ и шотландцевъ; тщетная осада Везенберга и Тольсберга. Несчастіе шотландцевъ предъ Везенбергомъ. Конецъ осады Везенберга. Почему русскіе хороши въ крѣпостяхъ. Бѣдствіе въ Гарригенѣ и Ревелѣ. Ревельскій розовый садъ. Предпріятія гофлейтовъ; взятіе ливон-

скихъ кораблей. Дальнѣйшая исторія гофлейтовъ. Несчастія ихъ. Несчастіе шведовъ подъ Нарвою. Шведско-датскіе переговоры въ Падисѣ. Ссоры шведовъ съ гофлейтами. Рижане стараются присоединить Ревель къ Польшѣ. Гофлейты продаютъ Викъ датчанамъ; вторженіе русскихъ. Русскіе у Ревеля. Дальнѣйшій походъ русскихъ. Предложеніе герцога Магнуса Ревелю. Споры о Салисѣ. Перемиріе съ Финляндіею. Русскіе послы и пожаръ въ Аренсбургѣ. Какъ расплатились съ гофлейтами. Русскіе берутъ Перновъ. По чему датчане не помогли. Послѣдствія паденія Пернова. Зоненбургъ снова берутъ датчане. Переговоры ревельцевъ и датчанъ въ Падисѣ. Ревель ищетъ иностранной помощи. Русскіе берутъ Рюгенъ. Русскіе въ Гапсалѣ, Викѣ и на Эзелѣ. Какъ шведы потеряли Падисъ. Несчастіе шведовъ подъ Падисомъ. Бой съ русскими подъ Ревелемъ. Набѣги; печальная смерть госпожи фонъ Рингель. Планъ Максимиліана II. Какъ русскіе заманивали ревельцевъ. Русскіе подъ Ревелемъ. Шведы подъ Ригою. Сраженіе ревельцевъ съ русскими; дѣйствія крестьянъ. Объ Амботенѣ. Глубокій снѣгъ. Герцогъ Магнусъ беретъ Лемзаль. Бури. Краткое описаніе событій во время второй осады Ревеля русскими. Чума въ Ревелѣ. Походы противъ русскихъ. Герцогъ Магнусъ и Христіанъ Шрепферъ. Вторженіе Іоанна въ Ливонію. Подвиги и бѣдствія въ Венденѣ. Дальнѣйшее хозяйничанье Іоанна въ Ливоніи. Предпріятія шведовъ и ревельцевъ. Походъ русскихъ къ Ревелю. О кометѣ. Большой походъ Іоанна на Ливонію. Еще надежда. Причины паденія Ливоніи.

---

1. Какъ городъ Ревель сдался шведамъ въ 1561 г.

Когда такимъ образомъ провинція Ливонія находилась въ большой нуждѣ и опасности, и московитъ послѣ завоеванія многихъ городовъ и замковъ все еще свирѣпствовалъ въ странѣ, въ особенности же въ Гарригенѣ и у города Ревеля, когда знатнѣйшіе сановники, орденскія власти и правители страны частью разбѣжались, частью были уведены въ плѣнъ въ Москву и истреблены; когда у магистра ливонскаго и у другихъ оставшихся въ ничтожномъ числѣ орденскихъ сановниковъ не было никакого средства привести въ порядокъ раззоренныя земли, къ тому же не малый страхъ наведенъ былъ на остальные земли и города тѣмъ, что старый магистръ Вильгельмъ фонъ Ферстенбергъ былъ взятъ въ плѣнъ московитомъ и отосланъ въ Москву изъ замка Феллина, безо всякой помощи и выручки со стороны его преемника и настоящаго магистра, чего не случалось до сихъ поръ ни съ однимъ ливонскимъ магистромъ съ существованія ордена, поэтому подданые тѣмъ менѣе могли надѣяться на помощь и утѣшеніе въ нуждѣ и притѣсненіяхъ; когда наконецъ самъ магистръ отдался подъ защиту польской короны отъ московита и сдѣлался свѣтскимъ княземъ, каковымъ поступкомъ совершенно уничтожался въ Ливоніи санъ магистра тевтонскаго ордена, которому единственно до сихъ поръ были подчинены и обязаны клятвой всѣ орденскіе города и сословія, тогда и ревельцы, по причинѣ большой опасности, которой подвергались ежедневно, принуждены были съ другими землями и городами также заботиться о своемъ благѣ, искать защиты отъ московита и обратиться къ другому государству А такъ какъ король польскій находился далеко отъ города Ревеля, и ревельцы никогда не получали никакого кормленія (выгодъ) отъ королевства Польскаго или отъ Литвы, какъ получала Рига, да и не могли полу-

чать, потому они и рѣшились отдаться королю шведскому, который былъ къ нимъ ближе и подручнѣе.

Но передъ тѣмъ магистратъ и община Ревеля судили и рядили о сдачѣ и послѣ долговременнаго раздумья рѣшили не отвергать милостивой отъ Бога подаваемой защиты короля шведскаго. Ревельскій магистратъ совѣщался также съ рыцарствомъ Гарригена и Вирланда (земскимъ, вассалами), которыхъ тогда много собралось въ Ревелѣ, и прочиталъ упомянутымъ рыцарямъ милостивое королевское обнадеживаніе (см. Приб. Сб. II, стр. 397, 86), чему тѣ были очень рады и сказали, что они не могутъ и не хотятъ отдѣляться отъ города Ревеля: къ кому перейдетъ городъ, къ тому и они перейдутъ. И такъ всѣ единодушно согласились перейти къ шведамъ. Послѣ такого единодушнаго рѣшенія они отправили пословъ, а именно Рейнольта Лоде отъ рыцарства и Іоанна Винтера, члена магистрата, со стороны бюргеровъ къ бывшему ливонскому магистру въ Митаву, въ Курляндію, требовать разрѣшенія отъ присяги, данной магистру ливонскому Посольство это не могло быть особенно пріятнымъ Кетлеру Но какъ требованіе ревельцевъ было сдѣлано не изъ легкомыслія, но по настоятельной и неминуемой нуждѣ, потому бывшій магистръ не могъ гнѣваться. Онъ милостиво отпустилъ упомянутое посольство, но послалъ въ Ревель своихъ пословъ, а именно: господина Дона, Іоанна Фишера, канцлера, Іодокума Клодта, бывшаго синдика ревельскаго, чтобы помѣшать присягать ревельцамъ, не присягавшимъ еще королю шведскому Потому что бывшій магистръ охотнѣе передалъ бы городъ Ревель королю польскому, чѣмъ королю шведскому

Въ тоже время и герцогъ Магнусъ Гольштейнскій по поводу слуховъ, дошедшихъ до него, будто ревельцы хотятъ отказаться отъ магистра и передаться коронѣ шведской, писалъ ревельцамъ. Онъ напоминалъ, чтобы ревельцы взяли во вниманіе то, отъ кого начался городъ и старыя привиллегіи, а начался отъ датской короны, къ которой ревельцамъ и слѣдуетъ теперь обратиться. Въ случаѣ же они этого не сдѣлаютъ, то сами могутъ разсудить, что изъ этого произойдетъ. Несмотря на такое напоминаніе, ревельцы все-таки привели въ исполненіе свое намѣреніе. Когда же послы магистра прибыли въ городъ Ревель и замѣтили, что ревельцы почти всѣ уже перешли на сторону шведовъ, то имъ это очень непонравилось. Ревельцы же, кромѣ господина фонъ Дона, не пригласили въ ратушу ни одного посла. Донъ не хотѣлъ распространяться о своемъ дѣлѣ, но довольно ясно выказалъ свое неудовольствіе на то, что городъ Ревель переходитъ къ шведамъ, а не къ полякамъ. Когда послы всѣ убѣдились въ нерасположеніи къ нимъ Ревеля, то долѣе не медлили, и скоро уѣхали во свояси.

Въ тоже время въ Ревель прибыли изъ Швеціи королевскіе послы, а именно господинъ Клаусъ Христіернзенъ, Гансъ Ларсенъ и

Германъ Брюснеръ, секретарь, у нихъ была королевская инструкція, одинаковаго содержанія съ прежнею грамотою. Они, какъ уполномоченные коммисары короля, должны были по этой инструкціи вести переговоры съ ревельцами касательно всѣхъ предметовъ, обѣщать имъ защиту отъ всякаго, и наконецъ, принять присягу отъ дворянъ, равно какъ и отъ всего города. Все это было, наконецъ, исполнено послѣ многократнаго обдумыванья и удержанія всѣхъ правъ и привиллегій.

Когда рыцарство и городъ стали шведскими, то замокъ Ревель, въ которомъ намѣстникомъ (комендантомъ) былъ Каспаръ фонъ Ольденбокемъ, не хотѣлъ подчиняться шведамъ, желая оставаться при старомъ правленіи, почему Клаусъ Христіерзенъ былъ вынужденъ напасть на этотъ замокъ силой. Онъ обстрѣливалъ и стращалъ этотъ замокъ цѣлыхъ шесть недѣль осадными пушками (картаунами и шлангами) и не могъ ничего ему подѣлать, но замокъ, наконецъ, все-таки сдался по недостатку провіанта въ день Іоанна Крестителя въ 1561 г. Когда же и городъ и замокъ Ревель перешли къ шведамъ, то господа Ревеля, а именно: Іоаннъ Пеперзакъ, бургомистръ, Іоаннъ Шмедеманъ и Іохимъ Белльгольдъ, ратсгеры, поѣхали въ Швецію, чтобы получить отъ короля утвержденіе привиллегій и правъ города Ревеля, о которыхъ велись передъ тѣмъ переговоры съ коммисарами, касательно всѣхъ нуждъ. Такъ какъ они прибыли въ Стокгольмъ какъ разъ во время коронаціи короля и передали ему свою просьбу, то получили отъ него утвержденіе со всѣми добрыми обѣщаніями. Когда король Эрикъ сталъ господиномъ Ревеля, то, по своему королевскому обѣщанію, подарилъ городу Ревелю значительную сумму денегъ и заплатилъ также 30,000 талеровъ, которые ревельцы взяли у магистра подъ залогъ Кегельскаго двора, сумму, которую они врядъ ли были бы въ состояніи внести сами или уплата которой была бы имъ очень чувствительна. Король прислалъ также городу Ревелю разный провіантъ изо всѣхъ мѣстъ королевства шведскаго. Тогда въ Ревелѣ въ изобиліи и дешево можно было получить всякіе жизненные припасы и провіантъ, не было недостатка въ орудіяхъ, порохѣ и различныхъ военныхъ снарядахъ; все это король въ изобиліи прислалъ въ ревельскій замокъ какъ для употребленія въ замкѣ, такъ и въ городѣ. Тогда въ Ревелѣ было великое ликованіе по поводу новаго короля и хорошаго кормленія, и судя по человѣчески, ревельцы не могли получить ничего лучшаго. Но такъ какъ всякія перемѣны опасны, то и эта была не безопасна и послѣ великой радости наступило великое горе. Потому что милостивѣйшій король Эрикъ вмѣстѣ съ королевствомъ шведскимъ изъ за принятой части Ливоніи подвергся большимъ, продолжительнымъ войнамъ не только съ московитомъ, но и съ другими христіанскими государями, такъ что ни разъ его наслѣдственныя земли платились за Ливонію, какъ то будетъ разсказано ниже.

Прим. перевод. Шведскій король Густавъ Ваза умеръ 29-го сентября 1560 г., оставивъ четырыхъ сыновей: старшій Эрикъ получилъ королевское достоинство, трое остальныхъ герцогства: Іоаннъ финляндское, Магнусъ остеръ-готландское и Карлъ зюдерманландское.

Эрикъ XIV вступилъ на шведскій престолъ на 27 году отъ роду. Онъ былъ красивъ собою, получилъ разносторонее образованіе, и былъ вообще человѣкъ способный, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ человѣкъ подозрительный и раздражительный до того, что Густавъ Ваза нѣкоторое время сомнѣвался: предоставлять ли ему королевское достоинство или нѣтъ. Онъ недовѣрялъ своимъ братьямъ, недовѣрялъ и вельможамъ. «Покойный батюшка, сказалъ однажды Эрикъ своему любимцу Персону, поставилъ меня въ тяжелое положеніе, раздавши герцогства братьямъ». «Покойный король, возразилъ Персонъ, извинялся тѣмъ, что было бы гораздо хуже, еслибъ ваши братья были менѣе могущественны, чѣмъ вельможи; усобицу между королемъ и могущественными братьями предпочелъ онъ изъятію королевскаго дома изъ государства и возвращенію чуждаго владычества; онъ хорошо зналъ, что вслучаѣ усобицы между братьями Швеція все останется за его родомъ, и будетъ отнята у него, если власть вельможъ усилится, чему стоящій надъ ними могущественный герцогъ легко можетъ воспрепятствовать».

Осторожный Густавъ Ваза не желалъ ввязываться въ ливонскія дѣла, не желалъ войны съ Москвою. Не такъ думалъ его преемникъ. Эрикъ XIV, питая планы сдѣлать Швецію владычицею Балтійскаго моря и первою державою на сѣверѣ, съ радостію ухватился за случай получить Эстонію и принялъ Ревель въ свое подданство.

Шведское посольство прибыло въ Ревель 4-го іюня 1561 г. 6-го іюня Ревель присягнулъ Эрику. Клаусъ Христіерзенъ Горнъ, бывшій въ числѣ пословъ, получилъ начальство надъ шведскимъ войскомъ и былъ первымъ губернаторомъ Эстоніи. Король Эрикъ принялъ титулъ: «господинъ ливонской марки и Ревеля». Съ 1561 г. шведы укрѣпились въ Ревелѣ, и съ этого года собственно и начинается война, тянувшаяся для нихъ цѣлыхъ 100 лѣтъ.

2. Кто сдѣлался врагомъ королю Эрику изъ за Ливоніи.

Когда въ Ревелѣ была великая радость и дворяне и не дворяне въ большомъ количествѣ отправились къ королю и жаловались ему на убытки, причиненные московитомъ, то король, по своей королевской добротѣ, щедро наградилъ ихъ помѣстьями и деньгами и достаточно удовлетворилъ ихъ за всѣ потери. Къ тому же король не мало заботился о томъ, чтобы доставить миръ городу Ревелю и многимъ другимъ мѣстностямъ. Поэтому онъ съ большими издержками послалъ пословъ къ московиту, чтобы переговорить съ нимъ о мирѣ. Желаніе короля было таково, чтобы московитъ сохранилъ впредь долговременный миръ, заключенный его отцомъ Густавомъ, и соблюдалъ его также по отношенію ревельцевъ и другихъ, ставшихъ подъ королевскую защиту. Но московитъ не согласился на это, а ужасно разсердился на короля Эрика, за то что онъ хотѣлъ ввести новыя условія, не упомянутыя его отцемъ, и что онъ осмѣлился присвоить себѣ нѣсколько мѣстъ въ Ливоніи, которыми овладѣлъ онъ, московитъ, и вообще за то, что онъ

вмѣшался въ это дѣло. Наконецъ, однако, съ большимъ трудомъ добились до перемирія на два года.

Но какъ впослѣдствіи достаточно показалъ опытъ, это упомянутое перемиріе какъ королевству шведскому, такъ и Ливоніи было болѣе вредно, чѣмъ выгодно, московиту же принесло большую пользу Потому что въ это перемиріе московитъ по большей части совершенно спокойно отстроилъ и укрѣпилъ отъ нападенія города и замки, завоеванные въ Ливоніи. А такъ какъ ему приходилось теперь имѣть дѣло съ могущественнымъ королемъ (польскимъ) гораздо болѣе страшнымъ, чѣмъ ливонскій магистръ, то ему было какъ нельзя болѣе съ руки заключить перемиріе, чтобы тѣмъ лучше, по своему вкусу отстроить и укрѣпить замки въ Ливоніи.

Несмотря на то, что два года было перемиріе, король Эрикъ по истеченіи двухъ лѣтъ всетаки долженъ былъ опасаться сильной войны съ московитомъ, въ которой наслѣдственныя королевскія земли въ Финляндіи подвергались немалой опасности изъ за Ливоніи. А такъ какъ у короля шведскаго въ то время былъ въ Ливоніи только единственный городъ Ревель, то во время перемирія онъ добивался многихъ земель, городовъ и замковъ въ Ливоніи и посягалъ на земли и замки короля польскаго и бывшаго магистра, изъ за чего возникла открытая война между Швеціей и Польшей и магистромъ къ еще большему вреду и погибели бѣдной угнетенной Ливоніи. А пока упомянутые государи воевали между собой, московитъ держался въ сторонѣ и позволялъ обоимъ королямъ тягаться между собой изъ за ливонскихъ замковъ; ему было все равно, достанутся ли они шведу или поляку; онъ думалъ извлечь свои выгоды въ болѣе подходящее время, когда они достаточно долго будутъ драться между собою и устанутъ, и затѣмъ кого застанетъ въ мѣшкѣ, того и вытрясетъ оттуда, что и случилось впослѣдствіи. Причиной этой игры было двухгодичное перемиріе.

Кромѣ того, въ это перемиріе король Эрикъ пріобрѣлъ себѣ еще больше враговъ, а именно вопервыхъ городъ Любекъ, у котораго король велѣлъ отнять цѣлый флотъ кораблей, вышедшихъ съ полнымъ грузомъ изъ Нарвы, желая помѣшать нарвской торговлѣ, а корабли всѣхъ приморскихъ городовъ заставить нагружаться въ Ревелѣ; изъ за этого возникла весьма опасная война между королевствомъ шведскимъ и любекцами. Во вторыхъ и Фридрихъ II, король датскій, сталъ врагомъ короля шведскаго изъ за своего брата, герцога Магнуса, которому король Эрикъ приписалъ, будто онъ желаетъ отдаться подъ покровительство шведской короны со своими замками и землями въ Ливоніи; это очень разсердило короля датскаго; изъ за этого же сначала возникли несогласія и споры, а потомъ возгорѣлась трудная

и продолжительная война между обоими королями; въ Ливоніи отъ этого стало еще хуже, да и королевство шведское отъ этого также не мало ослабѣло.

Прим. пер. Миръ съ Густавомъ Вазою былъ заключенъ въ 1556 г. (см. Приб. Сб. II, стр. 342 — 343). Въ 1560 г. король Эрикъ, по вступленіи на шведскій престолъ, прислалъ въ Новгородъ пословъ съ требованіемъ, чтобъ перемирныя грамоты 1556 г. были скрѣплены печатью царскою, чтобы впередъ ему, Эрику, ссылаться прямо съ царемъ, и чтобъ въ прежнихъ грамотахъ уничтожить условіе, по которому шведскій король обязывался не помогать королю польскому и магистру ливонскому противъ Москвы. Чтобы напугать Іоанна, сдѣлать его сговорчивѣе, шведскіе послы объявили, что императоръ, короли польскій и датскій уговариваютъ Эрика къ союзу противъ царя за Ливонію.

Рюссовъ пишетъ, что московитъ ужасно разсердился на короля за то, что тотъ хотѣлъ ввести новыя условія, не упомянутыя его отцомъ. Дѣйствительно разсердился, потому что шведскіе послы получили въ Москвѣ такой отвѣтъ отъ московскихъ дипломатовъ: «Того себѣ въ мысляхъ не держите, чтобы государю нашему прародительскіе старинные обычаи порушить, грамоты перемирныя переиначить; Густавъ король такимъ же гордостнымъ обычаемъ, какъ и государь вашъ теперь съ молодости помыслилъ, захотѣлъ было того же, чтобы ему ссылаться съ государемъ нашимъ, и за эту гордость свою сколько невинной крови людей своихъ пролилъ и сколько землѣ своей запустѣнья причинилъ? Да то былъ человѣкъ разумный: грѣхомъ проступилъ, и за свою проступку великими своими и разумными людьми могъ и челомъ добить; а вашего разума разсудить не можетъ: съ чего это вы такую высость начали?... Намъ кажется, что или король у васъ очень молодъ, или старые люди всѣ извелись, и совѣтуется онъ съ молодыми: по такому совѣту такія и слова» (см. Соловьева VI, 244).

Іоаннъ, однако же, не хотѣлъ порывать съ Эрикомъ, чтобы не имѣть сразу двухъ враговъ въ Ливоніи: шведовъ и поляковъ, потому и рѣшилъ: перемиріе, заключенное съ Густавомъ, подтвердить до 1563 г., не упоминая вовсе о Ревелѣ, но и не нарушая старины. Для подтвержденія перемирія отправили въ Швецію пословъ отъ имени новгородскихъ намѣстниковъ. Московскихъ пословъ, по наговору толмача шведскаго посольства, который жаловался королю, что имъ въ Новгородѣ и Москвѣ было большое безчестье, приняли дурно. Послы писали въ Москву: «отъ короля намъ было великое безчестье и убытокъ: въ Выборгѣ насъ рѣчами безчестили и бранили, корму не дали и своихъ запасовъ изъ судовъ взять не дали жъ, весь день сидѣли мы въ заперти, не ѣвши». По пріѣздѣ въ Швецію, отвели имъ комнаты безъ печей и лавокъ, къ королю заставили итти пѣшкомъ; позвавши на обѣдъ, король велѣлъ поставить передъ ними мясныя кушанья въ петровъ постъ, зная, что они у приставовъ брали пищу постную; противъ поклона отъ намѣстниковъ новгородскихъ король съ мѣста не двинулся и шляпы не приподнялъ; три раза пословъ звали къ королю и три раза ворочали съ дороги.

Рюссовъ пишетъ, что перемиріе было очень выгодно московиту: пусть-де шведъ и полякъ дерутся между собою, а когда обезсилятъ и устанутъ, то московитъ кого застанетъ въ мѣшкѣ, того и вытрясетъ оттуда. Это бы непремѣнно и случилось, если бы у Іоанна во 1-хъ была постоянная, хорошо обученная и снаряженная армія, и во 2-хъ, если бы внутреннее положеніе московскаго государства было удовлетворительнѣе тогдашняго положенія. Но въ томъ то и дѣло, что арміи не было, генералами назначались люди изъ боярской думы, не имѣвшіе никакаго понятія о военномъ искуствѣ, а съ

многочисленными необученными ратниками еще нельзя было вытрясти изъ мѣшка ни поляка, ни шведа. Но и это бы еще не бѣда, ибо тогдашнее польское войско было ничѣмъ не лучше московскаго, главною бѣдою было то, что самодержавіе еще не достаточно окрѣпло въ Москвѣ, что бояре еще не забыли ни старины, ни своего происхожденія, ни права отъѣзда. Іоаннъ имѣлъ всѣ причины не довѣрять имъ, и въ то самое время, когда въ Ливоніи являются поляки, шведы, датчане, въ Москвѣ подготовляется опричнина.

3. Переговоры поляковъ съ Ригой, 1561 г.

Въ 1561 году, въ іюнѣ, въ Ригу прибылъ Николай Рацифиль, литовскій князь, называемый въ народѣ Радавиломъ, съ нѣсколькими тысячами лошадей, расположился съ дружелюбными намѣреніями у Риги на келарномъ полѣ (ager cellarii, мѣстность у Риги, находившаяся подъ завѣдываніемъ архіепископскаго келаря) и нѣсколько недѣль спокойно провелъ здѣсь. Причина его прибытія заключалась въ томъ, чтобы отъ имени короля польскаго принять и занять замки и земли, означенные въ договорѣ ливонскаго великаго магистра съ королемъ; а также склонить рижанъ присягнуть королю безо всякихъ условій и замедленій, такъ какъ они отдались подъ защиту короля польскаго. Потому что рижане отдались коронѣ польской и обѣщали полнѣйшее подчиненіе и присягу въ томъ случаѣ, если императоръ и священная римская имперія, которымъ они съ самаго начала были поручены и которымъ подчинялись, совершенно откажутся отъ нихъ. Но въ то время Римская имперія еще не давала своего отказа.

Объ отмѣнѣ этого условія рижанъ, и о томъ чтобы они совершенно отступили отъ Римской имперіи и подчинились только одной коронѣ Польской, и старались въ то время Николай Рацифиль, а впослѣдствіи Коткевицъ (Ходкѣвичъ) и другіе литовскіе и польскіе чины, вели объ этомъ переговоры часто мирно, часто враждебно, но пока еще ничего не добились.

Въ тоже время, когда упомянутый князь Николай Рацифиль стоялъ у Риги, онъ въ августѣ съ большой пышностью и великолѣпіемъ совершилъ въѣздъ въ Ригу; съ нимъ было много людей чужихъ народностей, какъ то: армянъ, турокъ, татаръ, подольцевъ, русскихъ и валлаховъ, а также много нѣмцевъ, поляковъ и литовцевъ; онъ объѣзжалъ съ ними весь городъ, причемъ многія благочестивыя сердца въ Ригѣ, видя столько чужихъ народовъ, каждаго въ особенномъ одѣяніи и вооруженіи и съ особенной музыкой, удивлялись и печалились о томъ, что въ ихъ отечествѣ и на улицахъ христіанскаго города Риги появилось столько необыкновенныхъ, чужихъ и варварскихъ національностей и народовъ. Смотрѣть на эти народы, проѣзжавшіе дружелюбно черезъ городъ Ригу, было для каждаго горемъ и печалью; чтожь бы это былъ за ужасъ и печаль, еслибы они стали враждебно осаждать или управлять христіанскимъ городомъ?

4. Моръ въ Ревелѣ, 1561 г.

Въ августѣ 1561 г въ Ревелѣ умерло болѣе 2000 шведскихъ солдатъ (кнехтовъ) отъ особеннаго мора, который не касался остальныхъ жителей, старыхъ и молодыхъ, и умершіе были похоронены у рыбачьяго дома (Fischermei или mai; maia по эстонски домъ). Сначала это считалось дурнымъ предзнаменованіемъ въ томъ, что шведамъ не будетъ особеннаго счастія въ Ливоніи, такъ какъ моровое повѣтріе поразило только ихъ однихъ, не коснувшись остальныхъ жителей страны или города. Въ тоже время умеръ Лаврентій Флеминкъ (Лорсъ Флеммингъ), шведскій баронъ, первый шведскій губернаторъ въ Ливоніи. Это было начало несчастій шведовъ, которымъ они подверглись изъ за Ливоніи.

5. Падисъ переходитъ къ шведамъ, 1561 г.

Осенью 1561 г. шведы осадили монастырь Падисъ, составлявшій значительный замокъ и сильную крѣпость. И послѣ того какъ шведы только не шутя показались передъ нимъ и не много пострѣляли, орденскій гауптманъ Энгельбрехтъ фонъ деръ Липпе тотчасъ же сдалъ его. Этотъ монастырь на ландтагѣ въ Перновѣ былъ предоставленъ герцогу Магнусу Гольштейнскому; но шведы заняли его и нѣсколько времени оспоривали его у герцога Магнуса и магистра.

6. Какъ король Эрикъ раздражилъ любекцевъ, 1562 г.

Въ 1562 г., послѣ Тройцы, король шведскій со своими кораблями и галерами велѣлъ взять цѣлый флотъ любекскихъ кораблей, пришедшихъ изъ Нарвы и нагруженныхъ всевозможными товарами; изъ нихъ нѣкоторые были отведены въ Ревель, другіе же въ Швецію и проданы тамъ. Любекцы черезъ своихъ пословъ потребовали назадъ эти корабли и товары, на что получили слѣдующій отвѣтъ отъ короля Онъ, король, взялъ Ревель подъ свое покровительство и обѣщалъ ревельцамъ сохранять всѣ ихъ старыя привиллегіи. Нагрузка и выгрузка кораблей составляетъ одну изъ важнѣйшихъ привиллегій, которою всегда пользовался Ревель, но не Нарва. Поэтому онъ, король, думаетъ и впредь удержать эту привиллегію за Ревелемъ и совершенно прекратить плаваніе къ Нарвѣ. Любчане такимъ образомъ ни съ чѣмъ уѣхали домой и съ огорченіемъ увидѣли, что изъ этого возникнутъ большія замѣшательства.

7 Нарвовъ и Виттенштейнъ переходятъ къ шведамъ, 1562 г.

Въ 1562 г., около Тройцы, Клаусъ Христіерзенъ (Горнъ), шведскій военный начальникъ, съ большимъ войскомъ изъ всадниковъ и кнехтовъ (жолнѣровъ), съ картаунами и шлангами (пушками)

осадилъ Парновъ (Перновъ), построилъ шанцы и обстрѣливалъ его. Наконецъ, парновцы, не имѣя хорошихъ укрѣпленій и не надѣясь ни на какую помощь, сдались королю шведскому, съ удержаніемъ своихъ правъ и привиллегій. Когда же парновцы перешли къ шведамъ, король снабдилъ ихъ прекрасными боевыми орудіями, порохомъ и свинцомъ и милостиво подарилъ имъ десять тысячъ рижскихъ марокъ.

Въ 1562 г осенью Клаусъ Христіерзенъ осадилъ также со своимъ войскомъ замокъ Виттенштейнъ, обвелъ окопами и обстрѣливалъ его. Онъ нѣсколько недѣль стрѣлялъ въ замокъ и взялъ приступомъ одну башню, подъ которой былъ сложенъ порохъ. Шведскіе кнехты думали уже, что игра выиграна, но сложенный порохъ загорѣлся и взорвалъ башню вмѣстѣ съ кнехтами. А когда Іоаннъ Гролль, намѣстникъ, не могъ больше надѣяться ни на помощь ни короля польскаго, ни герцога курляндскаго, и голодъ сталъ также одолѣвать замокъ, то онъ долженъ былъ сдать замокъ коронѣ шведской.

Прим. перев. Перновъ былъ занятъ поляками и сдался Горну 2-го іюня 1562 г. на капитуляцію.

По взятіи Витенштейна (Вейсенштейна), король Эрикъ прислалъ въ награду отличившимся 500 наручней (браслеты) и 50 колецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Сванте Стуре былъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ Эстоніи.

8. Посьщенія Ревеля герцогами Іоанномъ Финляндскимъ и Христофоромъ Мекельнбургскимъ, 1562 г.

Въ 1562 г., въ ноябрѣ, герцогъ Іоаннъ Финляндскій, братъ короля шведскаго, вмѣстѣ съ супругой своей, княгиней Катериной, сестрой Сигизмунда Августа короля польскаго, прибылъ чрезъ Ливонію въ Ревель, отпраздновавъ незадолго передъ тѣмъ свою свадьбу въ Вильдѣ (Вильнѣ), въ Литвѣ. Пробывши нѣсколько дней въ Ревелѣ и отдохнувши, онъ сѣлъ со своей супругой на корабль 4-го декабря и отплылъ въ Або, въ Финляндію. Тою же осенью герцогу были переданы въ Ливоніи замки Гельмеде, Каркъсъ, Эрмисъ и многіе другіе, обѣщанные ему въ приданое королемъ польскимъ; управляющимъ этими замками (намѣстникомъ) герцогъ Іоаннъ поставилъ нѣкоего графа фонъ Арца.

Въ 1562 г., наканунѣ Рождества, въ Ревель прибылъ изъ Стокгольма герцогъ Христофоръ Мекельнборгскій и не подалъ виду, что онъ князь, а отправился на постоялый дворъ къ простымъ бюргерамъ и остановился тамъ со своими слугами. Но наконецъ, когда недолго можно было скрывать это, его съ почестями перевели въ княжескую гостинницу и угощали его, какъ подобало князю.

Прим. перев. О герцогѣ Іоаннѣ и его супругѣ Екатеринѣ не излишне упомянуть подробнѣе.

Король польскій Сигизмундъ-Августъ стремился овладѣть всею Ливоніею, но къ тому же стремились и Эрикъ и Іоаннъ Грозный. Московскій царь все свое вниманіе обратилъ на Литву и еще въ 1561 г. думалъ рѣшить дѣло мирнымъ образомъ, именно, посредствомъ женитьбы своей на одной изъ сестеръ королевскихъ (первая супруга Іоанна — Анастасія Романовна урожд. Захарьина-Юрьева ум. 7-го августа 1560 г.). Царь расчитывалъ этимъ бракосочетаніемъ достигнуть двухъ цѣлей: притти къ мирному соглашенію относительно Ливоніи и соединить Москву съ Литвою, ибо бездѣтнымъ Сигизмундомъ Августомъ прекращался домъ Ягеллоновъ въ Литвѣ и сестра послѣдняго изъ Ягеллоновъ перенесла бы въ Москву права свои на это государство (о Польшѣ Іоаннъ и не заботился и не думалъ вовсе, такъ какъ претендовалъ на западно русскія земли, а вовсе не на польскія). Онъ спросилъ у митрополита, можно ли ему жениться на королевской сестрѣ при извѣстной степени свойства между ними, вслѣдствіе брака тетки его Елены съ невѣстинымъ дядею Александромъ? Митрополитъ отвѣчалъ, что можно. Тогда изъ Москвы отправили въ Вильну Ѳедора Сукина сдѣлать предложеніе о бракѣ, при чемъ переходъ въ православіе королевны былъ поставленъ непремѣннымъ условіемъ брака. Сукину было наказано: ѣдучи дорогою до Вильны разузнать накрѣпко про сестеръ королевскихъ, сколько имъ лѣтъ, каковы ростомъ, какъ тѣльны, какова которая обычаемъ, и которая лучше. Которая лучше, старшая Анна или младшая Екатерина, о той и говорить королю. Сукинъ допытался, что младшая королевна Екатерина лучше, и потому сдѣлалъ королю предложеніе выдать ее за царя. Сигизмундъ былъ не прочь выдать дочь свою за царя, но въ томъ лишь случаѣ, еслибъ бракъ этотъ доставилъ ему выгодный миръ. Королевскій посолъ Шимкевичъ пріѣхалъ въ Москву съ требованіемъ, чтобъ прежде дѣла о сватовствѣ заключенъ былъ миръ, для переговоровъ о которомъ вельможи съ обѣихъ сторонъ должны съѣхаться на границы, и до этого съѣзда Ливоніи не воевать. Въ Москвѣ ни за что не хотѣли нарушать старинныхъ обычаевъ, требовавшихъ, чтобы мирные переговоры велись въ Москвѣ. Шимкевичу отказали и дѣло о сватовствѣ кончилось ни чѣмъ. 21-го августа 1561 г. царь вступилъ во второй бракъ съ дочерью одного черкесскаго владѣтеля Темгрюка, въ крещеніи нарѣченной Маріею. Тогда же начались и военныя дѣйствія въ Ливоніи. Литовскій гетманъ Радзивилъ въ сентябрѣ 1561 г взялъ Тарвастъ, послѣ пятинедѣльной осады. Князья Василій Глинскій и Петръ Серебряный пошли на Радзивила, разбили его близъ Пернова и разорили до основанія покинутый литовцами Тарвастъ.

Весь 1562 г. прошелъ въ мелкой войнѣ. Литовцы приступали къ Опочкѣ, къ Невлю. Князь Курбскій выжегъ предмѣстья Витебска, другіе русскіе отряды ходили къ Оршѣ, Шклову Воюющія стороны вездѣ жгли и страшно грабили.

Послѣ разстроившагося сватовства царя на младшей сестрѣ Сигизмунда, къ ней посватался герцогъ финляндскій Іоаннъ, братъ короля Эрика. Эрикъ согласился на бракъ, но съ условіемъ, чтобы поляки очистили Ливонію. Само собою разумѣется, что поляки и не думали исполнить такое условіе, ибо Кетлеръ сдался не шведскому, а польскому королю. Военныя дѣйствія между шведами и поляками не замедлили начаться. Герцогъ Іоаннъ, жившій съ братомъ не въ особенныхъ ладахъ, лѣтомъ 1562 г. поѣхалъ въ Польшу, чтобы тамъ вступить въ бракъ съ Екатериною. Король Эрикъ потребовалъ, чтобы онъ возвратился назадъ, но герцогъ не послушался: продолжалъ путь, изъ Гданска прибылъ въ Ковну, гдѣ происходило обрученіе, а потомъ въ Вильну, гдѣ 4-го октября 1562 г. и совершилось бракосочетаніе.

Герцогъ Іоаннъ предъ свадьбою далъ въ займы Сигизмунду 80,000 талеровъ. Частію въ обезпеченіе этого долга, а частію въ видѣ приданнаго, Сигизмундъ предоставилъ герцогу ливонскіе замки: Вейсенштейнъ (въ это время уже взятый шведами), Гельметъ, Каркусъ, Руенъ, Буртнекъ, Трикатенъ и Эрмесъ. Послѣ свадьбы, герцогъ съ женою поѣхалъ обратно въ Финляндію чрезъ Ригу, Перновъ и Ревель. Въ Ригу герцогъ, по королевскому приказу, не долженъ былъ въѣзжать, а остановиться внѣ города. Герцогская свита была худо принята въ Перновѣ, а въ Ревелѣ графъ Сванте Стуре объявилъ герцогу неудовольствіе короля. Четыре дня провела герцогская чета въ Ревелѣ весьма непріятнымъ образомъ, терпя даже недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. 4-го декабря герцогъ съ женою отплылъ въ Финляндію.

Герцогъ Христоферъ Мекленбургскій, о которомъ упоминаетъ здѣсь Рюссовъ, это коадъюторъ рижскаго архіепископа Вильгельма. Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовалъ противъ передачи Ливоніи польской коронѣ. Еще въ іюлѣ 1561 г. онъ отправился къ римскому императору, но помощи никакой не получилъ. Изъ Германіи онъ поѣхалъ въ Стокгольмъ къ королю Эрику и здѣсь вступилъ въ бракъ съ его меньшею сестрою. Получивъ въ Стокгольмѣ невѣрное извѣстіе о смерти рижскаго архіепископа, герцогъ Христоферъ, поручивъ королю покровительство надъ рижскимъ архіепископствомъ, поспѣшилъ въ Ревель, куда и прибылъ 24-го декабря 1562 г. Послѣ Рождества, онъ съ небольшою свитою отправился въ Трейденъ, гдѣ и засталъ архіепископа уже на смертномъ одрѣ, но, однакоже, не посѣтилъ его.

Архіепископъ Вильгельмъ умеръ 4-го февраля 1563 г.

9. Русскіе отнимаютъ у поляковъ Полоцкъ, 1563 г.

Въ февралѣ 1563 г московитъ отнялъ у поляковъ отличный торговый городъ Полоцкъ; къ этому городу московитъ собралъ чрезвычайно много народу и боевыхъ снарядовъ и до тѣхъ поръ обстрѣливалъ городъ, пока, наконецъ, овладѣлъ имъ. Этотъ убытокъ московитъ нанесъ королю польскому въ то время, когда послѣдній совѣщался съ польскими и литовскими чинами на государственномъ сеймѣ въ Петрковѣ. Эту потерю наслѣдственныхъ земель и городовъ король польскій долженъ былъ претерпѣть изъ за принятой Ливоніи; потому что, принявъ Ливонію, онъ долженъ былъ также дѣлить и переносить ея наказанія и муки.

Прим. перев. Весь 1562 г. прошелъ въ опустошительныхъ набѣгахъ литовцевъ и русскихъ. но сношенія между московскимъ и виленскимъ дворами не прерывались. Сигизмундъ не имѣлъ средствъ вести войну съ Москвою, потому старался затянуть время переговорами и побудить крымскаго хана подняться на Москву. Паны литовскіе, по старому обычаю, писали къ митрополиту и боярамъ, чтобы они склоняли государя къ миру и къ уступкѣ Ливоніи. Іоанну были извѣстны происки короля у хана, онъ хорошо понималъ, что рѣчами и переговорами не достигнешь никакихъ результатовъ, потому и рѣшился нанести ударъ литовцамъ на пунктъ особенно важный по отношенію къ Ливоніи. Пунктомъ этимъ былъ Полоцкъ, городъ важный по своему положенію на Двинѣ и своею торговлею съ Ригою.

Въ началѣ зимы 1562 г. московское ополченіе собралось въ Можайскѣ. 23-го декабря самъ Іоаннъ прибылъ къ войску съ княземъ Владиміромъ

Андреевичемъ, царями и царевичами казанскими и многочисленною свитою. Ополченіе состояло, какъ увѣряютъ, изъ 280,000 человѣкъ съ 200 орудій. Это необыкновенное по численности ополченіе вступило въ Литву столь внезапно, что Сигизмундъ, находившійся въ это время въ Польшѣ (въ Петрковѣ), не хотѣлъ вѣрить первой о томъ вѣсти. 31-го января 1563 г. Іоаннъ уже сталъ подъ Полоцкомъ, 7-го февраля взятъ былъ острогъ, а 15-го февраля, послѣ того какъ 300 сажень стѣны было выжжено, городъ сдался. Гетманъ Радзивиллъ спѣшилъ на помощь осажденнымъ, но встрѣченный московскими воеводами князьями Репнинымъ и Палицкимъ, не отважился на битву и не помогъ городу. Воевода полоцкій Довойна и епископъ были отосланы въ Москву, казенное имущество и имѣнія пановъ и купцовъ были конфискованы; іудеевъ потопили въ Двинѣ, но наемныхъ королевскихъ солдатъ отпустили на волю.

Іоаннъ праздновалъ взятіе Полоцка какъ блистательную побѣду, и 21-го марта возвратился въ Москву также торжественно, какъ изъ подъ Казани. Московское войско изъ подъ Полоцка направилось на Вильну и въ Самогитію. Королевская рада, находясь въ крайности, прислала къ боярамъ просить, чтобы московскія войска удержались отъ дальнѣйшихъ непріятельскихъ дѣйствій, что послы литовскіе будутъ въ Москвѣ къ успеньеву дню. Іоаннъ далъ перемиріе до 15-го августа и потомъ продлилъ срокъ до 6-го декабря того же 1563 г.

10. Швеція запуталась во многія войны. Плѣненіе герцога Іоанна, 1563 г.

Лѣтомъ 1563 г началась продолжительная война между королями Фредерикомъ II датскимъ и Эрикомъ XIV шведскимъ, а также и съ любекцами, приверженцами короля датскаго, а также война съ поляками, а послѣ и московитская война съ королевствомъ Швеціей и съ принадлежащими къ королевству землями въ Ливоніи; всѣ эти государи воевали съ королевствомъ шведскимъ почти восемь лѣтъ безо всякихъ перемирій.

Въ началѣ этой войны, въ 1563 г, королъ Эрикъ шведскій велѣлъ своимъ солдатамъ взять въ плѣнъ его брата, герцога Іоанна, вмѣстѣ съ супругой и изъ Або привезти плѣннаго въ Стокгольмъ, гдѣ надъ скромнымъ невиннымъ княземъ всѣ смѣялись и издѣвались по своему неразумію. Затѣмъ Юргенъ Персенъ, легковѣрный совѣтникъ короля, предалъ герцога городскому суду въ Стокгольмѣ, и, избравъ въ составъ суда людей пристрастныхъ по своему произволу, онъ очень строго обвинилъ достопочтеннаго князя въ разныхъ неосновательныхъ и вымышленныхъ вещахъ, но передъ правомъ ничего не могъ сдѣлать ему Затѣмъ, однако, силой и безъ суда онъ съ королевскаго согласія отвелъ герцога въ тюрьму и усердно совѣтовалъ королю лишить его жизни. Благочестиваго князя и его супругу совершенно невинно заточили въ тюрьму Люди же герцога изъ шведовъ, находившіеся съ нимъ въ замкѣ Або, всѣ были также привезены въ Стокгольмъ и тамъ, совершенно невинные, были обезглавлены и

колесованы. Нѣмцы же, служившіе герцогу, дворяне и не дворяне, были пощажены отъ смерти, но жестоко наказаны; между ними былъ также и Христоферъ, баронъ Таутенбургскій.

Причины, почему такъ поступили съ герцогомъ и его слугами, были слѣдующія именно въ то время, когда король Эрикъ началъ открытую войну съ датчанами и поляками и эти государи составили союзъ противъ короля Эрика и королевства Швеціи, и герцогъ Іоаннъ въ то же время, когда состоялся этотъ союзъ между Даніей и Польшей, женился на сестрѣ короля польскаго, то его заподозрили у короля шведскаго, будто онъ заключилъ союзъ и ведетъ переговоры съ королемъ польскимъ, своимъ тестемъ, противъ королевства Швеціи. Еще болѣе усилило подозрѣніе то, что герцога Іоанна, наслѣднаго принца и ближайшаго королевскаго родственника Швеціи, пропустили изъ непріятельскихъ странъ свободно и безъ всякихъ задержекъ. Но благочестивый герцогъ Іоаннъ былъ неповиненъ во всемъ этомъ и ему приписали это безо всякаго основанія и справедливости.

Прим. перев. Принятіемъ Ревеля въ шведское подданство, король Эрикъ втянулся въ войну съ Польшею, не замедлилъ втянуться въ войну съ Даніею и Любекомъ. Причиною войны съ Любекомъ былъ захватъ любекскихъ кораблей, шедшихъ изъ Нарвы (см. выше стр. 137). Любчане утверждали, что имѣютъ старинную привиллегію торговать съ русскими, даже и во время войны ихъ съ ливонцами, и съ жалобою на Эрика обратились къ императору. Эрикъ писалъ императору 5-го марта 1563 г., что, по старинному обычаю, любчане могутъ торговать лишь въ Ревелѣ и Выборгѣ, а не въ Нарвѣ, и что на захваченныхъ любекскихъ корабляхъ везлись военные снаряды для русскихъ. Сигизмундъ-Августъ, пользуясь такимъ замѣшательствомъ, предложилъ 9-го апрѣля любчанамъ свой союзъ, чтобы не дозволять шведамъ господствовать на Балтійскомъ морѣ. Въ послѣднихъ числахъ іюля 1563 г любчане объявили войну шведамъ, и въ то же самое почти время объявилъ шведамъ войну и датскій король подъ тѣмъ предлогомъ, что король Эрикъ въ свой гербъ помѣстилъ датскую и норвежскую короны и захватилъ часть датскаго флота во время спора, возникшаго между шведскимъ и датскимъ флотомъ изъ за салютаціи. Войну съ любчанами и датчанами шведы вели въ теченіе семи лѣтъ вообще побѣдоносно, хоть войною и страшно истощили свою страну

Подозрительный Эрикъ, подобно Іоанну, недовѣрялъ своимъ вельможамъ, не довѣрялъ и своимъ братьямъ, въ особенности Іоанну, герцогу Финляндскому, послѣ того какъ онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Сигизмунда, съ которымъ Швеція вела войну. Условій брачнаго договора Эрикъ не зналъ, но разсказывали, что герцогъ этимъ договоромъ обѣщалъ вести себя какъ свободный и независимый государь. Эрикъ въ началѣ 1563 г потребовалъ отъ Іоанна отдать Швеціи всѣ ливонскіе замки, полученные послѣднимъ въ заставное владѣніе отъ польскаго короля, чтобы эти замки не достались русскимъ, и финляндскому дворянству двинуться въ Ливонію противъ поляковъ. Іоаннъ, не исполняя королевскаго повелѣнія, заключилъ въ тюрьму королевскихъ посланцевъ, призвалъ финновъ къ оружію, потребовалъ отъ нихъ присяги себѣ, какъ отдѣльному владѣльцу, и обратился съ просьбою о помощи въ Польшу и Пруссію, слѣд. не былъ такъ невиновенъ, какъ пишетъ Рюссовъ. Шведскіе государственные чины приговорили герцога Іоанна къ смерти, а

король Эрикъ послалъ войско къ Або взять осужденнаго. Герцогъ былъ осажденъ въ Або и, не получая ни откуда помощи, послѣ двухъ-мѣсячной осады, сдался, былъ отвезенъ въ Швецію и заключенъ въ Грипсгольмскомъ замкѣ вмѣстѣ съ женою, которая отказалась разлучиться съ нимъ. Эрикъ не казнилъ брата, вопреки совѣту Персона, и все колебался между страхомъ и раскаяніемъ: удалился отъ вельможъ, сдѣлался мрачнымъ, суровымъ, наконецъ впалъ въ сумашествіе и бѣшенство.

11. Плѣнъ герцога Христофора, 1563 г.

Въ 1563 г., послѣ дня св. Іакова, герцогъ Христоферъ Мекельнборгскій, ставшій на сторону короля шведскаго Эрика, съ нѣсколькими знаменами (отрядами) нѣмецкихъ гофлейтовъ (солдатъ), присланныхъ королемъ шведскимъ, двинулся въ рижское архіепископство, чтобы занять его, полагая, что имѣлъ на то право, будучи коадъюторомъ; но ему не посчастливилось. Герцогъ курляндскій взялъ его въ плѣнъ въ замкѣ Даленѣ и отправилъ въ Польшу, гдѣ его держали въ плѣну болѣе пяти лѣтъ.

Прим. перевод. Было уже сказано (см. выше стр. 140), что рижскій архіепископъ Вильгельмъ умеръ 4-го февраля 1563 г. Литовскіе чины предложили 15-го февраля рижскому магистрату не впускать въ городъ архіепископскаго коадъютора, герцога Христофора, такъ какъ онъ королю не присягалъ и потому не можетъ занять архіепископской каѳедры. Кетлеръ, какъ администраторъ Ливоніи, согласно королевскаго полномочія, не замедлилъ овладѣть всѣми архіепископскими замками и имѣніями и управленіе ими поручилъ архіепископскому совѣтнику Генриху Тизенгаузену; замки же коадъютора поручилъ надзору бывшаго орденскаго рыцаря Каспара Ольденбокума. Коадъюторъ желалъ овладѣть архіепископствомъ силою, разсказываютъ, что за столомъ у себя умертвилъ кинжаломъ польскаго офицера Станислава Васковича, и былъ 31-го іюля 1563 г. осажденъ въ Даленѣ. По истеченіи 3-хъ дней, онъ сдался, былъ отвезенъ въ Ригу и отсюда препровожденъ въ Польшу, гдѣ и пробылъ въ плѣну до 1569 г.

12. Какъ Карксъ и Габсель переходятъ къ шведамъ, 1563 г.

Въ то же время король Эрикъ велѣлъ напасть и взять замокъ Карксъ, одинъ изъ замковъ, полученныхъ герцогомъ Іоанномъ Финляндскимъ отъ короля польскаго въ залогъ приданнаго и занятыхъ денегъ; Эрикъ не далъ знать о томъ ни королю польскому, ни своему брату, герцогу Іоанну, но овладѣлъ этимъ замкомъ для себя и для короны шведской.

28-го іюля 1563 г шведы осадили замокъ Габсель (Гапсаль), принадлежавшій герцогу Магнусу, брату короля датскаго. Послѣ 10-ти дневной осады и обстрѣливанія замка габсельцы, не надѣясь ни на какую помощь, сдались всѣ шведамъ, 7-го августа, а именно: капитулъ, магистратъ, рыцарство и бюргеры со многими условіями и исключеніями. Когда шведы захватили и завоевали замокъ габсельскій, то ограбили соборъ, увезли всѣ церковныя облаченія и драго-

цѣнности, дарохранительницы и чаши; сняли колокола съ колокольни, привезли ихъ въ Ревель и отлили изъ нихъ большія орудія. Они отпустили канониковъ итти, куда хотятъ, заняли ихъ дворы и поселили въ нихъ ратниковъ. Въ то же время нѣмецкіе и шведскіе солдаты такъ жестоко опустошили страну вокругъ Габселя и весь Викъ, что нѣкоторые бѣдные крестьяне сами должны были впрягаться въ плуги, а жены ихъ править, такъ какъ всѣ волы и лошади были у нихъ уведены. И хотя достопочтенный ревельскій магистратъ, а также старшины и вся община города Ревеля усердно просили графа Шванто (графа Сванте Стуре), губернатора, не разорять страны, такъ какъ городъ Ревель получалъ много съѣстныхъ припасовъ изъ той мѣстности, къ тому же при войнѣ обоихъ королей, шведскаго и датскаго, земля и безъ того достанется тому, кто одержитъ верхъ — однако всѣ просьбы были напрасны.

Прим. перев. Было сказано выше (стр. 142), что король Эрикъ потребовалъ отъ герцога Финляндскаго передать шведамъ всѣ ливонскіе замки, полученные послѣднимъ отъ короля Сигизмунда въ заставное владѣніе. Герцогъ не исполнилъ требованія, потому Эрикъ и велѣлъ занять Каркусъ открытою силою.

Нападеніе на Гапсаль произошло, когда король датскій объявилъ войну шведамъ (см. выше, стр. 142). Шведы ограбили гапсальскій соборъ потому, что городъ Гапсаль оставался еще католическимъ. Викъ былъ разоренъ и обращенъ въ пустыню, чтобы затруднить королю польскому вторженіе въ Эстонію.

13. Какъ поляки побѣдоносно вторглись въ Эстонію и освободили отъ осады замокъ Лоде, 1563 г.

Въ то же время король польскій вооружился противъ Эрика, короля шведскаго, и собралъ значительное число нѣмецкихъ и польскихъ ратниковъ, ученье которыхъ производилъ въ Каунѣ (Ковнѣ), въ Литвѣ, маркграфъ Альбрехтъ, герцогъ прусскій. Между ратниками много было знатныхъ господъ и помѣщиковъ (юнкеровъ). Шведы получили извѣстіе объ этомъ сборѣ войска, потому поспѣшили съ орудіями вытти изъ Габселя къ Ревелю. Войско поляковъ замѣшкалось, тогда шведы ободрились, и съ шестью картаунами и нѣсколькими полевыми шлангами (пушками) двинулись опять въ походъ съ намѣреніемъ осадить замокъ Лоде. Но когда они отошли на три мили отъ города, то на нихъ напалъ такой страхъ, что они должны были вернуться назадъ въ Ревель со своими орудіями. Прибывши въ Ревель, они поставили орудія передъ замкомъ на Тенніесбергѣ (гора св. Антонія) до дальнѣйшихъ вѣстей. Когда же долго нельзя было навѣрное узнать, куда направится польское войско, безъ сомнѣнія знавшее, что шведы хотѣли пойти съ орудіями на Лоде, то шведы оставались на мѣстѣ и охраняли орудія. Наконецъ шведы неустрашимо и поспѣшно вышли въ походъ съ орудіями, осадили замокъ

Лоде, окопали и обстрѣливали его. Они пробыли у замка около недѣли, тутъ подошли поляки и шведы начали терять мужество. Шведы побросали орудія и бѣжали, а поляки овладѣли пушками (4 монаха, одна собака и одна пѣвица — такъ назывались пушки), изъ которыхъ нѣкоторыя были повреждены, а другія цѣлы, и увезли ихъ въ Ригу

Такъ жители Лоде избавились отъ осады, а шведы лишились орудій. Если бы шведы были храбрѣе, то никогда не потеряли бы своей артиллеріи, ибо шведскій военный начальникъ, Аке Бентсенъ (Ако Бенгтсонъ) со своими шведами равнялся въ то время въ силѣ герцогу курляндскому съ его польскими отрядами. На сторонѣ шведовъ большая выгода была также въ орудіяхъ, которыхъ не было у поляковъ.. Случилось это въ сентябрѣ 1563 г.

Прим. перев. Собранное королемъ Сигизмундомъ Августомъ въ Ковнѣ войско было ввѣрено начальству Кетлера. Съ этимъ войскомъ Кетлеръ овладѣлъ прежде всего Даленомъ и захватилъ въ плѣнъ коадъютора (см. выше стр. 143). Осада замка Лоде была снята 30-го сентября 1563 г.

14. Какъ русскіе мирно прошли по Эстоніи, 1563 г.

Въ то время, когда польское войско собиралось въ походъ, а шведы были у замка Лоде, значительный отрядъ русскихъ, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, пришелъ въ ту же страну, въ Викъ, на встрѣчу своему посольству, уѣхавшему годъ тому назадъ въ Данію и на возвратномъ пути прибывшему теперь въ Аренсбургъ. Тогда русскіе вели переговоры, какъ со шведами, такъ и поляками безо всякихъ препятствій, и затѣмъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ ихъ большимъ посольствомъ безпрепятственно отпустили во свояси. И такъ оба христіанскіе государя, принявшіе Ливонію подъ защиту отъ московита, боролись теперь другъ съ другомъ, а московитъ прошелъ себѣ невредимо мимо и изподтишка подсмѣивался надъ ними.

Прим. перев. Король датскій Фридрихъ лѣтомъ 1562 г. отправилъ своего гофмейстера Элера Гарденберга со свитою въ Москву для переговоровъ какъ о торговыхъ дѣлахъ, такъ и о земляхъ, отошедшихъ къ Магнусу отъ Ливоніи. Договорная грамота была утверждена 7-го августа 1562 г. По этой грамотѣ московское правительство обѣщало отвести дворы купцамъ датскимъ въ Новгородѣ и Нарвѣ съ условіемъ, чтобы и русскимъ купцамъ были отведены дворы въ Копенгагенѣ и Висби. Царь согласился признать за Магнусомъ Эзель и Викъ, но отвергъ посредничество датчанъ въ дѣлахъ съ Литвою. Для размѣна договорныхъ грамотъ былъ отправленъ въ Данію 18-го августа 1562 г. князь Ант. Мих. Ромодановскій-Ряполовскій и Ив. Мих. Висковатый. Въ 1563 г. они возвращались обратно въ Россію, къ нимъ то на встрѣчу и вышелъ русскій отрядъ, о которомъ упоминаетъ въ этой главѣ Рюссовъ. Въ Псковской лѣтописи подъ 1563 г. сказано: «Пришелъ посолъ отъ датскаго князь Антонъ, да Ив. Мих. Висковатый, къ Пернову и оттоль въ Вельянъ (Феллинъ), да и въ Юрьевъ, да и на Псковъ...

а магистръ нѣмецкой (Кетлеръ), да съ нимъ и литовскіе люди, князь Александръ Полубенской, ходивша на свейскіе люди къ Церновy, и пословъ нашихъ изъ датской земли пропустили къ Вельяну.

Впрочемъ литовскіе люди и не могли задержать посольства, такъ какъ срокъ перемирію съ русскими еще не истекъ (см. выше, стр. 141).

15. *Перемѣнчивая судьба Леаля. Столкновеніе у Парнова, 1563 г.*

Въ то время, когда ожидали польскаго войска и шведы еще стояли у Лоде, герцогъ курляндскій Готтгардъ Кетлеръ послалъ нѣсколькихъ изъ своихъ гофлейтовъ впередъ къ замку Леалю, уже сдавшемуся шведамъ, чтобы напасть и занять его. Когда же герцогскіе гофлейты приблизились, то немедленно въѣхали въ замокъ, и шведы были въ полной увѣренности, что это ихъ собственные гофлейты, посланные вѣроятно за чѣмъ нибудь изъ замка Лоде. Но къ своему неудовольствію они скоро замѣтили, чьи это были гофлейты. Такъ былъ захваченъ тогда замокъ Леаль.

Когда же бывшій магистръ, нынѣ герцогъ курляндскій, овладѣлъ замкомъ Леалемъ, а послѣдній лежалъ слишкомъ далеко отъ его земель и не былъ особенно хорошей крѣпостью, и такъ какъ зима заставляла его уходить съ войскомъ, то онъ написалъ дворянамъ, изгнаннымъ изъ Вика и жившимъ на Эзелѣ, чтобы они пріѣхали съ Эзеля и снова заняли замокъ своего господина герцога Магнуса, что тѣ и сдѣлали. Но послѣ того какъ магистръ ушелъ, шведы снова подошли къ Леалю, взяли въ плѣнъ всѣхъ дворянъ въ замкѣ и отправили ихъ въ Швецію, а именно: Дидерика Фаренсбека фонъ Геймера, Клауса Адеркаса, Отто фонъ Гильзена, Гинриха Ливе, Рейнольда Геркеля, Юргена Укселя фонъ Копфера, Іоанна Фаренсбека фонъ Уденкуля и Іакова Титфера, которые всѣ узнали въ Швеціи, что такое значитъ несчастіе, чего раньше имъ не приходилось испытывать.

Когда герцогъ курляндскій долженъ былъ проходить мимо Парнова со своими людьми, то нѣкоторые шведскіе кнехты изъ Парнова попрятались въ чащѣ и кустарникахъ, чтобы подстеречь непріятелей. Вотъ мимо ѣдетъ впереди другихъ съ нѣсколькими людьми Гинрихъ, бургграфъ Донъ (von Dohn), и не думаетъ о томъ, что шведы могутъ залечь въ кустахъ, и былъ застрѣленъ здѣсь изъ-за куста однимъ шведскимъ кнехтомъ. Его привезли въ Ригу и тамъ похоронили. А герцогъ курляндскій и всѣ воины гораздо охотнѣе потеряли бы все пріобрѣтенное при Лоде, чѣмъ лишиться такого господина, какимъ былъ фонъ Донъ.

Прим. перев. Для объясненія какимъ образомъ шведы приняли герцогскихъ гофлейтовъ за своихъ собственныхъ и тѣмъ допустили ихъ овладѣть замкомъ Леалемъ необходимо вспомнить слѣдующее.

По упраздненіи 4-го марта 1562 г. ливонской отрасли тевтонскаго ордена, много орденскихъ рыцарей (орденское рыцарство отнюдь не слѣдуетъ

смѣшивать съ рыцарствомъ земскимъ т. е. вассалами, составившими дворянское сословіе) осталось безъ всякихъ средствъ къ жизни, но безъ куска хлѣба осталось и много земскихъ ливонскихъ рыцарей (вассаловъ, дворянъ), лишившихся своихъ усадебъ, дворовъ и всего имущества во время чрезвычайно опустошительныхъ походовъ войскъ Іоанна Грознаго съ 1558 г. Всѣмъ этимъ бездомнымъ и неимущимъ людямъ приходилось или вступать въ военную службу къ какому нибудь государю или искать другихъ средствъ къ жизни. Но орденскіе, какъ и земскіе рыцари никакими ремеслами и промыслами не занимались, торговли не вели, знали только военное ремесло. Имъ ничего не оставалось дѣлать, какъ воспользоваться именно этимъ своимъ знаніемъ и жить войною, которая очевидно обращалась во всеобщую и притомъ такую, какой и конца не предвидѣлось, ибо съ 1562 г. московиту, какъ тогда называли совершенно вѣрно людей московскаго государства, приходилось воевать съ Литвою и Швеціею: Швеціи приходилось воевать съ Польшею, Москвою, Даніею и Любекомъ; Польша втягивалась въ войну съ Москвою и Швеціею. Такъ и сдѣлалось. Бывшіе орденскіе рыцари, оставшіеся бездомными, соединились съ разоренными рыцарями, составили военный отрядъ, выбрали между собою офицеровъ и предложили свои услуги шведскому королю. Король Эрикъ принялъ этотъ отрядъ въ шведскую службу, — подъ именемъ ливонскихъ гофлейтовъ (слово Hofleute означало конныхъ ратниковъ, кавалеристовъ). Они пробыли въ шведской службѣ лишь нѣсколько мѣсяцевъ, и когда Кетлеръ съ польскимъ войскомъ двинулся изъ подъ Ковны въ Ливонію, ливонскіе гофлейты отказались отъ шведской службы и пристали частію къ Кетлеру, а частію появились въ Перновѣ. Главнымъ начальникомъ ливонскихъ гофлейтовъ былъ въ это время Каспаръ фонъ Ольденбокумъ (кажется тотъ самый, которому Кетлеръ поручилъ завѣдываніе имѣніями коадъютора, см. выше, страница 143).

Шведы, находившіеся въ Леалѣ, не знали, что ливонскіе гофлейты бросили шведскую службу, потому и впустили ихъ въ замокъ, считая своими, и чрезъ это и потеряли замокъ.

16. Любекскіе корабли взяты, 1563 г.

Въ сентябрѣ 1563 г цѣлый флотъ любекскихъ кораблей плылъ совершенно спокойно къ Нарвѣ. Но на возвратномъ пути они потеряли мужество. Потому что пока они выгружались въ Нарвѣ и опять забирали товары, шведы собрали 12 кораблей, чтобы встрѣтить любекцевъ изъ Нарвы и когда они сошлись подъ высокой землей (т. е. остр. Гохландомъ), то нѣкоторые изъ любекскихъ кораблей были захвачены, но большая часть успѣла спастись и возвратиться снова къ Нарвѣ.

Прим. перев. Любчане находились въ это время въ войнѣ со Швеціею (см. выше, стр. 142).

17 Графъ фонъ Арцъ, 1563 г.

Въ 1563 г., осенью, Іоаннъ, мнимый графъ фонъ Арцъ, управляющій герцога Финлядскаго надъ замками, данными ему въ залогъ въ Ливоніи, обѣщалъ московиту сдать замки Гельмеде, Каркъ, Эрвисъ и многіе другіе и хотѣлъ передать ихъ ему съ условіемъ,

чтобы московитъ далъ ему въ наслѣдственное владѣніе одинъ изъ этихъ замковъ и взялъ его подъ свое покровительство. Кромѣ того, этотъ ложный графъ объявилъ своимъ подчиненнымъ, ничего не знавшихъ о его измѣнѣ, что ихъ господинъ герцогъ Іоаннъ убитъ въ темницѣ въ Швеціи, и хотѣлъ многими льстивыми рѣчами склонить ихъ также къ этому злому дѣлу Но тѣ когда услышали о его зломъ намѣреніи и узнали о прибытіи русскихъ, то его тотчасъ же взяли въ плѣнъ и свезли въ Ригу, гдѣ въ среду передъ Рождествомъ его разорвали желѣзными клещами и колесовали. Не смотря на то у него были хорошія способности и всѣ очень уважали бы его за опытность въ военномъ дѣлѣ, еслибы только онъ смиренно употребилъ съ пользой эти способности. Но такъ какъ онъ самъ хотѣлъ возвестись и выдать себя за того, кѣмъ не былъ, то долженъ былъ пасть и перенести позоръ.

Прим. перев. Графъ фонъ Арцтъ потому вступилъ въ переговоры съ русскими о сдачѣ имъ тѣхъ ливонскихъ замковъ, которые были ввѣрены его управленію Іоанномъ герцогомъ Финляндскимъ. подъ условіемъ полученія одного изъ замковъ, именно Гельмета, въ свое наслѣдственное владѣніе, что узналъ о невозможности получить какое либо родовое графовъ Арцтовъ имѣніе, такъ какъ онъ былъ незаконнорожденнымъ сыномъ одного изъ Арцтовъ.

18. Лоде переходитъ къ шведамъ, 1564 г.

Зимою 1564 г. Гинрихъ Клаусенъ, рыцарь изъ Канкаса, вновь избранный военноначальникъ шведовъ въ Ливоніи, осадилъ замокъ Лоде и послѣ продолжительной осады, безъ орудій, завоевалъ его.

Прим. перев. Гинрихъ Клаусенъ это Генрихъ Классонъ Горнъ; Канкасъ или Конкасъ имѣніе въ Швеціи.

Здѣсь не излишне сказать, что Рюссовъ не упоминаетъ о переговорахъ короля Эрика съ Іоанномъ Грознымъ и о заключеніи семилѣтняго перемирія съ Москвою, а между тѣмъ именно этимъ и объясняется, почему Эстонія была оставлена московскимъ государемъ въ покоѣ на нѣсколько лѣтъ.

Дѣло было вотъ въ чемъ.

Взявъ въ плѣнъ и заключивъ герцога Іоанна Финляндскаго съ женою въ Гринсгольмскій замокъ, король Эрикъ (Ирикъ по русскимъ лѣтописямъ) не могъ не желать сближенія съ царемъ московскимъ по той причинѣ, что ему пришлось воевать одновременно съ Польшею, Даніею и Любекомъ (см. выше, стр. 142). Въ своемъ мѣстѣ (см. выше, стр. 135) было сказано, что вскорѣ по занятіи Ревеля король Эрикъ заключилъ перемиріе съ русскими на два года. Срокъ этому перемирію истекалъ въ 1563 г., потому король и послалъ къ Іоанну гонца (Сеньку Матвѣева, какъ сказано въ Александро-Невской лѣтописи) съ грамотою о продолженіи мира и добраго сосѣдства но только съ царемъ, а не съ новгородскими намѣстниками (короли шведскіе всегда страшно обижались, что московскій государь не допускалъ ихъ до равенства съ собою). Гонецъ пріѣхалъ въ Москву 24-го іюля 1563 г.; царь въ отвѣтъ на письмо велѣлъ «отписати къ Ирику о безлѣпотномъ и неудоб-

ственномъ его писаніи»; въ царской грамотѣ дѣйствительно были «многія странныя и подсмѣятельныя слова на укоризну его, Ирика, безумія, да и то было написано: когда его царское величество будетъ со своего царства дворомъ витати въ свейскихъ островахъ, тогда его королево повелѣніе крѣпко будетъ; а что съ царскимъ величествомъ королю миръ и сусѣдство имати, а не съ царскаго величества намѣстники, и то такъ отъ мѣры отстоитъ, яко же небо отъ земли».

Король Эрикъ не смутился ни укоризною, ни подсмѣятельными словами (до такой степени ему было нужно сближеніе съ Москвою), а прислалъ 23-го февраля 1564 г. въ Москву съ гонцемъ Свеномъ Андрѣевымъ грамоту, въ которой извинялся, что хотѣлъ послать къ царю избраннаго посла, но приспѣла зима, корабельнаго пути не было, потому молитъ царя, чтобъ про то на него кручины не положилъ. Царь кручины не положилъ и когда изъ Швеціи 2-го августа 1564 г. прибыли послы Эриковы: Исакъ Николаевъ, Иванъ Лаврентьевъ, писарь Францъ Ериховъ (такъ они названы въ продолж. Царств. Книги л. 555) «бити челомъ въ Вифляндской земли о перемиріи съ бояриномъ и намѣстникомъ Вифляндскія земли, съ Мих. Яков. Морозовымъ. и которые города король понималъ въ ливонской землѣ: Колывань, Перновъ, Пайду (Вейсенштейнъ). Каркусъ и тѣми бы государь пожаловалъ его Ирика... и царь и великій князь велѣлъ намѣстнику съ Ирикомъ перемиріе взяти на семь лѣтъ, и тѣ городы и съ уѣзды описати за королемъ», но за то Эрикъ долженъ былъ выдать царю свою невѣстку, жену заключеннаго герцога, ту самую, на которой царь сватался года два тому назадъ (см. выше, стр. 139).

Царь, чтобы добыть Екатерину, уступалъ Эрику Эстонію, обѣщался помогать въ войнѣ съ Сигизмундомъ, доставить миръ съ Даніею и ганзейскими городами. Послѣ Іоаннъ оправдывалъ свое желаніе имѣть въ рукахъ Екатерину тѣмъ, что будто бы Эрикъ самъ предложилъ ее выдать, объявивши о смерти мужа ея, что онъ, Іоаннъ, вовсе не хотѣлъ жениться на ней или держать ее наложницею, но хотѣлъ имѣть ее въ своихъ рукахъ въ досаду брату ея, польскому королю, врагу своему, хотѣлъ чрезъ это вынудить у него выгодный для себя миръ (см. Соловьева VI, 275).

13-го марта 1565 г. царь велѣлъ Морозову отпустить въ Швецію посольствомъ Никиту Сущева «перемиріе покрѣпити», а въ апрѣлѣ царь послалъ въ Швецію и другаго посланника Третьяка Андрѣева Пушечникова.

Шведы, однако, Екатерины не выдавали, но и перемиріе не нарушалось.

Московскія войска, занимая дерптское епископство и Нарву, въ теченіе 1563 г. не тревожили шведовъ, съ которыми продолжалось перемиріе, не тревожили и ливонцевъ, такъ какъ, по взятіи Полоцка, съ литовцами было заключено перемиріе до 6-го декабря 1563 г. (см. выше, стр. 141). Но за то въ самой Москвѣ происходили тревоги другаго рода.

Подозрительный Іоаннъ имѣлъ всѣ причины и поводы недовѣрять своимъ боярамъ, недовольнымъ новымъ порядкомъ дѣлъ, утверждавшимся въ московскомъ государствѣ еще съ Іоанна III, недовольнымъ, что московскіе государи становятся въ отношенія къ боярамъ, потомкамъ бывшихъ удѣльныхъ князей, совсѣмъ другія, какія бывали въ старину Главное неудовольствіе князей и потомковъ прежней дружины на новый порядокъ вещей состояло въ томъ, что московскіе государи перестали соблюдать древній обычай ничего не дѣлать безъ совѣта съ дружиною, и притомъ старались всячески стѣснить старинное право отъѣзда бояръ и слугъ вольныхъ, въ силу

котораго бояринъ могъ отъѣхать на службу отъ своего государя къ чужому. Іоаниъ съ малолѣтства былъ озлобленъ на бояръ, и на ихъ стариныя преданія и притязанія смотрѣлъ какъ на несовмѣстныя съ достоинствомъ самодержавнаго государя. Бояре не желали распроститься съ правомъ отъѣзда, Іоаннъ не могъ дозволить, чтобы отъѣзжавшіе дѣйствовали во вредъ московскаго государства. Онъ бралъ съ бояръ клятвенныя записи и поручительства не отъѣзжать; бояре, не смотря на записи, все-таки отъѣзжали, относясь враждебно къ новому порядку вещей. Отсюда возникало раздраженіе, скоро перешедшее въ озлобленіе и цѣлый рядъ жестокихъ казней, въ свою очередь побуждавшихъ бѣжать бояръ изъ Москвы.

Къ самой рѣшительной мѣрѣ противъ бояръ Іоаннъ прибѣгнулъ, когда въ началѣ 1564 г. отъѣхалъ къ польскому государю главнокомандующій въ Ливоніи князь Курбскій.

Еще въ 1560 г. царь удалилъ отъ себя протоіерея Сильвестра и Адашева, — не замедлили и казни. Князь Андрей Мих. Курбскій, потомокъ ярославскихъ князей, державшій сторону бояръ и всецѣло преданный стариннымъ преданіямъ, крайне недовольный стѣсненіемъ права отъѣзда, опасаясь за свою собственную безопасность, въ началѣ 1564 г ночью тайно вышелъ изъ дома въ Дерптѣ, перелѣзъ чрезъ городскую стѣну, нашелъ двухъ осѣдланныхъ, приготовленныхъ заранѣе коней, и благополучно достигъ Вольмара, занятаго литовцами. Литовцы Курбскаго съ радостію приняли къ себѣ въ службу, а тогдашній дерптскій воевода Ѳед. Бутурлинъ немедленно же послалъ въ Москву гонца съ извѣстіемъ объ отъѣздѣ Курбскаго. Курбскій не замедлилъ написать царю о причинахъ своего отъѣзда, царь отвѣтилъ 5-го іюля 1564 г.

Курбскій не былъ простымъ отъѣзжикомъ, оставившимъ отечество изъ страха личной опалы, онъ былъ представителемъ цѣлой стороны, а Іоанну было очень хорошо извѣстна многочисленность этой стороны. Къ чему же служатъ клятвенныя записи, поручительства, какъ удержать вельможъ на службѣ, кого послать къ войскамъ? Можемъ себѣ вообразить настроеніе духа человѣка страстнаго, впечатлительнаго, но и не обузданнаго, какимъ былъ Іоаннъ.

Онъ рѣшился на крайнюю мѣру: 3-го декабря 1564 г. выѣхалъ изъ Москвы въ Александровскую Слободу и оттуда 3-го января 1465 г. прислалъ къ митрополиту списокъ измѣнъ боярскихъ, воеводскихъ и всякихъ приказныхъ людей. Вслѣдъ за тѣмъ явилось извѣстное учрежденіе «опричнины» и начались жестокія казни какъ приверженцевъ Курбскаго, такъ и всѣхъ, казавшихся Іоанну подозрительными. Раздѣленіе государства на опричнину и земщину вело къ большой внутренней неурядицѣ, которая, конечно, не могла способствовать успѣшному ходу государственныхъ дѣлъ.

Въ декабрѣ 1563 г., когда оканчивался срокъ перемирія съ Литвою, въ Москву прибыли литовскіе послы — крайчій Ходкѣвичъ и маршалокъ Воловичъ. Когда начались переговоры о мирѣ, то бояре потребовали Волыни, Подоліи и Галича, но пошли на уступки; послы уступили Москвѣ Полоцкъ, Іоаннъ же, соглашаясь на уступку Польшѣ Курляндіи, означалъ Двину границею между своими и королевскими владѣніями и на этомъ условіи хотѣлъ заключить перемиріе лѣтъ на 10 или на 15.

Дѣло, однако, не уладилось: послы выѣхали изъ Москвы 9-го января 1564 г. и въ январѣ же военныя дѣйствія возобновились. Князь Петръ Ивановичъ Шуйскій, тотъ самый, что взялъ Дерптъ, выступилъ изъ Полоцка, а князья Серебряные-Оболенскіе изъ Вязьмы, чтобы соединиться подъ Оршею и оттуда итти на Минскъ. Воевода троцкій Николай Радзивиллъ — напалъ

на Шуйскаго не далеко отъ Орши на рѣкѣ Улѣ и нанесъ ему рѣшительное пораженіе. Самъ Шуйскій съ двумя князьями Палицкими былъ убитъ, и все войско разсѣялось.

Послѣ оршинскаго пораженія Курбскій и отъѣхалъ къ литовцамъ. Онъ получилъ начальство надъ литовскимъ отрядомъ и началъ дѣйствовать противъ русскихъ. Впрочемъ литовцы ни мало не воспользовались оршанскою побѣдою. Примѣръ Курбскаго не увлекъ другихъ воеводъ, а дѣйствія литовцевъ противъ русскихъ въ Ливоніи не имѣли никакого результата. Князь Александръ Полубенскій, согласно королевскаго повелѣнія, выступилъ къ Дерпту, но потерпѣлъ пораженіе, а дерптскій воевода Бутурлинъ сдѣлалъ набѣгъ на Шмильтенъ, Венденъ, Вольмаръ и Ронебургъ, откуда вывелъ 3200 человѣкъ плѣнныхъ.

Вообще война 1564 г. велась съ перемѣннымъ счастіемъ и не имѣла никакихъ важныхъ послѣдствій.

19. О святомъ четвергѣ у эстовъ.

Въ то же время одинъ безбожный ливонскій крестьянинъ и рабъ выдалъ себя за пророка Божія и пребывалъ въ пустой церкви въ Кюзелѣ, во владѣніяхъ русскихъ, и уговорилъ остальныхъ крестьянъ, чтобы они праздновали не воскресенье, а четвергъ, по той причинѣ, что, однажды, Богъ находился въ великой нуждѣ и просилъ помощи у всѣхъ дней въ недѣлѣ; но ни одинъ день не пришелъ къ нему на помощь кромѣ четверга, поэтому само собой разумѣется, что этотъ день и нужно почитать больше всѣхъ остальныхъ дней; глупые крестьяне вѣрили этому не только въ этомъ одномъ мѣстѣ, но и по всей Эстоніи до сегодняшняго дня. Изъ этого можно заключить, какъ старые ливонскіе правители содержали своихъ бѣдныхъ крестьянъ въ познаніи Бога и Его слова и какъ пасторы обучали крестьянъ основамъ христіанскаго ученія по катехизису и какъ о томъ заботилось начальство. Потому-то Господь Богъ не безъ причины восхотѣлъ, наконецъ, потребовать отчета съ ливонскихъ правителей.

20. Маркграфъ Христоферъ Баденскій въ Ревелѣ, 1564 и 65 г.

Въ декабрѣ 1564 г Христоферъ, маркграфъ Баденскій, со своею супругой госпожей Цециліей, сестрой короля шведскаго, прибылъ изъ Стокгольма въ Ревель; прибывши поздно ночью къ рейду у Ревеля, они причалили къ берегу около рыбачьихъ домовъ и провели ночь у одного рыбака. Но на слѣдующій день ревельцы приняли съ большой пышностью маркграфа съ его супругой. Пробывши въ Ревелѣ и Падесѣ цѣлую зиму, они около масляницы выѣхали черезъ Ливонію назадъ въ свою землю, въ 1565 году

21. Какъ гофлейты напали на Парновъ, 1565 г.

Въ 1565 г., въ ночь съ воскресенья Квазимодогенити на понедѣльникъ (29-го апрѣля), на городъ Парновъ измѣнически напали и заняли его нѣсколько гофлейтовъ, служившихъ прежде королю

шведскому; теперь они отказались отъ службы, но жалованье имъ еще не было вполнѣ уплачено. Эти же гофлейты убили болѣе ста шведовъ безо всякаго человѣческаго милосердія, нѣкоторыхъ закололи и застрѣлили въ постеляхъ съ ихъ женами и дѣтьми, а намѣстника Андреса Персена, одного изъ знатнѣйшихъ шведскихъ дворянъ, взяли въ плѣнъ на Аудорскомъ дворѣ и плѣннаго отвезли въ Польшу. И эта измѣна произошла слѣдующимъ образомъ. Когда уволенные отъ службы гофлейты отправились въ рижское архіепископство, то нѣкоторые изъ нихъ остались еще въ Парновѣ, и уѣхавшіе стали переговариваться съ оставшимися въ Парновѣ, какъ бы напасть врасплохъ на городъ и отнять его у короля шведскаго, и тайно приказали гофлейтамъ, находившимся въ Парновѣ, хорошенько замѣчать, у кого и гдѣ хранятся ключи отъ ближайшихъ воротъ къ замку и не жалѣть трудовъ, чтобы когда нибудь навѣрное можно было получить ключи: тогда они въ опредѣленное время немедленно и навѣрное прибудутъ къ нимъ ночью. Когда измѣнники въ Парновѣ услышали, что ключи хранятся у Клауса Цинте, тамошняго ратмана, и всегда висятъ у его постели, то они устроили у этого же ратмана Клауса Цинте, ничего не знавшаго о ихъ злодѣйствѣ, пиръ въ воскресенье Квазимодогенити на прощаніе передъ отъѣздомъ и пригласили въ гости знатнѣйшихъ парновцевъ и шведскихъ начальниковъ и хорошо угостили ихъ, за что тѣ довольно дорого расплатились своими головами. Когда хозяинъ дома и другіе гости порядочно подкутили, каждый пошелъ въ свою комнату, и легъ въ постель, не подозрѣвая бѣды. Но остальнымъ пировавшимъ іудамъ было не до спанья: они поспѣшили взять ключи, висѣвшіе у постели хозяина, чтобы поскорѣе впустить другихъ гостей и своихъ сотоварищей, которымъ велѣно было явиться сюда этой ночью. Когда ключи были у нихъ въ рукахъ, и явились остальные гофлейты, проѣхавшіе въ это воскресенье 12 миль отъ Салиса до Парнова, то похитители ключей отворили ворота и впустили своихъ друзей. Тогда въ Парновѣ произошла страшная тревога, люди повскакивали съ постелей и не могли понять, что случилось. Тогда чужіе гости кричали всѣмъ нѣмцамъ, чтобы тѣ не безпокоились, что имъ не сдѣлаютъ ничего дурнаго, но шведамъ не будетъ пощады. Когда шведы услышали это, то стали стрѣлять изъ замка изъ большихъ орудій и убили многихъ изъ нихъ вмѣстѣ съ ротмистромъ Кунцемъ Эндскимъ, однимъ изъ Мейссенскихъ дворянъ; къ тому же они, стрѣляя изъ замка въ городъ, зажгли много домовъ, и держались еще въ замкѣ цѣлыхъ шесть недѣль до кануна Тройцы (9-го іюня), и затѣмъ должны были сдаться (Польшѣ), такъ какъ король шведскій былъ въ походѣ противъ Даніи и не могъ помочь имъ. Такимъ образомъ у короля шведскаго былъ отнятъ Парновъ со многими орудіями, привезенными туда изъ Швеціи.

22. Война парновскихъ гофлейтовъ съ шведами изъ Ревеля. Смѣлый поступокъ Гинриха Дюкера. Смерть Каспара Ольденбокема. 1565 г.

Затѣмъ тѣже парновскіе гофлейты подошли къ Ревелю и расположились въ трехъ миляхъ отъ города у Тодвесова моста, обошли окрестныя мѣстности и причинили большой убытокъ; по утрамъ они подходили къ Ревелю и имѣли стычки, пока изъ Швеціи ни прибылъ Андресъ Нильсенъ, шведскій ротмистръ съ 600 гофлейтовъ и съ отрядомъ пѣшихъ ратниковъ. Тогда они снова отступили къ Парнову за помощью и подкрѣпленіемъ.

11-го августа 1565 г предъ полуднемъ эти самые парновскіе гофлейты прибыли снова къ Ревелю и расположились въ дубовомъ лѣсу у верхней мельницы съ 4-мя знаменами (ротами) гофлейтовъ и 27-ю ландскнехтами, чтобы взять голодомъ городъ Ревель. Ротмистрами были Гинрикъ Дюкеръ Ковскій, Киріакъ Гарцскій, Бернтъ Гевеленскій и Фридерикъ Шварцгофъ; здѣсь было также два отряда буршей; начальникомъ этихъ гофлейтовъ былъ Каспаръ Ольденбокемъ. Между сказанными четырьмя знаменами было одно знамя курляндскихъ дворянъ, которыхъ собралъ въ Курляндіи герцогъ Магнусъ Гольштейнскій; въ этихъ знаменахъ вмѣстѣ со знаменемъ буршей было около 1000 всадниковъ. Эта-то тысяча гофлейтовъ и 27 кнехтовъ хотѣла изгнать изъ страны короля шведскаго, осадила поэтому городъ Ревель, въ которомъ было 800 гофлейтовъ изъ нѣмцевъ и шведовъ и три отряда кнехтовъ (пѣшихъ солдатъ) кромѣ всей общины. Когда же прибыли упомянутые гофлейты, то расположились въ дубовомъ лѣсу у верхней мельницы, построили себѣ бараки изъ досокъ, послали себѣ мягкія постели, повѣсили на стѣны оружіе и тотчасъ же начали бить скотъ, будто пріѣхали на ливонскую свадьбу или крестины и хотѣли такимъ образомъ завоевать сильный городъ Ревель, взять который было бы трудно даже могущественному государю со многими тысячами народа. Когда эти гофлейты прибыли въ суботу и очень удобно расположились спать, ихъ въ слѣдующій понедѣльникъ не во время разбудилъ рано утромъ губернаторъ Гинрикъ Клаусенъ, причемъ и шведы потерпѣли не малый убытокъ. Когда же эти парновскіе и курляндскіе гофлейты были отбиты, то шведы начали грабить лагерь и нашли тамъ на стѣнахъ много ружей, кинжаловъ съ серебряными рукоятками, кованое оружіе и разные доспѣхи; поймали много лошадей и кромѣ того нашли большія обозныя курляндскія и латышскія телѣги съ различными съѣстными припасами, и совершенно спокойно начали грабить. Между тѣмъ Гинрикъ Дюкеръ со своимъ знаменемъ (отрядомъ) отдѣляется отъ прочаго войска, рѣшается на смѣлый поступокъ и бросается назадъ къ лагерю, чтобы освободить изъ верхней мельницы 27 человѣкъ ландскнехтовъ. Прибывши въ лагерь и нашедши шведовъ спокойно грабившими, онъ

бросился на нихъ, застрѣлилъ и перебилъ ихъ болѣе ста, затѣмъ съ большой опасностью спасъ кнехтовъ изъ мельницы. Когда же парновскіе и курляндскіе гофлейты сдѣлали все это и уѣхали, то шведскіе ратники снова начали грабежъ лагеря и взяли большую добычу; простымъ рабочимъ было довольно тяжело тащить битыхъ воловъ, барановъ и свиней, которыми хотѣли угощаться прибывшіе; но Гинрикъ Клаусенъ былъ для нихъ злымъ гостемъ, который слишкомъ скоро помѣшалъ ихъ раннему пиру Затѣмъ лошадямъ шведскихъ господъ было довольно работы, чтобы стащить парновскихъ и курляндскихъ гофлейтовъ въ большіе крестьянскіе овраги. Каспара Ольденбокема, ихъ начальника, не было въ то время съ ними: онъ долженъ былъ прибыть въ слѣдующій вторникъ съ 60-ю всадниками.

Послѣ такой побѣды Гинрикъ Клаусенъ не медлилъ, а сейчасъ же выступилъ со своимъ войскомъ въ походъ, чтобы преслѣдовать непріятеля, и сталъ лагеремъ въ деревнѣ Сиппа. Когда прибыли парновцы и не осмѣливались подойти по причинѣ выгодной позиціи, занятой Гинрикомъ Клаусеномъ, то шведы выстрѣлили въ нихъ изъ полеваго орудія, причемъ былъ убитъ только ихъ начальникъ Каспаръ Ольденбокемъ, остальные же пребыли невредимы. Поэтому, когда погибъ предводитель, то и все сборище товарищей должно было разойтись.

23. Гофлейты.

Такъ окончилась эта рыцареподобная война; настоящая причина этой войны была та, что шведскіе правители, какъ новые управляющіе въ домѣ, поставленные Господомъ, начали смѣнять старыхъ домохозяевъ и орденскихъ братьевъ, не умѣвшихъ достойно занимать свои должности, Каспаръ Ольденбокемъ былъ также одинъ изъ старыхъ хозяевъ; когда же онъ былъ смѣщенъ шведами, то захотѣлъ отмстить за свою обиду и силою занять свое прежнее мѣсто. Для этого онъ собралъ отрядъ изъ молодыхъ ливонскихъ дворянъ, изъ нѣсколькихъ бюргерскихъ сыновей изъ Ревеля и другихъ мѣстъ, изъ нѣсколькихъ иностранцевъ и предложилъ имъ защищать старую ливонскую свободу (вѣрнѣе бы онъ сказалъ своеволіе), которою они безусловно пользовались при старыхъ правителяхъ, и выгнать изъ своей земли шведскихъ правителей, которые, какъ настоящіе хозяева, строго взялись за управленіе и присмотръ надо всѣмъ, взять городъ Ревель, подѣлить между собой всѣ помѣстья и управлять ими, какъ то сдѣлали парновскіе гофлейты, нисколько не страшась высшаго начальства. Но не резонъ сажать дураковъ на яйца. они перебьютъ ихъ, какъ то сдѣлали парновскіе гофлейты съ Парновымъ. Потому что парновскіе гофлейты, отнявши Парновъ у короля шведскаго и начавши сами править имъ именемъ короля польскаго и подѣливши между собой

парновскія земли и помѣстья, въ которыхъ они безпечно вели разгульную жизнь и не будучи довольно сильны, чтобы не бояться шведовъ, они привлекли на свою сторону многихъ изъ своихъ сотоварищей изъ молодыхъ ливонскихъ дворянъ и бюргерскихъ сыновей, которые не были расположены къ шведамъ, и воевали съ городомъ Ревелемъ, за то, что тотъ перешелъ къ шведамъ. Тогда они безпрестанно грабили и опустошали Гарріенъ и Викъ и другія мѣстности, разоряли дворы и имѣнья своихъ собственныхъ родныхъ и друзей, преданныхъ королю шведскому, брали въ плѣнъ собственныхъ родныхъ и друзей и привозили ихъ въ Парновъ, гдѣ тѣ должны были платить за себя выкупъ.

Въ то время многіе ливонцы находились въ ослѣпленіи, думая, что если они воюютъ съ городомъ Ревелемъ и опустошаютъ собственное отечество и преслѣдуютъ короля шведскаго, то всѣ ихъ похвалятъ за то, что они не переходятъ къ шведамъ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ, когда московитъ открылъ имъ глаза, perturbatores patriae (возмутители отечества) ясно увидѣли, что они надѣлали.

24. Ненависть къ Ревелю.

Въ то же время не только молодые ливонцы, но и многіе старые изъ города Риги, Курляндіи и Эзеля, а также всѣ сосѣдніе города, сдѣлавшіеся польскими и датскими, питали ужасную вражду и непріязнь къ городу Ревелю за то, что онъ перешелъ къ шведамъ, желали ему за то провалиться сквозь землю, предсказывали ему всякое зло и были въ полной увѣренности, что сами поступили какъ слѣдуетъ и обезпечены отъ всякой опасности; многіе изъ нихъ откровенно писали о себѣ, что они пользуются полнѣйшимъ благополучіемъ подъ защитой короля польскаго и датскаго и желали, чтобы Господь утѣшилъ приверженцевъ шведовъ въ Ревелѣ. Но добрые люди скоро затѣмъ перемѣнили мнѣніе.

25. Несчастіе нѣмцевъ въ Дерптѣ и Виттенштейнѣ, 1565 г.

Въ 1565 г., лѣтомъ, всѣ нѣмцы изъ Дерпта во второй разъ были уведены въ Москву, по той причинѣ, что русскіе, услышавъ какъ городъ Парновъ былъ преданъ хитростью нѣмцевъ, боялись, чтобы имъ нѣмцы не сдѣлали того же и въ Дерптѣ. За этотъ парновскій мятежъ поплатились также и нѣкоторые виттенштейнскіе бюргеры, оказавшіеся передъ тѣмъ подозрительными въ своей преданности къ шведамъ. шведскіе правители прогнали ихъ изъ Виттенштейна.

Прим. перев. Причины вывода изъ Дерпта нѣмецкихъ жителей указаны Рюссовымъ вѣрно. Дерптцевъ переслали въ іюнѣ 1565 г. и гонцу Желвинскому, отправленному въ Литву, было наказано: если спросятъ въ Литвѣ о дерптцахъ, для чего ихъ царь изъ Дерпта велѣлъ перевести въ

московскіе города, то отвѣчать: перевести нѣмцевъ государь велѣлъ для того, что они ссылались съ магистромъ ливонскимъ, велѣли ему притти подъ ихъ городъ со многими людьми и хотѣли государю измѣнить.

Дерптцевъ сослали въ Владиміръ, Угличь, Кострому, Нижній-Новгородъ, съ женами и дѣтьми, но дали пристойное содержаніе и дозволили дерптскому пастору Веттермину свободно ѣздить изъ города въ городъ, гдѣ поселили дерптцевъ. Есть извѣстіе, что царь отмѣнно уважалъ Веттермина и велѣлъ ему разобрать свою библіотеку, въ которой Веттерминъ нашелъ много рѣдкихъ книгъ, привезенныхъ нѣкогда изъ Рима, вѣроятно, царевною Софіею.

Царь вообще старался въ это время привлечь на свою сторону нѣмцевъ; принялъ въ 1567 г. въ русскую службу Эберфельда, Кальба, Таубе, Крузе; дозволилъ даже лютеранамъ имѣть церковь въ Москвѣ (Петрей пишетъ, что деревянная лютеранская церковь была верстахъ въ двухъ отъ Москвы).

26. Счастіе противъ гофлейтовъ, 1565 г.

Осенью 1565 г многіе парновскіе гофлейты, дворяне и не дворяне были застигнуты врасплохъ шведами въ своихъ квартирахъ и съ большимъ тріумфомъ были привезены въ Ревель; между ними нашли нѣсколькихъ присягавшихъ не служить противъ короля шведскаго и не сдержавшихъ слова; изъ нихъ нѣкоторые были помилованы по просьбамъ другихъ, нѣкоторые повѣшены, а двое дворянъ, именно Юргенъ Дуве (Таубе) Гакевейдскій и Отмаръ Роскій (Роопъ) были казнены мечемъ. Около того же времени отрядъ эзельскихъ гофлейтовъ былъ взятъ въ плѣнъ въ Дагеденѣ шведскими кнехтами и съ большой пышностью приведенъ въ Ревель.

27. Шведы у Пярнова и на Эзелѣ. Поляки въ Викѣ, 1566 г.

Зимою 1566 г. Гинрикъ Клаусенъ, рыцарь изъ Конкаса и губернаторъ въ Ливоніи, осадилъ городъ Парновъ и хотѣлъ безъ орудій долговременной осадой попытать здѣсь своего счастія. Пробывши здѣсь цѣлую зиму до половины поста и не сдѣлавши ничего безъ орудій, онъ долженъ былъ отступить, не исполнивъ своего намѣренія, за что поплатились окрестныя парновскія земли. Затѣмъ Гинрикъ Клаусенъ съ войскомъ двинулся къ Эзелю, никакъ не ожидавшему войны; онъ совершенно опустошилъ этотъ островъ, взялъ контрибуцію съ мѣстечка Аренсбурга и вернулся домой съ большой добычей. Причина же, почему Гинрикъ Клаусенъ напалъ на Эзель, была не только та, что была открытая война между Даніей и Швеціей, но и та, что гофлейты герцога Магнуса вмѣстѣ съ другими были у Ревеля и кромѣ того аренсбургцы должны были однажды обѣщанную, но не уплаченную контрибуцію.

Между тѣмъ какъ шведы грабили и жгли на Эзелѣ, прибыло польское войско на помощь парновцамъ; услышавши, что шведовъ нѣтъ въ Парновѣ и что они напали на Эзель, поляки двинулись на

встрѣчу шведамъ, отняли у нихъ большую часть добычи, причинили въ Викѣ вездѣ большой убытокъ и затѣмъ опять ушли въ Польшу

28. Чума въ Ревелѣ, 1566 г.

Весною 1566 г снова начался въ Ревелѣ чумный моръ, показавшійся прошлой осенью, и свирѣпствовалъ нетолько въ городѣ, но и во всей землѣ; отъ него умерло много знатныхъ людей, также какъ и простаго народу Тогда умерли и многіе изъ шведскихъ воиновъ въ ревельскомъ соборномъ приходѣ, и многихъ бюргеровъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, выѣхавшихъ отъ чумы въ деревню, привозили въ городъ мертвыми и больными.

Прим. перев. Изъ Эстоніи чума перешла и въ русскія земли. 19-го іюня 1566 г. моровое повѣтріе обнаружилось въ новгородской шелонской пятинѣ, въ августѣ въ Новгородѣ. Полоцкѣ, Озерищахъ, въ Торопцѣ. въ сентябрѣ въ Смоленскѣ и Можайскѣ. Въ Смоленскѣ «многіе дома затворились и церкви безъ пѣнія были отъ сентября до марта» Въ Можайскѣ царь «заставу крѣпкую велѣлъ учинить и того же лѣта повѣтріе утишилось въ тѣхъ мѣстахъ». Люди умирали скоропостижно, «знаменіемъ», какъ сказано въ Александро-Невской лѣтописи, вѣроятно, пятномъ и нарывомъ. Умирало болѣе духовныхъ и гражданъ, нежели воинскихъ людей.

29. Шведы берутъ Лемзель. Ихъ пораженіе у Рунафера, 1567 г.

Зимою 1567 г Клаусъ Курсель, новый избранный военноначальникъ шведовъ въ Ливоніи, очень искустно со своимъ войскомъ засталъ врасплохъ мѣстечко Лемзель въ рижскомъ округѣ. въ которомъ находился польскій отрядъ, убилъ нѣсколькихъ поляковъ, взялъ значительную добычу, затѣмъ сжегъ мѣстечко, что немало разсердило поляковъ; поэтому Николай Толвенцкій (Талвошъ), военноначальникъ поляковъ, собралъ войско и выступилъ въ походъ съ нѣсколькими тысячами нѣмцевъ и поляковъ, чтобы отомстить шведамъ за убытокъ и позоръ, причиненный въ Лемзелѣ. Тогда Гинрикъ Клаусенъ, губернаторъ ревельскій, и Клаусъ Курсель, военноначальникъ, также храбро стали собираться со своимъ войскомъ, и пошли въ походъ на встрѣчу полякамъ. Когда оба войска двинулись въ путь, то встрѣтились на Викской границѣ у мельницы около Рунафера и здѣсь была дана битва. Послѣ нѣсколькихъ столкновеній поляки обратили шведовъ въ бѣгство и одержали побѣду, такъ какъ превосходили числомъ послѣднихъ. Тогда всѣ шведскіе гофлейты побѣжали по глубокому снѣгу и оставили на бобахъ всѣхъ шведскихъ и нѣмецкихъ ландскнехтовъ, которые никуда не могли убѣжать изъ за глубокаго снѣга. Тогда поляки прежде всего побѣжали за шведскими гофлейтами, многихъ изъ нихъ убили и взяли въ плѣнъ при этомъ бѣгствѣ, тогда же былъ взятъ въ плѣнъ и Іоаннъ Майдель Воллустскій,

ротмистръ, и начальники спаслись съ большимъ трудомъ. Плохо тогда пришлось шведскимъ и нѣмецкимъ кнехтамъ, которые не могли нигдѣ укрыться зимой въ глубокомъ снѣгу, а поляки между тѣмъ стрѣляли, кололи и били и большую часть изъ нихъ взяли въ плѣнъ; плѣнныхъ всѣхъ со всѣми ихъ предводителями и знаменоносцами кучами повели въ Польшу Нѣмецкіе кнехты города Ревеля заняли выгодную позицію на дворѣ одного крестьянина; но поляки привезли орудія и стали стрѣлять въ нихъ; тогда они всѣ должны были сдаться и со шведскими кнехтами были отправлены всѣ въ Польшу и Литву Поляки отняли тогда и знамя города Ревеля вмѣстѣ со шведскими знаменами и привезли для тріумфа въ Вильду (Вильну). Въ этой битвѣ шведы потеряли убитыми и плѣнными всего 2000 человѣкъ; не мало погибло также и поляковъ. Случилось это 1567 г., 3-го февраля. Послѣ этой побѣды поляки грабили и жгли въ Викѣ и Гарріенѣ до Ревеля и причинили большой убытокъ. Эта битва и свалка обоихъ христіанскихъ государей не была никому такъ выгодна, какъ московиту, который позволялъ имъ бороться между собой, пока оба не устанутъ. онъ выжидалъ для себя удобнаго случая и преспокойно взялъ невѣсту, изъ за которой они дрались.

30. Ходкьвичъ у Риги, 1567 г.

Въ 1567 г , около Тройцы, Коткевицъ (Ходкѣвичъ), литовскій воевода, хотѣлъ осадить городъ Ригу со многими тысячами поляковъ и литовцевъ, подошелъ къ Ригѣ и построилъ на Двинѣ блокгаузы, мимо которыхъ должны были проходить рижскіе корабли, чтобы заставить такимъ образомъ рижанъ принять. польскія условія и предложенія. Но рижане не обратили большаго вниманія на его запугиванья и угрозы, сдѣлали вылазку и съумѣли противиться ему Наконецъ, когда онъ ничего не могъ добиться отъ рижанъ, онъ отступилъ и сдѣлалъ только то, что въ странѣ стало очень много бѣдныхъ людей.

Прим. перев. Для объясненія этой главы необходимо вспомнить, что 6-го марта 1562 г первый курляндскій герцогъ Кетлеръ былъ объявленъ администраторомъ Ливоніи (см. Приб. Сб. II, 403), сословія которой признали надъ собою власть короля польскаго и великаго князя литовскаго, при чемъ было постановлено, что если Польша откажется защищать Ливонію, то обязанность эту приметъ на себя Литва. Рига же присягнула Сигизмунду Августу только тогда, когда князь Радзивиллъ выдалъ 17-го марта 1562 г. новую удостовѣрительную грамоту (cautio altera Radziwiliana), по которой Ригѣ обезпечивалась независимость вслучаѣ еслибы польскій сеймъ не утвердилъ условій, или же оказалась невозможность соединенія въ одно время съ Польшею и Литвою, а равно и въ томъ случаѣ, если король умретъ, не оставивъ наслѣдства.

Въ тѣ времена великое княжество Литовское и королевство Польское (Корона), хотя и имѣли одного государя, но каждое имѣло свое управленіе и свой сеймъ и слѣдовательно, былъ еще вопросъ, согласится ли Корона взять

на себя защиту Ливоніи и такимъ образомъ втянуться въ неминуемую войну съ Швеціею и Москвою. Король Сигизмундъ, вскорѣ послѣ присяги ливонскихъ сословій, потребовалъ отъ эстонскаго дворянства, чтобы и оно присягнуло, такъ какъ Эстонія составляла часть бывшихъ орденскихъ владѣній, подчинившихся королю. Это требованіе осталось безъ послѣдствій. Но хотя ливонскія сословія и городъ Рига присягнули королю, тѣмъ не менѣе присоединеніе Ливоніи къ Рѣчи Посполитой Польской не могло окончательно закрѣпиться безъ утвержденія польскаго сейма. Король и созвалъ сеймъ въ Петрковъ, который и имѣлъ засѣданія сперва весною 1562 г., потомъ въ октябрѣ 1562 г., наконецъ въ февралѣ 1563 г. Разсуждали прежде всего какъ слѣдуетъ считать ливонцевъ: союзниками (socii) или же подданными (subditi), но къ окончательному рѣшенію не пришли, такъ какъ на сеймѣ не присутствовали литовскія сословія, къ тому же пришла вѣсть о взятіи Полоцка, да и ливонскія сословія снова заговорили, что о присоединеніи къ Литвѣ одной не можетъ быть и рѣчи, потому что Литва не составляетъ безусловно самостоятельнаго государства, соединеніе же можетъ совершиться только со всею Рѣчью Посполитою Польскою.

Не пришелъ ни къ какому результату и сеймъ 1564 г. А между тѣмъ къ королю начали поступать жалобы на самоуправства литовскихъ войскъ въ Ливоніи, земское рыцарство Ливоніи, преимущественно рыцарство архіепископства начало жаловаться на Кетлера, что онъ даетъ предпочтеніе бывшему орденскому рыцарству предъ земскимъ, даетъ въ аренды архіепископскія имѣнія бывшимъ орденскимъ чинамъ, распоряжается произвольно. Король имѣлъ причины быть недовольнымъ Кетлеромъ тѣмъ, что онъ безъ королевскаго вѣдома входитъ въ сношенія съ иностранными дворами, вербуетъ войска. Нѣтъ сомнѣнія, что и католическая партія, въ тѣ времена вовсе еще не маленькая въ Ливоніи, не особенно была расположена къ протестанту Кетлеру. Эти жалобы, а главнѣйшимъ образомъ необходимость окончательнаго рѣшенія вопроса о присоединеніи Ливоніи побудили короля смѣнить ливонскаго администратора и назначить на его мѣсто, вопреки виленскаго договора о подчиненіи (pactae subjectionis, 28-го ноября 1561 г.), не ливонскаго нѣмца, а кореннаго литовско-русскаго боярина. То былъ староста жмудскій, великій маршалокъ литовскій Янъ-Карлъ Ходкѣвичъ. Отправляя Ходкѣвича въ Ливонію, король далъ ему обширныя полномочія и подробную инструкцію. Ходкѣвичу поручалось: устроить окончательное соединеніе Ливоніи не со всею Рѣчью Посполитою Польскою, а лишь съ Литвою, къ такому соединенію привести и Ригу, которая обязана удѣлять что либо изъ своихъ доходовъ на содержаніе войскъ. Ему поручалось стараться изгнать шведовъ изъ Эстоніи и соединить эту землю съ Литвою. Отъ герцога Кетлера онъ долженъ присоединить часть лѣваго берега Двины. Ему предоставлялось право замѣщать и смѣщать чиновниковъ, утверждать или измѣнять судебные приговоры, сбирать подати, строить города, чеканить монету, раздавать въ аренды и лены имѣнія и пр.

Новый администраторъ прибылъ въ Ливонію съ большою свитою и герцогъ Кетлеръ передалъ ему 5-го ноября 1566 г. на ландтагѣ въ Кокенгузенѣ управленіе Ливоніею. Ходкѣвичъ немедленно же созвалъ ливонскія сословія на ландтагъ въ Венденъ. Ливонскимъ нѣмцамъ въ началѣ очень непонравилось назначеніе администраторомъ не нѣмца, но Ходкѣвичъ повелъ дѣло столь умно, что всѣхъ недовольныхъ преклонилъ на свою сторону и на ландтагѣ въ Венденѣ добился рѣшительно всего, о чемъ условился съ королемъ. На этомъ ландтагѣ Ходкѣвичъ представилъ ливонскимъ сословіямъ)рижане, ссылаясь на радзивилловскую удостовѣрительную грамоту, своихъ

депутатовъ на ландтагъ не послали, вообще и слышать не хотѣли о какихъ либо перемѣнахъ въ своихъ отношеніяхъ къ королю), что король именно изъ за Ливоніи возстановилъ противъ себя опаснаго непріятеля въ лицѣ Іоанна Грознаго и хотя на коронныхъ сеймахъ не добился никакой помощи, но отъ принятаго обязательства защищать Ливонію не отказывается, ведетъ войну съ Москвою, силами одной Литвы и уже изъ за Ливоніи потерялъ Полоцкъ. Справедливость требуетъ, чтобы и ливонцы вѣрностію и доброжелательствомъ явились достойными королевской протекціи и чтобы, отказавшись отъ нѣкоторыхъ своихъ правъ и обычаевъ, такъ тѣсно соединились съ великимъ княжествомъ литовскимъ, чтобы и Ливонія и Литва составили единое государство и единый народъ, имѣющій общіе интересы и расчетъ общими силами защищать ихъ. Сословія долго разсуждали объ этомъ предложеніи Ходкѣвича и наконецъ, побуждаемые краснорѣчіемъ и доводами новаго администратора, единогласно постановили:

1) Убѣдившись изъ печальнаго опыта, что pluralitas principum т. е. многочисленность правителей принесла Ливоніи больше вреда, чѣмъ пользы, и что для общаго добра нѣтъ ничего спасительнѣе, какъ пребывать подъ однимъ главенствомъ и управляться послушаніемъ одному, потому великаго князя литовскаго и его потомковъ признавать совмѣстно съ княжествомъ Литовскимъ своими наслѣдственными государями.

2) На будущія времена не отдѣляться отъ великаго княжества литовскаго, напротивъ пребывать въ тѣсной уніи, пріязни и братствѣ съ Литвою.

3) Никого не признавать своимъ государемъ кромѣ лица, которое будетъ великимъ княземъ литовскимъ, и никакихъ трактатовъ противъ этой уніи не заключать.

4) Съѣзды и сеймы имѣть общіе съ великимъ княжествомъ литовскимъ, а на тѣхъ съѣздахъ и сеймахъ ливонскіе сенаторы и послы будутъ имѣть свои мѣста.

5) Его величество король по отношенію этого соединенія съ Литвою будетъ представителемъ на имперскомъ сеймѣ.

6) Ливонцы остаются при аугсбургскомъ исповѣданіи, а изъ доходовъ съ архіепископскихъ имѣній, переходящихъ къ королю, устроить коллегію для ученыхъ, благотворительныя учрежденія для дѣвицъ и вдовъ и госпиталь для бѣдныхъ.

7) Ливонскія сословія остаются при своихъ прежнихъ правахъ и преимуществахъ. Должности въ судахъ, замкахъ и староствахъ замѣщаются ливонскими дворянами нѣмецкаго происхожденія, вся же ливонская земля раздѣляется на четыре уѣзда (округа, дистрикта): рижскій, трейденскій, венденскій и динабургскій; каждый уѣздъ управляется сенаторомъ, избираемымъ изъ мѣстныхъ дворянъ, три человѣка судей въ каждомъ уѣздѣ избираются также изъ мѣстныхъ дворянъ.

8) Ливонскіе сенаторы включаются въ число сенаторовъ литовскихъ.

9) Позвы и указы въ суды идутъ за печатью великаго княжества литовскаго, но декреты утверждаются печатями судей.

10) Апеляція за границу не переносится, но всякое дѣло окончательно рѣшается главнымъ Ливоніи администраторомъ и четырьмя ливонскими сенаторами.

11) Декреты послѣдней инстанціи припечатываются ливонскою печатью, которая будетъ дана королемъ.

12) Всѣ акты и декреты должны быть написаны на нѣмецкомъ языкѣ.

13) Привиллегіи, указы и всѣ бумаги изъ королевской канцеляріи снабжаются литовскою печатью.

14) Монета будетъ въ Ливоніи таже самая, что и въ Литвѣ.

15) Всѣ права, преимущества и вольности, предоставленныя сенаторамъ, дворянству, городамъ и другимъ сословіямъ великаго княжества литовскаго, предоставляются и ливонцамъ, какъ собратьямъ литовскимъ.

16) Главный администраторъ Ливоніи назначается или изъ ливонцевъ или изъ литовцевъ и до утвержденія представляется ливонскимъ сословіямъ, которыя имѣютъ право просить назначить другаго, если имѣютъ уважительныя причины противъ назначенія представляемаго.

17) Такое соединеніе на вышеизложенныхъ условіяхъ съ великимъ княжествомъ литовскимъ будетъ подтверждено королемъ и всѣми литовскими сословіями. Если бы впослѣдствіи Литва соединилась съ Короною Польскою, то и Ливонія, какъ часть великаго княжества литовскаго, будетъ включена въ эту унію съ Короною.

Актъ соединенія съ Литвою былъ подписанъ всѣми присутствовавшими на ландтагѣ. Ходкѣвичъ не замедлилъ донести о происшедшемъ королю, который съ своей стороны не замедлилъ созвать литовскій сеймъ въ Гроднѣ для разсмотрѣнія и утвержденія этого важнаго акта. Ливонскіе депутаты явились на гродненскій сеймъ и здѣсь 26-го декабря 1566 г. король утвердилъ актъ соединенія Ливоніи съ Литвою съ оговоркою: «предоставляя, однакожъ, во всѣхъ пунктахъ, статьяхъ и условіяхъ вышеупомянутаго соединенія права высочества и верховнаго обладанія и всѣ регаліи и преимущества, принадлежащія намъ и великому княжеству нашему». Актъ этотъ озаглавленный: «Privilegium unionis provinciae Livoniae cum magno ducatu Lityaniae» былъ подписанъ всѣми сенаторами и чинами литовскими, присутствовавшими на сеймѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ливоніи былъ предоставленъ титулъ княжества и гербъ: бѣлый грифъ въ красномъ полѣ, держащій мечь въ правой ногѣ; на груди буквы S. A., т. е. Sigismundus Augustus.

Ходкѣвичъ присутствовалъ также на гродненскомъ сеймѣ. По возвращеніи въ Ливонію, весною 1567 г., онъ прежде всего занялся раздѣленіемъ Ливоніи на четыре уѣзда, согласно акта уніи, за тѣмъ были произведены выборы сенаторовъ и судей для земскаго суда въ каждомъ уѣздѣ (judicium terrestre, Landgericht), по три для каждаго суда съ двумя засѣдателями отъ дворянства и нотаріусомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ была произведена и секуляризація архіепископства, постановленная на томъ же венденскомъ сеймѣ. Но Рига никакъ не соглашалась принять актъ соединенія и упорно стояла при данной ей Радзивилломъ второй удостовѣрительной грамотѣ и долго еще находилась въ полу-независимомъ положеніи. Около тройцына дня 1567 г. Ходкѣвичъ приступилъ къ Ригѣ, но тутъ Кетлеръ явился посредникомъ и достигъ только того, что Ходкѣвичъ согласился, впредь до королевскаго рѣшенія, пріостановиться постройками блокгаузовъ на Двинѣ и не препятствовать судоходству. Дѣло съ Ригою затянулось на многіе годы, какъ то будетъ разсказано въ другомъ мѣстѣ.

31. Убійства, совершенныя королемъ Эрикомъ, 1567 г.

Въ 1567 г., послѣ Тройцы, въ Упсалѣ въ Швеціи были совершены ужасныя убійства королемъ Эрикомъ, который совершенно несправедливо и безъ всякаго суда тайно велѣлъ убить графа Шванто Стуре съ его двумя сыновьями Николаемъ и Эрикомъ и другими рыцарями и дворянами. Причиной этой трагедіи былъ Юргенъ Персенъ, секретарь короля, который ложно оклеветалъ упомя-

нутыхъ господъ передъ королемъ, будто они составили заговоръ между собою и затѣваютъ мятежъ противъ короля. Послѣ такого поступка разсудокъ короля помутился, и когда онъ снова пришелъ въ себя, то очень жалѣлъ о происшедшемъ; раскаяваясь въ этомъ преступленіи, онъ освободилъ изъ темницы своего брата, герцога Іоанна.

Прим. перев. Король Эрикъ не довѣрялъ своимъ вельможамъ точно также, какъ Іоаннъ Грозный не довѣрялъ боярамъ. И тотъ и другой, конечно, имѣли къ тому причины и поводы, но и тотъ и другой въ своей бояробоязни доходили до чрезмѣрныхъ крайностей.

Король Эрикъ удалился отъ своихъ вельможъ, окружилъ себя любимцами низкаго происхожденія, которые изъ за личныхъ выгодъ все болѣе и болѣе вооружали его противъ вельможъ и наконецъ довели до бѣшенства и сумасшествія. Въ 1562 г. въ Швеціи состоялся только одинъ смертный приговоръ, въ 1563 г. состоялось уже 50, изъ которыхъ 32 по дѣлу герцога Іоанна. Всего до октября 1567 г. король Эрикъ осудилъ на смерть 232 человѣка. Эти казни вызвали всеобщій ропотъ и наконецъ возстаніе, кончившееся низложеніемъ Эрика, какъ о томъ будетъ сказано ниже.

32. Мореходство зимою, 1568 г.

Въ 1568 г., въ день Срѣтенія Господня, въ Ревель прибылъ нѣмецкій корабль, на которомъ были также и нѣмецкія женщины. Приходъ корабля былъ чудомъ, потому что въ это время года обыкновенно стоятъ самые сильные холода и никогда до сихъ поръ корабли не приходили въ эту пору Причина же, почему корабль такъ не во время прибылъ въ Ревель была та, что датскіе и любекскіе военные корабли, а также и данцигскіе крейсеры въ большомъ числѣ разъѣзжали по морю лѣтомъ и осенью и не дозволяли ходить ни ревельскимъ, ни всѣмъ шведскимъ кораблямъ. Поэтому купцы должны были добывать себѣ кормленіе съ большою опасностію и не во время.

33. Бой съ данцигскими крейсерами, 1568 г.

Тою же весной прибыли послѣ того къ Ревелю данцигскіе крейсеры съ двѣнадцатью хорошо вооруженными кораблями и стали на якорѣ у Наргедена (нынѣ Наргенъ), чтобы помѣшать королю польскому въ плаваніи какъ къ Нарвѣ, такъ и къ Ревелю. Эти крейсеры потребовали контрибуцію съ города Ревеля, но ничего не получили. Пробывши почти полъ лѣта передъ Ревелемъ и получивши наконецъ извѣстіе, что имъ слѣдуетъ опасаться шведскихъ кораблей, они снова отплыли въ Данцигъ, но шведскіе корабли преслѣдовали ихъ до самаго данцигскаго рейда и отняли у нихъ нѣсколько кораблей. Послѣ того какъ шведскіе корабли такъ раздѣлались съ крейсерами, они числомъ 18, прибыли въ ревельскій рейдъ и ревельскій магистратъ одарилъ адмирала нѣсколькими жирными быками, виномъ и пивомъ.

Прим. перев. Король Сигизмундъ-Августъ всячески старался уничтожить нарвскую торговлю и такъ однажды писалъ королевѣ англійской (см. Соловьева VI, 279): «Московскій государь ежедневно увеличиваетъ свое могущество пріобрѣтеніемъ предметовъ, которые привозятся въ Нарву: ибо сюда привозятся не только товары, но и оружіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное, привозятся не только произведенія художествъ, но пріѣзжаютъ и сами художники, посредствомъ которыхъ онъ пріобрѣтетъ средства побѣждать всѣхъ. Вашему величеству не безъизвѣстны силы этого врага и власть, какою онъ пользуется надъ своими подданными. До сихъ поръ мы могли побѣждать его только потому, что онъ былъ чуждъ образованности, не зналъ искуствъ. Но если нарвская навигація будетъ продолжаться, то что будетъ ему неизвѣстно?»

Это именно отлично хорошо сознавалъ Іоаннъ и потому съ упорствомъ добивался пріобрѣтенія прибалтійскихъ областей.

Не смотря на представленія Сигизмунда, англичане, датчане и приморскіе города продолжали торговать къ Нарвѣ, получая отъ торговли съ русскими большія выгоды. Король, чтобы препятствовать нарвской торговлѣ, а также для того, чтобы обуздать непослушныхъ гданчанъ, которые «портъ свой (Гданскъ, Данцигъ) открывали и закрывали по произволу, морскіе берега себѣ присвоивали, Эльбингу и другимъ городамъ воспрещали судоходство, затонувшіе корабли и имущество себѣ брали», вооружилъ на свой счетъ флотилію каперовъ подъ начальствомъ капитана Шерпинка. Эта флотилія (accipitres seu speculatores maris) крѣпко не понравилась купцамъ датскимъ, англійскимъ и гданчанамъ. Гданчане и выслали свои корабли въ Ревель, чтобы противодѣйствовать флотиліи Шерпинка. Но какъ шведы были въ войнѣ съ Даніею и Любекомъ и другими приморскими городами, потому они и преслѣдовали гданскіе корабли. Гданчане, впослѣдствіи, согласившись съ Даніею, напали на Шерпинка, разсѣяли его флотилію, захватили у него 11 человѣкъ, которыхъ и казнили у Гданска. Самъ Шерпинкъ едва спасся. Король Сигизмундъ, однако, усмирилъ Гданскъ, и сохранилъ за собою власть надъ гданскимъ портомъ и моремъ.

34. Шведы берутъ Зонненборгъ, 1568 г.

Въ 1568 г., въ день св. Іакова, эти же корабли съ Клаусомъ Курселемъ, военноначальникомъ, отплыли къ Зонненборгу на Эзель, чтобы взять этотъ замокъ. Этотъ замокъ былъ сначала сильною крѣпостью, но Христоферъ Валькендэрпъ, датскій намѣстникъ въ Аренсбургѣ, незадолго передъ тѣмъ срылъ и сжегъ ее; впослѣдствіи аренсбургцы очень жалѣли объ этомъ. Поэтому они хотѣли снова отстроить этотъ замокъ Зонненборгъ и уже почти нѣсколько укрѣпили его и населили и назначили туда гауптманомъ одного гапсальскаго соборнаго попа, по имени Рейнольда Сцойе. Когда же шведы подступили съ 18 кораблями съ моря и съ небольшимъ войскомъ съ суши, то Рейнольдъ Сцойе такъ перетрусилъ, что немедленно же сдалъ замокъ шведамъ, которые снова укрѣпили его противъ нападеній.

35. Низложеніе короля Эрика, 1568 г.

Въ 1568 году, въ іюлѣ, Эрикъ XIV, король шведскій, праздновалъ свое бракосочетаніе съ своей наложницей Катериной, дочерью очень ничтожнаго человѣка. Въ то же время король выдалъ свою сестру Софію за герцога Магнуса Саксонскаго и Энгернскаго, и обѣ свадьбы праздновали въ одинъ день. При этомъ, дочь презрѣннаго кнехта сидѣла и ходила выше королевской дочери; братья короля герцогъ Іоаннъ и герцогъ Карлъ очень сердились и возмущались тѣмъ, что ихъ братъ, король, нанесъ такое оскорбленіе ихъ дружбѣ, коронѣ шведской и всѣмъ честнымъ родамъ, поэтому они не явились на свадьбу, но составили между собою заговоръ, чтобы отомстить своему брату, королю, за такой позоръ. Они привлекли на свою сторону двухъ знатнѣйшихъ рыцарей Швеціи, а именно. Стено Эриксена, брата ихъ матери, и Тура Бьелькe, зятя казненнаго графа Шванто. Тогда герцогъ Карлъ отправился въ Ваттенштейнъ (на Веттернскомъ озерѣ) и незамѣтно занялъ замокъ. Затѣмъ они привлекли также на свою сторону войско короля, бывшее въ походѣ противъ Даніи, и заключили перемиріе съ королемъ датскимъ. Послѣ того они съ этимъ войскомъ подошли ближе къ Стокгольму; королевскіе гофлейты и слуги мало по малу тайно перешли изъ Стокгольма къ обоимъ герцогамъ. Тогда то начались заботы и огорченія короля Эрика. Когда подошли оба герцога со всѣмъ войскомъ, король Эрикъ стоялъ вмѣстѣ съ Юргеномъ Персеномъ на башнѣ трехъ коронъ и смотрѣлъ на войско. Юргенъ Персенъ сказалъ королю: «Всемилостивѣйшій государь, еслибы ваше королевское величество послушались моего совѣта и велѣли положить къ своимъ ногамъ голову герцога Іоанна, когда онъ былъ въ нашей власти, то онъ не могъ бы осаждать насъ теперь» На это король отвѣтилъ. «Твоя правда, Юргенъ»

Послѣ того какъ Стокгольмъ былъ осаждаемъ нѣсколько недѣль, бюргеры сдали городъ обоимъ герцогамъ въ день св. Михаила, 1568 г. Когда герцоги вошли въ городъ, то въ суматохѣ братъ ихъ матери Стено Эриксенъ, по приказанію короля, былъ заколотъ однимъ изъ его драбантовъ (тѣлохранителей), а король сдался герцогу Карлу, своему младшему брату, и просилъ его о королевской темницѣ. При осадѣ города Стокгольма всѣ военные, какъ шведы, такъ и нѣмцы, ругали Юргена Персена и называли его виновникомъ всего несчастія, и герцоги равно какъ и воины пожелали, чтобы онъ былъ сданъ имъ на руки. Наконецъ, король выдалъ его, надѣясь что смута этимъ кончится. Когда Юргенъ Персенъ былъ препровожденъ и сданъ имъ, онъ сказалъ. «Скорѣе я могъ ожидать, что раньше небо обрушится, чѣмъ падетъ король Эрикъ и такимъ образомъ покинетъ меня; берите съ меня примѣръ больше надѣяться на Бога, чѣмъ на расположеніе короля или князя, и не дѣлать, какъ я дѣлалъ, обижая многихъ невинныхъ.

людей ради своего господина» Онъ былъ осужденъ на смерть какъ измѣнникъ, возмутитель отечества, убійца, нарушитель супружеской вѣрности и воръ, и былъ колесованъ на 4 колесахъ. Когда же король Эрикъ былъ взятъ въ плѣнъ и всякія волненія утихли, то государственные чины избрали королемъ герцога Іоанна.

Прим. перев. Свидѣтелемъ возстанія 29-го сентября 1568 г. и низложенія Эрика было русское посольство. Выше уже было сказано (стр. 149), что Эрикъ добивался сближенія съ царемъ московскимъ и обѣщаніемъ выдачи Екатерины добился этого сближенія. Дѣло началось еще въ 1565 г. 13-го февралѣ 1567 г. пріѣхали въ Александровскую Слободу шведскіе государственные сановники, канцлеръ Нильсъ Гилленстіерна и др. для написанія докончальной грамоты. Думный совѣтникъ Воронцовъ и дворянинъ Наумовъ были отправлены въ Стокгольмъ, чтобы король къ докончальной грамотѣ вмѣсто печати пословъ привѣсилъ свою печать, цѣловалъ крестъ въ исполненіи грамоты и отправилъ со своими послами Екатерину на рубежъ, гдѣ и сдать ее боярину и «вифляндскія» земли намѣстнику Мих. Яков. Морозову. Послы пріѣхали въ Стокгольмъ 20-го іюля 1567 г. и цѣлый годъ прожили здѣсь безъ дѣла. Эрикъ не могъ уже исполнить договора: онъ освободилъ брата Іоанна изъ заключенія и въ припадкѣ сумасшествія воображалъ, что онъ самъ уже въ заключеніи, а братъ царствуетъ. Къ посламъ приходили шведскіе вельможи съ объясненіемъ, что нельзя выдать Екатерины, что это богопротивное дѣло и безславное для самаго царя, что у короля Сигизмунда есть другая сестра (Анна), дѣвица, которую Эрикъ можетъ «достать» для царя. Послы отвѣчали: «Государь нашъ беретъ у вашего государя сестру польскаго короля Екатерину для своей царской чести, желая повышенья надъ своимъ недругомъ и надъ недругомъ вашего государя, польскимъ королемъ». Послы требовали, чтобы ихъ допустили къ королю. Вельможи долго не допускали, но все таки допустили. Король сказалъ: «Мы не дали вамъ до сихъ поръ отвѣта, потому что здѣсь начались дурныя дѣла отъ дьявола и отъ злыхъ людей; и кромѣ того датская война намъ мѣшала». Потомъ были у пословъ дворецкій королевскій, да тайныхъ дѣлъ печатникъ, съ заявленіемъ, что король исполнитъ договоръ и «Катерину отдастъ государю». Однажды пришелъ къ посламъ «нѣмчинъ, дѣтинка молодъ, королевскій жилецъ (король Эрикъ, боясь вельможъ, бралъ изъ школъ молодыхъ людей и давалъ имъ разныя порученія), прислалъ его король, и велѣлъ говорити, чтобъ послы короля на Русь взяли: король боится бояръ своихъ и воли ему ни въ чемъ нѣтъ».

Когда 17-го сентября 1568 г. возстаніе обнаружилось, Эрикъ призвалъ къ себѣ русскихъ пословъ и объявилъ имъ о возстаніи. Послы спросили: какъ давно дѣло началось? Эрикъ отвѣчалъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ отъ васъ изъ Руси послы мои пришли. Я былъ тогда въ Упсалѣ: у нихъ начала быть тайная измѣна, и я былъ у нихъ запертъ; если бы не пришли въ мою землю датскіе люди, то мнѣ бы еще на своей волѣ не быть: но какъ датскіе люди пришли, то меня выпустили для того, что некому землю оборонять, и съ тѣхъ поръ стало мнѣ лучше. Если братъ Яганъ (Іоаннъ) меня убьетъ или въ плѣнъ возьметъ, то царь бы Ягана королемъ не держалъ». Объ Екатеринѣ Эрикъ сказалъ: «Я велѣлъ то дѣло посулить вслучаѣ, если Ягана въ живыхъ не будетъ; я съ братьями, и съ польскимъ королемъ, и съ другими пограничными государями со всѣми въ недружбѣ за это дѣло. А другимъ чѣмъ всѣмъ я радъ государю вашему дружить и служить: надежда у меня

вся на Бога, да на вашего государя; а тому какъ статься, что у живаго мужа жену взять?»

Возстаніе кончилось 29-го сентября 1568 г. низложеніемъ Эрика. При вступленіи въ этотъ день герцоговъ въ Стокгольмъ, солдаты ограбили русскихъ пословъ до чиста, сняли съ нихъ даже одежду, и убили бы, быть можетъ, если бы во время не подоспѣлъ герцогъ Карлъ.

По объявленіи герцога Іоанна королемъ Швеціи, русскіе послы выѣхали изъ Стокгольма. Ихъ, однако, задержали въ Або, продержали тутъ подъ арестомъ 8 мѣсяцевъ, такъ что они въ Москву воротились лишь въ іюлѣ 1569 г.

Царь, какъ сказано будетъ ниже, не спустилъ шведамъ ограбленія своихъ пословъ въ Стокгольмѣ и задержку ихъ въ Або.

Шведскіе государственные чины приговорили Эрика къ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ и формально объявили герцога Іоанна королемъ 24-го января 1569 г. Герцогъ Карлъ, хоть и не охотно, призналъ своего брата государемъ, а сына его Сигизмунда наслѣдникомъ престола.

Новый король Іоаннъ III былъ коронованъ архіепископомъ упсальскимъ 10-го іюля 1570 г. При коронаціи присутствовали представители эстонскихъ сословій и, по принесеніи присяги, получили утвержденіе своихъ правъ и преимуществъ 9-го октября 1570 г.; привиллегіи Ревеля были утверждены раньше, именно 11-го февраля 1570 г.

36. Дальнѣйшая война между шведами, парновцами и русскими, 1568 г.

Въ 1568 г., на св. Варѳоломея, шведскіе воины вмѣстѣ съ дворянами (помѣщиками, Landsassen) изъ Гарріена двинулись въ Викъ навстрѣчу парновскимъ гофлейтамъ, опустошавшимъ безъ устали Гарріенъ и Викъ и грабившимъ бѣдныхъ крестьянъ. Тогда шведы были застигнуты въ расплохъ парновцами и обращены ими въ бѣгство, однако не безъ убытку и для парновцевъ.

Въ это время было убито нѣсколько парновскихъ гофлейтовъ вмѣстѣ съ ихъ ротмистромъ Гинрикомъ Дюкеромъ, а шведскій ротмистръ Гансъ Бой былъ взятъ въ плѣнъ. Но самыя большія потери понесло знамя (отрядъ) гаррійскихъ дворянъ, а парновскіе гофлейты были по большей части ближайшіе родственники, зятья и дяди гаррійскихъ дворянъ, отъ которыхъ послѣдніе должны были переносить насмѣшки и убытки.

Тою же осенью парновцы снова вооружились, чтобы преслѣдовать шведовъ; но шведы заключили съ ними перемиріе, такъ какъ въ Швеціи все еще было не совсѣмъ ладно. Когда было заключено это перемиріе, парновцы съ тѣмъ же вооруженіемъ двинулись въ Вирландъ въ московитскую область, опустошили землю, захватили въ расплохъ нѣсколькихъ русскихъ, нѣкоторыхъ убили, другихъ взяли въ плѣнъ, совершенно сожгли и ограбили великолѣпное старое мѣстечко Везенбергъ, и затѣмъ съ большой добычей вернулись назадъ въ Парновъ. Когда же гофлейты ушли изъ Вирланда, то нѣкоторые бѣдные крестьяне должны были расплатиться за пиръ жизнію, ибо были умерщвлены русскими съ неслыханными мученіями и пытками.

37 Новый губернаторъ въ Ревель, 1568 г.

Около того же времени изъ Швеціи прибылъ посланный королемъ Іоанномъ Нильсъ Доббелеръ, обыкновенный начальникъ, но съ хитрыми умыслами, чтобы захватить врасплохъ замокъ Ревель, а губернатора Гинрика Клаусена взять въ плѣнъ и отвезти въ Стокгольмъ. Но Гинрикъ Клаусенъ, какъ старый и себѣ на умѣ воинъ, умѣлъ остерегаться подобныхъ дѣлъ, замѣтилъ скоро умыселъ Нильса Доббелера, предупредилъ его и взялъ Нильса въ плѣнъ, но не сдѣлалъ ему ничего дурнаго, услышавши, что на пріѣздъ его въ Ревель было приказаніе короля. Причина же, почему король хотѣлъ захватить врасплохъ замокъ, была слѣдующая: Такъ какъ Гинрикъ Клаусенъ, губернаторъ ревельскій, былъ въ большой милости у короля Эрика, а у нынѣшняго короля Іоанна, напротивъ, въ большой немилости, то король Іоаннъ опасался, что онъ ему такъ легко не передастъ ревельскій замокъ, а удержитъ его въ пользу короля Эрика. Но когда прибылъ господинъ Габріель Христирнсенъ, новый ревельскій губернаторъ, то Гинрикъ Клаусенъ совершенно добровольно очистилъ ему замокъ, а самъ уѣхалъ въ Финляндію.

Прим. перев. Глава эта находится лишь въ первомъ изданіи лѣтописи.

38. Причины сверженія Эрика.

Въ 1568 г., въ Мартиновъ день, Іоаннъ III, избранный королемъ шведскимъ, назначилъ въ Ревель новаго губернатора, а именно Габріеля Христирнсена (Оксенстіерна), барона моэрбуйскаго. Съ этимъ губернаторомъ король, равно какъ и герцогъ Карлъ, прислали магистрату и общинѣ ревельской письменное изложеніе причинъ, почему король Эрикъ былъ взятъ въ плѣнъ и лишенъ престола; между этими причинами указаны самыя главнѣйшія:

Во первыхъ то, что король Эрикъ напалъ (въ 1563 г) въ Або на своего брата Іоанна вмѣстѣ съ его супругою совершенно безвинныхъ, и почти четыре года не по княжески держалъ ихъ въ замкѣ Грифсгольмѣ (Гripсгольмѣ на Меларѣ).

Во вторыхъ, онъ не удовольствовался гнуснымъ убійствомъ, совершеннымъ въ Упсалѣ, но велѣлъ Юргену Персену отправить нѣсколькихъ солдатъ (красныхъ кнехтовъ) заколоть герцога Іоанна, чтобы можно было отослать его супругу московиту, послы котораго уже цѣлый годъ ждали ее въ Стокгольмѣ, что и случилось бы, если бы Господу не угодно было предотвратить это убійство.

Въ третьихъ, король Эрикъ, подъ видомъ выгодныхъ переговоровъ, намѣревался отнять у герцога Іоанна его княжество Финляндію, завѣщанное ему отцомъ ихъ Густавомъ, и уступить ему часть опустошенной земли въ Ливоніи, противъ всякой братской дружбы и уваженія.

Въ четвертыхъ, его послѣднимъ намѣреніемъ было истребить не только герцога Іоанна и своихъ ближайшихъ родственниковъ, но и вообще всѣхъ дворянъ въ Швеціи, что онъ и началъ съ графа Шванто, его дѣтей и нѣсколькихъ рыцарей.

Въ пятыхъ, король Эрикъ по легкомыслію и неразумію, къ вѣчному стыду, позору и безчестію королевства шведскаго и его роду, взялъ себѣ въ законныя жены свою наложницу, дочь простого ландскнехта, и противъ всякой благопристойности и человѣческаго разсудка, возвысилъ ее до королевскихъ почестей..

Въ шестыхъ, хотя король Эрикъ въ то время, когда были произведены тиранскія убійства въ Упсалѣ, далъ свое королевское слово государственнымъ чинамъ достойно наказать Юргена Персена, который былъ нетолько зачинщикъ этого убійства, но совершалъ также множество неслыханныхъ пытокъ и мученій надъ дворянами, а также надъ чужеземцами и туземцами, коихъ безчеловѣчнымъ образомъ пыталъ кипящимъ виномъ, раскаленными тазами и другими пытками до тѣхъ поръ, пока тѣ не признавались въ никогда не случавшихся вещахъ, а многихъ другихъ, которые ни въ чемъ не сознавались, онъ велѣлъ со связанными руками и ногами безжалостно бросать въ рѣки и топить ихъ, а также вѣшать въ тюрьмахъ и говорилъ между тѣмъ, будто они съ отчаянія повѣсились сами. Не смотря на все это, король Эрикъ не только не выполнилъ своего обѣщанія, но оставилъ Юргена Персена въ его прежнихъ почестяхъ и состояніи, предпочитая его совѣты и дѣла всѣмъ другимъ и не обращая вниманія на остальныхъ господъ и государственныхъ совѣтниковъ.

Наконецъ, онъ добивался только того, чтобы погубить князей и вообще всѣхъ дворянъ королевства шведскаго; для выполненія этого дѣла онъ велѣлъ сдѣлать огромную кучу золотыхъ цѣпей, чтобы склонить ими своихъ драбантовъ (тѣлохранителей) тайно и открыто избить герцоговъ и дворянъ страны, когда тѣ соберутся на его свадьбу; но всемогущій Господь милостиво предотвратилъ этотъ беззаконный умыселъ.

39. Какъ Іоаннъ Дуве и Элертъ Крузе вели переговоры съ ревельцами, 1569 г.

Въ 1569 г., въ посту, Іоаннъ Дуве Фирскій и Элертъ Крузе Келлесскій (Фире и Келлесъ имѣнія въ Лифляндіи), оба ливонскіе дворяне и присяжники московиту, также написали ревельскому магистрату письмо и просили, чтобы магистратъ послалъ нѣкоторыхъ изъ своей среды въ Везенбергъ, такъ какъ тамъ они хотятъ предложить нѣчто, очень выгодное городу Ревелю и всей странѣ; но это магистратъ долженъ сохранять въ тайнѣ и не сообщать о томъ шведскимъ

властямъ. Но какъ это не могло быть сохранено въ тайнѣ, то одинъ изъ магистратскихъ членовъ открылъ это шведскимъ властямъ и хотѣлъ, чтобы они послали нѣсколько человѣкъ, чтобы не возбудить подозрѣнія, вмѣстѣ съ посланными отъ магистрата въ Везенбергъ, для выслушанія предложенія Іоанна Дуве и Элерта Крузе. Тогда изъ замка были посланы по этому дѣлу Дидерикъ Каферъ и Гинрикъ Руте, а отъ города Конрадъ Деллинкгузенъ, синдикъ, и Фредрикъ Зандштеде, членъ магистрата. Когда упомянутыя лица прибыли въ Везенбергъ, то не подали вида, будто посланы не отъ одного магистрата и общины, а также и отъ шведскихъ властей. Тогда Іоаннъ Дуве и Элертъ Крузе, 5-го апрѣля, прочитали имъ нижеслѣдующее предложеніе и очень усердно старались о его принятіи.

Прим. перев. Для объясненія этой главы необходимо возвратиться къ событіямъ 1562 г., когда Швеція уже овладѣла Ревелемъ, а южною Ливоніею король польскій Сигизмундъ. Чтобы пробиться къ Балтійскому морю — главной и единственной цѣли Іоанна Грознаго, приходилось имѣть дѣло уже не съ ничтожнымъ ливонскимъ орденомъ, а съ двумя государствами, располагавшими вовсе не маловажными средствами. Трудно было московскому государству вести войну съ двумя державами и Іоанну Грозному уже въ то время ясно представлялось, что Ливонія ускользаетъ изъ его рукъ, но вотъ мелькнула надежда поставить вопросъ на другую почву, для Москвы не невыгодную.

Въ своемъ мѣстѣ (см. Пр. Сб. II, 305) было сказано, что въ 1525 г. великій магистръ тевтонскаго ордена Альбрехтъ, маркграфъ бранденбургскій, заключилъ въ Краковѣ съ королемъ польскимъ договоръ, по которому сложилъ съ себя званіе великаго магистра и получилъ съ титуломъ герцога всю Пруссію въ видѣ наслѣдственнаго лена отъ королевства польскаго. Тевтонскій орденъ въ Пруссіи рушился: всѣ орденскіе братья перешли въ свѣтское состояніе, но нѣкоторая часть ихъ, однако, удалилась въ Германію, гдѣ и присоединилась къ германскимъ братьямъ, избравшимъ себѣ новаго великаго магистра, мѣстопребываніемъ котораго и его послѣдующихъ преемниковъ былъ Мергентгеймъ (орденъ тевтонскій въ Германіи былъ признанъ членомъ франконскаго округа римской имперіи и просуществовалъ до 1806 г., когда имперія пала и образовался рейнскій союзъ).

Въ 1562 г. великимъ магистромъ (администраторомъ) тевтонскаго ордена въ Германіи былъ Вольфгангъ (Вулфьянкъ по русскимъ лѣтописямъ). Онъ задумалъ возстановить тевтонскій орденъ въ Ливоніи при помощи московскаго государя, возстановивъ въ званіи магистра Фирстенберга, находившагося въ это время въ плѣну въ московскомъ государствѣ (въ городѣ Любимѣ, данномъ ему царемъ въ кормленіе), завоевать Пруссію съ помощію императора и общими съ Россіею силами наступить на Сигизмунда. Съ согласія римскаго императора, Вольфгангъ послалъ въ Москву бывшаго секретаря Фирстенберга Іоанна Вагнера съ письмомъ къ царю и просьбою объ освобожденіи плѣннаго магистра. Объ этомъ же въ слѣдующемъ году писалъ къ царю и императоръ Фердинандъ.

Изъ Нарвы, принадлежавшей въ то время русскимъ, Вагнеръ поѣхалъ въ Москву, но царя здѣсь не засталъ, ибо Іоаннъ 23-го декабря 1562 г. уже отправился въ Можайскъ къ войску, собранному для похода на Полоцкъ (см. выше, стр. 140). Вагнеръ пріѣхалъ въ Можайскъ и здѣсь въ началѣ

января 1563 г. представился царю. Іоаннъ принялъ Вагнера очень милостиво, жалѣлъ о судьбѣ, постигшей Фирстенберга, неповиннаго, какъ выразился царь, въ неуплатѣ царю дани и смѣщеннаго съ должности беззаконно, и склонялся освободить его, помочь ему выгнать изъ Ливоніи «презрѣннаго пса» Кетлера и королей польскаго и шведскаго и возстановить его въ магистерствѣ. Тѣмъ не менѣе Вагнеру не позволили видѣться съ Фирстенбергомъ, но отослали обратно въ Нарву съ приказомъ ждать тутъ царскаго отвѣта на письмо Вольфганга. Лишь осенью 1563 г. пришелъ отвѣтъ, но тутъ Вагнеръ отъ купцовъ узналъ, что шведскій адмиралъ уже получилъ приказъ схватить его на обратномъ пути въ Германію. Вагнеръ поплылъ въ Германію, и замѣтивъ въ открытомъ морѣ, что его корабль преслѣдуетъ шведская эскадра, распечаталъ царское письмо, прочиталъ, и бросилъ въ море. Благополучно избѣгнувъ преслѣдованія, Вагнеръ устно изложилъ великому магистру содержаніе царскаго письма, говорилъ объ условіяхъ платежа дани, и совѣтовалъ, не откладывая дѣла, послать къ царю новое посольство для дальнѣйшихъ переговоровъ.

Вольфгангъ согласился и лѣтомъ 1564 г. снарядилъ въ Москву посольство изъ четырехъ орденскихъ рыцарей: Бернгарда фонъ Бевера (Бернатъ князецъ), Мельхіора Дермо (Мелхеръ князецъ), Франца фонъ Гацфельда (Францъ князецъ). Теобальда фонъ Ромшвага, и двухъ ученыхъ юристовъ: доктора Іоанна Вагнера (того самого, что уже былъ въ Москвѣ) и Освальда Лурцинга. Посламъ была вручена инструкція, составленная 25-го марта 1564 года, въ силу которой послы должны были предложить царю верховное главенство надъ Ливоніею, но съ сохраненіемъ правъ римской имперіи; ливонскій орденъ долженъ быть возстановленъ, архіепископу предоставятся лишь духовныя дѣла, города Ревель и Рига получатъ торговыя привиллегіи, и судоходство по Двинѣ должно происходить вольное для всѣхъ и пр.

Они пріѣхали въ Нарву. Ихъ съ большимъ почетомъ встрѣтили и проводили въ Москву, полагая, что они послы императорскіе. По пріѣздѣ въ Москву (24-го сентября), послы 26-го сентября представлялись царю и принесли въ даръ два золотыхъ сосуда. Начались переговоры. Послы обѣщали платить Россіи дань за Ливонію; но не опредѣляли какими средствами они заставятъ поляковъ очистить Ливонію. Переговоры, однако, не привели ни къ какому опредѣленному результату: царь видѣлъ, что послы болѣе всего настаиваютъ на освобожденіи Фирстенберга и расчитываютъ на силы русскихъ, что надѣяться на обѣщанія изъ Германіи не возможно.

Переговоры прекратились и 2-го декабря 1564 года послы уѣхали изъ Москвы.

Но другія вѣсти были получены польскимъ дворомъ. Сигизмундъ провѣдалъ, что царь въ концѣ 1564 г. освободилъ Фирстенберга на слѣдующихъ пяти условіяхъ: 1) по возвращеніи въ Ливонію Фирстенбергъ обязанъ возстановить всѣ греческія церкви; 2) всѣ главныя крѣпости Ливоніи остаются въ рукахъ московскихъ; 3) въ совѣтѣ магистра будетъ всегда засѣдать шесть московскихъ чиновниковъ, безъ которыхъ онъ не можетъ рѣшать ничего; 4) если магистръ будетъ имѣть нужду въ войскѣ, то долженъ обращаться съ просьбою о немъ только въ Москву, а не къ другимъ государствамъ, развѣ получитъ на то согласіе царское; 5) по смерти Фирстенберга царь назначаетъ ему преемника.

Вѣсть о такой сдѣлкѣ сильно встревожила Сигизмунда, но въ январѣ 1565 г. пришло другое извѣстіе, что Фирстенбергъ, сбираясь отправиться въ Ливонію, умеръ. (Это извѣстіе было невѣрное, ибо Фирстенбергъ жилъ еще въ 1566 г. (см. Прик. Сб. II, стр. 394), но когда умеръ съ точностію неизвѣстно: кажется, что въ 1568 г.).

Какъ бы то ни было, но царь въ это время былъ очень милостивъ къ ливонскимъ плѣнникамъ (см. выше, стр. 156) и нѣкоторые изъ нихъ вступили въ московскую службу. Особенною милостію у царя пользовались два ливонскіе дворянина, Іоаннъ Таубе и Элертъ Крузе, взятые въ плѣнъ еще въ 1560 г. Около 1567 г. они вступили въ царскую службу и постоянно старались утверждать Іоанна въ мысли дать Ливоніи особаго владѣтеля съ вассальными обязанностями къ московскому государю и, когда умеръ Фирстенбергъ, указывали ему на двухъ людей, способныхъ замѣнить его: на герцога курляндскаго Кетлера и на владѣтеля Эзеля Магнуса.

Царь былъ вовсе не прочь рѣшить ливонскій вопросъ подобнымъ образомъ, видя ясно, что борьба съ двумя государствами ему не подъ силу.

Траубе и Крузе испросили позволеніе царя отправиться въ Дерптъ, чтобы вести дѣла на мѣстѣ. Царь позволилъ, и они прежде всего въ 1569 г. обратились къ Ревелю.

Таубе до плѣна былъ манрихтеромъ въ рижскомъ архіепископствѣ, а Крузе епископскимъ фохтомъ въ Дерптѣ.

40. Предложенія Дуве и Крузе по поводу присоединенія Ревеля къ русскимъ.

«Послѣ того, какъ теперь, къ несчастію, всякій ясно сознаетъ, какимъ образомъ добрая Ливонія, наше любезное отечество, терпитъ большія затрудненія, страхъ, заботы и крайнюю нужду, вотъ уже двѣнадцать лѣтъ и даже болѣе, какъ изъ за внутреннихъ раздоровъ и несогласій ея правителей, такъ равно и изъ за войны съ русскими, происшедшей вслѣдствіе неисполненія ливонцами ихъ обѣщанія. Да, плавала Ливонія въ крови, еще и теперь подвергается той же опасности, и не смотря на это ее безо всякой помощи и утѣшенія покинули какъ всѣ туземные, такъ и чужестранные государи, а мы достовѣрно слышали и знаемъ, что русское царское величество, какъ государь и наслѣдный князь ливонскихъ земель, вполнѣ рѣшился покорить сильной рукой и большимъ войскомъ всю Ливонію, все что еще осталось отъ крѣпостей, городовъ и мѣстечекъ, какъ наслѣдственную землю его царскаго величества; отклонить его отъ этого намѣренія никто не въ состояніи. Поэтому мы, изъ христіанскаго состраданія и врожденной любви, которую всегда питали къ нашему любезному отечеству, близко приняли это къ сердцу, мы неустанно воздыхали и молились всемогущему Господу, чтобы онъ указалъ намъ пути и средства, какъ предохранить бѣдную страну отъ столь великаго предстоящаго кровопролитія, какъ снова возстановить и сохранить въ ней миръ, тишину и всякое благосостояніе.

«Когда же милосердый Господь открылъ намъ добрыя средства и пути, которыми не только будутъ совершенно устранены предстоящее несчастіе, войны и кровопролитіе, а также и всѣ затрудненія, но которыми вся Ливонія, а въ особенности городъ Ревель, достигнутъ неслыханной свободы, богатства и во всемъ успѣха, мы отъ всего сердца пожелали дружелюбно завести переговоры о такихъ важныхъ

вещахъ съ нѣкоторыми вѣрными, подходящими и сговорчивыми людьми изъ среды достоуважаемаго магистрата въ Ревелѣ, и вслѣдствіе этого мы писали достоуважаемому ревельскому магистрату А такъ какъ вы присланы по нашему желанію и письму, то неугодно ли вамъ, чтобы больше принять къ сердцу и взвѣсить всю важность этого дѣла, вспомнить, какое утѣшеніе, защиту и спасеніе наша добрая земля получила въ нуждѣ и затрудненіяхъ отъ его императорскаго величества римскаго и отъ священной имперіи нѣмецкаго народа. Нѣсколько разъ собирался имперскій сеймъ, для чего употреблялись большія суммы денегъ и происходили большія издержки, а ничего больше не вышло, какъ только то, что римская имперія послала къ русскому царскому величеству ничтожное посольство, которое ничего или очень мало сдѣлало въ пользу или на утѣшеніе Ливоніи, но привезло въ отвѣтъ слѣдующее· «Великій князь и государь всея Россіи принужденъ воевать съ ливонцами по весьма настоятельной нуждѣ, къ тому же Ливонія его старая отческая наслѣдственная земля; онъ не можетъ и не желаетъ отступить, пока опять не подчинитъ ее своему владычеству; поэтому онъ желаетъ, чтобы римское императорское величество и священная имперія совершенно отказались бы отъ этихъ земель» Этимъ и удовольствовалась римская имперія, нисколько уже болѣе не заботясь о Ливоніи.

«Вы знаете, во вторыхъ, какъ сословія ливонскихъ земель просили утѣшенія, помощи и спасенія отъ державнаго государя всея Россіи у достохвальнаго покойнаго короля датскаго, знаете, что его королевское величество не хотѣлъ и не могъ возстать противъ великаго князя и государя всея Россіи; знаете также, что и нынѣшній король датскій, желая добыть миръ у русскихъ для себя и своего брата герцога Магнуса, долженъ былъ обязаться государю ни силой, ни какимъ либо другимъ путемъ не занимать болѣе городовъ или мѣстечекъ въ Ливоніи, и долженъ благодарить Бога, что послѣ долгихъ просьбъ получилъ наконецъ миръ съ этимъ условіемъ.

«Что касается, втретьихъ, до утѣшенія и помощи, которыя получили люди архіепископства рижскаго отъ поляковъ, то яснѣе дня, что поляки больше притѣсняютъ, чѣмъ защищаютъ добрыхъ людей, что послѣдніе должны переносить большую кичливость, всякій позоръ и безчинства, хотя поляки и зовутъ себя добрыми христіанами, а русскихъ считаютъ нехристями и варварами, между тѣмъ, какъ достохвальный государь всея Россіи не терпитъ въ своей странѣ подобныхъ безчинствъ, а строжайшимъ образомъ наказываетъ ихъ. Поляки даже во вредъ всему христіанству заключили вѣчный миръ съ непримиримыми врагами христіанской вѣры, съ турками.

«И хотя король польскій намѣренъ былъ лѣтъ семь тому назадъ выдать свѣтлѣйшую высокородную княгиню Катерину, свою сестру, теперешнюю законную супругу герцога финляндскаго, замужъ

за государя всея Россіи, когда скончалась ея величество царица (Анастасія), и тѣмъ продлить миръ, и государь всея Россіи не имѣлъ ничего какъ противъ достоуважаемой княгини, такъ и противъ дальнѣйшаго мира съ поляками; но поляки поставили при этомъ затруднительное условіе, а именно чтобы наслѣдниками русскими были царевичи, рожденные отъ ихъ достоуважаемой княгини, а не отъ покойной царицы, государь же всея Россіи ни въ какомъ случаѣ не соглашался на это, потому ничего и не вышло какъ изъ сватовства, такъ и изъ дальнѣйшаго мира, напротивъ возникла открытая война между обоими государствами, и русскій отнялъ у поляка болѣе ста миль лучшихъ земель и такъ смирилъ поляка, что онъ очень усердно сталъ просить мира и предложилъ также, что если русскій снова очиститъ и отдастъ отнятыя земли и крѣпость Полоцкъ съ другими нѣсколькими и откажется отъ притязанія на Кіевъ, то и онъ согласенъ взамѣнъ того отдать государю всея Россіи всѣ земли, города, замки и крѣпости, которыми онъ владѣлъ уже въ Ливоніи. Изъ этого вы легко можете заключить, насколько и какого добра желаетъ полякъ доброй Ливоніи; и это все не вымышлено, а сущая правда.

«Къ тому же поляки предлагали это великому князю не на дняхъ, а за много лѣтъ тому назадъ, поэтому навѣрное переговоры съ поляками русскіе будутъ вести на предложенныхъ уже основаніяхъ. Изъ этого вы должны понять, что если дѣло будетъ улажено такимъ путемъ между поляками и русскими, то очень трудно будетъ, даже никогда невозможно будетъ, достигнуть тѣхъ выгодъ, которыя открываются теперь городу Ревелю.

«Что касается, наконецъ, до Гарріена и города Ревеля, присвоенными себѣ королемъ шведскимъ, то имъ было хорошо, пока былъ миръ между королемъ Эрикомъ и великимъ княземъ, особенно когда герцогъ финляндскій вмѣстѣ со своей супругой жилъ у его королевскаго величества въ кустодіи (подъ стражею), и послѣдній черезъ своихъ пословъ предложилъ княгиню великому князю и государю всея Россіи и велѣлъ сказать, что герцогъ Іоаннъ скончался. Когда же государь всея Россіи услышалъ иначе объ этомъ дѣлѣ и узналъ правду, то изъ этого замысла ничего не вышло. Хотя царь всея Россіи, какъ выше было сказано, совершенно отказавшись отъ достохвальной княгини, никогда послѣ того не сватался къ ней, тѣмъ менѣе желалъ жить съ ней въ нечестіи противъ божескаго и человѣческаго закона всѣхъ народовъ; но поелику полякъ былъ въ то время, какъ есть и теперь, непримиримымъ врагомъ русскаго, то великій князь въ насмѣшку надъ своимъ непримиримымъ врагомъ, полякомъ, предлагавшемъ ему прежде эту княгиню, хотѣлъ привезти ее къ себѣ и принять ее, не мало употребивъ издержекъ на это, и желая содержать ее по княжески со всѣми почестями въ какомъ

нибудь монастырѣ или теремѣ. Когда же великій князь узналъ всю правду о дѣлѣ и въ другомъ видѣ, чѣмъ ему сообщилъ король Эрикъ, то прежній миръ объявленъ недѣйствительнымъ, и совсѣмъ уничтоженъ; и со шведами, пока они не откажутся отъ Ливоніи, не будетъ заключенъ миръ, какія бы пышныя посольства они не отправляли. Царь всея Россіи низачто не откажется отъ города Ревеля, Гарріена и другихъ земель, принадлежащихъ къ Ливоніи, онъ твердо рѣшился завоевать со своимъ войскомъ городъ Ревель, за что уже почти и принялся два года тому назадъ, но ему помѣшала въ то время зараза, сильно свирѣпствовавшая тогда въ Москвѣ, за что вы особенно должны благодарить Господа. Въ состояніи ли вы долго сопротивляться такой силѣ и могуществу государя всея Россіи, мы даемъ вамъ на размышленіе. Мы смотримъ на это не какъ на шутку, но клянемся вамъ Богомъ, который да поможетъ нашимъ тѣламъ и душамъ вмѣстѣ съ нашими любезными женами и дѣтьми, что хотимъ предупредить васъ благовременнымъ совѣтомъ. Это въ высшей степени важно для васъ самихъ. ради насъ самихъ намъ ненужно дѣлать этого, потому что, благодареніе Господу, мы настолько одарены милостями и имѣніями нашимъ всемилостивѣйшимъ царемъ и государемъ, что отъ васъ намъ ничего не нужно. Еще менѣе того мы добиваемся чести и славы у великаго князя. Потому что, еслибы мы къ славному городу Ревелю и землѣ гарріенской вмѣстѣ со всѣми другими ливонскими городами и сословіями и къ нашему любезному отечеству относились не съ вѣрнымъ уваженіемъ и желаніемъ пользы, и теперешнимъ нашимъ доброжелательствомъ навязали бы краю какую либо повинность, то мы должны были бы сами казнить себя за то, что навлекли на свою голову и на голову нашихъ вѣчное проклятіе, стыдъ и позоръ, отъ чего милостиво да сохранитъ насъ Господь. Ибо знаемъ, что все, что мы дѣлаемъ, то дѣлаемъ съ чистой совѣстью передъ Богомъ и всѣми людьми, на пользу добраго города Ревеля и всѣхъ ливонскихъ сословій, желаемъ пользы истинно такъ, какъ желаемъ, чтобы Господь помогъ нашимъ тѣламъ и душамъ. И такъ предлагаемъ нашу готовность совѣтовать и служить городу Ревелю, равно какъ и опечаленному дворянству, со всей вѣрностью и съ полнѣйшимъ усердіемъ.

«Не скроемъ отъ васъ, что промысломъ милосердаго Господа, единственно которому мы это приписываемъ и за что благодаримъ его, мы осыпаны нашимъ всемилостивѣйшимъ царемъ и государемъ большими, невыразимыми милостями. Пользуясь не только лично старою нѣмецкою свободою, но будучи также одарены многими землями и людьми, мы поставлены управлять всѣми русскими начальниками надъ этими землями въ Ливоніи; кромѣ того по нашему ходатайству уведенные дерптцы освобождены и выпущены изъ неволи. Сверхъ того мы имѣемъ власть, по нашему собственному благоусмотрѣнію и желанію, поставить въ дерптскомъ епископствѣ нѣмецкаго

князя, чрезъ что дерптцы вполнѣ достигаютъ своей прежней свободы и образа жизни и впредь всегда могутъ сохранить ихъ. Потому что царь всея Россіи, нашъ всемилостивѣйшій государь, сказалъ намъ, что онъ самъ нѣмецкаго происхожденія, изъ баварскаго рода *), и желаетъ поэтому, чтобы нѣмцы были свободны и чтобы въ странѣ не было ни поляка, ни литовца или шведа. Русскіе и сами очистятъ страну; великій князь самъ сознаетъ, что неприлично русскимъ жить у нѣмцевъ, тѣмъ менѣе управлять и повелѣвать ими; потому что это грубый, невоспитанный народъ, а великій князь удивительный государь, который не особенно то довѣряетъ своимъ собственнымъ людямъ, русскимъ **). Потому что онъ любитъ правду, судъ и справедливость, и далъ намъ полномочіе вести переговоры также и съ другими городами и сословіями въ Ливоніи, и все что мы сдѣлаемъ по этому поводу, будетъ ему пріятно, и онъ твердо сдержитъ свое слово. Это мы, вслучаѣ нужды, и представимъ и докажемъ.

«Такимъ образомъ, господа послы, вы теперь знаете пути и средства, которыми можно предотвратить предстоящее несчастіе и кровопролитіе. Если желаете остаться при мирѣ, спокойствіи и добромъ пропитаніи, и хотите открыть намъ это, то мы снова предлагаемъ, такъ истинно, какъ желаемъ, чтобы Господь спасъ нашу душу и тѣло, принять нашъ чистосердечный и прямой совѣтъ, которымъ добрый городъ Ревель не только останется при своей старой свободѣ, власти, судѣ и правахъ, но достигнетъ такого невыразимаго богатства и благоденствія, какъ никакой христіанскій городъ. Пусть господа послы не боятся чего либо, а говорятъ съ нами откровенно, безъ подозрѣній, довѣрчиво, а мы ожидаемъ и желаемъ теперь вашего отвѣта»

*) Въ прим. 166 къ IX тому исторіи государства Россійскаго Карамзинъ пишетъ, что между бумагами, присланными ему изъ кенигсбергскаго архива, есть письма Зенге или Ценга къ маркграфу Альбрехту изъ Любека отъ 20-го декабря 1566 г. Тамъ сказано: Онъ (мюнстерскій житель Германъ Писпинкъ, жившій въ Москвѣ) говорилъ, что Каспаръ Эйерфельдтъ находится въ большой милости у великаго князя и призывается ко всѣмъ совѣщаніямъ; находится въ милости, хоть и не такой прочной, также и Адріанъ Кальбъ, Ульрихъ Краузъ (Крузе) и Гансъ Таубъ (Таубе) также стоятъ хорошо, хоть и не такъ высоко, какъ первые два... Царь утверждалъ, что родъ его происходитъ отъ баварскихъ владѣтелей и что имя нашихъ „бояръ“ означаетъ „баварцевъ“

Здѣсь не излишне вспомнить, что Іоаннъ любилъ производить свой родъ и отъ римскаго императора Августа. Когда, послѣ взятія Полоцка, и окончанія перемирія, въ Москву въ 1564 г. прибыли литовскіе послы — крайчій Ходкѣвичъ и маршалокъ Воловичъ съ писаремъ Гарабурдою — для переговоровъ о мирѣ, то царь однажды сказалъ имъ: „А прародители наши ведутъ свое происхожденіе отъ Августа кесаря“ Бояре, въ разговорѣ съ послами, вывели такъ генеологію государей московскихъ: Августъ кесарь, обладавшій всею вселенною, поставилъ брата своего Прусса на берегахъ Вислы рѣки по рѣку, называемую Нѣманъ, и до сего года по имени его зовется Прусская земля, а отъ Прусса 14-е колѣно до великаго государя Рюрика.

**) Флетчеръ пишетъ: Іоаннъ велѣлъ одному англійскому золотарю сдѣлать для него блюдо и хорошенько взвѣсить отданный ему слитокъ сего металла, примолвивъ: „не вѣрь моимъ русскимъ: они всѣ воры“. Англичанинъ улыбнулся: царь хотѣлъ знать причину. Если угодно вашему величеству (сказалъ золотыхъ дѣлъ мастеръ), то не скрою отъ васъ мысли своей: называя всѣхъ русскихъ ворами, забываете, что и вы сами принадлежите къ ихъ числу. „Нѣтъ, отвѣчалъ Іоаннъ, я не русскій: мои предки были нѣмцы».

Прим. перев.

41. Отвѣтъ ревельскихъ пословъ.

Тогда выступили послы изъ Ревеля и отвѣтили на длинную, растянутую и околичную рѣчь слѣдующимъ образомъ коротко и просто: «Изъ вашего предложенія мы во всякомъ случаѣ достаточно убѣдились въ вашихъ чистосердечныхъ намѣреніяхъ, въ вашемъ отеческомъ и христіанскомъ расположеніи къ общему отечеству и доброму городу Ревелю, за что вамъ премного благодарны. Мы считаемъ васъ также за людей, которые по отечески и чистосердечно желаютъ намъ добра, и не только на словахъ, но и на дѣлѣ докажутъ это. Но чтобы предложить и открыть намъ средства и пути, которыми можно было бы предотвратить предстоящее несчастіе и возстановить прежнее благосостояніе добраго города Ревеля, для этого мы считаемъ себя слишкомъ ничтожными. Мы не имѣемъ никакого свѣдѣнія и никакого полномочія отъ нашихъ любезнѣйшихъ старшинъ и достопочтеннаго магистрата Ревеля, которые ничего не знаютъ о вещахъ, предложенныхъ теперь вами, но мы находились въ полной увѣренности, что между великимъ княземъ и государемъ всея Россіи и королемъ шведскимъ, нашимъ милостивымъ государемъ, еще существуютъ добрыя отношенія. Недавно еще изъ шведскаго королевства пришло извѣстіе, что передовой гонецъ возвратился изъ Москвы съ добрыми вѣстями и король шведскій надняхъ пошлетъ большое посольство къ великому князю. Поэтому у насъ нѣтъ другаго приказанія, какъ вы видите изъ нашей инструкціи, кромѣ того только, чтобы выслушать и старательно запомнить ваше чистосердечное доброжелательство по содержанію вашего пространнаго письма, полученнаго достопочтеннымъ магистратомъ, и затѣмъ услышанное отъ васъ передать самымъ точнымъ образомъ нашимъ старшинамъ. Лучше бы было, если бы вы письменно изложили магистрату то, что вы теперь открыли и еще откроете намъ, но какъ вы не могли сдѣлать этого, и у насъ также нѣтъ другаго приказанія, кромѣ сказаннаго, то мы покорнѣйше просимъ васъ довѣриться намъ, и прежде всего открыть то, что вы задумали. А мы затѣмъ старательно и точно передадимъ это достопочтенному магистрату; и тогда вы получите скорѣйшій и ясный отвѣтъ»

42. Конецъ первыхъ переговоровъ.

На это они отвѣтили: «Важность дѣла не допускаетъ рѣшать его въ короткое время и торопливо, поэтому они желаютъ отсрочки до слѣдующаго дня, а затѣмъ снова пригласятъ ревельскихъ пословъ поговорить о дѣлѣ, теперь же благоволятъ послы отвѣдать съ ними хлѣба соли». Что и было сдѣлано. За столомъ сидѣло нѣсколько нѣмецкихъ ратсгерровъ и дерптскихъ бюргеровъ, а также нѣсколько знатныхъ русскихъ господъ и бояръ, которые старались быть очень

ласковыми съ ревельцами. Здѣсь же пущены были въ ходъ различные планы, коварства, хитрости и лукавства, которые можно только придумать, на пользу ихъ предпріятія и на выгоду московиту

43. Послѣдніе переговоры.

16-го апрѣля (1569 г.) ревельскіе послы были приглашены притти на прежнее мѣсто; и когда они явились, Іоаннъ Дуве Фирскій снова началъ и сказалъ

«Вы, господа ревельцы, безъ сомнѣнія можете дать себѣ отчетъ въ томъ, что мы говорили вамъ вчера. Было рѣшено, что мы сообщимъ вамъ сегодняшній день нашъ вѣрный совѣтъ и доброжелательство. Истинно то, что миръ и согласіе между великимъ княземъ и королевствомъ Швеціей совершенно порваны, и объявлены недѣйствительными. Мы знаемъ съ точностію, что король шведскій, посылай онъ какія хочетъ большія посольства, никогда не получитъ мира для этихъ мѣстъ, еслибы даже и добился чего либо для королевства шведскаго. Въ этомъ краѣ не будетъ никакихъ уступокъ ни шведу, ни поляку, ни литовцу; а пока ревельцы будутъ стоять на сторонѣ короля шведскаго, то гнѣвъ могущественнаго царя и государя всея Россіи на землю Гарріенъ и городъ Ревель будетъ такъ великъ, какъ ни одинъ человѣкъ не можетъ придумать, а не то чтобы описать великія несчастія и горести, предстоящія ревельцамъ съ ихъ женами и дѣтьми. И хотя у ревельцевъ довольно крѣпкій городъ, но все таки они не долго выдержали бы это несчастіе. Напротивъ, еслибы ревельцы обратились къ великому князю, то свобода и власть и богатство города Ревеля и его жителей явились бы такъ великими, какъ не бывало ни въ одномъ городѣ на свѣтѣ, и не будетъ во вѣки вѣковъ.

«Вотъ въ чемъ состоитъ ихъ прямодушный и доброжелательный совѣтъ, о которомъ они, конечно, уже вели переговоры съ достохвальнымъ государемъ всея Россіи, и его царское величество, по ихъ ходатайству, всемилостивѣйше склоняется на оный. Передъ Ревелемъ открыты два пути:

«Во первыхъ, такъ какъ ревельцы съ низложеніемъ короля Эрика освобождаются отъ присяги передъ Богомъ и всѣмъ свѣтомъ, то съ чистою совѣстью пусть присягнутъ царю всея Россіи. За это его царское величество приметъ ихъ за своихъ царскихъ свободныхъ людей, городъ Ревель останется и будетъ называться свободнымъ имперскимъ городомъ, ревельцы будутъ не только господами города, но будутъ также владѣть и управлять соборомъ и замкомъ со всѣми принадлежащими къ нему статьями и доходами, ихъ также не будутъ утруждать русскими начальниками или чиновниками; а если ревельцы сочтутъ лучшимъ, то могутъ поставить надъ городомъ нѣмецкаго князя, котораго найдутъ наиполезнѣйшимъ для себя. Ихъ не станутъ

обременять никакими нововведеніями, налогами или пошлиною, но городъ Ревель будетъ снабжёнъ всѣми припасами и жизненными потребностями, потому что склады изъ Нарвы и другихъ нѣмецкихъ городовъ, а также и другихъ чужихъ народовъ будутъ перенесены сюда. Еслибы государю всея Россіи и пришлось бы воевать за Ливонію и городъ Ревель, то ревельцамъ все таки не нужно будетъ дѣлать больше того, что они дѣлали для своихъ прежнихъ нѣмецкихъ владѣтелей. Они даже могутъ совсѣмъ отмѣнить и это, потому что царь и великій князь нисколько не желаетъ притѣснять ревельцевъ, а хочетъ только носить имя ихъ покровителя и заступаться за нихъ и защищать ихъ ото всякаго.

«Но если ревельцы найдутъ неудобнымъ присягать непосредственно государю всея Россіи, то имъ между прочимъ предоставлено будетъ право выбрать себѣ какого нибудь нѣмецкаго князя или одного изъ дворянъ, которому они довѣряютъ, и затѣмъ указать на него. Устроится тогда такъ, что ревельцы присягнутъ избранному, а не великому князю. Только одинъ этотъ князь или дворянинъ долженъ будетъ присягать великому князю, однако не иначе, такъ какъ свободный нѣмецкій князь и владѣтель или курфирстъ присягаетъ римскому императору; ревельцы же будутъ пользоваться всѣми льготами и кормленіями, названными выше, какъ еслибы сами присягали великому князю.

«Который изъ этихъ двухъ способовъ ревельцы найдутъ болѣе подходящимъ для себя, пусть они о томъ переговорятъ со своими любезными старшинами и достопочтеннымъ магистратомъ Ревеля, но пусть не затягиваютъ столь важнаго дѣла, а дадутъ возможно скорый и положительный отвѣтъ.

«Для того, чтобы ревельцы нисколько не опасались, что не будетъ исполнено все обѣщанное имъ именемъ великаго князя и государя всея Россіи, то великій князь и они (Таубе и Крузе) позаботились, чтобы все обѣщанное было скрѣплено печатями и удостовѣрено митрополитомъ русскимъ и всѣмъ духовенствомъ, равно какъ и ревельцами, чего до сихъ поръ никогда не случалось даже слышать; поэтому ревельцы вполнѣ и твердо могутъ положиться на исполненіе обѣщаннаго.

«Если настоящее предложеніе будетъ принято, то предоставляется ревельцамъ обдумать. Не совершилось ли бы все это къ пользѣ всего христіанства и въ назиданіе христіанской церкви, если земли въ Ливоніи такимъ образомъ достигнутъ своей старой свободы и прежняго благосостоянія и будутъ управляться однимъ государемъ, безо всякихъ однако тягостей. Въ такомъ случаѣ и государь всея Россіи намѣренъ заключить вѣчный миръ какъ съ римскою имперіею, такъ и со всѣми сосѣдними христіанскими государями, и вступить съ ними въ союзъ

противъ непримиримыхъ враговъ христіанства — турокъ, чтобы изгнать ихъ снова изъ христіанскихъ земель, и по всему свѣту распространить святое божественное и единственно спасающее слово.

Поелику же милосердый Господь даровалъ великому князю двухъ наслѣдниковъ, то онъ постарается, что уже и начато, женить ихъ на христіанскихъ нѣмецкихъ царевнахъ или княжнахъ, на это ревельцы должны обратить особенное вниманіе. Если же господа послы находятъ, что ревельцамъ слѣдовало бы переговорить объ этихъ вещахъ съ рижанами, какъ съ друзьями и сосѣдями, то это предоставляется усмотрѣнію ихъ самихъ и достопочтеннаго магистрата»

На это господа послы изъ Ревеля опять отвѣчали. они съ сокрушеннымъ сердцемъ видятъ, что противъ всякаго ожиданія государь всея Россіи положилъ свой гнѣвъ на добрый городъ Ревель. Но утѣшаются своимъ чистосердечнымъ и отеческимъ расположеніемъ къ своему любезному отечеству и тѣмъ, что находятся въ большомъ уваженіи у достославнаго государя всея Россіи и этимъ могутъ отвратить угрожающее бѣдствіе.

Поэтому они просятъ государя сохранить для Ревеля доброе расположеніе до тѣхъ поръ, пока они не передадутъ всего этого своимъ любезнымъ старшинамъ и не доставятъ отвѣта.

Все это упомянутые Іоаннъ Дуве и Элертъ Крузе вѣрно и усердно обѣщали ревельскимъ посламъ въ Везенбергѣ и затѣмъ то же самое написали магистрату города Ревеля.

(Въ 1-мъ изданіи лѣтописи Рюссова было сказано Затѣмъ двое изъ магистрата, а именно Конрадъ Деллинкгузенъ, синдикъ, и Фредрикъ Зандштеде, членъ магистрата, были посланы въ Везенбергъ, чтобы выслушать ихъ предложенія и мнѣнія. Когда же они прибыли туда, упомянутые Іоаннъ Дуве и Элертъ Крузе предложили ревельскимъ посламъ слѣдующее.

Такъ какъ король Эрикъ, шведскій государь, взятъ въ плѣнъ и ревельцы освободились отъ присяги, то пусть они найдутъ себѣ нѣмецкаго государя какъ для пользы и благосостоянія всей страны, такъ и своей собственной; а этого государя вмѣстѣ съ землей и городомъ царь всея Россіи возьметъ подъ свое покровительство и будетъ защищать ото всякаго. А когда они сдѣлаютъ это, то царь и великій князь даруетъ большія милости городу Ревелю и сдѣлаетъ изъ него такой торговый городъ, какого другаго не будетъ при всемъ Балтійскомъ морѣ.

И много другихъ вещей, которыя они могли только придумать въ пользу своего предпріятія и на выгоду московита, обѣщали они посланникамъ убѣдительно и очень усердно. Когда же ревельскіе послы выслушали ихъ мнѣнія и предложенія, то сослались на своихъ старшинъ и на общину и обѣщали доставить имъ отвѣтъ какъ можно

скорѣе. По окончаніи этихъ переговоровъ, они (Таубе и Крузе) пригласили ревельскихъ пословъ къ себѣ въ гости, и хорошо угостили ихъ; нѣсколько знатныхъ русскихъ бояръ сидѣли также за столомъ и очень дружелюбно относились къ ревельцамъ. За столомъ, какъ и до того, вышеупомянутые Іоаннъ Дуве и Элертъ Крузе свято божились своей присягой и частью царства небеснаго, что они всей душой преданы городу Ревелю и всей Ливоніи, своему любезному отечеству, и желали ей наивысшаго блага. Но какого же они желали добра Ливоніи и городу Ревелю, когда хотѣли подчинить городъ вмѣстѣ съ другими ливонскими городами и землями московитскому игу, объ этомъ можетъ судить всякій благоразумный человѣкъ. За обѣдомъ они притворялись очень дружелюбными, воздавали большой почетъ господину синдику и очень прославляли господина Фредерика Зандштеде за его видную наружность, ловкость и способности, удивительныя въ молодомъ человѣкѣ. Но все это были лишь козни и сѣти, которыми хотѣли опутать ревельцевъ. На другой же день послы распростились и поѣхали назадъ домой).

44. Датскіе и любекскіе военные корабли обстрѣливаютъ Ревель, 1569 г.

Въ 1569 г., 9-го іюля рано утромъ въ субботу, на ревельскій рейдъ пришли военные корабли датчанъ и любчанъ, числомъ болѣе тридцати. Тогда датскій адмиралъ Перъ Мункъ отправился въ гавань со своимъ большимъ кораблемъ и сильно стрѣлялъ; ядра въ 34 фунта перелетали черезъ колокольню св. Олофо (Олая) надъ колоколами; онъ совершенно разрушилъ гавань и отнялъ болѣе 30 торговыхъ кораблей, изъ которыхъ одни были полунагружены, другіе же совсѣмъ нагружены разными русскими товарами, между этими кораблями было также нѣсколько собственно любекскихъ торговыхъ кораблей, а также пригналъ на рейдъ много шведскихъ судовъ съ полнымъ грузомъ, ограбилъ и сжегъ ихъ. Они также сожгли до тла два магистратскихъ корабля, отнятые въ прошломъ году у датскихъ купцовъ на пути въ Нарву И еслибы упомянутые непріятели высадились у кирпичнаго завода, то они легко могли бы застать въ расплохъ городъ и занять его; потому что погода была такая туманная, что ничего не было видно передъ собой, и ни одинъ человѣкъ въ городѣ не зналъ, что непріятели такъ близко, почему всѣ городскіе ворота уже рано утромъ вездѣ были открыты. Этимъ же разомъ, послѣ того какъ непріятели простояли на рейдѣ цѣлыхъ 13 дней по случаю неблагопріятнаго вѣтра, въ Ревель прибыло изъ Швеціи, особенно изъ Гефорельна, много кораблей, нагруженныхъ мѣдью; они ничего не знали о датскомъ и любекскомъ флотѣ и были всѣ взяты; и всѣ купцы, взятые въ плѣнъ на корабляхъ, должны были выкупаться по своему со-

стоянію, а выкупъ должны были привозить изъ Ревеля. Не мало убытку потерпѣли тогда ревельскіе и другіе купцы. Въ то время ревельскіе купцы стояли въ розовомъ саду и съ большимъ сокрушеніемъ и печалью смотрѣли на свои убытки. И ревельская гавань имѣла точно такой видъ, какъ огорченная мать, у которой отняли дѣтей.

Въ туже суботу, когда гавань была такъ разграблена, и датскіе и любекскіе корабли стали на якорь на ревельскомъ рейдѣ, магистратъ Ревеля послалъ къ адмиралу просить перемирія до слѣдующаго дня до полудня и получилъ его. На слѣдующій день, въ воскресенье, 10-го іюля, ревельцы привезли тяжелыя орудія въ шанцы въ розовомъ саду и имѣли схватку съ непріятелями, подошедшими немного ближе со своими кораблями. Они не шутя перестрѣливались другъ съ другомъ. И хотя непріятели стрѣляли очень часто и почти весь народъ изъ города стоялъ на берегу и въ розовомъ саду, однако они не ранили ни одного человѣка. Простоявши у Ревеля 13 дней, они ушли съ награбленнымъ добромъ.

45. Коронованіе Іоанна III. Плѣнъ Эрика, 1569 г.

Въ то же воскресенье, 10-го іюля, когда корабли перестрѣливались съ ревельцами, Іоаннъ III, избранный королемъ Швеціи, былъ коронованъ въ Упсалѣ. Hic gloria sequitur humiliationem. Потому что благочестивый князь прежде подвергся такому гоненію, что всякій думалъ насталъ де его конецъ; но Господь перемѣнилъ счастіе и посрамилъ его клеветниковъ. Въ тоже время съ плѣннымъ королемъ Эрикомъ очень дурно обошелся шведскій рыцарь Олафъ Густавсонъ, брата котораго упомянутый король велѣлъ умертвить, за что онъ и хотѣлъ застрѣлить плѣннаго короля. Когда онъ прицѣлился въ него, король отскочилъ, но все таки былъ раненъ въ руку; очень странною показалась подобная расправа съ королевскою особою.

Прим. перев. Таубе и Крузе въ своихъ переговорахъ съ ревельскими послами сказали истинную правду, что добрыя отношенія. существовавшія между королемъ Эрикомъ и московскимъ государемъ, нарушились со вступленіемъ на шведскій престолъ Іоанна III, и что московскій государь готовится напасть на Эстонію.

Выше уже было замѣчено (см. стр. 165), что 29-го сентября 1568 г. король Эрикъ былъ низложенъ, и упомянуто, что русскіе послы, Воронцовъ и Наумовъ, въ этотъ день были до чиста ограблены солдатами въ Стокгольмѣ, потомъ на возвратномъ пути въ Россію были задержаны въ Або, гдѣ пробыли въ заточеніи 8 мѣсяцевъ и лишь въ іюлѣ 1569 г. возвратились въ Москву.

Новый король въ 1569 г. прислалъ въ Москву гонца просить опасной грамоты для своихъ пословъ. Опасную грамоту дали (объ этомъ знали ревельцы см. выше стр. 176) и въ концѣ 1569 г. шведское посольство было снаряжено. Посломъ былъ епископъ абовскій Павелъ Юстъ съ 50-ю человѣками свиты. Непривѣтливо встрѣтили пословъ въ Новгородѣ: велѣлъ государь свейскихъ пословъ ограбити, и грамоты королевскія и наказъ у нихъ поймати, за то,

что свейскій король ограбилъ пословъ государскихъ (см. Карамзина IX, прим. 242). Въ февралѣ 1570 г. ограбленныхъ пословъ привезли въ Москву и лишь въ іюнѣ начали съ ними переговоры чрезъ Ив. Мих. Висковатаго, который имъ объявилъ (см. Соловьева VI, 277): «Яганъ король присылалъ къ царю и великому князю бить челомъ, чтобъ велѣлъ государь дать опасную грамоту на его пословъ и велѣлъ своимъ новгородскимъ намѣстникамъ съ нимъ миръ и сосѣдство учинить по прежнимъ обычаямъ. По этой грамотѣ царь и великій князь къ Ягану королю писалъ (чрезъ шведскаго дворянина Энсона) и опасную грамоту ему послалъ. Но Яганъ король, не разсмотря той отписки и опасной государевой грамоты, прислалъ пословъ своихъ съ бездѣльемъ, не по опасной грамотѣ. Яганъ пишетъ, чтобъ заключить съ нимъ миръ на тѣхъ же условіяхъ, какъ царское величество пожаловалъ было брата его, Ирика короля, принялъ въ докончаніе для сестры польскаго короля Катерины. Если Яганъ король и теперь польскаго короля сестру, Катерину королевну, къ царскому величеству пришлетъ (условіе, очевидно, невозможное: мужъ чтобы прислалъ свою жену), то государь и съ нимъ заключитъ миръ по тому приговору, какъ дѣлалось съ Ирикомъ королемъ: съ вами о королевнѣ Катеринѣ приказъ есть ли?»

Послы отвѣчали: «Мы о Ягановой присылкѣ не знаемъ, что онъ къ царю писалъ; а пріѣхали мы отъ своего государя не браниться, пріѣхали мы съ тѣмъ, чтобъ государю нашему съ царемъ миръ и сосѣдство сдѣлать, и что съ нами государь нашъ наказалъ, то мы и говоримъ».

Посламъ объявили, что ихъ сошлютъ въ Муромъ (въ отмѣстку, конечно, за задержаніе Воронцова и Наумова въ Або). Они стали бить челомъ боярамъ, чтобъ царь съ нихъ опалу снялъ и велѣлъ новгородскому намѣстнику заключить миръ съ ихъ королемъ по старинѣ, но съ тѣмъ, чтобъ въ королеву сторону написаны были тѣ города ливонскіе, которые царь уступилъ Эрику.

О мирѣ въ Москвѣ уже не думали. Въ іюнѣ 1570 г. въ Москву пріѣхалъ герцогъ Магнусъ, который, по увѣренію епископа Павла, много надѣлалъ шведскимъ посламъ зла, сильно раздраживъ противъ нихъ царя. Бояре приговорили: шведскихъ пословъ задержать, государю дѣлать бы теперь литовское дѣло и выслушать челобитье датскаго королевича Магнуса, какимъ образомъ тому дѣлу быть пригоже, и какъ тѣ дѣла повершатся, тогда бъ государю шведскимъ дѣломъ промышлять.

Царь, выслушавъ приговоръ, приказалъ отправить пословъ въ Муромъ, гдѣ «выбрати дворъ добръ и крѣпокъ.... и по списку посольскихъ людей (50 человѣкъ) пересматривати ежедень.... не пускати никуды.... и ворота держати заперты, а на ночь замыкати». Въ Муромѣ изъ посольскихъ людей умерло отъ язвы 15 человѣкъ. Король шведскій присылалъ къ царю гонцовъ, прося отпустить епископа Павла. Но царь не отпускалъ, а 10-го ноября 1571 г. приговорилъ: «итти на непослушника своего, на свейскаго Ягана короля, войною за его неисправленіе.... а посламъ свейскимъ, маистру бископу абовскому съ товарищи, итти за собою къ Новгороду.... и лошадей подъ нихъ купити въ Муромѣ.... меринъ рубля по 2 и по полутретья лучшей». Послы выѣхали изъ Мурома 28-го ноября 1571 г., 8-го декабря нашли царя въ Клину и съ нимъ пріѣхали въ Новгородъ.

46. Какъ Клаусъ Курсель врасплохъ напалъ на ревельскій замокъ, 1570 г.

7-го января 1870 г Клаусъ Курсель, шведскій военачальникъ въ Ливоніи, со своими ротмистрами Юргеномъ Укселемъ Паденурмскимъ и Іоанномъ Майделемъ Воллустскимъ и Гинрикомъ Боусманомъ

и съ другими начальниками и гофлейтами внезапно напалъ на королевскій ревельскій замокъ, занялъ его, а губернатора, господина Габріеля Христіернсена, взялъ въ немъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, что причинило не малой ужасъ городу Ревелю и всѣмъ шведамъ въ Ливоніи. Такъ какъ это произошло въ суботу, то въ воскресенье рано утромъ ревельскій магистратъ послалъ спросить ихъ, по какимъ причинамъ они такъ неожиданно напали на королевскій замокъ и крѣпость и взяли ихъ. На это они дали такой отвѣтъ. они уже давно не получали жалованья отъ королевства шведскаго, и хотя достаточно говорили объ этомъ и многократно посылали своихъ начальниковъ и пословъ къ королю, однако ничего не получили. Къ тому же они должны другимъ людямъ, которые очень пристаютъ къ нимъ; поэтому они были принуждены, взять такимъ образомъ замокъ вмѣсто залога. Если они получатъ свое жалованье, то не станутъ удерживать замокъ отъ короля, а также не передадутъ его кому либо другому Но какъ господинъ Габріель не могъ въ скорое время достать денегъ, то вошелъ въ сдѣлку съ Клаусомъ Курселемъ и другими начальниками и гофлейтами, договоръ былъ подписанъ и снабженъ печатями обѣихъ сторонъ и гласилъ такъ Клаусъ Курсель со своими ротмистрами и простыми гофлейтами будетъ управлять замкомъ Ревелемъ и всѣми принадлежащими къ нему людьми и землями до предстоящей Тройцы и дальнѣйшаго распоряженія короля. Господинъ же Габріель со своей прислугой и шведскими ландскнехтами долженъ уйти изъ замка въ городъ и въ соборъ. Обѣ стороны не должны давать воли ни рукамъ, ни языку, не бранить и не обижать другъ друга.

47 Клаусъ Курсель входитъ въ союзъ съ герцогомъ Магнусомъ, 1570 г.

4-го февраля пришли въ Ревель письма герцога Магнуса Гольштейнскаго къ ревельскому магистрату и Клаусу Курселю, въ которыхъ онъ просилъ провожатыхъ для своихъ пословъ. Но ревельскій магистратъ не захотѣлъ дать ему провожатыхъ по той причинѣ, что не спросилъ на то позволенія у Габріеля Христіернсена, королевскаго губернатора, а магистратъ не желаетъ ничего дѣлать безъ его согласія и желанія. Но Клаусъ Курсель нетолько обѣщалъ дать провожатыхъ посламъ герцога Магнуса, но и выслалъ навстрѣчу имъ болѣе. 100 лошадей до самаго Леаля; великолѣпно встрѣтилъ ихъ и велѣлъ проводить до Укснурма, въ трехъ миляхъ отъ Ревеля. Магистратъ и община по упомянутой причинѣ не хотѣли впустить ихъ въ городъ, что не мало разсердило герцога Магнуса. Наконецъ Клаусъ Курсель сговорился съ герцогомъ Магнусомъ. чтобы тотъ прислалъ ему въ ревельскій замокъ 200 человѣкъ изъ своихъ нѣмецкихъ кнехтовъ, находившихся въ Аренсбургѣ, что герцогъ и обѣщалъ

ему Если бы эти кнехты прибыли въ замокъ, то Ревель имѣлъ бы очень странный видъ, будучи принужденъ оказать большую честь посламъ герцога, безъ согласія на то губернатора. Изъ за этихъ то 200 кнехтовъ Клаусъ Курсель со своими сообщниками подвергся не малому подозрѣнію въ мятежѣ, поэтому шведы принуждены были употребить всѣ усилія, чтобы преградить путь кнехтамъ и не пустить ихъ въ ревельскій замокъ.

48. Письмо отъ Дерпта къ Ревелю, 1570 г.

Тогда дерптскіе нѣмцы написали ревельскимъ, чтобы они всѣми силами старались освободиться отъ шведскаго ига, чего они отъ души желаютъ имъ. Здѣсь слѣпцы захотѣли водить зрячихъ. Потому что дерптцы сами были отягчены игомъ московита и неимовѣрно трудными службами, и на самомъ дѣлѣ они не желали отъ Господа ничего лучшаго, какъ подпасть подъ христіанское иго, подъ которымъ уже были ревельцы. Эта грамота была не отъ самихъ дерптцевъ, но отъ Іоанна Дуве и Элерта Крузе, которые оба подстрекали дерптскихъ бюргеровъ подчинить городъ Ревель власти московита. Потому что упомянутые Іоаннъ Дуве и Элертъ Крузе, оба ливонскіе дворянина, присягнули московиту, сдѣлавшему ихъ князьями.

Прим. перев. Таубе и Крузе, послѣ свиданія съ ревельскими послами въ Везенбергѣ (5-го апрѣля 1569 г.), отправились къ герцогу Кетлеру. Они расчитывали, что герцогъ, смѣненный въ 1566 г. (см. выше, стр. 159) съ должности ливонскаго администратора и имѣющій причины быть недовольнымъ польскимъ королемъ, склонится на ихъ предложеніе войти въ вассальныя отношенія къ московскому государству, но ошиблись въ расчетѣ. Герцогъ, хотя и принялъ ихъ дружески, но отказался отъ сдѣлки. Тогда Таубе и Крузе со своими предложеніями обратились изъ Дерпта къ герцогу Магнусу, проживавшему въ то время въ Аренсбургѣ. Тотъ не колебался ни мало, прислалъ въ Дерптъ своихъ довѣренныхъ совѣтниковъ Клауса Адеркаса и Дитриха Фаренсбаха, чтобы переговорить съ Таубе и Крузе. Результатъ переговоровъ былъ тотъ, что Магнусъ въ сентябрѣ того же 1569 г. отправилъ въ Москву своихъ пословъ: викскаго фохта Клауса Адеркаса, гофмаршала Антона Врангеля и канцлера Конрада Бурмейстера. Свита ихъ состояла изъ 34 человѣкъ. Послы 27-го ноября получили отъ царя предварительное удостовѣреніе, что онъ, царь, желаетъ предоставить герцогу Магнусу въ наслѣдственное ленное владѣніе всю Ливонію, по принесеніи въ Москвѣ присяги. Ливонскіе жители остаются при ихъ правахъ и преимуществахъ и при ихъ вѣроисповѣданіи; герцогъ обязуется содержать войско изъ 3000 человѣкъ. Но въ этомъ удостовѣреніи еще ничего не упоминалось о королевскомъ званіи.

Послы возвратились въ Аренсбургъ 27-го января 1570 г., — и герцогъ рѣшился, не откладывая дѣла, лично ѣхать въ Москву.

Таубе и Крузе между тѣмъ написали письмо въ Ревель, уговаривая ревельцевъ сдаться царю добровольно.

49. Іоаннъ Грозный, 1570.

Въ 1570 г зимою великій князь московскій въ собственной землѣ, особенно въ Новгородѣ и Псковѣ, учинилъ такое ужасное тиранство, какое не встрѣчается ни въ одной исторіи. Послѣ того какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ велѣлъ умертвить много народу изъ князей, воеводъ, дворянъ, подъячихъ, писарей, гражданъ и крестьянъ вмѣстѣ съ женами, и дѣтьми, а также брата своего отца, князя Владиміра Андреевича, съ женой и дѣтьми и всѣми его людьми, а также брата своей жены князя Михаила Темруковича, а также сжегъ много селъ и деревень, людей же убивалъ и грабилъ, спускалъ воду изъ прудовъ, такъ что вся рыба засыпала, а также уничтожалъ скотъ и хлѣбъ, такъ что никто не могъ пользоваться имъ, а за годъ передъ тѣмъ, въ 69 году убилъ въ Твери нѣсколько тысячъ людей, между которыми было также много плѣнныхъ нѣмцевъ и поляковъ, и побросалъ ихъ въ воду; послѣ всего этого онъ двинулся на масляницѣ вышеупомянутаго 70 года въ Новгородъ съ нѣсколькими тысячами своихъ тѣлохранителей, избранныхъ имъ для своихъ кровожадныхъ и тиранскихъ намѣреній, и которыхъ называли апрыстна (опричниками). Неожиданнымъ образомъ напавши на масляницѣ на Новгородъ, они причинили большую печаль, убивая и грабя, причемъ не былъ пощаженъ ни одинъ домъ. Опричники также обезчестили много знатныхъ красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ, они были до того дерзки и безсовѣстны, что многія женщины лишили себя изъ-за этого жизни. Затѣмъ онъ взялъ въ плѣнъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, связывалъ мужьямъ и женамъ руки вмѣстѣ, а маленькихъ дѣтей привязывалъ къ груди матерямъ, и затѣмъ цѣлыми кучами бросалъ въ воду, такъ что большая рѣка Волга (Волховъ), имѣвшая въ глубину около восьми сажень, до дна совершенно наполнилась трупами, такъ что ихъ кольями проталкивали подъ ледъ, чтобы они могли уплыть дальше. Затѣмъ нѣсколько сотъ женщинъ и дѣвушекъ раздѣли да нага и привели на мостъ, а когда вышелъ великій князь и проѣзжалъ мимо, то для его потѣхи этихъ женщинъ толкали въ воду Затѣмъ нѣсколько сотъ знатнѣйшихъ гражданъ и начальниковъ города Новгорода повѣсили за руки и подожгли одѣтую на нихъ одежду, и безчеловѣчно жгли ихъ живыхъ. Кромѣ того очень многихъ людей привязывали сзади къ санямъ за руки и за ноги и мчались съ ними по всему городу; когда же приходилось заворачивать на углахъ, то при быстрой гонкѣ, то одному, то другому отрывали то руку, то ногу Невозможно вкратцѣ описать подобныя неслыханныя тиранства, учиненныя московитомъ надъ собственными подданными въ Новгородѣ и Псковѣ.

Въ то же время московитъ послалъ нѣсколько тысячъ опричниковъ въ ливонскую Нарву, которые сначала подали видъ, будто

хотятъ предпринять походъ на шведовъ въ Ливоніи. Когда же ихъ впустили въ Нарву, то они тотчасъ же начали безчеловѣчно убивать, свирѣпствовать и неистовствовать. Здѣсь не былъ пощаженъ ни одинъ русскій высокаго-ли, низкаго-ли званія, даже ни одна женщина или ребенокъ. Но нѣмецкихъ купцовъ и ливонскихъ крестьянъ въ Нарвѣ не тронули; ихъ опричники только предупредили, чтобы они не скрывали у себя русскихъ, ни старыхъ, ни малыхъ, подъ страхомъ лишиться жизни и всего имущества.

Когда было произведено это смертоубійство въ Нарвѣ, тогда опустошили всѣ дома, амбары и лавки и всѣ товары, какъ то: пеньку, воскъ, сало, кожи, коноплю и множество драгоцѣнной мягкой рухляди, цѣною во много бочекъ золота, побросали на улицы и въ поле и зажгли, такъ что они чуть не задохлись отъ дыму, копоти и гари. Поэтому они не хотѣли больше жечь большихъ вещей, а свозили ихъ на Нарвскій мостъ, въ рѣкѣ вырубили большую дыру или прорубь, разрубили остальныя вещи на мелкіе куски и побросали ихъ рѣку, такъ что они всѣ или утонули или поплыли въ открытое море. И никто не смѣлъ, подъ страхомъ смерти, спрятать что-либо изъ этихъ вещей или присвоить себѣ.

Лѣтомъ послѣ того, въ томъ же году, великій князь безчеловѣчно велѣлъ умертвить 109 человѣкъ въ Москвѣ, изъ нихъ нѣкоторые были сварены въ кипящей водѣ; нѣкоторыхъ обезглавили и разрубили на нѣсколько частей; нѣкоторыхъ великій князь закололъ собственноручно, между послѣдними былъ также знатнѣйшій канцлеръ великаго князя, Иванъ Михайловичъ Висковатый, отличнѣйшій человѣкъ, подобнаго которому не было въ то время Москвѣ; его уму и искуству, какъ московита ни чему не учившагося, очень удивлялись всѣ иностранные послы. Великій князь московскій въ то время такъ жестоко и ужасно обращался съ своими собственными людьми и высокаго и низкаго происхожденія, что безчеловѣчно велѣлъ умертвить болѣе сорока тысячъ человѣкъ, способныхъ носить оружіе и годныхъ на войнѣ, кромѣ женщинъ, дѣвушекъ, дѣтей и разной челяди. Всѣ нѣмцы, бывшіе въ Москвѣ въ то время и послѣ того ѣхавшіе черезъ города и земли, подвергнувшіеся опустошенію, сознавались, что еслибы непріятель со стотысячнымъ войскомъ пробылъ въ Россіи, воюя цѣлый годъ, то немыслимо, чтобы онъ нанесъ московиту такіе убытки, какіе онъ нарочно наносилъ самъ себѣ. Причина же, почему это случилось, была та, что великій князь подозрѣвалъ своихъ людей въ томъ, что они хотятъ передаться королю польскому, но это была невѣрная клевета.

Прим. перев. Описаніе разгрома Новгорода въ общихъ чертахъ согласно и съ русскими источниками.

Напуганный отъѣздомъ Курбскаго и протестомъ, который тотъ подалъ отъ имени всѣхъ своихъ собратій, подозрительный, и чрезъ мѣру страстный

Іоаннъ заподозрѣлъ всѣхъ своихъ бояръ въ измѣнѣ государству и схватился за крайнее средство: 3 декабря 1564 г. онъ выѣхахъ изъ Москвы въ Александровскую Слободу, а въ январѣ 1565 г. послѣдовало учрежденіе опричнины, а съ нею началась и эпоха лютыхъ казней, — обезславившихъ этого государя, несомнѣнно способнаго и понимавшаго интересы московскаго государства гораздо лучше и дальновиднѣе всѣхъ современныхъ ему бояръ.

Казни не унимали педоброхотства, и не могли унять. а это еще болѣе ожесточало царя, человѣка по природѣ своей чрезвычайно впечатлительнаго. Мучимый подозрѣніями, онъ просто освирѣпѣлъ и впалъ въ неслыханныя крайности, которыя чрезвычайно вредили ему и какъ человѣку, и какъ государю. Слухи, къ несчастію, совершенно вѣрные о его жестокостяхъ и свирѣпомъ нравѣ распространялись далеко въ сосѣднихъ государствахъ, — и много, даже несомнѣнно очень много послужили къ тому, что въ Литвѣ партія, старавшаяся о соединеніи Западной Россіи съ Восточною, не находила особенно сильной поддержки, а въ Ливоніи планы Таубе и Крузе о подчиненіи этой страны московскому государству не находили себѣ ревностныхъ приверженцевъ.

Разгромъ Новгорода произошелъ по слѣдующему случаю: лѣтомъ 1569 г. явился къ царю какой-то Петръ, родомъ волынецъ, и донесъ, что новгородцы хотятъ предаться польскому королю, что у нихъ написана уже и грамота объ этомъ и положена въ Софійскомъ соборѣ за образомъ Богоматери. Іоаннъ отправилъ съ Петромъ довѣреннаго человѣка, который дѣйствительно отыскалъ за образомъ грамоту и привезъ къ государю: подписи — архіепископа Пимена и другихъ оказались вѣрными. Говорятъ, что этотъ Петръ, бродяга, наказанный новгородцами, самъ сочинилъ грамоту и необыкновенно искусно подписался подъ руку архіепископа и др. гражданъ. Какъ-бы то ни было, но Іоаннъ рѣшился лично разгромить Новгородъ. Въ декабрѣ 1569 г. онъ двинулся туда съ Александровской Слободы, и въ какомъ-то изступленіи началъ опустошать земли по дорогѣ. Опустошенія начались съ Клина. 2 января 1570 г явился въ Новгородъ передовой отрядъ царской дружины, а 6 числа прибылъ самъ царь съ сыномъ Іоанномъ. На другой-же день начался разгромъ и продолжался до 13 февраля. Въ этотъ день Іоаннъ выѣхалъ въ Псковъ, который былъ ограбленъ, хоть и не такъ жестоко, какъ Новгородъ. По возвращеніи царя въ Москву началось и «измѣнное сыскное дѣло», которое хотя не дошло до насъ, но результаты его извѣстны: оно повлекло за собою новыя казни. Замѣчательно, что на этотъ разъ были казнены и важнѣйшіе опричники.

Во время производства сыскнаго дѣла въ Москву прибылъ герцогъ Магнусъ Гольштейнскій.

50. *Герцогъ Магнусъ становится королемъ Ливоніи, 1570 г.*

Въ 1570 г въ посту, послѣ того какъ герцогъ Магнусъ Гольштейнскій дождался изъ Москвы своихъ легатовъ Тонниса (Антона) Врангеля Ройловскаго и Клауса Адеркаса, онъ по ихъ отвѣту, привезенному ему изъ Россіи, самолично поѣхалъ въ Москву къ великому князю; въ великій четвергъ онъ пріѣхалъ въ Дерптъ, гдѣ пробылъ цѣлыхъ восемь недѣль, а въ четвергъ послѣ Троицы выѣхалъ въ Москву Очень многіе тогда радовались и ликовали въ Ливоніи, будучи вполнѣ увѣрены, что московитъ уступитъ и передастъ герцогу Магнусу все, взятое имъ въ Ливоніи. И очень уди-

влялись въ Ливоніи, что нѣмецкій князь, къ тому еще сынъ могущественнаго короля, унижается до поѣздки къ московиту, чего раньше никогда не слыхивали. Когда герцогъ Магнусъ прибылъ въ Москву, то великій князь пригласилъ его въ гости со всѣми его совѣтниками, помѣщиками и слугами, богато и щедро угостилъ ихъ и каждаго по чину и состоянію одарилъ подарками, такъ что ни одинъ конюхъ не былъ забытъ. Великій князь былъ очень веселъ со своими гостями, шутилъ и громко говорилъ, что теперь отъ всей души расположенъ къ нѣмцамъ. Поэтому свита Магнуса признала его наилучшимъ и христіанскимъ господиномъ, который возведетъ ихъ до великихъ почестей и снова возвратитъ имъ ихъ отечество. Тогда многіе во всей Ливоніи стали относиться очень благосклонно къ герцогу Магнусу и не знали лучшаго утѣшенія и помощи на землѣ для Ливоніи.

Въ то же время великій князь объявилъ герцога Магнуса королемъ Ливоніи и въ честь его и въ удовольствіе ему отпустилъ всѣхъ плѣнныхъ нѣмцевъ, которые долгое время сидѣли въ темницахъ. И хотя бѣднымъ плѣннымъ это была большая милость, однако подъ этимъ скрывалось большое коварство. Потому что этой честью, оказанной нѣмецкому князю, и освобожденіемъ нѣмцевъ изъ темницъ, онъ задумалъ уловить въ неволю остальные города, крѣпости и земли въ Ливоніи со всѣми нѣмцами. Но что сынъ такого достохвальнаго и христіанскаго короля такъ унизился и поѣхалъ къ московиту, за это слѣдуетъ благодарить лишь его ливонскихъ совѣтниковъ и придворнаго проповѣдника Христіана Шрепфера, которые посовѣтовали это своему доброму господину, надѣясь достигнуть этими средствами и путями своей старой ливонской свободы и благосостоянія.

Прим. перев. Герцогъ Магнусъ выѣхалъ изъ Аренсбурга 13-го марта 1570 г., пославъ Клауса Адеркаса и Конрада Бурмейстера, бывшихъ въ Москвѣ, въ Данію къ своему брату съ извѣстіемъ, что спѣшность дѣла не дозволила ему ждать извѣстія о томъ что думаетъ его братъ, король датскій, о предложеніи московскаго царя.

Въ Москву герцогъ пріѣхалъ въ первыхъ числахъ іюня съ большою пышностію, на двухъ стахъ коняхъ, со множествомъ прислуги. Переговоры начались немедленно послѣ его пріѣзда. Объявивъ Магнуса королемъ Ливоніи, царь объявилъ его также женихомъ племянницы своей княжны Евфиміи, дочери князя Владиміра Андреевича; жителямъ Дерпта, высланнымъ отсюда (см. выше, стр. 155) въ 1565 г., позволено было возвратиться на родину. Принимая титулъ ливонскаго короля, Магнусъ присягнулъ въ вѣрности царю на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Если царь самъ выступитъ въ походъ и позоветъ съ собой короля Магнуса, то послѣдній обязанъ привести съ собою 1500 человѣкъ конницы и столько же пѣхоты; если же царь самъ не выступитъ въ походъ, то и Магнусъ не обязанъ выступать; войско магнусово получаетъ содержаніе изъ царской казны; если Магнусъ поведетъ свое войско отдѣльно отъ царя, то считается выше всѣхъ воеводъ московскихъ; если же Магнусъ не захочетъ самъ участвовать въ походѣ, то обязанъ внести въ царскую

казну за каждаго всадника по три талера, и за каждаго пѣхотинца по полтора. Если самъ царь лично не ведетъ своихъ войскъ, то Магнусъ не обязанъ присылать ни людей, ни денегъ до тѣхъ поръ, пока вся Ливонія совершенно будетъ успокоена. 2) Если Магнусъ будетъ вести войну въ Ливоніи, и царь пришлетъ туда же московскихъ воеводъ, то король имѣетъ верховное начальство надъ войскомъ, совѣтуясь съ воеводами. 3) Магнусу, его наслѣдникамъ и всѣмъ жителямъ Ливоніи даруются всѣ прежнія права, вольности, суды и обычаи. 4) Сохраняютъ они свою религію аугсбургскаго исповѣданія. 5) Города ливонскіе торгуютъ въ московскихъ областяхъ безпошлинно и безъ всякихъ запѣпокъ; на оборотъ, король Магнусъ даетъ путь чистый въ московскія области всѣмъ заморскимъ купцамъ со всякимъ товаромъ, также всякимъ художникамъ, ремесленникамъ и военнымъ людямъ. 6) Если Рига, Ревель и другіе города ливонскіе не признаютъ Магнуса своимъ королемъ, то царь обязывается помогать ему противъ всѣхъ городовъ и противъ всякаго непріятеля. 7) По смерти Магнуса и потомковъ его, преемникъ избирается по общему согласію всѣхъ ливонцевъ.

Одновременно съ новонареченнымъ королемъ Ливоніи въ Москвѣ находились шведскіе послы (см. выше, стр. 182), сосланные въ іюлѣ 1570 г. въ Муромъ, а за нѣсколько недѣль предъ пріѣздомъ Магнуса царь заключилъ перемиріе съ Польшею на три года и тѣмъ открылъ себѣ возможность дѣйствовать болѣе рѣшительно противъ Швеціи въ Эстоніи. Для объясненія этого необходимо вспомнить предшествовавшія событія.

Послѣ взятія Полоцка въ 1563 г. (см. выше стр. 140) въ теченіе всего 1564 г. военныя дѣйствія между Литвою и Москвою ограничивались набѣгами, не приносившими существенной пользы ни той, ни другой сторонѣ.

Въ такомъ же нерѣшительномъ положеніи были военныя дѣла и въ 1565 г. Король Сигизмундъ не имѣлъ средствъ принудить Іоанна къ заключенію мира, но и Іоаннъ, занятый внутренними дѣлами московскаго государства, раздраженный до крайней степени на своихъ ближайшихъ бояръ, не могъ ни въ Ливоніи, ни по границамъ съ Литвою достигнуть чего либо важнаго. Съ обѣихъ сторонъ желали мира и были бы рады притти къ соглашенію, если бы къ тому оказалась возможность. Литовцы первые сдѣлали попытку.

Чтобы начать соглашеніе, для «задирки», какъ выражались въ тѣ времена, виленскій епископъ и литовскіе паны прислали въ Москву гонца съ письмомъ къ митрополиту Но въ Москвѣ гонца къ митрополиту не пустили подъ предлогомъ, что «митрополиту не пригоже сноситься съ епископомъ», но бояре отвѣтили, однако же, панамъ, что государь мира хочетъ и непріятельскія дѣйствія прекращаетъ. Опасную грамоту на литовскихъ пословъ отправили съ гонцомъ Желнинскимъ. По этой грамотѣ въ Москву прибыли 30-го мая 1566 г. великіе литовскіе послы: воевода троцкій Юрій Алекс. Ходкѣвичъ, воевода берестинскій Юрій Вас. Тишкевичъ и извѣстный писарь литовскій Мих. Богд. Гарабурда.

По обычаю, заговорили о вѣчномъ мирѣ и, конечно, не сговорились, тогда начали толковать о перемиріи. Послы предложили Іоанну Полоцкъ и въ Ливоніи всѣ мѣста, какія заняты московскими войсками, съ тѣмъ чтобы общими силами изгнать шведовъ изъ Эстоніи и раздѣлить ее между Польшею и Россіею. Іоаннъ не согласился, требуя уступки Риги, Вендена, Вольмара, Ронебурга, Кокенгузена и уступая за то королю Озерище, Лукомль, Дриссу, Курляндію и 12 городковъ въ Ливоніи. При этомъ царь заявилъ, что всѣ плѣнники королевскіе будутъ освобождены безденежно, а русскіе плѣнные будутъ выкуплены. Послы не соглашались на это и объявили, что всего

скорѣе миръ состоится, если царь лично переговоритъ съ Сигизмундомъ гдѣ нибудь на границѣ. Іоаннъ согласился на свиданіе, но потребовалъ, чтобы послы сейчасъ же рѣшили гдѣ быть съѣзду и при какомъ церемоніалѣ. Но послы отвѣтили, что не имѣютъ полномочія рѣшить такое важное дѣло и требовали срока для присылки новыхъ пословъ.

Царь, видя, что литовцы хотятъ проволочивать одно время, рѣшился прекратить переговоры въ Москвѣ и отправить къ Сигизмунду своихъ пословъ, а въ то время какъ государскіе послы будутъ у короля, царь положилъ готовиться къ большому походу на Ливонію, прибавивъ всякаго запасу и наряду Литовскіе послы выѣхали изъ Москвы 22-го іюля 1566 г.

Предложенія Сигизмунда были несомнѣнно выгодны, ужь не принять-ли ихъ? Слѣдуетъ-ли продолжать войну, принявшую оборотъ весьма сомнительный? Но съ другой стороны, слѣдуетъ-ли отказаться отъ войны, не добившись морскихъ береговъ, не добившись главной и единственной цѣли войны, слѣдуетъ-ли согласиться оставить за Сигизмундомъ Ригу и другіе важные города, полученные имъ, благодаря русскому же оружію? Такіе мысли невольно приходили на умъ Іоанну, но какъ, однако, быть?

Царь, не довѣряя своимъ опальнымъ боярамъ (земскимъ), не довѣряя и опричникамъ, стоявшимъ враждебно къ остальному населенію, рѣшился за совѣтомъ обратиться ко всей землѣ на подобіе того, какъ за двадцать лѣтъ тому назадъ онъ обращался къ выборнымъ, когда торжественно очищалъ себя отъ обвиненія въ прежнихъ бѣдствіяхъ народныхъ и сложилъ вину ихъ на бояръ. Въ іюлѣ 1566 г. Іоаннъ созвалъ на земскую думу духовенство, бояръ, дворянъ, помѣщиковъ съ западныхъ границъ, купцовъ московскихъ и смольнянъ. Въ собраніи этомъ находилось 339 человѣкъ. Царь предложилъ собранію обсудить предложенія Сигизмунда и дать совѣтъ, какъ поступить царю. Собраніе положительно и единогласно высказалось, что государю отъ Ливоніи отступаться не пригоже, а слѣдуетъ стоять за ливонскіе города крѣпко. Выслушавъ такое мнѣніе, Іоаннъ отправилъ къ Сигизмунду боярина Умнаго-Колычева съ дворецкимъ Григоріемъ Нагимъ и извѣстнымъ дьякомъ Вас. Яков. Щелкаловымъ. Они выѣхали изъ Москвы 31-го января 1567 г., и только въ августѣ въ Гроднѣ могли представить Сигизмунду царскія предложенія. Царь соглашался помириться съ Литвою, если вся полоцкая область и вся Ливонія до рѣки Двины отойдутъ къ Москвѣ, если король начнетъ именовать царя ливонскимъ, полоцкимъ и смоленскимъ, и кромѣ того выдастъ Курбскаго.

Десять разъ русскіе послы сходились съ королевскими панами и ни въ чемъ не согласились. Колычевъ и Нагой выѣхали изъ Гродны 19-го августа 1567 г. и донесли царю, что предложенія его отвергнуты, что посольству московскому оказано въ Литвѣ большое безчестье, кормовъ не давали, и что король отправилъ въ Москву гонца Быковскаго съ разметомъ, т. е. съ объявленіемъ войны.

Царь не ожидая, однако, размета, самъ выступилъ въ походъ осенью 1567 г., и Быковскій встрѣтилъ Іоанна на дорогѣ въ Новгородъ. 5-го октября 1567 г. Быковскій представлялся царю и вручилъ ему грамоту Сигизмунда. Царь и сынъ его царевичь Іоаннъ, выслушавши королевскую грамоту, съ боярами приговорили задержать Быковскаго, за то что въ грамотѣ, имъ привезенной, писаны супротивныя слова; имѣніе Быковскаго и товары пришедшихъ съ нимъ купцовъ описать въ казну Царь прибылъ въ Новгородъ, и сдѣлалъ распоряженія итти на ливонскіе города Лужу и Рѣжицу, но тутъ встрѣтились разныя затрудненія, такъ что царь созвалъ на совѣтъ

всѣхъ своихъ главныхъ воеводъ. Военный совѣтъ, происходившій въ Оршѣ, 12-го ноября 1567 г., рѣшилъ ограничиться оборонительною войною.

Царь возвратился въ Александровскую Слободу и оттуда писалъ къ боярамъ въ Москву — мириться ли съ королемъ или не мириться? Мнѣніе бояръ было: сношеній съ королемъ не порывать, Быковскаго освободить, королю написать «поглаже», и если король захочетъ прислать гонца или посланника, то дать ему чистую дорогу. Такъ и поступили.

Мелкая война и набѣги между тѣмъ продолжались весь 1568 и 1569 годы: литовцы подъ Улою потерпѣли уронъ, но имѣли успѣхи въ Смоленской области. Война, однако, не мѣшала присылкамъ гонцевъ. Присылки эти не приводили ни къ какимъ результатамъ: не было мира или перемирія, но не было и никакихъ серьезныхъ военныхъ дѣйствій, а между тѣмъ въ Польшѣ успѣли кое какъ, на живую, что называется нитку, рѣшить весьма важный вопросъ, именно вопросъ о формальномъ соединеніи съ Литвою.

Тѣсное соединеніе Литвы съ Польшею было обѣщано еще Ягайломъ при его коронованіи въ Краковѣ, но на дѣлѣ связью между Литвою и Польшею служила только Ягайлова династія. Бездѣтность короля Сигизмунда-Августа грозила разрушеніемъ этой связи, потому польско-католическая партія прилагала всяческія старанія, чтобы осуществить формальное соединеніе двухъ государствъ. Но старанія эти долго были тщетными: литовская аристократія, значительная часть которой приняла протестантство, начавшее распространяться въ ней со временъ Сигизмунда I, не желала сліянія съ Польшею, и только когда умеръ извѣстный предводитель литовско-протестантской партіи князь (римской имперіи, а не русско-литовскій) Николай Радзивиллъ Черный, и Сигизмундъ-Августъ подпалъ вліянію польско-католической партіи, кое-какъ удалось составить унію. Для этого въ январѣ 1569 г. въ Люблинъ съѣхались на вальный (общій) сеймъ послы отъ Литвы и Польши. Сеймъ продолжался до іюля 1569 г. Послы литовскіе всячески уклонялись отъ уніи, большая часть ихъ даже самовольно разъѣхалась съ сейма, поляки грозили отказаться помогать литовцамъ въ войнѣ съ Москвою, но унія все-таки состоялась, когда воевода кіевскій Константинъ Острожскій и воевода волынскій Александръ Чарторыйскій стали на польско-католическую сторону. Актъ уніи былъ подписанъ послами въ іюлѣ 1569 г. По условіямъ этого акта Польша и Литва соединяются другъ съ другомъ на равныхъ правахъ, получая общій сеймъ и общій сенатъ, но съ сохраненіемъ особыхъ правительственныхъ лицъ, особаго войска и законовъ. Ливонія признана въ общемъ владѣніи Литвы и Польши.

Лифонскіе послы также присутствовали на люблинскомъ сеймѣ. Въ инструкціяхъ имъ было ясно сказано, чтобы они въ отношеніи Ливоніи рѣшительно ни на что не соглашались, что противорѣчило бы пактамъ (условіямъ) subjectionis 1561 г. и unionis съ Литвою 1566 г. Король далъ ливонскимъ посламъ удостовѣрительную грамоту, что подтвердитъ всѣ права и льготы, утвержденныя договорами 1561 и 1566 г. и оставитъ ихъ нерушимыми и по совершеніи присяги на соединеніе съ Польшею, тогда послы присягнули. Въ то же время, именно 3-го августа 1569 г., король Сигизмундъ-Августъ подписалъ актъ соединенія герцогства Курляндскаго съ Польшею.

На этомъ же сеймѣ былъ наконецъ освобожденъ содержавшійся въ плѣну (см. выше стр. 143) въ Равѣ рижскій коадъюторъ герцогъ Христоферъ Мекленбургскій. Его выпустили на свободу, взявъ съ него подписку, что онъ отказывается отъ всѣхъ своихъ претензій.

Устроивъ кое какъ люблинскую унію, польское правительство рѣшилось уладить отношенія съ Москвою, и для этого въ началѣ 1570 г. отпра-

вило къ Іоанну великихъ пословъ литовскихъ Яна Кротошевскаго и Николая Тавлоша. Они испросили личнаго свиданія съ царемъ и объявили ему, что рады Короны Польской и Литвы полагаютъ по смерти короля Сигизмунда-Августа избрать на польскій престолъ Іоанна и его потомковъ. Царя вовсе не прельщало такое избраніе, но онъ однакоже согласился заключить перемиріе съ Польшою съ оставленіемъ всего какъ было съ тѣмъ, чтобы въ эти три года переговаривать о мирѣ. Для подтвержденія перемирія были отправлены въ Польшу князья — Иванъ Канбаровъ и Григорій Путятинъ. Іоаннъ до такой степени не вѣрилъ Сигизмунду, что давая инструкцію посламъ о томъ, какъ имъ поступать и что имъ говорить королю и панамъ польскимъ и литовскимъ, наказывалъ имъ: «беречь на крѣпко, чтобы король на обѣихъ грамотахъ крестъ цѣловалъ въ самый крестъ прямо губами, а не въ подножіе, и не мимо креста, да и не носомъ.»

Сигизмундъ утвердилъ перемиріе въ Варшавѣ лѣтомъ 1570 г. въ то самое время, когда въ Москвѣ давалъ присягу на вѣрность Іоанну герцогъ Магнусъ. По условіямъ перемирія, Іоаннъ не могъ дѣйствовать противъ ливонскихъ городовъ, занятыхъ польскими войсками, потому, отправивъ шведскихъ пословъ (см. выше стр. 182) въ Муромъ, рѣшился добыть новонареченному ливонскому королю Ревель. Ввѣривъ начальство надъ русскимъ войскомъ Магнусу, онъ отправилъ его въ Эстонію. Магнусъ 21-го августа 1570 г. съ 25-ти тысячнымъ русскимъ войскомъ сталъ подъ Ревелемъ.

51. *Какъ шведы снова взяли ревельскій замокъ, 1570 г.*

Въ 1570 году, въ великую пятницу, ночью шведы поспѣшно и чудеснымъ образомъ снова отняли у Клауса Курселя ревельскій замокъ и взяли въ немъ въ плѣнъ самаго Клауса Курселя вмѣстѣ съ его братомъ Гинрикомъ, поручикомъ, и Юргеномъ Укселемъ Падепурмскимъ, ротмистромъ, и многими другими дворянами и простыми гофлейтами, нѣкоторыхъ также застрѣлили въ суматохѣ. Въ то время произошла большая тревога въ ревельскомъ замкѣ; Клаусъ Курсель и его сотоварищи повскакивали съ постелей и не знали, что такое случилось. Другіе же, почуявшіе бѣду, опустились раздѣтые по сквернымъ ямамъ (чрезъ отходныя мѣста) и убрались изъ замка; между ними былъ Юргенъ Фаренсбекъ Нельфійскій. Все это произошло слѣдующимъ образомъ

Клаусъ Курсель и его сообщники, занявъ сильный замокъ и крѣпость, принадлежавшій королю, и заключивъ договоръ съ ревельскимъ губернаторомъ, были въ полной увѣренности, что не подвергнутся никакой опасности раньше Тройцы. Потому они веселились, ѣли и пили, и изъ большой безпечности отправили изъ замка и разставили по деревнямъ двухъ ротмистровъ, а именно Іоанна Майделя Воллюстскаго и Гинрика Боусмана съ обоими знаменами гофлейтовъ, чтобы они жили съ крестьянами, а не съѣдали припасовъ въ замкѣ. Тогда Нильсъ Доббелеръ, начальникъ шведскихъ кнехтовъ, молодой человѣкъ низкаго происхожденія, но ловкій на замыслы, сговорился съ двумя добрыми друзьями (измѣнниками, сказано въ 1-мъ изданіи лѣтописи), одного изъ которыхъ звали Керстеномъ (Больцке) Анклам-

скимъ, а другаго Ласъ Сиггезеномъ, находившимися въ свитѣ Клауса Курселя изъ-за разбоевъ и убійствъ. Дѣло было поведено такъ. имъ дали денегъ съ тѣмъ, чтобы они сказали, что выиграли ихъ въ кости, и желаютъ играть опять и позвать гостей, особенно тѣхъ гофлейтовъ, которые занимали комнату около выхода въ поле, черезъ который шведы намѣрены были влѣзть. Керстенъ и Ласъ должны были хорошенько напоить этихъ гофлейтовъ, чтобы послѣдніе крѣпче спали и не услышали шуму Такой проектъ былъ очень хорошъ. Измѣнники получили деньги и пригласили множество гостей. Тогда всѣ гофлейты начали пьянствовать по мѣрѣ силъ и возможности. Когда же они перепились и попадали пьяные и заснули, то шведы осторожно вышли съ епископскаго двора у собора, имѣя съ собою лѣстницу, пробрались въ шерстяныхъ носкахъ къ выходу изъ замка, гдѣ ихъ уже ждалъ Ласъ Сиггезенъ. Когда они подошли къ выходу, то Ласъ Сиггезенъ спустилъ сверху длинную веревку, поднялъ съ земли одинъ конецъ пеньковой лѣстницы и накрѣпко привязалъ его наверху А Карстенъ Анкламъ со всѣхъ сторонъ позапиралъ пирующихъ въ домѣ, на случай, чтобы кто нибудь не услышалъ шумъ. Клаусъ Курсель крѣпко спалъ со своими товарищами, а стража стояла со стороны города, — и не могла видѣть, какъ шведскіе кнехты одинъ за другимъ поспѣшно взлѣзали по пеньковой лѣстницѣ въ замокъ. Когда ихъ взлѣзло человѣкъ до трехъ сотъ, то они заняли этажъ, въ которомъ были всѣ съѣстные припасы и боевые снаряды, и немедленно съ башни дали пушечный сигналъ, чтобы разбудить имъ бюргеровъ въ городѣ и соборѣ. Когда раздался ночью выстрѣлъ изъ тяжелыхъ орудій, то во всѣхъ улицахъ города поднялась страшная тревога и никто не зналъ, что случилось. Клаусъ Курсель и его товарищи также упали духомъ, и кутилы, хорошо угощенные измѣнниками, начали прятаться, но напрасно, потому что Нильсъ Доббелеръ, давшій деньги для кутежа, началъ длинными ружьями требовать съ нихъ денегъ, а такъ какъ у нихъ не было наличныхъ денегъ, то они оставили ему въ залогъ свои платья, чулки и башмаки, лошадей и всякія оружія, а сами спустились черезъ скверныя ямы, а тѣ, которые не убѣжали, дорого поплатились за кутежъ, кто головой, кто долгимъ заточеніемъ. Нильсъ Доббелеръ со своими ландскнехтами тысячу разъ вернулъ свои деньги золотыми цѣпями, серебряными кинжалами, бархатомъ и шелкомъ и дорогими поясами. Когда нѣмецкіе кнехты пришли изъ города на помощь къ шведамъ и снова овладѣли замкомъ, то взяли въ плѣнъ Клауса Курселя со многими другими ливонскими дворянами и посадили ихъ въ тюрьму; но иностранцамъ оказали больше снисхожденія, изъ которыхъ впрочемъ большая часть, нашедшая за себя поручителей, скоро забыла эту милость и великое благодѣяніе, потому что они тотчасъ же тайкомъ перешли къ московиту и стали злѣйшими врагами

шведовъ. Такъ былъ завоеванъ сильный замокъ ревельскій, совладать съ которымъ стоило бы не мало трудовъ сильному войску могущественнаго короля. Замокъ какъ былъ пріобрѣтенъ, такъ и потерянъ врасплохъ онъ былъ взятъ, врасплохъ и потерянъ. Нѣкоторымъ ливонскимъ дворянамъ, услышавшимъ, что Клаусъ Курсель взялъ ревельскій замокъ, было это такъ пріятно, что ночью они велѣли поднимать себя въ отверстіе и тѣмъ указали шведамъ дорогу; у нихъ не было настолько разсудку, чтобы велѣть послѣ того замуровать отверстіе. Если же бы это было сдѣлано, то шведамъ никогда не удалось бы взять замокъ.

Когда оба отряда гофлейтовъ, стоявшихъ по деревнямъ у крестьянъ, услышали, что шведы снова взяли ревельскій замокъ, то это извѣстіе ихъ очень опечалило. Многіе изъ нихъ твердо были убѣждены, что во вѣки вѣковъ ни одинъ шведъ не будетъ управлять болѣе ревельскимъ замкомъ. И Іоанну Дуве и Элерту Крузе это извѣстіе было большой печалью и огорченіемъ. Тогда гофлейты эти не придумали ничего лучшаго, какъ присоединиться къ герцогу Магнусу, Іоанну Дуве и Элерту Крузе, которые выхлопотали имъ содержаніе у московита; они были отправлены въ Вирландъ къ Везенбергу въ область московита къ крестьянамъ, которые нѣсколько времени должны были содержать и кормить ихъ.

31-го мая Клаусъ Курсель былъ вызванъ къ суду въ замкѣ и его обвинили въ тяжелыхъ преступленіяхъ. Онъ уныло началъ оправдываться, но всѣ его доводы были признаны неосновательными. Ему произнесли приговоръ и 3-го іюня его казнили мечемъ. Затѣмъ были казнены еще трое изъ его товарищей, а именно Балтазаръ Геллеръ, его писарь, Фромгольдъ Дюкеръ и Гинрикъ Гаке, а трое другихъ, именно Гинрикъ Курсель, Юргенъ Уксель Паденурмскій и Эрнстъ фонъ Фитинкгофъ, были отвезены въ плѣнъ въ Швецію, гдѣ милостивымъ ходатайствомъ герцога Карла были помилованы и оставлены въ живыхъ. Изъ за этого великаго мятежа многіе должны были бы быть казнены по судебному приговору, еслибы шведскіе правители были мстительны или кровожадны; но они оказали милость вопреки справедливости и все таки заслужили мало благодарности у большей части ливонцевъ.

52. Леаль снова переходитъ къ шведамъ, 1570 г.

Въ то же время шведы двинулись къ Леалю, чтобы осадить этотъ замокъ, отданный въ ленъ Клаусу Курселю королемъ шведскимъ. Послѣ того какъ они пробыли здѣсь нѣсколько недѣль и потеряли своего начальника Нильса Доббелера со многими другими, замокъ наконецъ сдался. Немного спустя нѣсколько тысячъ русскихъ съ обоими перебѣжавшими отрядами гофлейтовъ пришли выручать

замокъ. Но услышавши, что ихъ походъ былъ безполезенъ, они опустошили весь Викъ, убили нѣсколько шведовъ въ ихъ дворахъ вмѣстѣ съ дворянами, и затѣмъ снова двинулись въ дерптское епископство и въ Вирландъ.

53. Данцигскіе крейсеры. Набѣгъ русскихъ и нѣмцевъ до Ревеля, 1570 г.

Этимъ лѣтомъ 1570 года нѣсколько данцигскихъ крейсеровъ были взяты англичанами въ нарвскомъ фарватерѣ и приведены къ русскимъ въ Нарву; болѣе 70 плѣнныхъ было повѣшено, одного изъ ихъ капитановъ звали Асмусъ Іендрихомъ.

18-го августа, предъ полуднемъ, и русскіе, и нѣмцы, ѣхавшіе всю ночь въ бурную дождливую погоду, угнали нѣсколько сотъ коровъ съ пастбища у Ревеля, а также убили и ранили нѣсколько человѣкъ у воротъ.

54. Краткое описаніе первой московитской осады города Ревеля, въ которой герцогъ Магнусъ Гольштейнскій былъ главнымъ полководцемъ, 1570 г.

21-го августа 1570 года, въ понедѣльникъ, предъ полуднемъ, герцогъ Магнусъ Гольштейнскій осадилъ городъ Ревель съ 25,000 чел. русскихъ и съ тремя эскадронами своихъ гофлейтовъ. Послѣ къ нимъ подошелъ изъ рижскаго архіепископства Рейнгольдъ фонъ Розенъ со своимъ отрядомъ, а также и небольшой отрядъ нѣмецкихъ кнехтовъ изъ Аренсбурга.

Въ то же время и замокъ Виттенштейнъ былъ осажденъ нѣсколькими тысячами русскихъ съ однимъ эскадрономъ нѣмцевъ, ротмистромъ котораго былъ Юргенъ Тизенгаузенъ Ранденскій. И всѣ нѣмцы, стоявшіе предъ Ревелемъ и Виттенштейномъ, были большею частью ливонскіе помѣщики (юнкеры) и нѣкоторые даже бюргерскія дѣти изъ Ревеля и другихъ мѣстъ, которые всѣ по великому неразумію своему хотѣли передать свое отечество герцогу Магнусу, на самомъ же дѣлѣ московиту каждый же благоразумный человѣкъ могъ понять, что московитъ не станетъ вооружать такого сильнаго войска въ пользу кого другаго, но самъ захочетъ извлечь свои выгоды.

23-го августа русскіе имѣли очень важный успѣхъ, а именно взяли дворъ св. Іоанна вмѣстѣ съ госпиталемъ и всѣми каменными домами, находившимися совсѣмъ близко отъ города, и хотѣли укрѣпиться въ нихъ. Но ревельцы сдѣлали вылазку и выбили изъ нихъ русскихъ съ большою храбростію и большими трудами, сожгли до тла упомянутый дворъ вмѣстѣ съ госпиталемъ и мельницею св. Іоанна и всѣми домами, и все уничтожили.

29-го августа Карлъ Гиндриксенъ Конкаскій со шведами напалъ изъ замка на русскихъ, убилъ нѣсколькихъ изъ нихъ, ранилъ смертельно одного боярина и привезъ его въ замокъ.

2-го сентября изъ Нарвы къ русскимъ прибыло много орудій; изъ своего лагеря при верхней мельницѣ русскіе открыли огонь по городу, но не причинили никакого вреда.

6-го сентября непріятель овладѣлъ шкуной, везшею изъ Стокгольма 42 бочки коровьяго масла. Добычу эту русскіе отправили въ свой лагерь.

Прим. перев. Русскимъ осаднымъ корпусомъ подъ Ревелемъ командовали воеводы князья Мих. Юр. Лыковъ и Ник. Ив. Кропоткинъ; въ сентябрѣ 1570 г. изъ Москвы прибыли воеводы Вас. Ив. Умной-Калычевъ (опричный бояринъ) и князь Ив. Петр. Херонъ (земскій бояринъ). Воеводы, да и самъ герцогъ Магнусъ (король Арцымагнусъ Крестьяновичъ по русскимъ лѣтописямъ) распоряжались осадою самымъ неумѣлымъ образомъ и нигдѣ не имѣли успѣха, — по совершенному незнанію военнаго искуства вообще и атаки крѣпостей въ частности.

55. Въ это время герцогъ Магнусъ прислалъ открытое за своею печатію письмо ко всей ревельской общинѣ слѣдующаго содержанія

Мы, Магнусъ, Божьей милостью король ливонскихъ, эстонскихъ и летскихъ земель, наслѣдникъ норвежскій, герцогъ шлезвигскій, гольштейнскій, стормарнскій и дитмарскій, графъ ольденбургскій и дельменгорстскій, всѣмъ живущимъ въ городѣ Ревелѣ, желающимъ пользы и преуспѣянія всему христіанству, добра, свободы и истиннаго благосостоянія угнетенной и раззоренной Ливоніи, а также всѣмъ желающимъ предохранить себя и всѣхъ своихъ потомковъ отъ вѣчныхъ убытковъ, несчастій, гибели и пролитія невинной крови, заявляемъ слѣдующее:

Послѣ того какъ эта горестная и разоренная страна безжалостно была растерзана многими народами, а угнетенные туземцы и бѣдные жители ея молили Господа о дарованіи имъ нѣмецкаго христіанскаго правительства, то и мы съ самаго начала нашего правленія ото всей души просили у милосердія Божія указать намъ средства и пути, которыми снова можно было бы возстановить бѣдную землю. Мы пробовали многія средства, брались за нихъ, но много лѣтъ не имѣли успѣха, пока царь, великій князь и государь всея Россіи, по непостижимому милосердію Господа, милостиво не обѣщалъ намъ дарованными грамотами за печатями, а также обычнымъ крестнымъ цѣлованіемъ, поставить насъ королемъ надъ всей Ливоніей. Его царское величество объявилъ это публично въ слѣдующемъ видѣ. Великій князь желаетъ передать намъ всю Ливонію безо всякаго насилія или принужденія, желаетъ также заключить союзъ съ священною римскою имперіею противъ турокъ и всѣхъ враговъ христіан-

ства. Надо всей Ливоніей во вѣки вѣковъ не будетъ другого начальства, кромѣ насъ и нашихъ наслѣдниковъ, а за пресѣченіемъ таковыхъ короны датской или гольштейнской земли. Ни одинъ русскій не будетъ имѣть власти господствовать или управлять во всей Ливоніи, исключая великаго князя и государя, который желаетъ носить имя покровителя страны, и крестнымъ цѣлованіемъ обѣщалъ для защиты ея пожертвовать не только всѣмъ своимъ государствомъ, но и жизнью своей. За это мы должны быть и будемъ обязаны государю и великому князю весьма ничтожною признательностью, о которой даже не стоитъ упоминать и что записано въ грамотѣ и на чемъ мы цѣловали крестъ. Государь и великій князь для исполненія крестнаго цѣлованія послалъ насъ со своимъ войскомъ, чтобы изгнать изъ страны шведскихъ непріятелей.

Если городъ Ревель, какъ о томъ уже раньше мы писали магистрату и общинѣ, добромъ хочетъ подчиниться намъ, нашимъ наслѣдникамъ или за неимѣніемъ таковыхъ коронѣ датской или гольштейнскому дому, то городъ останется не только при своихъ старыхъ привиллегіяхъ, но получитъ какъ на сушѣ, такъ и на морѣ во многихъ мѣстахъ, прекрасныя, выгодныя преимущества на вѣчное пользованіе ими. Если городъ Ревель намѣренъ самъ искать счастія своего и своихъ потомковъ, то мы допускаемъ мирные переговоры, снабдимъ также посредниковъ достаточной королевской свитой или заложниками. Въ случаѣ же, если Ревель желаетъ себѣ вѣчнаго убытка и вреда, гибели, кровопролитія и смертоубійства, то да будетъ ревельцамъ извѣстно, что государь и великій князь пошлетъ на нихъ все свое царское войско, покоритъ, раззоритъ ихъ и подчинитъ себѣ вѣчному рабству Мы не желаемъ отъ Всемогущаго ничего лучшаго, какъ чтобы ревельцы помнили о своемъ вѣчномъ спасеніи, счастіи и несчастіи, чтобы хорошенько обдумали, какихъ большихъ и выгодныхъ льготъ они могутъ достигнуть на сушѣ и на морѣ, и помнили, что имъ невозможно держаться противъ государя и великаго князя, который не только лѣтомъ, но и зимой, нисколько не опасаясь шведовъ, по своему благоусмотрѣнію, можетъ покорить ихъ. А что ожидаетъ короля шведскаго, то про это онъ узнаетъ, если будетъ угодно Господу, не только здѣсь въ Ливоніи, но и въ Финляндіи и другихъ мѣстахъ.

А что лжецы распространили, будто эта война клонится къ пользѣ великаго князя, то это только одна клевета, ложь и обманъ, отъ которыхъ мы по христіански предупреждаемъ городъ Ревель. Въ короткомъ времени лжецы заплатятъ за это своей кровью. Если же не помогутъ всѣ христіанскія предостереженія, то мы считаемъ себя неповинными передъ милосердымъ Господомъ и всѣмъ христіанствомъ во всѣхъ грядущихъ несчастіяхъ; а какого вы о томъ мнѣнія, мы желаемъ получить отъ васъ точный отвѣтъ. Для большаго удостовѣ-

ренія всѣхъ выше изложенныхъ пунктовъ, мы ихъ подписали собственноручно и приложили къ сему нашу всѣмъ извѣстную печать.

Такихъ писемъ герцогъ Магнусъ въ то время и послѣ того написалъ нѣсколько магистрату и ревельской общинѣ. Но у магистрата и общины было нѣсколько причинъ, чтобы не такъ скоро согласиться. Во первыхъ, ради чести и справедливости, не подобало безъ нужды отдавать городъ за чернила и бумагу Во вторыхъ, ревельцы, по Божьей милости, лучше понимали хитрые и коварные замыслы московита, чѣмъ добрый герцогъ со своими совѣтниками и приверженцами.

Прим. перев. Эта прокламація герцога не произвела никакого дѣйствія.

56. *Какъ русскіе овладѣваютъ Смоленскомъ, 1514 г.*

Такъ какъ городъ Смоленскъ вмѣстѣ съ замкомъ были хорошо укрѣплены противъ нападеній, то московитъ не могъ силой взять ихъ, хотя онъ самъ лично, а также и его войско многократно пытались сдѣлать это; однако случилось, къ счастью великаго князя, что знаменитый князь Михаилъ Линскій (Глинскій), княжество котораго лежало около Смоленска, и на племянницѣ котораго былъ женатъ упомянутый великій князь московскій, по нѣкоторымъ причинамъ отложился отъ своего леннаго господина, короля польскаго, и перешелъ къ московиту Этотъ Михаилъ Линскій обѣщалъ великому князю Василію, что если упомянутый великій князь предоставитъ ему въ наслѣдственный ленъ все смоленское княжество вмѣстѣ съ городомъ Смоленскомъ, то онъ отниметъ Смоленскъ у короля польскаго и отдастъ его подъ защиту великаго князя. Это была пріятная услуга для московита. Поэтому онъ, не задумываясь долго, на вѣчныя времена отдалъ упомянутому князю княжество вмѣстѣ съ городомъ Смоленскомъ въ наслѣдственный ленъ. Михаилъ Линскій же былъ вполнѣ увѣренъ, что имѣетъ дѣло съ милостивымъ великимъ княземъ, который сдержитъ все, что обѣщалъ; поэтому онъ двинулся къ Смоленску съ московитскимъ войскомъ великаго князя съ большими угрозами и страхами, пустилъ также въ ходъ все свое искуство вести козни ласковыми словами, пока не склонилъ смоленцевъ передать ему крѣпость какъ ихъ земляку и природному князю и признать его своимъ государемъ. Михаилъ Линскій вообразилъ, что удержитъ за собой городъ и княжество, а между тѣмъ войско великаго князя заняло и городъ, и княжество, а Михаила Линскаго отослали въ Москву, гдѣ онъ наконецъ умеръ съ голоду въ княжеской темницѣ. Такими кознями московитъ добылъ городъ Смоленскъ съ принадлежащимъ къ нему княжествомъ на разстояніи около 100 миль, которыхъ онъ и его предки въ сто лѣтъ не смогли взять силой. Случилось это въ 1514 году

Прим. перев. Глава эта написана Рюссовымъ, очевидно, для оправданія недовѣрія, оказаннаго ревельцами къ Іоанну и герцогу Магнусу.

Послѣдняя (третья) осада Смоленска началась 29-го іюля 1514 г. Пушкарь Стефанъ распоряжался дѣйствіемъ артиллеріи столь успѣшно, что на другой же день Смоленскъ сдался. Жители были приведены къ присягѣ 31-го іюля: быть за великимъ княземъ, и добра ему хотѣть, за короля не думать и добра ему не хотѣть. 1-го августа великій князь Василій Іоанновичь торжественно вступилъ въ Смоленскъ, при чемъ о передачѣ смоленскаго княжества Глинскому и рѣчи никакой не было. «Иностранныя извѣстія, говоритъ нашъ историкъ (см. Соловьева V, стр. 337), приписываетъ Глинскому большое участіе во взятіи Смоленска (Рюссовъ, конечно, зналъ о взятіи Смоленска чрезъ иностранцевъ); говорятъ, что онъ завелъ сношенія со смольнянами, привлекъ многихъ изъ нихъ на свою сторону, и эти то люди заставили большинство жителей сдаться, не дожидаясь прихода королевскаго, въ которомъ обнадеживалъ ихъ воевода Сологубъ. По извѣстіямъ о взятіи Смоленска, полученнымъ въ Ливоніи, Глинскій будто бы сказалъ великому князю: «Нынче я дарю тебѣ Смоленскъ, котораго ты такъ долго желалъ: чѣмъ ты меня отдаришь?» Великій князь отвѣчалъ: «я дарю тебѣ княжество въ Литвѣ.» Это извѣстіе противорѣчитъ извѣстію Герберштейна, будто Василій въ Москвѣ обѣщалъ Глинскому отдать ему Смоленскъ. Какъ бы то ни было, видно одно, что Глинскій, хотя и не имѣлъ обѣщанія великаго князя относительно Смоленска, тѣмъ не менѣе надѣялся, что ему отдадутъ этотъ городъ, считая себя главнымъ виновникомъ его взятія и вообще успѣха войны... но со стороны Василія было бы большою неосторожностію выпустить изъ рукъ этотъ давно желанный драгоцѣнный Смоленскъ, ключь къ Днѣпровской области, отдать его Глинскому... котораго характеръ и энергія не могли дать московскому государю достаточнаго ручательства въ сохраненіи этого важнаго пріобрѣтенія.

Глинскій, вскорѣ послѣ взятія Смоленска, завелъ переговоры съ Сигизмундомъ, тайно бросилъ московскій отрядъ и бѣжалъ въ Оршу, — но на дорогѣ былъ схваченъ и отвезенъ въ Дорогобужъ къ великому князю, который велѣлъ заковать его и отправить въ Москву

Какимъ образомъ Смоленскъ очутился въ рукахъ литовскаго князя уже упомянуто въ Приб. Сборникѣ. II, стр. 266.

57 *Король Магнусъ и другіе русскіе приверженцы.*

Подобнымъ же образомъ московитъ захотѣлъ овладѣть городомъ Ревелемъ черезъ герцога Магнуса. Такъ какъ городъ Ревель есть сильная крѣпость, завладѣть которою было бы трудно московиту, даже если бы онъ осадилъ его со всѣмъ своимъ войскомъ, то онъ и употребилъ ту хитрость, что открыто объявилъ герцога Магнуса, добровольно ставшаго на его сторону, королемъ ливонскимъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе подчинились ему ревельцы и другія мѣстности. Московитъ сильно надѣялся также и на то, что многіе изъ ливонскихъ дворянъ и нѣкоторыя бюргерскія дѣти были преданы герцогу Магнусу Поэтому онъ думалъ, что ревельцы не преминутъ тотчасъ же впустить и принять ливонскаго нѣмецкаго короля и своихъ земляковъ, подобно жителямъ Смоленска, расчитывая, что нѣмецкій король и ихъ земляки навѣрное убѣдятъ ихъ сдѣлать такъ. Вмѣстѣ съ герцогомъ Магну-

сомъ въ особенности Іоаннъ Дуве, Элертъ Крузе, Гинрикъ Боусманъ, сынъ одного ревельскаго ратмана, считали сдачу самымъ лучшимъ дѣломъ и подъ страхомъ лишиться царствія небеснаго, спасенія души и блаженства, хотѣли склонить ревельцевъ къ сдачѣ различными кознями и хитростями, но ничего не добились. Потому что если бы они по неразумію приняли герцога Магнуса, то за нимъ сейчасъ же протянулъ бы руку и русскій, ревельцы тогда лишились бы защиты у всѣхъ христіанскихъ государей, и съ Ревелемъ было бы точно тоже, что и со Смоленскомъ. Но простые и не ученые люди въ Ревелѣ лучше разгадали коварство московита, чѣмъ всѣ московитскіе нѣмецкіе князья, освобожденные господа и мудрые совѣтники герцога Магнуса. Да будетъ же хвала Господу, который скрылъ отъ сильныхъ и мудрыхъ людей то, что открылъ простымъ людямъ въ Ревелѣ въ эту осаду, и да устыдятся теперь многіе премудрые, а простодушные ревельцы да радуются во вѣки вѣковъ.

Наконецъ, когда герцогъ Магнусъ, добрый молодой государь, увидѣлъ, что его обманули, то выбранилъ жестокими словами Іоанна Дуве и Элерта Крузе и своихъ совѣтниковъ, какъ легкомысленныхъ людей, которые отпадаютъ отъ одного государя и переходятъ къ другому, а также и его уговорили сдѣлать тоже; а его придворный проповѣдникъ и совѣтникъ Христіанъ Шрепферъ былъ почти главнымъ виновникомъ такого отпаденія.

58 Дальнѣйшій разсказъ о русской осадѣ Ревеля, 1570 и 71 г.

16-го октября прибыло еще одно сильное войско русскихъ, называвшихся опричниками; этотъ отрядъ гораздо ужаснѣе и сильнѣе свирѣпствовалъ, чѣмъ предъидушіе, убивая, грабя и сожигая; они безчеловѣчно умертвили многихъ дворянъ и простаго народу, жившихъ въ опустошенномъ замкѣ Фегефюрѣ въ Гарріенѣ и пощаженныхъ раньше русскими; новоприбывшіе стали лагеремъ около козьяго луга у Ревеля и вырубили и перепортили здѣсь великолѣпный лѣсъ. Въ то же время ревельцы зажгли рыбачью слободу, въ которой было болѣе двухъ сотъ жилищъ, до тла сожгли и уничтожили ее.

Въ ту же осаду, около Михайлова дня, два флота королевскихъ военныхъ кораблей, одинъ флотъ изъ Кальмера, другой изъ Финляндіи, прибыли къ ревельскому рейду, чтобы помочь городу Эти корабли такъ долго стояли на рейдѣ, пока всѣ корабли и суда не прибыли изъ Стокгольма и Финляндіи и не привезли городу Ревелю всякихъ съѣстныхъ припасовъ и дровъ, такъ что ревельцы безпрепятственно могли перевести въ городъ привезенныя вещи. Тогда замокъ былъ снабженъ припасами и могъ справиться съ московитскими гостями, которые хотѣли взять его голодомъ послѣ продолжительной осады. Въ то время безпрестанно происходили стычки съ непріятелями съ кораблей и изъ города, всего описать невозможно.

Въ то же время, послѣ Мартинова дня, въ Ревелѣ появилась ужасная язва и продолжалась всю зиму до весны; отъ этой язвы умерло очень много бюргеровъ изъ всѣхъ гильдій, а также много подмастерьевъ, молодыхъ слугъ, женщинъ и дѣвушекъ, умирали такъ скоро, какъ ни отъ одной заразительной болѣзни; умершихъ хоронили безъ колокольнаго звону, ибо во время всей осады колокола употреблялись только при проповѣдяхъ. Моръ былъ настолько великъ, что люди совершенно теряли разсудокъ, всѣ чувства и языкъ; этотъ моръ очень быстро сталъ свирѣпствовать также и между крестьянами Гарріена, а глупый народъ называлъ его русской или московитской язвой, занесенной будто бы въ ихъ страну русскими. Въ то же время упомянутая язва ужасно хозяйничала и въ непріятельскомъ лагерѣ. отъ нея умерли также Конрадъ Бурмейстеръ, канцлеръ герцога Магнуса, и много другихъ нѣмцевъ и русскихъ. Тутъ-то вотъ исполнилось обычное проклятіе ливонцевъ, ибо въ Ливоніи, особенно у дворянъ, самымъ обыкновеннымъ проклятіемъ было «Чтобъ тебя одолѣли бѣды со всего свѣта!» Къ несчастію это проклятіе такъ исполнилось надъ ливонцами, что нельзя придумать никакой бѣды, которая не обрушилась бы на нихъ во время этой осады и этихъ смутъ.

Въ 1571 году, 12-го января, прибылъ еще одинъ отрядъ русскихъ съ тяжелыми орудіями и мортирами, они 13-го января къ ночи, во время сильнаго холода, построили между мельницами св. Іоанна и мѣдною шанцы, и въ ту же ночь начали стрѣлять по городу· пускали въ него ядра отъ 16 до 25, а также и въ 6 фунтовъ; но убитыхъ, кромѣ одного стрѣлка на валу и двухъ бѣдныхъ женщинъ, родныхъ сестеръ, которыхъ однимъ выстрѣломъ убило на печи, не было.

16-го января русскій построилъ новые шанцы передъ глиняными воротами у Блейхберга, откуда онъ пускалъ въ городъ огненныя ядра (раскаленныя), однако не повредилъ ни одного дома и не ранилъ ни одного человѣка.

17-го января русскій занялъ великолѣпный госпиталь или оспенный домъ у большихъ морскихъ воротъ, поставилъ нѣсколько орудій и хотѣлъ укрѣпиться тутъ, но ревельцы не дали ему расположиться въ тотъ же день со всѣмъ войскомъ они сдѣлали вылазку и бились съ непріятелями. Но такъ какъ русскіе занимали очень выгодную позицію въ большихъ домахъ, которыхъ окружала съ одной стороны крѣпкая стѣна, а съ другой досчатый заборъ, изъ за которыхъ можно было удобно стрѣлять, и они поранили многихъ ревельцевъ, потому ревельцы снова должны были отступить въ городъ, взявъ съ собой въ плѣнъ одного нѣмца. Распросивши и узнавши все отъ него, они тотчасъ же подъ вечеръ тѣсными рядами сдѣлали вторичную вылазку, пошли на приступъ того же оспеннаго дома,

выбили изъ него непріятелей, многихъ изъ нихъ убили, а домъ зажгли и уничтожили.

30-го января ревельцы сожгли и разрушили церковь въ рыбачьей слободѣ, хотя и безъ нужды.

3-го февраля русскіе отправили изъ своего лагеря въ Россію болѣе 2000 саней, нагруженныхъ награбленнымъ добромъ.

22-го февраля русскій снова построилъ шанцы на канатномъ дворѣ передъ большими морскими воротами, изъ которыхъ онъ ужасно стрѣлялъ и пускалъ въ городъ еще больше огненныхъ ядеръ, чѣмъ прежде, но не причинилъ особеннаго вреда застрѣлилъ только одного стрѣлка на башнѣ св. Олофа и одного шведскаго ландскнехта, а также одного надворнаго служителя на Сюстервалѣ (у женскаго монастыря «Сюстерскія ворота»), кромѣ нихъ не убилъ и не ранилъ ни одного человѣка.

22-го февраля, въ ночное время, черезъ стѣну города были переданы письма Іоанна Фридриха, герцога померанскаго, въ которыхъ онъ утѣшалъ ревельцевъ и писалъ, что объ нихъ наилучшимъ образомъ отзывались на сеймѣ въ Штеттинѣ, гдѣ помирились оба государства Швеція и Данія; ревельцы почерпнули изъ этихъ писемъ новое мужество въ своемъ продолжительномъ угнетеніи.

2-го марта непріятели соорудили для страха и угрозы три блокгауза передъ большими морскими воротами у известковой печи, но скоро были выбиты изъ нихъ, а бревна свезены въ городъ.

5-го марта ревельцы нешутя хотѣли помѣряться съ непріятелемъ, сдѣлали вылазку съ двухъ сторонъ и столкнулись съ непріятелемъ. Непріятели потерпѣли значительный уронъ въ одномъ мѣстѣ у глиняныхъ воротъ. Тутъ были убиты сынъ Элерта Крузе и одинъ изъ Будтброкеновъ изъ рижскаго архіепископства, одинъ изъ Врангелей изъ Таттерса и много другихъ непріятелей, дворянъ, и не дворянъ. Въ это время ливонскіе гофлейты герцога Магнуса были такъ дерзки и храбры, будто цѣликомъ хотѣли проглотить ревельцевъ.

Во время этой осады было еще очень много схватокъ, въ особенности около зданія суда у горы св. Тонніеса; но описывать ихъ нестоитъ, потому что солдаты, молодые подмастерья, домашніе слуги и мальчишки бѣгали на эти схватки будто на танцы. И хотя имъ строго запрещали это, однако они не обращали вниманія на запрещенія.

59. Снятіе осады Ревеля и Виттенштейна, 1571 г.

16-го марта непріятель зажегъ свой лагерь и ушелъ рано утромъ, пробывши подъ Ревелемъ 30 недѣль безъ трехъ дней. Этотъ день приказано праздновать въ Ревелѣ для вѣчной памяти объ осадѣ. И такъ, слава Богу, не удались всѣ козни, предложенія, хитрости и

коварные переговоры московита. Русскіе пошли тогда по нарвской дорогѣ, а нѣмцы по дорогѣ къ Виттенштейну, передъ которымъ также стоялъ отрядъ русскихъ съ немногими нѣмцами уже 30 недѣль, но по Божьей милости и усердной бдительности и осторожности Гермена Флеминга, тогдашняго намѣстника (коменданта) въ Виттенштейнѣ, они ничего не могли достигнуть, и подобно другимъ, со стыдомъ должны были отступить. А герцогъ Магнусъ избралъ мѣстомъ своего пребыванія Обергаленъ (Оберпаленъ), но такъ какъ Обергаленъ не въ состояніи былъ прокормить всѣхъ гофлейтовъ, то два отряда ихъ добывали себѣ содержаніе у московита отъ крестьянъ въ дерптскомъ епископствѣ. Говорятъ, что въ этихъ осадахъ Ревеля и Виттенштейна русскихъ пало 9000 человѣкъ.

60. Послѣднія коварства противъ Ревеля.

Незадолго до отступленія, когда осаждающіе увидѣли, что ихъ надежды и ожиданія готовы рухнуть, они придумали еще новые коварства и замыслы. Вопервыхъ Христіанъ Шрепферъ, придворный проповѣдникъ и очень краснорѣчивый человѣкъ, явился въ Ревель и велъ переговоры съ ревельцами и очень восхвалялъ добродѣтели великаго князя, и описывалъ его войско и власть самыми могущественными, чтобы только убѣдить ревельцевъ сдаться. Когда же это не помогло, то Іоаннъ Дуве и Элертъ Крузе придумали возбудить несогласія и раздоры между общиной въ городѣ Ревелѣ, для чего и написали магистрату и общинѣ, будто ихъ послы въ Везенбергѣ подговорили и склонили ихъ къ этой войнѣ; потому что обѣщали и поклялись передать имъ городъ. они и пришли по этому обѣщанію. Но магистратъ и община хорошо знали въ чемъ дѣло. Кромѣ того Гинрикъ Бовсманъ написалъ тайное письмо въ городъ нѣкоторымъ изъ своихъ друзей и родныхъ, въ которомъ, ручаясь въ правдѣ, говорилъ, что на выборгской границѣ уже происходятъ переговоры между шведами и московитомъ, что король шведскій хочетъ передать московиту городъ Ревель и этимъ путемъ достигнуть вѣчнаго мира для Финляндіи; потому пусть ревельцы во время позаботятся, чтобы шведамъ не удалось выполнить ихъ намѣренія, а онъ, Бовсманъ, не можетъ и не хочетъ скрывать шведскихъ замысловъ по сердечной привязанности къ своему любезному отечеству Наконецъ, когда не помогли всѣ козни, то они при отступленіи попросили перемирія у шведскихъ правителей и у города Ревеля, но не получили его. Поэтому русскіе вторглись въ Финляндію, а Гинрикъ Бовсманъ въ Гарріенъ и излили свою ярость на бѣдныя земли.

61. Что тогда могъ перенести Гарріенъ.

Тутъ не совсѣмъ излишне замѣтить, какою страною была въ то время Ливонія и каковы были ея богатства. Потому что хотя

Гарріенъ составляетъ едва двадцатую часть Ливоніи и раньше того многократно былъ опустошаемъ московитомъ, однако этотъ кусокъ земли былъ настолько богатъ, что могъ въ изобиліи снабжать кормомъ въ теченіе 30 недѣль болѣе 30000 человѣкъ русскихъ и нѣмцевъ, которые безпощадно ѣли; точно также были богаты и земли Іервена или Виттенштейна, гдѣ столько же времени пробыло очень много русскихъ; кромѣ того непріятели увезли нѣсколько тысячъ саней, до верху нагруженныхъ хлѣбомъ и всякимъ награбленнымъ добромъ, и увели нѣсколько тысячъ головъ скота и лошадей, и всетаки еще всего осталось вдоволь, такъ что и дворяне и крестьяне говорили, что все это еще не бѣда, не было бы только впредь хуже.

62. Несчастный походъ крестьянъ противъ русскихъ, 1571 г.

Тою же весною, когда отступилъ непріятель, крестьяне изъ Гарріена и Іервена, ограбленные до чиста непріятелями, собрались въ отряды и нѣсколько разъ сряду вторгались въ Вирландъ, принадлежавшій русскимъ, пока однажды не попались. Потому что когда русскіе въ Везенбергѣ и Нарвѣ прослышали, что они опять придутъ, то собрали войско, а когда крестьяне дѣйствительно пришли и больше думали о грабежѣ, чѣмъ о непріятеляхъ, то русскіе внезапно бросились на нихъ и болѣе шестисотъ человѣкъ безжалостно убили при рѣчкѣ Муддесѣ.

63. Татары сжигаютъ Москву, 1571 г.

Въ 1571 году, 24-го мая, въ день Вознесенія, татары совершенно сожгли главный городъ московита Москву; въ этомъ пожарѣ сгорѣли болѣе 40000 домовъ, господскихъ усадебъ и жилищъ со всѣми церквами и амбарами, и погибло около трехсотъ тысячъ человѣкъ, старыхъ и молодыхъ. Этотъ пожаръ продолжался всего только три часа. Потому что татары пришли въ 8 часовъ утра съ 40000 человѣкъ и зажгли городъ, а въ 11 уже все сгорѣло до тла. Это крайне удивительно и всѣ люди, видѣвшіе Москву до того и бывшіе въ ней также во время пожара, говорятъ, что еслибы московитъ самъ нарочно захотѣлъ зажечь и сжечь городъ, то ему невозможно было бы сжечь до чиста въ нѣсколько дней того, что сгорѣло въ три часа. Тутъ московиту было отплачено за все, что онъ сдѣлалъ съ бѣдной Ливоніей и Финляндіей прошлою зимою.

Прим. перев. Подробности, сообщаемыя Рюссовымъ о сожженіи Москвы, совершенно вѣрны.

Въ то самое время, когда Іоаннъ, обративъ все вниманіе на Ливонію, былъ въ войнѣ со Швеціею, и готовился къ важнымъ перемѣнамъ въ Польшѣ, отношенія его къ крымской ордѣ и къ султану дѣлались болѣе и болѣе натянутыми. Іоаннъ зналъ, что султанъ на весну 1570 г. готовился къ новому походу на Астрахань, что крымскій ханъ неминуемо долженъ сдѣлать набѣгъ

на Москву Все лѣто 1570 г. прошло въ тревогахъ, русское войско стало на Окѣ для отраженія татаръ, но нашествія, однако, не было. Весною 1571 г. тревога возобновилась: 50-ти тысячное войско снова направилось къ Окѣ, а царь съ опричниною выступилъ въ Серпуховъ. Тревога на этотъ разъ не была мнимою: ханъ крымской орды Девлетъ-гирей со 120-ю тысячами войска двинулся къ московскимъ украйнамъ, получивъ извѣстіе, что въ городахъ московскихъ два года сряду былъ большой моръ, много людей померло и погибло въ опалѣ, а остальные воинскіе люди всѣ въ Ливоніи. Ханъ переправился чрезъ Оку и вступилъ въ русскія земли. Царь, отрѣзанный отъ главнаго войска, отступилъ изъ Серпухова въ Александровскую Слободу, а оттуда въ Ростовъ, а главное войско пришло къ Москвѣ 23-го мая, гдѣ и расположилось въ предмѣстьяхъ. 24-го мая, въ день Вознесенья, татары зажгли предмѣстья; сильный вѣтеръ разнесъ огонь на огромныя пространства. Уцѣлѣлъ одинъ Кремль. Убытки были громадные, народа погибло тысячь до 800, цифра не невѣроятная, потому что въ Москву прибыло множество народа, бѣжавшаго отъ татаръ. Во время пожара бѣжать было некуда и народа больше погибло отъ давки, чѣмъ отъ огня. Пожаръ помѣшалъ татарамъ грабить предмѣстья, а на осаду Кремля Девлетъ-гирей не рѣшился. Захвативъ множество плѣнныхъ, онъ ушелъ въ Крымъ, никѣмъ не преслѣдуемый.

Іоаннъ прямо говорилъ, что виною нашествія были бояре: они послали къ хану боярскихъ дѣтей провести орду чрезъ Оку. Что Іоаннъ имѣлъ основанія обвинять своихъ бояръ въ государственной измѣнѣ, доказываетъ слѣдующая запись, данная въ 1571 г. (см. Соловьева VI, стр. 235): «Я, князь Иванъ Мстиславскій, Богу, святымъ Божіимъ церквамъ и всему православному христіанству вѣры своей не соблюлъ, государю своему, его дѣтямъ и его землямъ, всему православному христіанству и всей русской землѣ измѣнилъ, навелъ съ моими товарищами безбожнаго крымскаго Девлетъ-гирея хана». Царь, однако, простилъ Мстиславскаго.

Какъ же было, въ самомъ дѣлѣ, поступать съ непокорными боярами человѣку страстному и впечатлительному, видѣвшему и не безъ основаній кругомъ себя измѣну и крамолу?

Крымскія дѣла и замыслы султана овладѣть Казанью и Астраханью лучше всего объясняютъ, почему Іоаннъ напрягалъ всѣ усилія пробиться къ морю: безъ морскаго берега мы не могли получать изъ Европы свѣдущихъ людей въ ратномъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, а безъ такихъ людей нельзя было и думать о безопасности своихъ предѣловъ отъ вторженій ордъ крымской, жившей единственно грабежомъ, и турецкой, предводитель которой носилъ официальный титулъ «кровопійцы».

64. Римско-католическій посолъ въ Ливоніи, 1571 г.

14-го іюня 1571 г., Іона Оффенбюргеръ, посолъ императора Максимиліана II, прибылъ въ Ревель моремъ изъ Риги, 16-го іюня былъ въ ратушѣ и объявилъ ревельскому магистрату императорское предложеніе.

Прим. перев. Шведы съ 1563 года находились въ войнѣ съ Даніею и Любекомъ (см. выше, стр. 142). Въ то самое время, когда герцогъ Магнусъ былъ объявленъ ливонскимъ королемъ и царь рѣшился осадить Ревель въ Штетинѣ, съ 1-го іюля 1570 г., при посредствѣ императора, Франціи и Саксоніи, начались переговоры о мирѣ между Швеціею и Даніею. Переговоры продолжались съ полгода времени: но въ концѣ концовъ 13-го декабря шведы должны были согласиться на миръ, къ которому приступили и любчане. По

условіямъ этого мира шведы не могли препятствовать судоходству къ Нарвскому порту, всѣ бывшія владѣнія герцога Магнуса отдаются императору какъ верховному властителю, который въ свою очередь передаетъ ихъ подъ защиту короля датскаго. Съ извѣщеніемъ о заключеніи Штетинскаго мира и былъ посланъ въ Ригу и Ревель императорскій посолъ Іона Офенбергеръ, такъ какъ императоръ все еще считалъ себя верховнымъ властителемъ Ливоніи.

Одновременно съ отправленіемъ Офенбергера въ Ригу и Ревель король датскій послалъ въ Москву Елисея Изенберга съ письмомъ къ царю. Фредерикъ въ этомъ письмѣ, писанномъ 11-го апрѣля 1571 г., не сообщалъ царю о своемъ мирѣ съ Швеціею, но увѣрялъ царя въ своемъ неизмѣнномъ дружествѣ, писалъ, что русскіе отнимаютъ у норвежцевъ земли и рыбныя ловли и просилъ опасной грамоты для пословъ императора Максимиліана. Царь отвѣчалъ 27-го іюля 1571 г.: Фредерикъ хорошо дѣлаетъ, что желаетъ намъ быть вѣрнымъ другомъ до конца жизни; но то не хорошо, что безъ нашего велѣнія мирится съ непріятелемъ Россіи. Да исправится; да стоитъ съ нами за едино; да убѣдитъ шведовъ повиноваться волѣ моей. О дѣлахъ норвежскихъ развѣдаемъ и не замедлимъ въ управѣ. Пословъ брата нашего, Максимиліана, ожидаемъ: имъ путь свободенъ сюда и отсюда.

65. Дальнѣйшая война съ гофлейтами, 1571 г.

Послѣ того какъ герцогъ Магнусъ отступилъ отъ Ревеля и мѣстопребываніемъ своимъ сдѣлалъ Оверпаленъ, а оверпаленская область не въ состояніи была содержать его гофлейтовъ, по обыкновенію пьянствующихъ и объѣдающихся, не было у герцога также и наличныхъ денегъ, а пристать къ другому господину они также не осмѣливались, потому названные герцогскіе гофлейты раздѣлились на пять знаменъ. Ротмистры двухъ знаменъ, а именно Гансъ фонъ Цейцъ и Рейнольдъ фонъ Розенъ, со своими людьми, были расквартированы между крестьянами дерптскаго епископства, двое ротмистровъ, именно Іоаннъ Майдель Воллюстскій и Гинрикъ Бовсманъ съ ихъ людьми были посажены на шею крестьянъ въ оверпаленской области, а Юргенъ Тизенгузенъ Ранденскій расположился со своимъ знаменемъ въ виттенштейнской области въ деревнѣ Уббагалѣ и дѣлалъ набѣги по окрестностямъ. Тогда гость, который обыкновенно и волка выгоняетъ изъ кустовъ, принудилъ оверпаленскихъ гофлейтовъ итти къ Ревелю, чтобы захватить тамъ городскія полотна съ бѣлильныхъ горъ и скотъ, пасшійся на лугу передъ городомъ, такъ какъ у нихъ не было ни рубахъ, ни чего нибудь съѣстнаго. 9-го іюля они захватили нѣсколько кусковъ холста и угнали нѣсколько головъ рогатаго скота. Но бюргеры и ландскнехты сейчасъ спохватились, погнались, отняли у нихъ скотъ въ четырехъ миляхъ отъ города на Дельвихскомъ дворѣ и обратили грабителей въ бѣгство. Затѣмъ Карлъ Гиндриксенъ, очень молодой человѣкъ и сынъ одного рыцаря изъ Канкаса въ Финляндіи, двинулся съ 300 шведскими кнехтами въ Іервенъ для дальнѣйшаго преслѣдованія оверпаленскихъ гофлейтовъ, черезъ лѣса и болота гнался за ними, и ночью, въ деревнѣ Уббагалѣ, напалъ

врасплохъ на знамя Юргена Тизенгузена Ранденскаго, состоявшее почти исключительно изъ лифляндскихъ юнкеровъ (помѣщиковъ), всѣхъ ихъ умертвилъ, передушилъ и сжегъ въ хатахъ, и взялъ знатную добычу Такимъ образомъ было отплачено Юргену Тизенгузену за все то зло, которое онъ причинилъ отечеству со своими гофлейтами, и за то, что велѣлъ утопить въ мѣшкѣ родную свою сестру, противъ всякой братской любви и уваженія изъ за того, что она полюбила писаря, согрѣшила съ нимъ и просила позволенія выйти за него замужъ.

66. Чума въ Ревелѣ, 1571 г.

Въ 1571 г , лѣтомъ, около дня св. Іакова, снова показалась сильная заразительная болѣзнь въ Ревелѣ и по всей Ливоніи; въ Ревелѣ эта язва прежде всего началась съ аптеки, и затѣмъ распространилась по всему городу; отъ нея умерло множество народу, и стараго и молодаго. А такъ какъ чума началась съ аптеки, въ которой обыкновенно люди ищутъ противъ болѣзней утѣшенія, помощи и лекарства, то безъ сомнѣнія это произошло не безъ особеннаго соизволенія Господня. Потому что Господь хотѣлъ указать этимъ, что лекарства ничего не помогаютъ въ трехъ главныхъ несчастіяхъ, а именно: въ чумѣ, войнѣ и дороговизнѣ, которыми Господь обыкновенно наказуетъ непокорныя земли и города, и что въ такихъ случаяхъ по Божьей волѣ нѣтъ лучшихъ лекарствъ, какъ покаяніе и исправленіе и усердная молитва ко всемогущему Богу объ ослабленіи наказанія.

Прим. перев. Заразительная болѣзнь изъ Ливоніи перешла въ новгородскія земли. Въ Новгородѣ ждали пріѣзда царя и приняли для пресѣченія заразы строгія мѣры: отвели для умершихъ отъ повѣтрія особое кладбище на берегу Волхова близь монастыря Хутынскаго; съ утра до ночи ходили стражи по улицамъ, осматривая домы, и запирая тѣ, въ коихъ обнаруживался недугъ; не пускали къ больнымъ и священниковъ, угрожая тѣмъ и другимъ, вслучаѣ непослушанія, сожженіемъ на кострѣ (Карамзинъ IX, 192).

Къ зимѣ болѣзнь прекратилась: царь пріѣхалъ въ Новгородъ 24-го декабря 1571 г.

67 Тщетное возстаніе Рейнольда фонъ Розена въ Дерптѣ, 1571 г.

Въ 1571 г 21-го октября, въ одно воскресенье, Рейнольдъ фонъ Розенъ, московитскій ротмистръ, по наущенію Іоанна Дуве и Элерта Крузе, задумалъ напасть врасплохъ на городъ Дерптъ и отнять его у московскаго государя. Вошедши со своимъ отрядомъ въ городъ, онъ полагалъ, что дерптскіе нѣмецкіе бюргеры немедленно перейдутъ на его сторону и вмѣстѣ будутъ биться съ русскими. Но русскіе скоро получили подкрѣпленіе и такъ напали на Рейнольда фонъ Ро-

зена, что его гофлейты благодарили только Господа, когда выбрались за ворота. А самъ Рейнольдъ фонъ Розенъ и нѣсколько его гофлейтовъ были захвачены и изрублены въ куски. Затѣмъ русскіе, подозрѣвая измѣну, бросились на дома дерптскихъ нѣмецкихъ бюргеровъ, ничего не знавшихъ и совершенно невиновныхъ въ мятежѣ, безжалостно и безчеловѣчно умертвили почти всѣхъ бюргеровъ съ ихъ женами и дѣтьми и всѣми домочадцами, а дома ихъ ограбили. И это избіеніе и грабежъ продолжались три дня. Что это было за горе и что за печаль въ Дерптѣ, легко можетъ себѣ представить всякій благоразумный человѣкъ, описать же всего невозможно. Замыселъ этотъ можетъ быть и удался Рейнольду фонъ Розену, еслибы онъ открылъ его другому ротмистру Гансу Цейцу и привлекъ бы его на свою сторону Но Рейнольдъ фонъ Розенъ или не осмѣлился довѣриться другому ротмистру, или одинъ захотѣлъ прославиться съ Іоанномъ Дуве и Элертомъ Крузе, потому и претерпѣлъ наказаніе за безбожное высокомѣріе и бунтъ. Всемогущій Господь также не пожелалъ, чтобы городъ Дерптъ со всѣмъ епископствомъ былъ спасенъ такимъ легкомысленнымъ способомъ. Когда же Іоаннъ Дуве и Элертъ Крузе увидѣли, что дѣло не удалось, то оставили въ залогъ московиту свой княжескій санъ, а сами бѣжали въ Польшу Такъ дали отставку и расплатились и съ этимъ знаменемъ рижскихъ архіепископскихъ дворянъ, а Гансъ Цейцъ не захотѣлъ ждать расплаты, и уклонился отъ нея.

Прим. перев. Послѣ снятія 16-го марта 1571 г. осады Ревеля герцогъ Магнусъ удалился въ Оберпаленъ, а Таубе и Крузе уѣхали въ Дерптъ и оттуда завели сношенія съ королемъ Сигизмундомъ, обѣщая овладѣть Дерптомъ въ его пользу, если онъ приметъ ихъ милостиво и дастъ тѣже выгоды, которыми они пользовались въ Москвѣ. Причиною, побудившею ихъ обратиться къ королю, была боязнь отвѣтственности предъ царемъ, которому они обѣщали легкій успѣхъ относительно Ревеля.

Сигизмундъ Августъ принялъ предложеніе, тогда Таубе и Крузе подговорили Розена напасть на Дерптъ въ воскресный день послѣ обѣдни и обѣда, когда русскіе, по своему обыкновенію, будутъ спать. Условились напасть на Дерптъ въ полдень 21-го октября 1571 г. Сначала заговорщики имѣли успѣхъ: Розенъ чрезъ мостъ у нѣмецкихъ воротъ (нынѣ каменный мостъ чрезъ Эмбахъ) пробрался въ городъ, умертвивъ караульнаго у воротъ русскаго офицера, Таубе чрезъ соборныя ворота вошелъ на рыночную площадь, а Крузе отбилъ тюрьму, выпустилъ заключенныхъ, которые взяли оружіе убитыхъ и стали помогать заговорщикамъ. Бюргеры, лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ возвратившіеся изъ ссылки, въ которой они находились съ 1565 г., при общей суматохѣ позапирались въ своихъ домахъ. Русскія дѣти боярскія и стрѣльцы, составлявшіе дерптскій гарнизонъ, вооружились, къ нимъ подоспѣли изъ посада расположенные тамъ стрѣльцы, а также русскіе купцы. Русскіе въ свою очередь бросились на Розена, умертвили его, заставили заговорщиковъ очистить городъ послѣ сильной схватки, и перебили множество бюргеровъ, подозрѣвая ихъ въ соумышленничествѣ съ заговорщиками.

Таубе и Крузе еще прежде вывезли свои семейства и пожитки изъ Дерпта и теперь, видя неудачу заговора, отправились къ польскому королю, который принялъ ихъ благосклонно, далъ имъ имѣнія и принялъ въ польскую службу Таубе и Крузе съ этого времени сдѣлались отъявленными врагами русскихъ.

68. *Магнусъ возвращается на Эзель, а гофлейты пристаютъ къ шведамъ, 1571 г.*

Когда герцогъ Магнусъ услышалъ въ Оверпаленѣ о дерптскомъ событіи, то хотя ничего не зналъ о заговорѣ и былъ совсѣмъ невиненъ, однако опасался подозрѣнія и немилости великаго князя, и потому уѣхалъ изъ Оверпалена, изъ владѣній московита, въ Аренсборгъ, гдѣ и прожилъ нѣсколько времени. Тогда двумъ знаменамъ гофлейтовъ, оставшимся въ Оверпаленской области, пришлось еще хуже, чѣмъ было прежде. Потому что это были тѣ самые гофлейты, которые отняли было (см. выше, гл. 46) у шведовъ ревельскій замокъ. имъ ужь и нельзя было отправиться ни въ Швецію, ни въ Польшу, такъ какъ оба короля были за одно.

Тѣмъ не менѣе король шведскій, нуждаясь въ солдатахъ. при продолжавшейся войнѣ съ московитомъ, и когда вѣроломные гофлейты испытали добро и зло, сжалился надъ ними и снова милостиво принялъ своихъ злѣйшихъ враговъ, подобно другимъ невиннымъ назначилъ имъ честное жалованіе и содержаніе, а также назначилъ ихъ на честныя должности и не мстилъ имъ за сдѣланное шведамъ въ ревельскомъ замкѣ и при осадѣ Ревеля подъ предводительствомъ русскихъ. Такъ на этотъ разъ разсѣялось войско герцога Магнуса и его гофлейтовъ.

69. *Тщетныя надежды ливонцевъ.*

Въ то время, когда дерптцы изъ тяжелаго плѣна и нужды возвратились изъ Россіи снова въ свой городъ, то скоро забыли свои великія несчастія и печали и, по старому, стали вести распутную, неумѣренную жизнь, не смотря на то, что еще не совсѣмъ были освобождены отъ сѣтей и ига московита, и что еще не было мира въ странѣ; тоже самое дѣлалось и у многихъ другихъ ливонцевъ. Поэтому справедливое наказаніе Господне не могло такъ скоро прекратиться, какъ они надѣялись. Во всю войну, особенно въ началѣ они нѣсколько лѣтъ сряду говорили слѣдующимъ лѣтомъ все опять поправится. Когда же проходило лѣто, то они надѣялись на слѣдующее лѣто и изъ году въ годъ все ждали лучшаго, но постоянно переживали все худшее да худшее. Каждое лѣто, когда приходили корабли, ливонцы ждали добрыхъ вѣстей; между ними распространялись сказочные слухи, которымъ они очень радовались, а затѣмъ, когда изъ слуховъ ничего не оправдывалось, они впадали въ еще

большую печаль. Наконецъ, когда рухнули всѣ ихъ надежды и въ концѣ предвидѣлась только одна кутерма, они большей частью утѣшались одною смертью.

Прим. перев. Надежды на умиротвореніе Ливоніи дѣйствительно были тщетны — потому что царь, послѣ неудачной осады Ревеля, отнюдь не отступился отъ мысли овладѣть Эстоніею. Приказавъ собираться войскамъ въ Орѣшкѣ и Дерптѣ для войны со шведами въ Эстоніи и Финляндіи, царь рѣшился пріѣхать въ Новгородъ, чтобы быть ближе къ театру войны и вмѣстѣ съ тѣмъ попробовать, не согласятся ли шведы, испуганные его приготовленіями, уступить безъ войны Эстонію.

Приготовляясь къ отъѣзду въ Новгородъ, царь приказалъ шведскихъ пословъ, епископа абовскаго съ товарищами (см. выше стр. 182) отправить въ Новгородъ. Послы выѣхали изъ Мурома 28-го ноября 1571 г., 8-го декабря нашли царя въ Клину и съ нимъ пріѣхали въ Новгородъ 24-го декабря.

Посламъ объявили здѣсь условія царской милости: король долженъ заплатить 10,000 ефимковъ за оскорбленіе Воронцова и Наумова въ Стокгольмѣ во время возстанія на Эрика, уступить Эстонію и серебряные рудники въ Финляндіи, заключить съ царемъ союзъ противъ Литвы и Даніи, вслучаѣ войны давать 1,000 конныхъ и 500 пѣшихъ ратниковъ, снаряженныхъ по нѣмецкому образцу, включить въ царскій титулъ названіе шведскаго и прислать свой гербъ для помѣщенія въ гербъ московскій. Послы просили отпустить ихъ домой, говорили, что въ Финляндіи нѣтъ никакихъ серебряныхъ рудниковъ и что Швеція не въ силахъ помогать имъ войскомъ. Представленные Іоанну, послы упали ницъ: царь велѣлъ имъ встать, сказавъ, что онъ владыка христіанскій и не желаетъ земнаго себѣ поклоненія, но повторилъ свои требованія, примолвивъ въ заключеніе, что если король не исполнитъ ихъ, то увидитъ чей мечь острѣе. Затѣмъ Іоаннъ оправдывалъ себя предъ послами относительно требованія Екатерины: «Просили есмя у него польскаго короля сестры Катерины для того, чтобы намъ было къ повышенію надъ недругомъ... а ею хотѣли есмя съ польскимъ королемъ дѣло доброе постановити... про Ягана же намъ сказали, что его въ животѣ не стало и дѣтей у него не осталось.»

Послы увѣряли, что король во всемъ исправится и добьетъ челомъ царю за вину свою, обѣдали у царя и подписали грамоту, въ которой было сказано, что великій государь премѣнилъ гнѣвъ на милость къ Швеціи и согласился не воевать ея владѣній до Тройцына дня съ условіемъ, однако, чтобы король прислалъ къ этому времени другихъ пословъ въ Новгородъ (прочія условія оставались прежнія). Пословъ отпустили наконецъ въ Стокгольмъ съ письмомъ къ королю, въ которомъ между прочимъ, царь писалъ: «Ничѣмъ не умолишь меня, если не откажешься отъ Ливоніи. Надежда твоя на цесаря есть пустая. Говори что хочешь, но словами не защитишь земли своей.» Царь уѣхалъ изъ Новгорода 18-го января 1572 г.

Московскіе государи никакъ не допускали до равенства съ собою королей шведскихъ и датскихъ и въ сношеніяхъ съ ними допускали формы высокомѣрныя, челобитья, пожалованія и т. п. Эти формы давно уже оскорбляли королей шведскихъ, давно уже настаивавшихъ чтобы сношенія производились непосредственно съ царемъ. Высокомѣрный тонъ царскаго письма и его запросъ относительно герба и титула, запросъ, впрочемъ, считавшійся необходимымъ въ то время, отъ котораго запрашивающій легко отказывался смотря по большей или меньшей твердости, оказываемой противною стороною, оскорбили шведскаго короля тѣмъ сильнѣе, что онъ ненавидѣлъ московскаго

государя за дѣло о Екатеринѣ. Онъ не только не отправилъ новыхъ пословъ, но и слышать не хотѣлъ о мирѣ. Орѣшковскій намѣстникъ князь Путятинъ донесъ, что выборгскій королевскій намѣстникъ писалъ ему непригоже, будто бы самъ царь просилъ мира у шведскихъ пословъ. По этому поводу 11-го августа 1573 г царь написалъ королю новую грамоту, которая послѣ обыкновеннаго приступа начиналась (см. Карамзина, IX, прим. 398 и Соловьева VI, 345): высочайшаго нашего царскаго спроса, честныя наше степени величества, грозное сіе повелѣніе съ великосильною заповѣдью да есть: Послы твои уродственнымъ обычаемъ наше степени величество раздражили... и я хотѣлъ за твое недоумѣтельство на твою землю гнѣвъ свой простерть... и гнѣвъ отложился на время... и повелѣнье къ тебѣ послали есмя, какъ тебѣ нашія степени величество умолити. Чаяли того, что уже ты и свейская земля въ своихъ глупостяхъ познаетеся... а ты аки изумленъ (обезумѣлъ), и по августа 8-й день никотораго отъ тебя отвѣту нѣтъ... а выборгскій твой прикащикъ; Андрусъ Нилишевъ, послалъ къ орѣховскому намѣстнику, ко кн. Григ. Путятину, будто нашія степень величество сами просили миру у вашихъ пословъ!... Увидишь нашего порога степени величества на сей зимѣ прошеніе; то ужь не зимушнее... Али чаешь, что по прежнему воровать, свейской землѣ, какъ отецъ твой чрезъ перемирье Орѣшекъ воевалъ? И что толды досталося свейской землѣ? А какъ братъ твой оманкою хотѣлъ дати жену твою, да и съ королевства его сослали; а осенесь сказали тебя мертва, а веснусь сказали, что тебя сбили съ государства братъ твой Карло, да зять твой. Ты, сказываютъ, сидишь въ Стекольнѣ въ осадѣ, а братъ твой Ирикъ къ тебѣ приступаетъ. И то ужь ваше воровство все наружѣ; опрометываетеся, какъ бы гадъ разными виды... Земли своей и людей тебѣ не жаль: надѣешься на деньги, и что еси богатъ... И похочешь бранную лютость утолити, пришлешь пословъ... а мы, смотря по твоему покоренью, пожалуемъ... мы опять будемъ въ своей отчинѣ, въ великомъ Новгородѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ, а ты тогда посмотришь, какъ мы и люди наши станемъ у тебя мира просить.»

Король отвѣчалъ на это браннымъ же письмомъ, писалъ не по пригожу Подобныя письма, конечно не служили къ миру, а къ новой и упорной войнѣ.

70. *Дальнѣйтія судьбы Іоанна Дуве и Элерта Крузе.*

Когда герцогъ Магнусъ уѣхалъ изъ Оверпалена, а его гофлейты разсѣялись, когда совершенно окончилась короткая радость нѣмецкихъ бюргеровъ въ Дерптѣ, тогда Іоаннъ Дуве и Элертъ Крузе написали ревельскому магистрату слѣдующее Всѣ переговоры, которые они вели съ ревельцами, были начаты ими въ видахъ общаго благополучія. Если на самомъ дѣлѣ вышло иначе и исходъ дѣла оказался не такимъ, на какой они надѣялись, то въ этомъ виноваты не они, а московитъ, обманувшій ихъ. Они же всегда относились доброжелательно къ городу Ревелю и всей Ливоніи, ихъ любезному отечеству

Затѣмъ Іоаннъ Дуве прибылъ въ Падисъ и попросилъ, чтобы его дружелюбно пропустили въ городъ Ревель, такъ какъ онъ хотѣлъ переговорить о нѣкоторыхъ вещахъ, касавшихся города. Но ревельцы не захотѣли ни слушать его, ни впустить въ свой городъ. Послѣ того зимою прибылъ также къ Ревелю и Элертъ Крузе, отправленный посломъ отъ литовскихъ сословій (пановъ) къ королю шведскому

Но ревельцы ни за что не хотѣли пустить его въ городъ, несмотря на то что онъ былъ посолъ; вслѣдствіе того онъ долженъ былъ отправиться въ монастырь св. Бригитты, а оттуда уѣхалъ въ Швецію.

Послѣ возникла большая непріязнь и несогласія между Іоанномъ Дуве и Элертомъ Крузе за то, что ихъ сыновья закололи и убили другъ друга. А Іоаннъ Дуве, увидѣвши наконецъ, что московитъ, по своему великому коварству, осыпалъ его почестями и богатствомъ только потому, что хотѣлъ обмануть черезъ него и поймать остальныхъ ливонцевъ, а что изъ за этого его (Дуве) многіе ненавидятъ, задумалъ захватить врасплохъ и отнять у московита не только городъ Дерптъ, но и всѣми силами сталъ служить королю польскому противъ московита, вредя и совѣтомъ и дѣломъ московиту, гдѣ только могъ.

71. Русскія вербовки, 1572 г.

Въ 1572 году московитъ указомъ поручилъ Юргену Фаренсбеку Нельфійскому, набирать въ службу нѣмецкихъ гофлейтовъ и приводить ихъ въ Москву для дѣйствія не только противъ татаръ, но и противъ другихъ враговъ, какъ гласилъ указъ. По этому указу Юргенъ Фаренсбекъ доставилъ московиту цѣлый отрядъ, какъ ливонскихъ, такъ и чужеземныхъ гофлейтовъ. Во вѣки вѣковъ прежде не слышно было, чтобы ливонцы и чужеземцы такъ приставали къ московиту, какъ въ эти годы.

Добрые старые ливонцы открещивались отъ московита, а много молодыхъ, а также и старыхъ ливонцевъ перешли на его сторону, несмотря на то, что московитъ безъ устали домогался ихъ отечества и публично говорилъ, что не оставитъ Ливонію въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока не вырветъ съ корнемъ всю сорную траву, т. е. всѣхъ ливонскихъ дворянъ и нѣмцевъ. Несмотря на то, многіе ливонцы, по своей слѣпотѣ и неразумію, всѣми силами старались, чтобы московитъ какъ можно легче и скорѣе уничтожилъ ихъ.

Прим. перев. Юргенъ Фаренсбахъ (Юрій Францбекъ по русскимъ лѣтописямъ), извѣстный предводитель русскихъ наемныхъ нѣмецкихъ дружинъ, игралъ въ свое время довольно видную роль въ Ливоніи. Это былъ типъ людей XVI-го столѣтія, жившихъ военнымъ ремесломъ. Нанимаясь въ военную службу, они служили своему нанимателю, совершали походы, давали сраженія, рѣшительно не справляясь ради чего и во имя чего идетъ война.

Родъ Фаренсбаховъ принадлежитъ къ древнимъ нѣмецкимъ родамъ, и нѣкоторые Фаренсбахи упоминаются въ ливонскихъ лѣтописяхъ еще въ XIV-мъ столѣтіи; прочное положеніе въ Ливоніи Фаренсбахи получили съ съ того времени, когда Вильгельмъ Фаренсбахъ сдѣлался въ концѣ XIV-го столѣтія вассаломъ епископа эзельскаго Винриха Книпрода. Онъ приходился племянникомъ епископу, получилъ въ управленіе три епископскіе замка и скоро разбогатѣлъ. Тѣмъ не менѣе въ XVI-мъ столѣтіи Фаренсбахи не принадлежали къ числу ливонскихъ богачей.

Отецъ Юргена, Вольмаръ Фаренсбахъ, находился въ орденской службѣ. Его мать была урожденная Курсель. У Вольмара Фаренсбаха было 11 сыновей, изъ которыхъ 8 умерли въ дѣтствѣ, а трое остальныхъ посвятили себя военному ремеслу Вольмару Фаренсбаху принадлежали въ Викѣ три имѣнія: Геймаръ, Нурмсъ и Нельве. Въ Нельве около 1550 года и родился Юргенъ, потому онъ у Рюссова и называется Нельфійскимъ.

Мальчикомъ онъ оставилъ родительскій домъ, началъ изученіе военнаго ремесла у шведовъ, и скоро появляется въ качествѣ ландекнехта во Франціи. Здѣсь онъ пробылъ не долго и перебрался въ Вѣну, гдѣ императоръ Максиміліанъ формировалъ армію для войны съ турками. По окончаніи турецкой войны 1566 г., Юргенъ Фаренсбахъ перешелъ на службу въ Нидерланды, отсюда перебрался въ Ливонію и въ 1570 году состоялъ въ числѣ гофлейтовъ Клауса Курселя въ то время, когда этотъ предводитель овладѣлъ ревельскимъ замкомъ (см. выше стр. 182). Фаренсбаху удалось спастись изъ замка (см. выше стр. 192) и бѣжать въ родину въ Викъ. Отсюда отправлялось въ Москву посольство къ царю. Фаренсбахъ, въ качествѣ опытнаго и знающаго уже военное ремесло жолнѣра былъ причисленъ къ посольству и поѣхалъ въ томъ же 1570 году въ Москву Гдѣ то по дорогѣ ливонскіе жолнѣры напали на русскихъ горожанъ и царь приказалъ арестовать все посольство. Фаренсбахъ въ оковахъ былъ привезенъ въ Москву и посаженъ въ тюрьму.

Въ тюрьмѣ онъ пробылъ, однакоже, не долго: царю нужны были люди, знавшіе военное искуство, и потому Фаренсбаху было предложено вступить въ московскую службу, сформировать по нѣмецкому образцу дружину и принять надъ нею начальство. Фаренсбахъ согласился, присягнулъ на службу и, послѣ сожженія Москвы Девлетъ-гиреемъ, отправился въ Ливонію собирать дружину жолнѣровъ въ московскую службу. Вербовка его была очень удачна: онъ привелъ въ Москву значительно большой отрядъ и когда Іоаннъ лѣтомъ 1572 года отправилъ подъ начальствомъ князя Михаила Ивановича Воротынскаго войско на берега Оки для защиты русскихъ предѣловъ отъ новаго вторженія Девлетъ-гирея, то въ большомъ полку находился уже и Юргенъ Фаренсбахъ во главѣ 7-ми тысячнаго нѣмецкаго отряда. Дѣйствія Воротынскаго были очень удачны: крымцы потерпѣли рѣшительное пораженіе и бѣжали.

Фаренсбахъ, однако же, не долго оставался въ московской службѣ. Не желая участвовать въ походѣ царя на Ливонію, онъ уѣхалъ въ Вѣну на службу къ императору, пробылъ тутъ самое короткое время и перешелъ на службу въ Данію. Король датскій Фридрихъ назначилъ его своимъ гофмаршаломъ. Въ датской службѣ Фаренсбахъ провелъ 8 лѣтъ и въ 1577 году снова появился въ Ливоніи, вступивъ съ королевскаго позволенія, на службу городу Ригѣ. Король Стефанъ Баторій оцѣнилъ способности Фаренсбаха, предоставилъ ему въ ленъ всѣ бывшія родовыя его помѣстья на Эзелѣ и въ Викѣ, и въ 1580 году ввѣрилъ ему начальство надъ нѣмецкимъ отрядомъ польской арміи, дѣйствовавшей противъ Іоанна. Фаренсбахъ участвовалъ въ войнѣ съ русскими, и пользовался такою благосклонностью короля Стефана, что въ 1585 году былъ назначенъ венденскимъ кастеляномъ, комендантомъ Тарваста и получилъ замокъ Каркусъ съ землями въ наслѣдственное владѣніе. Въ возникшей войнѣ со шведами онъ игралъ видную роль, но не долго былъ дѣйствующимъ лицомъ въ ней. Онъ умеръ 17-го мая 1602 года.

72. Магнусъ снова обращается къ русскимъ, 1572 г.

Въ 1572 году, въ маѣ, послѣ того какъ герцогъ Магнусъ отправилъ своихъ пословъ въ Ревель для переговоровъ о перемиріи,

онъ тайно перешелъ опять къ московиту, отправивъ назадъ русскихъ и нѣмцевъ, пришедшихъ за нимъ къ викскому Зунду. Очень много кричали тогда, будто московитъ очиститъ въ Ливоніи для герцога семь замковъ и не изъ малыхъ; однако пока еще этого не случилось.

Прим. перев. Послѣ неудачной осады Ревеля, герцогъ Магнусъ удалился въ Оберпаленъ. Получивъ здѣсь извѣстіе о покушеніи Розена на захватъ Дерпта (см. выше стр. 207), онъ хоть и не принималъ никакого участія въ замыслахъ Таубе и Крузе, но опасаясь гнѣва царскаго, поспѣшилъ изъ Оберпалена переѣхать на островъ Эзель. Отсюда онъ написалъ къ Іоанну съ увѣреніями, что ничего не зналъ о дерптскомъ заговорѣ. Царь поспѣшилъ успокоить герцога, и, сообщивъ ему о внезапной кончинѣ княжны Евфиміи, предложилъ ему руку малолѣтней сестры ея, Маріи, на прежнихъ условіяхъ съ прежнимъ приданымъ и съ новыми обѣщаніями завоевать Эстонію для герцога. Магнусъ принялъ царское предложеніе и прежнія отношенія востановились.

Магнусъ писалъ 24-го сентября 1571 г. императору и къ своему брату, что не честолюбіе, но истинное усердіе къ общему благу христіанъ заставило его искать союза съ Россіею съ цѣлію побудить Іоанна къ войнѣ съ Турціею.

Рюссовъ упоминаетъ, что герцогъ отправилъ назадъ русскихъ и нѣмцевъ, пришедшихъ за нимъ къ Викскому Зунду. Дѣло въ томъ, что по снятіи осады Ревеля, русское войско и магнусовы гофлейты начали осаду Виттенштейна. Приступы были совершенно неудачны. Магнусъ въ вышеупомянутомъ письмѣ къ императору говоритъ, что онъ не могъ сладить съ русскимъ мятежнымъ войскомъ и для того отпустилъ его (къ Нарвѣ и Дерпту).

73. *Новыя предпріятія шведовъ, 1572 г.*

1-го августа 1572 г. въ ратушѣ города Ревеля принимали пословъ короля шведскаго и герцога Карла зюдерманландскаго. Послы сказали, что герцогъ самъ лично съ сильнымъ войскомъ, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, прибудетъ въ Ливонію для преслѣдованія московита. Это вызвало большую радость въ Ревелѣ и многіе тогда говорили вотъ когда начнется наше счастіе! Но герцогъ Карлъ, по другимъ случившимся дѣламъ, не могъ пріѣхать, и половина войска также не прибыла. Тутъ и началось истинное несчастіе города и страны, какъ то видно будетъ изъ дальнѣйшаго разсказа. Въ 1572 году, 7-го сентября, въ Ревель прибыло войско изъ рейтаровъ и кнехтовъ, шведовъ и нѣмцевъ. Войско это, вооружившись, двинулось къ Везенбергу, схватилось съ русскими, ограбило Вирландъ и взяло большую добычу быками и коровами. Затѣмъ они пошли къ Оверпалену, имѣли тамъ также схватку, потеряли своего лучшаго фейерверкеркера, и съ быками и коровами возвратились въ Ревель.

Въ то же время Юргенъ Уксель фонъ Паденурмъ пошелъ съ нѣсколькими шведами къ Аренсбургу и съ большими угрозами требовалъ сдачи этого замка. Еслибы онъ серьезнѣе взялся за дѣло, то навѣрное оно удалось бы ему. Онъ, однако, отнялъ у нихъ приходъ

и область Килекондъ, который аренсборцы впослѣдствіи снова пріобрѣли посредствомъ переговоровъ.

Въ то самое время, когда шведы усиливали свои войска въ Ревелѣ и дѣлали набѣги на русскіе передовые посты въ Вирландѣ, царь, исполняя свою угрозу королю шведскому (см. выше стр. 211), выѣхалъ 21-го сентября 1572 въ Новгородъ, чтобы здѣсь снарядить войско для большаго похода въ Эстонію. Къ концу 1572 г. 80-ти тысячное войско двинулось на Эстонію. Большимъ полкомъ командовалъ царь Саинъ Бекбулатовичъ; правымъ флангомъ бояринъ князь Ив. Ѳед. Мстиславскій; передовымъ полкомъ (авангардомъ) бояринъ князь Ив. Анд. Шуйскій; сторожевымъ (аріергардомъ) бояринъ князь Ив. Петр. Шуйскій; начальникомъ наряда (артиллеріи) былъ воевода князь Юрій Ив. Токмаковъ. Самъ царь со своимъ полкомъ (государевымъ) также выступилъ въ походъ. Царская свита была очень многочисленная: съ государемъ были и его ближайшіе подручники: бояринъ Малюта Лукьяновъ Скуратовъ-Бѣльскій, Вас. Гр. Грязной и дипломатическая канцелярія: печатникъ Ольферьевъ, дьякъ Василій Щелкаловъ и много придворныхъ.

3-го декабря 1572 г. царь былъ на Ямѣ, приказавъ быть всѣмъ готовымъ къ выступленію. Королю Арцымагнусу (герцогу Магнусу) велѣлъ быть въ походѣ съ государемъ при главной квартирѣ. А Юрію Францбеку (Фаренсбаху) велѣлъ государь итти въ полку съ собою же.

Въ срединѣ декабря 1572 г. царское войско изъ подъ Нарвы вступило въ эстонскія земли, занятыя шведами.

74. Какъ Виттенштейнъ попадаетъ въ руки русскимъ, 1572—73 г.

Въ 1572 г., 16-го декабря, солдаты короля шведскаго, рейтары и кнехты, числомъ около 5,000 человѣкъ, двинулись въ походъ, намѣреваясь осадить Оверпаленъ. Они сдѣлали большой крюкъ къ Маріаму, а оттуда къ Феллину ради грабежа, а двѣ картауны (пушки) вмѣстѣ съ порохомъ и свинцомъ отправили прямо по Виттенштейнской дорогѣ; къ этимъ двумъ орудіямъ должны были прибыть еще нѣсколько тяжелыхъ орудій изъ Виттенштейна. Но обѣ пушки во время святокъ не дошли дальше Ніенгофа въ 5-ти миляхъ отъ Ревеля. Въ то же время великій князь московскій въ первый разъ лично со своими двумя сыновьями и съ 80,000-нымъ войскомъ и со многими орудіями вступилъ въ Ливонію, между тѣмъ какъ шведы въ Ревелѣ и въ Виттенштейнѣ не имѣли о томъ ни малѣйшаго извѣстія, будучи вполнѣ увѣрены, что для нихъ нѣтъ никакой опасности. Всѣ они, и высокаго, и низкаго происхожденія, вообразили себѣ, что когда двинется въ походъ шведское королевское войско, то московитъ даже не посмѣетъ и пикнуть, такъ-де московитъ теперь безсиленъ и не страшенъ. Поэтому они отбросили въ сторону всякую осторожность и всѣ развѣдыванія. Но когда они меньше всего береглись, московитъ самъ лично съ огромнымъ войскомъ подошелъ къ Везенбергу, а ревельцы, также какъ и Клаусъ Акезенъ (Класъ Акезонъ Тоттъ), военный начальникъ, и всѣ воины въ Оверпаленѣ все еще ничего не знали объ этомъ. Однако виттенштейнцы кое что провѣдали о дви-

женіи русскихъ, но не хотѣли вѣрить, что имъ грозитъ опасность, а все думали, что это только набѣгъ какого нибудь русскаго отряда, высланнаго для захвата пушекъ въ Ніенгофѣ. Въ такомъ предположеніи Гансъ Бой (Бойе), намѣстникъ (комендантъ), послалъ изъ замка почти всѣхъ кнехтовъ за 6 миль на встрѣчу отправленнымъ изъ Ревеля пушкамъ и такъ обезсилилъ гарнизонъ виттенштейнскаго замка, что въ немъ осталось всего только 50 воиновъ, способныхъ владѣть оружіемъ, кромѣ 500 простыхъ мужиковъ, бѣжавшихъ въ замокъ. Гансъ Бой никакъ не полагалъ, что московитъ имѣетъ въ виду не пушки въ Ніенгофѣ, а замокъ Виттенштейнъ. Не успѣлъ онъ поэтому опомниться, какъ московитъ съ своимъ войскомъ былъ уже у Виттенштейна. Охотно бы Гансъ Бой распорядился теперь иначе своими кнехтами.

Когда же Виттенштейнъ былъ осажденъ, то нѣсколько тысячъ русскихъ были отправлены на развѣдки. Они обошли весь Гарріенъ и Іервенъ, во многихъ замкахъ нашли много народу, такъ какъ друзья и сосѣди собирались другъ къ другу въ гости на святкахъ, женщины были наряжены въ свои лучшія платья и уборы, они всѣ веселились не заботясь объ опасности. Тогда противъ всякаго ожиданія московитъ врасплохъ напалъ на нихъ, очень многихъ изъ нихъ убилъ, и нѣсколько тысячъ, молодыхъ и старыхъ, увелъ въ плѣнъ въ Москву и Татарію. Невозможно высказать что за горе и печаль были тогда въ Гарріенѣ и Іервенѣ.

Въ 1573 г., 1-го января, въ день новаго года, въ два часа пополудни, московитъ взялъ приступомъ королевскій замокъ и сильную крѣпость Виттенштейнъ, послѣ шестидневной осады и обстрѣливанья. Потому что осадивши замокъ въ день св. Іоанна о Рождествѣ, въ суботу, онъ взялъ его въ слѣдующій четвергъ, а случилось это такъ Послѣ того какъ военный начальникъ Клаусъ Акезенъ пошелъ кругомъ со своими воинами къ Феллину ради грабежа, а двѣ пушки съ немногими людьми отправилъ прямо по виттенштейнской дорогѣ, то послалъ изъ своего отряда 500 всадниковъ (гофлейтовъ) на встрѣчу орудіямъ, не имѣя въ то время вѣстей о московитѣ, который уже подошелъ совсѣмъ близко. А намѣстникъ Виттенштейна хотя и получилъ извѣстіе о русскихъ, однако не обратилъ на то вниманія, а послалъ кнехтовъ изъ замка на помощь къ орудіямъ. Когда же кнехты ушли, а русскіе были близко, то прибыли гофлейты, а именно 500 всадниковъ, посланные на встрѣчу орудіямъ военнымъ начальникомъ, и потребовали, чтобы ихъ впустили въ замокъ Виттенштейнъ до прихода русскихъ. Но такъ какъ намѣстникъ отправилъ большую часть кнехтовъ, и шведовъ осталось въ замкѣ очень мало, то и не осмѣлился довѣриться нѣмецкимъ гофлейтамъ, боясь, что если они войдутъ въ замокъ, то поступятъ также, какъ и Клаусъ Курсель съ ревельскимъ замкомъ, къ тому же и одинъ нѣмецъ пре-

достерегалъ его не пускать гофлейтовъ въ замокъ. Когда же упомянутые гофлейты должны были уѣхать и уже были далеко, и московитъ подошелъ со всѣмъ своимъ войскомъ, то намѣстникъ охотно поступилъ бы иначе, но теперь было уже слишкомъ поздно.

Гофлейты, прибывъ въ Ніенгофъ къ орудіямъ, нашли тамъ множество бочекъ пива и всякихъ съѣстныхъ припасовъ, назначенныхъ для лагеря, потому они немедленно стали пьянствовать и предавались разгулу до полуночи, не заботясь о стражѣ. Напившись до пьяна, они, не разставивъ часовыхъ и не думая объ опасности, улеглись спать частью за заборомъ, окружавшимъ дворъ, частью передъ заборомъ, въ открытомъ полѣ. Черезъ нѣсколько времени подошелъ московитъ съ 5000 человѣкъ, и навѣрное не во время разбудилъ бы ихъ, если бы одинъ изъ гофлейтовъ не вышелъ по своей нуждѣ и не замѣтилъ московита. Когда же онъ поднялъ тревогу, то остальные вскочили со сна и полупьяные едва могли найти своихъ лошадей. Трубачъ началъ трубить, но скоро къ нему подкрался русскій и отрубилъ ему голову, точно также какъ и нѣсколькимъ другимъ. А другіе гофлейты, бывшіе внутри двора за заборомъ, и занимавшіе не много выгоднѣйшую позицію, услышавъ тревогу, на скоро собрались, вышли въ поле, бросились на русскихъ, застрѣлили одного важнаго московитскаго знаменоносца съ другими русскими, взяли троихъ въ плѣнъ и привезли ихъ съ собою. Послѣ продолжительныхъ допросовъ плѣнные единогласно показали, что великій князь, со своими обоими сыновьями и съ 80000 войскомъ стоитъ у Виттенштейна, а съ нимъ находится также и герцогъ Магнусъ гольштейнскій съ немногими нѣмцами. Поэтому, когда гофлейты въ Ніенгофѣ услышали про эту вѣсть, то имъ стало такъ страшно, что они не знали, какимъ бы путемъ добраться до Ревеля, поспѣшно отправились черезъ кусты и по разнымъ проселочнымъ дорогамъ, и постоянно оглядывались, не идутъ ли за ними русскіе. И такъ они убѣжали изъ Ніенгофа, а орудія, также и шведскихъ кнехтовъ вмѣстѣ съ помѣщикомъ Арентомъ Дуве, которому принадлежалъ дворъ, и многихъ бѣдныхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми, бросили на произволъ московита.

Когда гофлейты прибыли въ Ревель съ плѣнными русскими, то лишь тогда ревельцы услышали, что Виттенштейнъ осажденъ великимъ княземъ. Не смотря на то, многіе не хотѣли вѣрить тому, а говорили, что это все вздоръ, что войско короля шведскаго выступило въ походъ, что Виттенштейнъ останется цѣлъ и невредимъ. Такъ спокойны были тогда шведы въ своей безпечности, и бѣдные мужики, пришедшіе до этого въ городъ, снова толпами отправились съ женами и дѣтьми назадъ въ свои деревни и не опасались никакой бѣды, такъ какъ воины короля шведскаго выступили въ походъ. И хотя они за одну или двѣ мили

увидѣли огни русскихъ, однако не обратили на нихъ вниманія, а думали, что это ихъ собственные солдаты; поэтому они позорно были захвачены русскими и татарами. А воины, бывшіе въ лагерѣ у Оверпалена, услышавъ пальбу московита передъ Виттенштейномъ, также ничего не знали, и говорили другъ другу: «Виттенштейнцы стрѣляютъ въ честь королевскихъ орудій изъ Ревеля»

Эта ужасная пальба была бы совершенно ненужна московиту у Виттенштейна, еслибы онъ только зналъ, какъ слабъ замокъ и лишенъ всякаго войска. Но такъ какъ московитъ былъ робкимъ воиномъ на приступахъ, то хотѣлъ попытать свое счастіе страшной пальбой. Когда же это не удалось ему, то онъ поневолѣ долженъ былъ итти на приступъ, опасаясь прихода помощи со стороны шведовъ. Ему легко было взять приступомъ и занять замокъ, такъ какъ въ немъ не было войска.

Когда же русскіе ворвались въ замокъ Виттенштейнъ, тогда началось избіеніе: всѣ должны были поплатиться жизнію и женщины и дѣвушки, дворяне и не дворяне, исключая нѣсколькихъ бѣдныхъ крестьянъ, которые изъ хитрости спустились въ тюремныя башни и сказали, что они плѣнные и подданные герцога Магнуса изъ Оверпалена, имъ дарована была жизнь и они были освобождены изъ вымышленной темницы. А намѣстника Ганса Боя со многими другими шведами, нѣмцами и ненѣмцами, привели къ великому князю, который живьемъ велѣлъ привязать ихъ къ кольямъ и зажарить до смерти. Такое жаренье длилось передъ Виттенштейномъ нѣсколько дней. Въ то время повсюду въ Іервенѣ было такъ много мертвыхъ тѣлъ, что собакамъ, дикимъ звѣрямъ и птицамъ на долгое время хватило корму: тамъ не было никого, кто похоронилъ бы трупы.

Прим. перев. Во время штурма Виттенштейна (Пайды по нашимъ лѣтописямъ) 1-го января 1573 г. былъ убитъ царскій любимецъ Малюта Скуратовъ Бѣльскій. Весьма возможно, что смерть любимца побудила Іоанна столь жестоко казнить плѣнныхъ. Тѣло Малюты было отправлено въ Волоколамскій Іосифовъ монастырь съ богатымъ вкладомъ.

75. Русскіе берутъ также и Ніенгофъ; шведы отступаютъ передъ ними, 1573 г.

11-го января московитъ занялъ также и Ніенгофъ, гдѣ были обѣ пушки, а шведскихъ кнехтовъ, оставшихся при орудіяхъ, вмѣстѣ съ помѣщикомъ двора и всѣми крестьянами съ ихъ женами и дѣтьми, около 300 человѣкъ, взялъ въ плѣнъ, а помѣщика отослалъ къ великому князю въ Виттенштейнъ, гдѣ онъ былъ изжаренъ на огнѣ до смерти вмѣстѣ со своими зятьями и родными. Остальныхъ шведскихъ кнехтовъ и крестьянъ русскіе прокоптили до смерти и сожгли въ Ніенгофѣ. Затѣмъ они такъ опустошили упомянутый дворъ, что у всякаго, входившаго въ него, волосы становились дыбомъ отъ

ужаса. Незадолго передъ тѣмъ ревельскіе бюргеры съ большой опасностью вывезли оттуда порохъ и свинецъ. Если бы изъ ревельскаго замка послали нѣсколько лошадей, то и пушки остались бы въ пользу короля шведскаго.

14-го января Клаусъ Акезенъ, военный начальникъ, двинулся со своимъ войскомъ выручать бѣдныхъ людей въ Ніенгофѣ. Подойдя къ Вайтѣ, въ трехъ миляхъ отъ Ревеля, онъ въ этой деревнѣ взялъ въ плѣнъ одного русскаго, который извѣстилъ, что Виттенштейнъ вмѣстѣ съ Ніенгофомъ и орудіями уже во власти русскихъ, и, поклявшись въ справедливости своихъ словъ, совѣтовалъ Клаусу Акезену повернуть поскорѣй назадъ со своимъ войскомъ, а то и ему худо придется. Когда Клаусъ Акезенъ и его люди услышали это, то немедленно поспѣшно отступили ночью. Ревельцы же, услышавъ показаніе русскаго о потерѣ замка Виттенштейна, все еще не вѣрили этому, несмотря на то, что русскій умеръ съ клятвой, что это правда.

76. Замокъ Каркъ переходитъ къ русскимъ. Побѣда шведовъ при Лоде, 1573 г.

Когда великій князь московскій взялъ и прочно занялъ замокъ Виттенштейнъ, то раздѣлилъ свое войско на три части. Съ одною частью вмѣстѣ съ артиллеріей, перевозимой не лошадьми, а стрѣльцами, онъ пошелъ въ Россію и нѣсколько времени спокойно пробылъ въ Новгородѣ; другую часть онъ послалъ къ замку Каркеу, принадлежавшему также шведамъ, взялъ этотъ замокъ послѣ страшной пальбы и затѣмъ передалъ его герцогу Магнусу гольштейнскому.

Третью часть войска онъ послалъ въ Викъ, чтобы опустошить земли около Габсаля, Лоде и Леаля и взять также эти замки угрозами и страхомъ. Но шведы твердо держались въ упомянутыхъ замкахъ и не обращали вниманія на ужасную пальбу московита. Этотъ отрядъ, по Божьему соизволенію, претерпѣлъ отличнѣйшіе убытки въ Викѣ. Потому что Клаусъ Акезенъ, достаточно долго сносившій съ горестью неистовства московита и упрашиваемый бюргерами, наконецъ храбро выступилъ со своимъ войскомъ, не такимъ сильнымъ однако, какъ раньше, искать непріятеля. Встрѣтивши не далеко отъ Лоде русскихъ, онъ послалъ впередъ свой авангардъ, состоявшій большею частью изъ ливонцевъ; когда же послѣдніе напали на отрядъ русскихъ и за превосходствомъ русскихъ не могли или не хотѣли вернуться къ шведскому войску, то обратились въ бѣгство и тѣмъ уменьшили и еще болѣе ослабили шведскій отрядъ. Они побѣжали, кто въ Ревель, кто въ Парновъ, кто въ Фикель, кто въ Лоде, и вездѣ распространили дурную вѣсть, что шведы разбиты. Этою вѣстію были глубоко опечалены всѣ христіанскія души въ упомянутыхъ мѣстахъ, а особенно въ Ревелѣ, и эта вѣсть и печаль продолжалась

два дня; затѣмъ Господь послалъ лучшій слухъ, именно, что маленькій шведскій отрядъ, всего не болѣе 600 всадниковъ и 100 (1000) кнехтовъ побѣдили болѣе 16000 русскихъ, 7000 убили, остальныхъ обратили въ бѣгство, двѣ мили гнались за ними и отняли у нихъ весь обозъ, около 1000 саней, нагруженныхъ всякими припасами и добычею. Этому снова всѣ очень обрадовались. Битва произошла при Лоде 1573 г , 23-го января.

Когда шведы побили непріятеля и раздѣлили добычу, то съ большими почестями и богатой добычей вернулись домой и привели въ городъ Ревель болѣе 1000 московитскихъ валлаховъ (коней). Тогда лошади были очень дешевы въ Ревелѣ, не считались рѣдкостью собольи и куньи шубы, а также русскія деньги и украшенія. Шведскіе кнехты ежедневно приносили на ревельскій рынокъ на продажу много вещей, взятыхъ въ добычу

Изъ этого видно, что съ русскими можно вести дѣло, если есть только немного серьезности и стойкости противъ нихъ. Московитъ совсѣмъ не такъ страшенъ, какъ воображаютъ и разсказываютъ о немъ многіе и высокаго, и низкаго происхожденія. Онъ во всю жизнь не побѣдилъ въ сраженіи 3000 нѣмцевъ, если только они сопротивлялись; но конечно если нѣмцы безъ нужды убѣгаютъ, то ему хорошо гнаться за ними. Потому что когда Клаусъ Акезенъ съ немногими людьми сталъ противъ, то московитъ и пропалъ. Въ этой битвѣ пало также нѣсколько шведовъ, какъ то: Ясперъ (Каспаръ) Ларсенъ и Ясперъ Нильсенъ, шведскіе ротмистры, Вольмаръ Бракель, прапорщикъ, Лудвигъ Дуве изъ Ніенгофа, Юргенъ Фифгузенъ, Германъ Анрепъ, Михель Шлойеръ, гауптманъ ревельскихъ кнехтовъ, и много другихъ дворянъ и хорошихъ гезелей. Тогда господинъ Клаусъ Акезенъ съ тріумфомъ вошелъ въ Ревель и велѣлъ везти передъ собою много московитскихъ знаменъ и московитскихъ полевыхъ орудій.

Прим. перев. По возвращеніи въ январѣ 1573 г. въ Новгородъ, царь отправилъ къ шведскому королю Іоанну III новое письмо въ отвѣтъ на то королевское письмо (см. выше, стр. 211), которое было написано «не по пригожу». Царское письмо гласило также далеко не по пригожу (см. Соловьева VI, 345 и Карамзина IX, прим. 414): «Что въ твоей грамотѣ написана лая (брань), на то отвѣтъ послѣ; а теперь своимъ государскимъ высокодостойнѣйшія чести величества обычаемъ подлинный отвѣтъ со смиреніемъ даемъ: во первыхъ ты пишешь свое имя впереди нашего — это непригоже, потому что намъ цесарь римскій братъ и другіе великіе государи, а тебѣ имъ братомъ назваться невозможно, потому что шведская земля тѣхъ государствъ честію ниже. Ты говоришь, что шведская земля вотчина отца твоего: такъ дай намъ знать, чей сынъ отецъ твой Густавъ, и какъ дѣда твоего звали и на королевствѣ былъ-ли, и съ которыми государями ему братство и дружба была; укажи намъ и пришли родству своему письмо. А то правда истинная, что ты мужичей родъ.... Коли при отцѣ твоемъ пріѣзжали наши торговые люди съ саломъ и съ воскомъ, и отецъ твой, самъ въ рукавицы нарядялся, сала и воску за простаго человѣка мѣсто опытомъ пыталъ и пересматривалъ на судѣхъ, и въ Выборѣ того дня бывалъ.... Стенъ Стуръ давно ли былъ

правитель на Свейской землѣ? Тому у тебя памятуховъ много: ихъ спроси, увѣдай.... Просили есмя Катерины.... взявъ ее, хотѣли отдать брату ее.... а у него взяти лифляндскую землю безъ крови; а не потому, какъ безлѣпишники по своимъ безлѣпицамъ врали.... Намъ сказали, что ты умеръ, а дѣтей послѣ тебя не осталось: если бы мы этой вашей лжи не повѣрили, то жены твоей и непросили; мы тебя объ этомъ подлинно извѣстили; а много говорить объ этомъ не нужно: жена твоя у тебя, никто ея не хватаетъ; и такъ ты для одного слова жены своей крови много пролилъ напрасно. А что ты писалъ намъ о братѣ своемъ, Эрикѣ, что мы для него съ тобою воюемъ, такъ это смѣшно: братъ твой Эрикъ намъ не нуженъ; вѣдь мы къ тебѣ о немъ ни съ кѣмъ не приказывали, и за него не говаривали: ты бездѣлье говоришь и пишешь.... О печати мы къ тебѣ для того писали, что тебѣ хочется мимо намѣстниковъ съ нами самими ссылаться: но даромъ тебѣ этаго не видать; а если хочешь изъ за этого кровь проливать — про то ты знаешь. Твоего титула и печати мы такъ запросто не хотимъ: если хочешь съ нами ссылаться мимо намѣстниковъ, то ты намъ покорись и поддайся и почти насъ, чѣмъ пригоже: тогда мы тебя пожалуемъ, отъ намѣстниковъ отведемъ, а даромъ тебѣ съ нами ссылаться не пригоже и по государству, и по отечеству; безъ твоего жь покоренія титула твоего и печати не хотимъ....»

Подобное письмо, конечно, не могло склонить короля шведскаго къ миру.

Разсказъ Рюссова о побѣдѣ шведовъ надъ русскими подъ Лоде вѣренъ: русскіе воеводы, по совершенному незнанію военнаго искуства, не могли съ успѣхомъ бороться со шведскими гофлейтами (конница) и кнехтами (пѣхота).

О сраженіи подъ Лоде въ Архив. Разряд. Кн. 482 сказано: Воеводы (князь Ив. Фед. Мстиславскій съ товарищи) пришли къ городу Коловери (Лоде) и нѣмецкіе люди (Клаусъ Оксъ т. е. Класъ Акезонъ Тоттъ съ товарищи) у города воеводъ нашихъ побили, а убили на томъ дѣлѣ правые руки боярина князя Ив. Анд. Шуйскаго, да дворянъ и дѣтей боярскихъ и людей боярскихъ и стрѣльцовъ многихъ побили».

77 *Свадьба Магнуса, 1573 г.*

Въ 1573 г., въ воскресенье юбилате, герцогъ Магнусъ гольштейнскій вѣнчался въ Новгородѣ съ родственницей великаго князя; на этой свадьбѣ присутствовалъ также и великій князь московскій со своими обоими сыновьями и былъ очень веселъ.

Прим. перев. Герцогъ Магнусъ былъ у царя въ Москвѣ въ маѣ и іюнѣ 1570 г. Тогдашнія условія съ нимъ указаны на стр. 188. По смерти княжны Евфиміи Владиміровны, царь обѣщалъ выдать за Магнуса младшую ея сестру, Марію (см. выше, стр. 214). Бракосочетаніе должно было совершиться въ Новгородѣ, куда Магнусъ прибылъ 4-го апрѣля 1573 г. со свитою изъ 200 всадниковъ. Невѣстѣ въ это время шолъ всего 13-й годъ отъ роду. Послѣ вѣнчанія, совершеннаго 12-го апрѣля православнымъ священникомъ, новобрачныхъ благословилъ лютеранскій проповѣдникъ. *) Царь весело пиро-

*) При описаніи свадьбы читаемъ (Соловьева VII, 2): Вѣнчаться королю на Пробойной улицѣ, на Славковѣ, у Дмитрія святаго, а съ королемъ ѣхать „римскому попу“, а княжну обручать и вѣнчать дмитровскому попу; пріѣхавъ къ вѣнчанью, княжнѣ итти въ церковь, а королю стать на паперти, и вѣнчать короля по его закону, а княжну по христіанскому закону.

ѣалъ свадьбу, увеселялъ нѣмцевъ плясками, пѣлъ съ пѣвчими, но не довѣряя Магнусу и нѣмцамъ, на что, конечно, имѣлъ самыя основательныя причины и поводы, имѣлъ благоразуміе не давать новобрачному ни обѣщанныхъ пяти бочекъ золота, не предоставлять ему ливонскихъ городовъ, занятыхъ русскими. Уѣзжая изъ Новгорода 19-го апрѣля 1573 г., царь далъ Магнусу лишь одинъ замокъ Каркусъ, недавно отобранный у шведовъ и прощаясь съ нимъ (см. Карамзина IX, прил. 420), прямо сказалъ, что измѣна Таубе и Крузе, измѣна также Юргена Фаренсбаха, не задолго предъ тѣмъ ушедшаго изъ русскаго стана, и измѣна другого нѣмца Вахтмейстера побуждаютъ его, царя, не давать Магнусу ни городовъ, ни денегъ. «Ты — человѣкъ, говорилъ царь, если измѣнишь, то золотомъ казны моей наймешь воиновъ, и мы принуждены будемъ своею кровію вновь добывать Ливонію. Заслужи прежде милость испытанною вѣрностію».

Вмѣсто золота къ Магнусу привезли въ домъ нѣсколько сундуковъ съ бѣльемъ и нарядами молодой королевы. Послѣ царскаго отъѣзда изъ Новгорода, Магнусъ съ женою уѣхалъ въ свой удѣлъ — Каркусъ, а оттуда перебрался въ Оберпаленъ. 1000 душъ крестьянъ было предоставлено для содержанія герцога, но земля и крестьяне были въ то время разорены до такой степени, что Магнусу, привыкшему жить расточительно, пришлось жить довольно скудно. Король датскій Фридрихъ (братъ Магнуса) отъ 19-го декабря 1573 г. писалъ къ своему тестю Альбрехту герцогу мекленбургскому, что Магнусъ велѣлъ перешить платья своей жены на нѣмецкій образецъ, и что 13-ти лѣтняя жена Магнуса совершенный ребенокъ, котораго нужно забавлять яблоками и сахаромъ, что самъ Магнусъ живетъ крайне бѣдно: къ столу подается не болѣе 3-хъ блюдъ, а то и одно.

Свидѣтелемъ бракосочетанія Магнуса въ Новгородѣ былъ докторъ Захарія Фелингъ, прибывшій къ царю въ Новгородъ въ февралѣ 1573 г. Фелингъ былъ присланъ къ царю отъ названнаго выше герцога мекленбургскаго съ предложеніемъ, чтобы царь утвердилъ за сыномъ герцога Ригу, обѣщанную ему королемъ Сигизмундомъ. Царь отвѣчалъ Фелингу, что не можетъ отдать чего еще не имѣетъ, хотя Ливонія съ Ригою и есть вотчина русская, а не королевская, — бояре же прибавили, что поляки всегда много обѣщаютъ и всегда лгутъ.

Посольство Фелинга осталось безъ послѣдствій.

78 Жестокая зима, 1573 г.

Въ 1573 г. въ Ливоніи была такая жестокая зима, что въ четвергъ передъ Тройцей люди переходили по льду изъ Швеціи въ Ревель, а на Тройцу ревельскій рейдъ былъ такъ далеко покрытъ льдомъ, какъ только можно было видѣть съ валовъ и башенъ; нѣмецкіе же моряки, бывшіе тогда въ морѣ и хотѣвшіе попасть въ Ревель, вошли со своими кораблями въ гавань Роггё (большой и малый Роогъ предъ нынѣшнимъ Балтійскимъ Портомъ), и на праздникъ Тройцы пришли въ городъ по сухому пути, и только послѣ Тройцы, когда прошелъ ледъ, ихъ корабли пришли за ними въ ревельскую гавань.

79. Безпорядки отъ шотландцевъ, 1573 г.

Въ 1573 г., въ августѣ, въ Ревель прибыло изъ Швеціи сначала два отряда (знамена) шотландцевъ, а немного спустя еще

нѣсколько знаменъ, такъ что всѣхъ ихъ, всадниковъ и кнехтовъ, и всякой шотландской челяди оказалось около пяти тысячъ человѣкъ, получившихъ немного денегъ въ Швеціи. Пока у нихъ были деньги, они вели себя такъ хорошо, что всякій долженъ былъ похвалить ихъ, но когда деньги были прожиты, то кончилась и похвала ихъ полку, потому что, нуждаясь въ прокормленіи, они стали требовать денегъ. Но добыть денегъ было не такъ то легко, потому имъ позволили брать у крестьянъ фуражъ и съѣстные припасы. Когда же они получили такое дозволеніе, то отъ того пострадали не только крестьяне, но и всѣ бюргеры и жители города, дворяне и не дворяне. Потому что они брали силой отъ дворянъ, бюргеровъ и крестьянъ нетолько фуражъ и съѣстные припасы, но и все ихъ движимое имущество и хлѣбъ на поляхъ; а что бѣдные мужики спрятали, то должны были вытаскивать и отдавать послѣ неслыханныхъ пытокъ и мученій. А такъ какъ шотландцы должны были стоять за городомъ (въ крѣпости имъ жить не позволяли), потому отъ этого страдалъ и не только скотъ бюргеровъ, но и сами бюргеры. Ибо ни одинъ бюргеръ или житель низкаго ли, высокаго ли происхожденія, не осмѣливался высунуть головы за ворота: тотъ, котораго схватывали шотландцы, долженъ былъ оставлять имъ свой кошель съ деньгами, а также и кафтанъ съ плечъ; а если бюргеру нужно было добыть что либо изъ припасовъ въ гавани или изъ деревни, то приходилось отправляться добывать съ цѣлой толпой слугъ, будто отъ непріятеля. Въ сущности это было не лучше непріятельской осады. Наконецъ, шотландцы захотѣли грабить и начальниковъ замка, какъ грабили городскихъ бюргеровъ, и застрѣлили коня подъ однимъ начальникомъ замка. Тогда и нѣмецкіе жолнѣры, видя что шотландцамъ все сходитъ съ рукъ, начали слѣдовать ихъ примѣру, и тутъ ужь не стало разницы между друзьями и врагами. Нѣтъ возможности передать, что за ропотъ, жалобы, печаль и мстительные крики раздавались тогда у бѣдныхъ крестьянъ на начальство, допустившее подобныя вещи.

80. Бѣда со шведскими гофлейтами, 1573 г.

8-го октября господинъ Клаусъ Акезенъ, военный начальникъ, вмѣстѣ съ коммиссарами, прибывшими недавно изъ Швеціи, велъ переговоры съ гофлейтами, чтобы они еще разъ стали служить противъ московита. Но какъ они не получили полной платы, на которую разсчитывали, то такъ разсердились, что ихъ на силу успокоили. Наконецъ они согласились съ такимъ условіемъ, что имъ сначала выдадутъ королевскія драгоцѣнныя вещи, цѣною въ 26,000 талеровъ, на которые они снарядятся въ походъ; на остальную же сумму, которую они частью заслужили раньше, частью же заслужатъ еще въ этомъ походѣ, имъ должны дать въ залогъ до дня Іоанна

Крестителя слѣдующаго 1574 г замки Гапсаль, Лоде и Леаль со всѣми принадлежащими къ нимъ землями; а если вся уплата не будетъ вполнѣ произведена къ назначенному времени, то они имѣютъ право передать эти замки христіанскому государю, которому пожелаютъ, исключая московита и герцога Магнуса гольштейнскаго. Съ этимъ согласились коммиссары; договоръ былъ подписанъ и снабженъ печатями съ обѣихъ сторонъ.

81. Шотландцы кальвинисты, 1573 г.

Въ 1573 г у шотландцевъ, жившихъ въ Ревелѣ, былъ собственный священникъ, исполнявшій ихъ богослуженіе по кальвинскому обряду Знатнѣйшіе изъ шотландцевъ заняли въ городѣ пустой домъ одного бюргера на углу коннаго рынка и здѣсь заставляли служить своихъ священниковъ и совершать таинства по кальвинскому обычаю. Особенною милостью Божіею было еще то, что шотландцы не понимали нѣмецкаго языка, а то они многихъ заразили бы своими фантазіями, ибо добивались не только этого, но и многихъ другихъ злыхъ вещей.

82. Выступленіе шведовъ и шотландцевъ; тщетная осада Везенберга и Тольсборга, 1574 г.

Въ 1574 г., 1-го января, снова выступило шведское войско противъ русскихъ. При этомъ военные начальники, господинъ Клаусъ Акезенъ, рыцарь изъ Биста, и Понтусъ де Легардія (де-ла-Гарди) баронъ и рыцарь изъ Эйкгольма, съ войскомъ и нѣсколькими полевыми орудіями двинулись впередъ. Но шотландцы сначала не пошли съ ними, а хотѣли остаться въ Ревелѣ охранять городъ.

Многіе изъ нихъ были не солдаты, а по собственной волѣ пошли за отрядомъ, въ качествѣ торгашей, маркитантовъ и батраковъ, и пока можно было грабить землю, мужиковъ и бюргеровъ, то все это были хорошіе воины; но когда пришлось выступать въ походъ противъ непріятеля, то третья часть шотландцевъ оказалась невооруженной; многіе изъ нихъ уѣхали, многіе выдали себя за маркитантовъ. Поэтому когда шотландцы не хотѣли идти съ другими, то шведскіе кнехты должны были вернуться въ Ревель и захватить съ собою шотландцевъ.

3-го января, шотландцы и шведы, вмѣстѣ со знаменемъ (отрядомъ) города Ревеля, съ 21-мъ знаменемъ кнехтовъ и 11-ю эскадронами гофлейтовъ нѣмецкихъ, шведскихъ и шотландскихъ, двинулись въ походъ.

Начальникомъ шотландцевъ былъ Архибальдъ, сынъ графа Рувинскаго (Дунробинъ въ Соутерлендѣ) изъ Шотландіи, который, вмѣстѣ со своими капитанами и офицерами, которыхъ было почти

столько же, какъ и простыхъ рядовыхъ, печально выѣхалъ изъ Ревеля; всѣ они двинулись къ Везенбергу, осадили этотъ замокъ, окружили окопами, и только черезъ двѣ недѣли стали обстрѣливать его.

15-го января изъ Ревеля повезли большія орудія, а именно. 6 пушекъ и 2 мортиры, которыя дворяне и бюргеры должны были доставить къ Везенбергу Городъ Ревель одолжилъ также на этотъ разъ двѣ картауны и одну мортиру со всѣми принадлежностями. Когда же орудія прибыли къ Везенбергу, то поставили ихъ въ шанцы, уже готовые двѣ недѣли тому назадъ, и только тогда начали стрѣлять, давши русскимъ достаточно времени укрѣпиться. При самомъ началѣ обстрѣливанія, однимъ выстрѣломъ были убиты и артиллеріймейстеръ и шанцмейстеръ; затѣмъ лопнули колеса у орудій, и все шло неудачно. Два раза въ январѣ они пытались взять замокъ приступомъ, но оба раза имъ не посчастливилось.

2-го марта они построили шанцы въ другомъ мѣстѣ; разрушивъ выстрѣлами одну башню, они сдѣлали третій сильный приступъ, но потерявъ болѣе 1,000 человѣкъ шведовъ, шотландцевъ и нѣмцевъ, шведы должны были отказаться отъ овладѣнія замкомъ. Тогда было великое ликованіе у русскихъ въ замкѣ. Нѣмецкіе гофлейты были очень ожесточены и вызывались снова итти на приступъ, но военный начальникъ не позволилъ имъ этого. А еслибы это случилось, то Везенбергъ принялъ бы совсѣмъ другой видъ.

Шведы пытали свое счастье также и подкопами подъ замокъ; но тоже неудачно, потому что начали дѣло слишкомъ неискусно, и ясно показали русскимъ, въ какомъ мѣстѣ будетъ сдѣланъ подкопъ, такъ что русскіе легко могли копать имъ навстрѣчу и остерегаться шведскихъ замысловъ. Наконецъ они пробовали также и поджигать, но ничего не достигли, потому что фейервекеры черезъ чуръ рано поубѣгали изъ науки отъ своихъ мастеровъ.

Когда же воинскіе люди усомнились во взятіи замка Везенберга, то стали разсчитывать на грабежъ и опустошили и ограбили земли гораздо больше, чѣмъ бывало до сихъ поръ. въ эту осаду они опустошили ливонскія земли, именно дерптскую область, Вирландъ и Іервенъ и другія мѣста, не меньше, чѣмъ до нихъ русскіе и татары, убивая, грабя и сожигая. Теперь стало яснымъ, что предсказывала Ливоніи огненная комета, подобная метлѣ, которую видѣли въ 56-мъ году (см. Пр. Сб. II, стр. 344).

15-го марта шведы захотѣли попытать счастья также и у замка Тольсборга, находившагося въ трехъ миляхъ отъ Везенберга у берега моря; но они обожглись, ибо захотѣли безъ стрѣльбы взять крѣпость, и съ потерей нѣсколькихъ кнехтовъ съ большимъ позоромъ должны были отступить.

Во время этой же осады, за двѣ недѣли до отступленія, произошло страшное знаменіе съ волками: они нѣсколько вечеровъ сряду

приходили кучами къ лагерю, несмотря на то, что тамъ съ большимъ шумомъ стояла огромная толпа народу, и такъ ужасно начинали выть, что у многихъ волосы становились дыбомъ.

Прим. перев. Послѣ сраженія при Лоде (см. выше, стр. 219), царь Саинъ Булатъ Бекбулатовичъ и всѣ государевы бояре и воеводы пришли въ февралѣ 1573 г. изъ нѣмецкаго похода къ государю въ Новгородъ, и государь велѣлъ имъ «о свейскомъ дѣлѣ поговорити, какъ со свейскимъ королемъ впередъ быти, и бояре, князь Мих. Ив. Воротынскій (побѣдитель Девлетъ-гирея на Окѣ) съ товарищи приговорили послати къ свейскому королю гонца, и съ нимъ отписати, чтобъ пословъ послалъ, да и опасныя грамоты на послы послати, и до тѣхъ бы мѣстъ войны не быти».

Царь согласился предложить миръ королю шведскому, тѣмъ болѣе, что необходимо было послать войско для усмиренія черемисъ, возставшихъ въ Казанской области осенью 1572 г. Съ предложеніемъ мира послали гонца Василія Чихачева, который и прибылъ въ Стокгольмъ въ іюнѣ 1573 г. Гонца приняли самымъ неласковымъ образомъ. Король, думая, что привезенная царская грамота написана въ прежнемъ тонѣ (см. выше, стр. 211), не хотѣлъ брать ее отъ гонца, велѣлъ прежде взять ее вельможамъ и прочесть. Чихачевъ не отдавалъ, потому что въ наказѣ ему было именно сказано грамоты никому, кромѣ короля, не отдавать. Шведы грозили, что не дадутъ ему съѣстныхъ припасовъ, говоря: «Ты это сдѣлалъ не гораздо, что ѣхалъ безъ королевской опасной грамоты: самъ знаешь, что государь твой нашему государю большой недругъ, такой, какого еще не бываетъ: государя нашего короля хотѣлъ извести, государыню нашу королеву хотѣлъ къ себѣ взять, землю повоевалъ, два города взялъ, пословъ нашихъ безчестилъ, да писалъ къ нашему государю грамоту неподобную, такую, что нельзя слышать и простому человѣку; и надъ тобою государь нашъ сдѣлаетъ тоже, если не отдашь намъ грамоты своего государя». Чихачевъ не отдавалъ. Тогда «Андрей Сефриновъ меня, холопа твоего, доносилъ Чихачевъ государю, въ груди ударилъ, да обухомъ и топоромъ примахивалъ къ шеѣ: отсѣку-де голову; да хаялъ матерны. И язъ, холопъ твой, говорилъ: только бы язъ, царскаго величества холопъ, сидѣлъ на своемъ конѣ, и тыбъ меня, мужикъ, такъ не безчествовалъ... умѣлъ бы язъ тебѣ отвѣтъ дать.... язъ сюды не дратца пріѣхалъ. Да учалъ меня обыскивать, и людишекъ моихъ: платье сымали и разували, а искали твоего государева письма». Уходя, пригрозили гонцу: «ужъ быть тебѣ на огнѣ, если грамоты не отдашь». Но угрозы не подѣйствовали, и король принялъ Чихачева, самъ взялъ отъ него грамоту. Послѣ пріема, вельможи пріѣхали потчивать гонца и говорили: «Теперь грамоту государь твой написалъ не по старому, можно между государями дѣлу статься, а король думалъ, что письмо будетъ по старому».

Чихачева, однако, задержали въ Швеціи и король писалъ царю, что не отпуститъ гонца до тѣхъ поръ, пока царь не отпуститъ двоихъ шведскихъ толмачей, задержанныхъ имъ отъ прежняго посольства, что для мирнаго постановленія послы отъ обоихъ государей должны съѣхаться на границѣ.

Шведы не желали мира, а, нанявъ шотландцевъ, думали одержать рѣшительные успѣхи.

На королевское письмо царь отвѣчалъ, чтобъ король присылалъ великихъ пословъ, потому что на рубежѣ посламъ ни о чемъ нельзя уговориться, но король настаивалъ на своемъ.

Военныя дѣйствія потому продолжались весь 1573 и 1574 г., хотя и безъ всякихъ рѣшительныхъ результатовъ.

83. Несчастный конецъ шотландцевъ у Везенберга, 1574 г.

17-го марта 1574 г шотландцы поссорились съ нѣмцами въ лагерѣ передъ Везенбергомъ, при чемъ произошла ужасная свалка, во время которой было убито болѣе 1,500 шотландцевъ, но не болѣе 30-ти нѣмцевъ; все же дѣло происходило такъ. Нѣмцы все смѣялись надъ шотландцами, шотландцы долго сносили насмѣшки, пока наконецъ Архибальдъ, ихъ предводитель, соединился со своими офицерами и простыми солдатами, чтобы отомстить нѣмцамъ за насмѣшки. Въ полномъ боевомъ порядкѣ они вышли изъ своего лагеря, взяли съ собою свою артиллерію и начали стрѣлять по нѣмецкимъ гофлейтамъ. Нѣмцамъ стало неловко и они не знали, какъ тутъ быть; шотландцы начали просить шведовъ о помощи противъ нѣмцевъ; но шведы не захотѣли становиться ни на чью сторону Когда же нѣмцы увидѣли, что шотландцы не шутятъ, то схватились за оружіе и бросились на шотландцевъ, не замедлившихъ взяться за свои длинныя ружья. Нѣмцы прорвали фронтъ шотландцевъ и стали тогда душить ихъ какъ барановъ; крестьяне, враждебно относившіеся къ шотландцамъ, пришли также на помощь къ нѣмцамъ и избили также не мало шотландцевъ, которые прятались, куда могли. И такъ въ одинъ часъ было убито и застрѣлено болѣе 1,500 человѣкъ. При этомъ Архибальдъ, ихъ начальникъ, былъ также раненъ, но остался въ живыхъ. Безжалостно были убиты почти всѣ шотландскіе предводители и начальники, знатные и порядочные люди, уцѣлѣвшіе при штурмахъ. Свалка эта происходила только между нѣмецкими гофлейтами и шотландскими ландскнехтами, шотландскіе же рейтары и гофлейты ни мало не заботились о нихъ, и хотя были всѣ на коняхъ, однако преспокойно смотрѣли и ждали, чѣмъ кончится игра. Когда же увидѣли, что нѣмцы одолѣваютъ, то послали къ нимъ съ извиненіемъ, что ничего не знали объ этомъ бунтѣ шотландскихъ ландскнехтовъ и не приставали къ нимъ противъ нѣмцевъ; поэтому пусть нѣмцы обратятъ вниманіе на невиновность шотландскихъ гофлейтовъ, дабы имъ не отвѣчать за другихъ. Нѣмцы приняли это извиненіе и обѣщали имъ миръ. Остальные же шотландскіе ландскнехты, видя, что ихъ сторона побѣждена, немедленно бѣжали со своимъ знаменемъ къ русскимъ къ замку Везенбергу, гдѣ были приняты съ большою радостію.

Здѣсь нѣмцы и шотландцы, воины одного государя, воевали между собой, побѣда же и тріумфъ выпали на долю московита. Еслибы шотландцы начали это дѣло часомъ позднѣе къ ночи, то легко побѣдили бы всѣхъ нѣмцевъ у Везенберга. Потому что нѣмцы были очень пьяны, прокутивши цѣлый день такъ, какъ ни разу до сихъ поръ во всю осаду не кутили: послѣ свѣжей добычи очень вкусно было имъ питье, за которое они чуть не расплатились головами. Шот-

ландцы же, бѣжавшіе къ русскимъ, хотя и были хорошо приняты, но, послѣ отступленія шведовъ, были взяты въ плѣнъ и связанные отвезены въ Москву Русскіе изъ Везенберга увѣрили другихъ въ Россіи, что они своей храбростью взяли въ плѣнъ этихъ шотландцевъ во время сраженій. Эти бѣдные люди, числомъ болѣе 70 (700) безжалостно были умерщвлены въ Москвѣ. Таково было счастіе шотландцевъ въ Ливоніи.

84. Конецъ осады Везенберга, 1574 г.

25-го марта господинъ Клаусъ Акезенъ со всѣмъ войскомъ выступилъ изъ лагеря у Везенберга и ушелъ домой, къ какой печали и огорченію нашихъ и къ какой радости и ликованію русскихъ можетъ представить себѣ всякій благоразумный человѣкъ. Во время отступленія гофлейты ужасно неистовствовали въ Гарріенѣ, странѣ, съ незапамятныхъ временъ принадлежавшей къ ревельскому замку Но многіе изъ грабителей приняли ее за московитское владѣніе, чтобы только безпрепятственно разорять ее; этимъ же московитъ былъ принужденъ взять эту мѣстность подъ свою власть.

85 Почему русскіе такъ сильны въ крѣпостяхъ.

Русскіе въ крѣпостяхъ являются сильными боевыми людьми. Происходитъ это отъ слѣдующихъ причинъ. Во первыхъ, русскіе работящій народъ. русскій, въ случаѣ надобности, неутомимъ ни въ какой опасной и тяжелой работѣ днемъ и ночью, и молится Богу о томъ, чтобы праведно умереть за своего государя.

Во вторыхъ, русскій съ юности привыкъ поститься и обходиться скудною пищею; если только у него есть вода, мука, соль и водка, то онъ долго можетъ прожить ими, а нѣмецъ не можетъ.

Въ третьихъ, если русскіе добровольно сдадутъ крѣпость, какъ бы ничтожна она ни была, то не смѣютъ показаться въ своей землѣ, потому что ихъ умерщвляютъ съ позоромъ; въ чужихъ же земляхъ они не могутъ, да и не хотятъ оставаться. Поэтому они держатся въ крѣпости до послѣдняго человѣка и скорѣе согласятся погибнуть до единаго, чѣмъ итти подъ конвоемъ въ чужую землю. Нѣмцу же рѣшительно все равно, гдѣ бы не жить, была бы только возможность вдоволь наѣдаться и напиваться.

Въ четвертыхъ, у русскихъ считалось не только позоромъ, но и смертнымъ грѣхомъ, сдать крѣпость. Однако со временемъ и они объ этомъ стали другаго мнѣнія. Потому что, получая извѣстіе о большомъ войскѣ, не шутя угрожавшемъ имъ, и ими овладѣвала, какъ и другими націями, человѣческая слабость и робость, по которой передавались крѣпости. Но бѣжать въ походѣ и спасаться съ поля битвы отъ непріятеля, у русскихъ не считалось порокомъ или позоромъ.

86. Бѣда въ Гарріенѣ и Ревелѣ, 1574 г.

Въ 1574 г., въ день Вознесенія, рано утромъ, десять тысячъ русскихъ и татаръ изъ Гарріена стали подъ самымъ Ревелемъ, сожгли почти всѣ деревни, существовавшія подъ городомъ, отбили и увели большую часть скота, какъ похищеннаго, такъ и купленнаго дворянами, бюргерами и крестьянами отъ солдатъ, забравшихъ скотъ при осадѣ Везенберга и приведшихъ его съ собою, а также взяли въ плѣнъ много народу Въ тотъ же день былъ захваченъ въ плѣнъ въ своемъ дворѣ почтенный мужъ, Варфоломей Дуве изъ Заге, членъ совѣта въ Гарріенѣ. Онъ былъ увезенъ въ Москву, былъ тамъ привязанъ къ столбу и на огнѣ зажаренъ до смерти.

Тѣмъ же лѣтомъ русскіе и татары, денно и ночно, безъ устали неистовствовали въ Гарріенѣ и подъ Ревелемъ. убивали по ночамъ людей у города Ревеля въ ихъ квартирахъ, садахъ и сараяхъ, уводили съ пастбищъ скотъ бѣдныхъ крестьянъ и извощичьихъ лошадей не далеко отъ города, и покорили своей власти всю землю Гарріенъ до города Ревеля, такъ что во всемъ Гарріенѣ ни одинъ дворянинъ не владѣлъ болѣе своимъ дворомъ или помѣстьями, а крестьяне на двѣ мили пути отъ города должны были брать мирныя письма (охранныя грамоты) отъ виттенштейнскихъ русскихъ и платить этимъ русскимъ такія же подати, какія платили своимъ нѣмецкимъ господамъ.

Тогда то набатъ въ Ревелѣ сталъ гудѣть и день и ночь. Ревельцы были такъ напуганы, что держали ежедневно на колокольняхъ по нѣскольку сторожей, которые немедленно должны были бить въ набатъ, когда показывались русскіе. Часто эти стражи, завидѣвши издалека нѣсколько крестьянъ, ударяли въ колокола и по всѣмъ улицамъ поднимали напрасную тревогу Кончилось тогда все веселіе въ странѣ, далеко попрятались тогда всѣ большія ливонскія волынки. Каково состояніе было тогда въ Ревелѣ и по всему Гарріену, не возможно вкратцѣ описать такъ жалостно и ужасно, какъ было на самомъ дѣлѣ. Тогда бюргера говаривали другъ другу: «Доживу ли я до дня, когда наконецъ бросятъ кожанные колокола, то есть барабаны, а крестьяне снова заиграютъ на своихъ волынкахъ, когда это мы отдѣлаемся наконецъ отъ длинно-чулочныхъ гостей, а къ намъ по старому придутъ гости въ длинныхъ штанахъ, т. е. моряки и матросы» Не было ни мѣры, ни конца плачу и рыданіямъ. Изчезли всѣ нарядные, подбитые мѣхомъ кафтаны мущинъ, исчезли всѣ дорогіе головные уборы, сумки, золотыя цѣпи и драгоцѣнныя вещи женщинъ, всѣ большія пряжки и застежки, всѣ вызолоченныя и жемчужныя ожерелья дѣвушекъ. все это было проѣдено при длинно-чулочныхъ гостяхъ.

87 Ревельскій розовый садъ.

Этимъ же лѣтомъ 74-го года снова цѣлый флотъ любекскихъ кораблей прошелъ въ Нарву Тогда ревельскіе бюргеры стояли въ розовомъ саду и съ печалью смотрѣли, какъ корабли проходили мимо ихъ города. Нѣкоторые же тщетно утѣшали сами себя и говорили, что это-де военные корабли, которые начнутъ осаждать и снова возьмутъ у русскихъ Нарву

Такъ какъ здѣсь часто упоминается о ревельскомъ розовомъ садѣ, то я долженъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Этотъ розовый садъ находился у большихъ морскихъ воротъ, совсѣмъ недалеко отъ большой городской башни (Zwinger, die dicke Margarethe). Садъ этотъ купцы развели въ хорошіе годы на высокомъ мѣстѣ, для веселаго вида на море и окрестности. Садъ былъ обведенъ стѣною, чтобы въ него не могли входить свиньи или другой скотъ; а посерединѣ на открытомъ мѣстѣ стояло высокое, роскошное зеленое дерево, съ длинными, раскидистыми вѣтвями, а подъ этимъ деревомъ кругомъ были поставлены скамейки. Отсюда то ежедневно съ радостью и весельемъ смотрѣли, какъ уходили и приходили корабли всѣхъ націй и лавировали съ большимъ хвастовствомъ, а когда корабли приходили или уходили, то на рейдѣ раздавались звучные салютаціонные выстрѣлы. А когда купеческіе прикащики собирались уѣзжать изъ страны на корабляхъ, то бюргеры, подмастерья, женщины и дѣвушки провожали ихъ въ розовый садъ, гдѣ они на прощанье пили подъ зеленымъ деревомъ и весело пѣли и плясали. Впослѣдствіи, въ другія московитскія осады, этотъ увеселительный садъ былъ взрытъ и обращенъ въ садъ печали; на мѣстѣ бывшаго сада ревельцы сдѣлали ровъ и насыпали валъ передъ большой башней у морскихъ воротъ.

88. Предпріятія гофлейтовъ. Взятіе любекскихъ кораблей, 1574 г.

18-го іюня гофлейты снова двинулись въ походъ изъ своихъ лагерей: жаждая добычи, они опустошили земли около Феллина и Оверпалена, сожгли нѣсколько деревень и убили много бѣдныхъ крестьянъ.

Въ то же время они напали и на мѣстечко Оверпаленъ, сожгли его; застали въ расплохъ Дидерика Фаренсбека Геймерскаго, гофрата герцога Магнуса, и еще нѣсколькихъ изъ герцогской придворной челяди, увели ихъ съ собой въ плѣнъ и съ большой добычей возвратились домой.

Въ то же время военные корабли короля шведскаго взяли 16 любекскихъ купеческихъ кораблей, плывшихъ изъ Нарвы и нагруженныхъ всякими товарами и дорогими мѣхами. Но такъ какъ адмиралъ любекскихъ кораблей сталъ сопротивляться и убилъ нѣсколькихъ шведовъ, то разсердилъ этимъ шведовъ, которые убили его

и еще нѣсколькихъ любчанъ. Когда остальные любчане увидѣли это, то нѣкоторые снова возвратились въ Нарву, другіе же повскакивали въ лодки и отправились на нихъ въ Ревель.

89. Дальнѣйшая судьба гофлейтовъ, 1574 г.

29-го іюля 1574 г., когда гофлейты въ своемъ лагерѣ радовались и веселились добычей, взятой изъ мѣстечекъ Феллина и Оверпалена, русскіе и татары, числомъ въ нѣсколько тысячъ, совсѣмъ неожиданно нагрянули на нихъ, многихъ изъ нихъ убили, многихъ взяли въ плѣнъ, отняли большую часть добычи вмѣстѣ со многими лошадьми и оружіемъ, и такимъ образомъ вознаградили свою потерю. Затѣмъ тѣже русскіе взяли приступомъ церковь въ Маріамѣ, куда бѣжали многіе крестьяне со своими женами и дѣтьми, выстрѣлами разбивъ церковныя двери. Тогда бѣдняки попрятались въ подвалѣ, но все свое скудное имущество, бывшее въ церкви, они должны были оставить русскимъ, которые забрали и увезли все.

Когда русскіе и татары ушли изъ Вика, то плохо пришлось гофлейтамъ. они ни одного дня не могли въ своемъ лагерѣ провести спокойно и безъ опасности, потому имъ очень желательно было бы перемиріе, но они не знали, какъ бы добыть его. Наконецъ они сочли самымъ лучшимъ двинуться въ походъ со своими наличными силами, чтобы силою вынудить русскихъ въ Ливоніи дать перемиріе. А такъ какъ и ревельскому магистрату необходимо было перемиріе, для того чтобы бюргеры и крестьяне могли запастись фуражемъ и съѣстными припасами и посѣять озимый хлѣбъ, поэтому и магистратъ присоединился къ гофлейтамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними можно было пользоваться ожидаемымъ перемиріемъ.

Когда гофлейты двинулись въ походъ и стали лагеремъ въ землѣ Куймецѣ, то два ратсгера города Ревеля, именно Гинрикъ Клодтъ и Германъ Луръ, были посланы къ нимъ; здѣсь они сообща написали письмо къ воеводѣ виттенштейнскому, прося перемирія. Но воевода отвѣтилъ имъ на это письмо съ большой насмѣшкой: вся надежда на перемиріе потому пропала.

90. На кого не слѣдуетъ полагаться.

Въ это время въ Ливоніи выучились понимать слово пророка Давида, гласящее: «Не полагайтесь на князей, потому что они сыны человѣческіе и не могутъ помочь вамъ» Въ самомъ дѣлѣ при началѣ войны ливонцы полагались на многихъ государей и князей, и очень ошиблись. Многіе изъ нихъ надѣялись на императора и на римскую имперію, такъ какъ Ливонія съ давнихъ поръ принадлежала къ римской имперіи. Многіе также надѣялись на короля датскаго, такъ какъ онъ принялъ нѣсколько мѣстностей подъ свою защиту и еже-

годно отправлялъ своихъ пословъ къ московиту. Многіе уповали на короля польскаго, взявшаго также подъ свое покровительство нѣсколько земель въ Ливоніи. Нѣкоторые разсчитывали на нѣмецкаго магистра, такъ какъ Ливонія принадлежала тевтонскому ордену, расчитывали и на многихъ другихъ государей и князей. Когда же герцогъ Магнусъ былъ возвеличенъ московитомъ, сдѣлавшись королемъ ливонскимъ, то явился единственной утѣхой и убѣжищемъ почти всѣхъ ливонцевъ, переходившихъ толпами къ этому государю. Сторонники герцога Магнуса считали короля шведскаго съ его приверженцами, дворянами и не дворянами, стороною самою ничтожною, а про себя думали, что они лучше всѣхъ шведскихъ, польскихъ и датскихъ приверженцевъ, и отзывались о другихъ, какъ о несчастныхъ и злополучныхъ людяхъ. Когда же начали сомнѣваться въ герцогѣ Магнусѣ, то многіе изъ нихъ, считая московита самымъ сильнѣйшимъ государемъ, стали искать у него помощи и защиты. Нѣкоторые же снова обратились къ королю шведскому и помирились со шведскими правителями въ Ревелѣ. Наконецъ, когда король шведскій Божьей милостью одержалъ побѣду надъ московитомъ и надъ мнѣніями всѣхъ упомянутыхъ ливонцевъ, то они снова изо всѣхъ мѣстъ обратились къ достопочитаемому королю шведскому, въ которомъ нашли себѣ наконецъ наилучшаго господина.

91. Несчастіе гофлейтовъ, 1574 г.

Когда гофлейты въ своемъ лагерѣ у Куймеца услышали отвѣтъ и намѣреніе воеводы виттенштейнскаго, то снова отправились грабить, и опустошивъ совершенно мѣстность у Куймеца, двинулись къ Ніенгофу, и снова расположились тутъ, хозяйничая, грабя и объѣдая народъ не хуже русскихъ и татаръ, такъ что всѣ крестьяне тѣхъ деревень говорили, что хотя русскіе и татары большими полчищами часто проходили чрезъ ихъ страну, но никогда такъ до чиста не обирали бѣдныхъ людей, какъ это дѣлали нѣмецкіе гофлейты при своемъ походѣ при немногочисленномъ количествѣ. Такимъ разбоемъ они достигли только того, что уступили и передали ревельскія земли русскимъ въ Виттенштейнѣ.

Въ первомъ изданіи лѣтописи это излагалось такъ

(Послѣ такого отвѣта виттенштейнскаго воеводы, гофлейты, опустошивши совершенно страну, выступили изъ Куймеца и снова расположились въ Ніенгофѣ, гдѣ, противъ всякаго христіанскаго обычая, распоряжались какъ губители своего отечества. Хотя оба упомянутыя мѣста Куймецъ и Ніенгофъ, вмѣстѣ съ Гарріеномъ съ испоконъ вѣковъ принадлежали ревельскому замку, однако они приняли ихъ за непріятельскія владѣнія, чтобы только безпрепятственно грабить. Они похитили у бѣдныхъ крестьянъ весь скотъ и хлѣбъ и обходи-

лись съ бѣдными люди хуже, чѣмъ русскіе и татары, такъ что крестьяне этихъ мѣстностей говорили, что русскіе и татары часто приходили къ нимъ, но во всѣхъ своихъ походахъ не обирали ихъ такъ до чиста, какъ обобрали нѣмецкіе гофлейты въ этомъ одномъ походѣ. Потому что они разрывали ямы въ землѣ и уносили оттуда все, что бѣдные люди попрятали отъ другихъ непріятелей, жали хлѣбъ на поляхъ и увозили его. Такимъ разбоемъ они больше еще передали русскимъ ревельскія земли, чѣмъ защитили ихъ; и всетаки во всю войну они ни разу не рѣшились перейти чересъ ливонскую границу въ земли, занятыя русскимъ, но только въ одной Ливоніи доказывали свое мужество грабежами, требуя, однако, всякій мѣсяцъ большое жалованье. Если же бы имъ пришлось заплатить за всю добычу, награбленную и взятую ими съ земель короля шведскаго, то имъ далеко не хватило бы ихъ жалованья).

Но плачъ и ропотъ бѣдныхъ крестьянъ противъ гофлейтовъ не были вполнѣ безплодными. Ибо въ своихъ стоянкахъ въ Гапсалѣ, Лоде и Леалѣ они ежедневно грызлись между собой какъ собаки, многіе изъ нихъ были убиты и взяты въ плѣнъ русскими, не считая другихъ несчастій и наказаній, постигшихъ ихъ.

92. Несчастіе шведовъ у Нарвы, 1574 г.

Въ 1574 г военные корабли короля шведскаго отправились въ Нарву преслѣдовать московита. Но здѣсь имъ удалось не больше, чѣмъ и въ другихъ походахъ и замыслахъ. Потому что когда они прибыли къ нарвскому рейду, то поднялась страшная буря, разогнавшая корабли, и прибившая адмирала къ берегу При этомъ погибли почти всѣ люди; между ними былъ также одинъ дворянинъ изъ мейсенской земли, по имени Антоній Плохъ, живьемъ взятый московитомъ и послѣ долгаго заточенія повѣшенный въ Нарвѣ.

93. Шведо-датскіе переговоры въ Падисѣ, 1574 г.

Около того же времени эзельскіе правители послали нѣсколько комисаровъ изъ Аренсбурга въ Падисъ, чтобы вести переговоры со шведскими правителями на счетъ благосостоянія и пользы Ревеля и всей земли. Тогда двое шведскихъ правителей изъ Ревеля, именно Карлъ Гиндриксенъ Канкаскій и Гансъ Берентсенъ Фоескій, вмѣстѣ съ двумя членами магистрата, именно Петромъ Меллеромъ и Германомъ Луромъ, отправились также въ Падисъ, чтобы выслушать предложеніе аренсбургцевъ. Тутъ Іоаннъ Уксель Менцскій, между прочимъ, изложилъ ревельскимъ господамъ и слѣдующій пунктъ Былъ онъ, Уксель, въ Даніи, гдѣ встрѣтилъ одного шведскаго посла; король датскій спросилъ этого посла, какъ идетъ война въ Ливоніи? Раньше де говорили, будто король шведскій теряетъ одинъ замокъ за другимъ.

Если это такъ, то король датскій можетъ услужить шведскому на собственный счетъ пошлетъ посольство къ московиту и добудетъ миръ. На это шведскій посолъ ничего не отвѣтилъ и даже не поблагодарилъ короля, чему король очень удивился и обидѣлся. Поэтому онъ (Іоаннъ Уксель) совѣтуетъ ревельцамъ, не медля, написать королю датскому, чтобы послѣдній добылъ имъ миръ или перемиріе у московита, ибо у короля датскаго заключенъ вѣчный миръ съ московитомъ и въ мирномъ договорѣ сказано, что король датскій удерживаетъ за собой все, чѣмъ владѣлъ въ Ливоніи, и что онъ впредь добудетъ въ Ливоніи, то все будетъ также пользоваться вѣчнымъ миромъ.

94. Ссоры шведовъ съ гофлейтами, 1574 г.

25-го октября господинъ Гинрикъ Клаусенъ съ богатой добычей, взятой прошлымъ лѣтомъ у любчанъ, прибылъ въ Ревель для удовлетворенія гофлейтовъ, чтобы они не отняли у короля шведскаго замковъ въ Викѣ, находившихся у нихъ въ заставномъ владѣніи. Большая часть гофлейтовъ не хотѣла принимать этихъ вещей, такъ какъ ими не могло быть уплачено все слѣдующее имъ жалованье сполна, но соглашались, однако, принять ихъ въ счетъ долга съ условіемъ, если Гинрикъ Клаусенъ выпроситъ для нихъ перемиріе у московита, но Гинрикъ Клаусенъ не могъ обѣщать имъ этого. Поэтому они не захотѣли ничего взять изъ добычи, а предложили искать другаго государя, которому можно было бы передать замки въ Викѣ. Ротмистры и нѣкоторые гофлейты пристали къ такому предложенію, изъ за чего между ними произошли большіе раздоры и несогласія. Тогда шестеро ротмистровъ не пожелали слѣдовать совѣту отпавшихъ гофлейтовъ, а остались съ меньшею частью вѣрными королю шведскому, своему государю. Наконецъ одинъ изъ ротмистровъ, а именно Гансъ Вахтмейстеръ, поднялъ знамя и собралъ подъ него всѣхъ гофлейтовъ, оставшихся вѣрными своему государю, дворянъ и не дворянъ, туземныхъ и чужеземныхъ. Тогда Гертвихъ Лейдебуръ былъ назначенъ поручикомъ, а Маурицъ Врангель Иттерферскій прапорщикомъ, эти гофлейты твердо держались во всю войну и вмѣстѣ со шведскими гофлейтами принесли много пользы Ливоніи.

95. Рижане стараются передать Ревель полякамъ, 1575 г.

Въ 1575 г. кастелянцы изъ рижскаго архіепископства послали въ городъ Ревель своего писаря, по тому поводу, что слышали, будто ревельцы очень притѣснены, боятся московита, и покинуты всѣми, поэтому они, кастелянцы, находятъ самымъ лучшимъ, чтобы ревельцы отдались подъ защиту короны Польской. Если ревельцы согласны на это, то рижане постараются устроить у московита такъ, что ревельцы будутъ

наслаждаться вмѣстѣ съ Литвою и Польшою пятилѣтнимъ перемиріемъ. Но пока магистратъ сталъ раздумывать, какой бы дать отвѣтъ, пришли зловѣщія извѣстія о прибытіи русскихъ.

Прим. перев. Въ актѣ соединенія Ливоніи съ Литвою (см. выше, стр. 160) было положено раздѣлить ливонскія земли, присоединенныя къ Литвѣ на четыре уѣзда: рижскій, трейденскій, венденскій и динабургскій. Каждый уѣздъ долженъ былъ находиться подъ управленіемъ избраннаго изъ мѣстныхъ дворянъ сенатора. Четыре ливонскіе сенатора вмѣстѣ съ особыми земскими послами (депутатами, nuntii Livoniae ducatus ultradunensis), избранными на частныхъ конвентахъ, имѣли право присутствовать на сеймахъ литовскихъ и польскихъ. Замки, бывшіе орденскіе и архіепископскіе, были ввѣрены начальству особыхъ лицъ, называвшихся каштелянами (Schlosshauptleute). Они замѣнили прежнихъ командоровъ и фохтовъ, и хотя по акту соединенія всѣ должности должны бы были замѣщаемы ливонскими нѣмцами, но какъ замки были заняты польскими войсками, то и каштелянами явилось много поляковъ. Съ упраздненіемъ архіепископства и съ секуляризаціею имѣній въ распоряженіи польскаго правительства явилось много помѣстій, изъ которыхъ многія были предоставлены польскимъ и литовскимъ дворянамъ. Такимъ образомъ въ числѣ литовскаго дворянства появляются лица ненѣмецкаго происхожденія — каштеляны и помѣщики.

Какъ опредѣлялись отношенія ливонскихъ земель къ Рѣчи Посполитой Польской, какъ опредѣлялись отношенія и Риги будетъ разсказано въ другомъ мѣстѣ и въ другой лѣтописи, начало которой помѣщается въ этомъ же томѣ, здѣсь же ограничимся лишь замѣчаніемъ, что подъ именемъ кастелянцевъ (die Castellanischen) Рюссовъ, очевидно, разумѣетъ начальниковъ замковъ, пограничныхъ съ землями, отошедшими къ шведамъ.

Для большей же ясности дальнѣйшаго разсказа Рюссова не излишне вспомнить событія, происшедшія въ Польшѣ во время трехлѣтняго перемирія, заключеннаго между Іоанномъ и Сигизмундомъ-Августомъ (см. выше стр. 192).

Срокъ этому перемирію оканчивался въ 1573 году, но за полгода до истеченія срока, именно 7-го іюля 1572 г., король Сигизмундъ-Августъ, прозванный королемъ-завтра (rex crastinus), по привычкѣ откладывать и медлить, умеръ. Послѣдніе годы своей жизни послѣдній Ягайловичъ провелъ окруженный наложницами, которыя его грабили, и колдуньями, которыхъ онъ призывалъ для возстановленія силъ, потерянныхъ отъ невоздержности. Онъ умеръ въ Кнышинѣ, куда его больнаго перевезли изъ Варшавы ради перемѣны воздуха, и умеръ въ совершенной бѣдности: въ казнѣ его не нашлось денегъ, чтобы заплатить за похороны, не нашлось ни одной золотой цѣпи, ни одного кольца, которыя должно было надѣть на покойника. Послѣдній Ягайловичъ растратилъ все при жизни.

Выше уже было сказано (стр. 192), что рада Короны Польской и Литвы еще въ 1570 г. заявила Іоанну, что думаетъ избрать на польскій престолъ, по смерти Сигизмунда, московскаго государя и его потомковъ. Но характеръ Іоанна былъ хорошо извѣстенъ въ Польшѣ, еще лучше былъ извѣстенъ въ Литвѣ, потому рада польская и литовская, посылая къ царю гонца Воропая съ извѣстіемъ о смерти Сигизмунда, поручила ему объявить царю о желаніи своемъ видѣть царевича Ѳедора королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ. По своему обычаю, Іоаннъ самъ отвѣчалъ Воропаю длинною рѣчью, въ которой, оправдывая свою жестокость относительно бояръ, выразился, между прочимъ: «Когда буду вашимъ государемъ, Ливонія, Москва, Новгородъ и Псковъ одно будутъ. А если меня въ государи взять не

захотятъ, то пусть пріѣзжаютъ ко мнѣ великіе послы для добраго постановленія. Я за Полоцкъ не стою и со всѣми его пригородами; уступлю и свое московское, пусть только мнѣ уступятъ Ливонію по Двину; и заключимъ вѣчный миръ съ Литвою... Не забудь сказать панамъ своимъ польскимъ и литовскимъ, чтобы отправляли сюда пословъ своихъ немедленно, людей добрыхъ, чтобы изъ добраго постановленія не вышло дурнаго.»

Рада замедлила, пословъ въ 1572 г. не посылала, а время измѣнило взгляды Іоанна: избраніе сына онъ признавалъ рѣшительно невыгоднымъ, а избраніе себя въ короли польскіе весьма неудобнымъ для московскаго государства, а между тѣмъ другіе государи употребляли всѣ усилія, чтобы склонить раду въ пользу своихъ кандидатовъ.

Польскіе уполномоченные не явились и лишь въ началѣ 1573 года литовская рада отправила отъ себя къ Іоанну посломъ Михайла Гарабурду Онъ засталъ царя въ Новгородѣ, куда царь недавно возвратился изъ эстонскаго похода (см. выше стр. 215). Первая аудіенція у царя происходила 28-го февраля 1573 года. Гарабурда просилъ Іоанна дать рѣшительный отвѣтъ: самъ ли онъ хочетъ быть избранъ въ короли или дать сына; въ обоихъ случаяхъ необходимо обязательство въ ненарушеніи правъ и вольностей шляхетскихъ; при опредѣленіи границъ между государствами Іоаннъ долженъ уступить Литвѣ четыре города — Смоленскъ, Полоцкъ, Усвятъ и Озерище; если же царевичь Ѳеодоръ будетъ избранъ въ короли, то отецъ долженъ дать ему еще нѣсколько городовъ и волостей.

Не понравилась царю рѣчь Гарабурды и онъ отвѣчалъ ему длинною рѣчью, но очень нерѣшительною, при чемъ объявилъ и условія вѣчнаго мира съ Польшею: Полоцкъ со всѣми пригородами и Курляндія къ Литвѣ, а Ливонія къ Москвѣ, Двина будетъ границею. «Скажи панамъ роднымъ, говорилъ въ заключеніе Іоаннъ, чтобы не выбирали въ короли француза, потому что онъ будетъ больше желать добра турецкому, чѣмъ христіанству; а если возьмете француза, то вы, Литва, знайте, что мнѣ надъ вами промышлять.»

Когда Гарабурда уже совсѣмъ былъ готовъ отправиться въ обратный путь (въ мартѣ 1573 г.), пришли къ нему: окольничій Умный-Колычевъ, думный дворянинъ Плещеевъ, дьяки — Андрей и Василій Щелкаловы, и сказали отъ имени Іоанна: «Если великое княжество литовское хочетъ видѣть его своимъ государемъ, то онъ на это согласенъ; и будьте покойны, Польши не бойтесь: господарь помиритъ съ нею Литву.

Рѣчь Іоанна Гарабурдѣ, условія выбора и явное нежеланіе дать сына въ короли, а главное совершенное отсутствіе подарковъ для пановъ, не могло усилить московскую сторону на сеймѣ, открывшемся въ началѣ 1573 г. Королемъ былъ избранъ именно французъ: Генрихъ Анжуйскій, братъ французскаго короля Карла IX. Въ августѣ 1573 г. двадцать польскихъ пановъ съ 150 человѣкъ шляхты пріѣхали въ Парижъ за Генрихомъ. Начали говорить объ условіяхъ и долго не соглашались, такъ что Генрихъ только въ началѣ 1574 г. пріѣхалъ въ Польшу. Новый король не зналъ ни польскаго, ни латинскаго языка, рѣшительно не понималъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, цѣлыя ночи проводилъ въ пирушкахъ, не зная мѣры расточительности. Во дворцѣ у него былъ такой безпорядокъ и такая бѣдность, что иногда нечего было приготовить къ обѣду, нечѣмъ накрыть стола. Рѣчь Посполитая Польская не далеко бы ушла съ такимъ королемъ при тогдашнихъ запутанныхъ обстоятельствахъ съ Москвою, если бы король, получивъ извѣстіе о смерти брата Карла IX, и требованіе матери Екатерины Медичи немедленно возвращаться во Францію, тайно не бѣжалъ изъ Кракова 18-го іюля 1574 г.

Королевскій отъѣздъ поставилъ раду въ очень затруднительное положеніе: объявлять ли безкоролевье или не объявлять? Рѣшились безкоролевье не объявлять, но дать знать Генриху, что если черезъ 9-ть мѣсяцевъ онъ не возвратится въ Польшу, то сеймъ приступитъ къ избранію новаго короля. Въ Москву поспѣшили отправить новыхъ пословъ; начались опять переговоры объ избраніи Іоанна. Переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ: Іоаннъ ни слова не говорилъ, отказывается ли онъ отъ своихъ прежнихъ условій, а на сеймѣ не хотѣли слышать ни о какихъ другихъ условіяхъ, кромѣ тѣхъ, на которыхъ былъ избранъ Генрихъ.

Время между тѣмъ уходило; срокъ перемирію, заключенному съ Сигизмундомъ кончился еще въ 1573 г., весь 1574 г. прошелъ въ пересылкахъ пословъ, проходилъ въ такой же неопредѣленности и 1575 годъ. Іоаннъ, быть можетъ, признавалъ неудобнымъ начинать непріязненныя отношенія съ Польшею, когда тамъ шла рѣчь о соединеніи трехъ государствъ въ одно, и вотъ, быть можетъ, причина почему посланцы отъ ливонскихъ каштеляновъ, убѣждая ревельцевъ отойти отъ шведовъ, говорили, что есть возможность уладить съ московитомъ. Дѣйствительно возможность была, если бы избраніе на престолъ Іоанна состоялось, но въ томъ то и дѣло, что это избраніе съ каждымъ днемъ становилось все менѣе и менѣе вѣроятнымъ: Іоаннъ не хотѣлъ унижаться до искательства, тѣмъ менѣе не хотѣлъ жертвовать русскими интересами въ пользу польскихъ, сторона его въ Литвѣ и Польшѣ довольно многочисленная въ началѣ, ибо все мелкое дворянство, какъ польское и литовское, желало имѣть королемъ Іоанна въ надеждѣ чрезъ это избраніе освободиться отъ власти вельможъ, уменьшалась все болѣе.

Въ ноябрѣ 1575 г. открылся избирательный сеймъ. Тутъ ясно обнаружились двѣ партіи, двѣ стороны, съиздавна соперничавшія между собою: сторона вельможъ и сторона шляхты. Первая хотѣла избрать императора Максимиліана, сторона шляхты желала видѣть на престолѣ пяста, т. е. кого либо изъ природныхъ поляковъ или, по крайней мѣрѣ, не австрійца, не кандидата вельможеской стороны. Послы иностранныхъ державъ не щадили обѣщаній сейму, но на сеймѣ пословъ московскихъ не было: никто не говорилъ о московскихъ обѣщаніяхъ, да и не могъ говорить, потому что Іоаннъ, поставивъ условія еще въ 1573 г., не отказывался отъ нихъ и теперь.

Кандидатовъ на польскій престолъ явилось не мало: Эрнстъ, сынъ императора Максимиліана, эрцгерцогъ Фердинандъ, братъ Максимиліана, король шведскій, королевичъ шведскій Сигизмундъ, герцогъ феррарскій Альфонсъ, королевна Анна, сестра покойнаго короля, наконецъ кандидатъ султанскій Стефанъ Баторій, князь седмиградскій. Послы этихъ государей превозносили своихъ кандидатовъ и давали обѣщанія одно другаго заманчивѣе. Послы Баторія обѣщали, что онъ не выдетъ изъ воли пановъ и шляхты, завоюетъ все, отнятое Москвою, войскомъ, которое самъ приведетъ, и которымъ самъ будетъ предводительствовать, дастъ 800 тысячь злотыхъ на войну, выпуститъ плѣнную шляхту и пр.

12-го декабря 1575 г. вельможи провозгласили королемъ императора Максимиліана, а 14-го декабря шляхта провозгласила королевну Анну съ тѣмъ, чтобы она вышла за мужъ за Стефана Баторія. Явилось такимъ образомъ два короля. Іоаннъ желалъ торжества австрійской партіи, побуждалъ ее дѣйствовать рѣшительно, но Максимиліанъ все медлилъ въ то время, какъ Стефанъ Баторій не терялъ времеин: 18-го апрѣля 1576 г. вступилъ въ Краковъ, женился на королевнѣ Аннѣ и 1-го мая 1576 г. короновался польскимъ королемъ. Паны, за исключеніемъ троихъ, признали его королемъ.

Іоаннъ, видя, что въ Польшѣ сдѣлалось не такъ, какъ онъ желалъ, т. е. королемъ явился не австрійскій кандидатъ, рѣшился во что бы то ни стало покончить съ Ливоніею.

96. Гофлейты продаютъ Викъ Даніи. Приближеніе русскихъ, 1575 г.

12-го января 1575 г. нѣсколько коммисаровъ, между которыми главнымъ былъ Клаусъ фонъ Унгернъ, намѣстникъ аренсбургскій, прибыли въ Викъ, въ Гапсаль, чтобы отъ имени короля датскаго, сговориться съ гофлейтами на счетъ замковъ Гапсаля, Лоде и Леаля. Потому что упомянутые гофлейты хотѣли отнять эти замки отъ короля шведскаго, и многіе изъ нихъ уже обѣщали и поклялись въ этомъ герцогу Магнусу Поэтому то Клаусъ фонъ Унгернъ прибылъ и сюда.

22-го января получились въ Ревелѣ страшныя вѣсти о приближеніи московита черезъ одного надежнаго крестьянина. Къ тому же пришло вѣрное извѣстіе о томъ, что всѣ русскіе изъ Виттенштейна отправились къ большому отряду въ Везенбергъ. Этотъ отрядъ простоялъ на мѣстѣ почти двѣ недѣли, такъ что навѣрное нельзя было узнать, въ какую сторону онъ двинется. А такъ какъ русскіе долго медлили, то многіе въ Ревелѣ думали, что они прямо отправились въ Финляндію; бѣдные крестьяне такъ были убѣждены въ этомъ, что многіе по безпечности, многіе по недостатку фуража, снова отправились въ свои деревни со своимъ скотомъ, съ женами и дѣтьми.

25-го января, послѣ многократныхъ переговоровъ, замки Гапсаль, Лоде и Леаль были переданы шведами (т. е. бывшими шведскими гофлейтами) Клаусу фонъ Унгерну, который принялъ ихъ отъ имени Фридриха II-го, короля датскаго, и обѣщалъ заплатить имъ все остальное жалованье въ день Іоанна Крестителя слѣдующаго года, а пока ходатайствовать для нихъ о мирѣ передъ московитомъ.

97 Русскіе у Ревеля, 1575 г.

30-го января, въ воскресенье септуагезимы, утромъ во время проповѣди, московитъ показался у Ревеля со всѣмъ войскомъ, часть котораго билась цѣлый день съ ревельцами, а большая часть, подобно улью пчелъ, перешла черезъ озеро отъ Гирведе выше каменной горы, мимо города, къ Іерверкюлю (деревня у озера) и расположилась въ Трейденсбушѣ, на добрую милю отъ города. Въ тотъ же день они жгли все кругомъ, не пожалѣли также и домовъ у монастыря св. Бригитты, кромѣ того взяли въ плѣнъ дѣвушекъ монахинь (послушницъ), чего до сихъ поръ никогда не случалось. Въ этотъ же день русскіе напали врасплохъ и на бѣдныхъ крестьянъ, которые не за долго до того ушли изъ города въ деревни въ надеждѣ на безопасность и за недостаткомъ фуража. Ревельцы же совсѣмъ напрасно

причиняли себѣ большіе убытки, уничтожили за городомъ свои сады, сараи и дома, а также и рыбачьи дома, а чего въ торопяхъ не успѣвали ломать, то сжигали, потому что опасались осады.

31-го января утромъ около 1000 человѣкъ конныхъ русскихъ подошли къ городу и открыли перестрѣлку съ ревельцами. Между тѣмъ лагерь ихъ снялся и они всѣ ушли съ обозомъ, боясь чтобы ревельцы не отняли у нихъ добычи. Когда они всѣ ушли, то крестьяне изъ города выбѣжали къ ихъ лагерю, и принесли въ городъ для своей пищи много бычачьихъ головъ, брошенныхъ русскими, а также много воловьихъ и лошадиныхъ шкуръ, ибо татары убивали скотъ и мясо поѣдали полусырымъ.

98. Дальнѣйшій набѣгъ русскихъ, 1575 г.

Тогда русскіе и татары двинулись сначала въ Викъ къ Гапсалю, на дорогѣ страшно опустошили всю область Падисъ, все побережье у Падиса и Кегеля, людей избили и очень многихъ увели въ плѣнъ. И хотя русскій до этихъ поръ часто и многократно опустошалъ эти земли, однако, онъ никогда такъ не свирѣпствовалъ какъ этотъ разъ. Потому что Всемогущій Господь послалъ еще на страну и то наказаніе, что во всю эту зиму не выпало снѣгу; поэтому русскіе и татары разъѣзжали по всюду, не спрашивая никакой дороги, и проѣзжали не только черезъ деревни въ той странѣ, но и по ужаснымъ пустырямъ, чащамъ и болотамъ, выгоняли въ поле волковъ и медвѣдей и всякихъ дикихъ животныхъ, отыскивая людей и скотъ. Въ этомъ походѣ имъ благопріятствовали Божья погода и вѣтеръ и всѣ стихіи: ни одинъ человѣкъ въ странѣ не могъ запомнить, чтобы когда нибудь было такъ мало снѣгу въ это время года, какъ теперь.

Затѣмъ они пошли къ Гапсалю, бились съ гофлейтами, ставшими теперь на сторону датчанъ, но на этотъ разъ прошли мимо. Но на слѣдующій день большая часть ихъ вернулась и ночью сожгла нѣсколько домовъ въ мѣстечкѣ. Къ утру гофлейты изъ замка снова сдѣлали вылазку, но зашли слишкомъ далеко; поэтому многіе изъ нихъ были убиты, а болѣе 30-ти человѣкъ взято въ плѣнъ, послѣ они безжалостно были умерщвлены въ Москвѣ. Въ то время, когда остальные гофлейты должны были отступить назадъ къ Гапсалю, у воротъ замка произошла такая страшная давка, что много сильныхъ людей было задавлено до смерти въ большомъ смятеніи и тѣснотѣ.

Въ этотъ разъ русскіе и татары немилосердно опустошили земли у Гапсаля, Лоде, Леаля, Падиса и Фикеля вмѣстѣ съ островами Эзелемъ, Дагеденомъ, Мономъ, Вормсе и Нукомъ, за исключеніемъ аренсбургской области; они брали только лошадей и людей,

на быковъ и коровъ не обращая большаго вниманія, такъ какъ ихъ труднѣе было уводить съ собой. Выказавши свое своеволіе въ упомянутыхъ мѣстахъ, они тотчасъ же двинулись къ Парнову, опустошили окрестныя земли и до тла сожгли старый Парновъ вмѣстѣ съ церковью. Тогда бюргеры въ новомъ Парновѣ очень опасались осады и поэтому сами зажгли всѣ дома за городомъ и сожгли ихъ. Но послѣ того какъ русскіе цѣлую ночь пробыли не особенно далеко отъ Парнова и ночью сожгли нѣсколько нѣмецкихъ кораблей у Парнова, то на слѣдующій день поспѣшно прошли мимо Парнова къ Салису и многимъ другимъ мѣстамъ, застали врасплохъ очень много людей, многихъ убили и многихъ взяли въ плѣнъ. Здѣсь оказалось, на какое пятилѣтнее перемиріе могли разсчитывать кастелянцы, желая приманить къ себѣ ревельцевъ. Чума, поразившая ревельцевъ, была ближе къ нимъ самимъ, чѣмъ они думали.

Прим. перев. Этотъ набѣгъ былъ произведенъ по распоряженію Іоанна. Въ Разрядахъ 1575 г. сказано: «Зимою посылалъ государь подъ Колывань намѣстника юрьевскаго князя Аѳ. Шейдякова, а велѣно воевати отъ Ракобора (Везенберга) къ Колывани, и Асельскія мѣста, и Падцынскія, къ Кеги, Падежу, Каету, Филку, Викели, Лоду, Леалу, Пернову, Руйну, Гельмину, Эрмису, Буртнику, куда лучше и просторнѣе.... Подъ Перновъ посылалъ государь царя Симеона Бекбулатовича, да царевича Мих. Кайбуловича, въ большомъ полку бояринъ Никита Романовичъ».

Симеонъ Бекбулатовичъ (крещенный татаринъ, касимовскій ханъ) попалъ въ цари вотъ по какому случаю:

Рѣшительно не довѣряя земскимъ боярамъ, Іоаннъ не желалъ сближаться съ земщиною, но можно ли было довѣрить правленіе земщиною людямъ, которые подозрѣвались въ государственной измѣнѣ (см. выше, стр. 205)? Іоаннъ напалъ не мысль поставить въ челѣ земщины человѣка, который бы по титулу своему и происхожденію могъ стать выше князей и бояръ, и между тѣмъ не имѣлъ бы съ ними ничего общаго, могъ бы быть вѣрнѣе ихъ. Мысль свою онъ и привелъ въ исполненіе: въ 1574 г. посадилъ царемъ на Москвѣ Симеона Бекбулатовича, того самаго Саина, что въ 1572 г. ходилъ въ походъ въ Ливонію (см. выше, стр. 215) и царскимъ вѣнцомъ его вѣнчалъ, а самъ назвался Иваномъ Московскимъ, и вышелъ изъ города, жилъ на Петровкѣ; весь свой чинъ царскій отдалъ Симеону, а самъ ѣздилъ просто, какъ боринъ, въ оглобляхъ, ссаживался съ царева мѣста далеко, вмѣстѣ съ боярами. Царь Симеонъ пробылъ царемъ не болѣе двухъ лѣтъ: Іоаннъ далъ ему Тверь и Торжокъ.

99. Предложеніе герцога Магнуса Ревелю, 1575 г.

2-го марта прибыли письма отъ герцога Магнуса изъ Оверпалена къ всей ревельской общинѣ, въ которыхъ онъ требовалъ, чтобы ревельцы прислали ко нему нѣкоторыхъ изъ своей среды въ Оверпаленъ, гдѣ онъ сообщитъ имъ добрый совѣтъ, какъ предупредить будущія несчастія и неудачи, началомъ которыхъ служитъ уже

происшедшій набѣгъ. Но ревельцы никакъ не хотѣли слушать его совѣта. Точно также онъ писалъ и парновцамъ, но и парновцы не захотѣли согласиться на его желанія.

100. Споръ за Салисъ, 1575 г.

Въ мартѣ 1575 г гофлейты герцога Магнуса вмѣстѣ съ нѣкоторыми русскими заняли дворъ въ Салисѣ, укрѣпили его, чтобы пресѣчь сообщенія между Ригой, Ревелемъ и Парновомъ; но люди рижскаго архіепископства отняли у нихъ этотъ дворъ. Наконецъ русскіе снова одни поселились въ немъ и удержали его за собой.

101. Миръ съ Финляндіею, 1575 г.

Въ 1575 г., на праздникъ Троицы, шведскіе коммисары поѣхали на выборгскую границу, чтобы вести съ русскими переговоры о перемиріи. Тогда ревельцы сильно надѣялись, что наконецъ будетъ заключено перемиріе. Но русскій для своей выгоды заключилъ перемиріе на два года только съ одной Финляндіей, а ревельцевъ исключилъ изъ него. Это перемиріе коварный непріятель заключилъ для того, чтобы имѣть свободный проходъ со стороны Финляндіи, такъ какъ намѣревался осадить Парновъ. Но онъ исполнялъ это перемиріе, только пока того требовала его выгода: въ эти два года вторгался онъ также и въ Финляндію, грабилъ и жегъ тамъ и уводилъ въ плѣнъ много народу

Прим. перев. Чихачевъ, задержанный въ Стокгольмѣ (см. выше, стр. 226), умеръ въ Швеціи. Король шведскій настаивалъ, чтобы изъ Москвы были отпущены два толмача, задержанные отъ посольства епископа абовскаго. Царь послалъ къ королю гонца Пивова, толмача Николаева и Дм. Болотникова и писалъ (см. Соловьева, VI, 438): «А нашего гонца (Чихачева) тебѣ держать было не за чѣмъ: толмачей мы оставили въ своемъ государствѣ поучить учениковъ, и одинъ умеръ, а другой учитъ двоихъ учениковъ шведскому языку и живетъ безъ всякой нужды; прежде ваши толмачи русской грамотѣ въ нашемъ государствѣ учивались, и только что толмачь твой отдѣлается, мы его къ тебѣ и отпустимъ». Король отвѣчалъ прежнее: «Не хотимъ къ тебѣ великихъ пословъ посылать, потому что ты, мимо опасной грамоты, дурно обошолся съ нашими послами; ты разрушилъ миръ, ты и долженъ отправить къ намъ пословъ, а не хочешь, вышли ихъ на границу Ты пишешь, что толмачи учатъ твоихъ русскихъ ребятъ; но мы отправили ихъ съ нашими послами для нашего дѣла по нашему наказу, а не у подданныхъ твоихъ дѣтей учить; если хочешь русскихъ дѣтей учить шведскому языку, то, какъ будетъ миръ, договорись объ этомъ съ нашими намѣстниками выборгскими, а противъ всякой правды не задерживай нашихъ слугъ».

Толмача отпустили, и весною 1575 г. бояринъ князь Вас. Андр. Сицкой-Ярославской, князь Петръ Ив. Барятинскій и дьякъ Лихачевъ выѣхали на рубежъ, на рѣку Сестру, куда со шведской стороны пріѣхалъ адмиралъ Флемингъ. Заспорили, гдѣ вести переговоры. Флемингъ требовалъ, чтобы переговаривать на мосту, въ шатрахъ; Сицкій настоялъ, однако, что шведъ перешелъ на русскій берегъ рѣки.

Мира заключить не могли: царь требовалъ Эстонію и присылки 200 человѣкъ шведовъ нарядныхъ для войны съ Крымомъ, и за это уступалъ королю право сноситься прямо съ нимъ; но король требовалъ послѣдняго безо всякихъ уступокъ съ своей стороны. Заключили только перемиріе на два года, съ 20-го іюля 1575 до 20-го іюля 1577 г., между Финляндіею и новгородскою областью. Дѣло объ Эстоніи должно было рѣшиться оружіемъ, если король не поспѣшитъ отправить своихъ великихъ пословъ въ Москву для заключенія мира. Въ договорной грамотѣ употреблены были прежнія выраженія: король билъ челомъ царю. Въ подписи сказано: «Писана на Сестріи рѣкѣ, на берегу государя царя и великаго князя сторонѣ, на государевѣ вотчинѣ, лѣта 7083 (1575), іюля въ 13 день».

Перемиріе это не имѣло никакого вліянія на ходъ военныхъ дѣлъ въ Эстоніи, такъ какъ касалось только Финляндіи и Новгорода.

102. Русскіе послы и пожаръ въ Аренсбургѣ, 1575 г.

7-го іюня послы московита прибыли въ Аренсбургъ, а отсюда поплыли въ Данію. Того же 7-го іюня, когда пріѣхали чужіе гости, въ Аренсбургѣ былъ такой пожаръ, что выгорѣла половина мѣстечка и лучшіе дома сгорѣли до тла, чему очень смѣялись и радовались московитскіе послы. Но тѣмъ, которые лишились своихъ домовъ, было не до смѣху Этотъ пожаръ, случившійся какъ разъ во время прибытія русскихъ, многіе сочли за вѣрное предзнаменованіе большихъ грядущихъ несчастій.

103. Какъ заплатили гофлейтамъ, 1575 г.

Около дня Іоанна Крестителя всѣ гофлейты изъ Гапсаля, Лоде и Леаля были вызваны Клаусомъ фонъ Унгерномъ въ Аренсбургъ, чтобы получить тамъ жалованье. Имъ не хотѣлось ѣхать туда: имъ пріятнѣе было бы получить жалованье въ своихъ обыкновенныхъ квартирахъ; но однако же они отправились туда всѣ вмѣстѣ. Клаусъ фонъ Унгернъ написалъ также и ревельскимъ бюргерамъ: если кому въ Ревелѣ гофлейты должны что нибудь, то пусть кредиторы всѣ явятся въ Аренсбургъ ко времени уплаты. Что и было исполнено. И когда гофлейты прибыли въ Аренсбургъ, надѣясь получить много денегъ, то, противъ всякаго ихъ ожиданія, имъ поставили въ счетъ все то, что они получали изъ фуража и съѣстныхъ припасовъ, а также брали силой отъ крестьянъ, кромѣ того все что они должны были ревельцамъ; что же касается до фуража и съѣстныхъ припасовъ, то они всегда получали ихъ даромъ отъ крестьянъ короля шведскаго. Тогда иному, надѣявшемуся получить много сотенъ талеровъ, представляли такой счетъ, что для покрытія его едва хватало всего жалованья: многіе, разъѣзжавшіе на нѣсколькихъ коняхъ при королѣ шведскомъ, теперь должны были ходить пѣшкомъ. Тогда они пожалѣли, что не остались у короля шведскаго и не взяли вещей въ

счетъ платы отъ Гинрика Клаусена, какъ другіе гофлейты (см. гл. 94). Но теперь было слишкомъ поздно. Такимъ образомъ имъ нетолько отплатили за разбой, учиненный ими въ Куймецѣ и Гарріенѣ, но они пріобрѣли также и дурную славу за то, что устранили изъ своихъ квартиръ и данныхъ подъ залогъ замковъ Гапсаля, Леаля и Лоде тѣхъ гофлейтовъ, которые вѣрно остались служить королю шведскому и взяли вещи въ счетъ уплаты жалованья, а также за то, что лишили короля шведскаго, своего государя, упомянутыхъ замковъ вмѣстѣ со всѣмъ Викомъ только ради просроченнаго долга.

104. Русскіе берутъ Парновъ, 1575 г.

Въ то же время московиты собрались у Везенберга и простояли здѣсь спокойно почти цѣлый мѣсяцъ. Ревельцы тогда снова сильно опасались осады. Наконецъ войско выступило изъ подъ Везенберга и поспѣшно двинулось къ Парнову Московитъ осадилъ Парновъ, обвелъ его окопами и сталъ обстрѣливать. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ приступовъ, во время которыхъ московитъ потерялъ около семи тысячъ человѣкъ, парновцы должны были сдаться 9-го іюля 1575 г., такъ какъ были совершенно истощены и не ждали никакой помощи.

Эта потеря города Парнова составляла для остальныхъ земель и обоихъ главныхъ городовъ Риги и Ревеля не меньшій убытокъ, какъ потеря города Дерпта; и хотя парновцы относительно сопротивленія вели себя честнѣе дерптцевъ, однако ихъ нельзя уважать болѣе послѣднихъ за строительное дѣло и исправленіе города. Потому что какъ дерптцы въ доброе время мало застраивали и укрѣпляли свой городъ противъ нападеній, мало заботясь о томъ, что послѣ солнышка пойдетъ проливной дождь, а думали только о тщеславіи, роскоши, своекорыстіи и богатствѣ: точно также и парновцы не только въ доброе время, но и въ очевидно угрожавшее войною, очень мало заботились объ укрѣпленіи города, ибо когда непріятель почти уже подошелъ къ нимъ въ гости, то тогда только они написали въ Ревель, прося прислать инженера (вальмейстера) и другихъ средствъ. А все, построенное тамъ противъ нападенія, было сдѣлано шведами, когда они управляли здѣсь, и орудія, употреблявшіяся здѣсь противъ московита, принадлежали также королю шведскому и были оставлены здѣсь при предательскомъ завоеваніи города парновскими гофлейтами.

105. Почему не помогли датчане съ Эзеля.

Не задолго до осады, передъ тѣмъ какъ обрушилась большая бѣда, парновцы искали помощи и утѣшенія у Клауса фонъ Унгерна, датскаго намѣстника въ Аренсбургѣ, и предлагали ему сдать городъ датской коронѣ, чтобы только защититься отъ московита. Клаусъ

Унгернъ, хотя и не имѣлъ повелѣнія короля датскаго, но принялъ, однако же, парновцевъ и обѣщалъ имъ защиту Тогда парновцы небольшое время были датскими подданными; но все это было напрасно. Потому что русскіе уже приближались, и хотя Клаусъ фонъ Унгернъ и желалъ добра парновцамъ и по мѣрѣ возможности хотѣлъ помочь имъ, однако, этому воспрепятствовалъ споръ, возникшій между герцогомъ Магнусомъ саксонскимъ и Клаусомъ фонъ Унгерномъ изъ за острова Мона. Когда упомянутый герцогъ Магнусъ, во время осады Парнова, прибылъ изъ Швеціи на Эзель и занялъ замокъ Зоненборгъ, данный ему въ ленъ королемъ шведскимъ, то поѣхалъ также и на Монъ, такъ какъ этотъ островъ съ давнихъ поръ всегда принадлежалъ къ Зоненборгу Когда же онъ встрѣтилъ тамъ Клауса фонъ Унгерна, хотѣвшаго присоединить этотъ островъ къ Аренсбургу, то взялъ его въ плѣнъ, однако, впослѣдствіи опять выпустилъ его изъ темницы; а между тѣмъ о парновцахъ и забыли.

106. Ближайшія послѣдствія паденія Парнова.

Когда Парновъ былъ осажденъ, то замки Гельмеде, Эрмисъ и Рюгенъ передались со страху герцогу Магнусу гольштейнскому, кромѣ того Отто фонъ Унгернъ, одинъ изъ кастеляновъ рижскаго архіепископства, безъ нужды передалъ московиту свой замокъ Пуркель, и пятилѣтнее перемиріе, которымъ кастелянцы хотѣли прельстить ревельцевъ, не пошло въ прокъ имъ самимъ. Здѣсь можно бы было сказать. Medice, cura te ipsum!

Когда же городъ Парновъ былъ взятъ, тогда главные русскіе предводители, князь Никита Романовичъ (Захарьинъ-Юрьевъ) и князь Юрій Токмаковъ, обошлись очень ласково съ парновцами и предоставили на выборъ каждаго оставаться въ городѣ или выѣхать изъ него; а чего кто съ разу не успѣетъ увезти съ собой, за тѣмъ безпрепятственно можетъ пріѣхать въ другой разъ. Но все это были только козни и коварства, чтобы уловить ими другія мѣста. Когда же нѣкоторые знатнѣйшіе парновцы съ большими своими богатствами прибыли на островъ Кіенъ, то герцогъ Магнусъ саксонскій напалъ на нихъ, взялъ у нихъ большую добычу деньгами и серебряными вещами, и кромѣ того забралъ ихъ въ плѣнъ и отвезъ въ Швецію, гдѣ очень дурно обошлись съ ними, за то что, имѣя такіе запасы золота и серебра, они не снабдили своего города солдатами. Ибо будь въ Парновѣ хоть сотня кнехтовъ, то городъ стоялъ бы по прежнему и до нынѣшняго дня. Они за то и понесли наказаніе отъ герцога Магнуса, что предпочли собственную пользу пользѣ общей, и въ бѣдѣ не снабдили своего города нетолько укрѣпленіями, но и солдатами.

107 Зоненборгъ снова во власти датчанъ, 1575 г.

Въ 1575 г., въ день св. Лаврентія, когда герцогъ Магнусъ снова ушелъ съ Эзеля, Клаусъ фонъ Унгернъ осадилъ съ небольшимъ войскомъ Зоненборгъ и черезъ нѣсколько дней взялъ и занялъ его скорѣе счастіемъ и неожиданностью, чѣмъ силой. Потому что когда датчане подошли къ замку, внутри его произошелъ страшнѣйшій пожаръ и такъ скоро распространился, что невозможно было потушить огня. Тогда кнехты и начальники замка, по причинѣ огня, должны были повылазить изъ оконъ; другіе же, стоявшіе снаружи, влѣзли въ эти самыя окна и такимъ образомъ завладѣли замкомъ.

108. Переговоры ревельцевъ и датчанъ въ Падисѣ, 1575 г.

1-го сентября датскіе коммисары, именно Клаусъ фонъ Унгернъ, Аксель Тонниссенъ, Рейнольдъ Сцойе, Іоаннъ Уксель менцскій и Отто Уксель кошкскій прибыли изъ Аренсбурга на границу въ Падисъ и попросили губернатора и магистратъ города Ревеля также пожаловать сюда, чтобы вести переговоры. Вслѣдствіе этого господинъ Понтусъ де Легардія, губернаторъ, Германъ Луръ и Петръ Меллеръ, члены ревельскаго магистрата, снарядились и отправились въ Падисъ выслушать, что такое снова намѣрены предложить датчане.

Когда же упомянутые господа и ревельскіе послы къ вечеру прибыли въ Падисъ въ замокъ, то въ одно время съ ними прилетѣла въ Падисъ огромная стая дикихъ, необыкновенныхъ морскихъ птицъ, немного похожихъ по величинѣ и виду на дикихъ гусей; на своихъ плоскихъ ногахъ онѣ разсѣлись по крышамъ и выступамъ домовъ. Странное зрѣлище представляли эти необыкновенныя, неизвѣстныя птицы, до сихъ поръ и послѣ того никогда болѣе не показывавшіяся. Хотя ихъ и спугнули одинъ разъ, однако онѣ возвратились вторично, и не обращая ни на что вниманія, остались тамъ до самой ночи, даже не испугавшись, когда нѣсколькихъ изъ нихъ застрѣли. Но на другой день ихъ больше не видѣли. Причина, по которой были приглашены сюда ревельцы, была та, что Клаусъ фонъ Унгернъ вмѣстѣ съ другими датскими коммисарами требовалъ замокъ Падисъ и заявилъ, что если этотъ замокъ достанется московиту, то датчане отомстятъ за это ревельцамъ. Однако ревельцы имъ ничего не могли обѣщать.

109. Ревель ищетъ чужой помощи.

Въ то же время Клаусъ фонъ Унгернъ восхвалялъ милостивое расположеніе короля датскаго къ городу Ревелю. Этимъ онъ побудилъ ревельцевъ, какъ больныхъ, хватающихся въ продолжительныхъ и тяжкихъ болѣзняхъ за нѣсколькихъ докторовъ, написать королю дат-

скому, а также римскому императору и другимъ государямъ, прося помощи, совѣта и средствъ выйти, наконецъ, къ миру изъ тяжкой войны и угнетенія. Но всѣми своими письмами они не добились ничего кромѣ великаго неудовольствія и немилости своего государя, короля шведскаго.

Прим. перев. Римскій императоръ. впрочемъ, ходатайствовалъ предъ московскимъ государемъ за ливонцевъ. Еще въ 1559 г. императоръ Фердинандъ I писалъ къ Іоанну, чтобы онъ не воевалъ Ливоніи, принадлежащей къ священной римской имперіи, и возвратилъ завоеванныя уже мѣста. Іоаннъ отвѣчалъ, что если цесарь захочетъ быть съ нимъ въ любви и братствѣ, то пусть пришлетъ великихъ пословъ, съ которыми обо всѣхъ дѣлахъ договоръ учинится. Великіе послы, однако, не пріѣзжали.

Сношенія московскаго государя съ цесаремъ возобновились и сдѣлались довольно оживленными, когда послѣ смерти Сигизмунда-Августа открылся избирательный сеймъ польскій. Іоанна вовсе не прельщала мысль быть королемъ польскимъ и онъ не прочь былъ видѣть на польскомъ престолѣ австрійскаго эрцгерцога въ томъ совершенно вѣрномъ расчетѣ, что польскій король изъ австрійскаго дома, опасаясь постоянно Турціи, будетъ искать московскаго союза, для котораго не пожалѣетъ Ливоніи. Въ іюлѣ 1573 г. въ Москву пріѣхалъ императорскій гонецъ Павелъ Магнусъ съ письмомъ отъ Максиміліана II, въ которомъ императоръ предлагалъ Іоанну соединенными силами противиться возведенію на польскій престолъ Генриха французскаго. Гонецъ разсказывалъ о варѳоломеевской ночи во Франціи и о томъ, что цесарь признаетъ лучшимъ подѣлить Польшу: Корону къ цесарю, а Литву къ московскому государству. Іоаннъ отправилъ въ Вѣну гонца Скобельцына, который 15-го августа 1574 г. возвратился въ Москву, но безъ всякаго отвѣта.

Пріѣзжали въ Москву въ 1574 г. и другіе императорскіе гонцы: въ январѣ Вестфаль, въ февралѣ Греинъ Филипъ. Этотъ Греинъ сообщилъ дьяку Андрею Щелкалову: «Сказывали мнѣ въ Перновѣ, что польскіе и литовскіе люди думаютъ подговаривати Арцымагнуса короля отъ царскаго величества отъѣхати (Магнусъ проживалъ въ Оберпаленѣ), и говорятъ, что отъ короля польскаго, какъ будетъ на королевствѣ, опасная грамота будетъ къ Арцымагнусу, и хотятъ ему давати Ригу тѣмъ обычаемъ, чтобы Арцымагнусъ заплатилъ Ходкѣвичу 20,000 ефимковъ (что онъ давно ему посулилъ), и говорятъ еще, коли де Арцымагнусъ похочетъ ся поддати подъ литовскаго, и у него денегъ столько не будетъ, и тѣ деньги, 20 тыс. ефимковъ, хотятъ за него заплатити литовскіе люди; а хотятъ Арцымагнуса отъ государя отговаривати».

Въ маѣ 1574 г. пріѣхалъ купецъ Кремеръ съ письмомъ, въ которомъ Максиміліанъ просилъ царя дозволить Кремеру вымѣнять мягкой рухляди на его товары; въ 1575 г пріѣзжалъ другой купецъ.

Іоанна сердило то, что въ такое важное время, когда въ Польшѣ совершалась новая перемѣна, отъ цесаря являются одни гонцы и купцы, наконецъ въ декабрѣ 1575 г. явились и великіе послы: Іоаннъ Кобенцель и Даніилъ Принцъ. Послы просили, чтобы Іоаннъ содѣйствовалъ избранію эрцгерцога Эрнеста въ короли польскіе и великіе князья литовскіе, и чтобы оставить въ покоѣ Ливонію. Касательно Ливоніи послы говорили: «О Ливоніи цесарь велѣлъ намъ только помянуть, а много о ней не велѣлъ говорить; проситъ только, чтобы государь вашъ не велѣлъ воевать Ливоніи до пріѣзда другихъ большихъ пословъ императорскихъ, князей удѣльныхъ и великихъ людей».

И такъ римскій императоръ, по письму ревельцевъ, просилъ Іоанна, но не очень усердно: велѣлъ только помянуть. Царь велѣлъ отвѣчать посламъ на ихъ рѣчи, а относительно Ливоніи велѣлъ сказать (см. Соловьева VI, 340): «Ливонская земля изначала была наша вотчина и нашимъ прародителямъ ливонскіе нѣмцы дань давали; да, забывъ правду, отъ насъ отступили, и потому надъ ними такъ и сталось: ливонской землѣ и курской (Курляндія) всей быть къ нашему государству; да и потому ливонской землѣ надобно быть за нами, что мы уже посадили въ ней королемъ голдовника (подручника, вассала) своего, Магнуса: такъ братъ бы нашъ дражайшій, Максимиліанъ цесарь, въ ливонскую землю не вступался и этимъ бы намъ любовь свою показалъ; а мы ливонской земли достаемъ и впредь хотимъ искать».

Переговоры эти происходили, когда вопросъ о польскомъ королѣ уже былъ рѣшенъ избраніемъ Стефана Баторія. Царь, видя, что въ Польшѣ сдѣлалось не такъ какъ онъ желалъ, рѣшился покончить съ Ливоніею и сталъ готовиться къ большому походу, который и состоялся, но уже въ 1577 году, какъ то и изложено ниже.

110. Рюгенъ взятъ у русскихъ, 1575 г.

Тою же осенью 1575 г войско рижскаго архіепископства вмѣстѣ съ войскомъ герцога курляндскаго хотѣли отнять у русскихъ замки Гельмеде, Эрмисъ, Рюгенъ и Пуркель; однако кромѣ Рюгена (Руена) не взяли ни одного.

111. Русскіе въ Гапсалѣ, въ Викѣ и на Эзелѣ, 1576 г.

Въ январѣ 1576 г въ Ливонію прибыло войско русскихъ и татаръ въ 6,000 человѣкъ; 27-го января они напали на Викъ и взяли и заняли замки и крѣпости Лоде, Леаль и Фикель, сданные имъ немедленно предательски и безо всякой нужды. Затѣмъ они двинулись съ немногими орудіями къ Гапсалю и только стали передъ этимъ городомъ, не дѣлая окоповъ и не стрѣляя. Какъ только они подошли, 9-го февраля, то находившіеся въ замкѣ дворяне изъ Вика, бюргеры, начальники (офицеры) и кнехты немедленно завели переговоры съ русскими и 12-го февраля сдали московиту превосходную крѣпость Гапсаль безъ всякой нужды; а въ замкѣ томъ не было ни малѣйшаго недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и людяхъ, и имъ совсѣмъ нечего бы было бояться осады, еслибы они только немного подумали о сопротивленіи. И такъ московитъ добылъ упомянутые замки въ Викѣ вмѣстѣ со всей землей. Когда же вслѣдъ за тѣмъ они стали жалѣть о такомъ позорѣ и также когда въ нихъ заговорила совѣсть, то никто не хотѣлъ признавать себя виновнымъ. бюргеры вмѣстѣ съ воинами складывали вину на викскихъ дворянъ, бывшихъ съ ними въ Гапсалѣ и другихъ замкахъ, а дворяне въ свою очередь складывали вину на воиновъ и бюргеровъ.

Когда же русскіе вступили въ замокъ, то многіе изъ гапсальскихъ юнкеровъ (помѣщиковъ, дворянъ) были въ очень веселомъ

настроеніи, у одного изъ нихъ сидѣли на колѣняхъ двѣ дѣвушки изъ дворянокъ и онъ забавлялся съ ними. Русскіе не могли вдоволь надивиться такой безпечности и сказали Гинрику Боусману, гофъюнкеру герцога Магнуса, также видѣвшему это: «Гинрикъ, что вы нѣмцы за странные люди однако! Еслибы мы, русскіе, такъ легкомысленно сдали такой замокъ, то не смѣли бы поднять глазъ передъ честными людьми, а великій князь нашъ не зналъ бы, какую и смерть придумать намъ; а нѣмцы въ Гапсалѣ не только прямо смотрятъ въ глаза, а еще играютъ съ дѣвушками, точно и въ самомъ дѣлѣ поступили какъ слѣдовало». На это Гинрикъ Боусманъ не нашелся что отвѣтить, такъ какъ самъ видѣлъ это собственными глазами.

Когда былъ взятъ Гапсаль, князь Юрій Токмаковъ, главный начальникъ московитовъ, умеръ въ одной банѣ въ томъ мѣстечкѣ; этотъ князь не хотѣлъ, чтобы его нога была въ замкѣ Гапсалѣ. Въ то же время русскіе и татары были также и на Эзелѣ, гдѣ опустошили всю страну до Шворверъ-Орта и многихъ бѣдныхъ жителей увели въ плѣнъ въ Москву и Татарію.

Послѣ завоеванія замковъ Гапсаля, Лоде, Леаля и Фикеля вмѣстѣ съ всѣмъ Викомъ, нѣкоторые изъ дворянъ этихъ мѣстъ остались у русскихъ въ Викѣ, многіе отправились къ великому князю въ Москву и снова служили ему совѣтомъ и дѣломъ противъ Ливоніи, потому что изъ за легкомысленной сдачи упомянутыхъ замковъ они не смѣли явиться ни на Эзель, ни въ Ревель.

112. Какъ шведы теряютъ Падисъ, 1576 г.

И вотъ когда московитъ овладѣлъ всѣмъ Викомъ, то вторгся также и въ часть короля шведскаго въ Ливоніи, и 18-го февраля осадилъ замокъ Падисъ. Не обводя замокъ окопами, московитъ обстрѣливалъ его одинъ день изъ нѣсколькихъ полевыхъ орудій. 20-го февраля гауптманъ (комендантъ) Гансъ фонъ Ольденбургъ немедля долго сдалъ ему замокъ. И такъ московитъ взялъ упомянутые замки со всѣми принадлежащими къ нимъ землями и людьми съ ничтожнымъ войскомъ и безъ всякихъ усилій, внушая только страхъ. Въ то же время, когда земли вокругъ Ревеля были такъ часто опустошаемы и разоряемы, бѣдные крестьяне, за недостаткомъ быковъ и лошадей, запрягали въ сани коровъ, которыя еще уцѣлѣли, и возили изъ города и въ городъ Ревель всѣ нужные припасы.

Послѣ потери замка Гапсаля Клаусъ фонъ Унгернъ, намѣстникъ въ Аренсбургѣ, сильно разсердился на всѣхъ бывшихъ въ Викѣ, и жестоко преслѣдовалъ ихъ.

113. Несчастіе шведовъ у Падиса, 1576 г.

29-го апрѣля шведы осадили замокъ Падисъ, обвели его окопами и стали обстрѣливать. Прострѣлявши тамъ до Вознесенія и съ малыми силами нѣсколько разъ дѣлавъ приступы, они со стыдомъ и позоромъ ни съ чѣмъ возвратились домой, потому что нечего было больше грабить въ окрестностяхъ и маркитанты не хотѣли больше привозить пива, такъ какъ у солдатъ не было больше никакихъ награбленныхъ вещей, чтобы заплатить ими за пиво.

114. Бой съ русскими у Ревеля, 1576 г.

Въ то время какъ шведы осаждали Падисъ, русскіе въ Виттенштейнѣ снарядились и пришли къ Ревелю въ надеждѣ захватить весь городской скотъ, такъ какъ всѣ военные люди ушли изъ города къ Падису Когда же они захватили большую часть скота на пастбищѣ недалеко отъ города и хотѣли угнать его, то бюргеры, гезели, домашніе слуги и юнги (ученики мастеровыхъ) наскоро снарядились и снова отняли у русскихъ добычу съ большой славой и увели нѣсколько прекрасныхъ русскихъ валлаховъ (лошадей), съ которыхъ стрѣляли русскіе.

115. На Гапсаль нападаютъ изъ Аренсбурга. Злосчастная кончина госпожи фонъ Рингенъ, 1576 г.

Въ то время, когда шведы стояли у Падиса, Клаусъ фонъ Унгернъ напалъ изъ Аренсбурга на Гапсаль, чтобы застать врасплохъ какъ русскихъ, такъ и вѣроломныхъ нѣмцевъ, ставшихъ на сторону московита; нѣсколькихъ изъ нихъ онъ взялъ въ плѣнъ и отослалъ въ Данію. Немного спустя послѣ того какъ Клаусъ фонъ Унгернъ отступилъ отъ Гапсаля, госпожа фонъ Рингенъ умерла въ такой бѣдности въ Гапсалѣ, что у нея не нашлось простыни, чтобы завернуть тѣло. Даже покрывало, положенное на ея гробъ, русскіе хотѣли сорвать съ большими насмѣшками и поруганіями. Эта женщина была въ старое доброе время богатая и знатная дама въ замкѣ и велѣла сдѣлать своей дочери такое пышное платье изъ золота и жемчуга, что всѣ въ Ливоніи только и говорили и разсказывали о немъ.

116. Посольство Максимиліана II, 1576 г.

30-го мая послы императора Максимиліана II, прибывшіе изъ Москвы, писали изъ Риги ревельцамъ, что они всѣми силами старались въ Москвѣ добиться мира для города Ревеля, однако безуспѣшно. Но наконецъ московитъ будто бы заявилъ, что пока ревельцы будутъ спокойны, то и онъ не начнетъ войны.

Прим. перев. Послы эти были Кобенцель и Принцъ, о которыхъ упомянуто выше (см. стр. 246). Они не очень усердно просили о ливонцахъ и московитъ вовсе не дѣлалъ никакого заявленія, какъ сказано здѣсь у Рюссова. Напротивъ, царь, отправляя къ цесарю въ отвѣтъ на послѣднее посольство князя Захара Ив. Сугорскаго, прибывшаго въ Вѣну 16-го іюля 1576 г., приказывалъ сказать цесарю: «Государю ни за что такъ не стоять, какъ за свою вотчину, лифляндскую землю».

Императоръ Максиміліанъ II умеръ 12-го октября 1576 г., и князь Сугорскій 15-го декабря прибылъ въ Перновъ, и отсюда возвратился въ Москву 3-го января 1577 г.

117 Какъ русскій прельщалъ ревельцевъ, 1576 г.

Въ то время, какъ московитъ хорошо зналъ о тяжкой нуждѣ и стѣсненіи ревельцевъ, онъ все таки не покидалъ своей старой привычки дѣйствовать ласковыми приманками. Для этого онъ отправилъ съ нѣсколькими стами лошадей въ Виттенштейнъ сына одного ревельскаго ратмана Гинрика Геллинкгузена, бѣжавшаго изъ Ревеля изъ за одного убійства и потому искавшаго утѣшенія у московита, чтобы онъ убѣдилъ свой родной городъ смириться передъ великимъ княземъ московскимъ. Когда Гинрикъ Геллингузенъ прибылъ въ Виттенштейнъ, то 10-го іюня 1576 г написалъ ревельскому магистрату слѣдующее:

«При всемъ моемъ доброжелательствѣ не могу скрыть, что я предпринялъ это путешествіе по порученію благороднаго и строгаго господина Андрея Солкала (Щелкалова), канцлера (дьяка) великаго князя, во славу и хвалу Божію, и ради высокой чести великаго князя и царя всея Россіи, и на пользу моего роднаго города, для того чтобы тайно сообщить вамъ предложеніе царя всея Россіи, выгодное для васъ и для короля шведскаго, если только вы повѣрите мнѣ недостойному Да будетъ вамъ извѣстно, что царь всея Россіи ничего не требуетъ отъ васъ кромѣ смиренія, о чемъ вы узнаете также изъ имѣющихся при мнѣ грамотъ за печатями. Но если же, чего Боже сохрани, вы этого не пожелаете, то вамъ предстоитъ полнѣйшее разрушеніе вашего города мечемъ и огнемъ, такъ что ни одинъ младенецъ въ колыбели не будетъ оставленъ въ живыхъ и для примѣра всего мира царь сдѣлаетъ это разрушеніе подобнымъ разрушенію Іерусалима. Эти и еще другія вещи, не подобающія довѣрять перу, но весьма важныя для всего города, я долженъ передать вамъ отъ царя всея Россіи, безъ всякаго лукавства, клянусь Богомъ, спасающимъ тѣло мое и душу Потому что царь всея Россіи соизволилъ наградить меня тремя стами коней, съ которыми я и долженъ явиться къ Ревелю. Поэтому прошу теперь христіанскаго безопаснаго конвоя (провожатыхъ)»

Гинрикъ Геллинкгузенъ тайно писалъ это не только магистрату, но и нѣкоторымъ бюргерамъ, которыхъ онъ считалъ своими

друзьями. Но какъ магистратъ и бюргеры смѣкнули, что это только новые козни и происки, то не повѣрили ему, и не дали провожатыхъ,

118. Русскіе у самаго Ревеля, 1576 г.

22-го іюня болѣе 5000 русскихъ и татаръ пришли изъ Виттенштейна къ Ревелю и угнали весь скотъ съ Лакесберга. Тогда нѣмецкіе гофлейты, числомъ около ста всадниковъ, и городскіе ландскнехты вмѣстѣ съ нѣсколькими бюргерами и слугами наскоро вооружились, и въ четырехъ миляхъ отъ города нагнали непріятеля, отбили у него скотъ, причемъ нѣсколькихъ татаръ и русскихъ убили и нѣсколькихъ взяли въ плѣнъ.

119. Шведы у Риги, 1576 г.

11-го іюля военные корабли короля шведскаго подошли къ Ригѣ и враждебно зажгли здѣсь у Двины нѣсколько домовъ, по той причинѣ, что король шведскій имѣлъ притязаніе на рижанъ за нѣсколько должныхъ ему вещей, и рижане на счетъ ихъ не условились и не уладили дѣла съ королемъ. Наконецъ они сговорились. Тогда рижане дали сто ластовъ ржи и должны были доставить ее въ замокъ Ревель.

Прим. перев. Все это касается до Риги и до южной Ливоніи, отошедшей съ 1561 г. къ Польшѣ, за время администраторства Кетлера и Ходкѣвича, будетъ изложено въ другой лѣтописи.

120. Бой ревельцевъ съ русскими. Дѣла крестьянъ, 1576 г.

Весь іюль мѣсяцъ русскіе и татары грабили отъ Виттенштейна и Падиса до Ревеля, часто нападали врасплохъ на бюргерскихъ коней, слугъ и служанокъ, ѣздившихъ за сѣномъ, а изъ подъ Ревеля увели въ плѣнъ много бѣдныхъ крестьянъ съ ихъ женами и дѣтьми. Въ то время у бюргеровъ и крестьянъ былъ великій плачь и рыданіе.

26-го іюля шведы, конные и пѣшіе, по мѣрѣ возможности снарядились, и отправились въ походъ, чтобы отомстить за такой позоръ русскимъ и татарамъ, и пошли по дорогѣ къ Виттенштейну, чтобы застать въ расплохъ татаръ. Въ то же время 50 батраковъ (ненѣмцевъ) тайно отправились въ походъ ночью, когда ни кто ихъ не видѣлъ и пошли другой дорогой; между ними было не болѣе 16-ти человѣкъ, у которыхъ были длинныя ружья. Когда же татары у Падиса замѣтили, что шведы подходятъ, то бѣжали отъ нихъ, очень кстати для батраковъ, ничего не знавшихъ о татарахъ, какъ и татары ничего не знали о нихъ. Батраки днемъ не осмѣливались подходить къ татарамъ, такъ какъ были слишкомъ слабы, но прятались по кустамъ и болотамъ и усердно высматривали, гдѣ татары

расположатся на ночь. Когда же татары для безопасности отъ нѣмцевъ и шведовъ разбили свой лагерь вдоль глубокаго ручья у деревни Оррендалль, легли тутъ спать и пустили своихъ коней пастись, то вышеупомянутые ненѣмцы (батраки-эстонцы) ночью напали на нихъ со своими ружьями и каждый изъ нихъ кричалъ по нѣмецки такъ громко, какъ только могъ. Татары были въ полной увѣренности, что это все нѣмцы и шведы, побѣжали поэтому черезъ чащи и болота и оставили имъ много лошадей и вооруженія. Тогда батраки взяли болѣе 80 лошадей и тотчасъ же помчались съ ними къ Ревелю и удовольствовались этимъ, потому что у большей части изъ нихъ никогда не бывало ни одной лошади. А если бы батраковъ было побольше и если бы они были похрабрѣе и рѣшительнѣе, то могли бы увести оттуда всѣхъ татарскихъ коней, которыхъ было болѣе 400. Послѣ того многіе нѣмцы не захотѣли уступить этимъ ненѣмцамъ они тѣмъ же родомъ отправились въ походъ, шли по чащамъ и болотамъ, точно также напали врасплохъ на русскихъ и увели у нихъ всѣхъ ихъ лошадей.

Такъ какъ русскіе и татары неустанно свирѣпствовали и неистовствовали въ Іервенѣ, Гарріенѣ и у Ревеля и многихъ уводили въ плѣнъ, а часто и днемъ, и ночью дѣлали сильную тревогу передъ Ревелемъ, такъ что въ городѣ этомъ постоянно били въ набатъ, и многіе крестьяне изъ всѣхъ деревень спасались со своими домочадцами ограбленные до нага, такъ что всѣ сады, сараи и углы были переполнены крестьянами и большая бѣдность и голодъ стали тѣснить ихъ, то шведское начальство въ ревельскомъ замкѣ нашло цѣлесообразнымъ позволить крестьянамъ брать добычу повсемѣстно въ земляхъ, занятыхъ русскими въ Ливоніи *). Ихъ начальникомъ былъ избранъ Иво Шенкенбергъ, монетный подмастерье, который съ крестьянами скоро снарядился и привезъ въ Ревель большую добычу со многими плѣнными русскими. Такъ какъ этотъ замыселъ удался и крестьяне пріободрились, то они со всѣмъ усердіемъ стали продолжать начатое дѣло.

Послѣ того многіе нѣмцы тѣмъ же путемъ отправились также въ походъ, и пошли по дорогѣ въ Вирландъ черезъ чащи и болота и нашли тамъ 40 русскихъ, спавшихъ въ лагерѣ, между которыми были также и знатные бояре. Когда нѣмцы подошли совсѣмъ близко, они повскакивали и въ рубашкахъ побѣжали въ кусты, оставивъ непріятелямъ всѣхъ своихъ лошадей и богатыя шубы. Потому что они были такъ увѣрены въ безопасности, что раздѣлись до рубашекъ и улеглись спать. Тогда нѣмцы взяли ихъ шубы, оружіе и лошадей, сѣли на нихъ и выѣхали въ Ревель, будто въ самомъ дѣлѣ были московитами.

---

*) Т. е. грабить своихъ же земляковъ. Прим. перев.

Наконецъ 60 городскихъ ландскнехтовъ отважились пройти до Вика и въ Фикслѣ поискать своего счастья, тутъ они захватили большое стадо скота, быковъ и коровъ, и гнали ихъ передъ собой до Раггеля, гдѣ встрѣтили болѣе 400 русскихъ и татаръ, которые хотѣли отнять у нихъ скотъ и бросились на нѣмецкихъ кнехтовъ. Но и нѣмцы стали храбро биться, достигли одного забора и изъ за него застрѣлили много русскихъ и защищали за заборомъ какъ самихъ себя, такъ и свою добычу Но какъ 400 русскихъ ничего не могли сдѣлать открытою силою 60 нѣмцамъ, то они и стали уговаривать этихъ кнехтовъ къ отступленію черезъ своего нѣмецкаго толмача, съ обѣщаніемъ большихъ милостей, а также и съ великими угрозами, но ничего не помогло. Кнехты невредимо ушли оттуда со своей добычей, за исключеніемъ одного кнехта, котораго стрѣла немного ранила въ руку, но не лишила жизни.

Затѣмъ также и крестьяне, носильщики, и всякая челядь изъ домашнихъ слугъ и батраковъ собрались съ разрѣшенія начальства подъ нѣсколько знаменъ, и по нѣмецкому обычаю назначили у себя предводителей, прапорщиковъ и другихъ начальниковъ; такимъ образомъ они часто вторгались въ землю русскихъ, одинъ отрядъ здѣсь, другой тамъ, поджидали русскихъ въ чащахъ и болотахъ, грабили ихъ имущества, часто приводили плѣнныхъ и такъ напугали русскихъ и татаръ, что они даже не осмѣливались выглянуть изъ своихъ замковъ. Такъ то они терпѣли позоръ отъ крестьянъ и нѣсколькихъ рабовъ.

121. Объ Амботенѣ, 1576 г.

Этимъ лѣтомъ 1576 года трое дворянъ напали неожиданно на замокъ Амботенъ въ Курляндіи, принадлежавшій герцогу Магнусу гольштейнскому, во время отсутствія намѣстника (коменданта), и заняли замокъ, добывши себѣ пропускъ тѣмъ, что выдали себя за друзей и родныхъ жены намѣстника. Когда же ихъ впустили въ замокъ, то они бросились въ ворота и занимали ихъ, пока не подошелъ ихъ аріергардъ, состоявшій изъ литовцевъ и не вошелъ въ замокъ. Этотъ замокъ снова завоевалъ Карлъ Сцойе, пильтенскій намѣстникъ, и велѣлъ повѣсить этихъ трехъ дворянъ на стѣнѣ.

122. Глубокій снѣгъ, 1576 г.

Въ 1576 году, въ четвергъ передъ Мартыновымъ днемъ, выпалъ необыкновенный и неслыханно глубокій снѣгъ въ Ревелѣ и на нѣсколько миль вокругъ города, такъ что многіе люди изъ деревень, желавшіе попасть въ Ревель, погибали на дорогѣ въ большомъ снѣгу Точно также и много бѣдныхъ крестьянокъ, несшихъ своихъ новорожденныхъ дѣтей крестить въ городъ, погибли и замерзли въ снѣгу

вмѣстѣ съ дѣтьми. А многіе, услышавъ о такихъ несчастіяхъ, побросали на дорогѣ свои сани, нагруженныя всякими припасами, и благодарили Бога, что благополучно выбрались съ одними лошадьми. И никто въ тѣ дни не могъ никуда ни идти, ни ѣхать, одинъ сосѣдъ не могъ пробраться къ другому, а бюргеры, уѣхавшіе куда либо въ деревню, нѣсколько дней не могли попасть домой, многіе же должны были оставаться на дорогѣ со своими быками и телѣгами.

123. Лемзаль пріобрѣтается для герцога Магнуса, 1576 г.

Около того же времени гофлейты герцога Магнуса ночью напали врасплохъ на замокъ Лемзаль; такія нападенія и грабежи считались въ это время въ Ливоніи наилучшими рыцарскими играми.

124. О буряхъ, 1576 г.

Въ 1576-мъ году, всю осень до новаго года, свирѣпствовали такіе ужасные вѣтры и бури на морѣ, о какихъ до сихъ поръ не слыхивалъ и какихъ не переживалъ ни одинъ человѣкъ. Въ Ревелѣ ни одинъ человѣкъ не могъ запомнить, чтобы когда либо бурею опрокидывало и срывало колокольни и больверкъ въ гавани, какъ въ этомъ году И ни въ одномъ году не разбилось около Ревеля за одну осень столько кораблей и судовъ съ полнымъ грузомъ, какъ въ упомянутое время. Подобное же происходнло и во многихъ мѣстахъ.

125. Краткое описаніе того, что произошло въ 1577-мъ году въ Ревелѣ, во время второй московитской осады.

Послѣ того какъ ревельцы осенью получили вѣрное извѣстіе *) о томъ, что московитъ зимой осадитъ Ревель со всѣмъ своимъ войскомъ, то нѣкоторое время они находились въ страхѣ. Къ тому же на раздумье наводили ихъ различныя непріятности, которымъ они подвергались всю прошлую осень. Во первыхъ, 2000 кнехтовъ, которые должны были придти изъ Финляндіи на помощь къ городу Ревелю, не могли явиться по случаю постоянной сильной непогоды. Во вторыхъ, 120 кнехтовъ и стрѣлковъ, которыхъ ревельцы велѣли нанять въ Любекѣ, также не могли явиться по случаю непогоды. Въ третьихъ, нѣсколько кораблей короля шведскаго, нагруженнымъ съѣстными припасами, и порохомъ, во время бури остались со всѣмъ грузомъ въ шведскихъ шкерахъ и только одинъ изъ этихъ кораблей, нагруженный различными съѣстными припасами, прибылъ въ Ревель; когда же къ вечеру онъ сталъ за больверкомъ, то въ ту же ночь

*) Извѣстіе было совершенно вѣрное: въ сентябрѣ 1576 года приговорилъ государь съ сыномъ своимъ и съ бояры послати воеводъ подъ Колывань... Сбиратися всѣмъ людемъ московскія земли и новгородскія и татаромъ въ Новгородѣ за недѣлю до Рождества (см. Карамзина IX, прим. 453).

сѣлъ на мель и былъ разбитъ въ куски, такъ что ревельцы ие попользовались рѣшительно ничѣмъ. Въ четвертыхъ ревельцы въ собраніи ганзейскихъ городовъ въ Любекѣ получили обѣщаніе отъ данцигскихъ властей, что послѣдніе помогутъ имъ деньгами, хлѣбомъ и войскомъ. Чтобы получить изъ Данцига обѣщанные припасы, ревельцы снарядили корабль и отправили его. Но когда моряки прибыли туда, то нашли данцигцевъ пораженными той же язвой, что и Ревель, ибо данцигцы завели войну со своимъ новымъ государемъ, королемъ польскимъ, и подобно Ревелю ожидали осады *). Поэтому одинъ больной не могъ прійти на помощь къ другому и подать тому руку Въ пятыхъ, большою бурею снесло больверкъ въ ревельской гавани, о чемъ до сихъ поръ никто не слыхивалъ. Въ шестыхъ, не задолго передъ осадой двое измѣнниковъ, а именно Дидерикъ Мунцардъ, сынъ одного дерптскаго кузнеца, и Гансъ Кокъ, родомъ изъ Оверпалена, которые долгое время были гофлейтами и знали всѣ обстоятельства города, перебѣжали къ московиту и передали ему всѣ свѣдѣнія о Ревелѣ. Хотя все это были дурныя предзнаменованія, однако, ревельцы не сомнѣвались въ милосердіи и помощи Господа, единственнаго помощника въ нуждѣ, и единственнаго справедливо носящаго это названіе. А если бы ревельцы получили всѣ упомянутыя средства для своего спасенія изъ вышеупомянутыхъ мѣстъ, то можетъ быть вполнѣ положились бы на нихъ, и увѣренные въ безопасности совсѣмъ бы забыли про якорь христіанина, а именно искреннюю молитву къ Всемогущему Богу Поэтому Богъ не допустилъ ихъ получить всѣ эти средства, для того чтобы они узнали, что Онъ одинъ есть истинный помощникъ во всякой нуждѣ. Всемогущій Господь на самомъ дѣлѣ не оставилъ ревельцевъ своей очевидной помощью.

А такъ какъ непріятель хотѣлъ притти непремѣнно, то было очень странно, что онъ такъ долго медлилъ въ такую суровую зиму, которая была бы ему очень съ руки. Наконецъ онъ въ самомъ дѣлѣ сдержалъ слово и 22-го января, къ ночи, съ сильнымъ войскомъ прибылъ въ Гегелехтъ, въ трехъ миляхъ отъ Ревеля. Въ девять часовъ

---

*) Стефанъ Баторій, избранный королемъ шляхтою 14-го декабря 1575 г. быстрымъ движеніемъ предупредилъ медленнаго Максимиліана, избраннаго королемъ польскими вельможами за два дня предъ тѣмъ, и короновался въ Краковѣ 1-го мая 1576 г. Литва и Пруссія, державшіяся Максимиліана, должны были признать королемъ Стефана. Гданскъ, однако, упорно стоялъ за Максимиліана. Мы видѣли (см. выше стр. 163), что въ послѣдніе годы царствованія Сигизмунда-Августа польское правительство не было расположено къ гданчанамъ, имѣвшимъ многіе поводы думать, что и новый король не сдѣлаетъ для нихъ ничего хорошаго, потому объявили, что не признаютъ Стефана королемъ, пока не будутъ подтверждены ихъ права. Подтвержденія не было, потому гданчане стали нападать на сѣжныя съ ихъ городомъ шляхетскія земли, разорять католическія церкви. Баторій вынужденъ былъ осадить Гданскъ. Осада затянулась и лишь въ концѣ 1577 г. гданчане покорились Баторію, присягнувъ ему на довольно выгодныхъ для себя условіяхъ.

Волненіе противниковъ Баторія въ Польшѣ и Литвѣ, непріятности на сеймѣ и наконецъ, осада Гданска, заставляли Баторія весь 1576 и 1577 г. не разрывать съ Москвою до поры до времени. Прим. перев.

вечера пришли лазутчики и принесли вѣрное извѣстіе, что московитъ явился со всѣмъ своимъ войскомъ. Тогда двое бургомистровъ, именно господинъ Фредерикъ Зандштеде и господинъ Дидерикъ Корфмахеръ тотчасъ же отправились на рынокъ и велѣли объявить всѣмъ жителямъ Ревеля, что пришелъ непріятель, и чтобы каждый хорошенько стерегъ свои вещи.

На слѣдующій день, 23-го января, въ среду передъ обѣдомъ, видно было, какъ московитъ шелъ со своимъ войскомъ у каменной горы, и шествіе его продолжалось весь день до темной ночи. Въ этотъ день русскіе не захотѣли биться, да и ревельцамъ весь день было также некогда затрогивать ихъ; имъ достаточно было дѣла вырубать загородные сады и ломать сараи.

Тогда непріятели прежде всего раскинули у Ревеля 4 лагеря. Первый лагерь былъ у верхней мельницы, на горѣ и во рвахъ, второй на каменной горѣ въ каменистыхъ оврагахъ, вдоль всей горы, третій лагерь у водянаго дома въ песчаныхъ горахъ; четвертый лагерь былъ татарскій вдоль Іервекульскаго озера, на протяженіи доброй четверти мили.

Затѣмъ когда городъ былъ окруженъ окопами, то стрѣльцы раскинули пятый лагерь выше и ниже Тенніесберга (горы св. Антонія) въ обоихъ окопахъ; а за горой вдоль всего склона, по направленію къ Шварценбеке, также стояло нѣсколько тысячъ конныхъ русскихъ, которые вмѣстѣ со стрѣльцами должны были сторожить оба окопа и орудія. Когда же войско московита расположилось у Ревеля, то во всемъ городѣ не было видно ни одного отчаявающагося или печальнаго лица, но всѣ были веселы и бодры, и каждому казалось, что съ его груди снятъ камень.

Когда же непріятель уже четвертый день не начиналъ схватокъ и невозможно было узнать намѣренія московита, то ревельцы 2-го января со всѣмъ своимъ войскомъ сдѣлали вылазку для развѣдокъ и смѣло зашли до госпиталя св. Іоанна въ песчаныхъ горахъ. Русскіе не хотѣли подходить къ нимъ, а въ полномъ боевомъ порядкѣ густыми рядами ждали, чтобы ревельцы зашли еще дальше; тогда они хотѣли окружить и уничтожить ихъ. Но по особенному соизволенію Божію, русскіе слишкомъ рано выстрѣлили изъ нѣсколькихъ полевыхъ орудій, почему ревельцы были принуждены отступить въ городъ. При этомъ былъ убитъ только одинъ шведскій ландскнехтъ, то была единственная потеря въ этотъ день и вообще первая. Но если бы русскіе были храбрые воины и тысяча человѣкъ изъ нихъ отважились бы броситься дружно на ревельцевъ и заградить имъ путь, что имъ было бы легко сдѣлать, такъ какъ тѣ отошли довольно далеко отъ города, то въ этотъ день они завладѣли бы большой половиной города Ревеля. Но у русскихъ не хватило мужества, а также и Господь ослѣпилъ ихъ.

Того же 26-го января, къ ночи, русскіе начали строить окопы на горѣ св. Тенніеса, а слѣдующаго 27-го января, рано утромъ въ воскресенье, открыли огонь по городу изъ картаунóвъ и шланговъ (осадныхъ орудій), и во время проповѣди (обѣдни) въ приходской церкви св. Николая, выстрѣлили въ эту церковь желѣзнымъ ядромъ въ 52 фунта. И хотя церковь была переполнена бюргерами и подмастерьями, женщинами и дѣвушками, молодыми и старыми, и хотя это ядро черезъ окно церкви попало прямо въ народъ, однако оно не ранило ни одного человѣка, кромѣ одного молодаго бюргера по имени Ганса фонъ Маллена, который былъ раненъ въ руку камнемъ отъ того окна, черезъ которое влетѣло ядро. Послѣ этого проповѣдь (богослуженіе) была перенесена изъ приходской церкви св. Николая въ церковь Св. Духа, но и эта церковь выдержала много опасностей и искушеній отъ большихъ ядеръ, летѣвшихъ въ нее во время всѣхъ проповѣдей, а также ежедневно и днемъ и ночью.

Того же 27-го января русскіе зажгли новый осиенный домъ огненными (раскаленными) ядрами, сожгли половину крыши и стропилъ этого дома; другую половину отстояли жители. Этой бѣды не случилось бы, если бы въ домѣ томъ не было сѣна и его хорошенько стерегли. Но трудно себѣ представить, что за крики и что за ликованіе было у русскихъ и какая страшная пальба продолжалась, пока горѣлъ домъ.

28-го января, въ восемь часовъ вечера, русскіе придвинулись ближе къ городу, устроивъ свои окопы не далеко отъ известковой печи замка и построивъ большіе блокгаузы; тогда въ городѣ поднялась большая тревога, ибо всѣ были увѣрены, что непріятель идетъ на приступъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Когда же утихла эта тревога, тогда небольшой отрядъ шведскихъ кнехтовъ совершилъ рыцарскій подвигъ. Они сдѣлали вылазку къ русскимъ въ окопы и блокгаузы, очень многихъ убили и взяли въ плѣнъ одного московитскаго предводителя, что было очень важно для развѣдываній. Плѣннаго привезли въ городъ раненымъ и онъ показалъ слѣдующее: Во первыхъ, передъ Ревелемъ стоитъ войско великаго князя московскаго, изъ русскихъ и татаръ, всего въ 50000 человѣкъ. Во вторыхъ, что при войскѣ нѣтъ самаго великаго князя, а лишь его знатнѣйшіе князья и воеводы во первыхъ князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, молодой человѣкъ, при немъ состоитъ лейтенантомъ Иванъ Васильевичъ Селиметинъ (Шереметевъ) Кольцовъ, лучшій воинъ московита, обѣщавшій великому князю или взять городъ Ревель или не явиться живымъ передъ его лицомъ; третьимъ (воеводою) былъ князь Дмитрій Андреевичъ Шорлетовъ (Курлятевъ), четвертымъ князь Никита Примка (Пріимковъ-Ростовскій), назначенный начальникомъ артиллеріи. Въ третьихъ, плѣнный показалъ, что великій князь придетъ на Благовѣщенье съ большимъ войскомъ. Въ четвертыхъ, что у Ревеля стоитъ большая часть артиллеріи и орудій великаго князя, и кромѣ

того двѣ тысячи бочекъ пороху, который русскіе намѣрены весь употребить и съ нимъ попытать счастія у Ревеля. Въ пятыхъ, что русскіе всѣ отчаиваются въ Ревелѣ и говорятъ, что это не Полоцкъ или Парновъ. Въ шестыхъ, что оба измѣнника посовѣтовали русскимъ построить окопы у горы св. Теніеса, гдѣ городъ слабѣе всего. Больше же онъ ничего не зналъ, такъ какъ не шелъ съ ними изъ Москвы, а только за три дня прибылъ въ лагерь изъ Падиса.

Въ началѣ осады непріятель остановилъ воду около водянаго дома и устроилъ бойню въ водяномъ домѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ вода стекала въ городъ, чтобы у ревельцевъ не было въ городѣ чистой воды. Въ Ревелѣ, однако, не было недостатка въ водѣ; не было также ни малѣйшей нужды въ какихъ съѣстныхъ припасахъ и провіантѣ: всѣмъ этимъ городъ былъ достаточно снабженъ на цѣлый годъ. Кромѣ того городъ былъ хорошо снабженъ вѣрными и богобоязливыми правителями и ратманами. Господинъ Гинрикъ Клаусенъ, рыцарь изъ Канкаса, старый опытный воинъ герой, и его сынъ Карлъ Гинриксенъ, были въ то время губернаторами и правителями въ замкѣ; они ничего не упускали дѣлать, что подобаетъ честнымъ, богобоязливымъ губернаторамъ. Для примѣра, а также ради губернаторскихъ заботъ они не пили вина и пива, лишали себя сна, сами очень усердно и днемъ и ночью стояли на часахъ, а по ихъ примѣру точно также должны были поступать всѣ гофлейты, начальники и простые ландскнехты. Упомянутые господа часто сами направляли на непріятелей большія орудія съ великой для себя опасностью и стрѣляли изъ нихъ, такъ что бюргеры ворчали на это и говорили, что губернаторы ужъ черезъ чуръ смѣлы; потому что если одинъ изъ нихъ будетъ убитъ, то это для всего города было бы большею потерею, чѣмъ гибель сотни другихъ. Но упомянутые господа не обращали на это вниманія: они повсюду усердно дѣйствовали сами. Точно также поступалъ и достопочтенный магистратъ города Ревеля.

Затѣмъ названные губернаторы укрѣпили всѣ замковые валы и башни блокгаузами и снабдили ихъ, какъ и другіе верки, такою прекрасною королевскою артиллеріею изъ цѣльныхъ и половинныхъ картауновъ, шланговъ и осадныхъ орудій, что всѣ люди въ Ревелѣ удивлялись тому и радовались. никто въ городѣ до сихъ поръ не зналъ и не предполагалъ, чтобы въ ревельскомъ замкѣ могла быть такая королевская артиллерія. Кромѣ того всѣ валы, рондели, башни и передовыя укрѣпленія города были въ такомъ изобиліи снабжены пушками и таранами, что нѣкоторыя изъ нихъ во все время осады ни разу не были употреблены въ дѣло. И хотя у московита было много орудій передъ Ревелемъ, однако въ городѣ и въ замкѣ Ревелѣ было орудій въ пять разъ больше.

А такъ какъ передъ тѣмъ слышали, что московитъ намѣренъ устрашить городъ Ревель огнемъ, подобно Полоцку, то губернаторы и

достопочтенный магистратъ приняли мѣры противъ пожаровъ. Вопервыхъ, они объявили всѣмъ бюргерамъ и жителямъ города, чтобы всякій, подъ страхомъ большаго наказанія, снялъ съ чердаковъ всѣ дрова, сѣно и солому и все, что легко можетъ быть охвачено огнемъ, сложилъ бы все это въ погребахъ и сводчатыхъ подвалахъ, а также чтобы днемъ и ночью каждый стерегъ свой домъ. Во вторыхъ, во все время осады конная стража постоянно должна была разъѣзжать по городу и замѣчать, куда падаютъ каленыя ядра, тотчасъ же ѣхать туда и звать людей, чтобы сходились и тушили огонь. Въ третьихъ, достопочтенный магистратъ за небольшое жалованье нанялъ отрядъ гарріенскихъ крестьянъ, числомъ болѣе 400, неустрашимыхъ молодцевъ, большею частью стрѣлковъ. Начальникомъ этихъ крестьянъ былъ Иво Шенкенбергъ, сынъ одного монетчика въ Ревелѣ, храбрый, мужественный молодой человѣкъ, устроившій свое крестьянское войско по нѣмецкому образцу и обычаю. Этимъ крестьянамъ, вмѣстѣ съ нѣмецкими и шведскими ландскнехтами, не надо было ничего лучшаго, какъ день и ночь схватываться съ русскими, при чемъ они часто оказывались побѣдителями. Поэтому многіе этаго Иво Шенкенберга прозвали Аннибаломъ, а его крестьянъ аннибаловыми людьми. Этого Аннибала и его людей особенно не любили и ненавидѣли русскіе. Тому же аннибалову отряду было поручено наблюдать за огненными ядрами, съ тѣмъ условіемъ, что они и день и ночь будутъ усердно стоять на часахъ; и когда кто либо принесетъ военному начальнику города огненное ядро, то всякій разъ будетъ получать 3 марки, т. е. орту золота (четверть талера); если же они замѣтятъ огненное ядро упавшимъ на домъ бюргера, гдѣ нѣтъ стражи на чердакѣ, то немедленно должны войти въ домъ этого бюргера, затушить огненное ядро или же выбросить его на улицу черезъ люкъ. За то бюргеръ, у котораго не было стражи, долженъ былъ во всякое время немедленно выдать имъ полъ талера, quia spe commodi movetur omnes. Тогда молодцы очень развеселились, и гонялись за огненными ядрами денно и ночно, подобно тому какъ мальчики гоняются за камешками на улицахъ, такъ что многіе печальные могли развеселиться и смѣяться, глядя на нихъ. Въ четвертыхъ, у каждаго на чердакѣ должны были быть на готовѣ мокрыя воловьи шкуры, котлы и лоханки, наполненныя навозомъ, чтобы тотчасъ же тушить огненные ядра, такъ какъ вода мало помогала отъ нихъ. Кромѣ того всѣ чердаки въ Ревелѣ были плотно выложены широкими каменными плитами и покрыты толстымъ слоемъ земли, такъ что если бы на чердакъ и попало огненное ядро, то потолокъ не могъ легко прогорѣть.

Вслѣдствіе такой осторожности начальства и усердной стражи, а также и вслѣдствіе привычки, на огненные ядра стали обращать не больше вниманія, какъ на летящую птицу

Что касается до каменныхъ ядеръ, то они также не могли причинить особеннаго вреда, такъ какъ почти всѣ дома въ Ревелѣ были съ тремя чердаками, и каждый чердакъ отдѣлялся отъ другаго толстыми бревнами и весь былъ выложенъ каменными плитами и покрытъ толстымъ слоемъ земли. Если ядро пробивалось въ одинъ чердакъ, то еще оставались невредимыми два другихъ. Поэтому бюргеры въ своихъ комнатахъ нисколько не опасались ядеръ. Какой же вредъ причинили ядра, о томъ будетъ вкратцѣ сказано ниже.

1-го февраля русскіе совершенно опустошили прекрасный монастырь Маріепдаль, ордена св. Бригитты; алтари низвергли и изъ самыхъ большихъ камней понадѣлали много каменныхъ ядеръ, сняли прекрасную крышу и стропила и увезли ихъ въ лагерь. Въ то же время они разрушили висѣлицу для воровъ, стоявшую передъ Ревелемъ, повырывали бревна и увезли ихъ въ лагерь.

3-го февраля, къ ночи, Лаврентій фонъ Колленъ, гауптманъ шведскихъ кнехтовъ, по слишкомъ большой отважности, въ пьяномъ видѣ, самъ-пятьдесятъ, безъ совѣта и согласія губернаторовъ, пѣшій сдѣлалъ вылазку въ шанцы русскихъ, убилъ нѣсколькихъ изъ нихъ, и привезъ одну пушку изъ шанцевъ въ замокъ Ревель, но при этомъ ему самому такъ досталось, что онъ на другой день умеръ. Этою вылазкою никто не былъ доволенъ. Въ городѣ затѣивали нѣчто другое противъ русскихъ въ окопахъ, а этимъ только помѣшали, ибо русскіе стали лучше стеречь свои окопы. Послѣ этого ревельцы ждали, что теперь непріятель пойдетъ на приступъ, къ которому они хорошо приготовились; если же съ Божьей помощью имъ удалось бы отбить одинъ приступъ или даже нѣсколько, тогда они посмотрѣли, кому достались бы орудія въ окопахъ.

Того же 3-го февраля одинъ старый и знатный дворянинъ, лишившійся жены и взявшій вмѣсто нея наложницу, праздновалъ крестины у своей наложницы, на которыхъ другіе гости изъ дворянъ, по старому обычаю, такъ пьянствовали и безчинствовали, что поранили другъ друга. Точно также въ эту осаду справлялось нѣсколько дворянскихъ и бюргерскихъ свадебъ.

5-го февраля нѣсколько русскихъ подошли къ городу вести переговоры. Но ревельцы ни за что не хотѣли слушать ихъ, а ландскнехты приняли ихъ за лазутчиковъ и стали стрѣлять въ нихъ. Тогда они поскакали назадъ въ такомъ страхѣ, что одинъ изъ нихъ уронилъ бархатный киверъ, подбитый черной лисицей, и уѣхалъ съ голой головой. Этотъ киверъ поднялъ одинъ ландскнехтъ и привезъ въ городъ.

6-го февраля къ ночи непріятель построилъ еще одинъ шанецъ, подъ высокимъ ронделемъ предъ кузнечными воротами у горы св. Тенніеса, со стогами сѣна и турами. Но на слѣдующій день ревельскіе кнехты вмѣстѣ съ отрядомъ крестьянъ сдѣлали вылазку, выбили

русскихъ изъ этого шанца, зажгли сѣно дегтярными вѣнками и сожгли его. При этомъ изъ ревельцевъ было убито только двое крестьянъ, и немногіе кнехты и крестьяне были ранены; но русскихъ убитыхъ въ окопахъ и застрѣленныхъ изъ большихъ орудій изъ замка и изъ города было не мало. Тогда же были убиты однимъ выстрѣломъ изъ верхняго шанца московита трое ревельцевъ, стоявшихъ на валу и смотрѣвшихъ на битву; одинъ изъ нихъ былъ портной и жительствующій бюргеръ въ Ревелѣ, другой былъ молодой человѣкъ, сынъ одного ревельскаго ратмана, а третій стрѣлокъ. На слѣдующую ночь русскій снова занялъ шанецъ, застроилъ его блокгаузами и укрѣпилъ сильнѣе прежняго.

8-го февраля ревельскія власти послали нѣсколькихъ рыбаковъ ловить рыбу въ гавани, на порядочномъ разстояніи отъ города, въ насмѣшку русскимъ, чтобы выманить ихъ изъ лагеря: если бы они подошли, то за больверкомъ и за кораблями были разставлены стрѣлки, которые должны были встрѣтить ихъ. Но русскіе не захотѣли подойти, такъ какъ догадались объ замыслѣ.

12-го февраля, ночью, изъ русскаго лагеря прибѣжала къ ревельскому замку плѣнная шведская женщина; когда ее впустили, она прежде всего разсказала, что отрядъ татаръ былъ въ Финляндіи; татары увели оттуда въ лагерь у Ревеля много плѣнныхъ людей, старыхъ и молодыхъ, и многихъ малыхъ дѣтей побросали на льду на морѣ и тамъ оставили ихъ, для всѣхъ благочестивыхъ сердецъ это было прискорбное извѣстіе. Послѣ того прибѣжало еще нѣсколько человѣкъ, закованныхъ въ кандалы, которые также подтвердили это злое извѣстіе *).

Городъ Ревель почти весь былъ окруженъ валами, высокими ронделями, двойными рвами, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ укрѣпленъ двойными валами, такъ что снаружи орудія не могли повредить ни одной стѣны, кромѣ стѣны у Маршталъсберга, передъ которой было еще 2 толстыхъ мантельмаура и рвы, и такъ какъ русскимъ нельзя было стрѣлять въ нее прямо, а только съ боку, то онъ и не пробилъ въ ней ни однаго отверстія. Ревельцы же просили у Бога только одного, чтобы непріятель пошелъ на приступъ, потому что тогда онъ долженъ былъ бы зайти между городомъ, замкомъ и соборомъ, а тогда они такъ окружили бы его со всѣхъ сторонъ, что онъ не зналъ бы, какъ выбраться. Но какъ онъ почуялъ о бѣдѣ, то и не пошелъ на приступъ, и не послушался также совѣта двухъ измѣнниковъ.

Послѣ того какъ московитъ страшно стрѣлялъ и ничего не могъ сдѣлать ни одному валу, ни одной стѣнѣ, то мало по малу прекра-

*) Князь Мстиславскій, не смотря на заключенное двухъ-лѣтнее перемиріе (см. выше, стр. 241) съ Финляндіею, посылалъ татарскую конницу опустошать эту страну.

тилъ постоянную пальбу, а только изрѣдка пускалъ большія бомбы въ городъ, въ соборъ и замокъ, въ башни и валы, съ которыхъ терпѣлъ потери, и безостановочно, и днемъ и ночью, не жалѣлъ ни огненныхъ, ни каменныхъ ядеръ. Поэтому губернаторы и магистратъ города заключили, что у московита должно быть задуманы другіе планы и замыслы, что онъ вѣроятно намѣренъ подкопаться подъ городъ и взорвать какой нибудь валъ или башню, поэтому губернаторы и магистратъ употребили не мало трудовъ для устройства контръ-минъ. Но такъ какъ никто не зналъ на вѣрное подкапывается ли русскій на самомъ дѣлѣ и въ какомъ мѣстѣ и что именно онъ замышляетъ, то очень старались получить какія нибудь извѣстія. Тогда губернаторы, между прочимъ, обѣщали нѣмецкимъ и ненѣмецкимъ воинамъ дать бархатныя и простыя платья, если они возьмутъ плѣннаго; поэтому всѣ воины, шведы, нѣмцы и ненѣмцы, неутомимо день и ночь съ большой опасностью старались о томъ, но не могли поймать ни одного; тогда печаль ихъ еще больше усилилась. Когда же изчезла почти всякая надежда получить вѣрное извѣстіе, то Господь Богъ чудесно устроилъ такъ, что 14-го февраля знатный татарскій дворянинъ, по имени Булатъ-Мурза, самъ восемь со своими слугами уѣхалъ отъ русскихъ и въ три часа утра прибылъ къ Ревелю къ большимъ морскимъ воротамъ и попросилъ, чтобы его впустили въ городъ; его немедленно приняли съ его слугами. А такъ какъ они принесли всѣ извѣстія, о которыхъ такъ долго безпокоились, то въ городѣ была большая радость и ликованіе. Тогда ревельцы снова ободрились и навѣрное могли заключить, что всѣ русскіе и татары въ лагерѣ отчаялись во взятіи города и отказались отъ него. Потому что еслибы эти татары слышали, что въ лагерѣ еще есть надежда взять городъ Ревель, то навѣрное не уѣхали бы отъ русскихъ, не бѣжали бы къ ревельцамъ и добровольно не стали бы ихъ плѣнниками.

Извѣстія, доставленныя этими перебѣжавшими татарами, послѣ многократныхъ допросовъ, состояли въ слѣдующемъ. Во 1) что лейтенантъ главнаго полководца и знатнѣйшій воинъ Иванъ Васильевичъ Селиметинъ (Шереметевъ) Кольцовъ убитъ ядромъ изъ города; послѣ раны онъ жилъ еще три дня, а потомъ тѣло его съ торжественной процессіей было отправлено въ Москву; онъ обѣщалъ великому князю или взять городъ Ревель или не явиться живымъ передъ его лицо *). 2) Что ревельцы уже застрѣлили болѣе 1000 русскихъ, убивая иногда однимъ выстрѣломъ отъ 30 до 40 человѣкъ. 3) Что много русскихъ уже тайно убѣжало изъ лагеря. 4) Что русскіе очень опасаются, чтобы ревельцы когда нибудь не взяли ихъ орудій изъ окоповъ. 5) Что 1200 татаръ въ Финляндіи причинили убытки и

*) Тѣло Ив. В. Шереметева — Меньшова было отправлено въ Москву вмѣстѣ съ добычею и плѣнными эстонскими и финляндскими.

при этомъ ихъ самихъ утонуло около 500 человѣкъ. 6) Что прибытіе великаго князя только басня, чтобы только напугать какъ русскихъ, такъ и ревельцевъ. 7) Что русскіе въ шанцахъ начали подкапываться, но неизвѣстно какъ далеко они подконались. Такъ какъ эти татары прибыли въ Ревель друзьями, то ихъ вездѣ пускали ходить со стражей, губернаторы завели ихъ также въ королевскую крѣпость ревельскаго замка, гдѣ татары открыли такія замыслы непріятеля насчетъ отступленія, которыми нельзя было пренебрегать.

16-го февраля ревельцы сдѣлали вылазку къ мосту св. Іоанна съ немногими людьми и сильно схватились со многими русскими. При этомъ было убито нѣсколько русскихъ, изъ нихъ троихъ притащили мертвыми въ городъ и сняли съ нихъ богатыя куньи шубы. Одинъ знатный бояринъ былъ также взятъ въ плѣнъ и живымъ привезенъ въ городъ. Показанія этого боярина согласовались со словами татаръ, потому татарамъ стали вѣрить еще больше.

17-го февраля, въ воскресенье Эстоміи, рано утромъ русскій началъ стрѣлять страшнымъ образомъ и изъ большаго числа орудій, чѣмъ до сихъ поръ, все только для того, чтобы внушить страхъ и чтобы показать, что только теперь онъ намѣренъ повести дѣло не на шутку Вслѣдъ затѣмъ 18-го февраля къ ревельцамъ были посланы двое знатныхъ бояръ вмѣстѣ съ нѣмецкимъ толмачемъ Виллемъ Пеппелеромъ, съ письмами отъ великаго князя; эти письма губернаторы и бургомистры, господинъ Фредерикъ Зандштеде и господинъ Дидерикъ Корфмахеръ, приняли у глиняныхъ воротъ. Кромѣ того бояре и толмачъ просили провожатыхъ для пословъ великаго князя, прибывшихъ изъ Москвы и имѣвшихъ устныя порученія къ городу Ревелю. Упомянутый нѣмецкій толмачь былъ разряженъ въ пышное платье, какъ бы для приманки остальнымъ нѣмцамъ. Но посламъ отказали въ провожатыхъ, а на письма отвѣтили такимъ образомъ, что русскіе остались очень недовольны и за это довольно жестоко отплатили ужасной стрѣльбой каменными и огненными ядрами.

Когда же непріятель увидѣлъ, что ничего не можетъ подѣлать съ городомъ стрѣльбой, ядрами и огненными шарами, то вздумалъ испытать свое мужество у городской башни, называемой Кикъ-инъ-де-Кекенъ (Kyk in de Kökeп — загляни-ка въ кухню); подобной башни не было по всему Остзейскому краю, поэтому и непріятели претерпѣвали здѣсь часто величайшій позоръ и убытокъ. А такъ какъ передъ упомянутой башней стоялъ высокій рондель, то ему нужно было прицѣливаться въ башню на высокое разстояніе отъ земли. И хотя онъ долгое время, день и ночь, стрѣлялъ въ нее изъ осадныхъ пушекъ, однако всей этой стрѣльбой онъ ничего не достигъ, исключая того, что сдѣлалъ на одной сторонѣ проломъ, черезъ который могли пройти рядомъ двое быковъ, и убилъ управляющаго башнею, Ганса Шульте, сапожника. Это былъ самый большой убытокъ, который

онъ на этотъ разъ причинилъ городу Ревелю своими 2000 бочками пороху 1-го марта, рано утромъ, каменное ядро убило одного крестьянина и одну крестьянку съ двумя дѣтьми, всѣхъ однимъ разомъ въ банѣ на монастырскомъ дворѣ; это была самая большая потеря отъ ядра въ то время.

7-го марта 40 кнехтовъ и нѣсколько гофлейтовъ были посланы сдѣлать вылазку, чтобы выманить большія толпы русскихъ въ окопы и въ поле для удобнѣйшей стрѣльбы по нимъ. А на всѣхъ башняхъ, валахъ и ронделяхъ стояли уже наготовѣ стрѣлки и стрѣляли изъ большихъ орудій, такъ что весело было смотрѣть какъ они падали и колебались.

8-го марта, ночью, русскіе сожгли корабли въ гавани; диво, что они такъ долго не трогали ихъ; безъ сомнѣнія они хотѣли, чтобы всѣ видѣли расположеніе русскихъ къ городу Но все это были одни козни и коварства.

9-го марта ревельцы, и изъ замка и изъ города, всего съ 400 пѣшими людьми и 100 всадниками, сдѣлали вылазку, чтобы взять приступомъ нижніе шанцы, они скоро взяли ѳти шанцы; убили въ нихъ много русскихъ, а шестерыхъ привезли плѣнными въ городъ. Но и ревельцы по неосторожности потерпѣли значительный уронъ. Потому что причина этой вылазки была только та, чтобы взять нѣсколькихъ русскихъ и получить отъ нихъ извѣстія. Поэтому раньше было рѣшено, что если будетъ взято одинъ или нѣсколько плѣнныхъ, то ихъ сейчасъ везти въ городъ, а когда плѣнные будутъ уже въ городѣ, то трубачъ немедленно долженъ затрубить изъ города; тогда всякій снова долженъ возвращаться въ крѣпость.

Когда же они напали на шанцы, то каждый всѣми силами старался взять плѣннаго. Потому что тому, кто возьметъ плѣннаго, была назначена награда въ 50 марокъ. Тогда при самомъ же началѣ было взято шесть человѣкъ плѣнныхъ и каждый поспѣшилъ со своимъ плѣнникомъ въ городъ; когда же они вошли въ городъ, то трубачъ сейчасъ же началъ трубить, почему они почти всѣ и возвратились въ крѣпость. Но Клаусъ Гольсте, городской гауптманъ, съ Аннибаломъ и нѣкоторыи другими увидѣли, что убито много русскихъ, а остальные обратились въ бѣгство и что теперь шанцы принадлежатъ имъ, они потому не обратили вниманія на сигналъ трубача, но хотѣли преслѣдовать непріятеля дальше и уничтожить шанцы, вполнѣ увѣренные, что и другіе сдѣлаютъ точно тоже. Но когда упомянутый гауптманъ съ немногими оставшимися съ нимъ обернулся, то всѣ остальные уже уѣхали въ городъ. А русскіе, бѣжавшіе въ глубокій ровъ, вырытый ими подъ землей къ городу, увидя, что ревельцы ушли, за исключеніемъ немногихъ, толпами повылѣзли изо рва, котораго нисколько не остерегся гауптманъ, осилили и убили упомянутаго городскаго начальника съ немногими другими; въ этой стычкѣ

ревельцы потеряли ландскнехтовъ, добровольцевъ и людей Аннибала, всего около 30 человѣкъ. Пока происходила эта стычка, со всѣхъ ревельскихъ башенъ и валовъ стрѣляли изъ орудій по русскимъ, находившимся въ верхнихъ шанцахъ; русскіе не осмѣливались даже подумать хоть разъ пустить ядро или стрѣлять, потому ревельцамъ тѣмъ удобнѣе было распоряжаться по своему произволу въ нижнихъ шанцахъ.

И хотя всякій жалѣлъ о добрыхъ молодцахъ и ратникахъ, а въ особенности о честномъ мужѣ, гауптманѣ, однако добрая вѣсть, полученная отъ плѣнныхъ русскихъ, снова развеселила весь городъ. Ихъ единогласное показаніе было слѣдующее: Во первыхъ, что въ лагерѣ уже полученъ приказъ великаго князя отступить; 2) что 3000 бояръ (т. е. боярскихъ дѣтей, ратниковъ) уже ушло со своими людьми; 3) кромѣ того нѣсколько самыхъ большихъ орудій уже вывезено изъ шанцевъ; 4) что мастера, которые должны были устроить подкопы подъ городъ, ушли уже пять дней тому назадъ со всѣми своими инструментами; 5) что на слѣдующую ночь вывезутся изъ шанцевъ всѣ орудія, а въ среду русскіе снимутся съ лагеря и уйдутъ всѣ до послѣдняго; 6) что уже болѣе 3000 русскихъ застрѣлено изъ замка и изъ города и убито въ схваткахъ. Но сколько народу погибло въ послѣдней схваткѣ, этого они точно не могли знать. Впослѣдствіи въ Ревелѣ достовѣрно узнали, что въ то время погибло 330 человѣкъ русскихъ.

Одинъ изъ этихъ русскихъ плѣнныхъ зналъ подробно объ артиллеріи и орудіяхъ московита, стоявшихъ у Ревеля.

Во первыхъ, у русскихъ было три орудія, изъ которыхъ стрѣляли ядрами въ 52 и 55 фунтовъ.

Затѣмъ было 6 орудій, изъ которыхъ пускали 30 фунтовыя, 25 и 20 фунтовыя ядра.

Кромѣ того тамъ было 4 тарана, которыми бросали каменныя массы въ 225 фунтовъ. Эти тараны мало употреблялись, потому что изъ за высокихъ валовъ и ронделей нельзя было прицѣливаться изъ нихъ по городу

Еще было 15 орудій, изъ которыхъ стрѣляли ядрами въ 6, 7 и 12 фунтовъ. Для каждаго орудія было приготовлено по 700 ядеръ; но употреблены ли они всѣ, этого онъ не зналъ.

Было тамъ еще пять орудій, стрѣлявшіе еще меньшими ядрами.

Кромѣ того тамъ еще были: во первыхъ, двѣ большія мортиры, изъ которыхъ, подобно таранамъ, стрѣляли каменными массами, вѣсомъ въ 225 фунтовъ; для этихъ двухъ мортиръ и 4 таранов было приготовлено 2000 каменныхъ ядеръ; изъ двухъ мортиръ одна при выстрѣлѣ разорвалась на куски передъ замкомъ, точно также разрывались и многія другія орудія.

Кромѣ того было еще пять мортиръ, изъ которыхъ стрѣляли меньшими каменными ядрами; для нихъ было приготовлено 1500 ядеръ, кромѣ сдѣланныхъ въ лагерѣ.

Наконецъ, было тамъ также 6 мортиръ, изъ которыхъ стрѣляли раскаленными ядрами, такихъ ядеръ было 2,500. Всѣ ли они уже употреблены въ дѣло, этого онъ не зналъ.

11-го марта, ночью, лагерь на горѣ св. Тенніеса и подъ горой снялся въ обоихъ шанцахъ и съ орудіями двинулся къ лагерю у верхней мельницы. Тогда была великая радость въ городѣ и всѣ въ то утро бѣжали въ шанцы и увидѣли тамъ такія страсти, что волосъ становился дыбомъ. Потому что тамъ нашли половинки тѣлъ, руки и ноги, кисти рукъ и ступни тѣхъ, которые были убиты изъ замка при отступленіи. Тамъ нашли также 10 мертвыхъ тѣлъ ревельскихъ кнехтовъ и крестьянъ, замученныхъ до смерти и раздѣтыхъ до нага. Въ верхнихъ шанцахъ насчитали 23 блокгауза и 500 туровъ, а въ нижнихъ 12 блокгаузовъ и 126 туровъ, наполненныхъ землею. При этомъ увидѣли также два ужасно глубокихъ рва, одинъ на горѣ за передними блокгаузами, вырытый по направленію къ высокому городскому ронделю; эти рвы были до 40 саженъ длины. Въ тотъ же день, несмотря на строгое запрещеніе начальства, много молодыхъ кнехтовъ, бюргерскихъ дѣтей и крестьянъ слишкомъ далеко отважились итти за русскими, почему около 20 изъ нихъ было убито, ранено и взято въ плѣнъ.

13-го марта, въ среду, непріятель вездѣ зажегъ свои лагери, и всѣ ушли, пробывши цѣлыхъ 7 недѣль у Ревеля, и 6 недѣль денно и ночно, безустанно бросая въ городъ каменныя и раскаленныя ядра въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ. Какъ первый русскій показался здѣсь въ среду до обѣда, точно также въ среду же до обѣда ушелъ послѣдній русскій. И какъ русскій началъ пальбу у Ревеля въ воскресенье, точно также и въ воскресенье прекратилъ ее; и ему, благодареніе Господу, не посчастливилось у Ревеля, хотя онъ пустилъ въ ходъ всю свою силу, искусство, коварства, замыслы и лукавыя козни, которыми онъ взялъ Смоленскъ, Казань, Полоцкъ и другія мѣста.

Что касается до потерь, причиненныхъ московитомъ Ревелю, то слава Богу, они не особенно велики. Потому что своими большими орудіями онъ не нанесъ вреда ревельскимъ валамъ, стѣнамъ и башнямъ, за исключеніемъ единственнаго пролома, сдѣланнаго въ Кикъ-инъ-де-Кекенѣ, и убилъ на валахъ и въ башняхъ около 40 человѣкъ кнехтовъ, подмастерьевъ, стрѣлковъ и батраковъ, между которыми было только двое бюргеровъ, одинъ портной и одинъ сапожникъ.

Каменными ядрами онъ убилъ 20 человѣкъ бѣдныхъ крестьянъ, женщинъ и дѣтей въ баняхъ и крестьянскихъ хатахъ, построенныхъ

крестьянами въ городѣ, но не убилъ ни одного бюргера или бюргерскаго ребенка, женщины или дѣвушки или какой нибудь знатной особы, хотя они смѣло ходили по улицамъ и въ церкви.

И его многочисленные раскаленныя ядра также не принесли вреда, кромѣ того, что ими на половину сожжена крыша новаго оспеннаго дома, и еслибы подъ крышею тамъ не было сѣна, то московиту во всю осаду не удалось бы причинить ни однаго пожара своими огненными ядрами.

Что же касается до потерь, понесенныхъ во всѣхъ схваткахъ, то ревельцы потеряли не болѣе 50 человѣкъ, а Иванъ Васильевичъ Селиметинъ (Шереметевъ) достаточно поплатился за нихъ нѣсколькими тысячами русскихъ и татаръ. И хотя онъ повредилъ нѣсколько церковныхъ и домовыхъ крышъ своими каменными и раскаленными ядрами, однако городъ Ревель получилъ за то такъ много желѣза въ большихъ и малыхъ ядрахъ, что въ избыткѣ былъ вознагражденъ за свои потери.

126. Моръ въ Ревелѣ, 1577 г.

И поелику несчастіе никогда не приходитъ одно, то и на этотъ разъ оно сопровождалось и другимъ, потому что къ осадѣ присоединилось другое несчастіе, именно тяжкая болѣзнь и грудная чума, отъ которой умерло въ Ревелѣ очень много сильныхъ, молодыхъ и старыхъ людей, бюргеровъ, гезелей, женщинъ и дѣвушекъ и всякаго народу. Эта чума началась постомъ, тотчасъ послѣ отступленія московита, и продолжалась все лѣто до Петра и Павла.

127 Набѣги на русскихъ, 1577 г.

Послѣ отступленія московита, въ апрѣлѣ, всѣмъ воинамъ, гофлейтамъ, бюргерамъ, крестьянамъ и всѣмъ батракамъ въ Ревелѣ было разрѣшено итти опустошать русскія земли въ Ливоніи. Тогда въ походъ отправились вмѣстѣ съ другими даже нищіе съ улицъ, хромые и калѣки, которые не могли ходить, и даже безногіе, которыхъ сажали и снимали съ лошадей; они безъ устали опустошали земли Викъ, Іервенъ, Вирландъ, весь дерптскій округъ и вообще всѣ эстонскія земли *), они уводили страшно много скота, нѣсколько тысячъ головъ, привозили въ Ревель очень много всякаго движимаго имущества и продавали его за ничтожную сумму денегъ; все лѣто въ Ревель пригоняли столько скота, что никто больше не могъ, да и не хотѣлъ покупать его.

*) Т. е. грабили свои же земли и разоряли своихъ же земляковъ. Прим. перев.

Въ то же время они также часто уводили у русскихъ ихъ коней съ пастбищъ, а также часто брали ихъ скотъ со дворовъ и домовъ русскихъ въ Эстоніи, и убивали и брали въ плѣнъ много русскихъ, которыхъ находили во дворахъ и деревняхъ, и которые выходили изъ замковъ биться съ ними и отнимать у нихъ добычу Тогда же отрядъ нѣмцевъ и ненѣмцевъ пошелъ за 20 миль къ Парнову; они ограбили въ старомъ Парновѣ русскихъ и нѣмцевъ, присягнувшихъ московиту, и плѣнными привезли ихъ въ Ревель. Затѣмъ нѣмецкіе гофлейты, ландскнехты и крестьяне двинулись къ Виттенштейну, осадили мѣстечко у замка, окруженное заборомъ изъ толстыхъ крѣпкихъ бревенъ, укрѣпленное блокгаузами и орудіями, взяли мѣстечко и зажгли, сожгли и убили въ немъ много русскихъ, старыхъ и молодыхъ, и увезли оттуда большую добычу

Затѣмъ нѣсколько отрядовъ крестьянъ снова пошло къ Везенбергу, Лаису, Гапсалю, Лоде и Леалю, чтобы отбивать скотъ и лошадей около упомянутыхъ замковъ. При этомъ они сожгли почти всѣ передовыя укрѣпленія передъ упомянутыми замками и увели болѣе 600 головъ быковъ, коровъ и лошадей изъ рва леальскаго замка, не обращая вниманія на то, что русскіе съ вала стрѣляли въ нихъ и бросали камнями. Тогда многіе изъ нихъ собрались по пяти, по десяти, большими или меньшими партіями, брали съ собою съѣстныхъ припасовъ на нѣсколько дней и недѣль, и прятались по далекимъ узкимъ тропинкамъ, подъ мостами, въ чащахъ и кустахъ, гдѣ должны были проѣзжать русскіе, и такимъ образомъ день и ночь стерегли ихъ и нападали врасплохъ на многихъ знатныхъ бояръ и простыхъ русскихъ, убивали и брали ихъ въ плѣнъ, и такъ напугали русскихъ по всей Эстоніи, что тѣ не осмѣливались никуда выѣзжать изъ своихъ замковъ и точно осажденные или плѣнные должны были оставаться въ своихъ замкахъ. Если же русскіе по необходимымъ дѣламъ должны были ѣхать куда нибудь, то не осмѣливались ѣхать по обыкновеннымъ или большимъ дорогамъ, но окольными путями дѣлали большіе объѣзды, и несмотря на то, проѣзжая по какому нибудь мосту или чащѣ, опасались, не стоятъ ли гдѣ нибудь въ засадѣ люди Аннибала со своими длинными ружьями и не стерегутъ ли ихъ. Такъ крестьяне безпрестанно тревожили русскихъ, заставляя не умолкать ихъ штурмовые колокола (набатъ), точно такъ какъ передъ тѣмъ русскіе поступали подъ Ревелемъ.

Крестьяне съ ихъ сыновьями и батраками, которые лишились своего скота и хлѣба, не придумали ничего лучшаго, какъ стать на сторону грабителей и вмѣстѣ съ ними грабить остальныхъ крестьянъ, у которыхъ еще было кое-что. Тогда по всей Эстоніи былъ такой грабежъ, горе, бѣдность, плачъ и рыданіе, что невозможно описать. А крестьянамъ было удобнѣе грабить, чѣмъ нѣмецкимъ гофлейтамъ и ландскнектамъ, потому что они родились и выросли въ этихъ мѣстахъ,

знали всѣ уголки земли и крестьянъ, всѣ тайныя тропинки черезъ луга, пустыри, чащи и болота. Многіе изъ нихъ жили между русскими и служили имъ и знали, гдѣ обыкновенно русскіе держали свой скотъ и лошадей, такъ что часто, въ сообщничествѣ своихъ друзей и родныхъ, они брали наибольшую добычу и плѣнныхъ русскихъ. По этому поводу изъ за добычи между нѣмецкими гофлейтами и ненѣмецкими крестьянами возникла ненависть и вражда, и можно было опасаться, что нѣмцы обойдутся съ этими крестьянами точно также, какъ съ шотландцами у Везенберга.

128. Герцогъ Магнусъ и Христіанъ Шрепферъ, 1577 г.

Тѣмъ же лѣтомъ 1577 г герцогъ Магнусъ гольштейнскій поѣхалъ къ великому князю. Многіе тогда снова надѣялись, что эта поѣздка принесетъ пользу Ливоніи. Но скоро они потеряли эту вѣру, когда собственный священникъ герцога, его духовникъ, главный совѣтникъ и суперинтендентъ, Христіанъ Шрепферъ, приведшій своего господина къ московиту, теперь самъ отказался отъ него. Каждый былъ того мнѣнія, что еслибы Шрепферъ могъ надѣяться получить что либо отъ московита землями, людьми или другими богатствами, то онъ остался бы при герцогѣ. Поэтому всѣ усомнились въ герцогѣ, хотя впослѣдствіи и говорили, что онъ послалъ Шрепфера съ тайнымъ порученіемъ къ герцогу курляндскому

Прим. перев. Герцогъ Магнусъ, хоть и былъ объявленъ ливонскимъ королемъ, но получилъ въ 1573 г. отъ Іоанна въ удѣлъ на свое кормленіе очень немного: замокъ Каркусъ и до 1000 душъ крестьянъ (см. выше, стр. 222). Герцогу Магнусу этаго, конечно, было очень мало, и онъ рѣшился обратиться къ королю польскому. Тайное порученіе, данное Шрепферу къ герцогу курляндскому именно и состояло въ томъ, чтобы завязать сношенія съ королемъ Стефаномъ.

Съ выборомъ въ польскіе короли Стефана Баторія, съ его прибытіемъ и коронованіемъ 1-го мая 1476 г., Іоаннъ рѣшился такъ или иначе покончить съ Ливоніею. Войско, столь неудачно осаждавшее Ревель зимою 1577 г. было только частью главныхъ силъ, собиравшихся со всѣхъ новгородскихъ и московскихъ земель и городовъ къ Вознесеньеву дню во Псковѣ.

Въ первыхъ числахъ іюня 1577 г. царь пріѣхалъ въ Новгородъ и отсюда 15-го іюня выѣхалъ во Псковъ, гдѣ пробылъ болѣе мѣсяца, устраивая войско къ походу. Татары мещерскіе, казанскіе и ногайскіе должны были также присоединиться къ войску. Герцогъ Магнусъ поѣхалъ въ Псковъ для свиданія съ царемъ въ іюлѣ, и получилъ отъ него приказъ со своими гофлейтами итти на Венденъ.

129. Большой походъ Іоанна на Ливонію, 1577 г.

Тѣмъ же лѣтомъ, скоро послѣ отступленія отъ Ревеля, московитъ снова собралъ въ Псковѣ и отправилъ въ походъ свое сильнѣйшее войско. При этомъ получилось вѣрное извѣстіе, что великій князь самъ лично со своимъ старшимъ сыномъ прибылъ въ Псковъ

и вмѣстѣ съ другими шелъ въ походъ. Тогда со всѣхъ сторонъ предупреждали ревельцевъ, чтобы они остерегались; говорили, что великій князь, сильно разгнѣванный, снова хочетъ осадить ихъ и самъ лично хочетъ попытать счастія у города Ревеля. Эти сборы московита и предостереженія добрыхъ друзей снова причинили ревельцамъ много горя и печали. И хотя они были неустрашимы, но все таки призадумывались, ибо каково выдержать двѣ продолжительныя и трудныя осады въ одномъ году Всѣ были убѣждены, что большой походъ будетъ направленъ прямо къ Ревелю; поэтому рижане изъ состраданія послали къ ревельцамъ ржи, пороху и другихъ припасовъ и были вполнѣ увѣрены, что только на долю ревельцевъ выпадетъ несчастіе. Но не успѣли эти добрые люди опомниться, какъ вся бѣда обрушилась на нихъ съ этимъ же московитскимъ войскомъ, и чего они опасались для города Ревеля, то совершенно неожиданно скоро постигло ихъ самихъ.

Прим. перев. Войско было дѣйствительно многочисленное. Въ большомъ полку находились: князь Симеонъ Бекбулатовичъ (Саинъ-Булатъ), намѣстникъ псковскій князь Ив. Петр. Шуйскій, бояринъ князь Сицкой. Есть свѣдѣніе, что въ этомъ полку числилось болѣе 30,000 войска при 75 орудіяхъ. Сколько считалось войскъ въ правой и лѣвой рукѣ, сколько въ передовомъ и сторожевомъ полкахъ неизвѣстно, но съ корпусомъ, осаждавшимъ Ревель, и съ татарами общая численность войска могла доходить тысячь до 100.

Іоаннъ вступилъ въ польскую Ливонію 25-го іюля 1577 г.

Въ 1577 году, въ іюлѣ, великій князь московскій Иванъ Васильевичъ, вмѣстѣ со своимъ старшимъ сыномъ, съ большимъ войскомъ и многими орудіями вторгся въ польскую Ливонію (бывшее рижское архіепископство), гдѣ не встрѣтилъ никакого сопротивленія. Почти всѣ замки не были готовы къ оборонѣ и не имѣли припасовъ, губернаторъ (администраторъ Ходкѣвичъ) противъ всѣхъ ожиданій не захотѣлъ остаться въ странѣ, начальники значительнѣйшихъ крѣпостей поуходили, такъ какъ нельзя было ниоткуда ждать помощи, а также и народъ во всей землѣ былъ трусливъ и малодушенъ. Тогда великій князь, увидѣвши всю выгоду своего положенія, двинулся сначала къ замку Маріенгузену и тотчасъ же взялъ его, а затѣмъ пошелъ на Люценъ и Розитенъ (Рѣжицу); немного пострѣлялъ у замка Люцена и взялъ его 26-го іюля, а Розитенъ былъ сданъ ему 30-го. Хотя великій князь обѣщалъ всѣмъ дворянамъ и всѣмъ другимъ, бывшимъ тамъ во время осады, свободный пропускъ вмѣстѣ съ ихъ имуществомъ, однако не сдержалъ слова, а увелъ ихъ всѣхъ въ плѣнъ въ Псковъ вмѣстѣ съ ихъ женами, дѣвушками и дѣтьми.

Затѣмъ онъ двинулся дальше къ Дуненборгу (Динабургу), немного пострѣлялъ, и такъ какъ замокъ этотъ былъ плохо снабженъ людьми и не имѣлъ чѣмъ обороняться, то и сдался 11-го августа. Нѣмцы и поляки, бывшіе въ немъ, получили свободный пропускъ.

Прим. перев. Какъ бы для показанія, что Іоаннъ, вступая въ польскую Ливонію, не ведетъ войны съ поляками и Литвою, а лишь добивается получить свою вотчину

Не излишне вспомнить, что Стефанъ Баторій никакъ не желалъ порывать съ Москвою на первыхъ порахъ. и еще въ іюлѣ 1576 г., мѣсяца чрезъ два послѣ коронаціи, послалъ въ Москву Груденскаго и Буховецкаго съ предложеніемъ не нарушать перемирія и прислать опасную грамоту на великихъ пословъ; о томъ же писали и паны радные къ боярамъ. Бояре упрекали пановъ въ томъ, что Баторій не называетъ Іоанна царемъ и великимъ княземъ смоленскимъ и полоцкимъ и землю лифляндскую написалъ въ своемъ титулѣ, но все таки опасную грамоту дали.

Баторій. узнавъ о походѣ Іоанна въ Ливонію, писалъ царю съ упрекомъ, что, пославши опасную грамоту и не объявивши войны, забираетъ у него города. Іоаннъ отвѣчалъ: «Мы съ Божіею волею отчину свою лифляндскую землю очистили, и ты бы свою досаду отложилъ. Тебѣ было въ лифляндскую землю вступаться не пригоже, потому что тебя взяли съ седмиградскаго княжества на корону польскую и на великое княжество литовское, а не на лифляндскую землю; о лифляндской землѣ съ Польшею и Литвою что велось, то дѣлалось до тебя: и тебѣ было тѣхъ дѣлъ, которыя дѣлались до тебя, передъ себя брать не пригоже. Отъ нашего похода въ лифляндскую землю наша опасная грамота не нарушилась; непріязни мы тебѣ никакой не оказали. искали мы своего, а не твоего, литовскаго великаго княжества и литовскихъ людей ничѣмъ не зацѣпили. Такъ ты бы кручину и досаду отложилъ, и пословъ своихъ отправлялъ къ намъ не мѣшкая (см. Соловьева VI, стр. 355).

Баторій отложилъ до времени кручину и послалъ въ Москву воеводу мазовецкаго Станислава Крыйскаго и воеводу минскаго Николая Сапѣгу Послы пріѣхали къ Іоанну въ январѣ 1578 г., когда царь, кончивъ ливонскій походъ, возвратился въ Москву.

Затѣмъ герцогъ Магнусъ написалъ въ замки Крицборгъ, Кокенгузенъ, Ашераде, Ленневартъ, Лемборгъ, Шваненборгъ и во многіе другіе, что если они не желаютъ потерять вмѣстѣ съ отечествомъ женъ и дѣтей, если не желаютъ быть отведенными въ вѣчное рабство то пусть сдаются ему, герцогу Такъ какъ великій князь самъ лично шелъ съ огромнымъ войскомъ, и замкамъ этимъ оставалось единственное средство, которымъ они могли надѣяться спастись, только герцогъ Магнусъ, то они и сдались ему

Въ то же время венденскіе бюргеры возстали противъ поляковъ, взяли силой тамошній замокъ у польскихъ намѣстниковъ и вмѣстѣ съ городомъ передали его герцогу Магнусу

Точно также и вольмарскіе бюргеры вмѣстѣ съ людьми герцога Магнуса взяли силой Вольмаръ, а намѣстника Полубенскаго захватили въ плѣнъ и передали герцогу Магнусу

Къ присвоенію себѣ упомянутыхъ замковъ и крѣпостей, вмѣстѣ съ Кокенгузеномъ, у герцога Магнуса не было никакого позволенія или полномочія отъ московита. Но онъ сдѣлалъ это по той тайной причинѣ, что надѣялся спасти ихъ отъ московита, а потомъ сдать

ихъ королю польскому, о чемъ раньше тайно извѣстилъ короля польскаго и герцога курляндскаго. Но эта тайна была открыта московиту вольмарскимъ намѣстникомъ Полубенскимъ. Хотя московитъ теперь хорошо все зналъ, но не очень досадовалъ, что герцогъ Магнусъ присвоилъ себѣ эти замки и земли, избавивъ его такимъ образомъ отъ труда. Лукавый непріятель думалъ, что замки эти не минуютъ его рукъ, лишь бы не перешли снова въ руки короля польскаго.

Въ то время какъ герцогъ Магнусъ велъ дѣло съ упомянутыми замками, великій князь пошелъ къ Крицборгу, сжегъ его, а пустой замокъ снова укрѣпилъ и занялъ; оттуда пошелъ къ Лаудону, который немедленно былъ сданъ 18-го августа. Затѣмъ онъ двинулся къ Зесвегену, у котораго немного стрѣлялъ, и который былъ сданъ 21-го августа. Лаудонцамъ былъ данъ свободный пропускъ; но въ Зесвегенѣ онъ жестоко обошелся съ бѣдными людьми: нѣкоторыхъ велѣлъ повѣсить, другихъ разрубить на куски, сажать на колъ, сжечь и умертвить еще другими жестокими способами, а большую часть увелъ въ плѣнъ съ женами и дѣтьми.

Прим. перев. Причина жестокаго обхожденія съ Зесвегеномъ объясняется сопротивленіемъ, оказаннымъ здѣсь царскому войску Въ разрядныхъ книгахъ подъ 1577 годомъ сказано, что изъ Динабурга (Навгина) государь по Двинѣ пошелъ къ Ружбору (нынѣ Крейцбургъ) а «нѣмцы побѣжали». А отселѣ къ Левдуну, и нѣмцы встрѣтили государя за 5 верстъ и государь велѣлъ Левдунъ (Лаудонъ) разорити и подъ полаты бочки (пороху) подкатити, а нѣмецъ отступилъ въ Курляндскую землю. А оттоль къ городу Чествину (Зесвегенъ), и Ѳома Бутурлинъ городъ осадилъ и острогъ взялъ и посадъ выжечь нѣмцамъ не далъ, а вылазки были частые, и Ѳома велѣлъ позалѣчи по улицамъ стрѣльцамъ и головамъ съ дѣтьми боярскими, и на вылазкахъ нѣмцевъ и латышей побили многихъ, и государь прислалъ на прибавку воеводу М. Головина и съ грамотою дьяка. И нѣмцы грамоты не послушали, а сидѣлъ въ городѣ нѣмчинъ князь Ивановъ братъ Тубовъ (Таубе), измѣнника государева, Забиріаномъ зовутъ. И въ ночи на третій день прислалъ государь съ нарядомъ легкимъ Б. Бѣльскаго, а станъ государевъ былъ за 5 верстъ, а какъ Ѳома велѣлъ изъ наряду бить, и нѣмцы почали съ города метатися, и Ѳома ихъ къ государю послалъ, а къ свѣту государь прислалъ съ большимъ нарядомъ окольничаго В. Ѳ. Воронцова (начальника артиллеріи большаго полка), и самъ пришелъ. И нѣмцы ворота отворили, а сами съ женами и дѣтьми пошли подъ государеву саблю, на государеву волю, и за ихъ грубость государь велѣлъ ихъ по колью посадити, а инымъ животъ далъ: велѣлъ ихъ распродати татаромъ, а въ городѣ переписати казны.

Изъ Зесвегена великій князь пошелъ дальше къ Барзому (нынѣ Берзонъ) и Кальценову (нынѣ Кальценау), когда же жители этихъ замковъ вмѣстѣ съ другими не ожидали ни откуда никакой помощи, то обратились къ герцогу Магнусу и напрасно надѣялись спастись такимъ образомъ. 22-го августа они сдались великому князю и ушли оттуда съ пустыми руками, спасли только одну жизнь.

Прим. перев. Въ тѣхъ же разрядныхъ книгахъ сказано: А оттолѣва (изъ Зесвегена) походъ къ Болзуну (Берзону) и городъ нѣмцы отдали. А оттолѣва послалъ воеводъ къ городу Сполбину (?) и нѣмцы городъ отдали, и государь отпустилъ ихъ въ свою землю (Курляндію?). А оттолѣва послалъ къ Избордѣ (?) съ грамотою, и нѣмцы думали три дня, а послѣ дались на государеву волю, и государь велѣлъ ихъ за ихъ вину продати татаромъ.

Оттуда великій князь снова пошелъ назадъ къ рѣкѣ Двинѣ и приступилъ къ Кокенгузену; когда же онъ увидѣлъ, что герцогъ Магнусъ уже взялъ эту крѣпость и занялъ своими людьми, то несмотря на то, что начальники герцога Магнуса добровольно отворили ему ворота, онъ такъ разгнѣвался, что безчеловѣчно велѣлъ умертвить людей герцога Магнуса, числомъ болѣе пятидесяти человѣкъ, а тамошнихъ бюргеровъ вмѣстѣ съ женами и дѣвушками, а также пасторовъ и церковныхъ служителей и нѣсколькихъ рижскихъ кнехтовъ, бывшихъ при осадѣ, увелъ въ плѣнъ.

Прим. перев. Причина почему Іоаннъ внезапно пошелъ обратно къ Кокенгузену выяснена въ разрядныхъ книгахъ: «А оттолѣва (изъ Изборда) походъ государевъ къ Куконосу, и заслышали нѣмцы и послали бити челомъ къ Арцымагнусу, и король прислалъ нѣмецъ своихъ и назвалъ своимъ городомъ и къ государю о томъ писалъ».

Іоаннъ не могъ не знать заявленій гонцовъ о сношеніяхъ Магнуса съ панами въ 1575 г. (см. выше стр. 246), не могъ оставаться хладнокровнымъ и при извѣстіяхъ, сообщенныхъ ему Полубенскимъ, потому въ гнѣвѣ на Магнуса пошелъ на Кокенгузенъ. Въ разрядахъ далѣе сказано: «Государь послалъ воеводъ къ Куконосу и велѣлъ, въ городъ въѣхавъ, королевскихъ (т. е. магнусовыхъ) нѣмецъ переимати и куконовскихъ... и сдѣлали... и животы ихъ запечатали. И пришелъ государь въ городъ, да нѣмецъ королевскихъ велѣлъ предъ собою поставити и побити всѣхъ, а нѣмецъ куконоскихъ распродати татаромъ.

Магнусъ въ это время находился въ Венденѣ. Іоаннъ написалъ ему: «Голдовнику нашему, Магнусу королю. Я отпустилъ тебя изъ Пскова съ дозволеніемъ занять единственно Кесь (Венденъ), да тѣ городки, которые на той сторонѣ Говьи (Аа) рѣки, а ты хочешь всего... Если тебѣ нечѣмъ на Кеси жить, то ступай въ свою землю за море, а еще лучше сослать тебя въ Казань; если поѣдешь за море, то мы свою вотчину, лифляндскую землю, и безъ тебя очистимъ» (см. Карамзина IX, прим. 464).

Изъ Кокенгузена государь послалъ воеводъ занять тѣ замки, которыми овладѣлъ Магнусъ, а самъ пробылъ здѣсь два дня. Сохранилось извѣстіе, что въ Кокенгузенѣ онъ однажды бесѣдовалъ съ кокенгузенскимъ пасторомъ о вѣрѣ (Іоаннъ былъ большой начетчикъ, хорошо зналъ русскія лѣтописи, весьма хорошо владѣлъ перомъ, любилъ богословскія пренія), но разсердившись на пастора за сравненіе Лютера съ апостоломъ Павломъ, ударилъ его по головѣ хлыстомъ, воскликнувъ: «Поди ты къ черту со своимъ Лютеромъ.»

Въ тотъ же день, 25-го августа, онъ послалъ (воеводъ) въ Ашераде и Ленневарденъ, занялъ такъ же и эти замки и жестоко обошелся тамъ съ добрыми людьми, женщинами и дѣвушками; велѣлъ выколоть глаза старому ландмаршалу, Каспару фонъ Мюнстеру, а затѣмъ велѣлъ засѣчь его до смерти, и увелъ въ плѣнъ Іоанна фонъ

Мюнстера вмѣстѣ со всѣми другими. Почти въ то же время войско великаго князя взяло замки Шваненборгъ, Тирзонъ и Пебалгъ и почти всѣхъ жителей увело въ плѣнъ. Изъ Кокенгузена великій князь пошелъ къ Эрле, 28-го августа, и несмотря на то, что добрые люди, перешедшіе къ Магнусу, отворили ворота ему, какъ верховному господину, онъ безжалостно велѣлъ изрубить саблями и казнить 12 дворянъ вмѣстѣ съ другими честными людьми, и не смотря на всѣ клятвы и обѣщанія, велѣлъ остальныхъ увести въ плѣнъ вмѣстѣ съ женами, дѣвушками и дѣтьми. Изъ Эрла великій князь пошелъ въ Венденъ и по дорогѣ занялъ замки Аріесъ, Юргенсборгъ и многіе другіе, а жителей увелъ въ плѣнъ.

Прим. перев. Въ разрядныхъ книгахъ сказано: Государь послалъ Богдана Яковлевича Бѣльскаго къ Ровному... и нѣмцы магнусовы городѣ отворили, и государь велѣлъ ихъ отпустить къ Магнусу А какъ пошелъ государь къ Эрли изъ (Кокенгузена) и на первомъ стану пріѣхали къ нему нѣмцы Арцымагнуса, а сказываютъ, что король ихъ послалъ къ Леневарду, и нѣмцы леневардскіе сдались государю, и велѣлъ государь леневардскихъ отпустити съ женами и съ дѣтьми въ свою землю, а королевскихъ къ Арцымагнусу А къ Эрли послалъ, не доходя за день, съ грамотою, а нѣмцы грамоты не послушали, а государь послалъ другую и полки... и нѣмцы сдалися, и государь побити ихъ не велѣлъ, а велѣлъ ихъ распродати, и животы ихъ описати на себя.

Кельхъ пишетъ, что въ числѣ изрубленныхъ 12 дворянъ былъ Тизенгаузенъ.

Іоаннъ изъ Кокенгузена шелъ къ Вендену, гдѣ въ то время находился Магнусъ.

130. Геройскій подвигъ и горе венденцевъ. 1577 г.

31-го августа великій князь подошелъ къ Вендену и немедленно потребовалъ къ себѣ герцога Магнуса. Но герцогъ послалъ къ нему нѣсколькихъ изъ своихъ знатнѣйшихъ гофъ-юнкеровъ, а именно Христоффера Курселя и Фромгольда фонъ Плеттенберга. Великій князь велѣлъ ихъ высѣчь, затѣмъ снова отправилъ въ Венденъ и потребовалъ самаго герцога Магнуса. Тогда герцогъ самъ 25 прибылъ изъ Вендена. Когда же онъ хотѣлъ ѣхать къ великому князю, то русскіе задержали его и потребовали, чтобы имъ отворили городъ. У воротъ стоялъ одинъ изъ членовъ магистрата; герцогъ приказалъ ему отворить ворота и такимъ образомъ этотъ ратманъ и одинъ изъ бургомистровъ отворили городъ безъ вѣдома бюргеровъ. Тогда русскіе ворвались и овладѣли городомъ. Когда герцогъ пришелъ къ великому князю, то поклонился ему въ ноги, прося за своихъ, находившихся въ городѣ и въ замкѣ Венденѣ. Тогда великій князь сошелъ съ коня, поднялъ герцога Магнуса и велѣлъ отвести его вмѣстѣ съ его придворными въ старую хату безъ крыши, гдѣ онъ долженъ былъ лежать на соломѣ пять сутокъ; а придворные каждый день и часъ ждали

своей смерти. Остальные же находившіеся въ венденскомъ замкѣ, услышавши о тиранствѣ великаго князя, произведенномъ имъ въ Кокенгузенѣ и другихъ замкахъ, не захотѣли сдавать замка Вендена великому князю. Тогда, 4-го сентября, великій князь въ четырехъ мѣстахъ построилъ шанцы у замка Вендена и пять сутокъ обстрѣливалъ его. Когда замку угрожала неминуемая гибель, то мущины, женщины и дѣвушки, большею частью изъ дворянъ, единодушно рѣшились взорвать себя на воздухъ порохомъ, на что согласились пасторы и проповѣдники. Тогда триста человѣкъ, молодыхъ и старыхъ, отправились въ одну комнату, подъ которую подкатили четыре бочки съ порохомъ. Когда всѣ собрались, то всѣ причастились. Затѣмъ Гинрихъ Боусманъ взялъ горящій уголь, сталъ на колѣни; всѣ прочіе съ проповѣдниками окружили его, простились другъ съ другомъ, и такимъ образомъ взорвали себя на воздухъ. Нѣкто, по имени Винценцъ Штуббе, добровольно велѣлъ слугѣ застрѣлить себя; слуга послѣ этого самъ застрѣлился. Гинрихъ Боусманъ былъ еще немного живъ, русскіе нашли его лежащимъ въ развалинахъ, принесли къ великому князю, но онъ тотчасъ же умеръ; на другой день его тѣло посадили на колъ. Послѣ этого великій князь производилъ въ Венденѣ такое тиранство и поруганіе надъ женщинами и дѣвушками, о какомъ не было даже слыхано у турокъ и другихъ тирановъ. Многихъ мущинъ онъ велѣлъ сѣчь, затѣмъ избитыхъ и окровавленныхъ живьемъ жарить на огнѣ; одному бургомистру онъ велѣлъ живому вынуть сердце, одному священнику велѣлъ вырвать языкъ изъ гортани; прочихъ велѣлъ убивать съ неслыханными пытками и муками, а потомъ, точно такъ же какъ и въ Эрлѣ и Кокенгузенѣ, велѣлъ бросить мертвыя тѣла въ кучу на съѣденіе птицамъ, собакамъ и дикимъ звѣрямъ, запретивъ подъ страхомъ смерти своимъ людямъ хоронить ихъ какъ теперь, такъ и впредь.

Прим. перев. О Венденѣ другіе лѣтописцы (Кельхъ) разсказываютъ нѣсколько иначе.

Прибывъ подъ Венденъ съ войскомъ, находившимся подъ начальствомъ князей Голицына и Салтыкова, Іоаннъ потребовалъ къ себѣ Магнуса. Жители Вендена упросили Магнуса ѣхать къ царю, не раздражая его дальнѣйшимъ безполезнымъ сопротивленіемъ. Магнусъ поѣхалъ и на колѣняхъ просилъ у царя прощенія. «Если бы ты не былъ королевскимъ сыномъ, отвѣчалъ Іоаннъ, то я научилъ бы тебя какъ забирать мои города». Магнуса отдали подъ стражу, а въ это время нѣмцы, укрывшіеся въ замкѣ, начали стрѣлять; одно ядро чуть не задѣло самаго царя, тогда Іоаннъ поклялся, что не оставитъ въ живыхъ ни одного нѣмца въ Венденѣ, и сдержалъ клятву. Прочее разсказываетъ какъ и у Рюссова.

Само собою разумѣется, что разгромъ Вендена и катастрофа въ венденскомъ замкѣ не могла преклонить нѣмцевъ на сторону Іоанна.

131. Дальнѣйшее хозяйничанье Іоанна въ Ливоніи, 1577 г.

Въ то же время великій князь послалъ въ Вольмаръ князя, по имени Богдана (Яковлевича) Бѣльскаго съ тремя тысячами человѣкъ, которые прибыли туда 3-го сентября и какъ ни въ чемъ не бывало потребовали къ себѣ за городъ людей герцога Магнуса. Эти добрые люди въ увѣренности, что ихъ господинъ и они сами люди одного государя, не подумали даже объ опасности и въ числѣ семидесяти всадниковъ выѣхали къ нимъ. Тогда московиты немедленно окружили ихъ, принудили сойти съ коней, снять оружіе, а послѣ того изрубили ихъ саблями въ куски. Когда же вольмарцы довѣрчиво сдались, то ихъ вмѣстѣ съ женами и дѣвушками увели въ плѣнъ въ Венденъ, гдѣ ихъ встрѣтили совсѣмъ не похристіански и безмилосердно угостили, какъ и другихъ. Сокровищъ, взятыхъ московитомъ въ Венденѣ, Вольмарѣ и другихъ замкахъ деньгами, драгоцѣнностями и золотыми вещами, которыя дворяне и другіе добрые люди къ своему несчастію привезли на сохраненіе въ упомянутые замки, было больше, чѣмъ можетъ повѣрить кто-нибудь.

Послѣ такого тиранскаго избіенія, великій князь со своимъ войскомъ ушелъ 7-го сентября отъ Вендена, а отправился въ Ронненборгъ. Ронненборгцы, точно такъ же какъ и трикатенцы и шмильтенцы, почти всѣ литовцы, немедленно добровольно сдались, и великій князь невредимыми отпустилъ ихъ на родину

Послѣ того, какъ московитъ такимъ образомъ неистовствовалъ въ рижскомъ архіепископствѣ, Іоаннъ двинулся къ Дерпту, у котораго до сихъ поръ не бывалъ никогда въ жизни, и отпустилъ здѣсь герцога Магнуса, котораго везъ съ собой, въ его замки Каркосъ и Оверпаленъ, съ условіемъ, что онъ долженъ письменно обязаться быть и впредь его ленникомъ и выплатить ему сорокъ тысячъ венгерскихъ гульденовъ.

Отдохнувъ нѣсколько дней въ Дерптѣ, великій князь ушелъ въ Псковъ и здѣсь въ Михайловъ день велѣлъ собрать на площадь всѣхъ плѣнныхъ, которыхъ было нѣсколько тысячъ, самъ осмотрѣлъ ихъ, и тѣхъ, которые еще не были проданы, велѣлъ продать, какъ неразумный скотъ, и увести въ Москву и Татарію, но отпустилъ розитцевъ, числомъ въ три съ половиной сотни, молодыхъ и старыхъ. Когда же другіе плѣнные и опечаленные люди услышали, что отпускаютъ только такое ничтожное число, а остальныхъ всѣхъ уведутъ, то между ними поднялись такіе жалобные стоны, вой и плачъ, что могли бы умилосердить даже камень.

Прим. перев. Главу эту неизлишне дополнить слѣдующими подробностями.

На походѣ въ Венденъ, въ Эрла Іоаннъ узналъ, что герцогъ Магнусъ взялъ Вольмаръ (Володимерецъ), отпустивъ литовскаго воеводу, князя

Полубенскаго, но забравъ его имущество. «И государь, сказано въ разрядныхъ книгахъ, учалъ о томъ на короля кручиниться, да послалъ Богдана Бѣльскаго, а Богданъ къ Володимерцу пришелъ и велѣлъ сказать Юрью Вилькову (Георгъ Вальке былъ сановникъ Магнуса, начальствовавшій въ Вольмарѣ), чтобы его въ городъ пустилъ для своего дѣла беречи отъ литовскихъ людей, да спросити про князя Полубенскаго. Вальке сдалъ Вольмаръ Бѣльскому и былъ отправленъ къ Іоанну въ Венденъ. За взятіе Вольмара государь пожаловалъ Богдану золотой португальскій да цѣпь золоту, а Черемисиннову золотой угорской, а дворянамъ по золотой новгородкѣ, а инымъ по московкѣ золотой, а инымъ по золоченой.»

Князь Александръ Полубенскій находился у Магнуса въ Венденѣ и былъ выданъ Іоанну.

Изъ Вендена, послѣ его разгрома, Іоаннъ отправился къ Роненбургу (Ровному). «Сталъ государь, сказано въ разрядныхъ книгахъ, отъ Ровного за 5 верстъ, и послалъ воеводъ города смотрѣти, а въ городѣ сидѣли литовскіе люди, и стрѣльба по нихъ великая была и не убили никого... и литва, какъ Лука и иныя, выпросили сроку до завтрея: мы держимъ городъ отъ полка Ходкѣвича, а здѣся-де сидятъ многіе полатники нѣмцы. А на утренней зарѣ въ городъ пустили. Оттолѣва государь послалъ съ грамотами въ Смнившинъ, да въ Трекатъ». Оба эти замка сдались, Шмильтенъ велѣно было разорить.

Царь, желая показать, что не воюетъ съ Литвою, освободилъ всѣхъ литовскихъ людей.

До Риги оставалось пройти уже немного, какихъ нибудь десятка два, три верстъ, но царь не рѣшился осадить этотъ городъ, укрѣпленный гораздо лучше Ревеля, а поворотилъ на Вольмаръ. Здѣсь онъ далъ великолѣпный пиръ русскимъ воеводамъ и знатнымъ литовцамъ. Одаривъ литовцевъ, въ особенности князя Полубенскаго, шубами и кубками, царь отпустилъ ихъ къ королю Стефану разсказать о происшедшемъ въ Ливоніи. «Идите къ королю Стефану, говорилъ царь, убѣдите его заключить со мною миръ, ибо рука моя высока».

Вольмаръ напомнилъ Іоанну, что сюда въ 1564 г. (см. выше стр. 150) бѣжалъ изъ Дерпта самый видный представитель боярства князь Курбскій. Царь написалъ здѣсь къ Курбскому обширное письмо и вручилъ оное князю Полубенскому для доставленія по назначенію.

Вотъ отрывки изъ этого замѣчательнаго письма, хранящагося въ современной копіи въ московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

«... Нынѣ отъ многа малая воспоминаю ти. Помни рѣченное въ Іовѣ: обыдохъ землю и прошедъ поднебесную, вся подъ ногами учинилъ: тако и вы хотѣли съ попомъ Селиверстомъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ и со всѣми своими семьями подъ ногами своими всю русску землю видѣти... Коликія напасти язъ отъ васъ пріялъ!... И за что?... Всѣхъ мнѣ бѣдъ отъ васъ не исписати... Все то учинилось отъ вашего своевольства. А князя Володимера на царство чего для есте хотѣли посадити, а меня и съ дѣтьми извести? А съ женою вы меня почто разлучили?... И язъ такія досады стерпѣти не могъ: за себя есми сталъ, и вы почали противъ меня больше стояти да измѣняти, и язъ потому жесточайше началъ противъ васъ стояти... О семъ же пока умолчу; а нынѣ о настоящемъ восписую ти. Смотри, о княже! Божія судьбы, яко Богъ даетъ власть, ему же хощетъ. Сего ради трость наша наострися къ тебѣ писати, якоже рекосте: нѣсть людей на Руси: некому стояти, и нынѣ васъ нѣтъ, и нынѣ претвердые грады германскіе взимаетъ сила животворящаго креста: не ожидающе браннаго бою, поклоняютъ главы свои... Ты писалъ въ досаду, что мы тебя въ дальноконечные грады, какъ бы

опаляючися посылали: оно мы нынѣ. Божіею волею своею сѣдиною и далѣ твоихъ дальноконечныхъ градовъ прошли, и коней нашихъ ногами переѣхали всѣ ваши дороги изъ Литвы и въ Литву, и пѣши сходили, и воду во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ пили... и гдѣ еси хотѣлъ успокоенъ быти отъ всѣхъ трудовъ твоихъ, и гдѣ чаялъ ушелъ, а мы тутъ, и ты дальноконечнѣе поѣхалъ... Писано въ нашей отчинѣ, Лифляндскія земли въ градѣ Вольмарѣ, лѣта 7086».

Отрядивъ часть конницы къ Ревелю для опустошенія Эстоніи, расставивъ войско по занятымъ городамъ и замкамъ въ польской Ливоніи и ввѣривъ его начальство великому князю тверскому Симеону, князьямъ Ивану Шуйскому и Василію Сицкому, Іоаннъ изъ Вольмара отправился въ Дерптъ. За нимъ везли Магнуса и его дворянъ, ежеминутно ждавшихъ казни.

Въ Дерптѣ Іоаннъ простилъ Магнуса, опять предоставилъ ему право называться королемъ ливонскимъ, возвратилъ ему Оберпаленъ и Каркусъ, прибавивъ къ этимъ городамъ Гельметъ, Зигесвальде, Розенбергъ и др., за что Магнусъ обязанъ былъ заплатить 40,000 венгерскихъ гульденовъ.

Есть извѣстіе, сообщенное какимъ то Павломъ Магнусомъ мекленбургскому герцогу, будто Іоаннъ велѣлъ во всѣхъ протестантскихъ церквахъ написать слѣдующіе имъ самимъ сочиненные стихи:

Iwan Basiliuitz bin ich genant,
Und hab unter mir so manches Landt,
Wie denn mein Titel ausweisend ist
Und bin dartzu ein gutter Christ;
S. Pauli Lehr halt ich fein:
Habe die gelert von den Aeltern mein,
Wie dann mein Muscowiter alle,
Die mir dienen mit reichem Schalle.

т. е. Иванъ Васильевичъ меня зовутъ и я владѣю многими землями, исчисленными въ моемъ титулѣ. Я хорошій христіанинъ и исповѣдую истинное ученіе св. Павла, какъ наученъ отъ родителей моихъ и какъ исповѣдуютъ всѣ мои московиты, служащіе мнѣ со славою.

Еще другіе стихи:

Ich bin der Reussen Herre gutt,
Geborn von meiner Eltern Blutt;
Kein Tittel ich durch Gab und Bitt
Von niemand erkauffet nit;
Keinem Herren ich gehorsam war,
Dann Christo Gottes Sohn ist war.

т. е. Я государь русскихъ, рожденный отъ крови моихъ родителей; не вымолилъ, не купилъ себѣ никакого титула; я не подчиненъ никакому государю, а мой царь есть Іисусъ Христосъ.

Изъ Дерпта Магнусъ отправился въ Каркусъ, гдѣ проживала его жена, а царь черезъ Псковъ уѣхалъ въ Александровскую слободу.

Ливонскій походъ 1577 г. кончился, но вмѣстѣ съ нимъ кончились и успѣхи русскихъ.

132. Предпріятія шведовъ и ревельцевъ. 1577 г.

Въ то время, когда московитъ такимъ безчеловѣчнымъ образомъ хозяйничалъ въ рижскомъ архіепископствѣ, въ Нарву прибыли военные корабли короля шведскаго и 27 августа сожгли у московита до тла три крѣпкіе и чрезвычайно большіе блокгауза. Въ одномъ

блокгаузѣ сгорѣло 75 русскихъ и пятеро были взяты въ плѣнъ. Изъ другихъ блокгаузовъ они частью разбѣжались, частью уведены были въ походъ. Точно также и нѣсколько знаменъ (отрядовъ) шведскихъ рейтаровъ и кнехтовъ черезъ Выборгъ вторглись въ Россію въ Нетеборгъ и Кексгольмъ (т. е. Нусбургъ, нынѣ Шлюссельбургъ), гдѣ по своему произволу грабили и жгли, и нѣсколько времени оставались въ землѣ московита, причиняя ему большой вредъ и позоръ.

Въ то же время и ревельскіе военные люди, гофлейты, ландскнехты и крестьяне, грабили и опустошали эстонскія земли безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны московита, который легко могъ бы побить ихъ ничтожнымъ отрядомъ, если бы у него были люди въ запасѣ и онъ могъ бы отдѣлить ихъ отъ своего войска. Но изъ того, что онъ отдавалъ на ограбленіе свои земли бѣднымъ крестьянамъ и крѣпостнымъ и долженъ былъ терпѣть отъ нихъ такой позоръ, что было очень непріятно такому строптивому характеру, считавшему себя выше всѣхъ царей и королей того времени, можно заключить, что должно быть у него въ то время оставалось не слишкомъ много лишняго войска.

133. Русскій набѣгъ до Ревеля, 1577 г.

Въ то же время, когда войска великаго князя выступили изъ рижскаго архіепископства, везенбергскіе, нарвскіе и русскіе двинулись къ Ревелю; а такъ какъ днемъ они не осмѣливались проходить мимо города, то прошли мимо его, послѣ Михайлова дня, въ одну темную ночь и зажгли хату, крытую соломой у мельницы Св. Іоанна; въ темнотѣ показалось страшное зарево, причинившее тревогу въ городѣ. Тогда у мельницы Св. Іоанна и въ песчаныхъ горахъ слышались ужасные вопли и крики русскихъ; съ такимъ крикомъ они поспѣшно прошли мимо. На слѣдующій день за ними погнались, но не могли догнать ихъ.

134. О кометѣ, 1577

Въ 1577 г., въ ноябрѣ и декабрѣ, видна была страшная комета, поэтому многіе ливонцы говорили, что небо, солнце, луна и звѣзды тревожились и двигались изъ за ужасающаго тиранства московита. Многіе же надѣялись и говорили, что, подобно предъидущей кометѣ, предсказавшей ливонцамъ большое несчастіе и перемѣну, эта комета не означаетъ ничего добраго для московита.

135. Великое вторженіе Іоанна въ Ливонію, 1577 г. (по 1-му изданію).

Въ 1577 г., въ іюнѣ, изъ Пскова выступило большое войско русскихъ, при коемъ былъ самъ великій князь со своимъ старшимъ сыномъ. Онъ везъ съ собой герцога Магнуса гольштейнскаго съ его

совѣтниками и челядью изъ ливонцевъ, въ видѣ приманки, дабы заманить къ себѣ другихъ нѣмцевъ, не теряя понапрасну много народу у замковъ въ Ливоніи, а также пороху и пуль. Прежде всего великій князь пошелъ со всѣмъ войскомъ на Лудзенъ (Люценъ) и занялъ этотъ замокъ. Затѣмъ подошелъ къ Розиттену (Рѣжицѣ) и также скоро завоевалъ и этотъ замокъ. Далѣе онъ осадилъ и взялъ Дюненбургъ. Между тѣмъ жители Вендена, Кокенгузена, Вольмара и многихъ другихъ замковъ сдались герцогу Магнусу Но великій князь не обратилъ вниманія на герцога Магнуса, подошелъ къ Кокенгузену и пожелалъ войти въ него. Тогда кокенгузенцамъ пришлось еще хуже они не знали, на что рѣшиться, не осмѣливаясь также отказать своему главному покровителю или противорѣчить ему Они сначала вздумали переговорить съ нимъ черезъ заложниковъ, когда же стали выпускать и впускать заложниковъ, то русскіе захватили ворота, ворвались въ нихъ силой и такимъ образомъ овладѣли городкомъ и сильнымъ замкомъ Кокенгузеномъ. Великій князь самъ послѣдовалъ за ними, велѣлъ умертвить гофлейтовъ и челядь герцога Магнуса, болѣе 50 человѣкъ, всѣхъ бюргеровъ изъ городка велѣлъ взять въ плѣнъ, а женщинъ и дѣвушекъ отдалъ русскимъ и татарамъ. Всякій благоразумный человѣкъ можетъ себѣ представить, что за печаль, горе и несчастія были въ то время въ рижскомъ архіепископствѣ и вездѣ и особенно въ Кокенгузенѣ.

Послѣ того московитъ двинулся къ Ашераде, Лаудуену, Барзому, Эрле и Зосвегену, взялъ ихъ, и всѣхъ кого засталъ, замучилъ до смерти и умертвилъ.

Затѣмъ онъ занялъ также и замки Шваненборгъ, Шмильтенъ, Маріенгузенъ, Ропе, Вольмеръ, Буртникъ, Трикатенъ и многіе другіе; всѣ эти замки московитъ взялъ въ два мѣсяца, именно въ іюлѣ и августѣ вышеозначеннаго года, воспользовавшись недостаткомъ начальниковъ, военныхъ снарядовъ и провіанта въ замкахъ, и дѣйствуя измѣною, хитростью, страхомъ и угрозами гораздо болѣе, чѣмъ своей большой силой. Для всей Ливоніи было бы лучше, еслибы всѣ упомянутые замки, за исключеніемъ трехъ или четырехъ, резрушили бы и уничтожили до тла.

4-го сентября московитъ напалъ на Венденъ и осадилъ герцога Магнуса со многими другими дворянами, искавшими здѣсь своего спасенія. Дюнемюнде заняли рижане. Они взяли Керкгольмъ, сожгли и опустошили его.

Такимъ образомъ московитъ завоевалъ и взялъ, за исключеніемъ немногихъ замковъ, все архіепископство рижское вмѣстѣ со всей Двиной выше города Риги, по которой привозились припасы и товары въ городъ Ригу; въ Ливоніи не осталось не занятыми русскими никакихъ земель кромѣ Гарріена съ городомъ Ревелемъ, и Курляндіи и Семигаліи съ городомъ Ригой и нѣсколькими замками, и Эзеля и

Дагедена съ замками Аренсбургомъ и Зоненбургомъ. Да сохранитъ ихъ всемогущій Господь въ своей милости и да возвратитъ остальные, если на то будетъ его божественная воля!

136 Еще оставшаяся надежда.

Но чѣмъ можно было бы спасти и возстановить раззоренную Ливонію въ настоящее время, это недоступно людскому разуму; послѣ Бога въ настоящее время не осталось болѣе никакой надежды и утѣшенія кромѣ того, что король шведскій сдѣлалъ со своимъ войскомъ набѣгъ на Россію у Выборга, чтобы попытать свое счастье у ожесточенныхъ русскихъ. Точно также ожидали войскъ поляковъ и литовцевъ вмѣстѣ съ герцогомъ курляндскимъ. Дай Боже, чтобы это была правда и благослови ихъ! Точно также и военные корабли короля шведскаго прибыли къ Нарвѣ и сожгли до тла у Нарвы, 27-го августа 1577 года, три большіе московитскіе блокгауза, которые были необыкновенно высоки, длинны и толсты. Одна стѣна этихъ блокгаузовъ была длинною въ 85 саженъ и шириною болѣе четырехъ сажень. Въ одномъ блокгаузѣ было сожжено 75 русскихъ и пятеро взяты въ плѣнъ, но изъ другихъ они всѣ разбѣжались заранѣе. Начальники были также отозваны заранѣе. Изъ этого можно заключить, что въ то время у московита было неособенно-то много людей.

137 Причины паденія Ливоніи.

Наконецъ можетъ кто нибудь поразмыслитъ и удивится, какимъ образомъ такъ случилось, что въ этой войнѣ ливонцевъ съ московитомъ не только одинъ сначала магистръ, но послѣ и три сильные государя, именно шведскій, датскій и польскій, принявшіе на себя защиту угнетенной Ливоніи изъ христіанской любви, пока еще ничего не могли подѣлать и часто терпѣли сильный позоръ отъ московита, между тѣмъ какъ въ самомъ началѣ христіанскаго управленія въ Ливоніи, простые епископы и бюргерскія дѣти изъ Бремена, а затѣмъ простые и незначительные магистры ливонскіе были достаточно сильны, чтобы справляться съ московитомъ.

На это, я по своему разумѣнію, даю такой отвѣтъ.

Первая причина этого несчастія та, что сначала, когда епископы и магистры покорили и завладѣли провинціей Ливоніи, московитъ не былъ такъ могущественъ какъ въ настоящее время, а также что онъ не одинъ владѣлъ всѣми княжествами и землями въ Россіи, какъ въ настоящее время. Потому что въ Россіи было много великихъ князей и князей, и у каждаго изъ нихъ было собственное княжество, и всѣ эти князья, точно также какъ и великій князь московскій были данниками татаръ; великій князь московскій въ продолженіи ста лѣтъ мало по малу собиралъ всѣ эти княжества подъ свою власть, частью

хитростью, частью военной силой, и такимъ образомъ сталъ единодержавнымъ монархомъ всѣхъ русскихъ.

Кромѣ того, когда первые епископы и магистры начали править въ Ливоніи, имъ приходилось имѣть дѣло не со всѣми русскими князьями, а только съ новгородскими и псковскими, ихъ ближайшими сосѣдями; имъ не трудно было бороться съ этими двумя князьями. И пока великій князь московскій воевалъ съ другими князьями въ Россіи и съ казанскимъ и астраханскимъ царствами, то московитъ оставлялъ ливонцевъ въ покоѣ. Когда же великій князь московскій покорилъ всѣ княжества въ Россіи и оба упомянутыя татарскія царства, то съ нимъ не могъ уже справиться не только ливонскій магистръ, но и король (шведскій или польскій).

Вторая же причина была та, что многіе ливонскіе и другіе купцы нѣмецкихъ приморскихъ городовъ, изъ большой жадности и корыстолюбія, возили московиту тайно и явно всякіе запрещенные товары и военные снаряды, и сами себѣ приготовили бичь, несмотря на то, что ихъ предупреждали сами непріятели, русскіе.

Потому что одинъ русскій изъ Смоленска однажды призвалъ къ себѣ нѣмецкаго купца, по имени Берента Мейера, указалъ ему на мѣдь, свинецъ и проволоку и сказалъ. «Берентъ, знаешь ли ты, что это за товары я купилъ здѣсь въ Дерптѣ?» На это Берентъ Мейеръ отвѣтилъ. «Почему же не знать? Очень хорошо знаю, что это мѣдь, свинецъ и проволока.» На это русскій снова сказалъ ему: «Вижу, что ты не хорошо знаешь этотъ товаръ; поэтому скажу тебѣ, что это за вещи. Это бичь, которымъ великій князь хочетъ наказать Ливонію. Потому что эти вещи мы должны доставить великому князю, а онъ изъ нихъ велитъ надѣлать боевые снаряды, для наказанія васъ самихъ; вы нѣмцы безумны и ослѣплены, если сами доставляете ему такой товаръ. Въ старину наши предки въ Смоленскѣ и Ливоніи не смѣли дѣлать этого; со временемъ вы навѣрное поплатитесь за это къ вашему собственному вреду »

Третья причина торжества московита заключается въ томъ, что военные люди и подданные государей, борющихся съ московитомъ, поступаютъ безчестно и совершенно необдумавъ, когда безо всякой нужды сдаютъ московиту замки и сильныя крѣпости и убѣгаютъ изъ нихъ, что часто производилось въ Ливоніи безъ всякаго наказанія. А поступавшіе такъ безчестно назначались часто на почетнѣйшія еще должности. Если московиту досталось въ Ливоніи много замковъ и крѣпостей, то пусть благоразумные разсудятъ, кто въ этомъ больше виноватъ. жадные и своекорыстные купцы, доставившіе московиту большую артиллерію и боевые снаряды, или воины, измѣннически предававшіе ему замки, крѣпости и города и бѣжавшіе изъ нихъ.

Въ четвертыхъ, первые епископы и магистры въ Ливоніи имѣли на своей сторонѣ больше преимуществъ сражаться съ русскими,

чѣмъ имѣютъ въ наше время государи и короли. Потому что съ разрѣшенія папы они привозили въ страну столько князей, графовъ, рыцарей и кнехтовъ, сколько хотѣли. Въ настоящее время совсѣмъ не то, что было. Въ старину всѣ охотно соглашались сражаться съ врагами христіанства, на свои собственныя средства; теперь же ради христіанства никто не хочетъ даже осѣдлать коня даромъ; даже многіе изъ нашихъ перебѣгали къ московиту и служили ему во всѣхъ коварныхъ замыслахъ противъ христіанства.

Въ пятыхъ, какъ московиту не быть сильнымъ и могущественнымъ, когда христіанскіе государи не ладятъ между собой, часто изъ за ничтожной причины проливаютъ много христіанской крови и истребляютъ всѣ запасы, которые еще долго могли бы служить бѣдному христіанству; тяжко они будутъ отвѣчать за это всемогущему Господу А изъ сильныхъ государей, взявшихся помогать Ливоніи, не было кажется ни одного, который постарался бы на ея пользу болѣе короля шведскаго, который нѣсколько разъ причинялъ позоръ московиту и ради Ливоніи сдѣлалъ большія денежныя затраты и ежегодно присылалъ городу Ревелю безчисленное множество провіанту и всякихъ припасовъ. И если бы всѣ государи, короли и князья заботились бы такъ о Ливоніи, какъ шведскіе короли, то это навѣрное удивило бы московита. Но чего не бывало до сихъ поръ, да даруетъ то всемогущій Господь, по милосердію своему, въ будущемъ.

Наконецъ, главная причина ливонскихъ несчастій это разнообразные тяжкіе грѣхи и злодѣянія ливонцевъ вмѣстѣ съ ужаснымъ порокомъ неблагодарности къ всемогущему Господу за его многократно оказанныя благодѣянія. Потому что если простые и незначительные епископы и магистры взяли у язычниковъ провинцію Ливонію и одержали надъ ними важныя побѣды, то это было дѣло не ихъ, а всемогущаго Господа, который силенъ и въ слабыхъ и ничтожныхъ и который по своему милосердію пожелалъ воздвигнуть себѣ церковь изъ ливонскихъ язычниковъ. Но такъ какъ Ливонія страшно согрѣшила противъ Бога и оказалась неблагодарной за великія милости и даже въ настоящее время въ ней нѣтъ истиннаго сознанія грѣха, покаянія и обращенія, то можно опасаться, что христіанская церковь совершенно погибнетъ въ Ливоніи и противъ всѣхъ государей и королей не поможетъ никакая помощь, утѣшенія, поддержка и добрая воля. Но если бы Ливонія обратилась на самомъ дѣлѣ, то всемогущій Господь всемилостиво черезъ одного единственнаго короля могъ бы устроить такъ, что всѣ увидѣли бы и почувствовали бы, что вѣрующіе во Христа еще не совсѣмъ оставлены.

Да сжалится вѣчный, истинный Господь, у котораго больше милосердія чѣмъ у насъ грѣховъ и злодѣяній, ради своего единороднаго сына Іисуса Христа надъ бѣднымъ христіанствомъ здѣсь и по-

всюду и да уничтожитъ онъ всѣ замыслы Гога и Магога и главнаго князя въ Мезехѣ (русскіе), и да даруетъ милостиво всѣмъ христіанскимъ государямъ, королямъ, князьямъ и владѣтелямъ миръ и согласіе, а также счастіе и покореніе всѣхъ враговъ христіанской церкви, на славу своего Божьяго величія и на общую пользу дорогаго христіанства. Аминь.

Что случится впредь въ Ливоніи, то, если будетъ угодно Господу, будетъ разсказано въ 4-й части. Дай Боже окончить ее съ большимъ миромъ и радостью.

Прим. перев. Этой главою было закончено 1-е изданіе лѣтописи Рюссова, напечатанное въ Ростокѣ въ 1578 г.

Это изданіе было пересмотрѣно самимъ авторомъ, дополнено разсказомъ о событіяхъ до 1783 г. и было отпечатано въ Бартѣ (въ Помераніи) въ 1784 г. Четвертая часть лѣтописи и составляетъ эти дополненія.

ЛИВОНСКОЙ ХРОНИКИ РЮССОВА

ЧАСТЬ IV-Я

отъ неудачъ Іоанна Грознаго съ 1577г. до окончательнаго вытѣсненія русскихъ изъ Ливоніи въ 1783 г.

СОДЕРЖАНІЕ. Предисловіе автора. Динабургъ отнятъ у русскихъ. Іоаннъ Бюринкъ отнимаетъ у русскихъ Венденъ и др. замки. Герцогъ Магнусъ отправляется въ Пильтенъ. Тщетныя попытки русскихъ у Вендена. Оберпаленъ переходитъ къ шведамъ. Рижане тщетно осаждаютъ Ленневардъ. Голодъ. О китѣ. Датское посольство въ Россіи. Дерптскій форштадтъ сожженъ. Побѣда русскихъ. Русскіе берутъ Оберпаленъ. Побѣда шведовъ и поляковъ. Вторженіе шведовъ въ Россію. Кирпиле сожженъ. Чума въ Ригѣ и Швеціи. Татары въ Гарріенѣ. Ивангородъ и Нарвское предмѣстье сожжены. Плѣнъ и смерть Аннибала. Вторженіе русскихъ въ Курляндію. Новый замыселъ Іоанна. Пораженіе шведовъ. Большой дождь. Татарскіе послы и чума въ Швеціи. Несчастіе шведовъ у Нарвы. Набѣги татаръ въ Эстонію. Непогода. Побѣды поляковъ въ Россіи. Шведское ополченіе противъ Кекгольма. Комета и большая чума. Шведы берутъ Кекгольмъ. Какъ шведы осаждали Падисъ и взяли его у русскихъ. Везенбергъ осажденъ и взятъ Понтусомъ Делагарди. Тольсбергъ переходитъ къ шведамъ. Многократные разбойничьи набѣги. Плохое положеніе дворянства и бюргеровъ. Предостереженіе потомкамъ. Ливонскіе плѣнники. Плѣнные въ Дерптѣ. Странные роды въ Стокгольмѣ. Татарское посольство въ Швеціи. Два несчастныхъ случая въ Ревелѣ. Начало новаго счастія. Новыя предпріятія шведовъ и поляковъ. Ленневардъ и Ашераде покорены поляками. Лоде, Фикель и Леаль покорены шведами. Гапсаль покоренъ шведами. Осада и взятіе Нарвы. Успѣхи шведовъ въ Россіи. Польша и Швеція противъ Россіи. Виттенштейнъ переходитъ къ шведамъ. Благодарственный молебенъ въ Ревелѣ. Буря. Миръ между Польшею и Россіею. Похвала Іоанну III шведскому. Какъ Іоаннъ III защитилъ Ревель и Витенштейнъ. Шведы въ Россіи. Дальнѣйшія побѣды шведовъ. Потеря Нарвы. Осада Ревеля въ 1577 г. Шведскія побѣды у Нарвы, въ Россіи и Ливоніи. Побѣда шведовъ и поляковъ у Вендена. Дальнѣйшія побѣды шведовъ. Дальнѣйшая похвала Іоанну III. Похвала Карлу зюдерманландскому. Похвала шведскимъ губернаторамъ. Похвала шведской націи. Дальнѣйшія благодѣянія шведовъ. Стефанъ Баторій въ Ригѣ. Недовольство поляками. Тщетныя по-

пытки шведовъ у Нетеборга. Напрасный походъ шведовъ въ Новгородъ. Какъ одѣвались перебѣжавшіе русскіе. Татары способствуютъ успѣхамъ шведовъ. Смерть герцога Магнуса. Переговоры между Швеціею и Россіею. Война поляковъ съ ипльтенцами. Перемиріе между Швеціею и Россіею. Заключеніе.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ четвертой части ливонской хроники.

Почтеннѣйшимъ, достоуважаемымъ, высокоученымъ и благомудрымъ господамъ бургомистрамъ и ратманамъ и почтеннѣйшимъ, именитымъ и предусмотрительнымъ господамъ эльтерманамъ и старшинамъ вмѣстѣ со всѣмъ бюргерствомъ всѣхъ трехъ гильдій королевскаго города Ревеля, моимъ повелителямъ и всемилостивѣйшимъ государямъ и добрымъ друзьямъ.

Почтеннѣйшіе, достоуважаемые, высокоученые и благомудрые и почтеннѣйшіе, именитые и предусмотрительные повелители и всемилостивѣйшіе государи мои и добрые друзья!

Когда въ 1578 году я издалъ простую, чистосердечную ливонскую хронику (я сдѣлалъ это потому, что съ своей стороны не нашелъ никого, кому бы охотнѣе предоставилъ этотъ трудъ, чѣмъ самому себѣ, а также и потому, что для всѣхъ ливонцевъ было бы вѣчнымъ стыдомъ и позоромъ, если бы всѣ событія, происходившія во время ливонскаго переворота и смутъ, не были бы описаны, а преданы забвенію; я сдѣлалъ это по убѣжденіямъ и доводамъ нѣсколькихъ добрыхъ людей); то не ожидалъ, чтобы нѣкоторые, сами совѣтовавшіе мнѣ это, такъ осудили меня, какъ я достовѣрно слышалъ. Не нахожу другой причины такой неблагосклонности, кромѣ той, что я не написалъ о горестныхъ ливонскихъ дѣлахъ сказокъ на общую потѣху, которыми они могли бы позабавиться за стаканомъ вина или пива. Нѣкоторые говорили также: «Какое дѣло проповѣдникамъ заниматься мірскими дѣлами?» Но такими рѣчами эти люди доказываютъ свое великое неразуміе: они не знаютъ въ чемъ состоитъ должность проповѣдника, не знаютъ, что онъ обязанъ не только устно, но и письменно проповѣдывать народу о чудесахъ, наказаніяхъ и милости Господней. — Это всегда и дѣлали многіе епископы, суперъинтенденты, пасторы, доктора и проповѣдники; этому похвальному примѣру послѣдовалъ и я, и воистину не писалъ ради собственной выгоды, а также не по любви или по злобѣ къ кому нибудь, но писалъ во славу Божію и на пользу всѣмъ ливонскимъ потомкамъ, писалъ также не съ радостью, чему свидѣтель Господь, а съ великой пе-

чалью, вздохами и слезами. Но если многіе сердятся и недовольны мною, то не имѣю ничего противъ нихъ, такъ какъ на свѣтѣ еще нѣтъ человѣка, который угодилъ бы рѣшительно всѣмъ и словами и дѣлами, и ужъ такъ водится, что и я самъ и всѣ мы обыкновенно сердимся, когда намъ говорятъ правду Но какъ бы тамъ ни было, однако утѣшаясь моей правдивостью и чистой совѣстью, а также и изреченіемъ Саломона, въ притчѣ 28-ой: «Обличаяй человѣчы пути благодать имать паче языкомъ ласкающаго», я намѣренъ не только продолжать ливонскую исторію, но и помѣстить въ нее вещи, забытыя и неизвѣстныя, и по справедливости возвѣстить всему народу Божія дѣла, по завѣщанію святаго пророка Давида (псал. 9-й) «Пойте Господеви, живущему въ Сіонѣ, возвѣстите въ языцѣхъ начинанія Его.»

А такъ какъ въ городѣ Ревелѣ много лѣтъ совершались не маловажныя, чудесныя дѣла Господни, о которыхъ не упоминается въ исторіяхъ, но которымъ всякій долженъ удивляться, то не совсѣмъ безполезно будетъ вкратцѣ напомнить и разсказать что нибудь объ этомъ. Вѣрно и истинно то, что и добро, и зло, т. е. милость и наказаніе, исходятъ отъ одного всемогущаго Господа, что доказываетъ и священное писаніе и примѣръ многихъ странъ и городовъ; — примѣромъ такимъ служитъ также и вашей чести многоуважаемый, достопочтенный городъ Ревель. — Всемогущій Господь не мало наказывалъ этотъ городъ за разнообразные грѣхи и злодѣянія, но ниспосылалъ ему эти наказанія и испытанія не безъ предостереженія: за много лѣтъ до того Онъ предостерегалъ городъ черезъ нѣкоторыхъ вѣрныхъ проповѣдниковъ, и наконецъ не за долго передъ несчастіемъ черезъ блаженнаго Петра фонъ Галля, которые всѣ открыто предсказывали грядущія бѣдствія. — Этотъ блаженный Петръ фонъ Галль съ каѳедры въ храмѣ св. Олофа часто съ большимъ рвеніемъ, серьозно и ласково, убѣждалъ ревельцевъ истинно покаяться и обратиться и говорилъ при этомъ, что если ревельцы во время не бросятъ своей порочной жизни и не обратятся, то имъ отъ Бога назначено такое наказаніе, какого не можетъ себѣ представить ни одинъ человѣкъ, что въ скоромъ времени Господь отниметъ у нихъ всю торговлю и всѣ припасы, всѣ корабли будутъ проходить мимо города Ревеля и будутъ только кивать ему парусами. Тогда Ревельскіе купцы будутъ стоять въ розовомъ саду и смотрѣть на нихъ съ печалью, а розовый садъ обратится въ садъ горести; и если бы ревельцы взошли на самую верхушку высокой колокольни св. Олофа, то и оттуда имъ невозможно бы было обозрѣть всѣхъ предстоящихъ опасностей и т. д. Это все въ самомъ дѣлѣ и случилось съ городомъ Ревелемъ за неимѣніемъ въ немъ вѣры и обращенія къ Богу, по словамъ блаженнаго Петра. — Въ награду за такое вѣрное предостереженіе и убѣжденіе онъ долженъ былъ претерпѣть позоръ и запрещеніе проповѣди.

И всѣмъ дальнимъ и чужимъ странамъ кажется невѣроятнымъ, но хорошо извѣстно всѣмъ сосѣднимъ городамъ и землямъ, въ какія замѣшательства, тяжелую продолжительную войну, несчастія и опасности попалъ городъ Ревель. Гибель Ревеля казалась неизбѣжною, но всемогущій Господь не совсѣмъ оставилъ его въ такой бѣдѣ, ибо въ этомъ большомъ несчастіи и опасности утѣшилъ и сохранилъ его милостивою помощью достохвальнаго королевства шведскаго. И какимъ образомъ человѣческому разуму возможно было бы такъ долго сохранять этотъ городъ, который не сильно населенъ, лежитъ далеко отъ всѣхъ христіанскихъ земель и городовъ, и долженъ былъ привозить къ себѣ воиновъ за полтораста миль изъ за моря, городъ, который болѣе 26-ти лѣтъ велъ войну съ Польшей, Даніей и Россіей, претерпѣвалъ много невзгодъ, не только выдерживалъ отъ московита много коварныхъ замысловъ, хитрыхъ козней и тяжкихъ осадъ большими войсками, но и долгое время былъ совсѣмъ покинутъ сосѣдними ливонскими городами и подвергался ненависти и преслѣдованіямъ своихъ собственныхъ земляковъ, курляндскихъ, архіепископскихъ и другихъ дворянъ по ихъ великому неразумію, въ то время какъ ужасный московитъ былъ ближайшимъ сосѣдомъ и ежедневно стоялъ у воротъ, — если бы самъ Господь чуднымъ образомъ не охранилъ и не защитилъ бы его? А изъ того, что этотъ городъ до сихъ поръ остался еще непокореннымъ при очевидной помощи Господа, несмотря на увѣренность всѣхъ людей, считавшихъ его уже погибшимъ, можно навѣрное заключить, что Господь милосердно заботится еще о немъ и имѣлъ или еще имѣетъ на счетъ его что либо особенное. А если бы нужно было описать всѣ дѣла вашей чести со всѣми искушеніями, опасностями, превратностями, убытками, огорченіями, трудами, стараніями, работой, побѣдами, счастіемъ и несчастіемъ, перенесенными Вашей Честью во всѣ войны за эти 26 лѣтъ на морѣ и на сушѣ, то на это потребовалась бы особая хроника, такъ какъ всего нельзя было бы сообщить вкратцѣ. Во первыхъ нельзя, въ нѣсколькихъ словахъ разсказать, какъ часто въ эти годы городъ Ревель не только былъ притѣсняемъ многими врагами, особенно же московитомъ, постоянными убійствами, грабежемъ и пожарами и запрещеніемъ, и прекращеніемъ всякой торговли и привоза съѣстныхъ припасовъ и завоеваніемъ всѣхъ окрестныхъ земель и крѣпостей, но и былъ мучимъ тяжкой продолжительностью подобныхъ событій и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ искушаемъ такими коварными кознями, что многіе, считавшіе себя самыми мудрыми и умными и требовавшіе себѣ за то надлежащаго уваженія, не замѣчали и не понимали этихъ козней, а бранили и считали Вашу Честь неразумными, слѣпыми и ожесточенными людьми за то, что Ваша Честь не повѣрили и не приняли, подобно имъ, предложеній московита. Кромѣ того ни одинъ человѣкъ не можетъ себѣ представить, во всей полнотѣ, съ какимъ

рвеніемъ, трудами и усиліями Ваша Честь ежегодно и ежедневно строили и чинили высокія рондели, новые валы, рвы, стѣны и оборонительныя орудія противъ натисковъ московита въ эту войну, и какіе неизмѣримо большіе убытки многократно терпѣли Ваша Честь при раззореніи многихъ церквей, госпиталей и мельницъ, а также и многихъ садовъ, увеселительныхъ дворовъ, жилищъ, сараевъ и дровяныхъ складовъ за городомъ. Кромѣ того вкратцѣ невозможно достаточно сказать о томъ, что за великія затрудненія, неудовольствія и несчастія переносили Ваша Честь, когда вамъ столько лѣтъ приходилось содержать гофлейтовъ (конницу) и ландскнехтовъ (пѣхоту), не безъ значительнаго убытка, и кромѣ тяжелыхъ налоговъ платить еще большія подати. Не бездѣлица также и то, что Вашей Чести было столько заботъ и огорченій въ это трудное и продолжительное военное время, когда высоко цѣнятся добрый совѣтъ и предложенія, когда вы ежедневно совѣщались въ ратушахъ и въ гильдіяхъ, какъ бы предупредить несчастія и замыслы московита, а также и столько заботъ о многократныхъ поѣздкахъ, посольствахъ и переговорахъ; что это за труды не безъизвѣстно разумнымъ людямъ. Кромѣ того всѣмъ воинамъ, служившимъ въ Ревелѣ, отлично извѣстно съ какимъ великимъ мужествомъ, неустрашимостью и осторожностью Ваша Честь вмѣстѣ съ господами правителями замка, со всѣми ревельскими воинскими людьми и почтеннѣйшимъ обществомъ черноголовыхъ и съ соборнымъ бюргерствомъ и всѣми жителями, вездѣ встрѣчали непріятелей, часто разгоняли ихъ и за нѣсколько миль пути отнимали у нихъ добычу, и какъ честно и храбро Ваша Честь вмѣстѣ съ упомянутыми шведскими правителями, бюргерствомъ, обществомъ и всѣми воинами и жителями въ большомъ единодушіи держались во всѣхъ осадахъ, схваткахъ и тревогахъ, а также какъ вы отбывали съ большимъ стараніемъ, боясь измѣны, всѣ дневныя и ночныя стражи, въ одиночку и отрядами, причемъ пули кучами летали вокругъ головъ и большія каменныя и огненныя ядра наводили также не малый страхъ; все это воины, служившіе въ Ревелѣ, подробно разсказали и распространили это по всѣмъ землямъ.

По моему ничтожному мнѣнію неслыхано, чтобы гдѣ нибудь городъ былъ обстрѣливаемъ такими тяжелыми огненными и каменными ядрами, и всетаки остался бы въ цѣлости, какъ единственный въ свое время городъ Ревель. И кромѣ упомянутыхъ нуждъ ревельцевъ невозможно достаточно описать великой печали и огорченія, испытываемыхъ ревельцами при воспоминаніи прежняго великолѣпія и благосостоянія Ревеля, ибо наступили дни, когда корабли изо всѣхъ христіанскихъ королевствъ, ото всѣхъ народовъ, земель и городовъ, которые прежде и нагружались и выгружались въ Ревелѣ, теперь проходили мимо; изъ великолѣпнаго богатаго торговаго города онъ превратился въ бѣдный и пустынный городъ; во всю долгую войну

не привозили припасовъ, а питались старыми, и эти старые запасы настолько истощились, что многимъ державшимся очень стойко, приходилось плоше, чѣмъ они сами осмѣливались признаться кому либо. Они изъ года въ годъ ожидали лучшаго, но переживали все худшее, а такъ какъ не предвидѣлось конца такого необычайно долгаго несчастія, превосходившаго всякія силы и разумъ человѣческій, то многіе наскучили жизнью и умирали съ горя, такъ что въ Ревелѣ стало больше вдовъ, чѣмъ мущинъ. Потому то всѣ чужеземцы, видѣвшіе состояніе Ревеля, открыто говорили, что во всемъ христіанскомъ мірѣ не знаютъ города, съ которымъ случилось бы тоже, что съ Ревелемъ. Несмотря, однако на то, оставшіеся съ Вашей Честью терпѣливо несли тяжелый крестъ и горе, и охотнѣе рѣшились бы на все, чѣмъ покидать свой городъ и отправляться въ другія мѣста ради временнаго пропитанія. За недостаткомъ торговли и припасовъ во все время войны, Ваша Честь усердно старались, и посредствомъ этихъ непрестанныхъ стараній, опыта и привычки сдѣлались такими искусными, неустрашимыми и опытными, что дѣти, подростки и домашніе слуги Вашей Чести имѣли больше понятія о военныхъ стычкахъ и умыслахъ, чѣмъ старые именитые люди въ старое доброе время. — И какъ прежде, во время продолжительнаго мира, старые ливонскіе чины были увѣрены въ безопасности, а въ началѣ войны, при одномъ названіи русскихъ, тряслись и приходили въ отчаяніе, такъ теперь вся ревельская община по долгой привычкѣ сдѣлалось смѣлою, неустрашимою и бодрою, и больше желала, чѣмъ боялась прибытія московита. И чѣмъ честнѣе Ваша Честь держались противъ всѣхъ враговъ, тѣмъ больше ненавидѣли и завидовали Вашей Чести нѣкоторые недоброжелатели, у которыхъ не было недостатка въ желаніи оклеветать и сдѣлать подозрительнымъ городъ Ревель передъ высшимъ начальствомъ и всѣми государственными чинами въ Швеціи.

И хотя въ итальянскихъ и прусскихъ городахъ бывали примѣры такого несчастія, какъ и у ревельцевъ, и они въ старину много лѣтъ вели тяжкія войны, но бодро держались и ставили на карту все свое богатство: однако несчастіе всетаки не длилось у нихъ такъ долго, какъ въ Ревелѣ; кромѣ того они имѣли большое преимущество въ томъ, что имъ приходилось вести дѣло только съ христіанскими королями и своими единовѣрцами, между тѣмъ какъ городъ Ревель былъ обложенъ русскими, татарами и язычниками. Въ этихъ упомянутыхъ великихъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ еще особенной милостью Божьей для Вашей Чести было то, что рядомъ съ внѣшней войной Ревель не терзали, подобно голландскимъ городамъ, частыя внутреннія религіозныя войны и междуусобія, отъ которыхъ всемогущій Господь всемилостиво хранитъ Вашу Честь до сихъ поръ, и да сохранитъ Онъ отъ нихъ и въ будущемъ во вѣки вѣковъ.

Что же касается продолжительной и опасной московитской

войны, то Ваша Честь, въ виду жестокаго, неслыханнаго тиранства московита и великой печали и горя бѣдныхъ плѣненныхъ христіанъ въ Москвѣ и Татаріи, соединились съ достохвальными шведскими правителями ревельскаго замка и со всѣми достопочтенными нѣмецкими и шведскими ратниками, и поклялись, что скорѣе всѣ умрете на ревельскихъ валахъ, чѣмъ добровольно дадитесь московиту и упустите городъ изъ христіанскихъ рукъ. Поэтому московитъ со всей своей хитростью, силою и войскомъ не могъ найти у Вашей Чести никакого уязвимаго мѣста (Stätte) и чѣмъ больше усилій и коварства онъ употреблялъ противъ города Ревеля, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ отчаяваться въ успѣхѣ, по милости Божьей и по военной опытности, непоколебимости и осторожности Вашей Чести; поэтому и самъ великій князь удивлялся ревельцамъ и спрашивалъ, что воображаютъ о себѣ ревельскіе молодцы, если не хотятъ сдаваться и просить міра, когда сильные государи просили у него мира. Московиту приходилось имѣть дѣло съ царствами казанскимъ и астраханскимъ и со многими землями и городами, всѣхъ ихъ онъ покорилъ и подчинилъ своей власти; но ни одно изъ нихъ не оказывало ему такого сопротивленія, какъ городъ Ревель. По правдѣ сказать, если бы Ваша Честь, съ Божьей помощью, не сопротивлялись бы такъ мужественно московиту и не удержали бы его, то онъ давно завладѣлъ бы всей Ливоніей и сталъ бы сильнымъ владѣтелемъ Балтійскаго моря. Городъ Ревель былъ также немаловажной причиной убытковъ и позора, нанесенныхъ ему королемъ Польскимъ и королемъ Шведскимъ. Потому что если бы ревельцы, по милости Божьей, такъ долго и такъ усердно не сопротивлялись ему, пока не вмѣшались въ дѣло вышеупомянутые достохвальные короли, то онъ давно покончилъ бы уже съ Ливоніей. Это же было единственно лишь дѣломъ всемогущаго Бога, дѣло, которое можно приписать лишь Ему Одному Поэтому ради такой данной Господомъ непоколебимости, мужества и осторожности, каждый, и высокаго, и низкаго происхожденія, равно какъ и всѣ недоброжелатели, по своему неразумію относившіеся прежде очень враждебно и съ ненавистью къ Вашей Чести, справедливо стали теперь восхвалять васъ. И было бы несовсѣмъ несправедливымъ, если бы можно было напечатать имена всѣхъ шведскихъ правителей, ратсгеровъ и бюргеровъ города Ревеля, которые вели эту опасную игру, несли тяжкое бремя, держались такъ стойко и сражались не только на свою пользу, но на общую пользу и благосостояніе всего любезнаго христіанства. Но такъ какъ имена ихъ въ порядкѣ записаны въ городскихъ, цеховыхъ и гильдейскихъ книгахъ Вашей Чести, то здѣсь нѣтъ надобности упоминать о нихъ.

Воистину очень важно нетолько для Вашей Чести и вашихъ потомковъ, но и для всѣхъ сосѣднихъ земель и городовъ, а также и для всего христіанскаго мира, во вѣки вѣковъ не выпустить изъ хри-

стіанскихъ рукъ города Ревеля, который сильно колетъ глаза московиту и представляетъ стѣну и передовое укрѣпленіе для всѣхъ королевствъ, земель и городовъ у всего Балтійскаго моря, представляетъ собою отлично построенный городъ, сильную королевскую крѣпость и послѣ Бога первую защиту и утѣху всѣмъ притѣсненнымъ, несчастнымъ и безутѣшнымъ въ Ливоніи. — Кромѣ того Ревель есть отличный торговый городъ, который помогалъ и всегда будетъ помогать многимъ бѣднымъ гезелямъ изо всѣхъ земель достигать величія и богатства. — Посредствомъ этого города вмѣстѣ съ Ригой сначала было покорена вся Ливонія и впредь всегда можетъ быть снова покорена; и пока держатся оба города Рига и Ревель, то московитъ не господинъ, а только гость во всѣхъ завоеванныхъ имъ земляхъ, городахъ и крѣпостяхъ; и если бы были потеряны оба упомянутые города, чего избави Богъ, то и вся Ливонія была бы потеряна на вѣки, что причинило бы всѣмъ окрестнымъ землямъ и городамъ не только великую заботу и опасность, но и на всемъ Балтійскомъ морѣ былъ бы такой переворотъ и замѣшательство, который пришлось бы оплакивать во вѣки вѣковъ.

Кто нибудь пожалуй скажетъ, что я, какъ уроженецъ и житель города Ревеля, ради благосклонности Вашей Чести лицемѣрилъ и чтобы угодить Вамъ написалъ болѣе, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. На это мой короткій и откровенный отвѣтъ. Здѣсь дѣло мастера боится, истина очевидна, она всплываетъ наружу и отлично извѣстна всѣмъ сосѣднимъ городамъ и землямъ, и признается даже всѣми врагами и недоброжелателями. Поэтому не несправедливо, что я добромъ поминаю мой любезный родной городъ за его достохвальныя добродѣтели, которыя я самъ переживалъ, видѣлъ и испытывалъ въ немъ, съ чистой совѣстью и безо всякой неправды и лицемѣрія. И хотя слабо мое искуство и умѣнье достойно восхвалять и прославлять его, однако достовѣрно извѣстно, что городъ Ревель съ Божьей милостью и милостивымъ покровительствомъ достохвальнаго королевства шведскаго пріобрѣлъ у всего свѣта честное имя посредствомъ своей рыцарской стойкости и добродѣтелей и сталъ для всѣхъ другихъ городовъ вѣчнымъ и прекраснымъ примѣромъ всѣхъ честныхъ добродѣтелей, за что справедливо благодарить всемогущаго Господа и пожелать того же всѣмъ ревельскимъ потомкамъ и всѣмъ христіанскимъ городамъ, тѣснимымъ врагами. Такія достохвальныя добродѣтели Вашей Чести побудили и меня посвятить Вамъ 4-ую часть этой скромной хроники. — Почтительнѣйше прошу Вашу Честь принять отъ меня это посвященіе благосклонно и милостиво, за что считаю себя обязаннымъ во всякое время охотно и усердно просить всемогущаго Бога о временномъ и вѣчномъ благополучіи Вашей Чести.

Вашихъ милостей готовый къ услугамъ

Бальтазаръ Рюссовъ.

1. Дюненборгъ снова отнятъ у русскихъ, 1577

Теперь же, когда московитъ завоевалъ и занялъ такъ много крѣпостей и земель въ рижскомъ архіепископствѣ и въ землѣ леттовъ, чѣмъ нанесъ не малое огорченіе и печаль городу Ригѣ и курляндскимъ сословіямъ, и причинилъ особенно горе рижанамъ тѣмъ, что обозначилъ свою границу чуть-ли не въ шести миляхъ отъ города Риги и занялъ выше Риги всю рѣку Двину, по которой привозили къ нимъ всѣ припасы и товары, а также когда рижанамъ пришлось опасаться, что они не такъ то скоро отдѣлаются отъ несноснаго сосѣда, ибо еще не предвидѣлось сильнаго врага противъ ихъ сосѣда, московита: то многіе добрые и заботливые люди въ Курляндіи и въ рижскомъ архіепископствѣ стали усердно придумывать, какъ бы поскорѣй захватить въ расплохъ и отнять у московита нѣкоторые замки и крѣпости, которые не были заняты большими войсками. Первую подобную попытку они сдѣлали у Дюненборга, и послѣ того какъ чудеснымъ образомъ захватили этотъ замокъ въ расплохъ, они и впредь стали добиваться такихъ же успѣховъ.

Прим. перев. Царь выступилъ изъ польской Ливоніи въ сентябрѣ 1577 г., оставивъ въ занятыхъ городахъ и замкахъ гарнизоны. Гарнизоны эти оказались недостаточно осторожными. Такъ динабургскій замокъ былъ отбранъ литовцами, но не нѣмцами, хитростью, расчитанною на большое пристрастіе тогдашнихъ русскихъ къ вину (по словамъ Нестора, равноапостольный князь Владиміръ до своего крещенія «о питіи отинудь, рѣка: Руси есть веселье питье, не можемъ безъ того быти»). Литовцы, какъ бы въ знакъ дружбы, прислали русскому гарнизону въ Динабургъ бочку вина: русскіе немедленно перепились, а литовцы ночью ворвались въ замокъ и всѣхъ ихъ умертвили пьяныхъ. Литовцами командовалъ Вильгельмъ Плятеръ.

2. Іоаннъ Бюринкъ снова отнимаетъ Венденъ и другіе замки, 1577

Тогда и Іоаннъ Бюринкъ, писарь и управляющій замкомъ Трейденомъ, секретарь ливонскаго администратора Ходкѣвича, придумалъ также нѣсколько хитрыхъ замысловъ, чтобы отнять у московита городъ и замокъ Венденъ тонкимъ и скорымъ способомъ. Узнавши изъ вѣрныхъ источниковъ, что эта крѣпость снабжена лишь немногими начальниками (малочисленнымъ гарнизономъ), онъ тайкомъ велѣлъ сдѣлать двѣ длинныя лѣстницы; когда же онѣ были готовы, то онъ въ ночное время двинулся къ Вендену съ сотнею нѣмцевъ, восемьюдесятью конными поляками и съ двумя стами крестьянъ, и взялъ съ собой эти штурмовыя лѣстницы. Когда онъ со своимъ отрядомъ подошелъ близко къ Вендену, то имъ встрѣтилось множество одичалыхъ собакъ, которые пожирали мертвыя тѣла, оставленныя прошлой осенью московитомъ на съѣденіе псамъ, хищнымъ звѣрямъ и птицамъ; когда же эти собаки стали лаять, выть и тявкать, то Іоаннъ Бюринкъ и его спутники едва не упали духомъ и начали

было сомнѣваться въ удачѣ. Но наконецъ все таки ободрились и рѣшились попытать счастія у Вендена; поэтому сошли съ коней, поспѣшно притащили лѣстницы по глубокому снѣгу къ стѣнѣ и поднялись по этимъ лѣстницамъ. Поднявшись на стѣну, имъ приходилось скакать со стѣны на нѣсколько сараевъ, построенныхъ у внутренней стороны этой стѣны, а затѣмъ съ этихъ сараевъ на землю; когда же нѣкоторые изъ нихъ вмѣстѣ съ трубачемъ соскочили внизъ, то тотчасъ же бросились къ воротамъ, которыя не запирались ни днемъ, ни ночью, чтобы русскіе постоянно могли бы ходить другъ къ другу (изъ замка въ городъ), заняли эти ворота и пересѣкли имъ путь; остальные же поспѣшили по лѣстницѣ вслѣдъ за ними. Тогда скоро поднялась тревога въ Венденѣ, русскіе повскакивали со сна, и хотя только немного нѣмцевъ овладѣло воротами, однако русскіе въ городѣ думали, что нѣмцы уже захватили весь замокъ, а русскіе въ замкѣ были также увѣрены, что въ городѣ находится нѣсколько тысячъ нѣмцевъ и поляковъ, взявшихъ городъ. Поэтому русскіе, бывшіе въ замкѣ и городѣ, струсили и начали прятаться, куда ни попало. Нѣмцамъ не трудно было отворить городскія ворота, такъ какъ имъ помогъ одинъ слесарь, родомъ изъ леттовъ, оставшійся у русскихъ. Когда же Іоаннъ Бюринкъ вошелъ со своими людьми, то они повытаскивали русскихъ съ чердаковъ и погребовъ и обошлись съ ними такъ, какъ обыкновенно дѣлается въ подобныхъ случаяхъ. Случилось это въ декабрѣ 1577-го года. Немного времени спустя Іоаннъ Бюринкъ ловкимъ образомъ завладѣлъ замками Буртникомъ, Лемзелемъ, Роге и Нитовомъ; онъ много добра сдѣлалъ для Ливоніи, несмотря на то многіе оказали ему мало благодарности.

Прим. перев. Въ замкахъ Буртенскомъ, Лемзальскомъ и др. находились гарнизоны герцога Магнуса.

3. Герцогъ Магнусъ отправляется въ Пильтенъ, 1577

Въ тоже время, когда герцогъ Магнусъ окончательно удостовѣрился, что со стороны московита не было ничего кромѣ коварства и обмана, и что онъ не только не сдержалъ или былъ намѣренъ сдержать хоть самое меньшее изо всего, что обѣщалъ ему; но даже, если бы могъ распорядиться съ Ливоніей по своему желанію, то намѣренъ былъ изгнать его со всѣми нѣмцами изъ ихъ отечества и перевести къ татарской границѣ, онъ былъ принужденъ покинуть московита и съ супругой своей отправился въ Пильтенъ въ Курляндіи.

Прим. перев. Въ сущности дѣло было не такъ. Было уже сказано (см. выше стр. 278), что Іоаннъ въ сентябрѣ 1577, отправляясь изъ Дерпта въ Псковъ, простилъ Магнуса и отпустилъ его на волю, представивъ въ его распоряженіе кромѣ Оберпалена и Каркуса еще нѣсколько другихъ

замковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обязалъ его заплатить 40000 венгерскихъ гульденовъ. Деньги эти магнусовы военные люди отобрали у князя Полубенскаго въ Вольмарѣ (кажется, что деньги эти принадлежали королю польскому и потому Іоаннъ требовалъ ихъ, какъ военную добычу) и герцогъ обязался доставить ихъ царю къ Рождеству 1577 г., при чемъ въ случаѣ недоставленія къ сроку, Магнусъ подлежалъ аресту и отправленію въ Москву, при чемъ арестъ долженъ былъ продолжаться впредь до уплаты, но уже двойной суммы. Іоаннъ отпустилъ Магнуса, когда тотъ далъ ему такое обязательство.

Срокъ подходилъ, а денегъ не было, что же оставалось дѣлать Магнусу, какъ не передаться полякамъ, съ которыми Христіанъ Шрепферъ его именемъ завязалъ сношенія гораздо ранѣе (см. выше стр. 269). Къ тому же Магнусъ не могъ не видѣть, что его королевство разваливается прахомъ, что ему грозитъ опасность и отъ шведовъ, и отъ поляковъ, и отъ русскихъ. Онъ и рѣшился перемѣнить свои вассальныя отношенія къ Іоанну на такія же отношенія къ польскому королю, тѣмъ болѣе, что Христіанъ Шрепферъ получилъ отъ короля Стефана дозволеніе жить герцогу гдѣ угодно въ польской Ливоніи.

Чтобы покончить дѣло съ королемъ и избавиться отъ расплаты съ Іоанномъ, герцогъ тайно уѣхалъ съ женою изъ Оберпалена въ Пильтенъ (пильтенское епископство принадлежало ему). Отсюда онъ въ 1578 г. пріѣхалъ въ Баускъ, гдѣ и вступилъ въ переговоры съ княземъ Николаемъ Радзивиломъ, воеводою виленскимъ и гетманомъ литовскимъ. Переговоры кончились въ 1579 г. тѣмъ, что герцогъ Магнусъ всѣ свои владѣнія съ епископствомъ пильтенскимъ отдалъ подъ покровительство Литвы съ сохраненіемъ, однако, правъ на нихъ его брата, короля датскаго.

4. *Тщетныя попытки русскихъ у Вендена, 1578.*

Когда Венденъ былъ такимъ образомъ захваченъ въ расплохъ и занятъ Іоанномъ Бюринкомъ, то московитъ страшно досадовалъ на то, что долженъ былъ такимъ постыднымъ образомъ лишиться этого княжескаго города и замка, гдѣ нѣкогда находилось мѣстопребываніе магистровъ ливонскихъ, какъ владѣтелей страны, и который кромѣ того онъ взялъ лично. Поэтому онъ послалъ подъ Венденъ значительное войско и не мало орудій, около Срѣтенія 1578 года, и снова этотъ городъ былъ осажденъ, обложенъ окопами и снова его обстрѣливали. Тогда Іоаннъ Бюринкъ съ 40 всадниками вышелъ изъ города Вендена и ночью съ большой опасностью проѣхалъ мимо московитскаго лагеря въ Ригу, чтобы привести оттуда людей на выручку къ Вендену Между тѣмъ русскіе пробили выстрѣлами значительный проломъ въ стѣнѣ, не жалѣли они также и каменныхъ и огненныхъ ядеръ. Кромѣ того въ короткое время, по недостатку припасовъ, въ Венденѣ произошелъ такой голодъ, что жители должны были убить и съѣсть 124 лошади; а внутренности этихъ лошадей раздѣлили бѣднымъ. Когда русскіе услышали, что Іоаннъ Бюринкъ идетъ на помощь съ другими людьми, то начали штурмовать городъ и три раза тщетно ходили на приступъ. — Тогда они упали духомъ и поспѣшно

ушли съ орудіями за день до прибытія Іоанна Бюринка. — Но какъ отрядъ Бюринка не былъ силенъ, потому онъ не погнался за русскими, но удовольствовался счастіемъ, что Венденъ остался невредимымъ.

Прим. перев. Въ разр. книгахъ сказано: февраля въ 1 (г. 1578) ходили къ Кеси воеводы князь Ив. Өед. Мстиславскій съ сыномъ, бояринъ Морозовъ, а стояли у Кеси 4 дня; проломъ пробили великой, а Кеси не взявъ пошли отъ города, далъ Богъ здорово.

Бюрингъ пробрался изъ Вендена не въ Ригу, а въ Зегевольдъ, гдѣ стоялъ съ польскимъ войскомъ Ходкѣвичь, — Ходкѣвичь и далъ Бюрингу небольшой отрядъ войска на выручку Вендена.

Русскіе воеводы отошли отъ Вендена, получивъ невѣрное извѣстіе, будто на нихъ идутъ воеводы Баторія Дембинскій и Ходкѣвичь со всѣми ихъ силами.

5. *Оверпаленъ переходитъ къ шведамъ, 1578.*

Въ 1578 году, въ февралѣ, когда совѣтники герцога Магнуса и другіе дворяне изъ Оверпалена узнали, что герцогъ Магнусъ, ихъ господинъ, отложился отъ московита, и что по этому они подвергаются большой опасности въ Оверпаленѣ и имъ негдѣ искать защиты, то послали пословъ къ шведскимъ правителямъ въ Ревелѣ, просить у нихъ спасенія отъ московита, и предложили королю шведскому замокъ Оверпаленъ. Хотя шведскіе правители и затруднялись брать ли имъ безъ королевскаго приказанія замокъ, но они всетаки, безъ вѣдома и желанія своего короля, изъ христіанской любви спасли своихъ злѣйшихъ враговъ и гонителей отъ власти московита, и многихъ изъ нихъ привезли въ Ревель, замокъ же Оверпаленъ заняли шведскіе солдаты и орудія. При этомъ Іоаннъ Ведтбергъ фонъ Ангернъ былъ назначенъ начальникомъ (гауптманомъ) здѣсь; нѣкоторые же оверпаленцы, дворяне, и не дворяне, имѣвшіе тамъ хорошее кормленіе, остались жить въ мѣстечкѣ.

6. *Рижане тщетно осаждаютъ Ленневардъ, 1578.*

Въ тоже время рижане осадили замокъ Ленневардъ, въ надеждѣ голодомъ взять его у русскихъ. Но какъ русскіе обходились своими конями, и конскими шкурами и всякой кожей и выдерживали осаду, пока не пришла къ нимъ помощь, то рижане вскорѣ послѣ Пасхи должны были отступить и уйти отъ Ленневарда.

Прим. перев. Русскіе, стоявшіе въ Леневардѣ, наносили убытки рижанамъ, препятствуя торгу по Двинѣ, потому администраторъ Ходкѣвичь и предложилъ магистрату послать рижскихъ ландскнехтовъ осадить Леневардъ, обѣщая дать въ помощь ландскнехтамъ 500 польскихъ всадниковъ подъ начальствомъ ротмистра Платера, если магистратъ возьметъ на себя содержаніе этихъ всадниковъ. Магистратъ согласился и послалъ городскихъ ландскнехтовъ подъ Леневардъ, гдѣ начальствовали князь Ив. Мих. Елецкой да Леон-

тій Григ. Валуевъ. Питаясь кониной, русскій гарнизонъ выдерживалъ осаду цѣлый мѣсяцъ. Осаждающіе отступили, когда узнали, что изъ Кокенгузена идетъ на выручку русское войско. Оно дѣйствительно шло подъ начальствомъ воеводъ Очинъ-Плещеева и Кобякова и состояло изъ 2000 татаръ.

7 *Голодъ, 1578.*

Въ 1578 г., весною, въ Ревелѣ въ самомъ городѣ и по всей эстонской землѣ возникъ такой голодъ, что много сотенъ бѣднаго народу умерло съ голоду, а въ городѣ Ревелѣ всѣ булочники должны были праздновать за неимѣніемъ муки для печенія хлѣба и всѣ булочныя были заперты до Варѳоломеева дня. Нѣкоторые же купцы, у которыхъ еще была мука, сами пекли хлѣбъ на продажу и съ большой выгодой продавали его бѣднымъ людямъ, которые большими толпами такъ тѣснились у ихъ домовъ, будто хотѣли штурмовать ихъ. Когда же нехватало испеченаго хлѣба, то по причинѣ большаго скопленія и натиска народа бросали за деньги въ окно тѣсто, которые голодающіе клали на уголья и съѣдали полусырымъ.

8. *О китѣ, 1578.*

Въ тоже время, въ маѣ, въ Курляндіи на отмели застрялъ китъ, величиною въ 7 футовъ, который и былъ пойманъ.

9. *Датское посольство въ Россію, 1578.*

Въ тоже время въ маѣ, въ Перновъ прибыло большое, знатное датское посольство на нѣсколькихъ корабляхъ и галіотахъ, и отправилось въ Москву Ради этого и подобныхъ посольствъ, которыя въ эту ливонскую войну часто посылались отъ короля датскаго къ московиту и отъ московита снова въ Данію, у ливонцевъ была часто большая радость и надежда, такъ что одинъ писалъ другому много утѣшительнаго и по этому случаю часто распускали радостныя вѣсти; но въ концѣ концевъ все это оказывалось тщетной надеждой.

Прим. перев. Датскими послами были Яковъ Ильфельдъ и Григорій Ульстендъ. Они прибыли въ Москву съ жалобою короля датскаго Фридерика, что русскіе заняли въ Ливоніи датскія владѣнія: Гапсаль, Леаль и Лоде. Король датскій предлагалъ Іоанну свой союзъ для изгнанія шведовъ изъ Эстоніи, на часть которой король предъявлялъ свои права. Но Іоаннъ не призналъ этихъ правъ, а бояре московскіе не соглашались ни на какія уступки. Вѣчнаго мира съ Даніею не заключили, а лишь перемиріе на 15 лѣтъ, начиная съ 1 сентября 1578. Главнѣйшими условіями были: король признаетъ Ливонію и Курляндію собственностію царя, а царь утверждаетъ за Даніею островъ Эзель съ его землями и городами; король датскій не будетъ помогать ни шведамъ, ни Баторію; въ Норвегіи возстановляются древнія границы между русскими и датчанами; съ обѣихъ сторонъ объявляется полная свобода для купцовъ и безопасность для путешественниковъ; король

датскій не будетъ задерживать нѣмецкихъ художниковъ, которые поѣдутъ въ Москву чрезъ датскія владѣнія.

Король Фридерикъ остался недоволенъ этимъ договоромъ, выгоднымъ лишь для царя, лишилъ Ульфельда своихъ милостей и началъ обнаруживать вражду свою къ Москвѣ тѣмъ, что требовалъ пошлинъ съ англійскихъ купцовъ на пути ихъ къ Бѣлому морю, объявлялъ притязанія на нѣкоторыя пограничныя мѣста съ Норвегіею. Ульфельдъ оставилъ описаніе своего путешествія въ Москву, въ которомъ называетъ русскихъ людьми лукавыми и упрямыми и винитъ Іоанна за его гордость и властолюбіе. Въ договорѣ Ульфельда, хранящемся въ московскомъ архивѣ иностр. дѣлъ, нѣкоторые ливонскіе города обозначены названіями употреблявшимися русскими и нѣмцами:

Сыренскъ	по	нѣмецки	Нишлотъ.
Пайда	«	«	Вейсенштейнъ
Ровной	«	«	Раненбургъ.
Голбинъ	«	«	Шваненбургъ.
Чиствинъ	«	«	Сесвегенъ.
Фленцъ	«	«	Маріенгаузъ.
Пиболда	«	«	Пебалгъ
Страупа	«	«	Ропъ.
Алвестъ	«	«	Маріенбургъ
Говья	«	«	Адзель.
Селипень	«	«	Зельбургъ.
Скровенъ	«	«	Ашераденъ
Полчевъ	«	«	Верполь.
Адежъ	«	«	Неймюленъ.

Въ то самое время какъ датское посольство вело переговоры въ Москвѣ, въ Варшавѣ шли переговоры о заключеніи союза между Швеціею и Польшею для совмѣстнаго дѣйствія противъ Москвы. Такой союзъ былъ заключенъ шведскимъ посланникомъ Лорихомъ.

10. Дерптскій форштатъ сожженъ, 1578.

1-го іюня шведскіе воины изъ Оверпалена вмѣстѣ съ нѣмецкими гофлейтами и ландскнехтами изъ Ревеля и вмѣстѣ съ людьми Аннибала двинулись къ Дерпту и 4-го іюня зажгли большой дерптскій форштатъ, въ которомъ было скучено множество русскихъ домовъ, церквей, монастырей, усадебъ, амбаровъ и лавокъ; при чемъ многихъ русскихъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми они убили и сожгли, взяли тамъ и увезли огромную добычу

11. Побѣда русскихъ, 1578.

Когда эти воины возвратились изъ Дерпта въ Оверпаленъ, и большая часть изъ нихъ отдѣлилась и съ добычей отправилась въ Ревель, то подошло нѣсколько сотъ русскихъ и татаръ и стали неистовствовать по всей оверпаленской области, грабя, убивая и сожигая. Ихъ то встрѣтили шведы съ малымъ числомъ людей. А такъ какъ русскіе и татары превосходили своей многочисленностью шведовъ, то шведы были обращены въ бѣгство непріятелемъ, и во время

бѣгства многіе изъ нихъ были убиты и взяты въ плѣнъ. При этомъ были взяты въ плѣнъ Гансъ Врангель Иттерферскій, Гинрикъ Вульфъ Дертенскій и Адамъ Бельгольдъ, сынъ одного ревельскаго ратмана, и многіе другіе дворяне и хорошіе гезели, всѣ они были уведены въ Дерптъ и Москву.

12. *Русскіе берутъ Оверпаленъ, 1578.*

Въ тоже время московитъ послалъ въ Ливонію войско изъ русскихъ и татаръ, чтобы снова осадить и занять замокъ Оверпаленъ, съ которымъ недавно потерпѣлъ не мало позору Оверпаленъ былъ осажденъ московитомъ и окруженъ шанцами 15-го іюля. А такъ какъ шведское войско, назначенное для Оверпалена, замедлило въ Финляндіи по причинѣ противнаго вѣтра, то господинъ Юргенъ Бой изъ Гинеса вмѣстѣ съ Гансомъ Вахтмейстеромъ съ немногими шведскими и нѣмецкими гофлейтами и кнехтами и вмѣстѣ съ нѣкоторыми ливонскими крестьянами, всего 1200 человѣкъ, наскоро снарядились и вздумали попытать счастія противъ московита у Оверпалена. — Когда же онъ подошелъ на 6 миль до Оверпалена и услышалъ, что этотъ замокъ завоеванъ московитомъ 25-го іюля, то повернулъ назадъ очень опечаленный. А честные люди въ Оверпаленѣ должны были сдаться московиту по безвыходной нуждѣ, такъ какъ этотъ замокъ безсиленъ при большомъ нападеніи, и московитъ обѣщалъ имъ, что они могутъ свободно и безпрепятственно отправиться въ Ревель. Когда же они отошли отъ того замка, то несмотря на всѣ клятвы были взяты въ плѣнъ. Тогда русскіе и татары дрались за женщинъ и дѣвушекъ, и дворянокъ и недворянокъ, тащили ихъ себѣ за косы и увели всѣхъ въ Москву и Татарію. Нѣкоторые изъ шведскихъ слугъ были утоплены въ Дерптѣ въ Эмбахѣ, другіе повѣшены, а начальникъ Іоаннъ Ведтбергъ и всѣ шведскіе начальники были уведены въ Москву, гдѣ жестокимъ образомъ были замучены и убиты.

Прим. перев. Въ разрядныхъ книгахъ сказано, что воеводы московскіе, князья Ив. Юрьевичъ Голицынъ, Вас. Агашевичъ Тюменскій, Хворостининъ и Тюфякинъ городъ Полчевъ (Оверпаленъ) взяли 25 іюня, а нѣмецъ живыхъ 200 прислали къ государю къ Москвѣ, а ихъ побили. И воеводы не по государеву указу пошли въ Юрьевъ, и государь послалъ къ нимъ на прибавку съ берегу іюня въ 27 боярина князя Вас. Андр. Сицкаго, да окольничаго князя Петра Ив. Татева, а окольничаго князя Дм. Хворостинина, да князя Вас. Тюменскаго велѣлъ отпустить къ Москвѣ.

Іоаннъ приказывалъ воеводамъ взять Кесь (Венденъ), не задолго предъ тѣмъ потерянный (см. выше стр. 293), но воеводы замѣшкали и къ Кеси не пошли, ссорясь между собою о мѣстахъ. Тогда государь прислалъ къ нимъ кручинися съ Москвы посольскаго дьяка Андрея Щелкалова, а изъ Александровской Слободы дворянина Дан. Борис. Салтыкова, а велѣлъ имъ итти къ Кеси и промышляти своимъ дѣломъ мимо воеводъ. Тогда только пошли воеводы къ Кеси.

Весь августъ и сентябрь воеводы потеряли за спорами и выступили въ походъ лишь въ октябрѣ. Они дорого поплатились за это промедленіе, какъ изложено въ нижеслѣдующей главѣ.

13. Побѣда шведовъ и поляковъ надъ русскими не далеко отъ Вендена, 1578

Послѣ такой побѣды отрядъ московита усилился въ Дерптѣ многими людьми и орудіями, намѣреваясь снова осадить замокъ и городъ Венденъ. Тогда и шведскіе воины, посланные въ Оверпаленъ, явились въ Ревель; когда же эти воины услышали, что Оверпаленъ потерянъ, то глубоко огорчились не только за потерю замка, но также и за немилость короля. Поэтому они хотѣли попытаться напасть на московита, а удастся ли, это какъ Богъ дастъ.

16-го сентября эти воины, а именно три эскадрона шведскихъ и нѣмецкихъ гофлейтовъ и три небольшихъ отряда шведскихъ кнехтовъ, изъ которыхъ одинъ былъ герцога Карла Зюдерманландскаго, кромѣ того маленькій отрядъ нѣмецкихъ кнехтовъ города Ревеля — военачальникомъ былъ Юргенъ Бой изъ Гинеса (Генесъ въ Финляндіи) и Клаусъ Біорсонъ изъ Гаммельгардена былъ у него поручикомъ, ротмистрами были Мацъ Ларзонъ, Канутъ Іонсонъ и Гансъ Вахтмейстеръ, начальникомъ кнехтовъ былъ Гансъ Гротъ — всѣ эти упомянутые начальники и ротмистры съ воинскими людьми весело двинулись въ походъ искать московита. Подойдя къ Пернову въ двадцати миляхъ отъ Ревеля и получивъ извѣстіе, что московитъ намѣренъ осадить городъ Венденъ, они увидѣли, что не столько сильны, чтобы однимъ напасть на московита, и тутъ же узнали навѣрное, что въ рижскомъ округѣ находится также отрядъ польскихъ воиновъ; они послали по этому Каспара Тизенгаузена изъ Зальца и Киды къ полякамъ, чтобы узнать, не согласятся ли они дѣйствовать за одно со шведами. Хотя поляки и не отказали, однако видно было, что они затрудняются въ отвѣтѣ. Потому что поляки не мало удивлялись и дѣлали разныя предположенія на счетъ того, что шведы пришли болѣе чѣмъ 50 нѣмецкихъ миль неутомимо и безплатно на помощь крѣпости другаго хозяина съ большой опасностью для собственной жизни. Когда же поляки стали думать слишкомъ долго, то многіе изъ шведовъ хотѣли возвращаться домой въ Ревель.

Тогда господинъ Юргенъ Бой снова послалъ Клауса Меекса (Мексона) изъ Рапиффа къ польскому военачальнику, собственно за тѣмъ, чтобы узнать, что намѣрены дѣлать поляки; на это польскій военачальникъ отвѣтилъ, что навѣрное знаетъ о бытности московита въ этихъ мѣстахъ, но еще не знаетъ, къ которому именно мѣсту онъ двинется; поэтому проситъ шведскаго военачальника обождать еще день или три; затѣмъ онъ отправится къ нему со своимъ вой-

скомъ и вмѣстѣ съ нимъ по возможности будетъ трудиться сдѣлать лучшее. Съ такимъ отвѣтомъ онъ послалъ вмѣстѣ съ Клаусомъ Меексомъ къ шведскому начальнику и одного польскаго вождя. — Военачальникомъ поляковъ былъ Андрей Сцофіа, воевода новгородскій (Сапѣга, воевода новгородъ волынскій); ротмистрами были Леонардъ Китлицъ, владѣтель Мольница, Альбрехтъ Оборскій, Венцель Жаба, Феликсъ Островскій и Клаусъ Корфъ, все войско вмѣстѣ съ гофлейтами нѣмецкими и польскими было силою до двухъ тысячъ человѣкъ.

Въ то время, какъ эти послы посылались отъ одного упомянутаго военачальника къ другому, московитъ подошелъ къ Вендену съ 18000 человѣкъ и съ осадными пушками, картаунами и мортирами. Тогда шведы двинулись дальше къ Буртнику, гдѣ думали найти поляковъ; когда же ихъ тамъ не оказалось, то пошли дальше къ Мойану, въ 3 миляхъ отъ Вендена, и разбили тамъ свой лагерь. Въ тотъ же вечеръ туда прибыли и поляки, очень нарядные, красиво и хорошо вооруженные, и очень ласково встрѣтились со шведами. Въ слѣдующую ночь стали повсюду трубить, что ежели кто желаетъ слушать слово Божіе, то пусть идетъ на проповѣдь. Когда же проповѣдь была окончена вмѣстѣ съ нѣкоторыми духовными пѣснями, то всѣ выступили въ походъ и въ нѣсколько часовъ до восхода солнца они прошли болѣе двухъ миль, во все время слыша страшную пальбу московита у Вендена, и видѣли также, какъ страшные, огромные огненные шары въ темнотѣ пылали въ воздухѣ. Когда же въ одной милѣ отъ Вендена они подошли къ рѣкѣ или ручью, называемому Аа, и по ту сторону ручья замѣтили отрядъ русскихъ, то задержали ихъ полевыми орудіями, пока безпрепятственно не перешли рѣки; рѣка же эта была очень быстра и глубока, такъ что всякій всадникъ долженъ былъ посадить къ себѣ на коня ландскнехта, и плыли такимъ образомъ по водѣ, такъ что почти совсѣмъ перемокли.

Когда же всѣ перебрались на другую сторону рѣчки, то сдѣлали земной поклонъ всемогущему Господу и стали пѣть псаломъ. Внегда возвратити Господу плѣнъ Сіонь, быхомъ яко утѣшени. (Пс. 125). Затѣмъ они смѣло наступили на врага. Русскіе и татары противъ своего обыкновенія тоже оборонялись, такъ какъ не осмѣливались покинуть артиллеріи и орудій великаго князя. Тутъ то началась рыцарская игра. Когда русскіе увидѣли, что наши слишкомъ сильны для нихъ, то убѣжали въ свой лагерь, какъ въ выгодное для себя мѣсто. Но за ними храбро погнались со всѣхъ сторонъ и тогда то началась настоящая игра. Когда же русскимъ не помогла и выгодная позиція, то началось бѣгство изо всѣхъ силъ, при этомъ бѣгствѣ многіе изъ нихъ были убиты, многіе погибли. Но такъ какъ наши устали и впереди имъ еще предстояло дѣло съ русскими, находившимися въ шанцахъ съ артиллеріей, то не могли слишкомъ далеко гнаться за ними, а отправились въ московитскіе шанцы. —

Русскіе сильно оборонялись большими орудіями, и такъ стрѣляли, что съ ними нельзя было ничего подѣлать. Поэтому шведы такъ же и поляки всю ночь сторожили въ полномъ боевомъ порядкѣ, чтобы на слѣдующій день рано утромъ снова начать схватку съ русскими въ шанцахъ. Но русскіе не захотѣли дожидаться дня, а въ длинную ночь повылѣзали на четверенькахъ изъ шанцевъ и отправились въ Вольмаръ и другіе близь лежащія замки и крѣпости. Тогда наши на другой день очень рано утромъ завладѣли шанцами и нашли въ нихъ 14 орудій большаго калибра, картаунъ и шлангъ, 6 мортиръ и нѣсколько полевыхъ орудій. Эта битва произошла въ 1578 году, 21-го октября.

Въ этой битвѣ погибло шесть тысячъ русскихъ и татаръ и пало двадцать два человѣка изъ знатнѣйшихъ вождей московита. — При этомъ были также убиты, ранены и взяты въ плѣнъ слѣдующіе князья князь Василій Андреевичъ Сицкій, зять великаго князя, былъ убитъ, а князь Андрей Димитріевичъ раненый былъ отвезенъ въ Россію; князь Василій Ѳедоровичъ Воронцевъ былъ застрѣленъ изъ города Вендена, Андрей Щелкаловъ, канцлеръ великаго князя и его знатнѣйшій совѣтникъ, съ большимъ трудомъ спасся раненый.

Трое князей, именно князь Петръ Ивановичъ Татевъ, князь Семенъ Тюфякинъ-Обобленскій и князь Петръ Ивановичъ Хворостининъ были взяты въ плѣнъ и уведены въ Польшу Изъ шведовъ и поляковъ не погибло и ста человѣкъ, между ними самымъ знатнымъ былъ Гертвихъ Лейдебуръ, поручикъ Ганса Вахтмейстера. 5-го ноября шведы съ большой честью и радостью возвратились въ Ревель съ большой добычей; ландскнехты, отправившіеся пѣшими, возвратились всѣ верхами и привели съ собой болѣе тысячи московитскихъ коней. Послѣ этого счастіе совершенно измѣнило московиту

Прим. перев.. О неудачномъ сраженіи подъ Венденомъ въ разрядныхъ книгахъ записано, что воеводы у Кеси стояли 5 дней, и по городу били и выбили стѣну, и собрались нѣмецкіе и литовскіе люди и воеводъ побили, а нарядъ весь взяли: волка (имена пушекъ), двѣ дѣвки, да змѣй парновскій, да 3 верховыхъ, да 7 полутарныхъ, да 3 скорострѣльныхъ. А воеводъ убили: боярина князя Вас. Анд. Сицкаго, да окольничаго Вас. Ѳед. Воронцова, да Дан. Салтыкова, да князя Мих. Вас. Тюфякина; а живыхъ взяли окольничаго князя Петра Ив. Татева, да князя Петра Хворостинина; да князя Семена Тюфякина, да дьяка Андрея Клобукова; а съ дѣла сбѣжали, и своихъ выдали и нарядъ покинули: боринъ Ив. Юрьев. Голицынъ, да окольничій Ѳед. Вас. Шереметевъ.

Королевскій секретарь Гейденштейнъ, оставившій описаніе войны Стефана Баторія съ Іоанномъ Грознымъ. разсказываетъ, будто московскіе пушкари, видя всеобщее бѣгство войска и не желая попадаться въ плѣнъ, повѣсились на своихъ орудіяхъ.

Русскія орудія, взятыя подъ Венденомъ, были перевезены въ Ригу

Шведы и поляки дѣйствовали за одно подъ Венденомъ въ силу за-

ключеннаго не за долго предъ тѣмъ, въ Варшавѣ союза между Швеціею и Польшею (см. выше стр. 298).

Неудача подъ Венденомъ имѣла несомнѣнное вліяніе на ходъ переговоровъ и сношеній между королемъ Стефаномъ и Іоанномъ. Было выше сказано (см. стр. 271), что въ январѣ 1578 г въ Москву пріѣхали послы Стефановы: воевода мазовецкій Станиславъ Крыйскій и воевода минскій Николай Сапѣга. Начали говорить о вѣчномъ мирѣ; царь потребовалъ, кромѣ Ливоніи, Курляндіи и Полоцка, Кіева, Канева и Витебска и въ оправданіе своихъ требованій вывелъ редословную литовскихъ князей отъ полоцкихъ Рогволодовичей: «Эти князья (гедиминовичи), говорилъ онъ, были славные великіе государи наши братья: по этому корона польская и великое княжество литовское наши вотчины, ибо изъ этого княжескаго рода не осталось никого, а сестра королевская государству не отчичь» (См. Соловьева VI, 355).

При подобномъ требованіи заключеніе вѣчнаго мира было невозможно, но переговаривавшіяся стороны согласились, однако, продолжать перемиріе еще на три года, начиная съ 25 марта 1578 г. Написали и перемирную грамоту, но очень странную, дѣлавшую и перемиріе невозможнымъ, ибо въ грамотѣ, написанной отъ имени царя, внесено было условіе: тебѣ, сосѣду (а не брату) нашему, Стефану королю въ нашей отчинѣ, лифляндской и курляндской землѣ въ наши города, мызы, пристанища морскія, острова и во всякія угодья не вступаться, не воевать, городовъ не засѣдать, новыхъ городовъ не ставить, изъ Лифляндіи и Курляндіи людей и городовъ къ себѣ не принимать до перемирнаго срока. Но въ польской грамотѣ, написанной послами отъ имени Стефана, этаго условія не было.

Въ то самое время, когда въ Москвѣ бояре вели переговоры съ Крыйскимъ и Сапѣгою, въ февралѣ 1578 г. созванъ былъ сеймъ въ Варшавѣ. Король Стефанъ кончилъ въ концѣ 1577 г. осаду Данцига и все вниманіе свое обратилъ на востокъ. На сеймѣ Баторій предложилъ вопросъ: съ которымъ изъ двухъ непріятелей начать наступательную войну, съ ханомъ-ли крымскимъ, нападавшимъ на Польшу во время осады Данцига, или съ царемъ московскимъ? Воевать съ крымцами опасно, потому что ханъ подручникъ турецкій и слѣд. Польша можетъ быть вовлечена въ войну съ Турціею, не пріобрѣвъ никакихъ выгодъ отъ крымцевъ, народа кочеваго и бѣднаго. Война съ Москвою трудна, но обѣщаетъ выгоды, ибо можно отъ Москвы отвоевать Ливонію — край богатый и по приморскому положенію своему важный для Польши.

Рѣшили воевать съ Москвою, назначили для того наборы, начали собирать войска.

Въ Варшавѣ рѣшили вести наступательную войну съ Москвою, а въ Москвѣ согласились на трех-лѣтнее перемиріе. Царь послалъ къ Стефану Карпова и Головина взять присягу съ него въ сохраненіи перемирія, а Стефанъ Баторій, чтобы только выиграть время на военныя приготовленія, въ мартѣ 1578 г. отправилъ къ Іоанну гонца Петра Гарабурду съ письмомъ, въ которомъ предлагалъ царю не предпринимать военныхъ дѣйствій въ Ливоніи до возвращенія русскихъ пословъ изъ Литвы, съ которыми паны будутъ вести переговоры объ этой странѣ. Гарабурда пріѣхалъ въ Москву въ апрѣлѣ и былъ задержанъ тутъ. Царь медлилъ отвѣчать Баторію, ожидая вѣстей изъ Ливоніи и слѣдствій похода къ Вендену

Точно также поступилъ Баторій съ Карповымъ и Головинымъ. Ихъ всячески задерживали на дорогѣ, спорили о титулѣ государей, и только въ началѣ декабря 1578 г. представили королю въ Краковѣ. Баторій къ этому времени заручился обѣщаніемъ папы ходатайствовать за него во всѣхъ

государствахъ Европы, переманилъ на свою сторону султана казнію казака Нодковы, овладѣвшаго было Валахіею, а что важнѣе, успѣлъ заключить наступательный и оборонительный союзъ со Швеціею; крымцы обѣщали ему тревожить Москву. Изъ Трансильваніи подходила къ Стефану его опытная дружина, изъ Германіи подходили наемныя войска. Папа прислалъ ему мечь съ благословеніемъ, а курфирстъ Бранденбургскій нѣсколько пушекъ. Въ Польшѣ и Литвѣ собиралось и обучалось войско, заготовлялся провіантъ. Баторій дѣйствовалъ неутомимо, распоряжался искусно, хотя литовскіе и польскіе паны уже въ то время въ значительной степени деморализованные изнѣженностію, роскошью, жаждою покоя *), помогали ему очень не усердно.

Баторій принялъ Карпова и Головина не съ честью, о здоровьѣ царя не спросилъ; послы не хотѣли потому править посольства. Тогда Воловичь, подканцлеръ литовскій, сказалъ имъ: «Вашего приказа здѣсь не будутъ слушать; какъ здѣсь вамъ скажутъ, такъ и дѣлайте; если за вами есть дѣло, то ступайте къ рукѣ королевской и правьте посольство, а государь нашъ Стефанъ король не встанетъ, потому что вашъ государь противъ его поклона не всталъ. Послы отвѣчали, что король царю не ровня, да и потому еще царь не всталъ, что тогда неизвѣстно было, чего хочетъ король, мира или войны, а теперь заключено перемиріе. Имъ отвѣчали, что они могутъ ѣхать назадъ и что литовскій гонецъ доставитъ Іоанну отвѣтъ королевскій.

Карповъ и Головинъ выѣхали изъ Кракова 11 декабря 1578 г., но ихъ задержали въ Литвѣ, такъ что они выѣхали оттуда лишь 12 іюня 1579 года.

Между тѣмъ Іоаннъ, обезпокоенный дурнымъ оборотомъ своихъ дѣлъ въ Ливоніи (венденскимъ пораженіемъ), задержкою пословъ въ Литвѣ, и узнавъ о происходившемъ на варшавскомъ сеймѣ, а равно и объ обширныхъ военныхъ приготовленіяхъ Баторія, также не терялъ времени, въ общемъ совѣтѣ бояръ и духовенства объявилъ, что настала година великаго кровопролитія и съ 5 декабря 1578 г. началъ сильныя приготовленія. Всю зиму воинскіе люди — дворяне, дѣти боярскія, стрѣльцы, казаки, татары, сосредоточивались въ Новгородѣ и Псковѣ.

Срокъ перемирію, заключенному между Финляндіею и Новгородскою областію (см. выше стр. 241) кончился 20 іюля 1577 г. Шведы, заключивъ въ Варшавѣ наступательный и оборонительный союзъ съ Польшею, не замедлили открыть наступательныя дѣйствія, ободреиныя къ тому пораженіемъ, которое потерпѣли московскіе воеводы подъ Венденомъ.

---

*) Извѣстный русскій выходецъ, князь Курбскій, о которомъ не разъ упоминалось выше, такъ писалъ о современныхъ ему польскихъ и литовскихъ панахъ: „Здѣшній король (Сигизмундъ-Августъ) думаетъ не о томъ, какъ бы воевать съ невѣрными, а только о пляскахъ да о маскарадахъ; также и вельможи знаютъ только пить да ѣсть сладко; пьяные они очень храбры; берутъ и Москву и Константинополь, и если бы даже на небѣ турокъ, то и оттуда готовы его снять. А когда лягутъ на постели между толстыми перинами, то едва къ полудню проспятся, встанутъ чуть живы, съ головною болью. Вельможи и княжата такъ робки и истомлены своими женами, что, послышавъ варварское нахожденіе, забьются въ претвердые города и, вооружившись, надѣвъ доспѣхи, сядутъ за столъ за кубки, и болтаютъ со своими пьяными бабами; изъ воротъ же городскихъ ни на шагъ. А если выступятъ въ походъ, то идутъ издалека за врагомъ, и походивши дня два или три, возвращаются домой, и что бѣдные жители успѣли спасти отъ татаръ въ лѣсахъ, какое нибудь имѣніе или скотъ — все поѣдятъ и послѣднее разграбятъ“ (См. Соловьева VI, 305).

14. Вторженіе шведовъ въ Россію, 1579.

Въ 1579 году, въ февралѣ, шведы изъ Выборга вторглись въ Россію и страшно раззоряли ее грабежемъ, убійствомъ и огнемъ. Въ тоже время и Гансъ Эриксенъ Бринкальскій двинулся въ Россію въ другомъ мѣстѣ со шведскимъ и нѣмецкимъ войскомъ между Нарвой и замкомъ Ніеномъ (Ніеншлотъ), и сжегъ тамъ до тла много церквей, дворянскихъ усадебъ и селъ и взялъ большую добычу, состоявшую изъ скота, воска, колоколовъ и всякой московитской утвари. Это было первое вторженіе изъ Ливоніи черезъ Пейпусъ и черезъ русскую границу, чего не случалось прежде во все время войны.

15 Киримпе сожженъ, 1579.

Въ тоже время Юргенъ Бутлеръ съ войскомъ курляндскимъ и войскомъ архіепископства рижскаго вторгся въ дерптское епископство, взялъ приступомъ небольшой замокъ Киримпе, убилъ въ немъ нѣсколькихъ русскихъ и сжегъ до тла этотъ замокъ.

Прим. перев. Бутлеръ это былъ одинъ изъ предводителей войска герцога курляндскаго, а польскими войсками, ходившими вмѣстѣ съ курляндскими подъ Киримпе, командовалъ Радзивиллъ.

16. Чума въ Ригѣ и Швеціи, 1579.

Лѣтомъ 1579 года, появилась чума, начавшаяся въ Ригѣ еще прошлой осенью; отъ нея умерло очень много народу Въ тоже время со дня св. Іакова чума начала такъ жестоко свирѣпствовать въ Швеціи, что въ одномъ Стокгольмѣ отъ дня св. Іакова до Ѳомина дня умерло отъ нея болѣе двѣнадцати тысячъ человѣкъ, и старыхъ и молодыхъ.

17 Татары въ Гарріенѣ, 1579.

Въ тоже время, въ іюлѣ, нѣсколько тысячъ татаръ жестоко свирѣпствовали въ Гарріенѣ. Поэтому два отряда нѣмецкихъ и шведскихъ гофлейтовъ и два небольшихъ отряда кнехтовъ и Иво Шенкенбергъ, иначе Аннибалъ, со своими крестьянами снарядились преслѣдовать этихъ татаръ. Татары, услышавъ о прибытіи шведовъ, обратились въ бѣгство подъ защиту замка Везенберга и его орудій, гдѣ заняли выгодную позицію. — Когда же шведамъ больше невозможно было ихъ преслѣдовать и многіе изъ нихъ были ранены тяжелыми орудіями изъ замка, то они должны были отступить и возвратиться въ Ревель.

18. Ивангородъ и Нарвское предмѣстье сожжены, 1579.

18-го іюля Бентъ Северинсонъ, шведскій адмиралъ, напалъ съ нѣсколькими кораблями на большое мѣстечко Ивангородъ въ Россіи и на большое Нарвское предмѣстье въ Ливоніи; сжегъ до тла оба эти незащищенныя мѣстечка, убилъ въ нихъ много русскихъ и взялъ огромную добычу вмѣстѣ со многими кораблями, нагруженными всякими товарами, цѣною въ нѣсколько бочекъ золота, и привезъ ихъ въ Ревель и Стокгольмъ съ большой славой.

19. Плѣнъ и смерть Аннибала, 1579.

Когда шведы изъ подъ Везенберга вернулись въ Ревель, Иво Шенкенбергъ, иначе Аннибалъ, снова отправился въ походъ со своими крестьянами, чтобы напасть на татаръ у Везенберга; незадолго передъ тѣмъ этого не смогъ сдѣлать цѣлый отрядъ шведскихъ и нѣмецкихъ воиновъ, а онъ одинъ вздумалъ одержать верхъ. Когда же онъ подошелъ поближе къ Везенбергу и получилъ вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что татары слишкомъ превосходятъ его своею многочисленностію, то счелъ лучшимъ занять какую нибудь выгодную позицію, чтобы изъ нея выманить непріятеля въ поле. Но его братъ Христоферъ Шенкенбергъ не согласился на то, и выбранилъ своего брата Иво, а также и другихъ, трусами и по своей безразсудной смѣлости съ нѣсколькими крестьянами былъ первый, отважившійся наступить. Когда же остальные увидѣли это, то послѣдовали за нимъ, храбро напали на татаръ, два раза оттѣсняли ихъ до везенбергскихъ воротъ и убили болѣе пятидесяти человѣкъ. Русскіе и татары очень удивлялись большой смѣлости такого ничтожнаго числа людей и были вполнѣ увѣрены, что у нихъ въ кустахъ есть гдѣ нибудь засада. Когда же во второй стычкѣ они поймали одного изъ людей Иво и узнали отъ него, что засады никакой нѣтъ, то всѣ татары и русскіе сообща бросились на нихъ и окружили ихъ со всѣхъ сторонъ. Когда Иво увидѣлъ это, то тотчасъ же бросился бѣжать. Христоферъ Шенкенбергъ не хотѣлъ сдаться въ плѣнъ, а храбро защищался до смерти, а Иво былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ самъ — шестьдесятъ, изъ которыхъ нѣкоторые были повѣшены въ Везенбергѣ, нѣкоторые же были брошены въ башню. — Послѣдніе чудеснымъ и непостижимымъ образомъ освободились изъ башни и черезъ нѣсколько недѣль пришли въ Ревель. — Когда Иво Шенкенбергъ былъ взятъ въ плѣнъ, то у всѣхъ русскихъ какъ въ Ливоніи, такъ и въ Россіи, поднялось такое ликованіе, будто они захватили въ плѣнъ государя какой нибудь земли. Черезъ нѣсколько времени они привели его съ тридцатью другими плѣнными къ великому князю въ Псковъ, гдѣ онъ обѣщалъ, что за него выдадутъ трехъ знатныхъ московитскихъ плѣнныхъ бояръ

или дворянъ. Но это не помогло, а его жестокосердно умертвили вмѣстѣ съ его товарищами. Ревельцы не мало печалились объ этомъ. Эта битва съ татарами у Везенберга произошла 27-го іюля 1579 года.

20. Вторженіе русскихъ въ Курляндію, 1579.

Того же 27-го іюля отрядъ русскихъ и татаръ ночью вторгся въ Курляндію, переправившись чрезъ Двину между Кокенгузеномъ и Ленневардомъ; они врасплохъ напали на лагерь курляндцевъ и убили болѣе шестидесяти человѣкъ дворянъ и кнехтовъ. Курляндцы должны были снести это поруганіе отъ московита за то, что были увѣрены въ своей безопасности, не держали хорошей стражи и не обращали вниманія на развѣдки и добрыя предостереженія.

Прим. перев. Въ Курляндію вступило значительно большее войско (въ разрядныхъ книгахъ сказано, что государь отпустилъ въ курляндскую землю воеводъ со многими людьми, а съ ними было 20 тысячъ татаръ нагайскихъ и казанскихъ), но оно было въ самомъ скоромъ времени возвращено обратно къ Кокенгузену, такъ какъ получились свѣдѣнія о наступленіи Баторія.

Было выше сказано, что Іоаннъ началъ готовиться къ войнѣ съ Баторіемъ съ 5 декабря 1578 г. Оставивъ войско въ 80 мѣстахъ для обереганія границъ по Волгѣ, Дону, Окѣ и Днѣпру, царь указалъ главнымъ силамъ сосредоточиваться въ Новгородѣ и Псковѣ. Всю зиму и весну шли ополченія къ Ильменю и Пейпусу. Іоаннъ, поручивъ Москву князю Андрею Петровичу Куракину, взявъ съ собою бояръ, думныхъ дворянъ и дьяковъ для воинскихъ и государственныхъ дѣлъ, въ іюлѣ выѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ всѣ воеводы уже ждали его приказаній.

Сюда пріѣхали Карповъ и Головинъ (см. выше стр. 304) и донесли царю, что Баторій идетъ уже къ московскимъ границамъ, но что изъ литовской шляхты идутъ съ Баторіемъ не многіе охочіе люди, а изъ польскихъ пановъ и шляхты никто не идетъ, кромѣ наемныхъ людей. Говорилъ король полякамъ и шляхтѣ, чтобъ шли съ нимъ всею землею къ Смоленску или Полоцку, но паны радные короля отговариваютъ, чтобы онъ отъ литовскихъ границъ войны не начиналъ, а стоялъ бы за Ливонію. А во всей землѣ, въ Польшѣ и Литвѣ, у всѣхъ одно слово, что у нихъ Стефану королю на королевствѣ не быть; а пока у нихъ Стефанъ король на королевствѣ будетъ, до тѣхъ поръ ни въ чемъ добру не бывать, и сколько имъ себѣ государей не выбирать, кромѣ сыновей московскаго государя или датскаго короля никого имъ не выбрать; а больше говорятъ во всей землѣ всякіе люди, чтобы у нихъ быть на государствѣ московскаго государя сыну.

Донесенія Карпова и Головина были совершенно справедливы; предъ началомъ московской войны Баторій находился въ очень затруднительномъ положеніи: поляки и литовцы рѣшительно не хотѣли воевать съ Іоанномъ. Но энергическій Баторій съумѣлъ преодолѣть всѣ препятствія и собрать войско хоть разноплеменное и разноязычное (нѣмцы, венгры, галичане и немногіе литовцы), но порядочно обученное и вооруженное, слѣд. своими качествами далеко превосходившее московскія ополченія, совсѣмъ не обученныя ратному строю и плохо вооруженныя. У Баторія была очень хорошая наемная пѣхота, венгерская и нѣмецкая, исправная артиллерія, и онъ самъ былъ

замѣчательнымъ и искуснымъ полководцемъ; у Іоанна пѣхоты почти вовсе не было, ибо въ его ополченіяхъ преобладала конница, артиллерія (нарядъ) была плохая, а генераловъ и вовсе не было, такъ какъ воеводами назначались лица, никогда и нигдѣ не изучавшія военнаго искуства и назначались не по военнымъ способностямъ, а по мѣсту, которое они занимали въ думѣ.

Исходъ борьбы не могъ подлежать сомнѣнію.

Было выше упомянуто, что при отправленіи въ декабрѣ 1578 года Карпова и Головина изъ Кракова имъ было сказано, что Баторій доставитъ отвѣтъ Іоанну на его письмо чрезъ особаго гонца. Гонца Лопатинскаго Баторій послалъ когда совершенно уже былъ готовъ къ войнѣ—въ іюнѣ 1579 г. Лопатинскаго остановили въ Дорогобужѣ и взяли у него письмо Баторія, писанное въ Вильнѣ 26 іюня 1579 г. Стефанъ писалъ, что не смотря на заключенное перемиріе (съ 25 марта 1578 г. на три года, см. выше стр. 303) Іоаннъ воюетъ Ливонію, что перемирная грамота написана обманно (это было справедливо). что онъ, Стефанъ, рѣшился искать управы оружіемъ.

Въ іюлѣ, въ то время какъ Іоаннъ прибылъ въ Новгородъ, Баторій сосредоточилъ свои войска въ Свирѣ и здѣсь созвалъ военный совѣтъ обсудить въ какую сторону направить походъ. Литовскіе паны совѣтовали итти къ Пскову, но Баторій, какъ полководецъ дальновидный, рѣшилъ иначе: онъ положилъ овладѣть Полоцкомъ и тѣмъ самымъ заставить русское войско вытти изъ Ливоніи, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ собственныхъ земель, изъ которыхъ оно могло получить подкрѣпленіе и продовольствіе.

Расчетъ былъ совершенно вѣренъ. Въ первыхъ числахъ августа Баторій сталъ подъ Полоцкомъ и Іоаннъ, находившійся въ это время во Псковѣ и полагавшій, что театромъ войны будетъ Ливонія, немедленно же долженъ былъ отозвать своихъ воеводъ: князя Хилкова и Безнина, посланныхъ въ Курляндію. Вотъ почему русское войско, едва появилось въ Курляндіи, немедленно же отошло къ Кокенгузену: оно получило назначеніе итти на выручку Полоцка, къ оборонѣ неприготовленнаго и имѣвшаго гарнизонъ не многочисленный.

21. Новый замыселъ Іоанна противъ Ревеля, разрушенный Стефаномъ Баторіемъ польскимъ, 1579.

Въ 1579 г. послѣ того какъ московитъ совершенно отказался ото всѣхъ переговоровъ, которые съ нимъ до этого времени желали вести на счетъ Ливоніи императоръ и короли и послѣ того какъ онъ исключилъ эту страну рѣшительно изо всѣхъ переговоровъ о мирѣ между Россіей, Швеціей и Польшей, предоставивъ ее себѣ и рѣшивъ, что никто не будетъ вмѣшиваться въ его дѣла, послѣ того какъ онъ былъ взбѣшенъ на городъ Ревель, съ которымъ воевалъ тамъ много лѣтъ, и которому ничего не могъ сдѣлать ни всѣми своими коварными замыслами, ни кознями, ни силой, но отъ котораго ежедневно терпѣлъ позоръ и убытки, и во что бы то ни стало жаждалъ взять его онъ поэтому рѣшился собственнолично осадить этотъ городъ въ этомъ же году, и для этого употребить въ дѣло свое наибольшее войско. Для этого онъ велѣлъ зимой перевозить самыя огромныя и тяжелыя орудія изъ Москвы во Псковъ, и за большую сумму денегъ купилъ у крымскихъ татаръ миръ на одинъ годъ; въ этотъ годъ онъ

рѣшился совсѣмъ покончить съ городомъ Ревелемъ и со всѣми прочими городами, крѣпостями и землями въ Ливоніи. Поэтому онъ собралъ въ Псковъ къ ливонской границѣ всѣхъ своихъ русскихъ, казанскихъ и астраханскихъ татаръ со всѣми, кого только могъ собрать, самъ же отправился также туда въ іюнѣ. Когда онъ былъ увѣренъ, что вполнѣ исполнитъ свое намѣреніе, всемогущій Господь устроилъ такъ, что Стефанъ Баторій, князь семиградскій, избранный недавно королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ, началъ въ это время противъ московита большую войну вмѣстѣ съ королемъ шведскимъ. Къ этимъ двумъ достохвальнымъ королямъ и государямъ ливонцы большею частью имѣли мало довѣрія въ началѣ ихъ правленія и вовсе не думали, что они смирятъ московита; и московитъ точно также меньше всего думалъ о томъ, что будетъ униженъ этими двумя достохвальными королями, которыхъ считалъ такими ничтожными сравнительно съ собой. Когда же эти достохвальные короли выступили въ походъ какъ разъ въ то время, когда московитъ собиралъ у Пскова свои войска противъ Ливоніи, то московитъ долженъ былъ пріостановить свои сборы. Тогда король польскій съ сильнымъ войскомъ отнялъ у московита большой городъ и крѣпость Полоцкъ и избилъ въ немъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Затѣмъ онъ взялъ также приступомъ замокъ Соколъ, убилъ въ немъ 4000 человѣкъ изъ лучшихъ ратниковъ московита вмѣстѣ съ нѣсколькими знатнѣйшими князьями, и многія тысячи взялъ въ плѣнъ. Въ тоже время въ сентябрѣ онъ взялъ замки Касьянъ (Козьянъ), Красный, Ситну, Туровль и Зуссу (Пещерду). Послѣ завоеванія этихъ крѣпостей Баторій двинулся дальше въ землю московита, гдѣ опустошилъ земли смоленскую, черниговскую и сѣверскую до Стародуба, сжегъ много городовъ съ нѣсколькими тысячами деревень, опустошилъ ихъ и взялъ несмѣтную добычу людьми и скотомъ. Когда московитъ испробовалъ серьезныя намѣренія, силу и могущество короля польскаго, то началъ дороже цѣнить ихъ и сталъ вести переговоры о мирѣ съ королемъ польскимъ.

Прим. перев. Рюссовъ рѣшительно ошибается, когда говоритъ, что Іоаннъ собиралъ войска для овладѣнія Ревелемъ. Войска собирались вовсе не для войны въ Эстоніи, а для войны съ Баторіемъ.

Полоцкъ былъ осажденъ въ началѣ августа; осажденные воеводы: князь Василій Телятевскій, Петръ Волынскій, князь Дмитрій Щербатый и дьякъ Ржевскій болѣе трехъ недѣль отбивались отъ Баторія и защищались съ чрезвычайнымъ мужествомъ. Они сдались 30 августа, когда венгры зажгли стѣны и не было уже возможности держаться, сдались съ условіемъ свободнаго выхода всѣмъ ратнымъ людямъ.

Посланные на помощь Полоцку воеводы не могли достигнуть этого города, такъ какъ всѣ дороги уже были заняты войсками Баторія подъ начальствомъ Христофора Радзивилла и Яна Глѣбовича. Русскіе воеводы Борисъ Шеинъ, Ѳедоръ Шереметьевъ и др. заняли крѣпость Соколъ.

По взятіи Полоцка, войска Баторія 19 сентября осадили Соколъ, а 25 сентября зажгли башни и штурмовали эту крѣпость. Штурмъ сопровождался отчаянною рѣзнею, такъ что старый полковникъ Вейеръ, служившій у Баторія, говорилъ, что бывалъ онъ на многихъ битвахъ, но нигдѣ не видалъ такого множества труповъ, лежавшихъ на одномъ мѣстѣ. Русскіе понесли при штурмѣ большую потерю: бояринъ Шеинъ былъ убитъ и съ нимъ пало 4000 человѣкъ русскихъ ратниковъ, бояринъ Шереметевъ съ малымъ лишь числомъ дѣтей боярскихъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Баторій овладѣлъ городами: Краснымъ, Козьяномъ, Ситною, Туровлемъ и Пещердою. Въ это самое время князь Константинъ Острожскій опустошилъ область сѣверскую до Стародуба и Почепа, а староста оршанскій Кмита область смоленскую, при чемъ было сожжено до 2000 селеній.

Взятіемъ Полоцка, Сокола и др. городовъ Баторій кончилъ походъ 1579 г. и въ октябрѣ возвратился въ Вильну Іоаннъ изъ Пскова возвратился въ Москву въ декабрѣ того же 1579 г

22. Пораженіе шведовъ, 1579.

Въ то время, въ августѣ, изъ Швеціи прибыло въ Ревель большое войско изъ рейтаровъ и кнехтовъ, вмѣстѣ съ сильной артилеріей, которые должны были отправиться 29-го августа черезъ Ревель къ Нарвѣ. 6-го сентября полтораста всадниковъ были отправлены изо всего отряда на развѣдки, подъ начальствомъ Іохима Греве. Когда они повстрѣчали отрядъ татаръ и не знали, какъ велико ихъ число, то очень храбро бросились на нихъ. Но огромной толпой татаръ они были всѣ окружены, перебиты и взяты въ плѣнъ, такъ что Іохимъ Греве только самъ съ большой бѣдой пѣшкомъ убѣжалъ отъ нихъ черезъ кустарники и болота.

23. Проливные дожди, 1579.

Тѣмъ же лѣтомъ стояла такая небывалая и неслыханная дождливая погода, что въ теченіе пяти недѣль не было трехъ дней безъ дождя. По причинѣ сильнаго дождя, длившагося и день и ночь, воины, а также и всѣ прочіе, совершенно упали духомъ.

Прим. перев. Дождливая погода стояла не въ одномъ Ревелѣ. Когда въ августѣ Баторій стоялъ подъ Полоцкомъ, то отъ дождей дороги испортились, обозныя лошади падали, ратники не могли найти сухаго мѣста подъ шатрами; особенно страдали нѣмцы, привыкшіе вести войну въ странахъ богатыхъ; въ противоположность имъ венгры отличались терпѣливостью и неутомимостію.

24. Татарскіе послы въ Швеціи. Чума тамъ же, 1579.

Въ 1579 г., 18-го августа, въ Стокгольмъ въ Швеціи прибыли татарскіе послы, посланные крымскими татарами черезъ Литву и Кенигсбергъ въ Пруссіи. Подаривши королю шведскому двухъ

верблюдовъ и красиваго коня, они стали просить, чтобы онъ не заключалъ мира съ московитомъ. — Это было очень рѣдкое посольство въ Швеціи. Въ тоже время, когда прибыли татары, въ Стокгольмѣ и по всей Швеціи развилась такая страшная чума, что въ короткое время отъ нея умерло въ одномъ только Стокгольмѣ двѣ тысячи и нѣсколько сотъ человѣкъ.

Прим. перев. Не излишне вспомнить, что Девлетъ-гирей, тотъ самый, что сжегъ Москву (см. выше стр. 204) умеръ 29 іюня 1577 — Сынъ его Магметъ-гирей, заступивъ мѣсто отца, напалъ на Литву и выжегъ не малую часть Волыни, исполняя завѣтъ вельможъ, которые говорили, что новый ханъ долженъ ознаменовать свое воцареніе кровопролитіемъ въ сосѣднихъ земляхъ. По поводу этого набѣга, на варшавскомъ сеймѣ (см. выше стр. 303) и разсуждали съ кѣмъ начинать войну съ ханомъ или Москвою.

Новый ханъ просилъ у Іоанна «поминковъ» 4000 р., но царь послалъ ему только 1000, за то Стефанъ далъ больше, чтобы только этотъ атаманъ хищниковъ не тревожилъ Литвы.

Посольство, прибывшее въ Стокгольмъ, было Магметъ-гиреево. Ханъ расчитывалъ, пользуясь войною между Польшею и Москвою, поживиться на счетъ обѣихъ воюющихъ сторонъ.

25. Несчастіе шведовъ у Нарвы, 1579.

13-го сентября шведы осадили Нарву, по случаю чего была большая радость и ликованіе по всей Ливоніи, особенно же въ Ревелѣ. Но скоро послѣ этой радости наступило великое горе и печаль, такъ какъ этотъ нарвскій походъ и осада окончились крайне несчастливо. Потому что въ продолженіи двухъ недѣль, во все время, которое шведы пробыли подъ Нарвой, имъ встрѣчались постоянныя неудачи: во первыхъ несносная, дождливая погода, которая такъ одолѣвала солдатъ, что у нихъ сгнила одежда на тѣлѣ. Во вторыхъ адмиралъ черезъ-чуръ замедлилъ доставкою артиллеріи и кораблей съ провіантомъ, вслѣдствіе чего въ лагерѣ произошелъ такой голодъ и изнуреніе, что отъ голода умерло болѣе 1500 кнехтовъ. Въ третьихъ и татары стали ставить шведамъ препятствія при фуражировкѣ и наносили имъ вредъ, такъ что они ни какъ не могли добыть чего либо изъ земель непріятеля. И когда выходилъ отрядъ шведовъ немного посильнѣе, то татары всегда убѣгали отъ нихъ; когда же шведы возвращались назадъ въ лагерь, то татары снова поспѣшно нагоняли ихъ и постоянно мучили шведовъ. И такъ, когда повсюду рушились всѣ попытки шведовъ и когда ихъ совершенно одолѣли голодъ и горе, то вслѣдствіе крайней нужды они въ сентябрѣ отступили отъ Нарвы.

26. Набѣги татаръ въ Эстляндію, 1579.

Когда шведы были на обратномъ пути, то татары постоянно шли вслѣдъ за ними по дорогѣ и убили многихъ кнехтовъ, которые

истощенные, больные и усталые не могли поспѣть за другими, многіе даже поумирали на дорогѣ и никѣмъ не были схоронены. Тогда татары отняли также безъ малѣйшаго труда много обозныхъ телѣгъ вмѣстѣ со многими лошадьми. Когда же крестьяне въ Вирландѣ увидѣли, что счастье такъ везетъ татарамъ, то очень многіе молодые батраки добровольно перешли къ татарамъ и остались у нихъ, а крестьяне въ Вирландѣ всѣмъ жаловались, что не могутъ удержать у себя ни одного батрака.

Тогда эти же татары стали лагеремъ у Ніенгофа въ 6 миляхъ отъ Ревеля, и страшно опустошили какъ эту страну, такъ и весь Гарріенъ, убивая и грабя, старыхъ перебили, а молодыхъ увели въ плѣнъ. Они сходили съ коней, обыскивали кусты и болота и криками спугивали людей, какъ спугиваютъ дичь, и выгоняли ихъ; но повсюду совершенно воздерживались отъ поджоговъ, для того, чтобы не видно было, откуда они идутъ, или куда направляются и гдѣ бы отъ нихъ слѣдовало беречься.

Когда же весь Гарріенъ былъ опустошенъ самымъ плачевнымъ образомъ, то татары двинулись въ Викъ на помощь къ замку Габсалю, который осадили нѣсколько сотъ крестьянъ, поднявшихся на удачу съ нарвскаго похода. Крестьяне такъ устрашили русскихъ, находившихся въ Габсалѣ, что тѣ принуждены были обратиться за помощью къ татарамъ.

Этимъ татарамъ совсѣмъ не трудно было бы противостоять, если бы шведскіе воины не потеряли мужества и охоты къ тому вслѣдствіе несчастной нарвской осады. Потому что въ прошломъ году шведы не затруднялись съ небольшими силами ходить на московита до самого Вендена за 50 нѣмецкихъ миль пути. Теперь же наоборотъ небольшой отрядъ татаръ пошелъ на шведовъ и преслѣдовалъ ихъ, что имъ было очень выгодно дѣлать, такъ какъ шведы были совершенно истощены труднымъ нарвскимъ походомъ, а также и осадой.

Выручивъ замокъ Габсаль, татары и въ Викѣ свирѣпствовали точно такъ же, какъ и въ Гарріенѣ множество бѣднаго народу они взяли въ плѣнъ и увели съ собой, несмотря на то, что Викъ въ то время былъ землей ихъ же господина, московита. Немного времени спустя, когда этотъ отрядъ татаръ ушелъ изъ Гарріена и Вика въ рижскій округъ, и бѣдные крестьяне, попрятавшіеся въ пустыряхъ, кустарникахъ и болотахъ, возвратились домой, явился другой отрядъ русскихъ и татаръ по той же дорогѣ изъ Везенберга. Противъ всякаго ожиданія и помышленія, этотъ отрядъ снова самымъ прискорбнымъ образомъ напалъ, захватилъ въ расплохъ и увелъ въ плѣнъ многихъ крестьянъ съ ихъ женами и дѣтьми, оставшихся еще послѣ прихода прежняго отряда татаръ. Такъ въ Гарріенѣ одно злополучіе слѣдовало за другимъ. Случилось же это въ октябрѣ 1579 года.

27 Непогода, 1580.

Въ 1580 г., 25-го іюля, въ Ливоніи, особенно же въ Іервенѣ поднялась такая ужасная непогода съ громомъ, молніей и градомъ, будто насталъ конецъ міра. Шелъ такой крупный градъ, что нетолько совершенно побилъ и уничтожилъ весь хлѣбъ на нѣсколько миль вокругъ Виттенштейна, будто тамъ и небыло ничего посѣяно, такъ что никто и не воспользовался посѣвомъ, но и убилъ въ лѣсахъ и на поляхъ много дикихъ звѣрей и птицъ, которыхъ послѣ того крестьяне кучами собирали себѣ для кушанья. Когда же крестьяне принесли русскимъ въ Виттенштейнѣ, какъ своимъ господамъ, нѣсколько убитыхъ градомъ зайцевъ и куропатокъ, то русскіе не хотѣли принять ихъ, говоря, что имъ неприлично ѣсть то, что убилъ Господь Богъ. Послѣ этой страшной непогоды, русскіе, также какъ ливонскіе крестьяне, сочиняли и распространяли ужасныя вещи, которыя будтобы случились и были замѣчены во время этой непогоды.

28. Побѣда поляковъ въ Россіи, 1580.

Въ 1580 г , въ іюлѣ, король польскій съ сильнымъ войскомъ во второй рззъ двинулся въ землю московита, и 5-го сентября взялъ силой и занялъ городъ и замокъ Великія-Луки и много тысячъ людей убилъ и погубилъ въ этомъ мѣстѣ. Въ тоже время онъ завоевалъ и занялъ крѣпости Невель, Велижь, Усвятъ и Заволочье.

Прим. перев. Первая половина 1580 г. прошла въ Москвѣ и Польшѣ въ сборахъ и приготовленіяхъ къ дальнѣйшему продолженію войны, въ пересылкахъ гонцевъ изъ Польши въ Москву и изъ Москвы въ Польшу Письма, конечно, не приводили ни къ какимъ результатамъ, да и пересылались единственно за тѣмъ, чтобы только выиграть время.

Король Стефанъ, возвратившись съ похода 1579 г. въ Вильну, не встрѣтилъ ни въ полякахъ, ни въ литовцахъ никакой особенной охоты продолжать войну, ему предстояло пропасть хлопотъ, чтобы собрать деньги и войско. Знаменитый канцлеръ Янъ Замойскій помогъ королю и къ срединѣ 1580 г. польское войско приготовилось къ новому походу: венгерскіе и нѣмецкіе наемники составляли главную основу его. Въ числѣ предводителей нѣмецкихъ жолнѣровъ былъ и датскій полковникъ, Георгій Фаренсбахъ, тотъ самый, который былъ на службѣ у Іоанна и ушелъ отъ него въ Ливоніи (см. выше страницу 213).

Въ Москвѣ тоже не теряли времени, сбирали деньги и войско, но здѣсь вовсе не было искусныхъ въ военномъ дѣлѣ иностранныхъ дружинъ, не было и полководцевъ, которые бы могли равняться съ Баторіемъ Не зная ничего о намѣреніяхъ короля. Іоаннъ долженъ былъ снова растянуть свои войска, послать полки и къ Новгороду и къ Пскову, къ Кокенгузену и Смоленску, долженъ былъ оставить сильные отряды на южныхъ границахъ на случай вторженія крымцевъ, и усилить гарнизоны въ Эстоніи для оборонительной войны противъ шведовъ. Главное начальство надъ русскими войсками было ввѣрено великому князю Симеону Бекбулатовичу и боярину князю Ивану Ѳедоровичу Мстиславскому.

Баторій рѣшился начать походъ 1580 г. движеніемъ на Великія Луки, но собралъ войска подъ Чашниками на рѣкѣ Улѣ и на одинаковомъ разстояніи отъ Великихъ Лукъ и отъ Смоленска, вслѣдствіе чего до послѣдней минуты оставалось неизвѣстнымъ, куда именно король направитъ свои войска (численность ихъ не превосходила 30,000 человѣкъ). Чрезъ болота и лѣса, Баторій вышелъ къ Велижу и къ Усвяту, взялъ обѣ эти крѣпостцы и въ концѣ августа сталъ подъ Великими Луками. Сюда явились московскіе послы—князь Сицкій и Пивовъ и начали было переговоры, которые не привели ни къ какимъ результатамъ. Осажденные начали переговоры о сдачѣ, но венгры, боясь лишиться добычи, воспользовались 5 сентября взрывомъ башни, наполненной порохомъ, мгновенно ворвались въ городъ и вмѣстѣ съ поляками перерѣзали всѣхъ, кто ни попадался. За Великими Луками былъ взятъ Невель, за тѣмъ Озерище, наконецъ Заволочье. Взятіемъ этихъ городовъ Баторій кончилъ походъ 1580 г. Русскіе нигдѣ не имѣли удачи, за исключеніемъ дѣла подъ Смоленскомъ, гдѣ оршанскій воевода Филонъ Кмита потерпѣлъ сильное пораженіе въ сентябрѣ.

29. Шведское ополченіе противъ Кекгольма, 1580.

Въ тоже время и король шведскій еще впродолженіи чумной эпидеміи собралъ сильное войско и двинулся въ землю московита съ намѣреніемъ осадить городъ Кекгольмъ; къ этому отряду присоединился также и Гансъ Вахтмейстеръ со своимъ отрядомъ нѣмецкихъ гофлейтовъ изъ Ревеля. Главнымъ полководцемъ былъ Понтусъ Делагарди, баронъ и рыцарь Эйкгольмскій, а подчиненные ему лейтенанты и главные начальники были Германъ Флеминкъ изъ Вилліаса (Вилльнеса), Юргенъ Бойе изъ Гинеса и Карлъ Гинриксенъ изъ Канкаса.

30. Комета и большая чума, 1580.

Той же осенью 1580 года, въ октябрѣ и ноябрѣ, снова въ Ливоніи видна была комета. Въ тоже время, въ ночь св. Мартина, сначала въ Ревелѣ, а потомъ и по всей странѣ обнаружилась такая скоротечная болѣзнь и чума, что въ короткое время отъ нея умерло несмѣтное количество народу, и не было ни одного города, замка или села, даже одного дома въ городѣ, даже ни одного двора въ селѣ, гдѣ въ одно время не лежали бы больными всѣ люди, и старые, и молодые. Тогда не было ни одного человѣка ни на одной улицѣ или на рынкахъ въ городахъ и на всѣхъ большихъ дорогахъ и въ деревняхъ и ни въ одной церкви въ городѣ нѣсколько дней не было проповѣди. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ ни одинъ человѣкъ не былъ на столько здоровъ и силенъ, чтобы накормить или напоить скотъ, почему нѣсколько дней слышались жалобное блеянье и мычанье голодной скотины. Сначала думали, что эта внезапная чума посѣтила лишь одну Ливонію, но впослѣдствіи узнали, что она обошла весь обширный

міръ, какъ Турцію и Татарію, такъ и все христіанство; эта чума длилась въ Ревелѣ съ мартинова дня до новаго года.

31. Шведы завоевываютъ Кекгольмъ, 1580.

4-го ноября 1580 г король шведскій силой отнялъ у московита городъ и замокъ Кекгольмъ, къ которому принадлежитъ почти цѣлое княжество. Когда же шведы подошли, то хорошо зная и испытавши много разъ передъ тѣмъ, что тяжелыми орудіями ничего не подѣлаютъ съ этимъ городомъ, такъ какъ онъ лежитъ между быстрыми, стремительными рѣками и большими болверками и блокгаузами защищенъ отъ сильнаго нападенія; они поэтому задумали попытать счастія у этого города только съ помощью раскаленыхъ ядеръ и скоро этими ядрами произвели въ городѣ такой пожаръ, что невозможно было потушить его. Тогда много русскихъ, и мущины и женщины сами бросились въ воду и топились, и болѣе двухъ тысячъ человѣкъ были убиты и уничтожены въ этой суматохѣ шведами. Когда же воевода Кекгольмскаго замка, построеннаго также изъ дерева и лежавшаго вблизи отъ города, увидѣлъ, что шведы не шутятъ, то скоро въ большомъ страхѣ передалъ замокъ королю шведскому и удержавъ за собой право свободнаго выхода, онъ со всѣми подчиненными отправился въ Россію; этого воеводу звали Атталуикъ Ованинъ (?).

32. Какъ шведы осаждали Падисъ и взяли его у русскихъ, 1580.

Въ тоже время и замокъ Падисъ въ Ливоніи былъ осажденъ шведскими и ревельскими кнехтами и туземными помѣщиками и крестьянами, а начальниками этихъ воиновъ были Дидерикъ Анрецъ и Арендъ Ассеріенъ. А такъ какъ Падисъ былъ ближайшимъ замкомъ отъ Ревеля и лежалъ отъ него лишь въ шести миляхъ, то московитъ, намѣреваясь постоянно тревожить изъ него Ревель, такъ сильно укрѣпилъ его противъ нападеній, что почти невозможно было взять его съ помощью орудій. Поэтому упомянутые воины, узнавши изъ вѣрныхъ источниковъ, что въ землѣ не было большихъ запасовъ провіанту, рѣшили попытать счастія долговременной осадой, и пробыли у Падиса все лѣто до новаго года. Простоявши тутъ довольно долгое время и узнавши отъ перебѣжавшихъ русскихъ, что въ Падисѣ страшный голодъ и изнуреніе, они задумали 14-го ноября взять замокъ приступомъ, но въ этомъ приступѣ они потеряли около ста человѣкъ крестьянъ и нѣмецкихъ и шведскихъ ландскнехтовъ. Несмотря на то, нѣмцы не считали своего дѣло проиграннымъ, а остались у замка и долѣе. Когда же русскіе увидѣли, что они и не думаютъ отступать, то многіе изъ нихъ другъ за другомъ въ ночное время пере-

бѣгали къ шведамъ и всѣ приносили добрыя вѣсти, что русскіе въ Падисѣ отъ великаго голода и изнуренія не долго продержатся въ замкѣ и что многіе изъ нихъ уже умерли съ голоду и лежатъ больные или отъ голода или отъ скоротечной чумы. Наконецъ Гансъ Эрикссенъ Бринкальскій, ревельскій губернаторъ, отправился туда же около Рождества и послалъ къ падискому воеводѣ трубача, чтобы завести мирные переговоры, но изъ великой злобы воевода застрѣлилъ трубача. Наконецъ, когда къ шведамъ перебѣжало нѣсколько знатнѣйшихъ бояръ и начальниковъ вмѣстѣ со своими священниками и принесли вѣрныя извѣстія, что русскіе въ замкѣ съѣли нетолько своихъ лошадей, собакъ и кошекъ со всѣми ихъ внутренностями, не только съѣли всѣ лошадиныя шкуры, свои сапоги и башмаки и кожу съ сѣделъ, но сушили сѣно и солому, мяли ихъ, дѣлали изъ нихъ муку, варили изъ этого кашу и долгое время такимъ образомъ обходились безъ хлѣба — а также, что нѣкоторые изъ простыхъ ратниковъ убили маленькаго мальчика лѣтъ шести и тайно съѣли его, также какъ и двухъ дѣтей, уже раньше умершихъ — то шведы поэтому рѣшились еще разъ идти на приступъ. Когда же были принесены лѣстницы и подставлены къ стѣнамъ, то русскіе сами помогали поднимать ихъ и сами сошли внизъ первые. Этихъ оставили въ живыхъ; потому что они были совершенно истощены и въ теченіи 13 недѣль не пробовали хлѣба. Остальные же, которыхъ ландскнехты и крестьяне нашли въ замкѣ, должны были и старые, и молодые поплатиться жизнію. При этомъ былъ убитъ также и главный воевода Даніилъ Чихачевъ, а младшій воевода (князь) Михаилъ Сицкій былъ оставленъ въ живыхъ, ради отобранія у него свѣдѣній, плѣнныхъ же отвели въ Ревель. Случилось это 28-го декабря 1580 г Въ тоже время въ лагерѣ распространилась быстрая, скоротечная язва, отъ которой переболѣли всѣ воины у Падиса. Русскіе легко могли бы выручить Падисъ съ 60-ю всадниками, если бы ихъ также не мучила эта язва, вмѣстѣ съ войскомъ короля польскаго.

33. Везенбергъ осажденъ и взятъ Понтусомъ Делагарди, 1581.

Когда былъ взятъ замокъ Падисъ и воины, по причинѣ продолжительныхъ осадъ и тяжкой язвы, были еще слабы и изнурены, также какъ и русскіе, то съ новаго года до средины поста въ Эстоніи дѣла находились въ такомъ положеніи, будто повсюду былъ добрый миръ. Но когда меньше всего ожидали возобновленія войны, шведы предприняли неслыханно трудный походъ отъ Выборга къ Везенбергу въ Ливоніи, противъ всякаго чаянія какъ ливонцевъ, такъ и русскихъ. Потому что шведамъ приходилось итти по компасу около пятидесяти миль по суши и по морю, замерзшему между Финляндіей и Ливоніей Прибывши въ Ливонію, они немедленно поспѣшили къ замку Везен-

бергу, осадили этотъ замокъ 20-го февраля 1581 года и убили и взяли въ плѣнъ сто русскихъ стрѣлковъ, присланныхъ изъ сосѣднихъ замковъ на помощь къ везенбергскимъ русскимъ. Между тѣмъ военачальникъ Понтусъ Делагарди и Гансъ Вахтмейстеръ, ротмистръ нѣмецкихъ гофлейтовъ, совершенно неожиданно прибыли въ Ревель, чтобы доставить къ Везенбергу нѣсколько орудій, провіанту, а также и ревельское войско, что ревельцы не замедлили исполнить. А такъ какъ тяжелыя орудія по дурной, неровной дорогѣ не такъ то скоро можно было провезти 15 миль, то господину Понтусу и другимъ начальникамъ время показалось въ лагерѣ черезъ чуръ продолжительнымъ. Поэтому они сперва хотѣли попытать счастія пушками, привезенными изъ Финляндіи. Когда же нѣсколько плѣнныхъ русскихъ и шведскіе кнехты поставили туры, то фейерверкеры 1-го марта начали стрѣлять огненными ядрами въ большое предмѣстье, въ которомъ было очень много деревянныхъ построекъ. Предмѣстье загорѣлось и огонь такъ быстро распространился, что невозможно было тушить его. въ часъ времени поднялось такое зарево, что въ сумеркахъ его видно было за 14 нѣмецкихъ миль. Такъ какъ замокъ лежитъ на довольно высокой горѣ, то онъ былъ видѣнъ со всѣхъ сторонъ на очень большомъ разстояніи. Этотъ русскій деревянный замокъ былъ построенъ у стараго каменнаго замка въ видѣ большаго укрѣпленнаго предмѣстья, такой длины и ширины, что въ немъ могли жить много тысячъ людей; оно было обстроено со всѣхъ сторонъ крѣпкими блокгаузами, больверкомъ и высокими деревянными башнями съ оборонительными снарядами лучшаго устройства изъ большихъ толстыхъ бревенъ; а эти блокгаузы и больверки были наполнены большими, тяжелыми булыжниками и сильно укрѣплены, кромѣ того снаружи вокругъ горы было выведена каменная стѣна, такъ что замокъ легко могъ выдержать всякій натискъ артиллеріи и орудій, поэтому и шведскій король въ 72 году впродолженіи 12-ти недѣль ничего не могъ подѣлать замку со всѣмъ своимъ огромнымъ войскомъ изъ нѣмцевъ, шведовъ и шотландцевъ и съ сильной артиллеріей и боевыми снарядами. Но теперь, при новомъ искусствѣ бросать огненными ядрами, съ замкомъ, не долго думая, покончили въ полъ дня времени. Когда русскіе увидѣли, что не могутъ справиться съ огнемъ, то сами зажгли на противоположной сторонѣ нѣсколько башень, блокгаузовъ и укрѣпленій, чтобы въ нихъ не засѣли шведы, а также, чтобы имѣть свободный выходъ въ поле. Потому что они намѣрены были еще защищаться въ старомъ нѣмецкомъ замкѣ, въ который отступили.

Между тѣмъ подвезли изъ Ревеля тараны. Ихъ немедленно же уставили и стали ими пробивать стѣны. Тогда воевода Стефанъ Федоровичъ Сабуровъ послалъ внизъ одного русскаго для начатія мирныхъ переговоровъ. Шведы перестали стрѣлять и начали переговоры

съ русскими. Послѣ короткихъ переговоровъ, русскіе, получивъ право свободнаго выхода, удалились изъ замка Везенберга, очистили и передали его шведамъ 4-го марта 1581. Тогда изъ замка ушло болѣе тысячи человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей; они несли передъ собой свои образа, писанныя на деревянныхъ доскахъ, и такимъ образомъ отправились въ Россію. Когда шведы вступили въ замокъ, то нашли въ немъ огромные запасы всякаго хлѣба, также сильные боевыя снаряды, орудія и порохъ.

34. Тольсборгъ переходитъ къ шведамъ, 1581.

Послѣ покоренія замка Везенберга, шведы двинулись къ Тольсборгу, лежавшему въ трехъ миляхъ отъ Везенберга у берега моря у прекрасной гавани. Когда русскіе въ Тольсборгѣ услышали, что ихъ главный замокъ Везенбергъ во власти шведовъ, то не долго думая, поспѣшили сдаться 8-го марта. А такъ какъ дорога вдругъ испортилась, такъ что трудно было двигаться съ орудіями, потому шведы не могли на этотъ разъ продолжать дѣйствіе, а должны были поспѣшно по льду уходить обратно въ Финляндію.

35. Частые разбойничьи набѣги, особенно крестьянъ на крестьянъ же, 1581.

Когда Везенбергъ и Тольсборгъ были прочно заняты шведскими гарнизонами, то съ обѣихъ сторонъ поднялся сильный грабежъ и набѣги шведовъ съ одной стороны и русскихъ изъ Нарвы, Дерпта и Виттенштейна съ другой. Шведскіе крестьяне жестоко и безпрестанно преслѣдовали, грабили, убивали и брали въ плѣнъ крестьянъ, бывшихъ за одно съ русскими, и на оборотъ русскіе дѣлали точно тоже съ крестьянами, приверженными шведамъ. Наконецъ бѣдные, несчастные, измученные люди должны были держаться обѣихъ партій, не безъ большой однако опасности и горя со стороны русскихъ, которые всегда подозрѣвали ихъ въ томъ, что они охотнѣе переходятъ къ шведамъ чѣмъ къ московитамъ, и поэтому постоянно и безъ устали мучили ихъ.

Точно также часто жители рижскаго округа, Курляндіи, поляки и литовцы мучили ливонскихъ крестьянъ во всемъ дерптскомъ округѣ и въ областяхъ Маріенборга, Феллинѣ и многихъ другихъ мѣстахъ, подпавшихъ подъ власть московита. Затѣмъ самыми злѣйшими врагами бѣдныхъ крестьянъ были батраки, которые отправлялись на разбой, дѣлались настоящими воинами и которые мучили всѣхъ остальныхъ воинскихъ людей, знали мѣстность, и дороги и тропинки въ чащахъ и болотахъ. Невозможно описать, какъ часто эти крестьяне изъ Гарріена и Вика, иногда съ вѣдома шведскаго начальства,

иногда же и безъ его вѣдома, нѣсколько лѣтъ сряду и лѣтомъ, и зимой, по мѣсяцамъ и недѣлямъ, безпрерывно грабили и опустошали всю Эстонію до Пейпуса и Маріенборга. И поистинѣ Ливонія въ то время была такъ часто опустошаема собственными крестьянами изъ нѣмцевъ, и ненѣмцевъ, равно какъ и изъ другихъ національностей, что во многихъ мѣстахъ не осталось ни скота, ни людей, чего даже не дѣлали русскіе и татары впродолженіи всей войны.

По поводу крестьянской войны между ревельскими бюргерами часто поднимались жаркія пренія. Ибо нѣкоторые говорили: не справедливо давать крестьянамъ и батракамъ такую волю, чтобы они смѣли грабить своихъ же бѣдныхъ крестьянъ и опустошать страну; и хотя эти бѣдные люди подданные московита, но къ подданству они были принуждены противъ ихъ желанія и охотнѣе были бы нѣмецкими подданными, чѣмъ московитскими. Къ тому же, когда будетъ заключенъ миръ или когда у бѣдныхъ крестьянъ больше нечего будетъ грабить, то прочіе крестьяне и батраки конечно начнутъ грабить и убивать бюргеровъ и жителей города, такъ что изъ города никто не посмѣетъ по своимъ дѣламъ выѣхать куда либо въ уѣздъ. На это другіе возражали, что нѣтъ худа безъ добра; это де крестьянская война имѣла хорошія послѣдствія во первыхъ тѣмъ, что русскіе опасаясь крестьянскихъ засадъ, не отходятъ далѣе городскихъ воротъ, не дѣлаютъ изъ сосѣднихъ крѣпостей нападеній и днемъ и ночью, не свирѣпствуютъ у города Ревеля, убивая, грабя и сожигая, не поднимаютъ тревоги, теперь не приходится бить въ набатъ такъ часто, какъ то бывало до сихъ поръ впродолженіи всей войны безо всякаго препятствія со стороны начальниковъ города Ревеля. Во вторыхъ, русскія заставы (стражи) на большихъ дорогахъ, не пропускавшія привоза въ городъ, были уничтожены и разогнаны. Въ третьихъ, крестьяне часто наносятъ ущербъ русскимъ, приводятъ много плѣнныхъ русскихъ, отъ которыхъ всегда добывались хорошія вѣсти, чего раньше не бывало во всю войну Въ четвертыхъ, крестьяне въ изобиліи снабжаютъ городъ Ревель разнымъ скотомъ за ничтожную плату; а хотя они этотъ скотъ отбирали у бѣдныхъ ливонскихъ же крестьянъ, но всетаки они пригоняли его изъ владѣній московита и часто уводили русскій скотъ изо всѣхъ замковъ и гнали его въ Ревель, такъ что у русскихъ во всѣхъ замкахъ не осталось ни одной коровы; все же лучше, чтобы ревельцы пользовались ими, чѣмъ русскіе. Въ пятыхъ, они всю Эстонію до Пейпуса обязали платить подать королю шведскому и принудили всѣхъ русскихъ крестьянъ по всей Ливоніи брать опасныя (охранныя) грамоты отъ шведскихъ правителей. Наконецъ, эти крестьяне — солдаты, служащіе безъ жалованья, съ которыми легко справляться.

Но хотя этихъ крестьянъ нѣкоторое время и хвалили, но въ концѣ концевъ большая часть изъ нихъ лишилась всякаго одобренія.

Потому что когда крестьяне въ Эстляндіи, принадлежавшей московиту, были частью ограблены, частью же снабжены охранными грамотами отъ шведскаго посольства; и русскіе во всѣхъ замкахъ сдѣлались осторожными и научились лучше защищаться, чѣмъ до того времени, то съ грабежемъ и добычею стало теперь совсѣмъ другое дѣло. Но такъ какъ они привыкли уже къ грабежу и бродяжничеству, то все еще просили у начальства свободы грабежа; но имъ это больше не было дозволяемо. И хотя грабежъ былъ совершенно запрещенъ, но они всетаки не могли перестать грабить; собирались тайно шайками, и ночью и днемъ нападали на бѣдныхъ крестьянъ, имѣвшихъ охранныя грамоты отъ начальства, какъ въ ихъ домахъ, такъ и на большихъ дорогахъ, грабили и отнимали все ничтожное ихъ имущество. Шведское начальство хотя и приказало судить и повѣсить нѣкоторыхъ изъ нихъ, однако они не унимались не могли такъ скоро забыть своего разбоя. Потому что въ то время изъ за разбоя и великаго распутства они такъ опустились, что не хотѣли ничего нужнаго дѣлать, не хотѣли слушаться ни одного человѣка, такъ что ни одинъ бюргеръ или ремесленникъ не могъ болѣе получить или удержать у себя слуги или подмастерья.

36. Бѣдственное положеніе дворянства и бюргеровъ, 1581.

И хотя дворяне эстонской земли, а также и ревельскіе бюргеры, проживая въ Ревелѣ и въ ревельской крѣпости, пользовались болѣе выгоднымъ мѣстомъ пребыванія и укрѣпленіями, чѣмъ крестьяне въ деревняхъ, однако и у нихъ былъ свой крестъ, свои огорченія и угнетенія. Потому что по всей Эстоніи у дворянъ московитъ отнялъ всѣ дворы и помѣстья; въ продолжительную войну дворяне проѣли все свое движимое имущество и наличное золото и серебро, такъ что больше не имѣли кредита у мелочныхъ торговцевъ и теперь переносили большую печаль. И съ бюргерами дошло до того же, что большая часть изъ нихъ осталась безъ пропитанія, проѣвши все имущество и не будучи въ состояніи купить что-либо съ нѣмецкихъ кораблей. Поэтому корабли должны были отплывать съ тѣмъ же грузомъ, который привозили, къ величайшему огорченію всѣхъ ревельскихъ купцовъ; такъ прекратилась всякая торговля славнаго, богатаго нѣкогда торговаго города. Кромѣ того въ продолжительную войну деньги чѣмъ далѣе, тѣмъ становились дешевле, такъ что наконецъ марка денегъ, которая въ доброе время стоила девять любекскихъ шиллинговъ, теперь стоила всего два любекскихъ шиллинга, почему многіе несовершеннолѣтнія дѣти много теряли изъ своихъ наслѣдствъ и нищіе гораздо меньше получали отъ своихъ благодѣтелей. Очень было также уменьшено жалованье проповѣдниковъ, учителей и учениковъ; и великолѣпные бюргерскіе дома, стоившіе въ доброе время

около двухъ тысячъ талеровъ и больше, теперь оцѣнивались самое большое въ пять сотъ талеровъ. И такъ какъ бѣдность и горе одолѣли многихъ изъ дворянъ и бюргеровъ, то ихъ дѣти должны были вмѣстѣ съ крестьянами питаться разбоемъ и до того смирились, что не нѣмецъ крестьянинъ, котораго въ доброе время они не считали достойнымъ, чтобы придти или сѣсть у него, теперь былъ ихъ предводителемъ, подъ начальствомъ котораго они ѣздили на разбой и бѣгали пѣшкомъ. А также и нѣкоторыя дѣвицы изъ дворянскихъ и бюргерскихъ дочерей изъ самыхъ знатныхъ семействъ должны были по необходимости выходить замужъ не только за простыхъ гофлейтовъ, но и за другихъ гораздо болѣе ничтожныхъ людей, чего въ доброе время никогда не бывало. А также и нѣкоторыя жены дворянъ и бюргеровъ должны были заниматься такой грубой работой, на которую ни за что не согласились бы ихъ служанки въ доброе время.

37 Предостереженіе потомкамъ.

Всѣ эти и подобныя событія я описываю не въ насмѣшку или уничиженіе кому либо, но для дружескаго предостереженія и христіанскаго убѣжденія всѣхъ потомковъ, чтобы они хорошенько учились во время своего благосостоянія со страхомъ Божіимъ остерегаться, чтобы не дойти до того, до чего совершенно нечаянно, противъ всякаго ожиданія, дошли эти бѣдные люди во время продолжительной тяжкой войны и напастей.

38. Ливонскіе плѣнники.

Здѣсь же я долженъ вкратцѣ упомянуть о жалкомъ положеніи, насколько оно мнѣ извѣстно, бѣдныхъ ливонскихъ плѣнныхъ въ Москвѣ. Невозможно во первыхъ разсказать, сколько тысячъ людей погибло и было убито изъ дворянъ, бюргеровъ, воиновъ, крестьянъ, женщинъ, дѣвушекъ, дѣтей, слугъ, служанокъ и всякой челяди въ эту продолжительную войну, и какъ много было убито беременныхъ женщинъ вмѣстѣ съ ихъ плодомъ, и какъ много было брошено московитомъ грудныхъ дѣтей по дорогамъ, тропинкамъ и чащамъ, и какъ они были поѣдены дикими звѣрями, и какъ нѣсколько тысячъ были уведены въ плѣнъ и разсѣяны по московитскимъ и татарскимъ землямъ и городамъ, гдѣ были отягощены тиранскими тюрьмами и трудными работами до конца дней своихъ, гдѣ многіе были перекрещены, а многіе добровольно согласились перекреститься, надѣясь пріобрѣсти этимъ большую милость и расположеніе великаго князя. Невозможно также знать, сколько тысячъ бѣдныхъ ливонцевъ были брошены въ Москвѣ въ воду, утоплены, безжалостно засѣчены, жестоко зажарены на огнѣ до смерти, и сколько людей въ тюрьмахъ

умерло съ голода и отъ жажды самымъ жалкимъ образомъ и какъ ихъ тащили вонъ, какъ собакъ. Также и безчисленное множество женщинъ и дѣвушекъ должны были противъ воли отдаваться русскимъ и татарамъ и жить въ развратѣ съ такими бестіями.

39. Плѣнные въ Дерптѣ, 1579.

Здѣсь я не могу упустить вкратцѣ привести примѣръ положенія бѣдныхъ плѣнныхъ въ 1579 г въ Дерптѣ, заключеніе въ которомъ вездѣ считалось милостью, такъ какъ плѣнныхъ держали все таки въ Ливоніи, а не отправляли далеко въ Московію. Когда въ тюрьму привели около тридцати плѣнныхъ дворянъ и простыхъ гофлейтовъ, то во первыхъ имъ было отведено такое тѣсное помѣщеніе, что одинъ другаго едва не душилъ до смерти. Во вторыхъ, по причинѣ сильнаго голода и истощенія, они часто просили у русскихъ костей, которые кое гдѣ валялись по улицамъ и въ навозѣ; когда же имъ приносили ихъ, то они грызли ихъ какъ собаки и насыщались ими. Въ третьихъ, когда наполнялся ихъ ушатъ для испражненій, то они дрались, кому изъ нихъ вынести его, чтобы такимъ образомъ выйти хоть разъ на воздухъ, свободно вздохнуть и попросить милостыни у какого нибудь русскаго. Въ четвертыхъ, для нихъ было величайшей милостью, если двое изъ нихъ, скованныхъ вмѣстѣ цѣпью, могли ходить по городу Дерпту и выпрашивать хлѣба для себя и для другихъ. Въ пятыхъ, когда нѣкоторые изъ нихъ должны были умирать съ большаго голоду и истощенія, то на смертномъ одрѣ кричали: хлѣба, хлѣба! Когда же имъ приносили кусокъ хлѣба, то они не могли больше ѣсть его, а крѣпко держали хлѣбъ въ рукѣ и такъ кончались. А эти плѣнные не были простолюдины или крестьяне, а знатные дворяне и начальники. Изъ этихъ плѣнныхъ нѣкоторые освободились выкупомъ, другіе же въ ночную пору вырвались изъ тюрьмы и чудеснымъ образомъ съ большой опасностью перелѣзли черезъ стѣны и отправились въ Ригу и Ревель. Но нѣкоторыхъ снова изловили на дорогѣ и привезли назадъ въ Дерптъ, гдѣ ихъ безжалостно замучили до смерти, между ними былъ одинъ дворянинъ, по имени Гинрикъ Вульфъ фонъ Эртенъ.

40 Странные роды въ Стокгольмѣ, 1581.

Въ 1581 г., 3-го марта, одна бѣдная женщина въ Стокгольмѣ въ Швеціи родила одновременно пятерыхъ живыхъ дѣтей, двухъ мальчиковъ и трехъ дѣвочекъ безо всякихъ недостатковъ, которые и были крещены. Но послѣ крестинъ они одинъ за другимъ умерли вмѣстѣ съ матерью.

41. Татарское посольство въ Швеціи, 1581.

Въ томъ же году, въ іюнѣ, въ Швецію во второй разъ прибыло татарское посольство, принесшее извѣстіе, что ихъ царь или король былъ въ странѣ московита, перебилъ и увелъ въ плѣнъ болѣе сорока тысячъ человѣкъ, въ чемъ сознались вслѣдъ за тѣмъ и нѣсколько плѣнныхъ русскихъ, прибавивъ еще, что татары въ тоже время совершенно опустошили все княжество рязанское, лежащее по ту сторону Москвы, такъ что послѣ нихъ ничего не осталось кромѣ голой земли.

42. Два несчастныхъ случая въ Ревель, 1581.

14-го іюля въ Ревелѣ въ одинъ день случилось два несчастія: во первыхъ, рано утромъ обрушилась порядочная часть замковаго вала, и въ полдень до тла сгорѣли половина собора и болѣе тридцати домовъ.

43. Начало новаго счастія, 1581.

Послѣ того какъ Ливонія впродолженіи столькихъ лѣтъ со всѣхъ сторонъ подвергалась горестнымъ и плачевнымъ опустошеніямъ, и московитъ все еще такъ былъ озлобленъ на уцѣлѣвшіе города и земли, что не внималъ никакимъ ходатайствамъ всѣхъ императоровъ и королей за Ливонію, почему многіе ливонцы, и дворяне и недворяне, сомнѣвались, доживутъ ли они до того дня, когда московитъ будетъ изгнанъ изъ Ливоніи, и когда нужда и опасность достигала высшей степени, тогда то Господь Богъ ниспослалъ средства и пути, которыми московитъ противъ всякаго ожиданія долженъ былъ снова потерять Ливонію. Тогда то оба государя, король шведскій и король польскій, не на шутку напали на московита съ великой неустрашимостью и на морѣ и на сушѣ и такъ смирили его, что онъ и всѣ его подданные не забудутъ того во вѣки вѣковъ.

44. Новыя предпріятія шведовъ и поляковъ, 1581.

Тѣмъ же лѣтомъ, въ 1581 году, изъ Швеціи прибыло большое войско частью черезъ Ревель по сушѣ, частью по водѣ къ Нарвѣ; а передъ тѣмъ, какъ прибыло большое войско, Карлъ Гинриксенъ Конкасскій, шведскій фельдмаршалъ, двинулся въ Викъ съ нѣсколькими небольшими отрядами шведскихъ кнехтовъ и съ гофлейтами Ганса Вахтмейстера, чтобы занять замки Габсаль, Лоде, Леаль и Фикель вмѣстѣ со всей провинціей. Въ тоже время было отправлено нѣсколько отрядовъ шведскихъ кнехтовъ и одинъ отрядъ ревельскихъ нѣмецкихъ кнехтовъ и нѣсколько отрядовъ (знаменъ) гофлейтовъ къ Виттенштейну,

чтобы осадить со всѣхъ сторонъ этотъ замокъ до снятія ржи, съ цѣлію не дозволить русскимъ привезти въ замокъ свѣжей ржи. Тогда Іоаннъ Коскуль, владѣлецъ Пуррила и Менкса, и Каспаръ Тизенгузенъ, владѣлецъ Зальца и Киды, были назначены начальниками и ротмистрами надъ упомянутыми воинскими людьми. А къ осени послали часть шведскихъ кнехтовъ и отрядъ туземныхъ дворянъ, ротмистромъ которыхъ былъ Рейнольдъ Ниротъ изъ Коддила, къ Пернову, чтобы осадить эту крѣпость.

Тѣмъ же лѣтомъ прибыло также изъ Любека въ Ригу нѣсколько тысячъ нѣмецкихъ кнехтовъ, перешедшихъ на сторону короля польскаго со своимъ начальникомъ Юргеномъ Фаренсбекомъ, владѣтелемъ Нельфи. Тогда король польскій съ огромнымъ войскомъ изъ польскихъ, литовскихъ, венгерскихъ и нѣмецкихъ ратниковъ осадилъ городъ Псковъ въ Россіи въ день Успѣнія Пресвятыя Богородицы.

Прим. перев. Баторій взятіемъ Лукъ кончилъ свой походъ 1580 г., въ которомъ русскіе понесли большія неудачи. Военныя дѣйствія на этотъ разъ продолжались и зимою: въ февралѣ 1581 г литовскіе люди пришли «искрадомъ» въ ночи къ Холму и взяли его и воеводъ князя Петра Барятинскаго, да осадную голову Палина, приходили къ Русѣ Старой и выжгли, приходили въ Лукъ, да изъ Заволочья, да изъ Холму. Въ Ливоніи литовскіе люди взяли замокъ Шмильтенъ и вмѣстѣ съ герцогомъ Магнусомъ опустошили ливонскую область до Нейгаузена.

Въ мартѣ 1581 г. русскіе воеводы были у Дубровны, и у Орши, и у Могилева, и подъ Шкловымъ былъ бой: на томъ бою, сказано въ разрядныхъ книгахъ, литовскихъ людей побили и языкъ многіе поймали, а пришли на Смоленскъ иные воеводы здорово.

Въ Эстоніи русскіе рѣшительно не имѣли удачи и зимою 1580 и весною 1581 г. испытывали одни пораженія.

Счастіе рѣшительно покинуло Іоанна, а между тѣмъ Баторій хлопоталъ о третьемъ походѣ: занялъ денегъ у герцога прусскаго и курфирстовъ саксонскаго и бранденбургскаго, и на сеймѣ, собравшемся въ февралѣ 1581 г. въ Варшавѣ, предлагалъ двухлѣтній наборъ. Паны противились королевскому предложенію, но потомъ согласились, поставивъ условіемъ, чтобы король этимъ третьимъ походомъ непремѣнно кончилъ войну Баторій чрезъ своего канцлера Замойскаго отвѣчалъ, что не длитъ нарочно войны и не будетъ препятствовать заключенію мира, какъ скоро принудитъ Іоанна уступить ему всю Ливонію.

Переговоры о мирѣ между Москвою и Польшею продолжались во все это время. Русскіе послы, Сицкій и Пивовъ, ѣхали за Баторіемъ отъ Великихъ Лукъ до Варшавы. Переговоры кончились ничѣмъ; 20 іюня 1581 г. король выступилъ изъ Вильны въ походъ, а Іоанну послалъ огромную ругательную грамоту, писанную смѣшеніемъ языковъ польскаго съ русскимъ и занимавшую 200 страницъ. Предъ выступленіемъ въ походъ у Баторія былъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено выступить къ Пскову, гдѣ сосредоточены были почти всѣ силы Іоанна. 21 іюля король съ войсками былъ въ Полоцкѣ, въ серединѣ августа взялъ Островъ (въ 50 верстахъ отъ Пскова), а 26 августа сталъ подъ Псковомъ.

Съ этого дня началась осада Пскова, едва было не погубившая Баторія со всѣмъ его многочисленнымъ войскомъ, простиравшимся, какъ писали, тысячь до 100 (наемныхъ 60, да своихъ тысячь 40).

45. Ленневардъ и Ашераде покорены поляками, 1581.

Въ тоже время часть польскаго войска вмѣстѣ съ рижскими кнехтами осадили замокъ Ленневардъ и въ короткое время покорили его. Послѣ покоренія этого замка это же войско двинулось и къ Ашераде, осадило этотъ замокъ и черезъ нѣсколько недѣль голодомъ отняло его у русскихъ.

46. Лоде, Фикель и Леаль покорены шведами, 1581.

22-го іюля 1581 года Карлъ Гинриксенъ покорилъ и занялъ замокъ Лоде, въ чемъ раньше всѣ сомнѣвались и не хотѣли вѣрить, чтобы можно было такъ легко съ немногими орудіями и людьми взять этотъ замокъ, довольно сильно укрѣпленный. Воевода замка не осмѣлился вернуться назадъ въ Россію, такъ какъ добровольно и такъ скоро сдалъ замокъ Лоде, а остался съ женой и дѣтьми у шведовъ. Когда же русскіе въ Фикелѣ узнали, что шведы безо всякаго труда заняли замокъ Лоде, то они зажгли замокъ Фикель, а сами убѣжали.

Когда шведы овладѣли этими упомянутыми замками, то немедленно стали и далѣе пытать счастья и поспѣшно двинулись къ Леалю, зажгли ворота замка огненными (каленными) ядрами, такъ что огонь разгорѣлся и охватилъ русскіе деревянные дома и жилища за стѣнами замка. Тогда русскіе стали просить помилованія и свободнаго пропуска для отправленія въ Россію, что и получили. Тогда они выступили изъ замка Леаля и передали его шведамъ 27-го іюля.

47 Габсаль покоренъ шведами, 1581.

Когда и замокъ Леаль былъ покоренъ, то Карлъ Гинриксенъ двинулся со своимъ войскомъ и многими орудіями также и къ Габсалю, главному городу Вика, осадилъ этотъ городъ, обложилъ шанцами, и началъ его обстрѣливать. Но русскіе сначала оказались очень высокомѣрными и ярыми, они сильно защищались и застрѣлили въ шанцахъ нѣсколько шведскихъ кнехтовъ и стрѣлковъ. Наконецъ, когда замѣтили, что должны погибнуть, то охладили свое мужество на бѣдныхъ крестьянахъ и ихъ женахъ и дѣтяхъ, которые пришли къ нимъ въ замокъ, чтобы укрыться отъ шведскихъ солдатъ, безжалостно убили 70 изъ нихъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми и побросали черезъ стѣны. Одна русская баба собственными руками задушила семерыхъ ливонскихъ крестьянскихъ дѣтей. Затѣмъ, когда они увидѣли, что замокъ не можетъ устоять противъ шведовъ, то стали про-

сить, чтобы имъ позволили безпрепятственно уйти въ Россію со всѣмъ тѣмъ, что могли увезти съ собой, что имъ и было дозволено. Тогда они ушли изъ замка Габсаля и очистили его для шведовъ 9-го августа.

41. Понтусъ Делагарди осаждаетъ и покоряетъ Нарву, 1581.

Между тѣмъ какъ Карлъ Гинриксенъ былъ вполнѣ занятъ Габселемъ, въ Эстонію прибываетъ Понтусъ Делагарди, шведскій военачальникъ и полководецъ и губернаторъ, съ большимъ войскомъ и поспѣшно идетъ также къ Габсалю окончить переговоры съ русскими на счетъ замка. Когда же всѣ дѣла были тамъ улажены, то онъ снова прибылъ въ Ревель, роздалъ жалованье всѣмъ воинамъ, и тотчасъ же по сушѣ отправилъ къ Нарвѣ, а также по морю велѣлъ отправить королевскую армаду кораблей и галеръ съ сильной артилеріей и боевыми снарядами, также нѣсколько кораблей съ людьми. Адмираломъ этой армады и кораблей былъ господинъ Клаусъ Флеминкъ. — Тогда была война и военные крики въ земли московита раздавались по всѣмъ концамъ. А такъ какъ къ дѣлу было приложено самое неутомимое усердіе, то и всемогущій Господь даровалъ въ немъ счастіе и свое благословеніе.

4-го сентября шведы начали обстрѣливать Нарву съ трехъ сторонъ изъ 24-хъ двойныхъ и половинныхъ картаунъ (осадныхъ пушекъ), которыя были такъ велики, что всѣ воины разныхъ народностей, находившіеся предъ Нарвою, сознавались, что до сихъ поръ не видывали ни у одного государя такихъ орудій. И прострѣлявши безпрерывно два дня и двѣ ночи и проломивъ стѣны, толщиною болѣе трехъ сажень, они стали приготовляться къ приступу и сначала добромъ потребовали сдачи города. Но русскіе въ Нарвѣ не хотѣли сдаваться. Тогда Понтусъ Делагарди разрѣшилъ идти на приступъ нетолько ландскнехтамъ, но и гофлейтамъ, матросамъ и всѣмъ, кто только пожелаетъ, и если съ Божьею помощью они приступомъ возьмутъ городъ, то впродолженіи 24-хъ часовъ въ ихъ распоряженіи будетъ все добро, находящееся въ Нарвѣ, и всѣмъ, что въ это время каждый сможетъ или захочетъ добыть, тѣмъ можетъ воспользоваться. Тогда скоро всѣ снарядились и стали собираться на приступъ, будто на пляску Въ дѣлѣ участвовали также и всѣ капитаны, военные совѣтники и командиры. Идти на приступъ вызвались также и гофлейты или рейтары, шведскіе и нѣмецкіе, и выбрали изъ своей среды начальника и знаменоносца (прапорщика), которые должны были вести ихъ. Тогда Шведеръ Лундскій былъ избранъ начальникомъ, а Асмусъ Зольтведельскій прапорщикомъ жаждавшихъ приступа гофлейтовъ. Оба упомянутые начальника вмѣстѣ съ начальниками и прапорщиками шведскихъ и нѣмецкихъ кнехтовъ и гофлейтовъ или рейтаровъ храбро

и весело предводительствовали своимъ отрядомъ. Когда же они всѣ вмѣстѣ бросились на приступъ, то сначала казалось, что дѣло будетъ очень трудно. Съ начала штурма пали Юргенъ Бельцковъ, прапорщикъ нѣмецкихъ кнехтовъ, и Асмусъ Зольтведельскій, прапорщикъ гофлейтовъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими кнехтами и гофлейтами. Но наконецъ счастіе перешло на сторону шведовъ и они съ перваго же приступа ворвались въ Нарву Когда же они взобрались на блокгаузы, построенные у самой стѣны, то вполнѣ убѣдились, что блокгаузы и лѣстницы внутри города построены какъ нельзя болѣе выгодно для нихъ.

Тогда въ Нарвѣ начались рѣзня и истребленіе; тутъ не щадили ни стараго, ни малаго. При этомъ, по признанію самихъ русскихъ, было избито двѣ тысячи стрѣльцевъ и триста бояръ (боярскихъ дѣтей) съ ихъ слугами, — всего около тысячи человѣкъ, всего же было убито около семи тысячъ человѣкъ русскихъ бюргеровъ, жителей и ихъ женъ и дѣтей и всякой челяди. Тутъ же на приступъ ходили и нѣкоторые везенбергскіе и падискіе русскіе, перешедшіе на службу къ королю шведскому и обошедшіеся со своими земляками и кровными еще хуже и жесточе, чѣмъ шведскіе и нѣмецкіе кнехты. — Что за радость было тогда въ Ливоніи и особенно въ городѣ Ревелѣ, и что за печаль въ Москвѣ и по всей Россіи, можетъ себѣ представить всякій разумный человѣкъ. Въ этомъ приступѣ нашихъ, слава Богу, пало очень мало, между ними самыми знатными были оба упомянутые прапорщика. Такимъ образомъ королевство шведское овладѣло Нарвой въ 1581 году, 6-го сентября.

Эта потеря города Нарвы была для московита не малымъ позоромъ и ущербомъ. Потому что Нарва была однимъ изъ его важнѣйшихъ владѣній, которое онъ считалъ выше и лучше всей Ливоніи, ибо тутъ онъ устроилъ складочное мѣсто товаровъ для всѣхъ московитовъ и русскихъ; сюда пріѣзжали корабли всѣхъ христіанскихъ народовъ, привозя московиту всякіе припасы, какіе только могла желать его душенька, и покупая тамъ всякіе товары, и жили съ его милости.

49. Успѣхи шведовъ въ Россіи, 1581.

Затѣмъ, когда была завоевана ливонская Нарва, шведы, не долго думая, двинулись также и къ русской Нарвѣ, называемой по русски Ивангородомъ, сильной крѣпости. Немного пострѣляли у ея стѣнъ, шведы скоро пріобрѣли ее сдачей и заняли 17-го сентября.

Послѣ покоренія замка Ивангорода, Понтусъ Делагарди немедленно двинулся со всѣмъ своимъ войскомъ и орудіями и боевыми снарядами къ замкамъ и крѣпостямъ Ямгороду и Копорью и скоро завоевалъ и занялъ также и эти крѣпости. Послѣ этой побѣды Пон-

тусъ Делагарди перемѣнилъ должности нѣкоторыхъ изъ начальниковъ, именно Карла Гинриксена Конкаскаго, шведскаго фельдмаршала, назначилъ намѣстникомъ Нарвы, а Ганса Вахтмейстера, ротмистра нѣмецкихъ гофлейтовъ, избралъ и назначилъ фельдмаршаломъ.

50. Польша и Швеція противъ Россіи, 1581.

Въ тоже время король польскій усиленно распоряжался у Пскова. Его воины совершенно опустошили все княжество псковское и другія московитскія земли убійствами, грабежами и пожарами, и доставляли въ легерь огромную добычу скотомъ, который и продавали за безцѣнокъ. Тоже дѣлали и шведы, и часто воины обоихъ государей встрѣчались другъ съ другомъ во время набѣговъ на московитскія земли и одинаково посѣщали земли московита съ мечемъ и огнемъ, дочиста выметая ихъ безо всякаго сопротивленія московита. Потому что онъ вездѣ сильно укрѣпилъ войскомъ свои крѣпости, а земли оставилъ на произволъ враговъ.

Прим. перев. По взятіи Острова, когда обнаружилось, что вся разноплеменная и разноязычная сто-тысячная армія Баторія идетъ во Псковъ, псковскіе воеводы — князья Ив. Петр. Шуйскій, Вас. Ѳед. Скопинъ Шуйскій, Ник. Ив. Очинъ-Плещеевъ, князь Анд. Хворостининъ, Бахтеяровъ, Ростовскій-Лобановъ — 18 августа сожгли псковское предмѣстье и ударили въ осадный колоколъ (объявили осадное положеніе). 26 августа Баторій занялъ порховскую дорогу и сталъ вдоль рѣки Великой. 1 сентября осаждающіе начали траншейныя работы (копать борозды), а 7 сентября, на разсвѣтѣ, открыли огонь по Пскову Сдѣлавъ проломы въ стѣнѣ у Покровскихъ воротъ, осаждающіе бросились 8 сентября на штурмъ, но были отбиты съ огромнымъ уономъ: они потеряли 5000 человѣкъ убитыми, въ числѣ ихъ пало болѣе 80 знатныхъ офицеровъ и искусный венгерскій предводитель Гавріилъ Бекешъ.

Разноплеменное польское войско заволновалось послѣ этой неудачи. тѣмъ болѣе, что въ польскомъ лагерѣ оказался недостатокъ въ порохѣ. За порохомъ послали въ Ригу и къ герцогу курляндскому Осажденные исправили проломы и въ теченіе 5 или 6 недѣль отбивали всѣ приступы съ большимъ успѣхомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что польское войско бросило бы осаду. если бы находившійся при Баторіѣ канцлеръ Янъ Замойскій не съумѣлъ обуздывать шляхту. Наступила осень, Баторій велѣлъ рыть землянки и вести мины подъ городъ. Но Шуйскій умѣлъ «перенять» нѣкоторые подкопы, а другіе обрушились сами. 28 октября королевскіе гайдуки бросились было на штурмъ Покровскихъ воротъ, но были не только отбиты, но и истреблены, спаслись немногіе. Въ слѣдующіе дни продолжалось усиленное обстрѣливаніе, образовался проломъ отъ рѣки Великой, а 2 ноября Баторій рѣшился на новый штурмъ, но потерпѣлъ совершенную неудачу: штурмующія колонны обратились въ бѣгство въ виду самаго короля, а стрѣлецкій голова Ѳедоръ Мясоѣдовъ пробился чрезъ непріятеля и привелъ во Псковъ свѣжее, довольно сильное войско. Баторію ни чего не оставалось дѣлать, какъ осаду превратить въ блокаду. Онъ такъ и сдѣлалъ: повелѣ король — сказано въ повѣсти о Псковской осадѣ — рохмистомъ съ гайдуки отъ граду въ станы отъити, и ноября въ 6 день отъидоша, и нарядъ изо всѣхъ туровъ отволокли.

Въ то время когда Баторій осаждалъ Псковъ, русскіе воеводы, находившіеся въ Новгородѣ, Ржевѣ и Старицѣ не выступали въ поле. Въ Псковской Лѣтописи сказано, будто въ Новгородѣ стояло 40-ка тысячное русское войско, будто въ распоряженіи Іоанна находилось войска тысячь до 300. Но цифры эти не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія: Іоаннъ никогда не располагалъ такимъ огромнымъ войскомъ, котораго тогдашнее московское государство и выставить было не въ состояніи.

Бездѣйствіе воеводъ въ Новгородѣ князя Юрія Голицына, въ Волокѣ князя Симеона Бекбулатовича, Мстиславскаго и Курлятева объясняется тѣмъ, что Іоаннъ, въ началѣ августа прибывшій изъ Александровской Слободы въ Старицу, потерялъ всякую надежду совладать съ Баторіемъ и рѣшился заключить перемиріе во что бы то ни стало, признавая невозможность своему необученному войску бороться съ венгерскою и нѣмецкою пѣхотою Баторія, съ гофлейтами и ландскнехтами Делагарди, имѣвшими на своей сторонѣ всѣ преимущества военнаго искуства и вооруженія.

51. Виттенштейнъ переходитъ къ шведамъ, 1581

Когда вышеупомянутыя крѣпости, взятыя шведами, были достаточны заняты войсками, то господинъ Юргенъ Бойе Гинескій отправился съ небольшимъ войскомъ въ Виттенштейнъ; помощниками его были Іоаннъ Коскуль и Касперъ Тизенгузенъ. Прибывъ къ замку, хорошо занятому и обезпеченному московитскими начальниками, онъ такъ напугалъ русскихъ окопами, траншеями и другими умыслами и такъ стѣснилъ русскихъ, что многіе изъ нихъ перебѣжали къ шведамъ, и, по причинѣ большаго голода и печали, сдались и просили помилованія. Поэтому и другіе, переѣвши всѣхъ своихъ лошадей, стали просить мирныхъ переговоровъ, о чемъ и написали господину Понтусу Когда же господинъ Понтусъ прибылъ туда, то договоръ уже былъ заключенъ. Тогда русскіе сдали замокъ Виттенштейнъ шведамъ и ушли въ Россію въ числѣ около тысячи человѣкъ. Случилось это 24-го ноября 1581 года.

52. Благодарственный молебенъ въ Ревелѣ, 1581.

Послѣ покоренія славнаго замка и сильной крѣпости Виттенштейна, шведскіе войны вмѣстѣ съ особымъ знаменемъ (Kennefahne — не авангардовый-ли это отрядъ?) съ которымъ ѣхали также и шведскіе графы и господа, прибыли въ Ревель въ день св. Луки. Тогда пастору церкви св. Николая въ Ревелѣ была заказана служба на этотъ день. Тогда господинъ Понтусъ съ графами, баронами, рыцарями и всѣми ротмистрами, начальниками и простыми дворянами подъѣхали къ упомянутой церкви, сошли съ коней и въ сапогахъ со шпорами вошли въ церковь, а лошадей своихъ и знамена они пока велѣли держать на улицѣ. Когда же они всѣ вошли въ церковь, то сдѣлали земной поклонъ всемогущему Господу и отъ души поблагодарили за

всѣ побѣды, которыя Господь по своему милосердію даровалъ имъ въ это лѣто и осень. Затѣмъ пасторъ прочиталъ 20 главу 5-й книги Моисея и сказалъ проповѣдь. Послѣ проповѣди пропѣли Te deum laudamus. Послѣ того, когда въ церкви все кончилось и они снова всѣ сѣли на коней, раздались радостные выстрѣлы со всѣхъ валовъ и укрѣпленій, такъ что многіе плакали отъ большой радости.

53. Буря, 1581.

18-го декабря, ночью, была страшная буря, такъ что многіе корабли въ ревельской гавани разбились и утонули, причемъ погибло и утонуло около пятидесяти шведскихъ гофлейтовъ, храбрыхъ мужей, дворянъ и недворянъ, которые зимой хотѣли отправиться въ Швецію.

54. Миръ между Польшей и Россіей, 1582

Когда король польскій съ сильнымъ войскомъ осадилъ городъ Псковъ въ 1581 году въ августѣ и опустошилъ огнемъ и мечемъ почти всю Россію вдоль и поперегъ и до самой зимы сильно угрожалъ этому городу, а также когда и король шведскій находился въ его (московита) землѣ и отнялъ у него много земель, замковъ и крѣпостей какъ въ Россіи, такъ и въ Ливоніи, и когда оба упомянутые короля стали такъ тѣснить его, что московитъ сталъ бояться, что потеряетъ не только Псковъ, но еще и много другихъ городовъ, замковъ и крѣпостей тогда, то по этимъ причинамъ онъ и долженъ былъ заключить миръ. Въ то время между королемъ польскимъ и московитомъ, при посредничествѣ пословъ Григорія XIII, папы римскаго, былъ заключенъ миръ на десять лѣтъ въ Запольѣ въ Россіи, въ 1582 году, 15-го января, съ тѣмъ условіемъ, что московитъ отступится отъ всей Ливоніи и всѣ города, замки и земли, удержанные имъ отъ короля шведскаго, очиститъ и уступитъ королю польскому Въ замѣнъ того король польскій снова долженъ былъ уступить и передать московиту городъ Великіе-Луки и всѣ прочія крѣпости, завоеванныя имъ въ эту войну и съ давнихъ временъ принадлежавшія Москвѣ, а не Литвѣ. Но о бѣдныхъ плѣнныхъ не было упомянуто въ этомъ мирномъ договорѣ. говорятъ, папскіе легаты отсовѣтовали обращать вниманіе на лютеранъ, которыхъ уже достаточно было въ Ливоніи. Въ силу договора русскіе и поляки скоро, той же зимою, очистили и передали другъ другу замки, крѣпости, города и земли. Тогда шведы должны были отступить отъ города Пернова, который осаждали полгода, не достигнувши ничего, а поляки тотчасъ же заняли этотъ городъ. И такъ шведы напрасно трудились и работали у города Пернова, который не ушелъ бы отъ нихъ, если бы они по серьезнѣе принялись за дѣло.

Прим. перев. Главную роль при заключеніи перемирія между Москвою и Польшею игралъ польскій посолъ іезуитъ Антоній Поссевинъ, появленіе котораго при московскомъ дворѣ заслуживаетъ болѣе подробнаго упоминанія, чѣмъ то сдѣлано у Рюссова.

Римскіе папы никогда не теряли надежды присоединить московское государство къ латинству и вопросъ о соединеніи церквей не упускали поднимать при всякомъ удобномъ случаѣ, съ отдаленнѣйшихъ временъ, даже со времени Александра Невскаго (см. Приб. Сб. II, 203). Извѣстный Шлитъ (см. тамъ-же стр. 318) въ 1550 г., прибывъ въ Германію, для вызова, по порученію Іоанна, въ Москву ученыхъ и художниковъ, самовольно возбудилъ въ императорѣ и папѣ надежду на присоединеніе московскаго государства къ римской церкви, и папа Юлій III назначилъ уже было посольство къ царю съ предложеніемъ королевскаго титула, за что Іоаннъ долженъ былъ присягнуть апостольскому престолу. Посольство, однако, не состоялось. Въ 1561 году папа Пій IV предлагалъ Іоанну отправить пословъ своихъ на Тридентскій соборъ. Въ Москвѣ не обращали вниманія на подобныя предложенія и вспомнили о папѣ, когда два похода Баторія 1579 и 1580 г. совершились, когда мирные переговоры, продолжавшіеся во все время военныхъ дѣйствій, не привели ни къ какимъ результатамъ, и когда въ концѣ 1580 г. обнаружилось, что Баторій непремѣнно предприметъ и третій походъ, болѣе опасный, чѣмъ два предшествовавшіе.

Іоаннъ отправилъ въ концѣ 1580 къ папѣ и къ императору (Рудольфу, преемнику Максимиліана) гонца Истому Шевригина съ письмами, въ которыхъ жаловался на Баторія, посаженника султанова, объявлялъ желаніе быть съ папою и императоромъ въ любви и согласіи на всѣхъ недруговъ. Въ Вѣнѣ предложеніе Іоанна не встрѣтило ни какого сочувствія въ императорѣ, но тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ предложеніе папа, увидѣвшій тутъ хорошій случай къ присоединенію Россіи къ римской церкви. Онъ принялъ Шевригина, пріѣхавшаго въ Римъ 24 февраля 1581 г., съ большею честію: устроилъ ему парадную встрѣчу и 28 февраля 1581 г. далъ ему аудіенцію. Шевригинъ такъ доносилъ о своемъ посольствѣ въ Римѣ: «Пріѣхалъ онъ, Истома, въ Римъ февраля въ 24. а встрѣча ему первая была отъ Риму за 5 верстъ, кардиналъ Медичь, а по русски архіепископъ, а съ нимъ человѣкъ 150. а подъ него подъ Истому привезли три колымаги; а другая встрѣча была отъ Риму за три версты: встрѣчалъ кавалеръ, а по русски воевода, а съ нимъ человѣкъ съ 200; а въ Римѣ поставили его на дворѣ у римскаго намѣстника, у папина сына, у Якова; а встрѣтилъ его папинъ сынъ на дворѣ своемъ; да и въ приставѣхъ у него былъ папинъ же сынъ; у папы онь Истома былъ февраля въ 28, а въ Римѣ по 28 марта; а на дворъ къ папину сыну пріѣзжали его, Истому, подчивать по вся дни кардиналы и воеводы и дворяне, а ѣствы ему шло на день къ столу по 30 блюдъ, а къ ужину по 30 блюдъ; да овощей всякихъ къ столу по 12 блюдъ, да къ ужину же по 12 блюдъ».

Одаривъ Шевригина золотыми цѣпями и бархатными ферязями, папа Григорій XIII послалъ въ Москву извѣстнаго богослова, іезуита Антонія Поссевина съ наказомъ примирить Іоанна съ Баторіемъ, а главнѣйше приложить всякое стараніе къ убѣжденію московскаго царя въ необходимости принять католичество и признать главою церкви первосвященника римскаго.

Шевригинъ пріѣхалъ къ государю въ Старицу 17 іюля 1581 г., а Поссевинъ изъ Рима поѣхалъ къ Баторію, котораго засталъ въ Вильнѣ. «Государь московскій, сказалъ Баторій іезуиту, хочетъ обмануть Св. Отца; видя грозу, радъ все обѣщать: и соединеніе вѣръ и войну съ турками, но меня не обманетъ. Иди и дѣйствуй: не противлюсь; знаю только, что для

выгоднаго и честнаго мира надобно воевать: мы будемъ имѣть его; даю слово». Антоній, благословивъ Баторія на войну, поѣхалъ къ царю, находившемуся въ это время въ Старицѣ, а Баторій двинулъ войска на Псковъ.

Поссевинъ былъ встрѣченъ въ Смоленскѣ царскимъ приставомъ, которому въ наказѣ было сказано: «Если посолъ станетъ задирать и говорить о вѣрѣ, греческой или римской, то приставу отвѣчать: грамотѣ не учился, да не говорить ничего про вѣру».

18 августа Поссевинъ пріѣхалъ въ Старицу, а 20 августа, съ четырьмя братьями своего ордена, представлялся царю въ торжественной аудіенціи, при чемъ поднесъ ему подарки: крестъ съ изображеніемъ страстей господнихъ, четки съ алмазами и книгу въ богатомъ переплетѣ о флорентійскомъ соборѣ. Подавъ письмо папы, Поссевинъ объявилъ, что Баторій не хочетъ мириться безо всей Ливоніи. «И я, говорилъ Поссевинъ, какія рѣчи у короля слышалъ, тѣ государю и объявляю, а что государь мнѣ объявитъ, то я Стефану королю объявлю, и хочу свою душу и голову отдать за государскую милость».

Для царя было важно помириться съ Баторіемъ, для Поссевина это было второстепенное дѣло, главное же соединеніе церквей. Но съ первой же аудіенціи обнаружилось, что церковному вопросу не повезетъ: Іоаннъ на отрѣзъ отказалъ въ дозволеніи построить въ Москвѣ католическую церковь. Отпуская Поссевина быть посредникомъ между нимъ и Баторіемъ, Іоаннъ объявилъ условія мира: царь уступаетъ Баторію 66 городовъ въ Ливоніи и русскіе города: Великіе Луки, Заволочье, Невель, Велижъ, Холмъ, а за собою оставляетъ 35 городовъ ливонскихъ.

Поссевинъ уѣхалъ къ Баторію въ то время, когда осада Пскова уже началась. Мало надѣясь на соединеніе церквей, Поссевинъ не могъ уже быть безпристрастнымъ посредникомъ: онъ видѣлъ явную выгоду для римской церкви въ томъ, чтобы вся Ливонія была за королемъ польскимъ, ибо, при помощи послѣдняго, здѣсь легко было бы возстановить падшее католичество. Доброжелательствовать папѣ и іезуитамъ полякамъ важно и въ томъ еще отношеніи, что сенатъ и король польскіе желаютъ обратить въ католичество жителей Руси, Подоліи, Волыни, Литвы и Самогитіи, упорно держащихся греческаго исповѣданія и въ своихъ церквахъ молящихся о дарованіи побѣды московскому государю надъ поляками.

По прибытіи въ польскій лагерь, Поссевинъ написалъ Іоанну, что Баторій рѣшился во что бы то ни стало взять Псковъ, если царь не поспѣшитъ заключить мира съ Польшею съ уступкою всей Ливоніи. Если бы Іоаннъ строго взвѣсилъ, что имѣетъ дѣло съ іезуитомъ и съ точностію зналъ, что Баторій, потерпѣвъ сильную неудачу подъ Псковомъ, находится самъ въ затруднительномъ положеніи, ибо разноплеменное войско его готово было взбунтоваться, шведы же дѣйствовали на свою руку, то, конечно, не поддался бы убѣжденіямъ іезуита, а, затянувъ войну до зимы и двинувъ на Баторія войска, стоявшія въ Новгородѣ, могъ бы не только лишить поляковъ всѣхъ пріобрѣтенныхъ выгодъ въ два предшествовавшіе похода, но и добиться морскаго берега. Но въ томъ-то и дѣло, что Іоаннъ отчаялся уже въ успѣхѣ войны. Получивъ письмо Поссевина, онъ съ сыномъ и боярами приговорилъ: «Теперь по конечной неволѣ, смотря по нашему времени, что литовскій король со многими землями и шведскій король стоятъ за одно, съ литовскимъ бы королемъ помириться на томъ: ливонскіе бы города, которые за государемъ, королю уступить, а Луки Великіе и другіе города, что король взялъ, пусть онъ уступитъ государю; а помирившись съ королемъ Стефаномъ, стать на шведскаго, для чего тѣхъ городовъ, которые шведскій взялъ, а также и Ревель, не писать въ перемирныя грамоты съ королемъ Стефаномъ».

Въ ноябрѣ, когда Баторій вынужденъ былъ обратить осаду Пскова въ блокаду, когда всѣ его пріобрѣтенія висѣли, что называется, на волоскѣ, Іоаннъ отправилъ подъ Псковъ къ Стефану дворянина князя Дм. Петр. Елецкаго и печатника Романа Вас. Алферьева для заключенія и перемирія, Между Опочками и Порховымъ, въ селѣ Бѣшковичахъ, ихъ уже ждалъ Поссевинъ и вмѣстѣ съ ними 13 декабря прибылъ въ деревню Киверову Гору, въ 15 верстахъ отъ Запольскаго Яма, гдѣ уже находились польскіе уполномоченные: воевода Янушъ Збаражскій, маршалъ князь Альбрехтъ Радзивиллъ и писарь литовскій Мих. Гарабурда. Немедленно же начались переговоры, а между тѣмъ польское войско сдерживалось отъ бунта единственно Замойскимъ и единственно надеждою на скорый миръ. Баторій при самомъ началѣ переговоровъ уѣхалъ въ Варшаву, чтобы собрать свѣжее войско: такъ онъ мало довѣрялъ успѣху переговоровъ.

Поссевинъ держалъ польскую сторону, уговаривалъ царскихъ пословъ, ворочалъ не одинъ разъ. 4 января 1582 г. псковичи сдѣлали сильную вылазку, 46-ю по порядку (приступовъ литовскихъ было 50), взяли много плѣнныхъ, перебили много поляковъ и съ торжествомъ возвратились въ городъ. Замойскій далъ знать польскимъ посламъ, что наступила рѣшительная минута, необходимо или сейчасъ же подписать договоръ или бѣжать. Збаражскій объявилъ русскимъ посламъ, что Баторій велѣлъ кончить переговоры. Наши послы, не смѣя ѣхать въ Москву безъ мира, уступили и заключили перемиріе на 10 лѣтъ, считая съ 6 января 1582 г. на условіяхъ, на которыя рѣшился царь въ совѣтѣ съ сыномъ и боярами. Нѣсколько дней еще поспорили о титулахъ и отдѣльныхъ выраженіяхъ въ договорной грамотѣ, но наконецъ подписали ее. Списокъ съ этого важнаго договора хранится и понынѣ въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Тамъ между прочимъ перечислены всѣ мѣстности, которыми Іоаннъ «велѣлъ посломъ своимъ поступитися въ земли лифляндской». Города эти названы по русски такъ:

	Нѣмецкое названіе:
Куконосъ	Кокенгузенъ
Скровный	Ашераде
Леневардъ	Леневарденъ
Круцборхъ	Крейцбургъ
Борзунъ	Берзонъ
Чествинъ	Сесвегенъ
Трекатъ	Трикатенъ
Ровный	Ронебургъ
Володимерецъ	Вольмаръ
Алыстъ	Маріенбургъ
Говья	Адзель
Левдунъ городище	Лаудонъ
Гольбинъ городище	Шваненбургъ
Рѣжица	Розитенъ
Лужи	Лудзенъ
Влехъ	Валкъ
Перколи	Пюркель
Салачи	Кирхгольмъ
Юрьевъ	Дерптъ
Новогородки	Нейгаузъ
Керепеть	Кирнпе
Муковъ	Фалькенау
Рандегъ	Ранденъ

Рынголь	Рингенъ
Конгота	Конгедаль
Кавлета	Кавелехтъ
Куреловъ	Куртовъ
Лаюса	Лаисъ
Тарвасъ	Тарвастъ
Полчева	Верполь
Пайда	Вейсенштейнъ
Вильянъ	Феллинъ
Перново Старый и Перново Новый	Перновъ.

А людей и нарядъ, и запасы изъ городовъ вывезти на обѣ стороны — было сказано въ договорѣ.

Въ февралѣ князь Елецкій и Алферьевъ привезли къ Іоанну мирный договоръ, а вслѣдъ за ними пріѣхалъ въ Москву и Поссевинъ, чтобы сдѣлать попытку о соединеніи церквей. Онъ прожилъ въ Москвѣ до 15 марта, но рѣшительно ничего не добился. Въ прощальной аудіенціи Іоаннъ благодарилъ его за участіе въ заключеніи перемирія, велѣлъ кланяться папѣ Григорію и королю Стефану и прислалъ нѣсколько черныхъ соболей для папы и для Антонія. Поссевинъ выѣхалъ изъ Москвы съ гонцомъ Яковомъ Молвяниновымъ, который повезъ въ Римъ отвѣтъ на грамоту папы. Въ письмѣ этомъ Іоаннъ увѣрялъ папу въ готовности участвовать въ союзѣ противъ турокъ, но ни слова не упоминалъ о соединеніи церквей.

4 февраля Замойскій вступилъ въ Ливонію для занятія городовъ, находившихся во власти русскихъ, а въ іюнѣ 1582 прибыли въ Москву литовскіе послы, воевода Збаражскій съ товарищами, для подтвержденія перемирнаго договора. Они при этомъ получили отъ царя новое обязательство, чтобы царь не воевалъ въ Эстоніи въ продолженіе 10 лѣтъ.

Перемиріе было подтверждено и война за Ливонію съ поляками прекратилась. Все чѣмъ овладѣли русскіе съ 1558 г было уступлено и возвращено лишь чрезъ 128 лѣтъ, въ 1710 г.

55. *Похвала Іоанну III шведскому.*

Такъ какъ достохвальный король польскій вытѣснилъ московита изъ Ливоніи и по этому случаю заслужилъ во всемъ христіанствѣ великую славу и похвалу, то мнѣ прилично вкратцѣ упомянуть также и о достохвальномъ и знаменитомъ Іоаннѣ III, королѣ шведскомъ, который не менѣе перваго былъ средствомъ и орудіемъ всемогущаго Господа въ спасеніи притѣсненной страны и заслуживаетъ не менѣе похвалы и славы за Ливонію, и я намѣренъ сообщить короткій правдивый отчетъ о славныхъ, высокихъ королевскихъ благодѣяніяхъ для Ливоніи, какъ всѣмъ потомкамъ и будущимъ ливонцамъ, такъ и современнымъ благочестивымъ христіанамъ.

Потому что, когда Ливонія и городъ Ревель, одинъ изъ главныхъ городовъ этой страны, въ началѣ московитской войны, были покинуты всѣмъ свѣтомъ и не имѣли надежды ни на какую помощь и утѣшеніе отъ всего христіанства и немногаго уже недоставало,

чтобы московитъ овладѣлъ этимъ городомъ и всей страной, тогда достохвальный король шведскій изъ христіанской любви сжалился надъ бѣднымъ покинутымъ и безутѣшнымъ городомъ Ревелемъ, сталъ заботиться о немъ въ его крайней нуждѣ, защитилъ его съ помощью Господа отъ власти московита и вслѣдствіе того взялъ на себя много заботъ, трудовъ, большихъ издержекъ, возбудилъ противъ себя большую вражду, тяжкія, продолжительныя войны и большія опасности. Іоаннъ III-й вступилъ на престолъ и сталъ королемъ шведскимъ во время разгара войны и въ тяжкое, затруднительное время. Счастливо окончивъ сначала войну, начатую королемъ датскимъ и городомъ Любекомъ противъ его брата, короля Эрика XIV-го, заключивъ миръ съ упомянутыми сторонами, а также и со своимъ зятемъ Сигизмундомъ Августомъ, королемъ польскимъ, и приведши королевство шведское въ прежнее состояніе, онъ отправилъ своихъ пословъ также и къ московиту, которому не давалъ никакого повода къ войнѣ, чтобы предложить ему миръ и доброе сосѣдство. Но московитъ съ презрѣніемъ отказался отъ этого, и дурно принялъ и угостилъ шведскихъ пословъ. Поэтому достохвальный Іоаннъ III-й, король шведскій, по старой поговоркѣ, не могъ соблюдать мира долѣе, чѣмъ пожелалъ сосѣдъ. А такъ какъ московитъ былъ страшно озлобленъ на всю Ливонію и въ особенности на городъ Ревель, то достохвальный миролюбивый король, по неизбѣжной нуждѣ, долженъ былъ снова начать съ московитомъ для защиты Ливоніи и города Ревеля сильную и очень продолжительную войну И хотя счастіе сначала не благопріятствовало ему, однако въ концѣ концевъ оно, по милосердію Божію, повернулось на сторону короля шведскаго, который нанесъ московиту такой уронъ и такъ смирилъ его, какъ ни одинъ король до его времени съ самаго начала шведскаго королевства.

56. Какъ Іоаннъ III защитилъ Ревель и Виттенштейнъ, 1570.

Когда въ 1570 году московитъ въ одно время хотѣлъ осадить и городъ Ревель и замокъ Виттенштейнъ, то достохвальный король шведскій вдоволь снабдилъ обѣ крѣпости храбрыми людьми, военачальниками и воинами, кромѣ того огромными запасами съѣстныхъ припасовъ, орудій, пороху и свинцу и назначилъ господина Клауса Акезена рыцаря Биткаго губернаторомъ и военачальникомъ Ревеля, а господина Германа Флеминка Вилліаскаго начальникомъ Виттенштейна. Когда же московитъ простоялъ 30 недѣль у обѣихъ названныхъ крѣпостей и испробовалъ у нихъ всю свою силу, искуство, хитрость, замыслы и обороты, то наконецъ долженъ былъ отступить, по причинѣ сильнаго гарнизона короля шведскаго, со стыдомъ и позоромъ и потерялъ почти 9000 человѣкъ у обѣихъ крѣпостей.

57 Шведы въ Россіи, 1572. Пораженіе русскихъ у Лоде, 1573.

Слѣдующей зимой 72-го года король шведскій отправилъ черезъ Выборгъ въ Россію прекрасное войско изъ шведовъ и нѣмцевъ, которые нанесли московиту немалый позоръ и немало раздосадовали его. Поэтому въ слѣдующемъ году московитъ самъ лично пришелъ со своимъ огромнымъ войскомъ въ Ливонію для преслѣдованія здѣсь шведовъ. Когда же шведы встрѣтили войско московита у Лоде, то убили около семи тысячъ русскихъ, одержали побѣду и отняли у нихъ всѣ ихъ полевыя орудія въ 1573 году, 23-го января.

58. Дальнѣйшія побѣды шведовъ и осада Везенберга, 1574.

Въ 1574 году достохвальный король снова собралъ большое войско изъ шведовъ, нѣмцевъ и шотландцевъ, и осадилъ замокъ Везенбергъ и всю зиму пробылъ въ земляхъ московита, жегъ и грабилъ и поджидалъ его въ полѣ. Но какъ московитъ былъ прошлой зимой разбитъ небольшимъ отрядомъ шведовъ, то и не осмѣливался идти противъ большаго войска, а предоставилъ свои земли на произволъ шведовъ.

59. Потеря Нарвы и дальнѣйшія битвы.

Въ слѣдующіе два года король шведскій потревожилъ своей армадой городъ Нарву и всѣ купеческіе корабли, силой взялъ много кораблей различныхъ націй, торговавшихъ съ московитомъ черезъ Нарву и въ изобиліи доставлявшихъ ему всякіе запасы и тѣмъ усиливавшихъ его, взялъ большую добычу и постоянно дрался съ русскими и съ приверженцами герцога Магнуса въ Ливоніи.

60. Осада Ревѣля, 1577

Когда въ 1577 г. московитъ во второй разъ хотѣлъ осадить городъ Ревель и подчинить его своей власти, то достохвальный король, по своему отеческому попеченію о городѣ и о замкѣ Ревелѣ, снабдилъ его какъ и во время первой осады опытными, храбрыми губернаторами и военными героями, сильнымъ гарнизономъ, а также провіантомъ, орудіями, порохомъ и свинцомъ; когда же подошелъ московитъ со своимъ огромнымъ войскомъ и осадилъ городъ Ревель, то снова долженъ былъ отступить, ибо Господь Богъ помогъ городу сильнымъ королевскимъ гарнизономъ. Московитъ потерялъ болѣе трехъ тысячъ человѣкъ своихъ лучшихъ воиновъ и стрѣлковъ и растратилъ безъ толку двѣ тысячи бочекъ пороху вмѣстѣ со многими тысячами пуль, каменныхъ и огненныхъ ядеръ. Этимъ московиту на этотъ разъ былъ нанесенъ не малый уронъ и ущербъ.

61. Шведскія побѣды у Нарвы, въ Россіи и Ливоніи.

Тѣмъ же лѣтомъ военные корабли короля шведскаго отправились въ Нарву и въ августѣ сожгли тамъ до тла два огромныхъ блокгауза, убили и взяли въ нихъ въ плѣнъ нѣсколькихъ русскихъ.

Въ тоже время шведское войско вторглось черезъ Выборгъ въ Россію, пробыло тамъ почти всю осень и безъ отдыха грабило, убивало и жгло.

Въ тоже время воины короля шведскаго наносили русскимъ не малый уронъ и во всѣхъ замкахъ и крѣпостяхъ въ Ливоніи; они сожгли всѣ русскія предмѣстья и мѣстечки во всей землѣ, и убили и сожгли въ нихъ множество русскаго народа, также многихъ русскихъ, дворянъ и недворянъ, забрали въ плѣнъ, такъ что весь замокъ и городъ Ревель были переполнены русскими плѣнными; многихъ изъ этихъ плѣнныхъ отослали въ Стокгольмъ въ Швецію для тріумфа и на показъ.

62. Побѣда шведовъ и поляковъ у Вендена, 1578.

Въ 1578 г., 21-го октября, войско короля шведскаго вмѣстѣ съ небольшимъ отрядомъ поляковъ избили у Вендена болѣе шести тысячъ самыхъ знатныхъ и лучшихъ воиновъ московита, взяли всю артиллерію московита, бывшую съ нимъ у Вендена, и здѣсь же уничтожили большое количество московитскаго пороху, желѣзныхъ, каменныхъ и огненныхъ ядеръ, въ этой битвѣ пало также много русскихъ князей, многіе были взяты въ плѣнъ, что нанесло московиту не малый ущербъ, позоръ и страхъ.

63. Дальнѣйшія побѣды шведовъ съ 1579 до 1581 г.

Въ 1579 г., 18-го іюля, король шведскій своей армадой ограбилъ нарвское предмѣстье, взялъ въ немъ огромную добычу различными русскими товарами, цѣнностью въ нѣсколько бочекъ золота, убилъ много русскихъ, затѣмъ сжегъ до тла и совершенно опустошилъ это предмѣстье вмѣстѣ съ большимъ мѣстечкомъ Ивангородомъ.

Въ 1580 г., 4-го ноября, достохвальный Іоаннъ III-й, король шведскій, силой отнялъ у московита городъ и замокъ Карелегородъ или Кексгольмъ вмѣстѣ съ принадлежавшимъ къ нему княжествомъ, и истребилъ въ немъ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ.

Въ томъ же 1580 г., 28-го декабря, онъ отнялъ у московита приступомъ замокъ Падисъ, передушилъ и избилъ въ немъ нѣсколько сотъ русскихъ.

Въ 1581 г , 4-го марта, король шведскій также силой взялъ у московита замокъ Везенбергъ вмѣстѣ съ прекрасной, плодородной

провинціей Вирландомъ, убилъ въ этой осадѣ болѣе ста русскихъ и добылъ въ этомъ замкѣ превосходные военные снаряды, изъ которыхъ нѣсколько было отвезено въ Стокгольмъ въ Швецію ради тріумфа и на показъ.

Въ томъ же году, въ іюлѣ и августѣ, король шведскій отнялъ силой у московита замки Габсаль, Лоде, Леаль и Фикель вмѣстѣ съ провинціей Викъ, которые московитъ раньше того взялъ у короля датскаго, добылъ въ нихъ отличный запасъ орудій и боевыхъ снарядовъ и подчинилъ эту провинцію вмѣстѣ съ упомянутыми замками королевству шведскому

Въ томъ же 1581 г., 6-го сентября, достохвальный Іоаннъ Ш, король шведскій, приступомъ взялъ у московита городъ Нарву, самое лучшее владѣніе и единственное прибрежное мѣсто московита у Балтійскаго моря, самый важный складочный пунктъ и купеческій городъ всѣхъ московитовъ и русскихъ, убилъ тутъ болѣе 7000 русскихъ и взялъ въ немъ непомѣрно большую добычу

Въ тоже время онъ обстрѣливалъ сильные замки и крѣпости Ивангородъ, Ямагородъ и Копорье въ Россіи, пріобрѣлъ ихъ сдачей, провелъ границу королевства шведскаго далеко въ Ливоніи и Россіи и сдѣлался такимъ могущественнымъ и сильнымъ на Балтійскомъ морѣ, какимъ не былъ ни одинъ король шведскій до его времени.

Въ томъ же 1581 г., 24-го ноября, достохвальный король долговременной осадой завоевалъ прекрасный замокъ и сильную крѣпость Виттенштейнъ и взялъ тамъ отличную артиллерію и боевые снаряды.

Послѣ покоренія города Нарвы и другихъ московитскихъ замковъ и крѣпостей, войско короля шведскаго дошло до Новгорода и грабило и жгло здѣсь безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны московита. Такими многочисленными славными побѣдами достохвальный король навелъ наконецъ такой страхъ и ужасъ на московитовъ, что они толпами стали отпадать отъ своего великаго князя государя и переходили къ шведскому королю, не только бояре, купцы, подъячіе и слуги, но и князья и воеводы, между которыми встрѣчается имя князя Юрія Андамскаго (Jurgen Andamski?)

Эта продолжительная война и эти многократныя побѣды короля шведскаго послужили не малымъ подспорьемъ и выгодой королю польскому противъ московита.

64. Дальнѣйшая похвала Іоанну Ш.

И хотя достохвальной коронѣ шведской въ эти годы почти въ одно время угрожало такое множество враговъ, какъ то Данія, Норвегія, городъ Любекъ, Польша и Пруссія, московитъ, а также и многіе ливонцы, враги, которые впродолженіи долгихъ лѣтъ изо всѣхъ

силъ изощрялись въ козняхъ и нападеніяхъ на королевство шведское: несмотря на то достохвальный король Іоаннъ III-й въ концѣ концевъ достигъ надлежащими мѣрами и высокими королевскими добродѣтелями того, что никто не могъ похваляться или радоваться, что одержалъ надъ нимъ верхъ, почему онъ въ сердечномъ упованіи на Бога всегда употреблялъ поговорку: Deus protector noster, которую и велѣлъ отчеканить на всѣхъ своихъ монетахъ.

Такими высокими доблестными дѣлами и своимъ достохвальнымъ видомъ и авторитетомъ онъ добился того, что всѣ государи всего христіанства часто присылали къ нему своихъ пословъ; не бездѣлица и то, что въ царствованіе этого достохвальнаго короля Іоанна III-го въ Швеціи перебывали послы столькихъ королей и государей и разныхъ народовъ, какъ ни при одномъ королѣ съ самаго начала королевства шведскаго; къ нему являлись послы Максимиліана II-го, римскаго императора, Карла IX, короля французскаго, Сигизмунда Августа, Генриха, Стефана Баторія, королей польскихъ, Фридриха II-го, короля датскаго, Григорія XII-го, папы римскаго, послы шотландцевъ, татаръ два раза, что было неслыхано до этихъ поръ. — Его посѣщали также и орденскіе братья съ острова Мальты, лежавшаго очень далеко по ту сторону Италіи, и многіе другіе дальніе владѣтели, князья, совѣтники и представители городовъ.

А такъ какъ впродолженіи долгихъ лѣтъ онъ велъ съ упомянутыми выше странами и особенно съ московитомъ изъ за Ливоніи продолжительныя войны, на которыя понадобилось не мало денегъ, провіанту, орудій, пороху и свинцу и всякихъ боевыхъ снарядовъ, то шведское королевство поэтому потратило на Ливонію не ничтожную сумму, а нѣсколько милліоновъ денегъ, и ежегодно посылало туда на множествѣ кораблей такой огромный провіантъ, какой не могъ бы да и не согласился бы посылать никакой государь изо всего христіанства. И когда, между прочимъ, недостало денегъ, то достохвальный король не пожалѣлъ своихъ королевскихъ столовыхъ драгоцѣнностей, а послалъ ихъ въ Ливонію на нѣсколько тысячъ лотовыхъ марокъ (etliche tausend Mark löthig) и заплатилъ ими жалованье воинамъ, чтобы они всегда охотно и съ готовностью шли противъ московита, а самъ напротивъ впродолженіе всей войны не воспользовался отъ Ливоніи ни однимъ талеромъ, а земли, дворы и деревни, которыми онъ овладѣлъ въ Ливоніи, онъ большею частью роздалъ въ ленъ дворянамъ и нѣкоторымъ бюргерамъ, обѣднѣвшимъ въ эту войну, а также и своимъ воинамъ, вѣрно служившимъ ему, чтобы имъ было съ чего жить, и впродолженіи всей войны не утруждалъ ливонскихъ бюргеровъ и крестьянъ никакими податями, какъ орденскій магистръ скоро послѣ начала московитской войны; такъ что и дворяне и бюргеры были совершенно свободны отъ налоговъ при этомъ королѣ впродолженіе всей войны. И еслибы по соизволенію

всемогущаго Господа достохвальное королевство шведское не приняло бы такого дѣятельнаго участія въ городѣ Ревелѣ и другихъ мѣстахъ Ливоніи, то по истинѣ вся Ливонія уже давнымъ давно была бы завоевана московитомъ.

Что касается до тѣлесныхъ и умственныхъ способностей, то и изъ нихъ Господь всемогущій ничего не забылъ даровать этому достохвальному королю; потому что онъ былъ очень искусный, очень умный, богобоязливый и ученый государь, знавшій многіе языки, кромѣ того любилъ свободныя искуства и всѣхъ ученыхъ, къ которымъ всегда былъ благосклоненъ не только въ собственномъ государствѣ, но и во всѣхъ странахъ и городахъ, гдѣ бывалъ.

И когда еще до своего царствованія онъ съ княжеской свитой путешествовалъ по королевствамъ и землямъ, какъ то Англіи, Пруссіи, Польшѣ, Литвѣ и Ливоніи, и знакомился съ правами и обычаями этихъ народовъ и тѣмъ пріобрѣталъ не малую опытность, тогда онъ съ величайшей пышностью былъ принятъ и угощаемъ въ Лондонѣ англійской королевой, которая въ честь его велѣла давать разныя удивительныя и чудесныя зрѣлища; а въ Вильнѣ, въ Литвѣ, Сигизмундъ Августъ, король польскій, собственной особой, со свитой въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, выѣхалъ ему на встрѣчу за городъ, пышно встрѣтилъ его за городомъ и съ величайшей роскошью и пышностью привезъ на его квартиру Точно также по княжески встрѣчали и угощали его въ Кенигсбергѣ герцогъ Прусскій и городъ Данцигъ и многіе другіе государи и города, въ которыхъ онъ бывалъ.

Когда онъ вступилъ на престолъ и принялъ корону шведскую, то первой его королевской заботой было снабдить церкви и школы способными епископами, проповѣдниками и учителями, а также устроить госпитали; поэтому онъ тотчасъ же въ началѣ своего правленія назначилъ ливонскимъ епископомъ вѣрнаго ученаго мужа, который долженъ былъ снова отстроить церкви, разоренныя московитомъ, и снабдить ихъ дѣятельными пасторами, долженствовавшими какъ можно усерднѣе просвѣщать бѣдныхъ ливонскихъ крестьянъ истиннымъ Божьимъ словомъ по аугсбургскому исповѣданію.

Кромѣ того онъ всюду преслѣдовалъ всякіе пороки, наистрожайше наказывалъ ихъ и во всякое время старался быть умѣреннымъ и справедливымъ и соблюдать всѣ королевскія добродѣтели, былъ строгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ милостивъ со всякимъ. Въ немъ также не замѣчалось особенной мстительности или кровожадности, онъ по своему долготерпѣнію обнародывалъ милость вмѣсто осужденія, часто оказывалъ снисхожденіе непокорнымъ, которые жестоко согрѣшили противъ него, и по своей милости прощалъ имъ ихъ вину; ради такихъ королевскихъ добродѣтелей его подданные, высокаго и низкаго происхожденія, больше любили его, чѣмъ боялись и во всякое время готовы были отдать за него и жизнь и имущество.

65. Похвала Карлу Зюдерманладнскому.

Подобныя же высокія добродѣтели, также какъ и высокія и славныя благодѣянія все время оказывалъ Ливоніи также и достославный князь Карлъ, герцогъ зюдерманландскій и нерикскій, братъ вышеупомянутаго государя. Этотъ достохвальный князь также ежегодно посылалъ въ Ливонію рейтаровъ и кнехтовъ для борьбы съ московитомъ, на что онъ употребилъ не малыя издержки и постоянно не мало заботился о счастіи и благосостояніи Ливоніи; у этого достохвальнаго князя искали убѣжища многіе ливонцы, изгнанные московитомъ изъ ихъ дворовъ и помѣстій, которые и получали хорошее содержаніе у его княжескаго двора.

66. Похвала шведскимъ губернаторамъ.

Не маловажны были также труды и работы шведскихъ губернаторовъ и правителей въ Ливоніи не только въ бояхъ, но и въ ежедневныхъ постройкахъ и укрѣпленіяхъ замковъ и крѣпостей. Вкратцѣ невозможно описать сколько старанія и трудовъ приложили эти шведскіе господа и правители въ ливонскихъ замкахъ при постройкѣ и починкѣ большихъ ронделей и валовъ, а также большихъ блокгаузовъ, стѣнъ, рвовъ и отбивныхъ снарядовъ вмѣстѣ со множествомъ сторожевыхъ домовъ. Эти достохвальные губернаторы больше орденскихъ братьевъ заботились о внутреннемъ бытѣ, благѣ и благосостояніи страны.

67 Похвала шведскому народу.

Далѣе весь достохвальный шведскій народъ такъ доблестно и храбро велъ себя въ отношеніи города Ревеля и Ливоніи, что невозможно всего и описать; потому что не было ни одного рода изъ шведскихъ господъ, рыцарей и дворянъ во всей Швеціи, который бы не былъ въ Ливоніи и не сѣдлалъ своихъ коней противъ московита, точно также какъ и всѣ шведскіе подданные во всей Швеціи. И когда въ Ревелѣ ихъ зачастую бывало нѣсколько тысячъ человѣкъ и ими бывали переполнены всѣ бюргерскіе дома, гильдіи, дома черноголовыхъ, также какъ и городской соборъ, равно какъ и всѣ квартиры и углы за городомъ и ихъ число часто превышало число всѣхъ туземныхъ жителей и ревельскихъ бюргеровъ, несмотря на то, не слышно было ни одного браннаго слова, а также не замѣчалось ни одного насильственнаго поступка ни днемъ, ни ночью впродолженіи всей войны, какъ со стороны самыхъ послѣднихъ, такъ и самыхъ знатныхъ; напротивъ они все время вели себя въ отношеніи всякаго, какъ слѣдуетъ, тихо, честно и скромно, такъ что незамѣтно было, есть ли

войско въ городѣ или нѣтъ. Что иногда происходило между ними на рынкѣ во время игръ (Mummenschanze), на то не можетъ жаловаться ни одинъ бюргеръ или житель.

Когда же они должны были идти въ походъ противъ московита, то ихъ не останавливали и не пугали ни сырое лѣто, ни бурная осень, ни холодная зима, ни самый дальній и опасный путь. И хотя, къ сожалѣнію, часто и много погибало храбрыхъ мужей изъ рыцарей, начальниковъ и простыхъ воиновъ на корабляхъ между Швеціей и Ливоніей, много замерзало на льду зимой и много гибло въ приступахъ и битвахъ и во время стычекъ многіе попадали въ плѣнъ и увозились въ Московію и Татарію, гдѣ ихъ безжалостно убивали; несмотря на это они не унывали, не выказывали неудовольствія, когда и осенью, и зимой и лѣтомъ, и по морю и по сушѣ приходили биться за Ливонію, будто дали, подъ страхомъ лишенія спасенія души, обѣтъ всемогущему Господу умереть за городъ Ревель и Ливонію. Они отказались отъ своего покоя и отъ продолжительнаго мира съ московитомъ, покинули въ Швеціи своихъ родителей, домы и дворы, женъ и дѣтей, и отправлялись въ Ливонію, чтобы сражаться съ московитомъ.

И хотя московитъ часто предлагалъ шведамъ миръ, если они отступятся отъ Ливоніи, однако они предпочли воевать и проливать свою кровь за городъ Ревель и Ливонію, чѣмъ заключить миръ и покинуть Ливонію.

68. Дальнѣйшія благодѣянія шведовъ.

И такъ какъ эта многократно упомянутая московитская война въ царствованіи достохвальнаго короля Іоанна III-го продолжалась 13 лѣтъ, пока наступило небольшое перемиріе, ливонскія же земли уже во время тевтонскаго ордена были большей частью опустошены и разорены московитомъ, и эта продолжительная война московита противъ короля шведскаго также не мало способствовала къ еще большему разоренію этой страны, и король шведскій изъ христіанскаго состраданія отдалъ въ ленъ уцѣлѣвшіе еще въ Ливоніи дворы, деревни и помѣстья обѣднѣвшимъ дворянамъ, бюргерамъ и воинамъ большей частью въ видѣ милости, чтобы имъ были съ чего жить, почему тамошніе намѣстники въ замкахъ и крѣпостяхъ не могли получать продовольствія съ ливонскихъ деревень. Вслѣдствіе этого ежегодно во всю войну изъ Швеціи привозили въ Ливонію на множествѣ кораблей огромный провіантъ не только для замковъ и крѣпостей, но также и для шведскихъ воиновъ, и въ такомъ количествѣ, что всѣмъ крестьянамъ, принадлежавшимъ къ замкамъ и всѣмъ извощикамъ города Ревеля, а также и всѣмъ замковымъ телѣгамъ и лошадямъ постоянно было вдоволь грузу для перевозки, — этимъ же провіантомъ пита-

лись и всѣ бюргеры и крестьяне, откупавшіе его за безцѣнокъ у воиновъ. Этотъ провіантъ должны были доставлять не только крестьяне, но и бюргеры и священники со всего шведскаго королевства. Точно также они часто должны были платить подать серебромъ и золотомъ, и давать фуражъ и муку воинамъ, стоявшимъ у нихъ постоемъ, и переносить многіе другіе налоги и затрудненія ради города Ревеля и Ливоніи, такъ что они часто сами удивлялись, какимъ родомъ стали въ такія отношенія къ Ливоніи и часто, по причинѣ тяжкихъ налоговъ, желали, чтобы королевство шведское во вѣки вѣковъ не брало на себя заботы о Ливоніи.

Такія высокія и разнообразныя благодѣянія, оказанныя сначала Эрикомъ XIV-мъ и Іоанномъ III-мъ, достохвальными королями шведскими, достохвальными господами, рыцарями и дворянами, равно какъ и всѣми простыми воинами, священниками, бюргерами и всѣми чинами достохвальнаго королевства Швеціи городу Ревелю и Ливоніи воистину изъ христіанской любви, невозможно вкратцѣ достаточно описать.

69. Стефанъ Баторій въ Ригѣ, 1582.

Въ 1582 г., въ посту, Стефанъ Баторій, король польскій, съ королевской пышностью пріѣхалъ въ Ригу и принималъ отъ рижанъ присягу въ вѣрности. Тогда рижане должны были очистить и передать королю церковь св. Іакова въ своемъ городѣ. Тогда король выслалъ изъ этой церкви проповѣдниковъ аугсбургскаго исповѣданія, а упомянутую церковь вручилъ іезуитамъ и папистамъ. Этотъ вышеупомянутый Стефанъ Баторій былъ первымъ королемъ, посѣтившимъ Ригу съ самаго ея существованія.

Прим. перев. Русскіе начали выступать изъ занятыхъ ими въ Ливоніи городовъ и замковъ съ февраля 1582 г. — Замойскій занялъ Дерптъ 24 февраля, къ этому времени русскіе выступили и изъ другихъ ливонскихъ мѣстностей.

Стефанъ Баторій прибылъ въ Ригу 12 марта съ многочисленною польскою свитою. Къ этому же времени прибылъ сюда изъ Дерпта и Замойскій.

Подробности о событіяхъ въ польской Ливоніи съ 1561 г. излагаются особо въ лѣтописи Ніенштета и примѣчаніяхъ къ ней.

70. Недовольство поляками, 1582.

Въ тоже время ливонцы, дворяне и бюргера, бывшіе еще на лицо и изгнанные московитомъ изъ епископствъ рижскаго и дерптскаго, также какъ и изъ Феллина, Вольмара, Вендена, Кокенгузена и Пернова, стали сильно надѣяться, что снова обратно получатъ всѣ свои дворы, земли и замки въ упомянутыхъ городахъ вмѣстѣ съ ихъ старыми привиллегіями, и стали объ этомъ просить въ Ригѣ короля

польскаго. Для этого король назначилъ на слѣдующее лѣто въ Ригѣ собраніе, на которомъ каждый долженъ былъ предъявить свидѣтельство и доказательство своего права на владѣніе помѣстьями, дальнѣйшее же обсужденіе и рѣшеніе возлагается на епископа рижскаго и нѣкоторыхъ польскихъ и литовскихъ чиновъ. Когда же наступило время этого собранія, то всѣ дворяне и бюргера изъ упомянутыхъ мѣстъ обратились къ оному, но ничего не добились. Когда же дворяне стали требовать опредѣленнаго отвѣта получатъ ли обратно свои имѣнія или нѣтъ, то епископъ сказалъ имъ, что не можетъ дать опредѣленнаго отвѣта, но замолвитъ о нихъ словечко передъ королемъ польскимъ. И такъ упомянутые дворяне ушли съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пришли. И хотя нѣкоторымъ бюргерамъ и бюргерскимъ дѣтямъ въ Дерптѣ и въ другихъ вышеназванныхъ мѣстахъ, нѣкоторые замки были снова изъ милости отданы въ ленъ, однако, они не могли уже возвратить себѣ старое управленіе, свободу, судъ и права вмѣстѣ съ ключами отъ городскихъ воротъ, но должны были жить между поляками не иначе, какъ плѣнные люди, и сносить также брань и насмѣшки отъ іезуитовъ и папистовъ, которые вторглись во всѣ города и мѣстечки и распространяли между простыми людьми великое лицемѣріе и неосновательныя вещи противъ общественной божеской истины и своей собственной совѣсти.

71. Тщетныя попытки шведовъ у Нетеборга, 1582.

Въ 1582 г., лѣтомъ, король шведскій снова собралъ огромное войско изъ шведовъ, нѣмцевъ, французовъ и итальянцевъ, а также и русскихъ, отпавшихъ отъ своего великаго князя, и съ этимъ войскомъ вмѣстѣ съ огромной армадой, орудіями и разными боевыми снарядами въ сентябрѣ осадилъ сильный замокъ Нетеборгъ (Орѣшекъ) въ Россіи, обвелъ окопами и сталъ обстрѣливать. А такъ какъ упомянутый замокъ лежалъ между широкими, быстрыми рѣками и водами, и съ суши къ нему не было доступа, потому они должны были строить шанцы на маленькомъ островкѣ, съ котораго они очень скоро пробили стѣну этого замка, а 8 октября начали приступъ на лодкахъ или маленькихъ корабляхъ; во время этого приступа часть шведскихъ кнехтовъ взяли нѣсколько русскихъ орудій и владѣли ими съ полъ часа. Но такъ какъ другіе кнехты замедлили по причинѣ рѣкъ и не могли успѣть придти къ нимъ на помощь, то русскіе снова отбили ихъ. Тогда приступъ оказался напраснымъ и они не мало ошиблись въ расчетѣ.

14-го октября къ замку пришло на помощь по водѣ много русскихъ кораблей съ провіантомъ, боевыми снарядами и разными необходимыми вещами. Русскіе тогда снова ободрились.

15-го октября прибылъ господинъ Понтусъ, военачальникъ, и 18-го октября рѣшился снова попытать счастіа и еще разъ велѣлъ идти на приступъ, но и этотъ штурмъ, какъ и первый, оказался безполезнымъ.

Прим. перев. На боярскомъ совѣтѣ, происходившемъ въ ноябрѣ 1581 г. въ Москвѣ (см. выше стр. 332), было рѣшено примириться съ Баторіемъ, чтобы свободнѣе наступить на шведа, отнять у него завоеванные города и Ревель. Съ этою цѣлію 1 января 1582 г. Іоаннъ велѣлъ воеводамъ князьямъ Өед. и Вас. Ив. Мстиславскимъ, Ив. Вас. Годунову, князю Вас. Юр. Голицыну, двумъ Салтыковымъ и князю Вас. Агишевичу Тюменскому собирать полки въ Торжкѣ и итти къ Ругодиву, къ Ямѣ, да въ свейскую землю за Неву

Обстоятельства благопріятствовали Іоанну. Между Баторіемъ и королемъ шведскимъ Іоанномъ III возстали раздоры изъ за Нарвы. Король польскій требовалъ отдать этотъ городъ Польшѣ, король шведскій не уступалъ. Внутри Швеціи было неспокойно: Іоаннъ III, женатый на католичкѣ, былъ ревностнымъ папистомъ, возбудилъ противъ себя лютеранъ и ссорился со своимъ братомъ, герцогомъ Карломъ. Баторій началъ готовиться къ войнѣ со Швеціею; русскіе воеводы, выступивъ изъ Новгорода, встрѣтили шведовъ въ Вотской Пятинѣ, въ селѣ Лялицахъ и разбили ихъ на голову Но эта побѣда не повлекла за собою никакихъ послѣдствій.

Шведы осадили Орѣшекъ, по совѣту московскаго измѣнника Аѳанасія Бѣльскаго. Орѣшекъ защищали воеводы князь Василій Ростовскій, Судаковъ и Хвостовъ.

Делагарди отступилъ отъ Орѣшка, свѣдавъ, что на помощь ему идутъ изъ Новгорода войска подъ начальствомъ князей Анд. Ив. Шуйскаго, Вас. Мих. Лобанова, Ив. Ив. Голицына и др.

72. Напрасный походъ шведовъ въ Новгородъ, 1582.

Когда на этотъ разъ была потеряна надежда на Нетеборгъ, шведы должны были снять свой лагерь и отступить съ убыткомъ. Тогда всѣ гофлейты въ мартиновъ день пошли къ Новгороду, по дурной дорогѣ, на которой всѣ лужи были переполнены водой и непогода съ ливнемъ длилась и день и ночь и всѣ мосты въ Россіи плавали подъ водой. Когда же, по причинѣ такихъ затрудненій, они не могли ничего подѣлать въ Россіи, то съ потерей нѣсколькихъ сотъ лошадей и почти всѣхъ обозныхъ телѣгъ они снова возвратились на свои квартиры, гдѣ, въ земляхъ русскихъ, пробыли всю зиму, продовольствуясь даромъ безъ всякой опасности или сопротивленія.

73 Какъ одѣвались перебѣжавшіе русскіе.

Въ то время московиты или русскіе, перешедшіе къ королю шведскому, одѣвались понѣмецки, каковая одежда какъ для нихъ, такъ и для всѣхъ московитовъ, была всегда омерзительна. Причина, почему они это сдѣлали, была та, что теперь, когда имъ приходилось жить и ходить въ походъ со шведами и нѣмцами, то ихъ одежда

являлась безобразною и черезъ-чуръ рѣзко отличалась отъ нѣмецкаго одѣянія, и кромѣ того они думали, что нѣмцы и шведы будутъ лучше уважать ихъ, такъ какъ они нѣмецкое платье уважаютъ больше чѣмъ русское.

Прим. перев. Число русскихъ, приставшихъ къ шведамъ, при взятіи ими городовъ и замковъ въ Эстоніи, не извѣстно; знатнѣйшимъ изъ нихъ былъ Аѳанасій Бѣльскій. Всѣ они впослѣдствіи приняли лютеранство, знатнѣйшіе же получили помѣстья и баронскія достоинства.

74. Татары способствуютъ успѣхамъ шведовъ.

Въ то время, когда происходилъ походъ шведовъ къ Нетеборгу, изъ Москвы дошли вѣрныя извѣстія, что казанскіе и астраханскіе татары отпали отъ московита, своего государя, возстали и съ большимъ войскомъ осадили городъ Казань, къ которому принадлежало цѣлое царство, и нанесли московиту большой уронъ. Кромѣ того и крымскіе татары вторглись также съ нѣсколькими тысячами человѣкъ въ землю московита, такъ что московитъ не зналъ, съ которой стороны защищаться и съ которымъ врагомъ лучше всего начинать войну Наконецъ когда непріятели стали угрожать ему и спереди и сзади и со всѣхъ сторонъ, то онъ сильно укрѣпилъ замки и крѣпость на шведской границѣ, войско повелъ противъ татаръ, а всѣ нетеборгскія и новгородскія земли оставилъ на произволъ короля шведскаго.

Въ этотъ разъ шведамъ выпала бы на долю большая выгода, если бы только счастіе удержалось на ихъ сторонѣ.

Прим. перев. Лѣтомъ 1582 г. обнаружился опасный бунтъ луговой черемисы въ казанской области. Въ октябрѣ 1582 г. послано было туда войско подъ начальствомъ князя Елецкаго, но бунтъ продолжался. Тогда изъ Мурома были двинуты въ казанскую область новыя войска подъ начальствомъ князей Ив. Мих. Воротынскаго и Дм. Хворостинина. Новыя вѣсти пришли въ Москву еще болѣе тревожныя: узнали, что ханъ Магметъ-гирей сносится съ черемисою и готовится напасть на Россію и что ногаи грабятъ въ камскихъ предѣлахъ. Приходилось дѣйствовать одновременно въ разныхъ мѣстахъ: послали войско къ Камѣ, другое войско заняло берега Оки, третье плыло къ Свіяжску Ханъ не осмѣлился сдѣлать нападенія, но бунтъ черемисовъ продолжался до конца жизни Іоанна.

75. Герцогъ Магнусъ умираетъ, 1583.

Въ 1583 году, въ февралѣ, умеръ герцогъ Магнусъ гольштейнскій въ Пильтенѣ въ Курляндіи и въ томъ же году его тѣло было перевезено по морю въ Данію. Пильтенское епископство хотѣло держаться Даніи, изъ за чего и произошла война между поляками и пильтенцами.

Прим. перев. Время смерти герцога Магнуса у Рюссова показано не вѣрно.

Было уже выше упомянуто, когда и по какой причинѣ герцогъ Магнусъ отсталъ отъ Іоанна (см. стр. 294). По договору заключенному въ Баускѣ между нимъ и княземъ Николаемъ Радзивилломъ, виленскимъ воеводою и канцлеромъ литовскимъ, Магнусъ всѣ свои владѣнія въ томъ числѣ и пильтенское епископство передалъ подъ покровительство Литвы съ сохраненіемъ однако, на названное епископство правъ его брата, короля датскаго.

Герцогъ Магнусъ съ своею супругою, Маріею Владиміровною, поселился въ Пильтенѣ. Онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ 1580 г. въ Ливоніи, во время втораго похода Баторія, именно находился въ отрядѣ курляндскихъ войскъ, дѣлавшихъ набѣгъ подъ начальствомъ Бутлера до Дерпта и Нейгаузена. Въ январѣ 1581 г. у него родилась дочь, которая была крещена въ Пильтенѣ въ православіе и наречена Евдокіею.

По прибытіи 12 марта 1582 г. Стефана Баторія въ Ригу, сюда явился и герцогъ Магнусъ съ просьбою утвердить за нимъ его ливонскія земли въ ленное владѣніе. Король Стефанъ отказалъ ему, ссылаясь, что такое утвержденіе зависитъ отъ сейма, а не отъ короля. Магнусъ, крайне недовольный такимъ отказомъ, уѣхалъ изъ Риги; на варшавскій сеймъ 1582 года не поѣхалъ, но послалъ туда своего уполномоченнаго Вильгельма Штурца. Сеймъ отложилъ рѣшеніе на утвержденіе за Магнусомъ его ливонскихъ леновъ до слѣдующей сессіи въ 1583 г., но герцогъ не дожилъ до этого сейма. Онъ умеръ въ Пильтенѣ 18 марта 1583 г. Его совѣтники, немедленно же дали знать о его кончинѣ королю датскому Фридриху, чтобы онъ принялъ надлежащія мѣры къ обезпеченію за Даніею пильтенскаго епископства, а чтобы выиграть время скрывали смерть Магнуса. Въ Ригѣ, однако, провѣдали о кончинѣ Магнуса и ливонскій королевскій намѣстникъ князь Юрій Радзивиллъ отправилъ гонца въ Пильтенъ разузнать правду; гонецъ подъ предлогомъ передачи герцогу важныхъ бумагъ, потребовалъ что бы его допустили къ нему Совѣтники увѣряли гонца, что герцогъ тяжко боленъ, не можетъ никого принимать и требовали, чтобы бумаги были переданы имъ. Они пригласили гонца къ обѣду, пили за здоровье герцога, но ничего не помогало: скрыть смерть было невозможно. Тѣло герцога похоронили въ пильтенской церкви въ землѣ и оттуда, чрезъ 79 лѣтъ, 5 апрѣля 1622 г., тѣло было перевезено въ Данію.

Вдова герцога съ дочерью, между тѣмъ поселились въ Ригѣ, гдѣ король Стефанъ назначилъ имъ приличное содержаніе. Изъ Риги онѣ, по смерти Іоанна, подали прошеніе его преемнику царю Ѳеодору Іоанновичу о дозволеніи возвратиться на родину. Пишутъ, будто Годуновъ пригласилъ Марію Владиміровну возвратиться въ Москву, обѣщая ей богатый удѣлъ и знатнаго жениха и опасаясь, чтобы эти правнука Іоанна III, вслучаѣ кончины Ѳедора и Дмитрія, не объявила себя наслѣдницею престола. Какъ бы то ни было ей позволили возвратиться. Изъ переписки по этому дѣлу видно, что русскіе давали ей титулъ королевы, котораго поляки за нею не признавали. По прибытіи въ Москву, ее съ дочерью помѣстили въ одномъ изъ монастырей, потомъ постригли. Малолѣтняя дочь ея скоро умерла, но вдовствующая герцогиня прожила инокинею лѣтъ восемь и была погребена въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ.

76. *Переговоры между Швеціей и Россіей, 1583.*

Въ тоже время въ Ревель прибылъ московитскій бояринъ или дворянинъ, отправленный съ письмами къ шведскимъ правителямъ

воеводой новгородскимъ; содержаніе писемъ было очень ласковое и касалось мирныхъ переговоровъ; и этотъ бояринъ или податель письма былъ также скроменъ и ласковъ и не такой тщеславный, упрямый и гордый, какъ прежніе послы и податели писемъ московита. Тогда шведскіе правители отвѣтили на письмо и отправили съ письмами къ воеводѣ новгородскому одного нѣмецкаго дворянина, по имени Ганса Страсборга. Тогда былъ назначенъ день для мирныхъ переговоровъ, на которые поѣхали шведскіе коммиссары. Когда же они встрѣтились съ московитскими коммиссарами въ маѣ у рѣки Плюсы (Плисы) во владѣніи короля шведскаго въ Россіи и обѣ стороны раскинули свои палатки, то сначала нѣсколько дней они спорили о титулахъ своихъ государей. Когда же никто не хотѣлъ унизиться до того, чтобы пойти въ чужую палатку, то шведы велѣли поставить роскошно убранный столъ между обѣими сторонами; за этотъ столъ сѣли сначала шведскіе, а потомъ и московитскіе коммиссары. Тогда они стали вести переговоры о мирѣ. Но такъ какъ московиты требовали слишкомъ многаго, а шведы не хотѣли ничего имъ уступить, то изъ этихъ переговоровъ ничего не вышло.

Наконецъ всетаки было заключено кратковременное перемиріе на два мѣсяца, съ 9-го мая до 9-го іюля. Въ теченіе этого времени коммиссары обѣихъ сторонъ должны были получить полную довѣренность отъ своихъ государей и 9-го іюля явиться на томъ же мѣстѣ, чтобы продолжать переговоры.

Прим. перев. Бунтъ черемисы, непрочность запольскаго перемирія, заключеннаго съ Баторіемъ 15 января 1582, ибо литовскіе воеводы силою занимали мѣста въ уѣздахъ торопецкомъ, луцкомъ, велижскомъ, а витебскій воевода Пацъ произвольно поставилъ городъ въ велижской волости на устьѣ рѣки Межи, гдѣ шелъ водный путь изъ Смоленска и Бѣлаго къ Лукамъ и Торопцу, литовцы затрудняли обѣщанный размѣнъ плѣнныхъ, грабили въ Невельскомъ уѣздѣ и пр., все это указывало, что военныя дѣйствія, не смотря на заключенное перемиріе, могли легко возобновиться, хотя Баторій находился и въ незавидномъ положеніи, ибо изъ за Нарвы онъ враждовалъ со Швеціею, на сеймѣ онъ не встрѣчалъ никакой поддержки со стороны пановъ, крымскій ханъ и султанъ, озлобленные нападеніями запорожцевъ и малороссійскихъ казаковъ, грозили войною Польшѣ.

Было выше сказано (см. стр. 334), что Іоаннъ обязался не воевать Эстоніи въ теченіи 10 лѣтъ.

Всѣ эти обстоятельства, взятыя въ совокупности, побудили Іоанна предложить перемиріе шведамъ. Предложеніе было, конечно, охотно принято и 15 апрѣля 1583 г. государь прислалъ въ Шелонскую Пятину на рубежъ на Плюсу рѣку для съѣзду со свейскими нѣмцами воеводъ князя Сем. Ив. Лобанова, да Игнатья Татищева, да Ив. Фефилатьева, дьяка Дружину Петелина, Мих. Бурцова, да новгородскаго дьяка Сем. Костина.

Они и заключили двухъ-мѣсячное перемиріе.

77 *Война поляковъ съ пильтенскимъ епископствомъ, 1583.*

Въ тоже время началась война между поляками и пильтенскимъ епископствомъ въ Курляндіи по тѣмъ причинамъ, что это епископство было поручено прежнимъ епископомъ Іоанномъ Менникгузеномъ королю и королевству датскому и было предоставлено въ ленъ герцогу Магнусу, брату короля датскаго, королевствомъ датскимъ, а не польскимъ. Вслѣдствіе этого пильтенскія сословія заявили, что будутъ отстаивать Пильтенъ для короля датскаго и охотнѣе перейдутъ на сторону датчанъ, чѣмъ поляковъ. Но поляки говорили, что герцогъ Магнусъ отдался подъ защиту королевства польскаго, вмѣстѣ съ Пильтеномъ, что Польша до сихъ поръ защищала отъ московита какъ герцога Магнуса, такъ и все епископство. Затѣмъ поляки стали продолжать грабить и убивать и заняли нѣкоторые епископскіе замки и завладѣли всѣмъ епископствомъ.

Пильтенское епископство было единственнымъ мѣстомъ въ Ливоніи, которое впродолженіи всей московитской войны пребывало въ мирѣ и тишинѣ. Но въ концѣ концевъ жители и этой страны должны были узнать, противъ всякихъ ожиданій, что такое война, несчастіе, заботы и огорченія.

Прим. перев. Польское правительство, получивъ извѣстіе о смерти Магнуса, постановило присоединить пильтенское епископство къ владѣніямъ Рѣчи Посполитой, но такого присоединенія пильтенское дворянство крайне не желало, видя какъ поляки угрожаютъ въ Ливоніи протестантству и имѣніямъ лютеранскихъ помѣщиковъ. Пильтенскіе дворяне вслѣдствіе этого поручили одному изъ своихъ сочленовъ, Іоанну Беру, отправлявшемуся въ Германію вмѣстѣ съ извѣстнымъ полковникомъ Юргеномъ Фаренсбахомъ для найма жолнѣровъ въ польскую службу, отправиться въ Данію и заявить королю датскому о готовности Пильтена подчиниться ему. Беръ представился королю, который назначилъ его своимъ фохтомъ, и, предоставивъ въ его распоряженіе нѣсколько орудій и отрядъ войска, отправилъ обратно въ Пильтенъ.

Между тѣмъ королевскій ливонскій намѣстникъ князь Георгъ Радзивиллъ, возведенный папою въ кардинальское достоинство, приказалъ занять всѣ ливонскіе замки покойнаго герцога (Каркусъ, Эрмесъ, Гельметъ и Руенъ) польскими гарнизонами, а всѣмъ помѣщикамъ, владѣвшимъ землями у этихъ замковъ, приказалъ присягнуть королю польскому. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ въ Пильтенъ своего маршала Северина Жилинскаго и гауптмана нѣмецкихъ жолнѣровъ Ѳому фонъ Эмдена предложить пильтенскимъ помѣщикамъ, продолжавшимъ именовать себя магнистами, быть въ повиновеніи королю польскому. Пильтенцы отказались, говоря, что уже присягнули королю датскому, брату покойнаго герцога. Кардиналъ-намѣстникъ повторилъ требованіе, и на этотъ разъ послалъ въ Пильтенъ, кромѣ своего уполномоченнаго, и курляндскихъ ратовъ (совѣтниковъ) Саломона Геннинга и Луку Гибнера. Тѣ представили пильтенцамъ, что короли Сигизмундъ Августъ и Баторій обѣщали представить пильтенское епископство курляндскому герцогу. Пильтенцы, не желавшіе польскаго господства ни прямаго, ни косвеннаго, отказались присягать. Тогда кардиналъ приказалъ полковнику Оборскому вступить въ пильтенское епископство и силою заставить пильтенскихъ помѣщиковъ при-

сягнуть королю польскому Началась мелкая, опустошительная война. Оборскій жегъ деревни, опустошалъ дворянскія имѣнія. Тогда пильтенцы 24 мая 1583 г. напали на Оборскаго у замка Амботена, но были отражены съ чувствительною потерею. Курляндскій герцогъ Готгардъ Кетлеръ послалъ на помощь Оборскому полковника Бутлера съ 200 рейтаровъ. Онъ сталъ у Виндавы, чтобы воспрепятствовать датской высадкѣ. Помѣщики заперлись въ крѣпкихъ замкахъ и не сдавались. Оборскій осадилъ замокъ Эдваленъ, но тутъ былъ убитъ. Его замѣнилъ полковникъ Пенкославскій и въ шести миляхъ отъ Пильтена имѣлъ дѣло съ пильтенцами 8 августа 1583. Князь Радзивиллъ послалъ въ пильтенское епископство ротмистра Клауса Корфа, который и взялъ Амботенъ. Польскіе жолнѣры стали грабить не только пильтенское епископство, но и помѣщичьи дворы въ Самогитіи. Пошли жалобы и король Стефанъ приказалъ Радзивиллу вывести польскихъ жолнѣровъ изъ пильтенской области.

Между тѣмъ, по поводу Пильтена, между королями датскимъ Фридрихомъ и польскимъ Стефаномъ происходила переписка, не приводившая ни къ какимъ результатамъ, пока наконецъ посредничество въ спорѣ принялъ на себя маркграфъ Георгъ Фридрихъ бранденбургскій, герцогъ прусскій. При его посредничествѣ Данія и Польша пришли къ соглашенію и 10 апрѣля 1585 г. заключили между собою договоръ, по которому Данія отказывается отъ всѣхъ своихъ правъ и претензій на Пильтенъ. Польша же за то уплатитъ Даніи 30,000 талеровъ. Пильтенское дворянство и города получили полное подтвержденіе всѣхъ своихъ правъ и преимуществъ особою грамотою, которая вновь была подтверждена королемъ Сигизмундомъ III на варшавскомъ сеймѣ 17 апрѣля 1587 г. Съ тѣхъ поръ Пильтенъ составилъ особый отъ Курляндіи округъ, именовавшійся пильтенскимъ. Въ 1795 г., по присоединеніи Курляндіи къ Россіи, пильтенскій округъ вошелъ въ составъ курляндской губерніи, въ 1796 г. снова былъ отдѣленъ и въ 1819 г. вторично присоединенъ къ названной губерніи, подъ названіемъ газенпотскаго оберъгауптманства. Съ тѣхъ поръ отдѣльное существованіе Пильтена прекратилось.

78. Перемиріе между Швеціей и Россіей, 1583.

Въ томъ же 1583 г., въ іюлѣ, шведскіе и московитскіе коммиссары во второй разъ собрались вести переговоры о мирѣ. Коммиссаровъ короля шведскаго было семь, а именно

Клаусъ Акезенъ (Класъ Тоттъ), рыцарь вистскій и губернаторъ финляндскій,

Понтусъ Делагарди, баронъ и рыцарь эйкгольмскій и губернаторъ ливонскій,

Карлъ Густавсонъ (Стенбокъ), баронъ торпскій,

Юргенъ Бойе, гинескій,

Карлъ Гинриксенъ (Горнъ), канкаскій,

Гансъ Вахтмейстеръ, лакетскій (Лаактъ, помѣстье въ Эстоніи),

Гансъ Берендсенъ, форскій.

Московитскихъ коммиссаровъ было также семь, а именно

Князь Иванъ Семеновичъ Лобановъ Ростовскій, намѣстникъ Городища,

Игнатій Петровичъ Татищевъ, надворный совѣтникъ (Hofrath, бояринъ), великаго князя,

Дружина Пантелѣевъ, канцлеръ (дьякъ),

Иванъ Андреевичъ Фефилатьевъ, придворный юнкеръ, (воевода),

Михаилъ Ивановичъ Бурцевъ, придворный юнкеръ (воевода),

Богданъ Огарковъ, секретарь (дьякъ),

Оссана Зафезинъ, писарь.

Когда упомянутые коммиссары снова собрались 31-го іюля на вышеупомянутомъ мѣстѣ, и раскинули свои палатки, тогда они снова нѣсколько дней спорили о титулахъ своихъ государей. Какъ и прежде на срединѣ былъ поставленъ богато накрытый столъ, за который сѣли сначала шведы, а потомъ и московиты и начали вести переговоры о мирѣ. Наконецъ послѣ многократныхъ споровъ и переговоровъ они не могли заключить продолжительнаго мира, но согласились на трехлѣтнее перемиріе, съ тѣмъ условіемъ, что король шведскій удержитъ за собой и во время этого трехлѣтняго перемирія безпрепятственно будетъ владѣть замками и крѣпостями Кексгольмомъ, Копорьемъ, Ямагородомъ, Ивангородомъ и Нарвой, равно какъ и всѣми другими замками, завоеванными имъ, со всѣми съ древнихъ поръ причислявшимися къ нимъ правами и границами, и чтобы были выкуплены съ обѣихъ сторонъ всѣ плѣнные, оставшіеся еще въ живыхъ, а торговлѣ быть вольною, какъ то всегда водилось. Перемиріе заключили 5-го августа.

И такъ достохвальное королевство шведское достигло небольшаго перемирія, провоевавъ со многими сторонами цѣлыхъ двадцать лѣтъ сряду и на морѣ и на сушѣ, во время этихъ разнородныхъ войнъ шведы узнали насколько сильна корона шведская, чего раньше не знали. И хотя они воевали много лѣтъ сряду, однако, война имъ все еще не надоѣла или утомила ихъ, напротивъ, они вполнѣ были готовы сколько угодно сражаться съ московитомъ, поэтому и королевская армада была уже готова, нагруженная сильной артиллеріей и боевыми снарядами, а также и множество кораблей съ провіантомъ, а войско было нанято въ Нарвѣ, Финляндіи. а также и въ Ревелѣ и только ждало окончанія перемирія съ московитомъ.

И хотя это перемиріе было кратковременно и невелико, но оно всетаки великое дѣло и чудо всемогущаго Господа, ибо извѣстно, что въ началѣ ливонской войны московитъ отвергъ всѣ переговоры всѣхъ королей и государей касательно Ливоніи и никогда не хотѣлъ, чтобы кто либо думалъ о Ливоніи, а всѣмъ говорилъ, что не уступитъ ни малѣйшей крѣпости въ Ливоніи, если бы даже пришлось воевать за нихъ сразу и со шведами, и съ поляками, и датчанами.

Тогда-то является всемогущій Господь и повергаетъ въ прахъ тщеславнаго и лютаго, такъ что онъ долженъ былъ унизиться передъ королемъ шведскимъ, котораго прежде совершенно презиралъ, потерять

не только свои лучшія владѣнія въ Ливоніи, но лишиться и многихъ московитскихъ наслѣдственныхъ земель, городовъ и замковъ, долженъ былъ просить перемирія и терпѣть то, что король шведскій провелъ границы своего королевства очень глубоко въ московитскія земли.

78. Заключеніе.

За эту всемилостивую и чудесную побѣду, счастіе и преодолѣніе и за этотъ маленькій отдыхъ мы ливонцы должны, по справедливости, отъ души благодарить всемогущаго Господа и впредь просить его о дальнѣйшемъ мирѣ, а также всѣми силами стараться покинуть прежній дурной образъ жизни и принести истинное раскаяніе, чтобы насъ не постигло проклятіе, которымъ Всемогущій Господь страшно угрожаетъ всѣмъ безбожникамъ и нераскаяннымъ въ 4-й книгѣ Моисея въ 26-й главѣ и въ 5-й книгѣ въ 28-й главѣ, въ которыхъ говоритъ. «И аще до сего не послушаете мене, и приложу наказати вы язвами седмижды за грѣхи ваша»

Ужасный примѣръ этого проклятія и наказанія мы видимъ на городѣ Іерусалимѣ, городѣ, который вмѣстѣ со всѣмъ іудейскимъ царствомъ всемогущій Господь, подобно Ливоніи, часто въ прежніе времена украшалъ славными и чудесными побѣдами и милостиво защищалъ, спасалъ и охранялъ его отъ Сенахериба, Антіоха и другихъ тирановъ. Но, когда евреи забыли великія благодѣянія Господни и продолжали пребывать въ неблагодарности и нераскаянности, то всемогущій Господь совершенно уничтожилъ жителей Іерусалима и Іудеи, разрушилъ и совершенно опустошилъ ихъ городъ и царство, и предалъ ихъ вѣчному стыду и позору; такой же примѣръ представляютъ намъ Содомъ, Константинополь и многіе другіе земли и города.

Да даруетъ же намъ, ливонцамъ, свое Божеское милосердіе Господь, отецъ всякаго милосердія, единый истинный, неизмѣнный и вѣчный Богъ со своимъ сыномъ Іисусомъ Христомъ и со Святымъ Духомъ, такъ что бы мы могли наполнить время этого перемирія добрыми дѣлами покаянія и истинной христіанской вѣры, чтобы все устроилось къ славѣ, чести и хвалѣ Его Святаго Божественнаго имени и къ вѣчному миру и согласію государей, къ общему благу и ко спасенію всѣхъ насъ и душъ нашихъ. Аминь.

КОНЕЦЪ.

ЛИВОНСКАЯ

ЛѢТОПИСЬ

ФРАНЦА НІЕНШТЕДТА,

бывшаго рижскаго бургомистра и королевскаго бургграфа.

Достопримѣчательныя вещи и исторіи о первомъ открытіи благородной провинціи Ливоніи, какъ таковая была открыта нѣмцами и народы въ ней покорены, а также приведены въ христіанскую вѣру изъ языческаго идолопоклонства, также кромѣ того о многихъ происшествіяхъ и событіяхъ, тамъ случившихся и происходившихъ въ различныя времена.

По тексту, сличенному съ древнѣйшими и новѣйшими списками лѣтописи Тилеманномъ и напечатанному во 2-мъ томѣ Monumenta Livoniae antiquae.

ПРЕДИСЛОВІЕ

издателя лѣтописи г. Тилеманна.

Францъ Ніенштедтъ или Ніенстеде (Franz Nyenstädt, Nyenstede), какъ онъ самъ называетъ себя въ своихъ запискахъ, родился 15 августа 1540 въ графствѣ Гоя, въ вестфальскомъ округѣ, и прибылъ въ 1554 въ Дерптъ, гдѣ посвятилъ себя торговлѣ. Отсюда онъ впослѣдствіи велъ значительныя торговыя дѣла съ Россіей; по поводу ихъ принужденъ былъ часто предпринимать поѣздки въ Москву, Новгородъ и Псковъ и знакомиться съ внутреннимъ состояніемъ московскаго государства, что и повлекло за собою самыя благопріятныя для него послѣдствія — этимъ онъ положилъ основаніе къ позднѣйшему своему благосостоянію. Въ 1571 г. онъ переѣхалъ въ Ригу, сдѣлался здѣсь бюргеромъ 21-го августа и 9-го сентября того же 1571 года женился на вдовѣ купца Ганса Крумгаузена. Проживъ здѣсь немалое число лѣтъ, онъ только что рѣшился выстроить для себя удобный домъ въ своемъ помѣстьѣ Зунцелѣ и маленькую церковь для себя и своихъ дворовыхъ людей на близь лежащей горѣ св. Анны, гдѣ прежде стояла часовня, сожженная русскими въ 1577, собираясь провести остальные дни своей жизни на покоѣ среди сельской тишины, какъ 22-го сентября 1583 его выбрали членомъ магистрата. Потревоженный такъ неожиданно въ исполненіи предначертаннаго плана своей жизни, онъ сперва рѣшился, получивъ это извѣстіе въ своемъ помѣстьи, остаться тутъ и отказаться отъ права бюргерства; однако, по зрѣломъ размышленіи, онъ пріѣхалъ въ Ригу попытаться, не удастся ли ему отстоять свою свободу. Всѣ его доводы остались безъ успѣха; онъ получилъ отказъ даже на свое предложеніе внести тысячу марокъ въ пользу бѣдныхъ, если его избавятъ отъ этого тяжелаго бремени. Ему объявили, что бюргеръ не можетъ отказаться отъ должности, но обязанъ подчиняться рѣшенію магистрата. Онъ наконецъ согласился. Не прошло и двухъ лѣтъ какъ на него, наимладшаго изъ членовъ магистрата, возложенъ санъ бургомистра 15-го октября 1585. Какъ ни лестенъ долженъ былъ ему казаться этотъ выборъ, которымъ признавались его способности и правдивость, тѣмъ не менѣе отъ него не могло ускользнуть, какія трудности и заботы предстояли ему въ это время, исполненное тревогъ. Онъ испыталъ ихъ во всей ихъ полнотѣ во время извѣстныхъ календарныхъ смутъ. Нако-

нецъ стихли бурныя времена; спокойствіе водворилось введеніемъ *северинскаго контракта;* но это было спокойствіе волкана, въ нѣдрахъ котораго незримо бушевало пламя. Приверженцы мятежниковъ все еще не были умиротворены и не убѣдились въ противозаконности своего поведенія, напротивъ, казни ихъ предводителей, а отчасти и чрезмѣрная строгость начальства возбудили въ нихъ еще большее озлобленіе. Даже между членами магистрата далеко не было единодушія. Затѣмъ возникли споры въ концѣ 16-го столѣтія между синдикомъ Гильхеномъ и вице-синдикомъ Годеманомъ, на сторону послѣдняго перешли часть магистрата, а что важнѣе и самъ бургомистръ Экъ. Гильхенъ былъ позванъ къ суду, но не явился. Такъ какъ Ніенштедтъ поручился за Гильхена, будучи его тестемъ, что тотъ явится, потому и самъ былъ замѣшанъ въ это дѣло и даже принужденъ былъ сложить съ себя должность бургомистра, и удалиться изъ города. 10-го сентября 1600 г отправился онъ въ свое помѣстье, откуда велъ процессъ со своими противниками. Послѣдніе дѣйствовали будто бы отъ имени магистрата; но дѣйствительными пружинами всего, по замѣчанію Ніенштедта, были бургомистръ Экъ и его сторонники. Цѣлыхъ пять лѣтъ продержали они его въ Варшавѣ: онъ долженъ былъ являться на всѣ сеймы и въ преклонныхъ лѣтахъ предпринимать для этого чрезвычайно утомительныя путешествія. Хотя его противники три раза проигрывали дѣло, но онъ все таки не достигалъ своей цѣли. Наконецъ дѣло его дошло до королевскаго трибунала въ 1605 году Здѣсь дѣло его обсуждали въ многочисленномъ собраніи всѣхъ сословій и въ присутствіи представителей отъ города Риги. Всякій ясно видѣлъ ковы его противниковъ, и не только судьи убѣдились какъ велика была оказанная ему несправедливость, но даже и самъ король, какъ послѣ узналъ Ніенштедтъ, далъ замѣтить свое совершенное неудовольствіе. Тогда то противная партія убѣдилась, какъ неумѣстно она играла въ опасную игру Самъ Годеманъ предлагалъ устроить дѣло въ Ригѣ такъ, чтобы Ніенштедтъ получилъ прежнюю должность и удовлетвореніе. Канцлеръ и воевода краковскій также писали магистрату, совѣтуя не ожидать королевскаго декрета для обратнаго водворенія Ніенштета въ его должности и для примиренія съ нимъ по спорному дѣлу Не менѣе убѣдительныя просьбы посылали Ніенштедту оба эльтермана гильдій Эбергардъ Эттингъ и Бартольдъ Бекеръ, поддерживаемые и многими членами магистрата, не давать дѣлу дальнѣйшаго хода, обѣщая употребить всѣ средства, чтобы вознаградить его за всѣ его многія издержки, лишь бы онъ только снова вступилъ въ свои должности. Испытавъ такъ много непріятностей, онъ не могъ охотно согласиться. — но любовь, оказанная ему бюргерами, и почетное удовлетвореніе, данное ему за всѣ его обиды, побѣдили — онъ согласился и былъ торжественно снова водворенъ во всѣ свои должности 11 октября 1605 г. Но старость одолѣвала его: зрѣніе все болѣе и болѣе слабѣло. По этому въ 1607 г., при распредѣленіи должностей, онъ убѣдительно просилъ магистратъ уволить его и позволить удалиться на покой по причинѣ приближающейся глубокой старости. Просьба его не была исполнена — и этотъ неизмѣнно дѣятельный человѣкъ окончилъ свой жизненный путь, преисполненный трудами, на 82 году отъ роду въ 1622 г., послѣ вѣрной, продолжительной службы на пользу города. Въ 1590, 1594 и 1598 гг., а также вѣроятно неоднократно и по своемъ вторичномъ введеніи въ должности, онъ занималъ мѣсто бургграфа Его останки покоятся, какъ кажется, въ церкви, выстроенной имъ въ своемъ помѣстьи на горѣ св. Анны. Кромѣ своей падчерицы Катерины Крумгаузенъ, бывшей замужемъ за синдикомъ Гильхеномъ, онъ не оставилъ по себѣ потомковъ.

* * *

Если человѣкъ, обладающій такими качествами какъ религіозность, патріотизмъ, общеполезная дѣятельность, чувство правдивости и истины, благотворительность, мужество и рѣшимость въ опасностяхъ, угрожающихъ общему благу, имѣетъ неотъемлемое право на уваженіе современниковъ и потомства, то это право тѣмъ болѣе принадлежитъ тому человѣку, который непоколебимо сохранялъ эти добродѣтели даже непризнанный, ненавидимый и гонимый. А такимъ человѣкомъ былъ Ніенштедтъ. Судьба съ непреодолимою силою вовлекла его въ бурныя календарныя смуты, которыя кровавыми буквами начертаны въ лѣтописяхъ Риги и во время ихъ онъ дѣйствовалъ съ энергіей и благоразуміемъ, дѣлающими честь его уму и сердцу Еслибы онъ и кромѣ того не сдѣлалъ такъ много добра, то заслужилъ себѣ почетное мѣсто среди патріотовъ своимъ рвеніемъ водворить нарушенный порядокъ, своимъ человѣколюбіемъ, съ которымъ старался смягчить судьбу нѣсколькихъ гражданъ, замѣшанныхъ въ то возмущеніе и осужденныхъ, своимъ горячимъ участіемъ, съ которымъ онъ говорилъ и дѣйствовалъ, чтобы спасти еще до послѣднихъ минутъ своихъ несчастныхъ сослуживцевъ Тастіуса и Веллинга, когда возмущенная толпа вела ихъ на мѣсто казни. Какими многократными услугами обязанъ былъ ему городъ, это мы подробно видимъ изъ его записокъ. Уже въ первые годы своей бюргерской дѣятельности, когда русскіе расхаживали по странѣ въ 1575, онъ содержалъ нѣсколько мѣсяцевъ на свой счетъ отъ 2 — 5 солдатъ. Тоже самое повторилось и позднѣе — въ которомъ году и сколько времени не говорится — когда онъ въ пользу страны поставилъ трехъ всадниковъ, снарядивъ людей и лошадей. Онъ не только своихъ людей поставилъ работать на валы, но вмѣстѣ работалъ и самъ. По его предложенію и подъ его руководствомъ былъ построенъ новый цейхаузъ; при городскихъ вѣсахъ онъ учредилъ канцелярію; основалъ такія учрежденія при порторіумѣ, при мѣркѣ хлѣба и браковкѣ, при которыхъ городскіе доходы не только стали обезпечены, но и увеличились, а бюргеры не стали подвергаться частымъ налогамъ. Такъ какъ до тѣхъ поръ браковка золы сопряжена была съ большимъ неудобствомъ и производилась ко вреду торговли подъ открытымъ небомъ, то онъ рѣшился устранить это зло, и съ помощью троихъ мужей достигъ того, что на ихъ счетъ построилъ удобный пепельный дворъ, снабженный сообразнымъ устройствомъ. Онъ всѣми силами старался, чтобы городъ мало по малу положилъ начало для сбора своихъ собственныхъ хлѣбныхъ запасовъ. Будучи главнымъ сиротскимъ опекуномъ, онъ привелъ въ порядокъ прежнія неисправности и запутанныя дѣла въ сиротскомъ судѣ. Въ своемъ имѣніи Зунцель онъ построилъ церковь на горѣ св. Анны и снабдилъ ее колоколами и необходимыми церковными принадлежностями. Въ 1594 онъ на свой счетъ снова отстроилъ часть ткацкой улицы, превращенной въ груды развалинъ, воздвигнувъ нѣсколько жилыхъ домовъ. Такъ какъ оказалось, что одинъ изъ домовъ стоялъ на мѣстѣ «Бурманскаго дома призрѣнія несчастныхъ», то сперва Ніенштетъ назначилъ было этотъ домъ для возобновленія подобнаго же благотворительнаго заведенія. Но, по предложенію магистрата, онъ купилъ грунтъ близь Ризинга (Ризингова канала), и отстроилъ тамъ домъ для неимущихъ, который существуетъ и понынѣ подъ названіемъ «Ніенштедтскаго вдовьяго конвента». Вотъ нѣкоторыя черты изъ его жизни и дѣятельности общественной.

Ніенштедтъ оставилъ послѣ себя ливонскую лѣтопись и свои записки. Арндтъ упоминаетъ, что онъ писалъ кромѣ того еще примѣчанія на сѣверную исторію доктора Лоренца Меллера, и приводилъ изъ нихъ выдержки во второмъ томѣ, ст. 3. Подлинная рукопись лѣтописи Ніенштедта находилась еще въ половинѣ прошлаго столѣтія въ рукахъ поручика фонъ Цеймерна, въ Нурмисѣ, который сообщилъ ее для пользованія бургомистру ф. Шифель-

бейну, но съ тѣхъ поръ она исчезла безслѣдно. Записки его перешли въ 1807 вмѣстѣ съ собраніемъ книгъ бургомистра Іог. Кристофа Шварца въ рижскую городскую библіотеку. Онѣ писаны собственною рукою Ніенштедта и въ нихъ на 108 страницахъ in quarto заключаются, кромѣ извѣстій о его семейныхъ и торговыхъ дѣлахъ, также и общественныя городскія событія его времени, испещренныя множествомъ библейскихъ текстовъ, которые онъ писалъ для своего назиданія. Преимущественно въ запискахъ онъ сообщаетъ извѣстія о календарныхъ смутахъ отъ стр. 26 — 74. Изъ этой-то книги и взяты вышеприведенныя данныя о жизни этого мужа, исполненной столькихъ заслугъ.

Въ его разсказѣ, конечно, напрасно стали бы мы искать ясности и красоты, качества, неразлучныя съ каждымъ хорошимъ произведеніемъ, но его вѣкъ и то обстоятельство, что онъ писалъ исторію какъ дилетантъ, могутъ служить ему извиненіемъ, а достовѣрность его извѣстій, которыя онъ сообщаетъ какъ очевидецъ, вознаграждаетъ за всѣ недостатки. Минувшія событія онъ разсказываетъ частью по Рюссову, частію по другимъ источникамъ; кажется даже, что для древнѣйшихъ временъ у него былъ источникъ, нынѣ погибшій для насъ, какъ видно изъ главъ пятой, шестой и седьмой, въ которыхъ онъ приводитъ обстоятельства о первомъ прибытіи нѣмцевъ и ихъ мѣновой торговлѣ, которыхъ нигдѣ кромѣ него нѣтъ. При изданіи хроники Ніенштедта я пользовался шестью копіями, изъ которыхъ самая важная древняя рукопись, которую обязательно доставилъ мнѣ пасторъ докторъ Б. Бергманъ изъ Руена. Она содержитъ въ себѣ 93 не номерованныхъ листовъ in folio. Два первые листа писаны позднѣйшей рукой, въ срединѣ и на концѣ нѣсколькихъ листовъ не достаетъ. Этотъ экземпляръ очень пострадалъ отъ времени, но онъ безспорно тотъ, который вѣрнѣе всѣхъ прочихъ передаетъ затерянный оригиналъ. 2) Копія изъ собранія бургомистра І. К. Шварца въ рижской городской библіотекѣ, заключающая въ себѣ 140 страницъ in folio. Она списана съ древняго экземпляра, но съ большими ошибками. 3) Копія Бротце, 109 страницъ in folio. Она сокращена и въ ней заключаются, на страницахъ 11 — 26, восемь листовъ древняго экземпляра, которые туда вставлены. Остальныя три копіи, изъ которыхъ одна принадлежитъ пастору Трею, можно отнести къ новѣйшему времени. Языкъ и орѳографія, за исключеніемъ двухъ первыхъ, измѣнены во всѣхъ остальныхъ, къ тому же послѣднія позволили себѣ употребить сокращенія и неоднократныя опущенія конечно не безъ основанія. То же самое, однако же, должно было случиться во многихъ мѣстахъ его записокъ, гдѣ были выпущены слова, встрѣчались повторенія, или перепутана послѣдовательность мыслей. Свѣдѣнія о жизни Ніенштедта находятся въ слѣдующихъ книгахъ: Арндтъ, лифляндская хроника, томъ II, стр. 2. — Гадебушъ, разсужденіе о лифляндскихъ историкахъ, стр. 81 — 91; его же лифл. библіотека, т. II, стр. 298. Гупель, сѣверн. смѣсь гл. XXVII стр. 397 — 408. Бротце, взглядъ на прошедшее гл. V, стр. 12 — 14. Рижскіе городскіе листки 1825 стр. 133 — 136, и лексиконъ писателей Рекке и Напіерскаго, т. III стр. 333 и 334.

Издатель.

I. N J.

Praefatio ad Lectorem.

Читателю, любителю исторіи.

Предисловіе.

Не только возлюбленный Моисей. Іисусъ Навинъ, Самуилъ, Давидъ и другіе святые пророки и мужи Божіи, но и язычники, напримѣръ Геродотъ, Плиній, Страбонъ, Птоломей и другіе всѣми силами старались записывать и сохранять на память потомству, кромѣ великихъ Magnalia Dei и чудесныхъ дѣлъ Божіихъ. случавшихся на земли, и то что происходило въ другихъ политическихъ сношеніяхъ и вещахъ міра, записывали измѣненія истинныхъ и ложныхъ религій, а также возникновеніе и ростъ, или же отживаніе и паденіе великихъ монархій, царствъ, королевствъ, княжествъ, земель, городовъ и сословій, дабы для потомковъ они могли отражаться какъ въ зеркалѣ, и дабы потомки избѣгали зла и подражали всѣмъ добродѣтелямъ, такъ какъ изъ всѣхъ правдивыхъ повѣствованій видно, что Господь всемогущій во всѣ времена пребывалъ въ своей истинной церкви; гдѣ любили Его слово и жили сообразно ему, тамъ онъ самъ оберегалъ и давалъ преуспѣяніе, возращеніе вмѣстѣ со своимъ благословеніемъ и миромъ. Напротивъ же того читаемъ, что тамъ, гдѣ люди жили въ постыдномъ идолопоклонствѣ, проводили жизнь, какъ эпикурейцы и Сарданапалъ, и предавались всѣмъ грѣхамъ и порокамъ — тамъ являлись ужасныя опустошенія и разгромы цѣлыхъ монархій, имперій, королевствъ, земель, городовъ и сословій; читаемъ также

какъ часто великіе повелители и великіе люди лишались трона, а ничтожные возвышались, какъ о томъ воспѣваетъ въ своей пѣсни Марія. По этой причинѣ Господь Богъ во всѣ времена посылалъ такихъ драгоцѣнныхъ мужей, кои ради потомковъ описывали похвальныя событія, и оставили ихъ въ достояніе потомству, въ назиданіе другимъ, подобно тому какъ и мудрый король Альфонсъ въ крайней своей слабости ничѣмъ лучшимъ не умѣлъ себя подкрѣплять, какъ приказывая читать себѣ описанную исторію короля Александра великаго. Потому что мы должны знать, что исторія прошлаго не только занимательна, но и полезна и пригодна для насъ, дабы мы чрезъ истинное раскаяніе и искреннее покаяніе избавились вмѣстѣ съ ниневитянами палящаго гнѣва Божьяго. Такъ какъ я прожилъ съ юности моей почти 50 лѣтъ въ этой странѣ Ливоніи, и имѣю право считать ее не иначе какъ своимъ отечествомъ, и въ этихъ прошедшихъ 50-ти годахъ я пережилъ въ ней не мало перемѣнъ и бѣдствій; поэтому я и рѣшился въ этомъ своемъ изгнаніи разсказать вкратцѣ о той древности, когда нѣмцы открыли эту провинцію Ливонію и о случившихся при этомъ распряхъ и происшествіяхъ. Я не имѣлъ намѣренія пространно повѣствовать о всѣхъ случившихся событіяхъ, въ виду того, что другіе прежде меня писали о томъ съ большими дарованіемъ и искуствомъ. я вздумалъ передать тоже самое вкратцѣ, и только хотѣлъ по возможности точно передать то, что случилось въ послѣдніе сто лѣтъ, въ особенности же, что я самъ пережилъ въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ, насколько то мнѣ было возможно по моей простотѣ, не какъ искусный историкъ, который хотѣлъ выказать свое искусство и умѣнье, но только потому что я въ свои преклонные годы имѣю свободное время. Я не полѣнился написать краткій разсказъ о томъ, какъ нѣмцы въ первый разъ высадились въ Ливоніи, укрѣпились въ ней, покорили въ ней язычниковъ, привели ихъ въ повиновеніе христіанской вѣрѣ, ввели въ ней свѣтское управленіе и полицію, какъ много воевали въ ней съ языческими народами и пролили много крови, какъ занимали ее и владѣли ею почти 400 лѣтъ; и хотя я хорошо знаю, что многіе мои непріятели (въ особенности тѣ, которыхъ я задѣну своей правдой), не только не поблагодарятъ меня, но что имъ это не понравится и они будутъ истолковывать мои слова въ свою славу и на многое будутъ смотрѣть и разбирать по своему — однако я этимъ всѣмъ не смущаюсь, я ничего о нихъ не писалъ, но желалъ бы напротивъ, чтобы они оказали болѣе справедливости и себѣ и мнѣ — сообразно съ истиной, и если я написалъ здѣсь и сказалъ о нѣкоторыхъ событіяхъ слишкомъ мало, или слишкомъ много, то охотно приму мудрое замѣчаніе и поученіе, и исправлю ошибки какъ должно; для тѣхъ же, которые признаютъ мое скромное прилежаніе и примутъ съ любовію, тѣмъ я искренно желалъ бы поднести нѣчто лучшее, если

бы только эта возможность зависѣла отъ меня. Но я не сомнѣваюсь, что всѣ добродушные читатели останутся довольны этимъ моимъ ничтожнымъ трудомъ и моей доброй волей, и поручаю ихъ вмѣстѣ съ собою милостивому покровительству и заступленію Божьему

Писано въ Зунцелѣ, 1604 года.

ГЛАВА I.

О томъ, на сколько простирается Ливонія въ длину и въ ширину.

Въ длину Ливонія начинается у рѣки Наровы, гдѣ лежитъ замокъ подъ городомъ Нарвой, возлѣ высокаго водопада, вытекающаго изъ обильнаго рыбой озера Пейпуса; эта рѣка простирается отъ устья Пейпуса внизъ на 8 миль до высокаго водопада, гдѣ вода ниспадаетъ съ вышины болѣе 12 локтей, такъ что шумъ слышенъ далѣе чѣмъ за четверть мили. Ниже, въ восьмой части мили, лежитъ городъ Нарва съ замкомъ, на берегу рѣки, и эта рѣка протекаетъ по низовью за Нарвой до Балтійскаго моря, на пространствѣ, составляющемъ двѣ мили. Передъ устьемъ въ эту рѣку впадаетъ еще рѣчка Любеке, которая бѣжитъ изъ страны московитовъ отъ Великаго Новогорода, гдѣ находится въ этой странѣ замокъ Гама (Ямъ), въ трехъ миляхъ отъ Нарвы (водою дальше, 10 миль). Изъ Наугардена (Новгорода) на рѣкѣ, называемой Тестау, купцы нагружаютъ свои товары на корабли и везутъ ихъ такимъ образомъ до Нарвы, гдѣ московиты заложили складъ и сборное мѣсто торговли, когда они въ 1558 году начали вести войны съ Ливоніей, и когда они завоевали нѣмецкую Нарву — какъ городъ такъ и замокъ — тогда стали впервые ѣздить туда любекскіе мореходы. За любчанами послѣдовали и мореходы другихъ городовъ, стали часто появляться и корабли голландскіе, англійскіе, шотландскіе и французскіе; потому что туда направлялись всѣ товары изъ цѣлой Россіи, между тѣмъ какъ туда же направляется и судоходство черезъ Пейпусъ изъ большаго московитскаго города Пскова; потому что Псковъ лежитъ только въ двухъ миляхъ отъ Пейпуса, въ который впадаетъ протекающая изъ дальней Россіи мимо Пскова прекрасная рѣка (Великая), такъ что внизъ по этой рѣкѣ привозятъ много товаровъ въ Псковъ изъ московитскихъ земель, а оттуда отправляютъ ихъ на другихъ большихъ корабляхъ черезъ Пейпусъ (который въ длину простирается отъ псковскаго рѣчнаго устья до устья рѣки Наровы при 20 мильномъ пути и 8 миль внизъ по рѣкѣ) до города Нарвы, гдѣ производство торговли уже очень удобно. Встарину еще при полномъ управленіи ливонскихъ сословій, передъ покореніемъ Нарвы московитомъ въ 1558 г., подъѣздъ кораблей къ Нарвѣ

былъ запрещенъ, только мелкія суда съ нѣкоторыми товарами могли подвозить ихъ къ Ревелю; для того, чтобы большіе города, какъ то Рига, Ревель и Дерптъ, чрезъ то не потеряли въ своемъ увеличеніи и прокормленіи и не умалились. Московитъ и такъ выстроилъ въ 1492 г крѣпкій замокъ на другой сторонѣ рѣки Наровы на самомъ берегу, какъ разъ противъ Нарвы, такъ что изъ нарвскаго замка почти можно было перекинуть черезъ рѣку въ городъ камень. Рѣка Нарова и озеро Пейпусъ отдѣляютъ Ливонію отъ московитской земли на юго-восточной сторонѣ Ливоніи, а на сѣверо-западной сторонѣ открытое Балтійское море отдѣляетъ Ливонію отъ Швеціи, которое Балтійское море между Ливоніей и Швеціей имѣетъ ширину въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 13, а въ другихъ 12 миль, разстояніе между двумя землями гдѣ больше, а гдѣ и меньше. Пейпусъ же между Ливоніей и Россіей въ самомъ широкомъ мѣстѣ имѣетъ около 9 миль, выше къ Пскову онъ постепенно съуживается и тамъ онъ не шире 6, 5, 4, 2 миль. При устьѣ Пейпуса на ливонской сторонѣ, на берегу рѣки стоитъ замокъ, называемый Новымъ замкомъ (Нейшлотъ) Если я не ошибаюсь, то его тутъ построилъ въ 1500 г. Плеттенбергъ, бывшій тогда ливонскій магистръ, во время мира съ московитами. Около этого же времени и московитъ построилъ на своей сторонѣ, въ трехъ миляхъ отъ устья Пейпуса, замокъ съ монастыремъ; замокъ этотъ называется Волдоовъ, а на ихъ языкѣ Овдовъ (Гдовъ).

Озеро Пейпусъ такъ обильно рыбой, что оно снабжаетъ ею всю Россію и Ливонію. И такъ въ длину Ливонія начинается отъ нѣмецкаго города Нарвы, и простирается къ юго-западу до города Дерпта, вдоль по сухому пути на 30 миль; отъ Дерпта же течетъ большая рѣка, имѣющая свое начало въ Феллинскомъ озерѣ, которое называютъ Вержьервъ (Верцъервъ), въ 10 миляхъ отъ Дерпта, и течетъ мимо города Дерпта, за тѣмъ въ шести миляхъ оттуда на югъ, или немного восточнѣе, она впадаетъ въ Пейпусъ. При этой рѣкѣ стояли два замка; одинъ называется Альтенъ Торне, находится на берегу рѣки на западной сторонѣ, въ 2 миляхъ отъ Дерпта, другой на восточной сторонѣ, близь рѣки, въ 4 миляхъ отъ Дерпта, назывался Веренбекъ. Въ этомъ замкѣ постоянно жилъ бургграфъ, опредѣляемый на это мѣсто епископомъ дерптскимъ, который имѣлъ надзоръ и право осматривать всѣ корабли, и возы, зимой и лѣтомъ пріѣзжавшіе и отъѣзжавшіе; потому что тамъ надъ рѣкою былъ устроенъ шлагбаумъ, такъ что ни водою, ни сухимъ путемъ никто не могъ проѣхать; каждый долженъ былъ имѣть пропускъ; потому что свободно никакой хлѣбъ нельзя было провозить изъ Ливоніи въ Россію, развѣ по милости дерптскаго епископа кому въ случаѣ крайности и было позволяемо и дано перевезти что либо. Точно также запрещено было подъ страхомъ наказанія доставлять московитамъ какую либо военную амуницію, порохъ, латы, металлы. Помню я, что подмастерье, по имени

Гансъ Феринг, нѣсколько панцырей тайно препроводилъ изъ Ливоніи въ Россію, но когда объ этомъ узнали, то его изгнали изъ Ливоніи, и онъ во всю жизнь свою уже не смѣлъ показаться въ этой странѣ, но долженъ былъ умереть въ Россіи. Точно также бургграфъ имѣетъ надзоръ и за подвозомъ рыбы, потому что отъ всей рыбы, которая ловилась въ Пейпусѣ и въ рѣкѣ, начальство брало десятину Во время улова щукъ, оно имѣло также много тоней въ дерптской рѣкѣ, которую обыкновенно называютъ Эмбахъ. Въ ней ловятся каждую весну многія тысячи щукъ, которыя весною изъ Пейпуса бѣгутъ въ свѣжую воду рѣки. Въ Пейпусѣ водятся многіе сорты прекрасной и вкусной рыбы. У Пейпуса много притоковъ, текущихъ въ него изъ Россіи и Ливоніи; но въ одномъ истокѣ у города Нарвы, какъ сказано выше, именно въ рѣкѣ. Наровѣ ловится множество угрей въ теченіи цѣлаго лѣта, а также у упомянутаго водопада много лососей и другой превосходной рыбы, заходящей изъ Балтійскаго моря.

Ливонія простирается въ длину далѣе отъ города Дерпта отъ сѣверовостока къ югозападу до главнаго города Риги, что составляетъ 40 миль. Тамъ большой складъ купеческихъ товаровъ, потому что въ этотъ городъ идетъ большой подвозъ всякаго рода хлѣба и купеческихъ товаровъ какъ зимой такъ и лѣтомъ, водою и сухимъ путемъ. Водою внизъ по большой рѣкѣ Двинѣ изъ далекой Россіи везутъ на плотахъ, лоддигенахъ (ладьяхъ) и стругахъ всякаго рода товары, много огромныхъ бревенъ, строевой лѣсъ и дрова, золу, смолу, зерновой хлѣбъ, коноплю, ленъ, кожи, воскъ, сало, конопляное масло, конопляное сѣмя и еще разные товары. Также бываетъ большой подвозъ изъ Литвы, Курляндіи, Ливоніи; всѣ товары въ Ригѣ выгружаютъ, разбираютъ и продаютъ, потому что рѣка Двина течетъ на двѣ мили ниже Риги и вливается въ открытое море. Къ устью рѣки Двины пріѣзжаютъ часто каждый годъ очень много кораблей изо всѣхъ мѣстъ, и привозятъ въ Ригу съ собою различные товары, какъ. соль, сельди, дорогія полотна, шелковыя матеріи, различные металлическіе и мелкіе товары, вина, пиво, съѣстные припасы, пряности, всякія спеціи, желѣзо, красную мѣдь, олово, свинецъ, однимъ словомъ все, что только нужно людямъ, всего привозятъ довольно. Въ замѣнъ того, ежегодно нагружаютъ многія сотни судовъ кожами и другими товарами, годными для купцовъ, за какую милость и благодѣянія Божіи городъ Рига обязана Всевышнему многою благодарностью. Кромѣ того рѣка Двина цѣлое лѣто доставляетъ столько превосходной лососины и рыбы, сколько не ловится ни въ какомъ другомъ городѣ на цѣломъ Балтійскомъ морѣ. Къ тому же тамъ еще есть копченыя камбалы и вымбы. Далѣе отъ Риги Ливонія продолжается черезъ рѣку Двину и чрезъ Курляндію къ югозападу, на Гольдингенъ и т. д.

ГЛАВА II.

Имена городовъ и замковъ въ Ливоніи.

1) Городъ Нарва и замокъ.
2) Городъ Ревель и замокъ.
3) Городъ Перновъ и замокъ.
4) Городъ Рига и замокъ.
5) Городъ Дерптъ и замокъ.
6) Городъ Кокенгузенъ и замокъ.
7) Городъ Вольмаръ и замокъ.
8) Городъ Венденъ и замокъ.
9) Городъ Феллинъ и замокъ.
10) Городокъ Лемзаль съ замк.
11) Городокъ Гапсаль съ замк.

Замки безъ городовъ, изъ которыхъ многіе принадлежали владѣтельнымъ особамъ страны, нѣкоторые дворянамъ, а нѣкоторые разрушены и въ развалинахъ.

1) Новый замокъ при устьѣ Пейпуса.
2) Замокъ Этцъ, въ Нарвскомъ уѣздѣ, разрушенъ и принадлежитъ Таубену
3) Замокъ Лаисъ и замокъ Талькоффенъ.
4) Замокъ Оберпаленъ, Эльстферъ, принадлежитъ Герману Врангелю.
5) Веренбекъ.
6) Виттенштейнъ.
7) Везенбергъ.
8) Боркгольмъ.
9) Асъ, принадлежитъ г Гильзену
10) Тольсбергъ.
11) Монастырь Падисъ.
12) Монастырь Фегефейеръ.
13) Монастырь Лоде.
14) Монастырь Леаль.
15) Монастырь Фикель, принадлежитъ Укскулямъ.
16) Замокъ Феликсъ, принадлежитъ Укскулямъ.
17) Монастырь Колькъ, съ каменными стѣнами.
18) Монастырь св. Бригиты, съ каменными стѣнами.
19) Монастырь Фалькенау, съ каменными стѣнами.
20) Замокъ Наббенъ, принадлежитъ Тизенгаузенамъ, также и Залисъ.
21) Пюркель, принадлежитъ Унгерну, также Экенангернъ.
22) Кремонъ.
23) Трейденъ.
24) Ропе, принадлежитъ фонъ Розену
25) Клейнъ-Ропе, принадлежитъ фонъ Розену
26) Моянъ, принадлежитъ тому же.
27) Гохрозенъ, принадлежитъ Плеттенбергу
28) Луде, принадлежитъ Крюденеру.
29) Розенбекъ, принадлежитъ Гэрфлену.
30) Нейгофъ, принадлежитъ Гэрфлену
31) Эрмисъ.
32) Гельметъ.
33) Тарвестъ.
34) Каркусъ, принадлежитъ воеводѣ Фаренсбаху
35) Руйэнъ.
36) Буртнекъ.
37) Рингенъ, принадлежитъ Тэдвену

38) Ранденъ, принадлежитъ Тизенгаузену
39) Конгота, принадлежитъ ему же.
40) Кавелехтъ, принадлежитъ ему же.
41) Альтенторнъ, принадлежитъ Штакельбергу
42) Кирремпэ.
43) Анценъ, принадлежитъ Шенкингену
44) Оденпэ.
45) Нейгаузенъ.
46) Маріенбургъ.
47) Адцель.
48) Маріенгаузенъ.
49) Розитенъ (Рѣжица).
50) Лютценъ.
51) Динабургъ.
52) Крейцбургъ, принадлежитъ Клаусу Корфу
53) Сесвегенъ, принадлежитъ Таубену
54) Берзонъ, принадлежитъ Тизенгаузену
55) Ронненбургъ.
56) Трикатенъ.
57) Пебаль, принадлежитъ Дребиншену
58) Арль (Эрла), принадлежитъ Тизенгаузену
59) Смильтенъ.
60) Юргенсбургъ, принадлежитъ Клодтену
61) Нитау, принадлежитъ баронамъ Брабекамъ.
62) Зевольдъ (Зегевольдъ).
63) Шуйенъ.
64) Зербенъ.
65) Лембургъ.
66) Зунцель.
67) Ленневардъ.
68) Икскуль.
69) Кирхгольмъ.
70) Нейермюленъ.
71) Даленъ.
72) Ашераде.
73) Роденпойсъ.
74) Динаминдъ.

На островѣ Эзелѣ, который имѣетъ въ длину 14 миль и 9 въ ширину (имъ нынѣ владѣетъ король датскій), было прежде епископство; тамъ находятся два замка Аренсбургъ и Зонебургъ, гдѣ стоитъ высокая башня, по которой мореходы направляютъ свой путь, каковую башню нѣкогда крестьяне — куроны хотѣли опрокинуть своими волами, привязанными къ толстому якорному канату Они укрѣпили канатъ около башни, и затѣмъ запрягли множество воловъ. Какъ только передніе стали тянуть, задніе, будучи припряжены за рога, поднялись на воздухъ. Тутъ крестьяне стали кричать на своемъ нарѣчіи Otes, Otes fader Herge lex Himmelrych her fader — Отче, волы летятъ на небо. Это они сдѣлали для того, что хотѣли опрокинуть башню, чтобы, какъ встарину, получать добычу отъ добра съ кораблей претерпѣвшихъ крушеніе; но вмѣсто того въ наказаніе они должны были выстроить замокъ Зюнебургъ. Вблизи его находится островъ, на которомъ въ послѣднее военное время шведы построили шанцы, назвали Юргенсбургъ; этотъ островъ имѣетъ въ длину 7 миль и 5 миль въ ширину На немъ живутъ дворяне и шведскіе подданные. Есть еще одинъ островъ, по имени Моне, 2 мили въ длину и 1

въ ширину, принадлежащій датчанамъ. Еще одинъ островъ, по имени Вормсъ, 2 мили въ длину и 1 въ ширину, шведскій, на немъ хорошія деревни. Еще другой, по имени Нукъ, 1 миля въ длину и 1 въ ширину, шведскій, и на немъ есть деревни.

ГЛАВА III.

О состояніи древнихъ языческихъ народовъ въ Ливоніи, ихъ вѣрѣ, нравахъ и обычаяхъ, какіе у нихъ были прежде, чѣмъ нѣмцы пришли въ страну.

Кажется дѣйствительно, судя по древнимъ писаніямъ, что за 450 лѣтъ тому назадъ всетаки верховную власть надъ языческими народами въ Ливоніи до нѣкоторой степени имѣли московиты, частію же у этихъ народовъ были начальниками и нѣсколько своихъ собственныхъ королей, какъ и теперь еще одинъ изъ ихъ рода живетъ въ Курляндіи, въ пяти миляхъ за Газенпотомъ, называемый курляндскимъ королемъ (der kurische König). — У него есть кучка дворовъ и хатъ, и онъ до сихъ поръ состоитъ подъ властію герцога курляндскаго, почему его и называютъ курляндскимъ королемъ. — Опять же въ киркгольмскомъ округѣ есть еще одинъ, котораго называютъ королемъ, онъ съ давнихъ временъ получилъ во владѣніе отъ императора и отъ паны 7 гакеновъ земли, на каковой ленъ онъ имѣетъ законныя печати и грамоты. До сихъ поръ въ странѣ были и еще многіе свободные крестьяне, которые безъ сомнѣнія происходили отъ старинныхъ начальниковъ родовъ. Что Ливонія также платила дань московиту, слѣдуетъ изъ того, что онъ никогда не упускалъ упоминать во всѣхъ клятвенныхъ мирныхъ грамотахъ съ гермейстерами и епископами Ливоніи, а всегда нарочито въ нихъ упоминалъ о дани православной вѣрѣ, потому что московитъ все еще считаетъ Ливонію за настоящее свое отечество (вотчину), и титулъ носитъ государя Ливоніи, (ein Herr über Liefland), особенно съ того времени, когда ему въ 1557 г правительство тѣхъ странъ точно означило и обнародовало взиманіе дани для православной вѣры, а также допустило и подтвердило грамотами и печатями, чтобы каждый человѣкъ давалъ 10 денегъ (10 Denninge). Также указываютъ древніе дома, города, шраги, древней конторы въ Новгородѣ на то, что ливы (жившіе въ этой странѣ, и которыхъ племена еще существуютъ, отъ нихъ же и Ливонія получила свое названіе) пріѣзжали со своими товарами и въ Новгородъ, въ Россіи, гдѣ тогда находилось складочное мѣсто, прежде чѣмъ нѣмцы пришли въ Ливонію; потому что въ самыхъ древнихъ шрагахъ написано, что купцы платили штрафъ своимъ

старшинамъ и приставамъ, если въ чемъ провинились, по 5 ливскихъ фунтовъ воску (что будутъ теперешніе лисфунты — 20 фунт. — и отсюда ихъ названіе). Находились ли отчасти ливонскіе языческіе народы и подъ владычествомъ литовскихъ князей, находившихся тогда еще въ слѣпомъ идолопоклонствѣ, мнѣ доподлинно неизвѣстно, но это вѣроятно, ибо литовскій король Мендовъ, а также и самаиты (самогиты), часто оказывали помощь язычникамъ противъ христіанъ, прежде нежели страна была покорена христіанской вѣрѣ.

Совершенно дьявольскою была ихъ языческая и идолопоклонская религія, потому что о Богѣ они ничего не знали, а избирали себѣ священныя рощи, и поклонялись въ нихъ камнямъ, деревьямъ, животнымъ, змѣямъ и тому подобнымъ гадамъ и совершали ужасныя чародѣйства, что къ сожалѣнію (умилосердись Боже) не прекратилось и по нынѣ, но и до сего часа между ними встрѣчается, какъ вещь обыкновенная. Языческіе короли были вмѣстѣ ихъ идолопоклонническими жрецами, предводительствовали ихъ войсками, когда они вели войну между собою или съ сосѣдями. Ихъ идольское служеніе и церемоніи почти подобны тѣмъ, которыя совершали древніе прусскіе язычники, какъ мы о томъ читаемъ въ напечатанныхъ древнихъ прусскихъ хроникахъ. Но страннымъ образомъ брали они себѣ женъ или женились. Кто выбралъ себѣ дѣвушку, которая ему понравилась, тотъ ополчался со своими друзьями и вооруженной рукой похищалъ ее и привозилъ домой, и извѣщалъ друзей, чтобы они прибывали и помогали запивать привозъ жены. Случалось, что друзья дѣвушки во время узнавали о замышляемомъ похищеніи ея и приготовлялись къ сопротивленію, тогда при этомъ происходили порядочныя схватки, если женихъ имъ не нравился; если же они имъ были довольны, то охотно слѣдовали за нимъ, брали съ собою подарки, также пиво и съѣстные припасы, и угощали другъ друга, потомъ, одаренные перчатками (Henschen) и полотенцами (Dwelen) возвращались домой. Этотъ обычай сохранился и по нынѣ у многихъ въ странѣ и его продолжаютъ исполнять. Своихъ умершихъ они хоронили въ особенныхъ мѣстахъ, обложенныхъ камнями; покойниковъ провожали верхомъ съ ѣдой и питьемъ. Если не шелъ дождь, то они приносили на священное мѣсто козла или нѣчто подобное, и бочку пива, и тамъ это пожирали со скачками и пѣснями, и вѣрили, что могли, наѣдаясь и напиваясь, получить дождь отъ своихъ боговъ. И такого обычая держатся еще многіе изъ нихъ и до сихъ поръ. Они вѣрятъ, и увѣряютъ въ томъ и другихъ знатныхъ людей, будто люди своимъ колдовствомъ могутъ превращать другихъ людей въ волковъ, которые въ извѣстное время дѣлаются оборотнями, бѣгаютъ по лѣсамъ и мостамъ и причиняютъ вредъ, кромѣ того, они совершаютъ другія, многочисленныя, ужасныя вещи, и это все еще ежедневно они совершаютъ изъ своего языческаго колдовства. У нихъ, однако, все таки существовало уголовное право, по

которому они наказывали нѣкоторыхъ колдуновъ, которые ужъ слишкомъ много наносили вреда, и у нихъ было испытаніе, чтобы узнавать колдуновъ, обвиняемыхъ въ злодѣяніяхъ они связывали колдунамъ крестообразно руки и ноги у большаго пальца и бросали ихъ въ воду; если связанный былъ невиновенъ, то онъ прямо шелъ ко дну, если же былъ виноватъ, то плавалъ по водѣ какъ связка соломы. Это испытаніе переняли отъ нихъ большая часть судей и сохранили его въ употребленіи до сихъ поръ; такъ какъ я самъ видѣлъ многихъ людей, которые при испытаніи тонули и плавали. — Еще у нихъ водилось, что если кто спорилъ съ другимъ объ землѣ или границѣ, то старшины осматривали границу, присуждали землю тому, кто имъ казался наиболѣе въ правѣ владѣть ею по совѣсти, и такъ какъ у нихъ не было ни печатей, ни записей, ни пограничныхъ камней, то они раскаляли до красна желѣзо, и для испытанія чистой совѣсти владѣльца, послѣдній долженъ былъ взять горячее желѣзо обѣими голыми руками и пронести его на семь шаговъ черезъ свою новую границу, такимъ образомъ подтверждалась у нихъ истина, и онъ сохранялъ свою границу и ставилъ на ней пограничный камень. Если случалось также, что одинъ у другаго украдетъ улей, то вора привязывали веревкой къ улью, затѣмъ разрѣзывали ему пупокъ на животѣ и гоняли огнемъ позади до тѣхъ поръ вокругъ улья, пока у него не вытягивались всѣ внутренности и онъ не падалъ. Этого обычая язычники не только не бросили, но этихъ порядковъ держались многіе судьи при нѣмецкомъ правительствѣ.

Я не нашелъ описаній крѣпостей, какія у нихъ были до прибытія въ страну нѣмцевъ, какъ напримѣръ замокъ Леаль въ Викѣ. Леаль на мѣстномъ языкѣ значитъ мясницкій крюкъ; по моему это хорошо защищенное мѣсто, отсюда и это названіе. Я нашелъ, что когда епископъ Альбертъ прибылъ въ Ливонію, то король шведскій Іоаннъ I-й пріѣхалъ изъ Швеціи въ Ливонію въ Ревель со своимъ войскомъ въ 1208 г. и воевалъ съ эстонцами, отнялъ у нихъ крѣпость Леаль, эстовъ убилъ, а въ замкѣ посадилъ гауптманомъ и епископомъ Кароля, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи 500 человѣкъ, послѣ чего король возвратился въ Швецію. Но послѣ его отъѣзда, эсты снова вооружились, взяли себѣ въ помощь эзельцевъ, напали опять на крѣпость Леаль, взяли ее штурмомъ, сожгли и убили епископа и гауптмана Кароля со всѣми его людьми. Такимъ образомъ шведы и на этотъ разъ снова были истреблены въ Ливоніи.

Занятіями ихъ (жителей) были земледѣліе и воздѣлываніе огородовъ; питались они отъ скотоводства, рыбой, птицами, звѣрями и трудами пчелъ, какъ медъ, одѣвались шкурами овецъ и ихъ шерстью, а также и звѣриными шкурами, также пряжей изъ конопли и льна. Напитокъ они дѣлали изъ ржаной и ячменной муки, иногда, когда его хорошо приготовляли, къ нему прибавляли молока или меду

Желѣзныя орудія у нихъ правда были; но такъ какъ въ Ливоніи нѣтъ желѣзной руды, то я полагаю, что желѣзо они получали изъ Россіи, изъ Новгорода, и выдѣлывали изъ него плуги, топоры, косы, ножи, крючья, мечи и т. д., которые употребляли на войнѣ. Во всей странѣ они говорили на шести разныхъ языкахъ; главнымъ языкомъ былъ языкъ ливовъ, затѣмъ эстонскій, аллентакскій, русскій, куронскій, литовскій и вирскій, хотя нѣкоторые языки очень между собою похожи, такъ что они понимали другъ друга.

ГЛАВА IV

Въ какомъ положеніи и въ какихъ обстоятельствахъ находилась торговля при Балтійскомъ морѣ, до открытія Ливоніи.

Въ поморской странѣ (Померанія) за 800 лѣтъ тому назадъ на берегу моря стоялъ высокій и знаменитый городъ, называвшійся *Винета*, къ которому стекались изо всѣхъ мѣстъ большіе склады товаровъ для торговли, чрезъ это сей городъ возвысился до такого значенія, что въ то время и въ Европѣ, не только на Балтійскомъ морѣ, не было ему подобнаго, такъ что въ немъ городскія и прочія ворота были сдѣланы изъ чистой, красной мѣди. Черезъ такое богатство жители сдѣлались до того кичливы, что стали совершать открыто такія насилія и морскіе разбои, которыхъ самъ Господь Богъ не захотѣлъ долѣе оставлять безъ наказанія, такъ какъ у нихъ въ этомъ городѣ никогда не было христіанской вѣры, а только языческое варварство за то-то король датскій разрушилъ этотъ городъ до основанія, и Господь въ своемъ могущественномъ и яростномъ гнѣвѣ послалъ то, что море устремилось на тотъ городъ. Еще и до сего дня, при ясной погодѣ, можно видѣть въ морѣ подъ водой остатки древнихъ строеній. Правда, что послѣ уничтоженія города въ Поморьѣ (Помераніи) снова выстроенъ былъ другой городъ, называвшійся *Юліана*, который также значительно возвысился, но этотъ городъ никогда не могъ сравниться съ вышеупомянутымъ городомъ Винетой по богатству; онъ наконецъ также пришелъ въ упадокъ и погибъ, потому что готѳы со своимъ королемъ *Висбоа* получили дозволеніе отъ датскаго короля селиться на островѣ Готландѣ. Здѣсь ихъ король началъ строить городъ и замокъ, названный по его имени *Висби*. Около того же времени большая контора въ русскомъ Новгородѣ была въ силѣ, и въ то время русскій герцогъ съ городскимъ старшиной управлялъ городомъ, находившимся въ большомъ процвѣтаніи, такъ что ганзейскіе города посылали туда свои товары для торговли и складовъ; корабли ихъ ѣздили туда зимою и лѣтомъ, что

видно изъ древнихъ конторскихъ шраговъ. — Лѣтомъ они ѣздили на корабляхъ вдоль по Нуѣ, которая течетъ отъ Новгорода внизъ къ морю. Зимою, по моему мнѣнію, они ѣздили на саняхъ и лодкахъ, какъ теперь зимою изъ Швеціи перетаскиваютъ лодки санями по льду; такимъ образомъ тамъ, гдѣ замерзло, переѣзжаютъ на саняхъ, гдѣ же мѣсто открыто, употребляютъ лодки, пока не достигнутъ берега. Городъ Висби на Готландѣ торговлею чрезвычайно разросся. Въ то время еще никто не чаялъ о поѣздкѣ въ Ливонію, потому ганзейскіе города устроили въ Висби большой складъ товаровъ, туда же и московиты привозили на корабляхъ изъ Россіи свои товары и торговали ими; также точно и изъ Швеціи туда перешло много торговли, и чрезъ то городъ болѣе и болѣе разростался, такъ что тамъ было выстроено множество превосходныхъ домовъ; жители перенесли туда много мѣдныхъ дверей, желѣзныхъ засововъ и воротъ изъ разрушеннаго города Винеты. Но такъ какъ все непостоянно, то и съ этимъ возвысившимся богатымъ городомъ случилось тоже самое, что и съ Винетою. — Въ землѣ мекленбургской нашлось такое превосходное, глубокое мѣсто, гдѣ можно во время бури укрывать большіе корабли безъ якорей и канатовъ и въѣзжать туда, сюда мало по малу мореходы, ради большихъ удобствъ, стали направлять свой путь съ Готланда, такъ какъ оттуда съ товарами можно проѣхать на Эльбу Такъ какъ большіе корабли могли только съ большой опасностью (въ то время опасность считалось большею, нежели теперь) проѣзжать черезъ Зундъ и по дальнему окольному пути, по этой то причинѣ начали строить городъ Висмаръ на вышеупомянутомъ мѣстѣ, который и сталъ процвѣтать, что еще можно замѣтить по прекраснымъ домамъ и церквамъ. Но какъ уже сказано, что все на свѣтѣ тлѣнно, такъ случилось и съ этимъ городомъ. Когда открыта Ливонія, какъ дальше будетъ разсказано, то этотъ городъ мало по малу такъ упалъ, что большая часть домовъ, которые и теперь еще цѣлы и почти также высоки какъ церкви, стояли пустыми въ теченіи многихъ лѣтъ. Въ мое еще время можно было нанять за 12—15 талеровъ въ годъ прекрасный домъ, который не выстроить и за нѣсколько тысячъ; но впослѣдствіи, при достохвальномъ правленіи герцога мекленбургскаго, городъ опять нѣсколько поправился.

ГЛАВА V

О первоначальномъ открытіи кораблями достохвальной провинціи Ливоніи.

Въ 1148 г., а нѣкоторые пишутъ въ 1158 году, изъ Бремена отплылъ корабль съ купцами и товарами, полагая причалить къ го-

роду Впсби на Готландѣ: но гонимые Божьей непогодой и вѣтромъ, они не могли пристать къ Готланду Сѣверо-западный бурный вѣтеръ принесъ ихъ къ берегамъ Курляндіи. Такъ какъ они не рѣшались пристать къ незнакомому, по тогдашнимъ документамъ (?) берегу, то Богъ устроилъ такъ, что они увидѣли передъ собою плывущее рыбачье судно, которое направляло свой путь въ Двину Такъ какъ они тогда подумали, что судно это пріѣдетъ же въ гавань, то предавъ себя милосердію Божію, они осмѣлились послѣдовать за судномъ, и за нимъ вошли въ рѣку Двину Когда же дикіе, языческіе народы увидѣли, что къ нимъ прибылъ такой большой корабль, какого они въ жизни своей не видали, то набѣжали къ нему большими толпами смотрѣть на его прибытіе, что имъ издали казалось очень страннымъ. У нихъ возникали различныя мысли, что дѣлать съ этими новоприбывшими людьми, которыхъ они никогда не видѣли и о нихъ не слышали, также какъ объ ихъ большихъ корабляхъ. Христіане же въ первую ночь оставались на своемъ кораблѣ, на рѣкѣ, и держали совѣтъ, что имъ далѣе предпринять. Утромъ же нѣкоторые изъ нихъ поѣхали на берегъ, и взяли съ собою пустыя бочки, поставили ихъ на берегъ и поставили на нихъ хлѣбъ, пиво, съѣстные припасы и другія вещи, о которыхъ полагали, что язычники ими воспользуются. Затѣмъ они знаками подозвали нѣкоторыхъ и тѣмъ побудили ихъ приблизиться тутъ христіане протягивали язычникамъ руки и дарили имъ сахаръ, винныя ягоды, изюмъ, бѣлый хлѣбъ и т. д. и ласкали ихъ, и такъ какъ они не умѣли съ язычниками говорить, то они послѣднихъ хорошо угостили и отпустили домой, чтобы они разсказали своимъ роднымъ и друзьямъ, съ какою добротой обошлись съ ними христіане. На третій день язычники стали часто приходить, принося христіанамъ гостинцы и подарки, какъ то медъ, молоко, куръ, яйца, птицъ и зайцевъ. Затѣмъ христіане снова угощали ихъ и дарили шляпами и лентами для шляпъ, подтяжками, зеркалами, поясами, красными удочками (?), ножами, гребнями и иголками, чрезъ то дружба возросла, такъ что на четвертый день язычники снова пришли и принесли съ собою барановъ, рыбу, ленъ, медъ, воскъ, яйца, птицъ, мясо и шкуры дикихъ звѣрей; все это они разложили на землѣ и дали понять знаками, такъ какъ говорить не умѣли, что желаютъ производить мѣну Когда христіане поняли, чего они хотятъ, то отложили нѣкоторыя изъ принесенныхъ ими вещей по одиночкѣ, а при каждой вещи положили по нѣскольку монетъ, давая знать, что вещи хотятъ купить; но такъ какъ язычникамъ еще были незнакомы деньги, то они показали знаками, что имъ это не годится, а что они хотятъ мѣняться на товары, разложенные христіанами; тутъ христіане стали предлагать товары, убавляли и прибавляли, пока обѣ стороны не оставались довольными. Затѣмъ они подавали другъ другу руки, брали товары одинъ отъ другаго и ухо-

дили. Такимъ образомъ они научились торговать въ первый разъ другъ съ другомъ. Когда на слѣдующій день пришелъ бѣднякъ нищій, то они выложили ножикъ, ленту на шляпу и нѣсколько иголокъ для шитья мѣшковъ, нищій же съ своей стороны положилъ нѣсколько яицъ, думая, что ихъ довольно будетъ за эти разложенные товары, однако христіане знаками показали ему, что яицъ слишкомъ мало, и товары нельзя отдать за нихъ. Тогда онъ вынулъ изъ за пазухи два бѣличьи уха, въ которыхъ были вогнуты маленькіе серебряные штифтики, это онъ положилъ возлѣ яицъ, и далъ понять, что теперь товары уже будутъ оплачены. Хотя христіане это и считали слишкомъ малоцѣннымъ, но всетаки согласились на торгъ, чтобы тѣмъ побудить язычниковъ приносить своего рода деньги. Полагаютъ, что у древнихъ монеты въ 3 шиллинга и въ 2 шиллинга получили не нѣмецкое названіе: *аусъ* и *нагатъ;* 3-хъ шиллинговыя монеты еще называются *эрами*. Дружественно обращались съ язычниками въ теченіе двухъ недѣль, мѣняя товаръ на товаръ, и поведя свое дѣло такъ, что надѣялись пріѣхать на слѣдующій годъ и устроить лучшую торговлю — христіане и язычники дружелюбно распрощались. Чтобы на будущее время понимать языческую рѣчь, они приманили къ себѣ мальчика, дарили ему ежедневно сахаръ, винныя ягоды, изюмъ, бѣлый хлѣбъ и проч. и побудили родителей согласиться отпустить съ ними этого мальчика, въ замѣнъ того они оставили у нихъ своего мальчика, дабы онъ изучилъ ихъ языкъ. Склонивъ родителей подарками, они взяли съ собою этого 15-ти лѣтняго языческаго мальчика, крестили его въ Бременѣ, старательно научили его нѣмецкому языку, чтобы онъ въ слѣдующемъ году могъ служить имъ толмачемъ. Прибывъ же благополучно въ Бременъ, корабельщикъ и купцы разсказали обо всемъ, и хотя первоначальная прибыль и польза были невелики въ сравненіи съ великой опасностью, но они всетаки въ слѣдующемъ году снарядились, чтобы отправиться туда съ различными подходящими для тамошняго торга вещами на двухъ корабляхъ.

ГЛАВА VI.

О вторичномъ прибытіи бременскихъ купцовъ въ Ливонію на двухъ корабляхъ.

Въ 1149 году бременскіе купцы снова выѣхали на двухъ корабляхъ изъ Бремена въ Ливонію, благополучно прибыли съ кораблями и своимъ добромъ въ гавань рѣки Двины, и привезли съ собою взятаго въ предшествовавшемъ году языческаго мальчика, который уже хорошо говорилъ по нѣмецки; они также привезли съ собою нѣ-

сколько разныхъ ремесленниковъ и золотыхъ дѣлъ мастера, которымъ язычники очень удивлялись. По своемъ прибытіи они съѣхали на берегъ и взяли мальчика съ собою. Тутъ ихъ встрѣтили язычники съ большою радостью; обходились съ пріѣзжими съ великой добротой, торговали товаромъ на товаръ, и они добыли множество кожъ, льна, пеньки, воску, сала и звѣриныхъ шкуръ. Нагрузивъ же свои корабли, они пригласили къ себѣ въ гости 30 знатнѣйшихъ язычниковъ, хорошо ихъ угостили и на прощаньи записали ихъ имена, также заключили дружескій контрактъ, чтобы имъ ежегодно можно было торговать свободно и надежно, безо всякихъ препятствій, они обѣщали всегда обращаться другъ съ другомъ ласково и милостиво, и на этотъ разъ купцы оставили своихъ 4 людей съ остальными товарами, затѣмъ благословясь поплыли обратно въ Бременъ. Четверо купцовъ по своей охотѣ пробыли у язычниковъ всю зиму, и снова счастливо возвратились въ Бременъ, получивъ хорошій барышъ отъ привезенныхъ товаровъ. Тогда до епископа бременскаго дошелъ слухъ, что открыта языческая страна, онъ далъ знать объ этомъ папѣ, который немедленно приказалъ ему и далъ надлежащіе указы, чтобы епископъ, когда купцы поѣдутъ въ третій разъ, отправилъ съ ними богобоязненнаго и благочестиваго священника, для старательнаго разслѣдованія обстоятельствъ Ливоніи и насажденія въ ней христіанской вѣры. Для каковой цѣли епископъ и отъискалъ способнаго священника, по имени Мейнгарда, который ради славы Божіей охотно согласился и собрался отправиться въ языческую землю съ однимъ молодымъ крылошанином.

ГЛАВА VII.

Какъ бременскіе купцы въ третій разъ прибыли въ Ливонію и привезли съ собою священника.

Въ 1150 г., въ день Филиппа и Іакова, нѣсколько купцовъ въ третій разъ отправились въ Ливонію и взяли съ собою богобоязненнаго священника Мейнгарда (котораго впослѣдствіи папа сдѣлалъ епископомъ) съ его крылошаниномъ Іоанномъ Гартманомъ и еще однимъ подмастерьемъ, по имени Ѳомою Штегеромъ, которому онъ предоставилъ должность дьячка (кистера); всѣ они 24-го мая благополучно прибыли въ Ливонію по Двинѣ. Тутъ купцы построили нѣсколько лавокъ на рѣкѣ Двинѣ въ 2 миляхъ отъ моря, гдѣ они могли жить сами подъ кровлей и могли держать свои товары, а также устроили необходимое жилище для своего священника Мейнгарда и его товарищей. Мейнгардъ нѣкоторое время проповѣдывалъ только купцамъ и экипажу кораблей, пока онъ и его товарищи не выучились ливонскому

языку; тогда онъ сталъ поучать постепенно съ кротостью и язычниковъ слову Божію, но снисходительно и кротко, привлекъ многихъ также добрыми дѣлами, такъ что они обратились въ христіанство. Эти жилища священника и купеческія лавки и дома были построены на берегу рѣки Двины на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ городъ Рига, и полагаютъ по этому, что эти строенія на берегу были построены въ рядъ (Reihe, Riege), потому и названо это мѣсто *Ригою*. Отсюда, говорятъ, городъ Рига имѣетъ свое названіе. Мало по малу стали тутъ же строиться и рыбаки, также рабочіе, которые находились при товарахъ, плотники и другіе, которые нашли себѣ тутъ прокормленіе. Такимъ образомъ язычники со временемъ стали являться къ нимъ изъ далекихъ мѣстъ со своими товарами, стали продавать и торговать, а съ теченіемъ времени всѣ купеческіе прикащики и служители лучше научились языку Эти корабли стояли около трехъ мѣсяцевъ, пока ихъ снова не нагрузили и они не отплыли обратно; на этотъ разъ купцы также оставили много товаровъ и нѣсколько своихъ людей; эти оставленные купцами люди, по отплытіи кораблей, торговали съ хорошимъ успѣхомъ. Своего священника съ его товарищами они оставили тутъ, и снабдили ихъ обильно всѣмъ необходимымъ. Въ томъ же году въ іюлѣ мѣсяцѣ отплыли изъ Бремена въ Ливонію еще два корабля. Эти корабли доѣхали до Двины, вели тамъ свой торгъ, и послѣ шести недѣль снова нагрузили свои корабли. Эти купцы привезли съ собою для поселенія въ странѣ стекольщика съ женой, а также и кузнеца съ женой и челядью; привезли также съ собою солодъ, муку и много котловъ, потому что язычники прежде мало употребляли для варенія пищи котлы, а больше глиняные горшки. Между тѣмъ какъ корабли снова нагружались, священникъ Мейнгардъ разузналъ почти всѣ обстоятельства страны, образъ жизни, также вѣру и жизнь языческихъ племенъ описалъ епископу, также и то, что онъ видѣлъ, какъ трудно ему будетъ насадить христіанскую вѣру и христово крещеніе у идолопоклонныхъ и колдующихъ язычниковъ; онъ писалъ бременскому епископу и просилъ, чтобы онъ все это донесъ папѣ, дабы тотъ сдѣлалъ распоряженіе и назначилъ ему нѣсколько тѣлохранителей, также чтобы въ страну прислать еще каноника съ викарнымъ и капеллана, которые были бы снабжены необходимымъ содержаніемъ, онъ съ своей стороны не перестанетъ стараться, и предвидитъ, что страна будетъ превосходной, плодородной провинціей и съ Божьею помощью можетъ быть обращена въ христіанскую вѣру Время требуетъ уже того, чтобы сдѣлать затраты на привозъ въ страну извести и камней, на постройку церкви, и при случаѣ основать какой нибудь монастырь и укрѣпить его, чтобы можно было въ немъ укрыться, когда язычники озлобятся, какъ того должно опасаться, когда станутъ бичевать ихъ идолопоклонство и колдовство проповѣдью покаянія. Когда эти корабли прибыли благополучно обратно въ Бре-

менъ, и епископу было передано письменное донесеніе священника Мейнгарда, то епископъ весьма обрадовался письму, и скоро отправилъ къ папѣ разумнаго мужа съ донесеніемъ о Ливоніи. Когда послѣдній прибылъ къ папѣ, то папа былъ очень обрадованъ, и это извѣстіе такъ ему было пріятно, что онъ отслужилъ благодарственную обѣдню, дабы Богъ послалъ успѣхъ этому предпріятію и въ той странѣ водворилась бы и распространилась христіанская вѣра. Для этой цѣли папа назначилъ двухъ коммисаровъ, которые должны были постоянно принимать и сообщать ему свѣдѣнія о всѣхъ событіяхъ и нуждахъ страны, которыя будутъ представляемы епископомъ бременскимъ. Папа приказалъ также, чтобы епископъ приготовилъ въ Бременѣ на слѣдующій годъ матеріалы для постройки въ Ливоніи церкви въ честь пресвятой дѣвы Маріи, которой онъ поручалъ покровительство и защиту надъ церквами и страной Ливоніи, и священника Мейнгарда онъ назначилъ епископомъ, и послалъ ему епископское одѣяніе вмѣстѣ съ другими прекрасными подарками; кромѣ того папа писалъ епископу бременскому, чтобы онъ далъ Мейнгарду нѣсколькихъ другихъ священниковъ въ помощь, и кромѣ того обильное, необходимое имъ содержаніе, и чтобы онъ избралъ удобное мѣсто, гдѣ можно было бы построить каменный монастырь для аббатства, и чтобы епископъ Мейнгардъ старался доказать свое рвеніе въ дальнѣйшемъ насажденіи христіанской религіи, папа же доставитъ для того всевозможную помощь и все необходимое.

ГЛАВА VIII.

Какъ бременскій епископъ получилъ отвѣтъ отъ папы и исполнилъ его приказаніе.

Когда посланецъ отъ папы снова прибылъ въ Бременъ къ епископу съ твердымъ и положительнымъ приказаніемъ взяться за дѣло серьезно, не щадя никакихъ издержекъ, то епископъ сталъ прежде всего запасаться известью, камнемъ и каменьщиками, также какъ и прочими рабочими, каковые запасы вмѣстѣ со строителями онъ отослалъ въ слѣдующемъ году въ Ливонію на купеческихъ корабляхъ, а также съ нѣсколькими вооруженными людьми, которые поѣхали сперва какъ будто они были купцы. Всѣ они счастливо прибыли въ Ливонію, скоро затѣмъ выстроили въ двухъ миляхъ отъ Риги замокъ Кирхгольмъ, и затѣмъ по Двинѣ, на Гольмѣ начали строить церковь изъ извести и кирпича и постепенно построили для себя и для строителей на Гольмѣ хижины и дома, каковыя незнакомыя постройки

казались очень странными язычникамъ, въ особенности потому что они никогда прежде не видали каменныхъ зданій. Но какъ постройки были начаты на островѣ и никому не мѣшали, потому язычники охотно это дозволяли, не хотѣли также и подарковъ, а строить позволяли по доброй волѣ. Такимъ образомъ прежде сооружена церковь на Гольмѣ и внесены въ нее колокола, алтарные столы и прочая церковная утварь, и начата открытая проповѣдь противъ постыднаго злоупотребленія языческаго идолопоклонства и колдовства, и хотя сначала язычники часто прибѣгали въ церковь, ибо и безъ того простая чернь любопытна видѣть что нибудь новое, но со временемъ все таки болѣе значительные язычники, которые обдумали дѣло, стали питать подозрѣнія и злобу къ проповѣдникамъ. Но пока еще язычники не ставили преградъ и не возмущались противъ нихъ, христіане держались въ сторонѣ, и епископъ мало по малу сталъ проповѣдывать жарче противъ языческаго идолопоклонства, наказывать за него, и крестить тѣхъ, которые склонялись принять христіанскую вѣру Епископъ Мейнгардъ началъ также чеканить монету, на одной сторонѣ изображая образъ пресвятой дѣвы Маріи, а на другой вновь выстроенную церковь; у меня еще есть такой пфенигъ. Такія изображенія пресвятой дѣвы Маріи навсегда сохранили на серебряныхъ и золотыхъ монетахъ архіепископы рижскіе, а также и епископы дерптскіе, и такимъ образомъ они чеканили монету до тѣхъ поръ, пока Ливонія не отошла къ коронѣ польской.

Нѣкоторые полагаютъ, что самъ Мейнгардъ съѣздилъ къ папѣ въ 1170 году съ однимъ знатнымъ языческимъ княземъ по имени Коббе или Куббе, который крестился со всѣми своими родственниками, и который разсказалъ папѣ о всѣхъ обстоятельствахъ страны, и епископъ благополучно возвратился въ Ливонію, и проповѣдывалъ до 1193 года; тогда онъ скончался въ мирѣ и христіане очень объ немъ сожалѣли; онъ былъ епископомъ 24 года. Его каѳедра учреждена въ Ригѣ, въ Ливоніи, гдѣ онъ и погребенъ въ мирѣ. Онъ крестилъ очень много язычниковъ и обратилъ ихъ въ христіанскую вѣру Но язычники были очень озлоблены тѣмъ, что Коббе обратился въ христіанство, со всѣми своими друзьями.

Послѣ смерти Мейнгарда епископомъ Ливоніи былъ назначенъ Бартольдъ. Онъ началъ строить Ригу, но язычники собрались изъ всѣхъ мѣстъ и выступили противъ Риги, чтобы истребить христіанъ. Тогда пришло много христіанъ на помощь епископу и произошла кровавая битва. Епископъ убитъ вмѣстѣ съ Коббе и 1100 христіанами. Христіане же убили 6000 язычниковъ и одержали побѣду въ 1205 году Бартольдъ управлялъ 4 года.

ГЛАВА IX.

Послѣ насильственной кончины епископа Бартольда, папа Иннокентій назначилъ епископомъ Ливоніи въ 1204 году нѣкоего Альберта, который прибылъ въ Ливонію съ нѣкоторыми дворянами и другими военными людьми и солдатами и взялся за дѣло съ жаромъ; привезъ съ собою всякіе матеріалы для построекъ и оружіе, въ чемъ ему явно помогалъ папа, а купцы дѣлали большой подвозъ не только изъ Бремена, но и изъ другихъ городовъ и мѣстъ. Нѣкоторые пріѣзжали съ женами и дѣтьми, остались тутъ жить и заложили большую торговлю. Епископъ Альбрехтъ усердно велѣлъ учить, проповѣдывать и крестить язычниковъ, и въ Икскулѣ началъ строить крѣпость, а передъ тѣмъ на Двинѣ построилъ такіе шанцы, что не обращалъ вниманія на злобу язычниковъ, а съ твердостью продолжалъ строить и силой принуждалъ языческія племена къ работѣ при постройкѣ крѣпости. Тогда язычники догадались, что готовится искорененіе ихъ, потому они собрались въ толпы, выбрали нѣсколько горъ, казавшихся имъ удобными, и укрѣпили ихъ какъ только умѣли, чтобы тамъ укрываться и мѣшать работамъ христіанъ. Когда это дошло до епископа, то онъ написалъ въ Германію, прося помощи, и совѣтывалъ тамъ учредить рыцарскій орденъ, именно орденъ *меченосцевъ,* которымъ слѣдуетъ обѣщать награду за покореніе языческихъ земель и людей въ Ливоніи и за ихъ рыцарскіе подвиги. Это предложеніе очень понравилось папѣ и вскорѣ послѣ того онъ послалъ епископу буллы и привилегіи, дабы исполнить таковое намѣреніе со всѣмъ тщаніемъ, на что епископъ не медля употребилъ всѣ старанія, дабы это выполнить. Язычники также не дремали, потому что какъ только замѣтили, что дѣло это ведется противъ нихъ, то укрѣпили одно мѣсто въ Кокенгаузенѣ при рѣкѣ Двинѣ, а также близь Зонцеля гору, которая еще теперь находится напротивъ Кангера, сильно укрѣпили и назвали крѣпость Герсике, тамъ гдѣ протекаетъ внизу Зонцельскій ручей. Верхъ этой высокой горы они обстроили балками и частоколомъ и оттуда могли кругомъ бросать камни и защищаться, такъ что ужъ, конечно, эту гору нельзя было отнять у нихъ безъ кровопролитія. Кромѣ того вокругъ горы они огородили крѣпкимъ частоколомъ большой лугъ для своихъ лошадей и скота, для того, чтобы защищать свое имущество и скотъ. Они потому дѣйствовали тутъ такъ быстро, что дорога изъ Икскуля въ Ригу идетъ вдоль Двины, а затѣмъ дорога выходитъ черезъ степь и пустоши къ Герсбургу, точно также и дорога съ другой стороны высокой горы Кангеръ, идущая черезъ болото изъ мѣстности Роденпойской въ Зонцельскую, доходитъ также до Герсбурга. Потому то язычники на обѣихъ этихъ дорогахъ держали сильную стражу на разстояніи каждой восьмой части мили по одному человѣку на высокомъ деревѣ съ сигнальнымъ рож-

комъ. Какъ только поставленные сторожа провѣдывали, что христіане готовятся къ нападенію на язычниковъ, то одинъ другому трубилъ сигналъ къ тревогѣ; въ короткое время эти рожки раздавались на 10—20миль, потому что такіе рожки были у нихъ во всѣхъ деревняхъ. Какъ только сигналъ бывалъ поданъ, то всякій торопился съ оружіемъ, на лошади и пѣшкомъ, отправиться въ укрѣпленіе на упомянутой горѣ. Когда же являлись христіане, тогда начиналось сраженіе и битва. По истинѣ, язычники пролили довольно крови за свою свободу, прежде чѣмъ были покорены.

ГЛАВА X.

Подобнымъ же образомъ язычники выстроили крѣпость Кокенгаузенъ и защищались тамъ съ порядочными силами и часто собирались, занимали также иногда другіе шанцы и горы для своей выгоды, также учреждали по своему порядокъ въ стражѣ для борьбы и обороны. Но когда епископъ Альбрехтъ привлекъ въ страну болѣе людей, то учредилъ, по полученнымъ отъ папы бумагамъ и привилегіямъ, орденъ *братьевъ меча* и освятилъ его; братья должны были вести себя чисто рыцарски (братья меча носили бѣлые плащи съ краснымъ крестомъ). Эти меченосцы впослѣдствіи избрали себѣ главою гермейстера, который могъ вести ихъ противъ враговъ. Первый, назначенный въ эту должность былъ магистръ Винно, который былъ мужъ благочестивый и воинственный, рыцарски сражавшійся за христіанскую вѣру

Когда епископъ Альбрехтъ выстроилъ крѣпость Икскуль, то съ язычниками стали происходить многія, кровавыя схватки. Когда же язычники въ Викѣ выбили шведовъ изъ города Леаля и сожгли бургъ съ помощью эзельцевъ, тогда епископъ Альбрехтъ ополчился и пошелъ въ Викъ, снова покорилъ эстонскихъ язычниковъ съ эзельцами, такъ что они снова должны были отстроить бургъ Леаль, и епископъ назначилъ туда епископа по имени Германа. Тогда же начата постройка башни въ древней Пернавѣ, которая впослѣдствіи перемѣщена и перенесена въ Гапсаль. Говорятъ, что епископъ Альбрехтъ выстроилъ также замокъ Даленъ.

ГЛАВА XI.

Когда же Вальдемаръ II, король датскій, узналъ, что епископъ Альбрехтъ покорилъ виковцевъ, то онъ захотѣлъ попытать своего счастья у язычниковъ въ Гарріенѣ и Вирландѣ и послалъ въ Ливонію

войско, которое и покорило упомянутые Гарріенъ и Вирландъ. Вскорѣ послѣ того самъ король Вальдемаръ прибылъ въ Ливонію съ епископомъ Лунденскимъ, и въ 1223 году началъ строить городъ Ревель, впослѣдствіи же выстроилъ также замокъ Везенбергъ и Нарву Этими землями и городами король датскій владѣлъ до 1347 года, когда онъ продалъ и уступилъ Нарву, Ревель и Везенбергъ ордену (къ которому въ то время принадлежалъ также братъ короля, по имени Гансъ) за 19000 серебряныхъ марокъ.

Около того времени, какъ епископъ Альбрехтъ покорилъ эзельцевъ въ Викѣ, благочестивый магистръ Винно построилъ въ Ливоніи Зегевальдъ, Венденъ и Ашераде, затѣмъ онъ палъ отъ руки низкаго убійцы въ 1223 году вмѣстѣ со своимъ капелланомъ, управлявъ 18 лѣтъ со славой и похвалою. Убійцу колесовали. Магистръ Винно покорилъ Кокенгаузенъ и Герзебургъ и убилъ русскаго короля вмѣстѣ съ 600 человѣкъ русскихъ. Послѣ него былъ избранъ магистромъ Волквинъ, который выстроилъ городъ Веллинъ (Феллинъ), язычники же сильно ополчились, чтобы воспрепятствовать постройкѣ, и они убили многихъ христіанъ, такъ какъ тогда же были взяты въ плѣнъ всѣ братья ордена, кромѣ 10-хъ. Послѣ этого епископъ Альбрехтъ самъ поѣхалъ въ Германію и склонилъ герцога Альбрехта саксонскаго къ тому, что онъ съ нимъ прибылъ въ страну съ войскомъ, и скоро истребилъ 1500 язычниковъ, самъ же потерялъ только 60 человѣкъ, остальные же язычники разбѣжались по лѣсамъ. Когда узнали объ этомъ эзельцы, то соединились съ жителями Іервена и другими эстонцами, чтобы отомстить герцогу Альбрехту за понесенный уронъ, но герцогъ Альбрехтъ съ радостью пошелъ прямо противъ нихъ и, напавъ на нихъ, при Кунделѣ въ Іервенѣ истребилъ, и затѣмъ оставилъ страну со славой. Затѣмъ нѣкоторое время христіане пользовались спокойствіемъ. Но когда язычники провѣдали объ отсутствіи герцога Альбрехта, то стали такъ досаждать христіанамъ, какъ только могли. Послѣ того прибылъ изъ Ирландіи въ Ливонію графъ Альбрехтъ со множествомъ пилигримовъ и наемныхъ солдатъ, и пошелъ походомъ противъ эстовъ, собралъ всѣ свои силы на полѣ подъ Веллиномъ; тутъ было дано большое сраженіе, такъ что 1400 язычниковъ были убиты, при чемъ христіане потеряли не болѣе 100 человѣкъ. Наконецъ прибылъ герцогъ Баруинъ вендландскій (вендскій) со множествомъ рыцарей, послѣ чего случалось не мало стычекъ между рыцарями и эстами. Но какъ только литовцы и русскіе примѣтили, что христіане одолѣваютъ эстовъ — язычниковъ, то сильно вознегодовали на это и придумали этого не допускать, для какой цѣли и собрали большое литовское войско. Послѣ этого гермейстеръ (магистръ) пошелъ на нихъ войною, нашелъ ихъ у Юннокюля и въ битвѣ истребилъ ихъ 1900 человѣкъ, остальные же обратились въ

бѣгство, которыхъ великій магистръ съ иностранными рыцарями и солдатами преслѣдовалъ до Кокенгаузена. Здѣсь же снова было убито 500 русскихъ.

ГЛАВА XII.

Послѣ того въ Ливонію прибылъ графъ Арнштейнъ изъ Тюрингена со множествомъ наемныхъ солдатъ. Магистръ отправился зимою съ гостями въ страну Эзель, и они истребили всего мужчинъ, женщинъ и дѣтей до 2500 человѣкъ. Затѣмъ магистръ Волквинъ отправился со своими людьми въ Семигалію, гдѣ также произошло сраженіе, въ которомъ убиты были 600 язычниковъ и 300 христіанъ; остальные христіане уѣхали обратно на своихъ корабляхъ. Но вскорѣ послѣ того семигалы сухимъ путемъ пошли противъ магистра, тогда снова произошла жестокая битва, причемъ 500 семигаловъ и 300 христіанъ были убиты. Послѣ этого литовцы пришли противъ магистра Волквина со множествомъ народа. Послѣдній же пошелъ имъ на встрѣчу съ рыцарской отвагой, ведя своихъ христіанъ и людей графа; тутъ случилось большое кровопролитіе, такъ что на мѣстѣ легло до 2000 литовцевъ, а со стороны христіанъ погибло 500 человѣкъ. Затѣмъ графъ возвратился обратно въ свою страну

Магистръ же Волквинъ долженъ былъ оставаться въ большой опасности среди озлобленныхъ литовцевъ и язычниковъ. Потому что теперь противъ него было много враговъ; не только языческіе народы Ливоніи, которые, конечно, еще не были покорены, но врагами были и литовцы, русскіе, и шведы и король Вольдемаръ датскій по причинѣ города Ревеля, который онъ у нихъ отобралъ и приказалъ прочнѣе укрѣпить камнями. Этотъ городъ принадлежалъ съ тѣхъ поръ братьямъ ордена, пока папа не приказалъ, въ знакъ милости, отдать его королю датскому, пока наконецъ онъ самъ, какъ упомянуто выше, не продалъ его въ 1347 году ордену за 19,000 марокъ. Такимъ образомъ благочестивый магистръ Волквинъ долженъ былъ постоянно сражаться среди великой опасности, угрожавшей его жизни, съ многими врагами христіанства, такъ что онъ наконецъ ясно видѣлъ, что безъ особенной помощи и поддержки христіане долѣе ничего не могутъ сдѣлать противъ такого множества враговъ, и потому, посовѣтовавшись съ братьями, рѣшилъ, съ согласія однако, императора и папы, дабы имѣть больше помощи и поддержки, присоединиться къ великому магистру и нѣмецкому (тевтонскому) ордену въ Пруссіи; они начали сноситься и переговаривать и рѣшили слиться съ нѣмецкимъ орденомъ, затѣмъ папа измѣнилъ ихъ орденскую одежду, и указалъ имъ носить черный крестъ на бѣломъ плащѣ. Магистръ Волквинъ, во время происходившихъ переговоровъ, пошелъ войною на Литву, и располо-

жился на обширномъ полѣ, гдѣ ему литовцы противопоставили большія силы; битва была чрезвычайно жестокая, такъ что и благочестивый магистръ, который мудро управлялъ 15 лѣтъ, рыцарски погибъ въ этой битвѣ за славу Христа съ 18-ю братьями ордена. Тамъ же убитъ и графъ Бренно со многими вѣрными героями.

Когда же великій магистръ Германъ фонъ Зальца въ Пруссіи узналъ о смерти магистра Волквина (послѣ того какъ императоръ и папа совершили соединеніе меченосцевъ въ Ливоніи съ прусскимъ орденомъ), то прислалъ на его мѣсто другаго магистра Германа Балка, который, прибывъ въ Ливонію, былъ встрѣченъ и принятъ всѣми христіанами и братьями ордена съ радостью и почестями, и всѣ христіане ликовали по случаю этого происшедшаго соединенія. И императоръ послалъ имъ въ помощь съ новымъ магистромъ полторы тысячи марокъ, а великій магистръ прислалъ имъ въ Ливонію на помощь 60 братьевъ со многими рыцарями.

Во времена этого новаго магистра Германа Балка, русскіе причинили ордену много вреда, въ особенности же епископству дерптскому, за то онъ пошелъ противъ замка Изеборга; тутъ русскіе встрѣтили его безстрашно и русскихъ было убито 800, остальные обратились въ бѣгство, и многіе были взяты въ плѣнъ. Затѣмъ онъ пошелъ на Псковъ, въ Россію, и сталъ вокругъ, чтобы штурмовать городъ и замокъ со своими рыцарями и братьями. Тогда русскіе пожелали заключить миръ и согласились обѣ стороны на томъ, что ихъ король *Гуполдтъ* обязался отдать городъ, замокъ и все, что въ нихъ находилось, ордену, а сами они примутъ христіанство. Магистръ занялъ замокъ и городъ, оставивъ тамъ двухъ изъ своихъ братьевъ и прочихъ людей, возблагодарилъ Бога, и ушелъ съ остальными въ свою страну

Въ 1245 году король Александръ новгородскій пришелъ съ сильнымъ войскомъ и взялъ снова Псковъ силою, хотя они и сопротивлялись рыцарски, и тогда во Псковѣ были убиты 70 братьевъ ордена. Послѣ шестилѣтняго управленія, Германъ Балкъ умеръ въ 1245 году; онъ велъ не одну войну противъ враговъ Господнихъ. Псковъ находился только 2 года въ рукахъ христіанъ.

ГЛАВА XIII.

Въ 1200 году была начата постройка города Риги, а въ 1230 города Ревеля, и въ тоже время была начата постройка монастыря противъ Двинскаго порта. Тамъ было основано аббатство и со временемъ тамъ было возведено большое внѣшнее укрѣпленіе, гдѣ жили многіе изъ рыцарей ордена. И когда Рига стала постепенно возвы-

шаться, тогда архіепископъ рижскій и магистры со своими братьями и приверженцами ордена завели споры за верховную власть надъ городомъ Ригой. Тогда папа послалъ въ страну весьма ученаго и разумнаго мужа, кардинала Моденскаго, съ обширнымъ полномочіемъ, чтобы онъ привелъ въ порядокъ всѣ дѣла. Тогда рижане достали съ Готланда писанное право, и дали упомянутому кардиналу утвердить его; этимъ правомъ они руководствуются и до сего часа. Тотъ же кардиналъ назначилъ городу Ригѣ особенныя границы, утвердилъ ихъ и закрѣпилъ, далъ также дальнѣйшее полномочіе динаминдскому аббату снабжать и впредь городъ необходимыми и сносными привиллегіями, въ особенности относительно лѣсовъ динаминдскаго округа и пастбищъ, также какъ и по рыболовству въ рѣкѣ Двинѣ. Затѣмъ приказано также, чтобы архіепископъ имѣлъ свое жительство на епископскомъ подворьѣ въ Ригѣ и ему предоставленъ былъ ключъ отъ однѣхъ воротъ, ключи же отъ прочихъ воротъ должны были находиться у городскаго магистрата и его бюргеровъ, а члены капитула должны были имѣть свои собственные дома и квартиры близь соборной церкви. Магистръ же долженъ былъ имѣть жительство и квартиру въ рижскомъ замкѣ, а городъ былъ обязанъ отдавать почести и присягать обоимъ правителямъ страны — магистру и архіепископу, и обѣ стороны были обязаны помогать другъ другу, чтобы наносить вредъ язычникамъ и оказывать имъ сопротивленіе. Оба они, магистръ и архіепископъ, обѣщали это исполнять и способствовать всячески увеличенію и благосостоянію города Риги, также и защищать его. Впослѣдствіи были выстроены многіе монастыри и другіе госпитали и церкви, какъ-то св. Іакова, св. Іоанна, св. Магдалины и св. Маріи. Соборная церковь или Маріинская осталась главной церковью архіепископа. Монастыри, какъ св. Духа, Маріи Магдалины и другіе, заключали въ себѣ аббатства, мужскіе и женскіе монастыри. Многіе дома призрѣнія для бѣдныхъ состояли подъ покровительствомъ (jus patronatus) нѣсколькихъ гражданъ изъ извѣстныхъ родовъ; они завѣдывали ими и улучшали по своему усмотрѣнію. Судомъ въ городѣ завѣдывалъ магистратъ со своими городскими фохтами, разбирая затруднительныя и бюргерскія дѣла, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дозволялась на магистратъ апеляція къ правителямъ страны. Прочіе должности замѣщались отъ магистрата, какъ мѣста по торговлѣ, лугамъ, по надзору за ихъ конюшнями, по надзору за мясными рядами, за булочными, мѣста при вѣсахъ и браковкѣ, по артилллеріи и судоходству, должности земскихъ фохтовъ и другія.

ГЛАВА XIV

Выстроены были также два бюргерскіе общественные дома, которые называютъ большою и малою гильдіями; въ большой гильдіи

бюргеры, производившіе торговлю, пировали свои свадьбы и другія празднества, назначали на должности и вели свои порядки и поддерживали ихъ. Изъ своей среды они выбирали эльтермановъ, засѣдателей и другихъ знатныхъ бюргеровъ въ старшины, которые должны были занимать свои должности и управлять кеммерейнымъ судомъ, экономическимъ, гильдіями, судомъ по бюргерскимъ проступкамъ, если подобные случались въ цехахъ, по раздачѣ милостыни и пожертвованій для бѣдныхъ, и по поддержкѣ зданія. Они праздновали свои особенные пиры на масляницу, стрѣльбу въ птицъ на Троицу, и гильдейскій столъ и попойку въ Михайловъ день, и съ позволенія магистрата имѣли другія необходимыя сходки, а имѣя доступъ въ члены магистрата и право выступать изъ него, всегда поддерживали и укрѣпляли съ нимъ необходимыя сношенія.

Такимъ же точно образомъ амты малой гильдіи имѣли свои братства, какъ то портныхъ, скорняковъ, кузнецовъ грубыхъ и тонкихъ работъ, булочниковъ и мясниковъ, оружейниковъ, сѣдельниковъ, столяровъ и другихъ ремеслъ; они также какъ и купцы въ большой гильдіи, держали свои сходки, но имѣли отъ почтеннаго магистрата данные имъ особенные шраги (уставы) по спеціальнымъ амтамъ; нѣкоторые имѣютъ свои особенные ремесленные шинки, какъ портные, сапожники, скорняки и т. д., и имѣютъ амтовыхъ эльтермановъ; для ревизіи же надъ всѣми амтами назначаются отъ магистрата амтсъ-герры, которымъ всѣ они должны платить полъ-брока (штрафъ).

ГЛАВА XV

Оба правителя страны, архіепископъ рижскій и магистръ, подѣлили между собою всѣ замки и земли, объ чемъ я впослѣдствіи упомяну въ концѣ этой книги, и укажу, какимъ образомъ были подѣлены земли и замки. Архіепископъ рижскій имѣлъ въ своемъ подчиненіи пять другихъ епископовъ; именно епископа дерптскаго, имѣвшаго регалію, въ силу которой предъ нимъ несли золотой мечъ, епископа ревельскаго, епископа гапсальскаго, епископа эзельскаго и епископа курляндскаго. Всѣ епископы, какъ упомянуто, имѣли свои особенныя епископства. Архіепископъ рижскій подѣлилъ выпавшіе на его долю замки и земли между членами своей капитулы сообразно съ ихъ званіемъ, какъ и прочіе епископы поступили такимъ же образомъ.

Точно также дѣйствовалъ и магистръ въ Ливоніи въ отношеніи своихъ подчиненныхъ ландмаршала, командоровъ и фохтовъ. Архіепископу и магистру принадлежало право предпринимать походъ. Затѣмъ они сдѣлали во всей странѣ перепись всѣхъ сословій и горо-

довъ. Послѣдніе обязаны были единодушно идти въ походъ; каждый по установленному порядку и по состоянію своего имущества долженъ былъ нести рыцарскую и конную службу; какъ города такъ и домовые люди должны были по своему состоянію давать помощь и пожертвованія, чтобы можно было быть готовыми во всякое время встрѣтить врага лицомъ къ лицу

ГЛАВА XVI.

Послѣ Германа Балка великій магистръ прусскій прислалъ въ Ливонію другаго магистра Гейнриха Гомбургскаго; но онъ заболѣлъ и сложилъ съ себя достоинство магистра въ 1247

За нимъ слѣдовалъ третій магистръ Дитрикъ фонъ Гронингенъ. Этотъ магистръ покорилъ язычниковъ въ Курляндіи и построилъ Гольдингенъ. Тогда многіе курляндскіе язычники передались языческому королю Мендову, который былъ заклятымъ врагомъ христіанъ. Этотъ король подступилъ съ 30000 собранныхъ литовцевъ и куроновъ къ замку Амботенъ, въ курляндскомъ епископствѣ. Когда онъ началъ сильно штурмовать замокъ, то магистръ со своимъ маршаломъ и войскомъ бросились изъ засады въ лѣсу на его лагерь, и обратили литовскаго короля Мендова въ бѣгство, и многихъ язычниковъ взяли въ плѣнъ, при этомъ убиты 4 члена ордена и 10 человѣкъ рядовыхъ, литовцевъ же погибло 1500 человѣкъ. Послѣ трехъ лѣтъ управленія и рыцарскихъ подвиговъ, этотъ магистръ отправился къ папѣ по дѣламъ ордена.

Въ 1250 году великій магистръ снова прислалъ въ Ливонію магистра по имени Андрея фонъ Штауверландта (Штокландъ), который управлялъ въ теченіи 6 лѣтъ. Впродолженіе этого времени онъ побѣдилъ самаитовъ, семигаловъ и литовцевъ, которые выступили противъ него, опустошилъ всю страну, избилъ и взялъ въ плѣнъ множество народа, сжегъ также собственный замокъ литовскаго короля Мендова, гдѣ онъ обыкновенно жилъ. Послѣ этого магистръ отошелъ и возвратился въ Ригу со своимъ ополченіемъ и великой добычей съ великимъ торжествомъ, раздѣлилъ добычу во славу Божію и отдалъ много бѣднымъ, остальное подѣлилъ между военными людьми.

ГЛАВА XVII.

Послѣ того, во времена шестаго великаго магистра прусскаго Поппе фонъ Остерна, король Мендовъ послалъ къ ливонскому магистру Андрею сказать, чтобы въ назначенный день онъ его посѣтилъ и

переговорилъ съ нимъ лично. Магистръ Андрей съ братьями и рыцарствомъ изъявилъ на то согласіе и отправился дружески къ королю; король Мендовъ принялъ его съ княжескими почестями, великолѣпно и роскошно, и угостилъ его изысканно приготовленнымъ пиромъ. Послѣ окончанія пира, король глубоко благодарилъ магистра за то, что онъ къ нему прибылъ. Магистръ многими дружескими увѣщаніями склонилъ его къ принятію христіанства, съ тѣмъ однако, чтобы магистръ согласился возвратить ему его земли, и послѣ крещенія выхлопотать, чтобы его, какъ христіанина, короновали въ короли съ его супругой. На томъ они дружески разстались. Магистръ представилъ это дѣло папѣ со всѣми подробностями, чему папа весьма былъ радъ, и далъ магистру въ этомъ дѣлѣ полномочіе дѣйствовать по усмотрѣнію, крестить и короновать короля съ его супругою. За тѣмъ магистръ приказалъ сдѣлать двѣ прекрасныя и великолѣпныя короны и отправился съ епископомъ рижскимъ Альбрехтомъ II, многими командорами и прелатами, также и рыцарствомъ, къ королю въ Литву, гдѣ ихъ приняли очень роскошно. Данъ былъ большой пиръ, король и его супруга Марта были крещены, и магистръ короновалъ ихъ обоихъ; тамъ же крестилось множество народа и по полномочію папы, магистръ возвратилъ королю его землю и затѣмъ возвратился въ свою страну съ епископомъ и своими спутниками. Случилось это въ 1255 году

Послѣ этой коронаціи, магистръ Андрей отпросился у великаго магистра и сложилъ съ себя должность ливонскаго магистра и заѣхалъ къ королю Мендову, который провожалъ его на значительную часть пути; магистръ Андрей отправился въ Германію и водворился тамъ на жительство; великій магистръ устроилъ ему почетное мѣстопребываніе.

ГЛАВА XVIII.

По удаленіи магистра Андрея, въ магистры былъ назначенъ благочестивый Эбергардъ, который управлялъ только два года. Онъ ходилъ походомъ противъ самаитовъ и другихъ языческихъ племенъ, убилъ и взялъ въ плѣнъ множество изъ нихъ, принесъ съ собою большую добычу и съ торжествомъ возвратился въ Ригу, заболѣлъ, приказалъ отвезти себя въ Германію и тамъ умеръ.

Послѣ того великій магистръ прислалъ магистромъ въ Ливонію Ганно фонъ Зангерсгаузена; онъ прибылъ въ Ливонію со многими хорошими людьми, управлялъ 5 лѣтъ благочестиво и осторожно, и радѣлъ на пользу Риги честно и похвально. Въ 1258 г онъ велѣлъ построить замокъ для тевтонскаго ордена въ Самландіи. Жители Самландіи хотѣли овладѣть этимъ замкомъ и подступили къ нему

съ большими силами, но замокъ защищали множество братьевъ ордена и другихъ хорошихъ людей, и Ганно быстро ополчился на водѣ и сушѣ и освободилъ замокъ, отправился потомъ далѣе въ Самландію, побилъ много враговъ и, взявъ множество добычи, черезъ Курляндію возвратился въ Ригу Въ этой борьбѣ погибли 3 члена ордена и 40 человѣкъ другихъ людей.

Послѣ этого магистромъ Ливоніи былъ назначенъ Бургардъ фонъ Горнгаузенъ, бывшій прежде командоромъ въ Кенигсбергѣ; онъ управлялъ 3 года. Онъ одарилъ короля Мендова драгоцѣнностями и другими подарками. Хотя король Мендовъ съ своей стороны и отдарилъ взаимно магистра, но сердце его, однако, снова лежало болѣе къ язычникамъ.

Этотъ магистръ Бургардъ отправился черезъ Курляндію осмотрѣть замокъ Мемель. Когда онъ туда прибылъ, язычники устроили засаду въ лѣсу У магистра было 40 орденскихъ братьевъ и кромѣ того около 500 человѣкъ воиновъ, но язычниковъ было несравненно больше. Произошло сраженіе, магистръ былъ раненъ и убито 12 членовъ ордена. Но со стороны язычниковъ погибло также очень много народу Магистръ со своими людьми вошелъ въ мемельскій замокъ, выздоровѣлъ тамъ, и черезъ Курляндію снова возвратился въ Ригу. Теперь магистръ собирался отомстить самаитамъ за нанесенный ими вредъ. Когда они о томъ узнали, то отправили къ магистру своихъ пословъ и просили мира. Тогда архіепископъ рижскій заключилъ съ ними миръ на два года, надѣясь въ это время обратить ихъ въ христіанство и научить ихъ догматамъ вѣры.

ГЛАВА XIX.

По прошествіи этихъ двухъ лѣтъ король самаитовъ ополчился, выступилъ противъ христіанъ съ большими силами и далъ обѣтъ своимъ богамъ, что если они ему даруютъ побѣду, то онъ имъ пожертвуетъ третью часть всей добычи. Узнавъ о томъ магистръ отправилъ полковника Берендта фонъ Цавена съ войскомъ къ Мемелю, черезъ Курляндію. Братья ордена, находившіеся въ Мемелѣ и Гольдингенѣ, были воодушевлены мужествомъ. Полководецъ Берендтъ увѣщевалъ своихъ спутниковъ напасть со стойкостью на язычниковъ ради славы Божіей, и тотчасъ же напалъ на враговъ. Произошла большая битва и съ обѣихъ сторонъ погибло много народа. Были убиты 43 орденскіе брата, но язычники наконецъ овладѣли полемъ битвы и возвратились домой. Христіане отступили въ Гольдингенъ. Какъ только узналъ объ этомъ магистръ, то собралъ много народа, и отправился противъ враговъ въ Курляндію; литовцы же и самаиты

тайно ушли изъ лѣсу, въ которомъ укрывались, и встрѣчи не послѣдовало. Магистръ пошелъ дальше въ землю семигалловъ, подступилъ къ одному бургу, взялъ его штурмомъ, затѣмъ построилъ замокъ Доббельнъ, который снабдилъ сильнымъ гарнизономъ. Этому магистру Бургарду много было хлопотъ съ королемъ самаитовъ, королемъ литовскимъ и королемъ русскимъ, которые всѣ три единодушно рѣшились возвратить Ливонію язычникамъ, а тевтонскій орденъ съ христіанами изгнать изъ страны. Впослѣдствіи онъ былъ измѣннически образомъ убитъ въ сраженіи при Доббельнѣ, и въ той же битвѣ погибли до 150 братьевъ ордена, прусскій маршалъ, и многіе германскіе дворяне; кромѣ того, 14 членовъ ордена попали въ плѣнъ, изъ которыхъ восемь были сожжены въ честь языческихъ боговъ, другихъ же шестерыхъ мучили, отрубили имъ руки и ноги, а тѣло четвертовали. Потомъ язычники напали на оба замка Керзау и Доббеленъ. Этотъ магистръ управлялъ три года. Передъ смертью онъ назначилъ на свое мѣсто брата ордена Іордана фонъ Эрбштадта, который въ продолженіи цѣлаго года причинялъ куронамъ и самаитамъ много вреда и досады.

ГЛАВА XX.

Въ 1268 году магистромъ былъ назначенъ Вернеръ фонъ Брейтгаузенъ *). Онъ управлялъ 2 года. Около этого времени самаиты послали военноначальника Траммате съ другими къ королю Мендову и его королевѣ, чтобы условиться съ ними, дабы они отступили отъ христіанства и снова сдѣлались язычниками, потому что христіанствомъ ихъ обманули, а обѣщанное братьями ордена только одинъ обманъ и неправда. Они (говорили самаиты) отвратили васъ отъ вашихъ боговъ, вашъ отецъ былъ могущественный король, а вы хотите своимъ дѣтямъ оставить такой позоръ, что сами и ваши дѣти будете подданными. Вы находитесь въ совершенномъ ослѣпленіи, хотя всѣ считаютъ васъ мудрымъ королемъ. Смотрите на самаитовъ и семигалловъ, которые желаютъ вамъ добра, и держитесь вашихъ боговъ, которыхъ держались и ваши родители; если мы на самомъ дѣлѣ узнаемъ, что снова стали язычниками, то Литва и Ливонія подчинятся вамъ, и вы будете господиномъ обѣихъ этихъ земель. Услышавъ это, король разгнѣвался на христіанъ и послѣдовалъ совѣтамъ самаитскаго вождя; но королева очень огорчилась и напоминала ему о великихъ почестяхъ и дружбѣ, которые оказалъ ему и ей магистръ ливонскій, и что это постыдно, что онъ такъ позволяетъ

*) Въ копіяхъ нienштедской хроники его невѣрно называютъ Фрицгаузенъ.

вождю соблазнять себя. Но король стоялъ на своемъ и ничего не хотѣлъ знать. Тогда король Мендовъ велѣлъ во всѣхъ своихъ владѣніяхъ ловить христіанъ и многихъ изъ нихъ убили; онъ также послалъ къ русскому королю и объявилъ ему, что онъ отступилъ отъ христіанства, и это извѣстіе было очень пріятно русскому королю; послѣдній обѣщалъ оказать большую помощь противъ христіанъ и ордена.

ГЛАВА XXI.

Король Мендовъ мамелюкъ собралъ большое войско противъ господнихъ рыцарей ливонскихъ. На встрѣчу ему долженъ былъ придти король русскій со своими людьми, также и король самаитовъ, и они хотѣли разрушить Ливонію и изгнать орденъ. Мендовъ подступилъ подъ Венденъ, но замѣтивъ, что русскіе не приходятъ, разгнѣвался на вождя Траммате, за то, что онъ его обманулъ и русскіе солгали, и возвратился обратно въ свою землю.

Магистръ Вернеръ прочно вооружилъ свои земли, ему была оказана сильная помощь изъ Германіи и Пруссіи. Русскій король пришелъ со своими полчищами въ орденскую землю, опустошилъ и сжегъ городъ Дерптъ, но замокъ, куда укрылся епископъ, гарнизонъ изъ братьевъ ордена спасъ, успѣшно защищаясь. Когда магистръ узналъ объ этомъ, то пошелъ освобождать дерптцевъ; но когда пришелъ со своими людьми, то русскіе уже ушли въ свою страну. Магистръ оставилъ въ Дерптѣ сильный гарнизонъ и пошелъ въ Россію, опустошилъ, выжегъ ее, убилъ много русскихъ, и снова возвратился въ Ригу Вскорѣ послѣ того онъ послалъ своихъ людей въ Курляндію, пріобрѣлъ тамъ одинъ замокъ, который его войска сожгли. Совершивъ много благихъ дѣлъ этотъ магистръ заболѣлъ, отправился въ Германію и тамъ умеръ.

Въ 1269 году магистромъ былъ сдѣланъ Конрадъ фонъ Мандеренъ. Онъ велъ много войнъ съ русскими, съ куронами и самаитами, былъ также въ битвѣ съ семигаллами, въ которой погибли многіе съ обѣихъ сторонъ. Онъ приказалъ также построить въ Ливоніи крѣпкій замокъ, названный Вейсенштейномъ, и послѣ того просилъ увольненія отъ должности, по трехлѣтнемъ правленіи.

Въ 1272 г. великій магистръ прислалъ въ Ливонію другаго магистра, котораго звали Отто фонъ Ротенштейнъ. Послѣдній управлялъ 4 года и далъ большое сраженіе русскимъ. Со стороны христіанъ палъ епископъ дерптскій Александръ, а русскіе обратились въ бѣгство. Тутъ было убито и взято въ плѣнъ около 500 русскихъ. Послѣ этого магистръ Отто собралъ большое войско до 18000 чело-

вѣкъ конницы и пѣхоты, кромѣ того 900 человѣкъ посадилъ на корабли, опустошалъ, жегъ и взялъ наконецъ замокъ по имени Изеборгъ, сжегъ его до тла и сталъ лагеремъ подъ Псковомъ, который былъ сильно укрѣпленъ. Хотя король новгородскій и послалъ русскимъ помощь, но это имъ всетаки не помогло.

ГЛАВА XXII.

Наконецъ прибылъ русскій герцогъ (князь) по имени Іорданъ, онъ былъ королевскимъ намѣстникомъ. Онъ дружески велъ переговоры съ орденомъ, такъ что обѣ стороны заключили миръ.

Въ слѣдующемъ году магистръ Отто воевалъ съ литовцами и семигаллами. Въ одной битвѣ магистръ Отто погибъ съ 10 членами ордена, у язычниковъ также было много убитыхъ, и такимъ образомъ обѣ стороны разошлись. Братья тотчасъ же назначили намѣстникомъ нѣкоего Андрея. Послѣдній былъ убитъ въ одной стычкѣ съ литовцами.

ГЛАВА XXIII.

Съ открытія Ливоніи до сихъ поръ, значитъ въ теченіи болѣе 120 лѣтъ, шли кровопролитныя войны; въ это время христіанство сильно распространилось въ Ливоніи. Епископы ревностно поучали и крестили язычниковъ; то тамъ, то здѣсь, строили въ странѣ церкви и монастыри, народъ жертвовалъ охотно ради славы Божіей, папа помогалъ буллами и другими средствами; христіане сначала также оказывали великое усердіе въ отношеніи такихъ учрежденій, способствовавшихъ расширенію христіанства, потому то такъ многіе князья, рыцари и графы оказывали обильную помощь, не щадя своей крови. Также умножилось и мореходство и торговля въ Ливоніи изо всѣхъ приморскихъ городовъ, отчего города пришли въ цвѣтущее состояніе, какъ Рига и Ревель, куда многіе купцы и ремесленники переселились изъ Германіи съ женами и дѣтьми; чрезъ это торговля къ Висби на Готландъ мало по малу очень уменьшилась и наконецъ вовсе прекратилась; самый городъ Висби до того упалъ, что прекрасные большіе дома, еще видимые и теперь, пришли въ совершенное разрушеніе, между тѣмъ какъ съ теченіемъ времени ливонскіе города, стоящіе на берегу моря, замѣтно разростались и пришли въ процвѣтаніе. Новгородская контора оставалась, однако, въ цвѣтущемъ состояніи: купцы изъ ганзейскихъ городовъ направляли все еще свой путь туда и дѣлали эту контору складочнымъ мѣстомъ для своихъ товаровъ, это

продолжалось даже и тогда, когда великій князь взялъ Новгородъ въ 1479 году До тѣхъ поръ этотъ городъ пользовался своимъ самоуправленіемъ; но когда въ 1494 году многіе купцы находились въ конторѣ съ драгоцѣнными товарами, которые цѣнятъ болѣе нежели въ триста тысячъ гульденовъ и русскіе изъ за ничтожныхъ, низкихъ причинъ отобрали у нихъ всѣ товары, а купцовъ ввергли въ заключеніе въ башню, гдѣ они сидѣли болѣе трехъ лѣтъ и наконецъ послѣ многихъ требованій отъ ганзейскихъ городовъ освобождены были только весьма немногіе, большая же часть изъ нихъ умерли въ башнѣ, тогда всѣ умы, а также и торговля, отвратились отъ Новгорода, потому что изъ всѣхъ дорогихъ товаровъ ничего не было получено обратно. Въ то время русскіе столькихъ ограбили дорогими товарами (какъ холстъ, шелковыя матеріи, бархатъ, золото, жемчугъ и драгоцѣнные камни, сахаръ, пряности и коренья) что многіе честные люди сдѣлались бѣдняками. Когда купцы были обобраны до нага, и выпущены изъ башни, то они отправились въ Ревель, гдѣ ихъ осталось только четыре человѣка, (между которыми находился Людвигъ Бурстель, который впослѣдствіи женился въ Дерптѣ на дочери Шрикельмана, и былъ избранъ членомъ магистрата), остальные же потомъ уѣхали изъ Ревеля на кораблѣ любчанина Гердта Оффендорфа, но всѣ они погибли отъ жестокой бури вмѣстѣ съ кораблемъ въ шведскихъ шкерахъ, такъ что не спаслись ни кошка ни собака, какъ о томъ свидѣтельствуетъ эпитафія, въ знакъ ихъ памяти, въ Ревелѣ, у моста при гавани. Впослѣдствіи въ Новгородѣ болѣе не совершали никакихъ торговыхъ операцій, хотя туда еще иногда и наѣзжали купцы, такъ я и самъ былъ тамъ въ 1570 году и имѣлъ дѣла въ старомъ, полуразрушенномъ дворѣ конторы, гдѣ еще стояла часть церкви св. Петра, которую купцы нѣкогда выстроили изъ камня. Въ то время подъ церковью еще существовалъ небольшой склепъ, гдѣ я могъ держать напитки и съѣстные припасы. Кромѣ того ничего уже не было, только еще одна деревянная комната, гдѣ я со своимъ слугой и съ мальчикомъ имѣлъ пристанище, и еще другая подобная ей комната для русскаго дворника, который отворялъ и запиралъ дворъ. Такимъ образомъ погибла новгородская контора, и впослѣдствіи всѣ русскіе товары стали привозить въ Ригу, Ревель и Дерптъ. Черезъ это какъ эти города, такъ и другіе на балтійскомъ прибрежьи стали возвышаться и процвѣтать.

Также и во Псковѣ еще существовалъ гостинный дворъ для нѣмцевъ при рѣкѣ, протекающей чрезъ городъ мимо замка подъ городскими стѣнами, здѣсь приставали нѣмецкіе купцы, когда пріѣзжали съ товарами, именно на лѣвой сторонѣ рѣки противъ замка, гдѣ я часто бывалъ съ товарами до 1560 года. Тогда во Псковѣ въ этомъ мѣстѣ былъ большой пожаръ, и гостинный дворъ сгорѣлъ.

Здѣсь я долженъ упомянуть какая была одна изъ многихъ

причинъ, по которой торговля въ Россіи не только въ Новгородѣ и во Псковѣ, но и въ ливонскихъ и въ другихъ городахъ видимо упала и прекратилась. Главная причина была та, что въ 1554 году англичане проѣхали на сѣверъ мимо Норвегіи, открыли въ землѣ московитовъ за Москвой гавань Колмегородъ (Холмогоры), куда они стали ѣздить ежегодно и торговать съ московитами, которые были очень довольны тѣмъ, что у нихъ тамъ открылось мореходство; и московитъ далъ имъ уважительныя привиллегіи, и выстроилъ въ Москвѣ прекрасный каменный гостинный дворъ съ лавками, гдѣ бы они могли продавать изъ года въ годъ свои товары, мѣстные и привозные; также и покупать тамъ всякіе товары, пригодные для нихъ и дабы они могли вести свои дѣла съ Колмегородомъ водою на своихъ корабляхъ и сухимъ путемъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше они ѣздили, потому что получали изъ московитскихъ земель всякіе дорогіе товары, какъ то: воскъ, сало, кожи дубленыя и недубленыя, всевозможные дорогіе мѣха. соболи, куньи, рысьи, лисьи, бѣличьи и пр.

Вторая главная причина, почему ливонскіе города, въ особенности Ревель и Дерптъ, а по большей части и Рига съ другими городами балтійскаго прибрежья, прекратили торговлю съ Новгородомъ и Псковомъ, — то, что московитъ въ 1558 году началъ воевать съ Ливоніею, и покорилъ Нарву. Тогда любекскіе купцы стали проѣзжать мимо Ревеля въ Нарву, въ которой прежде у нихъ не было свободной торговли, и они послали къ императору и выхлопотали себѣ позволеніе свободно привозить товары и торговать въ Нарвѣ, не смотря на раззореніе ливонскихъ городовъ, они также послали нѣкоего Іоанна Вагенера къ московиту, и выхлопотали у него себѣ свободную торговлю, пріѣздъ и отъѣздъ и ввозъ и вывозъ всякихъ товаровъ безо всякой пошлины. Такъ какъ они указали дорогу другимъ, то туда черезъ Зундъ отправилось много кораблей изъ Гамбурга, Антверпена, Англіи, Брабанта, Голландіи, Шотландіи, Франціи, которые ѣздили такъ часто, что имъ приходилось оставлять за нагрузку многія сотни ластовъ соли, холстъ, шелковыя платья, бархатъ и другіе товары въ кускахъ, пряности и напитки они должны были отдавать дешевле, нежели покупали сами. Я могу сказать по правдѣ, что слышалъ отъ московитовъ, что они купили множество фунтовъ чистаго золота по 10 рейхсталеровъ за фунтъ; которое въ Германіи было куплено по 15 рейхсталеровъ, прекрасную камку цѣлыми тюками по 1 рейхсталеру за длинный брабантскій локоть, который нельзя было купить дешевле двухъ рейхсталеровъ, англійскія полотна наиболѣе 30—36 рейхсталеровъ, которыя стоили 45 рейхсталеровъ. Это значитъ выкопай другому яму и самъ въ нее упади. Для великаго князя это была желанная торговля, и ему не представилось бы болѣе удобнаго случая погубить Ливонію, чѣмъ этимъ путемъ; потому что дѣло у князя уже дошло до того, что лисфунтъ соли шелъ за 1 рейхсталеръ,

и всѣ товары его подданныхъ должны были испортиться; но такъ какъ любекскіе купцы открыли ему это сокровище, то онъ бросился на него съ жадностью, и любекскіе факторы въ Нарвѣ были въ такой же чести, и еще большей, какъ нѣкогда ганзейскіе факторы въ Новгородѣ каждую недѣлю два раза намѣстникъ въ Нарвѣ долженъ былъ приглашать ихъ въ гости въ замокъ, гдѣ ихъ весьма роскошно угощали, и ласкали ихъ какъ дѣтей.

Когда король шведскій узналъ объ этомъ новомъ пути, то хотѣлъ прекратить эти поѣздки, и въ два года отобралъ отъ купцовъ 60 кораблей, нагруженныхъ дорогими товарами, чрезъ что богатые люди, начавшіе первые торговать этимъ путемъ, обѣднѣли, и чрезъ долги должны были удалиться изъ города, это можно сказать, ни тебѣ, ни мнѣ. Для короля же датскаго это было масломъ для его лампъ, и такъ какъ корабли ради новаго пути часто проѣзжали черезъ Зундъ, то онъ взималъ пошлину, и это ему приносило большой доходъ. Онъ также послалъ въ Москву нѣкоего доктора Захарію, чтобы выхлопотать у великаго князя позволеніе взимать пошлину и въ Нарвѣ. Великій князь сначала было и согласился; но когда князь началъ въ своей землѣ повѣрять корабли и самъ взимать пошлину; то доктору пришлось оставить Ивангородъ. пусть де датскій король беретъ пошлину въ Зундѣ, въ Нарвѣ князь и знать не хочетъ о его пошлинахъ.

Изъ вышеприведенныхъ причинъ легко сдѣлать заключеніе, почему города ливонскіе и другіе на балтійскомъ прибрежьи потерпѣли ущербъ въ своемъ прокормленіи, другіе же напротивъ попользовались, какъ голландцы, шотландцы, брабантцы, французы и англичане. Въ итогѣ выходитъ, что если какая вещь возвысится до наибольшаго предѣла, то снова упадаетъ. Такъ случилось теперь и съ городомъ Висмаромъ. Онъ упадаетъ по примѣру Висби, и что будетъ съ городомъ Любекомъ, когда теперь Гамбургъ подчинился королю датскому, это покажетъ время. Не снесенныхъ яицъ считать нельзя.

ГЛАВА XXIV

Авторъ здѣсь разсказываетъ нѣкоторыя подробности о правленіи и жестокости царя Іоанна Васильевича, что однако не имѣетъ никакого отношенія къ ливонскому орденскому правительству, исключая того, что царь разграбилъ Нарву; „однако нѣмцевъ оставилъ въ покоѣ.“ По этому всѣ лежащія передо мною копіи пропускаютъ этотъ вставочный разсказъ. Его приводитъ только древній манускриптъ, который находится во владѣніи у пастора доктора Веньямина фонъ Бергмана въ Руйэнѣ. Также и магистровъ,

начиная съ Отто фонъ Ротенштейна, онъ пропускаетъ, съ замѣчаніемъ: „illi hic non enumerantur, illos igitur alibi legere licebit“, и затѣмъ разсказъ продолжается слѣдующимъ образомъ:

Въ 1330 году магистромъ ливонскимъ былъ Эбергардтъ фонъ Монгеймъ, который велъ войну съ архіепископомъ рижскимъ. Есть много описаній того, какъ нѣкоторые братья ордена со своими родственниками, а также и члены капитула со своими сторонниками нанесли рижскимъ бюргерамъ и женамъ, какъ и ихъ дѣтямъ много брани, сердечнаго горя и позора, такъ что имъ не было прохода; поэтому то они много разъ думали мстить за такое насиліе, пока дѣло не дошло до открытой войны. Тогда рижане сдѣлали набѣгъ на Динаминдъ, гдѣ они знали, что укрываются нѣкоторые изъ тѣхъ, которые чинили такія насилія и безчинства въ городѣ, и они сожгли форштатъ подъ Динаминдомъ и многихъ убили, также взяли въ плѣнъ много народу, принадлежавшаго ордену

Это до того раздосадовало магистра, что онъ осадилъ городъ, такъ что лишилъ его всякаго подвоза, и жители не могли достать ни какихъ съѣстныхъ припасовъ и терпѣли большой голодъ и нужду, пока наконецъ не послѣдовали внушеніямъ ландмейстера (ландмаршала), и чрезъ его посредничество не просили о помилованіи. Но магистръ былъ сильно озлобленъ на городъ; однако, переговоры смягчили его, когда горожане пришли и пали ему въ ноги и умоляли о помилованіи; они должны были сдать Ригу магистру и ордену со всѣмъ имуществомъ, и должны были разломать свои ворота и стѣны на 30 саженей и дать проѣздъ магистру съ его спутниками, также передать ему всѣ свои привиллегіи, права и вольности. Это случилось въ 1330 году въ день св. Гертруды. Когда все это совершилось, тогда магистръ даровалъ имъ другія привиллегіи и вольности со своимъ помилованіемъ и велѣлъ построить крѣпкій замокъ со стѣнами и башнями.

Во времена этого магистра отъ Ливоніи отпали острова, а также и Эзель, и самаиты сильно возстали. Ради этого магистръ просилъ великаго магистра Рудольфа Кенига, чтобы онъ воспрепятствовалъ нападенію самаитовъ и пошелъ бы имъ на встрѣчу съ имѣвшимися у него 17000 человѣкъ; магистръ же въ это время снова покорилъ потерянные для него острова. Великій магистръ обѣщалъ это исполнить, и дѣйствительно отправился со всѣми своими людьми къ самаитамъ; между тѣмъ получается извѣстіе, что самаиты хотятъ идти на Самландію. Поэтому онъ воротился назадъ, занялъ Самландію и ожидалъ тамъ самаитовъ; но послѣдніе пошли на Ливонію, разрушили замокъ Каркусъ, разсыпались на 50 миль въ окружности по странѣ, убили множество народа и увели многихъ съ собою.

Магистръ жаловался на то, что великій магистръ погубилъ

его и его землю, что очень не понравилось пріѣзжимъ членамъ ордена, а также и его братьямъ. Великій магистръ отъ печали помѣшался, нанесъ себѣ рану въ голову и затѣмъ умеръ. Впрочемъ онъ былъ мужъ благочестивый и богобоязненный и не особенно любилъ войны, почему еще при жизни въ 1341 году онъ заключилъ вѣчный миръ съ королемъ польскимъ Казиміромъ, и король гостилъ у него въ Торенѣ 5 дней.

Магистръ Эбергардъ фонъ Монгеймъ отправился затѣмъ въ Россію, опустошилъ и сжегъ все, что встрѣтилъ на своемъ пути, убилъ и взялъ въ плѣнъ множество народа и возвратился домой. Послѣ этого король литовскій пришелъ въ Ливонію съ большими силами, магистръ ополчился и далъ ему большое сраженіе. Тутъ король былъ сильно раненъ, и было убито 500 знатнѣйшихъ литовцевъ и русскихъ, остальные обратились въ бѣгство.

Король же обвинялъ боговъ и говорилъ «Они насъ оставили.» Изъ христіанъ были убиты два члена ордена и 40 человѣкъ воиновъ. Послѣ этого магистръ Эбергардъ предпринялъ походъ въ Самаитенъ съ большимъ войскомъ противъ Добрингена и Цикутена, которые наносили ордену много вреда. Онъ убилъ болѣе 1200 язычниковъ, взялъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, опустошилъ и сжегъ множество деревень, и возвратился домой съ большой добычей.

Тогда король самаитскій заключилъ миръ съ магистромъ и орденомъ и они жили безо всякаго раздора. Наконецъ магистръ предпринялъ еще одинъ походъ противъ язычниковъ, въ мѣстность называемую Пупилленъ, жители которой наносили ордену много непріятностей. Въ то время стояла такая жестокая зима, какой не бывало на человѣческой памяти, такъ что замерзло много христіанъ и язычниковъ, и холодъ до того былъ великъ, что одинъ рыцарь сказалъ: «если бы я былъ римскимъ императоромъ, то отдалъ бы половину моего царства за теплую комнату, и 10 талеровъ за пару нерчатокъ»; тогда нашли много людей мертвыхъ въ соломѣ. Хотя магистръ и возвратился невредимъ и побѣдителемъ домой, но многіе братья умерли отъ холода, а много другихъ отморозили себѣ руки и ноги. Это случилось въ 1341 г

Когда Эбергардъ фонъ Монгеймъ состарѣлся и ослабѣлъ, то испросилъ увольненіе отъ должности магистра и поселился на жительство въ Целлинѣ, въ Пруссіи, и оставилъ Ливонію и другія земли ордена въ положеніи, исполненномъ чести и славы.

Въ 1495 году магистромъ ливонскимъ былъ избранъ Волтеръ фонъ Плеттенбергъ, онъ былъ принятъ императоромъ Карломъ V въ число князей римской имперіи и выхлопоталъ у императора то право, которое избавляло ливонскихъ магистровъ отъ ленной зависимости великимъ магистрамъ прусскимъ. Онъ умеръ въ 1535 году въ воскресенье Oculi, а управлялъ до 41-го года.

Между тѣмъ какъ нѣкоторое время царилъ сравнительный миръ между членами ордена, архіепископомъ и другими членами капитула и владѣльцами земель — начались снова притѣсненія и разныя безчинства противъ бюргеровъ по городамъ; отсюда озлобленіе въ городахъ противъ прелатовъ и ихъ дерзкую челядь увеличивалось все болѣе и болѣе, пока наконецъ городъ Рига возмутился, и изгналъ изъ своихъ предѣловъ прелатовъ съ ихъ дерзкой челядью, и затѣмъ въ 1485 году замокъ Рига былъ разрушенъ и разнесенъ до основанія. Прелаты однако скоро соединились съ орденомъ, обложили городъ Ригу и принудили къ договору, по которому жители въ 1496 году должны были начать снова отстроивать замокъ съ большими тягостями, и должны были дать одинъ ключъ отъ городскихъ воротъ, которыя выходятъ къ замку, придворному эконому замка, ради магистра, другой же ключъ остался у города. Въ это время архіепископомъ былъ Михель Гиллебрандъ, сынъ ревельскаго бюргера, а магистромъ былъ Іоганъ Фрейтагъ, который осаждалъ городъ; но его преемникъ Волтеръ фонъ Плеттенбергъ покорилъ городъ и окончилъ войну; его портретъ еще и теперь находится въ рижскомъ замкѣ надъ замковыми воротами, онъ изображенъ съ мечемъ и съ крестомъ.

Вскорѣ послѣ этого примиренія окончился срокъ заключеннаго мира между Ливоніей и московитомъ. Тогда московитъ пронюхалъ носомъ, что въ Ливоніи завелись такіе несчастные раздоры и ужасы, и подумалъ по евангельскому слову, что царство, раздѣлившееся само въ себѣ не можетъ долго устоять. По этой причинѣ онъ захотѣлъ порадѣть о своей выгодѣ, и сталъ сильно настаивать, чтобы ливонцы платили ему дань. Но какъ замѣтно изъ всѣхъ обстоятельствъ, то онъ, наказавъ уже новгородскую контору, и здѣсь нашелъ причину отомстить за то, что въ Ревелѣ одного московита поймали въ содомскомъ грѣхѣ и сожгли, также и другаго, который чеканилъ фальшивую монету; за то что были наказаны такія нестерпимыя преступленія, онъ повелъ открытую войну съ ливонцами, полагая, что теперь было самое настоящее время покорить Ливонію. Для этой цѣли онъ собралъ многочисленное войско и вошелъ въ Ливонію; грабитъ, убиваетъ, жжетъ и доходитъ до Магольма, въ 3 миляхъ отъ Везенберга и въ 12 миляхъ отъ Нарвы; онъ остановился на чистомъ полѣ, гдѣ стояла маленькая церковь, называвшаяся крестовой часовней, это будетъ на разстояніи 2 миль отъ морскаго берега. Здѣсь то впервые увидѣлъ московитъ магистра Волтера фонъ Плеттенберга съ его членами ордена и войскомъ, идущимъ со стороны Феллина. Первымъ дѣломъ онъ приказалъ отслужить обѣдню въ этой часовнѣ, и воины на полѣ вокругъ часовни пали на колѣна и просили Бога и пресвятую Дѣву Марію о побѣдѣ. Послѣ этого московитъ приготовился на открытомъ полѣ къ битвѣ со множествомъ народа. Тогда магистръ приказалъ распустить свое знамя и убѣждалъ своихъ братьевъ и

воиновъ, и приступилъ къ кровавой борьбѣ. Они бросились на враговъ съ мужествомъ, и такъ битва началась утромъ въ 9 часовъ, и продолжалась до вечера, и было такое кровопролитіе, что маленькія рѣчки съ того дня еще нѣсколько дней спустя были окрашены кровью и въ то время погибли 6 братьевъ ордена, одинъ за другимъ. Когда драгоцѣнный герой Волтеръ фонъ Плеттенбергъ ударилъ на непріятеля со своими храбрыми рыцарями и героями, такъ что не одинъ лишился зрѣнія и слуха, тогда московиты бросились подъ заячье знамя, а кто не могъ убѣжать, того убили, и магистръ тамъ пріобрѣлъ большую славу, почести и много добычи. Впослѣдствіи онъ въ вѣчное воспоминаніе на славу Божію, велѣлъ построить церковь недалеко отъ вышеупомянутой часовни, во имя св. Маріи, которую еще можно видѣть и до сего дня; въ ней ежегодно приносилось благодареніе Богу за эту великую побѣду На этомъ мѣстѣ магистръ оставался три дня и приказалъ похоронить съ христіанскими церемоніями своихъ убитыхъ въ битвѣ воиновъ, а раненымъ доставилъ по возможности хорошій уходъ, для лѣченія. Эта кровавая схватка происходила въ 1501 году Въ эту войну московитъ совершалъ ужасныя варварства и опустошенія по всей Ливоніи, такъ что было убито и уведено въ плѣнъ до 40,000 человѣкъ. Послѣ этой славной, достопамятной побѣды магистръ Волтеръ фонъ Плеттенбергъ снова ополчился со своими братьями ордена, чтобы идти московиту на встрѣчу, въ виду того, что ему донесли о новыхъ воинственныхъ сборахъ московита, который собирается отомстить со всѣми своими силами за претерпѣнный имъ уронъ. Но магистръ предварительно заключилъ союзъ съ литовскими сословіями, такъ что они должны были доставить ему помощь. Это они обѣщались исполнить; но не явились. Не смотря на это христіане надѣялись болѣе на помощь всемогущаго Бога, нежели на свои силы, хотя московитъ и привелъ въ десятеро больше людей, и христіане такъ сражались, что между ними не было ни одного, который не былъ бы достоинъ получить званіе рыцаря; потому что они оборонялись до того рыцарски, что наконецъ сражались на колѣняхъ. Здѣсь Господь Богъ ясно показалъ, что онъ и немногимъ противъ многихъ можетъ даровать побѣду, потому что московиты обратились въ бѣгство не иначе, какъ еслибы ихъ поразило громомъ, и откровенно говорили, «это должно быть черти, а не люди» Такъ величіе Божіе еще должно было слышать кощунство отъ своихъ враговъ.

Когда же московитъ проигралъ и эту вторую битву, онъ пожелалъ подъ Псковомъ завязать переговоры о мирѣ. Магистръ на это согласился, а между тѣмъ раненые были перевязаны и вмѣстѣ со многими изъ знатнѣйшихъ убитыхъ были отправлены въ Ливонію водою, чтобы погребсти тамъ убитыхъ, между ними находился и единственный братъ моей бабушки Арендтъ Волкенгааръ, членъ ордена,

родившійся въ усадьбѣ моего отца, и похороненъ въ первой церкви за алтаремъ, имя его еще и теперь находится на его памятникѣ.

Московскіе послы, прибывъ изъ Пскова къ магистру съ совершеннымъ полномочіемъ, стали говорить такъ. хотя государь ихъ, великій князь, и имѣлъ не маловажныя причины къ войнѣ, такъ какъ вопреки прежнимъ, древнимъ крестнымъ цѣлованіямъ и мирнымъ грамотамъ означенная въ нихъ дань не была выплачена, кромѣ того нанесено ему еще такое оскорбленіе, что его людей сожгли въ Ревелѣ, и изъ за этого пролито теперь такъ много невинной крови; но дабы магистръ видѣлъ и зналъ, что и великій князь во избѣжаніе дальнѣйшаго пролитія христіанской крови склоненъ согласиться на сносное соглашеніе и миръ, поэтому они, послы, отпущены съ достаточными полномочіями и наличными кредитивами, чтобы искать мирныхъ предложеній, однако съ сохраненіемъ его, великаго князя, настоящихъ правъ. По выслушаніи ихъ предложеній, магистръ повелѣлъ отвѣтить За неповинно пролитую кровь даетъ отчетъ тотъ, кто подалъ къ тому поводъ, такимъ образомъ уже многіе заплатили своей кровью по справедливому приговору Божію; что великій князъ хочетъ также и изъ Ливоніи присвоить себѣ ту дань, то этой дани ему никогда съ нихъ не слѣдовало, хотя бы въ древнихъ мирныхъ грамотахъ о ней и упоминалось; потому что онъ не имѣетъ права, и не можетъ его доказать, что такую дань по справедливости можетъ требовать, и чтобы кто либо въ Ливоніи былъ обязанъ ему подчиняться; потому то такая причина не могла быть поводомъ къ кровопролитію.

Если онъ полагаетъ, что ему нанесено было оскорбленіе тѣмъ, что наказаны были такіе содомскіе грѣхи, за которые самъ Господь покаралъ огнемъ съ неба Содомъ, Гоморру, Адаму и Севоимъ, и что лучше бы эти хрѣхи оставить безъ наказанія — то пусть великій князь вѣритъ, что его Богъ наказалъ за такія мысли двумя претерпѣнными великими пораженіями. Всѣмъ придется предстоять предъ однимъ судіей, которому должны будутъ отдать отчетъ; какъ поступилъ онъ здѣсь — хорошо или худо, пусть заявитъ онъ это въ своемъ мѣстѣ. И дабы великій князь видѣлъ, что онъ (магистръ) также мало ищетъ повода къ дальнѣйшему кровопролитію, какъ и прежде, то онъ охотно согласенъ на христіанскій миръ, если только миръ будетъ сносенъ.

Затѣмъ магистръ со своимъ совѣтомъ приказалъ составить условія мира и доставить ихъ посламъ въ 54 пунктахъ, на основаніи которыхъ онъ будетъ согласенъ на миръ; по истеченіи 6 дней онъ требовалъ отвѣта да или нѣтъ. Послы отправили эти пункты къ великому князю, на большую часть которыхъ онъ согласился. Одинъ пунктъ, который находился въ древнихъ крестовыхъ записяхъ, онъ непремѣнно хотѣлъ опять вставить въ договоръ, потому что его

предки никогда не позволяли опустить этотъ пунктъ, что за нимъ остается дань православія. Когда же изслѣдовали, что это была за дань, то въ древнихъ договорахъ и записяхъ не нашли другихъ свѣдѣній, кромѣ того, что на московитскихъ границахъ нѣкоторые крестьяне имѣли привычку держать нѣсколько ульевъ по ту сторону границы, изъ которыхъ они давали ежегодно владѣльцамъ земли сообразуясь съ количествомъ меда, выпадавшаго за тотъ годъ. Нѣкоторые полагали также, что и отъ ливонскихъ язычниковъ, прежде ихъ обращенія въ христіанство, онъ получалъ благодарность изъ нѣкоторыхъ мѣстъ. Какъ бы тамъ ни было, на этотъ разъ миръ былъ заключенъ и подписанъ такимъ образомъ. Тогда магистръ запечаталъ двѣ записи и цѣловалъ крестъ по древнему обычаю мирныхъ записей и оставилъ заложниками двухъ изъ пословъ, а съ записями отправилъ къ великому князю двухъ членовъ ордена съ великокняжескими послами, для подтвержденія записей крестнымъ цѣлованьемъ. Великій князь охотно это исполнилъ и оставилъ у себя одну запись, другую же отдалъ членамъ ордена, затѣмъ подалъ имъ руку и пожелалъ магистру многая лѣта, хорошо угостилъ ихъ и приказалъ ихъ проводить обратно къ магистру Тогда съ обѣихъ сторонъ было великое ликованье и радость, и магистръ приказалъ хорошенько угостить великокняжескихъ пословъ, которые оставались заложниками, оказалъ имъ почести, и съ благословеніемъ отпустилъ домой. Тогда изъ Пскова они прислали магистру въ знакъ уваженія всякаго провіанту и напитковъ, кромѣ того послали изъ города всякихъ припасовъ, пока онъ черезъ три дня не снялся съ мѣста со всѣми своими силами и не отправился въ Ливонію съ великою славою, почестями и похвалою, это произошло въ 1502 году

Послѣ этой войны и присягой подтвержденнаго мира съ московитомъ Ливонія пользовалась довольно спокойными временами около 35 лѣтъ, въ продолженіи этого времени оба города и земли оправились и стали процвѣтать.

Въ 1523 году въ Ливонію проникло ученіе Лютера, и по городамъ и деревнямъ выступили лютеранскіе проповѣдники, какъ Тегетмейеръ, Штербель, Андрей Кнэпкенъ и многіе другіе, которые съ большимъ рвеніемъ противорѣчили папѣ и осуждали его догматы по мнѣніямъ Лютера изъ Библіи, чрезъ что въ общинѣ возникли всякіе раздоры и озлобленія, пока лютеране не овладѣли церковью, и не изгнали изъ нея папистовъ.

Въ 1527 году рижскій капитулъ избралъ архіепископомъ Ѳому Шэнинга, сына бургомистра Іоганна Шэнинга. Онъ же выбралъ себѣ коадъ-юторомъ брата герцога Альбрехта прусскаго, маркграфа бранденбургскаго Вильгельма, чтобы послѣдній впослѣдствіи былъ его преемникомъ.

Магистръ Генрихъ фонъ Галенъ и городъ Рига, также и нѣ-

которые изъ членовъ капитула полагали, что избирать коадъюторомъ архіепископа (для того, чтобы онъ былъ впослѣдствіи преемникомъ), особу изъ такого высокаго званія; магистръ совмѣстно съ сословіями жаловался на это, но ради мира, на этотъ разъ они дали свое согласіе, потому, что расчитывали такъ странѣ маркграфъ не нанесетъ ущерба, такъ какъ онъ особа знатнаго рода, къ тому же онъ племянникъ по сестрѣ королю польскому Сигизмунду Августу; это подавало надежду, что между короной польской и Ливоніей водворится тѣмъ большее единодушіе и хорошія отношенія, прежде чѣмъ истечетъ срокъ мира съ московитомъ.

Но магистръ со своими владѣльцами и городомъ Ригой въ особенности настаивали и сохранили за собою оговорку, что такой неосмотрительный выборъ безъ ихъ согласія впредь не долженъ имѣть мѣста, да притомъ еще изъ такого высокаго званія, дабы впослѣдствіи изъ того не произошли безвременныя послѣдствія.

Но маркграфъ Вильгельмъ, будучи утвержденъ архіепископомъ и состарѣвшись со временемъ, забылъ или не хотѣлъ обращать вниманія на сдѣланное предостереженіе, и снова избралъ себѣ въ коадъюторы своего родственника изъ княжескаго мекленбургскаго дома, дабы онъ былъ его преемникомъ, и еще при своей жизни призвалъ его въ страну, и далъ ему для жительства одинъ изъ крѣпкихъ монастырскихъ замковъ, Трейденъ. Послѣ этого магистръ со своими приверженцами и магистратомъ города Риги, просили маркграфа Вильгельма, чтобы онъ удалилъ избраннаго имъ коадъютора изъ страны, потому что они боялись какъ бы этотъ знатный господинъ не сталъ слишкомъ могущественъ и не изгналъ бы совершенно ихъ ордена. Такъ какъ маркграфъ противился исполнить ихъ просьбу, то они съ магистратомъ города Риги стали вербовать людей и осадили маркграфа Вильгельма въ Кокенгузенѣ, который и принужденъ былъ сдаться имъ въ плѣнъ въ 1556 году Послѣ этого они и герцога Кристофа также взяли въ плѣнъ. Когда узналъ объ этомъ Сигизмундъ, король польскій, то какъ дядя маркграфа Вильгельма, со стороны матери, онъ сталъ собираться на войну, чтобы освободить обоихъ князей изъ заточенія. Магистръ Вильгельмъ фонъ Фюрстенбергъ, съ товарищами, предвидя большую опасность, которая имъ грозила, повели дружескіе переговоры съ королемъ Польши, на веденіе которыхъ король и согласился и назначилъ для этого магистру день и мѣсто въ Литвѣ, именно въ Посвольдѣ.

Когда магистръ и его союзники прибыли туда въ 1557 году, то король рѣзко обвинялъ его въ томъ, что предшественникъ его нанесъ такія оскорбленія особамъ княжескаго дома. Это дѣло, однако, послѣ многихъ оправданій и трактатовъ, было улажено такъ, что магистръ долженъ былъ просить у короля извиненія съ земнымъ поклономъ и возвратить свободу обѣимъ особамъ царскаго рода на

публичномъ ландтагѣ въ Ливоніи, что и произошло въ Вольмарѣ, затѣмъ архіепископъ отправился въ Ригу и послѣ проповѣди въ соборѣ сѣлъ на свой тронъ на высокомъ амвонѣ, гдѣ прежде того еще магистратъ просилъ у него прощенія. Сидя онъ подалъ членамъ магистрата руку и отвѣчалъ въ нѣсколькихъ словахъ: «они могли бы повести это дѣло иначе и т. д.

Когда магистратъ отошелъ, эльтерманъ большой гильдіи Ясперъ Ронбергъ и эльтерманъ малой гильдіи также держали рѣчь и просили: чтобы ихъ княжеское высочество пребывали оттолѣ въ милости къ ихъ доброму городу, и ничѣмъ бы не воздавали за происшедшее, но оставались бы какъ и прежде ихъ милостивымъ княземъ и повелителемъ. Они съ своей стороны опять будутъ оказывать всегда его княжеской милости должное подданическое послушаніе и вести себя какъ вѣрнымъ подданнымъ подлежитъ.

Тогда архіепископъ всталъ, подалъ старшинамъ руку и отвѣчалъ. «любезные старшины и вѣрные мои, мы принимаемъ извиненіе милостиво, ради доброй паствы, мы впрочемъ хорошо знаемъ двоедушныя сердца. Мы обѣщаемъ, что старшины и вся община ничего отъ насъ не увидятъ кромѣ отеческой милости и доброты. Затѣмъ онъ всѣмъ подавалъ руку, въ особенности старшинамъ, сошелъ съ амвона и отправился въ архіепископское подворье.

(Окончаніе въ слѣдующемъ томѣ.)

ДОКУМЕНТЫ

къ исторіи присоединенія Ливоніи къ Польшѣ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Во 2-й части лѣтописи Рюссова (см. Приб. Сб. II, 344—404) уже было достаточно подробно изложены событія, повлекшія за собою распаденіе орденскихъ и епископскихъ владѣній въ Ливоніи, и было уже замѣчено, что виленскій договоръ о подданствѣ, подписанный 28 ноября 1561 г., и жалованная грамота, извѣстная подъ именемъ привиллегіи Сигизмунда Августа и подписанная въ тотъ же день въ Вильнѣ, составили главное основаніе всѣхъ правъ и преимуществъ нынѣшней Лифляндіи и Курляндіи.

Въ виду первостепенной важности этихъ документовъ, содержаніе ихъ передается здѣсь въ переводѣ съ латинскаго языка по тексту, напечатанному въ сочиненіи Гильзена: „Inflanty w dawnych swych i wielorakich az do wieku naszego dziejach i rewolucyach, 1750, стр. 112 и слѣд. — Переводъ этотъ сдѣланъ преподавателемъ греческаго языка въ рижской Александровской гимназіи Г. А. Янчевецкимъ.

Не излишне адѣсь привести въ дополненіе къ сказанному уже о распаденіи Ливоніи въ лѣтописи Рюссова слѣдующія подробности.

Первые два похода войскъ Іоанна Грознаго поставили Ливонію дѣйствительно въ отчаянное положеніе. Важные города ея, Дерптъ и Нарва, находились уже въ рукахъ московскаго царя, московскіе воеводы приглашали уже магистра покориться Москвѣ, русскія войска уже появились въ земляхъ рижскаго архіепископства. Рижскій каѳедральный пробстъ (протоіерей), Фридрихъ Фелькерзамъ, собралъ, по порученію рижскаго архіепископа маркграфа Вильгельма, небольшое войско и двинулся было противъ московитовъ, но при первой же встрѣчѣ съ русскими воеводами былъ разбитъ на голову и погибъ въ битвѣ. Въ орденской казнѣ не было ни гроша денегъ для найма жолнѣровъ — ибо деньги добытыя подъ залогъ замковъ и земель уже были всѣ израсходованы. — Разложеніе пошло со всѣхъ сторонъ: орденскіе сановники первые подали примѣръ постыдной трусости и измѣны. Такъ везенбергскій фохтъ Гертъ фонъ Антератъ, фохтъ Новаго Замка Дитрихъ фонъ деръ Штейнкиле, фохтъ Тольсбурга Генрихъ фонъ Каленбехъ, фохтъ Вейсенштейна Бернгардъ фонъ Шмертенъ бѣжали изъ своихъ замковъ, не видя даже непріятеля. — Ревельскій командоръ Францъ фонъ Цигенховенъ, по прозванію Ацель, сдалъ ревельскій замокъ датскому военоначальнику, викскому

дворянину Христофору Моникгаузену, и уѣхалъ въ Данію, не оповѣстивъ даже о томъ магистра.

Доведенный до крайности, орденскій магистръ послалъ просить помощи у императора Фердинанда. Помощи никакой не дано: императору было не до Ливоніи, его вниманіе всецѣло поглощали грозное положеніе, принятое турками, и вопросы церковные. Въ Ливонію пришелъ отвѣтъ, чтобы ливонцы обратились за помощью или въ Данію или въ Швецію — ибо ,,хотя воля наша и чиновъ священной имперіи есть всюду бороться съ невѣрными, но не въ нашей силѣ охранять христіанство на всѣхъ пунктахъ, по причинѣ однихъ только турокъ" (см. Бухгольца, Geschichte Ferdinands I, VII, 404), — сказано было между прочимъ въ императорскомъ рескриптѣ.

Когда покоритель Дерпта, князь Шуйскій, потребовалъ сдачи Ревеля (Приб. Сб. II, 375) и свободнаго прохода въ Дерптъ иноземнымъ купцамъ, то находившіеся въ Ревелѣ представители ганзы отвѣтили князю (см. Геннинга, 15), что Рига, Дерптъ и Ревель принадлежатъ къ числу 72 союзныхъ городовъ, по правамъ и уставамъ которыхъ имъ можно торговать только въ нѣмецкихъ ганзейскихъ городахъ; въ Нарвѣ же и другихъ городахъ, находящихся нынѣ подъ властію великаго князя московскаго, торговать имъ нельзя подъ опасеніемъ потери купеческихъ правъ. Если великій князь предприметъ какія либо непріязненныя дѣйствія противъ Ревеля, то не получитъ ни единаго ласта соленой рыбы и никакой другой вещи, ибо датскій король, которому Ревель подчинился 25 іюля, такъ могущественъ, что безъ его воли не явится ни одинъ корабль для торговли съ Москвою; король можетъ даже запретить англичанамъ доставлять товары московитамъ. Потому пусть великій князь заключитъ, при посредства ганзы, миръ съ Ливоніей.

Шуйскій отвѣтилъ, что русскіе не нуждаются въ заморскихъ товарахъ, что датскій король не опасенъ, а Ревель скоро увидитъ подъ своими стѣнами русское войско.

Подобное посредничество ганзы, конечно, не могло повести къ чему либо путному, но столь же безуспѣшны были и посредничества Даніи и Швеціи (Приб. Сб. II, 381). Волею неволею ливонцамъ приходилось обращаться къ Польшѣ.

7 ноября 1558 г. ливонскія сословія собрались въ Ригѣ на совѣтъ что дѣлать. Архіепископъ предложилъ отдаться подъ защиту короля польскаго въ томъ вниманіи, что герцогъ прусскій, находясь подъ охраною короля польскаго, ,,сидитъ въ мирѣ, какъ за каменной стѣной" (Геннингъ, 14). — Король въ настоящее время находится на сеймѣ въ Петрковѣ, продолжалъ архіепископъ, отправьте къ нему депутатовъ съ надлежащими полномочіями договориться о помощи.

Рижане соглашались отправить посольство съ тѣмъ, однакоже, чтобы оно напомнило королю, что императоръ все таки есть протекторъ архіепископства рижскаго. Надобно, говорили они, поступать съ большею осторожностію, чтобы, во 1-хъ, не пострадала наша вѣра, а во 2-хъ, чтобы императоръ и Германія не могли обвинять ливонцевъ въ измѣнѣ и вѣроломствѣ. Необходимо также обратить вниманіе короля на трактатъ 1557 г. (Приб. Сб. II, 362) и хорошо бы заключить наступательный и оборонительный союзъ со Швеціею.

Въ концѣ концевъ ливонцы рѣшились обратиться къ Польшѣ и въ февралѣ 1559 г. отправили въ Краковъ посольство, во главѣ котораго былъ Ѳома Гернеръ. Король принялъ пословъ, выслушалъ ихъ просьбы, но добиться чего либо опредѣленнаго отъ Сигизмунда-Августа было не такъ-то легко. Дѣло было въ томъ, что помочь ливонцамъ значило ввязаться въ войну съ Москвою, а чины Короны воевать рѣшительно не хотѣли, слѣд. вся тяжесть будущей войны легла бы на одну Литву. Король отослалъ по-

словъ переговорить съ коронною радою. Не надобно забывать, что при дворѣ Сигизмунда-Августа въ то время существовали двѣ партіи, соперничавшія между собою. Одна изъ нихъ, польско-католическая, во главѣ которой стоялъ подканцлеръ Паднѣвскій, не желала войны, другая, литовско-протестантская съ княземъ Радзивилломъ Чернымъ во главѣ, не прочь были помѣряться съ Москвою, ибо отлично понимала, что усилься только московское государство пріобрѣтеніемъ Ливоніи, оно не замедлитъ обрушиться всѣми своими силами и на литовское княжество, какъ свою старинную вотчину Сильные споры возникли въ коронной радѣ по ливонскому вопросу. Радзивиллъ Чериый, желавшій, чтобы литовское великое княжество, лучше сказать, западная Россія не сливалась съ Короною, заявилъ, что Литва и безъ Короны можетъ оборонить Ливонію. Коронные поляки, оскорбившись такимъ заявленіемъ, постановили — не вмѣшиваться въ ливонское дѣло: пусть де литовцы разбираются съ нимъ, какъ знаютъ.

Во время этихъ бурныхъ преній, въ Краковъ прибылъ Кетлеръ, и покровительствуемый Радзивилломъ Чернымъ, сталъ усиленно хлопотать, чтобы король не покидалъ ливонцевъ. Королю, послѣ отказа Короны вмѣшиваться въ ливонское дѣло, ничего не оставалось какъ уѣхать въ Литву, гдѣ положеніе его было совершенно другое, чѣмъ въ Коронѣ. Здѣсь литовскіе вельможи смотрѣли на ливонскій вопросъ съ другой уже точки зрѣнія, чѣмъ смотрѣли вельможи Короны, да и власть короля была больше, чѣмъ въ Коронѣ.

Изъ Кракова Кетлеръ хотѣлъ было ѣхать въ Вѣну (Генингъ, 20), но какъ король уѣхалъ въ Вильну и назначилъ собраться туда литовскому сейму на 24 іюня 1559 г., потому и Кетлеръ, отправивъ къ императору своего уполномоченнаго, самъ тоже поѣхалъ въ Вильну Здѣсь на сеймѣ и начались переговоры между ливонскимъ орденомъ и Литвою, какъ самостоятельною частію Рѣчи Посполитой. Кетлеръ ясно представлялъ, что собственный интересъ великаго княжества литовскаго требуетъ заступиться за Ливонію. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній съ литовскими чинами, король рѣшился защищать Ливонію силами одной Литвы, такъ какъ Корона отказалась вмѣшиваться въ ливонское дѣло. Въ такомъ смыслѣ и состоялся 3 сентября трактатъ между ливонскимъ орденомъ и великимъ княземъ литовскимъ. Магистръ со всѣми подчиненными ему землями отдается подъ защиту короля съ условіемъ, однако, non derogando Sacri Romani Imperii directo dominio. Король цолучаетъ въ закладъ земли отъ литовскихъ границъ по Двинѣ до Ашерадена, а также замки Бовскъ, Розитенъ, Динабургъ и Зельбургъ съ ихъ волостями. Ливонцы остаются при своихъ правахъ и преимуществахъ; въ спорныхъ дѣлахъ будутъ обращаться къ королю, какъ въ высшей инстанціи, и имѣютъ право выкупить все заложенное за 600,000 гульденовъ, считая въ гульденѣ 24 литовскихъ гроша. За это король беретъ на себя и на своихъ преемниковъ обязанность защищать Ливонію до замиренія съ Москвою. сохраняя и позвольскій трактатъ 1577 г. (Приб. Сб. II, 352 и 386).

Къ этому договору приступилъ 15 сентября 1559 г. архіепископъ рижскій со своимъ коадъюторомъ, капитуломъ и сословіями (ordines et status), уступивъ королю замки Маріенгаузенъ, Ленневардъ и дворы Бирзенъ и Любань съ правомъ выкупить ихъ за 100,000 гульденовъ.

Кетлеръ, по заключеніи этого договора, немедленно же выѣхалъ изъ Вильны въ Ливонію; здѣсь орденскіе чины принесли ему присягу, какъ своему магистру, ибо Фирстенбергъ удалился отъ дѣлъ еще въ маѣ этого года (Приб. Сб. II, 379). Въ ноябрѣ истекъ срокъ перемирію съ русскими (Приб. Сб. II, 382) и Кетлеръ, заложивши Ревелю Кегельскій дворъ и замокъ за 30 тыс. талеровъ и нанявъ жолнѣровъ, открылъ глубокою осенью 1559 года военныя дѣйствія цротивъ московскихъ воеводъ. Удачи тогда не было; жол-

нѣры, не получая въ срокъ жалованья, бунтовали и наконецъ разбрелись въ разныя стороны (Приб. Сб. II, 378). Кетлеръ удалился въ Оберпаленъ, а русскіе не замедлили и съ своей стороны начать наступленіе.

1560 г. былъ едва-ли не самый несчастный для ливонцевъ. Московскіе воеводы, князья Шуйскій, Серебряный и Мстиславскій, около Крещенья 1560 г. вступили въ архіепископскія владѣнія, взяли Маріенбургъ, Шмильтенъ и, предавъ совершенному опустошенію земли въ Курляндіи, обратились въ Эстонію, нанесли ордену сильное пораженіе подъ Эрмисомъ (Приб. Сб. II, 387 и слѣд.), и наконецъ въ августѣ овладѣли сильною орденскою крѣпостью Феллиномъ (Приб. Сб. II, 393).

Къ довершенію несчастія ливонцевъ, въ Гарріенѣ и Викѣ обнаружилось возстаніе крестьянъ.

Польская помощь не появлялась. Прошлогодній виленскій сеймъ назначилъ собрать по 10 грошей съ сохи на содержаніе войска. На эти деньги снарядили кое-какое войско, ввѣрили его начальству князя Александра Полубенскаго.

Полубенскій съ войскомъ, а Ходкѣвичь со шляхтою переправились чрезъ Двину, но вовсе не для помощи ордену, а лишь для занятія замковъ, переданныхъ королю по договору 1559 г.

Весь 1560 г. король провелъ въ Вильнѣ, занимаясь больше дипломатическими переговорами, чѣмъ приготовленіями къ войнѣ съ Москвою.

Извѣстно, что папы никогда не теряли надежды присоединить къ латинству московское государство и хотя предшествовавшія попытки къ такому присоединенію не приводили ни къ какимъ результатамъ, но въ мартѣ 1560 г. папа Пій IV рѣшился снова завязать сношенія съ Москвою и пригласить чрезъ посла своего Іоанна Франциска Канобіо царя Іоанна Грознаго къ участію въ будущемъ вселенскомъ соборѣ. Съ вѣдома императора, Канобіо долженъ былъ ѣхать въ Москву чрезъ Польшу и папа поручилъ заявить Сигизмунду-Августу, что будетъ стараться способствовать миру между Литвою и Москвою. Канобіо прибылъ въ Вильну, гдѣ партія литовско-протестантская, предводимая, какъ сказано выше, Радзивилломъ Чернымъ, имѣла особенную силу. Папскій нунцій Берардо совѣтовалъ послу въ 1-хъ не объявлять королю, что императоръ одобряетъ планъ папы привлеченія царя на соборъ, во 2-хъ обѣщать царю отъ имени папы всякую милость и помощь, но о Ливоніи выражаться очень осторожно, ибо папа могъ бы и уступить ее царю какъ край отступившій отъ вѣры католической, но объ этомъ не долженъ знать король. Затѣмъ Берардо совѣтовалъ послу войти въ дружескія отношенія съ Радзивилломъ Чернымъ. Но Канобіо именно этаго послѣдняго пункта не исполнилъ, вошелъ въ связи съ польско-католическою партіею и съ императорскимъ посломъ Саурманомъ, находившимся въ Вильнѣ, обойдя Радзивилла, и такъ этимъ раздражилъ послѣдняго, что онъ настроилъ короля не пропускать Канобіо въ Москву. Канобіо не пустили и тѣмъ разрушили планы папскаго двора на счетъ Москвы.

Съ вѣнскимъ дворомъ король Сигизмундъ — Августъ находился въ натянутыхъ отношеніяхъ по поводу споровъ о силезской границѣ и по поводу таможенныхъ сборовъ, которыми нѣмецкіе чиновники облагали товары, идущія изъ Польши. Король хлопоталъ, чтобы императоръ заключилъ трехъ-лѣтнее перемиріе съ королевскимъ племянникомъ Іоанномъ Сигизмундомъ Заполіемъ и уступилъ два графства, на что императоръ никакъ не соглашался. Натянутыя отношенія усилились еще ливонскими дѣлами. Императоръ поручилъ своему послу Саурману заявить Сигизмунду, что германскій сеймъ заботится уже обезопасить Ливонію отъ завоеванія, и что королю польскому необходимо сдерживать Москву впредь до прибытія нѣмецкой помощи. Король въ апрѣлѣ

1561 г. приказалъ отвѣтить, что для ливонцевъ дѣлается все возможное, но что императоръ крайне вредитъ дѣлу, дозволяя Любеку, Гамбургу и др. ганзейскимъ городамъ торговать съ Москвою въ Нарвѣ и привозить туда военные снаряды и оружіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Саурману было заявлено, что посылать въ Ливонію нѣмецкое войско крайне рискованно, ибо Ливонія разорена до тла и продовольствовать нѣмецкое войско тамошними средствами невозможно. Дѣло другое король: онъ можетъ снабдить свое войско запасами изъ Руси и Гданска. Потому лучше бы всего было, если бы императоръ войска не посылалъ, а деньги, предназначенные на войско, прислалъ-бы въ Вильну. Саурманъ на подобное предложеніе не согласился.

Чрезъ нѣкоторое время Радзивилъ Черный заявилъ Саурману, что никакіе переговоры съ Москвою не помогутъ, что для обороны Ливоніи надобны не переговоры, а другія дѣйствительнѣйшія средства.

Въ Германіи, однако, никто и не думалъ помогать ливонцамъ. Тамъ считали ливонское дѣло потерянным, и рѣчи о субсидіи были лишь пустыми фразами. Самъ Саурманъ донесъ императору 26 мая 1561 г., что въ Ливоніи совершенно необходимо измѣнить форму правленія, что необходимо озаботиться, дабы страна эта перешла во власть какого либо христіанскаго государя, который бы благопріятствовалъ Австріи, но ни въ какомъ случаѣ Іоанна Грознаго, ибо государь этотъ, добившись моря, сдѣлается опаснѣе самихъ турокъ.

Время между тѣмъ шло да шло, и если бы московскіе воеводы были искуснѣе въ военномъ дѣлѣ и дѣйствовали бы въ 1561 г. рѣшительнѣе, то съ Ливоніей было бы покончено еще въ этомъ году. Но въ томъ то и дѣло, что московское правительство не воспользовалось благопріятными обстоятельствами, и не дѣйствовало съ тою быстротою, какая была необходима. Къ тому же, военное искуство въ московскомъ войскѣ стояло на очень низкой степени: съ многочисленнымъ, но неустроеннымъ войскомъ еще нельзя было брать такихъ приморскихъ крѣпостей, какими были Рига и Ревель, а безъ взятіи ихъ цѣли войны ни мало не достигались.

Какъ бы то ни было, но король Сигизмундъ, взявшись защитить Ливонію, явился въ очень затруднительномъ положеніи: императоръ и имперскій сеймъ помогать не думали, папское посредничество не удалось вслѣдствіе непропуска въ Москву Канобіо, а въ литовской казнѣ рѣшительно не было денегъ на наемъ войска, о посполитомъ же рушеньи нельзя было и думать, ибо король былъ обязанъ платить каждому шляхтичу, выступившему въ заграничный походъ, пять марокъ и вознаграждать убытки. Доходы короля въ Литвѣ были не малые, но и расточительность короля — завтра была еще больше. — Не имѣя ни гроша денегъ, король попросилъ въ займы у гданчанъ 100,000 талеровъ. Гданчане долго колебались, но наконецъ дали съ условіемъ, что если эта сумма не будетъ имъ возвращено къ 1568 г., то ее заплатятъ абатства оливское, картуское, суковское и сарновицкое.

Герцогъ прусскій Альбрехтъ старался всячески спасти Ливонію: онъ далъ въ займы магистру, подъ залогъ Гробина, 50000 гульденовъ, торопилъ императора Фердинанда собрать обѣщанные имперскимъ сеймомъ 100000 гульденовъ (Приб. Сб. II, 386), заключилъ 4 апрѣля 1560 г. наступательно-оборонительный союзъ съ Кетлеромъ, обѣщалъ королю добыть денегъ и людей. Но на его обѣщанія нельзя было положиться, ибо крайне было сомнительно, чтобы прусскіе сословія согласились дѣйствовать за одно со своимъ герцогомъ.

Трудно было обойтись королю безъ Короны, но въ Коронѣ именно и не хотѣли ввязываться въ войну — считали ливонское дѣло касающимся единственно Литвы. Старинная рознь между великимъ княжествомъ и Короною всплывала наружу. Пошелъ слухъ, что въ Коронѣ не хотятъ даже

пропустить солдатъ, нанятыхъ здѣсь королемъ на его собственныя деньги, подъ тѣмъ предлогомъ, что между императоромъ и Заполіемъ возникла война, въ которую могутъ вмѣшаться турки, слѣд. необходимо имѣть солдатъ на всякій случай для обороны собственныхъ предѣловъ. Но это былъ, конечно, одинъ предлогъ, ибо польскіе магнаты въ это самое время, безъ всякаго вѣдома и воли короля, снаряжали и отправляли экспедиціи въ Молдавію, чѣмъ ужъ прямо вызывали на себя опасность со стороны Турціи.

Все это обстоятельство объясняетъ до нѣкоторой степени, почему король — завтра ничего не сдѣлалъ для Ливоніи ни въ 1559, ни въ 1560 г.

Но вотъ лѣтомъ 1561 г, пришла вѣсть въ Вильну, что Ревель сдался королю шведскому Эрику, что шведы уже заняли этотъ городъ. Крѣпко встревоженвый этою вѣстію король, оставивъ уже въ сторону мысль о привлеченіи Короны къ совмѣстному дѣйствію, поручилъ старостѣ жмудскому Ходкѣвичу и воеводѣ троцкому Николаю Радзивилу Рыжему собирать литовское войско. А тутъ, въ іюнѣ, прибылъ въ Вильну ливонскій посолъ съ просьбою о немедленной помощи. Посолъ спросилъ Саурмана можно ли разсчитывать на помощь императора и сейма. Саурманъ отвѣчалъ, что не можетъ сказать ничего опредѣленнаго и показалъ только послу императорское письмо къ приморскимъ городамъ. Радзивиллъ Черный также спрашивалъ о томъ же Саурмана, и получилъ въ отвѣтъ, что императоръ ничего не можетъ рѣшить безъ вѣдома и воли имперскихъ князей, а ливонское же дѣло можетъ быть предъявлено обсужденію лишь на будущемъ сеймѣ. Очевидно, что на императора и на имперскій сеймъ расчитывать было нельзя.

Между тѣмъ въ Вильну пришла новая вѣсть, что и датчане готовятся вступить въ Ливонію. Герцогъ прусскій съ своей стороны писалъ королю, что ревельцы отдались Швеціи, что Москва, Швеція, Англія и Любекъ предполагаютъ составить коалицію между собою, что любчане помирились со шведами, послали уже своихъ пословъ на коронацію Эрика, что на 12 корабляхъ прислали русскимъ оружіе въ Нарву, что заготовляютъ для царя московскаго лѣсъ на постройку военныхъ кораблей, присылаютъ ему знающихъ ремесленниковъ. Царь Іоаннъ, писалъ герцогъ въ заключеніе, рѣшительно хочетъ овладѣть Балтійскимъ побережьемъ, вслѣдствіе чего Рѣчи Посполитой грозитъ явная опасность.

Всѣ эти тревожныя извѣстія побудили Сигизмунда-Августа вытти изъ бездѣйствія: онъ послалъ въ Ливонію съ нѣсколькими тысячами всадниковъ Радзивилла Чернаго, въ качествѣ посла, чтобы побудить ливонцевъ соединить свои силы съ королевскими и привести замки и города въ оборонительное положеніе. Литовское войско между тѣмъ собралось и 2 августа Николай Радзивиллъ Рыжій донесъ королю, что онъ перешелъ чрезъ Двину и что московское войско отступило предъ литовцами.

Король Сигизмундъ предполагалъ лично отправиться въ Ливонію, чтобы усилить литовское войско своею надворною пѣхотою и потомъ уже отправиться въ Корону. Но магнаты польскіе вовсе не хотѣли, чтобы король уѣзжалъ къ арміи, а напротивъ безпрестанно звали короля прибыть въ коронныя земли. Не зная какъ быть и какъ поступить, король рѣшился остаться въ Вильнѣ и ждать тутъ, что ему напишетъ Радзивиллъ Черный.

Когда Радзивиллъ Черный прибылъ въ августѣ въ Ливонію — и сталъ лагеремъ подъ Ригою, то засталъ, что весь Вирландъ, феллинское и маріенбургское командорство и все епископство дерптское были уже въ рукахъ московскихъ воеводъ. Эрикъ занялъ уже Ревель; герцогъ Магнусъ занялъ епископство эзельское и курляндское и Викъ. Русскіе готовились къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ, шведы подкупами тайно мутили въ мѣстностяхъ, остававшихся еще вѣрными Кетлеру, а о Даніи шла молва, что она помо-

гаетъ Магнусу Магистръ и архіепископъ заявили Радзивиллу, что рѣшительно не въ состояніи ни выставить войска, ни снабдить замковъ гарнизонами. Жители незавоеванной еще части Ливоніи колебались: одни склонялись на сторону Даніи, другіе на сторону Швеціи, иные на сторону Москвы, а иные на сторону Польши, но всѣ единодушно обвиняли орденъ и сваливали на него вину всѣхъ несчастій, постигшихъ Ливонію. Орденскіе рыцари, ненавидимые всѣми, желали въ свою очередь перемѣны образа правленія, желали отмѣны целибата и выбора наслѣдственнаго государя для Ливоніи.

Радзивиллъ отлично понялъ положеніе дѣлъ и убѣдившись на мѣстѣ въ отчаянномъ положеніи Ливоніи и въ опасности, угрожающей литовскимъ владѣніямъ, если московское войско овладѣетъ Ригою и Перновымъ, рѣшился дѣйствовать вопреки уже волѣ и распоряженіямъ короля.

Стоя лагеремъ подъ Ригою, Радзивиллу не трудно было войти въ ближайшія сношенія съ знатнѣйшими ливонцами, съ архіепископомъ и магистромъ, не трудно было убѣдиться и въ томъ, что значительное число ливонцевъ не прочь были-бы въ качествѣ уже подданныхъ, а не союзниковъ, присоединиться къ королю. Поразговорившись съ архіепископомъ и магистромъ, Радзивиллъ назначилъ общій съѣздъ ливонскихъ сословій въ свой лагерь подъ Ригою. На съѣздъ этотъ прибыли: магистръ, архіепископъ, депутаты городовъ Риги, Вольмара и Вендена и депутаты всего рыцарства и дворянства (т. е. вассаловъ): Филиппъ Ольденбокумъ, Іоаннъ Врангель Вайдемарскій, Оттонъ Гротгаузъ, Валентинъ Ганке, Іоаннъ Фриденъ, Іоаннъ Плеттенбергъ, Александръ Нетельгорстъ, Николай Валь, Іоаннъ Зумелингъ, Іоаннъ Анрепъ, Кристофъ Роппе, и Діонисій Гильзенъ. Съѣздъ этотъ (ландтагъ) состоялся въ самомъ началѣ сентября 1561 г.

Прежде всего Радзивиллъ спросилъ собраніе, какимъ образомъ оно думаетъ спасти остатки Ливоніи, когда, вмѣсто одного непріятеля, явилось нѣсколько, король же Сигизмундъ обязался дѣйствовать не противъ всѣхъ, а лишь противъ Москвы. Король, вслѣдствіе принятаго на себя обязательства, уже выслалъ войско противъ русскихъ, но ливонцы ровно ничего не сдѣлали. А поелику ливонскія сословія сами заявили, что если въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ не послѣдуетъ окончательнаго рѣшенія по перемѣнѣ ихъ отношеній, то ихъ ожидаетъ совершенное уничтоженіе, потому онъ, воевода, готовъ отъ королевскаго лица выслушать желанія и постановленія собравшихся здѣсь представителей края.

Представители ливонскихъ сословій очень хорошо видѣли, что имъ нѣтъ выбора. Южная Ливонія была уже въ королевскихъ рукахъ, Гробинъ былъ уже заложенъ герцогу прусскому. Они очень хорошо понимали, что Рѣчь Посполитская Польская, какъ Корона такъ и Литва, есть обѣтованная земля для шляхетства; примѣръ Пруссіи былъ у нихъ передъ глазами; дальнѣйшее существованіе ордена не имѣло уже никакого значенія, да и отъ кого можно было ожидать получить наиболѣе льготъ и всякихъ преимуществъ, если не отъ короля — завтра.

Нѣсколько дней судили и рядили. Архіепископъ первый предложилъ поддаться Сигизмунду Августу, непрочь былъ поддаться и магистръ. Орденское рыцарство единогласно постановило избрать Кетлера своимъ господиномъ подъ верховнымъ главенствомъ короля польскаго. Архіепископъ, магистръ и др. сословія склонились признать короля своимъ государемъ. Рига колебалась, но въ концѣ концовъ согласилась на подданство королю, но подъ тремя условіями: 1) король исходатайствуетъ освобожденіе отъ присяги, принесенной имперіи римской; 2) король утвердитъ всѣ права и привиллегіи Риги; 3) если Литва отойдетъ отъ Короны, то Рига имѣетъ право пристать либо къ

ней, либо къ другой сторонѣ, и даже къ какому либо другому государству (Хитреусъ, Saxonia XX, 528).

Крѣпко не нравились Радзивиллу рижскія условія. Исполнить первый пунктъ было нелегко при натянутыхъ отношеніяхъ между королемъ и императоромъ и при извѣстномъ уже принципѣ имперскаго сейма никогда не отказываться отъ правъ на какіе бы то ни было земли, хотя бы ни защитить, ни удержать ихъ въ въ повиновеніи было и не возможно. Второй пунктъ былъ очевидно вреденъ литовской торговлѣ, ибо рижане подъ правами и привиллегіями разумѣли прежде всего и больше всего право склада (jus stapulae, droit d'etape, Stappel-Recht), въ силу котораго никто, кромѣ рижскихъ купцовъ и бюргеровъ, не могъ продавать товаровъ, доставленныхъ въ Ригу, прямо заграничнымъ купцамъ. Не хорошъ былъ и третій пунктъ, ибо дозволялъ Ригѣ держаться собственной своей политики и владѣніе этимъ городомъ было невѣрное. Радзивилъ долго не хотѣлъ согласиться на рижскія условія (онъ не желалъ уніи съ Короною), въ особенности не хотѣлъ согласиться на третій пунктъ, но видя упрямство рижанъ и не желая, чтобы изъ за нихъ разстроивались все дѣла, согласился.

Обо всемъ объ этомъ Радзивиллъ написалъ 8 сентября 1561 королю обширное письмо. Въ письмѣ этомъ онъ оправдывался прежде всего въ томъ, что поступилъ вопреки данныхъ ему инструкцій. Ему поручалось лишь спасти остатки Ливоніи и отвратить опасность отъ литовскихъ предѣловъ, дѣйствуя согласно трактата 1559 г.; поручалось соединить ливонское войско съ литовскимъ и побудить ливонцевъ привести ихъ замки въ оборонительное положеніе. Онъ бы и дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ, если бы на мѣстѣ не убѣдился въ совершенной невозможности сохранить хоть тѣнь независимости Ливоніи. Онъ, Радзивилъ, хорошо знаетъ, что король не гонится за чужимъ добромъ, не хочетъ ссориться съ императоромъ и имперскимъ сеймомъ, но оставить Ливонію въ томъ видѣ, какъ она теперь, значитъ отдать ее Москвѣ и тѣмъ подвергнуть Литву величайшей опасности. Въ силу этихъ соображеній онъ, Радзивиллъ, и рѣшился поступить вопреки королевской инструкціи и повелъ дѣло о подчиненіи ливонцевъ королю. Относительно Риги Радзивилъ писалъ, что согласился на рижскія условія въ томъ вниманіи, что завладѣй Москва Ригою, куда приходятъ товары изъ Жмуди рѣкою Аа, и изъ Литвы и Руси Двиною, и откуда идутъ товары, совершенно необходимыя королевскимъ подданнымъ, тогда литовскому торгу придетъ конецъ. Соглашаясь на условія, онъ, Радзивиллъ, помнилъ слова Яна Тарновскаго, говорившаго обыкновенно, что не далъ бы за Вильну и 10 грошей, если бы Рига досталась въ руки непріятеля (т. е. московскаго государства).

19 сентября прибылъ въ Вильну королевскій дворянинъ Генрихъ Дона, посланный Радзивилломъ донести, что ливонцы подчинились королю и чрезъ мѣсяцъ явятся въ Вильну для принесенія присяги.

Не очень-то обрадовался король этой вѣсти (см. письмо Саурмана 22 сентября 1561 г.), быть можетъ, и отъ того, что предчувствовалъ какая тяжкая война предстоитъ Литвѣ изъ за принятія ливонцевъ въ свое подданство. Какъ бы то ни было, но король рѣшился не уѣзжать изъ Вильны, ждать здѣсь прибытія ливонскихъ уполномоченныхъ, и потомъ уже созвать королевскую раду въ Ломжу, чтобы придти къ соглашенію съ польскими магнатами какъ на счетъ войны съ Москвою, такъ и насчетъ польскаго сейма, на обсужденіе котораго будетъ внесено ливонское дѣло. Король старался преклонить на свою сторону магнатовъ Короны, но польскіе магнаты, по прежнему, и знать не хотѣли Ливоніи, отговариваясь, что не желаютъ нарушить ни перемирія съ Москвою (срокъ перемирію истекалъ въ 1562 г.), ни условій, заключенныхъ съ императоромъ и имперскимъ сеймомъ. Корона

просто не хотѣла ввязываться въ войну. Дѣло дошло до того, что коронный подканцлеръ запретилъ приложить коронную печать къ вѣрительной грамотѣ королевскаго посла, котораго король посылалъ къ поморскимъ князьямъ съ цѣлію занять у нихъ 100,000 талеровъ.

Между тѣмъ подъ Ригою 12 сентября 1561 г., состоялось послѣднее общее собраніе сословій. Тутъ избрали пословъ къ королю (отъ дворянства: Реймпертъ Гильдесгеймъ, Юрій Франке, Генрихъ Платеръ, Іоаннъ Медемъ и Фабіанъ фонъ деръ Буркъ; отъ городовъ: Падель, Уленброкъ, Шонебахъ, Керкгофъ, Леманъ, Дортмундъ, эльтерманы Розендаль и Меке), и вручили имъ полномочіе на подданство Ливоніи Сигизмунду Августу. Послы прибыли въ Вильну 15 октября, съ ними пріѣхали магистръ съ дворянами и архіепископъ съ духовенствомъ.

19 октября происходилъ торжественный пріемъ пословъ и за тѣмъ начались переговоры (Приб. Сб. II, 402) о подданствѣ. Они продолжались болѣе мѣсяца. Крѣпко хотѣлось посламъ сдать Ливонію королю во всей ея цѣлости, но Радзивилъ рѣзко возражалъ, что договариваться можно лишь отъ земель еще свободныхъ, но никакъ не отъ земель, находящихся уже во власти Швеціи, Даніи и Россіи. Спорили долго, но наконецъ 28 ноября 1561 г. пришли къ окончательному соглашенію. Въ этотъ день король, въ присутствіи пановъ и шляхты литовской, подписалъ условія подчиненія и привилегію дворянству, два документа, послужившія основою всѣхъ правъ и преимуществъ Лифляндіи и Курляндіи. Документы эти въ полномъ переводѣ съ латинскаго гласятъ такъ:

I.

Условія подчиненія

между священнымъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ и Готгардомъ Кетлеромъ, магистромъ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, заключенныя въ Вильнѣ, 28-го ноября 1561 г

(Pacta subjectionis, inter Divum olim Regem, Sigismundum Augustum, et Gotthardum Kettlerum, Magistrum Teutonici ordinis in Livonia, Vilnae d. 28 Novembr A. 1561 inita).

Божіею милостью, мы Сигизмундъ Августъ, король польскій, великій князь литовскій и проч. Объявляемъ сею нашею грамотою всѣмъ и каждому, кому вѣдать надлежитъ.

Поелику земля ливонская, со стороны великаго княжества литовскаго, связанная и соединенная съ нами и сосѣдствомъ и многими, частью древними, частью новыми условіями и союзами, уже нѣсколько лѣтъ разоряема была и почти до основанія потрясена жестокимъ оружіемъ, пожарами и опустошеніями лютаго врага — московита, такъ что ей грозилъ послѣдній конецъ, и ничего ей не предстояло, какъ при первомъ же нападеніи онаго могущественнаго врага и тому, что еще осталось въ рижскомъ округѣ и въ земляхъ магистра тевтонскаго ордена быть уничтоженнымъ подобными ужасами и перейти въ жестокое рабство врага, подобно какъ уже перешла большая ея часть отъ потери многихъ городовъ, замковъ, укрѣпленій и пр.; поелику величайшимъ во всѣ стороны разореніемъ и опустошеніемъ отъ огня и меча, ежедневными набѣгами и великими приготовленіями непріятеля для овладѣнія остатками ея, сословія доведены до такой крайности и безвыходности, что никоимъ образомъ не могутъ собственными средствами и силами защитить свое положеніе и отвратить отъ

себя рабство и жестокость врага; поелику, затѣмъ, сіятельнѣйшій и именитый господинъ Готгардъ, магистръ рыцарскаго тевтонскаго ордена въ Ливоніи, дворянство, господа и всѣ сословія, видя всѣ свои домашніе планы разстроенными и себя оставленными чужою помощью, особенно же помощью священнаго цесарскаго величества и государствъ римской имперіи, и подвергаясь нападенію, съ моря и суши, даже отъ сосѣдняго короля Швеціи, частыми гонцами и письмами отъ имени самого и отъ имени городовъ и прочихъ зависящихъ отъ магистра сословій Ливоніи излагали намъ постигшее ихъ бѣдствіе и тяжкую опасность, и со многими слезами умоляли о нашей помощи и защитѣ, то мы, тронувшись состраданіемъ къ бѣдствующей области и любовью всего государства, а также чтобы положить конецъ насилію врага — варвара, поручили свѣтлѣйшему вельможѣ, господину Николаю Радзивиллу, князю на Олыкѣ и Нѣсвижѣ, воеводѣ виленскому и проч., вторично спѣшить въ Ливонію и сперва вступить въ Ригу и тамъ начать переговоры какъ съ магистромъ, такъ съ сословіями и господами о способѣ защиты упомянутой области. А такъ какъ на этихъ переговорахъ для всѣхъ стало ясно, что если защита не будетъ предпринята общими силами поляковъ и литовцевъ, то подавить вражескую силу невозможно, а привести помощь поляковъ, безъ присоединенія Ливоніи къ Польшѣ, а не только къ одному великому княжеству литовскому, никоимъ образомъ невозможно, то — какъ всегда бываетъ въ положеніи отчаянномъ и безвыходномъ, — дошли до того конца, что рѣшились на подданство; во имя чего какъ самъ упомянутый предводитель ордена, такъ и послы отъ сословій и городовъ предприняли путешествіе къ намъ.

Но такъ какъ, по прибытіи къ намъ въ Вильну вышесказаннаго предводителя ордена и пословъ отъ иныхъ сословій и городовъ, для заявленія, на точныхъ условіяхъ, подданства намъ, королевству польскому, великому княжеству литовскому, Руссіи, Пруссіи, Мазовіи и Самогитіи и прочимъ нашимъ владѣніямъ, мы не имѣли копіи съ (постановленія) польскаго сената, безъ котораго самое подданство со стороны королевства правильно и законно состояться не можетъ, то, по необходимости, разсужденіе объ этомъ дѣлѣ, со стороны королевства, понадобилось отложить до нашего отправленія въ Польшу А чтобы между тѣмъ, пока это предложено будетъ сенаторамъ и сословіямъ нашего королевства и ими одобрено будетъ, бѣдствующую Ливонію, въ сомнительности и неизвѣстности положенія и безпомощности не предоставить послѣднему опустошенію врага и затѣмъ, въ случаѣ согласіе отмѣнится, не дать ей подпасть тиранніи и рабству или инымъ какимъ тяжелымъ условіямъ, чтобы они были увѣрены въ несомнительной нашей помощи и защитѣ, а мы, съ своей стороны, въ ихъ твердой вѣрности и хотѣніи, то, наконецъ, послѣ разныхъ и долгихъ переговоровъ между намъ и вышесказаннымъ предводителемъ

ордена и послами отъ иныхъ сословій и городовъ, сошлись на томъ, что отнынѣ, пока мы доставимъ что либо вѣрное о согласіи вельможъ королевства (Короны), оная Ливонія подчинилась и пребываетъ у насъ (лично), какъ короля Польши, в. князя Литвы, Руси, Пруссіи, Мазовіи, Самогитіи, какъ у господина и наслѣдственнаго владѣтеля.

А пока мы откладываемъ этотъ вопросъ до будущаго въ скоромъ времени въ Мазовіи королевскаго сейма, до представленія сословіямъ королевства, уже на этомъ сеймѣ мы свято обѣщали и силою этой грамоты обѣщаемъ, чтобы заявленное подданство какъ вышесказаннаго предводителя, такъ и его подданныхъ, сенаторами и прочими сословіями нашего королевства въ Польшѣ въ общеніи было принято и одобрено на общеніе или соединеніе съ королевствомъ, княжествомъ литовскимъ и прочими владѣніями, по заключенному здѣсь съ нами договору; обѣщаемъ, чтобы въ это время Ливонію всѣми силами королевства, в. кн. литовскаго со всѣми соединенными нашими владѣніями защищать и отражать какъ противъ московитовъ, такъ противъ всѣхъ иныхъ, питающихъ враждебныя замыслы, а потерянные города и замки отнимать оружіемъ. Если же, противъ нашей надежды, чины нашего польскаго королевства не захотятъ согласиться на это подчиненіе Ливоніи и защищать ее соединенными силами на вышеназванныхъ условіяхъ, и Ливонія будетъ защищаться вышеназваннымъ образомъ одними вельможами Литвы, то съ того времени, какъ отнынѣ, она должна считаться соединенною и сплоченною съ симъ великимъ княжествомъ литовскимъ.

Но такъ какъ въ условіяхъ подчиненія, между прочимъ, содержится то выговоренное отъ насъ предводителемъ ордена и его подданными и городами условіе, чтобы это подчиненіе намъ, королю Польши, в. кн. Литвы и иныхъ нашихъ владѣній, на которое они посягнули подъ вліяніемъ крайнихъ случаевъ и опасностей, не послужило для нихъ урономъ и преступленіемъ передъ цесарскимъ величествомъ и иными сословіями германской имперіи, то мы съ доброй вѣрой обѣщаемъ и беремъ на себя пока будемъ вести дѣло съ сенаторами королевства о принятіи Ливоніи на вѣрность и подданство, приложимъ всякое стараніе и усердіе, черезъ пословъ или черезъ наши письма, чтобы довести и склонить мысли и волю цесарскаго величества и иныхъ сословій, и во первыхъ магистра тевтонскаго ордена въ Германіи, къ признанію необходимости сего дѣйствія. Если же это не можетъ быть достигнуто, то мы будемъ направлять всѣ силы на то, чтобы ни предводитель ордена, ни его подданные, отъ этого вынужденнаго подчиненія ни потерпѣли никакихъ уроновъ ни въ чести и добромъ имени, ни въ состояніи и имуществѣ, и отъ этого не подпали какой либо проскрипціи или инымъ преслѣдованіямъ; а если и подпадутъ, то мы предусмотримъ, чтобы это не послужило для кого либо публичнымъ или частнымъ преступленіемъ.

Кромѣ того, мы завѣряемъ, какъ и сею грамотою свято завѣряемъ, принимаемъ и обѣщаемъ, что мы, какъ самому предводителю такъ и городамъ и подданнымъ, какого бы они ни были сословія или положенія, оставили совершенно свободное пользованіе въ своихъ церквахъ религіей и почитаніемъ Господа и принятыми обрядами по аугсбургскому исповѣданію, и неприкосновенное управленіе всѣми церковными дѣлами, какъ это было у нихъ доселѣ, и никакихъ перемѣнъ дѣлать не будемъ и не попустимъ, чтобы дѣлаемы были другими.

Всѣ ихъ права, пожалованія, привилегіи, какъ свѣтскія, такъ духовныя — особенно дворянство, права инвеституры на союзное наслѣдованіе, свободу наслѣдства обоихъ половъ, старшинство, отличія, чины, владѣнія, вольности, домашнія сдѣлки, приговоры и безповинности мы утверждаемъ, какъ и полное право давать судъ по старымъ законамъ, порядкамъ и обычаямъ.

Но тѣмъ дворянамъ и мѣщанамъ, которые, силою настоящаго договора съ его свѣтлостью, отдаются непосредственно нашей власти, мы даемъ право обратиться къ нашему вицекоролю Ливоніи или къ сенату, сенаторамъ и нашимъ судьямъ, которые будутъ поставлены нами въ г. Ригѣ, и выбраны общимъ голосомъ рыцарскаго сословія, т. е. членами тевтонскаго ордена и ливонскаго дворянства, и притомъ выбраны не отъ кого другаго, какъ изъ туземцевъ, хорошо осѣвшихся жителей этой области, именно, изъ дворянъ, васалловъ и городскихъ старшинъ, членовъ ордена, всецѣло отдавшихся, съ измѣненіемъ правленія, этой области. Причемъ, нашимъ подданнымъ рыцарскаго и городскаго сословія, дается апелляція безразлично, по усмотрѣнію самаго апеллирующаго, обращаться ли къ намъ непосредственно, или посредствомъ вицекороля и вышесказаннаго нашего сената. Тѣ же, которые подчинены вѣдѣнію сказаннаго предводителя ордена и, по силѣ его власти, будутъ ему подчинены и у него останутся, тѣ будутъ обращаться только къ оному предводителю; но въ случаяхъ и предметахъ особенной важности рыцарскому сословію будетъ дозволено обращаться отъ своего предводителя къ областному сейму земель ливонскихъ, по старому обычаю.

Кромѣ того, мы обѣщали и сею грамотою обѣщаемъ, что подданныхъ оной области оставимъ при ихъ германскихъ начальникахъ (магистратахъ) и пр.; почему должностныя мѣста, предсѣдательства, судейскія мѣста, бурмистерства и т. п. будемъ предоставлять не кому иному, какъ людямъ германской націи и языка, и притомъ туземнымъ жителямъ, по примѣру земель Пруссіи. И что согласуется или будетъ согласоваться съ общественной или частной пользой всѣхъ и каждаго на основаніи права и вольностей, сею грамотою и документами мы подтвердимъ и не какое либо уменьшеніе во всемъ этомъ будемъ дѣлать, а скорѣе, отъ нашей королевской милости, приращеніе

и увеличеніе, какъ отнынѣ самимъ дѣломъ, силою настоящей грамоты, закрѣпляемъ, одобряемъ, умножаемъ, ратификуемъ, свидѣтельствуемъ и подтверждаемъ, и отнынѣ и впредь должны будемъ подкрѣплять и утверждать для всякихъ людей въ частныхъ случаяхъ и публичныхъ, когда къ тому милостиво побуждены будемъ. Такимъ же образомъ, мы поставимъ нашихъ начальниковъ и въ остальныхъ городахъ Ливоніи, подчинившихся нашей власти. Однакоже, на время военныхъ смутъ, близкими къ непріятелю и подлежащими опасности замками мы будемъ управлять черезъ начальниковъ всякой націи и языка безразлично, коихъ мужество, вѣрность и преданность намъ извѣстна будетъ, но такъ, что они не будутъ ни во что вмѣшиваться, ничего не будутъ предпринимать, или приказывать и указывать, что не будетъ относиться къ защитѣ городовъ или замковъ, а если они усмотрятъ что либо направленное ко вреду нашему или государства, о томъ будутъ намъ доносить и приложатъ мужество, чтобы отсюда не проистекло ущерба для насъ и для государства. Но суды, дѣлопроизводство и право меча какъ надъ мѣщанами, такъ надъ дворянами будутъ въ распоряженіи городскихъ магистратовъ и начальниковъ замковъ, безъ всякаго отношенія къ военному положенію, и, по возстановленіи желаннаго мира, начальствованіе во всей области мы предоставимъ не кому иному какъ туземцамъ языка и племени германскаго.

Далѣе, сіятельному господину, магистру Ливоніи, какъ измѣнившему правленіе по совѣту рыцарскаго сословія и по нашему одобренію, мы, ради того, чтобы онъ, опираясь на союзъ и дружбу владыкъ, имѣлъ болѣе твердости и силы противъ враговъ этой области, пожалуемъ титулъ *герцога*, по примѣру свѣтлѣйшаго господина герцога прусскаго, со всѣмъ достоинствомъ, отличіями и герцогскими привилегіями, чтобы онъ былъ нашимъ васалломъ и феодальнымъ владѣтелемъ, какъ мы отнынѣ его свѣтлость приняли за нашего васалла, будемъ принимать за таковаго и принимаемъ.

А чтобы, съ своей стороны, его свѣтлость зналъ достовѣрно, прежде чѣмъ мы увѣдаемъ волю сенаторовъ нашего королевства и прежде чѣмъ послѣдніе согласятся въ этомъ съ сенатомъ нашего великаго княжества литовскаго, — какою частью Ливоніи отъ насъ и нашихъ преемниковъ его свѣтлость долженъ феодально владѣть и пользоваться съ нисходящими потомками мужескаго пола, то мы, — независимо того, что самое жалованіе вотчинами и формальное признаніе титула, отличій и почестей теперь состояться не можетъ и должно быть отложено до нашего возвращенія изъ Польши, — сіи нижеслѣдующіе замки, округи и староства совсѣми правами въ вотчинное владѣніе уступили и уступаемъ и владѣніе надъ ними его свѣтлости признали, предоставили и предоставляемъ во первыхъ, протяженіе Курляндіи и Семигаліи, начиная отъ самаго моря и слѣ-

дуя вверхъ по рѣкѣ Илгѣ до старой границы, означенной и указанной Радзивилломъ, между Самогитіей, Литвой и Россіей съ одной стороны и Ливоніей съ другой, до рѣки Двины, до полоцкаго округа, и затѣмъ возвращаясь по Двинѣ до самаго моря, и притомъ такъ, что все, что есть въ этихъ границахъ по сю сторону Двины, къ Литвѣ, и принадлежало ливонскому ордену, отнынѣ и навсегда будетъ оставаться у его свѣтлости и его наслѣдниковъ мужескаго пола, именно, господскіе дворы, помѣстья и дворяне подъ крѣпостью Динабургомъ, по сю сторону р. Двины, къ Литвѣ, замокъ Зельбургъ съ цѣлымъ округомъ, и господскіе дворы, дворяне и все что принадлежало замку Ашераду; замокъ Баускъ, Нейгутъ со всѣмъ принадлежавшимъ до замка Кирхольма; замки Миттавъ, Туккумъ, Нейбургкъ, Добленъ, Кандовъ, Альсвангенъ, Шрунденъ, Фровенбургъ, Цабель, какъ и тѣ замки которые намъ заложены въ суммѣ 80,000 Гольдингенъ, Газенпотъ, Дурбенъ, Виндавъ. А замокъ Гробинъ, заложенный за 50,000 сіятельнѣйшему Альберту, маркграфу бранденбургскому, герцогу прусскому, мы выкупимъ у самого свѣтлости господина герцога прусскаго; долгъ этотъ снимаемъ съ его свѣтлости и употребимъ стараніе, чтобы при первомъ случаѣ замокъ Гробинъ освободить отъ залога и отдать во владѣніе его свѣтлости. Такимъ же образомъ и замокъ Бауско мы выкупимъ изъ владѣніи и пользованія преподобнѣйшаго и сіятельнѣйшаго владѣтеля, господина рижскаго архіепископа, и приложимъ стараніе, чтобы владѣніе этимъ замкомъ передано было его свѣтлости до праздника Пасхи. Но съ другой стороны Двины мы уступаемъ его свѣтлости одинъ замокъ Динаминдъ (Дюнемунда) пожизненно.

Для себя же и для пресвѣтлыхъ нашихъ преемниковъ, мы, силою настоящаго соглашенія съ его свѣтлостью, принявъ за основаніе оказанную защиту и помощь, которая еще и теперь требуется, многіе труды и опасности, предпринятые намп при совершенно отчаянномъ положеніи Ливоніи, оставляемъ для себя все пространство и всю остальную область по ту сторону Двины во первыхъ и прежде всего, замокъ и городъ Ригу, со всѣми, что въ ней съ давнихъ поръ было, съ правами, властью и собственностью, съ чистой и смѣшанной властью, полученной отъ римскихъ императоровъ, каковую намъ его свѣтлость уступилъ и предназначилъ, какъ и сею грамотою уступаетъ и отказываетъ, и отъ покорности, какую предъ его свѣтлостью соблюдалъ городъ Рига, освободилъ, и долженъ будетъ освободить и объявить объ этомъ освобожденіи отъ покорности предъ нашимъ, который будетъ посланъ, легатомъ публично открытою грамотою, или инымъ какимъ образомъ, хотя бы оный городъ ему воспротивился; и всѣ документы, полученные по этому дѣлу отъ римскихъ императоровъ не замедлитъ передать намъ, а самый городъ, и все прочее, что слѣдуетъ, передаетъ, какъ и передалъ силою этой грамоты, на-

шей власти и единому и соединенному нашему владычеству, потому что благополучіе и сохраненіе этого города составляетъ благополучіе и сохраненіе всей области, а отъ потери его грозитъ крайняя гибель области и постоянная, вѣрная и неизбѣжная опасность состоитъ нашимъ владѣніямъ. Однакоже въ городѣ Ригѣ и въ замкѣ, для веденія городскихъ дѣлъ и иныхъ должностей, мы не допустимъ кого либо изъ людей посторонних или иноплеменныхъ или пришлыхъ, но только туземцевъ германскаго и ливонскаго языка и племени.

При этомъ мы поставимъ одного начальникомъ замка, вѣдающаго военное и гарнизонное дѣло, другаго, бурмистра, для вѣдѣнія городскихъ дѣлъ, который будетъ избранъ изъ сословія старшинъ этого города и нами утвержденъ, по примѣру города Гданска; оба они будутъ обязаны предъ нами особою присягою намъ, королю польскому, великому князю литовскому

Слѣдующія города и замки, староства, округи и волости къ намъ поступили, состоявшіе доселѣ во власти ордена замки Кирхольмъ, Ашерадъ, Динабургъ, расположенные по берегу Двины; Розитенъ, Лутценъ, Трикатенъ, Ермисъ, Гелметъ, Каркусъ, Вейсестенъ со всей Іервіей, замокъ и городъ новая Парновія, Сара, Ругія, Буртнекъ, замокъ и городъ Вольмаръ, Венденъ, Вольфордъ, Арріесъ, Зегевальтъ, Шуенъ, Юргебургъ, Нитовъ, Лемборгъ, Роддерпеусъ, Неймоле. Затѣмъ владѣнія, которыя поступили во власть врага, но будутъ отняты нашимъ оружіемъ. герцогство Эстонія, дерптское епископство, на сколько оно имѣетъ отношенія къ его свѣтлости, со всѣми дворянами, васаллами, дворами, имѣніями и всѣмъ принадлежащимъ къ нимъ хозяйствомъ. Обо всѣхъ этихъ извѣстныхъ лицахъ, оставшихся отъ тевтонскаго ордена, а также о совѣтникахъ и другихъ заслуженныхъ, передъ ливонскимъ государствомъ, мужахъ, мы, по своему мнѣнію и усмотрѣнію, соблюдши выборъ и геометрическую пропорцію, позаботимся и сдѣлаемъ для нихъ уступки; но всѣ крѣпости оставляемъ во власти нашей и нашихъ преемниковъ.

Относительно особы сіятельнѣйшаго господина магистра, который всегда выказывалъ особенную къ намъ вѣрность и преданность и передъ прочими относился съ особеннымъ стараніемъ къ нашему правленію, мы желаемъ оказать ему съ нашей стороны такую же милость и признательность, и посему пожалуемъ его званіемъ нашего „намѣстника“ со всѣми прерогативами въ замкѣ и городѣ Ригѣ, какъ сею грамотою пожаловали, чтобы онъ пребывалъ въ Ригѣ и вмѣстѣ съ другими нашими сановниками, чинилъ судъ и правду, для чего мы, въ свое время, положимъ и назначимъ ему опредѣленную плату

Сверхъ того, между нами и его свѣтлостію состоялось соглашеніе, чтобы Магнусъ, свѣтлѣйшій герцогъ голштинскій, согласился на обмѣнъ Курляндскаго епископства на Зонненбургскій замокъ и

дворы Леаль и Габзель, для чего мы приложимъ стараніе, чтобы его свѣтлость вмѣстѣ со всей Курляндіей владѣлъ также и епископствомъ курляндскимъ.

Дабы его свѣтлость не имѣлъ съ сосѣдями споровъ и затрудненій относительно неразмѣченныхъ границъ, мы королевскою нашею властью приложимъ стараніе, чтобы въ самоскорѣйшемъ времени обозначены были концы по смыслу договоровъ позвольскаго и послѣдняго виленскаго, и чтобы повсюду на сосѣднихъ мѣстахъ установлена была точная граница, и пока нейтральныя части не должны никому наносить убытковъ и не возбуждать споровъ и затрудненій.

Такъ какъ протяженіе Двины, вверхъ и внизъ, составляетъ границу между нами и его свѣтлостью, то справедливость требуетъ, чтобы его свѣтлость пользовался половиной рѣки для рыбной ловли и другихъ удобствъ, а если есть какіе острова или протоки, то они должны принадлежать той сторонѣ, къ которой ближе.

Такъ какъ этой шестилѣтней войной истощены силы его свѣтлости, какъ и курляндскаго дворянства, особенно же тѣхъ округовъ, которые у насъ останутся, то мы соглашаемся, по освобожденіи его свѣтлости и дворянства отъ тяжестей войны, чтобы они выказывали и выполняли только то, что могутъ удобно и по своимъ средствамъ. Но въ другое время порядокъ будетъ такой, какъ у его свѣтлости господина герцога прусскаго.

Дабы его свѣтлость не былъ стѣсненъ жителями Гданска и Риги по поводу лежащихъ на немъ долговыхъ обязательствъ, то мы нашимъ королевскимъ посредничествомъ постараемся, чтобы его свѣтлость былъ освобожденъ отъ долговъ на нашу милость или же уплатилъ ихъ не прежде, какъ это будетъ для него удобно. Точно также и горожанамъ Вендена, Вольмара, Пернова, по чистой нашей королевской милости и щедрости, мы окажемъ нѣкоторую помощь въ уплатѣ ихъ долговъ присылкой имъ хлѣба и другихъ потребностей.

Мы уступаемъ также сіятельному господину магистру право чеканить монету, по вѣсу и стоимости литовской монеты, чтобъ и употребленіе ея было смѣшанное и безразличное какъ въ Литвѣ, такъ въ Ливоніи, но желаемъ, чтобы на одной сторонѣ было вытиснено наше изображеніе или знаки королевства и великаго княжества литовскаго, на другой изображеніе его свѣтлости.

Если его свѣтлости понадобится что продать, заложить или обмѣнять, то для этого мы уступаемъ его свѣтлости право и свободу, такъ однакоже, чтобы сперва намъ и нашимъ преемникамъ свѣтлѣйшимъ было донесено объ этомъ и намъ предоставлено предпочтеніе, буде пожелаемъ сами вступить въ таковое соглашеніе; буде же нѣтъ, его сіятельству вольно вступать въ соглашеніе съ кѣмъ хочетъ.

Когда герцогство Эстонія вмѣстѣ съ городомъ Ревелемъ, по сдѣлкѣ ли какой справедливой и нашего имени достойной или воен-

нымъ способомъ, будетъ опять возвращено, то мы приложимъ стараніе, чтобы его свѣтлости была уступлена справедливая часть или имѣніями или деньгами, съ назначеніемъ военныхъ расходовъ, буде таковые потребуются для такой цѣли противъ пресвѣтлаго короля Швеціи, прежде всего отъ насъ.

Военныя орудія, которыя остаются у насъ съ переходомъ замковъ и городовъ, по окончаніи войны и соразмѣрно съ количествомъ и качествомъ, будутъ нами возвращены.

Но евреямъ, во всей Ливоніи, никакой торговли, откуповъ или арендъ никогда не позволимъ.

Мы приложимъ еще стараніе, чтобы на время нашего отсутствія изъ нашего великаго княжества литовскаго, пока мы въ Польшѣ будемъ вести дѣло о подчиненіи Ливоніи въ отношеніи королевства, Ливонія, какъ для защиты крѣпостей и городовъ, которые потребуютъ того и для которыхъ это будетъ нужно, такъ и для отраженія неожиданныхъ нападеній непріятеля на всякій случай снабжена была и ограждена необходимыми военными силами.

Все это вмѣстѣ и порознь мы клятвою обѣщали сказанному предводителю ордена и посламъ отъ иныхъ сословій и городовъ соблюсти свято и нерушимо. Съ своей стороны предводитель, за себя и за своихъ подданныхъ, и послы отъ прочихъ сословій, всего дворянства и городовъ, публичною присягою обязали себя на вѣрность нерушимо, какъ и сею грамотою обязываютъ, что отъ сего времени и впредь въ этой вѣрности, желаніи и послушаніи, разъ намъ изъявленныхъ, постоянно будутъ оставаться и крѣпко держаться, какъ подобаетъ вѣрному вассалу и подданнымъ, подчинившимся нашему правленію и власти. Мы же, равнымъ образомъ, приняли на себя и сею грамотою, вмѣсто нашей королевской присяги, принимаемъ онаго предводителя благоволеніемъ и покровительствомъ, а его и нашихъ подданныхъ нашею королевскою ласкою и милостью сопровождать, украшать и умножать. Во свидѣтельство сей грамоты, на вѣрность, къ ней привѣшивается наша печать. Дано въ Вильнѣ, 28 дня мѣс. ноября, въ годъ господень 1561-й, царствованія же нашего въ 32-й.

II.

ПРИВИЛЕГІИ,

данныя дворянству священнымъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ, при подчиненіи всей Ливоніи.

(Privilegia Nobilitati a Divo olim Rege, Sigismundo Augusto, circa subjectionem universae Livoniae, indulta.)

Божіею милостью, мы, Сигизмундъ Августъ, король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, самогитскій, ливонскій и пр., господинъ и наслѣдственный владѣтель. Увѣдомляемъ сею грамотою всѣхъ, кому вѣдать надлежитъ и впредь надлежать будетъ.

Поелику ливонская область поражена и опустошена тяжкой и продолжительной войной съ Москвою и многими бѣдствіями, и большая часть ея перешла во власть враговъ; поелику потери многихъ городовъ, замковъ и укрѣпленій, величайшимъ во всѣ стороны разореніемъ и опустошеніемъ отъ огня и меча, постоянными набѣгами и обширными приготовленіями непріятеля, для овладѣнія остатками Ливоніи, сословія ея доведены до такой крайности и безвыходности, что удержать свое положеніе и защитить себя отъ рабства и отъ жестокости врага собственными силами и средствами никоимъ образомъ не могутъ, то сіятельнѣйшій и преосвященнѣйшій господинъ *Вильгельмъ, рижскій архіепископъ*, маркграфъ бранденбургскій, князь Штеттиніи, Помераніи, Кашубовъ и Вендовъ, воевода Руэна, бургграфъ Норинберга, а также сіятельнѣйшій господинъ *Готгардъ Кетлеръ, магистръ рыцарскаго тевтонскаго ордена въ Ливоніи*, всѣ чины и сословія Ливоніи и послы отъ городовъ, находя всѣ свои домашнія средства исчерпанными, и себя чужой помощью оставленными, и полагая великую надежду на насъ и на наше подданство, по зрѣломъ разсужденіи и по всеобщему и публичному согласію, передали себя и свою область въ нашу вѣрность и владычество, и на послѣдующія времена къ нашему подданству и господству, по образу земель Пруссіи, присоединили и сплотили.

По сему мы, тронувшись опасностью, бѣдствіями, опустошеніемъ и рабствомъ соединенной съ нами союзами и сосѣдствомъ области и считая нашею обязанностью, какъ христіанскаго правителя, не допустить народъ и область христіанскаго имени до избіенія, опустошенія и порабощенія варварскимъ и жестокимъ врагомъ, принимаемъ ихъ на нашу вѣрность и подданство, каковой вѣрностью и обязатель-

ствомъ мы къ соблюденію въ правахъ, свободѣ, благополучіи и всякихъ выгодахъ всего намъ подданнаго и подвластнаго обязываемъ себя и считаемъ для себя повиннымъ.

Но явившееся къ намъ среди прочихъ сословій оной области Ливоніи, для заявленія и признанія нашего подданства, все сословіе рыцарей, именно, самое дворянство — туземные жители по сю и по ту сторону Двины, чрезъ своихъ вѣрныхъ пословъ и уполномоченныхъ, дворянъ же доктора правъ Ремперта Гилзема, Григорія Франке, Фабіана изъ Борхъ, Генрика и Іоанна отъ Медгемъ, прибывшихъ съ достаточнымъ и утвержденнымъ печатями многихъ дворянъ изъ всей области Ливоніи наказомъ своего полномочія, униженно и покорно ходатайствовали предъ нами, отъ имени своего и всего ливонскаго дворянства, объ утвержденіи ихъ правъ, вольностей, привилегіей и льготъ, и при этомъ представили на письмѣ точныя главы или артикулы, и достодолжно и настоятельно умоляли насъ всѣ ихъ пункты, статьи и уговоры одобрить, подтвердить и утвердить; каковыхъ главъ или артикуловъ изложеніе, отъ слова до слова, за симъ слѣдуетъ и есть такое

I. Первое и прежде всего, ваше священное и свѣтлѣйшее величество, нашего милостивѣйшаго господина, нашей свободы защитника и свободителя, на коего полагаемъ всю надежду и вѣрность нашей свободы, съ достодолжной покорностью, именемъ нашимъ и всего ливонскаго дворянства, просимъ, дабы *религія* оставалась для насъ священною и неприкосновенною, и съ нею евангельскія и апостольскія писанія чистѣйшей церкви, никейскаго собора; и въ аугсбургскомъ исповѣданіи, пока мы его соблюдаемъ, да никогда никакими предписаніями или исправленіями или измѣненіями, церковными или свѣтскими, да не отягощаемся и не слушаемся. Если же что случится сверхъ ожиданія, то мы да остаемся при нашей религіи и нашихъ обычныхъ обрядахъ, по уставамъ священнаго писанія, предписывающаго болѣе повиноваться Богу, чѣмъ человѣкамъ, отъ котораго никоимъ образомъ отринуть себя да не допустимъ. Если же станутъ произрастать ереси, коихъ творецъ оный злой духъ, то для обсужденія и уничтоженія таковыхъ да приглашаются евангелическіе и апостолическіе ученые мужи чистѣйшей церкви аугсбургскаго исповѣданія.

II. За симъ, дабы существующія *церкви* поддерживались, упавшія возстановлялись, а не обезпеченные блюстителями чистаго евангелія, учителями или проповѣдниками и ихъ почтеннымъ ходатайствомъ дабы обезпечивались отъ щедротъ священнаго королевскаго величества; а если гдѣ цензъ или фундуши отняты или въ запрещеніи окажутся, то чтобы возвращены были или же вознаграждены равнозначущею цѣною.

Ш. *Бѣдные* да не будутъ оставлены въ презрѣніи, потому

что попеченіе о нихъ мы признаемъ такое же, какъ и о религіи. Такъ какъ намъ хорошо извѣстно, до какой крайности дошли люди бѣдные, которые сдѣлались такими изъ богатыхъ именно отъ ужасовъ этой войны, то мы всепокорно просимъ, чтобы разрушенныя *богадѣльни* и завѣщанныя имъ имущества были возстановлены, а гдѣ прежде таковыхъ вовсе не было, устроить и одарить королевскими милостями и щедротами, какъ отъ нашего князя, такъ и отъ священнаго королевскаго величества. Тогда Христосъ, который признаетъ это для него сдѣланнымъ, подастъ вашему королевскому величеству большее счастье и большую славу въ управленіи царствами и областями.

Такъ какъ, къ нашему прискорбію, пораженныя этой войной многія *вдовы*, послѣ убитыхъ мужей и отцовъ, и *дѣвушки*, лишенныя родителей, доведены до такой нужды, что едва имѣютъ чѣмъ жить, то мы усердно просимъ заботы о нихъ, прежде всего, возложить на пріюты безбрачныхъ дѣвицъ, чтобы наиболѣе пострадавшія и бѣднѣйшія вдовы и дѣвицы, лишенныя мужей и родителей, были приняты въ эти пріюты и снабжены необходимой пищей и платьемъ, до тѣхъ поръ, пока избѣрутъ безбрачную жизнь или пожелаютъ святаго брака. И въ этомъ нужно видѣть не частное благо безбрачныхъ дѣвицъ или начальниковъ таковыхъ, но благо общее.

Точно также да будутъ поступлено и съ *монашескими общежитіями*, если таковые будутъ переданы изъ рукъ враговъ вашему королевскому величеству, ради бѣдныхъ и дряхлыхъ стариковъ и сиротъ, лишенныхъ родителей и отцовскаго имущества, гдѣ они могутъ кормиться, воспитываться и обучаться гуманнымъ наукамъ съ величайшей пользой для государства. Тогда въ сказанныхъ общежитіяхъ возстановлена будетъ древняя форма тѣхъ коллегій, изъ которыхъ могутъ быть получены, когда наступитъ необходимость, славныя орудія церкви и государства.

IV. Такъ какъ ничто болѣе не колеблетъ и не потрясаетъ государства, какъ перемѣна законовъ, нравовъ и обычаевъ, то ваше священное королевское величество, провидящимъ и по истинѣ божескимъ совѣтомъ, признали за благо — хорошо сложенное государство не только сохранить, но и павшее возстановить, обѣщавъ чрезъ сіятельнаго и вельможнаго воеводу и господина, князя на Олыкѣ и Нѣсвижѣ, палатина виленскаго, нашего милостивѣйшаго господина, Николая Радзивилла, вельможамъ, дворянству, городамъ и сословіямъ Ливоніи, предложенной грамотой полномочія и наказа вашего свѣтлѣйшаго королевскаго величества, не только *германское управленіе*, но и особенныя германскія права намъ уступить, оставить и утвердить, что весьма важно какъ для сохраненія существующаго, такъ и для исправленія и возстановленія упавшаго порядка. А дабы опредѣленное общее областное право, котораго будутъ держаться всѣ област-

ные жители, составлено было силою вашего священнаго королевскаго величества изъ обычаевъ, привилегій и общественнаго мнѣнія, то мы еще и еще просимъ, чтобы для этого дѣла, по усмотрѣнію вашего величества, назначены были извѣстные и въ юриспруденціи искусные мужи, чтобы они формулировали и составили таковое *областное право* и, по согласію всѣхъ сословій ливонскаго государства, представили вашему священному королевскому величеству для прочтенія, утвержденія и обнародованія.

V. Дабы отличія, должности и староства давались только *туземцамъ* и притомъ хорошо осѣдлымъ, по примѣру земель прусскихъ, какъ это намъ обѣщано именемъ королевскаго величества, и дабы намъ письменно сообщалось, кто, когда и куда назначается.

VI. Хотя мы не можемъ отрицать права аппелляціи въ королевскій трибуналъ и видѣть высшую силу въ верховномъ судѣ свящ. королевскаго величества, и это не въ нашемъ обычаѣ, однако полагаемъ, что ради пользы и удобства мѣстныхъ жителей ваше священное королевское величество, съ общаго желанія и одобренія вашего королевскаго величества, можетъ найти и установить иной путь, болѣе близкій къ цѣли, чтобы, по причинѣ неудобства путей и крайней отдаленности мѣстъ или по причинѣ бѣдности неимущихъ, поступившія въ суды тяжбы не велись розно, и чтобы это не подавало повода нечестнымъ богатымъ и другимъ недобросовѣстнымъ людямъ къ притѣсненіямъ. Потому мы признаемъ за благо, чтобы въ городѣ Ригѣ, какъ метрополіи цѣлой области, ваше священное королевское величество назначили опредѣленныхъ *судей*, или своихъ сенаторовъ, выбранныхъ нашимъ рыцарскимъ сословіемъ изъ туземцевъ и утвержденныхъ вашимъ величествомъ, чтобы они, разъ или два раза въ годъ, въ установленное время, собирались въ Ригу и разбирали жалобы, по указу вашего величества; и уже послѣ приговора сената вашего величества, въ случаяхъ и въ предметахъ величайшей важности, подавались бы аппелляціи въ трибуналъ вашего величества, на имя вашего величества, какъ нашего верховнаго и наслѣдственнаго господина, и притомъ подавались бы также изъ рижской архіепископіи, какъ и изъ владѣній вашего величества и сіятельнѣйшаго господина магистра, т. е. изо всей области. Но чтобы пресѣчь напрасныя и пустыя жалобы, долженъ быть установленъ противъ напрасно жалующихся принудительный *штрафъ*, такъ чтобы заводящіе тяжбу безъ справедливаго, законнаго и достаточнаго основанія, какъ совершившіе уже проступокъ, штрафовались десятой частью тяжбы, откуда одна половина поступитъ въ фискъ вашего величества, другая — въ пользу обжалованнаго.

VII. Такъ какъ истинно королевская слава и величіе состоитъ въ томъ, чтобы никого не допустить до малѣйшей обиды, каждому отдать то, что его, а что у кого есть умножить богатствомъ своихъ

щедротъ, то именемъ вашего священнаго королевскаго величества всѣмъ и каждому, отъ имени которыхъ мы посланы были, великодушно обѣщано было, что *грамоты на жалованныя имѣнія и ленныя владѣнія*, утвержденные печатями акты, аренцы, обычныя владѣнія, привилегіи, вольности и все что присвоено и поступило во владѣніе отъ пользованія продолжительнымъ временемъ, все это будетъ удержано нерушимо и подтверждено, а если что, у всѣхъ и каждаго, отъ пользованія можетъ быть увеличено, то и это отъ королевскихъ щедротъ будетъ вновь даруемо. И какъ за таковой королевской лаской, милостью и благоволеніемъ мы слѣдуемъ съ покорнымъ сердцемъ душъ нашихъ, то съ такимъ же усердіемъ мы готовы будемъ заслужить это всѣмъ нашимъ благосостояніемъ, жизнью и здоровьемъ.

По сему мы, съ подобающей униженной покорностью, просимъ, чтобы все вышесказанное не только осталось за нами, но такъ какъ въ Ливоніи издавна очень многіе пользуются правомъ заключить домашніе договоры по имуществу между своими родственниками и другими фамиліями, то чтобы эта привилегія, отъ высокой ласки, милостью уступлена была вашимъ священнымъ королевскимъ величествомъ, какъ блистательная ваша королевская щедрость, и всѣмъ прочимъ, т. е. всему дворянству, равно какъ и тѣмъ, кто останется подъ господствомъ господина магистра и прочихъ владѣтелей, какъ и тѣмъ кто будетъ непосредственно въ подданствѣ вашего священнаго королевскаго величества чтобы во всѣхъ ихъ феодальныхъ имѣніяхъ, которыми они владѣютъ и которыми такимъ или инымъ образомъ — по личной милости, или по контракту — владѣть будутъ, оставалось *право составлять и заключать домашніе договоры по имуществу* не только между родственниками и свойственниками, но и между другими, посторонними фамиліями и обществами, т. е., чтобы мы имѣли свободную и всемѣрную власть располагать нашимъ имуществомъ, давать, дарить, продавать, отчуждать и обращать на признанную пользу, не испрашивая согласія вашего величества или другаго кого высшаго.

VIII. Если случайно, во время этихъ военныхъ бѣдствій, отъ грабежа, огня или отъ другаго случая, у кого либо *грамоты* или документы на привилегіи, вольности и прочія льготы и обязательственныя записи потерялись или уничтожились или пропали, то чтобы таковые священнымъ королевскимъ величествомъ не только *замѣнены были новыми*, коль скоро безспорная наслѣдственность и постоянное владѣніе будутъ стоять ясно, но да не лишатся и самихъ плодовъ отъ потерянныхъ въ этой военной смутѣ обязательствъ тѣ, кто силою двухъ или трехъ свидѣтелей можетъ подтвердить, что таковыя записи у нихъ были, а съ противной стороны, иными письменными документами, ничего не будетъ извѣстно объ уплатѣ, учетѣ или удовлетвореніи.

IX. Ливонскихъ дворянъ и вельможъ ваше св. к. в—во да удостоиваетъ дѣлать участниками всѣхъ почестей, сановъ, правъ, вольностей и прерогативъ, какими доселѣ пользуются и наслаждаются бароны и знать королевства польскаго, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, по формѣ и по образу, по которымъ получаютъ таковые прусаки, подвластные в. св. к. в—ву

X. Какъ подданные княжества Эстоніи, Гарріи, Вироніи и рижскаго округа въ наслѣдованіи имѣній, по особенному нѣкогда благоволенію датскихъ королей, до сего дня удержали (свое право), то да уступлено будетъ намъ, какъ королевская ласка, эта, какъ говорится, „вольность милости“, чтобы мы такимъ же образомъ, отъ высшей и августѣйшей щедрости в. св. к. в—ва могли удержать плоды такой же привилегіи и на вѣчное прославленіе имени Августа оставить нашимъ потомкамъ, т. е., чтобы имѣли *право наслѣдовать не только въ нисходящей линіи, но и въ побочной*, обоего пола, и при томъ такъ, что мужескому полу дается преимущество, и женскій полъ получаетъ соразмѣрно состоянію; если же нѣтъ мужескаго пола, то женскій во всемъ наслѣдуетъ, однако съ оставленіемъ въ силѣ права фиска кор. в—ства на безнаслѣдственныя имѣнія (jus caducum).

XI. Такъ какъ мы согласились на подданство в. св. к. в—ству и его королевству, и в. кн. Лит. и владѣнію, по неизбѣжной необходимости въ этой нашей крайности, когда мы, вмѣстѣ съ нашимъ вождемъ, доведены до конца неистовствомъ врага-варвара, и оставленные римской имперіей, не можемъ защищать себя, жизнь свою, родителей, женъ и дѣтей, и, Богъ свидѣтель, намъ пришлось бы попасть во власть жесточайшаго врага, прежде чѣмъ насъ защитила бы имперія, то само св. к. в—ство предусмотрительно устроитъ, чтобы, не смотря на это подданство нашего господина и насъ подданныхъ, мы могли *удержать у непобѣдимаго римскаго императора*, курфирстовъ, князей и сословій римской имперіи *нашу честь и наше состояніе:* чтобы мы не имѣли оскорбленій отъ общественнаго мнѣнія имперіи или инаго безславнаго замѣчанія и не встрѣтили потерь, а остались бы безъ урона.

XII. Дабы мы и впредь в. св. к. в—мъ на дѣлѣ *защищаемы были соединенными силами* кор. Польши и всѣхъ владѣній не только противъ московита, но и всякихъ враговъ; дабы мы въ своихъ владѣніяхъ немедленно же нападали на врага со всей тяжестью войны, дабы такимъ образомъ на земли союзныхъ не наносились большія и тягчайшія потери ни враждебнымъ, ни союзнымъ оружіемъ. Лучше волноваться отъ крови враговъ, чѣмъ питаться разореніемъ и гибелью собственною и союзниковъ.

XIII. Дабы никто въ своихъ предѣлахъ и установленныхъ границахъ своихъ владѣній, какія явствуютъ изъ точныхъ документовъ, не былъ потревоженъ, но въ управленіи защищался бы св. к.

в—мъ. А если гдѣ, отъ давности времени, *границы* повреждены или потеряны, то чтобы таковые черезъ делегатовъ, или посредниковъ, какъ потребуетъ справедливость, обновлены были и возстановлены; гдѣ же имѣются полевые участки, дворянскіе и крестьянскіе, разбросанные одинъ отъ другаго, по германскому названію, *Strevvlande* и *Hakenlande*, то таковые пусть отданы будутъ каждому, по обычной мѣрѣ, цѣлыми, безъ всякаго уменьшенія или ухудшенія, т. е. чтобы всякій полевой участокъ, или мыза, какъ мы просто называемъ *гакенъ*, по древне указанной формѣ заключалъ 66 шнуровъ (веревокъ), или, какъ говорится, *бастъ*, изъ которыхъ каждая должна заключать 66 саженъ. А что изъ пустыхъ рощъ достигнуто многимъ и продолжительнымъ потомъ перваго владѣльца, то пребудетъ по установленіямъ общаго права, если прежній владѣтель признаетъ его за покинутое и иной вполнѣ овладѣетъ, и тотъ законно предпишетъ, чтобы этотъ держалъ въ своемъ владѣніи и заботился.

XIV. Дабы ливонскимъ дворянамъ было свободно и невредимо *проходить и проѣзжать* чрезъ кор. польское, в. кн. литовское и иныя владѣнія кор. в—ва, по кор. путямъ и вездѣ гдѣ потребно будетъ, безъ всякаго замедленія въ таможняхъ и наложеніи иныхъ даяній или поборовъ, за исключеніемъ купцовъ, и притомъ какъ сушей, такъ моремъ и всѣми рѣками, со всякой безповинностью. И если кому изъ нихъ случится въ сказанномъ королевствѣ, великомъ княжествѣ литовскомъ и иныхъ владѣніяхъ что либо оставить, то чтобы оставалось цѣлымъ и нетронутымъ, чтобы вызвать или вытребовать безъ всякихъ затрудненій или отягощеній пошлинами и иными какими даяніями.

XV. Дабы, по окончаніи этой войны въ Ливоніи, старые пути, казенные и общественные, были приведены въ прежній порядокъ, а прочіе, чуждые общему пользованію, закрыты, по причинѣ многихъ неудобствъ, какія могутъ явиться съ одной или другой стороны, у смежныхъ господъ и ихъ подданныхъ.

XVI. Дабы плѣненные непріятелемъ за защиту общаго отечества воспользовались черезъ ваше священное королевское величество милостью выкупа и правомъ возстановленія своихъ правъ (jus postliminii), дабы они бѣдствіемъ рабства признанные мертвыми оказались живыми надеждою возвращенія свободы.

XVII. Хотя большая часть дворянства, черезъ непріятеля, частью лишилась своихъ феодальныхъ имѣній, частью разорилась отъ продолжительной войны, такъ что на поддержаніе женъ и дѣтей у многихъ ничего не осталось, у иныхъ очень мало, однако усердное послушаніе вашему священному королевскому величеству и вниманіе къ собственному благополучію, вольностямъ, сану, жизни и здоровью, что все для нихъ спасено частью милостью вашего священнаго королевскаго величества, частью, какъ они надѣются, будетъ спасено и

поддержано милостью Господа Бога, побуждаютъ ихъ не только блюсти это со всей честью, но и охотно засвидѣтельствовать самой жизнью и здоровьемъ. И такъ какъ у очень многихъ изъ насъ ничего не осталось, кромѣ жизни, то мы готовы во всякое время сложить ее передъ вашимъ священнымъ королевскимъ величествомъ; остальные же, хотя сами истерзаны пятилѣтними расходами на войну, однако жертвуемъ собою и вмѣстѣ съ первыми приносимъ себя на все, что будетъ возможно, и надѣемся, что если мы на военную службу, ради исчерпанныхъ силъ, не сможемъ явиться съ такой конницей, какъ прежде выступали, то ваше священное королевское величество вмѣнитъ сіе не въ какое либо нерадѣніе или дерзновеніе, но въ невозможность. Посему мы желаемъ, чтобы каждый служилъ *военную службу* вашему священному королевскому величеству по оставшемуся *наличному состоянію*, а не потому, какимъ владѣлъ прежде, когда все цѣло стояло; а если кто сможетъ и захочетъ вывести конниковъ или ратниковъ, въ честь и пользу вашего священнаго королевскаго величества, сверхъ числа должныхъ и обычныхъ, то да полагается таковымъ уплата также точно, какъ обычно производится счетъ и уплата прочимъ жителямъ королевства вашего священнаго королевскаго величества и вашего княжества литовскаго, и это да соблюдается какъ въ нынѣшнія, такъ и въ будущія военныя времена, навсегда.

XVIII. Такъ какъ достойное великаго государя слово заявить, что „государство лежитъ на законахъ“, то посему *никакой начальникъ, никакой магистратъ*, высшій или нисшій, и ни другой кто, безъ разслѣдованія вины, *не долженъ дворянъ, васалловъ* или другихъ *безпричинно изгонять изъ имѣній*, отстранять, обирать; а если кто признаетъ свои права на другаго, то долженъ достигать ихъ передъ установленнымъ судилищемъ сенаторовъ вашего священнаго королевскаго величества или предъ областнымъ конвентомъ. потому что не справедливо, чтобы кто могъ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ. А какъ право начинается отъ дѣйствія, то о дѣйствіи или винѣ каждаго должно быть рѣшено не иначе какъ чрезъ судью, при посредствѣ права, закона и установленій. Посему, при объявленіи жалобы, безъ уликъ и осужденія законнымъ судопроизводствомъ, никто не долженъ лишаться своего имѣнія или имущества, какъ прежде лишались нѣкоторые вѣрные и дѣйствительные граждане, повиновавшіеся своимъ начальникамъ и властямъ. И въ такомъ дѣлѣ да позволено будетъ притѣсненному, передъ нотаріусомъ, посредникомъ вины, *жаловаться непосредственно передъ трибуналомъ* вашего священнаго королевскаго величества, съ соблюденіемъ пользы, для изложенія дѣла вашему священному королевскому величеству

XIX. Дабы никто, какого бы ни былъ отличія или званія, не смѣлъ наносить насиліе, *дѣлать набѣги*, нападать на публичныхъ дорогахъ на чужихъ людей, на замки, дома и владѣнія. А кто бу-

детъ уличенъ въ этомъ, законами пусть карается смертной казнью. Подобнымъ образомъ кто почтенныхъ замужнихъ женщинъ, вдовъ и дѣвицъ похитилъ бы или насиловалъ или подвергалъ мученіямъ, вмѣсто того чтобы оказывать имъ всякій почетъ и уваженіе, тоже долженъ быть наказанъ смертью.

XX. Поелику и купцы, особенно пріѣзжіе и иностранцы, въ обиду дворянства и городовъ имѣютъ обыкновеніе тайно и явно покупать въ деревняхъ и въ усадьбахъ *кожи, зерно, хмѣль* и иные роды товаровъ и производить обманныя дѣла, то впредь да боятся они власти вашего священнаго королевскаго величества и да будетъ это воспрещено. А чтобы веденіе дѣла съ кожами звѣрей большихъ и малыхъ имѣлось у господъ и знати, объ этомъ позаботится ваше священное королевское величество.

XXI. Подобно тому какъ издревле для всѣхъ ливонскихъ вельможъ, дворянъ, рыцарей и васалловъ логовища и пути дикихъ *звѣрей*, какъ и *охота* на нихъ, были во всѣ стороны совершенно свободны, то также они имѣли *пользованіе лѣсами*, рощами, пастбищами, лугами и загонами, потому что изъ большихъ и малыхъ лѣсныхъ звѣрей получали и добывали шкуры, по обыкновенному названію, *дичь*, Wildvverck, а изъ рощъ и лѣсовъ всякаго рода дерево, что мы называемъ *лѣсомъ*, Waldverck, во всѣхъ его видахъ въ добываніи угля или дегтя, или въ выдѣлкѣ разныхъ деревянныхъ издѣлій. Таковое пользованіе да будетъ обмѣнное и передвижное, какъ оно есть доселѣ, въ силу чего въ имѣніяхъ одинъ у другаго имѣетъ и свободно держитъ ульи пчелъ и дающія медъ деревья. И какъ все это даже до сего дня всѣми дворянами держится и соблюдается подтверждающими документами и давнишнимъ, предписаннымъ обычаемъ, то также точно всѣ ливонскіе дворяне и вельможи имѣютъ право *варить пиво* и продавать въ своихъ корчмахъ, безъ всякаго препятствія или отягченія даяніями и акцизами. А дабы и впредь не имѣть стѣсненій въ этихъ вольностяхъ отъ хитрыхъ подходовъ, не скажемъ, поборовъ чиновниковъ, то ливонскіе дворяне и вельможи просятъ, чтобы это спеціальною королевскою привилегіею выяснить, чтобы не показалось, что опущенное нѣкогда принесло вредъ, но чтобы видно было, что эти прижимки не приносятъ пользы теперь и не принесутъ на будущее время и навсегда. Общественные сборы и иныя пошлины, положенные на время, съ общаго согласія сословій и всего дворянства, для нужды вашего священнаго королевскаго величества и государства, навсегда отмѣняются.

XXII. Дабы крестьяне, которые съ позволенія помѣщика были во власти другаго, не захватывались никѣмъ, и не задерживались, но доставлялись по требованію того, кому принадлежатъ, развѣ кто докажетъ точными письменными документами и живыми свидѣтелями, что они уступлены и переведены ему законными господами, тогда они останутся у того, кому уступлены и переведены; иначе должны

быть возвращены по принятому порядку и древнему обычаю Ливоніи.

XXIII. Какъ доселѣ крестьяне у дворянъ обязаны были работами только для своихъ господъ, то мы просимъ принять заботы, дабы въ виду нашей свободы, они не принуждались къ другимъ работамъ, и чтобы соблюдался старый порядокъ.

XXIV. Дабы границы областей прилежно охранялись, чтобы хищники и грабители своими нападеніями не грабили безнаказанно.

XXV. Дабы споры и тяжбы, рѣшенныя или оконченныя мировыми, впредь не возобновлялись и не безпокоили ваше священное королевское величество и именитыхъ сенаторовъ, то всѣ мировыя и окончательныя рѣшенія, постановленныя и объявленныя ливонскими правителями, должны быть утверждаемы вашимъ священнымъ королевскимъ величествомъ.

XXVI. Такъ какъ въ Ливоніи часто случалось, что нѣкоторые дворяне тайно были убиваемы своими крестьянами, то, чтобы устрашить впредь отъ такихъ злодѣйствъ, ливонскіе дворяне просятъ, какъ объ особенной милости—власти священнаго королевскаго величества, чтобы ихъ дворамъ уступлено было и прибавлено право суда уголовнаго и гражданскаго, какъ это получили нѣкогда отъ датскихъ королей дворяне эстонскаго княжества и удерживаютъ его до сего дня.

XXVII. Наконецъ, такъ какъ неравенство монеты для Ливоніи причинило разные и притомъ неразрѣшимые убытки и неудобства, то мы просимъ и объ этомъ постановить что либо опредѣленное, т. е., чтобы впредь чеканилась монета, вѣсомъ и цѣнностью равная польской и литовской, чтобы тамъ и здѣсь — въ Ливоніи ходила монета польская и литовская, а ливонская опять въ Польшѣ и великомъ княжествѣ литовскомъ.

Посему мы, Сигизмундъ Августъ, король Польши, великій князь Литвы, вышеназванный, нашею королевскою властью, какъ прямой господинъ, коему принадлежитъ и соединенная власть надъ всей областью, по силѣ изъявленнаго намъ сего подданства, означенные XXVII артикуловъ и низкое прошеніе всего рыцарскаго дворянскаго лифляндскаго сословія признаемъ къ одобренію, подтвержденію и утвержденію во всѣхъ заключеніяхъ, пунктахъ и условіяхъ этихъ просьбъ и артикуловъ и, одобряемъ, подтверждаемъ и утверждаемъ сею нашею грамотою, постановляя, что отнынѣ и впредь сія грамота должна удерживать силу должной и постоянной твердости, однакоже симъ нашимъ утвержденіемъ ничего не отмѣняя для полезнаго владѣнія свѣтлѣйшаго господина магистра въ земляхъ его свѣтлости. Во свидѣтельство сей грамоты, на вѣрность предпосланнаго, привѣшена наша печать. Дано въ Вильнѣ, въ 6 д. послѣ праздника св. Екатерины, въ годъ господень 1561-й, царствованія же нашего 32-й.

III.

Когда вышеприведенные документы были уже составлены и переписаны, архіепископъ рижскій Вильгельмъ отказался подписать ихъ и на вопросъ короля о причинѣ такого отказа, подалъ нижеслѣдующій письменный отвѣтъ:

ДЕКЛАРАЦІЯ

рижскаго архіепископа Вильгельма.

Свѣтлѣйшій король и милостивѣйшій братъ!

Считая своимъ долгомъ всегда и вездѣ выше всего ставить желанія и волю вашего свѣтлѣйшаго величества и съ полной охотой слѣдовать по нимъ, какъ единственному указателю моихъ дѣйствій, я имѣлъ бы большую непріятность и былъ бы далеко не правъ, если бы въ чемъ либо поступилъ вопреки мнѣнія и намѣреніямъ вашего свѣтлѣйшаго королевскаго величества. Однако, ваше свѣтлѣйшее королевское величество милостивѣйше усмотритъ причину и препятствіе къ тому, чтобы я могъ въ чистотѣ всецѣло предаться и подчиниться спасительнѣйшимъ увѣщаніямъ и намѣреніямъ вашего величества, давъ полное согласіе на подчиненіе вашему свѣтлѣйшему королевскому величеству, и на соединеніе съ великимъ княжествомъ литовскимъ тогда, когда сословія польскаго королевства отказались принять Ливонію на свою вѣрность и защиту, и всемилостиво простить мнѣ неимѣніе на этотъ случай полной власти и права надъ прочими оставленными мною въ отечествѣ чинами и сословіями моего архіепископства, безъ спроса и согласія которыхъ я, собственной властью, ничего не могу предпринять или рѣшить въ столь важномъ дѣлѣ.

Почему покорнѣйше и всенижайше прошу милости вашего величества, да удостоитъ это дѣло своею королевскою ласкою, такой справедливой и благой отсрочки, пока я, съ Божіею милостью возвратившись къ своимъ, устрою вопросъ о признаніи подданства соединенными силами и съ общаго согласія прочихъ моихъ старшинъ рыцарскаго ордена, городовъ и подвластныхъ; а чтобы это состоялось немедленно же и чтобы объ этомъ извѣстно стало черезъ меня вашему свѣтлѣйшему величеству, я не упущу никакихъ трудовъ и стараній.

Если же, сверхъ надежды и ожиданія, ваше свѣтлѣйшее королевское величество не признаетъ нужнымъ обратить вниманіе на это мое прошеніе, то, на сколько это касается меня, я охотно поддаюсь намѣреніямъ и увѣщаніямъ вашего свѣтлѣйшаго величества и себя лично повергаю вашему свѣтлѣйшему королевскому величеству,

какъ королю и господину моему милостивѣйшему и брату, на коего, по Богѣ, возлагаю все упованіе моего спасенія и достоинства и якорь моей жизни и благополучія, и коего охранѣ и покровительству всего себя отдаю и покоряюсь, и не сомнѣваюсь, что ваше свѣтлѣйшее королевское величество защититъ меня своими силами и оружіемъ отъ притѣсненія и насилія моихъ враговъ, и мою всепреданную волю никогда не признаетъ чуждою вашему свѣтлѣйшему величеству

А дабы достигнуто было и получено такое же согласіе и прочихъ сословій и моихъ подданныхъ, оставляю на усмотрѣніе вашего свѣтлѣйшаго королевскаго величества, угодно ли будетъ ему поручить это дѣло извѣстнымъ своимъ ораторамъ, которые будутъ къ намъ посланы, или же довѣрить его мнѣ, каковые труды и старанія признаетъ какъ за особенные.

Что касается меня, то я всего себя и все мое здоровье нижайше ввѣряю и отдаю вѣрности и послушанію вашего свѣтлѣйшаго величества, и прошу, чтобы меня, своего вѣрнаго послушника, никогда не оставить своею королевскою ласкою, милостью и покровительствомъ. Я же за безсмертныя благодѣянія безсмертную и вѣчную признательность, все стараніе и всепокорнѣйшую волю вашему свѣтлѣйшему королевскому величеству подношу и обѣщаю.

IV

Вручивъ эту декларацію, архіепископъ присягнулъ королю, но единственно отъ самаго себя лично.

ПРИСЯГА

рижскаго архіепископа Вильгельма.

Я, Вильгельмъ, Божіею милостію архіепископъ рижскій, маркграфъ бранденбургскій и проч., клянусь, что отъ сего часа впредь вѣрно и съ чистою совѣстью буду соблюдать свѣтлѣйшему господину государю, и господину Сигизмунду Августу, королю Польши, великому князю Литвы, Руси, Пруссіи, Мазовіи, Самогитіи и Ливоніи, господину и наслѣдственному владѣтелю, господину и брату моему милостивѣйшему, все что только мною здѣсь въ Вильнѣ съ свѣтлѣйшимъ королевскимъ величествомъ сдѣлано, устроено и соглашено, по формулѣ поданной при семъ его королевскому величеству Такъ мнѣ Богъ да поможетъ и его святое евангеліе.

V

ПРИСЯГА

магистра Ливоніи.

Я (такой-то) клянусь, что отъ сего часа и впредь буду вѣренъ и покоренъ свѣтлѣйшему государю (полный титулъ) и проч., господину и наслѣдственному владѣтелю, пользу его буду блюсти вѣрно, въ дѣлахъ королевскихъ и герцогскихъ совѣтовать вѣрно и тайны, какія только мнѣ будутъ ввѣрены и сообщены, во вредъ сихъ дѣлъ никому не открою. Такъ мнѣ Богъ да поможетъ и проч.

VI.

ПРИСЯГА

сословій Ливоніи Сигизмунду Августу, данная въ Вильнѣ черезъ уполномоченныхъ.

Мы, уполномоченные, адвокаты, дворяне, вассалы, горожане, городскіе старшины и головы, именемъ нашимъ и прочихъ нашихъ отправителей, обѣщаемъ и клянемся, что отнынѣ и впредь будемъ вѣрны и покорны свѣтлѣйшему государю и господину, господину Сигизмунду Августу, Божіею милостью королю Польши и проч. (полный титулъ), господину и наслѣдственному владѣтелю и его наслѣдникамъ королямъ и королевству Польши и великимъ князьямъ и великому княжеству литовскому и, при его священномъ королевскомъ величествѣ, при королевствѣ и княжествахъ, какъ и при его преемникахъ, будемъ состоять противъ всякихъ враговъ, съ которыми никакихъ трактатовъ, никакихъ союзовъ, договоровъ или соглашеній, безъ согласія и одобренія его королевскаго величества, дѣлать не будемъ, но выкажемъ себя, во всякомъ мѣстѣ и времени, во всемъ вѣрными, послушными и покорными, и повѣренныя намъ намѣренія и иного рода наказы, во вредъ священнаго королевскаго величества не откроемъ, но вѣрно исполнимъ, и всякія ухищренія, какія запримѣтимъ въ разсужденіи королевскаго величества и княжескаго достоинства, будемъ стеречь, предупреждать и по нашей возможности со всей вѣрностью препятствовать.

Такъ намъ да поможетъ Богъ и исповѣданіе истины святаго евангелія, а также крестъ, наказаніе и смерть Господа нашего Іисуса Христа.

VII.

ПРИСЯГА

польскаго короля, данная при подчиненіи Ливо́ніи.

Я, Сигизмундъ Августъ, Божіей милостью король Польши, великій князь Литвы, Руси, Пруссіи, Мазовіи, Самогитіи и Ливоніи, господинъ и наслѣдственный владѣтель, клянусь, присягаю и обѣщаю, предъ симъ святымъ евангеліемъ, что всѣ права, вольности, привилегіи, безповинности области Ливоніи, церковныя и свѣтскія, данныя церквамъ и ихъ духовному чину, архіепископу, епископамъ, предводителямъ, магистрамъ, капитуламъ, уполномоченнымъ, адвокатамъ, дворянамъ, вассаламъ, горожанамъ, жителямъ и всякимъ особамъ всякаго чина и званія, данныя оной области и городамъ черезъ римскихъ императоровъ и иныхъ какихъ царей, князей, предводителей, магистровъ тевтонскаго ордена и иныхъ законныхъ правителей, буду держать, соблюдать, оберегать и прилежать во всѣхъ пунктахъ и уговорахъ. Все непозволительно отчужденное отъ этой области или оторванное черезъ нынѣшніе военные смуты московитовъ, по силѣ моей и соединенныхъ моихъ областей, въ собственность этой области, оружіемъ или договорами, буду возвращать и собирать. Границъ этой области не уменьшу, но, по силѣ моей, даже уменьшенное и поступившее во власть враговъ буду возвращать, защищать и расширять. Такъ мнѣ да поможетъ Богъ и сіе святое евангеліе.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Матеріалы и статьи по исторіи Прибалтійскаго края въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Рескрипты и указы Императора Петра I къ лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ.

(Окончаніе. См. томъ 1, стр. 300 и т. II, стр. 501).

1717-й годъ.

95.

Господинъ губернаторъ. Когда къ вамъ присланной изъ Берлина отъ графа Александра Головкина съ кабинетомъ ентарнымъ пріѣдетъ, и онаго отправьте немедленно до Петербурга, давъ ему столько лошадей со саньми, сколько онъ будетъ требовать, и велите тотъ кабинетъ везть бережно по его волѣ, дабы его не изломали, и для того придайте ему отъ себя одного офицера съ нѣсколькими солдатами, такожъ дайте тому посланному въ дорогу до Петербурга на пищу денегъ. Петръ. Изъ Амстердама, января въ 7 день 1717 г.

Въ 1717 г, царь до 23 февраля пробылъ въ Амстердамѣ; 27 февраля былъ въ Саандамѣ, 8 марта въ Гагѣ, 17 марта въ Лейденѣ; съ 19 по 24 марта пробылъ въ Ротердамѣ, 1 апрѣля былъ въ Антверпенѣ, 10 апрѣля въ Дюнкирхенѣ, а съ 26 апрѣля по 9 іюня прожилъ въ Парижѣ, съ16 іюня по 13 іюля пробылъ въ Спа, а съ 22 іюля по 22 августа снова въ Амстердамѣ; 8 сентября былъ въ Берлинѣ, 18 сентября въ Данцигѣ, гдѣ пробылъ до 21 сентября; 27 сентября былъ въ Митавѣ, 28 сентября въ Ригѣ, 1 октября въ Перновѣ, 3 въ Ревелѣ, 7 въ Нарвѣ и воротился въ Петербургъ 10 октября 1717 г., пробывъ за границей годъ и восемь мѣсяцевъ.

96.

Господинъ губернаторъ. Писалъ сюда оберъ-инспекторъ Илья Исаевъ, что присланъ вамъ изъ Приказу Большой Казны указъ, чтобъ смольчуга, поташа, мачтовыхъ деревъ, смолы никому продавать

и за море отпускать не велѣно, и понеже отъ того не токмо купечеству не безъ поврежденія будетъ, но и пошлинный сборъ можетъ умалиться; и того ради вы тотъ указъ оставьте и тѣми товары, которые изъ Польши и иныхъ мѣстъ въ привозѣ будутъ, велите торговать свободно и отпускать за море по прежнему обыкновенію, чтобъ противъ прежняго никакого препятствія въ купечествѣ не было, но содержано бы было оное во всемъ противъ того, какъ при шведскомъ владѣніи было. Петръ. Изъ Гаги, въ 16 день марта 1717 г.

97

Господинъ губернаторъ. Понеже мы скоро отсель поѣдемъ къ своимъ краямъ и для того, по полученіи сего указа, какъ Курляндіею, такъ и Лифляндіею изготовьте для насъ подводы, и отъ Риги велите поставить на двое: одни подводы на Дерптъ, другіе на Ревель, и которые на Ревель тѣхъ велите ставить на каждомъ стану числомъ по 70 подводъ, а большее число поставьте по дерптской дорогѣ, а именно, чтобъ тамъ было на каждомъ стану подводъ по 200, и о томъ съ княземъ Александромъ Даниловичемъ Меншиковымъ снеситесь. Петръ. Изъ Амстердама, въ 16 день августа 1717 г.

P S. И о томъ отпиши отъ себя въ Курляндію къ Петру Бестужеву, чтобъ онъ сборъ подводъ распорядилъ въ Курляндіи добрымъ порядкомъ и чтобъ они были распоряжены тамъ, чтобы ихъ тогда, когда получите о поставкѣ ихъ другой указъ, могъ ихъ поставить въ три дни; числомъ надобно на каждомъ стану по 270 подводъ.

98.

Господинъ губернаторъ. По прошенію герцога Гессенъ-Кассельскаго позволили мы чрезъ наши земли ѣхать министру Голштейнскому барону Герицу и дали ему для способнаго проѣзда нашъ паспортъ, и когда оный прибудетъ въ Ригу, то его примите учтиво и отправьте съ приносителемъ сего сержантомъ отъ гвардіи Мещерскимъ до Ревеля къ господину адмиралу, давъ ему подводы, которой имѣетъ указъ объ отправленіи его куда надлежитъ. А въ отбытіи адмирала велѣно отправить его оберъ-коменданту, и содержите о проѣздѣ его Герицовѣ секретно, дабы никто о томъ не могъ вѣдать, что онъ проѣхалъ, и ежели люди его послѣ прибудутъ въ Ригу, то потомужъ оныхъ по содержанію даннаго ему паспорта пропустите, и отправьте до Ревеля. Петръ. Изъ Амстердама, въ 20 день Августа 1717 г.

Баронъ Герцъ (Görz) хлопоталъ о заключеніи мира между Россіею и Швеціею. Паспортъ Герцу былъ выданъ 30 іюля, но только 19 октября онъ пріѣхалъ въ Ригу, отсюда онъ уѣхалъ въ Ревель и потомъ пробрался въ Швецію. Мирные переговоры между Герцемъ и Гиллембергомъ со шведской и Брюсомъ и Остерманомъ съ русской стороны начались на Аландѣ 12 мая 1718 и и тянулись безъ всякаго, какъ извѣстно, успѣха до 6 сентября 1719 г.

99.

Господинъ губернаторъ. Понеже мы отсель по двухъ или трехъ дняхъ поѣдемъ къ своимъ краямъ, того для по первому указу велите для той нашей ѣзды изготовить подводы Курляндіею, такожъ и Лифляндіею, отъ Риги на двѣ дороги, а именно на Ревельской по 70, по Дерптской по 200 подводъ на каждомъ стану Петръ. Изъ Берлина, сентября въ 10 день 1717 г.

100.

Господинъ губернаторъ. Когда прибудутъ въ Ригу нанятые въ нашу службу матросы, отправленные отъ маіора Матюшкина, тогда вели ихъ отправлять въ Петербургъ и вели имъ дать подводы числомъ по столькужъ по чемъ имъ давано въ Польшѣ и въ Курляндіи, и къ которому времени тѣ подводы надобно собрать и сколько числомъ, о томъ снесися съ Петромъ Бестужевымъ и съ Матюшкинымъ, также велите приготовить для тѣхъ матросовъ въ Ригѣ провіанту и мяса на дорогу, съ которымъ бы провіантомъ могли безъ нужды доѣхать до Петербурга. Петръ. Въ 1 день ноября 1717 г., изъ Петербурга.

101.

Господинъ губернаторъ. Били намъ челомъ амстердамскіе купцы Арноутъ Диркъ и Яковъ Фанлетнеты съ братомъ, дабы вы по дѣлу ихъ, которое есть въ Ригѣ, съ фамиліею умершаго рижскаго купца Онденеля въ долговыхъ ихъ деньгахъ учинили справедливость и рѣшили то дѣло немедленно по правамъ, какъ надлежитъ, и въ томъ дѣлѣ по прошенію ихъ учините по тому немедленно рѣшеніе. Петръ. Изъ Амстердама, августа въ 22 день 1717 г

102.

Господинъ губернаторъ. Отправленъ къ вамъ въ Ригу морскаго флота капитанъ Безмакеръ и когда онъ вамъ явится, тогда его опредѣлите къ тому дѣлу, у котораго были прежде его же братья капитаны Лобикъ и Попугай, и велите ему давать тоже довольство, что они прежніе капитаны получали. Петръ. С.-Петербургъ. Декабря 12 дня 1717 г

Этимъ кончаются указы Петра I, данные князю Петру Алексѣевичу. Послѣдовали-ли какіе указы въ 1718 году, неизвѣстно: въ архивѣ бывшей канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора книга, слѣдующая за книгою съ указами 1717, содержитъ въ себѣ указы 1719 г., данные уже новому генералъ-губернатору князю Аникитѣ Ивановичу Репнину.

Князь Голицынъ былъ переведенъ изъ Риги въ Кіевъ губернаторомъ-же, гдѣ и умеръ въ 1722 году. На его мѣсто въ началѣ 1719 г. былъ назначенъ князь Репнинъ, который прибылъ въ Ригу и вступилъ въ управленіе Лифляндіею съ титуломъ рижскаго генералъ-губернатора 17 апрѣля 1719 г. Вотъ прохожденіе государственной службы князя Аникиты Ивановича, одного изъ неутомимѣйшихъ, дѣятельнѣйшихъ и храбрѣйшихъ сподвижниковъ Петра Великаго.

Князь Репнинъ на 17 году отъ роду, при учрежденіи въ 1685 г. потѣшной роты, пожалованъ поручикомъ, въ 1687 г. полковникомъ. Въ званіи капитана фрегата участвовалъ въ покореніи Азова, въ 1698 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1701 сдѣланъ генераломъ отъ пѣхоты. При объявленіи войны Швеціи былъ назначенъ новгородскимъ губернаторомъ, потомъ участвовалъ въ покореніи Нарвы, Митавы, и въ 1707 г. ему ввѣрены были войска, расположенныя въ Польшѣ. Въ 1708 г., по интригамъ Меншикова, былъ преданъ, за потерю 7 орудій въ сраженіи при Головчинѣ, суду и разжалованъ въ солдаты. Прощенъ послѣ сраженія при Лѣсномъ и назначенъ начальникомъ дивизіи въ Малороссіи. Въ полтавской битвѣ командовалъ центромъ арміи, а въ ноябрѣ 1709 г. уже стоялъ съ своею дивизіею подъ Ригою. При покореніи Риги принималъ самое дѣятельное участіе. Въ 1711 г. въ прусскомъ походѣ начальствовалъ авангардомъ, въ 1712 г., состоя въ отрядѣ Меншикова, участвовалъ въ покореніи Тенингена и Штетина и овладѣлъ Фридрихштатомъ. Въ 1715 г. ему поручена была защита морскихъ береговъ въ Курляндіи, въ 1716 г. занималъ Хелмское, Плоцкое, Мазовецкое и Любельское воеводства въ Польшѣ. Въ 1719 году, въ чинѣ генералъ-аншефа, назначенъ рижскимъ генералъ-губернаторомъ, въ 1724 г. назначенъ президентомъ военной коллегіи съ оставленіемъ въ должности генералъ-губернатора. Въ день коронованія императрицы Екатерины I произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы. Послѣ смерти Петра Великаго удалился въ Ригу, гдѣ и скончался 3 іюля 1726 г. на 58 году отъ роду.

1719-й годъ.

103.

Господинъ генералъ. О здѣшнихъ объявляемъ, что къ сему мѣсту какъ галерный такъ и корабельный флотъ пришли въ разные дни, только собрались всѣ въ 8-мъ числѣ сего мѣсяца; потомъ держаны три генеральныя консиліи, на которыхъ положено, чтобъ десантъ въ Швецію учинить, который подъ конвоемъ корабельнымъ учиненъ, съ помощію Божіею въ 11 день сего мѣсяца, а именно въ 10-й день въ 9 часу вечеру отсель пошли, а въ 11 день въ 4 часу по полудни въ шведскія шхеры счастливо вступили, и какъ на морѣ, такъ и во входѣ въ шхеры непріятеля не видали. Дай Боже доброе окончаніе, а начало зѣло благополучно учинилось. Петръ. Съ корабля Питеръ-Майландъ, у острова Ламеландъ, іюля въ 13 день 1719 г

104.

Господинъ генералъ. О здѣшнемъ объявляю, что генералъ-маіоръ Лесси, который отправленъ отъ адмирала въ правую сторону, у онаго съ непріятелемъ былъ бой и помощію Божіею непріятеля побили

и 7 пушекъ взяли, а какъ былъ бой и какое потомъ оной генералъ-маіоръ разореніе непріятелю учинилъ, о томъ посылаю обстоятельную вѣдомость и симъ вамъ поздравляемъ. Отъ адмирала послѣ оногдашняго вѣдомости не имѣемъ, только вчерашній пришедшій швецкой шерботъ съ провизіею къ шведскимъ посламъ, изъ Стокгольма отправленной, сказывалъ, что въ Стокгольмѣ слышалъ, что городъ Судетелге уже разоренъ отъ адмирала, и пошелъ къ Никепину, и что впредь учинится, о томъ писать будемъ къ предбудущимъ почтамъ. Петръ. Изъ флота отъ острова Ламеландъ, іюля въ 30 день 1719 г.

Въ вѣдомости разсказано, что эскадра изъ 21 галеры съ 12 большими лодками 24 іюля подошла къ деревнѣ Грину, 25 іюля произведена высадка десанта, состоявшаго изъ 2400 рядовыхъ съ принадлежащими штабъ и оберъ-офицерами. Отрядъ сей подъ начальствомъ Ласси, направился разорить желѣзный заводъ Леста-Брукъ, отстоящій отъ берега въ 1½ миляхъ. Шведы, послѣ незначительнаго сопротивленія, отступили и заводъ былъ сожженъ. Съ непріятельской стороны убито 30 человѣкъ, пушекъ взято 7, съ нашей стороны убито солдатъ 3, ранено: поручикъ 1, нижнихъ чиновъ 14.

Ласси, въ послѣдствіи графъ и генералъ-фельдмаршалъ, знаменитый военными подвигами въ царствованіе императрицъ Анны и Елисаветы, былъ лифляндскимъ генералъ-губернаторомъ съ 1729 по 1751 годъ, послѣ Григорія Петровича Чернышева, управлявшаго Лифляндіею по смерти Репнина до 12 іюня 1729 г.

Текстъ указа отъ 9 августа 1719, касающагося покупки хлѣба въ Ригѣ, писаннаго собственноручно государемъ, не разобранъ.

105.

Господинъ генералъ. Понеже англичане уже присылали съ объявленіемъ на Аландъ письма на мое имя, которыхъ наши полномочные тамъ не приняли, но попросили списковъ, которые дали имъ англичане; но наши, видя въ нихъ варварскій поступокъ, оныхъ не приняли того для, ежели къ вамъ къ Ригѣ попытаются, также сдѣлайте, а писемъ не принимайте, также и впрочемъ осторожнѣе будьте, и какія услышите вѣдомости, о томъ къ намъ пишите. Петръ, сентября въ 19 день 1719 г., изъ С.-Петербурга, въ 1часу пополудни.

P .S. Въ Перновъ къ коменданту о томъ также пишите отъ себя, дабы онъ имѣлъ отъ англичанъ осторожность.

Хотя царь и приказывалъ Репнину писать отъ себя перновскому коменданту Балабанову, но всетаки отправилъ къ нему слѣдующій указъ:

Господинъ бригадиръ и комендантъ. Ежели къ Пернову отъ англійскихъ кораблей какая будетъ къ вамъ попытка, и вы въ томъ будьте осторожны и никакихъ писемъ изъ англійскаго флоту не принимайте. Петръ. Сентября въ 19 день 1719, изъ С.-Петербурга.

Извѣстно, что англичане въ это время сблизились со Швеціею и заключили съ нею мирный договоръ.

106.

Господинъ генералъ. О приготовленіи на гаванное дѣло лѣсу писали мы къ господину генералу адмиралу графу Апраксину, чтобъ онъ велѣлъ ревельскимъ ландратамъ отвесть мѣста гдѣ тотъ лѣсъ рубить, а работниковъ къ тому велѣно опредѣлить съ Лифляндіи и Эстляндіи по препорціи, такожъ какъ и прежде сего для рубки и возки лѣсу сбираны: того для, по полученіи сего указу, учините распоряженіе о работникахъ немедленно по прежнимъ примѣрамъ, и о томъ о всемъ снеситесь съ господиномъ генераломъ адмираломъ, такожъ съ ревельскими и дерптскими ландратами, къ которымъ послушные указы посланы (дабы они въ томъ дѣлѣ господину генералу адмиралу были послушны) и, выбравъ для того, пошлите отъ себя въ Ревель добраго комисара. Петръ. Изъ С.-Петербурга, октября въ 22 день 1719 г

За симъ указомъ слѣдуетъ указъ отъ 11 ноября 1719, писанный собственноручно царемъ, о заготовкѣ хлѣба. Онъ написанъ столь неразборчиво и столь неясно, что прочесть его почти невозможно.

107

Господинъ генералъ. На письмо ваше, отъ 19 числа ноября писанное, инаго не имѣемъ къ вамъ писать, токмо объявляемъ, чтобы вы пріѣзжали сюда сами къ празднику Рождества Христова, а какой указъ посланъ отъ насъ нынѣ къ Ильѣ Исаеву о покупкѣ хлѣба, съ того при семъ прилагается къ вамъ копія, и въ покупкѣ того хлѣба чините ему всякое вспоможеніе. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 7 день декабря 1719 г

Копія съ письма Его Царскаго Величества посланнаго къ Ильѣ Исаеву декабря 4 дня 1719 г.

Господинъ Исаевъ. Письмо твое ноября отъ 19 числа до насъ дошло, въ которомъ пишешь, что для покупки хлѣба послалъ ты въ Курляндію; но понеже указъ къ вамъ не въ такой силѣ посланъ, чтобъ такое число хлѣба вскорѣ сею зимою купить, но болѣе старайся, чтобъ чрезъ уговоръ и подрядъ поставить водою по веснѣ (рѣкою Двиною и прочими рѣками, кои къ ней прилегли) изъ Литвы, также и отъ нашихъ Россійскихъ городовъ, гдѣ хлѣбъ дешевле, а въ Курляндіи такого числа купить невозможно, къ томужъ и цѣною тамъ дороже. Что же упоминается о деньгахъ, дабы за тотъ хлѣбъ платить ефимками, и ежели польскіе купцы за тотъ хлѣбъ мелкими деньгами брать не станутъ, то плати сборными пошлинными ефимками, которые нынѣ у васъ въ сборѣ есть, а русскимъ купцамъ русскими деньгами, для чего прислано къ вамъ будетъ мелкихъ денегъ.

108.

Докладная записка, поданная государю княземъ Репнинымъ въ Петербургѣ.

1. Коликому числу во время атаки быть солдатъ, въ которомъ гарнизонѣ въ Лифляндіи?

Отвѣтъ. Во время нечаяннаго нападенія непріятельскаго съ моря, восемь полковъ вашей дивизіи раздѣлить въ Динаминдъ и Перновъ по полку, или въ Перновъ третій баталіонъ прибавить, а достальные въ Ригу

2. Въ воинскомъ уставѣ напечатано: во время алярму или атаки гражданскихъ или купецкихъ людей употребить съ ружьемъ въ пристойныхъ мѣстахъ; а въ Ригѣ купечество разныхъ вѣръ и націй, и надѣются разному сумнѣнію быть и въ вышеозначенное время (ежели случится, чего не дай Боже) какъ оное купечество употребить?

Отвѣтъ. Кой часъ услышишь о прибытіи непріятеля, тогда немедленно, ружья обобравъ, оставить только старыхъ и малыхъ, да женскій полъ, прочихъ всѣхъ выслать вонъ изъ города и сказать подъ смертною казнію, чтобъ шли всѣ въ нашу землю, а не ино куды.

3 Также и съ уѣздомъ гдѣ живетъ шляхетство, на которыхъ къ вѣрности мало (мнится мнѣ) упованію быть, какъ поступать?

Отвѣтъ. Уѣзднымъ велишь такожъ удалиться внутрь, а въ городъ не пускать.

4. Когда фортеція пограничная суть, тогда надлежитъ быть всѣмъ удовольствована. А нынѣ въ гарнизонахъ лифляндскихъ пороховые и провіантскіе магазины весьма слабы, о чемъ уже репортовалъ не единожды въ Сенатъ и въ Военную Коллегію, а денегъ и ничего нѣтъ, кромѣ сборовъ лицентскихъ ефимками, и оные отсылаются для передѣлки въ Москву на денежной дворъ, и чтобъ лифляндскія фортеціи по Вашему Царскаго Величества указу вышеписаннымъ были удовольствованы для всякихъ (сохрани Боже) злыхъ случаевъ.

Отвѣтъ. О провіантѣ указъ въ Камеръ-Коллегіи уже данъ, а о порохѣ и амуниціи посланъ указъ въ Военную Коллегію.

5. Не повелитъ-ли Ваше Величество указомъ опредѣлить, дабы какъ въ землѣ, такъ и въ городахъ, всякой бы имѣлъ для всякаго случившагося времени на всякую персону на годъ хлѣба и для лошадей фуражу

Отвѣтъ. Надлежитъ учинить въ городахъ.

6. По указу Вашего Величества въ Курляндіи, въ Либавѣ и

въ Виндавѣ описной хлѣбъ велѣно взять мнѣ въ свою диспозицію, и объ ономъ что повелите?

Отвѣтъ. Надлежитъ тотчасъ нынѣ взять въ Ригу

7 Петеръ-шанецъ содержать-ли и починивать-ли его, и буде починивать, то надлежитъ и магазейнъ сдѣлать.

Отвѣтъ. Держать и починивать, а магазейнъ сдѣлать малой, понеже всегда оной дополнять мочно.

8. Магистратъ рижской, по ихъ привиллегіямъ и по конфирмаціи вашего величества, никакимъ судомъ до губернаментства и до гофъ-герихта не привязанъ, и хотя по указамъ отъ губернаментства противности великой еще не показалось, однако больше обходятся политическими отговорками и кумплементами, между чего объявляютъ вышеписанныя свои привиллегіи и вашего величества конфирмацію, а паче же въ строеніи фортеціи и въ нѣкоторыхъ противностяхъ съ гарнизономъ, и чтобъ для лучшаго съ ними управленія и послушанія вашего величества указомъ были опредѣлены.

9. Оной же магистратъ между себя выбираетъ въ магистратъ безъ вѣдома губернаментства (развѣ когда для почести скажутъ, что хотятъ выбрать, но персоны не объявляютъ) и въ томъ бываютъ и непотребныя къ тому между ими контры, о чемъ и прошенія отъ другихъ нынѣ произошли, а въ данныхъ нынѣ намъ инструкціяхъ взыскиваетъ сего на насъ, чтобъ были люди добрые и вѣрные.

Отвѣтъ. На 8 и 9-й пункты данъ будетъ указъ особой за нашею рукою.

10 Ваше Величество изволили указать мнѣ, дабы въ Ригѣ въ городѣ у артиллеріи городовой офицеру и прочимъ служителямъ иноземцомъ не быть, а быть (хотя и въ магистратской диспозиціи однакожъ) русскимъ, и о помянутомъ потребно Вашего Величества указъ въ Военную Коллегію о присылкѣ оныхъ офицера и прочихъ служителей и къ магистрату о послушаніи.

Отвѣтъ. О посылкѣ артиллерійскихъ офицеровъ указъ посланъ.

1720-й годъ.

Записка сія перемѣчена по листамъ рукою Петра такъ: Въ-Питер-бурхѣ-въ-10-день — Февраля — 1720 г. Петръ. —

Рига, при самомъ основаніи своемъ, была укрѣпленнымъ городомъ. Въ 1200 г. епископъ Альбертъ обвелъ весь городъ оборонительною стѣною съ башнями, и въ томъ же году меченосцы выстроили укрѣпленный замокъ Виттенштейнъ, внѣ крѣпостной стѣны (гдѣ нынѣ Іоанновскія церковь). — Въ 1209 г. Рига выдержала 1-ую осаду и именно со стороны Куровъ (Корсь). — 14-го февраля 1329 г. Рига испытала 2-ю осаду: 13 мѣсяцевъ гермейстеръ Ливонскаго ордена Эбергардъ фонъ-Мангеймъ держалъ городъ въ блокадѣ, и наконецъ вынудилъ рижанъ покориться себѣ. Вступивъ въ покоренный городъ, Мангеймъ 15-го іюня 1330 г. заложилъ гермейстерскій укрѣпленный замокъ (почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ генералъ-губернаторскій замокъ). Съ этого времени явилось различіе го-

родской ограды или собственно крѣпости, состоявшей въ вѣдомствѣ города, и укрѣпленаго замка, состоявшаго въ вѣдомствѣ рыцарей.

Городскою крѣпостью завѣдывалъ магистратъ, лучше сказать отдѣленіе магистрата, называвшееся Мунстеріею. Мунстерія производила крѣпостныя работы, завѣдывала крѣпостною артиллеріею, всѣми военными припасами. Мунстеріи былъ подчиненъ и крѣпостной инженеръ, обыкновенно иностранецъ и чаще всего голландецъ. Къ 1400 году относится начало насыпанія земляныхъ верковъ и укрѣпленія ронделями. Городъ и рыцарскій орденъ, иначе крѣпость и замокъ постоянно враждовали между собою. То замокъ былъ осаждаемъ городомъ, то городъ замкомъ. 18 мая 1484 г. горожане одолѣли рыцарей и сломали замокъ до основанія. Тѣмъ не менѣе рыцари не думали отказываться отъ власти надъ Ригою, возобновили военныя дѣйствія въ 1489 г., разбили рижанъ въ 1491 г. на голову и принудили ихъ выстроить вновь гермейстерскій замокъ. — Въ 1499 г. началась постройка новаго замка (нынѣшній генералъ-губернаторскій домъ) и окончена въ 1515 г. — Съ 1525 г. гермейстеръ Плетенбергъ, утвердивъ привиллегіи рижанъ, явился единственнымъ обладателемъ Риги. Архіепископъ рижскій потерялъ всякое значеніе, а съ 1530 г. рондели въ крѣпости начали перестроивать въ бастіоны. Послѣ разгрома Ливоніи Іоанномъ Грознымъ, въ 1562 г. послѣдній гермейстеръ Готгардъ Кетлеръ сложилъ съ себя свое достоинство, присягнулъ Польшѣ и за тѣмъ провозглашенъ герцогомъ курляндскимъ и семигальскимъ и губернаторомъ Лифляндіи. — Замокъ занятъ былъ польскимъ гарнизономъ, городская же крѣпость осталась во власти магистрата. Въ 1601 и 1605 годахъ Ригу осаждали шведы, но безуспѣшно. Въ 1621 г. 16 сентября и замокъ и крѣпость покорились Густаву Адольфу. — Въ 1650 г. Шведы основали рижскую цитадель по проекту генералъ-квартирмейстера Штернпильда, и потомъ въ 1670 г. дали ей то начертаніе, которое она сохраняла до насъ. Въ 1671 г. началась перестройка всѣхъ верковъ городской крѣпости, и работы продолжались до самаго завоеванія Риги Петромъ. 4-го іюля 1710 г. Рига сдалась Шереметеву. Цитадель поступила въ казенное вѣдомство, ибо городъ въ постройкѣ ея не участвовалъ, и при шведахъ она составляла собственность казны. Относительно же городской крѣпости въ § 8-мъ капитуляціи сказано: „всему тому, что къ крѣпостному строенію принадлежитъ, такожъ всей артиллеріи въ городѣ, мортирамъ, пушкамъ, гаубицамъ и всякаго прочаго званія артиллеріи, цейхгаузамъ и что въ нихъ имѣется и къ нимъ принадлежитъ, всему оружію, муниціи, пороховымъ погребамъ и магазейнамъ, не меньше же артиллерійскимъ и фортификаціоннымъ служителямъ съ небольшею городскою пѣхотою, остаться безъ всякой перемѣны подъ магистратскою директіею такъ, какъ оный магистратъ все то до сего спокойно за собою содержалъ“ Утверждая капитуляцію 30 сентября 1710 г. Петръ противъ сего пункта отмѣтилъ: „дозволяется съ такою кондиціею, чтобъ магистратъ со всякою ревностью на то смотрѣлъ, чтобъ все показанное въ семъ пунктѣ завсегда въ такомъ состояніи содержать, дабы въ нужномъ случаѣ оное употребить было можно“ — Такъ утвердилось различіе въ Ригѣ «цитадельской“ и городовой“ крѣпостей. Составляя въ военномъ отношеніи одно цѣлое, цитадельская крѣпость была въ вѣдѣніи казны и завѣдывалась рижскою инженерною командою, городская же крѣпость состояла въ вѣдѣніи магистрата, и такъ продолжалось до 30 сентября 1811 г., когда городская крѣпость, по высочайшему повелѣнію, состоявшемуся еще въ 1809 г., перешла въ вѣдомство военныхъ инженеровъ.

Рижская городовая крѣпость существовала до 1857 года. Въ этомъ году, по высочайшему повелѣнію, рижская крѣпость упразднена и сдана 5 ноября обратно магистрату, но уже на сносъ. Съ 15 ноября того же 1857 г. магистратъ приступилъ къ ломкѣ главнаго вала и быстро двинулъ работами. — Къ 1862 г. крѣпостныхъ верковъ, воротъ, мостовъ, погребовъ уже не было

Рижская цитадель также не существуетъ нынѣ. По высочайшему повелѣнію отъ 22 іюня 1867 г. она упразднена, и верки ея сданы на сносъ городу же.

По 10 пункту вышеприведенной записки Репнина былъ посланъ въ „городовую фортецію“ артиллеріи маіоръ Ждановъ съ русскими же артиллерійстами — На 8 и 9-й пункты послѣдовалъ слѣдующій указъ:

109.

Божіею милостію мы, Петръ первый, царь и самодержецъ Всероссійскій и пр., и пр., пр.

Объявляемъ вамъ, вѣрно любезные, высокошляхетные урожденцы и благоискусные бургомистры и райцы, нашу императорскую милость и благоволеніе.

Понеже увѣдомлены мы заподлинно, что у васъ ио управленіямъ позволенныхъ вамъ отъ насъ въ городѣ Ригѣ отъ нѣкотораго между вами несогласія въ дѣлахъ принадлежащихъ къ интересу нашему, а особливо въ строеніи и починкѣ фортеціи и въ содержаніи гарнизона, артиллеріи, оружейныхъ дворовъ, амуниціи и магазейновъ, такожъ артиллерійскихъ и фортификаціи служителей и городовой пѣхоты, происходятъ многіе непорядки, пренебреженіе и ослаба, чего, при настоящей продолжающейся у насъ со Швеціею войнѣ интересъ нашъ (въ предосторожность нашу) терпѣть не можетъ. того ради разсудили мы за потребно симъ вамъ нашимъ указомъ объявить, дабы вы въ вышеупомянутыхъ дѣлахъ, которыя къ охраненію города Риги принадлежатъ, т. е. въ строеніи и починкѣ фортеціи, въ содержаніи гарнизона, артиллеріи, оружейныхъ дворовъ, амуниціи и магазиновъ и служителей артиллерійскихъ и фортификаціи, такожъ и городовой пѣхоты поступали и чинили по диспозиціи генерала отъ инфантеріи, генерала-губернатора нашего князя Репнина, которому данъ нашъ указъ, чтобъ онъ во всемъ оному управленіе имѣлъ надлежащимъ образомъ. Такожъ, понеже намъ извѣстно изъ многихъ доношеній, что въ избраніи у васъ магистратскихъ и другихъ чиновъ, такожъ и въ судахъ чинится неисправленіе. того ради мы за благо разсудили дать указъ нашъ, по новоучиненнымъ въ государствѣ нашемъ регламентамъ, помянутому генералъ-губернатору нашему, дабы онъ того смотрѣлъ, чтобъ у васъ какъ то избраніе въ чины по достоинству, такъ и судъ по справедливости и правамъ безъ всякаго замедленія чинились, дабы изъ того подданнымъ нашимъ не было обиды. Въ прочемъ же имѣетъ онъ васъ оставить въ томъ при прежнихъ правахъ и порядкахъ по данной вамъ нашей привиллегіи, и такожъ надлежитъ вамъ и о томъ вышеписанномъ подавать ему извѣстіе, и пребываемъ вамъ нашею милостію склонный. Данъ въ С.-Петербургѣ, февраля 24 дня 1720 года. Петръ. Графъ Головкинъ.

На содержаніе „городской фортеціи“ магистратъ, какъ мы уже говорили, не назначалъ первоначально никакихъ опредѣленныхъ суммъ, а отговариваясь уменьшеніемъ городскихъ доходовъ, началъ отпускать деньги въ столь уже ограниченномъ числѣ, что содержаніе фортеціи затруднялось. Сенатъ, указомъ отъ 23 марта 1731 г, нашелся вынужден-

нымъ предписать магистрату, чтобъ на содержаніе крѣпости онъ ежегодно расходовалъ 10 тысячъ рублей. Указъ этотъ былъ подтвержденъ въ 1760 году, и генералъ-фельдцехмейстеръ Шуваловъ 14 января 1760 г. предписалъ канцеляріи рижской артиллеріи и фортификаціи наблюдать за тѣмъ, чтобъ магистратъ непремѣнно издерживалъ въ годъ по 10 тысячъ рублей на крѣпостныя работы, и недоплоченныя деньги считать въ долгу за городомъ. Какъ плохо уплачивались эти деньги, видно изъ того, что при сдачѣ городской крѣпости въ 1811 году въ казну, недоплаченныхъ на работы денегъ считалось въ долгу за городомъ 96,825 рублей серебромъ.

110.

Господинъ генералъ. По полученіи сего отпишите въ Ригу, дабы отправили въ Гданскъ къ капитану Вильбою изъ рижскаго гарнизона солдатъ 70 человѣкъ, выбравъ кои помоложе, съ добрымъ поручикомъ, и отпиши отъ себя въ Митаву къ Петру Бестужеву, чтобъ онъ чрезъ Курляндію до Мемля далъ имъ тремъ человѣкомъ по подводѣ, чтобъ скорѣе могли въ пути поспѣшить, а отъ Мемля гавани водою, и для того чтобъ онъ, Бестужевъ, нанялъ имъ судна, и велите имъ дать денежнаго жалованья на полгода, и сверхъ того, чтобъ снабдить ихъ въ дорогу провіантомъ со удовольствомъ. Петръ, въ 13 день февраля 1720 г., въ С.-Петербургѣ.

Вильбоа, Никита (Францъ) Петровичъ, въ послѣдствіи контръ-адмиралъ, былъ женатъ на дочери пастора Глюка, въ домѣ котораго императрица Екатерина I провела свою юность, и пользовался большимъ благоволеніемъ царя.

111.

Господинъ генералъ. По полученіи сего выпиши изъ Данцига каштановыхъ деревъ 30 или болѣе и посади въ удобномъ гдѣ мѣстѣ для пробы, а 3 или 4 передъ моими палатами въ городѣ. Петръ. 11 марта 1720 г.

Изъ посаженныхъ предъ палатами (нынѣ уѣздное училище) деревъ въ настоящее время осталось только два каштановыя дерева, растущія передъ окнами, обращенными къ Двинѣ. Судя по толщинѣ этихъ деревъ, нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что они были посажены именно по этому приказанію Петра.

112.

Господинъ генералъ. Письмо ваше апрѣля отъ 20 числа до насъ дошло, на которое отвѣтствуемъ драгунъ команды вашей отъ Смоленска возьмите сколько вамъ потребно, по своему разсужденію; о прочемъ обстоятельствѣ писано къ вамъ изъ Военной Коллегіи. Петръ. Въ 3 день мая 1720 г Изъ С.-Петербурга.

P S. За присланные отъ васъ устерсы и цытроны благодарствуемъ, и оные зѣло свѣжи привезены.

113.

Господинъ генералъ. На письмо ваше мая отъ 1 числа симъ отвѣтствуемъ. Рижскаго и Перновскаго гарнизоновъ полки отпущены отсель еще до вашего письма, только оставленъ одинъ полкъ. Такожъ пишетъ къ намъ изъ Курляндіи Петръ Бестужевъ, что курляндцы торговые просятъ позволенія, дабы ихъ хлѣбъ, который описанъ въ Либоу и Виндау, отпустить имъ въ Выборгъ и въ Гельсингфорсъ для продажи на счетъ голландскихъ купцовъ; но понеже въ перевозѣ того хлѣба есть небезопасности, дабы не достался непріятелю, того для велите взять у нихъ реверсъ, что ежели въ тѣ мѣста не будутъ, но инуды пойдутъ, то за оное заплатили бы вдвое штрафу, а ежели такаго письма дать не похотятъ, то бы они тотъ свой хлѣбъ для продажи привезли въ Ригу, и о томъ имъ велите объявить. Ежели же они замѣшкаются и вскорѣ того хлѣба въ помянутыя мѣста не отпустятъ, а между тѣмъ непріятель либо ускоритъ и высадитъ людей на курляндскій берегъ, и въ такомъ случаѣ велите тотъ хлѣбъ сжечь ежели оборонить будетъ не по силамъ, дабы въ руки непріятелю не достался. Петръ. Въ 11 день мая 1720 г Въ С.-Петербургѣ.

Англія въ это время снаряжала сильный флотъ въ Балтійское море на помощь шведамъ. Репнинъ принималъ всѣ мѣры для защиты береговъ Лифляндіи отъ высадки англичанъ. Но извѣстно, что англійскій флотъ, посланный въ Балтійское море съ цѣлію устрашить Петра, нимало не помѣшалъ русскимъ опустошить Швецію.

114.

Господинъ генералъ. Когда прибудутъ изъ Голландіи торговые корабли для взятья мачтовыхъ деревьевъ, тогда отпустите на тѣхъ корабляхъ мачтовыхъ деревъ на нашъ счетъ столько числомъ, сколько въ приложенной при семъ росписи написано, и адресуйте ихъ въ Амстердамъ къ Данилу фонъ Левеку, и о томъ дайте знать господину послу князю Куракину Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 16 день мая 1720 г.

По росписи было назначено отпустить въ Амстердамъ 63 мачтовыхъ дерева разныхъ размѣровъ.

115.

Господинъ генералъ. Здѣсь обносится слухъ, что ѣдетъ сюда отъ англійскаго двора посланникъ или резидентъ Жефресъ или другой кто, и когда въ Ригу пріѣдетъ, то сколько возможно имѣйте осторожность, чтобъ не долго въ Ригѣ былъ и не нюхался бы съ тамошними жителями, и для того немедленно его отправьте сюды на почтѣ, придавъ къ нему добрыхъ двухъ офицеровъ, которые бы всегда при немъ въ дорогѣ были неотступно, и ежели съ кѣмъ станетъ говорить, чтобъ они при томъ были, и для того изъ тѣхъ офицеровъ хотя бы

одинъ былъ такой, который бы зналъ говорить по англійски. Петръ. Изъ С.-Петербурга, іюня во 2 день 1720 г

P S. *Корабли торговые, которые нагрузятся и похотятъ итти, не давай (итти?), подъ какимъ ни есть предлогомъ удержи и описывайся, а безъ письма отъ меня не отпускай.*

116.

Господинъ генералъ. Объявляю вамъ, что предъ нѣсколькимъ временемъ англійской и шведской флоты къ Ревелю и стояли у Наргина острова и пересылались письмами, а между тѣмъ шведы сожгли у насъ на Наргинѣ одну избу, да баню, которыя сдѣланы были для работныхъ людей. Потомъ во 2-й день сего мѣсяца пришла къ нимъ авизъ-яхтъ, по которой тотчасъ оба флоты пошли назадъ. Мы не знали причины такъ скораго ихъ отходу, понеже и отвѣту Норрисъ на свое письмо не дождался, но третьяго дня получили мы вѣдомость, что партія наша подъ командою бригадира фонъ Менгдена въ Швецію впала и паки счастливо чрезъ море перешла къ своимъ берегамъ, а что сдѣлала, при семъ прилагаю печатныя вѣдомости. Правда, хотя не гораздо великой непріятелю убытокъ учиненъ, только, слава Богу, сдѣлано то предъ глазами помощниковъ ихъ, чему препятствовать ничего не могли. Петръ. Изъ С.-Петербурга, іюня въ 8 день 1720 г.

Фонъ-Менгденъ былъ отправленъ съ 5-ти тысячнымъ отрядомъ въ Швецію изъ Финляндіи генераломъ княземъ Голицынымъ. Онъ высадился близъ городовъ старой и новой Уммы и истребилъ: шляхетскихъ дворовъ 2, деревень 41, а въ нихъ дворовъ крестьянскихъ 1026, мельницъ вѣтряныхъ 7, водяныхъ 10, амбаровъ 113, ластовыхъ судовъ съ хлѣбомъ и другими вещами 8, лодокъ 13. Скота брали, сколько могли.

117

Господинъ генералъ. Письмо ваше отъ 8 числа сего мѣсяца до насъ дошло, въ которомъ пишете, что по указу торговые корабли подъ подлогомъ вы удержали, однакожъ когда шипоры будутъ объ отпускѣ съ принужденіемъ просить, тогда какъ съ ними поступать. И на сіе вамъ отвѣтствуемъ. что нынѣ торговые корабли, которые въ путь свой готовы будутъ, отпускайте безъ удержанія, *развѣ въ сихъ дняхъ паки англійской флотъ явится; въ такомъ случаѣ не надлежитъ отпускать.* Петръ. Изъ С.-Петербурга, іюня въ 21 день 1720 г.

P S. Получили мы письмо изъ Данцига отъ Эртмана, изъ котораго къ вамъ посылаемъ при семъ экстрактъ, противъ котораго имѣйте осторожность, и когда такой капитанъ англійской прибудетъ въ Ригу и будетъ что противное дѣлать, то его вели задержать, и о томъ къ намъ пиши, такожъ имѣйте присмотръ и за тѣмъ купцомъ, къ кому онъ адресованъ изъ Данцига.

Экстрактъ изъ письма оберъ-аудитора Эртмана, писаннаго къ Его Царскому Величеству изъ Данцига іюня въ 7 день 1720 г.

Сего іюня мѣсяца 4 числа пошелъ изъ здѣшней рейды одинъ англійской капитанъ именемъ Кефельманъ со своимъ кораблемъ, съ пинкою Жорже, до Риги, которой капитанъ недавно пришелъ сюда изъ Швеціи и нагрузилъ здѣсь соли отвести въ Ригу къ купцу именемъ Гей (по англійски Нау), а понеже помянутой капитанъ взялъ съ собою нѣсколько сукъ (по англійски Boys), которымъ обычайно дѣлается знакъ другимъ о глубинѣ воды, а былъ здѣсь у купца англійскаго именемъ Гопманъ, который, какъ я слышалъ, корреспондентъ съ адмираломъ Норрисомъ, что я повиненъ Вашему Величеству донести, а о подлинномъ онаго англійскаго капитана намѣреніи донести не могу О всемъ семъ я доносилъ его сіятельству генералу и кавалеру князю Репнину

118.

Господинъ генералъ. Понеже прибывшій ко двору нашему польскій полномочной посолъ, воевода мазовецкій Хоментовской именемъ королевскимъ и Рѣчи Посполитой приносилъ здѣсь жалобу, что въ Курляндіи отъ людей нашихъ чинятся многія обиды какъ во взятьи великихъ контрибуцій, такъ найпаче въ интересованіи въ тамошнее управленіе и сборы доходовъ того ради, сего іюня 9, указъ нашъ въ Митаву къ генералу комисару Бестужеву за подписаніемъ собственныя наши руки, дабы онъ въ Курляндіи ни въ какія тамошнія управленія и сборы пошлинные и другихъ всякихъ доходовъ не вступался, и отнюдь ни до чего не интересовался, съ котораго при семъ указа копія ради лучшаго выразумлѣнія вложена, и повелѣваемъ вамъ симъ, дабы вы, по близости въ Курляндіи, надъ нимъ генераломъ коммисаромъ Бестужевымъ прилежное всегда надзираніе имѣли, чтобы онъ, будучи въ Курляндіи, поступалъ во всемъ противъ вышеозначеннаго нашего отправленнаго къ нему указу и въ управленіе, порядки и сборы доходовъ тамо отнюдь не интересовался и прочимъ жителямъ курляндскимъ никакихъ обидъ и тягостей не чинилъ, такожъ и инымъ нашимъ людемъ того или инаго какого своевольства чинить не допускалъ, и надлежитъ вамъ о томъ ему, Бестужеву, письмами своими по часту подтверждать и о всемъ отъ него частыхъ репортовъ требовать. Петръ. Изъ С.-Петербурга, іюля 3 дня 1720 г

Копія съ указа Его Царскаго Величества, отправленнаго къ генералу коммисару Петру Бестужеву

Господинъ генералъ-коммисаръ. Повелѣваемъ тебѣ симъ нашимъ указомъ, дабы ты, по полученіи сего, въ княжествѣ курляндскомъ ни въ какія тамошнія управленія и сборы тамошніе и другихъ всякихъ доходовъ не вступался, и отнюдь ни до чего не интересовался, кромѣ

однѣхъ мѣстностей, опредѣленныхъ отъ оберъ-ратовъ курляндскихъ на содержаніе племянницѣ нашей вдовствующей герцогинѣ курляндской царевнѣ Аннѣ, и ежели, кромѣ сихъ мѣстностей, гдѣ инѣ въ Курляндіи люди наши у какихъ сборовъ или у надзиранія оныхъ нынѣ есть, тѣхъ всѣхъ тебѣ оттуда свесть, такожъ буде и какіе курляндскіе сборщики подъ твоимъ управленіемъ у какихъ сборовъ были, оныхъ всѣхъ подчинить оберъ-ратамъ и объявить онымъ курляндскимъ оберъ-ратамъ, дабы они всѣ тѣ сборы доходовъ и прочее управленіе въ Курляндіи (кромѣ помянутыхъ мѣстностей, опредѣленныхъ племянницѣ нашей) въ свою диспозицію приняли, и въ томъ отчетъ, кому надлежитъ, сами впредь давали. Такожде мы увѣдомлены, что въ Курляндіи на почтовыхъ подставахъ стоятъ многія подводы, а именно по 20 и болѣе, что курляндцы себѣ за немалую тягость причитаютъ, того ради ты съ тѣхъ почтовыхъ становъ въ Курляндіи лошадей немедленно убавь, и учреди на каждомъ стану для нужныхъ посылокъ держать съ перемѣною токмо по 6 лошадей, и за тѣмъ у посылаемыхъ куръеровъ вели братъ поверстныя деньги противъ того какъ платятъ за такія почтовыя лошади въ Лифляндіи, а именно по 2 алтына на 10 верстъ и лошадь, а безъ такихъ поверстныхъ денегъ никому тѣхъ почтовыхъ подводъ давать не вели, такожъ и въ прочемъ никакихъ налоговъ курляндскимъ жителямъ не чини, и никому чинить не позволяй. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 9 день іюля 1720 г

Не для однихъ жалобъ на Бестужева прибылъ въ Петербургъ Хоментовскій. Главнѣйшею цѣлію посольства было получить съ царя выговоренныя по прежнимъ договорамъ субсидіи и требовать отдачи Ливоніи. Посольство Хоментовскаго, конечно, не имѣло ни малѣйшаго успѣха. (См. Ист. Россіи Соловьева, томъ XVII, стр. 293—296).

119.

Господинъ генералъ. Письмо ваше іюля отъ 10 числа до насъ дошло, въ которомъ пишите о шкипорѣ, который сказалъ, что транспортныя суда непріятель распустилъ, и понеже вѣрить во все то невозможно и для того, по первымъ вамъ даннымъ указамъ имѣйте всякую предосторожность, и у того шкипора для лучшаго увѣренія возьмите за присягою письменное подтвержденіе въ томъ, что правду ли онъ сказалъ, и ежели онъ присягою тожъ подтвердитъ, то вели его изъ-за ареста свободить, а ротмистра присылай въ воинскую коллегію, какъ вы о томъ сами писали. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 18 день іюля 1720 г

120.

Господинъ генералъ. Писали мы къ племянницѣ нашей царевнѣ Аннѣ, чтобъ она пріѣзжала въ Ригу и была бы туть до нѣко-

тораго времени, пока мы къ ней отпишемъ. того для заранѣе приготовь ей въ Ригѣ квартиру, и вели скорѣе собрать подводы, на чемъ ей отъ Митавы до Риги ѣхать. Петръ. Изъ С.-Петербурга, августа въ день 5 1720 г.

P S. Приложенное при семъ письмо къ племянницѣ нашей немедленно отошлите въ Митаву

Герцогиня прибыла въ Ригу 18 августа, 1 сентября пріѣхалъ сюда князь Ал. Дан. Меньшиковъ, и они вмѣстѣ отправились въ Петербургъ 5 сентября.

121

Господинъ генералъ. Объявляемъ вамъ, что предъ нѣсколькимъ временемъ услышали мы, что непріятельскіе корабли и галеры явились въ Ламеландской гавани, по которымъ вѣдомостямъ писали, дабы генералъ князь Голицынъ, взявъ добрую часть галеръ, или самъ шелъ, или послалъ для поиску надъ онымъ, а сего мѣсяца въ 6 день получили отъ него чрезъ маіора Шипова зѣло радостную вѣдомость, что онъ непріятеля въ вышерѣченномъ мѣстѣ засталъ и далъ съ нимъ бой, и съ помощію Божіею четыре фрегата отъ нихъ взялъ, изъ которыхъ два взяты абордажемъ на полномъ ходу И сею нечаянною викторіею вамъ поздравляемъ, а какимъ порядкомъ то дѣлалось и что чего взято, тому прилагается печатная вѣдомость. Петръ. Въ 8 день августа 1720 г., изъ С.-Петербурга.

Сраженіе происходило 27 іюля въ шхерахъ у острова Гренгама. Взято 4 фрегата, на нихъ офицеровъ и прочихъ морскихъ и сухопутныхъ служителей 407, убито 103, пушекъ взято 104. На русскихъ галерахъ убито сухопутныхъ и морскихъ 82, ранено 203, опалено 43, всего выбыло 328, въ томъ числѣ офицеровъ убито 2, ранено 6 и опаленъ 1.

122.

Указъ господину генералу и губернатору лифляндскому князю Репнину При семъ посылаемъ къ вамъ книгу воинскаго морскаго устава, которая нынѣ напечатана, и какъ оную получите, то по оной поступайте, какъ со своими такъ и съ иностранными, и объявите всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, чтобъ всякій о должности своей, что кому прилично, вѣдалъ и поступалъ такъ, какъ добрымъ и честнымъ людямъ надлежитъ, дабы послѣ не могъ никто невѣдѣніемъ отговариваться. И сей указъ велите записать въ рижской канцеляріи въ книгу, дабы и впредь кто по васъ будутъ управители о сей книгѣ вѣдали, и всегда въ памяти имѣли, и отдавали бы сей указъ при перемѣнахъ одинъ губернаторъ другому съ росписками. Петръ. Въ 18 день августа 1720 г. въ С.-Петербургѣ.

P S. При семъ же посылаемъ еще такихъ же двѣ книги, изъ которыхъ пошлите одну въ Перновъ, другую въ Динаминдъ, и напишите къ комендантамъ отъ себя указы въ таковой же силѣ, какъ выше писано.

Морской уставъ 26 августа былъ посланъ къ перновскому коменданту бригадиру Алексѣю Балабанову, а 27 августа къ динаминдскому коменданту полковнику Ивану Кропотову.

Уставъ сей напечатанъ въ VI томѣ II. С. З. подъ № 3485.

123

Господинъ генералъ. Въ 8 число сего мѣсяца, взятые шведскіе фрегаты сюда съ тріумфомъ пришли вѣтромъ вестъ-зюйдъ-вестомъ и какъ оные шли, также предводили и замыкали ихъ галеры, тому прилагаю копорштыхъ (*) при семъ, также и пирамиду съ проблемами, которая для сего тріумфа на Троицкой площади сдѣлана. Сіи фрегаты давно приведены были, но замѣшкались за тѣмъ, что двоихъ изъ нихъ на комеляхъ вводили въ устье; при семъ же посылаю ихъ препорцію длины, ширины и глубины. Правда, что написаны фрегатами всѣ, но два изъ оныхъ Штуръ-Феникъ и Венкеръ сей рангъ превосходятъ; понеже Феникъ былъ о 50 пушкахъ, но раненъ былъ, того для палуба верхняя снята; а Венкеръ и теперь двоепалубный и съ фордекомъ и имѣетъ 44 окна пушечныхъ, только исподней лагъ шведы не употребляли для тѣсноты или низости между палубъ. Сего тріумфа нынѣ послѣдній третій день, и всѣ ночи убраны иллюминаціями зѣло изрядно. При вводѣ ихъ стрѣляно съ обоихъ крѣпостей изъ столька пушекъ, сколько на нихъ взято. Петръ. Изъ С.-Петербурга, сентября въ 11 день 1720 г

Размѣры взятыхъ кораблей были слѣдующіе:

	Длина.	Ширина.	Глубина въ водѣ.
Сторъ-Феникъ	110 футъ	29 ф. 7 дюйм.	13 футъ
Данскъ-Эрнъ	109 »	24 » 2 »	13 »
Скскенъ	76 »	20 » 2 »	9 » 6 дюйм.
Венкеръ	109 »	30 » »	17, между палубъ 5 ф. 1 д. оконъ пушечныхъ 47

124.

Господинъ генералъ. Податель сего письма господинъ Збуржинскій отпущенъ отъ насъ въ свое отечество, и когда онъ къ вамъ пріѣдетъ, тогда на время отведите ему въ Ригѣ квартиру, также отпишите въ Курляндію къ Бестужеву, чтобъ онъ его отправилъ безъ задержанія. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 11 день сентября 1720 года.

(*) Копорштыхъ — гравюра. Къ этому указу приложены три гравюры, довольно отчетливо выполненныя. На одной гравюрѣ изображены медали, выбитыя по случаю побѣды, на второй — взятые корабли и на третьей — пирамида.

125.

Господинъ генералъ. Увѣдомились мы, что отъ Пернова на корабляхъ не малое число за море отпускаютъ лѣсу И по полученіи сего отпускъ за море лѣсу запретить, дабы никто не отпускали, *понеже ставится безлѣсно*. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 25 день Сентября 1720 г

126.

Господинъ генералъ. Всешутѣйшаго князь папы веселіе будетъ нынѣшняго мѣсяца съ 15 числа и продолжится три дня, ежели можешь успѣть зѣло желаемъ, чтобъ ты былъ, ибо по прежнему хорошо будетъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 5 день Октября 1720 г.

1721-й годъ.

127

Господинъ генералъ. Имѣемъ мы вѣдомость, что Голстинскій герцогъ отъ Бреславля путь свой взялъ инкогнито, подъ именемъ одного капитана Томсона, и будетъ оной свой путь продолжать чрезъ Курляндію къ Ригѣ. того для отправьте изъ Риги на встрѣчу къ нему добраго офицера, и велите ему подводы и прочее что принадлежитъ къ пути его приготовить, такожъ и конвой по разсмотрѣнію, ежели онъ самъ будетъ требовать, о чемъ и къ Бестужеву въ Курляндію отпишите отъ себя, чтобъ вспомогалъ, и когда герцогъ въ Курляндію прибудетъ, чтобъ ему всякое почтеніе чинилъ, такожъ въ Ригѣ приготовьте для его добрую квартиру, *и въ прочемъ сколько возможно чините къ его удовольству и намъ дай знать, какъ въ Ригу прибудетъ*. Петръ. Изъ С.-Петербурга, Марта въ 1 день 1721 г.

Петръ самъ пригласилъ герцога голстинскаго Карла Фридриха въ Россію, чтобъ побудить Шведовъ къ миру опасеніемъ, что онъ будетъ оружіемъ поддерживать права его, герцога, на шведскій престолъ. Къ этому же царь хотѣлъ и лично познакомиться съ герцогомъ, такъ какъ въ то время возникало предложеніе брачнаго союза между нимъ и царевною Анною Петровною.

По прибытіи герцога въ Ригу, царь 11 Марта отправился сюда изъ Петербурга. 12 Марта выѣхала въ Ригу и царица Екатерина Алексѣевна. Государь въѣхалъ въ Ригу 17 Марта при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ и остановился въ собственныхъ палатахъ, гдѣ его встрѣтили герцогъ голстинскій и герцогиня курляндская Анна Іоанновна. Петръ пробылъ въ Ригѣ до 22 Мая.

128.

Его Царскому Величеству рабское доношеніе отъ генералъ-губернатора Репнина.

1. Въ лифляндскихъ гарнизонныхъ полкахъ офицеровъ многое число некомплектъ, а которые и есть, и въ тѣхъ много старыхъ и неискусныхъ.

Вмѣсто отвѣта рукою государя отмѣченъ крестъ ×

2. Магазейнами, какъ пороховыми, такъ и хлѣбными, зѣло скудно, для чего нынѣ лежитъ не въ удобныхъ и опасныхъ мѣстахъ.

Отвѣтъ (*). Пріискать удобныя мѣста и объявить съ рисункомъ и своимъ мнѣніемъ.

3. Въ городѣ Ригѣ башня пороховая обвѣтшала и для того разобрана, и вмѣсто оной надлежитъ построить городомъ пороховой магазейнъ вновь, который въ томъ-ли мѣстѣ строить или гдѣ въ другомъ, избравъ удобное и безопасное мѣсто?

Отвѣтъ. Гдѣ и лучше и безопаснѣе; напередъ избрать и показать мѣсто.

4. Цитадель и городъ Ригу и Динаментшанцъ гдѣ надлежитъ починить, по прежнему-ль починивать, а паче же въ цитадели валъ подорванный зѣло слабъ въ крѣпости, а матеріаловъ къ каменной работѣ надобно немалое число, а здѣшнимъ приготовленіемъ тѣхъ матеріаловъ и мастерамъ управиться невозможно. Также Петеръ и Табакъ-шанцы такъ ли додѣлывать какъ нынѣ начаты или другимъ образомъ?

Отвѣтъ. Сдѣлать рисунки и смѣту во что станетъ, и по онымъ смотрѣть надлежитъ, что первѣй и что одно по другому

5. Каналъ, который съ поля проведенъ въ городовой ровъ, также который въ городѣ былъ, чистить-ли и починивать-ли?

Отвѣтъ. Городовой чистить, а что съ поля перво осмотрѣть.

6. Здѣсь въ Ригѣ обыкновеніе купецкимъ морскимъ судамъ глубокаго ходу останавливаться на рейдѣ, и изъ него выгружаютъ на малыя суда и перевозятъ за наемъ, а нанимаются здѣшнія мелкаго грузу суды; а мое мнѣніе: лучше бы было Вашего Царскаго Величества мелкаго грузу ластовыя суда прислать и со служители и помянутую перегрузку перевозить на нихъ за наемъ.

Отвѣтъ. Писано въ Петербургъ о высылкѣ сколько будетъ потребно, и вольныхъ не допускайте, когда сіи будутъ.

7. Когда былъ отправленъ сюда для управленія здѣшней провинціи и городовъ тайный совѣтникъ баронъ господинъ Левенвольде и ему дана инструкція какъ управлять во всякихъ интересахъ, которая и нынѣ у сына его генерала адъютанта. А оная здѣсь для управленія весьма потребна, ибо нынѣ данная мнѣ инструкція изъ Правительствующаго Сената къ здѣшнимъ управленіямъ (которыя особливо состоятъ) мало слѣдуетъ того ради нижайше прошу дать

(*) Всѣ отвѣты писаны собственноручно Петромъ.

мнѣ инструкцію вновь, или отъ генерала адъютанта Левольда, сына помянутаго тайнаго совѣтника, отобравъ, отдать мнѣ.

Отвѣтъ. ×

8. Нынѣ здѣсь ландратскихъ вакансовъ не мало отъ умершихъ, а иные за великою старостію отъ службы отказываютъ, а здѣсь обыкновеніе, и Вашего Величества всемилостивѣйшею резолюціею подтверждено, выбирать въ ландраты самимъ шляхтѣ и для конфирмаціи доносить тотъ выборъ Вашему Величеству, а сбираютъ къ тѣмъ ландратовъ собраніямъ въ городѣ, и нынѣ просятъ, чтобъ имъ повелѣно было учинить собраніе для ландратскаго избранія, и выбрать.

Отвѣтъ. Чинить по ихъ привилегіи, а дѣлать чтобы выбирали надежныхъ и для того чрезъ тѣхъ, кои повѣрнѣе, лично на тѣхъ, которые надобны, голоса дать, хотя и меньше другихъ будетъ оныхъ ставить.

9. Курляндскій шляхтичь Сакенъ проситъ Вашего Величества, дабы ему заплачено было за огни, которые онъ всегда имѣетъ на курляндской сторонѣ для хода корабельнаго съ моря въ Ригу; а, по справкѣ, здѣсь въ Ригѣ во владѣніе высокой державы Вашего Величества ему за тѣ огни ничего не плачено, и оному прилагается къ сему экстрактъ подъ знакомъ А, и потому его прошенію платить ли за тѣ огни за прошлые годы и впредь, и изъ какихъ доходовъ?

Отвѣтъ. Дать за огни и платить изъ такихъ доходовъ, изъ которыхъ плачены при шведскомъ владѣніи.

10. По доношенію доносителя Салмона, чинена инквизиція въ корреспонденціи въ Швецію и другія мѣста, изъ чего экстрактъ прилагается и съ росписью описныхъ пожитковъ и товаровъ и денегъ корреспондентовъ подъ знакомъ Б, для резолюціи.

Отвѣтъ. ×

11. По его доношенію о двухъ мызахъ будто владѣютъ нѣкоторые шляхта безъ документовъ, и одна сыскана въ публичныхъ, а другою владѣлъ шляхтичь яко приватною, о которой нынѣ слѣдуетъ инквизиція, а надѣюся и впредь таковыя найдутся, и съ таковыми мызами и владѣтелями что чинить?

Отвѣтъ. Отбирать, а за владѣніе, исправя гдѣ что съ нихъ получили, брать.

12. Которые здѣшніе лифляндцы выѣхали отсюда, иные предъ взятіемъ, а иные и по взятьи здѣшней провинціи и крѣпостей, и живутъ въ Гамбургѣ и другихъ таковыхъ же мѣстахъ и, по публикованіи указнаго термина (которые не явятся въ годъ и въ шесть недѣль, здѣсь таковые отъ всего будутъ лишены), спустя не мало время, нѣкоторые изъ нихъ въ подданство присягали въ Гамбургѣ у резидента Бетхера и тѣ присяги сюда прислали, и сами по прежнему тамъ же живутъ, а по какому указу здѣсь присягали неизвѣстно, и тѣ присяги и ихъ за подданныхъ признавать-ли?

Отвѣтъ. Не признавать.

13. Помянутый Салмонъ нынѣ доноситъ и впредь ежели будетъ доносить въ какихъ неважныхъ дѣлахъ, а именно въ корреспонденціи и пересылкѣ денегъ и прочее, кромѣ Швеціи, и оные принимать-ли и слѣдовать-ли? Притомъ же и челобитная его о награжденіи.

Отвѣтъ. Принимать; а награжденіе дать надобно, чтобы сыскалъ, дабы инымъ было охотнѣе служить.

И на вышеписанное сіе мое доношеніе рабски прошу Вашего Царскаго Величества всемилостивѣйшаго указу Князь Репнинъ, апрѣля 25 дня 1721 года, въ Ригѣ.

Приведенныя здѣсь резолюціи по сему докладу писаны государемъ въ Ригѣ 15 мая 1721 г.

129.

Указъ генералъ-губернатору господину князю Репнину

1) По дѣламъ, которыя слѣдуются здѣсь по доношенію Ягана Салмона, надлежитъ купца Гильбода Лидерсона пытать, какая еще корреспонденція была предъ симъ, и понеже въ важномъ дѣлѣ къ нему послѣднее письмо явилось, по тому можно знать, что непервое и, можетъ быть, о многомъ къ нему писано было, и о такихъ вредныхъ дѣлахъ съ кѣмъ здѣсь говаривалъ и кого знаетъ такихъ же корреспондентовъ.

2) Съ другихъ, которые корреспонденцію имѣли, взять штрафъ слѣдующей, что хотя къ свойственникамъ или корреспондентамъ ихъ подлинно посылали, которые въ Швеціи и въ другихъ мѣстахъ, оное доправить, а что изъ казны дано, то вдвое, и при томъ объявить, что о чемъ будетъ впредь корреспондовать хотя о маломъ какомъ дѣлѣ, то казненъ будетъ смертью и все имѣніе будетъ взято, а что у кого такихъ еще здѣсь, или въ землѣ явится, то взять яко опальное.

3) По дѣлу Михеля Мальма спроситъ магистрата, для чего, вѣдавъ заказъ, что не корреспондовать, а позволили оному корреспондовать. Петръ. Въ Ригѣ, въ 15 день мая 1721 г.

130.

Меморія генералъ-губернатору господину князю Репнину

1) Придѣлать палатку къ нынѣшней конторкѣ такою величиною, и дверь сдѣлать въ круглую лѣстницу и подъ нею жилья.

2) Дворъ хлѣбниковъ купить или на выморочной промѣнять и двери проломать.

3) Заготовить къ строенію на новомъ мѣстѣ, что близъ Александрова шанца, плитнаго камня, кирпичу и извести; а кирпичь, кажется, лучше подрядить изъ Голландіи или изъ Любека на товары.

4) Каналъ вычистить, которымъ прежде сего въ ровъ вода текла, и привесть воду сего лѣта.

5) Островъ весь обдѣлать фашинами отъ рѣки, дабы тутъ быть верфу сего города; сіе дѣлать по окончаніи работъ въ зачатомъ огородѣ.

6) Для разводу лѣсовъ, избравъ удобную землю, вспахать и насѣять дубовыми желудями, также липовымъ и кленовымъ семенемъ.

7) Огородъ съ трехъ сторонъ, кромѣ рѣчной, огородить досками палками. Петръ. Мая въ 22 день 1721 г., въ Ригѣ.

Огородъ, о которомъ упоминается здѣсь, есть нынѣшній царскій садъ, заложенный Петромъ въ 1721 г., во время пребыванія въ Ригѣ. Въ этомъ саду указываютъ на липу, посаженную какъ говоритъ преданіе, самимъ Петромъ. Въ настоящее время царскій садъ сильно запущенъ.

131

Указъ генералъ губернатору господину князю Репнину

Увѣдомились мы, что денежные сборы и доходы, которые здѣсь сбираются, всѣ не употребляются къ тому, къ чему они опредѣлены и что въ содержаніи здѣшней фортификаціи и въ прочихъ нужнѣйшихъ учрежденіяхъ отъ бургомистровъ и магистрата здѣшняго города есть пренебреженіе не малое, и хотя мы позволили тѣмъ денежнымъ сборамъ и доходамъ по прежнему у нихъ быть, однакожъ въ нынѣшнюю нашу здѣсь бытность дали имъ указъ, чтобъ безъ вѣдома вашего никуда оныхъ не употребляли, и ежемѣсячно исправную вѣдомость, какъ о приходѣ, такъ и о расходѣ денегъ, за руками вамъ подавали; того для по вышеписанному указу, какъ въ приходѣ, а наипаче въ расходѣ денегъ, прилѣжное имѣйте смотрѣніе, чтобъ на непотребные расходы употреблены не были. Петръ. Мая въ 22 день 1721 г., въ Ригѣ.

Тоже самое царь писалъ еще 18 мая 1721 бургомистрамъ и магистрату города Риги. Указавъ на пренебреженіе немалое фортеціи, Петръ повелѣвалъ имъ: „дабы тѣми деньгами не располагать и никуда оныя не употреблять, безъ вѣдома и не объявляя о томъ напередъ здѣшнему нашему генералу и генералъ-губернатору князю Репнину, которому вы такожде ежемѣсячно исправную вѣдомость, какъ о приходѣ, такъ и о расходѣ тѣхъ денегъ, за подписью подавать имѣете“

132.

Господинъ генералъ. Понеже, какъ пишетъ Юнсенъ, что у огородной работы солдатъ больше не бываетъ, какъ человѣкъ по 800 а иногда малымъ чѣмъ больше и меньше. того для, по полученіи сего, велите къ той работѣ солдатамъ прибавить изъ гарнизонныхъ сколько возможно, дабы скорѣе могли отдѣлать. Петръ. Изъ Ревеля, іюня въ 15 день 1721 г

133.

Господинъ генералъ. Отправленъ отъ насъ къ вамъ въ Ригу поручикъ отъ гвардіи Шемякинъ для осмотрѣнія лѣсовъ по уѣзду для огорода, и чего онъ будетъ отъ васъ требовать, а именно офицеровъ и солдатъ и прочаго, дайте ему безъ замедленія. Петръ. Изъ Ригергофа, въ 8 день іюля 1721.

134.

Господинъ генералъ. Понеже зѣло намъ нужно, чтобъ перевесть къ князю Куракину денегъ 8638 ефимковъ, того для поговори ратсгеру Цимерману или другимъ рижскимъ купцамъ, чтобъ на то число векселъ дали, и какъ дадутъ, то немедленно отправь на почтѣ въ Голландію къ князю Куракину и о томъ къ намъ для вѣдома пиши тогда мы вмѣсто того велимъ имъ заплатить здѣсь въ Петербургѣ или на Москвѣ, кому они велятъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 26 день іюля 1721 г

P S. Также надобно вамъ пріѣзжать сюда самому къ числу августа, *понеже на завтріе начнется князь-папы новоселье.*

135.

Господинъ вицъ-губернаторъ (*). Объявляемъ вамъ, что всемилостивый Богъ двадцати одно лѣтнюю такъ жестокую и опасную войну благимъ и пожелаемымъ миромъ благословить изволилъ, которой миръ заключенъ августа въ 30-е въ Нейштатѣ и онымъ вамъ поздравляемъ. И за сію толикую божескую милость надлежитъ трикратно благодареніе учинить, первое тотчасъ, какъ вѣдомость придетъ, другое октября 22 дня, третье генваря 28 дня, дабы два послѣднія во всемъ государствѣ вдругъ отправлены были. И всѣ три съ троекратною пушечною стрѣльбою. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 9 день сентября 1721 г.

P S. Сіе, какъ ландратомъ и шляхетству, такъ и магистрату объявите, такожъ и всему народу

Манифестъ о нишатскомъ мирѣ былъ привезенъ въ Ригу флота капитаномъ Госларомъ 28 сентября и въ тотъ же день былъ прочитанъ въ цитадели, въ Домской церкви и въ церкви св. Якова, въ присутствіи вице-губернатора Воейкова, дворянства, магистрата, двухъ гильдій и мѣщанства, при пушечной пальбѣ. Текстъ Нишатскаго трактата напечатанъ въ IV томѣ П. С. З. подъ № 3819. Разграниченіе земель со Швеціею произошло въ 1723 г. См. о томъ П. С. З. томъ VII, № 4189.

(*) Воейковъ. — Репнинъ въ это время былъ въ Петербургѣ.

136.

Указъ господину генералу князю Репнину Предъ нѣсколькимъ временемъ писали мы въ Митаву къ Петру Бестужеву, чтобъ о выкупленіи въ Курляндіи княжескихъ закладныхъ отъ шляхтъ амтовъ и маетностей съ ними договариваться, на что оной отвѣтствовалъ, что нѣкоторые изъ шляхты къ тому нынѣ явились склонны того для отписи отъ себя въ Ригу, чтобъ переслали къ нему нынѣ изъ рижскихъ доходовъ напередъ для задатку за маетности 30,000 ефимковъ *выдать*. Въ С.-Петербургѣ, октября въ 29 день 1721 г

Указъ этотъ государемъ не подписанъ, но слово выдать написано имъ собственноручно.

137

Указъ генералъ-губернатору, господину князю Репнину Понеже, по милости Вышняго, имѣемъ миръ, въ которомъ о распорядкахъ домовыхъ трудиться надлежитъ, изъ которыхъ обрѣтаемъ и сіе, что городъ Рига великое купечество имѣетъ, а все на чужестранныхъ судахъ, отчего какъ прибыли лишаемся, такъ и въ обученіи навигаціи, чего ради мы даемъ безденежно сему городу *десять* судовъ морскихъ и съ матросы, которые они долженствуютъ содержать, и буде какое несчастіе придетъ надъ которымъ, то вмѣсто его новое сдѣлать, какое хотятъ, лишь бы не меньше ластами, и тако всегда сіе число имѣть, и не точію имѣть, но и тщиться еще умножить, для чего надлежитъ магистрату немедленно верфь зачать, *гдѣ прилично*. Матросовъ должны имѣть на своей платѣ. Петръ. Въ С.-Петербургѣ, въ 17 день ноября 1721 г.

О семъ учини анштальты и репортовать (*).

1722-й годъ.

138.

Господинъ генералъ. Предъ симъ писалъ къ намъ изъ Курляндіи Петръ Бестужевъ, что оберъ-гауптманъ Ренъ въ Курляндіи поступалъ противно нашему интересу и потомъ, по разговорамъ его Бестужева, тѣ противныя поступки чинить пересталъ; а нынѣ онъ же Бестужевъ пишетъ, что помянутой Ренъ, взявъ съ собою адвоката Витмана, поѣхалъ въ Гданскъ, а изъ Гданска хотѣлъ ѣхать для дѣлъ

(*) Корабельной верфи въ Ригѣ зачато не было; анштальты — Anstalt, учрежденіе.

князя Фердинанда въ Варшаву, и ежели онъ по прежнему будетъ противности чинить, то въ курляндскія его маетности командируйте роту или больше драгунъ, смотря по препорціи его деревень, и велите имъ брать для себя провіантъ и фуражъ. Петръ. Съ Петровскихъ заводовъ, марта въ 7 день 1722 г

Герцогъ Фердинандъ постоянно проживалъ въ Данцигѣ, гдѣ онъ и умеръ 4 мая 1737 г. Ренъ, назначенный въ должность оберъ-гауптмана самимъ герцогомъ, хлопоталъ о томъ, чтобы всѣ герцогскіе доходы пересылались въ Данцигъ.

139.

Господинъ генералъ-губернаторъ. Доносителя сего подпоручика Юнсена послали мы въ Ригу съ чертежемъ тамошняго огорода, а что ему велѣно дѣлать, и то усмотрите изъ данной ему инструкціи и сколько потребно будетъ для сажанья въ тотъ огородъ какихъ деревъ, и оныя велите немедленно, пріискавъ, возить и сажать, также и прочее что надобно велите дѣлать. Петръ. Въ Москвѣ, изъ Преображенскаго, марта въ 18 день 1722 г

Въ инструкціи Юнсену указано, гдѣ, по какимъ дорожкамъ и какія сажать деревья.

140.

Господинъ генералъ. Пишетъ адмиралъ Крейцъ, что онъ объ отдачѣ товаровъ корабля Фондалинга, который разбило у Любека, къ генералу коммисару Бестужеву многократно писалъ, дабы съ помянутаго корабля товары отдать страховщикамъ, которыхъ и по нынѣ тѣмъ страховщикамъ еще не отдали, отчего не малой убытокъ имъ учинился, ибо присланъ былъ для пріему помянутыхъ товаровъ отъ нихъ корабль, который, выстоя 6 недѣль, возвратился паки въ Любекъ праздно того для, ежели еще тѣ товары не отданы, то, какъ возможно скорѣе, велите ихъ тѣмъ страховщикамъ отдать, буде же добровольно не отдадутъ, то принудьте ихъ силою отдать, и тѣ напрасные убытки на виноватыхъ доправить. Петръ. Въ 8 день мая 1722, изъ Преображенска.

141

Господинъ генералъ. Когда капитанъ отъ гвардіи нашей Бибиковъ, по врученной ему отъ насъ коммисіи, чего у васъ требовать будетъ, то по предложенію его чините. Петръ. Въ Москвѣ, въ 11 день мая 1722 г.

Такожъ ему о нѣкоторомъ дѣлѣ наказано, когда прибудетъ, и то вамъ чинить, такъ дѣлайте.

142.

Господинъ генералъ. Когда на строеніе въ Ригѣ нашихъ домовъ и огородовъ потребны будутъ деньги, тогда на оные употребляйте изъ какихъ нибудь рижскихъ сборовъ, а что издержано будетъ, и то число впредь возвратите изъ тѣхъ денегъ, которыя будутъ сбираться съ выкупныхъ въ Курляндіи амптовъ отъ Петра Бестужева. Петръ. Изъ Коломны, мая въ 16 день 1722 г

Этотъ и предъидущій указы подалъ Репнину капитанъ Бибиковъ іюня 5 дня 1722.

143.

Господинъ генералъ. Объявляемъ вамъ, что мы отъ Астрахани шли моремъ до Терка, и отъ Терка до Аграхани, откуль послали универсалы, а тамъ, выбрався на землю, дожидались долго кавалеріи, которая несказанной трудъ въ своемъ маршѣ имѣла отъ безводицы и худыхъ травъ, а особливо тотъ корпусъ, который отъ Астрахани шелъ съ генералъ-маіоромъ Кропотовымъ. Къ бригадиру Витеранію посланъ былъ указъ, чтобъ онъ шелъ къ Андреевой деревнѣ, и оную разорилъ, ежели не укрѣплена какъ слухъ носился, и когда оной еще съ прямой дороги къ нимъ и не поворотилъ, но сталъ прямою дорогою приближаться, то отъ оныхъ атакованъ былъ; потомъ, съ помощію Божіею, непріятель побитъ, и деревню ихъ, въ которой сказываютъ съ 3 тысячи дворовъ было, разорили и выжгли безъ остатку и пришли къ намъ; а потомъ и Кропотовъ отъ Астрахани; и какъ оныхъ дождались, пошли въ путь свой, и дошли до сего мѣста. Дорогою все видѣли смирно и отъ владѣльцевъ горскихъ приниманы пріятно лицемъ (а сія пріятность ихъ была съ такой ихъ воли, какъ проповѣдь о божествѣ Христовѣ, реченное. что намъ и тебѣ Іисусе, сыне Бога живаго); только какъ вошли во владѣнье салтана Мамута Утемышевскаго, оной ничѣмъ къ намъ не отозвался; того ради послали къ нему съ письмомъ трехъ человѣкъ донскихъ казаковъ августа 19 по утру, и тогожъ дня 3 часа по полудни изволилъ сей господинъ нечаянно насъ атаковать (чая насъ неготовыхъ застать), которому гостю зѣло были ради (и особливо робята, которые свисту не слыхали), и, принявъ, проводили его кавалеріею, и третьею частію пѣхоты до его жилища. Отдавая контра визитъ и побывъ тамъ для увеселенія ихъ, сдѣлали изъ всего его владѣнія фейерверкъ для утѣхи имъ (а именно сожжено въ одномъ его мѣстечкѣ, гдѣ онъ жилъ, съ 500 дворовъ, кромѣ другихъ деревень, которыхъ по сторонамъ сожгли шесть). Какъ взятые ихъ, такъ и другіе владѣльцы сказываютъ, что ихъ было 10 тысячь; такое число не его, но многихъ владѣльцевъ подъ его именемъ, и чуть не половина пѣхоты, изъ которыхъ около 600 человѣкъ отъ нашихъ побитыхъ сочтено, да взято въ полонъ 30 человѣкъ. Съ

нашей стороны убито 5 драгунъ, да 7 казаковъ, а пѣхотѣ ничего не досталось. ни урону, ни находки, понеже ихъ не дождались непріятели. Потомъ, когда приближились къ сему городу, то наиъ (намѣстникъ) сего города встрѣтилъ насъ и ключь поднесъ отъ воротъ. Правда, что сіи люди нелицемѣрною любовію приняли, и такъ намъ рады, какъ бы своихъ изъ осады выручили. Изъ Баки такія жъ письма имѣемъ, какъ изъ сего городу прежде приходу имѣли; того ради и гварнизонъ туды отправимъ. И тако въ сихъ краяхъ съ помощію Божіею путь получили, чѣмъ вамъ поздравляемъ. Маршъ сей хотя недалекъ, только зѣло труденъ отъ безкормицы лошадямъ и великихъ жаровъ. Петръ. Отъ Дербента, въ 30 день августа 1722 г

4 октября Петръ прибылъ обратно въ Астрахань, 7 ноября отправился въ Москву, куда 13 декабря имѣлъ торжественный въѣздъ; въ Петербургъ прибылъ 3 марта 1723 г. См. въ статьѣ Соловьева: Петръ Великій на Каспійскомъ морѣ; въ Вѣстникѣ Европы, 1868, мартъ, стр. 163 — 202.

1723-й годъ.

144.

Господинъ генералъ. Писалъ ты въ нашъ кабинетъ отъ 17 числа сего мѣсяца, что рижской экономіи оберъ-коммисаръ Фельгерзамъ подалъ тебѣ меморіалъ, въ которомъ доноситъ, что съ мызы Вольфартъ бывшаго барона Петра Шафирова прикащикъ его объявилъ ему 987 талеровъ-албертусъ, да 387 талеровъ-курантъ и нѣсколько концовъ полотна, и ты неизвѣстенъ, какой указъ есть о ономъ Шафировѣ и просишь указу, какъ въ томъ и въ прочихъ дѣлахъ, ежели случатся, поступать; а понеже онъ, Шафировъ, за преступленіи свои штрафованъ отнятіемъ чести и чиновъ, и всѣ его мнѣнія, движимыя и недвижимыя, взяты на насъ, того для оныя объявленныя деньги и полотна возьми у него, Фелькерзама, въ нашу казну и вели публиковать указъ въ Ригу и во всей Лифляндіи, чтобъ кто имѣетъ на Шафирова деньги или иныя какія вещи, чтобъ объявляли безъ утайки подъ смертною казнію. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 29 день марта 1723 г

Петръ Павловичъ Шафировъ, въ 1691 переводчикъ въ посольской канцеляріи, въ 1709 г. подканцлеръ и баронъ, въ 1722 г. дѣйствительный тайный совѣтникъ, былъ преданъ суду 9 Января 1723 г. за присвоеніе себѣ значительныхъ суммъ денегъ по почтовому вѣдомству, за произвольное возвышеніе почтовой таксы и за укрывательство въ своихъ помѣстьяхъ бѣглыхъ, — и осужденъ на смерть. 15 Февраля Петръ измѣнилъ судебный приговоръ: Шафировъ былъ лишенъ чиновъ и сосланъ въ Сибирь. Имѣніе его конфисковано. Императрица Екатерина I въ 1725 простила Шафирова, возвратила ему баронское достоинство и призвала въ С.-Петербургъ. Онъ умеръ 1 Марта 1739 г.

Главнымъ виновникомъ паденія Шафирова былъ Меньшиковъ. Судъ надъ Шафировымъ обнаружилъ и злоупотребленія Меньшикова.

145.

Господинъ генералъ. Понеже слышимъ, что магистратъ рижской поляковъ озлобляетъ арестованіемъ за свои долги и прочими тягостями, отчего поляки уже почитай не ѣздятъ сами, но токмо что рижане у нихъ закупятъ, то привозятъ, а сами обратились въ Кенигсбергъ. того ради тихонько о семъ провѣдай, а чего нельзя тихо, и явно розыщи, также у пріѣзжихъ самъ спроси, да и въ Литву добраго человѣка пошли, дабы о семъ подлинно намъ вѣдать, чѣмъ недовольны поляки и какого удовольства желаютъ, отчего бы могъ торгъ рижской въ такое состояніе притить, какъ предъ прошлою войною было, и что возможно учинить, дабы ихъ и отъ другихъ портовъ къ рижскому обратить, не только отгонять; и о всемъ, развѣдавъ и розыскавъ, подлинное вѣдѣніе съ нарочнымъ добрымъ прислать, который могъ бы и на словахъ о томъ съ нами говорить. Бенкендорфа, который отпросился по жену, по сію пору не было; вышли съ провожатымъ и съ женою немедленно сюда. Петръ. Въ 30 день апрѣля 1723 г Изъ С.-Петербурга.

146.

Господинъ генералъ-губернаторъ. Въ рижскомъ уѣздѣ публичную деревню, именуемую Гофригенъ, отдайте на аренду до указу нашего подпоручику Петру Іонсену, а между тѣмъ увѣдомь насъ нѣтъ-ли къ оной мызѣ наслѣдниковъ, и по скольку платится съ оной аренды, и сколько таковъ и въ нихъ дворовъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 19 день мая 1723 г

147

Господинъ генералъ. Посолъ персидской, который присланъ проситъ помочи отъ насъ, также и о возведеніи на престолъ новаго шаха, негоціацію сію окончилъ и за оную помочь всѣми провинціями, лежащими по Каспійскому морю, намъ вѣчно уступилъ, которымъ новымъ успѣхомъ вамъ поздравляемъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 17 день сентября 1723 г.

P S. Каковъ трактатъ о тѣхъ уступленныхъ провинціяхъ учиненъ, оной печатной при семъ къ вамъ посылаемъ.

Трактатъ, заключенный между Петромъ I и персидскимъ шахомъ Тахмасибомъ, 12 Сентября 1723 г., помѣщенъ въ П. С. З. томъ VII, подъ № 4298.

148.

Господинъ генералъ. Слышалъ я, что въ Курляндіи смолу дѣлаютъ въ печахъ каменныхъ; постарайся такихъ мастеровъ достать

сюда; также, получа сіе письмо, поѣзжай къ Москвѣ, куда мы всѣ ѣдемъ. Я зѣло сожалѣю о твоей болѣзни, и понеже съ Москвы я поѣду на Олонецъ, куда и тебѣ надобно будетъ ѣхать, понеже отъ ипохондріи никакое лекарство такъ способно, какъ тамошнія воды; о прочемъ о чемъ ты писалъ, какъ увижусь, переговорю о всемъ, а иное уже сдѣлано. Петръ. Изъ С.-Петербурга, во 2 день Декабря 1723 г.

15 Ноября 1723 г. состоялся манифестъ о короновании Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны. См. П. С. З. томъ VII, № 4366.

Государь назначалъ было день коронаціи на Рождество въ 1723 г.

149.

Господинъ генералъ. Писали мы къ вамъ во 2 день сего мѣсяца, чтобъ вы ѣхали къ Москвѣ, по полученіи того письма, куда и мы хотѣли ѣхать вскорѣ; но нынѣ не вѣдаемъ, можемъ ли къ празднику Рождества быть въ Москвѣ или нѣтъ. того для и вы ѣздою къ Москвѣ обождите до другаго нашего указу, а прочее чините по первому письму Петръ. Изъ С.-Петербурга, декабря 4 дня 1723 г

1724-й годъ.

150.

Господинъ генералъ. Когда вамъ будетъ легче отъ болѣзни, пріѣзжай сюда и буде не можно будетъ въ семъ мѣсяцѣ, то хотя въ первыхъ февраля. Суперинтенденту Бриску объяви, чтобъ онъ нынѣ сюда пріѣхалъ. Петръ. Изъ С.-Петербурга, января въ 3 день 1724 г.

Съ самаго учрежденія Военной Коллегіи въ 1718 г. Меньшиковъ былъ президентомъ оной. Слѣдствіе надъ Меньшиковымъ, учрежденное тотчасъ послѣ суда надъ Шафировымъ, обнаруживъ его злоупотребленія, обнаружило вмѣстѣ съ тѣмъ, что главныя средства къ непозволительному обогащенію Меньшиковъ почерпалъ изъ Военной Коллегіи. Наложивъ 200 тысячъ рублей штрафа на Меньшикова, Петръ лишилъ его званія президента Военной Коллегіи и вызвалъ Репнина для занятія этой должности.

151.

Господинъ генералъ. Присланный отъ тебя чертежъ коммуникаціи Пейпускаго озера съ рѣкою Аа, которой чертежъ дѣлалъ полковникъ Бриль, и описаніе его Брилево на тоть чертежъ мы видѣли, и первая коммуникація, что изъ озера мимо Ряпиной мызы рѣкою Веспою, весьма неудобна, но другая рѣкою Эмбахомъ, которая идетъ мимо Дерпта, удобна до самаго мѣстечка Валки; а отъ онаго мѣстечка до рѣки Аа, написано въ описаніи его Брилевомъ, что рѣчкою Педелемъ разстоянія на прямикъ полторы мили, но токмо горами и боло-

тами велижими, гдѣ будто никакимъ способомъ комуникаціи учинить не возможно, потому что и теченіе оной рѣчки неспособно. Того для пошли еще кого искуснаго человѣка, или его же Бриля, и вели ему отъ мѣстечка Валки до рѣки Аа осмотрѣть подлинно, не возможно-ли горы обойтить низкими мѣстами, а ежели болоты есть, въ томъ сомнѣваться не надлежитъ, понеже помѣшательства въ дѣлѣ отъ нихъ не будетъ, и чтобъ, сдѣлавъ чертежъ, прислать къ намъ, а другой въ Ригѣ оставить. Петръ. Изъ С.-Петербурга, въ 30 день генваря 1724 года.

Это послѣдній, полученный лифляндскимъ генералъ-губернаторомъ, имянной указъ Петра I.

Кн. Репнинъ въ февралѣ 1724 г. прибылъ въ Петербургъ и вступилъ въ должность президента военной коллегіи, съ оставленіемъ и въ званіи лифляндскаго генералъ-губернатора. 7 мая 1724 г., въ день коронаціи императрицы, онъ былъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы.

Репнинъ и Меньшиковъ никогда не жили въ ладахъ между собою. Раздоръ выказался явно. Такъ Лефортъ писалъ 7 ноября 1724: „Третьяго дни на крестинахъ у Ягужинскаго, Меншиковъ и Репнинъ сильно поругались между собою, взводя другъ на друга обвиненія въ семи смертныхъ грѣхахъ“. См. Hermann, Geschichte des russischen Staates, 4 Band, Seite 443).

Императоръ Петръ скончался 28 января 1725 г., а 18 марта князь Репнинъ уже былъ смѣщенъ съ должности президента и получилъ повелѣніе ѣхать къ своему мѣсту въ Ригу.

Къ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ.

I.

Дерптское событіе 8-го января 1472 года и основаніе Печорскаго монастыря на предѣлахъ Ливоніи, какъ слѣдствіе того.

Чтеніе д-ра Θеод. Бейзе въ эстонскомъ ученомъ обществѣ въ Дерптѣ 17-го января 1876 года.

Наши мѣстные лѣтописцы умалчиваютъ о событіи, составляющемъ эпоху въ бытописаніяхъ минувшаго, свидѣтельствующемъ о духѣ нетерпимости того вѣка и болѣе или менѣе накликавшемъ и вызвавшемъ ходъ событій XV1 столѣтія.

Въ то же 1472 лѣто христіанскаго лѣтосчисленія, когда воспитанная при римскомъ дворѣ въ папскомъ ученіи греческая принцесса, дочь Θомы, деспота ахайскаго, и внучка византійскаго императора, Эммануила II, изъ дома Палеологовъ, будучи невѣстою великаго князя Іоанна Васильевича, на пути изъ Любека чрезъ Ревель имѣла торжественный въѣздъ въ Дерптъ, сопутствуемая послами и приставами, оттуда же чрезъ Нейгаузенъ *) и Псковъ, съ подобающими ея сану почестями и съ царскою пышностью препровождена была въ Москву, — въ то же самое лѣто въ началѣ января, случилось здѣсь злодѣяніе, бывшее отчасти причиною основанія сосѣдняго и порубежнаго Печорскаго монастыря. Русскіе источники сообщаютъ слѣдующее:

---

*) Въ русскихъ лѣтописяхъ Новгородокъ ливонскій, на границѣ Лифляндіи со Псковскою губерніею. Прим. перевод.

Папа Сикстъ IV, воспитавъ упомянутую византійскую принцессу въ римскомъ обрядѣ, надѣялся чрезъ то достигнуть возсоединенія восточной церкви съ западною и устранить ихъ раздѣленіе.

Высшая сила разрушила однако хитро разсчитанные замыслы папскаго престола и уничтожила всѣ его усилія, ибо, по прибытіи своемъ въ Москву, принцесса приняла православіе, подавъ тѣмъ новый поводъ давно уже питаемой враждѣ.

Но, передъ тѣмъ еще, случилось ужасное происшествіе, хотя и не состоявшее въ непосредственной связи съ упомянутымъ событіемъ, все таки болѣе или менѣе способствующее разъясненію непонятныхъ противорѣчій, отражающихся въ перемѣнчивыхъ судьбахъ XV вѣка.

Если повѣствователи церковно-историческихъ преданій достовѣрны и надежны въ записанныхъ ими извѣстіяхъ; если хронологія мѣстныхъ нашихъ источниковъ согласна съ данными лѣтосчисленія отъ созданія міра, то на двухлѣтнее правленіе (1471—1473) дерптскаго епископа Андрея, втораго послѣ Варѳоломея Савиерве, непосредственнаго преемника епископа Гельмиха (1471) и предшественника Іоанна III Берткова (1473), падаетъ позоръ совершенія этого внушеннаго фанатизмомъ злодѣянія.

Послѣдователи православія, подобно Ригѣ и Ревелю, и въ Дерптѣ искони имѣли свои богослужебныя зданія. Торговля, этотъ сильно связующій различные народы факторъ, привлекла и сюда, въ Дерптъ, населитву торговыхъ людей изъ сосѣднихъ городовъ по ту сторону Чудскаго озера; старинныя нѣмецкія торговыя и ганзейскія конторы въ Новгородѣ и Псковѣ нашли себѣ международный отголосокъ въ русскихъ колоніяхъ прибалтійскихъ городовъ, сами же поселенцы находили въ церковной общинѣ и въ отправленіи прародительской своей вѣры выраженіе своей народности, въ противоположность послѣдователямъ латинской церкви. Тремеръ, этотъ вѣрный хранитель и основательный знатокъ нашего городскаго архива въ историческомъ своемъ изслѣдованіи о двѣнадцати церквахъ древняго Дерпта, убѣдительно доказалъ, что древнѣйшая православная церковь, во времена римскихъ епископовъ, стояла на мѣстѣ нынѣшней русской книготорговли, находящейся въ домѣ Бертольда, на Рыцарской улицѣ, недалеко отъ построенной въ глубокой древности католической церкви св. Іоанна; она освящена была во имя святителя и чудотворца Николая и соединяла въ стѣнахъ своихъ ядро православной городской общины; другая же церковь во имя св. великомученика Георгія, находилась, по всей вѣроятности, за городомъ и, можетъ быть, искать ее слѣдуетъ на мѣстѣ нынѣшней пароходной пристани, ибо тутъ, на участкахъ Гольдмана, Рейнгольда и Рундальцова, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, какъ дознано, находилась ограда богослужебнаго зданія со священническимъ домомъ и садомъ, а вѣроятно и клад-

бище; въ одномъ изъ этихъ домовъ, даже въ послѣднія десятилѣтія, помѣщалась временная новая георгіевская церковь; во всякомъ же случаѣ, по историческимъ источникамъ, искони существовали, наряду одна съ другою, двѣ православныя общины.

Николаевская община 6 января 1472 года, по общему сводному всѣмъ православнымъ приходамъ древнему обычаю, вмѣстѣ съ праздникомъ Богоявленія Господня, совершила и обрядъ водоосвященія. Крестный ходъ изъ церкви отправился и на этотъ разъ, чрезъ ближнія русскія ворота, на Амовжу (Эмбахъ) и, по окончаніи обряда, тѣмъ же путемъ возвратился въ городъ. Произошли ли при томъ безчинства со стороны фанатически возбужденой черни, повела ли процессія къ столкновеніямъ съ властями латинской церкви, довольно того — источникъ, изъ коего мы черпаемъ и коего исконный авторитетъ ежегодно обновляется не только у послѣдователей православія, но и у отщепенцевъ XVII вѣка, свидѣтельствуетъ о томъ, что 7 января епископъ и городскія власти на скорую руку чинили расправу, 8-го же числа, годовщина коего донынѣ повсемѣстно воспоминается, послѣдовало преданіе лютой смерти тогдашняго пресвитера, сопричисленнаго при митрополитѣ Филиппѣ, въ правленіе царя Іоанна Васильевича, къ лику святыхъ, священно-мученика Исидора новаго и 72 сострадальцевъ его. Всѣ они, мужи и жены, были въ тотъ день утоплены, сверженные въ р. Амовжу (Эмбахъ) съ возвышенія внѣ города на ревельской дорогѣ, стало быть въ той мѣстности, снѣжная равнина коей сопредѣльна съ преодолѣвающею воды и наводящею мосты зимнею суетливостью настоящаго времени *). Лишь весною по вскрытіи льда, тѣлеса умерщвленныхъ появились на поверхности воды и преданы были землѣ, по христіанскому обряду, на кладбищѣ при Николаевской церкви. Такъ гласитъ сказаніе инока Варлаама, записанное въ новосозданномъ Печорскомъ монатырѣ, при митрополитѣ Макаріи.

Исторія возникновенія сего порубежнаго убѣжища такъ тѣсно связана съ описаннымъ выше страшнымъ дерптскимъ событіемъ, что служащая доселѣ пріютомъ духовной учености, врачебницею и питательницею, убѣжищемъ истерзанныхъ душъ и священнымъ мѣстомъ послѣдняго упокоенія и во всякое время года посѣщаемая многочисленными богомольцами, обитель сія представляется уму не иначе, какъ въ связи съ послѣдствіями, сопряженными съ упомянутымъ событіемъ.

Священноіерей Іоаннъ, который, со своими домашними, избѣжалъ въ 1472 году умерщвленія въ Дерптѣ, исходатайствовалъ у тогдашняго митрополита разрѣшеніе на основаніе Печорскаго монастыря,

*) Эти слова автора, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ понимать такъ, что тамъ находится нынѣ желѣзнодорожный мостъ. Прим. перевод.

воспользовавшись преданіемъ объ отшельникѣ Маркѣ, могила коего доселѣ показывается и который уже въ древности поселился въ этой мѣстности, окруженной таинственно шумящими рощами и освященной разсказами предковъ о чудныхъ событіяхъ. Подобно тому, какъ Печорская лавра въ Кіевѣ, Святотроицкая близъ Москвы и Печорская обитель въ Нижнемъ-Новгородѣ въ исторіи возникновенія своего связаны съ преданіями минувшаго, такъ и въ печорской мѣстности, еще до основанія нынѣшней обители, производилось священнодѣйствіе. Здѣсь сочетались вѣра и миръ. По своеобразному сцѣпленію историческихъ данныхъ, торжественное освященіе новосозданнаго Печорскаго монастыря пришлось 15 августа 1474 года, въ день Успенія Богоматери, въ тотъ церковный праздникъ, въ который, равно за 249 лѣтъ предъ тѣмъ, произошло прославленное мѣстнымъ художникомъ, Людвигомъ ф. Майделемъ, взятіе приступомъ юрьевскаго вышгорода и учрежденіе дерптскаго епископства *). При псковскомъ воеводѣ, князѣ Ярославѣ Васильевичѣ Оболенскомъ, новосозданная порубежная обитель была освящена, по чину церкви, получивъ съ тѣмъ вмѣстѣ историческое призваніе быть убѣжищемъ для страждущихъ тѣломъ, душою и духомъ. Доселѣ еще стѣны и мрачные пещерные переходы, многовѣковые дубы монастырскаго двора и тѣнистыя древеса окрестностей даютъ понятіе о славѣ временъ минувшихъ. Еще теперь показывается изображеніе, напоминающее осаду Пскова Стефаномъ Баторіемъ и мимолетную побѣду польскаго вторженія. Доселѣ еще изъ пучины минувшаго возстаютъ воспоминанія о томъ или другомъ періодѣ монастырской исторіи, когда обитель эта или щадима была проходившими мимо нея полчищами, или же служила помѣщеніемъ для больныхъ и плѣнныхъ. Во время великой сѣверной войны она также играла свою роль, искони славясь, съ посвященною св. Лазарю больничною церковью, какъ лѣчебница и пріютъ для недужныхъ. Еще болѣе заслугъ оказала она, какъ оазисъ (островъ) въ пустынѣ, поддержаніемъ научности между иноками, оживленіемъ ученыхъ занятій и постепеннымъ накопленіемъ хорошаго книгохранилища.

Часто посѣщали эту обитель путешественники изъ нашего края; иной выдающійся членъ лифляндскаго лютеранскаго духовенства неоднократно старался завязать тамъ литературныя связи.

Въ стѣнахъ сей обители навѣрное ожидаютъ своего разрѣшенія многія загадки нашей ливонской исторіи. Какъ часто, напр., дѣлались разныя предположенія о мѣстонахожденіи иныхъ архивовъ, коихъ послѣдніе слѣды теряются въ губернскомъ городѣ Псковѣ. Лежащая

*) Защитникомъ Юрьева, при взятіи его нѣмцами, былъ изгнанный ими изъ Кокенойса (Кокенгузена) князь Вячко, посаженный впослѣдствіи новгородцами въ пригородъ ихъ Юрьевъ, при взятіи коего онъ и погибъ доблестною смертію. Прим. перевод.

въ 56 верстахъ отъ Пскова, на самой лифляндской границѣ, высоко чтимая всѣми обитателями губерніи и всѣхъ окрестностей, Печорская обитель можетъ быть названа жемчужиною бассейна рѣки Великой.

Историческое значеніе этой обители, ея архитектурной стиль, ея научная и практическая дѣятельность пережили столѣтія; доселѣ стоитъ она краснорѣчивымъ свидѣтелемъ временъ минувшихъ, кои мелькаютъ предъ нами лишь отрывочно. Когда новгородскій владыка Θеоѳилъ, 15 августа 1473 года, совершалъ освященіе Успенской церкви, когда спасшійся изъ Дерпта пресвитеръ Іоаннъ, по смерти подружія своего нареченный во иночествѣ Іоною, пригласилъ строителя монастырской церкви во имя св. Антонія и Θеодосія, тогда околотокъ обители не имѣлъ еще того нротяженія, коего достигъ онъ въ теченіе вѣковъ, вслѣдствіе дарственныхъ записей. Къ выше упомянутымъ храмамъ прибавилась построенная въ 1565 году, собственно пещерная церковь во имя святителя и чудотворца Николая, затѣмъ собственно Печорская, а въ 1541 году церковь Благовѣщенія Божіей Матери. Приношеніемъ графа Витгенштейна, который, въ 1812 году, въ званіи главнокомандующаго двинскою арміею, открылъ между подчиненными ему войсками подписку, возникла въ 1820 году Софійская церковь, впослѣдствіи переименованная во имя св. архистратига (Михаила). Сверхъ того, существуетъ еще упомянутая уже больничная церковь во имя преподобнаго Лазаря. Всѣ эти храмы съ ихъ многочисленными колокольнями, гробницами основателей и благотворителей, покровителей и святыхъ заступниковъ обители (Бориса и Глѣба, Варлаама, Іоны и др), многочисленныя при монастырѣ учрежденія для пропитанія неимущихъ и окрестныя заведенія соединены въ одинъ округъ. Сады, сѣнокосы и пашни, угодья во Псковѣ и въ Печорахъ рыбныя ловли и мельницы доставляютъ средства на содержаніе этой щедро надѣленной первоклассной обители, раздѣляемой рукавомъ пограничной съ Лифляндіею рѣчки на сѣверную и южную часть. къ ней же принадлежатъ разныя другія, разсѣянныя по губерніи, церкви и приписные монастыри. Всѣ эти богоугодныя заведенія состоятъ подъ общимъ управленіемъ. Построенная въ 1775 году церковь св. Димитрія ростовскаго съ тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія обращена въ общую для всѣхъ иноковъ трапезу Обитель сія неоднократно удостоивалась посѣщенія русскихъ монарховъ, чаще же всѣхъ Петра Великаго и Александра I. Мы имѣемъ составленный въ 1812 году Никаноромъ Богдановичемъ Лещеевымъ и изданный въ 1821 году архимандритомъ Венедиктомъ съ братіею (гравированный кантонистомъ Артемьевымъ, съ текстомъ Векшина) чертежъ и изображеніе обители со всѣми принадлежащими къ ней зданіями. Въ описаніи древностей псковской губерніи, въ собраніяхъ мѣстныхъ обществъ, въ монастырской лѣтописи и въ настоящемъ описаніи встрѣчается много воспоминаній объ остаткахъ древности. Мы имѣемъ также два изображенія новѣйшаго вре-

мени, представляющія монастырь съ сѣверной и сѣверовосточной сторонъ. На обоихъ виднѣются стѣны и многочисленныя главы, возстающія изъ прелестной зелени лѣсовъ, отовсюду окружающей эти древніе храмы.

Самая мѣстность, въ коей преобладающею формаціею является доломитъ, подвергнута научному изслѣдованію профессоромъ, д-ромъ Гревингкомъ въ его „Геологіи Лифляндіи и Курляндіи“ При статистическомъ описаніи псковской губерніи также обращено вниманіе на обитель. Во всѣ времена историческое изслѣдованіе обращалось къ сосѣднему съ нею Изборску Во многихъ отношеніяхъ древнѣйшія историческія воспоминанія содѣйствовали разъясненію русской исторіи.

Исторія обители составляетъ сама по себѣ одно цѣлое. Она изложена въ монографіяхъ, но еще не исчерпана, повѣствованія ея отчасти хранятся еще въ монастырскомъ архивѣ; сказаніе инока Варлаама составляетъ одинъ изъ древнѣйшихъ ея отдѣловъ, нуждающихся въ разъясненіи. Такимъ образомъ, уже четыреста четыре года сряду, въ богослуженіи православной церкви хранится память событія, коего письменное изложеніе, составленное инокомъ Варлаамомъ, связано съ преданіемъ, глубоко укоренившимся въ сознаніи народа.

Ежегодно, 8 января, происходитъ на литургіи чтеніе, коего историческое основаніе относится ко дню упомянутаго событія.

Рукопись изъ восьми, тѣсно исписанныхъ листовъ, наполнена молитвословіями, коими, по распоряженію церковной власти, изъ году въ годъ обновляется у вѣрующихъ память св. священно-мученика Исидора и 72 сострадальцевъ его.

Чѣмъ щепетильнѣе и уклончивѣе относятся къ этому событію свѣтскіе писатели; чѣмъ скуднѣе источники, изъ коихъ можетъ быть доказана соотвѣтственность записей событіямъ времени, тѣмъ болѣе смутный оттѣнокъ получаетъ мрачная судьба, нависшая надъ Ливоніею въ концѣ XV вѣка, если безъискуственный и простой разсказъ привести въ связь съ ходомъ непосредственно послѣдовавшихъ затѣмъ событій. Война и упадокъ, послѣдній отблескъ прежняго величія, прежней роскоши, расточительности, характеризуютъ періодъ, предшествовавшій распаденію орденскаго государства, разрушенію епископскаго территоріальнаго владычества. Пусть себѣ историческій отпечатокъ, въ теченіе времени, смытъ позднѣйшимъ наслоеніемъ; пусть себѣ самое событіе, можетъ быть, изукрашено въ его изложеніи, — при быстромъ полетѣ вѣковъ и недостаткѣ современныхъ извѣстій, едва уже можно различить вѣрное отъ искаженнаго, существенное отъ прикрашеннаго. Требовавшаяся искони, такъ называемая дань вѣры, вѣроисповѣдная распря сосѣдей *) составляютъ для истори-

*) Данью вѣры (Glaubenszins) называлась дань, платившаяся иногда епископами дерптскими русскимъ государямъ за право владѣнія прежними русскими землями. Неплатежъ этой дани повелъ къ ливонской войнѣ при Іоаннѣ Грозномъ.

Примѣч. переводчика.

ческаго изысканія предметъ етоль же серьезнаго и добросовѣстнаго изслѣдованія, какъ и вопросъ о доказательствахъ упомянутаго злодѣянія.

Потребность разъясненія нераскрытыхъ событій средневѣковой упорной борьбы за вѣру будетъ ощущаться каждымъ вѣкомъ, задачею коего будетъ дальнѣйшее развитіе христіанства и возведеніе его на степень всемірной религіи.

Намъ желательно только, посредствомъ сравненія источниковъ и указаніями къ точному раскрытію исторической истины, а также возбужденіемъ навертывающихся вопросовъ мнительной критики содѣйствовать точнѣйшему установленію всѣхъ относящихся сюда данныхъ.

Пусть какое-либо болѣе счастливое открытіе способствуетъ оправданію памяти одного изъ мѣстныхъ властителей временъ минувшихъ, кои въ ихъ историческихъ причинахъ и сцѣпленіяхъ могутъ быть раскрыты лишь путемъ точнаго анализа!

О дерптскомъ событіи 1472 г. преосвященный Павелъ, епископъ псковскій и порховскій, въ своей книгѣ „Кое что изъ прежнихъ занятій“ (Псковъ, 1872 г.) на стр. 38—43 говоритъ, руководствуясь „Повѣстью о началѣ и основаніи Печерскаго монастыря“, слѣдующее:

По договору съ московскмъ великимъ княземъ Іоанномъ III Васильевичемъ *великимъ*, въ 1463 г. заключенному въ Псковѣ, Юрьевскій епископъ (латинскій), обязался между прочимъ оказывать особенное покровительство православнымъ въ Дерптѣ, жившимъ въ *русскомъ концѣ*, съ церквами ихъ (*), и *то держать по старинѣ и по старинным грамотамъ* (**).

Но латиняне того времени вовсе не считали грѣхомъ — обманывать православныхъ, называемыхъ ими *схизматиками*, дерптскій епископъ вовсе не думалъ исполнять данное имъ обязательство. Однажды нѣкто изъ бургомистровъ города Дерпта (***) донесъ епископу на православнаго священника дерптской *Николаевской церкви Исидора* и на всѣхъ, живущихъ въ *русскомъ концѣ* города, что они публично отправляютъ свое богослуженіе, — въ разговорахъ и съ латинянами и между собою сильно говорятъ противъ латинской вѣры, — опро-

---

(*) Изъ церквей тогдашнихъ, по описанію (о немъ скажется далѣе) „страданія юрьевскихъ мучениковъ“,— извѣстны двѣ: св. Николая и св. Георгія,

(**) См. 1 Псковск. лѣтоп. въ полн. Собр. Русск. лѣтоп. т, IV. 1818 г. стр. 225.

(***) Описаніе „страданія Юрьевскихъ мучениковъ“ называетъ его старѣйшиною града того, именемъ Юрія Трясоголова, нѣмчина суща.

вергаютъ догматъ ея о происхожденіи св. Духа *и отъ сына*, — порицаютъ совершеніе евхаристіи *на опрѣснокахъ* и глумятся надъ *главенствомъ* римскаго *папы*. Въ день Богоявленія, 6 января 1472 г., когда Исидоръ и всѣ православные того города пошли съ крестнымъ ходомъ изъ Николаевской церкви (*), по обычаю, на рѣку *Амовжу* (**) для воосвятія — какъ вдругъ толпа нѣмцевъ—латинянъ, посланныхъ епископомъ и бурмистрами ихъ, напала на крестный ходъ и, схвативши священника Исидора, а изъ прочихъ православныхъ — 72 человѣка, мужчинъ и женщинъ и даже дѣтей, привлекла ихъ предъ епископа и городское начальство. Здѣсь новые *исповѣдники* показали всю свою твердость въ православіи, не смотря на всѣ истязанія и понужденія къ латинству Священникъ Исидоръ съ основательностію опровергъ важнѣйшія уклоненія отъ истины въ латинствѣ (***) осмѣялъ папъ и въ особенности Евгенія IV (1331—1447 г.) съ нововымышленною его *уніею* (на флорентинскомъ соборѣ 1439 г.), съ распространителями ея въ Руси *Исидоромъ* (†) и *Григоріемъ* (††), и напослѣдокъ увѣщевалъ даже самого епископа и бургомистровъ обратиться къ православію. Разгнѣванный епископъ велѣлъ священника Исидора со всѣми съ нимъ схваченными бросить въ темницу до рѣшенія надъ ними дѣла.

Въ темницѣ заключенные молились (†††), пѣли (1) и, наставляемые Исидоромъ къ безтрепетному перенесенію постигшей ихъ скорби, причащеніемъ (2) тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа всѣ приготовились мужественно встрѣтить самую смерть, еслибы на нее осудили ихъ. 8 числа января (того же 1472 г.) всѣ они приведены были въ ратушу для новыхъ истязаній и выслушанія приговора. Въ

(*) Въ рукописномъ „страданіи юрьевскихъ мучениковъ“ говорится: „въ ливонской земли во градѣ Юрьевѣ... православніи христіяне въ русскомъ концы — церковь имѣяху... во имя святителя Христова Николы чудотворца и Георгія великомученика Христова“.

(**) По древнему туземному названію Эммаіогга, т. е. мать рѣкъ, или по нынѣшнему нѣмецкому — Эмбахъ. Отъ этого-то въ мирномъ договорѣ Новгорода и Пскова съ юрьевскимъ—орденскимъ епископомъ, она прямо названа матерою рѣкою (должно читать мать рѣкою). См. Акт. Зап. Росс. т. 1. Спб. 1846 докум. 69. на стран. 85.

(***) Кромѣ прибавленія къ символу и опрѣсноковъ въ евхаристіи также между прочимъ и брадобритіе, поклоненіе иконамъ — изваяніямъ изъ дерева и металловъ, что онъ называлъ проклятымъ идолопоклоненіемъ (см. въ той же рукописи).

(†) Лже-митрополитомъ московскимъ 1437 — 1441 г.

(††) Лже-митрополитомъ кіевскимъ, посвященнымъ въ Римѣ отъ лже патріарха константинопольскаго Григорія Маммы и бывшимъ въ Литвѣ отъ 1458—1473 г.

(†††) Святый Исидоръ и со дружиною ста въ темницы на востокъ и нача пѣти и молитися со слезами и со воздыханіемъ сердечнымъ.» См. тамъ же.

1) „Начаша пѣти вси единогласно въ темницы великимъ гласомъ: святіи мученицы иже добрѣ и страдавше и вѣнчавшеся, молитеся ко Господу спастися душамъ нашимъ. Таже и прочее поюще.“ См. тамъ же.

2) „Св. исповѣдникъ Христовъ Исидоръ... прежде причаститися самъ святыхъ и животворящихъ таинъ безсмертныхъ Христовыхъ пречистаго тѣла и честныя крове Христа Бога нашего. Таже и всѣхъ ту сущихъ — дружину свою, мужей и женъ и дѣтей причастивъ... и быша вси безстрастни и радостію духовною объяти.“ См. тамъ же.

ратушѣ по этому случаю засѣданіе было самое торжественное: засѣдалъ самъ латинскій епископъ и съ нимъ все городское начальство и нарочно для сего приглашенные державцы городовъ юрьевской области (*). Всѣ они съобща уговаривали православныхъ если не къ принятію латинства, то къ покорности папѣ—*къ уніи*, оставаясь при своихъ благочестивыхъ обрядахъ (**). Ни лесть, ни угрозы, ни обѣщанія, ничто не могло поколебать православныхъ. Исидоръ съ новою силою повторилъ прежнее свое опроверженіе латинства и уніи, обличилъ ихъ лесть и — отъ себя и отъ имени своей паствы — отвергъ всѣ ихъ угрозы и обѣщанія. Раздосадованный посрамленіемъ своимъ въ глазахъ свѣтскихъ властей *и чуди*, епископъ отдалъ варварское прпказаніе утопить священника Исидора и всѣхъ съ нимъ бывшихъ православныхъ (***) въ рѣкѣ Амовжѣ (Эмбахѣ), куда того же дня (8 января) безжалостно и побросали въ прорубь всѣхъ, не пощадивъ даже матерей съ грудными младенцами. — Весною (†), по вскрытіи рѣки, за три версты выше города, найдены *въ цѣлости* всѣ тѣла сихъ 73 замученныхъ, и оставшимися въ Дерптѣ православными — честно погребены при церкви св. Николая (††). На сей разъ фанатизмъ латинянъ — нѣмцевъ ограничился только сими жертвами ихъ ревности къ папизму

(*) „Держателе градскіи... изъ всѣхъ градовъ окрестныхъ, иже въ ливонской земли во области славнаго града Юрьева.“ См. тамъ же.

(**) Безбожніи нѣмцы, спрѣчь латинове, подтвержденіе пріяша ересемъ своимъ проклятымъ и своей злочестивой вѣрѣ отъ великаго града Рима, отъ папы Евгенія, еретика суща и врага истины, отъ антихристова предтечи, и отъ проклятаго его собора: и восхотѣша отвратити люди Божія отъ вѣры христіанскія истинныя... и свою проклятую вѣру латинскую привести и опресночному ихъ служенію пріединити съ собою христіанъ всѣхъ... и ласкательными словесы хотя ихъ уловити... и нашу вѣру примите... въ нюже вси нѣмцы вѣруютъ. Наша вѣра съ вашею едина... и многому добру нашему и богатству наслѣдницы будете. А восхощете и вы свою вѣру держите, мы вамъ не возбраняемъ... Только нынѣ повинитися... предъ многими нѣмцы и чюдію...“ См. тамъ же.

(***) „Безбожный бискупъ и съ своими, ему вельми распальшуся гнѣвомъ тяжкимъ на святыхъ, и повеле ихъ... въ рѣку Омовшу вмѣтати подъ ледъ... идѣже воду святую святили. Бысть же всѣхъ страдальцевъ и съ Сидоромъ священнымъ числомъ семдесятъ и три.“ См. тамъ же.

(†) „Веснѣ пришедше и разліявшися рѣцѣ оной, и явишася тѣлеса св. угодниковъ Хрустовѣхъ отъ града вверхъ оной Омовжи три поприща, на горѣ нѣкоей подъ древіемъ, и ничимъ же невредени въ знакъ лежаху во единѣмъ мѣстѣ, аки нѣкіими человѣки положены. Святый же священномученикъ Исидоръ посреде ихъ лежаше, яко солнце посреде звѣздъ сіяше... По семъ христіане оставшіеся взяша честныя мощи святыхъ страдалецъ, честно погребоша окрестъ церкви св. Николы чудотворцы.“ См. тамъ же. Мѣсто церкви сей нынѣ лежитъ ниже каменнаго моста около 70 сажень, гдѣ теперь неревозъ чрезъ ту рѣку Эмбахъ.

(††) „Въ нащей рукописи (въ IV д. полуставнымъ письмомъ новѣйшаго почерка и письма, безъ означенія счета страницъ и тетрадей) сіе страданіе такъ озаглавливается: „Мѣсяца генваря въ 8-й день страданіе святаго священномученика Исидора новаго, и иже съ нимъ пострадавшихъ семьдесятъ и два мученика во градѣ Юрьевѣ въ ливонской земли отъ поганыхъ нѣмцевъ. Благослови отче!“ Въ концѣ же сего „страданія“ написано: „написано же бысть сіе страданіе святыхъ новоявленныхъ мучениковъ по благословенію святѣйшаго митрополита Макарія всея Россіи священноинокомъ Варлаамомъ смиреннымъ мнихомъ.“ — Къ сему „страданію“ присоединена и служба симъ святымъ — именно въ 8-й день мѣсяца января, подъ такимъ же заглавіемъ, какъ и выше означено; — съ особеннымъ канономъ: „канонъ святымъ гласъ 1-й. Ему же краеграпесіе сицево: твореніе священноинока Варлаама мниха. По благословенію святѣйшаго Макарія, митрополита всея Россіи (1542—1564 г.).

II.

Записки священника Андрея Петровича Полякова объ Эйхенангерскомъ приходѣ Вольмарскаго благочинія.

Отъ издателя.

Появленіе православія между эсто-латышскимъ населеніемъ лифляндской губерніи составляетъ эпизодъ изъ новѣйшей исторіи прибалтійскаго края столь важный, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь мало еще изслѣдованный, что всякая черта, всякая подробность его заслуживаетъ полнаго вниманія всякаго, кого интересуетъ исторія нашей церкви.

Переходъ въ православіе 150 тысячъ латышей и эстонцевъ есть явленіе очень сложное. Уразумѣть причины такого перехода рѣшительно невозможно безъ изложенія подробностей всего быта эсто-латышей въ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія. Вотъ почему, составитель этой книги рѣшился предпослать запискамъ священника Полякова вступительное объясненіе о причинахъ, вызвавшихъ крестьянскія движенія въ Лифляндіи въ 1841—45 годахъ.

Въ статьѣ объ Арсеньевѣ и Сиверсѣ (Приб. Сб. I, 467—525) было уже разсказано какъ появилось и какъ вводилось крестьянское положеніе 1804 года.

Положеніе это хотя и имѣло многія несовершенства въ себѣ, но все-же ограждало крестьянъ отъ притѣсненій и опредѣляло ихъ права и обязанности ясно и положительно. Тѣмъ не менѣе, крестьяне не могли избирать себѣ ни мѣста жительства, ни образа жизни по своимъ способностямъ и наклонностямъ и оставались прикрѣпленными къ мѣсту своего рожденія и къ неизмѣннымъ барщиннымъ работамъ. Хозяева крестьянскихъ участковъ, говоритъ Рихтеръ въ своей исторіи крестьянскаго сословія въ прибалтійскихъ губерніяхъ, хотя владѣли ими на правѣ наслѣдственномъ, однако находились въ безвыходномъ

положеніи. Въ Германіи предоставлялось право передавать свои хутора другимъ лицамъ и оставлять вотчину съ согласія міра и помѣщика, который могъ отказать имъ въ этой льготѣ только въ томъ случаѣ, когда имѣлъ законныя причины заподозрѣвать личность новаго хозяина. Этимъ правомъ не пользовались содержатели крестьянскахъ дворовъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Самая неизмѣняемость обязательнаго труда, ограждающая поселянъ отъ несправедливыхъ притязаній, часто становилась тяжкимъ бременемъ, не соотвѣтствуя измѣняющейся производительности земли; помѣщика же она стѣсняла во всѣхъ его распоряженіяхъ, принуждала довольствоваться работою весьма посредственною, производимою лѣниво и небрежно посредствомъ плохихъ орудій и лошадей и чрезъ это противоставляла непреодолимую преграду улучшеніямъ и въ особенности введенію раціональнаго хозяйства, уже распространившагося въ Германіи, гдѣ съ нимъ познакомились прибалтійскіе помѣщики, и требующаго той рачительной обработки земли, которую ожидать можно только отъ состязанія вольнонаемныхъ работниковъ въ достаточно населенномъ краѣ.

Отступленіе отъ порядка, установленнаго въ 1804 г., являлось болѣе или менѣе необходимымъ, и потому объ этомъ отступленіи и о преобразованіи крестьянскаго положенія на новыхъ началахъ дворянство начало хлопотать спустя нѣсколько лѣтъ послѣ утвержденія положенія 1804 г. Эстляндское дворянство весною 1811 г. первое предложило правительству, что оно готово освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, если будетъ разрѣшено дворянству удержать за собою владѣніе землею на полномъ правѣ собственности. Обоюдное соглашеніе между помѣщикомъ и крестьяниномъ должно было становиться впредь единственною основою отношеній землевладѣльцевъ и единственнымъ способомъ связать трудъ съ землею. Государь Императоръ, вслѣдствіе этого предложенія дворянства, повелѣлъ составить особую коммисію, подъ предсѣдательствомъ эстляндскаго губернатора принца Августа Ольденбургскаго, для составленія проекта новаго крестьянскаго положенія. Вторженіе французовъ въ Россію и войны 1812, 1813 и 1814 годовъ не дозволили коммисіи продолжать свои труды. Они возобновились въ 1814 г. и продолжались столь успѣшно, что проектъ эстляндскаго дворянства объ освобожденіи крестьянъ, передѣланный коммисіею, въ февралѣ 1815 г. былъ представленъ на разсмотрѣніе ландтагу, который его и принялъ. Государь Императоръ, по возвращеніи въ Петербургъ съ вѣнскаго конгресса, лично занялся пересмотромъ проекта новаго положенія, собственноручно сдѣлалъ нѣсколько измѣненій въ постановленіи и, наконецъ, когда положеніе было разсмотрѣно въ государственномъ совѣтѣ, высочайше утвердилъ оное 23-го мая 1816 г. 8-го января 1817 г. это положеніе было торжественно объявлено въ Ревелѣ.

Курляндія и Лифляндія въ это время находились подъ управленіемъ маркиза Паулучи. Въ первой изъ этихъ губерній, говоритъ Рихтеръ, благодаря богатой пшеничной почвѣ, умѣренному климату, свободной заграничной торговлѣ и совершенному почти отсутствію налоговъ во все продолженіе герцогскаго правленія (съ 1562 по 1796 г.), помѣщики разбогатѣли, не изнуряя крестьянъ работами. Однако поселяне были крѣпостными и совершенно предоставлены на произволъ своихъ господъ, удержавшихъ даже за собою уголовную надъ ними расправу. Мѣры, принятыя въ Эстляндіи и Лифляндіи съ начала XIX вѣка, не могли не привлечь на себя вниманія курляндскихъ дворянъ и одинъ изъ нихъ, баронъ У Шлиппенбахъ, еще въ 1803 году сдѣлалъ дворянству пильтенскаго округа предложеніе объ ограниченіи полновластія помѣщиковъ. Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ 31-го августа 1814 г. на имя маркиза Паулучи, составленіе проекта объ улучшеніи быта курляндскихъ крестьянъ поручено коммисіи и членами ея назначены: тайный

совѣтникъ Шеппингъ (владѣтель мызы Борнсъминде), камергеръ графъ Медемъ (владѣтель мызы Эллей), пильтенскій ландратъ Шлиппенбахъ, камеръ-юнкеръ Мантейфель (владѣтель мызы Цильденъ) и уѣздные предводители Фелькерзамъ и Фиркс (владѣтель мызы Ногалленъ). Проектъ коммисіи, весьма похожій на лифляндское положеніе 1804 г., не принятъ правительствомъ, потому что онъ оказался неудобоисполнимымъ безъ предварителькаго размежеванія и спеціальной оцѣнки крестьянскихъ участковъ. Между тѣмъ курляндское дворянство, нѣсколько встревоженное тайною, которая соблюдалась въ разсужденіяхъ комитета, обратилось къ императору, находившемуся на вѣнскомъ конгрессѣ, съ просьбою о разрѣшеніи ему избранія коммисіи, для разсмотрѣнія мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ. Прошеніе сначала осталось безъ видимыхъ послѣдствій. Но высочайшимъ рескриптомъ отъ 5 декабря 1816 года дворянству предоставленъ бызъ выборъ между недавно изданнымъ эстляндскимъ крестьянскимъ положеніемъ и представленнымъ правительству проектомъ комитета; для соображенія же измѣненій, требуемыхъ мѣстными обстоятельствами, предписано снарядить коммисію, избираемую дворянствомъ. На сеймѣ новое эстляндское уложеніе принято основаніемъ курляндскаго 236-ю голосами противъ 9 и членами коммисіи избраны баронъ Лудингсъгаузенъ-Вольфъ, (влад. мызы Зоннакстъ), уѣздный предводитель Дершау (м. Штуценбахъ), графъ Кейзерлингъ (м. Кабилленъ), Гейкингъ (м. Окзелнъ) и графъ Ламсдорфъ (для пильтенскаго уѣзда). Генералъ-губернаторъ назначилъ предсѣдателемъ барона Ренне, члена оберъ-гофгерихта, и депутатомъ отъ управленія государственными имуществами совѣтника казенной палаты Рекке. Секретаремъ коммисіи и главнымъ редакторомъ проекта положенія былъ секретарь дворянства Рехенбергъ-Линтенъ. Проектъ представленъ ландтагу (сейму), собравшемуся 30-го іюня. Безпрестанныя и сопровожденныя непріятными намеками понужденія маркиза Паулучи поспѣшить разсмотрѣніемъ проекта, чуть не вовсе остановили ходъ совѣщаній. Однако 20-го іюля проектъ принятъ сеймомъ и высочайше утвержденъ 25-го аагуста 1817 г. Новый законъ торжественно обнародованъ въ Митавѣ 30-го августа, въ день тезоименитства Императора, остановившагося на сутки въ семъ городѣ на своемъ проѣздѣ въ Германію. При этомъ случаѣ онъ объявилъ крестьянскимъ депутатамъ, что поселяне преимущественно одолжены своею свободою содѣйствію помѣщиковъ къ исполненію намѣреній высочайшей власти и увѣщевалъ крестьянъ повиноваться имъ по прежнему.

Примѣру сосѣдей послѣдовала и Лифляндія. Эзельское дворянство и города Рига, Юрьевъ и Перновъ обратились къ правительству съ просьбою о раскрѣпленіи принадлежащихъ имъ крестьянъ. Лифляндскому дворянскому ландтагу (сейму) сдѣлано также предложеніе 1-го іюня 1818 г. однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ по уму и познаніямъ его членовъ, Р. Самсономъ, впослѣдствіи ландратомъ, и 19-го того же мѣсяца генералъ-губернаторомъ. Дворянство колебалось, пренія были жаркія. Спустя нѣсколько дней, 27-го іюня, маркизъ явился лично въ собраніи и краткою рѣчью, исполненною благородныхъ чувствъ, склонилъ собраніе въ тотъ же день къ единодушному провозглашенію свободы крестьянъ на принятыхъ въ сосѣднихъ губерніяхъ основаніяхъ. Впослѣдствіи избрана коммисія для сочиненія проекта новаго положенія. Предсѣдателемъ ея былъ ландратъ Рихтеръ, членами (ландратъ) Транзэ, уѣздные депутаты Самсонъ, Гроте и баронъ Унгернъ-Штернбергъ, предводитель эзельскаго дворянства Буксгевденъ, членъ казенной палаты Шульцъ и со стороны лифляндскихъ городовъ, владѣющихъ населенными имѣніями, рижскій бургомистръ Рольсенъ. Редакторомъ былъ Самсонъ. Проектъ положенія высочайше утвержденъ 25-го марта 1819 г. и торжественно обнародованъ въ Ригѣ 6-го января 1820 г.

Таково было происхожденіе крестьянскихъ положеній для губерній лифляндской, эстляндской и курляндской. Всѣ они основывались на однихъ и тѣхъ же началахъ. Способъ изложенія и распредѣленія предметомъ также одинаковы. Кромѣ постановленія объ отношеніяхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ и объ административномъ и судебномъ ихъ устройствѣ, въ нихъ изложено право гражданское и полицейское и гражданское судопроизводство. Здѣсь нѣтъ надобности разсказывать, какимъ образомъ особыя коммисіи вводили въ дѣйствіе новое положеніе (переходное состояніе было назначено въ Эстляндіи и Курляндіи на 14 лѣтъ, а въ Лифляндіи 7), но совершенно необходимо вкратцѣ разсказать существенныя черты лифляндскаго крестьянскаго положенія 1819 г.

Первою приготовительною мѣрою къ освобожденію прибалтійскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости было раздѣленіе ихъ на мірскія общества и учрежденіе мірскихъ судовъ и управленій и затѣмъ уже шло дѣйствительное увольненіе крестьянъ. Въ лифляндской губерніи было постановлено приступить къ дѣйствительному увольненію крестьянъ не прежде четырехъ лѣтъ послѣ утвержденія положенія 1819 г., именно съ юрьева дня (23 апрѣля, начало экономическаго года) 1823 года положено было уволить половину хозяевъ (всѣ крестьяне были раздѣлены на два разряда: хозяевъ, батраковъ и дворовыхъ людей), въ слѣдующій годъ уволить другую половину; половину батраковъ (работниковъ) и дворовыхъ людей уволить въ юрьевъ день 1825 г., а затѣмъ другую половину батраковъ и дворовыхъ уволить въ тотъ же день 1826 г. Такимъ образомъ, къ 1827 году, всѣ крестьяне лифляндской губерніи явились лично свободными отъ крѣпостной зависимости и затѣмъ крестьянское положеніе 1819 года вступило въ полную силу и дѣйствіе. Посмотримъ же, какимъ образомъ опредѣлились отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ.

Каждое помѣщичье имѣніе должно было составлять одно волостное, вѣрнѣе вотчинное (Gutsgemeinde), общество. Господская вотчина, издавна бывшая единицею административною и судебною, составила, такимъ образомъ, хозяйственную единицу. Затѣмъ надзоръ за благочиніемъ въ частныхъ имѣніяхъ былъ возложенъ на помѣщиковъ, а въ казенныхъ на уполномоченныхъ отъ казенной палаты арендаторовъ. Крестьянамъ мелкихъ помѣстій было разрѣшено соединяться и составлять одно волостное общество. Переходъ крестьянина изъ одного волостнаго общества въ другое зависѣлъ, кромѣ выполненія всѣхъ обязанностей въ отношеніи прежняго общества и представленія надежнаго поручительства въ уплатѣ казенныхъ податей и повинностей до будущей народной переписи, отъ согласія какъ помѣщика, такъ и волостнаго управленія той общины, къ которой кто либо изъ крестьянъ желалъ приписаться. Переселеніе въ города разрѣшено лифляндскимъ крестьянамъ съ 1832 г., но выселеніе изъ предѣловъ губерніи было запрещено вовсе, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, въ которыхъ выселеніе могла разрѣшить ландратская коллегія. Это запрещеніе основывалось на томъ, что во всѣхъ внутреннихъ губерніяхъ въ тѣ времена существовало крѣпостное право; правительство имѣя въ виду неодинаковость гражданскихъ отношеній, опредѣляющихъ положеніе крестьянъ по всей Россіи, воспретило вольные переходы прибалтійскихъ поселянъ за предѣлы края впредь до особаго на то высочайшаго повелѣнія (извѣстно, что освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости всегда было желаніемъ покойнаго императора Николая Павловича).

Во всѣхъ трехъ губерніяхъ помѣщики были освобождены отъ отвѣтственности за неисправный взносъ казенныхъ податей и она возложена на сельскія общества.

Всѣ крестьяне были раздѣлены на два разряда: домохозяевъ и работниковъ, со включеніемъ къ симъ послѣднимъ и дворовыхъ (въ курляндской губерніи дворовые составили третій разрядъ). Въ эстляндской губерніи управленіе мірскимъ обществомъ было поручено старостѣ и его помощнику, избираемымъ крестьянами изъ домохозяевъ на три года, и тремъ сотскимъ, изъ которыхъ два избирались изъ числа хозяевъ и одинъ изъ разряда работниковъ. Сельскія мірскія общества (подраздѣленія волостнаго), принадлежащія къ тому же имѣнію, избирали изъ своей среды выборныхъ по три на 100 душъ, а общества многолюднѣйшія еще по три на каждыя 200 душъ свыше первыхъ ста. Эти-то выборные и представляли собою все волостное общество и могли быть избираемы изъ числа мірскихъ старостъ или сотскихъ, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы одна треть ихъ принадлежала къ разряду работниковъ. Выборные могли собираться не иначе какъ по приказанію волостной полиціи и въ многолюдныхъ имѣніяхъ замѣняли крестьянскія сходки. Дѣлами волости управлялъ волостной староста, избираемый выборными изъ своей среды, но непремѣнно изъ числа домохозяевъ, съ утвержденія волостной полиціи. Въ малыхъ имѣніяхъ, вмѣщающихъ въ себѣ не болѣе одного сельскаго общества, міръ совпадалъ съ волостью и мірскіе чиновники съ волостными; мірскія сходки заступали мѣсто волостныхъ выборныхъ обществъ. Судная часть была совершенно отдѣлена отъ административной и мірскіе суды, составленные изъ крестьянскихъ засѣдателей подъ предсѣдательствомъ дворянина, назначались по одному на цѣлый приходъ.

Въ лифляндской и курляндской губерніяхъ подраздѣленіе волостныхъ обществъ на мірскія принято не было и судебная часть не такъ рѣзко отдѣлялась отъ административной, какъ въ губерніи эстляндской. Въ курляндской губерніи каждое волостное общество управлялось крестьянскимъ мірскимъ судомъ, соединяющимъ въ себѣ власти распорядительную и судебную и составленнымъ изъ нѣсколькихъ выборныхъ членовъ, смотря по населенности имѣнія, подъ предсѣдательствомъ старшины изъ числа домохозяевъ и, наконецъ, изъ писаря, назначаемаго помѣщикомъ и состоящаго на его содержаніи. Половина выборныхъ (засѣдателей) должна была принадлежать къ разряду домохозяевъ, другая къ разряду работниковъ. Сверхъ того, общество избирало еще по нѣскольку сотскихъ, смотря по населенности помѣстья для соблюденія пользъ общества въ тѣхъ случаяхъ, когда общія сходки не допускались. Курляндскій порядокъ былъ установленъ и въ лифляндской губерніи съ тѣмъ различіемъ, что волостной писарь не назначался помѣщикомъ, но самимъ сельскимъ обществомъ; отъ этого волостные писаря въ Лифляндіи не могли имѣть такого сильнаго вліянія на мірскіе суды, какъ въ Курляндіи.

Должностныя обязанности мірскаго управленія заключались въ полицейскомъ надзорѣ, наблюденіи за отбываніемъ повинностей, попеченіи о мірскомъ имуществѣ и огражденіи правъ сельскаго общества. Мірская сходка въ лифляндской губерніи созывалась помѣщикомъ и дѣла, по ихъ изложеніи мірскимъ управленіемъ, рѣшались большинствомъ голосовъ всѣхъ членовъ сходки безъ различія разрядовъ; для рѣшенія же дѣлъ, касающихся только одного изъ разрядовъ, т. е. домозяевъ или работниковъ, созывался надлежащій разрядъ отдѣльно. Всѣ постановленія міра, кромѣ выборовъ, представлялись на утвержденіе помѣщика; неутвержденный помѣщикомъ приговоръ не могъ быть приводимъ въ исполненіе, но міру предоставлялось право жаловаться на помѣщика, неутвердившаго приговоръ.

Мірскіе суды, вѣдавшіе полицейскою и судебною расправою, обязаны были собираться еженедѣльно, сверхъ того одинъ изъ членовъ долженъ былъ неотлучно находиться на господской усадьбѣ для отправленія текущихъ дѣлъ,

Въ лифляндской губерніи каждому изъ засѣдателей былъ ввѣренъ надзоръ надъ отдѣльнымъ округомъ. Мірской судъ въ этой губерніи имѣлъ право наказывать крестьянъ строгими выговорами, понужденіемъ къ испрошенію прощенія, возмѣщеніемъ причиненнаго убытка общественными работами до трехъ дней, арестомъ до трехъ дней и, наконецъ, палками до 30 ударовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ судъ имѣлъ право арестъ и тѣлесное наказаніе замѣнять денежною пенею (за 10 ударовъ или за день ареста два рубля ассигнаціями).

Мірское управленіе обязано было имѣть строгій надзоръ надъ безпаспортными и бродягами, за правильнымъ отбываніемъ казенныхъ и общественныхъ повинностей, за запасными хлѣбными магазинами, за мірскою казною, за запасными хлѣбными магазинами, за оказаніемъ обѣднѣвшимъ членамъ общества вспомоществованія, за опекунскимъ управленіемъ надъ малолѣтними сиротами, за предохранительными мѣрами противъ прилипчивыхъ болѣзней, скотскихъ падежей и пр.

Волостная полиція была поручена помѣщику, который однако имѣлъ право назначить вмѣсто себя другое лицо, донося о томъ земскому суду Ни помѣщикъ, ни его повѣренный не могли быть лишены управленія, какъ по приговору высшаго судебнаго мѣста въ губерніи. Волостная полиція обязана была надзирать за дѣйствіями мірской, особенно по управленію общественною казною и запаснымъ хлѣбнымъ магазиномъ, объявлять указы и предписанія высшаго начальства, доносить земскому суду о чрезвычайныхъ происшествіяхъ и отправлять по принадлежности вѣдомости о народной переписи аа истекшее трехлѣтіе. Вотчинная полиція имѣла право за грубость и неповиновеніе крестьянъ, за пьянство и непотребство и за проступки, учиненные при отправленіи господской работы, налагать на крестьянъ наказанія, но только въ половину противъ тѣхъ наказаній, къ которымъ виновнаго могъ присуждать мірской судъ.

Высшую полицейскую инстанцію надъ волостными полиціями или помѣщиками составляли приходскіе суды, состоявшіе изъ предсѣдателя помѣщика и его замѣстителя, изъ трехъ засѣдателей изъ крестьянъ-хозяевъ, изъ нотаріуса (секретаря), назначаемаго предсѣдателемъ, и изъ разсыльнаго. Налагаемыя ими взысканія не должны были превышать пени 12 р. ассигн., 60 ударовъ и 6-ти суточнаго ареста.

Дѣйствія полицейскаго управленія заключались въ поставкѣ рекрутъ, въ управленіи запасными магазинами и казнами, въ постройкѣ и содержаніи церквей и училищъ, въ попеченіи о неимущихъ и умалишенныхъ, мѣрахъ противъ пожаровъ и скотскихъ падежей и надзорѣ за корчмами.

Въ отношеніи поставки рекрутъ мірскіе суды, на основаніи исчисленія числа рекрутъ подлежащаго съ каждаго имѣнія, обязаны были избирать людей и взимать деньги на обмундированіе и сдачу ихъ. Отъ рекрутства освобождались: 1) крестьяне-хозяева съ ихъ старшими сыновьями, заоброчившіе поземельный участокъ опредѣленной величины; 2) члены судовъ мірскаго, приходскаго и уѣзднаго; 3) сельскіе учители и 4) соразмѣрное съ населеніемъ имѣнія число дворовыхъ людей, по назначенію помѣщика.

Въ каждомъ сельскомъ обществѣ долженъ находиться запасный хлѣбный магазинъ, состоящій подъ надзоромъ мірскаго старшины и двухъ смотрителей, избираемыхъ крестьянами. Сборъ, раздачу въ ссуды хлѣба и пр. крестьянское положеніе опредѣлило подробно.

Мірская казна завѣдывалась предсѣдателемъ и двумя членами мірскаго управленія. Она составляется изъ штрафныхъ суммъ, изъ денегъ выручаемыхъ отъ продажи магазиннаго излишка и выморочныхъ имуществъ и, наконецъ, изъ всякаго рода имущества, пріобрѣтеннаго сельскимъ обществомъ,

Изъ мірской казны дѣлаются ссуды неимущимъ и вспомоществованія бѣднымъ, а также призрѣваются сироты, больные и увѣчные и проч.

Каждое изъ сельскихъ обществъ было обязано учреждать и содержать училища по 1 на 1000 жителей. Сельскія училища въ лифляндской губерніи были раздѣлены на два разряда: на нисшія или мірскія (вспомогательныя) и на высшія или приходскія. Присмотръ за сельскими мірскими училищами былъ возложенъ на церковныхъ настоятелей изъ крестьянъ подъ руководствомъ пасторовъ и верховнымъ надзоромъ помѣщиковъ, которымъ предоставлено было право назначать учителей въ школы по указанію пасторовъ. Обученіе вводилось обязательное. За исключеніемъ крестьянскихъ дѣтей, обучающихся у своихъ родителей, каждое дитя, достигшее 10-ти лѣтняго возраста, обязано было посѣщать училище съ 10 ноября по 10 марта, 8 часовъ ежедневно, подъ опасеніемъ взысканія съ родителей пени 5 коп. мѣдью за каждый день. Пасторы были обязаны осматривать всѣ сельскія училища своего прихода два раза въ годъ и о состояніи школъ доносить церковному конвенту, составленному изъ всѣхъ помѣщиковъ прихода и церковныхъ настоятелей изъ крестьянъ. Приходскія училища положено учредить въ каждомъ приходѣ, гдѣ считается 2000 душъ; въ нихъ надлежало обучать по крайней мѣрѣ 12 молодыхъ людей отъ 14 до 17 лѣтняго возраста на иждивеніи родителей. Если желающихъ будетъ меньше, то недостающее число пополняется лучшими воспитанниками мірскихъ училищъ, преимущественно сиротъ, по выбору училищнаго конвента. Молодые люди, воспитывавшіеся въ приходскомъ училищѣ на иждивеніи сельскаго общества или помѣщика, обязаны прослужить имъ шесть лѣтъ въ должности писаря, учителя и пр. Предметы ученія: грамота, счетоводство, церковное пѣніе, катехизисъ и общеполезныя свѣдѣнія.

Теперь перейдемъ къ судебному крестьянскому устройству въ лифляндской губерніи и вкратцѣ разсмотримъ составъ четырехъ степеней суда: мірскаго, приходскаго, уѣзднаго и особаго отдѣленія гофгерихта по крестьянскимъ дѣламъ.

Мірскому суду было предоставлено право рѣшать дѣла цѣною не свыше 5 руб.; приходскому не свыше 10 руб. Засѣданія должны были въ этихъ судахъ начинаться въ первый понедѣльникъ каждаго мѣсяца и продолжаться до рѣшенія всѣхъ вступившихъ дѣлъ. Уѣздный судъ былъ составленъ изъ судьи предсѣдателя и двухъ засѣдателей изъ дворянъ, избираемыхъ ландтагомъ изъ своей среды, изъ двухъ крестьянскихъ засѣдателей, избираемыхъ засѣдателями приходскихъ судовъ того уѣзда и изъ секретаря, избраннаго дворянствомъ изъ числа молодыхъ дворянъ, обучавшихся правовѣдѣнію въ юрьевскомъ университетѣ. Уѣздный судъ получалъ содержаніе отъ казны и долженъ былъ собираться три раза въ годъ, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ; ему было предоставлено право рѣшать окончательно дѣла не свыше 50 руб. Суду его подвергались крестьянскіе засѣдатели подвѣдомственныхъ ему судебныхъ мѣстъ; онъ могъ отрѣшать ихъ отъ должности; своихъ же членовъ изъ крестьянъ уѣздный судъ имѣлъ право удалять отъ должности, подвергая ихъ суду отдѣленія гофгерихта по крестьянскимъ дѣламъ. Это особое отдѣленіе было составлено изъ предсѣдателя гофгерихта, двухъ засѣдающихъ въ немъ ландратовъ, очереднаго ландрата и секретаря изъ дворянъ, содержимаго на счетъ казны вмѣстѣ съ двумя канцелярскими служителями. Для довѣдѣнія до свѣдѣнія крестьянъ судебныхъ объявленій, напр., о совершеніи закладныхъ и купчихъ, завѣщаніяхъ и пр., правительственныхъ распоряженій и событій, касающихся крестьянскаго обихода, положено издавать отъ уѣздныхъ судовъ рижскаго и юрьевскаго народные вѣстники на языкахъ латышскомъ и

эстонскомъ. Эти вѣстники было предписано разсылать во всѣ мірскіе и приходскіе суды и читать въ слухъ въ церквахъ послѣ службы.

Законъ предоставлятъ крестьянамъ вести свои дѣла лично, для сокращенія издержекъ и во избѣжаніе всякаго письмоводства. Основнымъ началомъ производства по крестьянскимъ тяжебнымъ дѣламъ во всѣхъ степеняхъ суда былъ принятъ порядокъ слѣдственный. Судебныя мѣста обязаны были не только склонять тяжущихся къ полюбовнымъ сдѣлкамъ, но и дополнять ихъ упущенія, поправлять ошибки, напр., еслибы кто требовалъ менѣе, чѣмъ ему слѣдуетъ, или не защищалъ себя давностію и т. д., и изслѣдовать истину кратчайшимъ и надежнѣйшимъ путемъ, особливо посредствомъ допросовъ тяжущимся. Здѣсь нѣтъ надобности подробно описывать порядка судопроизводства, введеннаго положеніемъ 1819 года, достаточно сказать, что многія правила объ отдѣльныхъ предметахъ судопроизводства были заимствованы изъ обще-нѣмецкаго права.

Крестьянскія положенія прибалтійскихъ губерній въ отношеніи права гражданскаго довольствовались изложеніемъ главныхъ началъ онаго, для руководства въ случаяхъ наичаще встрѣчающихся, указывая на мѣстные законы и обычаи и на общія государственныя узаконенія какъ на дополнительные источники. Не будемъ останавливаться на узаконеніяхъ, опредѣлявшихъ права на имущества, о правахъ наслѣдованія по закону, о завѣщаніяхъ и дарственныхъ записяхъ; скажемъ только. что въ положеніяхъ на постановленія о двухъ употребительнѣйшихъ и важнѣйшихъ для сельскаго быта видахъ договоровъ: личномъ наймѣ и поземельной арендѣ было обращено особое вниманіе. Основныя начала постановленій о договорахъ одинаковы во всѣхъ трехъ положеніяхъ, но въ положеніи лифляндскомъ эти постановленія изложены подробнѣе, чѣмъ въ эстляндскомъ. Договоры о личномъ наймѣ, на работу или на услуженіе, должны были заключаться письменно или словесно, при свидѣтеляхъ или же принятіемъ задатка. Добровольное предъ судомъ признаніе было достаточнымъ доказательствомъ заключеннаго условія. Наниматьсв въ услуженіе или на работу могли только лица, которыя властны были располагать собою, а потому малолѣтнія дѣти и замужнія женщины могли наниматься не иначе какъ съ согласія отцовъ, опекуновъ или мужей. Положенія опредѣляло различныя правила при наймѣ работниковъ, и тѣ причины, по которымъ работникъ могъ до условленнаго срока отойти отъ хозяина; эти причины: жестокое обращеніе, прекращеніе отпуска пищи, отъѣздъ хозяевъ въ чужіе края и собственная тяжкая болѣзнь, но о причинѣ отхода работникъ долженъ былъ объявить мірскому суду и доказать оную. Но и хозяинъ имѣлъ право отослать работника до срока, въ случаѣ его непослушанія, упорства, пьянства и проч. Хозяинъ имѣлъ право подвергать своихъ работниковъ тѣлесному наказанію въ 6 ударовъ.

Въ положеніи о заоброчиваніи поземельныхъ участковъ было указано эти участки отдавать на содержаніе не далѣе какъ на 50 лѣтъ. Договоръ заключался письменно или словесно. Существенныя принадлежности арендnаго договора были: 1) точное описаніе отдаваемаго участка, 2) означеніе способа и срока пользованія; 3) въ показаніи состоянія заоброчиваемаго участка и находящагося при немъ инвентаря; 4) въ означеніи видовъ и мѣры отбываемыхъ оброчникомъ повинностей и 5) въ означеніи отвѣтственности за случайные убытки. Сверхъ того, въ лифляндскомъ положеніи были изложены нѣкоторыя особыя правила для арендныхъ контрактовъ, отъ которыхъ однако дозволялось отступать по обоюдному согласію. Такъ, напр., оброчникъ и безъ особеннаго о томъ постановленія въ контрактѣ былъ обязанъ платить подати и исправлять повинности; оброчникъ, безъ согласія вотчинника, былъ не вправѣ рубить лѣсъ, заводить улья, расчищать и запа-

хивать болѣе 1/24 доли кустарника, и пр. и пр. Помѣщикъ имѣлъ право отказать оброчнику и до истеченія срока въ случаяхъ важнаго нарушенія контрактовъ. Подробности обо всемъ этомъ, конечно, здѣсь не умѣстны.

Лифляндское крестьянское положеніе 1819 г., состоявшее изъ 643 статей, важнѣйшія черты котораго нами изложены, дѣйствовало до 1849 г Въ настоящее время это положеніе не служитъ уже основаніемъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ; оно и правительствомъ и дворянствомъ признано не вполнѣ удовлетворявшимъ потребностямъ, потому мы и укажемъ, въ чемъ же именно состояли слабыя стороны этого положенія, указавшія на необходимость новой и притомъ коренной реформы, произведенной при генералъ-губернаторѣ Головинѣ на ландтагѣ 1847 г., на которомъ столь важную роль игралъ ландратъ баронъ Фелькерзамъ.

Крестьяне были объявлены лично свободными, но вмѣстѣ съ тѣмъ они потеряли право на поддержку и пособія со стороны помѣщиковъ. Помѣщики, съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, относились къ своимъ бывшимъ крестьянамъ какъ къ лицамъ совершенно постороннимъ, но тѣмъ не менѣе положеніе 1819 года оставляло за помѣщиками огромное вліяніе на весь ходъ крестьянскихъ дѣлъ. Мы видѣли, что положеніе 1819 года личныя права крестьянъ подвергало различнымъ ограниченіямъ, но независимо ограниченій, опредѣленныхъ закономъ, бывали ограниченія, допускавшіяся обычаемъ. Такъ, напр., въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ совершеніе браковъ между крестьянами допускалось только съ предварительнаго, письменно выраженнаго разрѣшенія вотчинной конторы.

Общественная организація сельскаго сословія, въ связи съ судебными и административными учрежденіями, не отличалась простотою. Мы видѣли, что по положенію 1819 г, каждое помѣщичье имѣніе должно было составлять одно волостное общество, т. е. вотчина принималась за общественную единицу. Крестьянская администрація и судъ ввѣрены были въ предѣлахъ вотчины: мірскимъ сходамъ, старшинамъ, мірскому суду, вотчинно-полицейскому управленію (помѣщичьей конторѣ); въ границахъ судебно-полицейскаго приходскаго округа: приходскому суду: въ границахъ уѣзда — уѣздному суду и, наконецъ, въ предѣлахъ губерніи—особому отдѣленію гофгерихта по крестьянскимъ дѣламъ и генералъ-губернатору.

Мірскіе сходы играли роль весьма незначительную. Они собирались лишь по распоряженію вотчиннаго управленія, приговоры утверждались тѣмъ же управленіемъ, вотчинное управленіе могло остановить приговоръ. На практикѣ случалось, что мірскіе приговоры составлялись въ вотчинной конторѣ и диктовались предсѣдателю схода.

Мірскому обществу предоставлено было право обращаться съ жалобами къ генералъ-губернатору чрезъ двухъ депутатовъ, избранныхъ изъ числа старшинъ и членовъ мірскаго суда, т. е. должностныхъ лицъ, утверждавшихся въ своихъ должностяхъ помѣщикомъ. Но депутаты не могли ѣхать съ жалобою безъ письменнаго на то дозволенія вотчиннаго правленія, слѣд. жалоба, въ особенности когда она приносилась на вотчинное правленіе, не всегда могла дойти до генералъ-губернатора.

Старшины, предсѣдатель и члены мірскаго суда выбирались мірскимъ сходомъ изъ крестьянъ мѣстнаго общества, но вотчинное управленіе, по положенію, могло забраковывать до пяти разъ выборы. Засѣданія мірскаго суда происходили, по закону, на господскомъ дворѣ; судъ былъ обязанъ собираться по всякому требованію вотчиннаго правленія; всѣ постановленія мірскаго суда поступали на просмотръ въ вотчинное правленіе. Однимъ словомъ, мірскіе сходы, старшины и мірскій судъ находились подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ

вотчиннаго правленія, пользовавшагося, сверхъ того, весьма широкою полицейскою властію.

Вотчинное правленіе имѣло право косвеннаго и прямаго увольненія отъ рекрутской повинности, а это подавало поводъ къ жалобамъ весьма основательнымъ, ибо годные въ военную службу люди изъ дворовыхъ и работниковъ имѣли возможность уклоняться отъ нея. Ко всему этому вотчинное правленіе, пользуясь по положенію правомъ вмѣшательства во всѣ общественныя дѣла, не несло никакой отвѣтственности вслучаѣ неуспѣшности ихъ хода.

Весь личный составъ крестьянскихъ судебныхъ инстанцій, кромѣ мірскаго суда, а именно: въ приходскомъ судѣ предсѣдатель, въ уѣздномъ предсѣдатель и два засѣдателя, въ особомъ отдѣленіи гофгерихта предсѣдатель, резидующій ландратъ и ландраты члены гофгерихта, избирался изъ мѣстныхъ дворянъ и во всѣхъ инстанціяхъ не было ни одного лица по назначенію правительства. Канцеляріи также были въ рукахъ дворянства и ни на одно изъ учрежденій по дѣламъ крестьянъ не распространялся надзоръ ни уѣздныхъ стряпчихъ, ни губернскаго прокурора.

Помѣщикамъ и крестьянамъ предоставлено было договариваться полюбовно о наймѣ вторыми у первыхъ земли и о размѣрѣ повинностей, не стѣсняясь въ этомъ отношеніи никакими предустановленными правилами, но это самое ставило крестьянъ въ зависимость отъ землевладѣльцевъ несравненно большую, чѣмъ въ прежнія времена. Слѣдствія всѣхъ сторонъ крестьянскаго положенія 1819 г. понятны: обѣднѣніе крестьянъ и недовольство своимъ положеніемъ. Потерявъ право на землю, не имѣя возможности быть потомственнымъ оброчникомъ и поземельнымъ собственникомъ (эта возможность явилась лишь въ 1849 г.) крестьянинъ смотрѣлъ на свое положеніе какъ на несоотвѣтственное вольному человѣку.

Это не ускользнуло отъ вниманія бывшаго прибалтійскаго генералъ-губернатора Е. А. Головина и выражено было имъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ по управленію Балтійскимъ краемъ съ мая 1845 по февраль 1848 года такъ (см. Чтенія въ Истор. Общ. исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ, 1871, книга 2-я, смѣсь, стр. 111):

„Въ началѣ нынѣшняго вѣка распоряженіями русскаго правительства рабство крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ замѣнено было крѣпостнымъ состояніемъ. Такимъ сбразомъ успѣшно совершено было то, до чего всѣ усилія Стефана Баторія и Густава Адольфа не могли достигнуть. Уставы, изданные при семъ случаѣ, обезпечили поселянамъ: 1) Неотъемлемое пользованіе землею посредствомъ наслѣдственности усадьбъ, воспрещенія отбирать ихъ безъ судебнаго приговора и присоединять къ господскимъ полямъ безъ соблюденія довольно затруднительныхъ условій. 2) Неотяготительное исполненіе барщины назначеніемъ мѣры ея въ вакенбухахъ и опредѣленіемъ въ регулативахъ. 3) Сохранность и средства къ усиленію рабочаго капитала установленіемъ недѣлимости узаконеннаго при каждой мызѣ инвентаря, т. е. потребнаго числа орудій, рабочаго скота и сѣмянъ. 4) Личную самостоятельность воспрещеніемъ продавать поселянъ безъ земли, и учрежденіемъ судовъ для охраненія личныхъ и неимущественныхъ правъ крестьянъ. Этимъ ограждены были всѣ условія производимости, слѣдовательно, и матеріальнаго благоденствія сельскаго состоянія. Но полная личная свобода дарована была для Эстляндіи въ 1816, для Курляндіи въ 1818 и для Лифляндіи въ 1819 году. Тогда же утверждены были новыя положенія о крестьянахъ, начертанныя дворянствами этихъ губерній, но они, упрочивая личную свободу крестьянъ, разрушали всѣ прежнія обезпеченія матеріальнаго благосостоянія ихъ: крестьянская земля предоставлена въ неограниченное распоряженіе помѣщиковъ,

вакенбухи и регулативы, не смотря на сохраненіе барщины, замѣнены свободнымъ соглашеніемъ поселянина съ владѣльцемъ, а въ Лифляндіи уничтожена недѣлимость узаконеннаго инвентаря. Не смотря, однако же, на это крестьянство сдѣлалось вообще зажиточнѣе, подати вносились бездоимочно, во многихъ мірскихъ обществахъ составились значительные капиталы, и въ 29-тилѣтній срокъ, въ замѣнъ поставки рекрутъ натурою, уплачено крестьянами добровольно слишкомъ $1^1/_2$ мил. рубл. сер. Впрочемъ, и невыгоды законоположеній 1816 и 1819 годовъ обнаружились: крестьяне, умственно развитые сознаніемъ гражданскихъ правъ своихъ, вскорѣ оцѣнили необезпеченность своего хозяйственнаго быта, безусловно зависящаго отъ произвола помѣщиковъ. Отсюда ропотъ и мѣстныя волненія съ 1840 г. въ Лифляндіи.»

Послѣднія снова этой выписки требуютъ, однакоже, значительной поправки. Лифляндскіе крестьяне не могли въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія развиться умственно, потому что Лифляндія начала покрываться сѣтью сельскихъ училищъ лишь съ 1848 года, не могли и богатѣть при совершенной необезпеченности своего хозяйственнаго быта.

Огромное вліяніе вотчинныхъ правленій (помѣщичьихъ конторъ) на весь ходъ крестьянскихъ дѣлъ, безъ всякой отвѣтственности тѣхъ правленій за безуспѣшность хода дѣлъ, неимѣніе прокурорскаго надзора за судопроизводствомъ, наконецъ, что едва ли не важнѣйшая слабая сторона положенія 1819 года, правила заоброчиванія поземельныхъ участковъ, при которыхъ оброчникъ, заключившій контрактъ съ вотчинникомъ, не могъ считать при легкости, съ какою вотчинникъ могъ нарушить контрактъ, своего положенія вполнѣ обезпеченнымъ, все это были такого рода недостатки, при которыхъ крестьянинъ не могъ считать своего быта дѣйствительно улучшеннымъ, и не могъ не желать перемѣны своего положенія.

Посмотримъ теперь, каковы были отношенія крестьянъ къ духовенству

Латыши исповѣдывали протестантскую вѣру по аугсбургскому символу Какъ водворилось латинство въ средѣ туземнаго населенія древней Ливоніи, мы знаемъ совершенно обстоятельно изъ исторіи появленіи и водворенія въ прибалтійскомъ краѣ нѣмецкихъ купцовъ, духовенства и крестоносцевъ, но какимъ образомъ водворилось и распространилось лютеранство въ прибалтійскихъ деревняхъ, никакихъ положительныхъ извѣстій нѣтъ — быть можетъ, нѣтъ и потому, что простонародье отнеслось къ смѣнѣ латинства протестантствомъ совершенно равнодушно. Судить объ этомъ не наше дѣло, но необходимо лишь замѣтить, что хозяйственное положеніе сельскаго духовенства было весьма подробно разработано и для содержанія духовенства существовали обязательные сборы и повинности. Кромѣ доходовъ случайныхъ (за требы, за экзамены, за конфирмацію и пр.), прихожане обложены были общественными сборами или оброками хлѣбомъ, припасами или деньгами (Persellen и Kühlmite); относительно постройки и починки церквей, священническихъ и квартирныхъ домовъ, въ крестьянскомъ положеніи (516 ст.) было предписано поставку сыраго матеріала и половину денежныхъ расходовъ на нанимаемыхъ мастеровыхъ, на стекло, краску и т. п. отнести на счетъ помѣщиковъ, а другую половину и поставку рабочихъ возложить на сельскія общества, сообразуясь при раскладкѣ съ населеніемъ каждаго имѣнія; пасторатъ, къ которымъ не приписаны крестьянскіе хуторы, было предписано воздѣлывать по прежнему посредствомъ рабочихъ, поставляемыхъ отъ прихода; сельскіе промышленники: корчмари, мельники и дворовые люди обложены были подушнымъ сборомъ. Пасторатъ, владѣвшіе населенными имѣніями, подчинялись всѣмъ правиламъ крестьянскаго положенія, и слѣд. отношенія ихъ къ крестьянамъ были тѣже самыя, какъ и отношенія землевладѣльцевъ къ бывшимъ ихъ крѣпостнымъ людямъ.

Земская полиція, на основаніи полицейскаго устава, вышедшаго одно-

временно съ крестьянскимъ положеніемъ 1819 года, обязана была наблюдать, чтобы крестьяне не отступали отъ догматовъ аугсбургскаго исповѣданія и на основаніи 541 и 543 ст. устава обязана была начинающаго въ публичныхъ мѣстахъ споры о вѣрѣ подвергать строгому выговору, а буде оный не подѣйствуетъ, то и полицейскому наказанію; буде же кто затѣетъ новую секту и по увѣщанію полиціи не оставитъ вреднаго своего намѣренія, то таковой берется подъ стражу и отсылается въ орднунгсгерихтъ (земскій судъ) своего округа для принятія въ разсужденіи его дальнѣйшихъ мѣръ.

Пасторы, огражденные крестьянскимъ положеніемъ 1819 г. и земскою полиціею, и называемые въ народѣ „der Kirchenherr“ — церковный баринъ, пользовались хорошими и обезпеченными доходами.

Въ то самое время, когда крестьянское положеніе 1819 г. устанавливало новыя отношенія между землевладѣльцами и крестьянами, въ средѣ крестьянъ сильно развивалось ученіе гернгутеровъ, послѣдователей котораго не мало въ настоящее время въ Сарептѣ.

Ученіе гернгутеровъ появилось въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. По этому ученію, нынѣшняя протестантская церковь есть лишь преддверіе къ истинной церкви, которая образуется, когда истинные сыны Божіи, жаждущіе благодатнаго возрожденія, сольются во едино и образуютъ изъ себя духовное братство. Къ учрежденію духовныхъ братствъ должны стремиться разрозненные члены будущей истинной церкви, а для этого необходимо предварительное составленіе общинъ.

Въ общину могли вступать послѣдователи всѣхъ протестантскихъ вѣроисповѣданій, причемъ отъ вступившихъ въ общину требовалось, чтобы они не только не отдѣлялись отъ своихъ единовѣрцевъ, но непремѣнно посѣщали свои церкви, исполняли ея предписанія и оказывали ея пастырямъ глубочайшее уваженіе; вмѣстѣ съ тѣмъ члены общины должны были присутствовать на ея собраніяхъ, участвовать на ея духовныхъ упражненіяхъ и подчиняться безусловно руководству ея наставниковъ, которымъ ввѣряется попеченіе о ихъ душахъ. Община управляется старшиною, который назначается не по выбору, а по жребію; члены каждой общины подраздѣлялись на разряды или степени; подготовленіе вновь вступающихъ въ общину и руководство вступившими поручалось особымъ наставникамъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ на своемъ попеченіи отъ 5 до 6 душъ. Надъ нѣсколькими общинами по жребію ставился діаконъ, руководившій старшинами и наставниками; діаконы подчинялись пресвитеру, а пресвитеры центральному управленію всей ассоціаціи въ Гернгутѣ.

Въ прибалтійскомъ краѣ наставники и старшины замѣщались всегда изъ туземцевъ, т. е. изъ латышей и эстонцевъ, діаконы же и пресвитеры присылались изъ заграницы; — собственно братствъ, какъ, наприм., въ Сарептѣ, здѣсь никогда не было, но были однѣ общины. Общины имѣютъ собранія (часы, Stunden), на этихъ собраніямъ присутствующіе заннмаются чтеніемъ, молитвою, пѣніемъ, назидательными бесѣдами, обсужденіемъ разныхъ предметовъ, касающихся нуждъ и пользъ отдѣльныхъ лицъ или всего общества, даже совершаются таинства: крещенія, пріобщенія и полугласной исповѣди съ омовеніемъ ногъ. Къ вопросамъ догматики они относились вполнѣ равнодушно, но старались пробудить лишь въ послѣдователяхъ своего ученія вниманіе къ самому себѣ, потомъ сознаніе своей грѣховности и живую потребность благодатнаго обновленія. Страсти Христовы — основная тема ихъ пѣсенъ, проповѣдей и бесѣдъ.

Ученіе гернгутеровъ проникло въ прибалтійскій край около 1730 г. и встрѣчено было съ большимъ сочувствіемъ въ высшихъ слояхъ общества,

особенно между женщинами. Первые прибывшіе изъ заграницы гернгутеры не замедлили войти въ сношеніе съ простонародьемъ и въ немногихъ, наскоро выстроенныхъ молитвенныхъ домахъ, открыли собранія (часы). Крестьяне посѣщали сперва изъ одного любопытства, но скоро пристрастились собираться на эти часы для обмѣна мыслей, для обнаруженія духовныхъ потребностей и мірскихъ заботъ, для непосредственнаго участія въ доступныхъ всѣмъ молитвенныхъ упражненіяхъ. Въ 1736 г. прибылъ въ лифляндскую губернію дѣятельный организаторъ гернгутерской церкви графъ Цинцендорфъ; по его иниціативѣ и съ вѣдома мѣстнаго духовенства была открыта семинарія на 130 латышей для подготовленія учителей изъ туземцевъ (извѣстно, что въ XVIII столѣтіи сельское духовенство въ прибалтійскихъ губерніяхъ пополнялось выходцами изъ Германіи). Быстрые успѣхи гернгутерства, демократическій характеръ общинъ возбудили, наконецъ, подозрѣнія. Лифляндскій генералъ-суперъ-интендентъ Фишеръ обратился въ оберъ-консисторію съ предложеніемъ нарядить слѣдствіе надъ гернгутерами, но прежде чѣмъ кончилось слѣдствіе послѣдовалъ высочайшій указъ отъ 16-го апрѣля 1743 г.: „предводительницу новой секты графиню Цинцендорфъ и всѣхъ прибывшихъ съ нею изъ чужихъ краевъ помощниковъ учтивымъ образомъ заарестовать и отправить въ Петербургъ за карауломъ, съ довольнымъ конвоемъ; книги, бумаги и письма ихъ отобрать и доставить туда же; всѣ молитвенные дома запереть, собранія прекратить, всѣмъ лифляндцамъ, впавшимъ въ развращенное ученіе эрнъ-гутеровъ, сіе запретить.“ Къ этому запрещенію поводомъ послужила, какъ сказано въ указѣ, что множество крестьянъ „тѣмъ развращеннымъ ученіемъ приводятся въ непослушаніе помѣщикамъ и, подъ предлогомъ молитвы, должныя свои работы покидали.“

Собранія гернгутеровъ были закрыты, но въ тайнѣ продолжались и снова открылись при императрицѣ Екатеринѣ II, въ началѣ своего царствованія много заботившейся о водвореніи иностранныхъ колонистовъ въ Россіи. Гернгутеры (въ официальной перепискѣ они названы „общество братства евангелическаго августинскаго исповѣданія“) въ февралѣ 1764 г. получили рательственное разрѣшеніе водворяться въ Россіи съ правомъ безпрепятственно исповѣдывать свою вѣру и отправлять свое богослуженіе на общемъ основаніи прежде изданнаго манифеста, т. е. подъ условіемъ не привлекать въ свою вѣру христіанъ другихъ исповѣданій (см. П. С. З. ном. 11880 и 12057).

Съ этихъ поръ гернгутеры получили законное право проживать въ Россіи, а въ 1817 г. испросили себѣ у императора Александра Павловича жалованную грамоту (П. С. З. ном. 27113), въ коей государь, похваляя гернгутеровъ за успѣшное наставленіе словомъ и примѣромъ поселянъ, высочайше разрѣшилъ гернгутерамъ устраивать, учреждать и содержать подъ своимъ присмотромъ, какъ то и доселѣ было, для духовной пользы и назиданія латышей, эстовъ и другихъ желающихъ, молитвенные дома или собранія по городамъ, селеніямъ и деревнямъ, съ согласія владѣльца земли и съ вѣдома начальства городскаго, безъ всякаго, впрочемъ, въ томъ препятствія. Въ оныхъ молитвенныхъ домахъ или собраніяхъ могутъ свободно сходиться всѣ желающіе, по прежнему до нынѣ заведенію, кромѣ часовъ, для обыкновеннаго по церквамъ богослуженія назначенныхъ, и во время свободное отъ работъ. Симъ молитвеннымъ домамъ, назидательнымъ, для чтенія слова Божія, моленія и приличныхъ наученій учреждаемымъ, состоять подъ руководствомъ и управленіемъ старшинъ и членовъ братскаго евангелическаго общества.“

Съ этихъ поръ гернгутеры быстро раскинулись по всей Лифляндіи и къ 1819 г. имѣли 144 общины съ 30 тысячами членовъ въ нихъ, въ томъ числѣ начальсвующихъ нѣмцевъ, прибывшихъ изъ заграницы было 44, а на-

чальствующихъ туземцевъ 1,000: чрезъ нѣсколько лѣтъ число общинъ возрасло до 5 тысячъ. Лучшая часть поселянъ, самые богатые и способные, большинство должностныхъ крестьянъ, какъ то: судьи, нарядчики, учители, церковные старосты, пристали къ гернгутерскимъ общинамъ, принявшимъ мѣстный характеръ и образовавшимъ въ средѣ церкви народную церковь. Гернгутеры ни мало не уклонялись отъ церкви, оказывали ея служителямъ должное уваженіе, тѣмъ не менѣе борьба была неизбѣжна: лютеранская церковь не могла же относиться равнодушно къ образованію въ средѣ своей другой церкви. Борьба и завязалась одновременно къ области догматики, канонического права и гражданскихъ законовъ и велась съ большою горячностію. Здѣсь нѣтъ надобности описывать подробности этой борьбы, достаточно ограничиться замѣчаніемъ, что наше правительство для пресѣченія распри сочло нужнымъ всѣ правила устава лютеранской церкви въ Россіи формально примѣнить къ молитвеннымъ домамъ гернгутеровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ было предписано не открывать безъ разрѣшенія генералъ-губернатора новыхъ молитвенныхъ домовъ, а 24-го марта 1839 г., было запрещено протестантамъ вступать въ общины.

Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ весь прибалтійскій край находился въ напряженномъ состояніи: крестьяне находили свое положеніе въ отношеніи къ землевладѣльцамъ не соотвѣтствующимъ вольному человѣку, приверженцы ученія гернгутеровъ, оставаясь въ убѣжденіи, что „церковь многаго не имѣетъ“, горячо отстаивали свои убѣжденія и, собираясь въ ночныхъ сходкахъ, въ лѣсахъ, проповѣдывали образъ идеальной церкви.

Теперь необходимо сказать нѣсколько словъ и о томъ, какъ поселяне смотрѣли на православныхъ кореннаго русскаго происхожденія людей, жившихъ по преимуществу въ городахъ, но не рѣдко заходившихъ по своимъ дѣламъ и промысламъ въ латышскія деревни и села.

Неподлежащіе оспариванію историческіе документы свидѣтельствуютъ, что первыя сѣмена христіанства занесены были въ прибалтійскій край изъ полоцкаго княжества, задолго до прибытія нѣмцевъ и основанія Риги, и что латинскіе проповѣдники въ нѣкоторыхъ мѣстахъ застали туземцевъ уже православными. Такъ, напр., въ 1216 г. князь Владиміръ псковскій вытребовалъ съ Унганіи большую дань за то, что жители приняли предъ тѣмъ латинскихъ священниковъ, бывъ прежде православными. Въ Юрьевѣ всегда бывали православныя церкви, была въ орденскія времена церковь и въ Ригѣ, и въ 1509 году магистръ ордена обязался предъ великимъ княземъ московскимъ блюсти русскія православныя церкви въ Ливоніи. Въ 1534 г. магистръ и рижскій архіепископъ снова обязались, чтобы „нѣмцы берегли церкви и жилища русскія въ своихъ городамъ.“ Есть и другія свидѣтельства, что латыши никогда не забывали, что православіе нѣкогда существовало между ними и никогда не прерывали своихъ сношеній съ пограничными приходами. Такъ латыши съ древнѣйшихъ временъ имѣли обыкновеніе посѣщать якобштатскую церковь и служить тамъ молебны. Латыши и эстонцы цѣлыми партіями хаживали ежегодно на богомолье въ Печерскій монастырь на границѣ псковской губерніи и Лифляндіи. Около Пернова крестьяне хаживали въ православную церковь за святою водою, служили тамъ заздравные молебны, покупали свѣчи. Профессоръ юрьевскаго университета Розенбергъ положительно, какъ очевидецъ, свидѣтельствовалъ, что въ воскресные и праздничные дни латыши и эсты въ тридцатыхъ годахъ приходили въ православную церковь въ Юрьевѣ, здѣсь ставили предъ иконами свѣчи, молились, совершали поминовенія по усопшимъ, нѣкоторые даже соблюдали посты.

Бывали и присоединенія. Такъ въ 1800 г. цѣлый верхнеустинскій пасторатъ верроскаго уѣзда (нынѣ того же названія приходъ псковской

епархіи) присоединился къ православію и для нихъ поставленъ былъ священникъ, ими избранный изъ ихъ среды. Присоединенія къ православію въ окрестностяхъ Чудскаго озера въ началѣ текущаго столѣтія сдѣлались столь часты, что лифляндская духовная консисторія обратилась въ 1813 году къ бывшему тогда министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ князю Голицину съ просьбою объ учиненіи распоряженія не допускать „несовершеннолѣтнихъ и незаконнорожденныхъ, а паче непокорныхъ церкви молодыхъ людей протестантскаго исповѣданія къ принятію православной вѣры.“ Просьба уважена не была, ибо синодъ рѣшилъ, что воспрещать соединеніе съ православною церковью тѣмъ изъ иновѣрцевъ, которые ведутся къ тому истиннымъ расположеніемъ, а не другимъ, самою церковью отвергаемымъ, видомъ, было-бы противно евангельскому духу

Русское населеніе групировалось по преимуществу въ городахъ, здѣсь были и православные священники и православные храмы; но русское населеніе имѣло въ началѣ мало сношеній съ поселянами, а тѣмъ болѣе не имѣло православное духовенство, ничтожное числомъ, находившееся только въ городахъ и за самыми малыми исключеніями не знавшее ни по эстонски, ни по латышски. Гернгутеры, о которыхъ было сказано нѣсколько словъ выше, оказывали сильнѣйшее вліяніе на нравственное развитіе своихъ многочисленныхъ послѣдователей. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ о гернгутерахъ очевидецъ гернгутерскихъ собраній латышъ Индрикъ Страумитъ (стр. 59): „Усердіе и ревность членовъ братства въ посѣщеніи молитвенныхъ собраній были невѣроятны. Иному доводилось проходить до 90 верстъ. Пришлаго изъ дальней стороны принималъ радушный хозяинъ, угощалъ даровою трапезою, плотскою и духовною, на ночь постилалъ ему солому и покрывало Съ богомольцами вели бесѣды долгія, распрашивали обо всемъ, радовалнсь и горевали и обнадеживали, поддерживали добрыя стремленія, давали совѣты. При этомъ часто повторяли: „Мы глупы, необразованы, темны, мы не въ состояніи поучать словомъ; но въ замѣнъ Господь далъ намъ другой даръ, это наша жизнь, наши дѣла; ими мы должны учить и вразумлять другихъ, а отъ дѣланія добра никто не можетъ отказаться неумѣніемъ или незнаніемъ. Дѣла въ нашей власти, и ими мы докажемъ молча, безъ словъ, святость нашей цѣли нашихъ собраній...“ Гренгутерство быстро росло и развивалось. Оно проникало не только во всѣ лифляндскія усадьбы. но и во всѣ мызы и города; съ нимъ рука объ руку распространялась грамотность успѣшно и быстро; религіозное вдохновеніе какъ будто развязало языки и въ самое короткое время явились между латышами истинно даровитые проповѣдники. Укажу на замѣчательнѣйшаго изъ нихъ, и вмѣстѣ поэта, венденскаго уѣзда, мызы Зербенъ, усадьбы Яунитесъ-Анджа, Курмиса. Я много слышалъ объ этомъ даровитомъ крестьянинѣ и теперь охотно вѣрю разсказамъ о немъ потому, что имѣю предъ собою его пѣсенникъ, въ которомъ отразилась свѣтлая его душа. Особенно часто вспоминалъ о Курмисѣ Давидъ Баллодъ, нѣкогда тоже одинъ изъ главныхъ членовъ гернгутерства, а потомъ священникъ православной церкви. Приведу здѣсь одинъ изъ его разсказовъ. У помѣщика N. N. умерла любимая дочь; при погребеніи ея, говорили проповѣди и рѣчи, разумѣется предварительно написанныя и затверженныя, всѣ пасторы, приглашенные на отпѣваніе. Когда они кончили, отецъ покойницы обратился къ Курмису, который тутъ же присутствовалъ, со слѣдующими словами: „Слышь, Курмисъ! ты меня любишь, ты любилъ и дочь мою, и она тебя любила; ты знаешь, какъ я ее любилъ — скажи что нибудь и ты мнѣ въ утѣшеніе!“ И этотъ крестьянинъ, тутъ же безъ всякаго приготовленія, произнесъ такую чудную рѣчь, что вызвалъ слезы умилетія не только у отца, но и у постороннихъ. Глубоко тронутый помѣщикъ, поцѣловалъ его въ лобъ и поблаго-

дарилъ его, сказавъ: „Спасибо тебѣ! Ты одинъ меня утѣшилъ и успокоилъ мое сердце.“ Изъ благодарности къ Курмису, онъ сталъ еще больше прежняго помогать и покровительствовать гернгутерамъ.

Много народа, говорили мы, сочувствовали гернгутерамъ, помогали имъ своими средствами, ходили въ ихъ собранія, вступали въ ихъ собранія вступали въ ихъ общины, и тѣмъ не менѣе въ самой средѣ гернгутеровъ было не мало людей, неудовлетворявшихся ихъ ученіемъ и смутно понимавшихъ несостоятельноеть самодѣльной вѣры, сложившейся подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ; тутъ то впервые представилась умамъ мысль о старой, строгой вѣрѣ. Эта мысль появилась не вдругъ, но была необходимымъ результатомъ ознакомленія латышскаго простонародья съ простонародьемъ русскимъ, а эти ознакомленія начались гораздо ранѣе сороковыхъ годовъ. Приводимъ еще нѣсколько выписокъ изъ словъ того же самого очевидца. латыша Индрика Страумита. Невыгодныя понятія о русскихъ имѣли латыши, но любили распрашивать русскихъ кирпичниковъ и пильщиковъ, являвшихся по своему промыслу въ деревню. про ихъ житье-бытье. Послѣдніе, видя къ себѣ такое вниманіе, не затруднялись отвѣтами. „Мнѣ часто, говоритъ Страумитъ, случалось слышать отъ нихъ такія рѣчи: Такъ какъ же? По вашему мы значитъ разбойники? Кого же изъ вашихъ мы убили? Кажется. и не приколотили ни одного изъ васъ... Когда слыхано, чтобы русскій извощикъ тронулъ въ дорогѣ латыша? Можетъ, не случится помочь, а ужъ ни за что не обидитъ. Въ городѣ васъ тоже нѣмецъ толкаетъ въ шею изъ лавки или шинка, а русскій самъ зоветъ.... У насъ Царь самъ христосуется на Святой съ мужикомъ, а не то чтобы выгонялъ изъ церкви... У насъ царь-батюшка и Николай чудотворецъ...“

Русскій простолюдинъ, душевно преданный православію. всегда любилъ и любитъ бесѣду „по душѣ“ и воспомянуть угодниковъ Божіихъ, потрудившихся на землѣ и подвигомъ добрымъ стяжавшихъ себѣ царство небесное. Не было тутъ ни пропаганды, ни агитаціи, а тутъ вся Россія, какъ справедливо замѣчаетъ Страумитъ, пропагандировала за себя и, такъ сказать, всею своею массою вдвигалась въ сознаніе латышей. Чему же тутъ удивляться, что латыши, слыша отъ своего же брата, простаго нечиновнаго русскаго человѣка, разсказы о неизмѣримомъ превосходствѣ Россіи предъ всѣми странами въ мірѣ (этому заблужденію наше простонародье не чуждо и по настоящій день), стали, дѣйствительно, толковать о переселеніи въ Россію. «На эту тему, говоритъ Страумитъ, сложилась даже пѣсня. Ее можно было слышать тогда вездѣ. на каждомъ шагу; ее пѣли даже малыя дѣти: «Пойдемъ, братцы, русской землю; русской земли добра жива». Эту пѣсню я зналъ тогда еще, когда бѣгалъ босикомъ и безъ штановъ; зналъ ее и маленькій братъ мой; и онъ, бывало, наѣвшись и накормивъ кошку, выгребалъ остатокъ мучицы изъ шайки, надѣвалъ ее на голову, и, весь облитый путрою, вставалъ на ноги и пѣлъ про русскую землю.“ То было гораздо ранѣе сороковыхъ годовъ. „Трудно уловить, продолжаетъ Страумитъ, народную молву Но вотъ какого рода рѣчи я припоминаю: Русскій народъ хорошій! Они вовсе не поляки, какъ мы ихъ называли. У поляковъ нѣтъ бороды, а только усы, и всѣ они черные; а у русскихъ борода и всѣ русые; смотри, какъ они сердятся, когда ихъ зовутъ поляками: „я тебѣ такого поляка дамъ, что и своихъ не узнаешь!“ Не нужно ихъ ругать поляками! (Читатель благоволитъ вспомнить, что такъ говорили латыши вскорѣ послѣ польскаго возстанія 1831 года). У нихъ и вѣра не польская, а русская, та самая, какая и у Царя. Значитъ ихъ вѣра царская и въ эту вѣру можно перекреститься, когда угодно, а изъ ихъ вѣры въ нашу нельзя.... Русскій народъ добрый и вѣра ихъ святая, самая старая и трудная: у нихъ посты. Русскій мужикъ

(Страумитъ разумѣетъ, вѣроятно, извощиковъ, возившихъ товары въ Юрьевъ и Перновъ) даромъ, что крѣпко держитъ постъ, однимъ блюдомъ не доволенъ; подавай другое, а мы, латыши, двухъ то не умѣемъ и ѣсть. Русскій поѣстъ хорошаго, полновѣснаго хлѣба, запьетъ квасомъ, чего нибудь еще потребуетъ, за то и не зябнетъ; идетъ зимою: грудь вольная, шея вольная и голая, а самъ красный, какъ будто изъ бани вышелъ, паръ такъ и валитъ, какъ съ добраго коня.“

Въ Ригѣ, при вступленіи русскихъ войскъ въ 1710 г. не было ни одной православной церкви. По царскому распоряженію, шведская гарнизонная церковь въ цитадели была обращена въ православную церковь и освящена во имя апостолъ Петра и Павла, а затѣмъ былъ обращенъ въ православную церковь римско-католическій костелъ св. Магдалины, принадлежавшій нѣкогда бенедиктинкамъ. Отъ этого костела стояли одни лишь каменныя стѣны, такъ какъ онъ оставался въ запустѣніи съ 1621 года, когда изъ Риги были удалены іезуиты. Стѣны возобновили, перестроили въ церковь и освятили во имя Алексія, человѣка Божія. Съ этого времени начинаютъ появляться православныя церкви и въ другихъ городахъ: Динаминдѣ, Перновѣ и Дерптѣ.

Съ 1718 по 1725 г. прибалтійскими церквами завѣдывалъ мѣстоблюститель патріаршій, сперва Ѳеофилъ Прокоповичъ, а потомъ митрополитъ Стефанъ Яворскій. Съ 12 марта 1725 года всѣ церкви въ Лифляндіи были причислены къ псковской епархіи, а съ 1727 г. въ Ригѣ была учреждена контора духовныхъ дѣлъ. Въ 1750 г. контора эта была переименована въ „рижское духовное правленіе“ которое, будучи преобразовано въ 1764 г. архіепископомъ Иннокентіемъ, существовало до самаго учрежденія независимой рижской епархіи въ 1850 г *).

*) Съ 1764 г. велѣно архіепископу Иннокентію титуловаться псковскимъ и рижскимъ, потому что эстляндскія церкви въ Ревелѣ, Балтійскомъ Портѣ и Нарвѣ отчислены къ петербургской епархіи. Въ указѣ изъ псковской консисторіи отъ 1764 г. августа 13 дня (№ 1725) написано между прочимъ: „въ бытность его преосвященства въ Ригѣ усмотрѣно имъ, что рижское духовное правленіе состоитъ изъ единой персоны — тамошняго протопопа. А по знатности того мѣста, гдѣ бываютъ многія и трудныя къ рѣшенію дѣла, надлежитъ тамъ быть правленію духовному въ лучшемъ порядкѣ... того ради его преосвященство приказалъ: въ ономъ рижскомъ духовномъ правленіи присутствовать и обще исправлять всѣхъ дѣлъ теченіе тремъ персонамъ: тамошнему протопопу Саввѣ Глазовскому, второму — протопопу Симеону (переведенному изъ Пскова въ рижскую Алексіевскую церковь 1-мъ священникомъ), третьему Алексіевскія церкви второму священнику Сергію;... а для письма и исправленія производствомъ дѣлъ приказныхъ писца достойнаго“ (для сего консисторіею и посланъ изъ Пскова дьячекъ Кондратъ Петровъ, и для содержанія его велѣно ему быть 2-мъ причетникомъ при рынковской Николаевской-у Благовѣщенія церкви). Тѣмъ же указомъ протопопъ Симеонъ назначенъ катихизаторомъ „учить народъ за часъ до обѣденнаго благовѣста или въ соборной или въ Алексіевской церкви по вся воскресные дни,“ а Сергій (3-ій членъ правленія) благочиннымъ. При указѣ псковской духовной консисторіи отъ 25 апрѣля 1765 г. присланы въ рижское духовное правленіе составленное самимъ преосвященнымъ Иннокентіемъ: 1) увѣщаніе и при немъ наставленіе (или прибавленіе къ инструкціи) благочиннымъ и закащикамъ, и 2) пастырское увѣщаніе и при немъ наставленіе священникамъ

должно быть 491

Вѣдомству рижскаго духовнаго правленія въ 1770 г. было подчинено 18 церквей, изъ нихъ въ Ригѣ было 5 (соборная Петропавловская, Алексѣевская, Замковая, Благовѣщенская, Гарнизонныхъ госпиталей и Троицкая главнаго полеваго госпиталя); внѣ Риги по одной церкви было въ Динаминдѣ, Митавѣ, Аренсбургѣ, Перновѣ, Дерптѣ и Ряпинѣ. Остальные 5 церквей были полковые.

Въ 1800 г. во всѣхъ этихъ церквахъ считалось прихожанъ 16,290 человѣкъ (въ Ригѣ 7111 чел.). Въ 1810 г. было 19 церквей и православныхъ 11678 человѣкъ. Въ 1820 г. было 17 церквей и при нихъ всѣхъ православныхъ 9378 человѣкъ (въ Ригѣ 4602 чел.), значитъ противъ 1800 г. уменьшилось церквей 2 и прихожанъ 6912 чел. Съ этого времени начинается увеличеніе: къ 1830 г. было церквей приходскихъ 15, кладбищенскихъ 3, военнаго вѣдомства 2, всѣхъ 20; прихожанъ обоего пола было 11335 человѣкъ (въ Ригѣ 6252 чел).

Въ Ригѣ съ давняго времени проживало не мало старообрядцевъ безпоповцевъ. Въ срединѣ XVIII столѣтія число ихъ возросло уже до того, что въ 1760 г. они основали богадѣльню (Гребенщиковскую) и при ней школу. На рижскихъ старообрядцевъ долго не обращали никакого вниманія и лишь съ 1820 г., когда состоялись разные ограничительныя противъ раскола постановленія, начало обнаруживаться, что въ Ригѣ число безпоповцевъ замѣтно увеличивается и притомъ не столько переселеніями сколько отпаденіями. Въ 1832 г. была закрыта старообрядческая школа при Гребенщиковской богадѣльнѣ, а за тѣмъ явилась мысль принять такую мѣру, которая бы могла противодѣйствовсть распространенію раскола. Преосвященный псковскій Наѳанаилъ предположилъ учредить въ Ригѣ викаріатство, но его предположеніе осуществилось лишь въ 1836 г (14 сентября), послѣ того какъ долбежовское дѣло обнаружило, что въ Ригѣ постановленія 1820 г. относительно раскола или вовсе не соблюдаются или соблюдаются крайне небрежно *).

въ такой силѣ а) „что они должны опасно хранить во исправленіи своего по священству званія — съ формами увѣщаній для нихъ предъ исправленіемъ таинъ Божіихъ и б) что какъ священники и діаконы, такъ и причетники наблюдать должны и въ самомъ обхожденіи житія“.

*) Долбежовское дѣло довольно любопытно. Оно началось слѣдующимъ донесеніемъ рижскаго благочиннаго протоіерея Василія Фасанова:

„Рижской Александровской церкви старшій священникъ Василій Суворовъ съ діакономъ и пономаремъ (безъ священника Розанова, по отлучкѣ его въ отсутственную командировку) поданнымъ отъ 28 прошлаго августа мнѣ рапортомъ, между прочимъ, донесли, что надъ находящеюся въ приходѣ ихъ рижскою русскою богадѣльнею (великое количество православныхъ содержащею) якобы нынѣ допущенъ смотрителемъ раскольникъ, вѣроятно кто либо изъ посадскихъ обывателей, преимущественнѣйшую часть русскаго гражданскаго общества составляющихъ то изъ раскольниковъ, то изъ прежнихъ и недавнихъ перекрещенцевъ, изъ коихъ очень многіе, особливо богатые, для распространенія своей секты, по бракосочетаніи своемъ въ православныхъ церквахъ и даже по дачѣ въ брачныхъ обыскахъ надлежащихъ подписокъ въ будущемъ крещеніи дѣтей, если будутъ, въ православной церкви, напротивъ и въ виду самаго высшаго духовенства, безпрекословно свободно крестятъ обоего пола дѣтей своихъ прямо въ расколъ.

О сихъ раскольничьихъ своевольствахъ и злоупотребленіяхъ, православію въ городѣ Ригѣ неизбѣжнымъ запустѣніемъ грозящихъ, какъ служитель алтаря и православной вѣры не могу и не смѣю не присовокупить къ архипастырскому вашего преосвященства свѣдѣнію, хотя по секрету, опасаясь сколько свѣтской власти, въ раскольническія дѣла и тайно и явно вмѣшивающейся, и еще въ бытность мою въ Дерптѣ за самое законное и кроткое, пастырское перекрещенцевъ къ православію обращеніе неблагонамѣренными, несправедливѣйшими навѣтами меня преслѣдовавшей, но не менѣе и лицъ духовныхъ, особенно высшихъ, кромѣ присутствующаго іерея Бурижскаго, слишкомъ 20 лѣтъ неосновательными клеветами истинно безвинно старающихся чернить честь и имя мое, и только, по видимому,

Викарнымъ епископомъ въ Ригу былъ назначенъ епископъ старицкій Иринархъ, въ молодости своей служившій по духовно-учебному вѣдомству и потомъ состоявшій священникомъ при одной изъ нашихъ миссій въ Италіи. Ему было предписано обратить преимущественное вниманіе на безпоповцевъ. Въ ноябрѣ 1836 г. преосвященный Иринархъ прибылъ въ Ригу и прежде всего занялся устройствомъ единовѣрческой церкви.

Что преосвященный не имѣлъ никакихъ отношеній ни къ лифляндскимъ вотчинникамъ, ни къ оброчникамъ и вообще къ поселянамъ, это разумѣется само собою; отношенія же его къ администраціи края и къ протестантскому духовенству опредѣлялись извѣстными законами и положеніемъ, приводить которыя здѣсь, конечно, совершенно излишне. Не имѣя никакого дѣла ни до дворянства, ни до какого либо сословія въ краѣ, преосвященный не имѣлъ дѣла и до гернгутеровъ, о существованіи которыхъ онъ, конечно, зналъ, но сношеній съ которыми не имѣлъ рѣшительно никакихъ, въ этомъ могутъ засвидѣтельствовать сами гернгутеры. Но обратимся къ изложенію событій.

Въ 1838, 39 и 40 годахъ въ лифляндской губерніи былъ большой неурожай; общественные магазины съ хлѣбомъ запустѣли и страшное бѣдствіе — голодъ охватилъ всю губернію. По старой привычкѣ, а можетъ быть, что гораздо вѣрнѣе, изъ крайней нужды крестьяне начали обращаться къ землевладѣльцамъ за помощью, но помощи получить не могли: у помѣщиковъ у самихъ или ничего не было или если что и было, то оставлялось на крайній случай, потому что неурожай въ теченіе нѣсколькихъ послѣдовательныхъ годовъ совершенно разстроилъ многія хозяйства. Со дня на день бѣдствіе принимало все болѣе и болѣе ужасающіе размѣры и къ веснѣ 1841 года почти почти всѣ уѣзды лифляндской губерніи терпѣли безпримѣрный голодъ. Частная благотворительность была вполнѣ безсильна бороться съ бѣдствіемъ, а своевременныхъ мѣръ къ прокормленію цѣлой губерніи сдѣлано не было, да и сдѣлать, при недостаткѣ путей сообщеній, едва ли было возможно. Не получая помощи отъ помѣщиковъ, поселяне начали обращаться къ своему ближайшему мѣстному начальству, причемъ ихъ просьбы нерѣдко принимали видъ жалобъ на помѣщиковъ за недоставленіе имъ средствъ къ пропитанію. Но что же могло сдѣлать мѣстное начальство? Въ распоряженіи

за то, что въ жизни моей ни единожды не поскользнулся я быть одинакихъ съ ними къ раскольникамъ предосудительныхъ отношеній. 15 сентября 1835 г."

Рапортъ этотъ былъ поданъ преосвященному лично протоіереемъ Фасановымъ; преосвященный въ тотъ же день на этомъ донесеніи отмѣтилъ: „Предметъ донесенія слишкомъ важенъ. Разсмотрѣть (т. е. въ консисторіи) нынѣ же и съ мнѣніемъ представить".

Псковская духовная консисторія отнеслась къ рижскому гражданскому губернатору о производствѣ по рапорту протоіерея Фасанова слѣдствія при депутатѣ съ духовной стороны, благовѣщенскомъ священникѣ Гавріилѣ Бурижскомъ. Преосвященный о томъ же донесъ съ своей стороны святѣйшему правительствующему синоду. Гражданскій же губернаторъ предписалъ рижскому полиціймейстеру полковнику Вакульскому произвести надлежащее разслѣдованіе „надъ виновными въ избраніи раскольника въ должность смотрителя рижской богадѣльни, а также и по случаю тому, что многія изъ старообрядцевъ, преимущественнѣйшую часть русскаго городскаго общества въ Ригѣ составляющихъ, по бракосочетаніи своемъ въ православныхъ церквахъ и даже по дачѣ подписокъ — въ будущемъ крещеніи дѣтей въ православныхъ церквахъ, своихъ дѣтей крестятъ прямо въ расколъ". Дѣло началось въ концѣ февраля 1836 года и тянулось чуть ли не до 1842 года.

Оно распадалось на двѣ части: приходилось развѣдать, кто именно изъ старообрядцевъ и кѣмъ былъ избранъ въ смотрители надъ русскою богадѣльнею, и потомъ, кто именно изъ старообрядцевъ былъ вѣнчанъ въ православной церкви, но дѣтей своихъ въ церкви не креститъ. Первую часть слѣдствія произвести было очень не трудно. Оказалось, что въ 1835 г., дѣйствительно, былъ избранъ въ смотрители богадѣльни старообря-

его никакихъ хлѣбныхъ заиасовъ не было. а на жалобы противъ помѣщиковъ не могло и не должно было иначе отвѣчать, какъ полнымъ отказомъ, потому что крестьянское положеніе 1819 года совершенно и положительно увольняло помѣщикомъ отъ всякой заботы и отвѣтственности на счетъ продовольствія поселянъ. Что же дѣлать? Какъ быть? Неужели-же всѣмъ поголовно умирать голодною смертію? Неужели же нѣтъ никакихъ средствъ помочь злу? Эти вопросы мимовольно приходили на умъ каждаго поселянина, когда пришла весна 1841 г. и разрушила всякія надежды на лучшій урожай и снисканіе хлѣба. Первый отвѣтъ на эти роковые и неизбѣжные вопросы былъ выселиться, но куда же выселиться? Конечно, туда, гдѣ нѣтъ голода, туда въ Россію въ „Ейскую" землю, въ землю „теплую", гдѣ и живется не такъ, какъ въ Лифляндіи, а какъ то иначе, потому что въ „русской землю добра жива." Всегда и вездѣ бывало, что чего хочется, тому и вѣрится: чему же тутъ удивляться, что въ фантазіи истомленныхъ голодомъ людей начали

децъ, рижскій купецъ Ѳедотъ Абрамовъ Долбежовъ. „Сей выборъ, писалъ гражданскій губернаторъ преосвященному, однако произведенъ рижскимъ обществомъ на общественныхъ выборахъ, и поелику сія богадѣльня общественная и состоитъ подъ вѣдомствомъ рижской убогой дирекціи (инспекціи о бѣдныхъ), то магистратъ, коего утвержденію подлежатъ выборы въ таковыя общественныя должности, не имѣя свѣдѣнія о его, Долбежова, вѣроисповѣданіи, но токмо принявъ въ уваженіе общественный выборъ и извѣстную честность сего гражданина, ни мало не усумнился утвердить его въ семъ званіи. Губернское начальство о таковомъ выборѣ не было извѣстно и, только по полученіи извѣщенія о семъ вашего преосвященства, немедленно устранило сей выборъ добровольнымъ выходомъ изъ онаго купца Долбежова, а о выборѣ на мѣсто его другаго дано магистрату предписаніе. Но дабы отвратить на будущее время таковые выборы и утвержденіе магистратомъ раскольниковъ въ общественныя должности, представлено мною г-ну рижскому военному и генералъ-губернатору: не благоугодно-ли будетъ приказать полиціямъ доставлять въ магистратъ списки купцамъ и мѣщанамъ для устраненія подобныхъ выборовъ".

Вторую часть слѣдствія полковникъ Вакульскій исполнилъ тѣмъ, что затребовалъ отъ рижскихъ православныхъ приходовъ именные списки тѣмъ лицамъ, которыя были вѣнчаны въ церквахъ и, не смотря на то, крестятъ дѣтей своихъ въ моленныхъ. Оказалось, что въ Ригѣ такихъ лицъ было 84. Каждому изъ нихъ были предложены нижеслѣдующіе вопросы: Какъ васъ зовутъ и сколько имѣете отъ роду лѣтъ? Какого вѣроисповѣданія? Когда вы были на духу, гдѣ и у кого? Давно-ли вы въ старообрядствѣ или перекрещенецъ? Женаты вы или холосты? Какъ зовутъ вашу жену и сколько ей отъ роду лѣтъ? Какой жена ваша вѣры? Когда она была на духу, гдѣ и у кого? Съ котораго времени вы женаты, гдѣ и кѣмъ вѣнчаны? Имѣете-ли дѣтей, сколько, какого пола и какихъ лѣтъ? Въ церкви ли они крещены или въ какомъ либо другомъ мѣстѣ и кѣмъ именно? Не дано-ли было предъ вѣнчаніемъ вами или женою обязательства крестить дѣтей въ православную вѣру? Знали-ли кто изъ приходскихъ священниковъ, что у васъ раждались дѣти, не напоминали-ли они вамъ о крещеніи въ православіе? Не спрашивали-ли вы у кого либо изъ старшаго рижскаго духовенства совѣта или дозволенія крестить дѣтей въ расколъ? Желаете-ли вы дѣтей своихъ присоединить къ церкви и желаете-ли присоединиться и сами съ женою?

Отвѣты получились, что всѣ 84 человѣка были вѣнчаны или въ Динаминдской церкви, или въ полковыхъ церквахъ полковыми священниками, что подписокъ о крещеніи дѣтей въ православную вѣру никто не давалъ, что приходскіе священники знали о рожденіи дѣтей. Большинство спрашиваемыхъ заявили, что они присоединиться къ церкви не желаютъ.

Изъ числа допрошенныхъ 84 лицъ, 22 увѣщаніемъ „учиненнымъ при допросѣ, склонены къ принятію православной вѣры и по объявленію духовнаго депутата, священника Бурижскаго, попеченіемъ его уже присоединены къ православной церкви".

Слѣдственное дѣло было представлено гражданскимъ губернаторомъ псковскому преосвященному 16 апрѣля 1836 г., который, въ свою очередь, передалъ оное на разсмотрѣніе въ псковскую духовную консисторію.

Какъ взглянуло на слѣдствіе консисторія, какъ были преданы суду въ рижскомъ магистратѣ (члены его всѣ лютеране) 46 человѣкъ, отказавшихся присоединиться, и чѣмъ было рѣшено дѣло (магистратъ постановилъ: освободить подсудимыхъ отъ всякой отвѣтственности за 10-ти лѣтнею давностію раскола) здѣсь излагать не будемъ, но лишь замѣтимъ, что это дѣло ускорило рѣшеніе вопроса о викаріатствѣ въ Ригѣ.

рисоваться „блаженныя страны.“ Фантастическія грезы породили и фантастическіе слухи въ родѣ того, что де состоялся уже и высочайшій указъ о раздачѣ гдѣ то, тамъ на югѣ, пустопорожнихъ мѣстъ всѣмъ желающимъ переселиться, — слѣд. не надобно медлить, а подавать прошеніе о выселеніи. Фантастическіе слухи получили подкрѣпленіе въ фактѣ переселенія евреевъ изъ Курляндіи*), получили, говоримъ, подкрѣпленіе, но никакъ не причинили броженіе, какъ полагаетъ Рихтеръ. Но куда же обратиться съ прошеніемъ? Конечно, въ Ригу, къ генералъ-губернатору, какъ высшему представителю администраціи края. Такіе слухи и толки возникли прежде всего между поселянами венденскаго уѣзда и потомъ одновременно въ венденскомъ уѣздѣ и около Маріенбурга. Толпы поселянъ, безъ паспортовъ, безъ дозволеній, двинулись въ Ригу со всѣхъ сторонъ частію для испрошенія подаянія, а большею частію съ просьбами вывести ихъ изъ Лифляндіи. Нѣсколько тысячъ истомленнаго, обезсиленнаго голодомъ и нуждою народа явились въ Ригу, переполнили постоялые дворы и, не находя пріюта, расположились на улицахъ, площадяхъ, даже противъ замка, и затѣмъ начали обращаться съ просьбами ко всѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, было облечено властію выселить ихъ. Множество просителей, по прежнему, жаловались на помѣщиковъ, что ихъ они не кормятъ, другіе ссылались на какіе то небывалые указы, читанные будто бы съ каѳедръ въ церквахъ и касавшіеся выселеній. Губернское начальство сдѣлало распоряженіе высылать безпаспортныхъ изъ Риги на мѣста жительства и неповинующихся принуждать къ тому силою. Но на мѣсто высылаемыхъ являлись новыя толпы, кочевавшіе по улицамъ, по переднимъ генералъ-губернатора, гражданскаго губернатора, жандармскаго штабъ-офицера и пр., вездѣ съ жалобами, что ихъ помѣщики не кормятъ, и съ просьбами о выселеніи, но на жалобы начальство не могло иначе отвѣтить, какъ отказомъ на основаніи закона, о выселеніи же массъ не могло быть и рѣчи.

9-го іюня 1841 г. одна истомленная голодомъ крестьянская артель, изъ нѣсколькихъ человѣкъ, кочуя по улицамъ Ригн, случайно забрела за подаяніемъ на архіерейское подворье къ преосвященному Иринарху Преосвященный вышелъ къ артели, терпѣливо выслушалъ несвязный бредъ крестьянъ и, сожалѣя о ихъ нуждѣ и несчастіи, роздалъ каждому по нѣскольку грошей денегъ и по куску хлѣба, но объяснилъ артели, что предметы ихъ жалобъ до православнаго архіерея никакъ не касаются, и что онъ поставленъ отнюдь не для того, чтобы пересылать крестьянъ изъ губерніи въ губернію; въ заключеніе же преосвященный совѣтовалъ крестьянамъ итти домой, приняться за работу и слушаться помѣщиковъ (все это засвидѣтельствовано граждаискимъ губернаторомъ барономъ Фелькерзамомъ). Съ состраданіемъ къ несчастію принималъ латышей и жандармскій подполковникъ Киршъ. Онъ записалъ имена просителей, уговаривалъ ихъ возвратиться по домамъ, и обѣщалъ сдѣлать что можетъ въ своемъ положеніи, именно донести объ ихъ несчастіи по своему начальству

Вѣсть о пріемѣ, сдѣланномъ преосвященнымъ крестьянской артели, быстро разнеслась между поселянами и толпы ихъ начали чаще и чаще приходить на архіерейское подворье. Преосвященный не отказывалъ въ посильной помощи и милостынѣ (да и кто изъ русскихъ отказывалъ просящимъ во имя Христа), но постоянно повторялъ приходящимъ, что исключительное его призваніе — служить церкви, что онъ и не можетъ и не долженъ входить въ то, что составляетъ дѣло администраціи, а не духовенства. Слова преосвященнаго производили на крестьянъ сильное впечатлѣніе.

*) Въ 1841 г., по распоряженію правительсгва, 2530 чел. курляндскихъ евреевъ были переселены въ херсонскую губернію.

Являясь за милостынею, они вскорѣ начали подавать и письменныя заявленія преосвященному, въ которыхъ просили ходатайства его о дозволеніи выселиться изъ Лифляндіи (это былъ главный предметъ) и затѣмъ изъявляли желаніе присоединиться къ православію. Такого рода просьбъ съ 9 іюля по 2 августа поступило 30 отъ имени нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ и всѣ эти просьбы преосвященный представлялъ оберъ-прокурору святѣйшаго синода, который и передавалъ ихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, находившееся въ то время подъ управленіемъ графа Строганова.

Министерство, конечно, пожелало собрать свѣдѣнія о точныхъ причинахъ возникшаго между лифляндскими крестьянами броженія и съ этою цѣлію нарочно командировало довѣренныхъ чиновниковъ (кол. сов. Кузьминскій и др.), которые на мѣстѣ должны были удостовѣриться, почему именно поселяне просятъ выселенія и затѣмъ желаютъ присоединиться къ православію. Министерство не замедлило получить свѣдѣнія, которыя ясно обнаруживали, что желанія выселенія происходятъ единственно отъ неудовлетворительнаго экономическаго быта крестьянъ, но никакъ не есть слѣдствіе злоумышленныхъ наговоровъ или подстрекательствъ.

Еще ранѣе того времени, когда въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ начали сосредоточиваться донесенія о положеніи лифляндской губерніи, по распоряженію генералъ-губернатора барона Палена была составлена особая коммисія, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго депутата Гагемейстера для разслѣдованія на мѣстѣ источниковъ слуховъ, тревожившихъ крестьянъ и для успокоенія ихъ. Этой коммисіи было назначено побывать въ 14 имѣніяхъ маріенбургскаго округа (первые появившіеся въ Ригѣ крестьяне были изъ прихода Маріенбургъ, валкскаго уѣзда, принадлежавшаго барону Фитингофу), гдѣ волненіе крестьянъ оказалось сильнѣе, и 29 венденскаго и валкскаго, изъ которыхъ крестьяне приходили въ Ригу Коммисія ровно ничего не открыла, видѣла броженіе, но не знала, какъ помочь злу Она донесла лишь, что злой духъ упорства распространился по всей странѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ глухое смятеніе, которое уже обнаруживается угрозами явнаго возмущенія, кровопролитія и опустошенія (на дѣлѣ ничего подобнаго не бывало).

Какъ бы то ни было, но сношенія, завязавшіяся между латышами и преосвященнымъ Иринархомъ, не были ни для кого тайною. Въ нихъ нѣмецкое общество увидѣло небезопасную для себя пропаганду и въ нѣкоторомъ смыслѣ общество было право, говоритъ одинъ нашъ писатель (Самаринъ, Окраины III, 83): „точно — это была своего рода пропаганда и не безопасная; но виновата ли была православная церковь и Россія, виноватъ ли былъ преосвященный Иринархъ, или любой русскій человѣкъ, котораго судьба въ то время заносила въ Лифляндію, будь онъ солдатъ, торгашъ или извощикъ, виноваты ли они были въ томъ, что благодаря порядку вещей, существовавшему въ этомъ краѣ, всякая встрѣча съ русскимъ, всякій взглядъ, брошенный на латыша, наводили народъ на сравненія для многихъ невыгодныя и возбуждали въ немъ фантастическія, положимъ, даже опасныя надежды.“ Мѣстное начальство хлопотало, чтобы преосвященный не принималъ къ себѣ вовсе крестьянъ, а отсылалъ ихъ къ гражданскому начальству Преосвященный отвѣтилъ, что „запереть двери для крестьянъ онъ не можетъ, безъ особеннаго на то разрѣшенія его начальства, ибо это значило бы отказаться произвольно и безъ видимой нужды отъ одной изъ главныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на него саномъ и мѣстомъ.“

Графъ Строгановъ, которому, по высочайшему повелѣнію, были переданы синодальнымъ оберъ-прокуроромъ просьбы крестьянъ, представилъ объ нихъ всеподданнѣйшій докладъ, вслѣдствіе котораго и было предписано пре-

освященному не принимать отъ крестьянъ просьбъ, если въ нихъ не идетъ дѣло о присоединеніи къ православію, а излагаются жалобы на помѣщиковъ и ходатайствуется о переселеніи во внутреннія губерніи. На основаніи этого повелѣнія, преосвященный разрѣшилъ только двумъ священникамъ, соборному Заболоцкому и единовѣрческому Емельянову, писать для крестьянъ заявленія о желаніи ихъ принять православіе, если сами крестьяне будутъ ихъ объ этомъ просить и притомъ въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда это желаніе будетъ или выражено безусловно и безъ всякихъ постороннихъ домогательствъ или ходатайствъ о переселеніи или о преобразованіи хозяйственнаго ихъ быта. Прочимъ своимъ подчиненнымъ преосвященный рѣшительно запретилъ писать для крестьянъ какія бы то ни было просьбы.

13-го августа генералъ-губернаторъ предпринялъ объѣздъ по уѣздамъ венденскому, вольмарскому, верроскому и дерптскому и пробылъ въ путешествіи до 30-го августа. На пути крестьяне осаждали его безчисленными жалобами и просьбами, такъ какъ голодъ продолжался. Баронъ Паленъ старался доставить возможное облегченіе поселянамъ и тутъ то, во время объѣзда, воззрѣнія его на причины крестьянскаго волненія значительно поколебались: онъ на дѣлѣ увидѣлъ, что графъ Строгановъ, указывавшій ему на неудовлетворительность хозяйственныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ какъ на главную причину волненій, былъ правъ. Съ этого времени онъ, быть можетъ, почувствовалъ, что реформа необходима, тѣмъ не менѣе взгляда своего на стремленіе латышей къ переходу въ православіе онъ не перемѣнялъ, видя въ этомъ стремленіи лишь тайные происки, обнаружить которые ему, однако, не удавалось, потому что, въ сущности, ни происковъ, ни подговоровъ никакихъ и не было.

Здѣсь пока нѣтъ надобности разсказывать, какія мѣры принимались на случай возмущенія и какія войска вводились въ лифляндскую губернію для усмиренія предполагаемаго возмущенія, — достаточно сказать, что порядокъ до начала сентября нигдѣ нарушаемъ не былъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1841 г., по высочайшему повелѣнію, прибыли въ Ригу флигель-адъютанты полковники Бутурлинъ и князь Урусовъ огласить волю государя императора какъ относительно переселенія, такъ и присоединенія къ православію. 17-го сентября собраны были къ Ригѣ изъ 14 помѣстьевъ 47 человѣкъ крестьянъ и военныхъ нижнихъ чиновъ, какъ отставныхъ, такъ и безсрочно-отпускныхъ; ихъ ввели въ губернское правленіе и здѣсь Бутурлинъ и князь Урусовъ объявили: „что отнюдь не есть воля государя императора переселить лифляндскихъ крестьянъ въ другія губерніи или дать имъ земли въ Лифляндіи, отнявъ у помѣщиковъ; что ложный слухъ объ этомъ вымышленъ злонамѣренными людьми, коихъ должно задерживать; что если кто изъ крестьянъ отъ истиннаго, внутренняго убѣжденія, а не по причинѣ земныхъ выгодъ, намѣренъ присоединиться къ православію, то онъ, государь, не можетъ и не хочетъ имъ это возбранять, но что они, крестьяне, вслѣдствіе присоединенія къ православію, не уповали бы на какія либо земныя выгоды, ни на переселеніе, ни на отведеніе въ собственность земель и т. п.; а чтобы оставались по прежнему покойными.“ Такое объявленіе было сдѣлано и въ уѣздныхъ городахъ.

Съ мая, когда началось первое броженіе между поселянами, до сентября никакого явнаго безчинства или буйства между поселянами нигдѣ не было. По распоряженію мѣстнаго начальства для предупрежденія безпорядковъ были введены въ лифляндскую губернію войска, но хотя безпорядковъ и не было, но толки о переселеніи и о присоединеніи не стихали, — но едва ли они могли и стихнуть, потому что 47 человѣхъ, выслушавшихъ вы-

сочайшую волю, на всю Лифляндію было слишкомъ мало, а главнѣйше потому, что положеніе крестьянъ не улучшалось. Мѣстныя власти продолжали строго преслѣдовать всякія проявленія желанія переселиться. Въ сентябрѣ произошли и случаи неповиновенія. Такихъ случаетъ было не много, никакъ не болѣе трехъ *).

Въ то самое время, когда производился судъ надъ виновными, само дворянство, признавая, что положеніе вольнаго договора при заключеніи контрактовъ съ крестьянами крайне для нихъ неудобно, въ особенности при измѣнившемся способѣ хозяйства, въ которомъ трехпольная система замѣнена плодопеременною, начало ходатайствовать о разрѣшеніи составить коммисію для составленія проекта по улучшенію крестьянскаго быта. Баронъ Паленъ ходатайство это представилъ на разрѣшеніе высшаго правительства. Государь императоръ, по выслушаніи доклада министра внутреннихъ дѣлъ объ этомъ ходатайствѣ, повелѣть соизволилъ „поставить генералъ-губернатору на видъ", что желаніе дворянства улучшить положеніе крестьянъ доказываетъ, что источникъ волненій заключается не въ дѣйствіяхъ православнаго духовенства, а въ хозяйственномъ положеніи крестьянъ.

Тѣмъ не менѣе, баронъ Паленъ полагалъ, что происки и подговоръ составляютъ весь источникъ смуты и хотя ни одного случая присоединенія

---

*) Вотъ въ чемъ заключались эти случаи, по донесеніямъ барона Палена, который переписывалъ отъ слова до слова рапорты орднунгсъ-рихтеровъ.

„Дерптскаго уѣзда, въ приходѣ Оденпе, въ помѣстье Гейлигензе, крестьяне, будтобы ссылаясь на наставленіе православнаго духовенства, „вознамѣрились" переселиться въ другія губерніи. Орднунгсъ-рихтеръ, получивъ 1 сентября просьбу приходскаго судьи задержать зачинщиковъ, прибылъ туда съ ротою Шлиссельбургскаго полка, крестьяне ушли въ лѣсъ, гдѣ орднунгс-рихтеръ встрѣтилъ толпу вооруженную дубинами, которая спрашивала его: по какому праву онъ обыскиваетъ ихъ границы съ войскомъ, когда они ни въ чемъ не виноваты, а желаютъ только „исполнить волю Государя" и переселиться въ другія губерніи? Орднунгсъ-рихтеръ, не желая подвергать солдатъ опасности, ибо онъ не зналъ сколько въ лѣсу крестьянъ, уговорилъ толпу возвратиться на мызу, „обѣщая тамъ выслушать крестьянъ;" когда же толпа вышла изъ лѣсу, онъ встрѣтилъ ее съ цѣлою ротою".— Итакъ, орднунгсъ-рихтеръ, мѣстный помѣщикъ, располагая военною силою, „обманулъ" крестьянъ, которые охотно шли на объясненіе съ нимъ. Стратегическая хитрость имъ употребленная, конечно, не много содѣйствовала возстановленію поколебленнаго въ крестьянахъ довѣрія къ словамъ и обѣщаніямъ мѣстныхъ властей. Рапортъ оканчивался увѣдомленіемъ, что выйдя на чистое мѣсто и увидавъ передъ собою солдатъ „крестьяне бросили дубины и разбѣжались, причемъ были захвачены одинъ изъ „водителей", отставной лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка солдатъ, и еще восемь человѣкъ".

Второй случай: Верросскаго уѣзда, въ помѣстьѣ Нейгаузенъ, задержанъ былъ крестьянинъ, „извѣстный возмутитель", и толпа крестьянъ, съ кольями, преслѣдовала двѣ версты конвой для освобожденія „задержаннаго", но, какъ видно, даже не пыталась отбить его.

Третій случай и самый серьезный: „По опредѣленію губернскаго правленія, долженъ былъ быть задержанъ крестьянинъ рижскаго уѣзда помѣстья Нейбеверсгофъ, Виллуамъ Прейсъ, за подговоръ крестьянъ къ переселенію. Засѣдатель орднунгсъ-герихта фонъ Транзее и коммисаръ Гельманъ отправились для сего съ десятью солдатами гарнизоннаго баталіона, но, не заставъ Прейса дома, встрѣтили 10 сентября толпу вооруженныхъ кольями крестьянъ, которые повалили коммисара, такъ что чиновники съ трудомъ пришли на мызу, которая, на другой день, была окружена крестьянами. „Военная команда (10 человѣкъ солдатъ) вышла „безпрепятственно", но крестьяне разсыпались по дорогамъ, чтобъ воспрепятствовать чиновникамъ удалиться и засѣдателю съ трудомъ удалось пробраться въ Ригу. — Видно, однако, что его караулили не слишкомъ исправно и что толпа обступившая мызу была не очень густа и не очень страшна, иначе чиновники, вѣроятно, сами не отпустили бы солдатъ. Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ, генералъ-губернаторъ доставилъ статистику проданнаго крестьянамъ пороха; оказывалось, что, съ 1 мая по 1 августа 1840 года, они пріобрѣли 87 пудовъ 35 фунтовъ, а въ 1841 году, за тотъ же срокъ, 123 пуда 24 фунта, изъ чего можно было вывести математически вѣрное заключеніе, что безопасность мѣстныхъ властей и помѣщиковъ уменьшилась ровно на $40^{5}/_{7}$%.

къ православію въ теченіе 1841 г не послѣдовало, но онъ всетаки оставался въ увѣренности, что православные священники (всѣхъ священниковъ въ то время было не болѣе 10, знавшихъ же мѣстные языки не болѣе 2) подстрекаютъ народъ переходить въ православіе и началъ ходатайствовать о перемѣщеніи преосвященнаго Иринарха, дѣйствительно пріобрѣвшаго большое уваженіе въ средѣ поселянъ, изъ Риги. Правительство согласилось на это ходатайство и командировало въ Ригу коллежскаго совѣтника Скрыпицына сопроводить преосвященнаго въ Псковъ. Преосвященный выѣхалъ 12-го октября 1841 г., въ 10 часовъ вечера, изъ Риги во Псковъ на Митаву, Шавли и Вилкоміръ, — а нѣкоторые священники были вытребованы въ Петербургъ для объясненій. Изъ Пскова преосвященный на данные ему запросы доказалъ числами, что волненіе въ массѣ лифляндскихъ крестьянъ, приписываемое дѣйствіямъ епархіальнаго начальства, началось гораздо ранѣе первой ихъ встрѣчи съ ними и вызвано было, съ одной стороны, голодомъ и бѣдственнымъ положеніемъ крестьянъ въ хозяйственномъ отношеніи, съ другой религіозною потребностію, не находившею себѣ удовлетворенія въ протестантствѣ. Затѣмъ преосвященный до очевидности доказалъ, что всякіе извѣты на православное духовенство въ происках и подговорахъ не имѣютъ и тѣни основанія. Вообще ни малѣйшему сомнѣнію не подлежитъ тотъ фактъ, что въ движеніи 1841 г православное духовенство оставалось ровно ни при чемъ и графъ Протасовъ имѣлъ полнѣйшее право доложить государю императору, что „дѣйствіе православнаго духовенства по произведенному изслѣдованію явилось безукоризненнымъ, а было, какъ извѣстно, поводомъ къ явной на него клеветѣ и къ нелѣпымъ обвиненіямъ въ возмущеніи крестьянъ.“

Въ исходѣ октября состоялось высочайшее повелѣніе о назначеніи преосвященнаго Иринарха епископомъ острогожскимъ, викаріемъ воронежской епархіи, вскорѣ затѣмъ послѣдовало и назначеніе преосвященнаго Филарета въ Ригу.

29-го октября баронъ Паленъ донесъ, что спокойствіе въ губерніи вездѣ возстановлено.

Хотя преосвященный Иринархъ и выѣхалъ изъ Риги и хотя ни одинъ поселянинъ не присоединился къ православію, тѣмъ не менѣе лифляндскіе поселяне не забыли преосвященнаго и его милостыни и помощи. Въ концѣ 1841 г. два крестьянина съ мызы Вальгутъ, не имѣя средствъ къ существованію, пришли во Псковъ и обратились къ преосвященному Иринарху за милостынею и совѣтомъ. Преосвященный, объявивъ имъ, что онъ не можетъ быть имъ полезенъ, отослалъ ихъ для спроса въ псковское губернское правленіе, которое въ свою очередь отослало сказанныхъ крестьянъ въ Ригу. Баронъ Паленъ, поручивъ лифляндскому предводителю дворянства лично отправиться на мызу Вальгутъ и осмотрѣть положеніе крестьянъ, донесъ объ этомъ высшему правительству съ мнѣніемъ, что случай этотъ доказываетъ подговоръ крестьянъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, разсмотрѣвъ подробно всѣ обстоятельства этого дѣла, нашелъ, что „генералъ-губернаторъ углубляется въ мелочи и не хочетъ видѣть настоящей причины зла: стѣсненнаго положенія у крестьянъ вообще. Нужно изслѣдовать зачинщиковъ безпорядка, но облегчить крестьянамъ способы продовольствія негласнымъ для нихъ образомъ, и поспѣшить на ландтагѣ принятіемъ хотя временныхъ мѣръ, которыя бы можно было привести въ исполненіе къ веснѣ.“

Между тѣмъ въ концѣ 1841 г. составилась особая дворянская комисія для обсужденія крестьянскаго вопроса и проекта дополнительныхъ пунктовъ къ положенію 1819 года. На ландтагѣ возникли шумныя и сильныя пренія. Здѣсь то выступилъ на сцену краснорѣчивый престарѣлый ландратъ

Самсонъ фонъ Гиммельстіерна и заступился за крестьянъ. Ярко описывалъ онъ стѣсненное положеніе лифляндскихъ крестьянъ и вооруженный изобиліемъ статистическихъ данныхъ, изъ коихъ очевидно доказывалось, что, со времени личнаго ихъ освобожденія, матеріальное благосостояніе ихъ постоянно понижалось, заключилъ, что напрасно лифляндское дворянство, даровавъ этому сословію свободу, стало бы хвалиться своимъ великодушіемъ: они сдѣлали только выгодную сдѣлку, eins gutes Geschäft gemacht, говорилъ Самсонъ. Къ голосу этого энергическаго ландрата пристали нѣкоторые молодые дворяне, во главѣ коихъ сталъ Гамилькаръ Фелькерзамъ. Соединенными усиліями имъ удалось побороть ретроградовъ и ландтагъ призналъ, наконецъ, неотъемлемое право крестьянскаго сословія на арендное пользованіе $^2/_3$ всего пространства, занимаемаго въ Лифляндіи крестьянскими участками, и помѣщикамъ дозволено впредь присоединять къ своимъ полямъ не болѣе одной трети.

Трудъ коммисіи, исправленный ландтагомъ и пересмотрѣнный генералъ-губернаторомъ, поступилъ на разсмотрѣніе правительства, и въ маѣ 1842 года высочайше утвержденъ въ видѣ 77 дополнительныхъ пунктовъ къ положенію о крестьянахъ 1819 года, но эти пункты обнародываемы не были.

1841 годъ миновалъ. Толки о переселеніи кончились, умолкали толки и о присоединеніи къ православію, но гернгутеры отнюдь не умолкали. Ихъ молитвенные дома умножались; на мѣсто душныхъ избъ стали появляться новыя, нарочно выстроенныя помѣщенія, часто близь самыхъ протестантскихъ церквей. Общины росли не по днямъ, а по часамъ — и латыши усердно посѣщали собранія ихъ. Каждый воскресный и праздничмый день крестьяне спѣшили на утреннюю молитву въ молитвенный домъ, потомъ къ службѣ — въ церковь, потомъ опять въ молитвенный домъ, слушать бесѣды своего же брата крестьянина. „Говорили, пишетъ очевидецъ гернгутерскихъ собраній латышъ Страумитъ, больше люди начитанные и опытные, по очереди одинъ за другимъ. Говорившій садился за особый столикъ, на первое мѣсто; говорили все на память, и разумѣется безъ приготовленія. Выраженія, тонъ, мысли и слова — все было библейское. Никакихъ обличеній, никакихъ отвѣтовъ на брань; такъ глубоко братчики приняли къ сердцу свое коренное правило: доказывать свою вѣру не словами, а дѣлами. Нѣкоторые изъ этихъ самородныхъ проповѣдниковъ, правда, слищкомъ громко вскрикивали, размахивали руками и горячились, но они не имѣли успѣха. Слушатели предпочитали тихую, спокойную рѣчь, проникнутую сдержаннымъ чувствомъ. Бывали между ними истинно даровитые, которыхъ слово лилось изъ глубины души и приводило въ умиленіе.“

Громкою славою въ средѣ гернгутеровъ пользовался Давидъ Баллодъ. Въ скорбяхъ, болѣзняхъ, несчастіяхъ, я не встрѣчалъ, говоритъ Страумитъ, подобнаго отцу Давиду утѣшителя.

Пасторъ того прихода, въ которомъ проживалъ Баллодъ, былъ человѣкъ вспыльчивый и ожесточенный врагъ гернгутеровъ.

Долгое время жалобы пастора помѣщику той мызы оставались безъ всякаго дѣйствія. Помѣщикъ видѣлъ въ Баллодахъ трудолюбивыхъ, умныхъ и благочестивыхъ крестьянъ и потому не трогалъ ихъ.

Давида Баллода, не смотря на его молодость, избрали въ должность волостнаго старшины. Быть старшиною, въ Лифляндіи, значитъ: смотрѣть за общественнымъ сундукомъ съ деньгами, принимать, разбирать на мѣстѣ и улаживать жалобы и споры, а чего не удастся уладить, то передавать волостному суду, гдѣ старшина, по судебной части, не имѣетъ голоса. Главнаже его обязанность состоитъ въ смотрѣніи за хлѣбнымъ магазиномъ, въ выдачѣ весною хлѣба и сѣмянъ всякому хозяину, который въ томъ нуждается или проситъ, а осенью, въ истребованіи возврата и въ пріемѣ ссудъ.

Отецъ Баллодовъ обучилъ своихъ сыновей писать и отчасти ариѳметикѣ. Давидъ Баллодъ отказывался быть старшиной, ибо зналъ изъ опыта, что эта должность опасная и сопряженная со многими непріятностями. Весною всѣ просили, а осенью никто не хотѣлъ возвращать, отговариваясь, неимѣніемъ хлѣба и прося отсрочки.

Однако, Баллоду не удалось отвертѣться. Зная, какіе подлоги и несправедливости позволяли себѣ его предшественники, онъ повелъ дѣло совершенно иначе, чѣмъ они. Выдачи записывалъ волостной писарь, но, независимо отъ этого, самъ Баллодъ завелъ для себя карманную тетрадку и акуратно отмѣчалъ въ ней: кто, когда, сколько и чего взялъ изъ общественнаго магазина, а осенью опять отмѣчалъ: кто, когда, сколько и чего возвратилъ,

Въ этомъ отношеніи ему помогъ своими предостереженіями старшій его братъ Иванъ, который тоже былъ старшиною въ томъ же судѣ. Заведя строгій учетъ по пріему и отпуску хлѣба, Давидъ Баллодъ навѣрное зналъ, что непріятностей ему не миновать, но онъ былъ характера твердаго и правдиваго и, при этомъ, надѣялся, что въ случаѣ надобности, всегда будетъ въ состояніи доказать передъ какимъ угодно судомъ свою правоту.

Весною волостные засѣдатели первые заявили, что имъ нужно, то да то. Давидъ Баллодъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что они вовсе не нуждались ни въ чемъ, но нечего было дѣлать, нельзя было отказать.

Наступила осень и Баллодъ объявилъ всей волости, что пора возвратить въ магазинъ занятый хлѣбъ.

Многіе, со слезами, умоляли дать имъ отсрочку, увѣряя, что нечего внести; но Д. Баллодъ крѣпко стоялъ на томъ, чтобъ отдали хоть что нибудь и чѣмъ нибудь, хоть картофелемъ или капустою, и, наконецъ, послѣ долгихъ трудовъ, добился таки того, что внесли отпущенный имъ хлѣбъ, кромѣ однако волостныхъ засѣдателей.

Д. Баллодъ потребовалъ и отъ нихъ. За такую неожиданную дерзость, они ему пригрозили и сказали: „мы тебя проучимъ?“ — „Сдѣлайте милость, учите“, отвѣчалъ Баллодъ, „вы старше меня; я всегда готовъ выслушать умный совѣтъ.“

Прошла недѣля, другая, а засѣдатели не везутъ хлѣба въ магазинъ. Тутъ уже Баллодъ потребовалъ настоятельно и объявилъ, что если въ слѣдующую недѣлю хлѣбъ не будетъ внесенъ, то онъ огласитъ это по всей волости и будетъ жаловаться въ высшій судъ.

Тутъ Баллодъ услышалъ отъ засѣдателей обѣщанное наставленіе: „Зачѣмъ намъ возвращать взятый хлѣбъ? — Лучше и ты бери свою часть безъ возврата, мы ужъ знаемъ какъ это дѣло устроить. Не первый разъ!“ Давидъ Баллодъ, выслушавъ ихъ, отвѣчалъ: „Такъ вотъ оно обѣщанное мнѣ наставленіе? И вы, не зная меня, такъ таки прямо и совѣтуете мнѣ примкнуть къ шайкѣ воровъ? Вы хотите, чтобъ и я обкрадывалъ своихъ бѣдныхъ братьевъ? По мнѣ, такіе воры опаснѣе ночныхъ. Имъ даже не нужно прибѣгать къ взлому, потому что имъ же вручены ключи, какъ отъ магазина, такъ и отъ сундука! Напрасно однако вы хлопочете. Пора положить этому конецъ. Я приказываю и требую въ послѣдній разъ, чтобы не далѣе какъ завтра весь отпущенный вамъ хлѣбъ былъ ссыпанъ.“

Нечего было дѣлать — пришлось исполнить. Засѣдатели на другой же день, привезли хлѣбъ, молча ссыпали и молча посматривали, какъ Баллодъ ровнялъ мѣру и записывалъ; онъ не простилъ имъ и процентовъ; отдали все, какъ слѣдовало, какъ и простые мужики. Они сгорали отъ стыда и досады; да и не они одни.

По истеченіи трехлѣтняго срока службы, Баллода вновь не выбрали и онъ выбылъ изъ должности; но его недоброжелатели этимъ не удовольствовались.

Баллодъ безъ всякой вины, лишился своей усадьбы, служившей сборнымъ мѣстомъ для гернгутеровъ. Баллодъ не могъ не ожидать новыхъ преслѣдованій и, хотя благодушный, но слабый помѣщикъ жалѣлъ его, какъ трудолюбиваго хозяина и благочестиваго христіанина, рѣшился продать свое имущество и уйти совершенно.

Онъ взялъ паспортъ и перебрался на жительство въ Ригу, а въ прежнемъ своемъ приходѣ оставилъ своего старшаго брата Ивана трудиться на пользу своимъ братьямъ.

Городскіе латыши обрадовались прибытію своего знаменитаго проповѣдника въ Ригу. По неотступной ихъ просьбѣ, онъ долженъ былъ, во чтобы ни стало, открыть гернгутерскій молитвенный домъ не вдалекѣ отъ православной Покровской церкви, на петербургскомъ форштатѣ.

Собрали деньги, наняли домъ, устроили все какъ слѣдуетъ, и Д. Баллодъ (въ 1844 г.) открылъ свою гернгутерскую каѳедру.

Сюда собирались по воскресеньямъ отъ 2 до 6 часовъ по полудни для молитвъ и поученій гернгутеры, а впослѣдствіи въ своемъ домѣ по суботамъ начали служить родъ вечерни, по воскресеньямъ родъ утрени и по окончаніи службы собирали деньги на содержаніе молельни. Къ этимъ собраніямъ, принявшимъ церковный характеръ, лютеранское духовенство, само собою разумѣется, не могло относиться безучастно и споры не замедлили возникнуть. Въ полемикѣ принялъ самое горячее участіе редакторъ и издатель газеты „Другъ Латышей“, пасторъ Трей.

Въ началѣ 1842 года прибылъ въ Ригу преосвященный Филаретъ, на мѣсто преосвященнаго Принарха. Преосвященный Филаретъ, имя котораго въ исторіи православной церкви пользуется почетною извѣстностію, дѣятельно занялся дѣлами своего управленія и не дозволялъ себѣ ни малѣйшаго вмѣшательства въ дѣла иновѣрцевъ, но не могъ никому отказать въ присоединеніи къ православію, если желающій присоединиться не былъ побуждаемъ къ тому никакими земными выгодами или расчетами. Въ первые три года пребыванія преосвященнаго въ Ригѣ случаевъ присоединенія не было, по крайней мѣрѣ намъ не извѣстно о нихъ, но эти случаи возникли въ самомъ началѣ 1845 года и были уже рѣшительны и многочисленны. Движеніе началось со стороны гернгутеровъ.

Полемизируя съ Треемъ, гернгутеры продолжали свои собранія, но когда начали у себя совершать утрени и вечерни, молитвенный домъ ихъ, по распоряженію полиціи, былъ закрытъ въ 1844 году за недѣлю до Рождества. Давидъ Баллодъ, взявъ библію, отправился на послѣднее состязаніе къ Трею. Спорили долго и, какъ водится, не пришли ни къ какому соглашенію. Тогда Баллодъ и съ нимъ 120 гернгутеровъ 24-го января 1845 г. обратились къ преосвященному Филарету съ просьбою присоединить ихъ къ православію, но съ тѣмъ, чтобы для нихъ была выстроена особая церковь, гдѣ богослуженіе производилось бы на латышскомъ языкѣ, и чтобы въ эту церковь былъ допущенъ органъ, скамьи для сидѣнья и разрѣшено общее пѣніе молитвъ. Преосвященный, убѣдившись, что подавшіе просьбу не расчитываютъ ни на малѣйшія земныя выгоды, отвѣчалъ, что богослуженіе на латышскомъ языкѣ не запрещается, но, по правиламъ древней православной церкви, органа имѣть не позволяется вовсе, скамьи же могутъ быть допущены по сторонамъ для слабыхъ и больныхъ, какъ равно пѣніе молитвъ. Этотъ отвѣтъ гернгутеры обсуждали цѣлый мѣсяцъ, и, наконецъ, представили под-

писку въ числѣ 101 челов., что они готовы принять православіе, не требуя ни органа, ни скамей. Остальные 11 человѣкъ поручили отставному солдату Карлу Эрнсту ходатайствовать за нихъ у епископа, что и они желаютъ присоединенія.

Въ началѣ марта 1845 г. прибалтійскій генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ донесъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и чрезъ шефа корпуса жандармовъ, графа Орлова, государю императору, что 11 человѣкъ жителей Риги лютеранскаго исповѣданія обратились въ городскую полицію съ просьбою засвидѣтельствовать подписи ихъ, на данной ими довѣренности, заключавшейся въ подачѣ на имя епископа рижскаго Филарета прошенія о присоединеніи ихъ къ православію и дозволеніи совершать богослуженіе въ устроенной для сего православной церкви на латышскомъ языкѣ, что слухъ объ этомъ произвелъ уныніе между протестантами, которые опасаются, отъ замѣна при православномъ богослуженіи славянскаго языка другимъ, запутанностей и несогласій для лютеранской церкви и что удовлетвореніе упомянутаго домогательства легко можетъ произвести волненіе, по примѣру бывшаго въ 1841 г. Государю императору угодно было велѣть сообщить барону Палену, что онъ придаетъ нѣкоторымъ образомъ болѣе важности сему дѣлу, чѣмъ оно въ самой сущности, представляетъ; что отказывать въ присоединеніи къ нашей церкви, при свободномъ изъявленіи желанія, противно нашимъ установленіямъ и когда формы въ изъявленіи желанія по закону соблюдены, отказу быть не можетъ; что заводить особую церковь для сего не нужно и не должно, ибо служба православная по закону можетъ быть отправляема на всѣхъ языкахъ и для сего въ существующихъ уже церквахъ для инородныхъ прихожанъ служба можетъ быть отправляема особо на ихъ языкѣ, что опасенія публики напрасны и излишни, тѣмъ болѣе, что изъявленія подобнаго желанія не должны быть принимаемы за довѣренности, но лично отъ каждаго желающаго присоединиться, а потому и нѣтъ вѣроятія, чтобы количество желающихъ присоединиться къ православію было многочисленно. Его императорскому величеству благоугодно было повелѣть, дабы упомянутымъ просителямъ разрѣшено было немедленно присоединиться къ православію, и чтобы для всѣхъ присоединившихся божественное служеніе отправляемо было въ одной изъ нашихъ церквей на ихъ языкѣ.

Вслѣдствіе этого Баллодъ съ товарищами былъ присоединенъ къ православію и въ церкви на покровскомъ кладбищѣ было открыто богослуженіе на латышскомъ языкѣ.

Слухъ о присоединеніи Баллода быстро распространился между поселянами. „Слухъ объ этомъ, говоритъ современникъ описываемыхъ событій латышъ Индрикъ Страумитъ, проникъ въ трущобы, въ лѣса и болота, по видимому, совершенно разобщенныя съ міромъ. Всѣ заботы на время притихли и никакихъ другихъ толковъ въ народѣ не было, какъ о присоединеніи или, какъ говорили латыши, о перекрещеніи Давида Баллода. На дорогахъ, въ корчмахъ, слышали отъ всѣхъ одно и тоже, отъ корчмарей, отъ пріѣзжающихъ, отъ своихъ и чужихъ, что дѣйствительно присоединился Баллодъ и многіе нарочно ѣздили въ Ригу, чтобы узнать правду отъ самого Баллода и узнавали, что дѣйствительно присоединился и „крестъ на груди носитъ, и крестное знаменіе творитъ не такъ какъ мы, всею рукою, а тремя перстами, и не по нашему, а прежде кладетъ на правое плечо, потомъ на лѣвое, и икона въ комнатѣ и лампадка горитъ.“

Съ этого именно времени и начинаютъ появляться въ Ригу поселяне съ заявленіями о присоединеніи, въ которыхъ уже не было и рѣчи ни о какихъ земнымъ выгодахъ или расчетахъ, но тутъ правительство признало не-

обходимымъ назначить на мѣсто барона Палена генералъ-губернаторомъ прибалтійскаго края Головина, которому, такимъ образомъ, судьба назначила быть свидѣтелемъ огромнаго движенія и устроителемъ первыхъ сельскихъ православныхъ приходовъ.

Въ маѣ 1845 г. генералъ Головинъ прибылъ въ Ригу

Обнаружившееся стремленіе къ православію латышей, число коихъ со дня на день увеличивалось, и совершеніе въ одной изъ православныхъ рижскихъ церквей божественной службы на латышскомъ языкѣ породило въ народѣ нелѣпые толки о сопряженныхъ будто бы съ присоединеніемъ къ православной, или, какъ тогда говорили, царской вѣрѣ разнаго рода свѣтскимъ выгодъ, какъ то: освобожденія отъ рекрутской повинности, приписке къ Ригѣ, съ освобожденіемъ отъ всѣхъ долговъ и обязанностей къ прежнимъ обществамъ, доставленія работы и хлѣба.

Не замедлило явиться со стороны нѣмцевъ и противодѣйствіе такому общему стремленію латышей. Такъ рижское городское начальство объявило латышамъ, что присоединяющіеся изъ числа ихъ къ православію лишатся права быть вязчиками, или занимать другія должности, въ которыхъ находились, состоя въ протестантскомъ исповѣданіи, и даже высылало таковыхъ изъ города. Министерство внутреннихъ дѣлъ, извѣстившись о такихъ дѣйствіяхъ, сообщило генералъ-губернатору о принятіи мѣръ, чтобы латыши, желающіе присоединиться къ православію, не были отъ того отвлекаемы и не лишались тѣхъ преимуществъ, которыми дотолѣ пользовались, потому что перемѣна вѣроисповѣданія, дозволенная закономъ, не можетъ влечь за собою перемѣны въ правахъ гражданскихъ.

Подобно тому рижская полиція и гражданское начальство домогались отъ рижскаго епископа, чтобы къ принятію православія записываемы были только тѣ иновѣрцы, которые предъявятъ свои паспорты и чтобы епископъ предварительно извѣщалъ о каждомъ, желающемъ присоединиться. Извѣстившись о томъ, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ генералъ-губернатору Головину принять мѣры къ отмѣнѣ распоряженій, стѣсняющихъ законное право церкви господствующей принимать въ нѣдро свое иновѣрцевъ, и объяснилъ, что иновѣрное духовенство не имѣетъ даже права требовать свѣдѣній о присоединяющихся къ православію, ибо для исключенія присоединившихся изъ иновѣрческой паствы, православныя консисторіи на основаніи послѣдовавшаго по комитету министровъ 10-го февраля 1831 г. высочайшаго повелѣнія, доставляютъ въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій именныя вѣдомости о таковыхъ лицахъ, для надлежащаго объ исключеніи ихъ распоряженія.

Въ концѣ 1845 г. отъ высочайшаго имени обнародована была и напечатана на туземныхъ языкахъ выписка изъ высочайше утвержденной 26-го апрѣля того же года инструкціи генералъ-губернатору.

1) Въ послѣднее время крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Балтійскихъ губерній начали изъявлять желаніе къ принятію православія. Необходимо посвятить этому обстоятельству особенное вниманіе, чтобы въ подобныхъ случаяхъ предупреждены были всякія недоразумѣнія и безпорядки.

2) На семъ основаніи съ осторожностью должно наблюдать, чтобы со стороны православнаго духовенства не было допускаемо понудительныхъ средствъ и такимъ образомъ иновѣрцы могли свободно присоеди-

ниться къ православію, на основаніи установленнаго для сего общаго порядка съ собственнаго подвига.

3) Съ другой стороны надлежитъ объявить жителямъ, и въ особенности помѣщикамъ, что никакое мѣстное начальство не въ правѣ запрещать кому либо принятія господствующаго въ имперіи исповѣданія, изъявившимъ такое желаніе, чтобы они не ожидали по сему поводу никакихъ особыхъ земныхъ благъ, а поступали бы по своему убѣжденію и совѣсти. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что присоединенный къ православію, исключаясь изъ числа прихожанъ протестантскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ я освобождается отъ всѣхъ, лежавшихъ на немъ въ отношеніи протестантской церкви и духовенству, повинностей, потому что, поступая въ паству православную, онъ долженъ принять на себя и всѣ обязанности въ отношеніи къ православной церкви и духовенству, сохраняя однако во всей строгости обязанности свои къ помѣщику, на землѣ котораго живетъ.

4) Не принимать въ дѣлѣ присоединенія ходатаевъ, предоставляя каждому говорить и дѣйствовать непремѣнно за себя лично.

5) Какъ присоединеніе къ православію совершенно зависитъ отъ собственнаго желаніи каждаго, то за симъ не допускать жалобы со стороны православнаго духовенства на иновѣрцевъ, изъявившихъ желаніе присоединиться, но не исполнившихъ сего, а также и на православное духовенство, подъ предлогомъ неискренности желанія лица, присоединеннаго къ православію.

6) Имѣть наблюденіе, чтобы въ православныхъ церквахъ, при богослуженіи на языкѣ церковнославянскомъ, равно какъ и на туземныхъ языкахъ, не было препятствуемо присутствовать всѣмъ желающимъ, безъ различія вѣроисповѣданій.

7) Не допускать принужденій и насилія со стороны иновѣрцевъ, для удержанія кого либо изъ тамошнихъ жителей въ иновѣрчествѣ, если онъ пожелаетъ перейти въ православную церковь; принявшихъ православіе ограждать отъ всякаго преслѣдованія и притѣсненія, въ особенности же стараться предупреждать раздоры, могущіе возникать иногда въ подобныхъ случаяхъ въ самыхъ нѣдрахъ семействъ, коихъ члены принадлежатъ къ двумъ различнымъ исповѣданіямъ, и наконецъ строго наблюдать, чтобы никто изъ принявшихъ православіе не лишался тѣхъ правъ и преимуществъ, коими по состоянію своему пользовался, находясь въ иновѣрчествѣ, ибо перемѣна вѣроисповѣданія не перемѣняетъ отношеній гражданскихъ.

Вслѣдъ за тѣмъ сообщена была ген. г-ру воля государя наслѣдника, теперешняго государя императора, правившаго тогда имперіею за отъѣздомъ имп. Николая въ Сицилію о раздѣленіи разглашателей въ прибалтійскихъ губерніяхъ ложныхъ слуховъ на два разряда, т. е. на умышленныхъ и неумышленныхъ. Въ отношеніи первыхъ, т. е. дѣйствующихъ съ злостнымъ умысломъ его имп. высочеству угодно было повелѣть, чтобы они были предаваемы, на основаніи совершенно правильнаго и безпристрастнаго слѣдствія, военному суду; въ отношеніи же вторыхъ, чтобы они были укрощаемы полицейскими мѣрами. Почему и сообщено отъ министра внутреннихъ дѣлъ ген. г-ру: 1) что дѣла о сихъ послѣднихъ должны кончаться полицейскимъ порядкомъ; 2) что при опредѣленіи съ нихъ взысканія необходимо принимать въ соображеніе: сословіе, лѣта, полъ и поведеніе виновнаго въ означенномъ поступкѣ и соразмѣрно сему должно опредѣляться и взысканіе, которое можетъ состоять изъ выговора, кратковременнаго ареста и даже тѣлеснаго наказанія отъ 5 до 25 розогъ, за что, однакоже, не должны быть взыскиваемы деньги, какъ то случилось въ этомъ году въ Дерптѣ. Въ отвращеніе всякаго въ подобныхъ случаяхъ нареканія на счетъ безпристрастія

иновѣрныхъ должностныхъ лицъ его имп. высочеству угодно было, чтобы во всѣхъ дѣлахъ, касающихся обнаруженія выше упомянутыхъ разглашателей, участвовали подвѣдомственные генералъ губернатору надежные чиновники православнаго исповѣданія.

Въ началѣ декабря государь императоръ, въ отстраненіе всякихъ недоразумѣній касательно искренности желанія православія латышами и эстами, являющимися къ православному духовенству, для записки ихъ по сему предмету, высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы между временемъ отобранія отъ каждаго изъ нихъ, на законномъ основаніи, показанія ихъ о таковомъ желаніи, т. е. записываніемъ и между дѣйствительнымъ присоединеніемъ къ православной церкви чрезъ св. миропомазаніе, наблюдаемъ былъ срокъ не менѣе 6 мѣсяцевъ, въ продолженіи коего каждый можетъ имѣть всю возможность зрѣло размыслить о своемъ намѣреніи, каковое повелѣніе, согласно приказанію государя-наслѣдника было тогда же распубликовано въ прибалтійскомъ краѣ для всеобщаго свѣдѣнія на мѣстныхъ языкахъ. Въ половинѣ того же декабря объявлена министромъ генералъ г-ру, сообщенная оберъ-прокуромъ св. синода новая воля его высочества, коею разрѣшалось священникамъ, для исправленія духовныхъ требъ на мызахъ новоприсоединеннымъ крестьянамъ, посѣщать мѣсто жительства ихъ съ тѣмъ однакожъ, чтобы во время таковыхъ поѣздокъ, нетолько никого не присоединять, но даже и не записывать желающихъ присоединиться, отвѣтствуя послѣднимъ, что записываніе, а по истеченіи 6 мѣсячнаго срока и миропомазаніе, могутъ совершаться только тамъ, гдѣ есть православная церковь и гдѣ священникъ имѣетъ постоянное пребываніе, и чтобы для предупрежденія всякихъ, могущихъ возникать при таковыхъ объѣздахъ недоразумѣній со стороны мѣстныхъ властей, помѣщиковъ и арендаторовъ, священникъ былъ всякій разъ сопровождаемъ совершенно благонадежнымъ чиновникомъ, какъ посредствующимъ лицомъ между православнымъ священникомъ и иновѣрными впредь до новаго по сему предмету повелѣнія.

Но въ началѣ слѣдующаго 1846 года высочайше разрѣшено было священникамъ исполнять духовныя требы въ своихъ приходахъ безъ сопровожденія ихъ особыми чиновниками.

Въ тоже время высочайше одобрена мѣра, чтобы священники, принимающіе отъ крестьянъ изъявленіе желанія ихъ присоединиться, были снабжены отъ духовнаго правленія шнуровыми книгами, для записыванія ихъ именъ и чтобы при томъ желающимъ выдаваемы были печатныя свидѣтельства, дабы, по истеченіи 6 мѣсяцевъ, они могли быть безпрепятственно присоединяемы всякимъ православнымъ священникомъ.

Вскорѣ за симъ объявлено оберъ-прокуроромъ св. синода высочайшее разрѣшеніе, чтобы въ Лифляндіи, по просьбѣ отцевъ, принявшихъ православіе, присоединяемы были не совершеннолѣтнія дѣти ихъ и до шестимѣсячнаго срока.

Въ томъ же году высочайше утверждено между прочимъ слѣдующее мнѣніе особаго комитета:

Для огражденія православныхъ крестьянъ на мѣстахъ ихъ жительства, предоставить право обществамъ, въ коихъ будетъ 1/4 православныхъ, имѣть въ приходскихъ судахъ по одному съ своей стороны засѣдателю, а если ихъ будетъ 1/2 и болѣе нежели иновѣрныхъ, то избирать изъ нихъ предсѣдателей въ мірскіе суды; для наблюденія за симъ учредить главное попечительство изъ генералъ губернатора и мѣстнаго епископа съ приглашеніемъ засѣдать въ ономъ губернскаго предводителя дворянства. 2 декабря 1846 г.

въ разрѣшеніи ген. г-ромъ объ этомъ предметѣ недоумѣній, высочайше утверждено было слѣдующее постановленіе комитета:

1) Для опредѣленія въ каждомъ мірскомъ обществѣ числа православныхъ крестьянъ составлять имъ ежегодные списки.

2) Въ обществахъ, гдѣ будетъ 1/4 православныхъ, избирать изъ числа ихъ одного засѣдателя въ мірской судъ годного субститута, а гдѣ половина и болѣе, избирать сверхъ того и предсѣдателя мірскаго суда.

3) Когда выборъ члена непремѣнно долженъ пасть на православнаго, то предупреждать о томъ избирателей.

4) Если 1/4 всѣхъ приходскому суду подвѣдомственныхъ крестьянъ будетъ принадлежать къ православію, то имѣть въ судѣ одного засѣдателя и одного субститута изъ числа православныхъ, а если будетъ нѣсколько обществъ съ 1/4 православныхъ, то избирать изъ нихъ засѣдателя, буде же такихъ обществъ окажется 1/2 и болѣе, то избирать изъ нихъ двухъ засѣдателей. Если въ 2-хъ лютеранскихъ приходахъ одного округа будетъ по 1/4 православныхъ, то наблюдать, чтобы засѣдатель былъ избираемъ изъ того прихода, въ которомъ число православныхъ сравнительно значительнѣе, а субститутъ изъ другаго прихода. Если въ округѣ приходскаго суда будетъ 1/4 или болѣе православныхъ, то избирать изъ нихъ двухъ засѣдателей и двухъ субститутовъ.

5) Число засѣдателей въ мірскомъ и приходскомъ судахъ оставить на прежнемъ основаніи.

6) Выборъ православныхъ засѣдателей и субститутовъ производить, за неимѣніемъ православныхъ церковныхъ попечителей, подъ руководствомъ приходскаго судьи, предоставивъ одному генералъ г-ру право возлагать наблюденіе за правильнымъ производствомъ выборовъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ признаетъ это нужнымъ, на имѣющихся въ Лифляндіи уѣздныхъ фискаловъ (стряпчихъ), а въ случаѣ невозможности и на другихъ должностныхъ лицъ.

7) Въ выборы на каждое трехлѣтіе засѣдателей и субститутовъ въ мірскіе и приходскіе суды производить въ опредѣленные закономъ сроки.

8) При выборѣ субститутовъ въ мірскіе суды постановить правиломъ, что каждый православный членъ долженъ имѣть своего субститута изъ православныхъ же. По поводу сдѣланнаго ген. губ-ромъ представленія, что несоотвѣтственно достоинству духовнаго сана положеніе, въ коемъ находились тогда православные священники въ Лифляндіи, вслѣдствіе того, что православные крестьяне не имѣютъ законныхъ защитниковъ въ случаяхъ притѣсненій за вѣру, и что священники вынуждены бываютъ входить въ обстоятельства своихъ прихожанъ, высочайше повелѣно: «Недопускать, чтобы православные священники принимали жалобы отъ крестьянъ и воспретить имъ донесенія по поводу оныхъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда они лично убѣдятся въ справедливости того, о чемъ доносятъ». Во исполненіе сей высочайшей воли поручено было оберъ-прокурору св. синода предложить синоду о немедленномъ подтвержденіи епископу рижскому, чтобы подвѣдомственное ему духовенство въ Лифляндіи отнюдь не принимало отъ крестьянъ никакихъ жалобъ на помѣщиковъ и управляющихъ, ни обѣщало бы имъ ни малѣйшаго съ своей стороны въ семъ отношеніи покровительства и недоносило о неосновательныхъ слухахъ, касательно притѣсненій за вѣру, но о слухахъ достовѣрно ему извѣстныхъ доводило бы до свѣдѣнія своего начальства, на основаніи общаго закона.

Стремленіе къ православію, начавшееся въ Ригѣ между рижскими гернгутерами въ 1845 г., въ этотъ и слѣдующемъ 1846 г. распространилось сначала между крестьянами уѣздовъ рижскаго и вольмарскаго, а за тѣмъ обнаружилось въ уѣздахъ венденскомъ, валкскомъ, потомъ дерптскомъ, вероскомъ, феллинскомъ и перновскомъ, а наконецъ на островахъ Эзелѣ и Монѣ.

Генералъ-губернаторъ Головинъ, бывшій свидѣтелемъ этихъ стремленій, въ названномъ выше всеподданнѣйшемъ отчетѣ говоритъ, что нѣмецкія сословія отклоняли крестьянъ проповѣдями, внушеніями, угрожали и затрудняли въ выдачѣ билетовъ на отлучку, преслѣдовали въ хозяйственномъ быту. Но это-то именно и утверждало крестьянъ въ надеждѣ на улучшеніе положенія ихъ православіемъ, помня, что съ успѣхами послѣдняго будетъ сопряжено нѣчто, непріятное для владѣльцевъ, а слѣдов. полезное для крестьянъ. (См. Чтенія, 1871, книга 2, смѣсь, 119).

Никакихъ волненій и безпорядковъ во время перехода массъ въ православіе нигдѣ не было, даже самыхъ малѣйшихъ, такъ что всѣ мѣры, принимавшіеся для пресѣченія волненій, оказались ненужными, по „безпримѣрной кротости народа“, какъ выразился Головинъ въ томъ же отчетѣ. Пасторы, говорилъ далѣе Головинъ (тамъ-же стр. 120) въ проповѣдяхъ позволяли неприличные отзывы о православной церкви и правительствѣ, а также не позволяли погребать на лютеранскихъ кладбищахъ православныхъ. Послѣдняго рода поступки тотчасъ были устраняемы, но перваго повели къ изслѣдованіямъ, и уличенные подвергнуты взысканію. Помѣщики недопускали водворяться жить православнымъ священникамъ, и явно недоброжелательствовали къ перемѣнившимъ вѣру, даже угнетали ихъ барщиной, удаленіемъ отъ усадьбы, не выдачею продовольствія въ неурожайные годы. По высочайшему повелѣнію возложенъ былъ на отвѣтственность полиціи отводъ помѣщеній для временныхъ церквей и причта въ городахъ въ теченіи двухъ недѣль, а въ селеніяхъ одного мѣсяца. Что до угнетенія, то, по трудности юридически уличить притѣснителей, предоставлено было временно успокоить протестантскихъ помѣщиковъ и сдѣлать ихъ менѣе пристрастными къ крестьянамъ. Мѣстныя полицейскія и судебныя власти тоже недоброжелательно смотрѣли на это происшествіе, особенно преувеличивали въ донесеніяхъ о волненіи народа и угрожающей отъ того помѣщикамъ опасности. Мѣстныя консисторіи и под. т. позволяли себѣ иногда выходить изъ круга своихъ обязанностей и даже вмѣшиваться въ дѣла православной церкви. Замѣчалось пристрастіе нерѣдко при производствѣ мѣстными полиціями слѣдствій по дѣламъ перехода крестьянъ въ православіе, что принуждало генералъ-губернатора наряжать особыя слѣдственныя коммисіи и т. п.

Но ничто не помогало: болѣе 100 тысячъ латышскихъ и эстонскихъ крестьянъ сдѣлались православными, и съ 1845 и 1846 г. начинаютъ появляться первые сельскіе православные приходы. Вотъ что объ этомъ говорится въ отчетѣ генералъ-губернатора (стр. 121):

«Устройство православной паствы возложено было первоначально на учрежденный въ Ригѣ комитетъ изъ мѣстнаго епископа, генералъ-губернатора и товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Къ 1-му января 1848 г. считалось латышскихъ приходскихъ 33, эстонскихъ 39, всего 72. Изъ нихъ существовали сначала лишь на 9-ти пунктахъ. Денежныя средства къ сему дарованы правительствомъ: землю для храма, жилища священника и причта повелѣно отводить преимущественно въ казенныхъ имѣніяхъ, а при необходимости произвести нарѣзку изъ городскихъ или помѣщичьихъ дачъ, и выдавать за это владѣльцамъ вознагражденіе. Выборъ мѣста для церкви возло-

женъ на генералъ-губернатора и рижскаго епископа, а надзоръ за постройкою въ возможно краткій срокъ, въ селеніяхъ для 250 и въ городахъ для 300 человѣкъ, на лифляндскую губернскую строительную коммисію. Избранію мѣста для храма нерѣдко противились помѣщики, хотя изъ нихъ: Гротъ, графъ Ферзенъ и баронъ Менгденъ пожертвовали безвозмездно нужную для церкви землю. Нынѣ устроено уже 9-ть церквей, 1 также окончена но не освящена, по недостатку вблизи дома для священника, 3 находятся въ постройкѣ; къ прочимъ еще не приступлено. Чтобы не оставить прихожанъ безъ исполненія духовныхъ требъ въ 53-хъ приходахъ, гдѣ донынѣ нѣтъ только постоянныхъ храмовъ, учреждены временныя церкви, снабженныя иконостасомъ и причетомъ. Для сего высочайше повелѣно: «занять подъ временныя церкви безплатно дома, выстроенные для воинскаго постоя». Въ казенныхъ имѣніяхъ отведено по одной десятинѣ для православныхъ кладбищъ; относительно же нарѣзки таковыхъ участковъ въ помѣщичьихъ дачахъ сдѣлано уже представленіе. Проектъ объ учрежденіи крестьянскихъ православныхъ школъ представленъ министру внутреннихъ дѣлъ, открыто же по нынѣ школъ всего 15, вслѣдствіе недостатка помѣщенія для другихъ. Порядокъ для принятія изъявившихъ желаніе быть присоединенными къ православной церкви, окончательно утвержденъ вашимъ императорскимъ величествомъ въ январѣ 1846 года. Съ гражданской стороны вмѣнено въ обязанность присутствовать при этомъ либо членамъ орднунгсгерихта, либо приходскимъ судьямъ, или, наконецъ, сельскимъ начальникамъ. Въ продолженіе 6-ти мѣсячнаго срока разрѣшено крестьянамъ, для полученія назиданій, а приходскому духовенству для исполненія церковныхъ требъ, объѣзжать своихъ прихожанъ, и нынѣ уже безъ сопровожденія полицейскаго чиновника. Во время сихъ поѣздокъ пріемъ домогательствъ о перемѣнѣ вѣроисповѣданія вовсе воспрещенъ, но миропомазаніе, которое также не было дозволено прежде, теперь разрѣшено. Опредѣлено, что съ присоединеніемъ къ православной церкви отца, присоединяются, по просьбѣ родителей, и несовершеннолѣтнія дѣти до 6-ти мѣсячнаго срока. Содержаніе православнаго духовенства отнесено на счетъ правительства. Въ настоящее время между лифляндскими крестьянами, среди которыхъ, до 1845 года, почти вовсе не было православныхъ, считается православнаго исповѣданія: латышей 38,282, эстовъ 68,180, и того 100,462 души. Событіе это, радостное для православной церкви, важное не для одного балтійскаго края, но и въ государственномъ отношеніи, и которое, наконецъ, составитъ, вмѣстѣ съ возсоединеніемъ уніятовъ, одну изъ замѣчательныхъ и едва ли не безпримѣрныхъ страницъ въ исторіи, совершалось безъ всякихъ подстрекательствъ, съ строгимъ соблюденіемъ законности и безъ нарушенія общественнаго спокойствія.»

Теперь перейдемъ къ запискамъ священника Полякова.

1. О возникновеніи православія между латышами и эстами.

Въ 1839 году въ Лифляндіи произошелъ неурожай хлѣба. Крестьяне, неудовлетворенные въ своей нуждѣ мѣстнымн властями, толпами ходили въ Ригу, прося у генералъ-губернатора помощи. Разсказываютъ, что толпы, ходившія въ Ригу, возвращались оттуда безъ всякаго удовлетворенія. Новыя толпы латышей, тѣснимыя голодомъ, не переставали обращаться къ генералъ-губернатору, но такъ какъ отъ него не было имъ милости, то они обратились къ епископу рижскому Иринарху, прося его преосвященство довести до свѣдѣнія государя императора ихъ стѣснительное положеніе. Говорятъ, епископъ принялъ ихъ дружелюбно, обласкалъ ихъ и обѣщалъ имъ даже свое ходатайство предъ высшимъ правительствомъ. Вслѣдствіе этого возникла вражда между епископомъ Иринархомъ и губернаторомъ Паленомъ, послѣдствіемъ которой было то, что Иринархъ былъ отозванъ въ С.-Петербургъ. Такъ какъ неурожай продолжался съ 1839 г. въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и помѣщики ничѣмъ не помогали голодному народу, то народъ отказывался ходить на барщину, будучи обезсиленъ голодомъ. Помѣщики донесли губернатору, что народъ взбунтовался, заявляетъ желаніе переселяться въ теплую землю и требовалъ для усмиренія ихъ войско. По такому доносу въ Лифляндію были присланы казаки. Мѣстныя власти, земскія исправники вооруженною силою созывали народъ на публичныя мѣста, близь сельскихъ кирокъ, читали о мнимыхъ преступленіяхъ крестьянъ судейскіе приговоры, и виновныхъ тутъ же жестоко наказывали плетьми. На самомъ же дѣлѣ, какъ разсказываютъ очевидцы, вина мужиковъ была въ томъ, что они не ходили на барщину, заявляли желаніе переселиться въ южныя губерніи, которыя называли они теплою землею, для чего ходили въ Ригу, сперва къ губернатору, и потомъ къ рижскому епископу Ходившихъ въ Ригу ловили на дорогѣ и связанныхъ представляли на экзекуцію, гдѣ ихъ безпощадно сѣкли то розгами, то плетьми. Потомъ, когда былъ смѣненъ генералъ-губернаторъ Паленъ и на его мѣсто поступилъ болѣе человѣколюбивый генералъ Головинъ, исходатайствовавшій для крестьянъ помощь у правительства, состоящую въ отпускѣ изъ казны хлѣба, движеніе утихло; латыши и эсты прекратили хожденіе въ Ригу Епископъ Иринархъ, по извѣту губернатора Палена, былъ въ 1841 году перемѣщенъ въ Бессарабію и ему приказано явиться сперва въ Петербургъ, но не ѣхать по петербургскому тракту, а отправиться чрезъ западныя губерніи. Трогательное было разставаніе съ архипастыремъ особенно тѣхъ духовныхъ, которые совмѣстно съ нимъ принимали участіе въ положеніи латышей и эстовъ. Это были рижскіе священники о. Михаилъ Погоняевъ и священникъ Фасановъ. Этимъ лицамъ высочайше повелѣно немедленно представиться въ Петербургъ государю императору

Жены сихъ священниковъ, перепуганныя такимъ требованіемъ, съ плачемъ и на колѣняхъ просили епископа Иринарха, оказать мужьямъ ихъ помощь предстательствомъ предъ государемъ. Преосвященный Иринархъ успокоивалъ и утѣшалъ ихъ, завѣряя, что лицамъ этимъ не будетъ сдѣлано никакого зла, и что еслибы что случилось паче его ожиданія, онъ самъ готовъ пострадать за нихъ, и употребить всевозможкыя мѣры къ тому, чтабы сподвижники его въ добромъ дѣлѣ помощи латышамъ, отнюдь ничего не потерпѣли. И въ самомъ дѣлѣ, этимъ священникамъ даны были при петербургскихъ церквахъ самыя лучшія мѣста.

Въ 1842 году прибылъ на мѣсто Иринарха, епископъ рижскій Филаретъ.

Въ 1844 году, проживающимъ къ Ригѣ латышамъ изъ общества гернгутеровъ, воспрещено было собираться на молитву въ нанимаемомъ ими частномъ домѣ. Обиженные таковымъ стѣсненіемъ и ненашедшіе себѣ нигдѣ покровительства, они въ числѣ не болѣе 30 человѣкъ, подъ предводительствомъ своего форминдера, старшины и уставщика, рижскаго жителя, крестьянина Давида Баллода, весьма уважаемаго латышами, и начетчика, представились къ епископу Филарету, заявивъ свое желаніе принять православную вѣру Епископъ, принявъ ихъ привѣтливо, испросилъ дозволеніе на то у высшаго правительства, и получивъ позволеніе, поручилъ приближеннымъ себѣ священникамъ, по наученіи и наставленіи ихъ въ святой вѣрѣ, присоединить къ православію. Это было въ концѣ 1844 и началѣ 1845 г Отъ этихъ то лицъ воспріяло начало св. православіе въ этомъ краѣ. Имъ отведена была рижская кладбищенская покровская церковь мѣстомъ для богослуженія на латышскомъ языкѣ и рукоположенъ первымъ латышскимъ священникомъ, бывшій управляющій м. Пебалгъ, крестьянинъ графа Шереметева, Іаковъ Михайловичъ Михайловъ, человѣкъ хорошо знающій латышскій и нѣмецкій языки, а первымъ латышскимъ причетникомъ опредѣленъ былъ къ нему старшина и форминдеръ Давидъ Баллодъ. Къ тому же времени изготовлены были, частію о. Михайловымъ и другими лицамн, знавшими латышскій и русскій языки, молитвословъ, литургія Златоустаго, начатки христіанскаго ученія, краткій катихизисъ соч. митрополита Филарета и молитвы, относящіяся къ литургіи. Все это было переведено на латышскій языкъ.

Слухъ о присоединеніи къ православію латышей въ Ригѣ, немедленно распространился сперва между жителями г Риги, которые спѣшили въ большомъ количествѣ въ Покровскую церковь, чтобы услышать рѣдкое и въ высшей степени для нихъ интересное богослуженіе православной церкви на латышскомъ языкѣ. Люди всѣхъ сословій интересовавшіеся православнымъ богослуженіемъ, посѣщали Покровскую церковь. ее посѣщали не только русскіе преимущественно,

но и нѣмцы и прочіе латыши-лютеране. Чистое латышское произношеніе о. Іакова Михайлова и благоговѣйно трогательное чтеніе причетника Баллода удивляло иновѣрцевъ, недоброжелателей православія, и плѣняло прочихъ латышей-лютеранъ изъ общества гернгутеровъ рижскихъ, которые видя, что бывшимъ товарищамъ ихъ дозволено въ покровской церкви особенное собраніе и пѣніе церковныхъ гимновъ (b[ee]mas), также принимали православіе. Чтобы пѣніе православное одноголосное, соотвѣтствовало тому, къ которому привыкли латыши, преосвященный Филаретъ велѣлъ составить изъ рижскихъ архіерейскихъ пѣвчихъ малый хоръ латышскихъ пѣвцовъ, состоявшихъ изъ четырехъ голосовъ. Руководителемъ этаго хора былъ одинъ изъ басовъ хора архіерейскаго Василій Алмазовъ, который опредѣленъ вторымъ латышскимъ причетникомъ (онъ былъ впослѣдствіи священникомъ нитаускимъ). Пѣніе на латышскомъ языкѣ было стройное и пріятное.

Слухъ о присоединеніи къ православію небольшаго числа въ Ригѣ быстро успѣлъ распространиться по всей Лифляндіи и земли эстовъ, и по острову Эзелю. Приходившіе въ 1841 году къ преосвященному Иринарху латыши и имъ облагодѣтельствованные, не замедлили въ 1845 году являться и къ преосвященному Филарету, привлекая съ собою множество односельцевъ и уже не съ просьбою о переселеніи въ теплую землю, о которой строжайше воспрещено было вымолвить даже одно слово, а о присоединеніи къ православію. Священнику Іакову Михайлову, въ домѣ епископа рижскаго Филарета, подъ его руководствомъ, дозволено было записывать желающихъ православія и немедленно по учиненіи записи и по прочтеніи показанія, подъ которымъ должны были подписываться желающіе православія, они были присоединяемы о. Іаковымъ, то въ крестовой архіерейской церкви, то въ Алексѣевской.

Такъ какъ латыши приходили въ Ригу во множествѣ для перехода въ православіе, такъ что одному священнику Михайлову невозможно было управиться не только присоединеніемъ, но и записываніемъ ихъ, то дѣло записыванія и присоединенія съ помощію перваго переводчика, пишущаго сіи строки, было поручено епископомъ Филаретомъ Александро-невскому священнику Димитрію Верещагину Съ половины сентября до половины октября мѣсяца 1845 года, Верещагинымъ было присоединено къ православію до тысячи латышей. Съ половины же октября, пишущій сіи строки, переводчикъ Андрей Поляковъ, вмѣстѣ со священникомъ Верещагинымъ отправились для присоединенія латышей въ городъ Венденъ. Сюда опредѣленъ былъ въ томъ же году священникомъ студентъ псковской семинаріи Николай Туфановъ. Здѣсь въ продолженіи одного мѣсяца, ежедневно являлись неисчислимые толпы латышей, умоляя о присоединеніи. По распоряженію правительства, священникамъ воспрещалось не только записывать желающихъ православія, но даже и присоеди-

нять къ церкви, безъ чиновника мѣстной земской полиціи. Потому, каждаго желавшаго православія по нѣсколько минутъ, чиновникъ въ присутствіи священника, строго испытывалъ въ желаніи православія, грозя за отступленіе страшнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ и ссылкою въ Сибирь на поселеніе. Такъ какъ при продолжительномъ одиночномъ испытаніи въ день не болѣе 50-ти можно было записать и присоединить, а желавшихъ было тысячи ежедневно, то многіе, живя по три дня въ Венденѣ, продавали свои верхнія платья, чтобы дождаться очереди и присоединиться къ православію. Иные, прождавъ три дня, и не имѣя возможности дожидаться долѣе, уходили опечаленные домой неприсоединенными. Изъ сего видно, что желаніе православія было въ крестьянахъ такъ сильно, что священникамъ не предстояло ни возможности, ни надобности убѣждать ихъ къ присоединенію. Ни стращанія чиновниковъ, ни запрещенія, и подъ рукой гоненія и наказанія мѣстныхъ властей, не только не могли удержать стремленія къ присоединенію, но, казалось, этимъ еще болѣе способствовали дѣлу присоединенія. Когда венденскаго капитана исправника, барона Кампенгаузена, ревностнаго лютеранина, священникъ Верещагинъ спросилъ. „долго ли времени надобно, при настоящемъ стеченіи желающихъ на то, чтобы присоединить всю Лифляндію къ православію (это было въ октябрѣ)?“ Кампенгаузенъ отвѣчалъ „если число желающихъ не уменьшится, то до новаго 1846 года три четверти населенія Лифляндіи присоединится къ православію, но во всякомъ случаѣ четвертая часть останется въ лютеранствѣ.“ Въ иныхъ городахъ Лифляндіи, подобно Вендену, крестьяне толпами приходили для перехода въ православіе, и были присоединяемы командированными въ тѣ города священниками. Только одинъ перновскій священникъ Іоаннъ Кукинъ воспротивился распоряженію преосвященнаго Филарета и не хотѣлъ присоединять эстовъ къ православію, говоря: „не хочу метать бисера свиньямъ.“ Нѣмцы восхвалили этого священника, бывшаго законоучителемъ въ перновскомъ уѣздномъ училищѣ. Епископъ Филаретъ, по изслѣдованіи поступковъ Кукина, распорядился объ удаленіи его въ псковскую епархію. Но Кукинъ, обнадеженный нѣмцами, предлагавшими ему мѣсто русскаго учителя въ уѣздномъ училищѣ, хотѣлъ даже сложить съ себя санъ, чтобы только остаться въ Перновѣ. Онъ, всетаки, былъ переведенъ въ псковскую епархію.

Вотъ какимъ образомъ, сколько мнѣ, какъ современному очевидцу, извѣстно, возникло въ Лифляндіи православіе. Недоброжелатели православія и даже доброжелатели, какъ мнѣ приходилось слышать, говорили будто тайными агентами православнаго духовенства была распускаема молва, что за присоединеніе къ православію, крестьяне будутъ надѣлены землею, и потому де и было такое стремленіе. Но я, священникъ Поляковъ, будучи еще свѣтскимъ дѣятелемъ въ семъ дѣлѣ и впослѣдствіи, какъ принадлежащій къ духовенству, никогда

о томъ отъ своихъ начальниковъ не слышалъ. Епископъ Филаретъ, отпуская меня въ приходъ и преподавая архипастырское наставленіе, ни одного слова не говорилъ мнѣ, что между крестьянами можно распространять подобный слухъ, или даже терпѣть оный. Но напротивъ, такъ какъ уже тогда ходили о надѣлѣ землею ложные толки, мнѣ приказано было остерегаться пріобщать свое согласіе такимъ толкамъ, а говорить воспрещающимъ „о землѣ ничего не знаю, а имѣю порученіе присоединять желающихъ.“ Въ началѣ 1846 г правительствомъ былъ объявленъ для присоединенія къ православію шестимѣсячный срокъ, до истеченія котораго строго воспрещалось присоединять лютеранъ къ православію. По случаю такого распоряженія, присоединеніе должно было на время почти совершенно прекратиться, оно продолжалось непрерывно только надъ дѣтьми, для которыхъ шестимѣсячный срокъ не существовалъ. Съ объявленіемъ шестимѣсячнаго срока, хотя постоянно и непрерывно въ послѣдующіе годы крестьяне заявляли желаніе православія и въ немаломъ количествѣ, но далеко не въ той численности, въ какомъ дѣло это происходило изъ начала. На основаніи шестимѣсячнаго срока, присоединеніе къ православію, вслѣдствіе различныхъ прещеній и даже весьма тяжкихъ со стороны помѣщиковъ, пасторовъ и ихъ клевретовъ, становилось годъ отъ году рѣже и рѣже, такъ что уже въ 1849 году присоединеніе къ православію латышей и эстовъ по всей Лифляндіи въ сравненіи съ прежнимъ временемъ было весьма незначительно. Однакожъ, присоединеніе къ православію, какъ видно изъ публикуемыхъ отчетовъ и доселѣ, т. е. 1869 года, продолжается въ рижской епархіи по не многу

2. О первыхъ русскихъ страдальцахъ за православіе въ Лифляндіи.

На мѣсто переведеннаго викарія Иринарха, епископа рижскаго, въ 1842 г прибылъ въ Ригу преосвященный Филаретъ, епископъ рижскій, викарій псковской епархіи. Еще при преосвященномъ Иринархѣ, епископѣ рижскомъ, латыши — лютеране, тѣснимые голодомъ толпами являлись къ рижскому военному губернатору Палену, прося о хлѣбѣ или переселеніи въ южныя губерніи Россіи, которыя они называли теплою землею (filta femme), неполучивъ желаемаго, латыши обратились съ просьбою о ходатайствѣ за нихъ къ епископу Иринарху, изъявивъ при томъ желаніе состоять подъ закономъ россійской имперіи и принять вѣру православную, такъ какъ они управлялись положеніемъ 1819 г., которое не было тождественно закону имперіи. Епископъ Иринархъ, принявъ ихъ милостиво, снабдилъ несчастныхъ голодающихъ деньгами по силѣ средствъ своихъ и обласкалъ ихъ.

Голодные крестьяне, видя, что среди всеобщаго равнодушія къ ихъ бѣдственному и безвыходному положенію нашлось высокопоставленное лицо, которое принимаетъ въ нихъ участіе, пришедши домой, какъ говорятъ, разгласили между своими односельцами, что они нашли въ Ригѣ одно высокое лицо, которое приняло въ нихъ участіе.

Вслѣдствіе этаго крестьяне еще въ большемъ прежняго количествѣ начали являться въ Ригу къ епископу Иринарху Губернаторъ, самъ изъ лифляндскихъ помѣщиковъ и возбуждаемый помѣщиками, донесшими, что между крестьянами произошло броженіе умовъ и даже бунтъ, строжайше воспретилъ крестьянамъ толпами приходить въ Ригу и зорко наблюдалъ, чтобы никто неосмѣливался являться къ епископу Иринарху Одинъ изъ рижскихъ купеческихъ прикащиковъ, по просьбѣ латышей, показалъ имъ домъ епископа, и за то былъ предъ съѣзжимъ домомъ на улицѣ публично раздѣтъ и жестоко наказанъ розгами. Нѣкто Ѳеодоръ Бычковскій, человѣкъ русскій, жившій въ венденскомъ уѣздѣ, подъ мызою Райскумъ, корчмаремъ, совѣтывалъ латышамъ обращаться къ епископу рижскому съ просьбою принять участіе въ ихъ бѣдственномъ положеніи, и за то былъ схваченъ и по этапу препровожденъ въ Ригу и посаженъ въ тюремный замокъ. Но впослѣдствіи, просидѣвъ въ тюрьмѣ болѣе года, былъ отправленъ въ Сибирь на поселеніе, но къ счастію его прибылъ епископъ Филаретъ, который, принявъ живѣйшее участіе въ бѣдственномъ положеніи Бычковскаго, успѣлъ воротить его съ дороги. Бычковскій внезапно былъ возвращенъ въ Ригу, какъ говорятъ, по распоряженію новаго генералъ-губернатора остзейскаго края, Головина, смотрѣвшаго на движеніе латышей и эстовъ безпристрастно, и сколько мнѣ извѣстно, дѣйствовавшаго справедливо и милостиво, въ духѣ русскомъ.

3. Объ учрежденіи эйхенангернскаго прихода.

Эйхенангернскій приходъ учрежденъ, по представленію преосвященнаго Филарета, епископа рижскаго, въ 1846 г.

Къ числу Эйхенангернскаго прихода принадлежали слѣдующіе мызы вольмарскаго уѣзда и именно: а) въ аллендорфскомъ кирхшпилѣ Аллендорфъ, Шлоссъпиркельнъ, Эйхенангернъ, Пуйкельнъ, Оргисгофъ, Коддіакъ, Раменгофъ, Лимшенъ и Царкау; въ маттійскомъ кирхшпилѣ б) Вильзенгофъ, Нейгаль и Бауэнгофъ; въ маттійско-заллисбургскомъ Бреслау, Ней-Оттенгофъ и Альтъ-Оттенгофъ; в) въ диккельнскомъ Диккельнъ, Шуенъ Паленъ и Лапніеръ; г) въ Залисскомъ Альтъ-Залисъ, Ней-Залисъ и Айнашъ.

4. Объ опредѣленіи причта къ эйхенангернскому приходу.

Эйхенангернскій причтъ поступилъ въ приходъ 31 августа 1846 года.

5. О первыхъ членахъ причта прихода и о помѣщеніи его.

Первымъ священникомъ эйхенангернскаго прихода былъ священникъ Андрей Петровъ Поляковъ, изъ лицъ свѣтскаго званія, именно купеческаго, а первымъ причетникомъ Моисей Наумовъ Горячій, также изъ лицъ званія свѣтскаго, именно купеческаго же. Въ ноябрѣ 1846 г., прибылъ въ приходъ другой по штату положенный причетникъ, діаконскій сынъ, послушникъ торопецкаго Небина монастыря, Иванъ Стефановъ Орловъ. Первоначально причтъ помѣщался въ верстѣ отъ м. Вильзенгофъ, въ домѣ военнаго постоя, называемомъ Муркель, гдѣ и церковь была устроена, весьма тѣсная, состоящая изъ одной небольшой комнаты, около трехъ квадратныхъ сажень. Помѣщеніе это отведено по нуждѣ; потому что настоящая церковь и причтовый домъ тогда еще не были устроены. Вильзенгофское помѣщеніе причта и церкви было въ разстояніи 12 верстъ отъ настоящей церкви и причтоваго дома. Шестнадцатаго октября 1848 г эйхенангернскія церковныя зданія были отдѣланы, т. е. домъ и церковь, когда причтъ и переселился въ новое помѣщеніе, и 24 октября того же года, церковь освящена во имя Рождества Христова, ключаремъ рижскаго Петро-Павловскаго собора, священникомъ Владиміромъ Григорьевымъ Назаревскимъ, съ сослужащими священниками вольмарскимъ Тимоѳеемъ Златинскимъ, ружскимъ Василіемъ Кудрявцевымъ, уббенормскимъ Павломъ Дубровскимъ и мѣстнымъ Андреемъ Поляковымъ, съ протодіакономъ рижскаго епископа Иваномъ Волочковымъ и лемзальскимъ діакономъ Бертингомъ.

6. О пространствѣ прихода.

Приходъ, какъ выше сказано, по пространству былъ огромный, состоявшій изъ пяти кирхшпилей, разбросанный въ пяти лютеранскихъ приходахъ, но въ первое время малочисленный. Приходъ простирался отъ берега рижскаго залива — мызы Ней-Залиссъ до мызы Голандфельдъ въ одинъ конецъ до шестидесяти пяти верстъ; въ другой конецъ отъ границы имѣнія Пуйкельнъ до мызы Колбергъ на двадцать пять верстъ. Здѣсь показывается пространство прихода діаметральное, не считая нѣкоторыхъ мызъ уклоняющихся отъ діаметра на пять, десять и пятнадцать верстъ въ сторону, а также и крестьянскихъ дворовъ, изъ которыхъ иные уклоняются отъ центра прихода верстъ на тридцать.

7 О числѣ прихожанъ въ эйхенангернскомъ приходѣ.

Первоначальное число прихожанъ, какъ видно изъ духовной росписи за 1846 г., не превышало 342 м. и 53 ж., 392 душъ.

Но при поступленіи священника въ приходъ, прихожанъ было не болѣе 300 душъ. Въ слѣдующихъ за тѣмъ годахъ, число прихожанъ возрасло такъ, что въ 1847 г было 1706 душъ, 1019 м. и 687 ж.

Въ 1848 году, по необыкновенному пространству и возрастающей численности прихода, отъ него отчислены мызы Диккельнъ, Шуенъ-Паленъ и Лапиеръ съ 147 душами къ уббенормскому приходу, и мызы Альтъ-Залиссъ, Ней-Залиссъ и Айнашъ съ 727 душами къ новооткрытому залисскому приходу въ 1848 году Въ 1848 году по духовной росписи въ эйхенангернскомъ приходѣ значилось 688 м. 418 ж. итого обоего пола 1106 душъ. Въ 1849 году по духовной росписи значилось приходскихъ дворовъ 171 съ 696 м. и 463 ж. обоего пола 1091 прихожанами; въ 1850 году при 179 дворахъ 704 м. 478 ж., обоего пола 1182 душами; въ 1851 году при 171 дворѣ 752 м. и 517 ж., всего 1269 душъ; въ 1852 году при 190 дворахъ 747 м. и 539 ж., обоего пола 1286; въ 1853 г при 190 дворахъ 752 м. и 544 ж., обоего пола 1296; въ 1854 г при 181 дворѣ 742 м. и 550 ж., обоего пола 1292 душ.; въ 1855 г при 207 двор. 733 м. и 572 ж., всего 1305 душ., въ 1856 г при 216 двор. съ 794 м. и 585 ж., обоего пола 1309; въ 1857 г при 207 двор. съ 744 м. и 594 ж., всего 1338; въ 1858 при 200 двор. съ 777 м. и 612 ж., всего 1389; въ 1859 г. при 205 двор. 770 м. и 636 ж., всего 1406, въ 1860 г. при 199 двор. 777 м. и 650 ж., всего 1427; въ 1861 г при 216 двор. 807 м. и 683 ж., всего 1490; въ 1862 г при 135 двор. 547 м. и 540 ж., всего 1086; въ 1863 г при 113 двор. 564 м. и 559 ж., всего 1123; въ 1864 г при 110 двор. 551 м. 567 ж., всего 1117; въ 1865 г при 128 двор. 577 м. и 584 ж., всего 1161; въ 1866 г при 110 двор. 582 м. и 604 ж., 1186; въ 1867 г при 115 двор. 605 м. и 608 ж., всего 1213; въ 1868 г при 107 двор. 605 м. и 608 ж., всего 1213, въ 1869 г при 107 дв. 602 м. и 605 ж., всего 1207 душъ.

Въ 1862 году отъ эйхенангернскаго прихода отчислены слѣдующія мызы маттійско залиссбургскаго прихода; именно Вильзенгофъ, Пейгаль, Бауэнгофъ, Бреслау, Альтъ-Оттенгофъ и Ней-Оттенгофъ съ 54 двор. съ 271 м. и 147 ж., всего 418 душами, причисленными къ ново-открытому колбергскому приходу, который за исключеніемъ мызъ. Колбергъ, Залисбургъ, Идвекъ, Пантенъ и Селенъ съ 150 душами, возродился изъ эйхенангернскаго прихода.

8. Приходское кладбище.

До апрѣля 1850 года въ приходѣ небыло своего приходскаго кладбища. Покойники, по исходатайствованіи епархіальнаго начальства, погребались на лютеранскихъ кладбищахъ.

Когда для православнаго покойника требовалось мѣсто на лютеранскомъ кладбище, священникъ каждый разъ формально просилъ пастора объ отводѣ мѣста, для погребенія, которое немедленно безмездно отводилось. Съ теченіемъ времени лютеранское духовенство выставляло счетъ православныхъ покойниковъ, погребенныхъ на лютеранскомъ кладбище, съ требованіемъ уплаты могильныхъ денегъ. Епархіальное начальство формально спрашивало у священника о томъ, дѣйствительно ли данное число покойниковъ погребено на извѣстномъ кладбищѣ? Конечно, священникъ отвѣчалъ о томъ, сколько погребено. Но платило ли епархіальное начальство за могилы, мнѣ неизвѣстно.

Осенью 1849 году графъ Карлъ фонъ-Сиверсъ пожертвовалъ полъ десятины земли подъ кладбище, окопавъ оное пространство со всѣхъ сторонъ рвомъ. Кладбище это лежитъ въ 1/4 версты отъ церкви, по дорогѣ, ведущей отъ корчмы Десса на мызу Эйхенангернъ.

Мѣсто пожертвованное подъ кладбище, было почти все изрыто ямами, въ которыхъ крестьяне хранили на зиму картофель. Получивъ мѣсто священникъ Андрей Поляковъ, пригласилъ прихожанъ своихъ осенью въ 1849 г. заняться устройствомъ кладбища. Надобно было зарывать множество ямъ, планировать мѣсто, возить каменья для ограды. Прихожане съ усердіемъ принялись за работу: болѣе 300 человѣкъ пѣшеходовъ, а иные съ лошадьми принялись за работу и въ туже осень, въ теченіе трехъ дней, каменья для ограды были доставлены, часть стѣны устроена. Весною, именно въ половинѣ апрѣля, явилось опять до ста человѣкъ къ окончанію этой работы и въ теченіе двухъ дней, кладбище было устроено, т. е. обнесено оградою, планировано, поставленъ крестъ, сдѣланы ворота и проведены вдоль и поперегъ кладбища дорожки, обсаженныя молодою ольхою, березою и ельникомъ. 30 апрѣля, въ воскресенье, 1850 г кладбище освящено мѣстнымъ священникомъ Андреемъ Поляковымъ, при сослуженіи уббенормскаго священника Павла Дубровскаго и лемзальскаго діакона Бертинга, при многочисленномъ собраніи народа, которому благопріятствовала теплая и ясная погода.

Въ 1862 году, по побужденію священника Андрея Полякова, устроено на кладбище изъ бревенъ каморка, служащая въ лѣтнее время для постановки покойниковъ и храненія носилокъ. Въ зимнюю пору и во время непогоды въ каморкѣ этой укрываются отъ непогоды гробокопатели.

9. Объ учрежденіи приходской и вспомогательныхъ школъ въ эйхенангернскомъ приходѣ.

Эйхенангернская приходская школа устроена 5-го декабря 1848 г. съ 25-ю учениками, въ ней преподавались слѣдующіе пред-

меты краткій катихизисъ, свящ. исторія, латышское и русское чтеніе и чистописаніе, ариѳметика, нотное пѣніе по обиходу и пѣть по наслышкѣ. Изъ учениковъ образовался хоръ пѣвчихъ, которые, подъ регентствомъ усерднаго къ пѣнію причетника Ивана Орлова, пѣли весьма стройно, за что священникъ Поляковъ былъ награжденъ похвалой архипастыря рижскаго Платона.

Въ 1853 году открыта первая вспомогательная школа, мызы Альтъ-Оттенгофъ, во дворѣ Клейне, съ наставникомъ, церковнымъ форминдеромъ Даніиломъ Каулиномъ и 10-ю учениками.

Въ томъ же 1853 году открыта вторая вспомогательная школа мызы Бреслау въ дворѣ Яунъ Каренъ съ наставникомъ Егоромъ Винтеромъ и 10 учениками и ученицами. Въ 1854 г открыта третья вспомогательная школа, м. Нейгаль, во дворѣ Лабрентъ съ наставникомъ Олимпіемъ Браслиномъ съ 10 учениками и ученицами. Въ 1859 г. четвертая, для дѣтей шлоссъ-пиркельской волости въ церковномъ домѣ съ 9-ю учениками и ученицами. Въ томъ же 1859 г. открыта пятая, м. Пуйкельнъ, въ дворѣ Вильцинь, съ наставникомъ Егоромъ Карлсономъ съ 8-ю учениками и ученицами. Въ 1860 г шестая, м. Коддіонъ, въ дворѣ Лейсъ-Морцеемъ съ наставникомъ Михаиломъ Строкшемъ съ 16 учениками и ученицами. Въ 1861 г седьмая, м. Царнау, въ дворѣ Норинь съ 16 учениками и ученицами. А всего въ приходѣ состояло восемь школъ съ 8-ю наставниками и 104 учащимися. Въ вспомогательныхъ школахъ преподавались слѣдующіе предметы краткій катихизисъ, св. исторія, латышское чтеніе и письмо, четыре первоначальныя правила ариѳметики и церковное пѣніе по наслышкѣ.

Въ приходской школѣ дѣти учились въ теченіе четырехъ зимъ и научались на память катихизисъ и свящ. исторію, знали хорошо читать, писать по латышски и посредственно по русски, ариѳметики, нотному пѣнію и пѣнію по наслышкѣ, а во вспомогательныхъ хорошо читать и писать по латышски, знали на память краткій катихизисъ и разсказывать краткую св. исторію. Въ вспомогательныхъ школахъ учились дѣти въ теченіе трехъ зимъ, но не вполнѣ, а посѣщали школы въ теченіе каждой зимы чрезъ недѣлю, т. е. одну недѣлю посѣщаютъ школу, другую живутъ дома. Это было потому, что хозяева затруднялись дѣтямъ, у нихъ служащимъ, давать содержаніе на полную зиму Кромѣ учащихся въ школахъ до 350 дѣтей обучались грамотѣ и краткому катихизису въ домахъ родителей и хозяевъ, подъ руководствомъ форминдеровъ и наблюденіемъ священника, который прослушивалъ этихъ дѣтей три раза въ годъ, собирая ихъ въ школьное помѣщеніе. Дѣти съ 7 лѣтняго возраста понуждаемы были начинать учиться читать, съ 11 лѣтняго возраста требовались въ школу, съ окончаніемъ 14 лѣтъ кончали ученіе; но дѣвицы до 16 лѣтъ, мальчики до 17 лѣтъ обязывались дома проходить ученіе

и являться къ священнику и учителямъ для прослушиванія. Съ окончаніемъ 16 лѣтъ для дѣвицъ, а 18 лѣтъ для мальчиковъ, они являлись къ священнику на двѣ недѣли на конфирмацію, гдѣ они утверждались довольно подробно въ законѣ Божіемъ. Священникъ употреблялъ съ ними ежедневно до 6 часовъ, объяснялъ имъ подробно пространный катихизисъ, св. исторію, въ особенности же Божественную литургію, и заставлялъ затверживать наизусть утреннія и вечернія молитвы и прочія употребительнѣйшія. По вечерамъ дѣти упражнялись въ пѣніи. Въ 1849 г были первые конфирманты въ числѣ до 75 человѣкъ. Чрезъ таковое упражненіе въ церковномъ пѣніи на конфирмаціи и въ школахъ дѣти порядочно научались пѣть, такъ что въ церкви при богослуженіи пѣла вся церковь. Въ мартѣ мѣсяцѣ ежегодно производились испытанія въ школахъ. въ приходской въ присутствіи благочиннаго; въ вспомогательныхъ—въ присутствіи мѣстнаго священника. Окончившимъ въ приходской школѣ съ успѣхомъ ученіе, выдавались аттестаты за подписью благочиннаго и мѣстнаго священника. Иные изъ этихъ дѣтей были допускаемы къ прохожденію должности причетниковъ и сельскихъ наставниковъ. Инымъ дарились книги духовно-нравственнаго содержанія. Для обученія дѣтей служили слѣдующія руководства начатки христіанскаго ученія и краткая священная исторія, переведенная на латышскій языкъ нѣсколькими изданіями; новый завѣтъ; молитвословъ латышскій, изданный нѣсколько разъ, букварь латышско-русскій, изданный въ 1845 году въ Ригѣ, сочиненія преосвященнаго Тихона, епископа воронежскаго, училище благочестія, издававшееся съ 1857 г при рижской духовной семинаріи на русскомъ и латышскомъ языкахъ, нотный краткій обиходъ и ариѳметика на латышскомъ языкѣ по руководству Терауда. Въ послѣднее время, именно съ 1860 г. въ приходской школѣ, преподавались нѣкоторымъ географія, по руководству физическихъ книгъ и ландкартъ митавскаго пастора Шульце, начатки естествознанія по книгѣ пастора Штендера, называемый „Augſta gudribas grahmata" и латышской грамматикѣ, по руководству пастора Браже.

10. О числѣ хозяевъ въ приходѣ и сборахъ съ нихъ въ пользу лютеранскаго духовенства.

Съ открытіемъ эйхенангернскаго прихода въ 1846 г не много было домохозяевъ въ приходѣ; число ихъ не превышало 30-ти дворовъ, да и тѣ были люди не съ большимъ достаткомъ, за исключеніемъ одного эстонца въ коддіанской волости, хозяина двора Струге, Ивана Типса. Впослѣдствіи, когда нѣкоторыя мызы были отчислены при возникновеніи новыхъ приходовъ, число хозяевъ стало еще менѣе. Оно сократилось до 20-ти. Такъ какъ хозяева были большею частію

люди бѣдные и участки земли ихъ были жалкіе, то они имѣли мало завистниковъ, которые бы домогались лишить ихъ участковъ. Впрочемъ, было до 10 случаевъ, когда православные хозяева были изгоняемы изъ своихъ участковъ за православную вѣру, и на ихъ мѣста поселены лютеране. Это происходило потому, что православные домохозяева высочайше были освобождены отъ взносовъ и работъ въ пользу лютеранскаго духовенства, кирокъ и школъ. Невыгодяо было мызникамъ предоставлять такимъ лицамъ пользоваться землею, потому то имъ и отказывали подъ инымъ какимъ либо предлогомъ. А когда они, изгнанные, искали гдѣ либо себѣ хозяйства, то ихъ спрашивали какой то вѣры? И когда узнавали, что православной, то отказывали, говоря ,,нѣтъ у насъ земли для тебя.“ Чтобы избавиться отъ такой бѣды, иные соглашались нести всѣ повинности въ пользу лютеранскаго духовенства, кирокъ и школъ, чтобы добыть только хозяйство. Иногда за это обязательство они получали хозяйство, неся благодушно возложенный на нихъ оброкъ. Такимъ образомъ хозяева увеличились въ приходѣ, но число ихъ и нынѣ, въ 1869 г., не превышаетъ 25. Когда обязавшіеся нести повинность въ пользу лютеранскаго духовенства, приходили на лютеранскую церковную работу, то лютеране, смѣясь говорили такимъ ,,что вы, русскіе, лезѣте на наши работы, или хотите опять въ лютеранство?“ и прочимъ образомъ всячески насмѣхались надъ ними. Разсказываютъ, что горько было имъ терпѣть эти насмѣшки. Вслѣдствіе донесенія священникомъ Андреемъ Поляковымъ архіепископу Платону о незаконныхъ сборахъ съ православныхъ въ пользу лютеранскаго духовенства и пр., въ 1865 г. 27-го октября былъ командированъ въ приходъ генералъ-губернаторомъ графомъ Шуваловымъ, чиновникъ особыхъ порученій, надворпый совѣтникъ Павелъ Николаевичъ Ринзенбергъ, нѣмецъ по происхожденію, но человѣкъ безпристрастный. Ему было поручено въ присутствіи мѣстнаго священника изслѣдовать и допросить православныхъ хозяевъ, взносятъ ли они повинности въ пользу лютеранскаго духовенства и пр.? Съ этимъ господиномъ пришлось мнѣ, свящ. Полякову, по предписанію своего начальства, объѣздить нѣсколько мызъ прихода и употребить на это три дня и проѣздить денегъ до шести рублей сер. Къ счастію моему донесеніе мое подтвердилось. вездѣ хозяева православные показали, что они взносятъ эти повинности, потому что безъ этого не могли получить и хозяйства. Чиновникъ упрекалъ помѣщиковъ за нарушеніе высочайшей воли, а они отвѣчали, что ничего и знать не знаютъ и вѣдать не вѣдаютъ, и всю вину сваливали на волостные суды и на лютеранскихъ форминдеровъ. Не лишне здѣсь описать нѣкоторые эпизоды по этому случаю.

Когда въ Бауэнгофѣ помѣщикъ Гинзель отказывался невѣдѣніемъ по этому сбору, и взваливалъ вину на волостныхъ судей, то были позваны судьи и форминдеры къ отвѣту Судья, будучи кресть-

янинъ и латышемъ по происхожденію, началъ ломанымъ нѣмецкимъ языкомъ производить съ чиновникомъ разговоръ, прося его на единѣ поговорить съ нимъ, предполагая, что я ничего не понимаю изъ нѣмецкаго языка. Чиновникъ, предъ которымъ, впрочемъ я не заявлялъ о знаніи своемъ по нѣмецки, смутился, покраснѣлъ и сказалъ „у меня съ тобой не должно быть никакихъ тайнъ; говори что знаешь при всѣхъ открыто“ Тогда импровизованный нѣмецъ началъ „они, т. е. православные хозяева, добровольно несутъ лютеранскія церковныя повинности; они посѣщаютъ нашу церковь.“ Чиновникъ возразилъ „на то высочайшая воля, чтобы не принимать отъ нихъ эти повинности, еслибы они ихъ и добровольно предлагали.“

Помѣщикъ Гинзель не принималъ отъ чиновника 1 р. 50 к., слѣдующихъ отъ него крестьянамъ его прогонныхъ, но чиновникъ, не захотѣлъ воспользоваться этимъ подаркомъ и требовалъ, чтобы помѣщикъ принялъ деньги.

Въ Альтъ-Оттенгофѣ и Царнау чиновникъ нашелъ, что даже и въ контрактахъ, заключенныхъ между помѣщикомъ и православными хозяевами, были включены противозаконныя условія относительно несенія повинностей въ пользу лютеранскаго духовенства, школъ и кирокъ. Эти контракты были чиновникомъ переданы мѣстному приходскому судьѣ, пуйкельнскому помѣщику фонъ Клоту, утвердившему контракты съ тѣмъ, чтобы противозаконные пункты о налогѣ въ пользу лютеранскаго духовенства были уничтожены. Когда я съ чиновникомъ пріѣхали ночью въ 2 часа, 28-го октября 1865 г., на мызу Вильзенгофъ, то чиновникъ, узнавъ, что я знакомъ съ управляющимъ, просилъ меня показать домъ его и попросить ночлега. Я, разсчитывая на знакомство съ управителемъ, пошелъ въ домъ его. Вхожу на крыльцо, пытаюсь отворить первыя двери, двери оказываются не запертыми; я вхожу, иду во внутреннія помѣщенія, стучу по принятому обычаю въ двери, прося этимъ позволеніе войти, отвѣта нѣтъ; но изъ окна видѣнъ тусклый огонекъ. Рѣшаюсь отпереть дверь, отпираю и вхожу въ залъ. Вижу въ противоположной комнатѣ тѣнь человѣка, спрашивающаго Кто здѣсь? Отвѣчаю, кто я, и прошу ночлега; но къ изумленію своему получаю отрицательный отвѣтъ мнѣ и моему спутнику, посланнику генералъ-губернатора, предлагаютъ искать ночлега въ корчмѣ, въ разстояніи одной версты отъ мызы, оказавшейся смрадною, нечистою берлогою, гдѣ никакъ нельзя было ночевать порядочному человѣчу Мы вынужденными нашлись отправиться ночью до моего дома, чтобы имѣть ночлегъ. Чиновникъ написалъ управителю отношеніе, требуя, чтобы онъ съ своими православными крестьянами-хозяевами и судьями на утро прибылъ въ эйхенангернскій церковный домъ. Но управитель Лемке, нашелъ возможность не исполнить это требованіе, объявивъ чрезъ

одного крестьянина о своемъ нездоровьѣ, и крестьянъ не прислалъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ-де нѣтъ дома. А мнѣ велѣлъ сказать чрезъ предсѣдателя мірскаго эйхенангернскаго суда, Петерсона, что онъ, управляющій, полагая, что воры забрались въ его домъ, хотѣлъ выстрѣлить и можетъ быть застрѣлилъ бы меня, еслибы я не откликнулся на его вопросъ. Ибо, какъ только я вошелъ въ дверь, онъ схватилъ ружье и навелъ курокъ съ вопросомъ. кто здѣсь! Услышавъ знакомый голосъ, онъ отставилъ ружье въ сторону Въ церковный домъ были собраны эйхенангернскіе православные хозяева, для отобранія показанія относительно несенія ими повинностей въ пользу лютеранскаго духовенства. Всѣ, кромѣ одного, показали, что они повинности несутъ, а одинъ, именно Цируль (корчмарь), несшій также повинность, отвѣтилъ, что повинности никакой въ пользу лютеранскаго духовенства не несетъ. Спрашиваемые судьи слагали отвѣтственность другъ на друга, въ числѣ ихъ былъ одинъ лютеранскій форминдеръ, собиравшій самъ цыплятъ для пастора и разный хлѣбъ и отъ православныхъ хозяевъ, отпирался предъ чиновникомъ, и какъ то проговорился (предъ чиновникомъ), что вынудилъ чиновника сказать ему „замолчи, я вижу по твоимъ глазамъ и по твоему лицу, что ты плутъ!“

По окончаніи слѣдствія въ отсутствіи чиновника, спросилъ я православнаго хозяина Цируля, зачѣмъ онъ утаилъ о томъ, что несетъ повинности? Тотъ отвѣчалъ. „повѣрьте, изъ этихъ розысковъ ничего хорошаго не будетъ для православныхъ хозяевъ. Лучше молчать и остаться на своемъ мѣстѣ, нежели показывать и быть выгнаннымъ.“ И въ самомъ дѣлѣ, слова Цируля отчасти оправдались, а крестьяне, православные хозяева, опять начали нести всѣ повинности въ пользу лютеранскаго духовенства и прочее, только съ тою разницею, что теперь нѣкоторые опасаются на то приносить жалобы. ..

Разговаривая съ чиновникомъ, и пріѣхавъ на мызу Коддіанъ, я указывалъ ему на суету хозяина, любезный пріемъ и угощеніе, присовокупляя, что при всемъ этомъ угощеніи, мы должны быть безпристрастны, а это тяжело. „Да, сказалъ чиновникъ, намъ надо дѣлать свое дѣло. Но скажите, къ чему здѣсь православіе? Развѣ здѣсь не было водворено христіанства; развѣ народъ не былъ воспитанъ лучше нежели въ Россіи? Вы жаждете цивилизаціи, жаждете миссіонерства, прошу покорно обратиться въ Сибирь. Тамъ вамъ огромнѣйшее поле дѣятельности. Просвѣщайте черемисовъ, тунгусовъ, татаръ, башкиръ и прочихъ; распространяйте цивилизацію и христіанство въ Азіи, подвластнымъ вамъ народамъ, но оставьте этотъ край въ покоѣ, онъ цивилизованъ достаточно и безъ васъ.“

11. Объ отмѣнѣ подписокъ, даваемымъ лицами лютеранскаго исповѣданія, вступающими въ св. бракъ съ православными, и о печальномъ послѣдствіи для православія отъ этой отмѣны.

Въ 1862 году архіепископъ рижскій и митавскій Платонъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для засѣданія въ св. синодѣ. Тамъ засѣдалъ этотъ архипастырь въ теченіи трехъ лѣтъ. Многаго ожидало духовенство рижской епархіи отъ представительства своего архіерея въ Петербургѣ, но ожиданія его неоправдались. Въ 1865 году въ іюлѣ мѣсяцѣ послѣдовало предписаніе. по высочайшему повелѣнію отмѣнено отобраніе подписокъ отъ вступающихъ въ бракъ лютеранъ съ православными, коими иновѣрцы обязывались крестить и воспитывать дѣтей своихъ въ православіи. Этимъ распоряженіемъ воспользовались враги православія и по всѣмъ волостямъ немедленно созывались ими сходы крестьянъ, которымъ отъ имени мѣстной высшей власти было объявлено, что съ этого времени всякій имѣетъ право крестить дѣтей своихъ въ той вѣрѣ, въ какой самъ пожелаетъ. Латыши, утомленные гоненіями и насмѣшками иновѣрцевъ, воспользовались этою новостію и стали дѣтей своихъ крестить въ лютеранство, не только отъ смѣшанныхъ, но и отъ простыхъ браковъ, гдѣ родители оба принадлежали къ православному исповѣданію.

Съ 1866 года крещеніе младенцевъ въ православіе въ эйхенангернскомъ приходѣ начало ослабѣвать и годъ отъ году число крещенныхъ младенцевъ уменьшалось, что видно изъ слѣдующей справки Въ 1860 г. состояло родившихся обоего пола 87 лицъ; въ 1861 г; 94 л.; въ 1862 г. 101 л.; въ 1863 г. 98 л.; въ 1864 г. 90 л. въ 1865 г 89 л.; тогда какъ въ 1866 г оно упало на 55 лицъ; въ 1867 г. 66 л.; 1868 г. 50 лицъ.

Съ того же 1866 г., годъ отъ году, стало менѣе являться къ исполненію христіанскаго долга исповѣди и св. причастія. Такъ, въ 1865 году, изъ 1186 прихожанъ, оказалось небывшихъ у исповѣди 71 лицо; въ 1867 г. изъ 1213 прих., 157 лицъ; въ 1868 г. изъ 1213 прих., 191 лицо; въ 1869 г изъ 1207 прих., 234 души.

Но въ другихъ сосѣдственныхъ приходахъ, какъ слышно, православная церковь еще болѣе пострадала отъ лютеранской пропаганды. Такъ изъ Д-ской волости всѣ православные поголовно совращены въ лютеранство. Съ 1865 г пасторы повели свою пропаганду противъ православія. Когда возрастало православіе и желательны были смѣшанные браки, т. е. когда лицо православное вступало въ бракъ съ лютеранимъ, тогда пасторы иринимали всѣ мѣры къ недопущенію такого союза и различными стѣсненіями, убѣжденіями и проволочками достигали своей цѣли. Въ эйхенангернскомъ приходѣ имъ удавалось иногда не допускать смѣшанныхъ браковъ, но иногда прещенія ихъ оканчивались тѣмъ, что иновѣрное лицо тѣснимое на-

сторомъ, присоединялось къ православію. Такъ въ 1858 году, когда присоединеніе къ православію почти прекратилось, въ одну осень до 9 человѣкъ, вступившихъ въ бракъ съ православными, присоединились къ православію.

Съ 1865 г по отношенію къ смѣшаннымъ бракамъ, пасторы перемѣнили свою тактику, и стали дѣйствовать на оборотъ. До этого времени, они старались препятствовать къ заключенію смѣшанныхъ браковъ, но съ сего времени усиливались способствовать такимъ союзамъ. Для православія такіе союзы были уже не только не желательны, но положительно вредны. Ибо православные вступившіе въ бракъ съ иновѣрными, за рѣдкими исключеніями, крестили дѣтей своихъ въ лютеранство, потому что подписками не были обязаны къ крещенію и воспитанію дѣтей своихъ въ православіи.

Священники, теперь, приняли ту тактику, которою сначала пользовались пасторы они не хотѣли совершать браковѣнчаній безъ отобраній подписокъ въ крещеніи и воспитаніи дѣтей въ православіи, но были къ этому принуждены высшею властію Многіе приходы, напримѣръ лемзальскій, эйхенангернскій, колбергскій, уббенормскій и прочіе, посылали своихъ депутатовъ въ 1866 году въ г Ригу къ архіепископу и генералъ-губернатору съ прошеніями о томъ, чтобы не допускать смѣшанныхъ браковъ безъ отобранія подписокъ въ крещеніи и воспитаніи въ православіи дѣтей, но это было напрасно. Напрасно многіе священники заявляли, что вѣнчать смѣшанные браки, безъ отобранія подписокъ, противно положенію 4-го вселенскаго собора, правила котораго никѣмъ неотмѣнены, но и это не имѣло никакого успѣха. Нѣкоторые священники еще нѣсколько времени уклонялись отъ совершенія такихъ браковъ, но, преслѣдуемые жалобами за неповиненіе высочайшей волѣ, были вынуждены совершать оные, дѣлая это, противъ своей совѣсти, изъ страха, чтобы не лишиться мѣста, такъ какъ, наконецъ, этимъ начали угрожать имъ. Такія угрозы, изложенныя въ запискѣ архіепископа Платона, понудили священниковъ покориться и со стѣсненнымъ сердцемъ совершать смѣшанные браки.

Но не всѣ, однакожъ, покорились и слушались. Залисскій священникъ, Ананія Декснисъ, несмотра на многократныя просьбы, прещенія и угрозы, рѣшительно отказался отъ безусловваго совершенія смѣшанныхъ браковъ. На вопросъ архіепископа почему безусловно не совершаетъ смѣшанныхъ браковъ? онъ формально отвѣчалъ, что, такъ какъ такіе браки противны правиламъ 4-го вселенскаго собора, положенія котораго никѣмъ отмѣняемы не были, то и онъ, священникъ, не можетъ вопреки этимъ правиламъ совершать безусловно смѣшанныхъ браковъ. Говорятъ, что архіепископъ Платонъ, прочитавъ такое донесеніе, подалъ оное членамъ консисторіи, сказавъ „судите

священника Дексниса за ослушаніе.“ Члены консисторіи отказались произнести свой судъ, представляя оный архіепископу, который будто бы, отозвался такъ „и я не могу судить его.“ И священникъ Дексниссъ, доселѣ 1869 г священствуя въ залисскомъ приходѣ, несовершилъ смѣшанныхъ браковъ.

Захвативъ съ собой сей замѣчательный отзывъ священника Дексниса и множество прошеній депутатовъ, присланныхъ отъ имени прихожанъ рижской епархіи, просившихъ объ отмѣнѣ смѣшанныхъ браковъ, архіепископъ Платонъ отправился въ С.-Петербургъ, дабы ходатайствовать о томъ предъ св. синодомъ и государемъ императоромъ, но и это было напрасно.

Впрочемъ, всѣ усилія священниковъ, къ несовершенію безусловно смѣшанныхъ браковъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, безполезны, потому что многіе и отъ простыхъ браковъ, гдѣ обѣ половины православные, крестятъ дѣтей своихъ въ лютеранство.

Пасторы день отъ дня распространяютъ свою пропаганду, уловляя православныхъ въ лютеранство. Такъ, сначала они начали допускать православныхъ къ пріобщенію, записывая ихъ бытность у исповѣди и причастія уже послѣ совершенія самаго дѣйствія, подъ тѣмъ предлогомъ, что якобы православные — отступники, безъ ихъ вѣдома, приступали къ причастію; между тѣмъ какъ стоустая молва говоритъ, что пасторы, являвшихся предварительно къ нимъ, для записи къ исповѣди и причастію, научали записываться послѣ совершенія надъ ними сего дѣйствія.

Сначала пасторы сами не крестили дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ, но записывая родившихся младенцевъ отъ смѣшанныхъ браковъ, поручали это дѣло сперва простымъ прихожанамъ своимъ, потомъ форминдерамъ, или церковнымъ попечителямъ и школмейстерамъ; наконецъ и сами начали совершать таинство крещенія надъ младенцами отъ смѣшанныхъ браковъ. Недовольствуясь этимъ, пасторы начали записывать о рожденіи младенцевъ и отъ простыхъ браковъ, сообщаемыхъ имъ тѣми православными родителями, которые желали крестить и воспитывать дѣтей своихъ въ лютеранствѣ. Записавъ эти требы, они предоставляютъ этимъ родителямъ искать какого либо лютеранина или форминдера, который бы согласился окрестить младенца. Окрещенный такимъ образомъ, чрезъ шесть недѣль приносится матерью въ кирку и пасторъ воцерковляетъ младенца, рожденнаго отъ православныхъ родителей.

Пасторы принимаютъ и на конфирмаціи православныхъ дѣтей; прослушиваютъ таковыхъ въ законѣ Божіемъ, принимаютъ въ свои школы и распоряжаются отступившими отъ православія, какъ будто уже принадлежащими къ лютеранству Случались изрѣдка обращенія отступниковъ къ православію и миропомазаніе младенцевъ незаконно-окрещенныхъ въ лютеранство, но причины этихъ случаевъ, большею

частію истекали не изъ религіозныхъ потребностей. Пропаганда пасторовъ, ни кѣмъ неудержимая, распространяется не только на коренныхъ латышей и эстовъ, но и на коренныхъ русскихъ — праславныхъ. Такъ, въ 1867 году, одна дѣвица, рожденная отъ коренной русской православной матери и нѣмца отца, совращена въ лютеранство, принята аллендорфскимъ пасторомъ на конфирмацію, а затѣмъ пріобщена таинства евхаристіи. А мать этой дѣвицы, въ 1867 г., послѣ кончины своей, маттійскимъ пасторомъ Молтрехтомъ отпѣта и погребена по лютеранскому обряду на лютеранскомъ маттійскомъ кладбищѣ.

Какъ бы въ огражденіе себя отъ отвѣтственности, пасторы принимали отступниковъ православія къ причастію, какъ будто по невѣдѣнію, записывая какъ выше было сказано, по совершеніи надъ ними дѣйствія, но въ настоящемъ въ 1869 г и прошломъ 68 г., они принимали къ исповѣди и причастію уже завѣдомо.

Такъ, аллендорфскій пасторъ Мейеръ, въ 1869 г., по приглашенію одной больной отступницы, исповѣдалъ и причастилъ ее на одрѣ болѣзни, а уббенормскій пасторъ Аунинь сдѣлалъ тоже въ уббенормскомъ приходѣ надъ православнымъ отступникомъ. На вопросъ приходскаго священника объяснить ему на какомъ основаніи совершилъ это, пасторъ Аунинь, офиціальною бумагою подтвердилъ свои дѣйствія, выразивъ это въ слѣдующемъ вопросѣ. „чтобы вы, какъ служитель Іисуса Христа сдѣлали, еслибы умирающій пригласилъ васъ преподать ему послѣднія утѣшенія Евангелія?“ Не было еще доселѣ примѣра въ эйхенангернскомъ приходѣ, чтобы пасторъ повѣнчалъ смѣшанный бракъ. Но были примѣры тому, что отступники, желавшіе вступить въ бракъ съ лютеранами, — были пасторомъ безъ вѣдома моего оглашены въ киркѣ, и одна пара повѣнчана на дому мірянином лютераниномъ, сельскимъ учителемъ Яковомъ Лисманомъ въ 1868 г. Объ этомъ безобразіи сообщено мною вольмарскому орднунгсгерихту, который изслѣдовавъ это дѣло, какъ видно изъ отношенія онаго ко мнѣ, препроводилъ для дальнѣйшаго разбирательства въ рижскій ландгерихтъ. Въ настоящее время неповѣнчанныхъ ни въ церкви, ни въ киркѣ, въ эйхенангернскомъ приходѣ существуетъ четыре пары, о трехъ послѣднихъ сообщено вольмарскому орднунгсгерихту; о сожительствѣ одной пары, неповѣнчанной по причинѣ родства и живущей около шести лѣтъ беззаконно, въ свое время сообщено епархіальному архіерею.

Вотъ тѣ послѣдствія отмѣны подписокъ, отбиравшихся отъ лицъ иновѣрныхъ, вступавшихъ въ бракъ съ лютеранами! О беззаконныхъ дѣйствіяхъ пасторовъ неоднократно было доносимо епархіальному начальству, но все это оставалось только гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Видя, что донесенія остаются безъ послѣдствій, я спрашивалъ лично въ 1869 г управлявшаго рижскою епархіею, епископа

Веніамина. Его преосвященство такъ отозвался мнѣ. „Имѣю до ста пятидесяти дѣлъ, по поводу пропаганды пасторовъ; докладывалъ объ нихъ кому слѣдуетъ, прося объявить мнѣ. смотрѣть ли на это, какъ на свободу вѣроисповѣданія, а если свобода вѣроисповѣданій не существуетъ, то просилъ удержать пасторовъ отъ посягательствъ на совращеніе православныхъ. На оба эти представленія получены отвѣты высшей власти: „Нельзя.“ Значитъ воспретить пропаганду нельзя, и обнародовать свободу вѣроисповѣданій нельзя.“ Въ такомъ то печальномъ и неопредѣленномъ положеніи находится въ краѣ семъ православіе, и только одному Богу извѣстно, чѣмъ все это кончится. Епархіальное начальство, будучи не въ силахъ уничтожить сего зла, предписаніемъ мѣстнаго благочиннаго отъ 28-го сентября сего 1869 года за № 921, издало циркуляръ слѣдующаго содержанія: „Симъ даю знать вамъ, о. Андрей, къ руководству содержаніе указа рижской духовной консисторіи отъ 24-го сентября за № 4903. Одинъ изъ благочинныхъ рижской епархіи входилъ съ представленіемъ къ архипастырю слѣдующаго содержанія· Вашему преосвященству извѣстно, что лютеранская пропаганда употребляетъ всевозможные способы къ совращенію православныхъ въ иновѣріе. Православные приходы съ каждымъ годомъ сокращаются въ числѣ, вслѣдствіе крещенія младенцевъ въ лютеранство, вѣнчанія браковъ иновѣрцами, приниманія пасторами православныхъ къ причащенію, заманиванія въ лютеранскія школы провославныхъ дѣтей и пр. Священники протестовали и протестуютъ противъ такого беззаконнаго образа дѣйствій со стороны лютеранской пропаганды, доносили и доносятъ о такомъ беззаконіи епархіальному начальству, которое въ свою очередь безъ сомнѣнія, жалуется на это гражданскому начальству; но благихъ результатовъ православное духовенство не видитъ и совращеніе православныхъ по прежнему продолжается. А такъ какъ рижское петропавловское братство, для достиженія въ своей цѣли служить нуждамъ и пользамъ православныхъ церквей и приходовъ въ прибалтійскомъ краѣ, поставляетъ себѣ въ обязанность заботиться, между прочимъ, и о сохраненіи православной церкви отъ всякаго посягательства на ея права со стороны иновѣрцевъ и на совращеніе ими православныхъ (ст. 82 уст. Риж. Брат.) то представляется полезнымъ, чтобы священники независимо отъ донесеній епархіальному начальству о противозаконныхъ дѣйствіяхъ лютеранской пропаганды, доводили объ нихъ до свѣдѣнія братства, прося его помощи. Братство или нѣкоторые члены онаго, братчики, о такихъ беззаконіяхъ иновѣрцевъ могутъ доводить, путемъ печати, до свѣдѣнія русской публики, приказали Такъ какъ цѣль рижскаго петропавловскаго братства состоитъ въ томъ, чтобы служить нуждамъ православія въ здѣшнемъ краѣ и заботиться объ охраненіи православной церкви отъ всякаго посягательства на права ея со стороны иновѣрцевъ и совращенія ими православныхъ;

а братство, какъ въ общемъ своемъ составѣ, такъ и чрезъ отдѣльныхъ членовъ, дѣйствительно служить нуждамъ и пользѣ православія въ здѣшнемъ краѣ, чрезъ доведеніе свѣдѣній о положеніи православныхъ въ здѣшнемъ краѣ до лицъ и учрежденій, ревнующихъ о православіи и словомъ и дѣломъ, то дозволить священникамъ сообщать братству нужды своихъ церквей и особенные для церквей случаи въ своихъ приходахъ, но съ тѣмъ, чтобы о таковыхъ случаяхъ всегда доносимо было предварительно епархіальному начальству, и чтобы отъ братства не требовали и не ожидали удовлетворенія, если таковыя удовлетворенія сами собою не будутъ сдѣланы братствомъ. Объ этомъ дать знать благочиннымъ рижской епархіи для объявленія подвѣдомственному духовенству.“

12. О замѣчательномъ обозрѣніи рижскимъ архіепископомъ, преосвященнѣйшимъ Платономъ, рижской епархіи въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ 1864 года.

Обозрѣніе архіепископомъ Платономъ рижской епархіи лѣтомъ 1864 г., какъ выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, весьма замѣчательно. Еще весною въ 1864 г., свѣтскія власти лифляндской губерніи довели до государя императора, что яко бы латыши и эсты, недовольные православіемъ, хотѣли бы назадъ въ лютеранство, а поэтому якобы волнуются. Вслѣдствіе сего правительствомъ былъ командированъ къ эстамъ графъ Бобринскій, дабы разузнать о причинахъ неспокойнаго состоянія эстовъ.

Эстляндскій помѣщикъ, графъ Сиверсъ, сказывалъ мнѣ, что по пріѣздѣ графа Бобринскаго въ эстонскій край, онъ встрѣченъ былъ толпами недовольныхъ правительствомъ эстовъ, которые громко заявляли желаніе перейти обратно въ лютеранство. Причиною такого перехода они выставляли то, что будто бы отцы ихъ, изъ за земныхъ выгодъ, приняли православіе, но что, не получивши оныхъ, они желали бы перейти въ прежнюю вѣру — лютеранство. При этомъ, они будто бы указывали, что имъ въ православіи надобно нести большія повинности и налоги и терпѣть разныя невыносимыя невзгоды. Таковы были слова графа Сиверса.

При личномъ свиданіи эйхенангернскій священникъ Андрей Поляковъ осмѣлился спросить у архіепископа Платона, правда ли то, что по прибытіи изъ Эстляндіи графа Бобринскаго, былъ учрежденъ совѣтъ, на которомъ присутствовали: самъ государь императоръ Александръ II, архіепископъ Платонъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ и оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода? На совѣтѣ этомъ якобы было положено уволить недовольныхъ православіемъ латышей и эстовъ въ лютеранство. Всѣ были согласны, но архіепископъ

Платонъ, будто бы, не изъявилъ на то своего согласія, прося у государя императора позволеніе отправиться въ свою епархію (архіепископъ присутствовалъ тогда въ святѣйшемъ синодѣ), чтобы лично убѣдиться въ справедливости неудовольствія латышей и эстовъ на православіе. Архіепископъ, несмотря на щекотливый вопросъ священника, отвѣчалъ ему утвердительно. Получивъ дозволеніе, архіепископъ Платонъ, по пріѣздѣ въ Ригу, отправился по епархіи, посѣтивъ 10-го іюня 1864 года г Лемзаль. Еще до поѣздки своей по епархіи, преосвященный циркуляромъ, чрезъ благочинныхъ, сообщилъ священникамъ, что въ предстоящее обозрѣніе имъ епархіи его будетъ всюду сопровождать, кромѣ обычнаго маршъ-комисара, еще значительный высшій сановникъ земской полиціи (орднунгсрихтеръ).

Вечеромъ 10-го іюня 1864 г , пишущій строки сіи, священникъ Поляковъ, командированный начальствомъ, вмѣстѣ съ мѣстнымъ лемзальскимъ священникомъ Стефаномъ Меньшиковымъ, пернигельскимъ священникомъ Іоанномъ Дорониным, въ присутствіи мѣстнаго вольмарскаго благочиннаго, протоіерея Павла Конокотина, и венденскаго благочиннаго, протоіерея Іоанна Поспѣлова, встрѣтили въ лемзальской церкви своего маститаго архипастыря. При обычномъ пріемѣ, его высокопреосвященству была предложена квартира городомъ, отъ имени котораго является чиновникъ съ приглашеніемъ. Тутъ же присутствовалъ высшій чиновникъ земской полиціи баронъ Криднеръ, но архіепископъ соизволилъ принять ночлегъ въ домѣ лемзальскаго священника Меньшикова.

Такъ какъ его высокопреосвященству благоугодно было на другой день, 11-го іюня, совершить литургію въ лемзальской церкви, то, для сослуженія ему вмѣстѣ съ протоіереемъ Поспѣловымъ, былъ назначенъ и священникъ Поляковъ, которому, кромѣ того, архипастыремъ поручено состоять при немъ переводчикомъ, при бесѣдѣ архипастыря съ прихожанами не только въ лемзальской, но и въ уббенормской, залисской и вольмарской церквахъ, къ которымъ и сопутствовалъ архипастыря священникъ Андрей Петровъ Поляковъ.

Такъ какъ преосвященный 11-го іюня 1864 г служилъ въ г Лемзалѣ литургію и предположено было со славою ввести его въ церковь, то эйхенангернскій священникъ Поляковъ, какъ сослужащій, по совершеніи проскомидіи, въ полномъ облаченіи, неся на блюдѣ святый крестъ, въ сопровожденіи архіерейскихъ пѣвчихъ, протодіакона Торопогрицкаго, иподіаконовъ и прочаго клира, отправился въ квартиру архіепископа, для препровожденія. При обычной встрѣчѣ архипастыря, облаченнаго въ мантію, началось шествіе по городу отъ дома священника до церкви. Благовѣйно прекрасная наружность архипастыря въ мантіи, облаченія прочаго клира, священное пѣніе пѣвчихъ, несеніе св. креста, возженные свѣтильники, куреніе ѳиміама, колокольный звонъ, улицы покрытыя множествомъ народа, — все это при-

давало самый торжественный видъ сему шествію. По совершеніи литургіи, архипастырь, разоблачившись и надѣвъ мантію съ жезломъ въ рукахъ, вышелъ на амвонъ и въ продолженіи двухъ часовъ бесѣдовалъ съ прихожанами, передавая свои слова чрезъ переводчика.

Много поучительнаго было сказано архипастыремъ лемзальскимъ прихожанамъ, такъ что всего сказаннаго я не запомню, но что запомнилъ, то передаю сей бумагѣ.

Бесѣда архипастыря основывалась на томъ, чтобы православные жили по православному Какъ имъ держать себя въ отношеніи къ иновѣрцамъ, какъ исповѣдывать и любить свою вѣру; какъ любить Бога и государя, покровителя православной церкви; какъ иногда надобно терпѣть, памятуя о терпѣніи апостоловъ и прочихъ людей первыхъ вѣковъ христіанства, которые были также подобострастные люди, но которые со смиреніемъ и долготерпѣніемъ много терпѣли, потому что въ настоящей жизни страданія неизбѣжны.

Всѣмъ, даже и высоко поставленнымъ людямъ, приходится иногда терпѣть и переносить страданія, такъ и намъ, пока находимся на землѣ, для полученія совершеннаго блаженства, нужно терпѣть и переносить разныя напасти. Былъ юнымъ я и состарѣлся, такъ говоритъ святый Давидъ, и не видалъ праведника, оставленнаго и просящаго хлѣба. Такъ и васъ, продолжалъ архипастырь, не оставитъ Богъ и правительство; только окажитесь достойными этого попеченія.

Окончивъ свою бесѣду и вступивъ съ прихожанами въ рѣчь разговорную, архіепископъ спросилъ „довольны ли они своимъ священникомъ?“ Почти вся церковь отвѣчала утвердительно, но не смотря на это, одинъ изъ прихожанъ громко изъявилъ свое неудовольствіе на священника за то, что онъ не принимаетъ его ни къ исповѣди, ни къ святому причастію, несмотря на его раскаянія и слезы. Конечно, этого не похвалилъ архіепископъ, тутъ же приказавъ священнику примириться съ своимъ прихожаниномъ.

Послѣ этого прихожанина, послышались въ церкви возгласы „Отпустите насъ отъ православія, отъ русской вѣры.“ Архіепископъ со спокойствіемъ спросилъ что побуждаетъ ихъ къ отступничеству отъ православія? Иные говорили, что изъ за православной вѣры не могутъ получить хозяйствъ; другіе, что ихъ изъ за православія гонятъ, унижаютъ. Иные, въ небольшомъ количествѣ возражали, что они не жалуются на иновѣрцевъ, изъ за вѣры ихъ не притѣсняютъ, и сами они православную вѣру не презираютъ, но вѣра эта для нихъ чужда, они не могутъ соблюдать ни постовъ, ни прочихъ обычаевъ этой религіи, что отцы ихъ привели дѣтей своихъ, бывшихъ въ безсознательномъ положеніи въ эту вѣру и проч.

Такъ какъ шумъ въ церкви увеличивался, иные говорили объ одномъ, другіе объ другомъ, третіе заявляли, что охотно желаютъ остаться въ православной вѣрѣ, но просятъ только защиты отъ ино-

вѣрцевъ, иные просили, чтобы ихъ отдѣлили отъ лютеранъ; то архіепископъ, дабы прекратить безпорядочный говоръ, исходившій изъ устъ цѣлой тысячи, просилъ прихожанъ успокоиться и не заглушать его рѣчей. Когда тысячеустный говоръ утихъ, то архіепископъ предложилъ прихожанамъ успокоиться и избрать изъ среды своей нѣсколько почетныхъ и довѣрія достойныхъ мужей и поручить онымъ во имя цѣлаго прихода, продолжать разговоръ съ архіепископомъ и заявлять по порядку о своихъ духовныхъ нуждахъ, то онъ, архіепископъ, будетъ въ состояніи лучше понять дѣло, и что будетъ въ разговорѣ ихъ достойнымъ пріятія и важнымъ, то будетъ имъ принято во вниманіе, но что будетъ недостойно, то будетъ отвергнуто.

Начались опять разговоры, тогда архіепископъ спокойно произнесъ. „Любезные други мои! Когда я говорю въ церкви, то самъ милостивѣйшій государь меня слушаетъ, за чѣмъ же вы перебиваете рѣчь мою и не даете мнѣ говорить, когда я не только, какъ архипастырь, но и какъ вашъ другъ и гость пришелъ къ вамъ, дабы побѣсѣдовать съ вами“? Слова эти произвели вожделѣнное дѣйствіе на крикуновъ.

Всѣ испугались и устыдились, и воцарилась не возмутимая тишина. При семъ не могу не сказать, по заявленію нѣкоторыхъ лицъ, бывшихъ въ церкви лемзальскаго клира, что въ толпѣ кричавшихъ были нѣкоторые лютеране.

Выше сказано, что архіепископъ приглашалъ прихожанъ избрать изъ среды своей, уважаемыхъ и довѣрія достойныхъ мужей, которые бы отъ имени всѣхъ прихожанъ, могли безъ шума бесѣдовать съ архипастыремъ. По сему приглашенію предсталъ предъ архіепископомъ лемзальскій церковный староста, крестьянинъ и латышъ по происхожденію, и заявилъ, что онъ избранъ отъ лица всего прихода бесѣдовать съ архипастыремъ.

Онъ, староста, еще прежде возникновенія шума былъ уполномоченъ бесѣдовать съ архипастыремъ, но по случаю множества народа не могъ исполнить сего порученія и не желалъ и не смѣлъ перебивать словъ архипастыря во время поученія. Выслушавъ церковнаго старосту, архіепископъ чрезъ переводчика спросилъ прихожанъ. „уполномочили ли лемзальскіе прихожане сего человѣка, называющаго себя церковнымъ старостою, отъ имени всѣхъ прихожанъ бесѣдовать съ нимъ, и будутъ ли они бесѣдою своего старосты довольны?“ На эти слова архипастыря по всей церкви раздался единодушный кликъ, подтверждающій согласіе и выраженный такъ. „да, да! мы ему довѣряемъ“

Тогда церковный староста, казавшійся по наружности весьма почтеннымъ, обратился къ архіепископу съ слѣдующею рѣчью:

„Высокоуважаемый архіепископъ и нашъ милостивѣйшій отецъ!
Я не въ состояніи предъ вашею честью высказать всего,

чтобы слѣдовало отъ имени лемзальскихъ прихожанъ; поэтому всенижайше прошу ваше высокопреосвященство принять отъ меня сію бумагу, въ которой изложено все то, о чемъ лемзальскій православный приходъ поручилъ мнѣ просить ваше высокопреосвященство“ Сказавъ это, староста подалъ бумагу архіепископу Архіепископъ, принявъ бумагу и раскрывъ оную, сказалъ. „Другъ мой! бумагу эту я приму, и что могу исполнить по вашей просьбѣ, то исполню, но всетаки тебѣ слѣдуетъ во всеуслышаніе, хотя вкратцѣ, въ простыхъ и вѣрныхъ словахъ высказать предо мною: что, и чего лемзальскіе православные прихожане просятъ въ сей бумагѣ. Говори смѣло и просто, продолжалъ архіепископъ, чего вы желаете?“ Обнадеженный кроткими словами архипастыря, церковный староста продолжалъ. Мы, латыши, вѣрные дѣти своего государя, за своего царя хотимъ стоять до послѣдней капли крови, какъ и всѣ истинно русскіе люди, это сыны латышей, состоя въ русскихъ полкахъ, искони заявили и нынѣ заявляютъ своими дѣлами, воюя за любезное свое отечество и проливая кровь свою.

Желая еще крѣпче соединиться съ возлюбленнымъ императоромъ и людьми русскими, великое множество латышей приняло православную вѣру, въ которой и хотимъ охотно пребывать до скончанія жизни. Но мызники поступаютъ съ нами весьма тяжко за принятіе православной вѣры. Если кто изъ православныхъ пожелаетъ получить крестьянскій участокъ, то ему долго, долго приходиться искать этого, до тѣхъ поръ пока совсѣмъ не разорится въ отыскиваніи. Если православный приходитъ въ какую либо мызу просить объ отдачѣ крестьянскаго участка, то его прежде всего спрашиваютъ. какой вѣры онъ? и когда узнаютъ, что православной, то ему говорятъ. участка получить въ аренду нельзя.

И такъ, онъ долго можетъ разъѣзжать и отыскивать, но повсюду получитъ вышеупомянутый отвѣтъ. А если гдѣ и найдетъ милость и получитъ участокъ, то его сейчасъ же спрашиваютъ. обяжется ли онъ работать и на лютеранскія церкви и школы и нести повинности въ пользу лютеранскихъ пасторовъ и школмейстеровъ съ прочими лютеранами, и если, согласится, то получаетъ участокъ. Желая получить въ аренду участокъ, почти всѣ православные хозяева, по неволѣ, соглашаются исполнять сіи условія. Все это очень тяжко и грустно, и становится еще больнѣе отъ ихъ насмѣшекъ, коими осыпаютъ они насъ по этому поводу

Посему просимъ все сіе доложить высшимъ властямъ, что намъ латышамъ, единовѣрцамъ государя, весьма тяжко.

На сію жалобу старосты, архіепископъ, обратясь къ прихожанамъ, спросилъ. „Правда ли то, что высказалъ староста отъ имени лемзальскихъ православныхъ прихожанъ?“ На сіе вся церковь громовымъ образомъ отвѣтила „Воистину, сущая правда! Да, да!

Истинно, дѣйствительно такъ!“ „Все сіе, сказалъ архіепископъ, что лемзальская церковь, чрезъ своего старосту заявила, я сообщу лифляндскому генералъ-губернатору, которому всемилостивѣйшимъ государемъ нашимъ ввѣрено начальство надъ симъ краемъ, и надѣюсь, что впредь съ вами поступать такъ не будутъ. А что иной разъ вы бываете огорчаемы такъ, или инымъ образомъ, то никто не можетъ отвратить этого, потому что между людьми всюду бываютъ огорченія, земля не небо; на небѣ ангелы, тамъ и совершенный миръ.“

Тѣмъ, которые были изъ другихъ приходовъ, напримѣръ изъ пернигельскаго, жаловавшимся на то, что у нихъ нѣтъ вблизи ни церкви, ни кладбища, что въ лачугахъ имъ не нравится пріобщаться св. таинъ, архіепископъ отвѣчалъ, что скоро построятъ для нихъ церковь на тѣ деньги, которыя всемилостивѣйшій государь пожаловалъ на устройство церквей въ Лифляндіи. Когда же нѣкоторые возразили, что они уже довольно долго ожидаютъ постройки церкви, то архіепископъ продолжалъ. „Такое многосложное дѣло, какъ устройство по всей Лифляндіи церквей, — не можетъ быть такъ скоро приведено въ исполненіе. Что дѣлаете вы съ землею прежде чѣмъ пожинаете отъ нея плоды? Вы ее вспахиваете, потомъ боронуете, потомъ опять вспахиваете, опять боронуете, сѣете и опять повторяете вспашку и бороненіе и ожидаете пока произрастетъ плодъ, потомъ уже пожинаете плоды. Видите-ли, сколько надо трудиться, чтобы пожать плодъ. И сколько еще прійдется потрудиться, пока вы вкусите плодъ. А вы хотите всего такъ скоро, — всего такъ скоро получить нельзя.“ Прочимъ пернигельскимъ прихожанамъ, числомъ до 40 человѣкъ, которые заявляли желаніе отступничества отъ православія, говоря, что русская вѣра для нихъ чужда, что въ русской вѣрѣ обряды для нихъ неудобоисполнимы, какъ то: поклоны, посты и пр. и вообще они русской вѣрѣ не научены и ее не понимаютъ, архіепископъ отвѣчалъ. „А лютеранская вѣра знакома вамъ, скажите же мнѣ ученіе лютеранской вѣры?“ Нѣкоторые молча думали и не въ силахъ отвѣтить, сказали „Не знаемъ.“ „Сейчасъ же вы сказали, что православной вѣрѣ не научены и не знаете, а лютеранская вамъ знакома, между тѣмъ не знаете ученіе лютеранской вѣры и сами себѣ противорѣчите.“ А относительно постовъ, архіепископъ выразилъ слѣдующее не въ постѣ только состоитъ ученіе вѣры православной. Если у тебя во время поста рѣшительно нѣтъ никакой постной пищи, то тебя не осудитъ церковь, если ты, для утоленія голода, будешь употреблять умѣренно и не постную пищу, хоть бы и мясо, но не ѣшь только мясника. Но если ты, во время поста имѣешь и постную пищу, но желаешь ѣсть мясо и прочую, запрещенную въ посту пищу, то не грѣхъ ли тебѣ быть ослушникомъ святой православной церкви, которая, какъ чадолюбивая мать, печется о спасеніи твоей души, стараясь сохранить тебя отъ похотѣнія плоти? Постъ полезенъ, какъ

для души, такъ и для тѣла, Если, иногда и очень часто врачи, желая возстановить здоровье больнаго, воспрещаютъ ему употребленіе вкусной и жирной пищи и больные покоряются сему человѣческому совѣту, то отчего не хотите покориться Богу, который для исцѣленія души, посредствомъ узаконенія святой церкви, желаетъ сохранить души ваши отъ похотѣнія и предписываетъ такія яства, которыя сохраняютъ душу и тѣло отъ вреднаго похотѣнія.“ Но это недовольные постомъ, не нашлись сказать ни одного слова.

„Отцы наши, безъ нашего вѣдома и сознанія ввели насъ въ эту вѣру,“ сказали нѣкоторые

„Отцамъ законъ не возбраняетъ вводить дѣтей своихъ въ ту вѣру, которую сами исповѣдаютъ,“ возразилъ архіепископъ, „поэтому они вполнѣ законно поступили, присоединивъ васъ къ той вѣрѣ, которую сами исповѣдаютъ. Да и гдѣ видно, чтобы родители, исповѣдывающіе одну вѣру, крестили дѣтей своихъ въ другую или отвергнутую или чуждую? И лютеране и народъ прочихъ исповѣданій — всегда воспитываютъ дѣтей своихъ въ той вѣрѣ, къ которой принадлежатъ сами. А еслибъ кто сдѣлалъ иначе, тотъ явно показывалъ бы или совершенное безвѣріе, или предпочтеніе той вѣры, которую самъ содержитъ. Вы жалуетесь на родителей, введшихъ васъ въ ту вѣру, къ которой принадлежите сами. Но я уже сказалъ, что они поступили законно и жаловаться на нихъ за это весьма грѣшно. Еслибы это такъ не было, то и мнѣ надобно бы роптать на своихъ родителей за то, что они меня крестили и воспитывали въ той вѣрѣ, къ которой принадлежали и къ которой, по милости Божіей, принадлежу я? Но я за это не сѣтую на своихъ родителей, но благословляю и благодарю ихъ.“

Иные въ толпѣ, возражали, говоря „Лютеранская вѣра наша старая вѣра, вѣра прадѣдовъ нашихъ, поэтому мы хотимъ назадъ.“,

Архіепископъ отвѣчалъ „Древняя вѣра прапрадѣдовъ вашихъ была вѣра языческая, но не та, въ которую вы обратиться желаете. Прапрадѣды ваши были язычники, потомъ сдѣлались католиками, потомъ лютеранами, потомъ православными и опять хотите сдѣлаться лютеранами; скажите на что это похоже? Прислушайтесь, какъ дико звучитъ даже и для уха такая мѣновая торговля вѣрою?“

Послѣ этихъ словъ водворилась совершенная тишина. Бесѣду свою въ лемзальской церкви, продолжавшуюся болѣе двухъ часовъ, утомленный архипастырь заключилъ слѣдующими словами „Нѣкоторые изъ жалобъ вашихъ основательны, и, какъ заслуживающія вниманія, подлежатъ удовлетворенію, но нѣкоторые жалобы не только не основательны, но и безнравственны, потому и не могутъ быть удовлетворены.“

Архипастырь, благословивъ народъ, вышелъ изъ лемзальской церкви, сопровождаемый духовенствомъ, чиновниками и народомъ,

толпившимся около маститаго архипастыря, и всякій старался принять отъ него особое благословеніе и облобызать его руку Были тысячи, желавшіе получить благословеніе и облобызать руку архипастыря, но чиновники, сострадая утомленному архипастырю, отстраняли назадъ.

Не только самъ архипастырь, но и духовенство, сослужившее ему, было сильно утомлено, а поэтому отдыхъ былъ необходимъ, но не воспользовался онымъ неутомимый архипастырь.

Едва ли юношескому возрасту возможно было такъ бодрствовать, какъ могъ бодрствовать сей старецъ, которому было уже тогда за шестьдесятъ пять лѣтъ. Отдохнувъ не болѣе часа, архіепископъ отправился для обозрѣнія уббенормской церкви, отстоящей отъ Лемзаля въ 12-ти верстахъ, пригласивъ и меня въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ сопутствовать ему, въ качествѣ переводчика при бесѣдѣ съ уббенормскими прихожанами. Не могу не передать письменно это приглашеніе архипастыря.

Прежде чѣмъ пригласить меня, архипастырь, какъ мнѣ сказывали, спросилъ вольмарскаго ордынгсрихтера, барона Криднера вѣрно ли передавалъ я лемзальскимъ прихожанамъ слова архипастыря и, получивъ отличную съ этой стороны рекомендацію барона Криднера, архипастырь, позвавъ меня, сказалъ „Вы очень хорошо говорите по латышски, и вѣрно передаете слова мои; поэтому, не желаете ли отправиться со мною въ качествѣ переводчика къ уббенормской церкви?“ Я отвѣчалъ „Высокопреосвященнѣйшій! вашему высокопреосвященству стоитъ только приказать и я готовъ повиноваться.“ Принявъ благословеніе, я съ лемзальскимъ священникомъ поспѣшилъ отправиться въ уббенормскую церковь, помѣщавшуюся въ крестьянскомъ дворѣ, позендорфской волости, подъ названіемъ Абелитъ. Приближаясь къ этому двору, мы издали увидѣли множество народа, а звонъ колоколовъ возвѣстилъ намъ, что и архипастырь приближается. Съ трудомъ пробравшись чрезъ толпу народа, мы вошли въ малую хижину, гдѣ помѣщалась убогая уббенормская церковь. Она, не большая, была биткомъ набита народомъ, въ дверяхъ оной стоялъ уббенормскій священникъ, въ полномъ облаченіи, держа св. крестъ, покоившійся на блюдѣ. Отъ непомѣрнаго зноя, какъ священникъ, такъ и народъ обливались потомъ. Не прошло и минуты, по прибытіи нашемъ, какъ показался высокопреосвященнѣйшій владыко. Приходскій уббенормскій священникъ, при встрѣчѣ, грустнымъ плачевнымъ голосомъ произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ, что враги православія окружаютъ церковь; что онъ уже не въ силахъ бороться съ врагами православія, ожидаетъ отъ мудрости архіепископа, какъ себѣ, такъ и прихожанамъ своимъ наставленія и защиты.

По совершеніи обычнаго молитвословія и многолѣтія, архіепископъ пригласилъ народъ выйти съ нимъ изъ крайне тѣснаго помѣщенія церкви, въ которой не только по совершенной тѣснотѣ, но

и потому что большая часть народа находилась внѣ церкви, было неудобно бесѣдовать. И здѣсь, какъ въ Лемзалѣ, были клики желанія отступничества. И здѣсь архипастырь увѣщевалъ около двухъ часовъ, подобно тому, какъ и въ Лемзалѣ. Едва только водворилась нѣкоторая тишина, какъ одинъ изъ народа, сказалъ мнѣ въ этой толпѣ находится диккельнскій лютеранскій пасторъ Нейкинъ (теперь покойный), который до прибытія архіепископа вблизь лежащемъ лѣсу и за заборами и строеніями научалъ юношей кричать предъ архіепископомъ объ увольненіи отъ православія. Тогда я, возвысивъ голосъ, сказалъ архіепископу: „Здѣсь, между православными, какъ сейчасъ сказали мнѣ, находится лютеранскій пасторъ, побуждающій къ отступничеству!“ При семъ нужно сказать, что я уже давно вполнѣ видѣлъ лютеранскаго пастыря Нейкина, стоящаго въ первомъ ряду съ непокрытою головою. Солнце палило сильно, потомъ обдавало всѣхъ; мы, по благословенію архипастыря, стояли съ покрытыми головами, но пасторъ Нейкинъ, во все это время, вмѣстѣ съ прочимъ народомъ, обливался потомъ, такъ что возбуждалъ къ себѣ нѣкоторое сожалѣніе. По докладѣ моемъ архипастырю о дѣйствіяхъ пастора, владыка обратился къ орднунгсрихтеру, а тотъ, слыша докладъ мой, сказанный гласно, бросился къ пастору и подвелъ его къ архипастырю. Пасторъ, какъ было замѣтно, съ большимъ смущеніемъ подошелъ къ архипастырю и, раскланиваясь, началъ извиняться, увѣряя, что онъ никого не возмущалъ къ отступничеству, что онъ проѣздомъ къ одному изъ своихъ пріятелей, замѣтивъ здѣсь необычайное стеченіе народа, примкнулъ къ оному и узнавъ отъ него о посѣщеніи архіепископа, желалъ также посмотрѣть и послушать его высокопреосвященство. Преосвященный весьма кротко подавъ руку пастору, сказалъ. „Такъ говорятъ о васъ!“ Пасторъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ. „Укажите мнѣ по имени тѣхъ, которые на меня это показываютъ?“ Я возразилъ пастору „Вы слышите, что говорятъ въ толпѣ, зачѣмъ же мнѣ по имени называть, я ихъ не знаю?“

Орднунгсрихтеръ угрожалъ наказаніемъ тѣхъ, которые указывали и объявляли пастора, но архіепископъ, услышавъ это, просилъ барона Криднера не стращать народъ наказаніемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ во имя Христа Спасителя, Князя мира, происходитъ бесѣда.

Когда пасторъ въ другой разъ приставалъ ко мнѣ съ вопросами, чтобы показать ему того человѣка, который обвиняетъ его въ развращеніи православныхъ, то я, въ свою очередь спросилъ его „Зачѣмъ вы пожаловали сюда? Восемнадцать лѣтъ не было слышно, чтобы лютеранскій пасторъ когда либо присутствовалъ въ церкви православной и находился бы въ собраніи православныхъ.“ Сказавъ это, я обратился къ архіепископу „Высокопреосвященнѣйшій владыко! Вы управляете всѣми православными церквами въ Лифляндіи и Курляндіи; случалось ли вамъ когда либо встрѣчать въ православныхъ

церквахъ и въ кругу прихожанъ своихъ лютеранскаго пастора, объяснившаго свое присутствіе такимъ показаніемъ, какое представляетъ г пасторъ Нейкинъ и въ такое грустное для православія время?“ Архіепископъ сказалъ, что ему не встрѣчалось такого случая и что это дѣйствительно можетъ показаться страннымъ. Пасторъ, не нашедши чѣмъ далѣе оправдать поступокъ свой, сказалъ „я пришелъ къ лютеранамъ; между православными здѣсь есть лютеране“, потомъ, обратясь къ архіепископу, предложившему ему покрыть голову, — въ учтивыхъ выраженіяхъ, приподнимая фуражку, извиняется. Архіепископъ кротко сказалъ ему „Я ничего не знаю, быть можетъ люди и несправедливо показываютъ, но вѣдь вы сами слышали, что говорятъ о васъ.“ Послѣ сихъ словъ пасторъ, раскланявшись съ архіепископомъ, удалился и не былъ видимъ между нами.

Уже вечерѣло. Архіепископъ вынужденнымъ нашелся прекратить бесѣду и, сказавъ тоже что въ Лемзалѣ, направился къ дому священника. Здѣсь были прослушаны архіепископомъ дѣти въ знаніи молитвъ и катихизиса, которыхъ архипастырь одарилъ книгами. При шествіи архіепископа къ дому священника, нѣкоторые останавливали его, прося уволить ихъ отъ православія. Грустно было смотрѣть на такія заявленія.

Архіепископъ, встрѣтивъ между прочимъ одного мальчика лѣтъ четырнадцати, весьма умильно смотрѣвшаго на него, приказалъ спросить мальчика къ какому вѣроисповѣданію принадлежитъ онъ и, узнавъ, что къ православному, спросилъ: развѣ онъ желаетъ перейти въ лютеранство? Мальчикъ, улыбаясь, отвѣчалъ утвердительно.

Мѣстный священникъ предложилъ архіепископу и всѣмъ бывшимъ при немъ обѣденный столъ. Садясь за трапезу, архіепископъ спросилъ насъ: „Обѣдаемъ ли мы такъ поздно?“ Мы отвѣчали отрицательно. „Послѣдуйте же моему примѣру въ неутомимой дѣятельности“, сказалъ владыка.

Въ продолженіе трапезы на дворѣ слышанъ былъ шумъ. Лемзальскій священникъ, пришедши въ комнату, просилъ архіепископа о распоряженіи къ удаленію дерзкой толпы, недающей покоя архипастырю трудящемуся въ теченіе цѣлаго дня. Архіепископъ просилъ орднунгсрихтера объ успокоеніи народа, зависящими отъ него мѣрами.

Баронъ Криднеръ, вышедши на дворъ, какъ разсказывали причетники, сказалъ толпѣ: „Дѣти! Успокойтесь и разойдитесь: архіепископъ не имѣетъ права освободить васъ отъ русской вѣры. Это можетъ сдѣлать только самъ государь; идите по домамъ и не производите напраснаго шума: развѣ вы не видите, что архіепископъ утомился и довольно бесѣдовалъ съ вами“ Народъ, какъ бы по мановенію, весь разобрался и остались только нѣкоторые немногіе, видимо

приверженные къ православію. Послѣ трапезы мы немедленно отправились въ Лемзаль.

Едва только взошло солнце, какъ архіепископъ уже проснулся и, позвавъ меня, предложилъ мнѣ сопутствовать его вмѣстѣ съ вольмарскимъ благочиннымъ въ мызу Альтъ-Залисъ. Прибывъ въ Альтъ-Залисъ, мы и тамъ встрѣтили тысячное стеченіе народа, ожидавшаго архіепископа. Спустя не болѣе часа прибылъ и архіепископъ. Послѣ обычной встрѣчи, совершенной мѣстнымъ священникомъ Декснисомъ, архіепископъ вывелъ народъ изъ церкви, въ которой далеко всѣмъ мѣста не было, и, ставъ въ тѣни подъ колокольней, началъ бесѣду свою съ залисской паствой. Но здѣсь далеко не было того волненія, поразившаго насъ въ Лемзалѣ и въ Абелѣ. Послѣ вопроса архіепископа: довольны ли прихожане своимъ священникомъ? и получивъ удовлетворительный отвѣтъ, бесѣда завязалась о постройкѣ церкви, которую большая часть прихожанъ просила построить за пять верстъ отъ настоящаго помѣщенія, гдѣ устроено кладбище меньшая же часть, на сторонѣ которой находился и мѣстный священникъ, просила построить церковь близь берега моря, около настоящаго, временнаго помѣщенія церкви. Архіепископъ рѣшилъ быть церкви на томъ мѣстѣ, котораго желаетъ большая часть прихожанъ. Иные просили помощи объ устройствѣ школы, и обѣщали сами свое пособіе. Когда архіепископъ изъявилъ согласіе исполнить это и спросилъ ихъ. не имѣютъ ли они какихъ либо жалобъ, относящихся къ духовнымъ потребностямъ, то они всѣ заявили свое полное удовольстіе, говоря: „какъ священникомъ, такъ и всѣмъ церковнымъ управленіемъ они довольны и благодарны“ Архіепископъ и здѣсь прослушалъ представленныхъ ему дѣтей, одаривъ ихъ книгами. Все было спокойно, но одинъ изъ прихожанъ заявилъ неудовольствіе на священника за то, что онъ безмездно не соглашался звонить по смерти одного изъ родственниковъ этого прихожанина. Узнавъ объ отмѣнѣ звона, производимаго по смерти (этотъ обычай заимствованъ отъ лютеранъ), архіепископъ изъявилъ свое сожалѣніе, что священникъ неудовлетворилъ просьбы прихожанина безмездно, сказавъ священнику: хотя и предписано взимать за этотъ звонъ нѣкоторую плату, но онъ лучше бы сдѣлалъ, еслибъ не только приказалъ позвонить безмездно, не прося отъ прихожанина 10-ти копѣекъ за производство звона, но и самъ бы подарилъ ему 50 к. Мы радовались, что въ Залиссѣ никто незаявлялъ отступничества и орднунгсгрихтеръ восхвалялъ за это предъ архіепископомъ мѣстнаго священника, выставляя его дѣятельность и усердіе къ службѣ. Но радость эта была нѣсколько помрачена, однимъ только неожиданнымъ случаемъ. Когда архіепископъ садился въ карету, одинъ пожилой прихожанинъ, остановя его просилъ, чтобы уволить его отъ православія въ лютеранство. Архіепископъ вкратцѣ объявилъ ему о невозможности исполнить это его

желаніе и отправился по пути въ Перновъ. По истеченіи мѣсяца, я встрѣтился съ архіепископомъ въ вольмарской церкви. Здѣсь предотвращены были клики отступничества тѣмъ, что архіепископъ въ бесѣдѣ своей съ народомъ, просилъ его. незаявлять ему никакихъ жалобъ, а слушать его спокойно. Но если кто либо имѣетъ какія основательныя жалобы или неудовольствія, тотъ пусть келейнымъ образомъ заявитъ ему въ квартирѣ священника.

И такъ, въ вольмарской церкви спокойствіе ни кѣмъ не нарушено, но едва только архіепископъ вступилъ въ домъ священника, какъ нѣсколько крестьянъ и крестьянскихъ дѣвокъ посягали просить объ увольненіи изъ православія въ лютеранство, но мы, не желая безпокоить архипастыря, не сообщали ему объ этомъ крайне непріятномъ для него заявленіи, а вольмарскій полицейскій вахмистръ, сочувствуя нашему неудовольствію, разгонялъ отступниковъ православія. Но вольмарскій орднунгсрихтеръ, замѣтивъ это, воспретилъ вахмистру и обратался къ архіепископу со слѣдующею просьбою. „Ваше высокопреосвященство позволили народу бесѣдовать келейно съ вами; здѣсь есть нѣсколько лицъ, желающихъ поговорить съ вами“ Когда я возразилъ, что эти лица желаютъ перехода въ лютеранство, на которое архіепископъ не соизволяетъ, то напрасно обезпокоить архипастыря. Но орднунгсрихтеръ, баронъ Криднеръ, настаивалъ, прося архипастыря выйдти, и сказать хотя нѣсколько словъ, хотя для того, чтобы исполнить свое обѣщаніе и лично увѣрить въ невозможности такого перехода. Со вздохомъ согласился архипастырь исполнить просьбу сего чиновника. Вышелъ, выслушалъ заявленіе отступниковъ и подтвердилъ невозможность исполнить ихъ просьбу Одинъ изъ сихъ отступниковъ въ ожесточеніи своемъ такъ выразился „Вы меня можете разрубить на кусочки, но я не хочу быть въ русской вѣрѣ“, хотя ничѣмъ не было дано повода сему крестьянину такъ выражаться предъ архипастыремъ, но видно было, что лицо это было подкуплено врагами православія. Когда архіепископъ удалился, а недовольные православіемъ, особенно дѣвки, еще желали говорить съ архипастыремъ, чтобы заявить ему разный вздоръ, недостойный слуха архипастыря, то достойный служитель полиціи, тотъ же вахмистръ, несмотря на присутствіе своего начальника, орднунгсрихтера Криднера, удалилъ, наконецъ, безсовѣстныхъ дѣвокъ изъ дома священника.

Этимъ я кончаю свое скудное описаніе обозрѣнія преосвященнѣйшимъ Платономъ нѣкоторыхъ церквей вольмарскаго благочинія, при которомъ я былъ очевидцемъ, и которое кажется мнѣ достойнымъ замѣчанія

Оканчивая объ этомъ запись мою, не могу не упомянуть того обстоятельства, что преосвященный Платонъ, по пріѣздѣ своемъ изъ Петербурга, изъявлялъ священникамъ особенное расположеніе, даже неслыханное въ обхожденіи прочихъ архіереевъ. При встрѣчѣ и

разставаніи съ нами, онъ, обнимая, цѣловалъ священниковъ троекратно въ ланиту Это произвело самое радостное впечатлѣніе· ободряло въ обхожденіи съ архипастыремъ, и внушало къ нему безпредѣльную преданность и еще большую прежняго любовь.

13. О перемѣщеніи архіепископа Платона изъ рижской въ донскую епархію.

17-го марта 1867 г., какъ сказываютъ, пришла телеграмма изъ Петербурга въ Ригу о перемѣщеніи архіепископа Платона изъ рижской въ донскую епархію. Эта вѣсть была столь внезапна, что ей никто не хотѣлъ вѣрить, но наконецъ, извѣстіе это офиціально подтвердилось. Сколько до меня и до моего прихода касается, то перемѣщеніе это непріятно поразило насъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время архипастырь оказывалъ особенную дѣятельность для своей паствы. Кромѣ знаменательнаго послѣдняго обозрѣнія имъ паствы въ 1864 г , его знаменитыя семь посланій къ православнымъ эстамъ и латышамъ, отпечатаннныя въ журналѣ ,,Странникъ'' за 1866 годъ на русскомъ языкѣ, и разошедшіяся въ нѣсколько тысячахъ экземплярахъ на латышскомъ и эстскомъ языкахъ, стяжали ему славу и уваженіе всей епархіи и народа, не только православнаго, но и иновѣрнаго. Но эти роковыя посланія, какъ говорятъ, были и причиною его перемѣщенія лютеранскому духовенству сильно не нравилось это сочиненіе, ходившее сколько между православными, столько и между иновѣрцами, и поэтому, какъ утверждаютъ, преосвященный перемѣщенъ.

Сильно любили и уважали его рижане. Это видно изъ того, что при разставаніи его высокопреосвященства съ рижскою паствою 9-го апрѣля 1867 г при которомъ, произнесенная архипастыремъ рѣчь въ рижскомъ петропавловскомъ соборѣ такъ потрясла великое множество слушателей, что вся церковь плакала на взрыдъ.

Вотъ эта рѣчь

,,Возлюбленные мои братія и чада!

Вамъ извѣстно, что по волѣ благочестивѣйшаго государя нашего, или лучше сказать, по распоряженію самого Господа, дѣйствующаго на землѣ чрезъ помазанниковъ своихъ, я переведенъ изъ здѣшней въ другую епархію. Нынѣ я совершилъ въ семъ храмѣ послѣднее служеніе мое и долженъ теперь разстаться съ вами, быть можетъ, на вѣки! ..

Болѣе 18-ти лѣтъ управлялъ я рижскою епархіею и, могу сказать по совѣсти, старался привесть ее въ надлежащее устройство. Сколько при этомъ имѣлъ я заботъ, трудовъ, разныхъ огорченій, считаю лишнимъ объяснять теперь. Но, къ сожалѣнію, мои заботы, труды не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, по извѣстнымъ обстоятельствамъ,

и я оставляю теперь рижскую епархію не въ томъ состояніи, въ какомъ хотѣлъ видѣть ее. Молю Господа, чтобы преемникъ мой, будущій архипастырь вашъ, былъ счастливѣе меня и успѣлъ достигнуть того, чего я желалъ для блага православной церкви и чадъ ея въ здѣшнемъ краѣ.

Во все время управленія моего рижскою епархіею, вы, братія, оказывали мнѣ любовь и послушаніе, а въ послѣднее время трогательно выразили сожалѣніе ваше о разлукѣ со мною, и теперь я вижу слезы, слышу рыданія ваши. Благодарю васъ, возлюбленные, за такую расположенность ко мнѣ; но скажу вамъ словами Спасителя не плачьте обо мнѣ. Почти 28 лѣтъ стоялъ я на стражѣ православія въ западномъ и прибалтійскомъ краяхъ, и во все это время находился въ нелегкой борьбѣ съ разнороднымъ иновѣріемъ; а теперь довольно устарѣлъ и силы мои стали ослабѣвать отъ лѣтъ и трудовъ. Поэтому бремя управленія такою епархіею, какъ рижская, и въ такомъ краѣ, какъ здѣшній, — сдѣлалось для меня тягостнымъ, я благодарю Бога и всемилостивѣйшаго государя нашего, что они сняли съ меня это бремя и посылаютъ на служеніе въ такую мирную и благорастворенную страну, въ которой могу найти отдыхъ и успокоеніе для утомленнаго моего духа. Не плачьте и о себѣ, разлучаясь со мною; но утѣшайте себя мыслію, что Господь пекущійся о святой своей церкви, пошлетъ вамъ вмѣсто меня такого архипастыря, который, можетъ быть, будетъ лучше меня и благопотребнѣе для васъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ рижской епархіи. И такъ, умѣрьте вашу скорбь о разлукѣ со мною и отпустите меня съ миромъ. Братія, я любилъ васъ искренно, отъ души желалъ добра и охотно дѣлалъ оное, по мѣрѣ средствъ моихъ. Не помню, чтобы я кому изъ васъ желалъ чего нибудь худаго, или намѣренно сдѣлалъ кому либо непріятность. Если же я неумышленно оскорбилъ кого словомъ, дѣломъ и мыслію, то смиренно прошу простить меня по христіански. А если кто изъ васъ, сверхъ чаянія моего, питаетъ непріязнь ко мнѣ, или сдѣлалъ что нибудь непріятное для меня, то я не только прощаю его, но и молю Господа отпустить ему такой грѣхъ.

Други мои, я не разъ внушалъ вамъ миръ и взаимную любовь: завѣщаю вамъ это и нынѣ при послѣдней моей бесѣдѣ съ вами. Любите другъ друга искренно, какъ Богъ заповѣдалъ; помогайте одинъ другому въ нуждахъ и не ссорьтесь между собою. Вы составляете въ здѣшней странѣ малое стадо, при томъ слабое во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому, живите между собою какъ можно дружнѣе, дѣйствуйте во всемъ единодушно, поддерживайте въ себѣ русскій духъ, будьте тверды въ православіи и старайтесь благоугождать Господу исполненіемъ святыхъ его заповѣдей. Это дастъ вамъ такую крѣпость и силу, что вы, при помощи Божіей, будете непобѣдимы противъ всѣхъ явныхъ и тайныхъ враговъ вашихъ.

А вы, сослужители мои, внимайте, по слову апостола, себѣ и всему стаду, въ которомъ Духъ святый поставилъ васъ блюстителями, пасти церковь Господа и Бога, которую онъ пріобрѣлъ себѣ кровію своею. Вы знаете, каковы обстоятельства пасомаго вами стада, знаете, какъ нужны вамъ нынѣ благоразуміе и бдительность, твердость духа и самоотверженіе; старайтесь же имѣть такія качества и будьте всегда дѣлателями непостыдными. Вы служили при мнѣ хорошо, я съ удовольствіемъ свидѣтельствую объ этомъ; а теперь, если можно, служите еще лучше, будьте еще внимательнѣе къ вашимъ паствамъ и всемѣрно старайтесь утвердить оныя въ святой нашей вѣрѣ, которой такъ неблагопріятствуютъ обстоятельства здѣшняго края и духъ нынѣшняго времени. Не унывайте, а тѣмъ паче не ослабѣвайте въ исполненіи священныхъ вашихъ обязанностей отъ тѣхъ непріятностей, съ которыми сопряжено ваше служеніе, но укрѣпляйте себя надеждою на помощь Божію и дѣйствуйте на поприщѣ вашемъ мужественно, какъ подобаетъ добрымъ воинамъ Христовымъ. Помните слова пастыреначальника нашего: претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ (Матѳ. 10, 28). Я желалъ бы, возлюбленные, продолжать настоящую бесѣду мою, чтобы продлить удовольствіе послѣдняго свиданія съ вами, но мое слово изнемогаетъ отъ избытка чувствъ, волнующихъ нынѣ мое сердце, и время моего отшествія отъ васъ настало. И такъ, простите!.. Помяните меня иногда въ вашихъ молитвахъ; а я никогда не забуду васъ и сохраню любовь мою къ вамъ не только до гроба, но возьму ее и во гробъ, предстану съ нею Отцу небесному и буду вѣчно молить Его о вашемъ спасеніи. И нынѣ взываю къ Нему изъ глубины сердца моего „Призри съ небесе, Боже, и виждь, и посѣти виноградъ сей, и утверди и, его же посади десница Твоя!“ Храни его, Господи, подъ кровомъ Твоимъ въ мирѣ и благоденствіи, озаряй и согрѣвай его лучами благодати Твоей; сотвори его плодоноснымъ на всякое дѣло благое; огради его Твоимъ промысломъ отъ всѣхъ золъ и напастей!

Прощайте, возлюбленные! Благословеніе Божіе да будетъ надъ вами всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ!

Платонъ, архіепископъ донской.

14. Наказанія Божіи, постигшія отступниковъ и враговъ православія.

Съ 1865 г., въ началѣ, начало появляться открытое отступничество отъ православія въ моемъ приходѣ.

Опишу здѣсь первый примѣръ наказанія Божія за отступничество отъ православія мызы Бреслау, двора Кисуль, православный крестьянинъ Маркъ Гутманъ, 41 года, женатый на лютеранкѣ, окрестилъ (прошлой) осенью 1865 г дитя свое въ лютеранство. Недѣли

за четыре предъ 1866 годомъ, въ одинъ изъ воскресныхъ дней, Маркъ Гутманъ съ 15-ю лѣтнею дочерью своею явились къ колбергскому священнику Гавріилу Смиречанскому для исповѣди и причащенія св. таинъ. Священникъ Смиречанскій началъ увѣщевать Гутмана, чтобы онъ присоединилъ къ православію свое дитя; но Гутманъ сталъ сердиться, бранить и того православнаго священника, который присоединялъ его самаго, называя всѣхъ вообще священниковъ ложными пророками и обманщиками. О. Смиречанскій привелъ Гутмана ко мнѣ, и просилъ выслушать ожесточеннаго. Но Гутманъ не переставалъ сердиться и кричалъ, называя лемзальскаго священника, который присоединилъ его къ православію, ложнымъ пророкомъ, будто бы обѣщавшимъ ему за принятіе православія землю, которой онъ тщетно ждалъ въ теченіе 20-ти лѣтъ, священники, говорилъ, всѣ ложные пророки, обманщики и проч., и онъ ни за что не отдастъ новородившееся свое дитя въ православіе; да и самъ бы немедленно перешелъ въ лютеранство, еслибъ то было возможно, и, наконецъ, требовалъ допустить его къ причастію.

Послѣ нѣкоторыхъ кроткихъ убѣжденій съ нашей стороны, мы сказали Гутману· если послѣ всего имъ сказаннаго совѣсть ему не претитъ принять св. тайнъ, то пусть пріобщиться. Но неистовствовавшій Гутманъ вмѣсто того, чтобы раскаяться и просить мира, сталъ еще болѣе шумѣть, говоря, что священники обманщики, что онъ никогда не придетъ въ православную церковь причащаться, да не позволитъ этого и дѣтямъ своимъ и не поведетъ ихъ въ православную школу. Вышедши на дворъ, въ присутствіи многихъ прихожанъ, Гутманъ, по показанію о. Смиречанскаго, не переставалъ изрыгать хулу на священниковъ, и съ тѣмъ удалился домой, не допустивъ къ причастію и своей дочери.

Въ первый день 1866 г является ко мнѣ мызы Бреслау, двора Кисуль, крестьянинъ Яковъ Гульбисъ,· съ требованіемъ, чтобы одинъ изъ насъ ѣхалъ съ нимъ для пріобщенія умирающаго Марка Гутмана. По извѣщеніи о томъ колбергскаго священника, готовившагося служить литургію, я немедленно отправился къ больному въ деревню Кисуль. Дорогой возница сказалъ мнѣ, что Гутманъ въ рождественскій сочельникъ, бывши здоровымъ и вышедши на дворъ, почувствовалъ, что его охватило какимъ то худымъ вѣтромъ, и вдругъ онъ такъ жестоко заболѣлъ, что вынужденными нашлись послать въ тотъ же день больнаго къ врачу, который нѣсколько облегчилъ его болѣзнь, но теперь, сказалъ проводникъ, Гутманъ отчаянно боленъ и едва ли будетъ живъ.

Пріѣхавъ въ деревню Кисуль и вошедши въ избу, я увидѣлъ потрясающее зрѣлище. Гутманъ лежалъ въ одной сорочкѣ на полу въ ужасныхъ мученіяхъ, стеная и кидаясь со стороны на сторону; животъ его и нижнія части распухли въ ужасающихъ размѣрахъ,

глаза страшно выкатились. Увидѣвъ меня, онъ жалобно застоналъ „батюшка! батюшка милый! (Zeenigs tehtiht! Zeenigs tehtiht mihlais!)“ сжальтесь надо мною, сжальтесь! Посмотрите на мой животъ, я ужасно страдаю.... думалъ, что и не дождусь васъ.“ Хочешь ли раскаяться въ грѣхахъ своихъ и пріобщиться св. таинъ? сказалъ я. Умирающій жалобно простоналъ „Хочу, хочу! Я тяжко согрѣшилъ противъ своей вѣры, предъ священниками. сжальтесъ надо мною!“

Хочешь ли хоть теперь то присоединить къ православію свое дитя, окрещенное въ лютеранство? сказалъ я, и раскаеваешься ли ты въ этомъ худомъ поступкѣ? — „Хочу,“ сказалъ умирающій, „и крѣпко сожалѣю, что такъ худо поступилъ!“ — Опасаясь, чтобы больной не умеръ безъ покаянія, я немедленно приступилъ къ совершенію таинства, пригласивъ домочадцевъ вмѣстѣ со мною усердно помолиться Богу о помилованіи Гутмана. Всѣ присутствовавшіе пали на колѣни и усердно читали за мною молитву Господню, символъ вѣры и псаломъ 50 По совершеніи таинства покаянія и по причащеніи Гутмана, я сказалъ ему „Возлюбленный по духу сынъ мой! Богъ не хочетъ смерти грѣшника, но желаетъ, чтобы всѣ спаслись и въ разумъ истины пришли. По этому Онъ не хотѣлъ, чтобы ты умеръ какъ нераскаянный великій грѣшникъ и какъ отступникъ, но благоволилъ, чтобы ты скончался истиннымъ христіаниномъ. Да благословитъ же душа твоя Господа, и вся внутренняя твоя имя святое Его. Не забудь тѣхъ благодѣяній, которыя даровалъ тебѣ Господь. Онъ, милосердый, простилъ тебѣ грѣхи твои, исцѣлилъ смертельныя раны души твоей, украсилъ тебя благодатію покаянія, вселился въ тебѣ посредствомъ св. причащенія.

Теперь, когда ты чистосердечно раскаялся, когда предъ тобою открываются врата небесныя, когда душа твоя готова предстать страшному суду Христову, скажи во услышаніе всѣхъ желаешь ли отъ всего сердца, чтобы младенецъ твой, окрещенный въ лютеранство. былъ присоединенъ къ православной вѣрѣ, къ которой принадлежишь ты? Умирающій сказалъ „Да!“ Слышите ли предсмертную волю умирающаго? сказалъ я окружающимъ онъ желаетъ, чтобы младенецъ его, окрещенный въ лютеранство, былъ присоединенъ къ православію. Домочадцы молчали, но жена его возразила „нѣтъ, нѣтъ! онъ бредитъ! я не дамъ, я не дамъ ни за что.“ „Жена!“ сказалъ я, „бойся Бога, чтобы Онъ не наказалъ и тебя. Вѣдь не ты ли предъ вступленіемъ въ бракъ съ нимъ обѣщалась крестить и воспитывать дѣтей своихъ въ православіи? Не ты ли дала въ томъ подписку, утвержденную собственноручнымъ поставленіемъ трехъ крестовъ? Чтожъ ты теперь дѣлаешь? Неогорчай послѣднихъ минутъ мужа своего; отпусти съ миромъ, готовящагося предстать страшному суду Христову; не воспрещай умереть ему какъ православному христіанину, твердому въ своей вѣрѣ; не повергай своего вѣнчаннаго друга въ адъ.

такъ какъ ему открываются врата блаженства вѣчнаго; сжалься надъ его бѣдной душой и дай ей отойти съ миромъ и увѣренностію, что младенецъ будетъ въ той вѣрѣ, въ исповѣданіи которой умираетъ его отецъ“. Жена успокоилась и ничего не отвѣчала. Тогда я сказалъ умирающему „Любезный Маркъ! теперь, когда ты предстаешь страшному суду Христову, когда тебѣ не надо бояться людей, но ждать отъ Господа Бога или помилованія, или осужденія, когда остается тебѣ въ послѣдній разъ избрать рай или адъ, скажи смѣло и чистосердечно, въ какой вѣрѣ должно остаться дитя твое? Ино жена и мать твоя лютеране не хотятъ слушать словъ твоихъ, считая тебя помѣшаннымъ.“ Умирающій твердымъ и громкимъ голосомъ произнесъ „пусть новорожденный останется въ русской вѣрѣ, въ которой прочія мои дѣти, и въ которой я умираю.“ На это я произнесъ въ себѣ „аминь,“ а предстоящимъ лютеранамъ громко сказалъ „слышите ли вы, что завѣщаетъ умирающій?“ — „Слышимъ,“ отвѣчали предстоящіе. „Ктожъ будетъ пропитывать младенца,“ сказала жена, „у меня вся родня лютеране. младенецъ, единственный сынъ мой, не будетъ заботиться обо мнѣ въ старости, не будетъ ходить со мною въ церковь (кирху!)“ — „Господь,“ сказалъ я, „покровитель и помощникъ всѣмъ сиротамъ; Онъ будетъ заботиться о тебѣ и о твоемъ сынѣ. Онъ, пропитывающій птицъ небесныхъ, пропитаетъ тебя и твоего младенца; а на первый разъ наше церковное попечительство дастъ пособіе для новорожденнаго. Мы будемъ заботиться о немъ.“ „Твой мужъ,“ сказали лютеране, „поступилъ какъ православный раскаявшійся христіанинъ, завѣщавая дитя той вѣрѣ, въ которой умираетъ. Еслибъ онъ иначе сдѣлалъ, то душа его погибла бы.“ „Возрадуемся же,“ сказалъ я, „со святыми ангелами, которые радуются о единомъ грѣшникѣ кающемся болѣе, нежели о девятидесяти праведникахъ, не требующихъ покаянія.“ Сказавъ это, я прежде осѣнилъ умирающаго крестнымъ знаменіемъ и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что какое то неземное спокойствіе осѣняло лицо его, прежде такъ страшное онъ лежалъ спокойно, ужь болѣе не метался, не стоналъ и не чувствовалъ тошноты. До моего же прибытія всѣ эти симптомы таинственной болѣзни страшно мучили его. „Буду со всею церковію молиться о тебѣ Господу Богу,“ сказалъ я умирающему, „и пришлю тебѣ сегодня заздравную просфору.“

Послѣ сего я съ миромъ оставилъ хижину, гдѣ совершилось такое поразительно чудесное происшествіе, которое никогда не изгладится изъ памяти моей, и поѣхалъ домой. На другой день, 2 января, я получилъ извѣстіе, что Маркъ Гутманъ скончался въ этотъ день въ три часа утра.

По поводу сего событія мною составлено было поученіе и произнесено въ церкви въ 6-й день января 1866 г., при многочисленномъ собраніи прихожанъ. При произнесеніи онаго слышны были

вздохи и слезы. Дай, Господи, чтобы урокъ сей не вышелъ скоро изъ памяти моихъ слушателей и принесъ плоды, достойные покаянія!

Но на этомъ еще не остановилось вразумленіе Божіе. Вотъ и еще примѣры наказанія Божія за отступничество отъ православія, постигшія нѣкоторыхъ изъ прихожанъ моихъ въ теченіе 1866, 1867 и 1868 годовъ.

Въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца 1867 г приходитъ ко мнѣ бывшій мой прихожанинъ, Егоръ Августиновъ Цельмсъ, проживавшій до апрѣля мѣсяца 1867 г въ теченіе десяти лѣтъ въ залисскомъ приходѣ, и объявляетъ о переходѣ своемъ во ввѣренный мнѣ эйхенангернскій приходъ.

При этомъ, Цельмсъ заявилъ мнѣ неохотно, но случайно, ибо онъ, какъ оказалось, намѣревался совратиться въ лютеранство, и скрыть даже принадлежность свою къ православію, что у него родился ребенокъ, котораго жена имѣла намѣреніе окрестить въ лютеранство. Хотя я и увѣщевалъ сего крестьянина крестить дитя свое въ православіе, представляя ему и то, что и жена его, Меланья Владимірова, принадлежитъ къ православію, но онъ, на всѣ мои посильныя убѣжденія, отвѣчалъ грубостями, свойственными отступникамъ православія, и остался непреклоннымъ, сваливая всю вину на жену свою. „Если жена твоя виновна въ намѣреніи окрестить дитя въ лютеранство, то Богъ накажетъ ее, буде она не обратится," сказалъ я послѣ продолжительныхъ убѣжденій, и просилъ его передать слышанное отъ меня женѣ его.

Чрезъ нѣсколько дней, тесть Цельмса, и онъ самъ являются ко мнѣ и объявляютъ, что жена Цельмса, Меланья Владимірова, 14-го іюля скончалась отъ кори, и что трупъ ея почернѣлъ такъ, что страшно было и взглянуть. „Вѣрно наказаніе Божіе постигло дочь мою," сказалъ отецъ ея, „за то, что она окрестила дитя свое въ лютеранство, презрѣвъ жалобы и просьбы ваши." На просьбу мою разсказать объ обстоятельствахъ крещенія младенца и смерти матери, отецъ ея, крестьянинъ Владиміръ Оасе разсказалъ мнѣ слѣдующее

„Дня за два предъ смертію, родила дочь моя младенца, котораго предопредѣлила окрестить въ лютеранство, приготовивъ предварительно все нужное для крещенія ризки, шапочку, срачицу и проч. Когда ребенокъ родился, онъ былъ окрещенъ по лютеранскому обряду Будучи отъ природы весьма крѣпкаго тѣлосложенія, Меланья Владимірова и послѣ родовъ была, по отношенію къ здоровью, въ самомъ благонадежномъ состояніи. Но лишь только совершилось окрещеніе младенца, она почувствовала себя дурно, и просила послать за своею матерью, но та не успѣла еще и прійдти къ ней, какъ она была уже мертва. Послѣ смерти появилась на тѣлѣ ея мелкая высыпка, и тѣло покрылось какъ бы черною корою, что и приписы-

вають крестьяне, — кори, извѣстныя симптомы которой, надъ умершей предварительно вовсе несуществовали, по показанію же самихъ домочадцевъ. Выслушавъ показаніе отца ея, Владиміра Оасе, и мужа Цельмса, я, по приличномъ внушеніи и убѣжденіи послѣдняго пребывать неуклонно въ православіи, присовокупилъ, что „Богъ поругаемъ не бываетъ.“

При погребеніи умершей Меланьи Оасе, совершенномъ 17-го іюля 1867 г., я сказалъ поученіе, въ которомъ, изображая поступокъ покойной и горестное послѣдствіе онаго, со всею христіанскою любовію испрашивалъ у Господа Бога оставленія всѣхъ грѣховъ усопшей вообще и грѣха окрещенія въ иновѣріе своего младенца, который былъ мною впослѣдствіи присоединенъ къ православію.

Вотъ и еще случай наказанія отступника отъ православія

Въ первыхъ числахъ декабря 1868 г., одинъ изъ родственниковъ коддіакскаго крестьянина Якова Ивана Калнина, 19 лѣтъ, принадлежавшаго къ православной церкви, объявилъ мнѣ, что упомянутый Калнинъ, 29-го ноября 1868 году, при сваливаніи въ лѣсу деревьевъ, внезапно убитъ деревомъ, такъ что при поднятіи его оказался безъ чувствъ и по прошествіи двухъ часовъ испустилъ духъ. Этотъ Яковъ Калнинъ еще въ 1865 г совратился въ лютеранство и, не внимая убѣжденіямъ къ возвращенію въ лоно православной церкви, остался непреклоннымъ.

Извѣстный прежде диккельнскій, потомъ уббенормскій лютеранскій пасторъ, Георгъ Нейкинъ, былъ однимъ изъ первыхъ подстрекателей православныхъ къ переходу въ лютеранство. Онъ, будучи пасторомъ въ Диккельнѣ, совратилъ въ лютеранство поголовно почти всѣхъ православныхъ уббенормскаго прихода, принадлежавшихъ къ волостями диккельнской, шуенъ-паленской и лапиерской.

Онъ, Нейкинъ, былъ одинъ изъ первыхъ пасторовъ, принимавшихъ православныхъ въ лютеранской киркѣ къ причастію; онъ первый началъ принимать православныхъ дѣтей на конфирмацію и въ школы; онъ первый началъ крестить дѣтей, родившихся отъ православныхъ родителей, въ лютеранство.

Такъ какъ другіе пасторы опасались сначала отторгать православныхъ отъ ихъ вѣры, то желавшіе перейти въ лютеранство изъ разныхъ православныхъ приходовъ, стекались къ пастору Нейкину, который исправлялъ для нихъ почти всѣ духовныя требы, именно крестилъ дѣтей, принималъ къ причастію и на конфирмацію, въ школы, воцерковлялъ младенцевъ и проч.

Многіе изъ эйхенангернскихъ прихожанъ совращены имъ въ лютеранство. Онъ, Нейкинъ, издавалъ года два еженедѣльный журналъ, называвшійся „Zeita Beebris.“ Этотъ журналъ былъ пропитанъ лютеранскою пропагандою; въ немъ появлялись статьи, побуждавшія даже къ мученичеству за лютеранство. Онъ, Нейкинъ, пер-

вый въ Лифляндіи учредилъ общество латышскаго пѣнія, цѣлію котораго было и есть расположить латышей къ братскому единодушію и любви къ исповѣданію ими лютеранской вѣры. По примѣру Нейкина, учреждались и учреждаются во многихъ лютеранскихъ приходовъ въ Лифляндіи, латышскія крестьянскія общества пѣнія.

Нейкинъ, 29-го іюня 1868 г., послѣ недѣльной болѣзни умеръ отъ горячки, и былъ погребенъ, при неслыханномъ стеченіи народа (около 15 тысячъ), въ уббенормскомъ лютеранскомъ приходѣ, куда онъ былъ переведенъ въ предшествовавшую весну, и гдѣ онъ распространялъ лютеранскую пропаганду

Мызы Царнау, двора Дрейманъ, крестьянинъ Мартинъ Дрейманъ, происходящій, какъ говорятъ, изъ русскаго племени, праотцы котораго были изъ бѣжавшихъ въ Лифляндію бѣлоруссовъ.

Этотъ Дрейманъ многихъ изъ православныхъ крестьянъ мызы Царнау, будучи самъ лютераниномъ, совращалъ въ лютеранство. Какъ человѣкъ состоятельный, имѣвшій собственную землю, и будучи засѣдателемъ въ приходскомъ судѣ, онъ пользовался не малымъ уваженіемъ крестьянъ царнауской волости. Другъ помѣщика и пастора, онъ успѣлъ почти всѣхъ служащихъ у него православныхъ совратить въ лютеранство, изъ которыхъ многіе приписываютъ ему свое совращеніе.

Этотъ Дрейманъ, осенью прошлаго 1868 г , везшій на саняхъ телѣгу, упалъ съ оной, отчего произошло у него воспаленіе въ мозгу и онъ, послѣ непродолжительной болѣзни, умеръ, будучи 45 лѣтъ отъ роду

Жена содержателя аллендорфской гостинницы (корчмы), Юлія Беккеръ, ревностная лютеранка — приняла къ себѣ на домъ, въ качествѣ воспитанницы дочь мельника, лютеранина, у которой была мать православная, и русская по происхожденію. Воспитанница эта, по имени Павла Петерманъ, которой теперь 20 лѣтъ отъ роду, была крещена и воспитываема въ православной вѣрѣ до 15-ти лѣтняго возраста.

Но съ этого времени она была взята въ корчму Юліею Беккеръ, и съ тѣхъ поръ уже не стала являться къ исполненію христіанскаго долга въ православную церковь. Послѣ того какъ дѣвица Петерманъ, по неоднократному приглашенію священника неявлялись къ нему, то онъ обратился къ содержательницѣ гостинницы Беккеръ, дабы узнать о причинѣ этой неявки дѣвицы Петерманъ. Юлія Беккеръ объявила ему, что дѣвица Петерманъ постоянно посѣщаетъ лютеранскую кирку, плѣняется лютеранскимъ пѣснопѣніемъ и желала бы остаться въ лютеранствѣ.

На представленіе священника о невозможности такого поступка и о тяжкомъ грѣхѣ, которому подвергается желающая отступить отъ православія, Юлія Беккеръ, съ запальчивостію стала оправдывать

дѣйствія Павлы Петерманъ, говоря „что отецъ ея нѣмецъ и она хорошо сдѣлаетъ, что хочетъ исповѣдывать религію нѣмцевъ — лютеранство, которое она лучше понимаетъ, нежели русскую вѣру, гдѣ и пѣніе и прочіе обряды ей не нравятся“ На возраженіе священника, что не въ пѣніи состоитъ ученіе православной церкви и проч., Юлія Беккеръ придала словамъ священника другой оборотъ — обидный для лютеранъ и начала защищать и восхвалять вѣру Лютера и объявила, что ей пріятно будетъ, если дѣвица Павла Петерманъ утвердится въ своемъ намѣреніи остаться лютеранкою, то она, Юлія Беккеръ, имѣетъ возможность покровительствовать ей во всѣхъ отношеніяхъ, какъ своей собственной дочери, тѣмъ болѣе, что она дочерей не имѣетъ. Священникъ, видя, что дальнѣйшій споръ ни къ чему доброму не поведетъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ удалился отъ нея.

Потомъ, послѣ нѣсколькихъ приглашеній, сдѣланныхъ посредствомъ мужа Юліи Беккеръ, священнику удалось пригласить къ себѣ дѣвицу Петерманъ, которая, явившись къ нему вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, выразила рѣшительное желаніе оставаться въ лютеранствѣ, ссылаясь на то, якобы такое отступленіе было дозволено правительствомъ. Какъ священникъ не старался всѣми кроткими мѣрами и убѣжденіями обратить заблуждающуюся, но все это осталось тщетнымъ. Не находя лучшихъ резоновъ къ оправданію своего отступничества, Павла Петерманъ, между прочилъ, говорила, что она не можетъ посѣщать православнаго богослуженія и потому что тамъ кадятъ ладономъ, запаху котораго не переноситъ ея голова. Впослѣдствіи Петерманъ была принята аллендорфскимъ лютеранскимъ пасторомъ на конфирмацію и пріобщена тѣмъ же пасторомъ.

О поступкѣ Петерманъ донесено въ свое время епархіальному начальству

Но вотъ и наказаніе Божіе не замедлило постигнуть совратительницу Юлію Беккеръ.

Весною 1869 года Юлія Беккеръ, ходя по совсѣмъ ровному полу своей комнаты, зацѣпилась одною, впрочемъ, больною ногою за какую то — самую легкую ничтожную вещь, упала, и, при этомъ переломила себѣ ногу Въ ужасныхъ страданіяхъ кричала она, при семъ случаѣ, и пролежала въ постелѣ, не трогаясь съ мѣста, болѣе полугода.

Теперь, хотя она и поправилась, но не можетъ ходить безъ помощи двухъ костылей.

Отступница Петерманъ еще и доселѣ не сознала грѣха своего и пребываетъ въ отступничествѣ. Одному Господу Богу извѣстно, что впереди ждетъ эту совращенную отъ православія дѣвицу

Мать этой дѣвицы, Дарья Петерманъ, за двѣ недѣли до своей

смерти, была у меня съ просьбою принять въ предстоящій великій постъ 1867 г на извѣстную въ краѣ семъ конфирмацію Павлу Петерманъ, на что я и согласился, но совращенная, какъ выше сказано, не исполнила желаніе матери и по сіе время.

И еще нѣсколько случаевъ Божія наказанія, подобно вышеписаннымъ, случалось въ моемъ приходѣ, но такъ какъ обстоятельствъ оныхъ хорошо не упомню, то и не передаю лѣтописи.

15. О пожарѣ отъ грозы, разразившейся надъ домомъ аллендорфскаго лютеранскаго школмейстера Мишке 15-го іюля 1867 г

15-го іюля 1867 г день былъ жаркій. Солнце ярко сіяло но мало по малу, небо покрылось облаками, тѣми облаками, при видѣ которыхъ становится на душѣ тяжело, грустно, страшно, и которыя, какъ бы по предчувствію, не предвѣщаютъ ничего хорошаго. Грустныя предчувствія наши въ самомъ дѣлѣ оправдались. Послышался громъ, и по мѣрѣ приближенія темноты, становился все слышнѣе и слышнѣе; наконецъ страшный громъ съ молніей разразился надъ нашею мѣстностью. Молнія съ такою силою сверкала, что была ослѣпительною. Громовые удары, слѣдовавшіе чуть ли не чрезъ каждые четверть минуты, сильно потрясали эйхенангернскій церковный домъ, находящійся въ полѣ и незащищенный ни съ одной стороны лѣсомъ. Вдругъ разразился ударъ, казалось намъ, надъ самымъ церковнымъ домомъ. Мы, въ паническомъ страхѣ, выбѣжали на дворъ, думая что горимъ. Но, къ счастію, Богъ насъ помиловалъ. Громовый ударъ разразился надъ домомъ лютеранскаго школмейстера, находящемся отъ насъ въ разстояніи около версты. Это происшествіе случилось въ половинѣ шестаго часа по полудни. Мы побѣжали тушить пожаръ, распространявшійся съ неимовѣрною быстротою, такъ что по прибытіи нашемъ на мѣсто пожара, вся крыша дома была объята пламенемъ и съ трудомъ можно было приблизиться къ нему на 2 сажени. Огонь жегъ съ какою то особенною силою. Спасать было невозможно, и изъ всего имущества лютеранскаго школмейстера Мишке спасена едва ли и 50-я часть.

Довольный обширный домъ лютеранскаго школмейстера сгорѣлъ до тла, въ продолженіи одного часа. Люди, сбѣжавшіеся на пожаръ, не имѣя человѣческой возможности тушить самый горѣвшій домъ, занимались только охраненіемъ надворныхъ строеній, находившихся вблизи горѣвшаго дома, что вполнѣ и удалось имъ.

Такимъ образомъ месть Божія исполнилась не надъ нашимъ домомъ (несмотря на то, что иновѣрцы, видѣвшіе за нѣсколько верстъ дымъ, по свидѣтельству многихъ православныхъ, съ какою то адскою злорадостію говорили „Вотъ, наконецъ, Богъ наказалъ русскихъ;

это горитъ русскій священникъ"), а надъ домомъ лютеранскаго школмейстера.

Благодаримъ Тебя Боже, Создатель нашъ, что пронесъ этотъ роковой ударъ, разразившійся не вдалекѣ отъ насъ...

16. О сильномъ неурожаѣ, постигшемъ край сей въ 1868 г., доходившій до голода.

Жаркое лѣто 1868 г., въ теченіе котораго, начиная съ мая до сентября мѣсяца не выпало ни одной капли дождя, причинило давно небывалый неурожай въ семъ краѣ, доходившій до голода.

Ни я, ни старожилы не упомнимъ такой засухи, какая была этимъ лѣтомъ. жары доходили до 35 градусовъ по Реомюру, въ продолженіе всего лѣта.

Солнце пекло почти каждый день и тѣмъ заявило (во преки мнѣнію многихъ астрономовъ увѣрявшихъ, что солнце начало охладѣвать), что оно во все не утратило своей теплоты; напротивъ оказало способность и жечь.

Въ началѣ мая мѣсяца еще луга были покрыты обильною, зеленою, свѣжею травою; въ началѣ іюня зелень начала оскудѣвать, а къ концу этаго мѣсяца, по мѣстамъ, на лугахъ показались голыя мѣста. Въ первыхъ числахъ іюля луга еще не скошенные не только казались скошенными, но представляли собою печальный видъ. Они похожи были на голую землю, красноватаго цвѣта такъ что, казалось, невозможнымъ и перстомъ ущипнуть траву, до того луга были голы. Только въ тѣни въ лѣсахъ и кустахъ можно было встрѣтить увядавшую зелень, въ мѣстахъ же открытыхъ, луга представляли какую то грустную пустыню. Все изъ растеній было или желто, или красно. Скудная рожь, созрѣвъ прежде времени, пожелтѣла, такъ что въ первыхъ числахъ іюля уже молотили хлѣбъ, который былъ бѣлымъ, тяжелымъ и споркимъ, но въ весьма маломъ количествѣ. Яровыя были рѣдки и весьма скудны; акаціи, листья на деревьяхъ въ іюлѣ мѣсяцѣ уже всѣ пожелтѣли и похожи были на тѣ, которые обыкновенно бываютъ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Обильная утренняя и вечерняя роса, бывающая обыкновенно въ іюлѣ мѣсяцѣ, вовсе не падала на землю, такъ что землю вполнѣ можно было назвать жаждущею.

Къ этому бѣдствію, въ половинѣ іюня, присовокупилась еще другая бѣда. начали горѣть лѣса, которые, не смотря на всѣ человѣческія усилія, распространяли пламя свое на огромныя пространства. Горѣли не только лѣса, но и болота и многія деревни, нескошенное сѣно въ мѣстахъ лѣсистыхъ. Тысячи народа стекались для тушенія лѣсовъ въ такую пору, когда народъ былъ занятъ другими полевыми работами. Лѣса, объятые пламенемъ представляли собою страшное и ужасающее зрѣлище, такъ что люди, въ безсиліи должны были боль-

шую часть лѣсовъ оставлять на жертву пламени, спасая только тотъ лѣсъ, котораго еще не успѣло обхватить пламенемъ. Они рубили просѣки, рыли канавы; въ этомъ и состояло спасеніе уцѣлѣвшихъ лѣсовъ, а что было застигнуто огнемъ, то сгорѣло. Воздухъ повсюду былъ наполненъ до того дымомъ, что солнце въ теченіе іюля и августа мѣсяцевъ, было омрачено такъ, что лучи онаго не отражались на землѣ.

Къ этому бѣдствію присоединился еще падежъ рогатаго скота и лошадей, изъ котораго не малое количество погибло отъ такъ называемой сибирской язвы. Для предотвращенія этой заразы, многіе дѣлали скоту своему заволоку и почти всѣ обливали скотъ свой по утрамъ и вечерамъ холодною водою. Удивительно еще то, какъ весь скотъ не сдѣлался жертвою засухи онъ буквально голодалъ, потому что въ полѣ почти ничего не было; онъ, кажется, питался засохшими листьями, чтобы не погибнуть отъ голода, потому что травы, какъ бы въ самую глубокую осень, нигдѣ не было видно.

Посѣвы и сѣнокосы, по скошеніи, производили самое грустное впечатлѣніе. Гдѣ, бывало, глазъ привыкъ видѣть нѣсколько стоговъ сѣна или нѣсколько копенъ разнаго хлѣба, тамъ изрѣдка, кое гдѣ, виднѣлся тощій стожекъ сѣна, или тощая копна какого либо хлѣба.

Къ концу сентября мѣсяца полевые работы совершенно кончились, съ полей все было убрано и въ ригахъ смолочено. Многіе не получили даже и сѣмянъ. Если кто получилъ самъ вторый или третій изъ посѣяннаго, та такой считалъ себя счастливѣйшимъ. Такъ какъ урожай 1867 г небылъ удовлетворительнымъ, то неурожай 1868 г., былъ еще тѣмъ гибельнѣе для многихъ. Многіе задолжали хлѣбомъ еще въ прошломъ 1867 г въ общественные магазины, расчитывая на отдачу въ 1868 г., но въ этомъ году, они были не въ состояніи не только уплатить старый долгъ, но имѣли нужду на пособіе изъ магазиновъ и въ настоящемъ 1868 г А въ самыхъ магазинахъ была недостаточная пропорція для выдачи нуждающимся. Правительство, предвидя въ будущемъ недостатокъ хлѣба, издало циркуляръ волостнымъ правленіямъ, требуя отъ нихъ увѣдомленія въ состояніи ли будутъ онѣ доставлять народу достаточное продовольствіе хлѣба изъ магазиновъ и имѣется ли достаточно корма для прокормленія скота. Счастливы были тѣ волости, старшины которыхъ показали всю правду, прося помощи у правительства; напротивъ пострадали тѣ волости, старшины которыхъ, по нерадѣнію ли то, по гордости, или по внушенію постороннему, или изъ боязни одолжиться отъ казны и впасть въ неоплатные долги, скрыли свои недостатки и нужды.

До Рождества Христова, народъ ввѣреннаго мнѣ прихода, состоящій большею частію изъ бобылей и работниковъ, кое какъ боролся еще съ недостатками, но начиная отъ Рождества Христова, нужда въ хлѣбѣ сдѣлалась всеобщая. Ежедневно прихожане мои и чужіе при-

ходили ко мнѣ съ просьбами, то за совѣтомъ, то за милостынею. Благодаря учрежденному мною за долго до сего времени церковному попечительству, я имѣлъ возможность посильно помогать голодающимъ, но помощь эта, при множествѣ нуждающихся, была мала и недостаточна. Въ кассѣ попечительства было около восьмидесяти рублей сер.; но что это значило для удовлетворенія насущной потребности цѣлой сотни семействъ?

Впрочемъ, каждому приходящему я болѣе или менѣе оказывалъ пособіе, раздавая изъ денегъ попечительства съ осмотрительною аккуратностію по не многу; иной получалъ до 3-хъ штофовъ крупъ, иной получалъ по нѣсколько фунтовъ печенаго хлѣба, иной по 20 фунтовъ муки; но при всей аккуратности попечительскія средства истощились. Такъ какъ средства попечительства, очевидно, не могли удовлетворить множеству нуждавшихся, то я писалъ формальныя бумаги въ волостныя правленія и въ приходскій судъ, ходатайствуя за нуждавшихся, прося дать имъ работы и хлѣба. Иныя волостныя правленія сначала уважали мои ходатайства, давали и работы и хлѣбъ, но наконецъ и ихъ средства истощились магазины были пусты и народъ былъ предоставленъ самому себѣ.

Тутъ то (это было въ февралѣ мѣсяцѣ), прихожане еще въ большемъ противъ прежняго количествѣ начали взывать о помощи. Ко мнѣ приходили старцы и молодые, жены и вдовы съ малолѣтними дѣтьми, прося куска хлѣба для утоленія голода, говоря, что они въ теченіе цѣлой недѣли не вкушали ничего мучнаго, питаясь то водою, то кореньями, то мякиною. Другіе говорили, что они уже все продали, что только можно было продать, и проѣли.

Я обращался опять съ просьбами то въ вольмарскій орднунгсгерихтъ, то къ приходскому судьѣ, которые отвѣчали, что сдѣлано волостнымъ старшинамъ предписаніе объ удовлетвореніи нуждающихся, но старшины, отказывая говорили „что имъ нечѣмъ помочь.“ Бѣдствіе было самое ужасное, и недалеко было погибнуть голодною смертію. Въ такомъ безнадежномъ положеніи изъ состраданія къ своимъ прихожанамъ, я обратился съ письмомъ къ достопочтенному о. инспектору рижской духовной семинаріи священнику Михаилу Михайловичу Дрекслеру, изложивъ въ ономъ бѣдственное положеніе прихожанъ и просилъ довести до свѣдѣнія епархіальнаго начальства, вовсе не подозрѣвая, что у этого почтеннаго мужа былъ другой источникъ помощи бѣдствующему народу Письмо это было мною послано съ пуйкельнскимъ крестьяниномъ Егоромъ Анситомъ, который, возвратясь назадъ, въ первый разъ объявилъ мнѣ, что на письмо мое, по старанію о. инспектора Дрекслера, онъ получилъ вспомоществованіе отъ рижскаго петропавловскаго братства. Отъ этого крестьянина узналъ я, что петропавловское братство оказываетъ сострадательно пособіе многимъ голодающимъ латышамъ. Пользуясь этимъ извѣстіемъ

и не имѣя въ рукахъ своихъ достаточныхъ средствъ къ утоленію голода нуждавшихся насущной пищи, я началъ выдавать являвшимся ко мнѣ воззванія, обращенныя ко всѣмъ сострадательнымъ людямъ, прося объ оказаніи помощи голодающимъ, посылая оныхъ въ городъ Ригу Но для того, чтобы было туда съ чѣмъ отправиться, я снабжалъ каждаго нужнымъ количествомъ денегъ или хлѣба на дорогу изъ скудныхъ средствъ попечительства.

И посланія эти увѣнчались полнымъ и неожиданнымъ успѣхомъ. Одинъ изъ посланныхъ такимъ образомъ, эйхенангернскій крестьянинъ и православный форминдеръ Яковъ Заламонъ, у котораго за долги помѣщикъ эйхенангернскій, графъ Сиверсъ, продалъ все имущество, получилъ отъ рижскаго петропавловскаго братства двадцать пять руб. сер. Многіе получили отъ сего братства по два, по три и болѣе рублей сер. на человѣка. Письмо мое, о которомъ говорено выше, о. инспекторомъ Дрекслеромъ было представлено братству въ чрезвычайномъ собраніи, и слѣдствіемъ этого было то, что братство въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1869 г., препроводило въ эйхенангернское попечительство для раздачи бѣднякамъ пятьдесятъ руб. сер. А въ маѣ сего же 1869 г., вслѣдствіе просьбы эйхенангернскаго попечительства, препроводило еще сорокъ руб. сер. Но благодѣянія братства не распространялись только на эйхенангернскій приходъ. оно благотворило и прочимъ православнымъ приходамъ рижской эпархіи. Такъ, мнѣ извѣстно, что въ лемзальскій приходъ для раздачи бѣднякамъ, братство выслало слишкомъ двѣсти шестьдесятъ рублей; въ уббенормскій шестьдесятъ рублей серебромъ.

И такъ, голодъ продолжался вплоть до молотьбы новаго хлѣба, которая воспослѣдовала, по случаю холоднаго и дождливаго лѣта, въ 1-хъ числахъ августа мѣсяца. Съ наступленіемъ весны сего лѣта, нуждающіеся стали рѣже обращаться за помощію ко мнѣ, потому что утоляли голодъ свой кореньями, лебедою и другими травами. И такъ пережили страдальцы бѣдственную осень 1868 г., зиму и весну 1869 г., которые останутся на долго, долго въ памяти здѣшнихъ жителей. Но благодареніе Богу, наказавшему насъ, но не предавшему ни единаго голодной смерти! Это я приписываю чудному промыслу Божію, недопустившему погибнуть бѣднымъ поселянамъ отъ голода и расположившему сердца добрыхъ и благотворительныхъ людей къ подаянію и помощи. Всюду были устроены благотворительные комитеты, которые предотвратили голодную смерть. Да и волостныя правленія такъ плохо расчитавшія запасы свои и не просившія доселѣ у правительства помощи, ускорили затратить всѣ волостные деньги на покупку хлѣба изъ г Риги. Цѣлыя вереницы возовъ съ хлѣбомъ тянулись изъ г Риги по всѣмъ направленіямъ нашей мѣстности, и когда денежныя средства волостей на покупку хлѣба истощились,

то нѣкоторые изъ нихъ, наконецъ, прибѣгли къ займу отъ правительства, на ссуду котораго еще было куплено хлѣба, какъ для продовольствія народа, такъ и для обсѣмененія полей въ предстоящую весну Мать наша Россія и въ особенности г Орелъ, изъ котораго доставлялся хлѣбъ въ Ригу по желѣзной дорогѣ, въ прошломъ году только что оконченной, спасли голодный остзейскій край въ прошломъ году отъ неминуемой смерти. Хотя въ Россіи рожь и стоила 1 р. 33 к. за пудъ, а въ приходѣ моемъ отъ 2 руб. до 2 руб. 20 к. за пудъ; но если бы не г Орелъ и Рига, то даже и зажиточные подверглись бы если не смерти отъ голода, то лишенію употребленія въ теченіе полугода мучной пищи. А бѣдняки, у которыхъ никакой не было пищи, буквально умерли бы съ голода.

17. Пятидѣсятилѣтній юбилей со времени освобожденія лифляндскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

По распоряженію епархіальнаго начальства, предписано было въ 25-й день марта сего 1869 г. праздновать по церквамъ пятидесятилѣтній юбилей освобожденія лифляндскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Празднованіе это по всей Лифляндіи происходило слѣдующимъ образомъ

По отслуженіи литургіи, былъ совершенъ торжественно благодарственный Господу Богу молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ съ провозглашеніемъ вѣчной памяти императору Александру I-му, освободившему латышей и эстовъ отъ крѣпостной зависимосги, и многолѣтія нынѣ благополучно царствующему государю императору Александру II и всему августѣйшему дому Предъ началомъ молебствія, мною произнесено было въ церкви весьма пространное и приличное случаю слово, гдѣ было показано какъ цѣль празднества, такъ и значеніе христіанской свободы; вмѣстѣ съ симъ въ яркихъ чертахъ было изложено бѣдственное состояніе рабства латышей, радость и благодѣтельное дѣйствіе той свободы, которою они наслаждались въ теченіе минувшаго пятидесятилѣтія, въ особенности же по водвореніи между ними православной вѣры. Слушатели были весьма внимательны къ моему слову, но на лицахъ ихъ, истощенныхъ голодомъ, нельзя было замѣтить особенной радости, потому что торжество юбилея совпало въ такую бѣдственную для нихъ годину — годину недостатка въ насущномъ хлѣбѣ. Они переживали трудное для себя время, а впереди не представлялось имъ, напуганнымъ неурожаемъ, никакой отрады.

Не въ однихъ православныхъ церквахъ праздновалось торжество юбилея — оно праздновалось, по преимуществу, и въ киркахъ

лютеранскихъ, ибо лютеране и мѣстныя ихъ власти были первые, которые провозгласили юбилей, который, по просьбѣ нѣкоторыхъ изъ прихожанъ моихъ былъ мною отпразднованъ еще до распоряженія епархіальнаго начальства, вмѣстѣ съ лютеранами во 2-й день марта сего года, потому что въ тотъ день за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ было возвѣщено манифестомъ объ освобожденіи крестьянъ.

Да и нельзя было не слѣдовать празднованію лютеранъ, потому что въ этотъ день именно, который былъ буднимъ, крестьяне мѣстными лютеранскими властями и помѣщиками были освобождены отъ работъ и нарядовъ.

Если бы мы, православные, вздумали торжествовать это событіе въ какой либо изъ другихъ будничъ дней, то, навѣрное, не успѣли бы въ этомъ, потому что народъ, занятый работами, не имѣлъ бы возможности посѣтить храмъ Божій.

Скромный праздникъ сей въ приходѣ моемъ ознаменованъ былъ благотвореніемъ нѣсколько изъ бѣдняковъ прихода были награждены по три штофа крупъ на человѣка.

Но лютеране этимъ не завершили еще торжество юбилея.

Пуйкельнскій помѣщикъ, покойный фонъ Клотъ, онъ же и церковный попечитель и приходскій судья, сдѣлалъ приглашеніе всѣмъ волостнымъ старшинамъ аллендорфскаго кирхшпиля, чтобы они объявили каждый въ своей волости о томъ, что перваго мая 1869 г., онъ, Клотъ, устраиваетъ на мызѣ своей Пуйкельнъ пиршество или балъ, къ которому приглашаетъ всѣхъ поселянъ и прочихъ лицъ, но съ тѣмъ, однакожъ, чтобы каждый, желающій участвовать на пиршествѣ изъ мущинъ внесъ по рублю, а изъ женщинъ по 50 к. Для сей цѣли г фонъ Клотъ снабдилъ старшинъ билетами, которые и было поручено продавать желающимъ участвовать на пиршествѣ. Не знаю, что побудило г фонъ Клота устраивать такое пиршество въ столь бѣдственное время, однако, несмотря на это болѣе зажиточные изъ поселянъ собрались 1-го мая не только изъ аллендорфскаго кирхшпиля, но и изъ сосѣднихъ кирхшпилей, на сей пресловутый юбилейный пиръ въ числѣ пятисотъ человѣкъ, чтобы имѣть честь пировать въ роскошныхъ залахъ помѣщика вмѣстѣ съ дворянами и ихъ семействами. Но это событіе не обошлось безъ нѣкоторой хитрости со стороны нѣкоторыхъ пронырливыхъ поселянъ. Говорятъ, что многіе изъ нихъ вовсе не запаслись билетами. Когда двери залъ были отперты для принятія гостей, тогда при общей тѣснотѣ, многіе вошли и безъ билетовъ. Толпа же, стоявшая на дворѣ, замѣтивъ, что ни отъ кого билетовъ не спрашиваютъ, подъ шумокъ такъ же вступила въ залъ, но какъ говорятъ, на всякій случай иные запаслись и

деньгами, такъ, еслибы потребовали билеты, то они намѣрены были вмѣсто оныхъ предъявить кредитный рублеваго достоинства. Помѣщикъ съ супругою своею весьма любезно встрѣчалъ гостей всякаго сословія безъ различія. Тутъ было и дворянство лифляндское, во время оно гордое и напыщенное, но теперь любезное и покладливое и крестьянство; словомъ, господа съ своими прежними рабами.

Хозяинъ съ хозяйкою весьма любезно подчивали гостей сигарами и приглашали къ общему столу Тутъ сидѣлъ баронъ рядомъ съ мужикомъ своимъ крестьяниномъ, помѣщица съ своей рабой-крестьянкой, фрейлина вмѣстѣ съ какимъ нибудь парнемъ-латышемъ, пятью пальцами вмѣсто вилокъ бравшимъ предлагаемыя яства, хотя въ столовыхъ приборахъ и не было недостатка. Но бѣда въ томъ, что импровизованный гость не умѣлъ воспользоваться лежащими на столѣ приборами. По окончаніи стола начались танцы, въ которыхъ участвовали дворяне вмѣстѣ съ крестьянами. Какой нибудь мужичекъ-хозяинъ на веселѣ аганжировалъ баронессу или ея дочку Баронъ въ свою очередь кружился съ крестьянкою. Словомъ, братство между латышами и нѣмцами вполнѣ возстановилось на семъ пиру Несмотря на то, что многіе пировали даромъ, помѣщикъ Клотъ съ немалымъ избыткомъ вознагражденъ за учрежденіе такого братскаго, неслыханнаго пиршества. Говорятъ, что отъ этого бала осталось у него въ кошелькѣ, если не болѣе, то и не менѣе 200 руб. Нельзя не упомянуть и о томъ, что какъ ни хитрили латыши, чтобы воспользоваться баломъ на даровщину, но поведеніе ихъ въ этомъ отношеніи не ускользнуло отъ вниманія скупѣйшей помѣщицы. Нашлись люди, которые доложили ея высокоблагородію, что многіе изъ пирующихъ не предъявили ни билетовъ, ни денегъ. Стѣсненная должно быть многолюдствомъ и разнохарактернымъ обществомъ, она оставила это дѣло безъ изслѣдованія, сказавъ только: „что мнѣ съ ними дѣлать; пусть ѣдятъ и пьютъ, когда имъ не стыдно.“ И въ самомъ дѣлѣ, что ей было дѣлать, при такомъ братскомъ единодушіи и искуственной гуманности: не спрашивать же стать денегъ у пирующихъ. Пиръ этотъ, какъ говорятъ, безъ дальнѣйшихъ приключеній окончился къ 10-ти часамъ вечера.

Несмотря, однакожъ, на политическій характеръ этого пира, на характеръ сближенія помѣщиковъ съ крестьянами, послѣдніе все-таки остались недовольны, говоря и пересуживая по своему· „Теперь притѣснители наши на время хотятъ задобрить насъ“, говорятъ крестьяне, но это только хитрость, которой намъ поддаваться не нужно.“ Другіе утверждали, что г Клотъ для собственной прибыли устроилъ балъ этотъ, отъ котораго попользовался хорошимъ кушемъ. Замѣчательно, что этотъ необыкновенный для Клодта балъ былъ первымъ и послѣднимъ въ его жизни. Спустя четыре мѣсяца, т. е.

въ сентябрѣ 1869 г., не стало и пуйкельнскаго помѣщика, аллендорфскаго церковнаго попечителя и приходскаго судьи Рейнгольда фонъ Клодта. Во вторникъ, 9-го сентября, рано утромъ Клодтъ внезапно скончался, какъ говорятъ, отъ удара.

Въ понедѣльникъ, 9-го числа, онъ, здоровый и веселый, пировалъ на крестинахъ у мѣстнаго доктора Вейбека. Съ понедѣльника на вторникъ онъ проводилъ за полночь въ нисьмѣ, но утромъ, почуствовавъ дурно, хотѣлъ было выйти изъ комнаты, но, упавъ у дверей оной, испустилъ духъ.

Этимъ оканчиваются записки отца Андрея Полякова. Въ скоромъ времени онъ былъ переведенъ священникомъ въ Буртнекъ, гдѣ опасно занемогъ. Не имѣя никакой возможности пользоваться въ деревнѣ совѣтами врачей, онъ прибылъ въ Ригу, и здѣсь въ началѣ 1876 г. умеръ.

Покойный Андрей Петровичь Поляковъ первоначальное воспитаніе получилъ въ Ригѣ, въ Екатерининскомъ училищѣ и потомъ въ частномъ пенсіонѣ. Молодымъ человѣкомъ онъ поступилъ прикащикомъ въ одинъ изъ здѣшнихъ русскихъ торговыхъ домовъ, и зная отлично латышскій языкъ сдѣлался извѣстнымъ преосвященному Филарету.

Воспоминанія

барона Владиміра Ивановича Левенштерна.

Отъ издателя.

Извѣстный авторъ исторіи польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 г. Фридрихъ Смитъ издалъ въ Лейпцигѣ въ 1858 г. книгу въ 2-хъ томахъ подъ заглавіемъ: Denkwürdigkeiten eines Livländers, aus den Jahren 1790—1815. Это воспоминанія генерала Левенштерна. Смитъ лично зналъ Левенштерна и одно время, именно въ 1818 г., служилъ подъ его начальствомъ. Когда корпусъ Воронцова выступалъ изъ Франціи — то для завѣдыванія русскими воинскими чинами во Франціи было учреждено особое депо, ввѣренное начальству полковника Левенштерна. Смитъ, состоявшій при главной квартирѣ корпуснаго командира графа Воронцова и опасно заболѣвшій при выступленіи нашихъ войскъ изъ Франціи въ ноябрѣ 1818 г., принужденъ былъ вмѣстѣ съ другими офицерами остаться при названномъ депо. Когда Смитъ оправился отъ болѣзни, Левенштернъ, человѣкъ весьма любезный, но нелюбившій заниматься письменными дѣлами, сдѣлалъ его правителемъ своей канцеляріи. Смитъ исправлялъ эту должность до того времени, когда депо лѣтомъ 1819 г. возвратилось въ Россію моремъ чрезъ Амстердамъ на 3-хъ корабляхъ и прибыло въ Ригу.

Упомянутую выше книгу Смитъ составилъ по дневнику, письмамъ и изустнымъ разсказамъ Левенштерна, который самъ въ 1850 г. пересмотрѣлъ ее, дополнялъ и исправлялъ.

Эти воспоминанія, говоритъ Смитъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ мемуарами того же самаго Левенштерна, которые онъ собственноручно написалъ на французскомъ языкѣ и передалъ на храненіе въ архивъ военнаго министерства (нынѣ записки эти хранятся, какъ слышно, въ императорской публичной библіотекѣ; онѣ не изданы и до сихъ поръ).

Баронъ Владиміръ Ивановичъ Левенштернъ, какъ изъ послужнаго списка его видно, въ службу вступилъ въ 1793 г. въ лейбъ-гвардіи семеновскій полкъ сержантомъ и находился безсмѣннымъ ординарцемъ при генералъ-аншефѣ графѣ Салтыковѣ. Въ декабрѣ 1794 г. переведенъ въ конную гвардію

вахмистромъ и 1-го января 1795 г. назначенъ ротмистромъ въ легкій кавалерійскій украинскій полкъ. Полкъ этотъ въ апрѣлѣ 1797 г. былъ переименованъ въ стародубовскій кирасирскій полкъ и 22-го января 1800 г. въ этомъ полку баронъ Левенштернъ былъ произведенъ въ маіоры. 13-го января 1802 г. онъ за болѣзнію былъ уволенъ отъ службы и снова поступилъ въ службу маіоромъ 29-го февраля 1812 г. Въ 1812 г. онъ находился старшимъ адъютантомъ при Барклаѣ де Толли, потомъ при князѣ Кутузова, а съ марта 1813 г. состоялъ при генералъ-отъ-кавалеріи баронѣ Винценгородѣ. 31-го августа 1813 г. онъ былъ произведенъ за отличіе въ подполковники и съ августа этаго года во весь 1814 г. состоялъ при генералъ-лейтенантѣ графѣ Воронцовѣ.

19-го мая 1815 г. онъ произведенъ въ полковники съ назначеніемъ въ ахтырскій гусарскій полкъ въ авангардѣ графа Ламберта. Замѣчательно, что баронъ Левенштернъ былъ, какъ значится въ послужномъ спискѣ, произведенъ въ подполковники за отличіе въ сраженіи подъ Бородинымъ, но это производство объявлено не было. Въ 1813 г. былъ произведенъ въ полковники и потомъ вторично произведенъ въ полковники же въ 1815 г.

Состоя на службѣ въ отдѣльномъ корпусѣ графа Воронцова въ 1815, 1816, 1817 и 1818 годахъ, баронъ Левенштернъ, по выступленіи корпуса Воронцова въ Россію, оставался по 15 апрѣля 1819 г. начальникомъ всѣхъ русскихъ войскъ, остававшихся во Франціи.

По возвращеніи въ Россію, баронъ Левенштернъ былъ уволенъ къ статскимъ дѣламъ 30-го апрѣля 1823 г. съ чиномъ дѣйств. ст. совѣтника, а 14-го сентября 1826 г. принятъ вновь въ военную службу полковникомъ съ назначеніемъ вторымъ комендантомъ въ г. Ревель. 6-го декабря 1826 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 3-й драгунской дивизіи. 19-го марта 1828 г. назначенъ бригаднымъ командиромъ 2-й бригады 3-й уланской дивизіи, былъ отчисленъ по кавалеріи 28-го мая 1834 г. и наконецъ 8-го января 1838 г. былъ уволенъ отъ службы съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья по 1800 руб. въ годъ.

Баронъ Левенштернъ умеръ въ Петербургѣ 21-го января 1858 г., на 82 году отъ роду, проведя послѣдніе 20 лѣтъ своей жизни въ отставкѣ. Левенштернъ пользовался въ Петербургѣ не малою извѣстностію, въ высшемъ кругу столицы былъ лицомъ довольно замѣтнымъ, и состоялъ въ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ съ бывшимъ государственнымъ канцлеромъ графомъ Нессельроде, княземъ Чернышевымъ, княземъ Воронцовымъ, графомъ Паленомъ, Ридигеромъ, Бергомъ и др.

Книга Смита состоитъ изъ 15-ти главъ и заключаетъ въ себѣ воспоминанія Левенштерна за время съ 1790 по 1815 годъ. Объяснительныя примѣчанія къ нимъ составлены переводчикомъ книги.

I.

1777—1796.

Рожденіе, воспитаніе, вступленіе въ службу.

Когда престарѣлый командоръ тевтонскаго рыцарскаго ордена (этотъ образъ близокъ сердцу ливонца) водворялся въ предоставленной ему палатѣ въ какой нибудь крѣпости ордена, передъ нимъ вѣроятно не разъ носились воспоминанія о тяжкой нуждѣ, о борьбѣ, о побѣдахъ и пораженіяхъ, которыя онъ перенесъ въ теченіи своей жизни, исполненной опасностей и воинскихъ подвиговъ.

Какъ жаль, подумаешь, что онъ не позвалъ лѣниво расхаживавшаго крѣпостнаго капеллана и не продиктовалъ ему нѣсколькихъ листовъ о своихъ похожденіяхъ. Съ какимъ удовольствіемъ читали бы наши современники разсказъ о тѣхъ древнихъ событіяхъ! Сожалѣя о незаписанныхъ и потому погибшихъ картинахъ, я наведенъ на мысль, что и я, такой же давно оставившій сѣдло всадникъ, могу поразсказать о многихъ славныхъ походахъ, о многихъ замѣчательныхъ событіяхъ, и набросать житейскіе очерки, на которые съ удовольствіемъ взглянутъ тогда, когда переживший все это будетъ покоиться въ послѣднемъ, узкомъ и темномъ жилищѣ. Почему же бы мнѣ и не разсказывать письменно капеллана мнѣ не нужно. Писарь будетъ содержать мои бумаги въ порядкѣ, и такъ вмѣсто сабли и пистолета я вооружаюсь перомъ — вѣдь и оно остро, и оно стальное.

Я родился въ 1777 году въ замкѣ Разикѣ, въ гарріенскомъ уѣздѣ Эстляндіи. Юность моя прошла не въ одиночествѣ. Меня окружали милые, дорогіе для меня братья и сестры; одни были старше, другіе моложе меня. Въ раннемъ дѣтствѣ и въ послѣдующіе годы я вспоминалъ ихъ образы съ горячей любовью и упомяну

о каждомъ изъ нихъ при дальнѣйшемъ ходѣ разсказа, какъ скоро случившееся происшествіе коснется кого либо изъ нихъ. Во главѣ всѣхъ этихъ воспоминаній передо мною является почтенный образъ моего отца. Германъ Людовикъ фрейгеръ (баронъ) фонъ Левенштернъ, будучи ландратомъ эстляндской губерніи (тогда еще называвшейся герцогствомъ) былъ также однимъ изъ наиболѣе уважаемымъ старшинъ по ея внутреннему управленію; какъ зажиточный помѣщикъ, онъ славился своимъ гостепріимствомъ у сосѣдей, и эстонцы, жившіе на его земляхъ, называли его кроткимъ господиномъ. Возлѣ него сіяетъ въ моей памяти дорогая мать, урожденная Сталь фонъ Гольштейнъ; ей обязанъ я ничѣмъ не замѣнимымъ счастіемъ свѣтлымъ воспоминаніемъ о ничѣмъ неомраченномъ дѣтствѣ, прожитомъ подъ ея нѣжными, исполненными любви заботами обо мнѣ.

Первоначально нашъ родъ поселился въ Лифляндіи, гдѣ еще остаются нѣкоторыя его отрасли до сихъ поръ. Съ древнихъ временъ Левенштерны принадлежатъ къ дворянству, а съ 1720 г пріобрѣли баронское достоинство. Въ Эстляндію переѣхалъ мой дѣдушка и получилъ въ наслѣдство помѣстья Разикъ, Кампенъ и Аллаферъ; онъ продалъ свои владѣнія въ Лифляндіи. Главное изображеніе нашего фамильнаго герба составляетъ красный левъ, стоящій на заднихъ лапахъ съ вытянутыми передними лапами надъ голубой поперечной балкой; вверху щита по обѣимъ сторонамъ изображены двѣ красныя звѣзды на серебряномъ полѣ. Остальное описаніе на четверо раздѣленнаго щита (изъ котораго я взялъ только средину и верхнюю часть), я предоставляю геральдическимъ изслѣдованіямъ; замѣчу только еще, что между прочими изображеніями герба находятся золотой серпъ мѣсяца въ красной поперечной балкѣ и золотой грифъ на голубомъ полѣ.

Воспитаніемъ моимъ руководили съ любовью и тщательностью. Съ благодарностью вспоминаю я о моемъ первомъ учителѣ въ отеческомъ домѣ; онъ своими наставленіями и развитіемъ моихъ умственныхъ способностей направилъ мои мысли такъ, что онѣ не всецѣло обратились къ саблѣ и коню, къ охотѣ, фехтованью и житейской суетѣ, гдѣ онѣ могли безплодно разсѣяться, но и къ высшимъ духовнымъ интересамъ, при чемъ мои мысли имѣли возможность соединиться въ одно цѣлое и окрѣпнуть. Этимъ наставникомъ и другомъ моей юности былъ магистръ Финдейзенъ, саксонецъ родомъ, который впослѣдствіи умеръ въ Дерптѣ, исполняя высшую школьную должность. Онъ оставилъ по себѣ память и какъ писатель [1]). Французскому языку и свѣтскому обращенію училъ меня, по общеприня-

[1]) Финдейзенъ написалъ и издалъ книгу: „Räsonnement über einige Maximen der alten Welt und ihren Einfluss auf die Denkungsart der Menschen der alten und neuen Zeit. — Riga, Hartknoch, 1777 г., 152 стр. in 8.

тому обычаю, легкомысленный и легко порхавшій, но впрочемъ очень образованный французъ, мосье Пурпье. Онъ впослѣдствіи сопровождалъ меня въ Петербургъ, въ качествѣ руководителя, а наконецъ получилъ мѣсто въ Дерптѣ.

Школьное образованіе свое я получилъ въ ревельской дворянской академіи [2]), въ которой въ то время состояло четыре профессора, четыре товарища ихъ и еще дополнительные учителя. Здѣсь учился я латинскому языку и древностямъ, всеобщей исторіи, географіи и геометріи, физикѣ и физіологіи и многому другому, а также верховой ѣздѣ и фехтованію. Отецъ мой, бывшій въ числѣ двѣнадцати дворянъ — попечителей названнаго учебнаго заведенія, не щадилъ издержекъ на мое образованіе. Изъ учебныхъ предметовъ я избралъ преимущественно тѣ, которые считалъ нужными для военнаго дѣла и кромѣ того съ любовью предался такъ называемымъ изящнымъ наукамъ. Я строилъ планы для своей будущности, составлявшіе совершенную противоположность такъ называемой жизни за печкой.

На тринадцатомъ году отъ роду я случайно былъ очевидцемъ морскаго сраженія, происходившаго у Ревеля 14-го мая 1790 года [3]),

---

[2]) Учебное заведеніе, о которомъ упоминаетъ здѣсь Левенштернъ, есть нынѣшнее эстляндское дворянское домское училище: Оно основано въ 1319 г. въ Ревелѣ и получило названіе школы св. Маріи или домской (соборной) школы — Schola cathedralis Revaliensis. Въ 1768 г. эта школа была преобразована и названа дворянскою академіею, при ней состоялъ пансіонъ. Съ 1819 г. она называется эстляндскою дворянскою домскою школою и подчинена вѣдомству дерптскаго учебнаго округа. Въ настоящее время школа эта есть не что иное какъ семиклассная классическая гимназія; содержаніе ея обходится въ годъ 17,900 руб., изъ которыхъ 13,475 р. вноситъ эстляндское дворянство, а остальное доплачиваетъ министерство народнаго просвѣщенія.

[3]) Морское сраженіе на ревельскомъ рейдѣ происходило 2 (13) мая 1790 г. Кампанія 1789 г. на Балтійскомъ морѣ противъ шведовъ кончилась полнымъ торжествомъ нашего флота. На зиму главная часть флота нашего отправилась въ Кронштатъ, а въ Ревелѣ, по тѣснотѣ, были оставлены зимовать 10 кораблей, 5 фрегатовъ и 14 мелкихъ судовъ. Раннею весною 1790 г. эти суда были вооружены и выведены на рейдъ, состоя подъ главнымъ начальствомъ адмирала В. Я. Чичагова. Шведы рѣшились атаковать эту эскадру и 2 (13) мая флотъ ихъ, состоявшій изъ 20 кораблей, 6 фрегатовъ и 6 мелкихъ судовъ, приблизился къ ревельскому рейду. Сраженіе началось въ 10 часовъ утра и продолжалось до 3 ч. по полудни. Свѣжій порывистый вѣтеръ, будучи попутнымъ шведамъ, быстро подвигалъ ихъ мимо предметовъ пальбы, а это давало перевѣсъ дѣйствію нашей артиллеріи. Шведскій корабль „Густавъ III“, бывшій подъ флагомъ генералъ-адмирала герцога Зюдерманландскаго (брата короля), потерпѣлъ такія поврежденія, что долженъ былъ спустить флагъ и бросить якорь у восточнаго крыла нашей линіи, куда его принесло вѣтромъ. Къ 3 ч. по полудни шведскіе корабли начали отступать отъ ревельскаго рейда сѣвернымъ проходомъ между островами Наргеномъ и Вульфомъ, откуда и входили. При этомъ отступленіи одинъ 60-ти пушечный шведскій корабль сѣлъ на рифъ острова Вульфа и какъ не было никакой возможности его снять, то въ слѣдующую ночь шведы его сожгли. Шведы потеряли такимъ образомъ 2 корабля: одинъ сожженный на мели, а другой, сдавшійся намъ съ 455 чел. экипажа. Участвовавшіе въ сраженіи шведскіе корабли потерпѣли большія поврежденія въ рангоутѣ и парусахъ. Мы сдѣлали 13,063 выстрѣла по непріятелю

въ которомъ шведы потеряли два линейныхъ корабля; изъ нихъ одинъ взлетѣлъ на воздухъ. Ужасная, въ особенности же величественная сторона этого зрѣлища заставила содрогнуться мое юное сердце. Съ тѣхъ поръ я часто думалъ о сраженіяхъ и питалъ жаркое желаніе опять видѣть битву Это желаніе впослѣдствіи осуществилось съ избыткомъ. Чего мы желаемъ въ юности, того достаточно имѣемъ въ зрѣломъ возрастѣ.

На семнадцатомъ году отъ роду я былъ стройнымъ, высокорослымъ молодцомъ, недурнымъ собою. Начали думать о приготовленіи меня къ военной службѣ, которую, по тогдашнему обычаю, начинали возможно ранѣе. Я долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ подъ надлежащимъ и достойнымъ надзоромъ, гдѣ мнѣ надлежало пройти первую воинскую службу до производства въ офицеры возможно скорѣе и съ наибольшей пользой. Приготовленія эти были сдѣланы и мнѣ предстояла разлука съ мѣстами, бывшими свидѣтелями моихъ дѣтскихъ игръ. Я вспоминаю объ этомъ времени не безъ боли въ сердцѣ.

Предъ моими взорами носится и предметъ моей юношеской любви, какъ одно изъ послѣднихъ воспоминаній жизни въ отеческомъ домѣ. Стройная блондинка — дѣвушка, дочь одного изъ служащихъ чиновниковъ по хозяйству въ Разикѣ, только нѣсколькими мѣсяцами моложе меня, разбудила въ моей младенчески спокойной груди невѣдомое до того чувство. Она носила зеленый корсетикъ, плотно прилегавшій къ ея нѣжной фигуркѣ, и всегда одинъ и тотъ же самый зеленый корсетикъ, потому что у нея не было другаго. Какъ милъ сдѣлался для меня съ тѣхъ поръ зеленый цвѣтъ! Я мало по малу и самъ превратился въ зеленаго чижа охотничій кафтанъ, перевязь охотничьей сумки, фуражка — все было зеленое, и скажу метафоры ради — и мысли у меня были также зеленыя. По дорогамъ и тропинкамъ слѣдилъ я сквозь зеленый лѣсъ за прекрасной дѣвушкой или видалъ ее черезъ заборъ, сидящею на дворикѣ своего отца. Разсказанныя мною приготовленія оторвали меня отъ всего этого. Я разстался съ Каей (такъ звали на эстонскомъ звучномъ языкѣ милую дѣвушку, это сокращеніе имени Катерины) и унесъ рану въ сердцѣ и зеленый цвѣтъ въ памяти. Какъ часто говаривалъ я потомъ, когда служебный мундиръ покрывалъ и часто давилъ мои худые, молодые плечи „Бодрѣе, вѣдь это цвѣтъ Каи!“ и въ теченіе многихъ лѣтъ, на утомительныхъ переходахъ, на сыромъ, холодномъ бивуакѣ, улыбаясь говорилъ я про себя, глядя на роковой свой мундиръ „Это цвѣтъ Каи!“

и понесли сравнительно ничтожную потерю: 8 чел. убитыми и 27 чел. ранеными. Адмиралъ Чичаговъ за сраженіе подъ Ревелемъ получилъ орденъ св. Андрея и 2000 душъ крестьянъ.

Въ Петербургъ я отправился въ 1793 г., подъ покровительство моего достойнаго и благороднаго дяди, генерала Христофора Бенкендорфа, отца впослѣдствіи извѣстныхъ братьевъ графовъ Александра и Константина Бенкендорфовъ и княгини Ливенъ, умершей въ 1857 году [4]).

Вслѣдствіе мѣръ, принятымъ еще въ Ревелѣ, я былъ принятъ сержантомъ въ лейбъ-гвардіи семеновскій полкъ и по этому, по нашемъ прибытіи, генералъ Бенкендорфъ представилъ меня, какъ своего подчиненнаго, шефу этого полка, графу Николаю Салтыкову [5]). Графъ обошелся со мною ласково и принялъ меня въ свои ординарцы, отличіе, которымъ я обязанъ ходатайству моего добраго дяди. Кромѣ меня при графѣ состояли ординарцами только трое сержантовъ. князь Мещерскій и двое молодыхъ графовъ Толстыхъ. Въ его домѣ мы заняли почти такое же самое положеніе, какое занимали въ давно прошедшія времена благородные пажи у могущественныхъ феодальныхъ господъ въ отношеніяхъ домашнемъ, придворномъ и военномъ. Не

---

[4]) Софья Ивановна Бенкендорфъ, урожденная Левенштернъ, была супругою генералъ-поручика и оберъ-коменданта въ Ревелѣ. Она состояла при малолѣтнихъ великихъ князьяхъ Александрѣ и Константинѣ Павловичахъ въ качествѣ воспитательницы до самой своей смерти, послѣдовавшей въ сентябрѣ 1783 г. Сынъ ея, Христіанъ Ивановичъ Бенкендорфъ, вступилъ въ бракъ съ Анною Юліаною Шилингъ фонъ Канштатъ, родомъ изъ Виртемберга, и воспитывавшеюся вмѣстѣ съ принцессою Виртембергскою, впослѣдствіи императрицею Маріею Ѳеодоровною. У нихъ было четверо дѣтей:

а) Александръ Христофоровичъ (родился въ 1783 г., умеръ 11 сент. 1844)— прапорщикъ и флигель-адъютантъ Павла въ 1798 г.; генералъ маіоръ за блистательную атаку 27 іюня 1812 г. при Велижѣ; командиръ различныхъ летучихъ отрядовъ въ 1813 и 1814 г.; генералъ адъютантъ съ 1819 г., генералъ-лейтенантъ въ 1821 г.; съ 1826 г. шефъ жандармовъ; въ 1829 г. генералъ отъ кавалеріи, а съ 1832 г. графъ Россійской имперіи.

б) Константинъ Христофоровичъ (род. въ 1785 г., умеръ въ августѣ 1828 г.)— юнкеръ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ 1805 г. камеръ-юнкеръ двора; въ 1812 г. маіоръ кавалеріи; въ 1814 г. генералъ-маіоръ; въ 1850 г. чрезвычайный посланникъ при Виртембергскомъ дворѣ; въ 1826 г. за персидскую войну генералъ-адъютантъ и генералъ-лейтенантъ; въ 1828 г. начальникъ летучаго отряда въ Балканахъ.

в) Дарья Христофоровна (род. въ 1789 г., умерла 10 іюня 1823 г.) была въ замужествѣ за Христофоромъ Андреевичемъ Ливеномъ (генералъ-адъютантъ, свѣтлѣйшій князь, род. 1777 г., умеръ 29 декабря 1838 г.)

г) Марія Христофоровна была въ замужествѣ за генераломъ Шевичемъ.

[5]) Николай Ивановичъ Салтыковъ, род. 31 октября 1736 г., былъ сынъ генералъ-аншефа внучатаго племянника императрицы Анны Іоановны. Въ 1770 г., въ чинѣ генералъ-аншефа, онъ былъ назначенъ вице-президентомъ военной коллегіи съ состояніемъ при наслѣдникѣ цесаревичѣ. По смерти госпожи Бенкендорфъ въ 1783 г., ему было поручено воспитаніе великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Въ этой должности онъ пробылъ, впрочемъ, не болѣе года. Въ 1790 г. Салтыковъ былъ возведенъ въ графское достоинство, 8 ноября 1796 г. произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы; въ 1812 г. былъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта, а 30 августа 1814 г. возведенъ въ княжеское достоинство. Онъ умеръ 16 мая 1816 г. Современники говорили о немъ какъ о человѣкѣ очень умномъ и свѣдущемъ и очень набожномъ.

былъ ли напримѣръ Валленштейнъ такимъ пажемъ при маркграфѣ Бургаускомъ?

Графиня Наталья Владиміровна Салтыкова [6]) была на дружеской ногѣ съ моей теткой, генеральшей Бенкендорфъ; это обстоятельство благопріятствовало мнѣ тѣмъ, что она сдѣлалась и моей благодѣтельницей она во многихъ случаяхъ принимала мою сторону Это не избавляло меня, однако, отъ ея случайныхъ капризовъ, которыхъ у нея водилось множество, и которыми она нѣкоторымъ образомъ прославилась въ столицѣ. Къ ней напримѣръ никто не смѣлъ приближаться, если помадилъ волоса душистой помадой, не смѣлъ также садиться тринадцатымъ за столъ, за которымъ находилась она, иначе этотъ человѣкъ подвергался опасности быть изгнаннымъ ею при ужасной вспышкѣ гнѣва. Если же особа, распространявшая запахъ milefleurs или составлявшая несчастное число тринадцать, имѣла такой вѣсъ, что ей приходилось подчиняться, то она сама выходила изъ за стола или изъ комнаты, выказывая ясные признаки своего негодованія. Со мною случилось и то и другое, то есть, я былъ высланъ изъ комнаты за то, что помазалъ волоса геліотроповой помадой, и потому что сѣлъ тринадцатымъ за ея столъ, будучи моложе всѣхъ.

Мои служебныя отношенія при особѣ графа Салтыкова повлекли за собою то обстоятельство, что я долженъ былъ сопровождать его ко двору, когда тамъ бывали большія собранія и празднества. Такимъ образомъ я мало по малу познакомился, по крайней мѣрѣ по виду, съ высокопоставленными лицами. Звѣздой первой величины, далеко затмѣвая собою всѣ прочія, блисталъ тогда князь Платонъ Зубовъ. Около него сбирались звѣзды меньшихъ величинъ и составляли созвѣздіе. Но были между ними и такія, которыя, не обращая вниманія на главную звѣзду, хотѣли итти своими собственными путями.

Такія лица извѣстны были у насъ, молодыхъ людей, которые въ своихъ уголкахъ могли себѣ позволить какую нибудь шалость, подъ названіемъ непудренныхъ; названіе же это явилось по слѣдующему поводу.

Присутствовать у князя въ то время какъ онъ вставалъ и одѣвался считалось особенною милостью и отличіемъ. Князь же, какъ министръ Кауницъ, приказывалъ пудрить себя съ такою расточительностью пудры, что ею наполнялась вся комната, при чемъ онъ самъ,

---

[6]) Николай Ивановичь Салтыковъ былъ женатъ на дочери рижскаго губернатора, князя Владиміра Петровича Долгорукова, Натальѣ Владиміровнѣ, родившейся въ 1737 г. Бракъ ихъ совершился въ 1762 г. Княгиня Наталья Владиміровна была пожалована въ дѣйствительные статсъ-дамы 2 сентября 1793 г. и умерла 7 сент. 1812 г. Современники ея разсказывали, что она была женщина очень умная, подобно мужу, очень набожная, но была очень скупа и своенравна. При дворѣ боялись ее за острый языкъ и за откровенность, съ которою она высказывала рѣзкія истины.

конечно, оставался въ пудермантелѣ. Пудра, разумѣется, падала на окружающихъ, которые уже были въ парадныхъ мундирахъ. И когда пудра вслѣдствіе этого оставляла бѣлую пыль на груди и на плечахъ, то это не считалось неряшествомъ, а служило доказательствомъ, что только что находились въ ближайшихъ сношеніяхъ съ княземъ, и стремящіеся вверхъ души сильно имъ завидовали.

Къ числу придворныхъ лицъ, которыхъ я тогда видѣлъ и которыхъ наилучше помню, принадлежитъ баронъ (впослѣдствіи графъ) Ферзенъ [7]). Онъ имѣлъ прощальную аудіенцію у императрицы Екатерины и отправлялся въ походъ противъ поляковъ, которыхъ ему посчастливилось лишить ихъ великаго диктатора Косцюшки. Онъ зналъ меня еще дома мальчикомъ и предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. „Тамъ ты можешь помадиться какъ тебѣ угодно, сказалъ онъ, за пороховымъ дымомъ этого не будетъ замѣтно, а отъ пуль и сабель вѣдь ты предохраненъ.“ Но когда объ этомъ стали разсуждать обстоятельнѣе, то противъ этого проекта въ особенности возстала графиня Салтыкова. „Неужели, сказала она, вы хотите проливать такую молодую кровь? Этого я не допушу, не допуститъ и г-жа Бенкендорфъ.“

Дѣло не состоялось, и вѣроятно къ лучшему для меня, потому что война скоро окончилась.

Я долженъ тутъ объяснить слова Ферзена, сказавшаго, что я предохраненъ отъ пуль и сабельныхъ ударовъ. Это находится въ связи со слѣдующимъ происшествіемъ.

Когда я уже совсѣмъ приготовился къ военной службы и былъ уже экипированъ, моя добрая, нѣжная мать хотѣла, по материнскому обычаю, не только снабдить меня запасными узелками и мѣшечками, но и предохранить меня отъ всякой опасности. Кто поставитъ это въ укоръ материнскому сердцу? Она была достойная женщина, вовсе не суевѣрная и весьма набожная, что уже само по себѣ не допускаетъ никакой вѣры въ колдовство. Однако, въ виду опасности, которая могла угрожать любимому и столь юному еще сыну, и которую, можетъ быть, возможно было устранить невиннымъ, ни для кого невреднымъ средствомъ, почему бы не сдѣлать попытку?

Одна изъ крестьянокъ слыла искуствомъ лечить раны, а также и предохранять отъ нихъ; говорили, что она не одного изъ новобран-

---

[7]) Баронъ Иванъ Евстафьевичъ Ферзенъ былъ родомъ изъ лифляндскихъ дворянъ. Въ 1790 г., въ чинѣ генералъ-маіора, онъ находился въ Финляндіи и способствовалъ побѣдѣ Чичачова надъ шведскимъ флотомъ, за что и былъ произведенъ въ генералъ-поручики. За дѣйствія въ Польшѣ въ 1792 г. былъ возведенъ въ графское достоинство; въ 1794 г. при Мацѣіовицахъ взялъ въ плѣнъ Косцюшку и потомъ учавствовалъ въ знаменитомъ штурмѣ Праги. Съ 24 декабря 1797 по 14 января 1798 г. былъ директоромъ 1-го кадетскаго корпуса; въ этомъ году былъ произведенъ въ генералъ отъ инфантеріи, но вскорѣ былъ отставленъ отъ службы и умеръ въ лифляндскомъ своемъ помѣстьѣ.

цевъ поила чудеснымъ напиткомъ, послѣ котораго онъ никогда не былъ раненъ. Старуху привели къ намъ, она для меня сварила питье, которое я смѣло, по ея предписанію, выпилъ изъ ружейнаго ствола. Волшебница сказала мнѣ еще. „Ты счастливо побѣдишь двадцать пять народовъ и будешь владычествовать надъ двумя.“ Мать, добродушная и довольная, наградила ее щедро.

На этотъ-то случай и намекалъ Ферзенъ, услышавши о немъ, вѣроятно, отъ моихъ родныхъ или отъ генерала Бенкендорфа, въ шутливомъ разговорѣ.

Замѣчательно, что, въ теченіе всей моей жизни, подвергаясь безчисленнымъ случаямъ быть убитымъ или искалѣченнымъ пулями, я былъ легко раненъ четыре раза, но при этихъ ранахъ ни пуля, ни сабля не повредили ни одной изъ моихъ костей. Когда простой солдатъ ветеранъ, вначалѣ своей бурной жизни, подобно мнѣ, выпилъ чудесный напитокъ изъ ружейнаго ствола и, по окончаніи всѣхъ воинскихъ подвиговъ сохранился цѣлымъ также счастливо какъ и я, то что мудренаго, если онъ рекомендуетъ новобранцу какъ весьма искусную помощницу въ бѣдѣ свою старую знакомую колдунью, или ея преемницу? Послѣ этого отступленія, я возвращаюсь къ своей жизни въ Петербургѣ.

Я занималъ въ Малой Морской хорошенькую квартиру съ четырьмя земляками Паленомъ, Будбергомъ и двумя братьями Гельфрейхами [8]); хозяйство у насъ было общее. Отъ служебныхъ обязанностей у насъ оставалось довольно времени для посѣщенія театра, для осмотра достопримѣчательностей столицы, а иногда мы занимались и науками. Отъ игры и волокитства я удалялся, за то, проведя въ отсутствіи изъ дому нѣсколько мѣсяцевъ, я почувствовалъ дѣтское желаніе увидѣть снова родительскій домъ. Я получилъ отпускъ и въ Троицынъ день прибылъ въ Разикъ. Отца не было дома, но меня встрѣтили мать и сестры. Онѣ нашли, что я выросъ и что мундиръ идетъ ко мнѣ какъ нельзя лучше. Какъ счастливо провелъ сержантъ эти четыре мѣсяца, хотя службу предъ тѣмъ несъ не тяжелую.

1-го октября 1794 г я прибылъ обратно въ Петербургъ и снова началъ свою сержантскую службу, которая, однако, продолжалась не долго. Наканунѣ новаго года я получилъ радостное извѣстіе, что меня перевели вахмистромъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ со

---

[8]) Будбергъ былъ впослѣдствіи генералъ-лейтенантомъ и начальникомъ 3-й кавалерійской дивизіи. Онъ умеръ въ 1829 г. въ Турціи. Блестящая атака его съ кирасирскимъ его величества полкомъ (и уланскимъ татарскимъ) подъ Кульмомъ 18 августа 1813 г. способствовала окончательному пораженію, нанесенному Вандаму.

Младшій Гельфрейхъ впослѣдствіи былъ генералъ-лейтенантомъ и командиромъ 1 армейскаго корпуса.

О какомъ Паленѣ упоминаетъ здѣсь Левенштернъ неизвѣстно.

старшинствомъ восьми лѣтъ; затѣмъ въ самый новый годъ, день раздачи милостей, я былъ переведенъ въ армію ротмистромъ, и назначенъ въ украинскій легко-конный полкъ[9]). Подобныя назначенія были вовсе не рѣдки въ тѣ времена, но онѣ составляли всегда родъ милости, которою я обязанъ моей безподобной тетушкѣ, госпожѣ Бенкендорфъ. Что за радость была! Мой новый мундиръ былъ приготовленъ столь быстро, что вечеромъ 1-го января я могъ уже явиться на придворный балъ. Здѣсь я удостоился чести быть представленнымъ императрицѣ Екатеринѣ и допущенъ къ ея рукѣ. Государыня снисходительно сказала мнѣ нѣсколько обычныхъ поздравительныхъ словъ, и мнѣ казалось, что я посвященъ въ рыцари. Я пробылъ въ Петербургѣ лишь два мѣсяца, обмундировался, на что отецъ доставилъ мнѣ средства, и отправился къ полку, который въ это время стоялъ въ окрестностяхъ Варшавы и входилъ въ составъ арміи фельдмаршала Суворова. Я направилъ свой путь на Ревель, чтобы повидаться съ родителями и сестрами, и въ особенности, чтобы послѣднія могли полюбоваться моею новою, кавалерійскою формою[10]). Это и случилось, но при этомъ у сестеръ были слезы на глазахъ. Я нашелъ свою бѣдную сестру Елену на одрѣ болѣзни и присутствовалъ при ея кончинѣ. Она была замужемъ всего 13 мѣсяцевъ и умерла на 19-мъ году жизни, вслѣдствіе несчастныхъ родовъ.

Глубоко поразила меня эта неожиданная и прискорбная потеря и при мрачномъ настроеніи духа, въ которое я впалъ, для меня было счастіемъ, что обязанность и служба, бросивъ меня на легкую, почтовую телѣжку, влекли меня въ даль, къ разсѣянію.

По прибытіи въ Ригу, я явился генералу Палену[11]), быв-

---

[9]) Легко-конные полки въ русской арміи были сформированы Потемкинымъ въ 1783 и 1784 годахъ изъ полковъ Екатеринославской и Украинской конницъ. Изъ Украинской конницы, состоявшей изъ гусарскихъ полковъ Ахтырскаго, Харьковскаго, Изюмскаго Острогожскаго, Сумскаго и Украинскаго, были учреждены легко-конные полки тѣхъ же наименованій. Легко-конные полки былъ любимый родъ войска князя Потемкина. Императоръ Павелъ, вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ, упразднилъ ихъ: одни изъ легко-конныхъ полковъ были расформированы, а другіе преобразованы въ кирасирскіе, драгунскіе и гусарскіе.

[10]) Легко-конные полки были одѣты въ синія куртки и шаравары, съ кожаною внизу обшивкою, въ родѣ крагъ; на головѣ носили легкія поярковыя каски, какъ и въ прочей арміи, и были вооружены легкими карабинами, саблями и пистолетами.

[11]) Это тотъ самый Петръ Алексѣевичъ (Петръ Людвигъ) Паленъ, который въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Павла игралъ весьма видную роль, будучи петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, первоприсутствующимъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и главнымъ директоромъ почтъ. Онъ родился 17 іюня 1754 г. и при переворотѣ 1762 г. находился бомбардиръ-сержантомъ; за штурмъ Очакова (6 дек. 1788 г.) получилъ Георгія 3 степени. Въ это время онъ былъ уже генералъ-маіоромъ. Въ 1791 г. онъ былъ назначенъ рижскимъ губернаторомъ (гражданскимъ) и генералъ-губернаторъ (намѣстникъ въ то время рижскій и ревельскій) графъ Ю. Ю. Броунь въ предсмертномъ письмѣ къ импера-

шему въ то время губернаторомъ этого города. Будучи сильно привязанъ къ своимъ эстляндскимъ родственникамъ, онъ ласково принялъ меня и далъ мнѣ рекомендательное письмо къ князю Репнину[12]) и письма къ своимъ обоимъ сыновьямъ. Съ подобнымъ подкрѣпленіемъ прибылъ я въ Гродно, гдѣ нашелъ себѣ доброжелателей и друзей. Оба Палена, служившіе въ штабѣ князя Репнина, приняли меня любезно къ себѣ на квартиру и дали мнѣ возможность видѣть жизнь въ Гроднѣ среди высшихъ круговъ общества.

Король Станиславъ жилъ въ это время въ Гроднѣ какъ бы подъ арестомъ. Русскіе офицеры, между которыми по преимуществу оба Палена, Павелъ и Петръ, составили какъ бы королевскій maison

---

трицѣ отъ 11 сентября 1792 г. рекомендовалъ Палена вниманію ея: „Трудолюбіе и расторопность, писалъ Броунъ, съ коими высочайше опредѣленный рижскимъ губернаторомъ генералъ-маіоръ фонъ деръ Паленъ отправляетъ свою должность, побуждаютъ меня всеподданнѣйше донести вашему императорскому величеству, что государственный интересъ, желаемое правосудіе и предписанный порядокъ въ дѣлахъ наблюдается имъ въ точности, и онъ имѣетъ единственнымъ предметомъ, дабы служеніе его согласовалось съ высочайшею в. и. в—а довѣренностію и благоговѣніемъ, въ чемъ онъ, усердствуя, показалъ уже довольные опыты“

По смерти (18 сент. 1792 г.) графа Броуна, генералъ-губернаторомъ и намѣстникомъ рижскимъ и ревельскимъ былъ назначенъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣтъ былъ генералъ-губернаторомъ и литовскимъ, потому чаще проживалъ въ Вильнѣ и Гроднѣ, чѣмъ въ Ригѣ. За его отсутствіемъ управленіе намѣстничествомъ лежало на Паленѣ. Онъ принималъ самое дѣятельное и рѣшительное участіе въ присоединеніи Курляндіи и въ апрѣлѣ 1795 г., въ чинѣ генералъ-поручика, былъ назначенъ курляндскимъ губернаторомъ; за присоединеніе же Курляндіи получилъ александровскую ленту и богатое помѣстье въ этой губерніи Экау. Въ февралѣ 1797 г, за парадную встрѣчу князя Платона Зубова въ Митавѣ, былъ выключенъ изъ службы, но въ ноябрѣ того же года былъ принятъ въ службу вновь и назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка. 31 марта 1798 г. былъ произведенъ въ генералъ-отъ-кавалеріи, 28 іюля того же года назначенъ петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, пожалованъ орденомъ св. Андрея, а 7 ноября 1798 г. возведенъ въ графское достоинство. 26 сентября 1800 г. Паленъ былъ назначенъ лифляндскимъ генералъ-губернаторомъ, но въ Ригу не пріѣзжалъ, оставаясь въ Петербургѣ въ должности военнаго губернатора. Послѣ отставки Ростопчина 20 февраля 1801 г. онъ занялъ его мѣсто. 29 марта 1801 г. онъ былъ посланъ въ Ревель для принятія мѣръ противъ ожидавшейся высадки англійскаго флота, 30 марта былъ назначенъ членомъ новоучрежденнаго совѣта для разсмотрѣнія важныхъ государственныхъ дѣлъ, 17 іюня 1801 г. былъ уволенъ, по прошенію, отъ всѣхъ дѣлъ, удалился въ Экау, гдѣ и умеръ 13 февраля 1826 года.

Графъ Петръ Алексѣевичъ Паленъ былъ женатъ на баронессѣ Юліанѣ Ивановнѣ Шенингъ (род. въ 1753 г. умер. въ Митавѣ 1 марта 1814 г., въ статсъ-дамы была пожалована 17 апрѣля 1799 г.); у нихъ были три дочери и пять сыновей. Изъ сыновей Палена въ нашей военной исторіи извѣстны: графъ Павелъ Петровичъ, род. 7 іюля 1775 года, ум. 9 февраля 1834 г. въ чинѣ генералъ-отъ-кавалеріи и графъ Петръ Петровичъ (род. въ 1778 г., ум. 19 апрѣля 1864 г.), генералъ инспекторъ всей кавалеріи и кавалеръ всѣхъ россійскихъ орденовъ.

[12]) Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, литовскій и прибалтійскій генералъ-губернаторъ, жилъ въ это время въ Гроднѣ. О тогдашней гродненской жизни его см. статью де Пуле, въ 4-й книжкѣ „XVIII вѣка“, стр. 97—206.

militaire Они брали меня съ собою въ королевскій дворецъ, гдѣ развѣнчанный монархъ, полный покорности судьбѣ, проживалъ не безъ блеска и не безъ достоинства, ожидая что принесетъ съ собою будущее. Жилось тутъ — по крайней мѣрѣ жилось лицамъ, составлявшимъ maison militaire — вообще не дурно, а какое мнѣ было дѣло до запутавшагося въ несчастіяхъ потомка Владислава Локетка! Рядомъ съ королемъ жилъ съ царскою пышностью князь Репнинъ. Два раза въ недѣлю онъ давалъ блестящіе балы. Прекрасныя польки не безъ охоты являлись на эти балы, гдѣ на гладкомъ паркетѣ, бросая вокругъ жгучіе взгляды, могли одерживать побѣды надъ побѣдителями, побѣдившими въ полѣ ихъ мужей и братьевъ. Меня и это мало интересовало. Я щеголялъ своимъ рейтарскимъ мундиромъ и примѣчалъ только, не останавливается ли чей прекрасный взоръ на немъ и на моихъ пробивавшихся усикахъ.

Двѣ недѣли прошло такимъ образомъ, и затѣмъ я долженъ былъ отправиться на нѣсколько миль далѣе, въ Бѣлостокъ, гдѣ находился штабъ моего полка. Въ то время этимъ (украинскимъ легкоконнымъ) полкомъ командовалъ полковникъ Анрепъ [13]), и судьба не могла послать мнѣ достойнѣйшаго и благороднѣйшаго начальника. Мнѣ предстояло изучить прежде всего службу, чтобы изъ сверхкомплектнаго офицера, какимъ я былъ, сдѣлаться занимающимъ дѣйствительно свое мѣсто офицеромъ. Анрепъ помогъ мнѣ въ этомъ наукой и примѣромъ, а мало оживленное мѣсто, въ которомъ мы стояли, способствовало моимъ усерднымъ стараніямъ. Я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю о Бѣлостокѣ. то былъ мой военный университетскій городъ, въ которомъ я жарко слѣдилъ за наставленіями моего рыцарскаго учителя — Анрепа. Кромѣ его въ Бѣлостокѣ въ то время находились и другіе офицеры, впослѣдствіи достигшіе высокихъ постовъ; я пользовался ихъ участіемъ и благосклонностью, и могу ихъ также считать своими наставниками по военному искуству и кавалерійской службѣ, такъ что я смѣло могу назвать время своего пребыванія въ Бѣлостокѣ своимъ университетскимъ годомъ, хотя пробылъ тамъ не полныхъ двѣнадцать мѣсяцевъ. Назову достойныя и отчасти знаменитыя имена графа Витгенштейна, Мантейфеля, Курселя [14]). Они всѣ со снисхожденіемъ дарили изъ богатой сокровищ-

---

[13]) Романъ Карловичъ Анрепъ род. въ 1757 г., въ 1781 г. вступилъ въ службу изъ придворныхъ камеръ-пажей въ лейбъ-гвардіи Измаиловскій полкъ поручикомъ. Въ 1790 г. былъ произведенъ въ полковники, а въ 1795 г. въ бригадиры. Во все царствованіе Павла Анрепъ былъ въ отставкѣ; въ 1804 г. принятъ снова въ службу генералъ-маіоромъ съ назначеніемъ начальникомъ дивизіи въ войскахъ, занимавшихъ тогда Іоническіе острова. Въ сраженіи при Морунгенѣ (13 янв. 1807 г.) Анрепъ былъ убитъ. Онъ въ это время былъ начальникомъ дивизіи въ войскахъ Бенигсена и генералъ-лейтенантомъ.

[14]) Знаменитый впослѣдствіи Виттенштейнъ служилъ въ это время подполковни-

ницы своего опыта новоиспеченнаго капитана указаніями, наставленіями, которыя могли ему принести пользу

Полкъ получилъ приказъ стать лагеремъ по Нареву, между Бѣльскомъ и Плоскимъ, для каковой цѣли мы соединились въ одинъ отрядъ съ Кіевскимъ конно-егерскимъ полкомъ, которымъ командовалъ полковникъ Зассъ, съ Фанагорійскимъ гренадерскимъ полкомъ, командуемымъ полковникомъ Жеребцовымъ и съ однимъ казачьимъ полкомъ. Весь отрядъ находился подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Морица Ласси [15]). Нашъ лагерь посѣщалъ изъ Варшавы герой дня Суворовъ, и я помню удивительное, электрическое дѣйствіе, какое производило на солдатъ простое пребываніе его въ лагерѣ.

Во время одного изъ утомительныхъ ученій [16]), происходившихъ при этихъ смотрахъ войскъ, я подвергся несчастному случаю, не будучи еще достаточно закаленъ въ силахъ.

комъ; Мантейфель былъ убитъ въ 1813 г. подъ Лейпцигомъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта; Курсель вышелъ въ отставку полковникомъ.

[15]) Андрей Павловичъ Зассъ, лифляндскій дворянинъ, родился около 1762 г. Былъ записанъ въ службу въ дѣтскомъ возрастѣ въ 1768 г. въ Преображенскій полкъ, въ 1779 году онъ былъ уже подполковникомъ арміи. Въ 1797 г. былъ произведенъ въ генералъ маіоры; турецкая война 1809—10 была блистательнѣйшимъ періодомъ въ жизни Засса. Въ 1811 г. онъ былъ уволенъ въ отпускъ, а въ 1814 г. и вовсе отъ службы. Время и мѣсто его кончины неизвѣстны.

Полковникъ Жеребцовъ, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, былъ убитъ въ голландской экспедиціи.

Борисъ (Морицъ) Петровичъ Ласси, близкій родственникъ извѣстнаго нашего фельдмаршала графа Петра Петровича Ласси, родился въ 1737 и первоначально служилъ въ австрійскихъ войскахъ. Въ 1762 г. былъ принятъ въ русскую службу поручикомъ. Въ чинѣ генералъ-маіора онъ со славою учавствовалъ въ знаменитомъ штурмѣ Измаила, а въ штурмѣ Праги начальствовалъ одною изъ колоннъ. Въ 1795 г. былъ произведенъ въ генералъ-поручики, въ 1795 г. былъ казанскимъ военнымъ губернаторомъ, въ январѣ 1799 г. былъ назначенъ главнокомандующимъ арміи, расположенной между Балтійскимъ моремъ и Брестомъ-Литовскимъ, въ октябрѣ 1799 г. былъ отставленъ отъ службы за представленіе къ принятію въ службу отставленнаго отъ оной извѣстнаго впослѣдствіи генерала Беннигсена. Въ 1805 г. былъ принятъ снова въ службу съ назначеніемъ главнокомандующимъ войскъ въ Неаполѣ. По возвращеніи въ Россію послѣ Аустерлица, Ласси поселился въ своемъ гродненскомъ имѣніи, гдѣ и умеръ 18 января 1820 г. на 83 году отъ роду.

[16]) Все вниманіе Суворова было обращено на то, чтобы русская армія не была вахтъ-парадною, кукольною арміею, а надежною, боевою арміею. Вотъ что пишетъ Милютинъ объ ученьяхъ Суворова (см. Исторію войны 1799 г., томъ 1, стр. 150): „Не занимаясь вовсе утонченностями тогдашней линейной тактики, доведенной въ Пруссіи до педантизма, Суворовъ заботился лишь о томъ, чтобы войска его ходили въ штыки твердымъ шагомъ и въ сомкнутой массѣ. Всѣ ученія его были подражаніемъ настоящему бою; для этого строилъ онъ иногда одну часть войскъ противъ другой, обыкновенно развернутыми линіями, въ шахматномъ порядкѣ, и послѣ непродолжительнаго, но живаго огня, приказывалъ итти въ атаку пѣхотѣ на пѣхоту, кавалеріи на кавалерію и на пѣхоту.... Ученія производились очень живо, быстро, и потому продолжались обыкновенно не болѣе 1½ часа. Суворовъ никогда не бранилъ ни солдатъ, ни офицеровъ; но по окончаніи ученья, лю-

Былъ томительно знойный день; послѣ долгой ѣзды, и посреди быстраго движенія полка, я безъ чувствъ упалъ съ лошади; кровь хлынула у меня изо рта и носа. Я тотчасъ же очутился въ лужѣ крови, меня подняли безъ памяти и снесли въ палатку Врачъ нашелъ мое состояніе сомнительнымъ и велѣлъ отнести меня въ ближайшую деревню, гдѣ въ крестьянскомъ домѣ я могъ бы найти болѣе покоя и ухода. Здѣсь посѣтилъ меня добрый полковникъ Анрепъ; я сильно страдалъ грудью, врачъ находилъ мое положеніе опаснымъ, потому полковникъ уговорилъ меня на время отказаться отъ трудной кавалерійской службы и искать въ родительскомъ домѣ отдыха, спокойствія и возстановленія моихъ истощенныхъ силъ.

Я не отказался отъ отечески даннаго мнѣ совѣта, получилъ по болѣзни безсрочный отпускъ, и поѣхалъ въ Гродно, гдѣ и присталъ на квартиру къ гостепріимнымъ братьямъ Паленымъ. Младшій Паленъ, графъ Петръ, также лежалъ больной въ постели — его пользовалъ лейбъ-медикъ князя Репнина. Это доставило мнѣ случай воспользоваться совѣтомъ лейбъ-медика и я могъ продолжать путь, уже нѣсколько подкрѣпивъ силы.

Графъ Павелъ Паленъ отправлялся по порученію князя въ Петербургъ, и мы вмѣстѣ проѣхали нѣсколько станцій; но онъ торопился и мнѣ вскорѣ пришлось отстать отъ него и продолжать свой путь медленнѣе и осторожнѣе; я отдохнулъ сперва въ Ковнѣ, а потомъ въ Митавѣ у отца моего спутника, стараго графа Палена, который, между тѣмъ, былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ курляндскимъ.

Въ Ригѣ я пользовался совѣтами знаменитаго доктора Штоффрегена, который успокоилъ меня на счетъ органическаго состоянія моей груди, предписавъ чрезвычайную осторожность и въ особенности спокойствіе.

Двѣ недѣли я прожилъ потомъ въ Видришѣ, живописномъ имѣніи моей тетки, госпожи Будбергъ, радуясь видѣть родныя мѣста и вдыхать родной воздухъ въ больную грудь. Оттуда уже не далеко было переѣхать подъ отеческій кровъ, гдѣ меня встрѣтили съ распростертыми объятіями. Выздоравливающему помогли материнскія заботы и исландскій мохъ. Вскорѣ я почувствовалъ облегченіе и хотя былъ еще слабъ, но внѣ опасности. Отецъ мой, хотѣвшій отвлечь мои мысли отъ моего болѣзненнаго состоянія и разсѣять меня, предложилъ мнѣ поѣздку въ Дерптъ, для знакомства съ моими лифляндскими родными. Я поѣхалъ туда съ моимъ старшимъ братомъ Карломъ, который отправлялся сюда со своими особенными видами. Въ

билъ держать рѣчи, давалъ пространныя наставленія, или повторялъ свои любимыя поговорки“.

Дерптѣ въ то время еще не было университета, но то былъ сборный пунктъ всего окрестнаго дворянства, и въ балахъ для прекрасныхъ фрейлейнъ, въ концертахъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ недостатка не было. Я очень походилъ на блѣднаго рыцаря, низверженнаго на турнирѣ, у котораго болятъ всѣ кости и который только смотритъ на пестрый, кружащійся хороводъ. Пѣть пѣсни миннезингеровъ я бы могъ, потому что бургфрейлейны были прекрасны и съ ними много кузинъ и кузиночекъ, но у меня не доставало искусства. И такъ я только смотрѣлъ и плелъ вѣнки изъ словъ для прекрасныхъ слушательницъ.

Между тѣмъ мой братъ Карлъ велъ серьезное дѣло и получилъ въ награду руку богатой бургфрейлейнъ, единственной наслѣдницы значительнаго сословія, во владѣніе котораго она вступала въ день своей свадьбы. Сказать попросту, онъ сдѣлался женихомъ единственной дочери покойнаго генералъ лейтенанта барона Фризеля, богатаго помѣщика въ Эстляндіи. Свадьба ихъ была съиграна чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Еще передъ тѣмъ мы пировали свадьбу моей сестры Генріетты съ графомъ Штейнбокомъ. Бѣдная сестра моя умерла чрезъ нѣсколько лѣтъ счастливаго супружества; послѣ себя она оставила дочь, милый, вылитый портретъ матери, и сына, который слѣдуя неотвратимому стремленію своего рода, отправился искать воинской славы и въ дебряхъ Кавказа въ упорномъ бою при Дарго [17]) лишился ноги, и возвратился домой искалѣченнымъ героемъ.

---

[17]) Дарго, большое селеніе въ Чечнѣ, было взято послѣ упорнаго боя съ Шамилемъ графомъ Воронцовымъ 6 іюля 1845 г. За экспедицію противъ Дарго графъ Воронцовъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство.

II.

1796—1804.

Служба въ царствованіе императора Павла. Походъ въ Швейцарію 1799 г.

Въ концѣ 1796 г., я оставилъ отеческій домъ, чтобы возвратиться въ полкъ, стоявшій квартирами въ окрестностяхъ Луцка и входившій тогда въ составъ корпуса князя Прозоровскаго. По прибытіи въ Ригу, я услышалъ о многихъ перемѣнахъ и новыхъ распоряженіяхъ, послѣдовавшихъ въ войскахъ послѣ смерти императрицы Екатерины [1]). Одно изъ такихъ распоряженій, касавшееся меня очень

[1]) Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины наша армія и флотъ пришли въ большое разстройство вслѣдствіе злоупотребленій и неограниченнаго произвола каждаго частнаго начальника. Императоръ Павелъ, вступивъ на престолъ, съ изумительною настойчивостію и лихорадочною, такъ сказать, быстротою принялся за преобразованія и устройство военныхъ силъ имперіи. Преобразованія шли съ такою быстротою, что, чрезъ полгода послѣ вступленія на престолъ, наша армія измѣнилась до основанія какъ въ наружномъ видѣ, такъ и устройствѣ. Не проходило дня безъ объявленія высочайшихъ повелѣній о реформахъ въ арміи. Многія изъ этихъ реформъ, безспорно, были полезны и необходимы, но, къ сожалѣнію, Павелъ, уничтожая старое, не хотѣлъ видѣть, что многія учрежденія Потемкина несравненно были выше прусскихъ образцовъ. Павелъ улучшилъ содержаніе войскъ, далъ полные штаты арміи, обуздалъ произволъ частныхъ начальниковъ, далъ точныя правила для рекрутскихъ наборовъ, далъ новый воинскій уставъ, но излишняя погоня за прусскими образцами много вредила дѣлу. Форма начинала преобладать надъ сущностію. Пудра, букли, эспонтоны, мелочность парадовъ и разводовъ страшно были не популярны въ арміи и Суворовъ, подсмѣиваясь надъ пудрою, буклями и пр. едва-ли былъ не правъ, когда въ январѣ 1797 г. писалъ: „Русскіе прусскихъ всегда бивали; что же тутъ перенять?“

Кромѣ гвардіи и командъ инженерныхъ, всѣ войска армейскія и гарнизонныя императоръ Павелъ распредѣлилъ по округамъ, которые сначала назывались дивизіями, а по

близко, было то, что всѣ офицеры, находившіеся въ безсрочномъ отпуску и не находившіеся при своихъ полкахъ, должны считаться совершенно исключенными изъ службы. И такъ я, не успѣвъ очнуться, лишился службы и моя дальнѣйшая поѣздка на Волынь являлась уже ненужною. Что теперь оставалось дѣлать? Я находился въ большомъ затрудненіи и почти въ отчаяніи я не зналъ, ѣхать ли мнѣ впередъ, или назадъ. Тутъ послѣдовала царская милость генералъ Бенкендорфъ былъ назначенъ рижскимъ военнымъ губернаторомъ[2]). Онъ всегда принималъ во мнѣ родственное участіе и я съ полной надеждой и увѣренностью сталъ ожидать его прибытія въ Ригу Пріѣздъ не замедлилъ и бѣдный племянникъ, вина котораго была не велика и состояла въ слишкомъ снисходительной дисциплинѣ, бывшей прежде въ обычаѣ, нашелъ въ немъ добродушнаго защитника. Бенкендорфъ писалъ и рекомендовалъ меня генералу Нумсену, назначенному императоромъ Павломъ генералъ-инспекторомъ кавалеріи [3]). Этотъ отличный человѣкъ принялъ меня въ свой собственный полкъ, въ кирасирскій полкъ Нумсена, и скоро сталъ обращаться со мною какъ съ сыномъ. Въ полку-то Нумсена и подъ его разумнымъ руководствомъ основательно изучилъ и полюбилъ я кавалерійскую и вообще военную службу Нумсенъ до тонкости зналъ всѣ подробности кавалерійской службы и строго наблюдалъ, чтобы офицеры его инспекціи экзерцировались и пользовались преподаваніемъ, какое онъ находилъ для нихъ полезнымъ. Своею главною квартирою онъ выбралъ Митаву Онъ приказалъ являться сюда по эскадрону изъ каждаго полка его инспекціи, училъ офицеровъ дѣйствію оружіемъ, присутствовалъ при преподаваніи имъ верховой ѣзды и требовалъ даже, чтобы офицеры знали практически правила ковки лошадей. Между тѣмъ прибылъ ввѣренный ему и теперь названный его именемъ полкъ кавалерійскій, стародубскихъ карабинеровъ; этотъ полкъ оставилъ свои бывшія постоянныя квартиры на берегахъ Чернаго моря и его слѣдовало размѣстить по Лифляндіи.

томъ инспекціями. Такихъ инспекцій во всей Россіи было 12, сверхъ инспекціи принца Конде, временно образованной для его корпуса въ окрестностяхъ Ковеля, Луцка и Владиміра-Волынскаго.

Почти всѣ инспекціи имѣли по два инспектора: одного по пѣхотѣ, другаго по кавалеріи; сверхъ того вся артиллерія, хотя и была распредѣлена по инспекціямъ, но имѣла еще общаго своего инспектора.

[2]) Бенкендорфъ, тотъ самый, о которомъ говорилось въ 1-й главѣ, былъ первымъ рижскимъ военнымъ губернаторомъ, должность учрежденная императоромъ Павломъ въ 1796 г. Въ 1796 г. рижское и ревельское намѣстничества были упразднены и въ Лифляндіи и Эстляндіи было возстановлено прежнее устройство, существовавшее до 1783 г. Гражданскимъ губернаторомъ былъ въ 1796 г., послѣ назначенія Палена въ Митаву, Мейендорфъ.

[3]) Нумсенъ былъ инспекторомъ кавалеріи лифляндской инспекціи и командиромъ кирасирскаго Стародубовскаго полка, который съ 1797 г. назывался полкомъ Нумсена, а съ 1799 г. полкомъ Войнова.

Въ это время я, молодой кирасиръ, наслаждался жизнью въ Митавѣ, которая не исключая своихъ окрестностей, славилась веселой жизнью. Передъ обѣдомъ стрѣльба въ цѣль, фехтованіе и верховая ѣзда; вечеромъ — танцы въ казино, если тамъ бывалъ балъ, а не то я быстрой рысью несся въ какой нибудь курляндскій бургъ (замокъ), гдѣ не было недостатка въ прекрасныхъ фрейлейнъ. Что болѣе нужно для молодаго сердца? Звукъ оружія, ржаніе лошадей, а послѣ того погоня за прекрасными очами, за пожатіемъ руки. Въ то время я былъ уже высокій, стройный парень, темноволосый, голубоокій, съ пробивающимся пушкомъ на верхней губѣ, и я могъ бы изображать собою любаго влюбленнаго рыцаря изъ какой нибудь баллады.

Служба и мой добрый генералъ дозволили мнѣ съѣздить въ Ревель. Однако отца я не засталъ дома. Онъ въ это время находился на почтовой станціи Іеве, на границѣ Эстляндіи, и былъ посланъ представителемъ эстляндскаго дворянства, для привѣтствія короля польскаго Станислава, ѣхавшаго въ Петербургъ, и для сопровожденія его чрезъ губернію. Я поѣхалъ въ Іеве, повидался съ отцомъ, и поспѣшилъ воротиться въ Митаву

Такъ какъ между тѣмъ прибылъ ожидаемый нами полкъ, то мы вышли изъ Митавы и двинулись въ Валкъ, маленькій лифляндскій городокъ, гдѣ полковой штабъ основалъ свои квартиры. Я числился сверхъ комплектнымъ офицеромъ, потому-то генералъ и назначилъ меня валкскимъ плацъ маіоромъ. Должность моя была вовсе не трудная. Въ Валкѣ, гдѣ ни стань, отвсюду видишь конецъ городка и далекій сельскій ландшафтъ. Не смотря на то, въ Валкѣ жили очень весело. Офицеры устроили казино, въ которомъ они танцовали съ молодыми горожанками; иногда являлись и фрейлейны изъ сосѣднихъ бурговъ. Кромѣ того домъ нашего генерала былъ всегда открытымъ и пріятнымъ мѣстомъ собраній. Кромѣ обыкновенныхъ развлеченій, онъ устроилъ два вечера для бесѣдъ о военныхъ предметахъ, и при этомъ предлагалъ намъ ландкарты, планы, книги и газеты. На этихъ бесѣдахъ въ особенности поучительны были замѣчанія самого генерала о тогдашнихъ военныхъ дѣйствіяхъ, и я съ удовольствіемъ вспоминаю его объясненія объ отступленіи Моро; онъ указывалъ намъ на картѣ мѣста, чрезъ которыя единственно послѣднему предстояло возможность спастись изъ затруднительнаго положенія, въ которое его поставило побѣда надъ Журданомъ, одержанная эрцгерцогомъ Карломъ.

Нумсенъ жилъ прилично, но обыкновенно скромно; только одинъ разъ въ недѣлю онъ дозволялъ себѣ излишество, по тогдашнему общепринятому обычаю. День этотъ былъ пятница; онъ называлъ этотъ день, по своему, вольнымъ днемъ (Freitag — пятница, буквально вольный день). Въ такіе вольные дни любилъ онъ приглашать къ себѣ на обѣдъ многочисленныхъ гостей; обѣдъ начинался въ два часа и оканчивался иногда только въ одиннадцать часовъ вечера. Шам-

панское приносили изъ погребовъ цѣлыми корзинами и по временамъ происходили большія попойки. Я самъ видалъ не разъ, какъ генералъ, рослый, плечистый, видный собою мужчина, выпивалъ одинъ до 12 бутылокъ шампанскаго. Онъ при этомъ, бывало, не пошатнется; онъ всегда оставался внушающимъ уваженіе, внимательнымъ хозяиномъ, лицо его только краснѣло, онъ замѣтно одушевлялся и подчасъ горячился. Въ одинъ изъ такихъ вольныхъ дней онъ поссорился и поспорилъ съ однимъ богатымъ, окрестнымъ помѣщикомъ, барономъ Унгернъ-Штернбергомъ. При озлобленномъ направленіи, какое принялъ споръ, испуганные гости повскакивали со своихъ мѣстъ; генералъ потребовалъ свои пистолеты, которые у него были всегда заряжены и на готовѣ, и хотѣлъ застрѣлить барона на мѣстѣ. Прислуга повиновалась по солдатски, и вотъ заряженные стволы очутились на столѣ возлѣ бутылокъ; тогда я, глубоко преданный генералу и любимый имъ какъ сынъ, схватилъ его за руку и сталъ усердно просить не прибѣгать къ такимъ крайнимъ мѣрамъ. Но старикъ обхватилъ меня свободной рукой (другая у него всегда была занята костылемъ, по случаю тяжелой раны) и такъ сильно прижалъ меня къ своей груди, что я, крѣпко стиснутый, закричалъ отъ боли онъ чуть меня не задушилъ. Между тѣмъ это могучее проявленіе силы отняло его первый, горячій порывъ гнѣва, къ тому же другіе гости овладѣли барономъ, и нашимъ общимъ усиліямъ удалось примирить поссорившихся и тѣмъ предупредить большую непріятность, а можетъ быть и самое убійство.

Нумсенъ былъ родомъ датчанинъ и происходилъ изъ хорошаго рода. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ вступилъ во французскую военную службу, сражался во время семилѣтней войны подъ начальствомъ маршала Брогліо и отличился при многихъ случаяхъ. На него обратили вниманіе императрицы Екатерины и она пригласила его вступить въ русскую службу; онъ дѣйствительно перешелъ въ нашу службу генералъ-лейтенантомъ и вскорѣ послѣ того со славою командовалъ корпусомъ войскъ въ Финляндіи противъ шведовъ. Ростомъ онъ былъ высокъ, но, какъ я уже упомянулъ выше, долженъ былъ ходить на костылѣ, по причинѣ тяжкой раны въ ногѣ. Онъ съ трудомъ садился на лошадь; но разъ усѣвшись въ сѣдлѣ на своемъ превосходномъ, англійскомъ конѣ, который одинъ былъ въ состояніи носить на себѣ такую огромную массу, онъ являлся превосходнымъ и неутомимымъ всадникомъ, съ которымъ никто изъ насъ не могъ сравняться. Его кираса была столь огромна, что я въ нее однажды сѣлъ какъ въ люльку и качался въ ней. Тратя много денегъ на лошадей, на свои пятницы и вообще будучи безпеченъ по военному обычаю, онъ часто нуждался въ деньгахъ. Крутой нравомъ, проникнутый военными привычками, и сросшійся съ избраннымъ имъ званіемъ, онъ являлъ собою образъ средне-вѣковаго, стараго, храбраго,

могучаго полководца, такой образъ — какой я впослѣдствіи находилъ столь превосходно изображеннымъ въ романахъ Вальтеръ Скотта.

Возвратимся отъ этого отступленія къ валкской жизни; я долженъ прибавить, что тутъ кромѣ бесѣдъ и попоекъ по пятницамъ, бывали и игорные вечера, происходившіе у племянника графа Безбородко, полковника Ширяева полка. Играли только въ бостонъ, играли чрезвычайно искусно и по весьма высокой цѣнѣ. Тутъ то я и прошелъ курсъ тонкой и высокой игры и пріобрѣлъ увѣренность и ловкость, оставшіяся не безъ вліянія на дальнѣйшее направленіе и участь моей жизни. Молодыя силы, обыкновенно, не смотря на легкія пораженія, бываютъ счастливы въ игрѣ. Въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ какой то тайный рокъ, который подобно водяной нимфѣ заманиваетъ неопытнаго мальчика въ глубокія воды игры и часто топитъ его въ нихъ, обѣщая вѣчный выигрышъ и суля золотыя горы.

Около Рождества 1797 г., въ пору бурныхъ, снѣговыхъ мятелей, вспѣненныя, почтовыя лошади принесли меня опять въ Эстляндію. На этотъ разъ я засталъ всѣхъ своихъ въ сборѣ у моей сестры, графини Штейнбокъ. Я былъ радъ и счастливъ пожить съ ними вмѣстѣ; что сравнится съ радостнымъ чувствомъ отчужденнаго обстоятельствами отъ своихъ, когда онъ видитъ, что все еще не потерялъ своего мѣста въ ихъ родной средѣ! 1798. — Возвратясь въ Валкъ, я принужденъ былъ скоро оставить этотъ городъ. Зачисленный въ полкъ, я получилъ въ командованіе 4 роту [4]), съ которою и отправился въ Руенъ на постоянныя квартиры. Это значительное помѣстье, раздѣленное на многія владѣнія, съ пасторатомъ и почтовою станціею, лежитъ на большой дорогѣ, ведущей изъ Ревеля въ Ригу, и, если держаться большаго тракта, отстоитъ отъ послѣдней въ 21 милѣ. Если держаться прямаго направленія и ѣхать на легкой телѣжкѣ и быстрыхъ коняхъ отъ одной помѣщичьей усадьбы до другой, то будетъ гораздо ближе.

Руенъ построенъ на живописномъ мѣстѣ, очень оживленъ по случаю пролегающей чрезъ него большой дороги и по сосѣдству съ многими помѣщичьими усадьбами. На холмѣ виднѣются развалины древняго замка, принадлежавшаго нѣмецкому ордену, о которыхъ простолюдины разсказываютъ, что подъ ними зарыты несмѣтныя сокровища золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями, которыя стережетъ черный, волшебный песъ.

Я бы, можетъ быть, и попытался поохотиться на этого пса, но я прибылъ въ Руенъ осенью, у меня была куча заботъ съ моими всадниками по новому уставу они должны были учиться иначе ѣз-

---

[4]) Полки кираспрскіе и драгунскіе въ тѣ времена состояли изъ 5 эскадроновъ каждый эскадронъ подраздѣлялся на 2 роты. Слѣд. Левенштернъ состоялъ во 2-мъ эскадронѣ и командовалъ второю половиною его, т. е. 4-ю ротою полка (Стародубовскаго Нумсена).

дить, иначе маршировать и иначе экзерцироваться нежели прежде, къ тому же въ послѣднихъ числахъ декабря получилъ приказъ выступить въ походъ въ 24 часа, чтобы соединиться съ полкомъ. 1 января 1799 г я выступилъ изъ Руена и въ Валкѣ нашелъ шефа и офицеровъ чрезвычайно занятыхъ приготовленіемъ полка къ выступленію, согласно полученнымъ приказаніямъ.

Такъ какъ въ то время всѣ части обмундированія были преобразованы и измѣнены, то у насъ недоставало нужнаго количества вновь предписанныхъ кавалерійскихъ сапогъ, чтобы обуть всѣхъ солдатъ. Въ день, назначенный приказомъ, мы выступили въ полномъ составѣ, но недосчитывались многихъ паръ сапогъ. Во время дневокъ работали, правда, очень усердно надъ сапогами, но Рига была слишкомъ недалеко, чтобы успѣть всѣ сшить; а намъ должно было проѣхать чрезъ этотъ городъ въ полномъ парадѣ и удовлетворить взоры воинскихъ инспекторовъ. Въ такой крайности роздали всѣмъ всадникамъ по одному форменному сапогу для наружной, видимой ноги, а другая внутренняя и невидимая нога оставалась въ старомъ сапогѣ, съ короткимъ голенищемъ; такимъ образомъ пропарадировали мы чрезъ Ригу

Дальнѣйшій маршъ нашъ былъ направленъ на Брестъ-Литовскій, гдѣ мы должны были присоединиться къ армейскому корпусу, который подъ начальствомъ генерала, князя Сергѣя Голицына, составлялъ часть войскъ, предназначенныхъ вмѣстѣ съ австрійцами къ дѣйствію противъ французовъ, подъ предводительствомъ Суворова [5]).

---

[5]) Послѣ переговоровъ, продолжавшихся весь 1798 г., къ началу 1799 г. образовался сильный союзъ противъ Франціи между Россіею, Англіею, Австріею, Турціею и Неаполемъ. Цѣль союза была дѣйствительнѣйшими мѣрами положить предѣлъ успѣхамъ французскаго оружія и распространенію правилъ анархическихъ, принудить Францію войти въ прежнія границы и тѣмъ возстановить въ Европѣ прочный миръ и политическое равновѣсіе. Душою этого союза былъ императоръ Павелъ, не подозрѣвавшій, что союзники, именно Австрія и Англія, имѣли въ виду лишь эксплуатировать силы Россіи въ свою пользу (что ясно оказалось уже въ концѣ 1799 г.). Первоначально, по договорамъ, императоръ Павелъ обѣщалъ Австріи только 16-ти тысячный вспомогательный корпусъ; впослѣдствіи 11-ти тысячный корпусъ былъ предназначенъ въ помощь королю неаполитанскому и 45,000 для дѣйствій въ соединеніи съ прусскими войсками, вслучаѣ еслибы берлинскій дворъ принялъ участіе въ войнѣ. Всего по договорамъ обѣщано было двинуть за границу 72,000 русскихъ сухопутныхъ войскъ.

Первый изъ означенныхъ корпусовъ еще въ іюлѣ 1798 г. началъ собираться къ Бресту-Литовску подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи Розенберга. Корпусъ этотъ въ декабрѣ 1798 года прибылъ въ Брюнъ; въ началѣ января 1799 г. онъ уже былъ на Дунаѣ.

Въ то время, когда войска Розенберга были уже на Дунаѣ, начали готовиться къ походу и другіе корпуса, именно 9000 корпусъ Германа, предназначенный итти на помощь королю неаполитанскому, и 45,000 корпусъ, назначенный для дѣйствій въ Германіи. Этотъ послѣдній корпусъ былъ ввѣренъ генералу-отъ-инфантеріи князю Сергѣю Ѳедоровичу Голицыну и съ декабря 1798 г. сталъ собираться къ Бресту. Стародубовскій кирасирскій полкъ, въ которомъ служилъ Левенштернъ, вошелъ въ составъ корпуса Голицына.

На дорогѣ нагналъ насъ князь и произвелъ намъ смотръ. Согласно приказу, мы были уже одѣты совершенно по прусскому образцу Всадникъ сидѣлъ на лошади въ узкомъ, суконномъ коллетѣ, кожанныхъ панталонахъ, съ напудренными волосами и ничѣмъ не закрытыми ушами; на головѣ у него была шляпа съ пучкомъ перьевъ, которую приходилось тщательно придерживать при порывахъ вѣтра. Мы офицеры должны были подавать благой примѣръ, будучи одѣты точно такимъ же образомъ. Невозможно описать, что пришлось людямъ перенести въ суровую зиму 1799 года, маршируя въ такомъ одѣяніи.

Но то было время быстрыхъ перемѣнъ не успѣли мы дойти до Бреста, какъ князь Голицынъ былъ отозванъ со своего поста, и преемникомъ его назначенъ былъ генералъ Нумсенъ [6]). Онъ на почтовыхъ поспѣшилъ на вышеозначенное мѣсто соединенія корпуса; мы же дошли туда только въ мартѣ и расположились квартирами вдоль рѣки Буга. Была весна и то время, когда эта рѣка широко разливается по своимъ низкимъ берегамъ. При скопленіи войскъ въ той мѣстности, нельзя было вовсе избѣжать опасныхъ мѣстъ, и притомъ выступленіе рѣки изъ береговъ послѣдовало столь неожиданно, и съ такою необыкновенною силою, что намъ съ трудомъ удалось спасти лошадей и конскую сбрую. Я при этомъ имѣлъ несчастіе жестоко простудиться и лежалъ, мучимый лихорадкой, въ несчастной крестьянской хатѣ. Хотя меня и посѣщалъ врачь, но по большей части я оставался совершенно одинъ, такъ какъ разлитіе Буга доставляло моимъ товарищамъ много хлопотъ и не дозволяло имъ навѣщать меня.

Въ одинъ изъ такихъ часовъ, сидя больной на своей постели, я получилъ письмо, пересланное мнѣ изъ Бреста. Адресъ и печать — съ родины, но сургучъ черный. Я распечаталъ его въ сильномъ волненіи какое потрясающее извѣстіе заключалось въ немъ! Моя добрая мать, еще въ цвѣтущемъ возрастѣ и здоровьи, неожиданно скончалась въ Ревелѣ, послѣ кратковременной болѣзни. Меня объ этомъ извѣщали съ участіемъ, со всевозможною осторожностью, но какъ разрушительно подѣйствовало это горестное извѣстіе на мои слабыя силы! Я заболѣлъ снова и болѣзнь превратилась въ опасную нервную горячку

Отечески расположенный ко мнѣ Нумсенъ, узнавъ о моемъ положеніи, приказалъ перевезти меня въ Брестъ и озаботился о хоро-

---

[6]) Причина смѣны князя Голицына неизвѣстна. 27 января 1799 г. состоялось высочайшее повелѣніе кн. Голицыну сдать команду Нумсену, а Нумсену принять команду. 19 февраля 1799 г. князь Голицынъ донесъ государю изъ Гродны, что сдавъ начальство надъ корпусомъ ген. отъ инфантеріи Нумсену, самъ отправился въ свою деревню. Князь Голицынъ, впослѣдствіи въ 1809 г., начальствовалъ нашими войсками въ Галиціи.

шей, медицинской помощи. Я выздоровѣлъ послѣ шести тяжелыхъ недѣль, опасность миновала, но прежнія силы возвращались медленно. Исхудалый и тощій бродилъ я, бѣдный выздоравливающій, по пустыннымъ берегамъ Буга. Печальныя мысли овладѣли моимъ духомъ мать умерла, родина далеко! Въ то время мы находились на границѣ имперіи. Противоположный берегъ Буга былъ тогда еще австрійскимъ, и я по временамъ видѣлъ тамъ солдатъ въ бѣлыхъ мундирахъ и въ странныхъ шлемахъ на головахъ. Скоро придется мнѣ идти туда, еще дальше отъ родины; не видѣть мнѣ милой матери, а долженъ приготовиться къ борьбѣ, къ битвамъ, можетъ быть къ смерти. Но за этими мрачными картинами появились и другія, болѣе утѣшительныя и веселыя. Многочисленныя перемѣны, пестрая, незнакомая жизнь, возбужденныя чувства передъ битвой и побѣдой, все это предстояло и представлялось въ связи одно съ другимъ. Я снова съ увѣренностью сталъ смотрѣть на грядущее, какъ бы переживъ время сиротства на опустѣвшемъ для меня свѣтѣ. Наконецъ пришелъ приказъ [7]) о переходѣ черезъ границу, но вмѣстѣ съ тѣмъ пришелъ и другой приказъ, глубоко огорчившій всѣхъ моихъ товарищей и въ особенности меня.

Генералъ Нумсенъ неожиданно лишился мѣста и начальство надъ корпусомъ передано генералу Римскому-Корсакову [8]). Подобныя внезапныя перемѣны, какъ уже сказано выше, въ то время случались часто; тѣмъ не менѣе намъ всѣмъ, а преимущественно офицерамъ его полка, было очень тяжело терять такого превосходнаго начальника; потому что онъ потерялъ и свой полкъ, а вслѣдствіе этого явился въ стѣсненномъ положеніи и въ экономическомъ отношеніи. Въ подобныхъ случаяхъ не только потеря содержанія и другихъ преимуществъ положенія ставитъ въ тяжелыя обстоятельства военнаго человѣка, не имѣющаго собственнаго состоянія, но главнѣйшимъ образомъ расплата съ преемникомъ командуемаго полка, при его сдачѣ. Нумсенъ не былъ расточительнымъ человѣкомъ, но не былъ онъ также и расчетливымъ хозяиномъ, и въ особенности не былъ хорошимъ счетчикомъ, умѣющимъ сводить балансы. Кто ясно понимаетъ трудное и разно-

---

[7]) 26 марта 1799 г. Нумсену повелѣно было собрать корпусъ къ Бресту для слѣдованія по назначенію вѣнскаго двора. Сосредоточеніе къ Бресту, однакоже, началось въ первыхъ числахъ мая, корпусъ же выступилъ за границу 15 мая.

[8]) 17 февраля 1799 г., Нумсенъ въ одномъ изъ донесеній своихъ государю предложилъ сдѣлать какія-то мелочныя перемѣны въ расположеніи своего корпуса. Государь на это, 24 февраля, отвѣтилъ Нумсену, что въ подобныхъ донесеніяхъ онъ видитъ лишь военное шарлатанство. Muss ich ihren sagen — писалъ государь — dass ich es nicht anders als eine militairische Scharltanerie ansehe. Государь оставался недоволенъ донесеніями Нумсена. Два донесенія отъ 22 и 23 марта были возвращены ему съ наддраніемъ, при высочайшемъ рескриптѣ отъ 30 марта, а 14 апрѣля 1799 г. Нумсену было повелѣно сдать начальство надъ корпусомъ генералъ-лейтенанту Римскому-Корсакову.

образное хозяйство въ кавалерійскомъ полку, ремонтировка котораго также составляетъ обязанность шефа, тотъ можетъ себѣ представить, какое тернистое поприще составляетъ сдача полка, когда преемникъ начинаетъ придираться къ дорогимъ, постоянно измѣняющимся, желѣзнымъ предметамъ полковаго инвентаря. Къ счастію новый шефъ, генералъ Войновъ[9]), былъ человѣкъ благородный и великодушнаго образа мыслей, къ тому же обладалъ собственными, значительными деньгами. Къ его безкорыстному желанію облегчить сдачу полка, мы, офицеры, присоединили всѣ старанія не раскрывать многихъ чувствительныхъ для насъ недостатковъ въ вещахъ, а оставить пополненіе ихъ на будущее время и, конечно, на свои собственныя средства и пожертвованія. Такимъ образомъ состоялись расчеты и сдача полка, не повергшая благороднаго, стараго Нумсена въ крайную нужду, въ придачу къ его прочимъ невзгодамъ.

Когда нашъ полкъ, подъ начальствомъ новаго шефа, генерала Войнова, выступилъ изъ Бреста [10]), командующимъ полковникомъ былъ графъ Ламбертъ [11]), смѣнившій моего эстляндскаго земляка

---

[9]) Александръ Львовичъ Войновъ, дворянинъ московской губерніи, родился въ 1770 году и 10-ти лѣтъ отъ роду былъ записанъ каптенармусомъ въ Преображенскій полкъ, въ 1781 г. переведенъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ, и въ 1785 г. произведенъ въ корнеты. Въ 1793 г. былъ переведенъ въ Изюмскій легко-конный полкъ подполковникомъ, а въ 1797 году въ драгунскій Ингерманландскій. Въ апрѣлѣ 1799 г. онъ былъ назначенъ шефомъ кирасирскаго Стародубовскаго полка съ производствомъ въ генералъ-маіоры. Войновъ впослѣдствіи, въ 1810 г., произведенъ въ генералъ-лейтенанты, въ 1811 г. командовалъ кавалерійскою дивизіею, въ 1823 г. произведенъ въ генералы отъ кавалеріи, въ 1824 г. назначенъ командиромъ гвардейскаго корпуса, въ 1825 г. пожалованъ генералъ-адъютантомъ, въ 1826 году командовалъ 7 пѣхотнымъ корпусомъ (2-й арміи), въ 1829 г. назначенъ состоять по кавалеріи, въ 1830 г. уволенъ въ безсрочный отпускъ, а въ 1832 г. умеръ въ Велико-луцкомъ уѣздѣ.

[10]) Корпусъ Римскаго-Корсакова, выступая изъ подъ Бреста, былъ раздѣленъ на 6 эшелоновъ. Первый эшелонъ перешелъ границу чрезъ Бугъ 4 мая 1799 г., послѣдній перешелъ 15 мая. Стародубовскій кирасирскій (Войнова) полкъ состоялъ въ 5 эшелонѣ, которымъ командовалъ генералъ-маіоръ Измайловъ.

[11]) Почти до 1820 г., каждый полкъ у насъ имѣлъ своего шефа въ генеральскомъ чинѣ и командира въ чинѣ полковника. Шефъ завѣдывалъ хозяйственнымъ и внутреннимъ управленіемъ полка и имѣлъ общій надзоръ за его образованіемъ; командиръ полка завѣдывалъ лишь фронтовымъ образованіемъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Такимъ образомъ въ 1799 г. шефомъ кирасирскаго Стародубовскаго полка былъ генералъ-маіоръ Войновъ, а командиромъ полковникъ графъ Ламбертъ. Вотъ нѣкоторыя подробности о этомъ Ламбертѣ.

Графъ Карлъ Осиповичъ Ламбертъ, французскій дворянинъ, въ эпоху революціи былъ корнетомъ въ королевской гвардіи, эмигрировалъ изъ Франціи, и въ 1793 г. на 22 г. отъ рода былъ принятъ на службу императрицею Екатериною въ Кинбурнскій драгунскій полкъ секундъ-маіоромъ. Онъ учавствовалъ въ сраженіи при Мацѣовицахъ, при штурмѣ Праги и за отличіе произведенъ въ премьеръ-маіоры и подполковники. Въ 1796 г. онъ выпросился въ Персію подъ начальство графа Валеріана Зубова и командовалъ казачьимъ полкомъ. По возвращеніи изъ персидскаго похода и расформированіи Кинбурнскаго полка, графъ Ламбертъ былъ назначенъ на службу въ Стародубскій кирасирскій полкъ; въ началѣ

графа Игельстрема — пробывшаго командиромъ, впрочемъ, очень недолго.

Я до такой степени еще былъ слабъ послѣ болѣзни, что могъ слѣдовать за полкомъ только въ экипажѣ. Я не могъ поправиться, медленно толчась по дурнымъ дорогамъ, ночуя по дурнымъ квартирамъ. Полковникъ графъ Ламбертъ сжалился наконецъ надъ бѣднымъ, отсталымъ служивымъ, и посовѣтовалъ мнѣ остаться въ Краковѣ, спокойно полечиться у доктора и догнать въ свое время движущійся далѣе полкъ.

Здѣсь я могъ попасть въ руки какого нибудь польскаго врача — фантазера, который бы меня сталъ лечить удивительными, чудодѣйственными снадобьями, къ которымъ такъ склонны польскіе ученики Эскулапа, но лакей — еврей, называемый здѣсь факторомъ, посланный мною за докторомъ, — привелъ ко мнѣ старика, ученаго еврея, глава котораго когда то была увѣнчана нѣмецкою, докторскою шляпою. Я и счелъ его за своего дальняго земляка, только имѣвшаго странный выговоръ, и безъ опасенія поручилъ себя его леченію. Узнавъ впослѣдствіи о его моисеевскихъ вѣрованіяхъ, я не уменьшилъ своего довѣрія къ нему, и хорошо сдѣлалъ. Превосходный старецъ принялъ во мнѣ горячее участіе, часто сиживалъ у моей одинокой постели, и лечилъ меня весьма разумно и старательно, потому что въ короткое время я совершенно выздоровѣлъ. Скажу болѣе, когда я хотѣлъ вознаградить его за труды, онъ не только отказался отъ моихъ денегъ, но даже предлагалъ мнѣ взять у него денегъ взаймы, увѣряя меня, что я, вѣроятно, чрезъ болѣзнь и отдаленіе отъ полка сильно издержался. На дѣлѣ было совсѣмъ противное отецъ въ изобиліи снабдилъ меня средствами для предстоявшаго похода, а

1798 г. былъ произведенъ въ полковники и вскорѣ за болѣзнію былъ уволенъ отъ службы. При началѣ войны 1799 г. онъ проснлся опять на службу, 5 мая 1799 г. былъ принятъ съ назначеніемъ командиромъ Стародубовскаго полка. Подъ Цюрихомъ онъ былъ раненъ, 17 декабря 1799 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ шефомъ Рязанскаго кираспрскаго полка, 8 марта 1800 г. вторично уволенъ отъ службы и снова былъ принятъ 26 марта 1801 г. Онъ учавствовалъ въ войнѣ 1806 г., а въ 1812 г. командовалъ 5 и 8 кавалерійскою дивизіею въ арміи Тормасова. За сраженіе подъ Городечной произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Подъ Борисовымъ онъ былъ раненъ и остатокъ 1812 и весь 1813 г. провелъ въ отдаленіи отъ военныхъ дѣйствій для излеченія раны. Въ 1814 г. графъ Ламбертъ явился къ войскамъ, взялъ приступомъ парижское предмѣстье Бельвиль, а въ слѣдующемъ году, командуя 2-ю гусарскою дивизіею, доходилъ до Парижа. По возвращеніи въ Россію въ 1816 г., онъ былъ назначенъ командиромъ 5 резервнаго кавалерійскаго корпуса, въ 1823 г. былъ произведенъ въ генералъ отъ кавалеріи. Въ царствованіе Николая Павловича, онъ былъ назначенъ сенаторомъ и въ этомъ званіи умеръ въ іюлѣ 1843 г.

Графъ Ламбертъ былъ женатъ на дочери суворовскаго генерала Дѣева и имѣлъ двухъ сыновей: Іосифа и Карла. Графъ Карлъ Карловичъ Ламбертъ генералъ отъ кавалеріи, генералъ-адъютантъ, былъ намѣстникомъ царства польскаго съ 6 августа по 12 октября 1861 г. О немъ см. Рус. Арх. 1872 г., стр. 623—705 г.

болѣзнь оказалася для меня копилкой, въ которую попало все, что не успѣла поглотить веселая, праздная жизнь между товарищами, на квартирахъ въ Брестѣ. Наконецъ-то удалось мнѣ насильно навязать вполнѣ заслуженное вознагражденіе своему великодушному врачу Когда я спросилъ своего фактора, при расплатѣ съ нимъ, почему не привелъ онъ мнѣ доктора — христіанина, то онъ отвѣчалъ мнѣ на своемъ ломаномъ на краковскій ладъ, нѣмецкомъ языкѣ. „ну чтожъ, я думалъ господинъ не заплатитъ денегъ, и полякъ меня бы съ гвалтомъ прибилъ, если бы не получилъ денегъ.“

Почтальоны, всѣ въ красномъ, обыкновенной рысью, согласно съ почтовыми правилами, везли меня отъ станціи до станціи, и доставили благополучно въ Ольмюцъ, гдѣ я нагналъ полкъ, и оттуда уже верхомъ и въ обществѣ юныхъ товарищей продолжалъ дальнѣйшій путь.

Мы прошли чрезъ Чехію, отдохнули немного на пріятной стоянкѣ у Праги и продолжали походъ на Регенсбургъ [12]). Здѣсь мы снова освѣжили свои силы долгимъ отдыхомъ, прежде нежели двинулись на Аугсбургъ. Мнѣ понравился этотъ бывшій имперскій городъ. Графъ Фуггеръ любезно принялъ меня, молодаго кавалерійста, который хотя и командовалъ эскадрономъ тяжелой кавалеріи, но мало еще значилъ тамъ, гдѣ дѣло касалось опыта и знанія. Онъ ввелъ меня въ общество и позаботился, чтобы я могъ видѣть всѣ достопримѣчательности Аугсбурга.

Я очень дивился тогда произведенію военнаго искусства аугсбургскихъ филистеровъ въ прошлые вѣка; это такъ называемый „впускъ“ Этотъ „впускъ“, огромная желѣзная машина между крѣпкими, высокими стѣнами башенъ, придуманная довольно замысловато и сооруженная не безъ огромныхъ издержекъ, имѣетъ цѣлью впускать въ городъ посланца чрезъ валъ и стѣны ночью или во время осады, не отворяя воротъ, или калитки. При этомъ устройствѣ соблюдены такія предосторожности, что пробравшись въ городъ этимъ путемъ, самый отчаянный рубака смиренно долженъ былъ пасть въ ноги мелочнымъ торговцамъ и портнымъ, составлявшимъ стражу Если смотрѣть на подобные „впуски“, на тяжелыя латы и желѣзо, въ которое смѣльчаки среднихъ вѣковъ прятались какъ раки, то по неволѣ думается, что только возбуждающій нервы пороховой дымъ позднѣйшаго времени сдѣлалъ людей храбрыми.

Я жилъ въ Аугсбургѣ съ графомъ Ламбертомъ въ гостинницѣ „Бѣлаго Ягненка“ и познакомился тамъ съ эмигрантомъ Дюпюи, который долженъ былъ, вслѣдствіе событій во Франціи, удалиться

---

[12]) Корпусъ Римскаго-Корсакова выступилъ изъ Чехіи 14 и 15 іюля; 3 и 4 августа 1799 г. первыя два отдѣленія его прибыли къ Шафгаузену.

заграницу и жить здѣсь игрою, какъ единственно оставшимся ему источникомъ дохода. Онъ всюду искалъ игры и бросался въ игру, какъ воронъ на падаль. И насъ онъ познакомилъ въ Аугсбургѣ съ игорными домами, гдѣ мы могли позабавиться и попытать счастья. Но иногда для Дюпюи наставали часы ипохондріи и моральной реакціи, во время которыхъ онъ проклиналъ игру, удалялся отъ нея и старался отклонить меня, какъ младшаго изъ всѣхъ, отъ роковаго стола. „Игра, говорилъ онъ — есть борьба двухъ сторонъ. Начинаютъ всегда, какъ всякую другую борьбу, естественнымъ образомъ, продолжая дѣлаешься все болѣе и болѣе искуснымъ борцомъ. Въ связи съ игрой то обстоятельство, что со временемъ выработываются особыя средства нападенія и защиты, наконецъ впадаешь въ уловки, которымъ тщательно выучиваешься. Легко себѣ представить какого двусмысленнаго свойства могутъ быть эти уловки при игрѣ. Совѣтую вамъ по этому, любезный баронъ, бросить игру; хотя я и мысли не допускаю, чтобы вы когда либо прибѣгли къ упоминаемымъ уловкамъ, но вы тѣмъ легче можете сдѣлаться жертвою ихъ.“ Я часто вспоминалъ слова Дюпюи, но долго, однакожъ, не слѣдовалъ имъ.

Полковникъ графъ Ламбертъ, у котораго были дѣла въ Аугсбургѣ, задержалъ меня при себѣ и мы догнали полкъ уже въ Штокахѣ. Вслѣдъ за тѣмъ намъ назначили квартиры, чтобы хорошенько дать отдохнуть лошадямъ, послѣ продолжительнаго похода. Мнѣ приказано размѣститься на квартирахъ въ Нейкирхѣ, деревнѣ близь Линдау, которая, казалось мнѣ, лежитъ среди великолѣпнаго сада, въ прекрасной, зеленой Швабіи, не вдалекѣ отъ Боденскаго озера. Мы стояли здѣсь двѣ недѣли и потомъ пошли къ Шафгаузену, гдѣ и стали лагеремъ по берегу Рейна у Лауфена. Можно ли было болѣе романтически ждать сраженій, къ которымъ мы пришли изъ за нѣсколькихъ сотъ миль, какъ ждали мы при рейнскомъ водопадѣ? Часто стоялъ я, вглядываясь въ низвергающіяся массы воды, прислушивался къ громоподобному паденію водопада, смотрѣлъ какъ уносились пѣнящіяся волны и помышлялъ о предстоящихъ намъ громахъ пушекъ и ожесточенныхъ битвахъ, въ пылъ которыхъ я буду увлеченъ, какъ одна изъ этихъ исчезающихъ волнъ. Часто впослѣдствіи вспоминалъ я о рейнскомъ водопадѣ, бурный грохотъ котораго представился мнѣ величественнымъ прологомъ той шумной драмы, которую мы вскорѣ представили въ близости его.

Начало сраженій насъ все таки поразило неожиданностью, Я съ товарищами отправился утромъ одного дня, начавшагося также праздно какъ и прочіе, на другую сторону въ Шафгаузенъ и сидѣли за зелеными, римскими кружками, полными искрометнаго вина, когда по направленіи къ Цюриху послышалось нѣчто въ родѣ пальбы изъ пушекъ. „Это водопадъ!“ говорили одни, „гроза“ повторяли другіе, но грохотъ орудій все становился явственнѣе. Мы бросились

къ, лошадямъ и поскакали къ полку Наступала ночь и мы получили приказъ перейти Рейнъ у Эглизау и соединиться съ 4000 баварцевъ, чтобы усилить корпусъ Корсакова, на котораго напалъ генералъ Массена въ разныхъ пунктахъ. Генералъ Войновъ созвалъ эскадронныхъ командировъ, отдалъ приказаніе къ ночному походу, и мы двинулись.

На слѣдующее утро, 15/26 сентября, началась живая канонада. Мы узнали, что Массена перешелъ форсированнымъ маршемъ черезъ Лимматъ, взялъ Цюрихъ и что Корсаковъ отступаетъ. Вскорѣ пришелъ къ намъ приказъ двинуться на рысяхъ, для подкрѣпленія и прикрытія отступленія. Въ скоромъ времени встрѣтили мы генерала Корсакова, съ разстроеннымъ лицомъ, сопровождаемаго генеральнымъ штабомъ и Сумскимъ гусарскимъ полкомъ. Этотъ храбрый полкъ нѣкоторое время стоялъ подъ убійственнымъ огнемъ и потерялъ много людей; въ особенности жалѣли о его шефѣ, храбромъ генералѣ Лыкошинѣ, убитомъ пушечнымъ ядромъ. Въ то время какъ мы безостановочно шли впередъ, на встрѣчу намъ подходили пѣхота, артиллерія, обозы, двигавшіеся то впередъ, то назадъ.

Мы горѣли нетерпѣніемъ встрѣтиться съ непріятелями и наконецъ увидѣли ихъ. Но между тѣмъ наступала ночь, мы по этому остановились и удовольствовались тѣмъ, что захватили нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ и задержали наступленіе непріятеля. Ночью половина лошадей была разнуздана, кирасиры разложили бивуачные огни и отдыхали около костровъ, но я все время не спалъ, а сидѣлъ на связкѣ соломы близъ моего коня, или же бродилъ отъ одного костра къ другому Во мнѣ бушевали и мчались мысли одна за другой. Завтра первая битва! Борьба на жизнь и смерть съ давно ожидаемымъ, ненавистнымъ врагомъ! Какъ заманчива прелесть возможной побѣды! Голова была занята такими мыслями. Затѣмъ заговорила сердце и чувства. Сегодняшняя ночь, быть можетъ, послѣдняя въ моей жизни! Сегодня, быть можетъ, я въ послѣдній разъ вижу тѣ звѣзды, которыя блещутъ и надъ моей далекой родиной! Туда дойдетъ вѣсть о моей смерти и опечалитъ родные сердца, но я ихъ уже болѣе не увижу! Такія ощущенія волновали меня, когда уже начало свѣтать, и скоро барабанный бой призвалъ насъ на коней.

Мы двинулись въ боевомъ порядкѣ впередъ, непріятель подался назадъ. Между тѣмъ Корсаковъ получилъ извѣстіе, что нѣкоторые пѣхотные полки и артиллерійскій паркъ отстали отъ арміи и что дорога на Эглизау для нихъ отрѣзана непріятелемъ. Поэтому онъ приказалъ генералу Войнову разыскать эти части и съ этой цѣлью далъ ему въ подкрѣпленіе казачій полкъ Астахова. И такъ мы двинулись, 16/27 сентября, вдоль непріятельской линіи и направились на Винтертуръ, въ предположеніи, что отрѣзанный корпусъ пошелъ по

дорогѣ на Диссенгофенъ. Едва мы достигли Винтертура, какъ замѣтили, что окружены со всѣхъ сторонъ непріятелемъ; но такъ какъ наше появленіе совершилось слишкомъ неожиданно, то непріятель не напалъ на насъ немедленно, и мы блестящею атакою пробились сквозь его ряды, даже захвативъ нѣсколько плѣнныхъ.

Скоро, однакоже, мы были вынуждены переплыть чрезъ Туръ и плохими, тропиночными дорогами пробираться на эглизаускую дорогу При этомъ мы крупной рысью въѣхали въ какую-то деревню, занятую французами, которые въ удивленіи и нерѣшимости только смотрѣли на насъ изъ оконъ, ничего противъ насъ не предпринимая. Только по послѣднему эскадрону они сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Не смотря на быстроту, рѣшительность и ловкость казаковъ, соединившихся съ нами, мы съ большимъ трудомъ, отбивая нерѣдко мелкія нападенія, достигли до Эглизау, куда пробились части тѣхъ батальоновъ, которыхъ мы искали. Здѣсь, по приказанію Корсакова, нужно было сжечь мостъ чрезъ Рейнъ. Мы расположились по правому берегу рѣки въ виноградникахъ и нашли къ своему счастію по близости сложенные запасы овса, которыми мы съ радостью воспользовались, чтобы надлежащимъ образомъ подкрѣпить нашихъ славныхъ коней, изнуренныхъ дневнымъ, тяжкимъ переходомъ.

Сюда намъ присланъ приказъ отступить къ Шафгаузену, стать за предмостнымъ укрѣпленіемъ, которое наскоро устроили неподалеку отъ Райскаго монастыря у Бюзингена. Вскорѣ послѣ того генералъ Войновъ принялъ начальство надъ форпостами лѣваго крыла. Мы снова перешли на лѣвый берегъ Рейна у Диссенгофена и стали нести форпостную службу одновременно съ уральскими казаками, намъ помогалъ еще одинъ егерскій полкъ. Каждый день у насъ съ непріятелемъ бывали перестрѣлки. Но такъ какъ онъ неожиданно исчезъ изъ нашихъ глазъ, то генералъ князь Горчаковъ (впослѣдствіи генералъ-аншефъ и военный министръ) приказалъ мнѣ съ моимъ эскадрономъ и сотнею козаковъ отправиться на рекогносцировку Это было въ первый разъ, что я долженъ былъ дѣйствовать самостоятельно и по собственному усмотрѣнію. Признаюсь, мнѣ это показалось дѣломъ болѣе труднымъ, нежели я предполагалъ. Пристально осматривая окрестности, проѣхалъ я болѣе мили, ничего не открывъ; наконецъ я увидѣлъ непріятеля онъ переправлялся черезъ Туръ. Я получилъ точное приказаніе не вступать ни въ какое сраженіе, а только наблюдать за непріятелемъ и его движеніями и по возможности опредѣлить его силы. Этимъ я и ограничился, но не могъ удержаться противъ слишкомъ сильнаго искушенія, и взялъ въ плѣнъ двухъ французскихъ красныхъ гусаръ, вмѣстѣ съ ихъ офицеромъ, но при этомъ получилъ небольшей ударъ саблей.

Изнемогая отъ усталости, прибылъ я къ ночи въ лагерь съ моей военной добычей, щеголявшей красной одеждой и огромными

бородами; я промокъ такъ, хоть выжми, на форпостѣ невозможно было перемѣнить платье и я легъ весь мокрый къ огню; отъ меня валилъ паръ какъ отъ похлебки въ горшкѣ и я еще влилъ въ себя горячаго пуншу Это было подражаніе впослѣдствіи изобрѣтенному въ холодныхъ Судетахъ леченію Присница, употребленному мною, конечно, безъ всякой методы и правилъ. Дѣло сошло мнѣ съ рукъ безнаказанно, благодаря лучшему врачу, сидѣвшему во мнѣ тогда молодости.

Когда мой эскадронъ стоялъ на форпостной цѣпи, я всегда старался охранять монастырь св. Екатерины, который находился у меня почти подъ рукой. Я давалъ настоятельницѣ охранную стражу и вообще оказывалъ всевозможное вниманіе этому благочестивому дому, за что съ своей стороны монахини выражали свою благодарность. Онѣ присылали мнѣ славно приготовленный обѣдъ, крѣпкій кофе и отличный ликеръ съ другими разными припасами. Когда послѣ жаркой битвы, 7-го октября, мы принуждены были отдать французамъ лѣвый берегъ Рейна, я съ прискорбіемъ увидѣлъ, что набожныя монахини попали въ руки безбожныхъ, новѣйшихъ язычниковъ, и съ тѣхъ поръ я не могъ узнать, что сталось съ монастыремъ.

Въ вышеупомянутый день на насъ напалъ при Шлатѣ Удино съ превосходными противъ насъ силами и оттѣснилъ насъ къ Диссенгофену Хотя наша кавалерія много разъ совершала блестящія атаки, хотя мой эскадронъ изрубилъ саблями прислугу при непріятельскихъ орудіяхъ, и взялъ бы самыя орудія, если бы не послѣдовало общее отступленіе. но все таки, вслѣдствіе сраженія и сильнаго натиска французовъ, мы принуждены были уступить имъ лѣвый берегъ Рейна и сжечь за собою мостъ.

Этимъ и кончились наши дѣйствія противъ непріятеля въ этой мѣстности. Князь Суворовъ совершилъ свой знаменитый переходъ чрезъ С-ть Готардъ и еще болѣе тяжелый походъ чрезъ Гларусъ въ Куръ; онъ далъ генералу Корсакову приказаніе идти на Линдау и Брегенцъ, для соединенія съ нимъ. На оставленныя нами позиціи стали австрійцы подъ начальствомъ генерала Науендорфа, пришедшіе изъ Мангейма. Я описалъ изъ всѣхъ происходившихъ здѣсь военныхъ дѣйствій только то, чему самъ былъ свидѣтелемъ. Но такъ какъ нашъ старшій генералъ Корсаковъ былъ при этомъ дѣйствующимъ лицомъ, то я позволю себѣ сдѣлать о немъ нѣсколько замѣчаній. Вину его пораженія при Цюрихѣ слѣдуетъ приписать не войскамъ, которыми онъ командовалъ они всѣ сражались храбро, а его высокомѣрію и пагубному, ложному его мнѣнію о французахъ. Онъ прежде участвовалъ въ прежнихъ походахъ при арміи Кондэ, въ Нидерландахъ и на Рейнѣ, и усвоилъ себѣ предразсудки окружавшихъ его. По его мнѣнію выходило, что новѣйшія войска французовъ состоятъ изъ дряннаго, незнающаго военнаго дѣла сброда, который

наводитъ страхъ на нерѣшительныя войска только своими массами, но что этотъ сбродъ послѣ шумнаго и бѣшенаго нападенія долженъ разсѣяться какъ стадо барановъ при встрѣчѣ съ хорошо построенными, бодрыми духомъ солдатами. Не владѣя высшими дарованіями военнаго начальника, но за то полный надменности и кичливости, которую онъ въ особенности далъ почувствовать союзнымъ съ нами австрійцамъ, онъ не снискалъ себѣ любви въ собственныхъ войскахъ, за то навлекъ на себя ненависть союзниковъ. При Цюрихѣ онъ надѣлалъ промаховъ, какихъ не сдѣлалъ бы новичекъ въ военномъ искуствѣ; этихъ его ошибокъ не могли исправить ни стойкость, ни вся самоотверженная храбрость его отличныхъ войскъ. Но высокомѣріе его, хотя и жестоко пораженное на время, не оставило его онъ все свалилъ на австрійцевъ, которые, конечно, не были свободны отъ всякой вины, и въ позднѣйшее время онъ хвалился своими военными подвигами въ Швейцаріи [13]).

---

[13]) Блестящія побѣды Суворова въ Италіи не принесли никакихъ существенно важныхъ результатовъ союзникамъ: они сами не дали Суворову довершить начатаго и уже въ іюлѣ 1799 г. составили планъ вторженія въ предѣлы Франціи для низверженія республики. Русскіе войска должны были сосредоточиться въ Швейцаріи и отсюда, подъ предводительствомъ Суворова, итти во Францію. Для исполненія этаго плана, Суворовъ долженъ былъ оставить Италію и прибыть въ Швейцарію, куда въ половинѣ іюля былъ двинутъ и 28,000 корпусъ Римскаго-Корсакова. Войска Корсакова находили въ Германіи пріемъ очень радушный. Нѣмцы, пишетъ Милютинъ, дивились дисциплинѣ и кротости нашихъ солдатъ; но въ особенности поражены были видомъ уральскихъ казаковъ. Въ большихъ городахъ толпы народа встрѣчали и провожали русскія войска; любопытные ходили смотрѣть какъ солдаты обѣдали, даже пробовали солдатскую кашу.

Въ началѣ августа, Римскій-Корсаковъ сталъ у Шафгаузена, отправился въ главную квартиру австрійскаго эрцъ-герцога Карла въ Клотскѣ, и здѣсь съ изумленіемъ узналъ, что австрійцы оставляютъ Швейцарію. Суворовъ былъ далеко, а удержаться въ Швейцаріи одному Римскій-Корсаковъ совершенно справедливо и вѣрно считалъ дѣломъ невозможнымъ: его 28,000 корпусъ могъ быть раздавленъ республиканцами, хотя корпусъ его и былъ, по личному составу, безусловно хорошъ: солдаты были одушевлены тою же отвагою, какъ и солдаты Суворова, въ числѣ генераловъ этого корпуса были способные люди: князь Алексѣй Горчаковъ, Сакенъ, Войновъ, Фокъ, Лыкошинъ и др. Самъ Александъ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ былъ человѣкъ не безъ опыта, не безъ образованія, и человѣкъ съ характеромъ. Онъ родился въ Москвѣ 13 августа 1753 г., и въ дѣтствѣ былъ записанъ капраломъ въ Преображенскій полкъ; въ 1778 г. былъ выпущенъ подполковникомъ въ Черниговскій пѣхотный полкъ и съ отличіемъ учавствовалъ во второй турецкой и шведской войнахъ 1788—90 годахъ. Въ 1793 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и отправленъ въ Англію; за тѣмъ волонтеромъ учавствовалъ въ походѣ 1794 г. въ Нидерландахъ, въ 1796 году былъ въ персидскомъ походѣ, а въ 1798 г. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ командиромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Его-то императоръ Павелъ и избралъ на мѣсто Нумсена. Но каковы бы то ни были хорошія качества Римскаго-Корсакова, онъ все-таки являлся человѣкомъ не вполнѣ способнымъ искусно руководить дѣйствіями ввѣреннаго ему отряда: онъ былъ, какъ справедливо говоритъ Левенштернъ и какъ пишетъ Милютинъ, гордъ и самонадѣянъ, въ штабѣ его не было никакого порядка, войска сами располагались въ лагерѣ и шли въ походъ безъ всякихъ заботъ со стороны корпуснаго штаба.

Мы снялись съ лагеря въ Шафгаузенѣ въ дождливую, бурную ночь. Чтобы погрѣться и разсѣять свое мрачное расположеніе духа, мы зажгли наши соломенные шалаши, прежде нежели оставили ихъ; австрійцы, разсчитывавшіе на готовыя квартиры, косо на это посматривали. Дурная погода продолжалась и нашъ походъ на Штоккахъ былъ чрезмѣрно тяжелъ. Прибывъ въ его окрестности, мы нашли всѣ деревни переполненными квартирантами, и намъ снова пришлось устроивать бивуакъ подъ проливнымъ дождемъ. Пока мои всадники издалека привозили мокрую солому и такіе же дрова, чтобы соорудить какую нибудь защиту отъ непогоды и развести огонь, я бродилъ дрожа отъ холоду и лихорадки, ища по сосѣдству какого нибудь крова. Бѣдный сторожъ виноградника, у землянки котораго я постучался, уступилъ мнѣ свое несчастное ложе, которое онъ нагрѣлъ лежа на немъ, и я растянулся на этомъ ложѣ съ такимъ восторгомъ, какъ будто это былъ роскошный диванъ. Когда я мало по малу согрѣлся, меня стали посѣщать сладкія грезы я покоился на великолѣпной постели съ тяжелымъ, шелковымъ пологомъ и занавѣсками и прекрас-

---

Съ прибытіемъ Корсакова, эрцъ-герцогъ, хотя и сдѣлалъ нѣкоторую попытку противъ французовъ, но совершенно неудачную, къ 16 августа онъ оставилъ Швейцарію, и Корсакову пришлось волею-неволею занять у Цюриха позицію, покинутую австрійцами, у которыхъ въ это время затѣялись уже сношенія съ Франціею и возникли надежды овладѣть Италіею и Нидерландами. Они покидали русскихъ на произволъ судьбы.

Французскій главнокомандующій въ Швейцаріи, Массена, напалъ на Корсакова 14 сентября при Цюрихѣ и нанесъ ему жестокое пораженіе: русскіе потеряли огромное число убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ, 26 орудій, 51 зарядный ящикъ, 9 знаменъ, почти весь обозъ, парки, палатки. Правда, французы значительно въ силахъ превосходили русскихъ, но несомнѣнно и то, что Массена искусно воспользовался ошибками Корсакова. Корсаковъ не понялъ во время всей опасности своего положенія, готовился къ наступленію, когда не въ силахъ былъ удержать позицію свою; мечталъ о побѣдѣ впереди Цюриха, когда непріятель обошелъ его въ тылъ, и за тѣмъ въ самую рѣшительную минуту, когда приходилось думать о спасеніи арміи отъ конечнаго пораженія, Корсаковъ потерялъ голову.

Цюрихское сраженіе едва было не погубило Суворова, шедшаго въ это время изъ Италіи въ Швейцарію. Суворовъ съ 18-ти тысячнымъ своимъ отрядомъ явился 18 сентября окруженнымъ французами въ Мутенской долинѣ. Гибель русскихъ, по видимому, была неизбѣжна, но Суворовъ не потерялся. Онъ мало того, что пробился, но самъ нанесъ пораженіе французамъ и побѣдоносно, 27 сентября, прибылъ въ Куръ. 1 октября кончился знаменитый швейцарскій походъ Суворова — вѣнецъ его воинской славы. 8 октября въ Линдау всѣ русскіе корпуса соединились въ одну армію подъ начальствомъ Суворова.

24 октября Римскій-Корсаковъ былъ отставленъ онъ службы, хотя Суворовъ въ донесеніи государю оправдывалъ дѣйствія его подъ Цюрихомъ, но 16 марта 1801 г. былъ принятъ въ службу вновь и вслѣдъ за тѣмъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи. Въ 1802 г. Корсаковъ былъ назначенъ бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ; въ сентябрѣ 1806 назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Вильну и въ 1807 г. вышелъ въ отставку. Въ апрѣлѣ 1812 г. онъ опять поступилъ на службу и вторично назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Литву; въ этой должности онъ состоялъ по 20 декабря 1830 г., за тѣмъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и въ этомъ званіи умеръ 13 мая 1840 г., на 87 г. отъ рожденія.

ныя дамы являлись ко мнѣ освѣдомляться, совершенно ли я поправился, послѣ своей легкой сабельной раны, полученной на томъ берегу Рейна; онѣ подчивали меня изъ своихъ маленькихъ ручекъ пѣнящимся шоколадомъ въ серебряной посудѣ и изъявляли мнѣ свое горячее участіе различными другими услугами. Когда я наконецъ проснулся и хорошенько протеръ себѣ глаза, то увидѣлъ вокругъ себя нѣчто совсѣмъ другое. Я лежалъ въ низенькой землянкѣ, какія виноградныя сторожа строятъ себѣ для ночлеговъ въ виноградникахъ. Дверь плотно запиралась, чрезъ нее должны были проходить свѣтъ и воздухъ, постель состояла изъ грязной, истертой соломы, одѣяло — старый, изношенный, вонючій тулупъ; на полу, на футъ отъ моего рта, притаилась жаба и копошились различныя насѣкомыя въ родѣ подпольныхъ червей съ многочисленными ножками и пауковъ на высокихъ, членистыхъ лапахъ. Я вскочилъ и вышелъ изъ землянки. Добрый сторожъ уже привелъ свою жену и она варила кофе въ желѣзной посудинѣ. Я напился жидкой болтушки съ такимъ удовольствіемъ, какъ будто ее приготовилъ царскій мундшенкъ, наградилъ своего гостепріимнаго хозяина и возвратился къ своимъ хлопотливымъ всадникамъ. Они дѣйствительно изрядно похлопотали и увидѣлъ соломенные навѣсы, вахтенные костры пылали и котлы начинали уже закипать.

Мы двинулись вдоль Боденскаго озера на Линдау и Брегенцъ. Погода прояснилась и нашъ путь сдѣлался пріятнымъ. Тогда была пора уборки винограда. вездѣ было вдоволь виноградныхъ кистей и сладкаго, опьяняющаго сока. Сторожа и крестьяне всѣ были навеселѣ; ихъ собственно война не коснулась. Если и не доставало въ ясномъ, осеннемъ воздухѣ громкихъ, германскихъ пѣсенъ, то ихъ полкъ замѣняло веселое пѣніе нашихъ кирасиръ, которымъ позволяли пить сладкій сокъ. Такимъ образомъ достигли мы назначеннаго намъ лагеря у Линдау

Съ двумя сотнями казаковъ я былъ посланъ отсюда въ Куръ съ тѣмъ, чтобы снова возстановить сообщеніе съ главною арміею, подъ предводительствомъ князя Суворова, сообщеніе, прерванное послѣдними событіями.

Я нашелъ оскорбленнаго героя въ одной граубинденской деревнѣ, гдѣ онъ, окруженный частью генеральнаго штаба, сидя на переносномъ стулѣ (стольчакѣ), освобождался отъ несваренія въ желудкѣ. Жизнь Суворова была столь публичною, его характеръ столь прозраченъ, его время наконецъ было столь занято, что нельзя осуждать его слишкомъ строго, если онъ, у котораго душа была на распашку, вопреки общепринятымъ обычаямъ, открыто при людяхъ совершалъ такія тѣлесныя отправленія, которыя обыкновенно совершаются въ сторонѣ и въ отходномъ мѣстѣ. Онъ при этомъ не подозрѣвалъ ничего дурнаго и ужъ навѣрное не хотѣлъ этимъ показать какое либо

пренебреженіе къ своимъ подчиненнымъ. Я хотя и зналъ объ этомъ его обычаѣ по разсказамъ, но все таки меня поразило, когда я увидѣлъ его сидящаго и стонущаго на стольчакѣ въ то время, какъ штабные стояли вокругъ него съ серьезными и молчаливыми физіономіями. Для довершенія этой оригинальной картины въ теньеровскомъ вкусѣ, возлѣ стольчака стоялъ высокій, величавый ординарецъ — казакъ, который держалъ въ лѣвой рукѣ разрѣзанную на четвертушки бумагу, а правою подавалъ ее по мѣрѣ потребности работающаго, по временамъ и въ полголоса восклицающаго ура! коли, руби, гони! Знаменитый старецъ употреблялъ неудобоваримую пищу, потому подобныя засѣданія продолжались обыкновенно довольно долго — въ теченіе ихъ производились разныя дѣла. Мои депеши принялъ, однако, не онъ самъ, а его адъютантъ Кушниковъ, который вмѣстѣ со статскимъ совѣтникомъ Фуксомъ распрашивали меня о положеніи и сбстоятельствахъ армейскаго корпуса Корсакова. Въ позднѣйшія времена я часто думалъ объ этой сценѣ, и какъ мнѣ было хорошо извѣстно на сколько Суворовъ любилъ картинно выражать свои мнѣнія, то мнѣ приходило на мысль, что мое появленіе напомнило Суворову о дѣяніяхъ нашего генерала и о сраженіи подъ Цюрихомъ, и онъ сидѣніемъ на стольчакѣ символически хотѣлъ выразить свое презрѣніе къ нимъ [14]).

---

[14]) По соединеніи корпусовъ, Римскій-Корсаковъ представлялся Суворову. Трефуртъ такъ разсказывалъ объ этомъ представленіи (см. Ист. 1799 г. Милютина, т. 2 стран. 325):

„Генералиссимусъ, въ полномъ мундирѣ, въ орденахъ, вышелъ заранѣе въ пріемную залу, гдѣ собранъ былъ весь штабъ его и главная квартира. Въ ожиданіи Корсакова, Суворовъ ходилъ по комнатѣ съ замѣтнымъ волненіемъ, то жмуря глаза, то охорашиваясь и приговаривая: „Александръ Михайловичъ генералъ придворный; помилуй Богъ, онъ человѣкъ учтивый: онъ дѣлалъ на караулъ французамъ; надобно принять его съ почестью“.... и пр. Наконецъ пріѣхалъ Корсаковъ: съ видимымъ смущеніемъ вошелъ онъ въ залу и подошелъ съ рапортомъ въ рукѣ къ генералиссимусу; но тотъ отошелъ шагъ назадъ, выпрямился и, вперивъ проницательный взглядъ свой въ глаза Корсакова, проговорилъ: „Адда, Треббія, Нови... родныя сестры!... а Цюрихъ?...“ и съ этимъ словомъ, закинувъ вдругъ голову назадъ, сдѣлалъ самую ѣдкую и презрительную ужимку. Корсаковъ не нашелъ ни слова въ отвѣтъ; протянулъ было руку съ рапортомъ; но Суворовъ, обернувшись быстро назадъ, схватилъ какой то эспонтонъ, началъ имъ дѣлать разныя движенія и спрашивать у Корсакова: „Какъ же вы, Александръ Михайловичь, дѣлали Массенѣ на караулъ; такъ?.. или этакъ?“... и постепенно отступая назадъ къ двери своего кабинета, сдѣлалъ Корсакову знакъ пойти за нимъ. Впустивъ его, Суворовъ заперъ двери. Довольно долго происходилъ между ними разговоръ, но столь тихо, что и стоявшіе возлѣ самыхъ дверей ничего не слышали. Корсаковъ вышелъ наконецъ изъ кабинета еще болѣе прежняго растроганный и смущенный: быстро прошелъ онъ мимо всѣхъ оставшихся въ залѣ, и уѣхалъ опять въ свою главную квартиру“ Въ октябрѣ Суворовъ получилъ рескриптъ императора Павла отъ 14 октября 1799 г., въ которомъ между прочимъ государь писалъ: „Коль скоро соединеніе ваше съ корпусомъ ген.-лейт. Корсакова воспослѣдуетъ, то, раздѣля войска наши на равныя корпуса, препоручить, яко старшимъ, тремъ генераламъ у васъ находящимся, т. е. генер.

По соединеніи отдѣльныхъ корпусовъ, вся армія двинулась въ Швабію и главную квартиру помѣстили въ Аугсбургѣ. На маршѣ попадались мнѣ и хорошія и дурныя квартиры; я еще и теперь вспоминаю двѣ превосходнѣйшія. Одна прекрасная стоянка была въ замкѣ графа Кенигсэка, который принялъ и обласкалъ насъ, военныхъ пришельцевъ, какъ милыхъ гостей. Другую памятную мнѣ квартиру имѣлъ я въ абатствѣ Бухау, находившемся въ городкѣ того же имени при Федерскомъ озерѣ. Игуменьей, носившей званіе имперской княгини, въ то время была графиня Стадіонъ, дама величественнаго вида, лѣтъ около шестидесяти. Ее окружали монахини изъ первѣйшихъ фамилій нѣмецкой имперіи между ними находились три графини Гогенцоллернъ, графиня Кенигсэкъ, Трухзесъ, Фуггеръ.

Всѣ онѣ составляли маленькій, княжескій дворъ, съ гофмаршаломъ, камергерами и другими чинами. При аббатствѣ состояло даже войско: мнѣ княгиня игуменья говорила, что она обязана въ имперскую армію ставить двухъ всадниковъ и шесть пѣхотинцевъ, союзниками и соратниками которыхъ мы были въ то время. Для веденія свѣтскихъ дѣлъ у нея былъ канцлеръ, очень дѣльный и ученый человѣкъ, удѣлявшій, по своей добротѣ, мнѣ много своего свободнаго времени. Изъ его разсказовъ узналъ я, что аббатство Бухау основано сестрой Карла Великаго, Гильдегардою. Она потеряла мужа и троихъ сыновей убитыми въ сраженіи противъ венгровъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ аббатство, которое она послѣ того

Дерфельдену, Розенбергу и Швейковскому, и разсмотря по вышеписанному диспозицію ген. лейтен. Корсакова въ день его сраженія, доставьте ко мнѣ мнѣніе о семъ ваше, дабы я изъ онаго могъ видѣть, причиною ли онъ былъ сему происшествію"

Суворовъ донесъ отъ 5 ноября: „По высочайшему вашего императорскаго величества рескрипту, отъ 14 октября послѣдовавшему, разсматривалъ я всѣ распоряженія въ день сраженія 15 сентября ген.-лейт. Римскимъ-Корсаковымъ учиненныя, нашелъ ихъ вѣрными, поелику они клонились къ низверженію непріятеля, въ трехъ пунктахъ его аттаковавшаго... И какъ въ тоже время противъ посту ген.-маіора Маркова непріятель переправясь его атаковалъ, то Корсаковъ послалъ туда усиленіе, имѣя твердую надежду на прибытіе ген.-лейт. Дурасова, въ 18 верстахъ оттуда стоявшаго... Корсаковъ, пробившись сквозь превосходнѣйшаго непріятеля, отошелъ къ Эглизау, гдѣ и соединился съ Дурасовымъ; сей, по моему мнѣнію, причиною происшедшаго, поелику занятъ будучи одною лишь канонадою и угроженіемъ переправы, не поспѣшилъ соединиться съ прочими войсками въ бою бывшими"...

Не смотря на это оправданіе Корсакова, императоръ Павелъ отставилъ его отъ службы, равно отставилъ Дурасова и генераловъ Сакена, Лыкошина и Маркова, бывшихъ въ бою подъ Цюрихомъ. Впослѣдствіи, 9 апрѣля 1800 г., въ приказѣ было объявлено, что полкамъ, потерявшимъ знамена подъ Цюрихомъ, таковыхъ впредь дано не будетъ.

Милютинъ разбирая въ своей исторіи 1799 г. истинныя причины бѣдствія, постигшаго наши войска подъ Цюрихомъ, приходитъ къ заключенію, что несчастному исходу цюрихскаго сраженія способствовали не ошибки Дурасова, а недальновидныя распоряженія самаго Корсакова.

выстроила и въ которое поступила первой игуменьей. Она погребена въ аббатствѣ вмѣстѣ съ супругомъ и тремя убитыми сыновьями. Я слушалъ такіе разсказы изъ девятаго столѣтія съ нѣкоторымъ страхомъ; по словамъ канцлера, всѣ эти сказанія подтверждаются документами. Какъ молода предъ ними показалась мнѣ моя родная Эстляндія, о которой еще послѣ трехсотъ позднѣйшихъ лѣтъ не знаютъ, люди ли тамъ жили или только лягушки съ мышами. А здѣсь предо мною сидѣла живая графиня Стадіонъ и лежали кипы документовъ, по которымъ отъ одной игуменьи до другой можно было дойти до Гильдегарды, сестры Карла Великаго!

Я прожилъ много дней въ Бухау, занимая достопочтенныхъ монахинь и занимаемый самъ канцлеромъ. Онъ зналъ хорошо не одни монастырскія лѣтописи, но изучилъ Гельвеція, Бюффона и многихъ другихъ писателей. Когда онъ замѣтилъ мое неудовольствіе на то, что незначительное аббатство Бухау тремя стами лѣтъ древнѣе моей славной родины Эстляндіи, онъ мнѣ однажды сказалъ „Never mind't (не тревожьтесь), что значатъ триста лѣтъ этой разницы и всѣ тысячелѣтія существованія Бухау вообще предъ числами міровъ! Человѣкъ даетъ существованію вселенной семь тысячъ лѣтъ, а природа указываетъ по крайней мѣрѣ на восьмидесятитысячелѣтнее существованіе. Хотя человѣкъ очевидно не отдаетъ вселенной должнаго уваженія, то все таки дѣло не плохо!“ Это было началомъ бесѣдъ нашихъ съ канцлеромъ о геологіи, хронологіи, исторіи и политикѣ. Онъ былъ тѣмъ, что нынѣ называютъ умѣреннымъ разрушителемъ, я же напротивъ былъ ревностный консерваторъ, а это и подавало поводъ къ оживленнымъ спорамъ, для меня въ особенности поучительнымъ.

Нашъ дальнѣйшій походъ продолжался на Ридлингенъ, гдѣ мы нѣсколько дней отдыхали, потомъ мы пришли въ окрестности Аугсбурга и остановились на квартирахъ въ деревнѣ Мюльгаузенъ. Часть этой деревни заняли войска арміи Кондэ и именно лейбъ-эскадронъ драгунскаго герцога Энгіенскаго полка. Ими командовалъ графъ Шарль Дамасъ, впослѣдствіи пэръ Франціи и оберъ-камергеръ. Старшимъ офицеромъ послѣ него былъ полковникъ баронъ Грюнштейнъ, тотъ самый, который нѣсколько лѣтъ спустя, при извѣстномъ захватѣ герцога, былъ принятъ французскими жандармами за самого герцога Энгіенскаго. Къ сожалѣнію у него недостало присутствія духа оставить ихъ въ этомъ заблужденіи, иначе вся эта злославная исторія приняла бы другой оборотъ, потому что едва ли бы французы разстрѣляли Грюнштейна.

Мы жили дружно и весело, въ одномъ эскадронѣ состояло тридцать офицеровъ, между которыми были Бутильеръ, Бюсси, Сюлли, Отейль, Праконталь и пр. Герцогъ Энгіенскій нерѣдко самъ пріѣзжалъ въ Мюльгаузенъ и принималъ участіе въ удовольствіяхъ и го-

рестяхъ своихъ офицеровъ. Удовольствій было больше, чѣмъ горя. У молодыхъ, легкомысленныхъ кавалеровъ водились еще кое какія деньжонки, а надежды ихъ были неразрушимы. Когда жизнь въ Мюльгаузенѣ казалась намъ слишкомъ узкой и однообразной, то мы скакали въ Аугсбургъ, гдѣ военная колонія устроила множество игорныхъ домовъ. Тутъ всѣ ликовали и пробовали счастья, тутъ золото и серебро плавилось въ горнилѣ игры. Я самъ видѣлъ, какъ тотъ либо другой изъ мюльгаузенскихъ кавалеровъ проигрывалъ до чиста все, даже своего ѣздоваго и боеваго коня, и возвращался на квартиру, занявъ наемную лошадь или на реквизиціонной подводѣ.

Проживъ нѣсколько недѣль въ Аугсбургѣ и его окрестностяхъ, мы получили приказъ выступить походомъ въ Чехію. Выступленіе ознаменовалось для меня особеннымъ случаемъ. Мой долголѣтній слуга, эстонецъ и крѣпостной человѣкъ моего отца, неожиданно покинулъ меня, забравъ съ собою нѣсколько моихъ вещей, удобныхъ для переноски. Чехія, Польша, даже издали манящая къ себѣ его эстонская родина, повидимому, потеряли для него притягательную силу, и онъ предпочелъ укрыться отъ меня гдѣ-то въ Швабіи, пока мы не уйдемъ походомъ дальше. Въ скорости его нигдѣ не могли найти и я долженъ былъ отказаться отъ возможности доказать ему на сколько онъ поступаетъ несправедливо, мѣняя мягкую, благозвучную эстонскую рѣчь на твердый и протяжный, швабскій діалектъ.

Оставленный нечаянно моимъ старымъ, услужливымъ другомъ (онъ былъ товарищемъ моихъ дѣтскихъ игръ), я продолжалъ извѣстную уже мнѣ дорогу на Регенсбургъ, гдѣ имѣлъ честь быть приглашеннымъ къ столу княгини Турнъ и Таксисъ и затѣмъ мы вступили въ древнее Оттокарово царство, гдѣ въ Рокичанѣ, близь Пильзена, и размѣстились по квартирамъ. Въ этомъ городкѣ, предвѣстникѣ польскихъ мѣстечекъ, вѣроятно, на меня повѣяло холоднымъ дыханіемъ сѣвера я заболѣлъ и принужденъ былъ перебраться въ Пильзенъ, гдѣ могъ найти лучшую, врачебную помощь. Поправившись, я еще имѣлъ довольно времени, чтобы въ Прагѣ, гдѣ была наша главная квартира, принять участіе въ веселомъ карнавалѣ.

Австрійцы съ неудовольствіемъ смотрѣли на нашъ обратный походъ, тѣмъ не менѣе балы весело шли своимъ чередомъ. Три прекрасныя дамы были блестящими звѣздами, кружившими въ то время головы на балахъ графини Кламъ, Шликъ и Коловратъ. Вокругъ ихъ тѣснился цвѣтъ нашего сѣвернаго рыцарства Милорадовичъ, Каменскій, Шепелевъ, Хитрово [15]).

---

[15]) Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ, родившійся 1 октября 1771 г., графъ, полный генералъ и петербургскій генералъ-губернаторъ, убитъ въ смятеніи 14 дек 1825 года. О родѣ Милорадовичей см. Рус. Ар. 1871 г.

Графа Николай Михайловичъ Каменской, младшій сынъ фельдмаршала, род. въ

Недолго я вращался въ этомъ кругу, скоро я перешелъ въ другой, центромъ котораго была также прекрасная звѣзда, хотя и второй величины. Это была молодая еврейка, дочь богатѣйшаго банкира, съ двумя милліонами гульденовъ приданаго. Эта очаровательная Суламитъ, съ черными, пылкими глазами, маленькимъ, римскимъ носикомъ, прекрасными губками и зубами, крошечными ручками и ножками, была въ особенности привлекательна розовымъ ароматомъ двухъ милліоновъ гульденовъ. Она была въ состояніи отуманить молодыя, корсарскіе сердца и возбудить въ нихъ желаніе одержать надъ нею побѣду Но въ то время Гейнрихъ Гейне еще не писалъ своихъ плѣнительныхъ пѣсень, Берне не сочинялъ еще своихъ писемъ, и еврейку, хотя и крещеную, все таки называли жидовкой. Я съ содроганіемъ подумалъ объ вопляхъ своихъ эстляндскихъ кузинъ и отсталъ отъ прекрасной Суламитъ, которая по своимъ прелестямъ была достойна любви самого премудраго царя Соломона, не менѣе той прежней ея соименницы, красоту которой онъ описываетъ.

Когда я не ухаживалъ за Суламитъ, я проводилъ время за карточнымъ столомъ. Въ то время въ Прагѣ существовала адская игра австрійцы и русскіе хотѣли на послѣдяхъ доканать другъ друга. Я, однакоже, игралъ счастливо. Къ деньгамъ, которыя мнѣ прислалъ отецъ, фортуна прибавила два тяжеловѣсныхъ, золотыхъ слитка. Къ своимъ прежнимъ конямъ я прикупилъ еще двухъ прекрасныхъ лошадей и устроилъ свое походное хозяйство съ тщеславною роскошью. Пылкимъ взорамъ Суламитъ долженъ былъ представиться богатый, изящный рыцарь, это было мое тайное желаніе, вводившіе меня въ излишніе расходы. Но я все таки пугался всякій разъ, когда мое воображеніе рисовало мнѣ черноокую Суламитъ, окруженную эстляндскими бургфрейлейнъ. Не потому, чтобы она не была прекрасна, дивная, молоденькая Суламитъ, но потому что она не соотвѣтствовала требованіямъ моихъ кузинъ и кузиночекъ. Упрямое, нерѣшительное существо — человѣческое сердце!

О походѣ въ Краковъ нечего разсказывать ничего примѣчательнаго, тамъ же принялъ начальство надъ войскомъ генералъ Розенбергъ. Въ Брестъ-Литовскомъ онъ нашелъ приказъ распустить полки по указаннымъ зимнимъ квартирамъ. Я узналъ отъ него пріятное извѣстіе, что за отличіе по службѣ я произведенъ въ маіоры.

1776 г., воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, въ 1799 г. былъ уже генералъ-маіоромъ и участвовалъ въ знаменитомъ швейцарскомъ походѣ Суворова. Впослѣдствіи Каменскій прославился въ шведской войнѣ 1808—1809 г.; въ началѣ 1810 г. былъ назначенъ главнокомандующимъ молдавскою арміею, но не довершилъ турецкой войны: въ январѣ 1811 г. онъ заболѣлъ, былъ отвезенъ въ Одессу, гдѣ и умеръ въ мартѣ 1811 г., будучи полнымъ генераломъ.

Шепелевъ впослѣдствіи былъ генералъ-лейтенантомъ.

Хитрово впослѣдствіи былъ генералъ-маіоромъ и посланникомъ во Флоренціи.

Въ серединѣ зимы мы пришли въ Брестъ и рады были теплымъ квартирамъ, я въ особенности былъ доволенъ своею, которую нашелъ у моего стараго друга и земляка, маіора Гельфрейха. Но наша радость была непродолжительна въ первую же ночь, послѣ нашего прибытія, вспыхнулъ пожаръ, который превратилъ половину городка и домъ, гдѣ я присталъ, въ груды углей и пепла. Опять намъ пришлось стать почти на бивуаки и мы не имѣли причины медлить походомъ. Цѣлью нашего передвиженія были теперь прежнія квартиры въ Валкахъ въ Лифляндіи, и мы счастливо ихъ достигли черезъ Вильну и Ригу

Трудно было, послѣ описанной мною жизни, привыкать къ однообразію въ настоящемъ положеніи. Нѣкоторое развлеченіе доставляла мнѣ охота. Охота въ Лифляндіи еще не подвергается методическому устройству, какъ въ Германіи. Дичь не гонятъ жестокими стратегіями на встрѣчу счастливцу — тактику, который долженъ убить ее по всѣмъ правиламъ стрѣльбы; охотятся здѣсь болѣе естественнымъ образомъ [16]) и подвергаютъ при этомъ собственную жизнь

---

[16]) Охотились дѣйствительно самымъ естественнымъ образомъ. Вотъ что пишетъ Индрикъ Страумитъ (Окраины, II, 26—28) о лифляндской охотѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія:

„Главнымъ развлеченіемъ пасторовъ было ходить на охоту съ помѣщиками, и гонять звѣря стаями собакъ всѣхъ породъ и мастей. Это дѣлалось конечно для потѣхи, а не для какой либо корысти. На этихъ охотахъ бывало шумно, весело и задорно; умные, образованные, степенные люди разсказывали всякія небылицы, хвастались, врали, спорили и отпускали другъ другу колкости. Тѣмъ временемъ, разношерстная стая псовъ усердно работала и ногами и горломъ, гоняясь въ разсыпную за зайчикомъ, бѣленькимъ какъ комокъ снѣга, за этимъ хищнымъ лифляндскимъ звѣремъ. Это я слышалъ и видѣлъ, а вотъ что я самъ испыталъ.

За отсутствіемъ или недостаткомъ собакъ, къ исправленію ихъ должности, сгонялись латыши. Съ октября по январь включительно, особенно когда снѣгъ былъ не слишкомъ глубокъ, — то и дѣло устраивались облавы, или такъ называемыя: „клапперъ-яхты.“ Въ воскресенье, въ мызной корчмѣ, отдавался приказъ, чтобы въ такой-то день, утромъ засвѣтло, въ такой-то деревнѣ, непремѣнно, подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности, каждый дворъ, смотря по величинѣ его, выставилъ отъ одного до двухъ загонщиковъ на два дня къ ряду. Нечего дѣлать: посылай работника, или бѣгуна — мальчишку, а за неимѣніемъ таковыхъ, иди самъ хозяинъ, съ работницей или дѣвчонкой. Слишкомъ малыхъ не принимали, потому что эти охоты устраивались все такй подъ предлогомъ истребленія волковъ, — дѣла серьезнаго и не безопаснаго.

Но мужики очень хорошо знали въ чемъ дѣло и тутъ же, въ корчмѣ, потихоньку между собою пересмѣивались, говоря: „ну, развѣ что помѣщикъ или насторъ, бѣгая за гончими, какъ нибудь изорвалъ свою старую волчью шубенку; можетъ быть какой нибудь лоскутикъ ея и остался на сучкѣ, а теперь хочетъ выгнать цѣлаго волка изъ лѣсу! дудки, мы знаемъ, что подъ волкомъ разумѣй зайцевъ.“

Къ назначенному часу начинали сбираться люди всякаго разбора: охотники на коняхъ, охотники пѣшіе, а кто въ санкахъ, телѣгахъ, въ дрожкахъ и всѣ съ ружьями. А мы, гончія, всѣ пѣшкомъ, но также не безъ орудій. Ну, какъ въ самомъ дѣлѣ попадется волкъ! Поэтому, какимъ кто творилъ себѣ волка въ своемъ воображеніи, такое на скорую

большей опасности. Это придаетъ охотѣ въ Лифляндіи особенную прелесть, неизвѣстную въ западныхъ странахъ Европы. Другое развлеченіе доставилъ испрошенный и полученный мною отпускъ, перенесшій меня въ Эстляндію.

Нѣсколько дней я пробылъ у моего брата Карла въ его прекрасномъ имѣніи Форель, въ Вирландѣ; потомъ я свидѣлся съ моею сестрою Амаліей, вышедшей замужъ за барона Тизенгаузена и жившей въ большомъ и даже исторически знаменитомъ замкѣ Нейенгофѣ. Она представляла собою типъ прекраснѣйшей и совершеннѣйшей бургфрау, какую только можно гдѣ либо встрѣтить. Баронъ, мой зять, былъ воплощенный рыцарь давнихъ временъ, въ современномъ видѣ. Таковъ должно быть былъ Энгельбертъ Тизенгаузенъ, когда онъ будучи зятемъ великаго епископа Альберта, прибылъ въ Лифляндію и служа крестовому ордену пріобрѣлъ обширныя владѣнія, чрезъ которыя его потомки стали однимъ изъ могущественнѣйшихъ родовъ этой страны, пока его могущество не поколебали раздѣлы наслѣдниковъ, польскія конфискаціи и шведскіе захваты; всѣ эти обстоятельства омрачили древній блескъ этого семейства въ нѣкоторыхъ его отрасляхъ. При видѣ величаваго рыцаря — владѣльца Нейенгофа въ замкѣ ли съ его супругой (который въ былое время такъ часто отбивался отъ враговъ) въ паркѣ ли, въ поляхъ ли, гдѣ его окружали счастливые своей судьбой, многочисленные крѣпостные люди, — не могло не радоваться и сердце равнодушнаго, посторонняго человѣка; что же долженъ былъ чувствовать братъ! Тяжело вспомнить, что такое поло-

---

руку припасалъ и орудіе. Равъ, я захватилъ свиной пузырь и думалъ про себя: „попадись только волкъ, я его тресну такъ, что онъ махнетъ на дерево.“ И какихъ не было тутъ орудій? У кого колотушка изъ старой лопаты лифляндскаго произведенія; у кого кусокъ, неизвѣстно откуда добытый, ржавой жести; у кого высушенный пузырь съ нѣсколькими въ немъ горошинками; у инаго трещетка, у другаго пучекъ лучинъ, а у иныхъ просто палки, которыми ударяли въ лѣсу по каждому дереву.

Нарядовъ не стану описывать; ихъ можетъ видѣть читатель на нищихъ, на деревенскихъ ярмаркахъ и церковныхъ папертяхъ. У меня бывали разныя одежи: иной разъ отцовскій камзолъ, или полукафтанъ, такой длинный, широкій, съ нѣсколькими хвостами, и такими длинными, что въ лѣсу иной разъ оторопѣешь и оглянешься, точно что-то ползетъ за тобою. Дырамъ и прорѣхамъ не было ни счету, ни мѣры.

И поведетъ бывало лѣсничій эту мохнатую, полуголодную, двуногую стаю всѣхъ возрастовъ и половъ, а въ томъ числѣ и такихъ, о которыхъ на видъ трудно было сказать: что это, мальчикъ или дѣвочка? да и сами они едвали знали; — поведетъ къ лѣсу, разставитъ въ рядъ, на разстояніи отъ ста и болѣе шаговъ, какъ лѣсъ великъ, отдастъ приказъ: шумѣть какъ можно больше и громче, не забѣгать впередъ, не сходиться въ кучу, не отставать, домой не бѣгать и т. д. Но эта инструкція не всегда соблюдалась, грѣшили противъ нея всѣ, и малые и большіе. Лѣсничій подастъ штурмовой сигналъ. Вотъ бы вамъ послушать, а описать я не берусь, потому что самъ бывалъ въ этомъ дѣлѣ участникомъ, а не слушателемъ. Это такая суматоха, что и разобрать нельзя: крикъ, вой, лай, звонъ, дребезжаніе пузыря, ауканье, стукъ по деревьямъ“.....

женіе могло подвергнуться уничтоженію не только чрезъ вліяніе все разрушающаго времени, но и чрезъ непостоянство человѣческой воли; въ свое время я остановлюсь на подробностяхъ при разсказѣ объ этомъ происшествіи, то есть тогда, когда взволнованныя мои чувства позволятъ мнѣ найти слова, для передачи этого разсказа.

Моего почтеннаго отца я засталъ глубоко огорченнымъ кончиной моей сестры Юліи, случившейся незадолго передъ тѣмъ; Юлія была прекраснымъ, но слишкомъ нѣжнымъ цвѣткомъ, и достигла только семнадцатилѣтняго возраста. Мое присутствіе разсѣяло нѣсколько батюшку въ его печали; утѣшился онъ еще болѣе, когда вдругъ совершенно неожиданно пріѣхалъ братъ мой Германъ. Четырнадцати лѣтъ онъ уже посвятилъ себя морской службѣ, совершилъ мичманомъ на русскомъ военномъ кораблѣ многія плаванія по морямъ балтійскому и нѣмецкому, и потомъ нашелъ случай перейти волонтеромъ въ англійскій флотъ, на англійскихъ корабляхъ онъ посѣтилъ станціи въ отдаленнѣйшихъ моряхъ.

Само собою разумѣется, что онъ выучился говорить по англійски quite perfectly (въ совершенствѣ), привыкъ сжимать ротъ наискось какъ истый англичанинъ, и сдѣлался совершенно похожимъ на почитателя плумъ пуддинга и содовой воды. Для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей, провелъ онъ шесть лѣтъ въ отсутствіи изъ дому и я его не видалъ столько же времени. Основываясь на этомъ, наши домашніе, въ томъ числѣ и моя сестра, веселая нейенгофская бургфрау, устроили ради разнообразія деревенской жизни — слѣдующую шуточку

Я углубилея немного на прогулкѣ въ окрестности замка, кажется, расчитывая увидѣть Каю; между тѣмъ прибылъ давно невиданный мною братъ. Послѣ первой радости при встрѣчѣ, зашла рѣчь обо мнѣ и возникли вопросъ и сомнѣніе узнали ли бы мы другъ друга? Тутъ то они и рѣшились на веселое испытаніе. Согласились скрыть отъ меня неожиданный пріѣздъ Германа, а его предствить мнѣ какъ англійскаго, морскаго офицера, только что прибывшаго изъ Ревеля съ рекомендательными письмами и желающаго познакомиться съ жизнью эстлянцевъ въ ихъ country-house (сельскій домъ). Возвратившись съ прогулки, я увидѣлъ какого то military looking (съ воинственной миной) джентельмена, говорившаго перекося ротъ на англійскомъ языкѣ съ тѣми дамами, которыя знали этотъ языкъ, и ломавшаго немилосердно нѣмецкій языкъ, и вставлявшаго слова нижнегерманскаго нарѣчія съ тѣми, кто по англійски не зналъ. Насъ представили другъ другу и послѣдовало дружеское shake-hands (пожатіе рукъ). Я не узналъ загорѣлаго брата, но мы скоро познакомились за оживленнымъ разговоромъ, потому что передъ нами стоялъ завтракъ; мадеры и шерри было вдоволь. Но дамы придумали еще одну хитрость, чтобы испытать мое сердце и нравъ. Когда бесѣда наша оживилась, онѣ вышли изъ комнаты, а джентльменъ навелъ

рѣчь на только что окончившійся походъ и позволилъ себѣ въ неприличныхъ выраженіяхъ отозваться о цюрихскомъ днѣ. Отъ Германа я еще пожалуй бы снесъ, но отъ military-looking englishman (воинственнаго англичанина) — дѣло другое. Короче сказать, подученный остроумной нейенгофской госпожей, мнимый англичанинъ совершенно вывелъ меня изъ терпѣнія, и такъ какъ гостепріимство не дозволяло мнѣ стрѣляться въ Разикѣ съ гостемъ моего отца, то мы съ нимъ дали другъ другу слово встрѣтиться въ назначенное время на Цигельскоппелѣ, близь Ревеля, и покончить это дѣло. Послѣ такого то коварно устроеннаго вступленія обнялись братья, бывшіе въ разлукѣ шесть лѣтъ.

Прошелъ счастливый мѣсяцъ у отцовскаго очага, подъ одной кровлей съ родными, любящими сердцами; опять я долженъ былъ оторваться отсюда, надѣть свои рейтарскіе доспѣхи, опять долженъ мучить члены бородатыхъ воиновъ, уставляя ихъ въ ряды. Неотвратимое случилось и я скоро очутился въ Смильтенѣ, куда между тѣмъ перешелъ эскадронъ. Смильтенъ — значительно большое имѣніе, лежащее въ семи миляхъ къ югу отъ Валка и въ 20 миляхъ къ востоку отъ Риги. Оно принадлежало нѣкогда архіепископу и въ немъ находился укрѣпленный замокъ, неоднократно бывавшій въ осадахъ и переживший много разъ разрушеніе. Еще и теперь видны слѣды старыхъ его стѣнъ. Короли польскіе, а потомъ шведскіе дарили Смильтенъ своимъ вѣрнымъ приближеннымъ; наконецъ императрица Елисавета отдала его во владѣніе старому заслуженному ирландцу графу Георгу Броуну, лифляндскому генералъ-губернатору [17]). У его наслѣдниковъ мужескаго и женскаго пола оно оставалось, пока наконецъ не перешло въ закладное владѣніе богатыхъ рижскихъ купцовъ, вслѣдствіе дѣлежей и другихъ случайностей. Это общая участь всѣхъ лифляндскихъ владѣній, пріобрѣтенныхъ въ былыя времена мечемъ или епископскимъ жезломъ.

Переходя изъ рукъ въ руки, съ права на лѣво, онѣ неизмѣнно попадаютъ въ шкатулку рижскихъ купцовъ, гдѣ со временемъ можетъ быть очутятся и всѣ остальныя.

Въ то время какъ я посѣтилъ Смильтенъ, это помѣстье составляло еще собственность бригадира графа Броуна, сына стараго генералъ-аншефа и героя, но многія окрестныя помѣстья уже находились въ закладѣ у рижскихъ двигателей биржи. Пылкое воображеніе всегда строитъ различные планы, такъ и я, отправивъ извѣстные часы своей конной службы и имѣя много времени для раздумья, набрелъ на мысль, какъ освободить изъ мѣщанскаго плѣна какое нибудь древнее, знаменитое помѣстье и снова подчинить его мечу Путь для

---

[17]) См. Приб. Сб. I, 417—134.

этого извѣстенъ — но путь этотъ весьма труденъ. добыть мѣшки съ деньгами и притомъ цѣлую кучу Съ перваго же раза борзый конь, служившій моему воображенію, отпрянулъ назадъ при этомъ препятствіи. Но былъ еще и другой путь, очень удобный для молодаго, статнаго всадника, одѣтаго въ великолѣпный, блестящій мундиръ, и я называлъ его потихонько, про себя, но мнѣ кажется, что при этомъ щеки мои пылали густымъ румянцемъ — это женитьба.

Однако же,мысль эта явилась, и если я проѣзжалъ мимо заложеннаго замка, она упорно меня преслѣдовала; цѣль освобожденія собственности меча изъ подъ гнета торговой конторы, казалось мнѣ, облагороживаетъ эту спекуляцію. Задуманная спекуляція осталась бы, вѣроятно, безъ послѣдствій, еслибы самъ случай не взялся помогать исполненію этой цѣли. Этотъ могущественный другъ или врагъ человѣка, смотря по своему капризу, привелъ меня къ одной рижской дамѣ, которая своими крошечными, прелестными ручками управляла знаменитымъ замкомъ, бывшимъ у нея въ закладѣ. Невозможно было отъ этихъ нѣжныхъ ручекъ не перенесть взоровъ — на нѣжную грудь, на хорошенькій ротикъ, говорившій такъ умно, на ясные, веселые глазки, придававшіе всему лицу много очарованія. Особа эта читала англійскія книги, романы Лафонтеня, имѣла собственную ложу въ рижскомъ театрѣ, посѣщала оперы и балеты, а также балы въ Муссѣ [18]) и балы промотавшагося, но все еще роскошно живущаго дворянства, которое зиму всегда проводитъ въ Ригѣ; однимъ словомъ она была любезная, веселая, остроумная особа, весьма способная нравиться. Когда городская дѣвушка, поселенная на время въ деревнѣ и промѣнявъ мостовую на зеленые луга и поля, устроиваетъ прогулки верхомъ, то кавалеристъ имѣетъ при этихъ обстоятельствахъ много преимуществъ передъ пѣхотинцемъ. Распоряженіе этими удовольствіями дается ему само собою въ руки, онъ играетъ роль маршала, и сколько случаевъ представляется для разговоровъ и объясненій при такихъ прогулкахъ по полямъ и лѣсамъ! Я скоро замѣтилъ, что прекрасная обладательница заложеннымъ замкомъ любитъ кататься верхомъ. она выписала изъ Риги новую, изящную амазонку и длинные вуали зеленые и бѣлые.

Когда мы мчались галопомъ, къ которому амазонку поощрялъ рядомъ ѣхавшій, мастерски управлявшій лошадью кавалеристъ, и когда хорошенькое, раскраснѣвшееся личико обращалось ко мнѣ, когда ярко горѣли свѣтлые глазки, и зеленый вуаль далеко развѣвался по вѣтру, мнѣ казалось, что есть несомнѣнная надежда. ты будешь об-

---

[18]) Die Musse — досугъ, свободное время. Такъ называется въ Ригѣ общественное собраніе или клубъ. Клубъ этотъ основанъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтіа барономъ Фитингофомъ. См. Пр. Сб. I, 435– 439.

ладать замкомъ, коль скоро самъ этого захочешь. Я, конечно, очень скоро еще болѣе въ этомъ убѣдился, потому что между нами происходили разговоры, начатые на прогулкѣ и продолжаемые въ гостиной, уже не упоминая о пожатіяхъ рукъ при снятіи дамы съ лошади или даже объятіяхъ, поводомъ которыхъ бывали частые капризы лошади. Дѣло находилось нѣкоторое время въ такомъ положеніи, наконецъ убѣдясь, что цѣль навѣрное можетъ быть достигнута, я счелъ необходимымъ спросить объ этомъ мнѣніе своего стараго отца, ландрата, прежде нежели положу послѣдній камень на начатое зданіе. Я зналъ каковы его воззрѣнія, зналъ также какъ онъ желаетъ, чтобы я выбралъ невѣсту изъ своего круга (хотя онъ это и не считалъ непремѣнной необходимостью). Не ради самихъ молодыхъ людей желалъ онъ равенства въ бракѣ по общественному положенію, а ради родственниковъ, которые, вслѣдствіе разницы въ понятіяхъ и привычкахъ, не гармонируютъ между собою и этихъ охлаждаютъ отношенія молодыхъ людей, тогда какъ напротивъ эти отношенія должны все болѣе и болѣе согрѣваться теплымъ чувствомъ. Размысливъ объ этомъ, я предпочелъ написать не прямо къ отцу, а къ умной своей сестрѣ, нейенгофской помѣщицѣ, и просить ее представить батюшкѣ возможность такого событія и сообщить мнѣ о его мнѣніи на этотъ счетъ. Я не преминулъ умолчать о закладѣ и объ имени особы, владѣвшей залогомъ.

Противъ ожиданія отвѣтъ послѣдовалъ нескоро, я между тѣмъ продолжалъ слѣдовать всюду по дорогамъ и проселкамъ за зеленой вуалью, какъ за неизмѣннымъ знаменемъ надежды. Къ намъ часто присоединялся братъ молодой особы, пріѣзжавшій изъ Риги, чтобы разыгрывать роль молодаго дворянчика въ заложенномъ замкѣ и вдоволь нашумѣть у смирныхъ стариковъ. Онъ умѣлъ говорить о steeple-chase (скачкахъ), о лошадяхъ, объ оружіи и о собакахъ, о синей и зеленой гвардіи [19]), въ которой онъ былъ, кажется, ротмистромъ, и еще о многомъ другомъ. Опираясь на свое званіе дворянчика — владѣльца заложеннаго замка и занимаемый имъ постъ въ городской милиціи, онъ обращался со мною какъ товарищъ, старался выражаться какъ мушкатеръ и отдѣлаться отъ привычекъ своего бюргерскаго происхожденія, по крайней мѣрѣ на то время, которое проводилъ въ замкѣ. Эти попытки скорѣе возстановляли меня противъ него, нежели говорили въ его пользу; однако мы съ нимъ сдѣлались, какъ говорится, большіе друзья, и онъ, повидимому, съ удовольствіемъ видѣлъ во мнѣ своего будущаго зятя.

Но этому дѣлу суждено было окончиться иначе. Я получилъ наконецъ отвѣтное письмо сестры. Она весьма серьезно обдумала мое

[19]) Синяя и зеленая рижская гвардія — это городское войско, городская стража, — гвардія эта существуетъ и по нынѣ.

намѣреніе Въ характерѣ женщинъ есть наклонность устраивать браки Поэтому она говорила съ отцомъ въ пользу этого брака, но онъ, привыкшій къ обсужденію дѣлъ и разумному рѣшенію ихъ, хорошенько вникнулъ въ него и, найдя, что рѣшеніе предоставляется на его благоусмотрѣніе, онъ и постановилъ, чтобы я не думалъ объ многократно упоминаемой владѣтельницѣ заложеннаго замка. Это сообщила мнѣ добрая Амалія, принявъ всѣ предосторожности она очень обо мнѣ соболѣзновала и наконецъ наговорила мнѣ въ письмѣ множество утѣшеній, полагая, что я приду въ величайшее отчаяніе. Но я отнесся къ этому заключенію хладнокровно, по военному Это было не что иное какъ осада, ограничившаяся перестрѣлкой, безъ всякихъ другихъ послѣдствій. Затѣмъ я ударилъ отбой. Невѣста скоро это замѣтила; она также хладнокровно перенесла мое охлажденіе, какъ и отказъ батюшки. Городскихъ дѣвушекъ такъ тщательно учатъ не придавать особеннаго вѣса ухаживанью молодыхъ офицеровъ и остерегаться ихъ. Молодыя особы, въ особенности когда онѣ богаты и часто посѣщаютъ общественныя увеселенія, рождены дипломатками: онѣ ведутъ свои дѣла весьма искусно и въ своихъ сношеніяхъ съ молодыми людьми очень благоразумны. Въ этомъ отношеніи мнѣ не въ чемъ было себя упрекнуть. Но удаленію моему не суждено было совершиться безъ шуму Шумъ поднялъ, противъ всякаго ожиданія, ротмистръ изъ Риги. Онъ находилъ мое отступленіе верхомъ неприличія, поэтому оскорбительнымъ и позорнымъ. Онъ громко заявлялъ, что потребуетъ отъ меня объясненія и удовлетворенія. Боже ты мой! Неужели онъ хотѣлъ съиграть роль братца изъ любой комедіи и посредствомъ пуль вынудить необходимый контрактъ третьяго акта? Я этого не знаю, но мнѣ передали его угрозы онъ такъ устроилъ, чтобы я объ этомъ узналъ. Нельзя было этого оставить безъ отвѣта. Въ то время находился тамъ молодой человѣкъ, родовой дворянинъ, который, прослуживъ года два въ военной службѣ, вышелъ въ отставку и сдѣлался странствующимъ рыцаремъ. Онъ переѣзжалъ изъ одного замка въ другой, состоялъ со всѣми владѣтелями замковъ въ дальнемъ родствѣ, бывалъ вездѣ довольно ласково принятъ, зналъ толкъ въ охотѣ, въ ковкѣ лошадей, въ обученіи собакъ и еще множество другихъ полезныхъ вещей. Онъ кушалъ, ночевалъ, гостилъ въ одномъ помѣстьи пока ему нравилось, и при случаѣ отправлялся далѣе. Въ гостепріимной Лифляндіи въ прежніе годы было много подобныхъ странствующихъ рыцарей (ихъ также называютъ ясельными всадниками, Krippenreiter) и, я полагаю, типъ этотъ еще и теперь не совсѣмъ вымеръ. Этотъ полезный человѣкъ посѣтилъ меня именно въ то время, какъ я могъ имѣть въ немъ надобность; я находился на своей походной квартирѣ въ Смильтенѣ. Я разсказалъ ему о случившемся, о своемъ положеніи, о дерзкихъ выраженіяхъ братца и просилъ дворянина принять на себя порученіе къ буйному ротмистру Послѣ

завтрака, за которымъ я не щадилъ вина, я далъ ему свою лошадь и онъ отправился верхомъ въ заложенный замокъ. Его порученіе состояло въ слѣдующемъ. Онъ долженъ былъ передать дворянчику, что я слышалъ его вызывающія слова и готовъ дать ему удовлетвореніе. Но такъ какъ мнѣ принадлежитъ право избирать оружіе, то я выбралъ пистолеты, но съ особенными условіями. Мы встрѣтимся не у черты или барьера, но въ чистомъ полѣ, на условленномъ мѣстѣ верхами, каждый съ заряженнымъ пистолетомъ въ рукѣ и двумя запасными въ сѣдлѣ.

У насъ не будетъ настоящихъ секундантовъ, а будутъ только избранные зрители. На разстояніи двухъ или трехъ ружейныхъ выстрѣловъ мы будемъ ожидать условленнаго знака, потомъ проскачемъ другъ мимо друга и по нему обмѣняемся тремя пулями каждый, время и разстояніе выстрѣловъ предоставлялось на благоусмотрѣніе каждаго изъ насъ.

Я хотѣлъ устроить романтическій поединокъ. Еслибы ротмистръ на него согласился, то я былъ почти увѣренъ, что онъ, непривычный къ верховой ѣздѣ, промахнется всѣ три раза; я же на быстромъ скаку намѣревался первымъ выстрѣломъ сбить ему шляпу съ головы, затѣмъ выбить пистолетъ изъ руки, и выстрѣлить третій разъ великодушно на воздухъ въ знакъ побѣды. Я не намѣревался закончить спекуляцію на заложенный замокъ кровавой развязкой, но хотѣлъ проучить дворянчика. Я довѣрялъ искуству паразита въ веденіи переговоровъ и впередъ зналъ, что онъ явится съ извиненіями и добродушными объясненіями противника. Его не было цѣлыхъ три дня, онъ съ моею лошадью сытно кормился въ заложенномъ замкѣ и возвратился съ весьма таинственной, улыбающейся физіономіей. Противникъ мой велѣлъ ему заявить, что я нашелъ оскорбительными и вызывающими слова досады, сказанныя при видѣ погибшихъ надеждъ, на скорое осуществленіе которыхъ онъ разсчитывалъ; что онъ поэтому проситъ у меня извиненія и радушно приглашаетъ посѣтить все его семейство въ замкѣ, чтобы положить конецъ минутному недоразумѣнію веселой встрѣчей.

„Дружочекъ, справедливо ли то, что вы мнѣ разсказываете? вскричалъ я посланцу „Также вѣрно, какъ и то, что я собственными глазами видѣлъ какъ нарочный былъ отправленъ въ Ригу, для доставленія рѣдкихъ и дорогихъ винъ, чтобы достойнымъ образомъ отпраздновать примиреніе. Поѣдемте туда скорѣе.“ Такъ и случилось. Я нашелъ молодую особу нѣсколько серьезной и сдержанной, впрочемъ она, кажется, ничего не знала о переговорахъ странствующаго рыцаря. Братецъ былъ весьма радушенъ и шумно веселъ. Какъ только оказалась возможность, онъ отвелъ меня въ сторону и повторилъ почти тоже, что мнѣ передалъ переговорщикъ. Изъ его

словъ я заключилъ, что мой посолъ очень ловко повелъ дѣло и употребилъ самыя дѣйствительныя средства, чтобы предупредить грустную огласку, за что впослѣдствіи онъ получилъ отъ меня переполненный бокалъ вина. Мы провели очень весело день въ заложенномъ замкѣ. Послѣ обѣда, когда остальное общество удалилось, мы втроемъ остались по англійскому обычаю за зеленымъ столомъ и хозяинъ поставилъ намъ хорошаго шампанскаго. При этомъ онъ оказалъ похвальное искуства. пробка отъ шампанскаго съ сильнымъ трескомъ полетѣла въ потолокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ я первый разъ увидѣлъ еще другую ловкую продѣлку Онъ быстро прикрылъ откупореннее горлышко бутылки большимъ пальцемъ, оставивъ только небольшое отверстіе, чрезъ которое шипящее вино било тонкой струей и красивымъ полукругомъ потекло въ приготовленный стаканъ. Дворянчикъ называлъ эту штуку гусарской, но я никогда не видѣлъ, чтобы гусары такъ пили для нихъ это было бы слишкомъ медленно и затруднительно. У нихъ скорѣе господствуетъ привычка спинкой ножа или сабли отрубать горлышко бутылкѣ и такимъ образомъ откупоренное вино они фонтаномъ вливаютъ въ широкіе стаканы. Но многіе годы спустя, когда я былъ комендантомъ въ Гиветѣ, я имѣлъ случай наблюдать за тамошними половыми. Они дѣйствительно откупоривали шампанское вышеописаннымъ образомъ и вливали его по немногу въ стаканы почетныхъ гостей.

Такъ то окончилась моя спекуляція — освободить изъ плѣна замокъ. Я не могъ не упрекать себя во многомъ. Но несчастія не произошло никакого. Владѣтельница замка не засидѣлась для этого ея ручки были слишкомъ прекрасны и держала она въ нихъ слишкомъ заманчивый залогъ. Она счастливо вышла замужъ и, вѣроятно, по сердцу; но мнѣ осталось неизвѣстнымъ, кто ея супругъ, молодой ли герой биржи или же рижскій адвокатъ первой величины.

Эти рыцари императора Юстиніана, или его книги, которая производитъ то же дѣйствіе, какъ адскія заклинанія Фауста, часто превращаются во владѣльцевъ заложенныхъ замковъ. О бѣдное, когда то подвизавшееся на турнирахъ рыцарство, что станется съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе мутящемся, съ твоими когда-то гремѣвшими славой замками!

Въ моемъ сердцѣ образовалась пустота, тяжелая для меня, потому что я долженъ былъ отказаться отъ плановъ, долго лелѣянныхъ, и хорошо было для меня, что на политическомъ горизонтѣ разразилась буря, вырвавшая меня изъ моего круга дѣйствій и бросила въ другую сферу Сенъ-джемскій кабинетъ разошелся съ петербургскимъ и мы получили приказъ двинуться къ берегамъ балтійскаго моря (1800), чтобы наблюдать за ними. Графу Палену ввѣ-

рено было главное начальство надъ собранными войсками, а генералъ Войновъ командовалъ летучимъ отрядомъ, подъ его вѣдѣніемъ[20]).

На походѣ къ мѣсту нашего назначенія пришлось мнѣ проѣзжать чрезъ помѣстье Лаудонъ, съ большимъ замкомъ и принадлежащемъ къ нему мѣстечкомъ, лежащемъ при рѣкѣ Эвестѣ. Тутъ стоялъ прежде архіепископскій замокъ, который построилъ въ 1271 г архіепископъ Іоаннъ фонъ Луненъ и былъ разрушенъ въ 1577 г войскомъ царя Іоанна Васильевича; въ позднѣйшія времена, въ войну между Польшей и Швеціей, объ этомъ замкѣ упоминается какъ о деревянномъ блокгаузѣ. Мнѣ интересно было смотрѣть на это мѣстечко Лаудонъ, напоминающее знаменитаго фельдмаршала Эрнста Гидеона, барона Лаудона. Еще въ 1432 г архіепископъ рижскій, Геннигъ Шарфенбергъ, отдалъ въ ленное владѣніе Оттону Лаудону четыре гакена земли, принадлежащей къ помѣстью Лаудонъ, которымъ владѣлъ его отецъ. Семьдесятъ лѣтъ спустя, 1503 г., этотъ ленъ подтвержденъ архіепископомъ Михаиломъ Гильдебрандомъ, и прибавлено полъ-гакена при озерѣ Тотцелѣ, отчего весь участокъ земли получилъ названіе Тотценъ, а владѣтели его назывались Лаудоны фонъ Тотценъ. Одинъ изъ Лаудоновъ, въ 1626 г., владѣвшій въ то время Тотценомъ, былъ убитъ на своемъ дворѣ поляками. Тогда къ имѣнію принадлежало шесть занятыхъ, крестьянскихъ дворовъ. Въ 1638 г., послѣ опустошительныхъ войнъ, владѣтелемъ тотценскаго помѣстья былъ Гансъ Лаудонъ, крестьяне котораго состояли изъ трехъ разбѣжавшихся семействъ; у нихъ у всѣхъ вмѣстѣ нашлось 2 лошади и 2 коровы и въ тотъ годъ они высѣяли $4^1/_2$ лофа ржи. Это можетъ дать понятіе о раззореніи, которое терпѣла въ то время Лифляндія. Между тѣмъ имѣніе Тотценъ осталось во владѣніе рода Лаудоновъ, которые отличались въ военное время и считались въ числѣ дворянства, хотя никогда не представлялись въ Швеціи. Въ Тотценѣ же родился хра-

[20]) Коварная и вѣроломная политика Австріи и Англіи въ войнѣ 1799 г. побудила императора Павла разорвать союзъ съ этими державами: уже въ октябрѣ 1799 г. императоръ рѣшился отозвать свои войска изъ Германіи и образовать новый союзъ. Съ іюля 1800 г. начинается сближеніе императора Павла съ Бонапартомъ, а вскорѣ послѣдовало объявленіе войны Англіи. Для охраненія береговъ Балтійскаго моря было собрано свыше 60,000 челов. подъ начальствомъ генералъ-отъ кавалеріи графа Палена, изъ этого числа 24,000 чел. были расположены по берегамъ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи, 12,000 — отъ Нарвы до Петербурга; 15,000 по сѣверному берегу Финскаго залива. — Резервный корпусъ генералъ-отъ-инфантеріи Голенищева-Кутузова, состоявшій изъ большей части гвардіи, въ числѣ 11,000 челов., находился въ Ораніенбаумѣ и Петергофѣ. Только что возвратившіеся изъ заграничнаго похода русскіе эскадры стали снова снаряжаться на войну; вдоль всего берега начали строить маяки и батареи; на западной границѣ готовилась къ походу 120,000 армія; замышлялся походъ въ Индію, вообще готовилась война необъятная по своимъ послѣдствіямъ, но, какъ извѣстно, событіе въ мартѣ 1801 г. дало другой оборотъ дѣламъ.

брый Эрнстъ Гидеонъ Лаудонъ [21]), получившій баронскую корону отъ германскаго императора. Значитъ онъ происходитъ отъ извѣстнаго по актамъ 1432 г лифляндско-германскаго рода, имя котораго находится въ связи съ замкомъ Лаудонъ, построенномъ въ 1271 г и нѣтъ причины измѣнять это древнее почтенное имя въ Лоудонъ или даже Лоувдонъ, какъ это и теперь дѣлается въ Австріи, чтобы доказать, будто чисто лифляндскій родъ имѣетъ свое начало въ Англіи или Шотландіи.

Такія размышленія занимали меня (и я ихъ только теперь записалъ въ болѣе стройномъ порядкѣ), когда я проѣзжалъ мимо древняго, когда то разрушеннаго замка, на основныхъ, старинныхъ стѣнахъ котораго воздвигнуто новое зданіе въ современномъ вкусѣ и приспособленное къ новѣйшимъ потребностямъ.

Уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ этотъ замокъ принадлежитъ баронамъ Мейнерсамъ, побывавъ нѣкоторое время во владѣніи Тизенгаузеновъ, въ подтвержденіе доброжелательнаго, но нѣсколько преувеличеннаго изрѣченія, гласящаго, что всякое помѣстье въ Лифляндіи принадлежало или принадлежитъ или же будетъ принадлежать Тизенгаузенамъ.

Мы не долго постояли на своихъ наблюдательныхъ постахъ по берегамъ Балтійскаго моря. Хотя Нельсонъ и появился съ многочисленнымъ флотомъ въ названномъ морѣ, но вступленіе на престолъ императора Александра дало другое направленіе дѣламъ, — именно примиреніе съ Англіей. Экспедиція англійскаго адмирала кончилась обѣдомъ, который онъ принялъ отъ адмирала Спиридова въ Ревелѣ, и другимъ, которымъ Нельсонъ отплатилъ Спиридову на своемъ кораблѣ, на ревельскомъ рейдѣ.

Перемѣны, которыя предприняло новое правительство, тотчасъ же вступивъ въ управленіе дѣлами, были весьма разнообразные и коснулись также и насъ. Число кирасирскихъ полковъ было уменьшено, нашему же полку, носившему, по удаленіи Нумсена, названіе его преемника генерала Войнова, возвращено прежнее устройство и вооруженіе и повелѣно было называться по прежнему Стародубскимъ драгунскимъ полкомъ.

Мы избавились отъ кирасъ, колетовъ, кожанныхъ панталонъ и шляпъ и получили зеленые сюртуки, каски и ружья со штыками.

---

[21]) Эрнстъ Гидеонъ Лаудонъ, императорско австрійскій фельдмаршалъ, родился въ 1716 г. и на 15-мъ году отъ роду поступилъ въ русскую службу, въ которой и состоялъ до 1740 г., дослужившись до подполковника. По заключеніи мира съ турками, Лаудонъ перешелъ въ австрійскую службу и пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность въ семилѣтнюю войну. Въ сраженіи при Куннерсдорфѣ онъ помогъ Салтыкову разбить пруссаковъ. Онъ умеръ въ Вѣнѣ 14 іюля 1790 г.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы оставили наши квартиры въ Лифляндіи и двинулись въ малороссійскія области, именно въ Глуховъ, городъ долгое время бывшій резиденціею гетмана малороссійскихъ козаковъ.

Намъ предстояло итти на Псковъ, Смоленскъ, Новгородъ-Сѣверскій и Стародубъ; въ походѣ мы пробыли два съ половиною мѣсяца. Прибывъ наконецъ въ Глуховъ, мы стали устраиваться возможно лучше. Тамошнія земли чрезвычайно плодородны, но крестьяне живутъ еще въ суровой простотѣ. Только дворяне подражаютъ дворянству другихъ сосѣднихъ странъ и живутъ въ хорошо отстроенныхъ и устроенныхъ усадьбахъ. Въ особенности можно это сказать о богатѣйшихъ изъ нихъ, уже не говоря о магнатахъ, роскошь и мотовство которыхъ ни въ чемъ не уступаютъ богатому польскому дворянству, и даже во многомъ превосходятъ его И въ первѣйшихъ домахъ, каковы Маркевичъ, Кочубей, Скоропадскій я нашелъ легкій доступъ и любезный пріемъ. Но весь этотъ блескъ затмила истинно княжеская пышность въ домѣ фельдмаршала графа Разумовскаго, проживавшаго въ Батуринѣ. Тутъ можно было еще видѣть уже въ другихъ мѣстахъ зашедшее солнце феодальной роскоши — здѣсь оно еще сіяло полнымъ блескомъ.

Малороссійскіе городки незначительны и доставляютъ мало общественныхъ развлеченій, но въ нихъ бываютъ короткіе промежутки времени, въ продолженіи которыхъ они оживляются и представляютъ собою веселыя мѣста, наполненныя шума и суеты. Это время годовыхъ ярмарокъ и торговъ, которые бываютъ во всякомъ городкѣ, но въ различное время и доставляютъ случай ѣздить большую часть года съ одной ярмарки на другую для развлеченія. Конечно, при этомъ нѣтъ недостатка въ обыкновенныхъ удовольствіяхъ есть, напримѣръ, рулетка, которую гдѣ нибудь въ уголкѣ устраиваетъ жидокъ, есть театръ, въ которомъ играютъ польскіе актеры, но встрѣчаются и болѣе утонченныя наслажденія. Много черноокихъ дамъ изъ сельскаго дворянства, соскучась дома и ища развлеченій, являются въ городъ, смотрятъ, зѣвая, на ярмарочный хламъ и ищутъ пищи для своихъ пылкихъ, южныхъ сердецъ. Ярмарка продолжается только три недѣли — отсюда необходимость торопиться. Поэтому уже съ перваго визита жизнь кипитъ горячимъ ключомъ, темпъ ускоряется соразмѣрно съ короткостью срока.

Я проводилъ счастливые часы на подобныхъ ярмаркахъ. Когда меня слишкомъ сильно преслѣдовала любовь и иногда грозила перейти въ серьозное горе, я утѣшалъ себя словами вѣдь это продлится только три недѣли!

Большое облегченіе въ однообразной жизни этихъ скиѳскихъ странъ (по крайней мѣрѣ въ тѣ времена) и возбужденіе нравствен-

ныхъ и умственныхъ силъ доставляло намъ общая читальня, устроенная на наши собственныя, офицерскія средства. Маіоръ Герцбергъ выписалъ нѣсколько ящиковъ съ книгами изъ Лейпцига и Петербурга. Скоро у насъ составилась значительная библіотека, въ которой заключались отличныя сочиненія по части военнаго искусства и исторіи. Тотъ же самый маіоръ заботился съ большимъ усердіемъ и точностью объ уставкѣ, разсылкѣ и обмѣнѣ книгъ между нами. Такимъ образомъ я употребилъ часы досуга, доставляемые однообразіемъ жизни, на изученіе пріятныхъ по содержанію и полезныхъ книгъ.

III.

1804—1809.

Выходъ въ отставку. — Женитьба. — Путешествіе въ Вѣну. — Бомбардированіе. — Смерть жены. — Сраженіе при Ваграмѣ.

Проведя три года въ казацкихъ степяхъ, я попросился въ отпускъ и получилъ его на четыре мѣсяца. Я тотчасъ же поѣхалъ на Черниговъ и Витебскъ, гдѣ ласково принялъ меня генералъ-отъ-кавалеріи Михельсонъ, бывшій побѣдитель Пугачева, а нынѣ бѣлорусскій генералъ губернаторъ [1]). Только послѣ многихъ веселыхъ баловъ и

---

[1]) Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, генералъ-отъ-кавалеріи, происходилъ изъ лифляндской фамиліи, былъ сынъ полковника и передъ началомъ семилѣтней войны, въ чинѣ поручика, поступилъ въ 3-й мушкетерскій полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Бибиковъ, пріобрѣвшій впослѣдствіи громкую извѣстность какъ предсѣдатель знаменитой екатерининской коммисіи для сочиненія проекта новаго уложенія и предводитель войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Пугачева. Михельсонъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Цорндорфомъ, Кунерсдорфомъ, Ларгою и Кагуломъ. 24-го апрѣля 1772 г. онъ былъ произведенъ въ подполковники, а въ концѣ 1773 г. поступилъ въ войска, отправленныя для дѣйствій противъ Пугачева.

Бибиковъ, знавшій Михельсона молодымъ поручикомъ, ввѣрилъ ему начальство надъ отрядомъ войскъ, съ которымъ Михельсонъ въ мартѣ 1774 г. разбилъ на голову казака Чику и за тѣмъ нанесъ Пугачеву рядъ столь рѣшительныхъ пораженій, что положилъ конецъ пугачевскому бунту. За отличныя дѣйствія противъ Пугачева, Михельсонъ произведенъ въ полковники, получилъ Георгія 3-й степени, тысячу душъ крестьянъ въ Витебской губерніи (помѣстье Франовъ) и значительную сумму денегъ. Въ 1778 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1786 г. въ генералъ-поручики и въ этомъ чинѣ, начальствуя корпусомъ въ арміи генералъ аншефа Мусина-Пушкина, участвовалъ въ шведской войнѣ 1788—89 г. Императоръ Павелъ въ 1796 г. произвелъ Михельсона въ генералъ-отъ-кавалеріи и назначилъ шефомъ Глуховскаго кирасирскаго полка. Въ 1800 году

танцевъ съ прекрасными польками, поѣхалъ я дальше на Могилевъ, Полоцкъ, Псковъ и Дерптъ, гдѣ засталъ батюшку Здѣсь мы съ нимъ имѣли разговоръ о серьезныхъ вещахъ родительская любовь и мудрость совѣтовали мнѣ обзавестись своимъ очагомъ, не обошлось безъ намековъ и откровенно высказанныхъ желаній. Но я все таки поѣхалъ въ Петербургъ, въ которомъ не былъ уже девять лѣтъ, и обѣщалъ отцу черезъ три недѣли явиться въ Ревель.

Такъ и случилось. Я пріѣхалъ, жилъ снова на родной почвѣ, радовался этому и присматривался къ невѣстамъ моей родины. Вскорѣ мои блуждающіе взоры остановились на прелестномъ явленіи. Молодая Наталія Тизенгаузенъ, дочь обергофмейстера графа Тизенгаузена [2]), древняго рода, фрейлина двора, милая, образованная, съ несомнѣннымъ выраженіемъ кроткаго, тихаго нрава, соединяла въ своей особѣ всѣ преимущества, какихъ могли желать не только молодой женихъ, но и его родители и разсудительные родственники.

Я познакомился съ нею, понравился ей, мы поняли другъ друга и я просилъ ея руки. Согласіе послѣдовало, чему оба семейства, въ особенности мой добрый отецъ, очень радовались. Онъ обѣщалъ мнѣ позаботиться о тщательномъ устройствѣ моего будущаго хозяйства, а я, такъ какъ срокъ моего отпуска подходилъ къ концу, отправился въ полкъ, съ золотымъ кольцомъ на рукѣ и золотыми мечтами въ головѣ.

Прибывъ въ Глуховъ, я устроилъ свои дѣла, продалъ лошадей и подалъ прошеніе объ отставкѣ. Увольненіе пришло черезъ два мѣсяца, и я уже хотѣлъ ѣхать на родину, какъ мошенническая продѣлка отсрочила это путешествіе на нѣсколько недѣль. Я провелъ однажды

Михельсону было ввѣрено управленіе Крымомъ, а въ 1803 г. онъ былъ назначенъ бѣлорусскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ 1805 г. ему было ввѣрено начальство надъ арміею, собранною на нашей западной границѣ, но онъ не принималъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ; въ слѣдующемъ году былъ назначенъ главнокомандующимъ днѣстровскою арміею, собранною противъ турокъ. Въ ноябрѣ и декабрѣ 1806 г. онъ одержалъ многіе успѣхи надъ турками, посреди побѣдъ онъ умеръ 5-го августа 1807 г. въ Букарестѣ. Тѣло его похоронено въ Франполѣ. Михельсонъ былъ извѣстенъ въ арміи какъ отважный и весьма способный боевой генералъ.

[2]) Графъ Иванъ Андреевичъ Тизенгаузенъ род. въ 1745 г., началъ службу въ 1772 г., пожалованъ въ тайные совѣтники въ сентябрѣ 1792 г.; при воцареніи императора Павла сдѣланъ гофмаршаломъ; въ 1797—98 г. надзиралъ за гофъ-интендантской конторой; въ 1799 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники; умеръ въ 1815 г. оберъ-гофмейстеромъ. Графъ И. А. Тизенгаузенъ былъ женатъ на Екатеринѣ Ивановнѣ Штакельбергъ, младшей дочери директора экономіи въ Ригѣ (старшая сестра ея Елисавета Ивановна была въ замужествѣ за графомъ Владиміромъ Григорьевичемъ Орловымъ). Отъ этого брака у Тизенгаузена была дочь Наталія, вышедшая замужъ ла Левенштерна (о ней будетъ рѣчь ниже), и два сына, изъ которыхъ младшій, флигель-адъютантъ графъ Ѳеодоръ (Фердинандъ), женатый на дочери знаменитаго Кутузова, былъ убитъ въ 1805 г. подъ Аустерлицемъ (см. ниже).

весело вечеръ съ товарищами, которые уже теперь переставали быть моими товарищами, и одинъ одинешенекъ возвращался домой. Вдругъ сзади меня кто-то ударилъ по головѣ дубиною столь сильно, что я пошатнулся и чуть не упалъ. Я удержался руками за низкій садовый заборъ и выхватилъ саблю. Предо мною стояли три сильныхъ разбойника, которые, однако, увидя взмахи сверкавшаго оружія и испугавшись моего крика, бѣжали. Я безъ чувствъ упалъ на землю. Сбѣжавшіеся на мой крикъ люди подняли и отнесли меня въ сосѣдній домъ, считая меня мертвымъ.

Князь Алексѣй Куракинъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ, находившійся въ это время въ Глуховѣ, приказалъ немедленно разслѣдовать это происшествіе, но преступниковъ не открыли. Только послѣ моего выздоровленія товарищи мои, смѣясь, говорили мнѣ. „Зачѣмъ ты такъ любезенъ, тощій, длинноруслый Левенштернъ! Теперь ты бѣжишь отсюда, чтобы жениться на синеокой нѣмкѣ, и бросаешь здѣшнихъ черноокихъ красавицъ. Этого не могла перенести ревнивая казачка и хотѣла тебя удержать здѣсь живаго или мертваго. Южная пылкость! Впередъ берегись!“

Какъ не былъ я слабъ, но спѣшилъ ѣхать; только во Франовѣ, прекрасномъ помѣстьи генерала Михельсона, отдохнулъ я нѣсколько часовъ и затѣмъ помчался на почтовыхъ въ Ревель, какъ курьеръ, везущій неожиданную вѣсть о побѣдѣ; задыхаясь отъ усталости, палъ я къ ногамъ моей милой, доброй Наталіи. Чрезъ шесть недѣль послѣ моего пріѣзда послѣдовала свадьба. Къ этому торжественному дню нарочно пріѣхала изъ Петербурга графиня Бобринская, урожденная баронесса Унгернъ-Штернбергъ [3]), кузина моей невѣсты; со всѣхъ мѣстъ Эстляндіи съѣхались и другіе наши родные. При этомъ случаѣ мнѣ слѣдовало бы описать эстляндскую, дворянскую свадьбу прежняго времени, подробно разсказать о приготовленіяхъ, приглашеніяхъ, о шаферахъ и маршалахъ, о подружкахъ и чепцовыхъ дамахъ, о танцахъ, тостахъ и о многихъ другихъ вещахъ, но я ограничусь сокращеніемъ всего этого и вооружась терпѣніемъ, какъ на самомъ празднествѣ, предоставлю другимъ своимъ соотечественникамъ, пережившимъ такое событіе, описаніе всѣхъ церемоній.

---

[3]) Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій (род. въ 1775 г., умеръ въ 1813 г.), былъ возведенъ въ потомственное графское достоинство 12-го ноября 1796 г. и въ тотъ же день за нимъ укрѣплены волости Бобриковская и Богородицкая (въ тульской губерніи) и Кіясовская (московской губерніи), отведенныя ему еще Екатериною II. Онъ былъ женатъ на баронессѣ Унгернъ Штернбергъ. Сынъ графа Алексѣя, Алексѣй Алексѣевичъ (умеръ 4 окт. 1868 г.), шталмейстеръ двора его величества, извѣстенъ какъ замѣчательный агрономъ, способствовавшій развитію въ Россіи свекло-сахарнаго производства, устройствомъ своею огромнаго завода въ мѣстечкѣ Смѣлѣ, кіевской губерніи. О графѣ Алексѣѣ Алексѣевичѣ и его матери, см. статью кн. Вяземскаго въ Русск. Арх. 1868 г. стр. 2026—2047.

Въ наше время и у насъ начали уже мѣняться обычаи.

Нынѣ покупаютъ элегантную, дорожную карету, везутъ въ ней невѣсту къ вѣнцу, наскоро закусываютъ съ немногими родными и затѣмъ ѣдутъ въ дальнее путешествіе. Мѣсто розовыхъ подружекъ и стройныхъ чепцовыхъ дамъ заступаютъ старыя служанки въ гостинницахъ и медовый мѣсяцъ проводится среди почтальоновъ и лакеевъ. У всякаго времени свои взгляды.

Добрый мой отецъ устроилъ меня отлично. Онъ отдѣлалъ для меня прекрасный домъ въ городѣ, меблировалъ его и уступилъ мнѣ имѣнія Разикъ, Кампенъ и Пенормъ, съ тѣмъ, чтобы я, послѣ его смерти, уплатилъ моимъ братьямъ 70,000 р. с. Я жилъ попеременно то въ городѣ, то въ моихъ деревняхъ, новичкомъ по части сельскаго хозяйства, но опытнымъ практикомъ по части утантыванья мостовой.

На ближайшемъ ландтагѣ меня избрали уѣзднымъ депутатомъ [4]), т. е. представителемъ рыцарства, который въ коммиссаріатскихъ дѣлахъ по земскому управленію занимаетъ мѣсто на ряду съ делегатами другихъ властей. Впослѣдствіи на уѣздномъ съѣздѣ меня выбрали главнымъ церковнымъ попечителемъ; званіе это сопряжено было съ тѣмъ обстоятельствомъ, что мнѣ надлежало главнымъ образомъ наблюдать во главѣ свѣтской власти за церквами округа, къ которому принадлежали мои помѣстья. Продолжая неотступно такую дѣятельность и продолжая служить отъ одного выбора до другаго, я бы современемъ могъ быть ландратомъ и такимъ образомъ достигнуть вершины провинціальнаго честолюбія, но кипучая кровь и огромное несчастіе, разрушившее счастіе моего дома, поставили меня чрезъ немногіе годы на иной путь.

Въ настоящемъ я наслаждался величайшимъ счастіемъ съ моей милой Наталіей. 1805-й годъ ознаменовался для меня рожденіемъ сына, но я радовался имъ только четыре мѣсяца. Онъ умеръ, мой бѣдный мальчикъ, я его назвалъ Леонсомъ, не въ память героя извѣстнаго романа Дельфина, но изъ уваженія къ знаменитой въ тѣ годы писательницы, г-жи Сталь-Гольштейнъ, урожденной Неккеръ, которая по мужѣ сдѣлалась близкой родственницей моей доброй матушки, также урожденной Сталь-Неккеръ.

Приблизительно около этого времени разъигрывалась военная гроза, которой на время суждено было окончиться подъ Аустерлицемъ. Въ побужденіяхъ для поступленія моего въ ряды воиновъ недостатка не было. Братъ моей жены, графъ Фердинандъ Тизенгаузенъ, фли-

[4]) Собраніл дворянскаго общества (рыцарства) эстляндской губернін были встарину и суть въ настоящее время: ландтаги, собранія дворянскаго комитета и уѣздныя собранія.

гель-адъютантъ государя, былъ зятемъ главнокомандующаго Кутузова; мнѣ слѣдовательно представлялось много благопріятныхъ случаевъ вступить въ службу и отъ меня зависѣло воспользоваться ими. Но я не гремѣлъ своею саблей. Будучи счастливымъ супругомъ, я хотѣлъ послѣдовать примѣру, подобно мнѣ усталымъ, военныхъ героевъ и заниматься земледѣліемъ.

Сколь же счастливымъ бы могъ быть всякій крестьянинъ,
(вдали отъ шума войны)
Ибо ему справедливая почва даетъ все, что ему нужно —
Еслибы онъ сознавалъ и умѣлъ оцѣнить это благо.
(Виргилій).

Позднею осенью пришла къ намъ горестная вѣсть, что мой шуринъ, графъ Фердинандъ Тизенгаузенъ, убитъ подъ Аустерлицемъ. Въ рѣшительную минуту боя онъ схватилъ знамя колебавшагося полка и повелъ его противъ непріятеля. Убійственныя французскія пули сразили его и онъ палъ подобно предку своему, рыцарю Генриху Тизенгаузену, который въ 1279 г несъ знамя пресвятой Маріи въ бою съ литовцами.

Подъ вліяніемъ такой потери, Наталія родила втораго сына, которому мы дали имя брата, павшаго на полѣ чести. Ребенокъ долженъ былъ служить живымъ воспоминаніемъ дорогаго усопшаго, но Господь далъ намъ это утѣшеніе только на два года. Въ 1808 г. Наталія оплакивала уже маленькаго мертвеца, и я видѣлъ, что рушились надежды, которыя я основывалъ на продолженіи этой молодой жизни. Въ глубокой печали, въ которую мы были тогда погружены, насъ развеселило неожиданное, радостное происшествіе. Мои братья, всѣ трое гусарскіе офицеры — Георгъ, Теодоръ и Эдуардъ вышли побѣдоносно изъ сраженій подъ Пултускомъ, Эйлау и Гейльсбергомъ. Къ этому же времени возвратился морякъ, мой братъ Германъ, о которомъ я выше говорилъ, изъ знаменитаго, кругосвѣтнаго плаванія, которое онъ совершилъ подъ начальствомъ своего земляка Крузенштерна [5]). Наступили радостные дни жизни съ родными, довѣрчиво

[5]) Иванъ Ѳедоровичъ Крузенштернъ, адмиралъ, род. 8 ноября 1770 г., умеръ 12 августа 1846 г. Въ 1793 г. онъ, въ числѣ 12 другихъ офицеровъ, былъ избранъ для изученія морскаго искусства на военномъ англійскомъ флотѣ. Состоя въ англійскомъ флотѣ, онъ имѣлъ случай совершить огромныя плаванія. Въ 1799 г. онъ возвратился въ Россію и вскорѣ представилъ морскому министру подробный планъ круго свѣтнаго плаванія. Планъ этотъ, по ходатайству канцлера графа Румянцова и адмирала Мордвинова, былъ утвержденъ въ 1803 г. и исполненіе его было возложено на самаго Крузенштерна, бывшаго въ то время капитанъ-лейтенантомъ. Два корабля „Надежда“ и „Нева“, куплены были въ Англіи и снаряжены въ круго-свѣтное плаваніе. Съ этими то кораблями Крузенштернъ (кораблемъ „Нева“ командовалъ Лисянскій), совершилъ свое знаменитое плаваніе, начавшееся 26 іюля 1803 г. и оконченное 19 августа 1806 г. Государь щедро наградилъ участ-

открывавшими другъ передъ другомъ свои сердца, я чувствовалъ, что нравственныя мои силы, потрясенныя тяжкими потерями, снова окрѣпли.

Но уже судьба готовила новые удары. Моя добрая сестра, кроткая Генріетта, бывшая за мужемъ за графомъ Штейнбокомъ, сдѣлалась жертвой смертоносной болѣзни, а мой отличный братъ Теодоръ, храбрый гусаръ, скоропостижно умеръ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. Къ такимъ потерямъ присоединилась необходимая разлука съ братьями. Георгъ и Эдуардъ спѣшили уѣхать къ своимъ полкамъ.

Des Lebens Wogen eilen
Und scheint's ein stiller See;
Du bist schon fern geschwommen
Und wähnst, dass Wandel steh.
Gestorben sind die Treuen
Aus alter Kinderzeit,
Und die geliebten Neuen
Stellen sich auf einmal weit!
(Фуке.)

Волны жизни спѣшатъ, намъ кажутся онѣ тихимъ озеромъ; ты далеко уже отплылъ и тебѣ кажется, что теченіе времени остановилось. Вѣрные друзья дѣтства умерли, а тѣ, которыхъ ты вновь полюбилъ, сдѣлались для тебя вдругъ такъ далеки!

Я искалъ разсѣянія въ дѣятельности сельскаго хозяина. Я предпринялъ осушку болотъ, искуственный отводъ воды, занялся лѣсоводствомъ, улучшеніемъ овцеводства, расширилъ винокурни, по возможности улучшилъ бытъ своихъ крестьянъ и нашелъ въ совокупности всѣхъ этихъ трудовъ утѣшеніе и нравственную поддержку; но разстройство моихъ нервовъ не прошло; скорѣе казалось, что оно увеличивалось внутреннимъ безпокойствомъ, съ которымъ я ожидалъ результатовъ или неудачи въ своихъ предпріятіяхъ. Доктора покачивали головой и Наталія часто сидѣла печальная при мнѣ полубольномъ, падавшемъ на кровать отъ изнеможенія. Доктора присовѣтовали ѣхать въ Италію. Они говорили, что спокойствіе и болѣе теплый климатъ и развлеченіе безъ усталости поправятъ мое здоровье. И такъ путешествіе было рѣшено скорѣе семейнымъ совѣтомъ, нежели мною самимъ. Я передалъ управленіе имѣніями и дѣлами честному и опытному человѣку и отправился въ путь съ Наталіей. На половинѣ дороги къ Дерпту, мы провели восемь дней въ прекрасномъ замкѣ

никовъ экспедиціи: Крузенштернъ и Лисянскій получили Владиміра 3-й степени и по 3000 руб. пенсіи по смерть, всѣ офицеры произведены въ слѣдующіе чины и получили: лейтенанты по 1000 р., а мичманы по 800 р. пожизненной пенсіи; нижніе чины были уволены въ отставку съ пожизненнымъ пансіономъ отъ 50 до 75 р. Описаніе путешествія Крузенштерна было напечатано на счетъ кабинета, вышло въ свѣтъ въ 1809 г. и вскорѣ было переведено почти на всѣ европейскіе языки.

Крузенштернъ впослѣдствіи, съ 1826 г. по 1842 г., былъ директоромъ морскаго корпуса и членомъ адмиралтействъ-совѣта.

графини Бобринской — Оберъ-Паленѣ. Моя добрая жена, свидѣвшаяся здѣсь со своими достойными родителями, казалось, начинала оправляться отъ своей глубокой печали. А между тѣмъ здѣсь именно обнаружился въ ней зародышъ болѣзни, уже глубоко пустившей корни и низведшей ее впослѣдствіи въ могилу У ней образовалось затвердѣніе въ груди и послѣдовали первые припадки болѣзни.

Въ близь лежащемъ Дерптѣ, куда мы вслѣдъ за тѣмъ отправились, я прибѣгнулъ къ совѣтамъ опытныхъ врачей. Они рѣшили, что болѣзнь сильно уже развилась, что никакое успокоительное средство недостаточно и помочь можетъ только одна операція. Моя бѣдная Наталія рѣшилась на это и перенесла мучительную операцію съ большою твердостью. Выздоровленіе ея шло медленно, но все таки она поправлялась; но такъ какъ между тѣмъ наступила зима, то мы рѣшились провести ее въ Вѣнѣ. Поэтому дальнѣйшее наше путешествіе мы продолжали на Ригу и Вильну, гдѣ я совѣтовался съ докторомъ Іосифомъ Франкомъ и получилъ отъ него письма къ его отцу, знаменитому вѣнскому врачу [6]). Продолжая путь, мы ѣхали на Брэстъ и Люблинъ. На пространствѣ между этими двумя городами, принадлежавшемъ въ то время еще австрійцамъ, произошелъ со мною слѣдующій забавный случай. Пріѣхавъ поздно ночью на какую то почтовую станцію, я вышелъ изъ кареты, чтобы потребовать лошадей. Въ то время какъ почтмейстеръ вышелъ изъ комнаты приказать запрягать лошадей, я присѣлъ къ столику, облокотился и задремалъ отъ усталости, не снявъ дорожной фуражки.

Вдругъ я замѣтилъ, что кто то снимаетъ съ меня фуражку и кладетъ ее на сторону Я вскакиваю въ гнѣвѣ и, выпрямясь во весь свой громадный ростъ, стою надъ преступникомъ — почтмейстеромъ, требуя отъ него сердито отчета въ его поступкѣ.

„Не примите во зло этого, полковникъ — отвѣчалъ онъ —

---

[6]) Въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтія большою извѣстностію въ медицинскомъ мірѣ пользовались Франки — отецъ и сынъ. Докторъ Іоганъ Петръ Франкъ (отецъ) родился въ Баденскѣ въ 1745 г. Онъ учился въ Гейдельбергѣ и Страсбургѣ и съ 1772 г. былъ врачемъ и совѣтникомъ шпейерскаго епископа въ Раштатѣ. Въ 1784 году онъ преподавалъ медицинскія науки въ Гетингенѣ, въ 1785 г. въ Павіи, а съ 1786 г. управлялъ госпиталями въ Ломбардіи. Въ 1795 г. онъ былъ приглашенъ въ Вѣну, для управленія здѣсь всѣми санитарными заведеніями. Въ 1804 г. онъ былъ приглашенъ въ Вильну для занятія каѳедры клиники въ виленскомъ университетѣ, но профессоромъ пробылъ не долго: въ 1808 г. онъ вышелъ въ отставку по болѣзни, съ чиномъ статскаго совѣтскаго и пенсіею въ 3000 р. Съ этого времени онъ проживалъ въ Вѣнѣ, въ Фрейбургѣ и умеръ въ 1821 г.

Сынъ его, докторъ Іосифъ Франкъ, родился въ 1771 г. въ Раштатѣ; прибылъ съ отцомъ въ Россію и съ 1804 по 1826 г. былъ профессорокъ патологіи въ Вильнѣ. По болѣзни глазъ, онъ въ 1826 г. вышелъ въ отставку, поселился въ Италіи и умеръ въ Комо въ 1842 г. Франки — отецъ и сынъ оставили послѣ себя многія, въ свое время весьма уважаемыя, медицинскія сочиненія.

вы сидите предъ портретомъ нашего всемилостивѣйшаго государя и должны бы были снять фуражку“ И въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ рядомъ съ собою серьезно-ласковыя черты императора Франца, сознадъ справедливость словъ почтмейстера и снова задремалъ подъ покровительствомъ кроткихъ взоровъ стараго повелителя имперіи, но уже съ непокрытою головою.

Въ моихъ путевыхъ запискахъ замѣчено Между Люблиномъ и Краковомъ полное бездорожье, припрягаютъ къ экипажу восемь лошадей и то едва можно проѣхать. Подъ Краковомъ мы счастливо одержали побѣду надъ разлившейся Вислой. На другомъ берегу нашимъ взорамъ представляется красивый видъ на карпатскіе горы, которые то отдаляются, то приближаются къ намъ. Въ Позорицѣ подъ Брюномъ я не сказалъ женѣ ни слова о томъ, что аустерлицкое поле битвы находится весьма близко отъ насъ, но самъ все посматривалъ на это роковое мѣсто; небо сѣрое и въ туманѣ. Въ Брюннѣ мы нашли удобную квартиру для ночлега; я съ удовольствіемъ опять пилъ красное венгерское вино, которое называютъ здѣсь Карловицкимъ. Стефанова башня и свѣтлое небо. Богъ въ помощь!

Проведя въ Вѣнѣ нѣсколько дней въ гостинницѣ, я нанялъ болѣе удобную квартиру напротивъ церкви св. Петра, въ домѣ, носившемъ названіе „Божьяго Глаза.“ Я имѣлъ счастіе на первыхъ же порахъ встрѣтиться съ моимъ двоюроднымъ братомъ, Готгардомъ Будбергомъ, который съ женою проживалъ въ Вѣнѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ; его жена въ особенности принесла много пользы моей больной женѣ.

При его посредствѣ я завелъ знакомство и передалъ привезенныя съ собою письма. У меня было письмо отъ моего тестя къ его старинному другу, графу Разумовскому [7]), принявшему меня самымъ

---

[7]) О родѣ Разумовскихъ и о братьяхъ Алексѣѣ Кириллѣ Григорьевичахъ Разумовскихъ, см. статью Васильчикова во 2-й книгѣ „XVIII вѣка“ стр. 377—630. Прямое потомство Разумовскихъ угасло въ третьемъ поколѣніи. Упоминаемый здѣсь Левенштерномъ графъ Разумовскій есть второй сынъ графа Кирилла Григорьевича — Андрей Кирилловичъ, родившійся 22 октября 1752 г. Графъ Андрей Кирилловичъ былъ нашимъ посланникомъ въ Вѣнѣ въ царствованіе императора Павла; онъ вступилъ въ бракъ съ графинею Констанціею Тюргеймъ, которая жила въ Вѣнѣ еще въ 1870 г. подъ бременемъ лѣтъ и тяжкой умственной болѣзни.

Графъ Андреосси, о которомъ Левенштернъ часто упоминаетъ въ этой главѣ, родился въ 1761 г., вступилъ въ службу въ 1781 г. и во время революціи быстро возвышался въ чинахъ. Онъ участвовалъ въ египетской экспедиціи Бонапарта, способствовалъ успѣху переворота 18 брюмера, былъ произведенъ въ дивизіонные генералы и послѣ аміенскаго мира былъ назначенъ посланникомъ въ Лондонъ. Въ 1809 г. графъ Андреосси (Антоній-Францискъ) былъ французскимъ посланникомъ въ Константинополѣ; въ 1815 г., по прибытіи Наполеона съ Эльбы, онъ принялъ его сторону, участвовалъ въ ватерлоскомъ сраженіи и умеръ въ Монтобанѣ 10 сентября 1828 г. Графъ Андреосси извѣстенъ въ ученомъ мірѣ своими изслѣдованіями объ Египтѣ (озеро Мензале) и Босфорѣ.

любезнымъ образомъ. Другія письма привели меня къ французскому посланнику, графу Андреосси, къ виртембергскому — графу Бероль-дингену, къ баварскому — графу Рехбергу и наконецъ къ Гогендорпу, голландскому посланнику Скоро я познакомился также съ графинею Куденховенъ. Она урожденная Левенштернъ, изъ лифляндской вѣтви нашего рода, и женщина съ самыми достойными качествами; въ тяжелые дни, которымъ скоро суждено было наступить, она ухаживала за моей женою съ самоотверженіемъ сестры. Графъ Баржмонъ, русскій камергеръ и всегдашній другъ всѣхъ прибывающихъ изъ Россіи, которые путешествуютъ не безъ надлежащихъ средствъ, помогъ намъ устроиться.

При этомъ онъ пользовался моей каретой и катался въ ней болѣе, нежели я самъ. Но мнѣ это было съ руки. Такъ какъ въ то время въ Вѣнѣ не было русскаго посланника [8]), то меня представлялъ императорскому двору графъ Андреосси. Праводушный, простой императоръ Францъ сказалъ мнѣ нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Затѣмъ я видѣлъ эрцъ-герцоговъ, герцога Альбертъ Саксенъ-Тешенскаго, князя Траутмансдорфа, графа Стадіона, графа Угарта и другихъ почетныхъ особъ, наконецъ остроумнаго князя де Линя, который, по его словамъ, благоволитъ ко всѣмъ лифляндцамъ за ихъ великаго земляка Лаудона, поэтому, говорилъ онъ, его домъ открытъ для меня и онъ проситъ меня считать его однимъ изъ многочисленныхъ завоеваній Лаудона.

Такимъ образомъ наша жизнь въ Вѣнѣ открылась при благопріятныхъ условіяхъ. Приглашенія слѣдовали за приглашеніями и кругъ нашего знакомства расширялся. Мы переходили отъ одного пріятнаго круга (какъ напримѣръ общество, собиравшееся у жены маршала, княгини Любомирской, у которой галлицкіе поляки составляли большую часть гостей) къ другимъ не менѣе пріятнымъ и остроумнымъ. Кромѣ собраній у дворянства, блистали богатые банкирскіе дома Арнштейна, Перейры, Эскелеса. Мы скоро пріобрѣли необходимую спутницу для сопровожденія насъ въ этотъ шумный свѣтъ, исполненный притомъ чуждыхъ намъ обычаевъ и правилъ. Госпожа фонъ Шпехтъ, знаменитая своей красотой и умомъ, полюбила мою жену и постоянно находилась съ нею вмѣстѣ. Другой ея подругой была ея соотечественница графиня Фюнфкирхенъ (впослѣдствіи гра-

[8]) По Тильзитскому миру, заключенному 25 іюня 1807 г., Наполеонъ и Александръ Павловичъ обязались воевать за одно на морѣ и на сушѣ во всѣхъ войнахъ, которыя Россія или Франція будутъ вести противъ какой либо европейской державы. Во время извѣстнаго свиданія императора Александра съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ (15 сентября 1808 г.), Россія обязалась выставить вспомогательное войско на помощь французамъ въ случаѣ войны Франціи съ Австріею. Разрывъ послѣдовалъ въ половинѣ марта 1809 г., вотъ почему въ Вѣнѣ зимою 1808—1809 г. не было русскаго посланника.

финя Эстергази) урожденная фонъ Шеппингкъ, которой нравилось давать колкое направленіе своему обширному уму, и изъ прекрасныхъ устъ которой лились самыя ѣдкія замѣчанія.

Когда мы одни дома отдыхали отъ суеты большаго свѣта, нашъ маленькій салонъ часто наполняли милые и остроумные гости. У насъ бывали дипломаты, изъ которыхъ графъ Андреосси и графъ Рехбергъ играли главную роль; бывали и военные, изъ которыхъ преимущественно извѣстны графъ Балье де ла Туръ и Тетенборнъ, посѣщали насъ также и путешествовавшіе земляки. Изъ послѣднихъ назову двухъ Бреверновъ. Одинъ изъ нихъ былъ моимъ близкимъ родственникомъ, другой товарищемъ и другомъ дѣтства.

Моей доброй Наталіи нравилась эта разнообразная жизнь, исполненная развлеченій; состояніе ея здоровья еще не внушало ей опасеній. Но слишкомъ скоро наступили дни сомнѣній, затѣмъ дни боязливаго ожиданія и снова слишкомъ скоро вслѣдъ затѣмъ подверглись мы жесточайшему безпокойству и сознали печальную дѣйствительность. Ощутивъ первыя опасенія, я поспѣшилъ къ знаменитому Франку

Въ ту минуту онъ нашелъ состояніе моей жены удовлетворительнымъ, не скрылъ однако отъ меня, что въ будущемъ грозитъ опасность. И въ самомъ дѣлѣ вскорѣ послѣ того здоровье Наталіи заставляло насъ сильно тревожиться, такъ что были приглашены на совѣщаніе многіе врачи. Франкъ пригласилъ знаменитѣйшихъ вѣнскихъ докторовъ. Капеллини, Мальфатти, Ренвельцгофера, Сальватори. Они говорили о необходимости вторичной операціи. Мой ужасъ граничилъ съ отчаяніемъ. Страхъ и потрясенія, которые я съ трудомъ перенесъ на родинѣ, должны были повториться надо мною на чужбинѣ и въ усиленной мѣрѣ! Но кроткая, тихая и притомъ твердая Наталія съ покорностью выслушала изъ устъ Франка ужасный приговоръ, котораго я не въ силахъ былъ ей передать, и бросивъ на меня нѣжный взглядъ, отвѣчала, что она готова, если только отъ этого зависитъ ея спасеніе.

Пришли день и страшный часъ, когда операція была сдѣлана. Старанія врачей и быстрое выздоровленіе скоро возвратили моей доброй Наталіи прежнюю, ангельскую веселость и она ободрилась. Какъ только ея состояніе представило возможность переѣзда, я перевелъ ее въ прекрасное, веселое деревенское помѣщеніе въ Гитцингѣ. Живя въ прелестной мѣстности и находясь постоянно вблизи моей бѣдной больной, смотря то на живописныя горы, то гуляя подъ тѣнью исполинскихъ шенбургскихъ деревъ, я снова сталъ питать веселыя надежды, которымъ не суждено было осуществиться. Давно уже извнѣ доносились до насъ грозные военные слухи, и приближалось ихъ осуществленіе; у меня дома появились новыя опасенія и возникало все болѣе и болѣе ужасающая увѣренность, что эти опасенія имѣютъ

основаніе. Такъ какъ война 1809 г., французское нашествіе и взятіе штурмомъ Вѣны совпадали съ усиливавшеюся болѣзнью моей жены, ея страданіями и горестной жизнью, то я привожу здѣсь нѣкоторые отрывки изъ своего дневника, который я тогда велъ.

Я въ то время пережилъ дни, въ которыхъ для меня заключались глубочайшее горе, а на второмъ планѣ самыя замѣчательныя, тѣснившія меня событія извнѣ; поэтому мой дневникъ доставитъ наиболѣе удовлетворительное описаніе какъ моей внутренней печали, такъ и отрывочныхъ происшествій изъ всемірной исторіи, которыя меня постигли и чуть не погубили[9]).

ИЗЪ МОЕГО ДНЕВНИКА.

6-го мая. Сегодня я получилъ отъ Анштетта извѣщеніе, что я, какъ и всѣ русскіе подданные, долженъ оставить Вѣну Но должны же быть допущены исключенія. Какимъ образомъ повезу я мою больную жену, какъ могу подвергнуть ее опасностямъ путешествія? Цыцеревъ и Вердеревскій (русскіе генералы), обѣдавшіе у меня сегодня,

---

[9]) Благодаря рекомендательнымъ письмамъ, Левенштернъ зимою 1808 г. явился въ высшемъ кругу Вѣны, въ которомъ едва-ли не первенствующую роль игралъ Разумовскій. Разумовскій давно уже не былъ русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, но онъ находился въ ближайшихъ отношеніяхъ съ графомъ Мюнстеромъ, со всею англійскою аристократіею, съ вдовствующею императрицею Маріею Ѳеодоровною и съ принцессами австрійскаго дома. Общество, собиравшееся въ его домѣ, было, повидимому, занято свѣтскими развлеченіями, но въ немъ составлялись планы для войны Австріи съ Наполеономъ. У Разумовскаго сходились всѣ знатные австрійцы, желавшіе войны, напр. Стадіонъ, Меттернихъ, уже въ это время игравшій видную роль въ тогдашнихъ политическихъ дѣлахъ Австріи. Тутъ то на этихъ собраніяхъ обсуждались и устраивались тайные союзы противъ французовъ, тутъ то высшее общество рѣшилось воспользоваться патріотизмомъ германцевъ для своихъ особенныхъ цѣлей.

Австрія въ тайнѣ готовилась къ войнѣ, старалась заручиться союзниками, расчитывая на то, что Наполеонъ, занятый войною въ Испаніи, будетъ не въ силахъ противостоять австрійцамъ. Австрійцы 27 марта 1809 г. издали манифестъ съ объявленіемъ войны французамъ. Манифестъ этотъ, говоритъ Шлоссеръ, былъ хорошо написанъ, заключалъ въ себѣ очень много правды, говорилъ о свободѣ, законѣ, національности, но лучшіе германцы не вѣрили манифесту, они тогда уже говорили, что габсбургскій и лотарингскій домъ никогда не вышлютъ войска на защиту такихъ идеальныхъ благъ, что все сказанное въ манифестѣ о свободѣ и законѣ есть чистѣйшій обманъ. Рѣчи берлинскихъ софистовъ, говоритъ дальше Шлоссеръ, самъ современникъ описываемыхъ имъ событій въ началѣ XIX столѣтія, обратившихся въ Вѣнѣ въ католичество, мы отвергли уже по одному тому, что знали, что изъ всѣхъ наукъ въ Вѣнѣ уважается только поварская наука.

Австрія сдѣлала дѣйствительно огромныя приготовленія, снарядила сильное войско и ввѣрило его начальству эрцъ-герцога Карла, человѣка не безъ военныхъ дарованій, и озаботилась возстановить народъ противъ Наполеона въ Италіи, Далмаціи, Швейцаріи и Германіи, но всѣ усилія ихъ оказались тщетными предъ энергіею и искусствомъ Наполеона. Въ апрѣлѣ 1809 г. австрійцы потерпѣли рядъ пораженій, а въ первыхъ числахъ мая Наполеонъ уже явился подъ Вѣною. Здѣсь и начинается разсказъ Левенштерна о видѣнномъ и слышанномъ имъ въ это время въ Вѣнѣ.

отправляются на дняхъ — одинъ въ Яссы, другой въ Теплицъ. Богъ знаетъ, какъ имъ удастся проѣхать. Я былъ у графини Куденховенъ, которая перемѣняетъ квартиру О своемъ мужѣ, который служитъ полковникомъ въ уланахъ Шварценберга, она не имѣетъ извѣстій онъ стоитъ противъ Вѣны на лѣвомъ берегу Дуная.

7-го мая. Принимаемыя мѣры показываютъ, что непріятель встрѣтитъ въ Вѣнѣ упорное сопротивленіе. Множество крестьянъ работаютъ на валахъ. На улицахъ адская давка, потому что двое городскихъ воротъ уже заперты. Надѣются на соединеніе эрцъ-герцога съ Гиллеромъ; въ такомъ случаѣ городу не грозитъ нападеніе. Добрая Куденховенъ обѣдала сегодня у насъ и пробыла весь день съ Наталіею. Послѣ обѣда я поѣхалъ къ графинѣ Фюнфкирхенъ и нашелъ всѣхъ дамъ въ бодромъ состояніи духа.

8-го мая. Сегодня я съ отвращеніемъ окунулся въ пучину народа, наводнявшаго улицы необходимость принудила меня къ этому Не смотря на бѣготню и распросы, я не нашелъ другой квартиры, кромѣ дома Дегена или такъ называемаго „Мюллерскаго зданія,“ на Дунаѣ. Пригоршнями денегъ, просьбами, гнѣвомъ и бѣшенствомъ удалось мнѣ наконецъ добыть носильщиковъ, чтобы внести бѣдную Наталію на лѣстницу, по которой ей запрещено подниматься. Едва успѣли мы занять новую квартиру, какъ увидѣли невозможность оставаться въ ней. Погреба подъ домомъ наполнили пороховыми бочками, подъ окнами поставили орудія, сосѣдній домъ разрушенъ, словомъ, передъ нашими глазами разыграли прелюдію войны и того, что насъ ожидаетъ. Во всю ночь моя жена не могла сомкнуть глазъ, я былъ внѣ себя. Вердеревскій и Цыцеревъ были съ нами, раздѣляя возможность взлетѣть на воздухъ.

9-го мая. Рано утромъ начался вчерашній дьявольскій шумъ снова, принявъ еще болѣе воинственный оттѣнокъ. Чрезъ городъ проходили отдѣльные отряды кавалеріи и пѣхоты, утомленные до нельзя; за ними слѣдовали батальоны милиціи; артиллерійскіе обозы и транспорты съ хлѣбомъ, овсомъ и сѣномъ дополняли ужасную толкотню. Къ этому на улицахъ множество погруженныхъ, дорожныхъ экипажей, едва можно пройти. Сегодня уѣхалъ Вердеревскій, я проводилъ его до цѣпи, пожелалъ ему счастливаго пути и себѣ возможности быть на его мѣстѣ.

Я ѣхалъ домой вдоль укрѣпленій и содрогался при видѣ опустошеній, какія сдѣланы въ Пратерѣ для образованія засѣкъ. Я встрѣтилъ Васильева (нашего посланника въ Лиссабонѣ), Нарышкиныхъ, Булгаковыхъ — всѣ они уѣзжаютъ. Цыцеревъ провелъ вечеръ у насъ. Въ этотъ вечеръ и во всю ночь на валахъ работали съ факелами, готовясь къ оборонѣ. Прекрасный Францевъ мостъ сожженъ.

10-го мая. Шумъ и трескъ цѣлую ночь. Наталія не смыкала глазъ. Я былъ внѣ себя, видя ее въ такомъ состояніи. Кру-

гомъ въ ближайшемъ нашемъ сосѣдствѣ адскій шумъ; работы на валахъ продолжаютъ съ факелами; вбиваютъ палисады; на небѣ огненное зарево, куда не взглянешь. Въ два часа утра неожиданно заиграла музыка, войска проходила до 7-ми часовъ. Густой дымъ, поднимавшійся съ лѣвой стороны, возвѣщалъ, что горитъ Дунайскій мостъ. Вдругъ послышались выстрѣлы я подумалъ, что французы уже близко.

Говорили, будто они прорвались черезъ цѣпь у Шенбрунна. Разсказывали также, что ротмистръ графъ Нессельроде былъ посланъ съ нѣсколькими гусарами и что онъ изрубилъ саблями адъютанта Андреосси, Лагранжа, извѣстнаго въ Вѣнѣ, и взялъ нѣсколько плѣнныхъ. (Эти свѣдѣнія не подтверждаются иными источниками, но не выпущены здѣсь потому, что такіе слухи и разсказы, ходившіе въ ту минуту въ обществѣ, даютъ понятіе о тогдашней Вѣнѣ). Говорили, что французы овладѣли между тѣмъ Маріинскимъ форштатомъ и укрѣпились въ немъ. Одна кофейная, весьма посѣщаемая по своему красивому мѣсторасположенію, разрушена выстрѣлами съ валовъ, потому что въ ней засѣлъ непріятель. Въ 10 часовъ прибылъ въ городъ парламентеръ съ завязанными глазами, предлагая сдачу города, но выстрѣлы изъ орудій были отвѣтомъ на его предложеніе.

Изъ приведенныхъ плѣнныхъ трое подверглись сильной ярости народа; остальные бѣжали изо всѣхъ силъ черезъ городъ, въ сопровожденіи гусаръ, пока не достигли надежной защиты и безопасности. На всѣхъ площадяхъ и главныхъ улицахъ поставлены военные караулы, горожане вооружились, и на улицѣ не увидишь никого, кто бы не захватилъ себѣ изъ цейхгауза ружья.

Мнѣ казалось невозможнымъ оставаться долѣе на прежней квартирѣ и я употребилъ всѣ зависѣвшія отъ меня средства, чтобы отъискать другую. При помощи золота, мнѣ наконецъ удалось найти помѣщеніе въ домѣ Вецлара на мучномъ рынкѣ; мы переѣзжали въ попыхахъ. Мою жену везли въ экипажѣ, я провожалъ ее и былъ свидѣтелемъ печальнаго зрѣлища. Я видѣлъ, какъ уничтожалась собственность многихъ сотенъ народа: всѣ суда, которыхъ на Дунаѣ находилось значительное количество, затоплялись, сожигались, уничтожались.

Равнодушный туристъ возлѣ меня съострилъ при этомъ „Ой, эти бѣдняки, корабельщики, теряютъ свою монархію въ маломъ видѣ.“ Въ три часа открылась снова канонада и продолжалась до семи.

Госпожа Шпехтъ со своею дочерью пришла къ намъ при этомъ адскомъ грохотѣ и сидѣла у моей жены. Цыцеревъ выѣхалъ въ 5 часовъ, теперь я здѣсь остался совершенно одинъ. Горожане, стоящіе подъ ружьемъ подъ моими окнами, для храбрости угощаютъ себя гумпольдскирхнеромъ и хорошими закусками, они пируютъ, будто въ воскресенье или въ синій понедѣльникъ.

Дороговизна — уже страшно возрасла, цѣны на жизненные припасы возвысились уже въ четыре и пять разъ, да и достать ихъ очень трудно. Быковъ бьютъ на улицахъ и покупатели такъ и рвутъ еще трепещущее мясо. Мой Янусъ, или длинный Гансъ, долженъ былъ заплатить червонецъ за двѣ маленькія, французскія булочки. Богъ вѣсть, чѣмъ это кончится. Горожане, не умѣющіе обращаться съ ружьями, по неосторожности и неуклюжести, застрѣлили одного изъ своихъ товарищей. Сегодня на улицѣ пуля ударилась о землю передъ моими ногами и потомъ, отскочивъ со звономъ, звякнулась въ стекло одного изъ близкихъ оконъ.

Вечеромъ я провожалъ домой Марію Шпехтъ и съ трудомъ пробрался. Полагаютъ, что въ предстоящую ночь начнется бомбардировка города. Господи, помилуй насъ!

11-го мая. Моя бѣдная жена дурно спала ночью, но только отъ внутренняго безпокойства, а не отъ выстрѣловъ. Сегодня утромъ началась канонада, и Нессельроде опять сдѣлалъ вылазку, которая осталась, однако, безъ всякихъ послѣдствій. Я наскоро одѣлся, побѣжалъ на валъ и нашелъ между зажиточными горожанами своего портнаго, который пропустилъ меня на верхъ. У меня было достаточно времени, чтобы осмотрѣться и оглядѣть мѣстность. У императорскихъ конюшень я увидѣлъ отрядъ французовъ; также и у Ауэрсбергскаго дворца; скоро появился небольшой кавалерійскій отрядъ. Вслѣдъ за этимъ открыли пальбу, въ городѣ всѣ схватились за оружіе: французы отступили и пальба съ валовъ прекратилась. Чрезъ четверть часа появился снова большій отрядъ французовъ и подошелъ на ружейный выстрѣлъ. Тутъ началась ружейная пальба, между нею послышалось нѣсколько выстрѣловъ картечью и французы снова отступили. Я поспѣшилъ домой, чтобы успокоить жену на счетъ этого шума, и забѣжалъ также къ г-жѣ Шпехтъ; она дрожала всѣмъ тѣломъ. Моя бѣдная жена очень боится и я могу оставить ее одну только на очень короткое время. На улицѣ болѣе не видно экипажей и вообще царствуетъ невѣроятная пустота. Только на валахъ и на большихъ площадяхъ видишь людей; они всѣ вооружены и подѣлены на роты. Пированье и ликованье прекратились. Эрцъ-герцога Карла ожидаютъ съ нетерпѣніемъ; князь Алоизій Лихтенштейнъ, привезенный раненымъ въ Вѣну, полагаетъ, что эрцъ-герцогъ можетъ прибыть сюда не позднѣе, какъ послѣ завтра, значитъ городъ долженъ держаться до послѣ завтра, но ему это дорого обойдется. Кинмайеръ пришелъ сегодня съ своей дивизіей и въ эту минуту все спокойно, только изрѣдка слышатся выстрѣлы. Трогательно видѣть, какъ жены горожанъ усердно угощаютъ бѣдныхъ изнуренныхъ солдатъ кушаньемъ и напитками. Онѣ имъ даютъ цѣлыя бочки съ виномъ. Войска чрезвычайно измучены и оборваны; лошади совсѣмъ отощали и не въ состояніи продолжать кампаніи, если имъ не дадутъ времени от-

дохнуть. Погода благопріятствуетъ обѣимъ воюющимъ сторонамъ, потому что безпримѣрно прекрасна.

По полудни въ 5 часовъ. Въ половинѣ третьяго началась сильная канонада у Кернтнеровскихъ воротъ, но продолжалась только полчаса. По улицамъ только что проскакалъ адъютантъ. „Гиллеръ со своимъ корпусомъ прибылъ“, — объявлялъ. Громкій „виватъ“ послѣдовалъ за его словами. Жители воодушевлены бодрымъ духомъ; они снова пируютъ, ликуютъ, кричатъ. Я вышелъ на улицу и видѣлъ какъ вступилъ авангардъ Гиллера, состоявшій изъ 6 гренадерскихъ батальоновъ. Прекрасный народъ, по большей части венгерцы. Они расположились на крѣпостномъ плацу Къ сожалѣнію батальоны сильно сократились: весь корпусъ Гиллера съ 60-ти тысячъ уменьшился до 20,000 человѣкъ.

Позднѣйшая приписка. Теперь 6 часовъ и все тихо, быть можетъ ночь пройдетъ тихо. Дай-то Богъ. Моя бѣдная Наталія нуждается въ спокойствіи впродолженіе цѣлаго дня она сильно вздрагивала при каждомъ пушечномъ выстрѣлѣ и не могла нисколько отдохнуть. Въ особенности сильно испугалась она, когда подъ нашими окнами вдругъ произошелъ ужаснѣйшій шумъ. Поймали какого-то человѣка, котораго сочли шпіономъ, и разъяренная толпа хотѣла его разорвать на части или повѣсить. Съ большимъ трудомъ удалось отнять его отъ безумцевъ; никогда не случалось мнѣ видѣть болѣе блѣднаго лица, нежели у этого бѣдняги, во всѣхъ чертахъ его выражался предсмертный ужасъ. Когда смерклось и наступила теплая ночь, я полной грудью вдыхалъ въ себя цѣлебный, весенній воздухъ, смотрѣлъ на ясное, звѣздное небо, и думалъ о милосердомъ Богѣ, пославшемъ мнѣ такія неожиданныя испытанія. Вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой; я повернулся въ ту сторону, откуда были выстрѣлы и трахъ! Подъ моими окнами лопнула бомба, за нею летѣли еще съ полдюжины бомбъ въ воздухѣ, какъ ракеты. Моя жена уже лежала въ постели и съ боязнью спрашивала, что значитъ этотъ трескъ и шумъ. Страшась за нее, отвѣчалъ, что это ружейные выстрѣлы, но въ этотъ самый моментъ чрезъ окно она увидѣла, какъ летѣли пылающія ядра. Не смотря на свою слабость, она вскочила съ постели, наскоро одѣлась и хотѣла выходить изъ дома. Но этого я никакъ не могъ позволить, отыскалъ для нее удобный уголокъ въ сѣняхъ, гдѣ она находилась подъ сводомъ и тройнымъ потолкомъ, который, увѣрялъ я ее, не можетъ пробить бомба. Наше лучшее имущество я приказалъ связать въ узлы и роздалъ прислугѣ, чтобы, въ случаѣ пожара, котораго я единственно боялся, спасаться, теряя по возможности меньше. Сдѣлавъ подобныя распоряженія, я бодро ожидалъ конца этой страшной ночи.

Пальба не уменьшалась ни на одну минуту, бомбы, падавшія на сосѣднія крыши и разбитые, падавшіе кирпичи, черепица, камни

и осколки производили невыносимую для нервовъ стукотню и трескъ. Солдаты, еще за минуту шумѣвшіе и весело суетившіеся напротивъ насъ, на большомъ плацу, исчезли они или искали защиты подъ выступами и нишами домовъ, или же прижимались къ стѣнамъ. Бывали минуты, въ которыя воцарялась мертвая тишина и контрастъ этотъ дѣлалъ еще чувствительнѣе наступавшій затѣмъ грохотъ. Вдругъ поднялся густой дымъ въ воздухѣ — четвертый домъ отъ насъ стоялъ объятый яркимъ пламенемъ. Тушить пожаръ никто и не думалъ, потому что бомбы и гранаты не допускали подступиться къ горѣвшему дому.

Это было ужасное зрѣлище, увеличившееся загорѣвшимся отъ выстрѣловъ большимъ дворомъ Тратнера, находившимся надъ рвомъ. Теперь опасность для насъ возрастала ежеминутно, потому что очевидно непріятель избралъ главною цѣлью для своихъ выстрѣловъ башню св. Стефана, а такъ какъ бомбы не долетали такъ далеко, то онѣ постоянно ложились по близости нашего дома. Скоро пожаръ появился налѣво отъ насъ, вслѣдъ затѣмъ загорѣлся домъ и сзади, и мы очутились среди огненнаго круга. Наталія до этого была спокойна и считала себя въ безопасности. Но когда она увидѣла пламя, ею овладѣлъ прежній страхъ она боялась сгорѣть живою и требовала, чтобы ее вынесли изъ дому Съ большимъ трудомъ, просьбами и мольбою удалось мнѣ успокоить ее и увѣрить, что я напередъ разсчитаю всякую опасность и навѣрное удалю ее во время изъ этого дома; но что значитъ подвергнуть ее явной смерти, выведя безъ крайней необходимости на улицу, гдѣ безпрестанно лопаются бомбы и гранаты. Только что успѣлъ я ее уговорить, какъ и въ нашемъ домѣ послышались крики огонь, огонь! Тутъ я самъ чуть не лишился разсудка мнѣ приходилось вести изъ горящаго дома тяжело больную жену, которая едва была въ состояніи сдѣлать двадцать шаговъ, и притомъ вести по улицамъ безъ опредѣленной цѣли подъ градомъ пуль, чтобы найти убѣжище, о которомъ нечего было и помышлять — это былъ ужаснѣйшій моментъ въ моей жизни. Тѣмъ не менѣе должно было исполнить то, чего нельзя было избѣжать. Я распорядился удаленіемъ нашихъ людей изъ дому, а самъ взялся вывести или вѣрнѣе вынести свою жену; мы вышли за двери, и вижу, что у Януса нѣтъ шкатулки, которую я поручилъ ему блюсти какъ зеницу ока. Въ суматохѣ и страхѣ онъ поставилъ ее въ сѣняхъ всѣ мои деньги и брилліанты моей жены погибли. Однако въ суетѣ никто не замѣтилъ этого сокровища и я неожиданно нашелъ свою собственность. Пламя еще не распространилось, балки надъ нами еще не трещали, а шкатулка была вещью необходимой и искать ее надобно было непремѣнно. Я снова воротился въ суматоху и крики въ домѣ. Эту минуту можно было сравнить съ каплею холодной воды, когда она падаетъ въ кипятокъ. Суматоха въ домѣ вдругъ утихла, крикъ о пожарѣ оказался

напрасной тревогой и слѣдствіемъ слишкомъ большаго страха. Между тѣмъ въ уголокъ, безопасный отъ выстрѣловъ, куда я помѣстилъ жену, набралось много другихъ особъ, также ищущихъ защиты, и мнѣ пришлось очищать его по военному Туда внесли chaise longue и между двумя подушками, приложенными къ ушамъ, моя бѣдная жена наконецъ задремала. Было около полуночи и выстрѣлы слышались рѣже, говорили, что гарнизонъ сдѣлалъ сильную вылазку и оттѣснилъ осаждающихъ. Но скоро адскій шумъ въ воздухѣ поднялся съ удвоенной силой; я сидѣлъ въ спокойной покорности своей судьбѣ и наблюдалъ за своимъ спящимъ ангеломъ, который покоился отъ слабости и усталости. До трехъ часовъ безпрерывно бушевала военная буря, потомъ выстрѣлы начали прекращаться и постепенно убійственное зрѣлище прекратилось. Въ 5 часовъ я снова перевелъ жену въ ея комнату, уложилъ ее въ постель и самъ уснулъ возлѣ нея на креслѣ.

12-го мая. Пробужденіе послѣ такъ ужасно проведенной ночи было весьма печальное. Снаружи все пусто, внутри все перевернуто вверхъ дномъ. Къ счастію прекрасно устроенные пожарные команды при первой же возможности потушили огонь и хотя еще не вовсе прекратили пожаръ, но по крайней мѣрѣ не дали ему распространяться. Мало по малу на улицу осмѣлились показаться нѣсколько зѣвакъ; я видѣлъ какъ они поднимали и уносили осколки бомбъ, вѣроятно на память. Говорятъ, что городъ не сдастся, и намъ по этому вскорѣ предстоитъ повтореніе только что пережитыхъ сценъ. Я только что возвратился съ прогулки по улицамъ. Провидѣніе милостиво защитило насъ, кругомъ насъ все опустошено, остались невредимыми только нѣсколько немногихъ домовъ, въ ихъ числѣ и нашъ. Остальная часть города не пострадала. Но въ нашей мѣстности перебиты въ окнахъ всѣ стекла. Бомбы прежде всего зажгли отель „императрицы австрійской“, потомъ загорѣлся Тратнеръ-гофъ. Хотя пламени уже и не видно, но дымъ еще поднимается съ обоихъ пожарищъ. По близости отъ насъ опустошеніе достигаетъ наибольшихъ размѣровъ. Боже насъ сохрани отъ повторенія бомбардировки. Толкуютъ про капитуляцію; но я этому не вѣрю. Безъ эрцгерцога Карла нельзя ничего заключать, а онъ прибудетъ только завтра. Съ одиннадцати часовъ слышна сильная канонада за линіями; Гиллеръ поспѣшно уходитъ со своимъ корпусомъ; полагаютъ, что эрцгерцогъ Карлъ сражается съ французами; но вѣрнаго ничего неизвѣстно. Въ настоящую минуту въ городѣ находится только ополченіе: войска и вооруженные горожане выступили. Пожаръ еще не вездѣ потухъ, вотъ только что пламя взвилось высоко надо рвомъ. Между тѣмъ у насъ сварили обѣдъ и мы только что хотѣли садиться къ столу, какъ снова началось бомбардированіе и мы не могли проглотить ни куска. Но шумъ продолжался только полчаса, затѣмъ утихъ и голодъ снова привлекъ насъ къ столу Человѣкъ ко всему привыкаетъ, даже къ

бомбамъ, летающимъ надъ его головою. Въ эту минуту жена моя спитъ спокойно, не смотря на канонаду на форштатѣ. Надобно и мнѣ подумать объ отдыхѣ, Богъ знаетъ, не встрѣтится ли ночью надобность въ свѣжихъ силахъ.

Вечеромъ, въ 7 часовъ. Капитуляція заключена, только навѣрное не знаютъ кѣмъ. Ночной фейерверкъ, говорятъ, устроилъ Андреосси. Наполеонъ холодно принялъ городскихъ депутатовъ и когда они не тотчасъ же согласились на его требованія, онъ грозилъ немедленно превратить городъ въ груду камней. И въ самомъ дѣлѣ онъ около Пратера силой перешелъ черезъ рукавъ Дуная и приблизился къ городу съ этой стороны. Эрцгерцогъ Максимиліанъ еще ночью съ 40,000 человѣкъ ушелъ изъ города и предоставилъ его на произволъ судьбы; значитъ оставалось только сдаться на капитуляцію и это было исполнено.

Завтра, въ 9 часовъ утра, французы займутъ городскія ворота. Наполеонъ находится въ Шенбруннѣ и настоялъ на томъ, чтобы архіепископъ и графъ Цинцендорфъ были въ числѣ депутатовъ; графъ Дитрихштейнъ бѣжалъ въ депутаціи какъ маленькая лошадка. Я вышелъ на улицу, чтобы видѣть настроеніе народа и нашелъ отчаяніе на всѣхъ лицахъ. Народъ охотно бы еще долѣе защищался; этимъ добродушнымъ, но твердымъ и способнымъ людямъ недостаетъ настоящаго предводителя. Проходя по городской площади, я встрѣтилъ французскаго парламентера, котораго вели два австрійскіе офицера. Неизвѣстно какія они принесли извѣстія, но вѣроятно эту ночь мы проведемъ спокойно — каждый хорошій патріотъ чувствуетъ какою дорогою цѣною куплено это спокойствіе. Еще вчера французы перешли черезъ Дунай, а здѣсь объ этомъ никто ничего не зналъ; на башнѣ св. Стефана не было сторожеваго! Они были въ Пратерѣ — а этого еще никто не подозрѣвалъ. Народъ въ настоящую минуту разоружаютъ. Оставшіеся здѣсь ополченцы ради Бога просятъ дать имъ платье горожанъ, чтобы они не попали въ постыдный плѣнъ. Негодуютъ на то, что эрцъ-герцогъ Максиміліанъ оставилъ городъ ночью, въ минуту опасности; вѣроятно у него на это были свои причины. Объ эрцъ-герцогѣ Карлѣ ничего не слышно, но простолюдины продолжаютъ говорить объ немъ съ энтузіазмомъ и выражаютъ такое мнѣніе, что „всего этого несчастія никогда бы не случилось, еслибы онъ находился здѣсь.“

Случаю угодно было, чтобы былъ поврежденъ домъ, въ которомъ еще такъ недавно жилъ въ качествѣ поланника Андреосси — онъ же теперь руководилъ осадою и бомбардированіемъ Вѣны, въ этотъ домъ попало три бомбы. Говорятъ, будто Наполеонъ сказалъ депутатамъ. „d'où avez-vous pris la ridicule présomption de croire que Vienne soit tenable, quand les faubourgs une fois sont occupés?“

(Откуда взялось у васъ смѣшное предположеніе, что Вѣна можетъ держаться, когда предмѣстья ея уже были заняты мною?)

13-го мая. Ночь прошла совершенно спокойно; вдали только слышались по временамъ выстрѣлы. Теперь на улицахъ еще пусто, но одинъ фіакръ появился на своемъ обычномъ мѣстѣ. Въ 9 часовъ отворятъ ворота для французовъ. Все оружіе сносятъ въ цейхгаузъ; кавалеристы продаютъ своихъ лошадей первому ветрѣчному за безцѣнокъ, чтобы не отдавать ихъ непріятелю. Раздаютъ запасную амуницію; кто хочетъ беретъ рубашки, башмаки и пр. Бревна, которыми были завалены ворота убираютъ, и всякій забираетъ и уноситъ что ему угодно. Своеобразное и грустное зрѣлище представляетъ городъ, который готовятся сдать непріятелю! — Въ 9 часовъ я пошелъ въ замокъ, чтобы посмотрѣть на вступленіе французовъ. У отеля саксонскаго посольства я встрѣтилъ Сальмера, который водрузилъ здѣсь саксонское знамя; онъ присоединился ко мнѣ и мы вмѣстѣ съ нимъ зашли къ госпожѣ Шпехтъ, которая внѣ себя по причинѣ сдачи города. Я разрядилъ ружья, которыя у нея оставили квартировавшіе въ домѣ гренадеры и ушедшіе, чтобы не попасть въ руки французовъ. Отъ г-жи Шпехтъ мы пошли дальше въ городъ и скоро встрѣтили пятерыхъ французскихъ офицеровъ, вошедшихъ чрезъ отворенные ворота и очевидно совершавшихъ прогулку Они были хорошо одѣты и прилично держали себя.

Вслѣдъ затѣмъ вошелъ отрядъ артиллерійстовъ, желавшихъ осмотрѣть цейхгаузъ; затѣмъ рота гренадеровъ, чтобы занять караулы въ замкѣ и наконецъ цѣлая бригада корпуса Удино. Люди эти хорошо содержаны, они чисто одѣты и не видно въ нихъ утомленія. Андреосси назначенъ губернаторомъ города; этимъ всѣ довольны и надѣются, что онъ пощадитъ городъ по возможности. Отдѣльные отряды пѣхоты и кавалеріи вступили въ городъ черезъ всѣ ворота одновременно. На войскахъ этихъ видно было, что они уже часто упражнялись въ занятіи чужихъ городовъ. Я нашелъ въ одной кофейной двухъ гренадеръ, игравшихъ на бильярдѣ, въ то время, какъ еще не вступали войска. Солдатъ Рейнской конфедераціи нѣтъ въ городѣ, только офицеры расхаживаютъ; французы обращаются съ ними небрежно, почти надменно.

Вечеромъ я на минутку зашелъ къ г-жѣ Куденховенъ. Во время бомбардированія она со своимъ малюткой Павломъ сидѣли въ погребѣ. Я видѣлъ также г-жу Фюнфкирхенъ и графиню Фуксъ: онѣ еще не совсѣмъ ожили отъ страха. Пурталесъ, адъютантъ Бертье, еще утромъ былъ у нихъ съ визитомъ. Въ разговорѣ своемъ съ депутатами города, Наполеонъ, говорятъ, сказалъ.

„On vous en a imposé en disant, que j'aie demandé Triest et Fiume. Je ne fais la guerre qu' à l'Empereur et à l'Archiduc Charles, je ne veux rien du peuple. Il aurait mieux valu à l'Archiduc Charles

de persister dans ses sentimens de ne pas faire la geurre, car il a manoeuvré comme un écolier et a pis fait que Mack. Il est surprenant que vous voulez faire la guerre, quand il vous manque des généraux. A présent la Dynastie a cessé de regner, dussé — je faire la guerre cinquante ans. J'ai voulu être bien avec votre maître, puisque j'aurois été charmé de savoir une forte puissance entre moi et la Russie, mais il n'en a su profiter Il est bien surprenant que vous avez voulu vous défendre à Vienne et qu'au moment du danger l'Archiduc Maximilien vous ait quitté comme un cochon."

(Васъ обманули, сказавъ, что я требую Тріеста и Фіуме (Рѣки). Я воюю лишь съ императоромъ и эрцъ-герцогомъ Карломъ, отъ народа мнѣ ничего не нужно. Для эрцъ-герцога Карла было бы лучше, еслибъ онъ остался при своемъ намѣреніи не начинать войны, потому что онъ велъ войска какъ школьникъ и дѣйствовалъ хуже Мака. Удивительно, какъ это вы хотите вести войну, не имѣя полководцевъ. Теперь династія перестала царствовать, хоть бы мнѣ для этого пришлось воевать пятьдесятъ лѣтъ. Я желалъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ вашимъ государемъ, потому что мнѣ было бы очень пріятно, еслибы между мною и Россіею находилось сильное государство, но вашъ государь не умѣлъ воспользоваться случаемъ. Удивительно, какъ вы это хотѣли защищаться въ Вѣнѣ и какъ это въ минуту опасности, эрцъ-герцогъ Максимиліанъ васъ свински оставилъ").

Архіепископу онъ сказалъ „Pourquoi est-ce que Vous n'avez pas mieux élevé Votre Empereur. Voila comme Vous êtes vous autres. Levez-donc la tête et laissez-là l'attitude d'un hypocrite. Vous êtes aussi pour le pape, je le sais."

(„Отчего вы не воспитали лучше вашего императора? Вотъ каковы вы всѣ! Поднимите же голову и бросьте эту позу лицемѣра. Вы тоже на сторонѣ папы — я это знаю.") — Изъ этихъ примѣровъ видно, что Наполеонъ находился въ своемъ обыкновенномъ разговорчивомъ настроеніи, и не забывалъ своей исходной точки.

14-го мая. Ночь была спокойна; только вчера поздно вечеромъ слышалъ я жалобные крики женщины, на нее напали три француза. Въ 11 часовъ я поѣхалъ къ императорскимъ конюшнямъ посмотрѣть, насколько онѣ пострадали отъ пушечныхъ выстрѣловъ изъ города; поврежденія незначительны. Затѣмъ я отправился далѣе черезъ Маріягильфъ въ Шенбруннъ.

На высотахъ въ его окрестностяхъ я видѣлъ множество кавалеріи и пѣхоты, готовыхъ выступить въ походъ въ Венгрію. Въ Шенбруннѣ я остановился передъ желѣзными, рѣшетчатыми воротами и на обширномъ дворѣ увидѣлъ французскую гвардію, стоящую подъ ружьемъ. Ожидали Наполеона. Заявивъ, что я русскій офицеръ, я вскорѣ завязалъ разговоръ со стоявшими извнѣ военными. Многіе изъ нихъ участвовали въ русско прусскомъ походѣ и многое умѣли раз-

сказать. Я спросилъ у нихъ, каково сражались баварскія и другія нѣмецкія войска? Мнѣ отвѣчали „oh, le petit caporal les fait bien aller en avant; il sait son métier“ (О, маленькій капралъ умѣетъ заставить ихъ идти впередъ — онъ знаетъ свое ремесло.) Между тѣмъ раздался барабанный бой, заиграла военная музыка; Наполеонъ сошелъ съ большой лѣстницы и произвелъ обыкновенный смотръ. Онъ былъ одѣтъ въ гвардейскую форму; на немъ, какъ и на всѣхъ гвардейскихъ офицерахъ, были сапоги съ желтыми отворотами; онъ много жестикулировалъ руками. Въ немъ былъ видѣнъ настоящій итальянецъ. Когда войска прошли мимо его, онъ проворно взбѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ и исчезъ.

Такимъ образомъ мнѣ удалось видѣть маленькое, сѣрое чудовище, которое въ своемъ изумительномъ, демоническомъ превосходствѣ силы и въ нервномъ возбужденіи, никогда не прекращавшемся, заставилъ западъ сразиться съ востокомъ.

15-го мая. Я поѣхалъ въ Пратеръ. Какъ опустошено и обезображено теперь это прекрасное мѣсто! Тамъ, гдѣ прежде стояли веселые рестораны, лежатъ теперь лошадиные трупы, терзаемые воронами. Вмѣсто роскошныхъ экипажей съ прелестными женщинами, теперь тамъ разъѣзжаютъ живодерскія телѣги. Будетъ ли столица Австріи тѣмъ, чѣмъ была прежде? Сѣрое чудовище съ радостью говоритъ о герцогахъ лотарингскихъ, когда хочетъ назвать императора и эрцъ-герцоговъ.

Я отправился затѣмъ съ утренними визитами ко всѣмъ моимъ временнымъ вдовамъ (мужья ихъ находились всѣ въ войскахъ); послѣднею посѣтилъ я г-жу Куденховенъ, которая относится къ моей женѣ какъ истинная родственница и преданная землячка. У нея я засталъ графинь Гардеггъ, Шенборнъ и г-жу Гросшлагъ. Всѣ эти дамы чрезвычайно жаловались, и не безъ причины. Въ доброе, прошлое время онѣ принадлежали къ Стадіоновской [10]) партіи, и теперь имъ, конечно, приходится за это пострадать. Сегодня появился первый дневной приказъ изъ Шенбрунна, но онъ не произвелъ сенсаціи въ народѣ; люди потихоньку говорили другъ другу „да здравствуетъ нашъ Францъ!“

Тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ первый приказъ отъ губернатора Андреосси, чтобы жители, подъ страхомъ разстрѣлянія, снесли все оружіе въ цейхгаузъ, даже и оружейные предметы роскоши. Мѣра эта была необходима; я уже прежде опасался повторенія сицилійской

[10]) Стадіоны стояли во главѣ партіи, желавшей войны; была еще другая партія, партія мира, къ которой принадлежали: графъ Кобенцль, Манфредини, графъ Валлисъ, Тугутъ, князь де Линь, графъ Хотекъ и другіе. — Шнейдавиндъ: Австрійская война въ 1809 г., 1. стр. 14.

вечерни. Г-жа Шпехтъ, Марія и г-жа Куденховенъ посѣтили мою жену Вечеръ былъ прекрасенъ и я отвозя ихъ домой въ колескѣ, немного съ ними покатался. Когда я возвращался домой, улицы были переполнены французами, прогуливавшимися съ гризетками.

16-го мая. Наконецъ, въ общей суматохѣ, началась проявляться дѣятельность полиціи. Улицы вычищены, мясо на два крейцера подешевѣло, на рынкѣ есть зелень. Моя бѣдная жена желаетъ выѣхать изъ города въ деревню. Хотя я слышалъ о занятіи войсками и опустошеніи моей дачи въ Гицингѣ, тѣмъ не менѣе я выѣхалъ рано утромъ, чтобы собственными глазами убѣдиться и разсудить, что возможно предпринять. Я нашелъ выломанныя двери, разбитыя окна и зеркала, въ спальнѣ моей жены винную бочку, въ саду лошадей и на дворѣ пылающій костеръ, поддерживаемый разбитой мебелью и срубленными фруктовыми деревьями изъ сада.

(Окончаніе въ слѣдующемъ томѣ.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

От издателя I—VIII

I.

Матеріалы и статьи по древней исторіи Прибалтійскаго края.

I. **Реформація въ Ливоніи.** Статья доктора Вильгельма Брахмана.

Глава I. Начало реформаціи въ Ригѣ. Городъ, орденъ и архіепископъ 15—38

Глава II. Начало реформаціи въ Ревелѣ и Дерптѣ. Послѣднее время жизни архіепископа Бланкенфельда. Ломиллеръ и предложенія въ Любекѣ. События въ Ливоніи до перемирія въ Даленѣ 39—72

Глава III. Споры въ Ливоніи по поводу выбора маркграфа Вильгельма Бранденбургскаго архіепископскимъ коадъюторомъ. Корыстные его планы. Споръ о присягѣ между архіепископомъ и городомъ Ригою. Упроченіе евангелическаго ученія въ Ливоніи 73—105

Приложеніе. Держи, что имѣешь 106—121

II. **Ливонская хроника Бальтазара Рюссова.**

Отъ переводчика 125—128

Хроники часть 3-я, отъ сдачи Ревеля шведамъ въ 1561 г. до большаго похода Іоанна Грознаго въ Ливонію въ 1577 г. 129—284

Хроники часть 4-я, отъ неудачъ Іоанна Грознаго до окончательнаго вытѣсненія русскихъ изъ Ливоніи въ 1783 г. 285—352

III. **Ливонская лѣтопись Франца Ніенштедта.**

Предисловіе Тилемана 355—358

Лѣтопись до 1557 г. 359—400

IV. **Документы къ исторіи присоединенія Ливоніи къ Польшѣ.**

Вступленіе 401—409

Условія подчиненія Польшѣ 410—418

Привиллегіи дворянству 419—428

Декларація и присяги. 429—432

II.

Матеріалы и статьи по исторіи Прибалтійскаго края въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

I. **Рескрипты и указы** императора Петра I-го къ лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ за 1717—1724 годы 435—464

II. **Къ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ.**
Дерптское событіе 8-го января 1472 г. 465—473
Записки священника Полякова объ эйхенангернскомъ приходѣ
Отъ издателя 474—514
Записки 515—564

III. **Воспоминанія барона Владиміра Ивановича Левенштерна.**
Отъ издателя 565—566
Глава I, съ 1777 по 1796 г. 567—580
Глава II, съ 1796 по 1804 г. 581—600
Глава III, съ 1804 по 1809 г. 600—638